

АЛЕКСЕЕВ А.Н.

**ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
ПОСЛЕ МИЛЛЕНИУМА**

Том 3

Санкт-Петербург

2017

АЛЕКСЕЕВ А.Н.
ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. ПОСЛЕ МИЛЛЕНИУМА
АВТОРСКАЯ АННОТАЦИЯ К ТТ. 1-7

Автор «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» затеял проект, предполагающий продолжение тем и сюжетов названного 4-томника 2003-2005 гг.

Собственно, опыты развития идей «Драматической социологии...» и их дальнейшего применения уже предпринимались в нашем с Р. Ленчовским 4-томнике «Профессия – социолог...» (2010). В 2012 г. был реализован замысел электронного издания «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...» (тома 1, 2/1, 2/2).

И вот теперь - опять же электронное - собрание трудов последних лет: «Драматическая социология. После Миллениума». На сегодня «сверстаны» четыре тома. Всего их будет, пожалуй, семь.

Название отвечает датировке авторских работ, как, впрочем, и их содержанию: все они написаны и / или посвящены событиям после 2000 г. Почти все они публиковались ранее в бумажных периодических изданиях и / или на электронных ресурсах. Среди последних автор этих строк наиболее часто пользовался информационно-аналитическим порталом «Когита!ру». где у автора есть свой блог (колонка). Вот только в блоге приходилось публиковать крупные работы по частям (своего рода сериалы). Здесь же отдельные части собраны вместе.

Автор, как правило, не редактировал ранее опубликованные тексты, сохраняя их первоначальную датировку и ссылки на первоисточник.

В известном смысле, «Драматическая социология. После Миллениума» являет собой продолжающуюся хронику, точнее – Дневник социолога, охватывающий почти два десятилетия.

Логика композиции семи томов в целом и внутри каждого тома в отдельности не является хронологической, но тематической. Автор был озабочен созданием удобств для читателя, а не следованием какому-либо формальному принципу. Поэтому даже внутри тематизированных частей, например, более поздний по датировке материал может предшествовать более раннему и т. п.

Теперь о содержании томов.

Первый том включает автопрезентацию книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...». Эта статья была впервые опубликована в «Украинском социологическом журнале». Кроме того, в первый том вошли три судебных очерка - документальных повести, или, точнее сказать, повести в документах. Их правомерно рассматривать как своего рода отчеты о предпринятых автором социологических кейсах. В этих отчетах сочетаются мониторинг конкретной социодрамы и социологический анализ.

Второй том можно назвать историко-биографическим. В него вошло собрание авторских интервью (в основном биографических) разных лет. Кроме того этот том включает материалы разысканий (включая гос. архивы) в области семейной истории, предпринятые дочерью автора О.А. Новиковской. Здесь же представлены и откомментированы некоторые личные документы, относящиеся к «детству, отрочеству и юности» автора.

Третий том являет собой своего рода авторскую ретроспективу «эксперимента социолога-рабочего» 1980-х гг., для чего понадобилось и объемное цитирование текстов из 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», с позднейшими комментариями, полемикой, включением

разнообразных релевантных материалов. Возникшая композиция называется «Драматическая социология и наблюдающее участие». К ней примыкает воспроизводимая из упомянутого 4-томника глава 22 («Эпистемологическая дискуссия»).

Четвертый том презентует публикации цикла «Выбранные места из переписки с друзьями», составленного из ряда материалов, опубликованных на Когита.ру в период 2015-2017 гг. Жанр, между прочим, излюбленный автором в силу его диалогичности и свободы самовыражения. К названному циклу примыкают разделы; «Диалоги» и «Со-трудничество».

Пятый том. На протяжении 2013-2017 гг. автор регулярно воспроизводил и комментировал на Когита.ру пресс-релизы и иные материалы ведущих полстерских фирм страны (в первую очередь – Левада-центра). Эта хроника всероссийских опросов общественного мнения в итоге приобретала тематическую упорядоченность и группировалась в ряд циклов, посвященных наиболее острым проблемам российской опросной социологии. Теперь эти циклы - в сводном виде - предлагаются читательскому вниманию.

Шестой том предусматривает воспроизведение размещенной на сайте «Международная биографическая инициатива» еще в середине 2000-х гг. нашей с Б. Докторовым совместной работы «В поисках Адресата».

Наконец, седьмой том – «Учителя, друзья, коллеги» - включает тексты, специально посвященные творчеству некоторых коллег, поздравления с юбилеем, а также тексты памяти. Данный том обозначен как последний, поскольку он, естественным образом, может наращиваться или дополняться. С учетом того обстоятельства, что тексты, предназначенные к включению в это семикнижие, уже существуют, автор надеется закончить комплектование «Драматической социологии. После Миллениума» к началу 2018 года.

А. Алексеев. 20.05 – 22.07.2017

Ориентировочное содержание томов 1 - 7

ТОМ 1

Часть 1

1.1. О КНИГЕ А. АЛЕКСЕЕВА И Р. ЛЕНЧОВСКОГО «ПРОФЕССИЯ - СОЦИОЛОГ». АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ (ИЗ «УКРАИНСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»)

1.2. ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ А. АЛЕКСЕЕВА И Р. ЛЕНЧОВСКОГО «ПРОФЕССИЯ - СОЦИОЛОГ» (тт. 1-4)

Часть 2

2.1. ДЕРЕВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

2.2. СЛУЧАЙ ЕГОРА НОВИКОВСКОГО

2.3. «ПУСТЬ ДОКАЖЕТ, ЗАЧЕМ ЕЙ ЭТО НУЖНО!..»

= ПРИЛОЖЕНИЕ: ППСС

ТОМ 2

Часть 1

1. АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ (авт. – О. Новиковская)

1.1. Аносовы и Пузановы

1.2. Дорошевские

2. ПОВАРСКОЙ ПЕРЕУЛОК И ЕГО ОБИТАТЕЛИ (авт. – О Новиковская)

3. ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ

3.1. Ольга Новиковская. Две матери моей мамы: дворянка и крестьянка

3.2. Ольга Новиковская. Мои предки – генерал и рядовой первой мировой войны и их семьи

3.3. Ольга Новиковская. О моем пра-пра-прадеде и его потомках

3.4. Ольга Новиковская. 13 ступеней одного родословия

3.5. Связь времен, Часть 1

4. ПИСЬМО ВНУКУ

Часть 2

5. АА: ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ

Часть 3

6. ИНТЕРВЬЮ РАЗНЫХ ЛЕТ (1982 – 2016)

7. МОЯ ЖИЛИЩНАЯ ИСТОРИЯ

8. А.Н. АЛЕКСЕЕВ КАК БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ

ТОМ 3

Часть 1

**1. ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ.
(ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО В РЕТРОСПЕКТИВЕ)
(0 -37)**

Приложение к части 1

- (1) Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения**
- (2) А. Алексеев. О наблюдающем участии и драматической социологии**
- (3) Докторов Б. Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям**

Часть 2

2. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

(00-11) Субъект-субъектная социология, или антропоцентрический поворот

ТОМ 4

Часть 1

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ (0-51)

Часть 2

ДИАЛОГИ

- А. Алексеев, Л. Ткаченко. Заметки на полях
- Социология и политика (публичная переписка А. Ослона и А. Алексеева)
- А. Алексеев и Д. Шалин. Дискуссия через океан
- СМС от ЮЩ (В телефоне ЗВ)

Часть 3

СО-ТРУДНИЧЕСТВО

- О Валерии Ронкине
- О Викторе Сокирко и Лидии Ткаченко

Часть 4

КОММУНИКАЦИЯ: САМОМУ СЕБЕ, ДРУГОМУ, ДРУГИМ

(Тома 5 - 7 пока в проекте; возможны изменения)

ТОМ 5

Часть 1

1. ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ – ОТКРЫТАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Часть 2

2. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ИЛИ ПОЗОР РОССИЙСКОЙ ОПРОСНОЙ СОЦИОЛОГИИ?

3. СЛЕДУЕТ ЛИ ТАК УЖ ДОВЕРЯТЬ РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ?

4. О ДОВЕРИИ ГРАЖДАН К ВЛАСТИ, СОЦИОЛОГОВ К ГРАЖДАНАМ И ГРАЖДАН К СОЦИОЛОГАМ-ПОЛСТЕРАМ

5. ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА

Часть 2

6. РАЗНОЕ

ТОМ 6

В ПОИСКАХ АДРЕСАТА (в соавторстве с Б. Докторовым)

ТОМ 7

УЧИТЕЛЯ, ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ

I. Поздравления с юбилеем

II. Тексты памяти

III. Приложение

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА 3

= Несколько вступительных слов к тому 3

Часть 1

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ

- (0) О структуре цикла
- (1) Драматическая социология глазами Д. Шалина, В. Ядова и А. Алексеева
- (2) Драматическая социология глазами В. Ядова и А. Алексеева
- (3) А. Алексеев. Что сказать мне удалось – не удалось
- (4) Натурные эксперименты и пристрастное знание
- (5) А. Алексеев. Познание действием (Так что же такое “драматическая социология”?)
- (6) А. Алексеев. Познание действием (Так что же такое “драматическая социология”?). Окончание
- (7) Познание действием. От автора - сегодня, 30 лет спустя
- (8) А. Алексеев. Письма Любимым женщинам (Эксперимент социолога-рабочего)
- (9) А. Алексеев. Письма Любимым женщинам (Эксперимент социолога-рабочего).
Продолжение
- (10) А. Алексеев. Письма Любимым женщинам (Эксперимент социолога-рабочего). Окончание
- (11) А. Алексеев. Выход из мертвой зоны
- (12) А. Алексеев. Выход из мертвой зоны. Окончание
- (12а) А. Алексеев, А. Кетегат. Про «Серегу-штрейкбрехера» и не только о нем
- (12б) А. Алексеев, А. Кетегат. Про «Серегу-штрейкбрехера» и не только о нем.
Окончание
- (13) А. Алексеев. Эксперимент, который исследователем не планировался
- (14) А. Алексеев. Эксперимент, который исследователем не планировался.
Окончание
- (15) А. Алексеев. Как меня исключали из Союза журналистов
- (16) А. Алексеев. Жизнь в «год Оруэлла»
- (17) А. Алексеев. Жизнь в «год Оруэлла». Продолжение
- (18) А. Алексеев. Жизнь в «год Оруэлла». Окончание
- (19) А. Алексеев. «Инакомыслящий» или «инакодействующий»?
- (20) А. Алексеев. «Инакомыслящий» или «инакодействующий»? Окончание
- (21) А. Алексеев. Научно-практический эксперимент социолога-рабочего
и его общественно-политические уроки
- (22) А. Алексеев. Научно-практический эксперимент социолога-рабочего
и его общественно-политические уроки. Окончание
- (23) А. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия.
Положения, выдвигаемые «на защиту»
- (24) «Драматическая социология», «социологическая ауторефлексия»
и «автоэтнография»

- (25) Анна Готлиб об автоэтнографии как особой стратегии социологических исследований
- (26) А. Алексеев. Драматическая социология. Академический формат
- (27) А. Алексеев. Драматическая социология. Академический формат. Окончание
- (28) А. Алексеев. Страсти человеческие и производственные.
- (29) А. Алексеев. Страсти человеческие и производственные. Продолжение 1
- (30) А. Алексеев. Страсти человеческие и производственные. Продолжение 2
- (31) А. Алексеев. Страсти человеческие и производственные. Окончание
- (32) А. Алексеев. Драматическая социология. Ветер перемен? (1986-1987)
- (33) А. Алексеев. Драматическая социология. Ветер перемен? (1986-1987).
Продолжение
- (34) А. Алексеев. Драматическая социология. Ветер перемен? (1986-1987).
Окончание
- (35) Термин, возникший из шутки
- (36) А. Алексеев. Драматическая социология: а) Разговор героя с Автором; б) Познание действием, или что я могу один
- (37) Эксперимент социолога-рабочего. Взгляд историка

Приложение к части 1

- (П.1) Эксперимент **социолога-рабочего с разных точек зрения**
- (П.2) А. Алексеев. О наблюдающем участии и драматической социологии
- (П.3) Докторов Б. **Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям**

Часть 2

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

- (2.00) Содержание главы 23 и приложения к ней
- (2.0) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
- (2.1) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 1
- (2.2) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 2
- (2.3) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 3
- (2.4) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 4
- (2.5) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 5
- (2.6) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 6
- (2.7) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 7
- (2.8) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 8
- (9) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Продолжение 9
- (2.10) Субъект-субъектная социология, или поворот к антропоцентризму.
Окончание

ВНИМАНИЕ!

I

Оглавление не отражает нумерации страниц, однако выход читателя на любой из разделов обеспечен их (разделов)

стандартизованным дизайном нумерации внутри частей.

Достаточно дать команду «найти» (Ctrl + f), обозначить в поисковой строке открывшегося окна номер раздела, заключенный в скобки, например; (3) или (14), - и нажать enter, чтобы на экране появился соответствующий раздел.

II

Сетевые ссылки в основном тексте и в подстрочных примечаниях активированы и, как правило, надежно работают.

1. В случае затруднений с открытием файлов, в частности, на сайте «Международная биографическая инициатива» (<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>), воспользуйтесь поиском через Яндекс или Гугл, набрав в поисковой строке указанное в тексте название нужного материала..

2. В случае затруднений с открытием файлов, размещенных на Яндекс.диске (адрес начинается <https://yadi.sk/d/...>), отправьте соответствующую ссылку по электронной почте самому себе, и тогда по ссылке, содержащейся в теле письма, файл, размещенный на Диске, благополучно откроется.

А. Алексеев. 18.07.2017

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ К ТОМУ 3

Настоящий том являет собой своего рода авторскую ретроспективу «эксперимента социолога-рабочего» 1980-х гг. Поводом явилось опубликование в № 3-4 «Вестника общественного мнения» за 2015 год материала: Шалин Д. Диалоги Владимира Ядова и Дмитрия Шалина, включавшего электронную переписку Д. Шалина с В. Ядовым периода 2010-2014 гг. В ней, в частности, высказывался (Д. Шалиным) ряд критических соображений относительно методологии и этики «наблюдающего участия» (при общей положительной оценке предпринятого социологом-испытателем изыскания).

Эта историко-социологическая публикация состоялась уже после нашей с Д Шалиным публичной полемики на эту тему 2011-2012 гг (см.: «Дискуссия через океан» в томе 2/ 2 «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»») и побудила меня напомнить об этой дискуссии, казалось бы, исчерпанной. Я воспроизвел на Когита.ру относящиеся ко мне фрагменты этой публикации коллеги и сопроводил их извлечениями из собственных материалов упомянутой дискусии.

Дальше возникло «искушение» развить тему о методологии наблюдающего участия, используя уже опубликованные в разных местах собственные работы, выстраивая их в новой, отличной от хронологической последовательности создания или от ранее выстроенных композиций логике.

Надо сказать, что 4-томник автора этих строк «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», в сущности, представляет собой объемную композицию рабочих материалов исследования 1980-х гг., организованную по смешанному хрономатематическому принципу, обычно сопровождаемую комментариями («ремарками») позднейшего периода (конец 1990-х – начало 2000-х гг), т.е. времени составления книги.

Но в принципе те же материалы (полевые дневники, личные письма, изначально публичные документы и т.д.), не говоря уж о позднейших текстах, могли быть представлены и в иной последовательности, с учетом новых авторских задач и соображений. Собственно, это и произошло в цикле публикаций на портале Когита.ру под названием «Драматическая социология и наблюдающее участие», образовавшемся в 2016 г. В него вошли как теоретико-методологические тексты, так и иллюстрации, в виде «избранного» из представленных в 4-томнике 2003-2005 гг. материалов исследования.

Стихийно сложившийся «сериал» оказался новой презентацией метода исследования и метода предъявления исследовательских результатов, с упором не на предметную, а на методико-методологическую сторону.

В итоге, вниманию читателю предлагается своего рода «трактат о методе» - разработанном автором методе социологического изыскания, относящегося к разряду качественных и акционистских исследований.

Еще в 4-томнике «Драматическая социология...» автором была предпринята попытка рассмотрения историко-научного контекста предпринятого им

изыскания. Этой цели служили, в частности, глава 23, называвшаяся «Эпистемологические дебаты», и приложение к ней (из 4-го тома «Драматической социологии...»).

Было сочтено уместным присовокупить (с минимальными сокращениями) эту часть книги 2003-2005 гг. к современному циклу «Драматическая социология и наблюдающее участие». Новым названием этой части явилось: «Субъект-субъектная социология, или антропоцентрический поворот».

Вместе эти две композиции (одна – новообразованная, другая воспроизводящая одну из глав прежней книги) составляют известную целостность, презентующую определенный исследовательский метод (как в теоретическом, так и в прикладном отношении), причем в широком – мировом - историко-научном контексте.

Еще раз подчеркнем: как правило, новизну здесь представляют не отдельные тексты (хотя есть и публикующиеся впервые), а именно КОМПОЗИЦИЯ, акцентирующая методико-методологические моменты. В этом состоял авторский замысел, об успехе реализации которого судить заинтересованному читателю.

А. Алексеев. 6.07.2017.

+++

Часть 1

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ

(0)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/eksperiment-sociologiya-rabochego-vzglyad-istorika>

О СТРУКТУРЕ ЦИКЛА

Цикл «Драматическая социология и наблюдающее участие» на Когита.ру был начат перепечаткой фрагмента из электронной переписки В.А. Ядова и Д.Н. Шалина (2010-2014), относящегося к «драматической социологии» А.Н. Алексеева, с комментарием последнего в виде извлечений из двух статей А. Алексеева в составе так называемой «Дискуссии через океан» (2011-2013).¹ Эта первая публикация на Когита.ру называлась: [Драматическая социология глазами Д. Шалина, В. Ядова и А. Алексеева](#)² Вторая публикация называлась: [Драматическая социология глазами В. Ядова и А. Алексеева](#).³ В нее вошла статья А. Алексеева «Наблюдающее участие и его синонимы» (2006), ранее публиковавшаяся в интернете, а также в журнале социологических и маркетинговых исследований «Телескоп» (2012). Третья публикация - [А. Алексеев. Что сказать мне удалось – не удалось](#)⁴ – включала одноименный текст, написанный в 2001 г. и впервые опубликованный в: [Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2. СПб.: Норма, 2003.](#)⁵ Четвертая публикация - [Натурные эксперименты и пристрастное знание](#)⁶ включает в себя переписку Д. Шалина, А. Алексеева и Б. Докторова на темы, релевантные содержанию данного цикла. Пятая и шестая публикации в рамках цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» - А. Алексеев. *Познание действием* (Так что же такое «драматическая социология»?) ([начало](#); [окончание](#)⁷) - воспроизводят

1 http://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer11_12/Alekseev1.php

2 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-d-shalina-v-yadova-i-a-alekseeva>

3 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-v-yadova-i-a-alekseeva>

4 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-chto-skazat-mne-udalos-2013-ne-udalos>

5 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

6 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/naturnye-eksperimenty-i-pristrastnoe-znanie>

статью автора этих строк, впервые опубликованную в журнале «Телескоп» (2006), а позднее [в журнале «7 искусств» \(2013\)](#).⁸

Седьмая публикация - [Так что же такое «драматическая социология»? Продолжение темы](#)⁹ - возвращает к материалам, опубликованным нами на [Cogita.ru](#) два года назад, но с тех пор наверняка уже забытым даже заинтересованными в этой теме читателями.

(Среди них:

- [Познание действием. От автора - сегодня, 30 лет спустя](#)¹⁰

- А. Алексеев, А. Кетегат. Про «Серегу-штрейкбрехера» и не только о нем ([начало; окончание](#)¹¹).

[Восьмая, девятая и десятая](#)¹² публикации, включают извлечения из авторского цикла «Письма Любимым женщинам» (1980-1982), представленного в главах 2 и 3 книги: [А.Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005](#).¹³ См. эту композицию также [в журнале «7 искусств»](#).¹⁴

[В одиннадцатой и двенадцатой](#)¹⁵ публикациях, под общим названием: А. Алексеев. Выход из мертвой зоны, - был предъявлен одноименный авторский цикл, вошедший в главу 5 книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Они посвящены событиям «эксперимента социолога-рабочего», имевшим место в первой половине 1982 г., т. е. являются прямым продолжением «Писем Любимым женщинам» (см. выше).

[Тринадцатая и четырнадцатая](#)¹⁶ публикации – под общим названием «Эксперимент, который исследователем не планировался», - посвящены «делу» социолога рабочего (исключение из партии и т. п.; 1984).

Пятнадцатая публикация - [«Как меня исключали из Союза журналистов»](#)¹⁷ - продолжает тему двух предыдущих.

[Шестнадцатая, семнадцатая и восемнадцатая](#)¹⁸ публикации посвящены событиям жизни автора (и не только его!) 32-летней давности, однако вовсе

7 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-poznanie-deistviem-tak-chno-zhe-takoe-201cdramaticheskaya-sociologiya201d> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-poznanie-deistviem-tak-chno-zhe-takoe-201cdramaticheskaya-sociologiya201d-okonchanie>

8 <http://7iskusstv.com/2013/Nomer4/Alekseev1.php>

9 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/tak-chno-zhe-takoe-dramaticheskaya-sociologiya-prodolzhenie-temy>

10 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/poznanie-deistviem.-ot-avtora-segodnya-25-let-spustya>

11 www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/poznanie-deistviem.-ot-avtora-segodnya-25-let-spustya ; www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/poznanie-deistviem.-ot-avtora-segodnya-25-let-spustya

12 www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabocheho ; www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabocheho ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabocheho-okonchanie>

13 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

14 <http://7iskusstv.com/2013/Nomer8/Alekseev1.php>

15 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-vyhod-iz-mertvoi-zony> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-vyhod-iz-mertvoi-zony-okonchanie>

16 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/a-alekseev-eksperiment-kotoryi-issledovatelem-ne-planirovalsya> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-eksperiment-kotoryi-issledovatelem-ne-planirovalsya-okonchanie>

17 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-kak-menya-isklyuchali-iz-soyuzazhurnalistov>

18 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-zhizn-v-god-oruella> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-zhizn-v-god-oruella> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-zhizn-v-god-oruella-okonchanie>

не лишены актуальности, как можно убедиться. Поскольку они (эти события) относятся к 1984-му году, общим названием этих трех публикаций является: «Жизнь в «Год Оруэлла»».

[Девятнадцатая](#) и [двадцатая](#)¹⁹ публикации, под общим названием «Инакомыслящий» или «инакодействующий»?», продолжают тему «необходимой обороны» социолога-испытателя – в плане борьбы за собственную общественную реабилитацию (восстановление в КПСС и т. п.), или, можно сказать - применительно к тому времени - в плане защиты собственного достоинства, ущемленного государственными и партийными органами.

[Двадцать первая](#) и [двадцать вторая](#)²⁰ публикации имеют общим названием: «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки». Они посвящены обстоятельствам жизни социолога-испытателя в контексте событий начинающейся общественной Перестройки.

[Двадцать третья](#)²¹ публикация («Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Положения, выдвигаемые «на защиту»») составлена из теретико-методологических (и отчасти – мировоззренческих) положений автора, которые, буде он сочинял докторскую диссертацию, он выдвинул бы «на защиту».

[Двадцать четвертая](#)²² публикация посвящена соотношению «драматической социологии», «социологической ауторефлексии» и «автоэтнографии». Она также включает в себя текст статьи социолога Дмитрия Rogozina «Автоэтнография: как наблюдения за собой помогают в социологических исследованиях?», впервые опубликованной на сайте postnauka.ru (май 2016). См. также более раннюю публикацию на Cogita ru: [Алексеев vs Rogozin. Об автоэтнографии и «драматической социологии»](#)²³

[Двадцать пятая](#)²⁴ публикация предъясняет работу коллеги автора этих строк, доктора социологических наук, заведующей кафедрой факультета социологии Самарского государственного университета Анны Готлиб, опубликованную 12 лет назад (Социология: 4М. 2004. № 18) и специально посвященную истории, теории и методологии «автоэтнографии».

[Двадцать шестая](#) и [двадцать седьмая](#)²⁵ – публикации настоящего цикла, под названием: «А. Алексеев. Драматическая социология. Академический формат», - включает ранний опыт научного описания «эксперимента социолога-рабочего, предпринятый еще во время «полевого этапа» этого

19 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-inakomyslyaschii-ili-inakodeistvuyuschii> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-inakomyslyaschii-ili-inakodeistvuyuschii-okonchanie>

20 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-nauchno-prakticheskii-eksperiment-sociologa-rabocheho-i-ego-obschestvenno-politicheskie-uroki> <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-nauchno-prakticheskii-eksperiment-sociologa-rabocheho-i-ego-obschestvenno-politicheskie-uroki-okonchanie>

21 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-i-sociologicheskaya-refleksiya-polozheniya-vydvigaemye-na-zaschitu>

22 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-sociologicheskaya-autorefleksiya-i-avtoetnografiya>

23 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii>

24 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii>

[aticeskoi-sociologii](#)

25 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-akademicheskii-format> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-akademicheskii-format>

эксперимента (1983), предназначенный для опубликования в одном из научных сборников того времени. Первоиздание – в сокращенном виде состоялось лишь значительно позже – в 1989 году (Алексеев А.Н. Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии) / Новое политическое мышление и процесс демократизации. М.: Наука, 1989). Полный текст статьи (оригинал 1983 г.) вошел в состав тома 3 книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. СПб.: Норма, 2003-2005.

[Двадцать восьмая, двадцать девятая, тридцатая и тридцать первая](#)²⁶ публикации образуют субцикл, под название «Страсти человеческие и производственные». Он посвящен будням производственной жизни, рассматриваемой изнутри, «глазами рабочего», освещающий события 1984-1985 гг., когда прошло уже свыше пяти лет с момента начала «эксперимента социолога-рабочего».

Этот субцикл опубликован также на страницах журнала «Семь искусств»; Из записок социолога- рабочего ([Начало](#); [окончание](#)²⁷)

[Тридцать вторая, тридцать третья и тридцать четвертая](#)²⁸ публикации также образуют субцикл. Его название: «Драматическая социология. Ветер перемен? (1986-1987)», Он посвящен обстоятельствам эксперимента социолога-рабочего в преддверии и на раннем этапе Перестройки.

Следующая – [тридцать пятая](#)²⁹ – публикация предъясняет документальное свидетельство того, откуда на самом деле произошел термин драматическая социология. Генезис довольно неожиданный. («Термин, возникший из шутки»).

И, наконец, [тридцать шестая](#)³⁰ публикация, под названием «Драматическая социология: а) Разговор героя с Автором; б) Познание действием, или что я могу один». Она может оказаться последней в настоящем цикле (начатом на [Cogita.ru](#) в феврале нынешнего года), а может - цикл «Драматическая социология и наблюдающее участие» еще получит продолжение в будущем году; увидим.

Все же в качестве заключительной в данном цикле мы предлагаем тридцать седьмую публикацию , под названием [«Эксперимент социолога-рабочего. Взгляд историка»](#)³¹. Она включает в себя текст доклада научного сотрудника Гос. музея политической истории России М. Седуновой на конференции «Общество и тоталитаризм: первая половина 80-х годов» (ноябрь 1998).
А. Алексеев. 16 февраля 2016 - 7 июня 2017

26 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-strasti-chelovecheskie-i-proizvodstvennye> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-strasti-chelovecheskie-i-proizvodstvennye-prodolzhenie-1> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-strasti-chelovecheskie-i-proizvodstvennye-prodolzhenie-2> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-strasti-chelovecheskie-i-proizvodstvennye-okonchanie>

27 http://7iskusstv.com/2014/Nomer8_9/Alekseev1.php ;
<http://7iskusstv.com/2014/Nomer10/Alekseev1.php>

28 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-veter-peremen-1986-1987> ; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-veter-peremen-1986-1987-prodolzhenie> ;
<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-veter-peremen-1986-1987-okonchanie>

29 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/termin-voznikshii-iz-shutki>

30 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/termin-voznikshii-iz-shutki>

31 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/eksperiment-sociologa-rabochego-vzglyad-istorika>

(1)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-d-shalina-v-yadova-i-a-alekseeva>

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ Д. ШАЛИНА, В. ЯДОВА И А. АЛЕКСЕЕВА

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 16.02.2016 ³²

В связи с публикацией «Диалогов» между Д. Шалиным и В. Ядовым 2010-2014 гг. неожиданную актуальность приобрела наша с Д. Шалиным «Дискуссия через океан» 2011-2012 гг. А. Алексеев.

См. ранее на Когита.ру:

- [В. Ядов: «Мы же должны продолжать свое дело...»](#) ³³

**

(0)

Несколько вступительных слов

Как уже сообщалось, в только что вышедшем в свет № 3-4 «Вестника общественного мнения» за 2015 год опубликован материал: [Шалин Д. Диалоги Владимира Ядова и Дмитрия Шалина](#). ³⁴ В публикации предъявлена весьма ценная в историко-биографическом отношении электронная переписка периода 2010-2014 гг. между В.А. Ядовым (1929-2015) и одним из его давних учеников, ныне – профессором Университета Невады (Лас-Вегас) Дмитрием Шалиным. Как пишет публикатор, «диалог по проблемам социологии вскоре перерос в обсуждение широкого круга проблем взаимодействия интеллигенции с властью, адаптации социологов к меняющимся режимам, современной политической ситуации в стране».

При знакомстве с этим материалом (Д. Шалин любезно предоставил мне такую возможность еще до публикации), автор этих строк не мог не обратить внимание на факт обсуждения профессионального творчества А. Алексеева двумя собеседниками. (Инициатором этой темы был Д. Шалин).

Надо сказать, что я прежде не знал, что «эксперимент-социолога-рабочего» (1980-1988) и опыты наблюдающего участия, представленные в моей книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005) и в нашей с Р. Ленчовским, в соавторстве, книге «Профессия – социолог...» (Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010) стал предметом оживленной дискуссии между моим заокеанским коллегой и другом и моим учителем. Но для Дмитрия то была лишь репетиция. Год спустя в питерском журнале социологических и маркетинговых исследований «Телескоп» (2011, № 3) появилась большая статья: *Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина*. Как теперь вижу, в этой статье, Д. Шалин выдвигает те же сомнения / претензии методологического и этического

³² Здесь и далее имеется в виду дата помещения материала на портал Когита.ру

³³ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/my-zhe-dolzheny-prodolzhat-svoe-delo>

³⁴ http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf

свойства в отношении «драматической социологии», что и в переписке с В.А. Ядовым 2010 г. (Содержание этих претензий станет ясно ниже).

Ну, мне нашлось, что возразить, и в том же «Телескопе» (2011, № 5) вскоре появилась моя статья: *Алексеев А.* На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога).

Некоторое время спустя в «Телескопе» же (2012, № 2) появилось продолжение дискуссии: *Шалин Д.* Проблемы этики натурального эксперимента: ответ Андрею Алексееву; и *Алексеев А.* Защита наблюдающего участника.

А еще два года спустя вся эта [«Дискуссия через океан»](#)³⁵ (как мы ее с Д. Ш. назвали) появилась в журнале «Заметки по еврейской истории» (2013, ноябрь-декабрь, № 11-12), куда вошли все вышеупомянутые статьи.

И вот, теперь публикация «Диалога» между В. Ядовым и Д. Шалиным (2010-2014), о котором я прежде не знал, всколыхнули в памяти эту уже полузабытую (по крайней мере, мною) дискуссию.

Насколько могу о том судить, в своей переписке 2010 года Шалин и Ядов в чем-то согласились, а в чем-то разошлись во мнениях насчет моей «драматической социологии». Правда, аргументы Ядова были отличны от моих, высказанных позже в полемике с Д. Шалиным.

Вообще, коль случилось этой теме вновь обрести публичность, естественна моя потребность как-то объясниться.

Тем более, что методологические и этические претензии Д. Шалина к «эксперименту социолога-рабочего» ныне уже 30-летней давности на сей раз прозвучали в совсем иной аудитории, отличной от «телескоповской», Так что отвечать на них теперь надо как бы заново.

По счастью, сформулированное коллегой впервые в письмах к Ядову (2010), практически не отличается (даже дословно) от опубликованного год спустя в «Телескопе». (В последнем разве что несколько подробнее). Стало быть, и я могу откликнуться на эту частную тему диалога Шалин-Ядов тоже РЕ-публикацией соответствующих фрагментов своих статей 2011-2012 гг. (именно фрагментов, поскольку предметы нашей с Шалиным «дискуссии через океан» к этой теме не сводились).

Поэтому структура настоящей публикации будет следующей:

(1) Извлечения из работы Д. Шалина 2015 г. под названием «Из диалогов Владимира Ядова и Дмитрия Шалина» (напомню: имеется в виду переписка 2010 г).

(2) Извлечение из моей статьи 2011 г. «На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)»

(3) Извлечение из моей статьи 2012 г. «Защита наблюдающего участника».

(4) Вместо заключения

При желании, читатель может ознакомиться и с полными текстами названных работ и нашей с Д. Шалиным полемики 2011-2012 гг. (все доступно в интернете и соответствующие ссылки см. выше, а также ниже).

А. Алексеев. 9-16 февраля 2016.

(1)

Извлечения из работы Д. Шалина 2015 г. под названием «Из диалогов Владимира Ядова И Дмитрия Шалина»³⁶

35 http://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer11_12/Alekseev1.php

36 http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf

<...>

29 августа 2010

Д. Шалин. <...> У меня возникло множество вопросов методологического и этического характера, которые мне хотелось бы с вами обсудить. Я попробую к ним подступиться не напрямую, а через смежную проблематику, выветившуюся в работе Андрея Алексеева «Драматическая социология» и в его книге «Профессия – социолог», написанной в соавторстве Р.И. Ленчовским. Попробую сформулировать суть проблемы в нижеследующем вопросе, и если вы сможете пролить свет на существо дела, я вам буду признателен.

«Драматическая социология» (ДС) ([Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.](#)³⁷ – А. А.) произвела на меня большое впечатление. Со временем по этому эпическому труду будут изучать производственную жизнь и академические нравы постсталинской эпохи. В то же время у меня возникли вопросы к методологии и этике исследования Андрея. Эксперимент социолога-наладчика не мог бы получить визу от Комитета по правам субъектов исследований (Committee for the Protection of Human Subjects), чье одобрение обязательно для всех ученых и студентов американских университетов. Во-первых, автор не получил согласия (informed consent) участников эксперимента. Во-вторых, он не обеспечил анонимность субъектов исследования. В-третьих, его процедуры подвергли участников крайнему стрессу. В-четвертых, у субъектов не было возможности выйти из эксперимента по своему усмотрению. И в-пятых, автор не предоставил возможности респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события.

Я понимаю, что критерии и стандарты исследования могут варьироваться от страны к стране, что они меняются со временем, что какие-то из реальных персонажей ДС крайне не симпатичны. Тем не менее, исследование Андрея повергло меня в смущение. Нам жалко морских свинок, на которых оперируют без наркоза, а тут живые люди, коих исследовательская настойчивость социолога иногда доводила до истерики. Андрей не выказал сострадания к заводскому технологу Людмиле Кутыриной, которую его действия доводили до слез, а мне ее жалко. Каково будет ее детям читать ДС, где она выступает моделью “разгильдяйства” и “некомпетентности”? Ведь, наверное, у нее были и другие человеческие качества, которые автор или не усмотрел, или не пожелал упомянуть. Я думаю, что было бы гуманнее вывести эту женщину в книге под псевдонимом.

Можно назвать исследование Андрея “акционистским” в духе Турена или public в смысле Буравого, но это вряд ли снимает проблему, поскольку оба эти автора имеют дело с хорошо информированными субъектами, добровольно согласившимися принять участие в эксперименте и имеющими право выйти из него в любое время.

Как вы видите, Володя, у меня вызвала сомнения этика данного исследования, но есть вопросы и к методологии «протоколирования», задействованной в эксперименте. Метод сей нацелен на факты, но мы знаем из разных исследований, насколько избирательно наше заинтересованное восприятие и как часто альтернативные свидетельства высвечивают ситуацию с иной точки зрения. Это особенно очевидно, когда Андрей критикует своих коллег (по Социологическому институту РАН – Голода, Елисееву, Дуку) (*здесь используется материалы уже не «Драматической социологии...», а другой книги – в соавторстве с Р. Ленчовским – «Профессия – социолог...». Тт. 1-4.*

³⁷ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

СПб: Норма, 2010. [Том 1.](#) [Том 2.](#) [Том 3.](#) [Том 4.](#) ³⁸– А. А.), переходя на личности, ставя под сомнение порядочность своих сотрудников (?! – А. А.). Я не уверен, что такого рода *argumentum ad hominem* оправдан, тем более что автор его осуждает, когда он используется оппонентами.
<...>

5 октября 2010

В. Ядов. Здесь, Дима, в самый раз применима твоя концепция биокритической герменевтики. Вспомним, что Андрей по базовому образованию и опыту первых лет работы – журналист. Журналисту надлежит добыть нужную информацию во что бы то ни стало. И, видимо, Андрей настолько усвоил названную заповедь, что она стала чертой его характера. Этическая норма социолога – не нанести вреда респонденту – оказалась на периферии. Плюс особенности темперамента, плюс его завидное правдоискательство, плюс презрительное отношение к тогдашним властям, чиновничеству, двурушничеству и подобному. Достаточно одного примера, как раз связанного с заявлениями о выезде из страны Эдуарда Беляева и твоего. Андрей в то время был или нашим парторгом, или секретарем партбюро ИСЭП. Он начал со мной такой разговор: давай, мол, мы вынесем тебе строгий выговор за промахи в работе с коллективом отдела, а ты апеллируй, не соглашайся. Твой авторитет среди социологов вызовет возмущение товарищей, дело приобретет широкий резонанс. Я на это ответил, что жертвовать делом ради такого рода демонстрации не хочу и буду вполне согласен с выговором “без занесения в учетную карточку члена КПСС”. На том мы, в конце концов, и сошлись.

«Драматургическая социология» (все же – «драматическая...».

«Драматургическая...» - это у И. Гофмана! – А. А.). Андрея мне очень понравилась. Он сумел выявить и убедительно показать, что на советском предприятии действовали две системы правил – официально принятые и общепринятые, но не писанные. На каждого рабочего мастер имел компромат. Использовал же сведения о прогулах, браке и прочем подобном только в случае личного конфликта с подчиненным.

Откровенно признаюсь, при чтении книги я и не подумал о Профессиональном кодексе социолога. Разработку такого кодекса я сам же и стимулировал (его подготовили Б. Фирсов и ??), и он, с небольшими поправками, действует как документ РОС (*Российское общество социологов.* – А. А.) . В нашей практике общепринято информировать респондентов об анонимности, праве не отвечать на тот или другой вопрос, не соглашаться на интервью или наблюдение. Но (а это самое главное) мы не практикуем жесткого контроля за соблюдением профессиональной этики. Ничего подобного вашей Комиссии под названием Committee for the Protection of Human Subjects в России нет. И вообще принцип, согласно которому строгость законов облегчается необязательностью их соблюдения, – наше национальное кредо.

Так что, Дима, ты прав, и я благодарен за вопрос. Непременно постараюсь публично напомнить о проблеме, тем более, что вскоре РОС принимает новую редакцию Профессионального кодекса.

20 октября 2010

38 Том 1 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_1.pdf; Том 2 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_2.pdf ; Том 3 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_3.pdf ; Том 4 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_4.pdf . Все 4 тома вместе - <https://yadi.sk/d/S19NKxy4Pnm84>

<...>

ДШ. Возвращаюсь к вопросу об этике и методологии. Как я ранее заметил, все академические исследования на людях и животных должны быть предварительно одобрены специальным отделом, Institutional Review Board (IRB), обязательным для всех университетов и государственных учреждений в этой стране. В последнее время работа этого отдела подвергалась критике из-за слишком придирчивого рассмотрения заявок на исследования, длительности процедуры одобрения, и обременительной сертификации (каждые два года исследователи должны пройти интернетовский курс и сдать экзамен по охране прав субъектов исследования). Тем не менее, сама идея таких прав не вызывает сомнений.

Методы Андрея Алексеева не могли быть одобрены здешними экспертами, поскольку его работа могла негативно отражаться на его подопытных (! – А. А.). То, что могло бы сойти журналисту (хотя я не уверен, что и здесь способы получения информации не вызвали бы нареканий), проблематично для социолога.

Скорее всего, вы правы относительно биографического опыта Андрея. Его политические взгляды претерпели радикальное изменение, но принципиальность, непримиримость, а в чем-то и нетерпимость, характерные для его коммунистического прошлого, могут присутствовать и в его посткоммунистических баталиях. На одном из заседаний СПСА (*затрудняюсь расшифровать эту аббревиатуру. – А. А.*) он требовал осудить руководство СИ (*Социологический институт РАН. – А. А.*) за его решение ответить на инструкцию РАН по сокращению штатов урезанием часов работы сотрудников пенсионного возраста. В общем и целом он был прав, но для меня не очевидно, что такое решение было совсем лишено оснований. Если члены ассоциации не поддержали Андрея, то это не означает, что они проявили малодушие. Елисеева и профработники СИ увидели в сложившейся ситуации возможность свести счеты с Андреем и другими неудобными сотрудниками, и то, как принималось это решение, оставляет дурной привкус. И все же из моего ласвегского далека ситуация видится не однозначной. Тут есть пространство для честного расхождения во мнениях, и я бы поостерегся пришивать ярлыки.

Игровой метод Андрея несет в себе риск, и не только для него самого. “В жизни играть можно только с (*при цитировании Д. Ш был потерян предлог «с».* – А. А.) подобными и равными самому себе”, пишет Андрей (ДС.2.368) (*Ссылка неточна. Правильно: ДС 3.72. – А. А.*). Согласен, но это не единственное ограничение. Если человек твоего статуса не хочет принимать участия в социологических играх, то и его следует оставить в покое в случае, если его реакция – положительная или отрицательная – может поставить человека под удар вышестоящих / компетентных органов или вызвать чувство стыда из-за проявления малодушия. Ваш пример со “строгим выговором”, предложенный Андреем, тому пример. Как человек тонкого морального склада, Андрей, конечно, это хорошо понимал. Вот как он обосновывает свое экспериментаторство: “Эксперимент над “другими” людьми социологу запрещен по моральным соображениям; так что непосредственным объектом экспериментального воздействия здесь выступали не люди как таковые, а «носители социальных ролей» (*при цитировании Д. Ш были потеряны кавычки и добавлен союз «и», отсутствовавший у автора.* – А. А.) и представители социальных институтов, в частности институтов власти...” (ДС.2.447). Это рассуждение спорно – субъекты, с которыми имел дело Андрей, были не просто носителями социальных функций, а живыми людьми, способными чувствовать уколы совести и обеспокоенными негативными последствиями своих действий, навязанных (!!

– А. А.) социологом-экспериментатором. Столь резкое разделение ролей / институтов и носителей / субъектов вызывает сомнение с точки зрения социального интеракционизма.

В четвертом томе “Драматической социологии” Андрей приводит ваши слова: “Есть в некоторых текстах А. одна особенность, мне не импонирующая: своего рода амбициозная тональность. Но бог с ней, тональностью. А. – фигура действительно совершенно из ряда вон выходящая, и не только по причинам, о которых уже говорилось. Это – человек глубоко нравственный, способный ради утверждения моральных принципов быть жестким. Мы долго работали в одном коллективе, и часто опирались на эту его способность бескомпромиссного следования интересам дела. Такая, можно сказать, сахаровская черта. Многим из нас именно этого недостает”. (ДС.4.15) Я разделяю вашу оценку Андрея, у которого есть чему поучиться и чья способность додумывать до конца мне симпатична. Тем не менее, оглядываясь назад, я думаю, что его экспериментальный метод вызывает этические возражения. Социолог-рабочий, социолог-наладчик, социолог-экспериментатор – Андрей также выступал в роли социолога-акушера (“перемен не надо ждать, перемены надо делать”), и здесь возможны серьезные издержки, связанные с преждевременными родами, вызванными поспешными действиями социолога-новатора. Если есть, что добавить к сему, Володя, буду признателен.
Ваш, Дима
<...>

3 ноября 2010

ВЯ. Я подумал, Дима, и решил не продолжать об Андрее – все же не вполне деликатно.
Достаточно сказанного.
Привет. Володя

ДШ. Здравствуйте, Володя!

Хорошо, оставим эту тему. Андрей сейчас занят работой над книгой, но когда он освободится, я попробую обсудить с ним проблему этики социального эксперимента. Если есть время и желание продолжить разговор, то давайте коснемся современной российской политики...

Примечание Д. Ш.

Алексеев и Шалин впоследствии обсуждали вопросы методологии и этики экспериментального исследования на страницах журнала «Телескоп». См. *Шалин Д.* В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 3 (87), с. 3-23, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_id_11.pdf); Алексеев А. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5, с. 21-29, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1356939153366948file.pdf); Шалин Д. Проблемы этики натурного эксперимента: ответ Андрею Алексееву // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 2, с. 14-16, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/ds_reply_AA_12.pdf; Алексеев А. Защита наблюдающего участника // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 2, с. 16-17, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/ds_reply_AA_12.pdf. См. также: *Шалин Д.*

Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 3, с. 8-17, http://cdclv.unlv.edu/ega/articles/ds_ethics_12.pdf.

(2)

Извлечение из [статьи А. Алексева 2011 г. «На стыке методологических и этических проблем \(Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога\)»](#)³⁹

...Мой собеседник (партнер по диалогу) сосредотачивается на **этической** (этико-методологической) проблематике акционистской социологии и исследования случаев, частным случаем которых (такой социологии и такого исследования) является «драматическая социология» автора этих строк. Речь идет о так называемых натуральных экспериментах, термин, который можно трактовать в узком и в широком смысле, которые Д. Ш. варьирует в разных контекстах. С одной стороны, Дмитрий оперирует широким смыслом. Так, он и свои собственные шаги после принятия решения об эмиграции в середине 1970-х интерпретирует как своего рода **тест** для своих коллег, которым пришлось, при исключении его из комсомола и т. п., продемонстрировать свою лояльность идеологическим инстанциям: *«что-то вроде естественного эксперимента, высветившего степень правозерности участников собрания»* (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22; здесь и далее будет цитироваться только указанная статья Д. Шалина). (Этот эпизод, как отмечалось выше, можно трактовать и по-иному). И впрямь, нельзя не согласиться с замечанием Д. Шалина: *«Мы все принимали и принимаем участие в вольных или невольных “натуральных экспериментах”, и по ходу дела, воспроизводим и / или трансформируем общество, в котором живем»* (с. 22).

Но, с другой стороны, Д. Шалин сужает понятие натурального эксперимента до сугубо сайентистской трактовки, и, в частности, так – применительно к случаю «эксперимента социолога-рабочего», описанному в книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». При этом Д. Ш. обращается к сайту своего университета (Университет Невады), *«где опубликованы правила экспериментирования с людьми и объясняются права субъекта исследования»* и убеждается, что *«...исследование Андрея Алексева не могло быть одобрено ни одним исследовательским учреждением в Америке»* (с. 23).

Интересно, по каким же основаниям отказано было бы «социологу-рабочему» в «лицензии» на эксперимент: *«Во-первых, автор не получил согласия (informed consent) участников эксперимента. Во-вторых, он не обеспечил анонимность субъектов исследования. В-третьих, его процедуры подвергли участников стрессу. В-четвертых, у субъектов не было возможности выйти из эксперимента по своему усмотрению»* (с. 23).

Об этих правилах скажу ниже, а начать здесь хотел бы непосредственно с собственной, оригинальной аргументации моего коллеги, из которой вдруг вырисовывается, насколько можно понять, профессиональная и моральная неприемлемость для Дмитрия Шалина самого по себе метода *наблюдающего участия* и «драматической социологии» как таковой.

Причем некоторые аргументы вызывают недоумение своим отрывом как от социальных, так и от некоторых профессиональных реалий. Вот несколько примеров. Цитирую:

«...Сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта... Л. П. Смирнов, главный технолог завода, где работал Андрей, выразил сомнения

39 http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&value=2011&type=by_year&id=747

по поводу разумности публикации статьи Андрея с критическими замечаниями в адрес заводской администрации (отказался подписывать акт экспертизы об отсутствии сведений, составляющих государственную тайну. – А. А.), но если бы он этого не сделал, то рисковал бы своей работой (?! – А. А.), поскольку Андрея уже исключили из партии и преследовали по линии КГБ» (с. 22-23).

«...Вряд ли можно считать исследование Андрея “акционистским” в духе Турена или “публичным” в смысле Буравого, поскольку оба эти автора имеют дело с хорошо информированными субъектами, добровольно согласившимися принять участие в эксперименте и имеющими право выйти из него в любое время (?! – А. А.)» (с. 23).

Иногда забота моего оппонента о «нарушенных» правах и душевном состоянии людей, оказавшихся в поле действия и / или наблюдения наблюдающего участника, становится просто трогательной:

«...Отношения с Людмилой Кутыриной, инженером-технологом, чьи действия указывали на ее некомпетентность, но можно понять и Кутырину, поскольку ее требования (?! – А. А.)... были продиктованы абсурдной системой, от нее мало зависящей. Временами действия ее сотрудника доводили ее до слез, но, как замечает Андрей, “нам с А. С. (бригадиром. – А. А.) жаль ее не было” ... А мне ее жалко. Все-таки человек, а не морская свинка или собака Павлова... И каково будет Кутыриной или ее детям читать о разгильдяйстве и некомпетентности данного субъекта? ...Наверное, у этой женщины были и другие человеческие качества, которые автор не усмотрел или не считал нужным упомянуть (?! – А. А.)» (с. 23).

В некоторых случаях Д. Шалин использует аргументацию, по меньшей мере противоречивую.

«...Формула “разгильдяйство = незаинтересованность + некомпетентность + безответственность”... требует уточнения. В книге приводятся множество примеров, где рабочие и служащие предприятия... действуют в высшей степени ответственно и заинтересованно. Я не солидаризируюсь с заводской администрацией в ее отрицании критических замечаний А. Алексеева, но хочу подчеркнуть существование нескольких режимов работы на предприятии, каждый из которых (?! – А. А.) был разумной адаптацией к условиям социалистического производства» (с. 23).

«...Разведение людей и институтов – можно экспериментировать с ролями, но не с их носителями – проблематично для социолога-гуманиста, для которого не существует институтов помимо их человеческого субстрата, и сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта (?! – А. А.) и в каких-то случаях ставит под угрозу его привычное существование» (с. 22).

Замечу в этой последней связи, что именно неразличение системы безличных социальных норм, функций, отношений, с одной стороны, и реальных индивидов «из плоти и крови», с их личностными особенностями, с другой, представляется мне неприемлемым для социолога-гуманиста.

В чем тут дело? Почему такое неадекватное прочтение авторского подхода и метода?

Мне кажется, это можно объяснить:

а) своего рода органическим отторжением академическим ученым акционистского подхода вообще и - конкретно - логики познания действием, составляющей методологическую суть «драматической социологии»;

б) смешением личных и общественных (приватных и публичных) действий и отношений, в качестве предмета социологического изучения (на самом деле только вторжение в личную сферу этически запрещено!);

в) забвением того обстоятельства, что «драматическая социология» предполагает экспериментальное воздействие на социальный объект не «извне», а «изнутри», при постановке исследователем также и себя самого в положение не столько экспериментатора, сколько испытателя и / или испытуемого.

В этом последнем случае (обозначаемом нами термином НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ) действуют совсем иные критерии и нормы, чем те, которые могут и должны применяться в экспериментах типа Хоторнского или Стэнфордского. Поэтому мне не хочется в деталях оспаривать этические сомнения и возражения моего уважаемого коллеги. В гуманитарной науке, как и в искусстве, как и во многих других сферах деятельности, есть вещи, которые не требуют доказательств, а принимаются или отвергаются на уровне едва ли не подсознания и нравственного чувства. И если нравственное чувство моего оппонента требует получения у главного или цехового технолога «согласия», на то, чтобы их служебная деятельность и производственное поведение стали предметом профессионального внимания социолога-рабочего, то что же тут возразишь?! Разве что можно – в шутку – пожелать коллеге самому получать разрешения на биокритику от героев своих штудий или же их (героев) наследников.

Всякая политкорректность (а этические рассуждения Д. Шалина сродни ей), будучи доведена до крайности, приходит в противоречие со здравым смыслом. И риторический вопрос: *«Имеет (ли) мы право возлечь согранных в наши эксперименты, можем мы это делать без их согласия, правильно ли раскрывать имена участников событий, и в какой степени мы отвечаем за последствия эксперимента?»* (с. 22), - исключает универсальный ответ. Ответ может быть лишь **ситуативным**, с учетом всей совокупности внешних и внутренних факторов и обстоятельств.

Кстати, насчет раскрытия имен. В письмах-дневника-отчетах социолога-рабочего своим коллегам («Письма Любимым женщинам»), а также в той самой статье 1983-1984 гг., публикации которой воспрепятствовал упомянутый выше главный технолог, **все до единого** действующие лица были под псевдонимами, и даже само промышленное предприятие не называлось. Но как быть, когда сами же «герои» себя «рассекретили», подписывая документы и совершая **публичные** поступки, получившие широкую огласку? Здесь «деликатность» исследователя была бы по меньшей мере бесполезной.

Мой оппонент, точнее - оппонент «драматической социологии» (будь то моя книга 2003-2005 гг., будь то наша с Р. Ленчовским - 2010 г.), пишет как бы в упрек: *«...Автор не предоставил возможности всем респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события»* (с. 23). В том смысле, что автор не обращался ко всем своим «героям» за рецензиями, Д. Ш. прав. Но писаная история «эксперимента социолога-рабочего» буквально перенасыщена «альтернативными точками зрения» (не исключая обвинений в «клевете на советскую действительность», кстати сказать). (См.: Алексеев А. Н. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. Главы 7-10, 13, 22). Как уж Дмитрий не заметил этого «многоголосия», составляющего едва ли не главную черту «драматической социологии» как литературного жанра, Бог весть.

«Будь на то моя воля, я бы дал слово и Смирнову с Кутыриной, и Голоду с Елисеевой, и Осипову с Руткевичем, и Парыгину с Сиговым. Пусть выскажутся, если хотят. Может быть, и у них мы сможем чему-то поучиться. Или, по крайней мере, лучше их понять», - пишет Д. Шалин (с. 22). Интересно, как мой коллега это себе представляет? Все же авторская монография – не дискуссионная трибуна или клуб. Впрочем, почти все упомянутые лица и без того получили слово на страницах той или другой из двух книг. А если кто-то из этих лиц захочет еще и специально высказаться, то у него для этого возможностей во всяком случае не меньше, чем у автора этих строк. Существует такая критическая (не биокритическая!) практика: взять некое положение или некую черту обсуждаемого произведения и, сочтя их будто бы отсутствующими там, их же и провозгласить как насущно необходимые. Боюсь, что так произошло и здесь. Произошло, скорее всего, неосознанно - от увлеченности моего партнера по диалогу собственным концептуальным построением, которое «ищет» самоподтверждения, в том числе и посредством опровержения другого. И еще, может быть, от некоторой фрагментарности освоения материала («Драматическая социология...», равно как и «Профессия – социолог...» рассчитаны на целевое, избирательное чтение - рядового читателя, но не оппонента). Мог сказаться и цейтнот с подготовкой статьи, нечаянным свидетелем которого я стал сам, будучи на связи с ведущим данной рубрики «Телескопа» (*имеется в виду Б. Докторов. – А. А.*). Написал и думаю: вдруг мой коллега, собеседник и «этический ментор» с этим последним моим соображением согласится, и тогда останутся для коллективного обсуждения только действительно принципиальные и не проясненные методологические и этические вопросы...

(3)

Извлечение из [статьи А. Алексева 2012 г. Защита наблюдающего участника](#)»⁴⁰

(В настоящей статье цитируется большое личное письмо А. Алексева Д. Шалину, писаное еще до публикации статьи Отсюда - стилистика текста и личное обращение к оппоненту. – А. А.)

...Речь пойдет в основном о книге А. Алексева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», давшей Вам повод для пристрастного оппонирования.

1) Судя по тому, что Вы пишете, для Вас мой так называемый «эксперимент социолога-рабочего» 80-х гг. прошлого века есть «эксперимент включенного наблюдения». Последнее к экспериментам, строго говоря, не относится (разве что в очень широком смысле). Но дело даже не в этом. В том-то и дело, что это вовсе не было «включенным наблюдением» (при котором статус социолога не разглашается и т. п.). Ни от кого в цехе или на заводе не скрывалось прежнее место работы новичка (ну, и не афишировалось, впрочем), а сама логика «познания действием» (то, что скромнее называется наблюдающим участием) охотно обсуждалась с теми товарищами по труду, кто проявлял к этому интерес. (И мои «протоколы заводских коллизий», впрочем, выполненные в оригинальном жанре «технологических замечаний», служебных записок цеховому или заводскому начальству, заметок в заводской газете и даже писем-дневников-

⁴⁰ http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content137992374928758file.pdf

отчетов друзьям, не были потаенными – еще и до того, как последние стали предметом идеологических инвектив).

Этому различению «мимикрирующей» и «акционистской» (а также, отчасти, и моделирующей) исследовательских стратегий посвящено много страниц «Драматической социологии...», начиная с первых же глав. Жаль, что данное обстоятельство осталось Вами не замеченным. Однако не заметили этой разницы, Вы, возможно, потому, что она и впрямь не укладывается в сложившиеся традиции и нормативы академической (или университетской) науки, к которой Вы безусловно принадлежите, чего обо мне сказать нельзя.

2) С учетом сказанного выше, не существовало для «социолога-испытателя» и проблемы получения от своих товарищей по работе (не говоря уж о непосредственных или высокопоставленных начальниках) согласия на проведение «с ними» (sic!) натурального эксперимента. Кстати сказать, есть какое-то логическое противоречие между Вашим предположением о «неразглашении статуса» и требованием «согласования с участниками». Тут уж – что-нибудь одно. Ну, какое может быть предварительное «получение разрешения» на то, что составляет самый «образ жизни», предмет повседневной деловой и / или этической практики субъекта, пусть даже в этой практике и есть когнитивная составляющая?

Что касается поиска участников событий, описанных в «Драматической социологии...», постфактум (не очень понятно – разыскивать их до или после опубликования?), так на то и гласность. Кто-то – уже тогда сам «нашелся» и откликнулся, кому-то это безразлично, а кто-то, может, и был задет, да предпочел промолчать.

Это все при том, что – настаиваю! - натуральный эксперимент внедрения новой технологии, новых принципов «вынужденной» и «не вынужденной» инициативы, адаптационного нормотворчества в рабочей среде и т. д. был экспериментом не «с» людьми и уж тем более не «над» людьми, а имел своим объектом и «материалом» социальные институты, отношения, функции, социальные роли (пусть персонально воплощенные). И не затрагивал, понятно, частных, частных сфер жизнедеятельности личности (что вообще дело не социологов, а психологов и / или психотерапевтов).

3) Я уверен, Дима, Вы ошибаетесь и в трактовке 4-томника «Драматическая социология...» как варианта автобиографического повествования. В автобиографии (каким бы ни был ее жанр) еще можно ожидать отображения таких частных сфер, как семейная жизнь или «смена жен» (извините, я Вас цитирую!), хотя и то наша история социологии «в лицах» без этого, как правило, обходится. Но обсуждаемая Вами монография – отчет о проведенном многолетнем case study (хоть и не только) - к этой категории дискурсов заведомо не относится (хотя бы сам автор и был там одним из действующих лиц, и даже, может быть, заглавным).

Ваше замечание: «Андрей говорит о своей семье и ее реакции на события тех лет, но при этом приводит одни существенные детали и опускает другие», - как бы дает повод предположить, что оппонент знает, какие именно существенные детали опустил автор... Со своей стороны, замечу, что и в своей автобиографичности, и в своей исповедальности (которых, может быть, и не лишено данное многоаспектное произведение) автор сам задает границу, до которой считает уместным «открывать» себя читателю.

4) Аналогичную логику уместно применить и к Вашим настойчивым «подозрениям», что именно изъятия из публикуемых документов (включая личные письма и дневниковые записи), маркированные: <...>, пусть даже их оказалось много меньше, чем Вы поначалу предположили, таят в себе нечто

особенно интересное в биографии и / или ценное для истории. Конечно, во всяких купюрах возможен систематический «перекос», но:

а) Вы, не далее как на материалах нашей нынешней биографической / биокритической дискуссии, могли убедиться в их (купюр) неизбежности – когда по этическим, когда по стилистическим, когда по соображениям сокращения объема;

б) как хорошо объяснил Б. Фирсов в своей статье, «респондент (*ну, и автор тоже.* – А. А.) прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит»

5) Я намеренно не повторяю здесь всех тех аргументов в защиту своей точки зрения, которые уже имел случай высказать – не в последней своей статье «На стыке методологических и этических проблем...», так в «Драматической социологии». А еще – хочу адресовать Вас к главе 5 нашей с Р. Ленчовским книги «Профессия – социолог...». Эта глава называется: «Наблюдающее участие (Методологический контекст)».

б) И последнее. Не исключено, что наши различия в подходах к одинаковым и / или сходным вещам имеют межкультуральный характер, коренятся в различиях ментальности. Вы, как сами о себе пишете, уже больше половины жизни живете в США, я – всю жизнь в России. У нас – общие корни, но разные среды обитания, жизненный опыт, научные этосы. Очевидное (*точнее было бы сказать: «естественное».* – А. А.) для меня может казаться странным Вам, и наоборот. Не отсюда ли и некоторые расхождения в тех методологических и этических позициях, которые (позиции) для нас принципиальны?

Здесь не стоит спорить, а просто иметь в виду, что возможен и совсем другой взгляд на вещи, другое видение.

Вряд ли Вы жалеете о своей «жизни и судьбе» бывшего эмигранта. Равно как и я свою судьбу автохтона («где родился, там и пригодился») не променял бы на другую. Но эти социальные различия, помноженные еще на индивидуальные особенности, наверное, обуславливают собой и ход нашего мышления, и плоды нашего творчества, и даже, возможно, ценностно-мотивационные доминанты. Искренне Ваш – Андрей Алексеев. 30.09.2011

(4)

Вместо заключения

В сущности, по прошествии пяти лет мне нечего добавить к своим возражениям на замечания коллеги Д. Шалина. Обращает на себя внимание некоторая противоречивость его оценок: с одной стороны - наивысочайшие, имея в виду исследовательские результаты, а с другой – отрицающие правомерность самого процесса исследования, осуществлявшегося социологом-испытателем.

Ясно, что ценность результата и ценность процесса не могут находиться в «обратной пропорции». Не будь такого процесса, не было бы и этих результатов. «Эксперимент социолога- рабочего» был НАТУРНЫМ, а не лабораторным экспериментом, и не столько экспериментом «над другими» сколько экспериментом «на себе».

Противоречивой представляется и трактовка Д. Шалиным авторского императива середины 80-х гг: «Перемен не надо ждать, их надо делать». С одной стороны, это обычная формула гражданского поведения, наверняка близкая самому Шалину. А с другой – мой оппонент усматривает в ней некую опасность искусственного вмешательства в естественный процесс и

«поспешных» (?) действий социолога-«акушера» по стимулированию «преждевременных родов» (?).

Между тем, все естественно-исторические процессы суть не что иное как совокупная активность людей. Если все будут только «ждать» перемен, то кто же будет их «делать»?

Несколько слов о позиции Ядова насчет «драматической социологии». Здесь тоже не без противоречий, как мне кажется.

С одной стороны, Ядов утверждает: мол, Алексеев – эталон нравственного поведения (из приводимой Шалиным ядовской цитаты). С другой стороны, Ядов соглашается со своим корреспондентом: мол, этическая норма социолога могла оказаться у бывшего журналиста «на периферии». При этом В. Я. определяет эту норму: «не нанеси вреда респонденту». Словно забыв о том, что социолог работал слесарем и станочником на производстве и его товарищи по работе, партнеры по производственному взаимодействию вовсе не были в его case study «респондентами»,

Ядов вспоминает эпизод из партийного секретарства Алексеева в академического институте. История эта документирована протоколом заседания партбюро, который (протокол) полностью приведен в [интервью, взятом Д. Шалиным у своих бывших сослуживцев в Ленинградском филиале Института социологии в июле 1990 г.](#)⁴¹

Ну, не совсем так все было, как описано в «Диалогах»... Но так отложилось в памяти Владимира Александровича. Ну и пусть. Всякое воспоминание субъективно, и не следует требовать от воспоминателя абсолютной достоверности.

У меня сложилось впечатление, что тема методологической и этической правомочности «драматической социологии» больше волновала Д. Шалина, чем В. Ядова. Дмитрий выдвигает ее в августовском письме 2010 г.; получив отклик, возвращается к ней в октябре. Ядов – в ноябре – обрывает это обсуждение: «Я подумал, Дима, и решил не продолжать об Андрее – все же не вполне деликатно. Достаточно сказанного».

Возможно, Ядов счел неудобным обмен мнениями на эту тему, без участия того, о ком речь.

А. Алексеев. 9-16.02.2016.

(2)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-v-yadova-i-a-alekseeva>

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ В. ЯДОВА И А. АЛЕКСЕЕВА

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 22.02.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (2). А. А.

Публикация на Когита.ру эпистолярного обмена мнениями между Д.Н. Шалиным и В.А. Ядовым, в том числе – по поводу «эксперимента социолога-

⁴¹ <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/alekseev.html>

рабочего» («драматической социологии») 1980-х гг., откомментированная автором этих строк (см.: *Драматическая социология глазами Д. Шалина, В. Ядова и А. Алексеева*) дала импульс для продолжения разговора о «драматической социологии» и «наблюдающем участии».

А. Алексеев

«Наблюдающее участие» и его синонимы

Время написания этой работы – июль 2006 года. Впервые опубликовано в составе электронного издания: [Алексеев А. Докторов Б. В поисках Адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников \(февраль – октябрь 2006 г.\)](#)⁴², размещенного на сайте «Международная биографическая 251

инициатива». Кроме того, опубликовано в: *Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2012, № 6, под названием: [«Многообразие экспликаций и синонимический ряд “наблюдающего участия” \(Опыт текстологического анализа, с тяготением к историко-научному\)»](#).

Настоящая статья посвящена «приключениям» термина **наблюдающее участие**, впервые предложенного автором в 1980-х гг. в рамках так называемого «эксперимента социолога-рабочего». Оказывается, у этого термина много прецедентов, а также синонимов, причем каждый вариант указывает на какую-то из сторон описываемого способа социального изыскания. Ключевые слова: качественные методы, включенное наблюдение, наблюдающее участие, моделирующие ситуации, драматическая социология, познание действием.

Посвящается В.А. Ядову

...Итак, в противоположность “не нашему” методу включенного наблюдения, наладчик координатно-револьверного пресса цеха № 3 “Полифонмаша” (так! – А. А.) предлагает в качестве методической новинки наблюдающее включение (окружающих) в собственную и коллективную деятельность. Это – сознательное, контролируемое субъектом, включение новых факторов в наблюдаемую реальность, с готовностью испытать непосредственно на себе их обратное влияние. Такое введение в действие новых факторов, поскольку осуществляется человеком, который знает, чего хочет (в данном случае – запустить станок), не является беспорядочным, случайным. Средства подчинены цели, а не наоборот. Причем импульс исходит не

42 http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf

сверху, а изнутри и снизу...
Поистине мое наблюдающее участие –
куда более эффективный и
продуктивный метод, чем участвующее
(включенное) наблюдение... (Из "Писем
Любимым женщинам". Февраль 1980)

...Наблюдая изучать – интересно, но
еще интереснее изучать изменяя,
вмешиваясь... (Из студенческой
работы. Курс Р. Ленчовского. 2004)

...Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи! (А. Ахматова)

Несколько вступительных слов

Начав этот текст, как скромную эпистолярную заметку, я уразумел ее сюжет как еще одну **моделирующую ситуацию**, на сей раз позволяющую рассмотреть процесс "кристаллизации" и "внедрения" некоей методологической идеи в рамках научного сообщества, а также демонстрирующую одну из форм взаимодействия учителя и ученика, причем последний выступает в определенном смысле *инноватором*, а первый (тоже в известном отношении...) *консерватором*, так что оба друг другу и развитию общего предмета необходимы. Таким образом, это - и текстологический, и терминологический, и (до известной степени) социально-психологический сюжет.

...При обсуждении разных классификаций метода **наблюдения** (включенное — невключенное; полевое — лабораторное; структурированное — бесструктурное; контролируемое — неконтролируемое...) Анна Готлиб, автор книги "Качественное социологическое исследование...", делает *подстрочное примечание*:

"...В.А. Ядов выделяет еще один вид наблюдения — так называемое **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ**. (Здесь и далее все выделения **ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ** в цитатах принадлежат мне. — А. А.). В рамках такого метода исследователь сознательно *вносит возмущение в наблюдаемую ситуацию*, чтобы потом наблюдать следствия такой "провокации".

Стимулирующее наблюдение "вписывается" в принципиально другую методологию социологического исследования — **АКТИВНО-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ** (action research) и потому мною подробно не описывается..." (Готлиб А.. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004, с. 231).

Я заглянул в разные версии учебника Ядова. Оказывается, и впрямь, В.А. мое **наблюдающее участие** поначалу (в конце 1980-х — начале 1990-х) чуть было... не переименовал. Из книги В.А. Ядова "Социологическое исследование: методология, программа, методы" (М.: Наука, 1987):

"Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс? Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель — диагностика ситуации (как в случае изучения собрания в качестве одного из каналов выражения общественного мнения), вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, активное вмешательство

не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ**. Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — **КАК БЫ ПРОВОЦИРУЕТ НЕСТАНДАРТНЫЕ СИТУАЦИИ И ИССЛЕДУЕТ РЕАКЦИИ ОБЪЕКТА НАБЛЮДЕНИЯ НА СВОИ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ СТИМУЛИРУЕМЫЕ ИМ ДЕЙСТВИЯ ДРУГИХ** [19]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, “запрашивающие” действия других лиц, методы “сигнализации” руководству, обращение за помощью к соседним предприятиям или коллективам и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение наблюдаемого коллектива к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности. В наблюдении, проводимом с научными или диагностическими целями, вмешательство исследователя в изучаемый процесс недопустимо...” (с. 113-114).

В списке литературы у Ядова: [19] **Алексеев А. Н.** Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности: Из опыта “экспериментальной социологии”. Томск, 1982. (Ядов приводит название работы, но опускает название сборника, в котором она была напечатана: Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во ТГУ, 1982, с. 161-173).

Из книги В.А. Ядова “Социологическое исследование: методология, программа, методы” (Самара: Изд-во “Самарский университет”, **1995**). (“...дополненное и исправленное издание предыдущей публикации” — 1987 г.): <...> (Здесь опускаю. Этот фрагмент один к одному совпадает с предыдущим изданием... А. А.) <...>

Итак, данный текст перешел без изменений из издания 1987 г. в издание 1995 г., дословно. Но в разделе “Прямое наблюдение” (откуда он взят...) появилось и дальнейшее развитие и иллюстрации “активной стратегии” исследований. В частности, в 1987 г. Ядов ограничивается тремя примерами *включенного наблюдения*: **У. Уайт; В. Ольшанский; Ф. Энгельс**. В 1995 г. в ряд с ними становятся два примера “активного воздействия на наблюдаемые процессы”: **А. Турен; А. Алексеев**. Что ж, неплохая компания!.. Не поленись переписать эту страничку:

“...При соучастующем наблюдении единственный способ снять помехи от вмешательства исследователя — полное вхождение в изучаемую среду, завоевание ее доверия и симпатии. **КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ ДЛЯ СБОРА ОСНОВНОЙ ИНФОРМАЦИИ — РАБОТА УИЛЬЯМА УАЙТА (1936-1939 ГГ.),** который и ввел этот метод наблюдения в научную практику [351]. Будучи сотрудником Гарвардского университета, Уайт поселился в трущобах одного из американских городов, чтобы изучить образ жизни итальянских эмигрантов, населяющих этот район (он дал ему название Корневиль). Уайта интересовали обычаи эмигрантов, оказавшихся в условиях чужой культуры, их ориентации, взаимоотношения. Район Корневиль был известен как опасное для чужака итальянское гетто, полное подозрительных банд. Уайт вошел в местную общину, сказавшись студентом-историком, который намерен описать возникновение Корневилья. Исследователь изучил тот особый жаргон итальянского языка, которым пользовались в общине. Три года он провел бок о бок с этими людьми, подружился с руководителями двух соперничающих групп рэкетиров, научился местным обычаям, играм в карты и катанию шаров. 18 месяцев он прожил в одной эмигрантской семье, так что был окончательно принят как свой человек. Вначале он вел регистрацию впечатлений тайком, но по мере завоевания

доверия не стеснялся делать записи в самой, казалось бы, не подходящей для этого обстановке; все привыкли его видеть с блокнотом в руках.

В НАШЕЙ СТРАНЕ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ, КТО ИСПОЛЬЗОВАЛ МЕТОД ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ, БЫЛ В.Б. ОЛЬШАНСКИЙ, в то время сотрудник Института философии АН СССР. Изучая ценностные ориентации и идеалы рабочих, он поступил на завод им. Владимира Ильича и проработал там несколько месяцев. За это время он достаточно сблизился с рабочими, чтобы составить программу последующего формализованного обследования путем интервью [185, см. также 223], опросов и групповых дискуссий.

В современной социологии используется также МЕТОД АКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАБЛЮДАЕМЫЕ ПРОЦЕССЫ (“АКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ”), КОТОРОЕ ВВЕЛ В ПРАКТИКУ ФРАНЦУЗСКИЙ СОЦИОЛОГ А. ТУРЕН [350] в период так называемых студенческих революций 70-х гг., а позже стали использовать социологи латиноамериканских стран и другие. Активное исследование (Action research) предполагает изучение объекта, активное вмешательство путем организованных действий, провоцируемых исследователем, дальнейшее изучение и далее повторные воздействия. Такой тип исследований принимается также в системах реконструкции организаций управления.

Интереснейший ОПЫТ АКТИВНОГО “ПРОВОЦИРУЮЩЕГО” НАБЛЮДЕНИЯ, А СКОРЕЕ ДАЖЕ “НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ” ПРЕДПРИНЯЛ В НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. ЛЕНИНГРАДСКИЙ СОЦИОЛОГ А. Н. АЛЕКСЕЕВ (этот эксперимент рассматривается ниже, в гл. 5, параграф 6, посвященной качественным методам исследования).

В этой связи ПОЛЕЗНО ВСПОМНИТЬ, КАК ХАРАКТЕРИЗОВАЛ СВОЮ ПОЗИЦИЮ НАБЛЮДАТЕЛЯ ЖИЗНИ РАБОЧИХ ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС (ЕГО КНИГА “ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ” ИМЕЕТ ПОДЗАГОЛОВОК: “ПО СОБСТВЕННЫМ НАБЛЮДЕНИЯМ И ДОСТОВЕРНЫМ ИСТОЧНИКАМ”). В обращении к английскому пролетариату он написал: “Рабочие! ... Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы..., но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно абстрактное знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал” [298, С. 235].

Однако ПРИНЦИП АКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРЯМО ПРОТИВОПОЛОЖЕН ТРАДИЦИИ НАБЛЮДЕНИЯ БЕЗ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В СИТУАЦИЮ.

Преимущества включенных наблюдений очевидны: они дают наиболее яркие, непосредственные впечатления о среде, помогают лучше понять поступки людей и действия социальных общностей. Но с этим же связаны и основные недостатки такого способа. Исследователь может потерять способность активно оценивать ситуацию, как бы внутренне переходя на позиции тех, кого он изучает, слишком “вживается” в свою роль соучастника событий. На эти недостатки обращали внимание и Уайт, и польский социолог К. Доктур, и другие авторы (*включая меня*. — А. А.). Как правило, итогом включенного наблюдения является социологическое эссе, а не строго научный трактат...” (с. 126-127).

В списке литературы у Ядова: [351] *White W. E. Street corner society/ Chicago, 1943.* [185] *Ольшанский В.Б. Личность и социальные ценности .. Социология в СССР. М., 1966. Т. 1.* [223] *Ряжских И.А. Опыт использования включенного наблюдения для изучения жизни производственного коллектива // Социол.*

исслед. 1985, ¹ 3. [350] *Touraine A. Toward a sociology of action // Positivism and sociology / Ed. A. L. Giddens N. Y., 1974.*

Из той же книги В.А. Ядова (1995; раздел “Стратегия качественного анализа данных”): “...(3) *Уточнение проблемы.* В исследованиях классического типа мы уточняем проблему путем развертывания гипотез, эмпирически проверяемых на большой статистике. В случае использования качественных методов проблема уточняется путем переосмысливания наблюдаемых фактов с разных точек зрения. Непонятное явление надо попробовать объяснить “так и этак”, в разных теоретических подходах и, в первую очередь, с точки зрения здравого смысла. Проверять это предположение можно, что называется, по ходу исследования. Социолог не гонится за статистикой данных, но главным образом преследует цель найти подкрепление своим догадкам в различных вариантах, стремится разнообразить ситуации наблюдения, постановку вопросов в беседах, способы анализа имеющегося материала (например, из прессы), организует “провоцирующий” натурный эксперимент.

Наиболее полное, аутентичное описание «эксперимента социолога-рабочего» см.: *Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт.. 1-4. СПб.: Норма 2003-2005. (Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>. — А. А.).*

Пример из исследования А.Н. Алексеева о производственном поведении и “производственной морали” в начале 80-х гг. [2]. А.Н. АЛЕКСЕЕВ ВЕЛ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ, КОТОРОЕ НАЗВАЛ “ПРОВОЦИРУЮЩИМ” (*я не называл... это Ядов сам придумал, и многие повторяют... — А. А.*). Он работал на заводе расточником (*кем только я не поработал на заводе, если верить перелагаателям: и токарем, и расточником!.. все же правильно: слесарь; наладчик; штамповщик. — А. А.*) и сам активно включался во взаимоотношения на производстве между разными группами работников. Там он столкнулся с непонятным (*зм!* — А. А.) фактом. Все нарушают хорошо известные инструкции: и рабочие, и мастера, и инженеры, и администраторы. Но мастер “накапливает” материал на рабочих, скажем, прогульщиков. И предъявляет этот материал лишь тогда, когда по каким-то, не обязательно деловым соображениям захочет освободиться от нарушителя дисциплины, “разгильдяя” Петрова. Высказанные в официальной обстановке аргументы не вызывают возражений. Мастер добивается увольнения. (*Интересно, что конкретный пример полностью выдуман Ядовым; вернее — сублимирован из его собственного заводского опыта 50-х гг. — А. А.*). Алексеев начинает искать теоретические объяснения этого феномена в социопсихологических и социологических подходах. Он приходит к выводу, что следует различать “демонстрируемые” социальные установки и ценности, официально поддерживаемые в данной системе отношений, а с другой стороны — ценности и установки, реально “управляющие” поведением. Идя дальше, он ставит вопросы, выдвигает гипотезы, которые проверяет наблюдением, в беседах, провоцирующими действиями. Вопрос, например, такой: насколько среди рабочих приняты ценности инициативы и добросовестности? В массовых обследованиях 70-х гг. инициативность и творчество часто лидировали в ряду ценностных ориентаций, а в действительности, по наблюдениям Алексеева, они не выполняли регулирующую функцию. Как социолог проверил свою догадку? Если инициативный рабочий (сам Алексеев) приходил к начальнику цеха и предлагал рационализировать операцию, ему отвечали: “Тебе что, больше всех надо?” А если тот же инициатор маскировал свое предложение под вынужденное действие (“*вынужденная инициатива!*” — А. А.), оно принималось. Надо было сказать: “Если мы этого не сделаем, нам попадет”. Таким путем Алексеев

проверил гипотезу о регулятивных и демонстрируемых нормах производственных взаимоотношений. Между прочим, его проверка статуса ценности “добросовестной работы” показала тогда, что эта ценность сохраняет положение “реально регулирующей поведение”, но... при условии достаточной свободы самоорганизации работника и справедливости оплаты его труда. (*При всей вольности пересказа, изложение ряда результатов “эксперимента социолога-рабочего” начала 80х гг. вполне адекватное.* — А. А.) На стадии уточнения проблемы важно специфизировать ее максимально конкретно и в смысле теоретической ориентации (в случае Алексеева — теория социальных установок и поведения), и в смысле конкретной ситуации наблюдения, участия в событиях, определения метода дальнейших действий...” (с. 247-248).

(Интересно, что в библиографии, кроме не вполне точно атрибутированной работы 1982 г. представлена еще: *Алексеев А.Н.* Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии. М., РАН. 1993. Такого издания просто не было, хоть и была рукопись, которую читал Ядов и для которой даже писал предисловие в 1990 г. По счастью, этот “сырой продукт” заменила собой уже “Драматическая социология...”, вышедшая в 1997 г. Но Ядов в этих моих версиях тогда запутался... И других запутал. Например А.В. Тихонов, кстати, один из соучастников “Драматической социологии...” 2003 г., подарил мне “с любовью” свою диссертационную монографию “Социология управления (теоретические основы)” (СПб.: Изд-во СПб. университета, 2000), где в библиографии фигурирует... все то же “мифическое” — “Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии”, 1993. Ну, Ядов-то мне как бы комплимент сделал, и аванс — в 1995 году. А вот Тихонов в 2000-м продемонстрировал, что свою библиографию он разве что с ядовским учебником сверял, а не с теми книгами — включая мою 1997 г. — что стоят у него дома на полке...) (*Алексеев А.Н.* Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М. ИС РАН, 1997)).

Ну, и наконец, последнее (пятое! – если считать от первого, тартуского издания на ротапринте конца 1960-х гг.) издание ядовского учебника: *В. А. Ядов.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, **1998**. Оно — “существенно дополненное” и самое полное (596 с.). Здесь несколько перестроился круг примеров в разделе “Прямое наблюдение”. Остались **Уайт, Ольшанский и Турен**. Исчезли **Энгельс** и **Алексеев**. Появился абзац о применении включенного наблюдения в известном исследовательском проекте **Т. Шанина**:

“...В 90-е гг. сотрудники исследовательского проекта Т. Шанина предприняли включенное наблюдение крестьянских хозяйств. Они подолгу (до года) жили среди крестьян, записывали их рассказы о своих судьбах [50], анализировали семейные бюджеты и т. д. Один из исследователей (В. ВИНОГРАДСКИЙ), доктор наук, привез в кубанскую станицу жену (также научного сотрудника) и детей, убедившись, что иным путем не сможет преодолеть недоверие жителей станицы. Будучи теперь открытым для всех, участвуя в хозяйственных делах и помогая соседям чем мог (например, впервые в своей жизни Валерий Виноградский обмывал покойника — одинокого старика), он, наконец, был принят сельчанами в их круг. Его стали приглашать в гости и без опаски позволяли записывать на пленку жизненные повествования...” (с. 203). В списке литературы у Ядова: [50] Голоса крестьян: Сельская Россия XX века . под ред. Т. Шанина. М. : Аспект пресс, 1996.

Но и Алексеев Ядовым не забыт. Он фигурирует в этом издании учебника по крайней мере четырежды. Понятие *стимулирующее включенное наблюдение* (оно же — *наблюдающее участие*) вводится им в самое начало раздела о

“Прямом наблюдении”. В издании 1998 г. В.А. Ядов воспроизводит версию данного сюжета из изданий 1987-1995 гг., однако с некоторыми новациями: **“Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс?** Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель — диагностика ситуации (как в случае изучения собрания в качестве одного из каналов выражения общественного мнения), вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования ПОЗНАВАТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ (*характерно: этого не было в предыдущем издании 1995 г., где вмешательство исследователя в изучаемый процесс связывалось только прикладными задачами.* — А. А.) или практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, активное вмешательство не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ. Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — провоцирует (*раньше было: “КАК БЫ провоцирует...”* — А. А.) нестандартные ситуации и исследует реакции объекта наблюдения на свои действия или стимулируемые им действия других [2, 3]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, “запрашивающие” действия других лиц, методы “сигнализации” руководству, обращение за помощью к соседним предприятиям или коллективам и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение наблюдаемого коллектива к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности. (*Далее — новый текст, отсутствовавший в предыдущих изданиях учебника.* — А. А.) НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ, ПО АЛЕКСЕЕВУ, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО СОЗДАЕТ МОДЕЛИРУЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ СИТУАЦИИ И ПРОВОЦИРУЕТ НАБЛЮДАЕМЫХ НЕ СТОЛЬКО ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ К ДАННЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ, СКОЛЬКО ПРИСПОСАБЛИВАТЬ СРЕДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРЕОБРАЗОВЫВАТЬ ЕЕ В СВОИХ ИНТЕРЕСАХ [2, 3]. Принципиально иная стратегия наблюдения используется в исследовании обыденной, повседневной жизни людей, их “рутинных практик”. Объекты социального наблюдения — люди, реагирующие на поведение наблюдателя. Чтобы свести к минимуму ошибки от “возмущения” объекта со стороны наблюдателя, используют два способа. Первый — добиться, чтобы наблюдаемые либо не ведали, что за ними наблюдают, либо забыли об этом. Второй — создать у людей ложное представление о цели наблюдения” (с. 199-201). В списке литературы у Ядова: [2] Алексеев А.Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997. [3] Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. СПб.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997.257

Далее. Более подробный рассказ о конкретном опыте “социолога-рабочего” (*только что вышла книга “Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)”*, 1997) переносится Ядовым в раздел “Социальный эксперимент”, помещающийся в главе... “Жесткий” анализ данных” (!). Обсудив методологию экспериментов, мысленных и натуральных, контролируемых и неконтролируемых, логику экспериментов типа “до — после” с одним контрольным объектом, то же — без контрольного объекта, “только после” без контрольного объекта и “якобы до — после” с контрольной группой, Ядов находит моему “наблюдающему участию” новое определение: НАТУРНЫЙ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТ (ах, вот откуда наукообразно-”обидное” выражение:

“квазиэкспериментальное исследование”, — у моего рецензента В. Григорьева в “Социологическом журнале», 2003, № 2).

Цитирую (в основе — текст учебника 1995 г., но существенно отредактированный, так что стоит перечитать...) “...**Натурный квазиэксперимент** — особый случай (эксперимента. — А.А.). Здесь исследователь руководствуется логикой эксперимента “до — после”, но, во-первых, не жестко контролирует фоновые воздействия и, во-вторых, создает экспериментальную ситуацию своими действиями в качестве участника “жизненной ситуации”. Будучи исследователем, он вместе с тем выполняет функцию “экспериментальной переменной”. Подобное экспериментирование имеет место в “провоцирующих” полевых исследованиях. Рассмотрим пример. Петербургский социолог А.Н. Алексеев (в то время — ленинградец) предпринял **ПРОВОЦИРУЮЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (еще одно определение! — А. А.)** на заводе Полиграфмаш. Будучи научным сотрудником, он поступил на завод слесарем-расточником (*а мы удивляемся, что М. Маколи путает... Уж Ядов-то, сам когда-то токарь, мог бы и помнить, что “слесарей-расточников” не бывает!.* — А. А.), причем о его академическом статусе первоначально никто, кроме руководства, осведомлен не был (позже он этого уже не скрывал). Исследователь имел цель изучить реальные нормы, регулирующие производственные отношения в рабочем коллективе. Будучи рядовым рабочим, активно общаясь в этой среде он столкнулся с непонятным фактом. (*Ну, дальше — повтор из учебника 1995 г. Но на компьютере продублировать недолго... А. А.*). Все нарушают хорошо известные инструкции: и рабочие, и мастера, и инженеры, и администраторы. Но мастер “накапливает” материал на рабочих, скажем, прогульщиков. И предъявляет этот материал лишь тогда, когда по каким-то, не обязательно деловым соображениям захочет освободиться от нарушителя дисциплины, “разгильдяя” Петрова. Высказанные в официальной обстановке аргументы не вызывают возражений. Мастер добивается увольнения. Алексеев начинает искать теоретические объяснения этого феномена в социопсихологических и социологических подходах. Он приходит к выводу, что следует различать “демонстрируемые” социальные установки и ценности, официально поддерживаемые в данной системе отношений, а с другой стороны — ценности и установки, реально “управляющие” поведением. Идя дальше, он ставит вопросы, выдвигает гипотезы, которые проверяет наблюдением, в беседах, провоцирующими действиями. Вопрос, например, такой: насколько среди рабочих приняты ценности инициативы и добросовестности? (*Конец повтора из учебника 1995 г. — А. А.*). Алексеев проверяет научную гипотезу собственными “экспериментальными поступками”: новый РАСТОЧНОЙ СТАНОК (*да пресс же, пресс координатный с револьверной головкой!! Можно сказать и короче: “координатно-револьверный пресс”...* Интересно, что новый начальник цеха Данилушкин., из комсомольских работников, при первом знакомстве с социологом-рабочим тоже умудрился спросить: “Как поживает Ваш координатно-расточной пресс?” — А. А.) не работает, так как не соблюдены нормативы эксплуатации и приходится изобретать “рационализаторские приемы”. Когда он обращался со своими рационализаторскими предложениями к руководству, то слышал ответ: “Тебе что, больше всех надо?” А если он маскировал свое предложение под вынужденное действие оно принималось. Надо было сказать: “Если мы этого не сделаем, нам попадет”. Таким путем Алексеев проверил гипотезу о регулятивных и демонстрируемых нормах производственных взаимоотношений. В массовых обследованиях 1970-х гг. инициативность и творчество часто

лидировали в ряду ценностных ориентаций, а в действительности, по наблюдениям Алексеева, они не выполняли регулирующую функцию. Между прочим, его проверка статуса ценности “добросовестной работы” показала тогда, что эта ценность сохраняет положение “реально регулирующей поведение”, но... при условии достаточной свободы самоорганизации работника и справедливости оплаты его труда.

Натурный квазиэксперимент А. Н. Алексеева нельзя отнести к строгому контролируемому эксперименту. Это демонстрация экспериментальной логики социологического анализа. Данные для изучения ситуации извлекаются не количественными (статистическими) процедурами, но путем использования качественных методов...” (с. 366-367). Ну, как-то в главе о “жестких” методах стало “гуманисту” Алексееву неуютно... Но, спасибо, вспомнила о нем и ядовский соавтор **В.В. Семенова**, которой в этом же учебнике 1998 принадлежит особая глава: “качественные методы в социологии”. Прочитую:

“...Позиция исследователя. Следует иметь в виду две основные особенности позиции исследователя при качественном подходе. **Первая** состоит в том, что, в отличие от роли аналитического, беспристрастного регистратора фактов, социолог занимает здесь двойственную позицию — **“СОЧУВСТВУЮЩЕГО” УЧАСТНИКА** и **“СТОРОННЕГО” НАБЛЮДАТЕЛЯ**.

А. Алексеев избрал стратегию “провоцирующего” изучения социальной реальности, подвергая себя многообразным опасностям, вплоть до преследования со стороны советских властей и КГБ (см. его работу, названную “Драматическая социология” [3] (с. 367). *(Это, понятно, примечание В.А. Ядова. – А. А.)* Активная позиция является объектом дискуссий сторонников и противников такого вмешательства. Одни считают, что функция социолога не выполнена до конца, если после его ухода ничего не изменилось в жизненной практике людей. Другие уверены, что предварительно надо подумать, не может ли такое вмешательство привести к ухудшению реальной ситуации или травмировать респондента... (с. 414). *(Это – примечание В.В. Семеновой. – А. А.)*.

Роль “сочувствующего”, погруженного в события, необходима для понимания высказываний и действий “объектов” в их собственном толковании. Позиция “соучастия” может различаться по степени погружения: от простого сочувствия, сопереживания (в процессе повествования или фокусированного интервью, анализа биографического текста, жизненной истории) — до более активного соучастия (в случае включенного наблюдения, при этнографическом исследовании) и **ВПЛОТЬ ДО АКТИВНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, ВНЕСЕНИЯ В СИТУАЦИЮ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ, ПРОВОЦИРУЮЩИХ ИЗМЕНЕНИЯ** (в случаях включенного наблюдения, эксперимента или социальной терапии). Такова, например, **СТРАТЕГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ПОМОЩИ ВВЕДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ СО СТОРОНЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ**, как ее использовал А.Н. Алексеев в названном выше “провоцирующем” эксперименте (см. с. 366, а также [2],[3]). Позиция стороннего наблюдателя необходима для сохранения определенной дистанции...” (с. 414) Итак, **“стимулирующее включенное наблюдение”, “наблюдающее участие”, “провоцирующее наблюдение”, “провоцирующий эксперимент”, “натурный квазиэксперимент”**, будет еще — **“стимулирующее участие”**... Таков вроде еще и не полный набор используемых Ядовым (и его коллегой...) для данного метода терминов. Уместен оказался “социолог-испытатель” аж в 3-х разделах последнего издания учебника: о “прямом наблюдении”, о “социальном эксперименте” и о “качественных методах”. Что, пожалуй, справедливо, и даже

позволяет автору не без удовлетворения отметить, что ни в одну из рубрикаций он однозначно не укладывается. Сам Ядов в предисловии к несостоявшемуся изданию 1993 г., а затем в рецензии на “Драматическую социологию...” 1997 г. писал:

“...Сам А.Н. назвал свой метод “НАБЛЮДАЮЩИМ УЧАСТИЕМ”, книгу первоначально в рукописи озаглавил “ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ”, А В ОПУБЛИКОВАННОМ ТЕКСТЕ — “ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ”. Все три наименования отражают суть его метода достаточно точно...” (Цит. по: Алексеев А. Н. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. Том 4. СПб.: Норма, 2005, с. 13).

Но вернемся к книге Анны Готлиб “Качественное социологическое исследование...” (2004). Собственно, приведенное выше, подстрочное примечание на стр. 231 этой книги и дало старт моему “путешествию” по разным изданиям учебника Ядова. Ибо “споткнулся” я на этом термине — **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ** (раньше как-то его не замечал, хоть к “провоцирующему...” и успел привыкнуть). А что?! Можно и так называть... Разве “провокативное” воздействие не “**стимулирует**” людей к реактивным действиям, а ситуацию — к самораскрытию? На том бы, наверное, и закончилась инвентаризация известных мне синонимов **наблюдающего участия**, если бы... не одно примечание, которое делает Ядов в пятом издании своего учебника (1998), при объяснении того, чем же “наблюдающее участие” отличается от “включенного наблюдения”. Сначала цитата (из раздела “Прямое наблюдение”):

Но вернемся к книге Анны Готлиб “Качественное социологическое исследование...” (2004). Собственно, приведенное выше, подстрочное примечание на стр. 231 этой книги и дало старт моему “путешествию” по разным изданиям учебника Ядова. Ибо “споткнулся” я на этом термине — **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ** (раньше как-то его не замечал, хоть к “провоцирующему...” и успел привыкнуть). А что?! Можно и так называть... Разве “провокативное” воздействие не “**стимулирует**” людей к реактивным действиям, а ситуацию — к самораскрытию? На том бы, наверное, и закончилась инвентаризация известных мне синонимов **наблюдающего участия**, если бы... не одно примечание, которое делает Ядов в пятом издании своего учебника (1998), при объяснении того, чем же “наблюдающее участие” отличается от “включенного наблюдения”. Сначала цитата (из раздела “Прямое наблюдение”):

“...В зависимости от положения наблюдателя различают *соучаствующее* (или включенное) и *простое* наблюдения. В первом исследователь имитирует вхождение в социальную среду, адаптируется в ней и анализирует события как бы “изнутри”. В простом наблюдении он регистрирует события “со стороны”. В обоих случаях наблюдение может производиться открытым способом и инкогнито, когда наблюдающий маскирует свои действия... Одна из модификаций включенного наблюдения — так называемое (*им же В.А. Ядовым и называемое...* — А. А.) **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ** ИЛИ “**НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ**”, В ПРОЦЕССЕ КОТОРОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОЗДАЕТ НЕКОТОРУЮ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНУЮ ОБСТАНОВКУ, ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫЯВИТЬ СОСТОЯНИЯ ОБЪЕКТА, В ОБЫЧНОЙ СИТУАЦИИ “НЕПРОСМАТРИВАЕМЫЕ”.

*) В варианте “*наблюдающего участия*”, разработанном А.Н. Алексеевым, наблюдение напоминает натурный эксперимент, в котором ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВВОДИТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗНУТРИ САМОЙ СИТУАЦИИ И НЕ РЕДКО ИМПРОВИЗИРУЕТ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ [2, кн. 1, С. 16]...” (с. 195-196). Но тут самое интересное — *подстрочное примечание*

Ядова: "...*) Этот вид наблюдения (*т. е.* «стимулирующее» или «наблюдающее участие»). — А. А.) особо подчеркивает БОЛГАРСКИЙ СОЦИОЛОГ С.

МИХАЙЛОВ, справедливо считая, что важная конструктивная роль должна принадлежать СТИМУЛИРУЮЩЕМУ НАБЛЮДЕНИЮ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕМУ АКТИВНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПОЗИЦИЮ СОЦИОЛОГА [173. С. 245-247]. В то же время социальные психологи применяют метод наблюдения экспериментальных ситуаций, в которых наблюдатель провоцирует определенные действия, например, фиксирует, как ведут себя пассажиры в ситуации, где предполагается уступить место инвалиду, пожилому человеку и т. п...." (с. 196). В списке литературы у Ядова: [173] Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1975 .

Ах, вот откуда — СТИМУЛИРУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ! Выходит, не Ядов, а Стоян Михайлов придумал, причем давно... Имя **Ст. Михайлова**, наверное, самого известного, после покойного классика — Живко Ошавкова, болгарского социолога, мне хорошо знакомо. Надо сказать, что еще в 60-х гг. я "открыл" (для себя...) плеяду болгарских философов и социологов: Величко Добриянова, Любена Николова, Стояна Михайлова, некоторых других, которые, будучи вполне правоверными марксистами, не были дремучими, как некоторые советские академики, и импонировали мне своим системным мышлением и не конъюнктурными писаниями

Например, **В. Добриянов** (ныне покойный) — автор книги "Теория и история", или Ст. Михайлов (ровесник Ядова; никогда не интересовался, но уверен, что они и знакомы...) — автор книг "Общество как система" и "Эмпирическое социологическое исследование". Последний, между прочим, в конце 1970-х стал секретарем ЦК БКП (по идеологии...). Ну, не сочтем это за компрометирующее обстоятельство.

Мое прикосновение к болгарской, в частности, теоретической социологии было стимулировано знанием болгарского языка, приобретенным на филфаке Университета. Так что я читал С. Михайлова и др. по-болгарски раньше, чем они были переведены (впрочем, и переводили болгар на русский активно...). В 2000 г. этот давний эпизод моей профессиональной биографии был "воскрешен" случайной встречей с современной болгарской социологиней Светлой Колевой, которой я, кажется, подарил свою "Драматическую социологию..." (1997), а она мне прислала большой болгарский "Энциклопедический словарь по социологии" (1997) под ред. Ст. Михайлова. И в томе 4 "Драматической социологии..." (2005) помещены в "Эпистемологических дебатах" мои переводы трех статей из этого словаря, принадлежащих как раз Ст. Михайлову: "Наблюдение"; "Эксперимент, социологический"; "Анкета, косвенная"... Эти темы для автора не случайны, поскольку С. М. — автор первого болгарского учебника по "методологии и процедурам" социологического исследования (изданного в Болгарии в 1973 г., а переведенного на русский в 1975-м; напомним, что ядовский учебник вышел в издательстве "Наука" в 1972 г.).

Итак, по поводу "стимулирующего" наблюдения (участия...) Ядов ссылается на книгу Ст. Михайлова (1975 г. изд.). Открою-ка эту книгу, на указанной В.А. странице. А там... Вот неожиданность! Из книги Ст. Михайлова "Эмпирическое социологическое исследование" (М.: Прогресс, 1975):

"...**Симуляционный метод** (!! — А. А.). Это разновидность наблюдения. И тут непосредственно наблюдается поведение исследуемого лица, но в особой обстановке, созданной автором исследования экспериментально. В связи с этим симуляционный метод можно рассматривать и как вид эксперимента. Отличие его от эксперимента в собственном смысле слова заключается в том, что при симуляционном методе социолог создает ситуацию, которая известна или в

которой люди уже участвовали, и при эксперименте вводится новая социальная форма, которая раньше не существовала.

СИМУЛЯЦИОННЫЙ МЕТОД нужен тогда, когда программа исследования включает такие качества исследуемых лиц, которые не проявляются в обычных условиях, или же когда нужно проверить наличие и силу каких-то качеств. Например, в обычных условиях качество “смелость” проявляется редко, но имеются случаи, когда некоторые люди проявляют себя очень смелыми. Если это качество фигурирует в программе исследования, можно создать искусственно ситуацию, в которой исследуемое лицо проявит свою смелость, если обладает таковой, и покажет, в какой степени оно является смелым. Вообще, этот метод используют главным образом для раскрытия психофизиологических качеств, а также ОСОБЕННОСТЕЙ ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ ЛЮДЕЙ — морали, политических взглядов, эстетического вкуса и т. д. В системе обучения симуляционный метод применяется часто. Учебная боевая тревога в казарме, ограничение скорости движения на данном участке без объективной необходимости в этом с целью проверки дисциплинированности водителей и т. д. являются аналогичными средствами.

При использовании симуляционного метода следует очень хорошо подготовить и решить три вопроса. *Первый.* Как подготовить ТАКУЮ ИСКУССТВЕННУЮ СИТУАЦИЮ, КОТОРАЯ НИЧЕМ НЕ БУДЕТ ОТЛИЧАТЬСЯ ОТ ЕСТЕСТВЕННОЙ и непременно вызовет реакцию исследуемого лица по вопросам, интересующим анкетера. Если искусственная ситуация создана, но не вызывает реакцию исследуемого лица, то вся работа пропала. Очевидно, между ситуацией и интересами исследуемого лица должна быть какая-то тесная, существенная связь, чтобы оно не осталось безразличным к тому, что вокруг него происходит. *Второй.* Необходимо обеспечить полную тайну этого эксперимента. В частности, это требует найти достаточно естественный повод для того, чтобы втянуть исследуемое лицо в данную ситуацию. *Третий.* Надо определить порядок наблюдения и записи результатов. При наблюдении нельзя ничего опускать из поведения исследуемого лица в искусственно созданной обстановке.

присутствие анкетера (*стоит заметить, что термин **анкетер** в болгарской научной традиции означает “человека, занимающегося непосредственным сбором информации.* — А. А.) должно быть “узаконено”; оно также должно быть естественным и ни в коем случае не влиять на поведение исследуемого лица. Если нужно, для этой цели наблюдение может быть организовано скрытно. Вряд ли нужно подчеркивать, что симуляционный метод и по предмету, и по своему охвату является ограниченным. Его нельзя использовать при широком круге явлений, для изучения большого числа лиц, так что решение проблемы представительности информации при этом методе наталкивается на ряд затруднений. Вот почему симуляционный метод обычно используется как ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ метод” (с. 245-247).

Так, все же — СТИМУЛИРУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ или СИМУЛЯЦИОННЫЙ МЕТОД?! Ну, тут можно выдвинуть несколько *версий* или, как принято говорить в “научном дискурсе”, *гипотез*. Первая — “конфузная” (уповаю на ядовское чувство юмора, если он прочитает эти строки...): В.А. в 1987 г. (когда впервые ввел свой термин...) перепутал “симуляцию” со “стимуляцией”! Смешно, но с кем не бывает... И на Солнце случаются пятна! А дальше так и пошло, во всех изданиях... Только все же неправдоподобно!

Другая версия: Ядову хотелось как-то “протащить” в учебник, открывающийся (пока еще...) вступительной статьей “Актуальные методологические проблемы марксистско-ленинской социологии” (книга подписана к печати в ноябре 1987 г., а рукопись-то представлялась в изд-во “Наука” задолго раньше...) своего

опального (тогда...) сотрудника. Слова “экспериментальная социология” и “наблюдающее участие” у В.А. “на слуху”. Сколько на эту тему нами проговорено, да и отчетов написано... А есть ли понятийно-терминологические прецеденты? Тут Ядову вспомнилась классификация Ст. Михайлова (и впрямь, ссылка уместна: что такое “эксперимент социолога-рабочего”, как не создание “такой искусственной ситуации, которая ничем не будет отличаться от естественной...” (см. выше). Ну, ссылаться на болгарского социолога В.А. здесь не стал, тем более, что и своего-то спокойнее упомянуть только в библиографии (он же из партии все еще исключен...), а просто переименовал термин! “**Симуляция**” — как-то “неблагозвучно”... А вот “**стимуляция**” — в самый раз! *Стимулирующее включенное наблюдение*... Вполне подходит, хоть и в совсем другом отношении! Далее, переписывая этот сюжет из третьего издания учебника в четвертое и из четвертого в пятое, В. А. все больше приближался к авторской терминологии: *стимулирующее наблюдение* (по Ядову) = *наблюдающее участие* (по Алексееву). (Кстати, “драматическая социология” все более укореняется в разных разделах ядовского учебника. Правда, без этого термина... И правильно! В учебнике предпочтительны терминологическая осторожность и здоровый консерватизм). В пятом издании В.А. вспоминает о “первоисточнике” (поводе для?) своего термина — *стимулирующее наблюдение, или участие* (по Ядову-Алексееву) = *симулирующий метод* (по Ст. Михайлову). Отождествление здесь как бы латентное (просто указанием на страницы источника...). Самое замечательное, что и то, и другое, и третье (*наблюдающее участие*) — в общем правомерны, лишь по-разному акцентируя, выделяя разные аспекты единой, достаточно богатой “тотальности” метода.

(См. *Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 2 СПб.: Норма, 2003 262*).

Эта вторая версия — тоже довольно комична. Но, по крайней мере, не “обидна” для акторов (авторов). Завершая свои текстологические, терминологические и “историко-научные” изыскания, хочу заметить все же, что и у Ядова случаются “накладки” (хоть, по преимуществу, и изящные...) и “переборы”... Вот, например, в своем предисловии к “Драматической социологии...” (1997), а затем — в рецензии на нее же, опубликованной в “Социологических исследованиях” (1999, № 1), В. А. пишет, что А. “...стал основателем нового направления в отечественной социологии — *социологии действующего участия*”. Во-первых, “ДЕЙСТВУЮЩЕЕ УЧАСТИЕ” — это что-то новенькое... Может оговорка? Во-вторых, насчет “ОСНОВАТЕЛЯ” — явный перебор. Хоть и спасибо за комплимент, конечно...

P.S. Перелистывая ядовскую “Стратегию социологического исследования” (пятое издание учебника, 1998), нашел “себя” еще и в приложениях: “Аннотированный список литературы 1984-1997 гг. по методологии, методам и технике социологического исследования”. Там есть раздел: “*Методы и техника, применяемые в стратегии качественного анализа*”. Из этого раздела у Ядова (с. 514):

Алексеев А.Н. Драматическая социология. Эксперимент социолога-рабочего. Кн. 1, 2. — М.: Институт социологии РАН, СПб. филиал, 1997. Представлены результаты исследования автора за десятилетие (1978-1988). Название “драматическая социология” объясняется тем, что метод избранный автором предполагает ПРОВОЦИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО АВТОРСКОМУ СЦЕНАРИЮ, а также и тем, что сам исследователь подвергался за свою работу преследованиям со стороны советских властей. Центральное место в книге занимает история необычного эксперимента: работы А.Н.

Алексеева на промышленном предприятии в качестве СЛЕСАРЯ-РАЗМЕТЧИКА (о Боже! еще и “разметчик”! — А. А.) с исследовательскими целями. Автор называет свой методологический подход “НАБЛЮДАЮЩИМ УЧАСТИЕМ”, “ПОЗНАНИЕМ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ”, “ИССЛЕДОВАНИЕМ СЛУЧАЯ”.

Методический опыт осмысливается в контексте дискуссий о соотношении позитивистского (“жесткого”, количественного) и понимающего (“мягкого”, качественного) направлений в социологии.

Алексеев А.Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: Институт социологии РАН, 1997. Рассматриваются ключевые понятия оригинального методологического подхода, предложенного автором в исследовании “Человек в системе производственных отношений”. Это — НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СИТУАЦИИ, СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНОЕ И ТВОРЧЕСКИ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ и др. Приведены фрагменты документов наблюдений, писем, дневников, написанных автором в период проведения исследования».

Как я понимаю, эти аннотации писала **О.М. Маслова**. Спасибо, Оля!

Вместо заключения

Пожалуй, заслуживает быть приведенным здесь фрагмент на методологические темы из *первой* публикации автора об “эксперименте социолога-рабочего” (1982). Кстати, той самой, на которую ссылается В. Ядов в третьем и четвертом изданиях своего учебника (1987; 1995). Итак:

“...В ходе проводимого эксперимента нами предпринята попытка обоснования и индивидуального испытания научно-практического ПРИНЦИПА “АДАПТАЦИОННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА” ИЛИ **СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫХ ПРЕЦЕДЕНТОВ**. Этот принцип учитывает высокую социально-экономическую и социально-психологическую инерционность функционирования общественного, в частности, производственного организма и рассчитан на “подготовку почвы” для необходимых и, в известном смысле, неизбежных социальных преобразований. Названный принцип состоит в НАПРАВЛЕННОМ, НО НЕ ФОРСИРОВАННОМ РАСШАТЫВАНИИ “РУТИННОГО” БЛОКА СОЦИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ НОРМ-СТЕРЕОТИПОВ В КОНКРЕТНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ И В СОЗДАНИИ НАКАПЛИВАЮЩИХСЯ ПРЕДПОСЫЛОК ЕГО ОБНОВЛЕНИЯ И ЗАМЕЩЕНИЯ. Это может осуществляться за счет ненавязчивого задания таких образцов индивидуального и коллективного поведения, которые отвечают массовым ценностным ориентациям, пусть пока вопреки господствующим нормам-стереотипам. В научно-методическом плане предпринято обоснование и производится опробование МЕТОДИКИ НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ, предполагающей, в отличие от сложившегося методического стереотипа, активную позицию так называемого “включенного наблюдателя” в процессе научно-практического освоения, овладения социальной средой. В реализации этого метода ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО В ЕЕ “ЕСТЕСТВЕННОМ ВИДЕ”, НО И ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ РЕАКЦИЙ СРЕДЫ И ПОСЛЕДСТВИЙ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫХ, ИЗБИРАТЕЛЬНО АКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ.

В концептуально-мировоззренческом плане предпринятый опыт дает материал для обоснования выдвигаемого нами ПРИНЦИПА **ЕДИНСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, РЕФЛЕКСИИ И ИГРЫ**, КАК ЭФФЕКТИВНОГО СПОСОБА РЕАЛИЗАЦИИ АКТИВНОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ. Полагаем также, что для исследования возможностей и путей такой реализации в конкретных социальных условиях уместно ЛИЧНОСТНОЕ

СОЦИАЛЬНОЕ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ. (Алексеев А.Н.. Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта “экспериментальной социологии”) / Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во Томского университета, 1982, с. 169-170)
Все эти соображения были неоднократно повторены и позже, однако впервые их удалось опубликовать в **1982** г., в сборнике, вышедшем под редакцией тогдашнего руководителя социологической лаборатории Томского университета **Л.С. Гурьевой**. Спасибо, Люда!

P.P.S. Перед тем как опубликовать эту статью (2012), я показал ее В.А. Ядову. Его реакция была лаконичной и однозначной: «Можно печатать!».

А. Алексеев. Июль 2006 – июль 2012

(3)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-cto-skazat-mne-udalos-2013-ne-udalos>

А. АЛЕКСЕЕВ. ЧТО СКАЗАТЬ МНЕ УДАЛОСЬ – НЕ УДАЛОСЬ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 23.02.2016

Из цикла статей "Драматическая социология и наблюдающее участие"(3).

Первым опытом систематического описания «эксперимента социолога-рабочего», предпринятого автором этих строк в 1980-х гг., было ротاپринтное издание двухтомника «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)», состоявшееся в 1997 г. (М.: Институт социологии РАН). После чего автор занялся созданием своего opus magnum – едва ли не 2000-страничного сочинения, имевшего несколько промежуточных названий, но в конечном счете названного «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». (Книга под этим названием вышла в 4-х томах в петербургском издательстве «Норма», в 2003-2005 гг.) Тираж этой книги был невелик (400 экз.), но [благодаря интернету она стала общедоступной](#)⁴³ для профессионалов и для заинтересованных читателей. Уже много позже (в 2012 г.) в интернете были размещены три «дополнительных» тома под названием [«Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»](#)⁴⁴, включившие в себя материал, «не уместившийся» в 4-х томах 2003-2005 гг. Однако в промежутке между названными двумя «основными», было еще одно уж и совсем малотиражное (в выходных данных указано – 250 экз.) бумажное издание нескольких глав будущей «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» Эта книга называлась «Год Оруэлла (из опыта драматической социологии)» (СПб.: Ступени, 2001). Уже после выхода в свет этого издания автором были написаны «Заметки по поводу книги «Год Оруэлла»», поначалу рассматривавшиеся автором как расширенная аннотация к названной книге, но оказавшиеся своего рода авторским «манифестом» на тему о «драматической социологии», по состоянию

⁴³ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

⁴⁴ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

на конец 2001 г. Текст назывался: «Что сказать мне удалось – не удалось (из авторских заметок по поводу книги «Год Оруэлла». Впоследствии он был включен в том 2 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (2003).

Сейчас, перечитывая эти заметки, нахожу, что они вполне уместны в качестве составной части цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие, предпринятого нами ныне на портале Когита.ру.

А. Алексеев. 23.02.2016

**

Что сказать мне удалось — не удалось (Из авторских заметок по поводу книги «Год Оруэлла»)

<...> Чего автор хотел и что, по его мнению, ему удалось (не удалось...) сделать в этой книге, а также — чем данная работа, с авторской точки зрения, отличается от некоторых других. Могу сообщить тезисно:

1. Автор надеется, что сделал определенный вклад в развитие кристаллизующейся ныне парадигмы «субъект-субъектной» социологии, в отличие от «субъект-объектной». Разные исследователи используют разные термины: «субъективная», «интерактивная», «интерпретационная», «рефлексивная», «антропоцентричная», «гуманистическая», «диалогическая» социология и т. п. Перспектива сближения субъекта и объекта в социально-гуманитарных исследованиях, вплоть до их отождествления, опережающе усматривалась некоторыми мыслителями XX века (например, А. Швейцер, А. Ухтомский), в том числе классиками мировой социологии (например, П. Сорокин). Автор этой книги является одним из пионеров ныне бурно растущего применения качественных методов в отечественной социологии.
2. Придуманная автором «драматическая» социология является собой, по его мысли, одно из исследовательских направлений в рамках указанной новой парадигмы. В ней (драматической социологии) постулируется соединение элементов практической деятельности, рефлексии и игры. «Погруженный» в определенную социальную среду, исследователь (автор называет его «социологом-испытателем») наблюдает и анализирует последствия собственных действий в ней. Тем самым субъект исследования сам становится инструментом и контролируемым фактором исследовательского процесса («познание через действие»).
3. Разработанный и опробованный автором метод «наблюдающего участия», активное использование стихийно складывающихся в процессе «жизни-исследования» и намеренное (иногда говорят — «провокативное») построение «моделирующих ситуаций» были ранее освещены в монографии: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997. Ныне этот исследовательский подход представлен на новом материале: не только производственная, но и общественно-политическая, научная и прочая жизнь определенного исторического времени. Непосредственным объектом исследования при этом выступает политическое «дело» социолога-рабочего, развернувшееся в середине 80-х гг.
4. В отличие от большинства современных социологических работ, case study (исследование случая) является здесь не подсобным, а основным методом исследования. Причем (и тут, пожалуй, принципиальная новизна) в центре рассмотрения — «жизненный случай» **самого автора**, который (случай) вовсе не планировался заранее, а рационально и достаточно эффективно использован

субъектом жизни для исследовательских нужд. В описанной на страницах данной книги социальной коллизии автор экспериментировал как над собой, так и над социальными институтами. (Эксперимент над «другими людьми» социологу запрещен по моральным соображениям; так что непосредственными объектами экспериментального воздействия здесь выступали не люди как таковые, а «носители социальных ролей», представители социальных институтов, в частности, институтов власти, вплоть до вершин партийной и государственной иерархии, не исключая «тайной полиции».)

5. Автор производил «социологические испытания» как над социальными институтами, так и над собой. С легкой руки журналистов «перестроечного» времени это стали называть «экспериментом на себе». Существенным здесь является пристальное внимание субъекта исследования к собственным действиям и поступкам в предлагаемых социальных обстоятельствах, а также к мотивации этих поступков, вырисовывающейся не столько из прямых авторских рассуждений, сколько из контекста — содержания и форм взаимодействия личности и ее социального окружения в конкретных жизненных ситуациях.

6. Книга, составленная в основном из документов разных лет, построена как некое социолого-драматургическое произведение, где действующие лица вступают в отношения между собой, ведут диалог, обмениваются репликами, совершают индивидуальные поступки и групповые акции, реагируют на действия других людей. Здесь научное содержание соединяется с почти детективным сюжетом; в отличие от обычных академических трудов, это — «фабульное» сочинение; причем здесь представлены не только «жизненные приключения», но и, как хотелось бы думать автору (а уж судить — читателю!), — **приключения духа**. Если в «протоколах жизни» («записях для памяти», своего рода репортажах о значимых событиях и поворотах «дела» социолога-рабочего) преобладает «фактура», то, например, в личной переписке с друзьями и коллегами преобладает ауторефлексия — попытки экспликации определенной жизненной стратегии и тактики; причем показана эволюция той и другой на протяжении рассматриваемого периода (1983–1986).

7. Хотя сюжеты case study, представленного в книге, относятся к середине 80-х, «Год Оруэлла» вовсе не является только «жизненной историей в документах». В отличие от упомянутой выше работы 1997 г. (где «театр жизни на заводских подмостках» почти не комментировался «из сегодня»), данная монография очень густо насыщена современными **ремарками**, из которых явствует нынешнее (часто — весьма критическое) отношение автора к собственным «экспериментальным» и не экспериментальным действиям и, особенно, к своему тогдашнему образу мыслей, сформированному в основном «господствующими мыслями эпохи». (Автор замечает о себе, что был не столько «инакомыслящим», сколько «инакодействующим», в тех пределах, в каких диктовали ему инстинкт самосохранения, с одной стороны, и внутренняя убежденность в своей правоте или нравственное чувство, с другой.)

8. В итоге автор истолковывает сегодня всю свою «одиссею социолога-испытателя», и в частности — хитроумное единоборство с партийно-государственной машиной, как своего рода вынужденную инициативу и необходимую оборону личности против тоталитарных или авторитарных посягательств на свободу мысли и действия, а также на ее (личности) достоинство. Необходимая оборона — обычно в рамках социальных норм, официально декларированных в данной общественной системе. Официальные оппоненты социолога-испытателя порой вынуждены были отступать, сталкиваясь со скрупулезным соблюдением системных правил, какое

демонстрировал «неудобный» субъект в интеракции с социальными институтами.

9. Указанный в пункте 7 композиционный прием — соединение развернутых документальных свидетельств минувшего времени и современных интерпретаций (те и другие строго датированы), своего рода хронологические контрапункты индивидуального и социального сознания и поведения — почти не имеют прецедентов в нашей научной и философской литературе.²⁰ Вообще, автор претендовал быть (и, по-видимому, оказался) инноватором — не только в способе проведения исследования, но и в способе представления его процесса и результатов.

10. «Год Оруэлла» заявлен автором как автономная публикация нескольких глав некоего *opus magnum* — трилогии «Драматическая социология, социология жизненного пути и социологическая ауторефлексия». Но, будучи монотематической по своему содержанию (анализ «анатомии и физиологии» политического «дела» социолога-рабочего середины 80-х), эта отдельно взятая часть книги может рассматриваться и как самостоятельное, законченное, целостное произведение. Тут есть свои «завязка», «кульминация» и «развязка» — по всем законам сюжетно выстроенного повествования.

11. Стоит обратить внимание на «многоголосие» или «полифонию» данного сочинения. Автор редко перелагает точки зрения других людей (будь то единомышленники или оппоненты), предоставляя высказаться им самим. В известном смысле это коллективная монография, в которой много как со-актеров, так и со-беседников. Таковыми для автора выступают прежде всего коллеги и друзья: Р. Ленчовский, С. Розет (ныне покойный), Ю. Щеголев, А. Кетегат, А. Базникин (ныне покойный), Р. Баранцев, В. Дудченко и др. В книгу включены также обширные «цитаты»: извлечения из работ А. Кони, А. Любищева, Я. Гордина и некоторых других авторов, имеющие прямое или косвенное отношение к предмету исследования или сюжету книги.

12. Особое место в работе «Год Оруэлла» занимают приложения, составленные как из текстов прошлых лет (самого автора и его коллег), так и из работ последнего времени (теоретических по преимуществу): «Российское общество: «наследственность и изменчивость», «К вопросу о «парадигмах» в социологическом знании», «Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации», «Социологическое воображение, драматическая социология и социология жизни», «Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования». Уже одно перечисление названий этих работ дает представление о круге современных научных интересов социолога-экспериментатора. Некоторые — могут служить ключом к пониманию того, чего автор хотел и что, в той или иной мере, сумел сделать в основной части своей книги.

13. Пожалуй, автор настоящей книги претендует не только на научно-социологическую, но и на философско-мироотношенческую интерпретацию предпринятого им в 80-х гг. социального эксперимента, а затем — политического «дела» социолога-рабочего. Сделав инициативный, поначалу скромный вызов системе, человек получает ответные вызовы от судьбы (или общества?), на которые уже обязан отвечать, коль скоро «эту кашу заварил». Что бы с ним дальше ни случилось, он продолжает оставаться «наблюдающим участником» собственной жизни и социальных процессов, в которые вовлечен.

14. С учетом сказанного в пункте 13, анализируемый в книге опыт социолога-испытателя сегодня может быть осмыслен как одно из ранних и частичных предвосхищений современных «моделирующих ситуаций», а также образцов

«наблюдающего участия».23 Можно сказать, что актуальность «драматической социологии» сегодня не убывает, а **возрастает**.

А. Алексеев, ноябрь 2001

(4)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/naturnye-eksperimenty-i-pristrastnoe-znanie>

НАТУРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ И ПРИСТРАСТНОЕ ЗНАНИЕ

Автор: А. Алексеев; Д. Шалин; Б. Докторов — Дата создания: 25.02.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (4).

А. Алексеев – Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

Здравствуй, Дима!

Коль скоро в [недавней публикации Вашей переписки с Ядовым 2010-2014 гг.](#)⁴⁵ на страницах «Вестника общественного мнения» актуализировалась тема методологической и этической правомерности моего опыта "драматической социологии" 80-х гг, я счел уместным откомментировать на Когита.ру эту сюжетную линию вашей беседы. См. [Драматическая социология глазами Д. Шалина, В. Ядова и А. Алексеева](#)⁴⁶

При этом я использовал извлечения из своих статей в журнале «Телескоп», на страницах которого в 2011-2012 гг. разворачивалась наша дискуссия на эту тему. ...Пользуюсь случаем спросить Вас, как специалиста по наследию И. Гофмана: насколько отвечает Вашим требованиям этической корректности и проч. его "драматургическая социология"? Углубляясь в более далекую историю, интересно было бы рассмотреть с этой точки зрения также исследовательскую практику чикагской школы.

Ваш - Андр. Алексеев. 16.02.2016.

Д. Шалин – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову

Добрый день, Андрей.

С интересом перечитал нашу полемику о натурном эксперименте. Какие-то из ранее опубликованных материалов можно было бы добавить к вашей экспозиции. Например, два-три последних параграфа из моего ответа вам в *Телескопе*, где я отвечаю на вашу критику, <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/ds-reply-AA-12.pdf>. В частности, я там призываю заручиться согласием человека и предоставить ему возможность объяснить рассогласование слова/дела/аффекта, подчеркиваю значение такта и автобиографии, ставлю вопрос об ущербе репутации человека, лишенного анонимности – независимо от того, насколько нам симпатичен этот человек. Но всего существенного не воспроизведешь, а извлечения неизбежно выборочны.

Тут есть еще, о чем поговорить, с чем не согласиться. Скажем, я не вижу "логического противоречия между ... предположением о «неразглашении

⁴⁵ http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf

⁴⁶ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-d-shalina-v-yadova-i-a-alekseeva>

статуса» и требованием «согласования с участниками»». Приглашение участвовать в натурном эксперименте или быть объектом наблюдения обычно сопровождается гарантией анонимности и, как правило, принимается при наличии такой гарантии.

Я не уверен, что можно провести резкую грань между автобиографическим повествованием с его вниманием к частной жизни и исследованием общественной жизни, нацеленным на роли и институты. И в том и другом случае присутствует авто-рефлексия, описываются установки и эмоциональные реакции, раскрывается взаимовлияние институциональных и частных сфер. Это относится не только к само-презентации исследователя, но и к анализу действий объектов исследования. И поскольку эти объекты не социальные функции, а живые люди – субъекты истории, с которым мы делим жизненный мир (Lifeworld) – то расщепление жизненного опыта на автобиографический и безлично-институциональный вряд ли возможно, или, во всяком случае, плодотворно. Вы отмечаете “некоторую противоречивость его [Шалина] оценок: с одной стороны – наивысочайшие, имея в виду исследовательские результаты, а с другой – отрицающие правомерность самого процесса исследования, осуществлявшегося социологом-испытателем”. Да, противоречие здесь есть – как может проблематичная с точки зрения этики процедура дать ценные результаты? Но эта ситуация хорошо знакома исследователям в медицине, психологии, социологии. Ценность результатов не оправдывает сомнительные средства. Именно поэтому были учреждены комиссии по экспериментам с людьми и животными. Дело здесь не в политической корректности в смысле “говори и делай, чего требует партийная дисциплина”, а в балансировании целей и средств.

Я не думаю, что поднятые мною вопросы объясняются политкорректностью, что здесь нет предмета для серьезного обсуждения и пространства для честного расхождения во мнениях. Хотя, возможно, я нахожусь под влиянием предрассудков своего окружения. Со стороны виднее.

Что касается методологии Ирвинга Гофмана, то вопрос это запутанный. Я сейчас редактирую специальный номер журнала, посвященному Гофману, игорному делу и социальным рискам, <http://cdclv.unlv.edu/archives/publications/eg-vegas-journal.html>. Моя статья, открывающая эту подборку статей, представляет на сегодняшний день самую развернутую попытку применить концепцию биокритики, показать как история и теория трансформируются в биографии конкретного человека. Есть там раздел, где я разбираю методологию Гофмана и комментирую сомнительные стороны его этнографии игорного бизнеса в Лас-Вегасе.

Еще более интересна с точки зрения этики и методологии включенного наблюдения история дочери Ирвинга, Алисы Гофман. Два года назад она напечатала книгу *On the Run: Fugitive Life in an American City*. Это ее диссертационный проект, которому она посветила шесть лет жизни, проведя их с афроамериканцами в бегах от правосудия. Книгу приняли на ура, она получила ряд призов, Американская ассоциация социологов признала ее докторскую лучшей диссертацией года. Но потом дотошные критики обнаружили в книге сомнительные факты, неправдоподобные истории, статистические данные, якобы, основанные на 100% выборке жителей данного района. В методологическом аппендиксе Алиса Гофман рассказывает, как она принимала участие в криминальных разборках, помогая друзьям выслеживать врагов с целью их уничтожения (что по нормальным меркам не только не этично, но и преступно). Разразился грандиозный скандал. Ведущие газеты и журналы напечатали подборки материалов и анализов, посвященных делу Алисы Г. Ниже

привожу несколько ссылок на электронные публикации, посвященные этой истории. Будет желание разобраться в этой запутанной истории, посмотрите. А пока всего хорошего,

Дима (18.02.2016)

- Schuessler, Jennifer. *"Alice Goffman's Heralded Book on Crime Disputed"*. The New York Times.

- Lubet, Steven. *"Alice Goffman's Denial of Murder Conspiracy Raises Even More Questions."* The New Republic.

- Lubet, Steven. ["Ethics On the Run"](#). The New Rambler

- Campos, Paul. ["Alice Goffman's Implausible Ethnography"](#).⁴⁷ Chronicle of Higher Education.

- Parry, Marc. ["Conflict Over Sociologist's Narrative Puts Spotlight on Ethnography"](#)⁴⁸. Chronicle of Higher Education.

- Lewis-Kraus, Gideon. "The Trials of Alice Goffman". New York Times Magazine.

А. Алексеев – Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

Дорогой Дима!

Спасибо за обстоятельный ответ.

Как Вы понимаете, моя републикация своих аргументов из нашей "дискуссии через океан" была спровоцирована гальванизацией темы методологической и этической правомерности "драматической социологии" [в мемориальной публикации Вашей с Ядовым переписке 2010-2014](#).⁴⁹ Читатель этой переписки в "Вестнике общественного мнения" 2015 вряд так уж осведомлен о нашей полемике 2011-2012, и естественно мое желание донести до "нынешнего" читателя также и свою точку зрения по вопросу, который Вы тогда поставили перед Ядовым.

Я всего лишь комментировал (своими прежними возражениями) Вашу "инвективу". Реконструировать всю дискуссию я не претендовал, да в Вашей переписке с Ядовым уже содержался основной корпус Ваших претензий к "эксперименту социолога-рабочего" 1980-х гг.

Судя по Вашему нынешнему письму, никакого сближения наших точек зрения по данному вопросу не произошло. И наша полемика носит скорее "демонстративный" характер: каждый убеждает не столько другого, сколько общих для обоих читателей (подобно предвыборным дискуссиям конкурирующих кандидатов). Сейчас происходит уже "повтор" аргументации. Так что вряд ли есть смысл дальше дискутировать.

Как говорится, остаемся "при своих". Время, читатели, коллеги рассудят, если не предположить, что эта тема канет в Лету забвения.

Интересно то, что Вы рассказываете о дочери И. Гофмана. Ну, дочурка пошла в папу. Насколько я понял, скандальными оказались некоторые подтасовки в ее диссертации, а также хотя бы косвенное участие в преступных акциях. Но вряд ли сам факт включенного наблюдения (или наблюдающего участия - не знаю). Думаю, и сам И. Гофман, и - ранее - чикагцы не получали соответствующих разрешений от академических комиссий.

Уж не говорю о том, что в советской, да даже и в постсоветской социологии Ваш ригоризм вряд ли имеет право на существование. Вот уж кто экспериментирует у нас над людьми (как над животными!), так это государство. Но тут не помогут

⁴⁷ http://www.chronicle.com/article/alice-goffmans-implausible/232491?cid=at&utm_medium=en&utm_source=at

⁴⁸ http://www.chronicle.com/article/Conflict-Over-Sociologists/230883/?cid=pm&utm_medium=en&utm_source=pm

⁴⁹ http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf

никакие академические комиссии по этике.

Знакомство с Вашей статьей о Гофмане, включающей также разбор "сомнительных моментов его методологии" (очень интересно!) мне придется отложить, т. к. освоение англоязычного текста для меня все же трудоемко, а срочные дела подпирают.

При случае, черкните кратко, что там было сомнительного, равно как и у чикагцев (если было).

Мы с Вами, Дима, являем собой едва ли не классический тандем коллег-оппонентов. Как же приятно, что удастся удержаться на эмоционально корректном, академическом уровне взаимного публичного несогласия. Ваш - Андрей Алексеев. 18.02.2016.

Б. Докторов – А. Алексееву, Д. Шалину

Дорогие Андрей и Дима

...Мне ваша переписка крайне ценна, и ясно, почему. Вопросы, которые вы обсуждаете, и я обсуждаю давно... и непрестанно... и когда провожу интервью, и когда пишу историко-биографические книги... и никак не могу дать СЕБЕ на них ответы; конечно, практические решения я принимаю: спросить - не спросить? внести или не внести в очерк, книгу ту или иную информацию о герое? комментировать его позицию или нет?... но пока не готов сформулировать общих ответов... боюсь загнать СЕБЯ в тот угол этико-профессионального пространства, из которого мне САМОМУ будет сложно выходить... тем более, что я предполагаю продолжить написание историко-биографических текстов, будем, Боря. (18.02.2018)

Д. Шалин – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову

Андрей,

Считается, что Ирвинг Гофман провел два полевых исследования в своей профессиональной жизни. В 1949-1951 годах в Шотландии он исследовал фермеров-островитян в ходе работы над диссертацией по коммуникативному этикету. Результаты этого проекта частично отражены в книге *Презентация Я в повседневной жизни*. В 1956-1958 годах Гофман исследовал заведение для умалишенных, описав его в книге *Убежища: Эссе о пациентах клиник для душевнобольных и прочих узниках*.

Как я показываю в своей последней статье, Гофмане провел еще одно полевое исследование, в ходе которого он получил лицензию и затем работу крупнее в игорном заведении Лас-Вегаса. До последнего времени об этой работе мало что было известно. Гофман опубликовал статью об игроках и работниках казино, но неоднократно анонсированная книга по этому проекту так и не была напечатана. Первый этнографический проект Гофмана достаточно традиционен. Автор представился аборигенам как ученый, изучающий фермерское хозяйство, участвовал в местных сходках, помогал работникам местного мотеля. Более проблематичен второй проект, в ходе которого Гофман презентировал себя пациентам больницы чем-то вроде физрука. В книге приводится эпизод, где автор был свидетелем изнасилования одного пациента другим. Как следует из описания, Гофман не вмешивался в происходящее, используя ситуацию для сбора информации о том, как реагировали на этот инцидент пациенты.

По некоторым данным, Гофман получил работу в казино при помощи представителей организованной преступности, контролировавших игорное дело в Лас-Вегасе. Эта связь могла ему откликнуться, когда обнаружилось, что он при содействии коллег и участии жены выигрывал значительные суммы, используя метод подсчета выданных карт, разработанного известным математиком. По

свидетельству сына Гофмана, службы безопасности сфотографировали его родителей и выдворили их из казино с запретом там появляться. Желание Гофмана не спешить с публикацией книги об индустрии игорного дела становится понятным в этом контексте.

Можно по-разному оценивать этическую сторону исследований Ирвинга Гофмана и его дочери, Алисы Гофман. Отсутствие четких стандартов и контроля за работой этнографов Чикагской школы в 50-х годах дает возможность разночтений о приемлемости некоторых методов Ирвинга. В случае Алисы Гофман пространства для разночтений меньше, хотя и здесь оно присутствует и его нужно учитывать, принимая во внимание брутальность обращения полиции с афроамериканцами в городских гетто, описанную в книге АГ.

Среди участников этого проекта были дети в возрасте 11 лет. Дома у автора исследования скрывались от полиции несколько членов близкого ей бандформирования. Некоторые из ее друзей-соучастников были застрелены в ходе разборок между конфликтующими группировками. АГ сидела за рулем машины в ожидании партнера, которому она помогала охотиться за членами чужой банды.

Есть все основания сомневаться, что данный проект в том виде, в каком он описан в книге, получил одобрение университетской комиссии по исследованию с людьми. После того, как работа Алисы Гофман попала во внимание прессы, в академическом мире и за его пределами широко обсуждается вопрос о научном статусе метода включенного наблюдения и этике этнографии в целом.

Всем привет, Дима

Б. Докторов – Д. Шалину. Копия – А. Алексееву

Ого, Дима, неслабо... В моем понимании, и Гофман, и его дочь - «снесли» ряд важнейших барьеров, стоящих на пути между исследователем и людьми (ситуациями), которые он наблюдал... Я не знаю, что это ему принесло, что нельзя было получить иначе... Зачем наблюдать сексуальное насилие? что это дает? разве нельзя многое необходимое для НАУКИ, получить через глубокие опросы пострадавших (и насильников)? что дало Гофману то, что он слышал (если были?) крики жертвы? пот? кровь? не знаю... не знаю... где граница науки? будем, Боря. (19.02.2016).

А. Алексеев – Д. Шалину, Б. Докторову

Уважаемые друзья!

Беда и этические девиации И. Гофмана и Алисы Гофман, да и многих «включенных наблюдателей», состояла, по-видимому, в том, что в их «исследовательский план» изначально было заложено ВРАНЬЕ, в виде тех или иных «легенд», типа шпионских.

Насколько понимаю, они притворялись «своими» среди чужих, они выведывали «секреты» среды, они лишь «делали вид», хоть вроде бы ничем не отличались от своего окружения. Вадим Ольшанский рассказывал в своих воспоминаниях, как работяги едва не избили его, когда узнали о его «включенном наблюдении».

Я бы определил суть инсайдерского метода как ПОГРУЖЕНИЕ, причем не «понарошку», а всерьез. А всерьез – это также значит отказ от «анонимности», «инкогнито» и т.п. Тогда, кстати сказать, снимаются и все этические проблемы.

Ты не просто живешь «как они», но ты исполнен «эмпатии», ты идентифицирован с новыми товарищами, ты не ВРЕШЬ, ради познания, а просто ЖИВЕШЬ (участвующее наблюдение) или ДЕЙСТВУЕШЬ (наблюдающее участие), как член группы, имея когнитивную цель лишь частью своей жизненной мотивации и программы.

Интересно, что такую «идеологию («методологию»?) я исповедовал еще в первые свои опыты «хождения в рабочие» и т. п. (1960-х гг.). В «драматической социологии» 80-х это кристаллизовалось в то, что можно уже назвать методологией, без кавычек и знака вопроса.

В случае наиболее сильного, а именно - активистского «погружения», мне релевантного, происходит практически равноправная интеракция: ты учишься у окружающих и – параллельно – учишь их (им есть чему поучиться у тебя, и наоборот); ты адаптируешься к среде, но Ты и адаптируешь ее к себе. Ты испытываешь давление среды, но и встречно на нее давишь (противодействие равно действию)

При этом твои действия обусловлены вовсе не только исследовательской задачей, но – прежде всего - потребностями самой жизни, только ты не забываешь эти свои действия и их последствия фиксировать («протоколы жизни»), интерпретировать и осмысливать.

Вот, кстати сказать, почему у меня вызывают недоумение пополам с улыбкой попытки загнать «социолога-испытателя» в догматические нормативы американской «экспериментальной социологии». А буквальное, ученическое следование им, так просто приводит к абсурду.

Что касается полевых «погружений» в этнографии и антропологии, то , насколько слышал, были какие-то этические проблемы у некоторых классиков, но не у Швейцера и не у Миклуха-Маклая.

Ваш – АА. 19.02.2016.

Б. Докторов – А. Алексееву. Копия - Д. Шалину

Андрей, да, очень интересно и, похоже, верно... Действительно, погружение, о котором ты пишешь, «твое погружение» дает тебе много прав, каких не может быть у наблюдателей иного типа... Мне симпатична и аналогия с опытом Миклухи-Маклая и Швейцера.

Похоже, мой принцип «пристрастности» - из этого ряда...

Спасибо, Боря (19.02.2016).

А. Алексеев – Б. Докторову. Копия – Д. Шалину

Борис!

Тебе, наверное, будет интересна и созвучна концепция «личностного знания» Майкла Полани. Ниже извлечение из «Драматической социологии...», том 4. АА. 19.02.2016

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. СПб.: Норма, 2005

<...> П.23.2. ЛИЧНОСТНАЯ САМООТДАЧА КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИЗЪЮНКЦИИ МЕЖДУ СУБЪЕКТИВНЫМ И ОБЪЕКТИВНЫМ (М. ПОЛАНИ)

[С книгой М. Полани «Личностное знание», изданной в русском переводе («для научных библиотек») в середине 80-х, автору этих строк довелось ознакомиться в 1986 г. и найти в ней эпистемологическое подкрепление своим методолого-методическим поискам. — А. А.]

Из «Новейшего философского словаря» (1999)

Полани (Polanyi) Майкл (1891-1976) — британский философ, один из основателей постпозитивизма, выходец из Венгрии, сотрудник (с 1923)

Института физической химии (Берлин), в эмиграции с 1933, профессор физической химии и социальных наук Манчестерского университета (1933). В главных сочинениях по философии и социологии науки «Личностное знание. На пути к посткритической философии» (1958), «Неуважение свободы» (1940), «Основания академической свободы» (1947), «Логика свободы» (1951), «Знание и бытие, эссе» (1969) и др. выступил в 40-х с критикой основных принципов логического позитивизма, в 50-х — разработал концепцию «неявного знания». Стремился конструктивно преодолеть идею о возможности деперсонифицированного представления научного знания, неправомерно приравняемого к объективности последнего. В структуре ориентировочной и познавательной активности — в сенсомоторных навыках, восприятии, использовании языка, методах диагностики и экспериментирования, актах научного творчества и т. д. — П. выделял явные и неявные компоненты. Последние, по П., осваиваются человеком в практических действиях, в совместной научной работе и служат основанием его целенаправленной активности. В науке явное знание представлено как интерперсональное знание (в понятиях и теориях), неявное — как личностное знание, вплетенное в искусство экспериментирования и теоретические навыки ученых, в их пристрастия и убеждения. Неявное знание, согласно П., не допускает полной экспликации и транслируется через непосредственное («из рук в руки») обучение мастерству научного поиска и личные контакты ученых. Научный опыт у П. — внутренне переживаем, обусловлен страстным желанием исследователя достичь подлинно научной истины, явно личностно окрашен. П. ввел в оборот понятие «научное сообщество». В ряде работ подчеркивал необходимость определенных социокультурных условий для поддержания свободных научных коммуникаций и сохранения научных традиций.

А. Грицанов

(Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск: изд. В. М. Скакун, 1998, с. 528.

[Здесь предлагаю вниманию читателя свои давние выписки из книги М. Полани. — А. А.]

Из предисловия В. Лекторского к русскому изданию книги М. Полани «Личностное знание» (1985)

<...> Появившись в печати на фоне безраздельного господства позитивизма в англо-американской философии, уже первые эпистемологические работы М. Полани привлекли внимание оригинальностью методологического подхода. М. Полани известен как один из основоположников так называемого исторического направления в англо-американской философии науки постпозитивистской ориентации. Он одним из первых в англо-американской философии подверг серьезной критике позитивистское противопоставление философии науки тезис о беспредпосылочности (философской ненагруженности) научного знания, свойственные позитивизму наивно индуктивистские представления о логике научного открытия. Критикуя позитивистский образ науки, М. Полани выступает против так называемого эмпирического фундаментализма, согласно которому ученый должен стремиться к исключению понятий, не имеющих чувственного прообраза, к элиминации «метафизических проблем».

Но М. Полани противостоит и так называемому «критическому рационализму» постпозитивистов. Исходные теоретические представления М. Полани о механизме развития науки резко контрастируют с попперовскими.

Так, например, если Поппер считает рациональность имманентной чертой науки и ищет внутреннюю логику ее развития, отвлекаясь от воздействия на нее социально-культурных факторов, то М. Полани рассматривает в качестве имманентных характеристик науки ее культурно-исторические детерминанты, формирующие не только институциональный облик науки, но и сами формы научной рациональности. Если Поппер пытался строить «эпистемологию без познающего субъекта», то пафос работ М. Полани связан с выявлением человеческого фактора науки. (Можно полагать, что самим названием своей известной книги «Объективное знание» (вышедшей после данной работы) К. Поппер сознательно противопоставляет свои идеи концепции М. Полани). М. Полани считается одним из основателей западной социологии познания, исследовавшим проблемы научных традиций, научных школ, вопросы внутринаучной коммуникации.

<...> Собственно эпистемологическая концепция М. Полани <...> противостоит и позитивизму, и «критическому рационализму» постпозитивизма. Автор подвергает критике кантовское *arguere*, через которое, как утверждает он, знание явлений редуцируется к порядку без проникновения в структуру вещей самих по себе и их внутренних взаимоотношений. Смысл же научного исследования М. Полани видит в проникновении во внутреннюю рациональность и объективную структуру реальности. Научные гипотезы не выводятся прямо и непосредственно из наблюдения, а научные понятия — из экспериментов. М. Полани настаивает на отсутствии «логического моста» между фактами и теорией, обосновывает невозможность создания логики научного открытия как формальной системы. Теоретико-познавательная концепция М. Полани, таким образом, нацелена на преодоление как плоско-эмпирического, так и формально-логицистского подходов.

Сердцевиной теории познания М. Полани является его эпистемология неявного знания. Изложению этой концепции и посвящена данная монография, впервые вышедшая в 1958 г. в Англии, а затем переизданная в 1962 г. в США. Цель исследования автор видит в изучении процесса научного познания как постижения объективных связей универсума с учетом исключительной конструктивной роли познания.

<...> Основным стержнем концепции неявного знания является положение о существовании двух типов знания: центрального, или явного, эксплицитного, и периферического, неявного, скрытого, имплицитного. Причем имплицитный элемент трактуется не просто как неформализуемый избыток информации, а как необходимое основание логических форм знания. <...>

В. А. Лекторский

(Цит. по: М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985, с. 5-8)

Из книги М. Полани «Личностное знание» (1958)

(В скобках указаны страницы по изданию: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985).

Из предисловия

<...> Прежде всего я отказался от идеала научной беспристрастности. В точных науках этот ложный идеал не приносит большого вреда, поскольку там ученые

нередко им пренебрегают. Но, как я постараюсь показать, в биологии, психологии и социологии его влияние оказывается разрушительным, искажающим все наше мировоззрение даже за пределами собственно науки. Я хочу предложить иной идеал знания. (18)

<...> Может показаться, что эти два слова [*«Личностное знание»*. — А. А.] противоречат друг другу: ведь подлинное знание считается безличным, всеобщим, объективным. Но это кажущееся противоречие разрешается иной трактовкой самого понятия «знание». (18)

<...> Для меня **знание — это активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее особого искусства** [*здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, выделено мною*. — А. А.]. (18)

<...> **Постигание** не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом: оно ответственный акт, претендующий на всеобщность.

Такого рода знание на самом деле **объективно** [*выделено М. П.* — А. А.], поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как **условие предвидения** неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей. Мне думается, что термин «личностное знание» хорошо описывает этот своеобразный **сплав личного и объективного**. (19)

<...> Я показал, что в каждом акте познания присутствует **страстный вклад познающей личности** и что эта добавка — не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания. (19)

Из части I (Искусство познания)

<...> Цель моей книги состоит в том, чтобы показать, что абсолютная объективность, приписываемая обычно точным наукам, принадлежит к разряду заблуждений и ориентирует на ложные идеалы. (40)

<...> Хотя **содержание науки, заключенное в ясные формулировки**, преподается сегодня во всем мире в десятках новых университетов, **неявное искусство научного исследования** для многих из них остается неведомым. [*выделено М. П.* — А. А.]. (87)

<...> Можно допустить, что если в науке и технике применяется экспертиза или привлекаются знатоки, то это делается по той простой причине, что измерением их не заменишь. Измерению присуща большая объективность, благодаря которой его результаты являются устойчивыми независимо от того, где и как оно осуществляется. Однако то большое количество учебного времени, которое студенты химии, биологи и медики посвящают практическим занятиям, свидетельствует о той важной роли, которую в этих дисциплинах играет передача практических знаний и умений от учителя к ученику. В самом сердце науки существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно. (89)

<...> Личностное знание в науке является результатом не выдумки, но открытия и как таковое призвано установить контакт с действительностью <...>. Оно заставляет нас отдаться видению реальности с той страстью, о которой мы можем и не подозревать. Ответственность, которую мы при этом на себя принимаем, нельзя переложить ни на какие критерии верифицируемости или фальсифицируемости или чего угодно еще. Потому что **мы живем в этом знании, как в одеянии из собственной кожи**. (101).

<...> **Интеллектуальная самоотдача** — это принятие ответственного решения, подчинения императиву того, что я, находясь в здравом сознании, считаю истинным. Это акт надежды, стремление исполнить долг в рамках ситуации, за которую я не несу ответа и которая поэтому определяет мое призвание. Эта

надежда и этот долг выражаются в **универсальной направленности** личностного знания. (102)

Из части II (Неявное знание)

<...> Я показал наличие молчащего знания и мышления, а также области, где молчаливая компонента в качестве фокуса нашего внимания есть значение воспринимаемой (или только что воспринятой) нами на слух речи. <...> Теперь мы обратимся к более сложно организованной области не полностью **концептуализированных** (в этом фрагменте выделения принадлежат М. П. — А. А.), которые могут представлять собой:

(а) поиск оцупью, результаты которого должны быть затем **скорректированы** в свете достигнутого нами молчаливого понимания;

(б) предвосхищающую догадку, которая позднее должна **смениться** нашим молчаливым пониманием. (136-137)

<...> Благодаря наличию **эмоциональной составляющей** мы можем рассматривать науку в одном ряду великих систем человеческого познания. (195)

<...> Науку считают чем-то устанавливаемым объективно, независимо от ее эмоциональных корней. Здесь необходимо подчеркнуть, что с этим мнением я не согласен. <...> Мне хочется показать, что **страстность в науке** — это не просто субъективно-психологический побочный фактор, но **логически неотъемлемый элемент науки**. (196)

<...> Любой процесс исследования, не руководимый интеллектуальными эмоциями, неизбежно потонет в тривиальностях. (197)

<...> Утверждение будет приемлемо как компонент науки, если оно обладает, и будет тем более ценно, чем в большей мере оно обладает:

(1) достоверностью (точностью),

(2) релевантностью для данной системы знания (глубиной) и

(3) самостоятельной значимостью.

Два первых из этих критериев приняты в науке, третий — по отношению к ней является внешним.

Применяются все три критерия совместно, а потому недостаточность по одному из них в основном компенсируется в случае хорошего выполнения остальных. (198)

<...> Всеобщая тенденция стремиться в науке к точности наблюдений и систематичности **в ущерб содержательной стороне дела** по-прежнему вдохновляется идеалом строго объективного знания, который содержался в парадигме Лапласа. Эта тенденция ведет в перспективе к еще более широкой **интеллектуальной дезорганизации** — к опасности, угрожающей всем ценностям не только науки, но и культуры в целом. (205)

<...> Философское движение, основанное на стремлении к научной строгости (Лаплас), стало угрозой для положения самой науки. (207)

<...> Приятие нового есть эвристический процесс, акт, в котором личность изменяет себя, следовательно (в той мере, в какой это так) — это — акт обращения. (218)

<...> Наука есть система убеждений, к которой мы приобщены. (246)

Из части III (Обоснование личностного знания)

<...> Лишь слова с **неопределенным** значением могут иметь отношение к действительности. <...> Решение принять риск неопределенности не позволяет считать **точность** значения каким-то идеалом. (255)

<...> Любая философия, выдвигающая своим идеалом строгость значения, самопротиворечива. Ибо если такая философия рассматривает деятельную сопричастность философа к значению того, что он говорит, как недостаток, препятствующий достижению объективной общезначимости, то она должна на основании этой нормы отвергнуть и самое себя. (257)

<...> К настоящему времени выяснилось, что современный **сциентизм** сковывает мысль не меньше, чем это делала церковь. (276)

<...> Сегодня мы снова должны признать, что **вера** является источником знания. Неявное согласие, интеллектуальная страстность, владение языком, наследование культуры, взаимное притяжение братьев по разуму — вот те импульсы, которые определяют наше видение природы вещей и на которые мы опираемся, осваивая эти вещи. Никакой интеллект — ни критический, ни оригинальный — не может действовать вне этой системы взаимного общественного **доверия**. (277)

<...> Наука существует лишь в той мере, в какой существует страстное стремление к ее совершенству, и только при условии, что мы верим, что это совершенство суть гарантия вечности и всеобщности знания. (278)

<...> Я убежден, что я должен стремиться узнать, во что я действительно верю, и пытаться сформулировать убеждения, которых я придерживаюсь. (278)

<...> Личностная причастность познающего субъекта тому процессу познания, которому он вверяет себя, осуществляется в порыве страсти. Мы осознаем **интеллектуальную красоту** как ориентир для открытий и как признак истинности. <...> (299)

<...> ...концепция **личностного** [выделено М. П. — А. А.], которое не есть **ни субъективное, ни объективное**. Поскольку личностное подчинено требованиям, которые оно само признает как нечто от него независимое, оно несубъективно; но поскольку оно есть действие, руководимое индивидуальными страстями, оно и необъективно. **Оно** [личностное. — А. А.] **преодолеывает дизъюнкцию между субъективным и объективным**. (300)

<...> Будучи несовместимой с идеалом полностью формализованного разума, оригинальность в то же время есть нечто совершенно отличное от удовлетворения влечений. Ибо наши влечения — именно наши и направлены они на достижения именно **нашего** [выделено М. П. — А. А.] **удовлетворения**, в то время как ученый-открыватель ищет такое решение проблемы, которое было бы удовлетворительным и обязательным и для него, и для всех остальных. (302)

<...> **Самоотдача** есть не что иное, как некий личностный выбор, выбор искомый, при котором человек ищет и в конце концов принимает нечто такое, что и он сам, и тот, кто описывает эту ситуацию, считают заданным безлично. Напротив субъективное всецело обусловлено характером того состояния, в котором находится данная личность. Мы видим, что в ситуации самоотдачи имеется **взаимная корреляция между личностным и всеобщим**. (303)

<...> Самоотдача является единственным путем приблизиться к всеобщедостоверному. (304)

<...> Согласно логике самоотдачи, **истина есть нечто, о чем можно мыслить, только будучи в этом убежденным** [выделено М. П. — А. А.]. (308)

<...> **Личностное** осуществляется в утверждении своей устремленности к всеобщему, а **всеобщее** конституируется в его принятии в качестве безличностного условия личностной самоотдачи.

Личностная привязанность порождает парадокс преданности: личность утверждает свою рациональную независимость, повинаясь велению своей совести, то есть обязательствам, возлагаемым личностью самой на себя. Лютер выразил эту ситуацию своим заявлением: «На том стою и не могу иначе». Эти слова могли бы быть произнесены и Галилеем, и Гарвеем, и Эллиотсоном. Они выражают суть той ситуации, в которой находится всякий первопроходец в искусстве, науке, практическом действии или вере. (313)

<...> В приверженности научному поиску **уверенность, самоотдача и законоположение сливаются в единую мысль, говорящую о скрытой реальности.** (318)

<...> Принять личностную вовлеченность как единственное отношение, в рамках которого мы можем верить в истинность чего-либо, — значит отказаться от всех попыток найти строгие критерии истины и строгие процедуры для ее достижения. Результат, получаемый с помощью механического применения строгих правил, безличностной вовлеченности кого-либо, не может ничего и ни для кого означать. И так, отказываясь от тщетной погони за формализованным научным методом, концепция вовлеченности принимает вместо этого личность ученого в качестве деятельного субъекта, ответственного за проведение и удостоверение научных открытий. Процедура, которой следует ученый в своем исследовании, является, конечно, методической, однако **его методы — это лишь максимы некоторого искусства, которые он применяет в соответствии со своим собственным оригинальным подходом к проблемам, им выбранным. Открытия являются составной частью искусства познания, которое можно изучить с помощью наставлений и примеров. Но для овладения вершинами этого искусства необходимы особые прирожденные дарования, соответствующие конкретным особенностям исследуемых предметов.** (318)

<...> Главное различие, проводимое в теории самоотдачи, — это различие между переживаниями, которые испытываются нами просто как страдание или удовольствие, и **переживаниями, которым свойственна некая активность.** Всякого рода беспорядочные, судорожные движения нельзя признать деятельностью, но все, что обнаруживает тенденцию к достижению некоторого результата, следует считать таковой, неважно, идет ли речь о каких-либо телесных движениях или же только о мысли. (320)

<...> Эта позиция не является солипсистской, ибо она основана на вере во внешнюю реальность и подразумевает существование других лиц, которые также могут приближаться к той же реальности. (325)

<...> Философия, провозглашающая изначальность доверия, не устраняет сомнение, но говорит подобно христианству, что мы обязаны **придерживаться того, во что мы истинно верим, вверившись почти неразличимым проблескам истины, призывающим нас делать то, что мы делали, даже тогда, когда сознаем, сколь абсурдно малы наши шансы на удачу.** (329)

<...> В своих влечениях разум правомочен осуществлять свою власть над гораздо более обширными областями, чем это представляет себе объективизм. Объективизм стремится избавить нас от всякой **ответственности** за приверженность к нашим убеждениям. Вот почему он может быть логически развит в виде систем мысли, в которых из жизни и из человеческого общества изгоняется ответственность человеческой личности.

<...> Мы отбрасываем ограниченность объективизма, чтобы исполнить свое призвание, которое обязывает нас сделать наши умы **открытыми** по отношению к множеству вещей, представляющих подлинный интерес для человека. (337)

(М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985)

Д. Шалин – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову

Андрей,

Спасибо за разъяснения. Я тоже опираюсь на работы Полани, которые пересекаются с идеями Милса, Гоулднера, Пирса, и я использую их в теоретико-методологическом разделе одной из моих работ по биокритике,

<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/symb.82/pdf>.

Тут есть о чем поговорить, с чем согласиться и с чем поспорить. Но нет времени. Поэтому ограничусь самоцитатой (см. ниже). Приношу извинения за то, что она по-английски.

Всего доброго, Дмитрий (21.02.2016)

Work on this emergent research program (Shalin 2007, 2008b, 2010, 2011, 2012) takes its inspiration from many sources. From C. Wright Mills (1959:6), it borrows the premise that “No social study that does not come back to the problem of biography, of history and of their intersections within a society has completed its intellectual journey.” Gouldner (1970:40, 41) reinforces this message with a concept built around the notion that “every theory is also a personal theory,” that “however disguised, an appreciable part of any sociological enterprise devolves from the sociologist’s effort to explore, to objectify, and to universalize some of his own most deeply personal experiences.” Polanyi (1952:26) gives this undertaking credence with his demonstration that scholarly ideas have “a passionate quality attached to them,” that “no sincere assertion of fact is essentially unaccompanied by feelings of intellectual satisfaction or of a persuasive desire and a sense of personal responsibility.” And Peirce’s pragmatist maxim supplies theoretical fodder for the biocritical inquiry premised on the notion that “the ultimate meaning of any sign consists either of . . . feeling or of acting or being acted upon” (Peirce 1931–1935:5.7; see Shalin 2007).

А. Алексеев – Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

Интересно, Дима, как, имея общий background – Полани, Миллс, Гоулднер (у меня еще: Вебер, Швейцер, Ухтомский, этнометодологи) – мы приходим порой к противоположным заключениям. То ли от богатства идей учителей, то ли от собственной «изворотливости ума». Спасибо за релевантную автоцитату. Ваш – Андр. Ал. 21.02.2016.

Б. Докторов – Д. Шалину. Копия – А. Алексееву

Браво Gouldner: “every theory is also a personal theory”. Спасибо, Дима, всего, Боря. (21.02.2016)

Д. Шалин – Б. Докторову, А. Алексееву

Андрей, Борис.

В том то и дело, что познание глубоко личностное дело. Погружение способствует, но не предопределяет результатов. Тем более не гарантирует от ошибок, предвзятых интерпретаций, моральных проколов. Случай Алисы Гофман тому свидетельство.

АГ шесть лет жила в филаделфийском гетто среди молодых изгоев, которые

прекрасно знали, кто она и зачем хочет жить в их среде. Алиса сошлась с родителями своих друзей, обучала их младших братьев и сестер, помогала им окончить школу, сдать экзамены и поступить в вузы. Она ходила на судебные заседания, платила залог за освобождение подозреваемых, носила передачи в тюрьму, помогала семьям без кормильца. АГ выстрадала свое место в этой культурной нише (has gone native) и была там принята как своя (became one of us). Отсюда – живость ее наблюдений и свежесть анализа. Тем же объясняется публицистическая сила ее активистской позиции. Тем не менее, ряд ее поступков и обобщений более чем проблематичны. Погружение, ангажированность, инсайдеровская точка отсчета дело хорошее. Но не мешает еще быть или стать Швейцером, чтобы включенное наблюдение принесло больше пользы, чем зла. Всего вам хорошего в жизни и научном поиске. Дима (22.02.2016).

А. Алексеев – Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

Случай Алисы Гофман, конечно. яркий и показательный. От ошибок не застрахован никто, ни адепт Полани, ни адепт Поппера. Слава Богу, хоть Альберт Швейцер вне подозрений. Ваш - АА. 22.02.2016

А. Алексеев – коллегам

Уважаемые коллеги!

При возможности и желании, смотрите на Когита.ру:

[Драматическая социология глазами В. Ядова и А. Алексеева](#)⁵⁰

Ваш - А. Алексеев. 22.02.2016

А. Алексеев – коллегам

И еще, из той же серии. Будет время - полистайте:

[А. Алексеев. Что сказать мне удалось – не удалось](#)⁵¹

АА. 23.02.2016

Б. Докторов – А. Алексееву и др.

Спасибо, Андрей, очень своевременное напоминание... текст написан в 2001 году, но сейчас он нужнее, полезнее, чем тогда, так как - стал понятнее, ибо многое из тогда «темного» стало теперь «обыденным». Б. (23.02.2016).

Д. Шалин – А. Алексееву и др.

Коллеги,

Я признателен Андрею Алексееву за публикацию на его сайте извлечений из диалогов Ядова-Шалина. Полный текст диалогов, опубликованный *Вестником общественного мнения*, можно найти на сайте “Международная биографическая инициатива”, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf.

Андрей прокомментировал эти диалоги в той части, где они касались метода включенного наблюдения и его хорошо известного исследования заводской среды. Я ответил на его комментарии своими, у нас завязалась переписка. Со временем к ней присоединился Борис Докторов.

Надеюсь, Андрей и Борис выпустят в свет свою часть нашего разговора. А пока предлагаю вниманию мои соображения общего порядка, высказанные в ходе

⁵⁰ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-yadova-i-a-alekseeva>

⁵¹ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-cto-skazat-mne-udalos-2013-ne-udalos>

нашего обмена мнениями. Возможно, кому-то это будет интересно.
Всем привет из Лас-Вегаса.
Дмитрий. 2.23.2016
(К этому обращению были приложены письма Д. Шалина, приведенные выше. –
А. А.)

А. Алексеев – Д. Шалину и др.

Дорогой Дима!

Вы упредили мою публикацию не только своих писем на эту тему, но и всего нашего эпистолярного обмена (Шалин – Алексеев – Докторов) последнего времени. Получилось, на мой взгляд, довольно содержательно, и не без интриги. См. на Когита.ру: [«Натурные эксперименты и пристрастное знание»](http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-poznanie-deistviem-tak-chto-zhe-takoe-201cdramaticheskaya-sociologiya201d). Уже одна только Ваша информация об Ирвинге Гофмане и его дочери Алисе и их натуральных экспериментах, а также моя композиция извлечений из книги Майкла Полани «Личностное знание» могут расширить профессиональный и общекультурный кругозор заинтересованных свидетелей нашей переписки. Ваш - Андрей Алексеев. 25.02.2016.

(5)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-poznanie-deistviem-tak-chto-zhe-takoe-201cdramaticheskaya-sociologiya201d>

А. АЛЕКСЕЕВ. ПОЗНАНИЕ ДЕЙСТВИЕМ (ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ “ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ”?)

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 03.03.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (5)

А. Алексеев

Познание действием (Так что же такое “драматическая социология”?)

Содержание:

Предуведомление

- Из интервью 2006 года

- **Извлечения из “дела” социолога-рабочего (1984-1987)**

- Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой. 1986

- Вместо заключения

**

Предуведомление

Весной 2006 года мой давний друг и коллега Борис Докторов, к тому времени уже свыше 10 лет проживавший в США, обратился ко мне с предложением-просьбой ответить на его вопросы для биографического интервью. Я согласился. Часть этого интервью была тогда же, в 2006 году, опубликована в питерском журнале «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (№ 5), с приложением некоторых извлечений из моей тогда недавно вышедшей книги «Драматическая социология и социологическая

ауторефлексия»[1], иллюстрирующих основные положения ответов на вопросы интервьюера.

Работа эта, с комментарием Б. Докторова, была также вывешена на сайте американо-российского проекта «Международная биографическая инициатива» [2].

Сейчас, с учетом, как могу предположить, отсутствия существенных пересечений между аудиториями разных информационных ресурсов, беру на себя смелость предложить чуть сокращенный вариант электронному журналу «Семь искусств».

А. Алексеев. Апрель 2012 года.

Из интервью 2006 года

- Как сложилась идея драматической социологии? Я имею в виду и суть книги, и ее жанр, и термин...

- Будем различать жанры — *исследовательский* и *литературный*.

Начну с первого. Драматическая социология, в моем понимании, это определенный способ (жанр...) исследования, в рамках того, что принято называть *деятельностно-активистским* подходом в социологии (ныне обретающем все больше приверженцев). Другая родовая характеристика “драматической социологии” — это принадлежность к тому, что называют *микросоциологией*. И, наконец, речь идет об одной из вариаций “субъект-субъектной” (в отличие от “субъект-объектной”), гуманистической, *качественной* (в смысле — “качественные методы”...) социологии. В “драматической социологии”, как правило, имеет место *исследование случаев* (что вовсе не исключает амбиции социальных обобщений...) [3].

Указав на родовые признаки, обратимся к специфике.

Основным методом “драматической социологии”, по-видимому, является **НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ**. В отличие от участвующего (или включенного) наблюдения, предполагающего максимальную “мимикрию” исследователя в изучаемой социальной среде (быть и поступать “как все”, наблюдая и фиксируя естественное развитие ситуаций и процессов), наблюдающее участие предполагает изучение социальных процессов и явлений через целенаправленную активность субъекта (исследователя...), делающего собственное поведение своеобразным инструментом и фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не “извне”, а “изнутри” ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика так называемых **МОДЕЛИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

Лет 20 назад мне довелось — признаюсь, вовсе не в “научном трактате”! — провозгласить что-то вроде исследовательского кредо или девиза “драматической социологии”: **“познание через действие”**. (Можно сказать и еще лаконичнее: “познание действием” — формулировка А. Ющенко). Причем именно за счет “социологического действия” (понимаемого предельно расширительно...), достраивалось до триады известное различие социологической теории и социологической эмпирии.

Еще один термин, уместный в этом контексте: СОЦИОЛОГ-ИСПЫТАТЕЛЬ. В “драматической социологии” обычно имеет место своего рода профессионально-жизненный, социально-личностный эксперимент (иногда говорят: “эксперимент на себе”, но это звучит слишком красиво).

Может быть, ты заметил, что первый из 4-х томов “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” так и называется: “В поисках жанра”... Речь идет главным образом об исследовательском жанре.

...Но тут, пожалуй, стоит оговорить, что только к “действию” этот способ исследования не сводится, существенны еще и “*рефлексивная феноменологическая надстройка* над наблюдениями-описаниями-идентификациями плюс *контекстуальный анализ*”, как “саморазвитие метода наблюдающего участия” (формулировки Р. Ленчовского). Уже сами по себе описания, “протоколы жизни”, они же — рабочие документы исследования, своего рода “полевые дневники”, являются неотъемлемым элементом исследования, как такового.

Мне еще хотелось бы обратить твое внимание на отличие драматической социологии (в изложенном смысле) от “социологии действия” и “социологической интервенции” (по Турену). Дело в том, что туреновская *социология действия* — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует также момент социальной педагогики, своего рода “внесения сознательности в стихийность движения” (что подтверждается, например, опытом применения метода социологической интервенции в “студенческой революции” во Франции в конце 60-х гг. прошлого века).

Между тем, социолог-испытатель, как исследователь, не претендует на организацию “коллективной борьбы”. В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысложизненной задачей (соответственно, комбинацией этих задач и мотивов).

Другое необходимое размежевание — между “драматической социологией” (в изложенном смысле...) и *драматургической социологией* Ирвинга Гофмана. Должен, не без смущения, признаться, что о последней я до середины 90-х гг. и не слыхивал. Теперь же замечу, что если у Гофмана все социальные и межличностные интеракции интерпретируются “в театральном ключе” (“*Wir alle spielen Theater*”...), то в “драматической социологии” речь идет лишь об игровых моментах в поведении исследователя.

Термин ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ относится мною к тому “жанру” социологического изыскания, где происходит соединение (интеграция?..) *практической деятельности, рефлексии и игры* (с социальным объектом...), которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик “социологической драмы”; не путать с “социодрамой”...). И еще одно, пусть не столь специфичное (поскольку, относимо, полагаю, и не только к обсуждаемому исследовательскому подходу) определение: “драматическая социология” — принципиально *диалогична и интерактивна* (это может быть диалог, взаимодействие исследователя и с непосредственным социальным окружением, и с социальными институтами...). То есть это — *коммуникативная социология*.

Теперь, насчет истории терминов. *Наблюдающее участие, моделирующие ситуации, социолог-испытатель* — вышли из писем-дневников социолога-рабочего начала 1980-х гг. Ставя тогда “социологическую драму” исследования производственной жизни изнутри, “глазами рабочего”, я испытывал своего рода эйфорию овладения новой жизненной (и профессиональной...) ситуацией и, можно сказать, фонтанировал новыми понятиями и оригинальными терминами.

Среди них, например: *вынужденная инициатива* (“инициатива, направленная на предотвращение неблагоприятных последствий ее отсутствия”), *адаптационное нормотворчество*, *социально-опережающее поведение*... В первых публикациях на эту тему говорил об опыте *экспериментальной* социологии... Выражение “драматическая социология”, кажется, было употреблено пару раз, но еще не как термин, а скорее метафорически.

Но вот в середине 90-х, при доработке рукописи книги об “эксперименте социолога-рабочего” (она вышла в издании Института социологии РАН в 1997 г.), я отказался от первоначально задуманного, слишком академичного названия — “Познание через действие”, и озаглавил свое сочинение (“без затей”...):

“Драматическая социология”. Вскоре сообразил, что это может быть и терминологическим обозначением исследовательского подхода. Тогда ввел в предисловие обоснование (оправдание...) термина.

Не скажу, что термин идеально подходящий (так, “драматическую” недолго смешать с “драматичной”... а это, очевидно, разные вещи, хоть может и совпасть...). Но лучшего сам, наверное, уже не предложу.

Кажется, жанр исследования я охарактеризовал. [4] Теперь о “жанре литературном”, или о жанре книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (в дальнейшем для краткости — “Драматическая социология...”), вышедшей в 2003-2005 гг.

Все четыре тома этой не совсем академичной книги по существу являются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хоть личное письмо, хоть дневник (“протокол наблюдающего участия”), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья — любой письменный “след” биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл *социологического свидетельства*. Сама же по себе композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода *монтаж*...) выступает способом первичной концептуализации, а в определенной мере — также и анализа и осмысления. К особенностям такого “документально-социологического” жанра относятся множественность и “столкновение” различных приемов описания и индивидуальных интерпретаций, будь субъектом описания или интерпретации сам автор — в разное время! — или же другие люди, которым предоставляется слово на страницах книги.

Иосиф Бродский не однажды отмечал главенствующее значение *композиции*, этого “драматургического принципа”, во всяком творчестве. Не удержусь, чтобы не процитировать его письмо другу (Я. Гордину) из ссылки (1965):

“...Сознаюсь, что чувствую себя больше Островским, чем Байроном. (Иногда чувствую себя Шекспиром). Жизнь отвечает не на вопрос: что? — а: что после чего? И перед чем? Это главный принцип. Тогда и становится понятным “что”. Иначе не ответишь. Это драматургия. Черт знает почему, но этого никто не понимает. Ни холодные люди, ни страстные...” (Гордин Я. Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Изд-во “Пушкинского фонда”, 2000, с. 137-138).

Мне кажется, что адекватным способом представления результатов исследования в жанре “драматической социологии” является именно композиция (иерархия композиций, или “композиция композиций”...) материалов этого исследования. Причем жанр “Драматической социологии” (книги!), предполагает попытку сюжетного выстраивания произведения, где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения. (В данном случае сквозным сюжетом оказался “эксперимент социолога-рабочего”,

продолжавшийся с 1980 по 1988 г., с включением множества побочных, “привходящих” жизненных и исторических сюжетов и обстоятельств). Некими прообразами, или первыми подступами к этому жанру для меня оказались... тематические папки личного архива, где документы обычно располагаются в хронологическом порядке. Тематико-хронологическим является и принцип построения “Драматической социологии...”.

Стоит отметить, что при всем разнообразии текстов, составляющих “строительный материал” книги, пожалуй, преобладающими и ведущими являются именно *письма*, адресованные, как правило, конкретному лицу, но сочетающие при этом элементы коммуникации другому лицу (“письмо”), самому себе (“дневник”) и для других (“статья”). [6]

И еще об одной важной, как я считаю, жанровой особенности. Это практика сопровождения документов прошлого (включая собственные тексты автора...) или даже отдельных пассажей из этих документов авторским комментарием “из сегодня”. Я называю эти комментарии *ремарками* (тоже, кстати сказать, из драматургического лексикона...). Однако именно документы прошлого, “жизненные свидетельства” и т. п. составляют основной корпус книги такого жанра (а ремарки, иногда и весьма развернутые, — по мере необходимости!). В этом, кстати, принципиальное отличие от *мемуаров*, где документы присутствуют в лучшем случае в качестве эпизодических цитат.

Всю эту многосложную структуру, переплетение *сюжетов, времен, жанров*, автор полагает уместным прозрачно представить в подробном оглавлении, которое выступает в качестве также и своего рода путеводителя. Ибо рассчитывать на то, что кто-либо согласится читать, к примеру, свыше 2000 стр. “от корки до корки” не приходится. Но каждый читатель, взяв такую книгу в руки, может поискать в ней для себя полезное или интересное.

При изобилии *со-авторов* (они же — чаще всего — *со-акторы*, со-участники описываемых в книге событий, наряду с самим “социологом-испытателем”) книга разрастается в объеме, вопреки авторскому желанию. И лично я испытываю некоторую неловкость перед читателем за излишне толстые тома. Но так уж получилось...

В известном смысле, есть у этой книги образец, которому, автор, может, и следовал бы, кабы сам не “додумался”, а точнее — нашел, нащупал (хоть и не столь совершенное, а свое...). Это “исповести” нашего старшего современника философа и культуролога Георгия Гачева.

Его “Семейная хроника” (1994), как, впрочем, и почти все его произведения, построена как “перепечатка” записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, “сегодняшним”. И получается: диалог с самим собой. Вот как Г. Гачев объясняет — “идею предпринимаемого труда, а с нею — и метода”:

“...Конечно, совершавшиеся на ходу записи тех лет (1969-1971. — А. А.) имеют ценность неисправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер (“персонаж — это стиль!” — так бы хотел, афоризм даже предложить, но вспомнил, что почти повторяю Бюффона: “Стиль — это человек” — что же! — и слава Богу, подтверждение... Хотя я имею в виду еще и то, что персонажами литературного произведения и текста могут быть его стилистические пласты), и дух места того времени, и аромат жизни. Разумеется, придется выбирать, не все давать (место не позволяет и то, что я еще живой); но то, что дается, идет как было написано, честно. Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет. Втора...” (Г. Гачев. Семейная хроника. Лета в Щитове (исповести). М.: Школа-пресс, 1994, с. 10).

Так именно поступал и я. Как видно, в жанре "Драматической социологии..." автор далек от первооткрывательства. Все мы — так или иначе — "изобретатели велосипедов"... Хотя в рамках нашей социологии и можно, пожалуй, говорить об определенном "ноу-хау".

Пожалуй, мне следует остановиться, чтобы не злоупотребить твоим приглашением поговорить о жанрах "драматической социологии" и/или "Драматической социологии...". Что здесь не успел сказать — можно найти в предисловии и в заключении моей книги, а также в соответствующем разделе тома 2: "Что сказать мне удалось — не удалось".

...Когда-то, в 1970-80-х гг., мы с тобой увлеченно занимались социологией театра. На любого из нас, социологов — участников группы "Социология и театр" при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества — прикосновение к этой сфере, думаю, наложило свой отпечаток. По крайней мере для изобретателя (автора, адепта...) "драматической социологии" в этом сомневаться не приходится.

- Хорошо. Но можно ли сказать, что драматическая социология это, кроме всего твоего перечисленного, и определенный жанр твоей жизни?

- Да, рискну добавить к сказанному еще одно, пожалуй, даже "нескромное" определение: драматическая социология как... своего рода *стиль* (тоже жанр?..) *жизни!*

В какой-то момент (похоже, в конце 70-х — начале 80-х), в частности, у будущего автора (изобретателя?.. открывателя?..) "драматической социологии" произошла такая оригинальная сверхидентификация с профессией, когда собственная жизнь стала восприниматься как *объект* и *инструмент* (обрати внимание — и то, и другое!) некой социологической студии. Социология стала жизнью, а жизнь — социологией.

Интересно, что вместе с тем это было и своего рода "выходом за рамки...", "выпрыгиванием..." из профессии, ибо решение неких жизненных, сугубо практических задач (запуск ущербного станка или оборона от гебешного наката или еще что...) лишь с изрядной долей условности можно трактовать как тематизированное "социологическое исследование".

Единственное, что вроде бесспорно, это что то были акции если не исключительно, то *также и* социально-познавательные. (А не есть ли вся наша жизнь — в известном смысле — познание мира и себя, или себя и мира?). А тут уже поле не только для "драматической социологии и социологической ауторефлексии", но и для **драмы социального миро- и самопознания**.

Я это сейчас к тому, чтобы избежать абсолютизации или фетишизации социологического знания, как такового. Т. е. не обязательно быть социологом для постановки ауто-экспериментов и т. п. Равно как и "драматическая социология", разумеется, есть лишь предельный (маргинальный?..) случай социологического подхода, переходящий в нечто совсем иное (не только не социологию, но даже, может, и не науку... А во что?!)..

- Твоя «драматическая социология» – это одновременно и автобиография, и «просто» биографическая книга, которую пишешь как бы не ты, но о себе. Я читаю твои тома с большим интересом, они стимулируют мои поиски. Но на один вопрос я не могу сам ответить... может ты ответишь?

При изучении биографий и творчества моих героев я стараюсь увидеть сделанное ими как функцию их жизни в определенной среде. Можно ли сказать, что постижение себя, или не себя, но человека, очень похожего на тебя, стало в какой-то момент главной научной целью твоих изысканий? Т.е., еще не зная того, что тебе предстоит написать

(создать) «драматическую социологию», ты начал постигать реальность, действуя в ней, и испытывать себя, участвуя или не участвуя в происходящем. Другими словами, «драматическая социология» – это и процесс твоей деятельности (т.е. внутреннее, или «автобиография»), и главный результат твоей работы (т.е. «биография»).

- Твои рассуждения о связи особенностей жизненного процесса (биографии...) и специфике творческого результата (включая научные результаты...), точнее — о зависимости второго от первого, в социокультурном контексте, мне вполне созвучны.

Вообще, как ты мог заметить, я являюсь адептом “личностного знания” М. Полани. [7] А Вернадскому, между прочим, принадлежит замечание о том, что “познать научную истину... можно лишь жизнью”.

...У великих Дэвида Огилви и Джорджа Гэллапа, о которых ты много пишешь, жизнь и творчество все же не совпадают, хоть первая и есть “база творчества”, “резервуар стимулов” и т. д. У других великих (воздержусь от примеров...) “взаимоналожение” того и другого гораздо сильнее, в пределе — процесс (жизни...) и результат (творчества...) нерасторжимы.

О себе скажу так: осознание собственной жизни как своего рода объекта или предмета “включенного наблюдения” (а, в силу определенных особенностей жизненной позиции, и “наблюдающего участия”...), у меня возникло где-то в конце 70-х. В самом уходе из института на завод экзистенциальный мотив поначалу все же преобладал над профессионально-социологическим (впрочем, вскоре они сравнялись по значимости...). Но в качестве социолога, каковым я продолжал себя считать, мотив *само*-познания уступал мотиву *миро*-познания. Так мне сегодня это ретроспективно видится.

Иначе сказать: хотелось бы все-таки думать, что “драматическая социология” преследовала цель не только и не столько “постижения себя” (для этого не надо быть социологом...), сколько постижения мира, социальных явлений и процессов и т. п. И содержательным результатом явилась не только и не столько “биография”, сколько *картина социального мира*, полученная специфическими “автобиографическими” средствами. Насколько картина эта “научна”, “объективна”, “достоверна” — другой вопрос... Демонстрация возможности и потенциальной эффективности такого способа социального (социологического?..) познания (разумеется, в сочетании со всякими другими!..), возможно, есть главный методологический результат “драматической социологии”.

Признаться, этому методологическому результату я придаю значение не меньшее, а даже большее, чем содержательному. Не думаю, что с помощью “автобиографических” средств мне удалось открыть неведомые ранее социальные закономерности, но вот новый подход к их постижению, пожалуй, предложен и апробирован.

Извлечения из “дела” социолога-рабочего (1984-1987)

Несколько вступительных слов

*Ниже приведен ряд документов, относящихся к так называемому “делу социолога-рабочего” середины 1980-х гг. За исключением двух заключительных (личного письма от июня-сентября 1987 г. и авторской заметки позднейших лет), все документы являются официальными. Здесь они цитируются по тексту книги: А. Н. Алексеев. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.*

Отбор и расположение документов в настоящей подборке позволяет обойтись практически без каких-либо комментариев. (Июль 2006).

В отношении Алексева А. Н. (март 1984)[8]

Справка. 12.03.84. № 5-3/493. Ленинград

В январе с. г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. “О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия” Управление КГБ по Ленинградской области объявило официальное предостережение Алексеву Андрею Николаевичу, 1934 г. рождения, русскому, члену КПСС с 1961 г., кандидату философских наук, работающему слесарем-наладчиком завода “Полиграфмаш”, проживающему по адресу: Ленинград, Наличная ул., дом 40, корп. 1, кв. 132,

— в связи с тем, что он хранил и распространял среди своих знакомых произведения политически вредного содержания, не издававшиеся в СССР и не подлежащие распространению на территории Советского Союза, а также распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности.

Алексеев в 1956 г. окончил факультет журналистики ЛГУ им. А.А. Жданова (*правильно: филологический факультет... — А. А.*), член Союза журналистов СССР с 1961 г. В 1964-1965 гг. работал в редакции “Ленинградской правды” в должности заведующего промышленным отделом, в 1975-1981 гг. — старшим научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР. В январе 1980 г. Алексеев приступил к проведению социологического исследования в рабочей среде по типу “включенного наблюдения” и перешел на работу в качестве слесаря-наладчика на завод “Полиграфмаш”, продолжая до декабря 1981 г. научную работу в ИСЭП АН СССР по совместительству. Имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области материалы свидетельствуют, что Алексеев хранил и в 1978-1982 гг. распространял среди своих знакомых копии изданных за границей клеветнических произведений “Зияющие высоты” и “Светлое будущее”, автором которых является бывший советский гражданин Зиновьев А. А., сотрудничающий с эмигрантскими антисоветскими организациями.

В 1980-1982 гг. в период работы на заводе “Полиграфмаш” на основании полученных им материалов в процессе т. н. “включенного наблюдения” Алексеев написал несколько статей политически вредного содержания, под названием “Письма любимым женщинам”, в которых он в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзывается о рабочем классе.

Кроме того установлено, что в 1979-1981 гг. Алексеев организовал и провел несанкционированное партийными органами и администрацией ИСЭП АН СССР социологическое исследование “О состоянии и перспективах развития советского общества”. Вопросы анкеты “Ожидаете ли Вы перемен?” и методологический комментарий к ней носили тенденциозный характер и были построены таким образом, чтобы получить негативные ответы о состоянии и перспективах развития советского общества.

По месту жительства у Алексева изъяты политически вредные произведения Дж. Оруэлла “1984” на английском языке, цитатник Мао-Цзэдуна, машинописные отрывки из книги Ф. Искандера “Сандро. Новые главы”, клеветнического содержания, и восемь документов с грифом “Для служебного пользования”. [9]

Один из документов — доклад академика Т.И. Заславской “Социальный механизм развития экономики” — был размножен им и распространен в своем окружении. Такое обращение с документами “Для служебного пользования” является нарушением установленных правил работы с ними.

На беседе в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области Алексеев А.Н. вел себя неискренне, от дачи правдивых объяснений по указанным выше фактам уклонился. Начальник подразделения УКГБ ЛО В.И. Полозюк

Из акта комиссии партийного расследования цеха № 3 ПО “Ленполиграфмаш” (апрель 1984)

<...> Алексеев А. Н., работая на заводе с 1980 г., помимо основной работы наладчиком станков в рабочее время вел записи своих наблюдений о положении дел в коллективе. Свою точку зрения излагает в так наз. записях “Письмах любимым женщинам”, или как называет Алексеев А. Н. “Закодированный архив”, в которых в извращенном виде показывает негодность наших отечественных станков и оборудования, восхваление станков иностранного производства и неумение наших рабочих работать на них.

<...> В “Письмах” Алексеева А. Н. выражены мысли явно антисоветского содержания, особенно рельефно они выражены на страницах 43, 57, 80, 101, 181 и др. “Письма любимым женщинам” (часть 1-я на 316 печ. листах и часть 2-я на 417 листах) <...> созданы в эпистолярном жанре, “художественные” исследования, в которых автор оскорбительно высказывается о советском рабочем классе, о Советской Армии, пытается утверждать, что социалистическое производство является иррациональной системой, заявляет, что социалистическому массовому сознанию присущ шизофренизм. Данные материалы отмечены цинично-пренебрежительным отношением к советской науке, переполнены завуалированными, а иногда и откровенными антисоветскими высказываниями.

Злоупотребляя доверием коллектива, Алексеев А. Н. нередко использовал рабочее время для личных целей, составления пасквилей на нашу действительность. <...>

Подписи: председатель комиссии Максимов Б. Г., члены комиссии Калинин М. Ф., Лобов Е. В.

(04.84)

Эволюция формулировок исключения из рядов КПСС (1984-1985)

Исключить Алексеева А.Н. из рядов КПСС...

... за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания. (Решение партийного собрания цеха № 3 Ленинградского завода полиграфических машин, 16.04.84).

... за нарушение Устава КПСС, его уставных обязанностей (*так!* — А. А.), выразившееся в распространении антисоветской литературы и написании статей политически вредного содержания. (Постановление парткома ПО “Ленполиграфмаш”, 23.05.84).

... за хранение и распространение политически вредных произведений, написание и распространение материалов, содержащих идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования и проведение тенденциозно экспертного (*так!* — А. А.) исследования советского общества. (Постановление бюро Ленинградского ГК КПСС, 16.01.85).

... за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на (*так!*

— А. А.) советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования. (Постановление бюро Ленинградского ОК КПСС, 4.06.85).

Из экспертного заключения “По поводу персонального дела Алексева А.Н.” (август 1984)

<...> По поводу написанного А.Н. Алексеевым не оставляет сомнений в том (*так!* — А. А.): 1) что он идейно порвал с последовательным коммунистическим мировоззрением, 2) подвержен влиянию буржуазной идеологии, 3) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой члена КПСС и партийного журналиста. Нужно прежде всего констатировать эклектизм его идейных установок и практического поведения, и в то же время сам этот эклектизм рассматривать не как движение незрелого сознания в направлении к коммунистическому мировоззрению, а наоборот — от научной идеологии и практики в оппортунизм и ревизионизм, к двойственному увертливому поведению. <...>
Декан факультета журналистики Ленинградского университета, кандидат философских наук В.Г. Комаров
3.08.84

Из постановления Секретариата правления ЛО Союза журналистов СССР

<...> Члены оргкомиссии ЛО СЖ Занин А. Ф., Воронцов А. Ю., Ребиков Б. А., а также декан факультета журналистики ЛГУ, кандидат философских наук В. Г. Комаров внимательно ознакомились с имеющимися по делу документами и провели беседы с тов. Алексеевым.

<...> Из анализа написанных Алексеевым материалов комиссия пришла к выводам, что:

- 1) у тов. Алексева А. Н. прослеживается опасная идейная эволюция;
- 2) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста.

Исходя из вышеизложенного, секретариат СЖ постановляет:

— исключить Алексева А. Н. из членов Союза журналистов СССР за действия, несовместимые с этим высоким званием.

Председатель правления ЛО СЖ СССР А.К. Варсочин
30.08.84

Из протокола № 1 заседания бюро ЛО Советской социологической ассоциации (10 января 1986 г.)

Присутствовали: <...>

(Список присутствующих здесь не приводится, поскольку, как выяснилось позднее, не все указанные в протоколе лица действительно присутствовали на этом заседании. — А. А.)

<...> 5. Персональное дело. [10]

Парыгин Б.Д. (председатель бюро ЛО ССА. — А. А.). Сегодня мы рассматриваем персональное дело члена ССА Алексева А. Н. Доложит председатель комиссии Гревцов Ю.И.

Гревцов Ю.И. Зачитывает справку комиссии.

Парыгин Б.Д. Хотелось бы послушать членов комиссии.

Воронцов А.В. Когда я знакомился с делом в ОК КПСС, то у всех членов комиссии было единодушное мнение — исключить Алексева из членов ССА. Чего он добивается? Все его высказывания — с позиций антикоммунизма. К примеру, он приводит в дневниках высказывания Бжезинского и нет ни слова о

социализме. Руководителей подразделений он называет генеральными марионетками. Он использовал данные социологического исследования, которое он проводил один, без экспертов, использовал данные с одной стороны — найти отрицательный ответ. Анкета — 45 экспертов — в формулировке “кризис” нашего общества, а также его выводы, основанные на этих 45 интервью — “общество утратило идеал и перспективы развития”, “коррупция на всех уровнях”, “рост бесхозяйственности”.

Меня удивляет поток писем Алексеева в свою защиту. Это в какой-то степени человек бессовестный, нам надо было пригласить корреспондента из “Ленинградской правды” и осветить его деятельность.

Федосеев А.А. А материалы исследований были представлены Алексеевым куда-либо? На Запад его материалы не попали?

Гревцов Ю.И. Нет, его материалы распределялись в кругу его друзей и сочувствующих. На Запад материалы его исследований не попали. Распространялись только среди знакомых разных городов.

<...>

Парыгин Б.Д. Кто желает еще высказаться?

Ельмеев В.Я. Мы слышим, что бывают такие выступления и за рубежом. Чем объяснить этот факт? Видимо, низким научным уровнем. Деятельность Алексеева вредная тем, что он решил социологию использовать не для целей укрепления социалистического общества.

<...>

Максимов Б.И. Я не член бюро. Хочу призвать членов бюро к повышенной внимательности ввиду уникальности рассматриваемого дела, незаурядности личности Алексеева. Им допущены серьезные ошибки. Вместе с тем ему присущи большие достоинства. Это человек чрезвычайной работоспособности, им опубликовано более 100 научных работ. Результаты, полученные Алексеевым во время работы на заводе и отраженные в научных отчетах, в большой статье для журнала “Системные исследования”, имеют важное значение с точки зрения совершенствования хозяйственного механизма. При поступлении на завод Алексеевым руководило стремление глубже понять природу социально-экономических отношений в производственном коллективе, с целью разработки предложений по совершенствованию хозяйственного механизма. Алексейев сознательно шел на ухудшение своего положения, связанного с проведением включенного наблюдения, надо отдать должное его гражданскому и научному мужеству. Выражаю мнение, что ошибки Алексеева есть именно ошибки, но не злоумышленные действия. При сопоставлении их с заслугами Алексеева можно ставить вопрос об оставлении его в составе ССА, при вынесении соответствующего взыскания.

Пашков А.С. Лично не знаю, но как юрист считаю, что есть основания для квалифицирования уголовного преступления. Что это — заблуждение или сознательный источник? Почему распространял письма антисоветского содержания? С ним поступили очень гуманно. Будучи специалистом, он злоупотреблял правами члена ССА. В ходе исследования мы можем получать разную информацию, вопрос в том, как к ней относиться.

Сигов И.И. Пришлось некоторое время работать с Алексеевым. Считаю, что комиссия проделала очень тщательную работу и все это верно отражено в справке комиссии. Основное в материалах Алексеева — цинизм. Это человек, который действует не с позиции что-либо дать, а только критиковать. Комиссия объективно оценила его дело.

Парыгин Б.Д. Складывается ясная картина. Налицо факт политического цинизма и негативизма. Вывод ясен — сформулированный комиссией. Я

убедился в его наклонности к сепаратизму еще 10 лет назад. Прошу председателя комиссии зачитать проект постановления.

Гревцов Ю.И. Зачитывает проект постановления:

“Заслушав и обсудив справку комиссии по рассмотрению персонального дела члена ССА, к. ф. н. Алексеева А.Н., бюро ЛО ССА **постановляет**:

— За серьезные нарушения принципов Устава Советской социологической ассоциации (ст. 4 и 15-в), этики советского ученого, выразившиеся в проведении политически не выдержанного, тенденциозного исследования, грубых нарушениях правил использования и хранения документов служебного характера, распространении среди знакомых материалов политически вредного характера, а также материалов, имеющих гриф “для служебного пользования” — исключить Алексеева А.Н. из членов Советской социологической ассоциации (в соответствии со ст. 16 и 17 Устава).

— Решение бюро направить на утверждение в Президиум правления ССА.

— Просить Президиум правления ССА опубликовать информацию о принятом решении в журнале “Социологические исследования”.

Парыгин Б.Д. Голосуем за формулировку предложенного комиссией проекта. Постановили: Исключить Алексеева А.Н. из членов ССА с предложенной комиссией формулировкой.

Председатель бюро, д. ф. н., проф. Б.Д. **Парыгин**

Ученый секретарь Г.А. **Румянцева**

Из сценария телевизионной передачи “Интерпретация” (август 1988)

<...> — А иные голоса были?

— О да! Только до 1986 г. они были разрознены и приглушены. Но постепенно началась целая кампания гражданской защиты, в которой приняли участие и ученые, и журналисты, и рабочие. Как коммунисты, так и беспартийные. Из разных городов страны. Без этой товарищеской, гражданской поддержки, я бы, наверное, и до сих пор числился бы по разряду “отщепенцев”.

— Тут конечно, решающую роль сыграли общественные преобразования, ход исторического времени...

— И да, и нет. Не только время определяет человеческие поступки, но и человеческие поступки определяют время. Если бы я согласился с предъявленными обвинениями, вряд ли бы получил общественную поддержку. Сама эта поддержка явилась приметой времени, но также и фактором изменений, не только моей личной судьбы...

(“Интерпретация”. Автор и ведущий передачи — Сергей Дегтярев. 1988)

Гражданская защита. 1984-1987

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (июнь-сентябрь 1987) [11]

Дорогой Роман!

Мне захотелось написать Тебе тематическое письмо. Оно будет содержать обзор фактов и событий *гражданской защиты конкретного субъекта* (твой корреспондент), предпринятой в разное время, разными людьми, в разных формах, в период с 1984 г. по настоящее время.

Большинство этих фактов Тебе известно. Но, думаю, все же *не все*, и не в полном объеме. А я хотел бы, чтобы здесь не было пробелов.

Задам себе два ограничения.

Я коснусь здесь фактов и событий защиты только *инициативной и публичной*.

С учетом первого критерия, в настоящий обзор не войдут заявления, сделанные “поневоле” (в порядке ответа на вопросы, исходящие от официальных органов).

Согласно второму критерию, мой обзор не отразит шагов, которые сводятся к

межличностным отношениям, т. е. таких, которые не претендовали на общественный резонанс или официальную реакцию.

Особенно последних за минувшие годы было очень много.

Так вот, факты *дружеской поддержки* здесь не обзреваю. А только — акты *гражданской защиты* (инициативной и публичной, как было сказано).

Разумеется, мое определение “гражданской защиты” не является безусловно строгим, однозначным. Но не будем педантами!

Ты, вероятно, помнишь о скептической позиции, занятой мною по отношению к намерениям защитных действий в мою пользу — сразу после официального предостережения КГБ, исключения из партии и т. д. Запрета не накладывал, но и не “разрешал”, когда меня спрашивали. Мало способствовала гражданственным проявлениям и общественная ситуация 1983-1984 годов.

Лишь в прошлом (1986-м. — А. А.) году я сообщил всем, кто ранее спрашивал моего согласия на те или иные формы защитных действий или гражданской поддержки, что “общественных или личных противопоказаний для таких шагов больше не вижу”. Итак, читай мой хронологически упорядоченный обзор:

= В апреле 1984 г. решением партийного собрания цеха № 3 “Ленполиграфмаша” А. исключен из партии, по обвинениям, носящим политический характер.

Голосование — не единогласное! Двое воздержавшихся: рабочие-бригадиры, члены КПСС **И. Виноградов** и **А. Сыцевич**.

= В мае 1984 г. фрезеровщик “Ленполиграфмаша”, член КПСС **Г. Богомолов**, будучи членом заводской партийной комиссии по персональному делу А., высказывает свое “особое мнение”. После чего от участия в комиссии отстранен.

= В мае 1984 г. инженер отдела НОТ и управления “Ленполиграфмаша”, социолог, беспартийный **Б. Максимов** обращается в партийный комитет завода с просьбой пригласить его на заседание парткома, где будет рассматриваться персональное дело А., для изложения своего мнения по обсуждаемому вопросу. (Ему в этом отказано).

= В мае 1985 г. на цеховом партийном собрании утверждается характеристика на А., составленная для представления в Ленинградский обком КПСС. Есть один воздержавшийся: рабочий-бригадир **А. Сыцевич**.

= В сентябре 1985 г. в журнале “Знание-сила” (1985, № 9) опубликована статья “Случай на заводе”, в которой дается высокая оценка “социологическому методу наблюдающего участия, разрабатываемому в Ленинграде”. Автор статьи — ленинградский социолог **А. Сарно**. Редактор социально-экономического отдела журнала — **И. Прусс**.

= В ноябре 1985 г. журнал “Юность” (1985, № 11) перепечатал беседу журналиста М. Левина с ленинградскими социологами В. Ядовым, Н. Щербаковым и А. Алексеевым, ранее опубликованную в журнале “ЭКО” (1983, № 8).

= В течение 1984-1986 гг. в ежегоднике Томского государственного университета “Социальные проблемы познания и управления” продолжали публиковаться работы А., при полной осведомленности ответственного редактора, социолога **Л. Гурьевой** в обстоятельствах “дела Алексеева”.

= В 1984-1986 гг. выходили статьи А. в различных научных сборниках. Среди редакторов, публиковавших работы “опального социолога”: **А. Альтшуллер**, **О. Маслова**; **Б. Тукумцев**; **В. Дмитриевский**; **Б. Докторов**; **В. Жидков**.

= В январе 1986 г. социолог **Б. Максимов** выступает на заседании бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации с возражениями против предложения соответствующей комиссии об исключении А. из членов ССА.

- = В мае 1986 г. новосибирский социолог, член КПСС **Р. Рывкина** обращается с письмом в Ленинградский ОК КПСС, где излагает свою позицию по вопросу о партийном деле А.
- = В мае-июне 1986 г. сотрудником журнала “ЭКО” **Н. Максимовой** подготовлены к публикации производственные дневники социолога-рабочего (извлечение из так называемых “Писем Любимым женщинам”, с которыми ее познакомила **Р. Рывкина**).
- В июле 1986 г. **Н. Максимова**, приехав в командировку в Ленинград, обращается в Ленинградский обком КПСС, где, в беседе с зав. организационным отделом ОК КПСС Розиным, высказывает свое мнение по вопросу о “деле Алексеева”.
- = В сентябре 1986 г. ленинградский социолог, член КПСС **А. Юценко** выезжает в г. Москву с целью попасть на прием к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. Соломенцеву. Был принят дежурным сотрудником в приемной ЦК КПСС, которому изложил свою позицию по вопросу о партийном деле А.
- = В октябре 1986 г. социологи, участвовавшие в отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в мае 1985 г., **Н. Белова, О. Божков, М. Илле, Л. Кесельман, Г. Саганенко, И. Травин, А. Юценко** заявляют о своей готовности выступить в качестве свидетелей в Севастопольском районном народном суде г. Москвы, где рассматривался иск А. о защите чести и достоинства к секретариату ССА. Ими представлены соответствующие “свидетельские справки”, которые суд приобщил к делу. Суд принимает решение в пользу истца.
- = Осенью 1986 г. киевский социолог **Р. Ленчовский** обращается в редакции газет “Правда” (Д.Новоплянский) и “Литературная газета” (Л. Графова), с целью обратить их внимание на “дело Алексеева”. Контакт с “ЛГ” потом получил продолжение.
- = На пленуме Советской социологической ассоциации в ноябре 1986 г. московский социолог **А. Назимова** доводит до сведения присутствующих информацию о решении суда по иску А. к секретариату ССА и излагает свою позицию по вопросу о “деле Алексеева”.
- = На отчетно-выборной конференции Ленинградской организации Союза журналистов СССР в январе 1987 г. ленинградский журналист **Г. Зяблова** отправляет записку в президиум с предложением вернуться к вопросу о членстве А. в СЖ, из которого он был исключен в августе 1984 г.
- = В январе 1987 г. киевский социолог **В. Хмелько** обращается с письмом в Центральную ревизионную комиссию Советской социологической ассоциации с письмом, в котором излагает свою точку зрения на “дело Алексеева”. Аналогично — киевский социолог **В. Паниотто**. Аналогично — московский социолог **М. Борщевский**.
- = В феврале 1987 г. ленинградский журналист **Т. Дурасова** отправляет в редакцию журнала “Огонек” письмо, имеющее целью привлечь внимание журнала к “делу Алексеева”.
- = В начале 1987 г. член Центральной ревизионной комиссии КПСС, 2-й секретарь Ленинградского обкома КПСС **А. Фатеев** проявляет интерес к аналитической записке А. для ЦК КПСС “Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки”, от января-апреля 1986 г., ранее оставленной без внимания партийными органами. В мае 1987 г. он приезжает на завод, специально для того, чтобы вернуть записку, и подает А. совет еще раз обратиться в обком КПСС за пересмотром своего дела, несмотря на все предшествующие отклонения его апелляций (включая апелляцию съезду партии).

= На отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. социолог **А. Ющенко** выступает с изложением своей точки зрения по вопросу о “деле Алексеева”. О своей позиции в данном вопросе публично заявляют там также социологи **Б. Максимов** и **П. Шелищ**. **А. Ющенко** предлагает кандидатуру А. в состав бюро Ленинградского отделения ССА. На этом отчетно-выборном собрании А. избран членом бюро ЛО ССА и делегатом на VI Всесоюзную отчетно-выборную конференцию ССА.

= На состоявшемся вслед за тем собрании ЛО ССА (март 1987), посвященном принятию окончательного текста решения предыдущего собрания, социологи **О. Божков, А. Вейхер, Б. Максимов, Г. Саганенко, И. Травин** в своих выступлениях настаивают на включение в резолюцию пункта об отмене январского (1986 г.) решения ЛО ССА об исключении А. из рядов ССА. (Такой пункт в резолюцию был внесен).

= На VI Всесоюзной отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. **Р. Ленчовский** зачитывает текст выступления А. (который сам приехать на конференцию не смог). Московские социологи **Н. Валентинова, Л. Гордон, Б. Ракитский, С. Чесноков**, а также **В. Хмелько** (Киев) в своих выступлениях публично заявляют о своей позиции по вопросу о “деле Алексеева”. **В. Хмелько** предлагает его кандидатуру в состав Центральной ревизионной комиссии. (А. избран членом этого органа ССА).

= В марте 1987 г. **Р. Ленчовский** встречается в Москве с корреспондентом “Литературной газеты” Л. Графовой и передает ей составленный им комплект из документов, освещающих “дело Алексеева”.

= В апреле-мае 1987 г. корреспондент “Литературной газеты” **Л. Графова** приезжает в Ленинград в командировку и проводит серию бесед с разными людьми на ПО “Ленполиграфмаш” и в ИСЭП АН СССР по этому вопросу. [12]

= В апреле 1987 г. рабочие ПО “Ленполиграфмаш” **В. Земсков, Е. Рыжов** и **А. Сыцевич** представляют в Ленинградский городской народный суд “свидетельские справки”, в которых излагают известное им по вопросу о трудовом споре А. с цеховой администрацией (“дело о 10-минутном опоздании с обеда”). Редактор многотиражной газеты завода **Н. Харькова** представляет в Ленгорсуд справку о рабкоровской деятельности А. и характере реакций администрации на его критику.

= В апреле-мае 1987 г., по письму **Т. Дурасовой**, в Ленинград приезжает корреспондент журнала “Огонек” **В. Белецкая**. Она проводит ряд бесед на ПО “Ленполиграфмаш” и в партийных органах, по вопросу о “деле Алексеева”.

= На цеховом партийном собрании в мае 1987 г. рабочий ПО “Ленполиграфмаш”, член КПСС **А. Сыцевич** голосует против проекта характеристики на Алексеева, предложенного партийным бюро.

= В мае 1987 г. тартуские социологи, члены КПСС **Р. Блюм, Е. Голиков, П. Вихалемм, М. Лауристин** обращаются с письмом к секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, в котором излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае 1987 г. зам. главного редактора журнала “ЭКО” **В. Быков** обращается к А. с официальным предложением о подготовке серии статей для журнала.

= В июле 1987 г. редакция журнала “Знание-сила”, в лице сотрудника журнала **И. Прусс**, обращается к А. с просьбой дать журналу интервью.

= В июле 1987 г. ленинградские социологи, члены КПСС — **А. Баранов, А. Вейхер, В. Вишаренко, Г. Галкина, В. Голофаст, Б. Докторов, Л. Кесельман, В. Костюшев, Т. Протасенко, А. Сарно, А. Седов, И. Травин, С. Файбушевич, П. Шелищ, А. Ющенко** обращаются с письмом в Ленинградский обком КПСС, где заявляют о своей позиции по вопросу о партийном деле А.

= В июле 1987 г. собкор газеты “Известия” в Ленинграде **А. Ежелев** предлагает А. выступить в этой газете с ответами на вопросы анкеты “Октябрь. Перестройка. Мы”. Он же в августе 1987 г. инициативно выражает свою точку зрения по вопросу о “деле Алексеева” в беседах с различными официальными лицами.

= В августе 1987 г. редактор многотиражной газеты ПО “Ленполиграфмаш”, член КПСС **Н. Харькова** публично заявляет о своем несогласии с проектом характеристики на А., подготовленным комиссией парткома объединения.

= В августе 1987 г. рабочие цеха № 3 ПО “Ленполиграфмаш” **Бельмак, А. Брикач, М. Гуцин, В. Ильин, Р. Мартиросян** (член КПСС), **И. Михайлов, В. Николаев, В. Носов, Рыбаков, Е. Рыжов, С. Русинов, С. Самойлов** (член КПСС), **Стрельцов, А. Сыцевич** (член КПСС), **А. Сергеев, А. Шапкин** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, в котором заявляют о своем несогласии с характеристикой на А., утвержденной на парткоме объединения.

= В августе 1987 г. киевские социологи, члены КПСС **В. Хмелько и Р. Ленчовский** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и настаивают на пересмотре его персонального дела. (Вспоминаю одну из “формул” этого письма: “Просим рассматривать выраженное выше как своего рода “свидетельские показания” Ленинградскому обкому партии, за правдивость которых мы несем партийную ответственность...”).

= В сентябре 1987 г. московские социологи и историки, члены КПСС **Л. Гордон, Э. Клопов, А. Назимова, Ю. Мархашов** обращаются с письмом к члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК А. Яковлеву, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и высказывают озабоченность его научной судьбой.

= В сентябре 1987 г. **В. Ядов** пишет для журнала “Огонек” отзыв на эксперимент социолога-рабочего, в котором дает работе А. высокую научную оценку.

= В августе московский историк **Ю. Мархашов** знакомит первого заместителя редактора журнала “Огонек” Л. Гуцину с материалами, относящимися к делу А.

= В сентябре 1987 г. специальный корреспондент журнала “Огонек” **А. Головков**, приехав в командировку в Ленинград, проводит серию бесед с разными людьми на ПО “Ленполиграфмаш”, в ИСЭП АН СССР и в ленинградских партийных органах по вопросу о “деле Алексева”. [13]

Вряд ли этот обзор является исчерпывающим. (Некоторые гражданственные шаги могли остаться мне неизвестными!).

Повторяю, здесь — факты и события *только* гражданской защиты (публичной, как было сказано), с апреля 1984 г. по настоящее время (*сентябрь 1987 г.* — А. А.).

Эта открытая защита вместе с дружеской поддержкой составляет тот ближайший контекст, в котором разворачивалась моя собственная *самооборона* (Тебе хорошо известная). Понятно, что эта последняя была опережающей — относительно гражданской защиты “со стороны”. Однако она была вполне синхронной с дружеской поддержкой.

В более широком (историческом) контексте, как мы знаем, чего только не было! Но это обозреть сейчас у меня нет возможности.

В отличие от своего обыкновения, пишу это письмо Тебе не от руки, а сразу печатаю на машинке. Чем отчасти демонстрирую его (письма) не сугубо личный, а общественный и, если угодно, *гражданский* характер.

Андрей Алексеев, июнь-сентябрь 1987

Со-умышленники, со-участники, со-авторы...

В ходе своей самообороны от политических обвинений социологу-испытателю довелось обращаться за помощью и советом ко многим людям. Особое значение имели “внутренние рецензии” на всевозможные заявления и апелляции в официальные инстанции.

Многие из приведенных выше документов (*имеются в виду собственные тексты автора, в настоящей подборке не представленные.* — А. А.) настолько тщательно обсуждались в дружеском кругу, что, в сущности, являются продуктами коллективного творчества.

В архиве сохранилась шутливая “расписка”, которая заслуживает быть приведенной здесь:

“А. Н. Алексеев выражает свою признательность за участие в его работе над текстом от 28.07.85 (*судя по дате, речь идет об апелляции в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.* — А. А.) следующим лицам, ниже обозначенным как “специалисты”:

а) по Достоинству; б) по Стратегическому подходу; в) по Органике; г) по Методологии и Технике; д) по Нравственной корректности; е) по Наступательным операциям; ж) по Структурным и Тактическим вопросам; з) по Жизненной целесообразности; е) по Разумности.

Поди собери — такой букет! А. А. Июль 1985 “.

В каждом из этих определений автор в свое время закодировал конкретное лицо (не желая тогда разглашать имена своих добровольных помощников). К сожалению, по прошествии 15 лет уверенная идентификация (раскрытие всех “псевдонимов”) оказалась невозможной.

По крайней мере троих “доверенных лиц” хочется упомянуть особо. Это — Леонид **Кесельман**, Геннадий **Климентов** и Александр **Ющенко**.

Без предварительной критики и “цензуры” каждого из них, в 1983-1986 гг. в официальные органы не ушел ни один документ (от письма начальнику УКГБ ЛО Носыреву до записки для ЦК КПСС об эксперименте социолога-рабочего и его общественно-политических уроках).

Замечания, советы друзей и коллег иногда совпадали, а иногда и противоречили друг другу... Окончательное решение, понятно оставалось за автором этих строк. Как видно, Со-умышленников, Со-участников, Со-ратников, и, если угодно, Со-авторов — у социолога-испытателя было тогда побольше, чем могли себе представить или “вычислить” его явные и негласные оппоненты.

А. А., январь 1997

P. S. Затрудняясь сегодня соотнести каждый из “псевдонимов” с конкретным лицом, все же назову “списком” тех, кого, вероятно, имел в виду в своей шутливой расписке 1985 г.:

— Рэм Георгиевич **Баранцев**; Валерий Дмитриевич **Глухов**; Леонид Евсеевич **Кесельман**; Геннадий Александрович **Климентов**; Владимир Никифорович **Павленко**; Сергей Михайлович **Розет**; Юрий Анатольевич **Щеголев**; Александр Николаевич **Ющенко**; кто-то еще один.

(Из восьми перечисленных трое в ту пору были членами КПСС; все — ленинградцы-петербуржцы). <...>

А. А., апрель 2000

Ремарка: “...грех не воспользоваться уникальной возможностью!”

События 1983-1984 гг. (обыск, официальное предостережение органов госбезопасности, исключение из КПСС...) дали основание социологу-рабочему написать в личном письме: “Признаться, я не планировал эти предметы исследования, но грех не воспользоваться уникальной возможностью...”. Поле

исследования, сфера наблюдающего участия “существенно расширились и переструктурировались”.

Сама же, “драматическая социология”, как видно, оказалась в середине 1980-х гг. своего рода “оселком”, таким (не намеренно...) провокативным воздействием на социальную среду, которое позволило в дальнейшем не только детально исследовать “анатомию” идеологического преследования, но и обнаружить потенциал коллективного сопротивления ему. (Июль 2006).

Примечания

[1] Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005 (Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216/>)

[2] См. <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>

[3] Как замечал Гете, “хорошо увиденное частное может всегда считаться общим”.

[4] Один коллега пытался меня убедить, что без “протокола” (т. е. оперативной фиксации наблюдений) можно обойтись... Вот тут, мне кажется, и пролегает грань между наукой и не наукой, или, точнее, между эмпирическим исследованием и иными формами познания.

[5] Хочется также воспроизвести здесь одну из самых ранних характеристик исследовательского подхода, или метода “драматической социологии”, из писем-дневников 1980 г.:

“...В чем специфика моего исследования (да, пожалуй, и способа жизни сегодня)? Уже приходилось высказываться против **включенного наблюдения** в пользу **наблюдающего участия** (метода близкого к социальному экспериментированию). Так вот, меня интересуют прежде всего не высказывания, не мнения и даже не факты, индивидуализированные или массовые, а — ситуации, имеющие достоинство модели. *Моделирующие ситуации*.”

“В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи (или “веянье”? — не помню!) пустынь” (Н.Гумилев).

Но чтобы в капле лучше отразилось море, полезно ее сгустить. Можно сгустить силой художественного воображения, как в искусстве... Силой так называемого домысла к факту, как в публицистике... А можно сгустить — в самой жизненной практике, собственными действиями, способствующими превращению заурядной ситуации в моделирующую.

Оригинальный жанр творчества, которому можно найти аналог разве что в Театре. Но там пока еще остается какой-то барьер между сценой и зрительным залом. Да и зритель — хоть и “со-творец”, но не со-автор и не со-актер... В театре — сначала пишут (драматург), потом ставят (режиссер), потом играют (актеры) и сопереживают (зрители).

А тут все перемешано! И даже отчасти наоборот: сначала играют (иногда — не успев как следует срежиссировать), а потом пишут, осмысливают. **Сначала действие, потом текст** (ну, хотя бы этот)....” (Цит. по: А. Н. Алексеев.

Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб: Норма, 2003, с. 178-179).

[6] См. Алексеев А. Н.. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации / XII Любичевские чтения. Ульяновск : Ульяновский гос. педагогический университет, 2000.

[7] См. М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

[8] В настоящем документе, равно как и во всех остальных приводимых здесь, орфография и синтаксис сохранены.

[9] Обыск на квартире А. состоялся 16 сентября 1983 г.

[10] Дело рассматривалось в отсутствие “героя”, поскольку тот на все предыдущие приглашения на заседания бюро ЛО ССА (в 1985 г.) отвечал отказом.

[11] Роман Иванович Ленчовский — киевский философ и социолог. Один из соавторов книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»

[12] Очерк Лидии Ивановны Графовой, под названием “Преодоление пределов”, был опубликован в “Литературной газете” 23.09.1987.

[13] Очерк Анатолия Эммануиловича Головова на эту тему, под названием “...мир погибнет, если я остановлюсь”, был опубликован в журнале “Огонек” в мае 1988 г., № 19.

(6)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-poznanie-deistviem-tak-chto-zhe-takoe-201cdramaticheskaya-sociologiya201d-okonchanie>

А. АЛЕКСЕЕВ. ПОЗНАНИЕ ДЕЙСТВИЕМ (ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ “ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ”?). ОКОНЧАНИЕ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 05.03.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (6)

Содержание:

- Предупреждение
- Из интервью 2006 года
- Извлечения из “дела” социолога-рабочего (1984-1987)
- Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой. 1986
- Вместо заключения

**

Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой. 1986

Несколько вступительных слов

Ниже — тематизированное извлечение из книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (том 3). В центре рассмотрения — сюжет производственной жизни конца “эпохи застоя” и начала “перестройки”, достаточно ярко характеризующий ситуацию глубокого кризиса “административно-командной системы” и особенности поведения разных социальных субъектов в этой ситуации. Сам по себе этот сюжет (навязываемый сверху двухсменный режим работы) может показаться сегодняшнему читателю архаичным... Однако тема бессмысленной кампанейщины во всех областях нашей жизни не стареет. Данный эпизод наглядно иллюстрирует практику применения метода “наблюдающего участия” и “моделирующих ситуаций”. Функцию “исследовательских протоколов” здесь выполняют письма: одно — в газету, другое — личное письмо другу. (Июль 2006).

ВНИМАНИЕ! Здесь этот сюжет опущен, поскольку он более полно представлен в разделе (33). А. Алексеев

(7)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/poznanie-deistviem.-ot-avtora-segodnya-25-let-spustya>

ПОЗНАНИЕ ДЕЙСТВИЕМ. ОТ АВТОРА - СЕГОДНЯ, 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Автор: В. Алексеев — Дата создания: 24.03.2013

В январе 2007 года (уже и с тех пор пять лет прошло...) автору книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», тогда недавно вышедшей в свет (2003-2005), довелось делать доклад на Ученом совете Социологического института РАН.

[Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1- 4. СПб.: Норма, 2003-2005.](#)⁵²

Доклад на Ученом совете СИ РАН 20.01.2007

К выходу в свет 4-х томника “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”

Цит. по: [Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. СПб.: Норма, 2010, с. 140-151.](#)⁵³

Уважаемые коллеги!

Как я понял Ирину Ильиничну (*Елисееву. – А. А.*), предложившую мне сделать этот доклад на Ученом совете, моей задачей сегодня является привлечь внимание и способствовать отклику коллег на свою многолетнюю работу, нашедшую наиболее полное отражение в монографии “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”. Это объемное произведение, аж в 4-х томах, из которых первые два вышли в свет в 2003 г., а последние два — в самом конце 2005 г., фактически — в 2006-м. Издание предпринято при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (были реализованы один за другим два так наз. издательских проекта, когда спонсируется не предполагаемое исследование, а издание уже готовой рукописи).

Книга издана петербургским издательством “Норма”, как я считаю, качественно. Тираж, как обычно, в таких случаях невелик — 400 экз. Из них примерно половина распределяется Фондом по университетским и иным научным библиотекам, а другая половина тиража подлежит бесплатному распространению непосредственно нашим институтом.

Что касается внимания и отклика коллег, то автор этим, пожалуй, и так не обделен. Здесь стоит заметить, что нынешней — **ИТОВОЙ** — публикации

⁵² <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

⁵³ http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_2.pdf

предшествовали: (а) издание Институтом социологии РАН авторской монографии “Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)” (1997) и (б) пилотное издание тома 2 уже нынешней монографии, вышедшее под названием “Год Оруэлла (из опыта драматической социологии)” (2001).

Некоторые извлечения из этих изданий в свое время публиковались в журналах “Мир России”, “Звезда”, совсем недавно — в “Телескопе”, кроме того, в виде брошюры — в трудах нашего института. Все четыре тома “Драматической социологии...” (в дальнейшем буду говорить именно так, сокращенно) вывешены на сайтах Киевского международного института социологии, а также Центра демократической культуры Университета Невады (США). В Национальном университете “Киево-Могилянская академия” по этой монографии в 2004 г. читался спецкурс у социологов.

Весь указанный цикл авторских публикаций получил определенную прессу. Первые два тома “Драматической социологии...” были отрецензированы в журналах “Новое литературное обозрение”, “Нева”, в “Социологическом журнале”, более ранние публикации об “эксперименте социолога-рабочего” — в “Социологических исследованиях” (рецензия Ядова), в журнале “Знание — сила”. Тексты практически всех этих “официальных” рецензий, равно как и многих “неформальных” отзывов и откликов были введены автором в состав 3-го либо 4-го томов монографии, иногда с авторскими комментариями и даже полемикой, которую здесь воспроизводить не стану.

Пора уж перейти к предъявлению основного содержания и смысла нашей работы. Но сначала еще несколько слов о ее жанре. Он довольно специфичен. В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой *сюжетно выстроенное* произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом здесь является история так наз. эксперимента социолога-рабочего, “наблюдающее участие” социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то освоение нового оборудования на производстве, повседневное трудовое, потребительское и культурное поведение или самооборона от идеологических и политических обвинений (в середине 80-х гг.).

Вся книга являет собой хронологически и тематически упорядоченное собрание, многосложную композицию личных, деловых и научных документов разных лет. Так наз. протоколы жизни, а именно: дневниковые записи, личные письма, обращения в официальные органы, документы различных социальных институтов и т. д. выполняют здесь функцию *социологических свидетельств*, притом что собственно научный результат может быть как эксплицирован, так и имплицитно отражен, “зашифрован” в авторской организации материала и монтаже “сырых” наблюдений. Это, так сказать, исторический, документальный пласт описания и анализа. Второй же пласт — современные комментарии к этим “исходным”, первичным материалам, обозначаемые обычно как *ремарки* (а в случае объемного комментария — “От автора — сегодня”).

Такой композиционный прием — соединение документальных свидетельств минувшего времени и современных интерпретаций (те и другие строго датированы), своего рода контрапункты индивидуального и социального сознания и поведения почти не имеют прецедентов в нашей научной и философской литературе. (Можно сослаться разве что на очень ценное мною творчество известного российского культуролога и философа Георгия Гачева; например, его книга “Семейная комедия. Лета в Щитово (исповести)”).

Мне хотелось бы также предварить дальнейшее изложение одним резко самокритичным заявлением. Стремясь наиболее полно отобразить не только

предмет, но и *контекст* исследования — как исторический, так и личностный, как фактологический, так и концептуальный, в том числе научный контекст, — автор делает это порой в ущерб лаконизму и целостности книги. В частности, так наз. приложения к главам порой перегружены материалом, который сам по себе, может, и небезынтересен, однако не является, так сказать, насущно необходимым. Особенно этим страдают 3-й и 4-й тома.

(В качестве примеров можно привести уместные в данной книге лишь ассоциативно стихи друзей и коллег автора, или, скажем, документально-критические очерки истории нашего института, от 1989 г. до наших дней, и Санкт-Петербургской ассоциации социологов — СПАС — от ее возникновения до сего дня. Зачем включил их в 3-й том? Казалось, что другого случая не будет и никто другой, кроме тебя, этого не сделает).

Вообще, объем всей тетралогии явно выходит за пределы комфортного для читателя. Отчасти автор пытается это оправдать многоадресностью работы, рассчитанной не только на профессиональную аудиторию. Другое оправдание — активнейшее привлечение других авторов, прямых или косвенных со-участников описываемых событий или же авторской рефлексии. Только “копирайтов” в этой, в известном смысле *коллективной*, монографии свыше 30, а 4-й том — так просто является тематизированной антологией.

Теперь о самом исследовании. Его начало уходит, так сказать, вглубь прошлого века, к рубежу 1970 - 80-х гг. Может быть, этим началом теперь следует считать в свое время инкриминировавшийся автору опыт андерграундного (как в свое время говорили, “не санкционированного партийными органами и администрацией научного института”), экспертно-прогностического исследования [«Ожидаете ли Вы перемен?»](#)⁵⁴ (о котором специально скажу позже). Но, пожалуй, непосредственным зачином был шаг, по сути не исследовательский, а лишь дипломатично интерпретированный как исследовательский. Это своего рода “побег” (помните, у Пушкина — “давно замыслил я побег...”) из официальной науки, экзистенциально мотивированный поиск свободы от жестких идеологических и институциональных рамок, казавшихся тогда мне и некоторым моим друзьям и коллегам (в частности — Ю. Щеголеву; ныне покойному С. Розету; А. Кетегату...) невыносимыми.

Интересно, что остроумно предложенная Ядовым (1979) трактовка перехода “из социологов в рабочие” в качестве “натурного эксперимента”, т. е. как *исследовательского действия*, была не только “инструментально” использована мною, но и органично воспринята, так что социально-познавательный мотив вскоре если не вытеснил первоначальный (экзистенциальный), то, пожалуй, вышел на первый план.

Уже через два года появилась первая научная публикация на темы “экспериментальной” (как я тогда говорил) социологии (Томск, 1982). В большой, подводящей итоги *первых трех лет* “эксперимента социолога-рабочего” статье (написанной в 1983 г., а первопубликация состоялась лишь 6 лет спустя) так определялись задачи изыскания:

«1) Задачи, относящиеся к исследованию системы ныне действующих социальных норм производственной организации; <...>

2) задачи, относящиеся к исследованию соотношения социально-адаптивных и социально-преобразовательных потенций личности, возможностей реализации активной жизненной позиции в определенном социально-нормативном контексте; <...>

54 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/abozhidaete-li-vy-peremen-bb>

3) задачи, относящиеся к исследованию возможностей и перспектив направленной коррекции и ныне действующей системы социальных норм, и путей развития личности».

Вполне, можно сказать, в духе научности того времени... Вообще, автор старательно вписывал свой жизненный поворот в контекст популярных в ту пору *исследований образа жизни и социальной активности личности* (чем занимался и научный коллектив, возглавлявшийся Ядовым, к которому автор принадлежал с середины 70-х гг.), Это с одной стороны. А с другой — в русло исследований природы и механизмов *инновационных процессов*, что стало особенно популярным как раз сегодня, а тогда реализовалось Н. Лапиным, А. Пригожиным и другими сотрудниками Института системных исследований (Москва).

В качестве объектов эмпирического изучения автор выделял следующие (цитирую) “доступные нашему наблюдению и составляющие непосредственную сферу ролевого поведения социолога-рабочего инновационные процессы”:
«1) Процесс внедрения новой (для данного предприятия) технологии штамповки листовых деталей на координатно-револьверном прессе (ПКР) <...>; 2) процесс внедрения бригадных форм организации и стимулирования труда (БФОТ) <...>; 3) иницируемый самим исследователем процесс экспериментального социального нормотворчества в конкретной социально-производственной ситуации (ЭСН)».

В качестве же предмета исследования выдвигалось — опять цитирую — “взаимодействие личности и социальной среды в процессе инновации”.

Здесь хочется обратить внимание коллег на формулировку “экспериментальное социальное нормотворчество”. Речь шла, как писалось в той же статье, о:

“...научно-практическом испытании и выяснении своего рода пределов: а) возможностей отдельной личности *адаптироваться* к новой среде, не разрушая своей внутриличностной целостности; б) возможностей отдельной личности *воздействовать* на социальную среду, не разрушая своих связей с нею. (В известном смысле, это есть исследование свободы личности в определенном социально-нормативном контексте, имеющее своей сверхзадачей — расширение зоны этой свободы)”.

(Должен признаться, что последнее, вроде бы рискованное по тем временам заявление — насчет “сверхзадачи” — было *(поначалу. – А. А.)* загнано в подстрочное примечание).

Пересказывать, как же конкретно реализовались поставленные тогда задачи, я сейчас не имею возможности. Отсылаю к цитированной статье 80-х гг., вошедшей ныне в 3-й том “Драматической социологии...”, а еще лучше — к представленным в томе 1 своего рода *полевым дневникам* социолога-испытателя тех лет, группировавшимся автором в циклы под шутливыми названиями: “Письма Любимым женщинам”, “Выход из мертвой зоны” и т. п. Если само по себе погружение исследователя в изучаемую социальную среду (в данном случае — производственный коллектив) имело — не столь редкие в западной социологии и единичные в советской — прецеденты, то сами формы и средства данной “штудии” были довольно неординарными. В упоминавшейся статье 1983 г. состоялась одна из первых авторских попыток сформулировать принцип, позднее обозначенный как **познание через действие** (или — познание действием). Тогда это прозвучало так:

“Сама практическая деятельность выступает здесь главным способом или инструментом познания”.

В современной формулировке (из предисловия к “Драматической социологии...”):

“...Наблюдающее участие (*в отличие от “включенного наблюдения”*. — А. А.) предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования”.

Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная автором методом *моделирующих ситуаций*. Под таковыми понимаются “ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса”.

В одном из “писем-отчетов друзьям” еще 1980 г. (см. в томе 1) автор простецки объяснял это так:

“В чем специфика моего исследования (да, пожалуй, и способа жизни) сегодня? Уже приходилось высказываться против *включенного наблюдения* в пользу *наблюдающего участия* (метода близкого к социальному экспериментированию). Так вот, меня интересуют прежде всего не высказывания, не мнения и даже не факты, индивидуализированные или массовые, а — ситуации, имеющие достоинство модели...”

“В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи (или “веянье”? — не помню!) пустынь” (Н. Гумилев).

Но чтобы в капле лучше отразилось море, полезно ее сгустить. Можно сгустить силой художественного воображения, как в искусстве... Силой так называемого домысла к факту, как в публицистике... А можно сгустить — в самой жизненной практике, собственными действиями, способствующими превращению заурядной ситуации в моделирующую.

Оригинальный жанр творчества, которому можно найти аналог разве что в Театре. Но там пока еще остается какой-то барьер между сценой и зрительным залом. Да и зритель — хоть и “со-творец”, но не со-автор и не со-актер... В театре — сначала пишут (драматург), потом ставят (режиссер), потом играют (актеры) и сопереживают (зрители).

А тут все перемешано! И даже отчасти наоборот: сначала играют (иногда — не успев как следует срежиссировать), а потом пишут, осмысливают. Сначала действие, потом текст (ну, хотя бы этот”.

Опять же, нет возможности сейчас приводить развернутые примеры таких “моделирующих ситуаций”. Из периода эксперимента социолога-рабочего первой половины 80-х гг. удобнее всего отослать к двум неоднократно перепечатававшимся эссе “Как Серега был штрейкбрехером” и “Бешеная халтура, красивая деталь” (см. том 1), а из позднейших примеров наиболее показательны, пожалуй, “Прессинг по всему полю” и “Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой” (см. том 3; последнее вошло также в совсем недавнюю публикацию “Телескопа”: 2006, № 5).

Кроме того, рекомендую ознакомиться с приложением 3 в материалах к настоящему докладу, где представлены образцы простейших моделирующих ситуаций.

Коль скоро я упомянул о последней публикации в “Телескопе”, которая называется, кстати сказать, “Познание через действие (Так что же такое “драматическая социология?”)”, я позволю себе прервать обсуждение методологических сюжетов, которые там достаточно подробно рассмотрены.

Ну, а теперь — в порядке предъявления некоторых содержательных результатов как самого “эксперимента социолога-рабочего”, так и ряда иных отраженных в обсуждаемой книге изысканий периода еще 1970-х гг., будь то социология культуры, социология личности или “Человек, его работа и жизнь на БАМе”, — приведу здесь перечень *только названий* этих результатов. Все они были

представлены в научном докладе “Образ жизни и жизненный процесс” (1981) на заседании ядовского сектора в Институте социально-экономических проблем (см. том 1 “Драматической социологии...”).

Ввиду достаточно высокой степени обобщения и принципиальной невыводимости утверждений такого рода непосредственно из данных отдельно взятых эмпирических исследований, а также из “перестраховочных” соображений, эти результаты обозначались тогда как “выводы=гипотезы”, хоть и не без категоричности утверждалось, что “все они относятся к современному (*т. е. тогдашнему*. — А. А.) состоянию советского общества”. Итак:

...1. Вывод об относительном преобладании интеграционных тенденций в образе жизни (как в “способе жизни” общества, так и в системах жизнедеятельности индивидов) над дифференцирующими тенденциями. (*Сегодня, кстати, наблюдается обратная тенденция...* — А. А.).

...2. Вывод о широком распространении практики побочных и даже обратных эффектов социальной политики и ее противоречивой взаимосвязи со “стихийными” проявлениями и тенденциями развития образа жизни. (*В основном этот вывод базировался на исследованиях, проведенных на БАМе в середине 1970-х гг.* — А. А.).

...3. Вывод о доминирующей роли “отложенных” эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов. (*Одно из обоснований для выдвигания динамического подхода к исследованию образа жизни в качестве приоритетного*. — А. А.)

...4. Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственной компонентами в структуре жизнедеятельности личности. (*Имеется в виду приоритет первых над вторыми в сознании и поведении людей*. — А. А.).

...5. Вывод-гипотеза о социально-экономической и общественно-политической базе (*указанного*. — А. А.) перераспределения “приоритетов” в структуре жизнедеятельности личности.

...6. Вывод о мере взаимного рассогласования подсистем декларируемых социальных норм-требований и социальных норм-стереотипов поведения, а также об отражении этого рассогласования в ценностно-мотивационной структуре личности. (*Один из главных выводов исследования производственной жизни изнутри, “глазами рабочего”*. — А. А.)

...7. Вывод о прогрессирующем развитии феномена “ситуационно-ролевой” (*если не вдаваться в понятийные детали — синоним “двойной”*. — А. А.) морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т. д. активности.

...8. Вывод о складывающейся диспропорции между материальной и духовной компонентами в структуре жизнедеятельности личности и о наблюдаемом феномене “материализации” духовных потребностей.

...9. Вывод о социально-психологических резервах становления индивидуальных и коллективных субъектов конструктивного общественного действия и исторического творчества”. (*Так сказать, оптимистический вывод*. — А. А.).

Если кого-нибудь заинтересует или покажется не вполне прозрачным какой-либо из этих выводов, я готов дать соответствующие пояснения, отвечая на вопросы. Признаться, отбирая материалы для включения в книгу, равно как и нынче, при подготовке к настоящему докладу, я усматриваю, несмотря на прошедшие четверть века, *актуальность* ряда давних социологических наблюдений и

заклучений, иногда в смысле полной преемственности процессов и явлений, иногда в смысле как раз смены тенденции на обратную.

(Так, например, ряд наблюдений Б. Максимова о буднях рабочей жизни на современном акционированном промышленном предприятии оказались, несмотря на известную смену социально-экономических основ, инверсию отношений собственности и т. д. (!), настолько разительно совпадающими с наблюдениями социолога-рабочего 20 лет назад, что я счел необходимым включить в состав приложений к соответствующей главе своей книги почти полный текст одной из его работ).

“Эксперимент социолога-рабочего” продолжался 8,5 лет. Скажем так, подзатянулся по независимым (а впрочем — почему независимым? может, как раз наоборот, самым экспериментатором созданным...) причинам. Что было пусковым механизмом обыска в 1983 г., официального предостережения органов госбезопасности, далее — исключения из партии (1984), изгнания из Союза журналистов, из Советской социологической ассоциации, отлучения от Всероссийского театрального общества? Думаю, все же не социально-производственная или научно-профессиональная активность автора, а его вызывающее поведение по отношению к обкому партии в связи с беспардонными и, в сущности, мошенническими действиями его функционеров по смене руководства Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации. К чему добавилась безуспешная охота доблестных чекистов за материалами экспертного опроса “Ожидаете ли Вы перемен?” (мною уже упоминавшегося).

Перипетии этого, как сказали бы теперь, *наезда* со стороны “компетентных органов” и т. д. и предпринятой в этой связи социологом-экспериментатором *необходимой обороны* — это один из частных предметов авторского исследования. Здесь не удержусь, чтобы не воспроизвести эпиграф к одной из глав тома 2. Из любимого мною Вл. Войновича (его знаменитой “Иванькиады”): “...Я пытался сохранить спокойствие, но мне это не всегда удавалось. Меня спасло то, что на каком-то этапе борьбы я решил, что ко всему надо относиться с юмором, поскольку всякое познание есть благо. Я успокоился, ненависть во мне сменилась любопытством, которое мой противник удовлетворял активно, обнажаясь как на стриптизе. Я уже не боролся, а собирал материал для данного сочинения (выделено мною. — А. А.): а мой противник и его дружки деятельно мне помогали, развивая этот грандиозный сюжет и делая один за другим ходы, которые, может быть, не всегда придумаете за столом. Сюжет этот не просто увлекателен, он, мне кажется, объясняет некоторые происходящие в нашей стране явления, которые не то что со стороны, а изнутри не всегда понятны...” Полностью подписываюсь под этим пассажем...

(Недавно ушедший от нас Ю. А. Левада, навсегда остающийся для меня высочайшим образцом гражданственности, профессионализма и мудрости, когда-то высказался на мой счет в случайном разговоре приблизительно так: “Не то ценно, что попал в передрагу, а что сумел это использовать для нужд науки”. Горжусь этой оценкой).

Еще могу считать своей заслугой, что “случай Алексеева”, получивший, уже на пороге перестройки, достаточно широкий резонанс (шутка ли: выиграл суд по иску о защите чести и достоинства против секретариата Советской социологической ассоциации!), так или иначе способствовал гражданской консолидации — как рабочего коллектива, так и социологического сообщества. В чем нетрудно убедиться обратившись хотя бы к перепечатанному (из тома 2 книги) в недавнем “Телескопе” авторскому открытому письму 1987 г., содержащему опись (хронику) актов индивидуальной и коллективной

гражданской защиты, предпринятых (цитирую) “в разное время, разными людьми, в разных формах, в период с 1984 г. по настоящее время”.

Вообще же, политическое “дело” социолога-рабочего дало повод для существенного расширения и своего рода реструктурирования поля активистского case-study. Притом, что главным предметом исследовательского интереса как было, так и осталось *взаимодействие личности и социальной среды, человека и социальных институтов*.

Если о драматической социологии, в смысле соединения практической деятельности, рефлексии и “игры” с социальным объектом, сказано уже достаточно, то хотя бы несколько слов о *социологической ауторефлексии*. Эта последняя (цитирую из предисловия, том 1)

“...в принципе может быть осуществлена путем селекции и предъявления аутентичных авторских текстов разных лет, причем “всех мыслимых” (а точнее — доступных автору) жанров: дневник, хроника, личное письмо, официальное обращение, журналистская статья, научный труд. При этом отбираться для такой “антологии” должны вовсе не лучшие (с авторской точки зрения), а показательные (в плане задуманного анализа) фрагменты.

В этом виртуальном опыте (документированная идейно-духовная биография) ставится задача, как бы обратная той, какую автор пытался решить в опыте практическом (эксперимент социолога-рабочего). Вместо вопроса: “*что человек может сделать с обстоятельствами?*”, — на передний план выдвигается противоположный: “*что обстоятельства могут сделать с человеком?*”.

И еще:

“...Если формулой драматической социологии является *познание действием* <... >, то социологическая ауторефлексия есть, в определенном смысле, *самопознание деятеля*...”

Более подробно о соотношении драматической социологии и социологической ауторефлексии см. приложение 4 в материалах к настоящему докладу.

За недостатком времени оставляю сейчас без освещения довольно большой и значимый тематической пласт книги, относящийся к проблематике *социологии личности*. Чем-то надо жертвовать...

То же относится к сюжетам “на пересечении биографии и истории” (пользуясь выражением Ч. Р. Миллса). Я имею в виду представленную в томе 3 историю своеобразной “мифологизации” случая социолога-испытателя на рубеже 1980 - 90-х гг., а также субъективную летопись демократического движения Ленинграда этого периода.

Мне остается еще немного рассказать об андерграундном экспертно-прогностическом исследовании “*Ожидаете ли Вы перемен?*” (имелось в виду наше общество). Оно было задумано в 1978 г. компанией питерских и московских интеллигентов, в которую входили ныне покойные историк М. Гефтер и писатель А. Соснин, а также ныне здравствующие экономист В. Шейнис, экономист-социолог Н. Шустрова и я. Я был чем-то вроде ученого секретаря этого незримого колледжа.

Были разработаны программа изыскания и оригинальная экспертная методика, опробованная в 1979-1981 гг. в среде, которую сегодня принято называть либеральной интеллигенцией. До обобщения материалов тогда руки не дошли: на смену “ожиданию” перемен пришло их “делание”. А 45 из 46 анонимных экспертных листов (записей интервью или собственных текстов участников опроса) удалось потаенно сберечь до момента, когда они перестали быть крамолой. Все они — с большей или меньшей полнотой — представлены в обсуждаемой книге, в частности, в ее первой и последней главах.

Обозревая сейчас эти материалы, может показаться удивительным, что при естественном преобладании пессимистических и скептических оценок перспектив развития советского общества, *почти треть участников опроса рубежа 1970 - 80-х гг., независимо друг от друга, приурочили (сочли весьма вероятным...) начало системных общественных сдвигов именно к рубежу 80 - 90-х гг.!* При этом немалая часть наших экспертов-прогнозистов обнаружила (как мы можем судить сегодня...) вполне реалистичное представление о логике и механизме вероятных общественных изменений. В частности, рядом экспертов, по существу была точно предсказана та самая *“революция сверху”*, которая фактически состоялась во второй половине 1980-х гг.

В целях экономии времени опускаю свою современную оценку экспертно-прогностической методики — вопросника “Ожидаете ли Вы перемен?”.

Соответствующий фрагмент книги представлен в приложении 5 среди материалов к настоящему докладу. Желающие могут ознакомиться.

И последнее замечание. Есть в книге (в томе 2) небольшой раздел, представляющий авторские заметки по поводу книги “Год Оруэлла”, которая, как уже отмечалось, была ничем иным как пилотным изданием 2-го тома “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”. Этот раздел воспроизведен в приложении 7 среди материалов к настоящему докладу.

Зачитаю из его текста лишь заключительный фрагмент, уместный для завершения доклада:

“...Пожалуй, автор настоящей книги претендует не только на научно-социологическую, но и на философско-мироотношенческую интерпретацию предпринятого им в 80-х гг. социального эксперимента, а затем — состоявшегося политического “дела” социолога-рабочего. Сделав инициативный, поначалу скромный вызов системе, человек получает ответные вызовы от судьбы (или общества?), на которые уже обязан отвечать, коль скоро “эту кашу заварил”. Что бы с ним дальше ни случилось, он продолжает оставаться “наблюдающим участником” собственной жизни и социальных процессов, в которые вовлечен.
<...> С учетом сказанного выше, анализируемый в книге опыт социолога-испытателя сегодня может быть осмыслен как одно из ранних и частичных предвосхищений уже современных “моделирующих ситуаций”, а также образцов “наблюдающего участия”. Можно сказать, что актуальность “драматической социологии” сегодня не убывает, а **возрастает**.”

Благодарю за внимание!

**

Доклад на первом Всероссийском социологическом конгрессе «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» (Санкт-Петербург, сентябрь 2000):
Драматическая социология и социологическая ауторефлексия

Цит. по: [Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000, № 6.](#)⁵⁵

1. Доминирующая и по сей день (несмотря на все большее распространение и престиж «не классических» подходов) стратегия социального исследования исходит из предпосылки разделения или противоположения субъекта и объекта в исследовательском процессе (при устоявшемся использовании специальных процедур «контакта», или взаимодействия между ними).

55 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/abozhidaete-li-vy-peremen-bb>

Мы полагаем возможным и перспективным сближение субъекта и объекта и даже своего рода их отождествление в социальном познании. Ниже обсудим некоторые конкретные способы реализации такой исследовательской стратегии.

2. Рассмотрим случай, когда само по себе поведение субъекта социального исследования становится своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследовательского процесса. «Погруженный» в определенную социальную среду исследователь (назовем его «социологом-испытателем») наблюдает и анализирует последствия собственных действий в этой среде. Методологической формулой такого исследования является: ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ (или – «познание действием»).

3. В рамках указанного исследовательского подхода (направления) нами разработан и опробован эмпирико-социологический метод, названный, в отличие от «классического» включенного наблюдения, НАБЛЮДАЮЩИМ УЧАСТИЕМ. Отличен этот метод и от социального эксперимента, в общепризнанном смысле: здесь новые факторы вводятся в изучаемое социальное поле не «извне» и «сверху», а «изнутри» и «снизу». Причем исследовательское вмешательство в естественный ход вещей является ситуационным (порой импровизационным) и не претендует на строгую процедуру.

4. Характерной чертой названного метода является построение так называемых МОДЕЛИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ: когда, путем организуемого исследователем (на базе естественных предпосылок) «сгущения» факторов, обыденная ситуация приобретает достоинство социальной модели.

5. Следует отметить, что предметом изучения здесь выступает, как правило, не только социальное окружение, но и собственное поведение социолога-испытателя. Особый интерес при этом представляет выяснение границ свободы индивидуального поведения в различных ситуациях: изучается не столько адаптация субъекта к среде («что обстоятельства могут сделать с человеком?»), сколько адаптация субъектом среды к себе («что человек может сделать с обстоятельствами?»).

6. В изложенном исследовательском подходе синтезируются практическая деятельность, рефлексия и игровой момент («игра» с социальным объектом). Вышеописанный способ исследования мы называем ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИЕЙ.

7. Метод наблюдающего участия апробирован, в частности, в опыте многолетнего исследования производственной жизни, «глазами рабочего», предпринятого автором в 80-х гг. на одном из ленинградских промышленных предприятий, а также – с расширением предметной области – на более масштабном «полигоне». Этот опыт обобщен в серии наших работ, главной среди которых является: Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М., 1997.

Ныне автором проводится в принципе аналогичное case study» в одном из научных институтов Санкт-Петербурга.

8. Другое разрабатываемое нами, в рамках той же общей стратегии, исследовательское направление: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ. Это направление является частным случаем СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ (термин, пока еще не вошедший в научный обиход, хотя для этого, как мы понимаем, уже есть основания).

Само по себе понятие социологии жизненного пути может быть отнесено к широкому кругу современных биографических и т. п. исследований, среди которых социологический подход, разумеется, не является единственным. Вообще, проблематика жизненного пути («траектории жизни») является

междисциплинарной – на стыке социологии, психологии, социальной антропологии и ряда других гуманитарных дисциплин.

9. В рамках социологической практики, в исследованиях жизненных путей применяются различные методы сбора информации (глубинные интервью, биографические нарративы, анализ документов и т. п.). Но нас интересует нестандартный случай, когда социальный исследователь ставит самого себя (или человека, готового к такому способу самореализации) в положение «наблюдающего участника» собственной жизни.

В этом случае:

а) собственная жизнь (или определенный период жизни) трактуется субъектом исследования как некий «жизненный эксперимент»;

б) практические действия (жизненные шаги) субъекта и их результаты (последствия) фиксируются в «протоколах жизни» (вариант дневника, но с социологической сверхзадачей);

в) исследовательский отчет, как таковой, приобретает характер и смысл «жизненного самоотчета» или ауторефлексии (причем последняя имеет не только личностный, но и объективно-социологический смысл).

10. Особый методологический интерес представляет вопрос о соотношении драматической социологии и социологической ауторефлексии. В той и другой имеет место своеобразное сближение субъекта и объекта исследования, с перспективой их «слияния» в «субъект-объект», иначе говоря – их отождествления. Вместе с тем, есть и немаловажные различия.

11. В отличие от драматической социологии, при которой исследование разворачивается «здесь и сейчас», в случае социологической ауторефлексии изыскание может быть также и ретроспективным – за счет использования сохранившихся документов, «жизненных свидетельств», которые, в свое время, могли составляться и без социологического «умысла», однако в рамках исследования – подлежат социологическому «прочтению».

12. Драматическая социология необходимо предполагает самого исследователя в качестве действующего лица (актера). В случае же социологической ауторефлексии (ретроспекции жизни) такое совмещение двух ролей – исследовательской и «жизнедействующей» - не обязательно. Всякий человек может захотеть в какой-то момент – «остановиться, оглянуться».

Разумеется, само по себе «воспоминание о жизни» и ее осмысление – еще не социология. Но если профессионал подключится к этой работе «ума и души» рефлексирующего субъекта в качестве помощника (консультанта, методиста-методолога и т. п.), то может возникнуть исследование «случая имя рек» - в рамках указанного исследовательского подхода.

(Таких примеров находим уже немало в современной научной практике).

13. В социологической ауторефлексии, как и в драматической социологии, существенным является выяснение границ *свободы* индивидуального социального поведения. Однако здесь вероятна определенная переакцентировка: не «что человек может сделать с обстоятельствами» (драматическая социология), а «что обстоятельства могут сделать с человеком». Иначе говоря – приоритетное внимание к адаптивным («приспособление себя к...»), а не адаптационным («приспособление к себе...») возможностям и способностям человека.

14. Попробуем кратко резюмировать наше сопоставление названных подходов. Если формулой драматической социологии является ПОЗНАНИЕ ДЕЙСТВИЕМ, то социологическая ауторефлексия есть САМОПОЗНАНИЕ ДЕЯТЕЛЯ.

15. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия предстают двумя ипостасями ориентированного на сближение (а в перспективе – и на

тождество!) субъекта и объекта изучения взаимоотношений личности и общества: как на ментальном уровне (индивидуальное и социальное сознание), так и на уровне действия (индивидуальное и групповое или даже массовое поведение). При этом та и другая оказываются отдельными струями теперь уже весьма широкого и мощного потока активистских и интуитивистских исследовательских подходов и конкретных изысканий, которые объемлются понятием *качественной* («интерпретативной», «гуманистической», «субъективной», «интерактивной», «рефлексивной», «субъект-субъектной» и т. д.) *парадигмы* социологического знания.

Публикации автора, посвященные эксперименту социолога-рабочего (1980-1988):

- Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии») / Проблемы социального познания и управления. Томск, Изд-во ТГУ, 1982.
- Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии) / Новое политическое мышление и процесс демократизации. М.: Наука, 1989.
- Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997.
- Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Книжки 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.
- Театр жизни в заводском интерьере (записки социолога-рабочего) // Звезда, 1998, № 10.
- Человек и его работа: вид изнутри (из записок социолога-рабочего. 1982-1986 гг.). // Мир России, 1998, № 1/ 2.
- Социологическое воображение, драматическая социология и социология жизни / Социальное воображение. Материалы научной конференции 17 января 2000 г.. СПб., 2000.

**

Из статьи Б. Докторова [«Профессия: социолог»](#) ⁵⁶

...Традиционно выделяют, в частности, включенное, или участвующее наблюдение, в котором социолог старается занять объективистскую позицию и минимизировать свое влияние на наблюдаемые им процессы. Новинка Алексеева — *наблюдающее участие*, предполагающее, изучение «социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования». В этом случае наблюдатель стремится стать активным участником происходящего и познаваемого, разрешая себе *изнутри* вносить в наблюдаемый им процесс некие, определяемые им самим «возмущения». Тогда в конкретике явления или процесса раскрываются те свойства, которые присутствовали в них, но сами бы не заявили о себе. Так частное, по Алексееву, заурядное становится *моделью* общего. Эта «процедурная» добавка, точнее, социологическое действие, превратило участвующее *наблюдение* в *наблюдающее участие* и, таким образом, принципиально изменилась логика исследования: на смену наблюдению с целью познания пришло познание через действие, или познание действием. Социолог стал не просто участником, актором наблюдаемого действия, но драматургом и постановщиком «социологической драмы». Отсюда и возникает термин, которым

56 http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/doktorov_alekseev_prof.html

Алексеев характеризует свой подход — *драматическая социология*. Когда же он распространил принципы наблюдающего участия на самого себя, возникла *социологическая саморефлексия*, или *ауторефлексия*...

(8)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabochego>

А. АЛЕКСЕЕВ. ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ. (ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО)

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 08.03.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (8).

Так называемые «Письма Любимым женщинам» были первой формой описания процесса и предъявления некоторых результатов предпринятого автором в начале 1980-х годов исследования производственной жизни «изнутри», глазами рабочего. Впоследствии они вошли в состав книги: [Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1- 4. СПб.: Норма, 2003-2005.](#)⁵⁷

Здесь приводятся несколько писем-отчетов друзьям из вышеуказанного цикла. А. А. Май 2013 – март 2015

Содержание:

- = **Театр жизни и эпистолярное хулиганство**
 - = **«Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива (Кто сошел с ума?)**
 - = Притча о Генеральной линейке
 - = Пляшущие на угольях
 - = Может ли Генеральная линейка ударить по голове? (интервью социолога-наладчика).
 - = Как переплыть реку.
 - = Мистифицированная наука (размышление о судьбах советской социологии)
 - = Наладчик и бригада («партизанщина»)
 - = Итак, я ловлю рыбу... (Перевернутый шаблон и вокруг него)
 - = «Я вот уже два года здесь работаю...»
 - = Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив»
- **

ИЗ ТОМА 1 НАЗВАННОЙ КНИГИ:

Глава 2. ТЕАТР ЖИЗНИ НА ЗАВОДСКИХ ПОДМОСТКАХ (НАЧАЛО)

Несколько вступительных слов

Авторский цикл «Письма Любимым женщинам», датированный 1980–1981 гг., образовался из реальных писем конкретным людям. Письмо, адресованное одному корреспонденту, рассылалось (в копиях) и всем остальным. В итоге

⁵⁷ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

возник «сериал», с первоначальной аудиторией 5–7 чел. Впоследствии аудитория существенно расширилась. (Апрель 1999).

...Человек играет только тогда, когда он является человеком в полном смысле слова, и только тогда является он человеком вполне, когда играет... Шиллер

...Не музыки нам нужно, не палитры и не резца, нет! — черт бы вас побрал, лгунов, притворщиков e tutti quanti; мысли живые подайте, живую беседу с людьми ведите... Искренняя речь — людям — вот чего хочу... М. Мусоргский

...Каждый переделывает и изменяет самого себя в той мере, в какой он изменяет и переделывает весь комплекс взаимоотношений, в котором сам он является узлом, куда сходятся все нити... Антонио Грамши

(2.1). Театр жизни и эпистолярное хулиганство

[Собрание писем открывается авторским обращением ко всем корреспондентам (июль 1980). — А. А.]

Предупреждение

Эпистолярное хулиганство— самое подходящее определение этому странному жанру!

Не дневник... Хоть есть и от дневника, с его соединением «зарубок памяти» для себя с кокетливой «исповедью для других». **Не** личный архив... Хотя как иначе объяснить эти бесконечные вставки и приложения.

Уж, конечно, **не** литература... Хотя человек с литературным талантом на месте вашего корреспондента нашел бы, чем поживиться. **Не** научные эссе... Хотя тут решусь утверждать, что, скажем, к социологии эти письма имеют гораздо большее отношение, чем многое из того, что ею называется.

Не публицистика... Зачем залезать на трибуну за дружеским столом? Что-то от театра есть...

А почему бы и нет? Эдакий вот «балаган», где зрителей не больше, чем актеров. А в пределе — единственный актер разыгрывает «сцены из общественной жизни» перед единственным зрителем. Сегодня — перед одним, завтра перед другим... А собери публику — пожалуй и не сумеет. А играть-то есть чего. И есть перед кем. Вон, Любимых сколько!..

Только перед возлюбленными-то и играть.

Вот, кажется, и осмыслил. А то перечитал подряд пяток своих писем и чуть машинку не отставил: что же это я делаю? ...И все-таки — **эпистолярное хулиганство!**

В каждом письме, имеющем вполне определенного адресата, выражен свой «интим». Но, как будто, не такой, который следовало бы прятать от других Возлюбленных. Личное послание, если и компрометирует адресата, то разве лишь тем, что корреспондент может позволить себе — так с ним разговаривать. Сама же «драматургическая фактура» и вовсе общезначима... Посторонний в этих листках, пожалуй, ничего не увидит... Нужно лично знать корреспондента, чтобы понять, что же тут происходит.

Это только на первый взгляд кажется, что здесь происходит нечто странное с личностью и с обществом. А на самом деле — все так, как происходит повседневно с каждым.

(Вот только не каждый устраивает из своей жизни «театр» или формирует сериал из личных писем.)

Нравственное лицо моих адресатов исключает возможность такого использования этих писем, которое могло бы поставить автора в затруднительное положение. Но хоть пять экземпляров, а — «тираж»! Поэтому внутренний цензор побудил при перепечатке перевернуть все фамилии (кроме своей собственной, разумеется). Так что, все написанное — и правда, и вымысел... Кому — правда, а кому — вымысел.

... Так-таки — ни для кого, кроме как для Любимых? Ну, запрета корреспондент не накладывает. Если у возлюбленных есть свои Любимые, **могут и те прочитать**. Только не советую показывать тем, кому сам автор не написал бы подобного письма, не мог бы написать...

Эпистолярное хулиганство, театр жизни, социологический балаган — как ни назови — это одна из форм жизненного самовыражения. Самовыражения, осмелюсь заметить, осознанно и принципиально дилетантского.

Уж нанюхались «профессионального»!.. Науки и пропаганды, да и театра профессионального, пожалуй. Кому-то еще не надоело: и ходить в современный театр, с его репертуаром, и режиссировать, и играть в нем... И хорошо, что не надоело (или, по крайней мере, терпимо). Что бы было, если бы вдруг все профессиональные театры закрылись!

Ну, а дилетанту легче. Он играет не в чужие игрушки. Он свои строит.

Гуляет, как собака без намордника...

И последнее замечание. Есть у автора одна нескромная претензия. Как ни относиться к этим «заметкам из жизненной самодеятельности» сегодня, это — **документы**.

Не «исторические», и даже не «документы времени» (масштаб не тот, да и фигура не тех масштабов), а своего рода «рентгеновский» снимок сознания человека, принадлежащего к определенному социальному слою, к определенному поколению, к определенному социально-психологическому типу людей в обществе Развитого социализма.

Так что, помру — не выбрасывайте...

Даже если предположить, что потомки научатся докапываться до тайников нашего обыденного сознания лучше, чем мы сами это умеем (а ведь не умеем!), — не грех им помочь, не слишком себя утруждая. Пожалуй, такую претензию сочинитель все же имеет. ... Это последнее замечание можно было высказать, а может — лучше было и оставить при себе.

Андрей Алексеев, июль 1980

Ремарка: нестандартный протокол.

Как видно, попробовав себя в непривычном жанре, автор вскоре испытал потребность как-то объясниться (оправдаться?) перед своими корреспондентами (да и перед самим собой...). Случайно найденный тогда способ игрового эпистолярно-дневникового самовыражения уязвим: и с научной, и с литературной, и даже, пожалуй, с этической точки зрения. Но, хочется думать, что, прочитав эти «заметки из жизненной самодеятельности», читатель согласится, что — ситуационно! — задача протоколирования эксперимента социолога-рабочего была решена. (Сентябрь 1999).

*Как оглянешься окрест,
В мире много странных мест,
А присмотришься сурово —
В мире странном все не ново:
Труд с восхода дотемна,
Да ошибок пелена.
Сэмюэл Джонсон. Английский писатель
XVII века. (Эпиграф к
фантастическому роману Кристофера
Приста «Опрокинутый мир».
Иностранная литература, 1983)*

(2.2). «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива (Кто сошел с ума?)

*[Ниже — первое из «Писем...» (февраль 1980). Его персональные адресаты:
— Ирина Владимировна Прусс — журналист и социолог, сотрудник журнала
«Знание-сила» (тогда и теперь). Живет в Москве.
— Розалина Владимировна Рывкина — социолог. В то время жила и работала
в Новосибирске, ныне — в Москве. Ныне — профессор, докт. экон. наук, зав.
лабораторией экономической социологии Института социально-
экономических проблем народонаселения РАН.
Это и все последующие письма публикуются здесь в сокращении. — А. А.]*

Здравствуйте, мои Милые!

Это письмо я адресую одновременно вам обеим. Поскольку сообщать мне двум Любимым женщинам предстоит одно и то же, зачем «тратиться на лишний конверт»? Все же приношу извинения за это коллективное обращение.

<...> Есть и еще одно оправдание такому обращению. Три месяца назад, когда управляемое людьми Провидение собрало нас троих в Москве на целую неделю, под одну надежную крышу *[в квартире Ирины Прусс. — А. А.]*, нашел я, в вашем лице, столь блестящих оппонентов и «сестер милосердия», что семинару по проблемам личности А. впору было превратиться из психологического в психиатрический.

«Консилиум» так и не вынес окончательного приговора, но на всякий случай рекомендовал элеотерокок, который этот странный «больной» благополучно забыл на столе... Но как же я могу теперь не отчитаться перед Тобой, Ира, и перед Тобой, Инна, за выполнение всех дружеских «врачебных» предписаний?

[Первая реакция некоторых друзей автора на его решение «сменить профессию» была: «Ты сошел с ума!». — А. А.]

Итак, читайте отчет наладчика технологического оборудования Ленинградского завода полифонических машин, или «Полифонмаша».

(Такой «псевдоним» был присвоен в письмах Ленинградскому заводу полиграфических машин. А. А.)

Этот непринужденный отчет можно было бы назвать: **Мнимый больной**, или мудрость чудака.

(Замечу в скобках, что исследование логики жизненного развития само по себе — предостойнейший предмет, вызывающий пристальный интерес автора этого письма в последнее время.)

...Как вы уже знаете, моя миграция из одного социального института в другой совершилась не без трения, но мягко.

Социальный институт «Завод» проявил меньшую гибкость и способность адаптировать действия Индивида, чем «Институт», включающий в себя «гениев организации» и «светочей науки». Компьютер **науки и идеологии** (состоящих ныне в законном браке) недолго пребывал в ступоре. С полминуты тревожно помигав лампочками и рассчитав все мыслимые и немыслимые варианты, он выдал оптимальное решение: «Не заметить нельзя, запретить нельзя, значит — надо поддержать и помочь». Возник своего рода негласный, но очень авторитетный комитет по содействию А. Н. Алексееву в его замысле. И уже через неделю пущенная Индивидом шутка о «патриотическом почине» вернулась к нему обратно из Директивного [партийного. — А. А.] органа, без тени улыбки.

Что касается социальной машины, именуемой **Завод**, то она, при аналогичных исходных данных, целых две недели в ноябре оставалась в шоке. И вышла из него лишь под влиянием легкого «щелчка сверху».

После чего оформление на работу пошло рутинным путем, без особых происшествий. <...>

3 января 1980 г. (а не 31 декабря 1979 г., как подсознательно намечалось Индивидом) состоялось увольнение, а 4 января — прием.

А еще через несколько дней известным постановлением, ограничивающим текучесть, дверца за любопытным Индивидом захлопнулась до 1981 г. Ибо второе увольнение «без уважительных причин» в течение года лишает непрерывного стажа.

В первый же день появления Индивида на работе начальник цеха не выразил ни поспешности, ни вообще желания разрешать новому рабочему какое бы то ни было (не говоря уж о научном!) совместительство.

И этот сюжет, как не самый интересный и, уж всяко, второстепенный, в дальнейшем изложении опустим.

* * *

Формально выделяемыми этапами истекших полутора месяцев жизнедеятельности Индивида в новом качестве были:

- 1) три дня **созерцания** уникального на заводе станка — пресс с координатным столом и револьверной головкой (в просторечье именуется — «ПКР»);
- 2) десять дней стажировки на соседнем заводе и **обучения** работе на английских станках соответствующего типа, которые там благополучно служат вот уже десять лет (а их неудачная советская копия стоит тут же... в разобранном виде);
- 3) месяц самостоятельной **творческой** деятельности на своем заводе по запуску ПКР КО-120 (это — представитель новейшего поколения отечественных координатно-револьверных прессов; снабжен пневматикой и электроникой; впрочем, последняя сломана во время транспортировки станка). Стоит этот памятник научно-технической революции, соединившейся с преимуществами социализма, в цехе уже год.

(Во время написания письма я еще не знал, что этот станок стоит в цехе уже около двух лет. — Примечание 1980 г.)

Сроки гарантийного ремонта не работающего оборудования, оказывается, истекают быстрее, чем работающего. Так что уже прошли. Попытки выпустить (отштамповать) на ПКР хоть одну партию годных деталей успеха не имели. Поскольку начальство, как видно, «не может», а рабочий в такой ситуации — «не хочет».

<...> Довольно скоро странная готовность цехового руководства принять на работу за станком человека с высшим филологическим образованием (и со степенью кандидата философских наук) прояснилась как случай «цыгана, продававшего на базаре кобылу»... Но при всем разнообразии мотивов действующих лиц этого водевиля сложилась **интрига**, лучше которой не мог бы выдумать автор и режиссер этой социологической драмы. Ибо оказалась обнаружена, извлечена и освещена та самая **капля**, в которой отражается **море** социальной реальности.

<...> В том «театре абсурда», в котором все мы так или иначе играем свои роли, открывается богатое поле для разнообразных социальных и социально-психологических импровизаций. И Индивид, поняв, что ситуация — «тестовая», рассудил, что социальный **эксперимент** как метод исследования посильнее включенного наблюдения.

...Лучший способ понять некоторый механизм — это разобрать его и собрать обратно. Познавательный эффект **действия** не сравним с простым феноменологическим описанием. Не говоря уж о том, что сама по себе проблема, что обстоятельства делают с человеком, куда менее интересна, чем проблема, что человек может сделать с обстоятельствами.

Для познания системы (организации) лучше всего наблюдать последствия собственных действий с ней. Если нельзя отменить «принцип дополненности», надо поставить его себе на службу...

<...> Уже первые недели прикосновения к новым сферам нашего многослойного (но неотвратно движущегося к социальной однородности) общества (в *тогдашнем обществоведении движение к «социальной однородности» рассматривалось как позитивная тенденция. А. А.*) позволили экспериментатору получить результат, который, будучи эмпирического происхождения, может претендовать на вклад в теорию. Мое нынешнее положение вполне укладывается в выведенную вашим корреспондентом **«формулу разгильдяйства»**. (Это — цензурный вариант, аналог более точного и фонетически близкого непечатного выражения, имеющего широкое хождение в рабочей среде.)

Разгильдяйство =

незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.

Уже определив этих «трех китов», на которых стоит наша Земля, Индивид заметил, что введенное понятие — «разгильдяйство» — охватывает эмоциональный, когнитивный (познавательный) и волевой аспекты. То есть обнаруживается, так сказать, транзитивность с известными психологическими моделями. Это повышает уверенность в необходимости и достаточности данного набора компонентов. Хотя само по себе «разгильдяйство» принадлежит скорее все же к системе **социологических**, а не психологических понятий.

Разгильдяйство может приобретать человеческие, теплые формы, включать в себя стихийную доброжелательность, простоту отношений, готовность к взаимопомощи, как преимущественно у рабочих.

Разгильдяйство «в чистом виде» выражено в низовом руководящем звене — не столь человеческом, как рабочий класс, но не столь бюрократичном, как менеджеры [*здесь имеются в виду хозяйственные руководители. — А. А.*] и чиновники. Наконец, на более высоких ступенях социально-производственной иерархии представлена форма, густо замешанная на бюрократизме: разгильдяйство напыщенное и самодовольное, выступающее как **концепция жизни** (в отличие от разгильдяйства как самой **живой жизни**, представленной в низах).

«Разгильдяи-мертвяки» и «разгильдяи-люди», с тонкой гаммой взаимопереходов и оттенков... Хотя я предпочел бы избегать употребления этого понятия для определения отдельных субъектов. Это не обозначение человека, а **социальное качество**. Каждый человек в отдельности вроде бы и не разгильдяй, а в целом — массовое разгильдяйство!

То есть — это качество **системное**, характеристика структуры, а не каждого отдельного элемента.

Этой общей, системной, энтропийной тенденции, наглядно выразившейся в описанной выше «доэкспериментальной» ситуации внедрения новой техники (ПКР), в данном случае противостоит частная, личностная, негэнтропийная интенция. Носителем последней (опять же в конкретном случае ПКР) выступает экспериментатор, он же — **социолог-наладчик**, осторожно прикасающийся к различным кнопкам машинного и социального пультов, анализирующий последствия всякого своего действия для планирования следующих действий. Вообще, активная жизненная позиция — «антиразгильдяйство» — является не системным, а **личностным** качеством субъекта...

Ремарка: упрощенная схема!

Разумеется, схема — примитивизирующая, сводящая все дело к оппозиции: «я — они», или «субъект — среда». В жизни — и «разгильдяйство» не универсально, и «антиразгильдяйство» не абсолютно.

То есть и «разгильдяй», и «антиразгильдяй» являются таковыми всегда в определенном отношении, в конкретных сферах жизнедеятельности; а в других — могут выступать носителями противоположного качества. (Сентябрь 1999).

...Соединение минимального производственного и изрядного научного и социального опыта составило тот потенциал, который Индивид стал реализовать, памятуя, что аккумулятор не разряжается, а подзаряжается во время движения автомобиля.

Поведение социолога-наладчика с самого начала третьего этапа (самостоятельная работа) было довольно нетривиальным, но во всяком случае органичным и, похоже, ситуационно точным. *[Самооценка хоть и комплиментарная, но реалистичная. — А. А.]* Его (это поведение) можно определить как реализацию принципа «вынужденной инициативы».

Вынужденная инициатива есть оптимальный способ существования субъекта в море разгильдяйства. В основе ее (в генетических корнях) правомерно усматривать защитную, деятельно адаптивную реакцию организма на воздействие среды. Однако низшие организмы реагируют лишь на непосредственные, сиюминутные стимулы. Высшие же организмы (к которым автор смеет себя относить) способны реагировать на ожидаемые и превосхищаемые стимулы.

Опережающее отражение, активная самооборона, вынужденная инициатива — есть общее в этих понятиях. Вынужденная инициатива — это инициатива, упреждающая неблагоприятные для субъекта последствия ее отсутствия. Это — адекватная ситуации активность, не меньшая и не большая, чем необходимо для реализации цели, понятной окружающим людям и не отвергаемой ими.

Понятными целями здесь являются: (1) запустить станок (оживить «памятник»); (2) не быть виноватым (за задержку пуска, за чужой брак и т. п.). Других целей у Индивида действительно нет (целей соответствующего уровня; сверхзадачи — не в счет!). *[Имеются в виду исследовательские, социологические*

«сверхзадачи». — А. А.] Эти цели можно и нужно осуществлять и декларировать, декларировать и осуществлять.

Вторая из названных целей придает инициативе превентивный характер. При этом ответственность не перекладывается на других (вверх, вниз или вбок), как обычно делает разгильдяй, а строго распределяется между самим собой и окружением.

Антиразгильдяйская интенция воплощается в «вынужденно-инициативных» действиях, обеспечивающих осмысленное дозирование ответственности. Принцип дозированной ответственности есть существенная альтернатива практике так называемого «воспитания ответственности» (что обычно совпадает с массовой безответственностью). В зависимости от жизненной активности субъекта и особенностей ситуации, в которой он действует, человек может «взять на себя» больше или меньше, но в любом случае ответственность должна быть дозирована, а инициатива — вынуждена. Иначе его «не поймут», сочтя либо дураком, либо «себе на уме»...

Линия поведения, отвечающая изложенным выше антиразгильдяйским принципам (вынужденная инициатива, дозированная ответственность), всегда проходит по «лезвию бритвы». Успех определяется искусством осуществлять постепенное введение (с последующим закреплением) новых образцов поведения, при безусловном отказе от навязывания их окружающим.

Не «Делай как я!», а «Хочешь — делай, не хочешь — не делай. Но сначала посмотри, как я это делаю». Кстати, в сфере производственной рутины (а вовсе не социального творчества!) это давно стало азбукой рабочей педагогики. <...>

Вернусь, однако, к последовательному описанию событий.

Полуинтуитивной находкой, своего рода наитием был отказ Индивида от попыток отштамповать на ПКР хоть какую-нибудь готовую деталь — в условиях абсолютной неготовности к этому не только его самого, но и станка, техпроцессов [здесь — *технической документации*. — А. А.], технологической оснастки и т. д. Такая попытка перепутала бы все факторы последующего брака, поломок инструмента, неисправностей пресса.

Черпая из своих более или менее скромных социальных, научных и производственных ресурсов, экспериментирующий наладчик перехватил инициативу у цехового технолога (благо у той — инициативы просто не было...) и стал совершать так называемые «технологические пробы».

Когда пробиваемые прессом отверстия на выбранном в качестве образца стальном листе начали уходить далеко в сторону от положенных им мест (причем на простейшей модели характер и тенденции ошибок стали очевидными), экспериментатор объявил, что дальнейшие операции со станком — бессмысленны. А необходима — проверка координатной системы.

Предпринятая им на следующий день проверка с измерительными приборами показала, что координатная (геометрическая) система ПКР установлена с ошибкой точности, в несколько раз превышающей допустимую по техническим условиям! Так на третий день самостоятельной работы этого «странного рабочего» выяснилось то, чем за целый год не удосужились поинтересоваться его предшественники...

Ремарка: без ложной скромности.

Не следует ни переоценивать, ни недооценивать проницательность новичка, каким был в то время социолог-рабочий. Минимальная стажировка на соседнем заводе все же позволила правильно оценить состояние вверенного ему оборудования. Может и при некотором преувеличении личных

достижений, ситуация в целом здесь и далее описана — по горячим следам — адекватно. (Сентябрь 1999).

...Заявление о том, что базовые линейки [установочные планки координатного стола. — А. А.] составляют вовсе не прямой, а тупой угол, было воспринято цеховой администрацией без удовольствия, но с разгильдяйским хладнокровием. Отвесив начальству первую дозу его ответственности, Индивид занялся опробованием операций, за которые ответственны теперь уже не геометрическая, а иные (механическая, электрическая и т. д.) системы станка. В каждой из этих систем обнаруживалось нечто, исключающее ее (системы) нормальное функционирование. Но важно, что делалось это последовательно и с интервалами, обеспечивающими самообучение, овладение очередной технической подсистемой (ведь — «работать все равно нельзя!»). Через неделю, когда все это перераспределение ответственности усилиями заинтересованного экспериментатора (создающего себе условия для роста собственной компетентности!) было уже осуществлено, социолог-наладчик понял, что пора проявлять новую вынужденную инициативу. А именно — проверить обеспеченность техпроцессов пробивным инструментом (матрицы, пуансоны и т. д.). Как оказалось, оснастка для ПКР содержится в таком же разгильдяйском состоянии. Вынужденный дожидаться ремонта станка, еще не вступившего в эксплуатацию, наладчик-штамповщик взял на себя функции сначала технолога, потом инструментальщика, чему никто не препятствовал...

Ремарка: бахвальство.

Вот это — уже гипербола! Функции технолога, как, впрочем, и некоторые другие «посторонние» функции, наладчику ПКР действительно довелось взять на себя, но гораздо позже. Пока же — всего лишь ознакомление с состоянием инструментального хозяйства своего станка... (Сентябрь 1999).

...На протяжении двух недель с лишним цеховой технолог Нюся Копырина (в «Письмах...» использовались почти исключительно псевдонимы. А. А.), загипнотизированная антиразгильдяйством своего подшефного, не успевала осваивать поступающие к ней, с отпечатками грязных пальцев, рукописные документы под названиями:

- 1) «Перечень недостающих (не найденных?) в инструментальной кладовой пакетов пробивного инструмента (пуансон, матрица, съемник) для станка ПКР, с указанием деталей, для изготовления которых эти пакеты необходимы»;
- 2) «Список техпроцессов ПКР, обеспеченных шаблонами в инструментальной кладовой в цехе . 3»;
- 3) «Обеспеченность техпроцессов на ПКР необходимой документацией, шаблонами, инструментом».

И, наконец, под собственное хорошее настроение: «Оперативная сводка о положении дел на технологическом фронте по ПКР (после исправления части инструмента и заказа на шпонки)».

Все эти документы имели вид самодельных ведомостей с обозначением по каждому из 30 техпроцессов в колонках: (а) годности шаблона (да, нет); (б) наличия на этот шаблон формуляра (есть, нет); (в) какого инструмента не хватает и т. п. Технолог переписывала мою информацию уже в свои ведомости и перепасовывала вверх и вбок (из-за чего в цехе иногда возникали мелкие межведомственные конфликты).

Впрочем, не только на ней начал сказываться эффект «Тома Сойера, который красил забор». <...>

[Здесь опущено описание, в том же стиле, еще нескольких «подвигов», или эпизодов борьбы наладчика ПКР с «негэнтропийными» тенденциями в инженерной подготовке производства. — А. А.]

<...> Итак, в противоположность «не нашему» *[ситуативный смысл: принадлежащего «буржуазной социологии».* — А. А.] методу включенного наблюдения, наладчик координатно-револьверного прессы цеха № 3 «Полифонмаша» предлагает в качестве методической новинки наблюдающее **включение** (окружающих) в собственную и коллективную деятельность. Это — сознательное, контролируемое субъектом, включение новых факторов в наблюдаемую реальность, с готовностью испытать непосредственно на себе их обратное влияние. Такое введение в действие новых факторов, поскольку осуществляется человеком, который знает, чего хочет (в данном случае — запустить станок), не является беспорядочным, случайным. Средства подчинены цели, а не наоборот. Причем импульс исходит не сверху, а **изнутри и снизу**. <...>

Например, после месяца ожидания регулировки механической части станка (что должен делать вовсе не он, но те, кто должен, не делают!) социолог-наладчик отправляется на «родной завод» (где он проходил стажировку) и получает там консультацию. А на следующий день ставит цеховую администрацию перед фактом, что со станка сняты все кожуха. И приглашает начальника тех. бюро цеха принять участие в необходимой регулировке. Тому деваться некуда. Полдня провозились вместе. Проблема была, на первый случай, решена. Так происходит постепенное принятие на себя ответственности, напоминающее спуск автомобиля с горки, но не с отпущенными тормозами, и даже не на тормозах, а, как говорят шоферы, — **на скорости**. То есть — с включенным сцеплением, когда колеса тормозятся самим двигателем. Последний, однако, вынужден наращивать обороты, под действием разогнавшейся машины. (Известно также, что при севшем аккумуляторе можно завести автомашину, спуская ее с горки, с включенным зажиганием. Ей придется завестись, если, конечно, есть бензин.)

Такое расширение зоны собственной ответственности, подогреваемое заинтересованностью и опирающееся на растущую компетентность, осуществляется... также дозированно! И является естественным развитием стратегии и тактики «антиразгильдяйского» поведения в разгильдяйской среде. *[Опять — примитивизирующая схема! См. ремарку выше. — А. А.]*

По всем классическим правилам и канонам включенного наблюдения следовало бы «слиться со средой», пассивно приспособившись к ней, и наблюдать за естественным ходом событий. И что бы «наблюли»? А лишь процесс гниения, вкупе с самим загнивающим наблюдателем. *[Пожалуй, неплохо сказано! — А. А.]* Как видите, с совершенно неожиданной стороны приходит подтверждение и новая интерпретация известного тезиса о партийности науки.

Но что же было дальше? Тоже очень поучительно. В середине третьей недели самостоятельной работы наступил момент, когда у социолога-наладчика как будто иссякла фантазия по дозированному перераспределению функций (и ответственности) в свою пользу. Это усугублялось тем, что «все зависящее от него он начинал и кончал», а «все зависящее от начальства даже и не начиналось».

Тогда Индивид испытал органическую потребность в новой вынужденной инициативе, сопоставимой с известными действиями **Балды**, посредством веревки на берегу моря (сказка Пушкина). 6 февраля была составлена и

запущена «Служебная записка», которую прилагаю. [*Здесь эта записка опущена. — А. А.*]

Служебная записка начальнику цеха от наладчика ПКР была предварительно продемонстрирована пенсионеру-инструментальщику Степану Филипповичу, у которого писалась на глазах. Тот оценил ее как разумную предохранительную меру. Потом текст был показан цеховому технологу, которой оставалось только со всем согласиться.

Следующим читателем был начальник тех. бюро, Авдейчиков, который, вздохнув, сказал, что его **мощи** не хватает, а «дело есть дело» (т. е. никаких обид).

Однако до начальника цеха рабочему дойти не дали. Сказали, что сначала надо обязательно к заместителю. Тот же оставил служебную записку у себя — для передачи начальнику. (Начальник цеха С. позднее заметил в разговоре, что не привык получать служебные записки от рабочих).

Через три дня прислали «главного проверяльщика» нового оборудования, контрольного мастера из РМЦ [*ремонтно-механический цех. — А. А.*]. Вместе с ним были произведены все положенные по паспорту станка контрольные процедуры технической приемки и выяснено, что базовые линейки действительно составляют тупой угол.

Причем с тем самым отклонением от прямого в 0,4 мм (а разрешено — 0,05!), какое было определено инициатором этой проверки еще три недели назад. Вообще же, ни по одному из шести заданных параметров координатная система в нормативы не укладывается, и все параллельные линии рано или поздно пересекаются (т. е. «по Лобачевскому», а вовсе не «по Эвклиду»!).

В тот же день на стол начальника цеха лег акт технической приемки. В нем удостоверялось, что станку (еще не работавшему!) необходим глубокий и ответственный ремонт. И вообще это уже прерогатива чуть ли не главного инженера завода.

(Примечательно, что на английских станках потребность в переустановке базовых координатных линеек возникла лишь на десятый год работы. Мне повезло присутствовать при этой сложной операции на заводе, где проходил двухнедельную стажировку.)

Так прошли свои «полевые испытания» выдвинутые и проведенные вашим корреспондентом принципы вынужденной инициативы и дозированной ответственности. <...>

Самый надежный способ **управления снизу** — это когда вышестоящий разгильдяй принимает вынужденное для себя (но предусмотренное подчиненным!) решение, как свое собственное (если все условия для этого самим подчиненным созданы). Своего рода — «дистанционное управление»... Тут надо сказать, что плановый или — того хуже — внеплановый ремонт станка местными некомпетентными силами поставил бы под вопрос сам факт запуска ПКР (не говоря уж о сроках!). [*Ремонтная служба цеха никогда не имела дела со станками этого типа. — А. А.*]

Тогда был избран выход, на который Балда давно намекал, — пригласить «левака», т. е. мастера-аса, обслуживающего по геометрической части английские станки на соседнем заводе. Теперь начальство уже само попросило социолога-наладчика разыскать и пригласить этого аса для переговоров.

...Поистине мое **наблюдающее участие**⁷ — куда более эффективный и продуктивный метод, чем участвующее (включенное) наблюдение! И в научном, и в практическом отношениях... («*Наблюдающее участие*»... Кажется, первое,

спонтанное употребление этого словосочетания, **нечаянное изобретение термина**. А. А.).

Смею думать, что это не только метод исследования, но и «метод жизни», заслуживающий разработки.

Еще несколько замечаний.

Чем ниже по лестнице социальной иерархии, тем в более светлые и теплые тона окрашивается разгильдяйство (в отличие от «угрюмого» разгильдяйства высокого начальника). Собственно, внизу разгильдяйство очень избирательно, а в трудовых контактах работающих рядом людей часто превращается во взаимную доброжелательность и непринужденную... ответственность (т. е. как бы в собственную противоположность!). Сергей Р. [С. М. Розет. — А. А.], социолог-слесарь (в отличие от социолога-наладчика), рассказывал, как его товарищи без лишних разговоров исправляли допущенный им, по неопытности, брак, чтобы не пострадали ни сам Сергей (в зарплате!), ни репутация участка. Очень сложный и, в рамках отмечавшегося выше «системного» качества, разумно организованный мир взаимных зависимостей и ответственностей...

<...> Интерес к человеку среди рабочих — это интерес скорее не к личности, а к **живой душе**. Ну, как если бы кошка мяукала — надо дать молока или выпустить на двор. Зовет человек — подойдут, спрашивает — покажут, просит — дадут. Вызывает раздражение та кошка, которая мяукает беспричинно (бывают такие вздорные животные!). «Кошка», знаящая чего ей надо, встречает понимание. Отсюда правило (если угодно, практические рекомендации новичку): сначала подумай, потом спроси; не спрашивай второй раз того же самого; ищи помощи, когда действительно исчерпал свои собственные ресурсы.

В течение нескольких дней социологу-наладчику таким образом удалось обзавестись тем минимумом полезных приспособлений, которых не спросишь в инструментальной кладовой, но без которых не проживешь. Например, медный пестик, которым можно колотить по любому стальному предмету, без боязни повредить его или пострадать самому. Или подходящий (тоже медный!) стержень для выталкивания пуансонов из пуансонодержателей.

Давалось это всегда по конкретному поводу, для данного случая, но... **навсегда**. Так что больше повода для затруднений в соответствующем деле не возникало. К четвертому или пятому дню, при убывании частоты обращений Индивида к окружающим и при возрастании частоты обращений окружающих к нему, эти две величины сравнялись. И образовался некий «баланс общения». Вообще же, при отсутствии условий и необходимости, можно месяц проработать рядом с человеком и лишь обмениваться кивком при утренней встрече. А при наличии повода или необходимости — можно «прообщаться» с ним целых полчаса. В условиях общепризнанного начальственного разгильдяйства рабочие предпочитают использовать прямые производственные связи.

Если, скажем, мне для оснащения станка нужны шпонки и кому-то поручено их делать, то этот кто-то придет и спросит, «устроят ли тебя такие» или «как тебе удобно» (т. е. какой размер надо строго выдержать, а на какой начхать). В следующий раз и я уже постараюсь обойтись без посредников... И сначала спрошу у вероятного исполнителя, может ли он это сделать, а потом согласую вопрос с начальством.

Есть особая прелесть в непосредственных связях по формуле: **«Как тебе удобно»**. Они возможны в отношениях только по горизонтали, исключающих необходимость «дистанционного управления»...

Ремарка: «Как тебе удобно...»

Пожалуй, это первое зафиксированное в тексте наблюдение социолога-рабочего, относящееся к проблеме внеформальной производственной активности и рабочей самоорганизации. (Сентябрь 1999).

<...> О социальном происхождении экспериментатора уже известно всем, кто удосужился об этом спросить. Вызвать замешательство это могло разве что у администрации, и то на первых порах. Не придуманный мотив смены обстановки («отдыха от учрежденческой суеты») удовлетворяет всех. Человек оценивается по его поведению, а не по происхождению. Его ситуация водолаза, пытающегося извлечь со дна морского затонувший корабль, вызывает куда больший интерес, чем анкетные данные.

Что касается интереса самого социолога-наладчика к окружающим, то этот интерес не выходит за пределы встречного. Обо мне знают примерно столько же, сколько я о других. И узнать больше я пока не стремлюсь...

Разумеется, Балда состоит на всяком там профсоюзном и партийном учете. Цеховой комитет проштамповал рабочему . 03445 разрешение на трехмесячное совместительство, против которого уже не стал возражать начальник цеха.

(А по просьбе профессора Ладова [В. А. Ядов. — А. А.], подкрепленной официальным отношением института, заводской отдел кадров умудрился разрешить совместительство на целый год. — Примечание 1980 г.)

Было бы ненужным бахвальством [*предыдущее бахвальство было, конечно же, «необходимым»... — А. А.*] утверждать, что социолог-наладчик не допустил за этот месяц ни одной технической ошибки. Пять пуансонов в ходе проб все-таки сломаны, из них два — по прямому указанию технолога. *(Автор считает сегодня это заявление не благородным. Примечание 1980 г.)* Похвалиться могу лишь тем, что ни одна из совершенных ошибок не была повторена. [*Все-таки «похвалился»!.. — А. А.*]

Все эти ошибки были потом резюмированы в «Инструкции по технике безопасности», составленной наладчиком ПКР самим для себя — тоже вынужденная инициатива, иначе ему пришлось бы расписываться за выполнение тех правил (из добытой на соседнем заводе инструкции), которые справедливы для английского станка, но категорически противопоказаны для советского. Фрагмент из этой инструкции, которую передал начальству в отпечатанном на собственной машинке виде, прилагаю. <...> [*Здесь это приложение опущено. — А. А.*]

Ремарка: письма с приложениями.

Вообще, почти ни одно из писем социолога-рабочего не обходится без «приложений», в качестве которых часто выступали деловые документы: служебные записки, замечания по технологическим процессам, акты производственных испытаний и т. п. Некоторые письма состояли почти исключительно из «приложений». (Сентябрь 1999).

Итак, этот социолог-расстрига и «странный рабочий» (*наиболее употребительным самоопределением в то время у автора было: «социолог-наладчик». — А. А.*) в новой ситуации не играет ничьей роли, кроме **своей собственной**. В этом, кстати, залог его душевного комфорта и внутри коллективного благополучия.

...В социологических кругах предметом живейшего интереса является «феномен А.». Будто бы тот изобрел «философский камень» и превращает социологическую бронзу в золото. Всякому хочется потрогать за шерстку этого

экзотического зверька, чтобы убедиться, что мех настоящий... На самом деле, это — всего лишь одна из естественных форм реализации философии осмысленной жизненной активности (которую ваш корреспондент склонен исповедовать, не спеша формулировать). Это — жизненная стратегия строгого подчинения цели — Смыслу (при максимальной конкретизации осмысленных целей).

Что касается тактики, то мне остается завершить «любомудрствование» постулированием последнего принципа — **социально-опережающего поведения**. Имеется в виду создание и опробование новых образцов поведения, адаптация их к системе и адаптация системы к ним. Выживший образец поведения становится **социальным прецедентом**, после которого и относительно которого не столь диким становится чуть опережающий уже и этот прецедент новый шаг. (Своего рода выращивание «генофонда» образцов социального творчества.) Нет ничего удивительного в хорошем настроении вашего корреспондента, чувствующего себя кем-то вроде селекционера, которому вроде бы удастся новый сорт.

Разумеется, речь идет о внедрении образцов поведения, отвечающих представлению экспериментатора о возможном и желательном — таком, что адекватно ситуации, но не воспроизводит, а **преобразует** и формирует ее. Но оставим эти экзистенциальные и социологические сюжеты до встречи. <...>

В заключение позволю себе развлечь милых корреспонденток некоторыми сопоставительными данными самофотографии жизненного времени по известной Вам методике. (*Имеется в виду ауторефлексивная методика «Время жизни»*. — А. А.).

Сравнению подлежат: январь-февраль 1979 г. и 50 дней 1980 г. (т. е. январь + 20 дней февраля). Для фона приведены данные за весь 1979 г. (учитывающие время отпуска и т. д.). Расчет — в часах среднесуточного времени.

<...> [*Здесь опущены табличные данные.* — А. А.]

А теперь — данные о «времени творчества» по месяцам. 1979 г.: январь — 3,8 час. в сутки; февраль — 3,4; март — 3,9; апрель — 2,3; май — 1,5; июнь — 2,5; июль — 5,1; август — 1,5; сентябрь — 0,8; октябрь — 1,6; ноябрь — 1,4; декабрь — 2,7. В среднем — 2,5. 1980 г.: январь — 3,2; февраль — 4,8 (в среднем за 20 дней).

Переструктурирование жизнедеятельности — в последние 2 мес. — происходит не только между зоной вынужденной (инструментальной) деятельности и зоной свободной (осмысленной) деятельности (в пользу последней), но и внутри самой «зоны свободы»: творчество, восприятие, общение.

Причем сами эти определения наполняются новым содержанием!

Например, в «творчестве» исчезает господство письменных текстов, в «восприятии» — так наз. профессионального и общекультурного восприятия; повышается удельный вес «иного» творчества и «иного» восприятия. <...>

Пожалуй, здесь можно говорить о движении в сторону гармоничного развития личности от гипертрофированного профессионализма.

(Чтобы уж совсем не выглядеть в глазах Инны «ренегатом», признаюсь, что две «профессиональные» работы (не считая промежуточных результатов) за эти 50 дней все же выполнены. Одна — статья об использовании качественных методов в исследовании образа жизни; другая — о разработке частотных словарей как поисковом этапе контент-анализа.)

Разумеется, и это письмо я не отношу к разряду нетворческих занятий...

Добрый миллион «творческих личностей» занимается на работе тем, что с души воротит, а после работы возятся с машиной. Почему бы не наоборот — на работе возиться с машиной, а после работы — заниматься чем хочешь? На этой прозаической (что имел в виду, употребляя это слово? Скорее всего, ничего не имел в виду. Примечание 1980 г.) ноте закончу свой отчет, полагая доказанными выдвинутые выше тривиальные и нетривиальные предположения.

Ремарка: хорошее настроение!

Пожалуй, жизнеощущение автора в тот период лучше всего может быть выражено французским: bon humeur — «хорошее настроение». (Сентябрь 1999).

Перечитав письмо, нахожу, что некоторые высказанные в нем философско-социологические соображения представляют не сугубо личный интерес. А именно: «формула разгильдяйства», принцип вынужденной инициативы, принцип дозированной ответственности, метод наблюдающего участия, практика «дистанционного управления» снизу, постулат социально-опережающей деятельности... Равно как и отдельные наблюдения касательно «соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма». (Это — одна из стандартных, весьма популярных в свое время формул советского обществоведения. — А. А.)

Так что я даю согласие на использование этого письма в журналах «Знание-сила» или «ЭКО» (смотря какая редакция больше заинтересуется) — разумеется, с сохранением авторского надзора.

(Ну, тут автор увлекся! Предупреждением к комплекту этих писем настоящее заявление денонсируется: «письма — только для друзей...»).

Примечание 1980 г.).

За фактическими справками можно обратиться к № 6 «Экономической газеты» за 1980 г., где вкладыш «Страницы передового опыта» посвящен моему предприятию, а одна из статей — принадлежит бригадиру той самой комплексной бригады, среди верстаков которой (по «формуле разгильдяйства») установлен мой станок, коему полагается размещаться (как, скажем, координатно-расточному) в изолированном помещении.

В общем, я не сомневаюсь как в изобретательности, так и в такте моих корреспондентов. И уж совсем в заключение уместно процитировать «неизвестного поэта»:

...Не бойтесь заново начать,
Не бойтесь вовремя бросать,
Не бойтесь начинаться...

(К сочинению этих строчек автор письма имеет косвенное отношение, но, смею заверить, не в качестве автора, равно как и не в качестве адресата.) (Эти стихотворные строки принадлежат С Ф Минаковой)

Это письмо может рассматриваться как ответ на запрос Инны — «как идет ОЖ (образ жизни. — А. А.) после 3 января...». Похоже оно не поспеет к ее защите. (Имеется в виду защита докторской диссертации. — А. А.) Но, надеюсь, застанет в Москве. И все же — ни пуха, ни пера! Любящий вас социолог-наладчик (Балда; Тиль Уленшпигель), 15.02.80

Ремарка: это был — манифест!

Первое письмо, как бы ни относиться к его форме, было своего рода профессиональным, а также жизненным «манифестом» социолога-рабочего на начальном этапе эксперимента.

Я попытался здесь, по ходу дела, откомментировать этот текст — для прояснения своего современного отношения к тогдашней ситуации, своему месту в ней и тогдашнему способу их отображения.

Соответствующего комментария заслуживают и остальные «Письма...». Но впредь ограничусь минимумом примечаний и ремарок, предоставив читателю, при желании, заняться этим самому. (Сентябрь 1999).

...Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели «обыденная жизнь»... Й. Хейзинга. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992, с. 41.

...Сцена представляет зрителю события правдоподобно выдуманные; жизнь, предположительно, преподносит нам события реальные и обычно неотретированные... И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000, с. 30.

...Личностное знание — это интеллектуальная самоотдача, поэтому в его претензии на истинность имеется определенная доля риска. Объективное знание такого рода может содержать лишь утверждения, для которых не исключена возможность оказаться ложными. Все утверждения, которые вы найдете в этой книге — это мои личные свершения, плоды идей интеллектуальной самоотдачи. Они претендуют на это и только на это... М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985, с. 19.

<...>

(9)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabochego-prodolzhenie>

**А. АЛЕКСЕЕВ. ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ
(ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО). ПРОДОЛЖЕНИЕ**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 09.03.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (9).

Так называемые «Письма Любимым женщинам» были первой формой описания процесса и предъявления некоторых результатов предпринятого автором в начале 1980-х годов исследования производственной жизни «изнутри», глазами рабочего. Впоследствии они вошли в состав книги: [Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1- 4. СПб.: Норма, 2003-2005.](#)⁵⁸

Здесь приводятся несколько писем-отчетов друзьям из вышеуказанного цикла. А. А. Май 2013 – март 2015

Содержание

- = Театр жизни и эпистолярное хулиганство
- = «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива (Кто сошел с ума?)
- = Притча о Генеральной линейке
- = Пляшущие на угольях
- = Может ли Генеральная линейка ударить по голове? (интервью социолога-наладчика)
- = Как переплыть реку
- = Мистифицированная наука (Размышление о судьбах советской **социологии**)
- = **Наладчик и бригада («партизанщина»)**
- = Итак, я ловлю рыбу... (Перевернутый шаблон и вокруг него)
- = «Я вот уже два года здесь работаю...»
- = Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив»

**

ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ

(продолжение)

<...>

(2.8). Притча о Генеральной линейке

[Персональный адресат этого письма (август 1980) — Н.Я. Шустрова. — А.А.]

Милая Нина!

<...> Мой «эпистолярный роман» **обрастает сюжетными линиями.**

Иногда они завершаются в пределах отдельно взятого письма.

Развязка наступает в реальности еще в период описания данной моделирующей ситуации (т. е. пока письмо еще не отправлено). Хотя в момент начала письма эта развязка зачастую еще неизвестна.

Так, я **успел** написать (предыдущее письмо), что участок печатных плат, на который мне было предложено пойти в «псевдоадминистраторы» (вместо того, чтобы овладеть смежной рабочей специальностью шлифовщика) приказом директора завода вновь отторгнут от нашего цеха («развязка»).

А если бы клюнул я на крючок нашего начальника цеха, то оказался бы социологом-наладчиком, «откомандированным» на другое производство, и потерял бы всякий контроль над событиями, которые буду сейчас излагать и осмыслять.

⁵⁸ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

Выпускать же из-под контроля ситуацию ПКР нельзя. Тут только не догляди...

...Выглядываю я вчера из своего «кабинета», посреди дня. И просидел-то я в нем невылазно часа два, не больше. Вижу — толпа у моего агрегата. А там, оказывается, гибочный пресс рядом на таях висит, и поворачивается этакая двухтонная махина в воздухе в 10 см от моего капризного координатного стола, как бы раздумывая, вдарить или не вдарить. А такелажник, подозрительно румяный, взгромоздился сапожищами на револьверную головку ПКР, чтобы до заевшей тали достать. А то они своего «слона» поднять — подняли, а опустить не могут. Наш цеховой механик стоит тут же, наблюдает. Стас, наладчик штампов, который меня недавно научил спаривать пуансоны с матрицами через марлю, тоже ждет, когда же «вдарят»... Увидел меня — смеется: «Ну, сейчас будет п-ц твоему ПКРу...». И в самом деле, **это самое** будет.

Это называется — «установка нового оборудования». Окончательно его установят, конечно, не в 10 см, а в 2-х метрах от моего станка (это которому изолированное-то помещение положено!). Ну, а пока — вот так.

Опустили, наконец. Револьверную головку (т. е. подход к ней) мне забаррикадировали (не в фигуральном, а в буквальном смысле). Дверцу шкафа с инструментом можно теперь приоткрыть только на 45 градусов. Балансировку станка по уровню нарушили, к счастью, немного (видимо — просто за счет дополнительной нагрузки на бетонный пол рядом).

Варварство? Нет, социально-производственная **норма**...

Ну, я еще Копырину с Авдейчиковым (цеховые инженеры) в наблюдатели пригнал. Зафиксировал, так сказать ситуацию... А сам ушел в инструментальный цех и в ОГТ, куда меня вызвали для очередного разбора их прегрешений. Есть картины, которые лучше не наблюдать, чтоб потом нельзя было сказать: «Куда смотрел?». С самого-то начала я все равно не видел...

Тут надо признаться, что и внутреннее беспокойство, и внешнее хладнокровие были у социолога-наладчика чуточку напускными. Ибо несколькими днями раньше я успел снять со станка пантограф, самую деликатную часть координатной системы, и демонтировать ту самую Главную линейку, о злключениях которой Вам кое-что уже известно (а основной рассказ еще впереди!). Вот если бы они к этой Линейке своим «колоколом» на весу приложились (а приложились бы наверняка — она далеко выступает), тут уж ПКРу точно было бы то самое, что имел в виду Стас.

Это — пример завязки сюжета. Интересно: когда же они соберутся установить гибочную машину на свое место, как все это будет, чьими усилиями и т. п. <...>

Все мои моделирующие ситуации начинаются **естественно**. Развиваются — тоже естественно, с осторожными коррективами экспериментатора. На выходе — социальная модель или, если угодно, сюжет.

А вот пример сюжетного хода в развивающейся ситуации, когда вдруг выясняются обстоятельства, проливающие новый свет на предшествующую (и как будто законченную) сюжетную линию. Ранее я писал о своем «конструктивном» усовершенствовании станка — подкладках под матрицедержатели. В итоге — заготовка лежит на плоскости матрицы, а не провисает.

Я-то думал, что вторгаюсь в конструкцию, тревожился, что пуансону до матрицы стало ближе, стало быть у него меньше «разбег» для удара, да и залезает он в матрицу глубже (что, может быть, тоже нехорошо...).

И вдруг узнаю, что я приподнял те самые матрицы, которые кто-то из ОГТ, еще до моего появления на заводе, по недомыслию, приопустил (тоже, как будто, в соответствии с цеховыми пожеланиями: моему предшественнику что-то в высоких матрицах не понравилось).

Приопустили, начав заказывать матрицы меньшей высоты. При этом не только возникло обнаруженное мною провисание заготовки, но и съемники (те самые пресловутые съемники, из-за которых было столько сыр-бору в предыдущем письме!) перестали доставать до заготовки, перестали что-либо «снимать» и превратились в декоративное излишество.

Так действовал отдел главного технолога в прошлом году. А в этом — наладчик раскрутил производственную машину в обратную сторону: чтобы не переделывать несколько сотен матриц, устроил подкладки под 24-мя матрицедержателями, в которых эти матрицы должны сидеть. Как видно, этой рацией была исправлена не недоработка конструкторов (как я думал вначале), а ошибка технологов. Однако «признался» отдел главного технолога в этом только вчера, когда подкладки были уже изготовлены. И слишком подозрительным стало, почему же только теперь «заработали» съемники, ранее прыгавшие в револьверной головке вхолостую.

Моделирующую ситуацию нельзя насилловать. Паук ждет муху: если та зацепится за паутину, он поможет ей еще больше запутаться и высосет. А нет, так нет... Впрочем, более «благородной» была бы аналогия с рыбаком, который водит рыбку, но не дергает, пока наживка не заглочена.

И еще один пример **развивающейся** ситуации. Те самые злополучные съемники, которые с узкими отверстиями (помните, в предыдущем письме?), продолжают поступать от инструментальщиков, вопреки обнажившейся производственной нелепице.

Почему? А дело в том, что слишком хлопотно для отдела главного технолога в куче заказов (иногда давних) выискивать те, которые еще не выполнены, чтобы внести исправления в чертежи. И в тех. Бюро инструментального цеха отказались искать эти документы, ибо там тоже все в куче и не один мой ПКР задает им работы...

А рабочие-инструментальщики не могут выйти из обозначенных на чертеже размеров (хотя бы им это и было кстати). Ведь над ними — свое ОТК. Убедившись, что сделано по чертежу, их ОТК передает свою продукцию в инструментальную группу нашего цеха, где мастер подписывает приемочную ведомость... Кладовщица пересчитывает по штукам, приходит и ставит на полку. Только тут я на страже: это — не годится! (Теперь уж я не сторожу, кладовщица Фаина сама просит проверить, а то и сходить с нею в инструментальный цех.) Такой вот «заколдованный круг»...

Социолог-«рыбак» наострил уши: клюет! Поскольку исправлять чертежи надо в первую очередь те, которые, выйдя из ОГТ, еще не воплотились в металл в инструментальном цехе, проявляю деликатную готовность перелистать всю книгу заказов за два года (это происходит в тех. бюро инструментального). Когда речь идет о том, чтобы выполнить **чью-нибудь** работу, тут — «зеленая улица» инициатору. Я потратил меньше часа, чтобы убедиться, что почти все, что было неверно заказано, уже сделано (тоже неверно!).

Поздновато хватился... Максимум десятков съемников остался еще в работе у инструментальщиков. Я записал их номера, на всякий случай сообщил цеховому технологу Копыриной и посчитал для себя этот сюжет исчерпанным, точнее — не состоявшимся. Стоит ли из-за одного десятка, на фоне нескольких сотен съемников с узкими отверстиями, будоражить ОГТ?

Но отдел главного технолога вдруг взбудоражился сам. Похоже, эта история (без моего участия!) всплыла где-то на более высоком уровне.

Узнав нечаянно, что я располагаю списком оснастки, которая заведомо потребует ремонта, ОГТ поспешило (почему в среднем роде? да как-то больше пристало называть производственное подразделение — «оно») запросить этот список, причем даже не у Копыриной, а у меня лично. Да еще благодарили...

(Не важно, что оставшихся не изготовленными съемников всего десяток; важен не объем брака, а опасность «разоблачения».)

Так, рыба, которая показалась настолько мелкой, что и подсекать лень, вдруг с таким усердием стала заглатывать наживку, что пришлось вытащить, раз уж ей так это понадобилось...

Все эти примеры иллюстрируют способы зарождения, формирования и развития того, что я назвал **моделирующими ситуациями**

Примером далеко не оконченного **сюжета** (моделирующей ситуации) являются наши взаимоотношения с начальником цеха <...>. Похоже, что моя неприязнь к нему есть лишь отражение массового накапливающегося раздражения.

В ДНД (вот уж поистине советский вариант английских мужских клубов) рассудительный, независимый (беспартийный), работающий на заводе 30 лет, имеющий собственную автомашину, шлифовщик Г. И. замечает вскользь, уж и не помню, по какому поводу: «Сколько их перевидал в цеху, а такого <...> не было. Да я бы и пяти минут не стал слушать то, что вы (рядом на скамейке сквера сидят бригадир и член партийного бюро) по полчаса выслушиваете.

С бригадирами разговаривает как с мусором...» (Передразнивает начальника: «Я не потерплю неуважения к себе!»). Те молчат, вроде согласны. А речь идет о «нечистой» борьбе за чистоту на рабочих местах, по случаю очередных комиссий. Начальник цеха, видите ли, **после рабочего дня** проверяет эту чистоту, находит неаккуратно сложенные листы, костерит мастеров, а те не хотят отвечать за бригадиров (теперь же рабочая демократия!), требуют, чтобы и бригадиры дожидались этих начальственных обходов, а вот когда начальник соизволит — через 15 или через 30 минут после окончания рабочего дня — неизвестно.

А бригадиры отказываются задерживаться. Тогда начальник осмеливается собрать их для «накачки» по этому поводу.

В очередной день, когда как раз разразился этот микроконфликт (по серьезным вопросам конфликты, как правило, не возникают), я нарочно, переодевшись, уселся возле своего станка (я же «сам себе бригадир»!) и прождал полчаса этого обхода (накануне будто бы и на ПКР обнаружилась пыль — что ж гримировать «покойника»?). Не дождался. Бригадиры, хоть и ворчали, но 15 мин. дожидались, потом ушли. Мастера оставались, когда я уходил.

Во дворе я встретил (35 мин. после окончания рабочего дня) какую-то высокопоставленную делегацию, ведомую директором, с начальником нашего цеха в составе свиты.

Позиция Г. И., молчаливо разделяемая активистами, дает повод предположить целесообразность «доразвития» моделирующей ситуации наших взаимоотношений с нач. цеха до публичной плюхи ему на каком-нибудь партсобрании или партхозактиве. Заслужил он ее давно. Но получит вряд ли раньше конца года. Форсировать вредно.

Смысл же плюхи (разумеется, не формулировка!) мог бы состоять в констатации, что... имеет место тенденция **возрастания степени** (соответственно — масштабов) разгильдяйства по мере возрастания уровня руководства...

В обыденном сознании картина разгильдяйства предстает перевернутой. Может показаться, что много стрелочников приносят больше вреда, чем один диспетчер. На самом деле — наоборот. Впрочем, много диспетчеров тоже приносят меньше вреда, чем один начальник железной дороги.

А уж если по большому счету, то дело и не в стрелочнике, и не в диспетчере, и даже не в начальнике, а в Уставе путей сообщения!

Кстати (уже выходя за пределы данного сюжета): при массовой узурпации компетенции снизу вверх и массовом же перекалывании ответственности сверху вниз, происходит перенасыщение, соответственно, того и другого вверху и внизу. В итоге, низы оказываются совершенно **безответственны**, а верхи — совершенно **беспомощны**. И всем плохо! Но подробно об этом — в другой раз.

Перейду к главному сюжету этого письма. Он будет носить отчасти философский (во всяком случае — аллегорический) характер.

Назову этот сюжет: Притча о Генеральной линейке, или модель овладения системой. Модель строится на техническом материале.

Система — пресс с координатным столом и револьверной головкой.

Генеральная линейка — двухметровая траверза координатного стола, ныне хранящаяся отдельно от станка (в моем «кабинете»).

...Первое соприкосновение Человека с Системой вызывает благоговейный трепет, ужас перед ее сложностью и непостижимостью.

Это — первое ощущение. Однако по мере расширения кругозора и возникновения первого опыта обращения с ней складывается убеждение, что Система плоха, уродлива (сделана «по-советски», при транспортировке стукнута, при установке перекошена) и, прежде чем заработает, должна быть капитально отремонтирована.

Предпринимается официальная экспертиза Системы. В итоге выясняется, что все ее показатели выходят за пределы допустимого и не согласуются между собой. Итак, нужен ремонт, переделка.

Вопрос — **что** ремонтировать? Заменяются подшипники, просверливаются недостающие дырки, подбиваются клинья, одна за другой снимаются и шлифуются координатные линейки и направляющие — все, что можно сделать в местных условиях и подручными средствами. А чего нельзя — так стоит ли и проверять? (говорят знающие люди).

Отшлифованные линейки не лезут в гнезда, исправленные подшипники не хотят крутиться... Но мы их заставим, и линейки подколотим, чтобы влезли, стервы, и под прямым углом стояли друг к другу, и параллельны были базовой линейке, ну, а та — чтобы с Генеральной не расходилась в направлениях! Нам ведь — чтобы концы с концами свести и чтобы дырочки Система пробивала **параллельно самой главной линейке**, а остальное все — «х-ня!».

Еще до того, как был достигнут этот желанный результат, было у Человека прозрение (ну, вроде атомистического представления древних): а вдруг та самая Генеральная линейка (которую и проверять нечего, ведь она Самая главная) — **кривая**? В каком смысле кривая, как и на что может повлиять ее кривизна — об этом не думалось. Не тот был уровень развития, так — наивная догадка.

Может и кривая — ну и что? Работает же Система!

Все, что поддавалось исправлению, отремонтировано на славу. Только чуть тревожили странные показания приборов в некоторых узлах. Система заработала. И тут обнаружилось, что дырки она бьет, хоть и параллельно Генеральной линейке, но как-то несуразно. Дырочки словно боятся отодвинуться

к краям стального листа, а все как-то к центру жмутся. Поближе к центру и друг к другу... Такие «компанейские» дырочки! А относительно Генеральной линейки все стоят по струнке...

Назвал Человек это эффектом **сжимающейся вселенной** и задумался. Отчего же она «сжимается»? И вспомнил свои наивные прозрения. А вдруг Генеральная — кривая? Но теперь он уже был умудрен техническим опытом и заклинания его не удовлетворяли. Если она кривая, то почему же вселенная сжимается, а не перекашивается, к примеру?

Все, что можно было отремонтировать, было уже исправлено. Так что оставалось Человеку эту Систему совершенствовать. Он это делал, и не безуспешно. С полдюжины было всяких рационализаций. Все более точно работала Система, по самым разнообразным параметрам. Вот только сбегание отверстий друг к другу оставалось. А при этой неприятности все остальные результаты обесцениваются.

И ведь не то чтобы ученическая была задачка. Нет, и более развитые цивилизации с такими странностями природы не сталкивались: «Не бывает такого, и баста!»

Тогда вернулся Человек вновь к убеждению в **кривизне Генеральной линейки**. И не потому, что понимал, как может ее кривизна вызывать подобные эффекты. А потому, что больше уж грешить не на что было. Ведь все остальные узлы Системы — с Генеральной линейкой согласованы.

Придумал, наконец, объяснение. Столь же хитроумное, сколь может показаться современному человеку геоцентрическая модель Птолемея. (Тому ведь надо было как-то сообразовать мировоззрение с астрономическими наблюдениями; вот он и придумал «эпициклы» — планеты вращаются вокруг Земли, но не сами, а по кругам, центры которых находятся на геоцентрических орбитах.) Измерения как будто показывают, что

Генеральная линейка изогнута в вертикальной плоскости. Значит, надо ее выпрямлять.

Вот только червячок сомнения был: а не должны ли были бы отверстия в таком случае не сбегаться к центру, а напротив — к краям разбегаться? И насколько? Но настолько изощренной была эта геометрическая гипотеза, что не хватило у Человека на ее окончательное подтверждение пространственного воображения (не говоря уж о тригонометрической эрудиции).

Тем не менее, выхода не было, и стал Человек готовиться к **Великой операции**. Говорит:

«Оперировать (снимать эту Главную линейку к чертям собачьим да выпрямлять) все равно надо. Может, обновленная Система будет не лучше прежней. Но и с этой Генеральной ей больше никак нельзя...»

До сих пор содержание притчи суммировало один из сквозных сюжетов всего сериала. Особенно существенны в этом плане второе (Вам) и пятое (адресованное Светлане) письма. Вы без труда идентифицируете в этой притче нашу технико-ремонтную эпопею с Бубликовым и мою индивидуальную эпопею с реконструкцией ПКР. Впрочем, Вы, дорогая Нина, много еще чего здесь идентифицируете!

Прямо-таки жуткое какое-то сходство обнаруживается у этой модели с более глобальными.

Известно, что человеческий зародыш в своем утробном развитии повторяет основные стадии развития живой природы. Неужто то же происходит с человеческим познавательным-преобразовательным овладением миром («онтогенез», повторяющий «филогенез»)? Но, видит *Бог [интересно, все время*

писал с маленькой буквы, и вдруг, «нечаянно», написалось тогда с большой. — А. А.], я ничего не выдумал. Вот где обнаруживается преимущество сериала, сочиняемого во времени. Не мог же я во втором письме предусмотреть, что будет в пятом. А в пятом — не знал, что будет в седьмом...

А было вот что (я еще закончу притчу, а сейчас — «прямым текстом»). Есть у меня двоюродный брат Володя [В. В. Абрашкевич. — А. А.], моложе меня на пять лет, физик-экспериментатор, инженер-электрик, инженер-механик, инженер-радиотехник, уж не помню, что еще. Да просто — талантливый человек, технический выдумщик, изобретатель, способный из подручных средств изготовить любой агрегат, от трехколесного автомобиля до медицинского прибора.

В деда пошел (а он, Петр Михайлович Пузанов, был едва ли не первым в Петербурге инженером-механиком, ездившим на автомобилях собственной конструкции и изготовления). И в прапрадеда (Павел Петрович Аносов, известный металлург, изобретатель русского булата).

Так вот, рассказал я Володе свою техническую задачку. А он (станка в глаза не видевший!) порисовал, порисовал на листочке и говорит: «Похоже, что твоя генеральная линейка — кривая. Только не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости».

[Искривление в вертикальной плоскости — фронтальный вид; в горизонтальной — вид сверху. — А. А.]

И в самом деле, похоже на то. **И просто** — ну, прямо «Коперник» против моего «Птоломея»!

Вызвался Володя посмотреть станок. Организовал я ему разовый пропуск на завод. Три часа после окончания рабочего дня мы занимались привычными для меня измерениями. Но, в отличие от прежних, с перспективой их последующего использования для тригонометрических вычислений. Еще через день Володя, уже дома, эти вычисления произвел.

В тот самый день, когда он считал, я приложил к траверзе координатного стола обычную мерительную линейку, позволяющую оценить плоскостность. Раньше это не приходило в голову, потому что моя Генеральная частично скрыта кареткой, которая по ней ездит. Но можно же померить, хотя бы в доступных местах... Этого измерения мы с Володей не производили просто потому, что не было под руками подходящего инструмента. Я получил **эмпирическое подтверждение** искривленности траверзы, и именно в горизонтальной плоскости, как и предсказывал Володя. Между мерительной линейкой и плоскостью Генеральной обнаружилась щель 0,08 мм (при длине мерительной линейки 0,5 м).

Володя получил тот же результат **расчетным путем**, на материале всех остальных, косвенных измерений, которые мы делали вместе. Это в точности соответствовало и величине «сжатия вселенной» (порядка 0,1 на расстоянии 100 мм). По расчетам младшего брата, Генеральная линейка ПКР имеет вид двухметровой дуги окружности радиусом полкилометра. Это как будто немного... Но достаточно, чтобы перевести станок в самый низкий, седьмой класс точности. Еще неделю я потратил на приобретение разрешения «разломать» станок и вынуть из него кривую Генеральную линейку.

Разрешение должен был дать Авдейчиков, замещавший тогда зам. начальника цеха. И он, наконец, это разрешение дал — **накануне** выхода того из отпуска (чтобы дальше думал, что делать, уже зам. нач. цеха?). Все дело в том, что траверзу длиной два метра надо исправлять на гигантском шлифовальном станке, чтобы пройти эту длину за один заход. Иначе дуга может превратиться в восьмерку или во что-нибудь вообще несообразное.

Но окончание этой истории лучше описать, возвратившись к жанру притчи.

...Уже решившись на **Великую операцию**, не исключая даже возможности ее осуществления революционным путем (если не будет согласия начальства), Человек решил посоветоваться с Младшим братом.

Брат, который по техническим системам собаку съел, предположил, что Генеральная линейка и впрямь искривлена. Но — совсем в другой плоскости! То есть — братья не разошлись в кардинальном вопросе о кривизне Генеральной. Вот только угол зрения у Младшего оказался вернее.

Гипотеза Младшего брата была подтверждена совместной братской деятельностью, где сочетались экспериментальный и теоретический моменты. Вычисления сошлись с наблюдениями. И основа Системы предстала вместо прямой — даже не восьмеркой, а правильной дугой окружности радиусом в полкилометра.

Теперь стало ясным, почему так упорно не садились в свои гнезда все остальные выпрямленные на первых этапах овладения Системой ее элементы. Ведь все они выстраивались по Генеральной линейке. А она-то и была кривой! И когда Человек (вместе с Мастером старого типа) подколачивал под выпрямленные остальные линейки клинья, он **искривлял** их обратно (в полном соответствии с кривизной Генеральной линейки).

Интересно пояснить эту модель графическим изображением. <...>

[Здесь рисунок опущен. — А. А.]

...Бедные линейки «Б» и «Д»! Представляю, как они устали подлаживаться под кривую Генеральную линейку «А»! *[Здесь игра слов: «усталость металла».* — А. А.] *Но ничего, они — каленые и упругие; выпрямить Генеральную, и все благополучно встанут на свое место, без напряжения. А сама-то Генеральная, между прочим, сырая (т. е. не каленая). Вот ее, как согни, так она и останется...* Но если Человеку ясно, **что** делать для оздоровления Системы, то остается открытым вопрос — **как** делать... Уж больно громадна Генеральная. Нет в окружающей нас Галактике таких шлифовальных станков, чтобы ее привести в норму (подрезать горб, стесать концы). Вот и ищем.

Во избежание иллюзий, что, мол, и так жить можно, **вынул человек** Генеральную линейку из Системы. Стоит теперь Система без Генеральной. А та — лежит в кладовой, ждет своей участи.

(Примечательно, что Генеральная линейка была изъята из Системы, так сказать, легально — «парламентским» путем. Но это случилось накануне того дня, на который Человек назначил для себя революционные действия. Впрочем «парламентарии» того, разумеется, не знали. Разве что могли предчувствовать...)

Чтобы покончить с технической стороной дела, взгляните на рисунок. <...>

[Здесь опущен рисунок, поясняющий геометрическую загадку «сжимающейся вселенной» при искривленной Генеральной линейке. Опущены также тригонометрические расчеты и комментарии к рисунку. — А. А.]

Теперь — мораль из Притчи:

А. Человек проходит следующие стадии **познавательного и практического** (считайте это одним словом!) или духовно-практического овладения Системой:

- 1) Мистический ужас перед Системой;
- 2) законное возмущение ее несовершенством;
- 3) наивное подозрение, что Самая главная линейка — кривая;
- 4) отказ от «дурных мыслей» и честный ремонт всех второстепенных узлов;
- 5) подгонка этих узлов под Генеральную линейку (исходя из предположения о ее прямизне);

- 6) Великое разочарование;
- 7) творческие поиски и всемерное усовершенствование Системы;
- 8) второе Великое разочарование;
- 9) убежденность в кривизне Генеральной линейки;
- 10) выдвижение ложного предположения о механизме этой кривизны;
- 11) подготовка Великой операции (изъятия Генеральной линейки из Системы);
- 12) счастливое открытие истинного механизма кривизны, накануне операции;
- 13) Великая операция — Система без Генеральной линейки;
- 14) изыскание конкретного способа замены извлеченной из Системы Генеральной линейки или исправления ее кривизны;
- 15) ??

(Вы скажете, что неплохо бы сначала 14-й, а потом уже 13-й пункт. Вы будете правы. Но скажите, где и когда было иначе? Мой сюжет моделирует **реальные** ситуации, а не благие пожелания.)

Б. Второй вывод: Система — железная Дура, а Человек остается человеком.

В. Гляди в Корень (не нами сказано!).

Г. Ищи Младшего брата.

<...> Извлечение Генеральной линейки состоялось утром в пятницу 25 июля. До обеда занимался всяческими измерениями. Потом привел Авдейчикова, чтобы показать ему, как двухметровая траверза, лежа на координатном столе, пляшет на собственном горбу. А будучи перевернута обратной стороной, пропускает под себя лепесток щупа толщиной 0,3 мм. Итак, не только теория сошлась с вычислениями, но и расчеты подтверждены эмпирической очевидностью. (Правда, последнее обычно происходит только тогда, когда Генеральная линейка из Системы уже вынута).

С тех пор прошло уже десять дней... Может быть, Вы знаете, где в Ленинграде есть гигантский шлифовальный станок? <...>

Любимые скоро взвоят: что за «производственный роман»! Сколько можно поить их пойлом из железных опилок? А где же **люди**?!

Но я уже отрекался от звания «инженера человеческих душ». Люди для меня существуют в **отношениях** (в частности, в производственных отношениях). Я не лезу в души. Я изучаю **ситуации**. Иногда помогаю им созреть. Люди для меня предстают — в **действиях**.

Я, признаться, с большим доверием отношусь к своим реконструкциям людских мотивов, чем если бы люди сами стали их объяснять. Мне дороги не отдельные подслушанные словечки и мысли (хоть я и с большим уважением отношусь к этому способу познания).

Мне, повторяю, интересны действия, ситуации и отношения.

...А отношения складываются месяцами. Я могу себе это позволить.

Сейчас — скорее для себя, чем для Вас — попробую составить список лиц, с которыми у социолога-наладчика за полгода возникли **отношения**.

Некоторые из них являются повседневными, некоторые эпизодическими, но это такие отношения, которые можно считать **двусторонними**. В них решительно преобладает деловой аспект, но встречаются и эмоциональные вкрапления. В трех-четырех случаях можно констатировать даже баланс эмоциональной и деловой компонент.

(Порядок здесь произволен) — инструментальщик...; инструментальщик...; технолог...; зам. начальника цеха...; наладчик штампов...; слесарь...; мастер

инструментальной группы...; сменный мастер...; слесарь-инструментальщик...; токарь, член парткома завода...; мастер РМЦ...; токарь, профгруппорг участка...; шлифовщик, парторг цеха...; старшая кладовщица участка...; начальник цеха...; рабочий...; бригадир слесарей...; ведущий технолог ОГТ...; технолог ОГТ...; механик цеха...; начальник участка печатных плат...; слесарь-ремонтник...; слесарь-ремонтник, пред. цехкома...; шлифовщик...; шлифовщик...; фрезеровщик...; начальник тех. бюро цеха...; конструктор цеха...; работник ОГМ...; бригадир токарей, ответственный за ДНД...; шлифовщик, сосед по раздевалке...; кладовщица...; табельщица...; начальник ОТК цеха...

<...> Из этого списка, пожалуй, десяток могли бы на сегодня получить здесь **развернутые** социально-психологические портреты. Много это или мало? Скорее мало. Я — не экстраверт.

Но есть, повторяю, то великое достоинство в моем положении, что мне некуда спешить.

// К троим из этого списка я сам испытываю чувство глубокой и искренней признательности. Это: Федор Филиппович К., Иван Александрович С. и Станислав П. — все трое рабочие.

По крайней мере трое должны бы испытывать не меньшую признательность мне. Это: Нюся Копырина, Мглистая, Кабаковцев — все трое ИТР.

Однако ни я по отношению к этим троим, ни они по отношению ко мне своей признательности пока явно не выражают.

К двоим я испытываю ненависть (*похоже, что «классовую»... Примечание 1980 г.*). Это: С. и Кесарев — оба ИТР. (Надеюсь, взаимно).

К двоим — презрение. Это: Е. и К. — оба не рабочие, но и не ИТР, а так — придурки. (Полагаю, что соответствующего ответного чувства они ко мне не питают.)

Ко всем остальным я либо расположен, либо индифферентен эмоционально. Соответственно, и они ко мне (либо то, либо другое). //

Ремарка: «ненависть» и «презрение»...

Фрагмент, выделенный (//), позднее цитировался на партийном собрании цеха (апрель 1984), где обсуждалось «дело» социолога-рабочего. (Сентябрь 1999).

...Кроме перечисленных шестерых, которым я благодарен либо которые должны быть благодарны мне, а стало быть я тоже им симпатизирую (такова человеческая натура — симпатизируют не только «спасителям», но и «спасенным»), есть еще четверо, в отношениях с которыми эмоциональная компонента (с моей стороны) могла бы превышать обычную расположенность. Это: Авдейчиков, но слишком большой лентяй; Рафаил, но слишком суетлив; Ксения, но слишком криклива; Голиков, но слишком — ни рыба ни мясо. (Первые двое — ИТР, последние — рабочие).

Думаю, что этот круг за полтора года вырастет раза в два-три, при сохранении тех же пропорций, т. е. структуры взаимоотношений.

...А Вы, Нина, никогда не пробовали подводить подобные балансы своих служебных контактов?

Да, есть у меня «референтная группа». Это: Федор Филиппович и Иван Александрович, иногда я кооптирую в нее Станислава. Это люди, с которыми я иногда обсуждаю свои режиссерские замыслы. Надо сказать, очень достойный «худсовет».

Есть у меня еще «референтная группа» и на соседнем заводе. Это: социолог-слесарь Сергей Р. [*С. М. Розет. — А. А.*], слесарь-инструментальщик Бубликов, технолог Херувим.

С первым мы встречаемся у метро «Петроградская» по средам, после работы (к сожалению, не каждую среду: либо он не придет, либо я, но так у нас и договорено). Глубиной и оригинальностью экзистенциально-производственных наблюдений Сергей, полагаю, превосходит меня. Может быть, потому, что я **играю**, а он — **живет**. Как жаль, что он не пишет писем своим Любимым женщинам... Мы пьем вместе кофе, иногда вино, и неторопливо обсуждаем наши жизненные проблемы.

С Бубликовым и Херувимом давно не виделся. Но ужО похвастаюсь им про свою Главную кривую линейку.

Ну, и еще одна «референтная группа» — Младший брат (Володя). Он, кстати, оказался единственным участником эпопеи ПКР, начисто лишенным разгильдяйства (напоминаю: незаинтересованность, некомпетентность, безответственность).

Я склонен приложить к этому письму текст **памятки** для меня, составленной им: «Что и в какой последовательности надо сделать, чтобы **все** было хорошо». (См. приложение). <...> [*Здесь это приложение опущено. — А. А.*]

Кажется, он переплюнул меня по добросовестности и обстоятельности.

Почитайте. Это же немислимо! Я все-таки тоже немного разгильдяй...

Я спросил Володю: «Сколько бы ты потратил времени на выполнение всей этой программы-минимум, **если бы тебе не мешали?**» Он ответил: «Месяца два».

Что ж, с нашими временными накладными расходами, в этой разгильдяйской стихии, думаю, что и он потратил бы года полтора. А у меня их нет.

Милая Нина!

Письма Вам мне удаются «не переводя дыхания». На написание этого вчера затрачено 8 часов, и сегодня — 4, итого: 12 часов чистого жизненного времени. <...>

Ваш социолог-наладчик, 5.08.80

*...Любой опытный механик знает
главнейшее, что надежно проверить
и настроить сложный механизм
можно только в строгой
последовательности, т. е., как
говорят в народе, «плясать от
печки», в противном случае все
расстроится и запутается еще
больше и больше времени
потребуется, чтобы вернуться к
«печке»...*

А.Г. Солипатров

(2.9). Пляшущие на угольях

[Персональный адресат этого письма (август 1980) — Р. В. Рывкина.— А. А.]

Дорогая Инна!

<...> Добросовестность моей реакции на твою августовскую записку вышла за границы разумного. Об этом Ты можешь судить по характеру и объему приложений к этому письму.

Вот видишь, как опасны трогательные заявления вроде того, что «продолжение **очень** важно и сейчас стоЕт в списке ценностей на **первом** месте... (1) потому

что ты (т. е. я), (2) потому что жизнь...». Мой ответ Тебе — на десятках страниц... Не получился бы эффект «обезьяньей лапы» (по Винеру).

Но деваться Тебе уже некуда и придется потратить полный рабочий день. На одно только чтение. Про жизнь и... про меня. <...>

Я собираюсь выслать Тебе также комплект **всех** писем (это же — восьмое!), которые уже перепечатаны; это целая пачка, которую я пока боюсь доверить почте, но все же, вероятно, решусь — ценной бандеролью, если это письмо не потеряется.

Папка эта будет — **Тебе насовсем**.

В общем, получив это письмо, подтверди, пожалуйста, получение его **телеграммой**, даже не читая. Это будет для меня сигналом выслать все предыдущие письма, да и это — перепечатанное — впридачу. Так что мучаться над каракулями Тебе больше не придется.

(Ну, а уж как Ты справишься с восприятием восьми «писем Любимым женщинам» подряд, я не берусь прогнозировать. Для этого надо испытывать уж очень нежные чувства к корреспонденту...)

Разумеется, не надо Тебе продолжать старое «полуписьмо» с постраничными замечаниями на мое самое первое. Вообще, по отношению к этому «эпистолярному хулиганству» не надо накладывать на себя никаких моральных обязательств. Единственная обязанность — уверить корреспондента в получении.

Читать можно подряд, можно выборочно; можно — сегодня, а можно и через год. Если бы мы жили в одном городе, наверное, уж раз десять за год встречались бы. (Или чаще?) Что-то друг другу рассказывали бы, показывали...

Вот и это восприятие стоит «растянуть». Так сказать, со сдвигом по фазе.

Подобно тому, как мы наблюдаем звезды, отстоящие от нас на расстоянии нескольких световых лет. Все же я отвечаю на некоторые твои замечания и реплики. Ибо там есть моменты, не обсуждавшиеся в последующих письмах.

О так называемом «почине»

Если не хочешь большого шума, организуй «микрошум». Попробуй-ка иначе нейтрализовать противодействие официальных инстанций эксцентричным поступкам субъекта, от которого привыкли ожидать, что он чего-нибудь выкинет, но **этого** — не ждали. Вот они и успокоились, увидев в странных действиях нечто **им** понятное. И, кстати, вовсе не противоречащее действительным намерениям социолога (исследовательский мотив).

Как объяснить секретарю парткома или начальнику отдела кадров завода, что ты не диссидент? Успокаивающий звонок из обкома партии снял это (довольно правдоподобное) подозрение с кандидата философских наук, вдруг заинтересовавшегося наладкой координатно-револьверных прессов. Вот и весь «щелчок сверху»...

Вспоминаю, как я снимался с учета в Д-ском РК КПСС. Положено по такому случаю встречаться с секретарем райкома. Я безмолвно отдал ему копию докладной записки Ядова Сигову. Тот, прочитав, сразу перевел в **свои** понятия: «Вероятно, будет докторская диссертация!». И пожелал мне успеха.

Ну, а сосед-инструментальщик на заводе выбрал с моего «блюда» мотив экзистенциальный, более ему понятный. Хоть я и исследовательского не скрывал... Только формулировал в терминах обыденного сознания:

«Интересно!».

Так что не шум, а минимизация шума. Что-то вроде профилактической прививки. Я поступил туда, куда хотел. Я никакого вызова социальным институтам не сделал. Лучший ныряльщик тот, который входит в воду без брызг. В том-то и

дело, что я не хочу ничего никому доказывать. Но я исключаю возможность швырять мне вслед камни.

Человек залезает на конкретную скалу вовсе не затем, чтобы все за ним лезли. Каждый пусть лезет на свою скалу. А кто-то, глядишь, заберется и на Эверест. В свете сказанного, я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы все рабочие, скажем, писали служебные записки начальнику цеха. Максимум того, что я хотел бы «доказать» (уж коли употреблять это слово): **и так — можно!**

Что такое всякий более или менее не тривиальный (в глазах окружающих), однако органичный (для данного человека) поступок? Это есть мини-вклад в увеличение индетерминизма человеческого поведения, в преодоление всех нас тяготящей тенденции сужения свободы выбора. Вот и вся игра!

Можно круто менять способы жизни, не травмируя себя и не эпатируя систему. Резервы свободы поведения нормальных, не исключительных людей — далеко не исчерпаны.

Вот и все мое «нравоучение». (В отличие от предыдущих писем, я здесь не скоморошествовую!)

О «юмористическом настрое»

Согласен, действительно — перебор. Если бы только первое письмо такое, а и остальные — «с выкрутасом». Я называл это «ерничеством», «балаганом»... А ведь это — опять самопрививка. Убрать пафос инъекцией заведомого псевдопафоса. Надуть щеки, чтобы не надорваться. Каждый должен быть сам себе психологом. Вот я и проявил такую «вынужденную инициативу» — по отношению к собственной психике и письму.

Нестинары (пляшущие босиком на углях) именно пляшут, не останавливаются. Горящие угли — **Истина, Суть, Жизнь!** Остановишься — тут и самые привычные подошвы сгорят.

Мы зажаты корсетом профессионализма, автоцензуры, стремления увидеть свое сочинение в печати. Так вот, хочешь прорваться к Сути — раскрепости себя так, чтобы было заведомо «**не профессионально**», «**не прилично**», «**не печатно**» (ни там, ни сям!)... Говори так, как можно только с «очень близкими» или с «очень далекими» разговаривать.

Исключи внешние цели (кроме разве столь невинной, как побудить улыбнуться возлюбленную).

Есть опасность — сорваться в фиглярство... Но друзья поймут, что ты просто учишься — **как-то иначе**. Не так, как умеешь, ибо это не удовлетворяет.

Пожалуй, и научиться уже не успеешь... Но кабы знать — чему? Лучше не знать. Как остроумно заметил С. Моэм, боги смеются, когда люди достигают того, чего хотят.

<...> В твоих пометах к страницам моего первого письма узнаю рецензента-профессионала. Вот тут, мол, «блеск», а тут — «ужас»... Да не может там быть ни «блеска», ни «ужаса» — в личном (ну, полуличном) письме! Просто — еще одна попытка расширить свободу самоосуществления.

Я вот уже 16-ю (рукописную) страницу пишу без «желтой кофты». Но отсюда вовсе не следует, что обрел серьезность. Другое дело, что я не отношусь с большей серьезностью, чем к этому письму, к тоннам социологической, скажем, макулатуры. В ней так редко попадаются «жемчужные зерна»...

Но это уже факт не моего персонального, а общественно-научного развития и опыта. <...>

О совместительстве

Произведя за эти полгода около 15 печатных листов профессионального научного текста (по преимуществу отчеты, но есть и статьи; тут и совместительство в ИСЭПе, и группа «Социология и театр»), я остаюсь «в

форме». Вот только я сам выбираю работу, а не она меня. В принципе, меня совсем не отталкивает профессиональная социологическая работа за деньги, но в качестве **наемного работника**, а не **крепостного**.

В институте подразумевается, что я вернусь через два года (предположения о более раннем возвращении как будто рассеялись). В цехе я намеренно объявил, что поступаю туда **не меньше**, чем на два года (и в серьезности своих намерений повода сомневаться не дал).

Как поступлю на рубеже 1981–1982 гг., сейчас не знаю. Намеренно и здесь организую себе свободу выбора.

Кому что надо...

Ты спрашиваешь, почему **тебе надо**, а **им — не надо** (запустить станок)?

Дело в том, что (помимо общего объяснения «формулой разгильдяйства»), ввиду фиаско отдела главного технолога с подготовкой техпроцессов, запуск программной продукции на ПКР отложен генеральным директором до будущего года. Стало быть, до очередного втыка цеховому начальству далеко.

А я не хочу, чтобы с ПКР возникли неприятности в 1981 г. Ибо все втыки, которые они тогда могли бы получить, бросят тень и на меня. Вот и приходится спасать начальство от будущих неприятностей, не желая делить их с ним. О нет, далеко не так уж бескорыстен социолог-наладчик! Просто мне не улыбается «сидеть в луже», хотя бы и в хорошей компании...

И еще: то, что сегодня можно сделать **как следует**, надежно, то потом, в спешке, — только плохо, **кое-как**. <...>

Путешествие Генеральной линейки

Но вернусь к текущим событиям. 20 августа Генеральная линейка, почти месяц пролежавшая в «кабинете» социолога-наладчика в ожидании своей участи, была завернута в **кумач** (других тряпок не нашлось). И на специально заказанном для этой цели автобусе перевезена к Станкостроительному заводу. Там ее, на улице, перегрузили на автомашину этого последнего. Которая уже доставила ее к шлифовальному гиганту.

Удивишься, почему такие хитрости? А потому, что это — «левый» заказ, результат личной договоренности двух главных механиков. При этих условиях отшлифуют — за несколько дней. А то, чего доброго, понадобилось бы полгода на согласование этого вопроса между двумя министерствами (заводы относятся к разным министерствам!).

Генеральную линейку, завернутую в кумач, «похудевшую» на полмиллиметра, должны были вернуть сегодня, 22 августа. Но что-то заело и в левых договоренностях. Это позволило мне написать настоящее письмо.

...Устранить имеющееся искривление траверсы по 4-м рабочим поверхностям (I=1900). Обеспечить плоскостность и взаимную перпендикулярность рабочих поверхностей (плюс-минус 0,01) за счет минимальной шлифовки «на ровно»... (Из требования на ремонт траверсы станка ПКР КО-120. 20.08.80)

Единство в многообразии

Ну, осталось 2,5 страницы (рукописных) до конца. Надо хоть как-то замотивировать Приложения.

[Приложениями к этому письму были различные работы автора, журналистские и научные, от 60-х до 80-х гг., посвященные проблемам производственной жизни. — А. А.]

Что общего во всех этих текстах? В конечном счете — единый **субъект** и единый **объект** отражения, но тот и другой в развитии. Сам выбор темы, жанр, способ решения темы являются отражением этого своеобразного переплетения двух «динамик» — общества и человека.

Я мог бы, наверное, и сейчас написать, как 15–20 лет назад, о том «как меня учили»... Но зачем, когда сегодня «яйцам» приходится учить «курицу». (Напомню, что полгода назад я впервые взял в руки штангенциркуль; в первые «хождения в рабочие» мне с этим универсальным инструментом дела иметь как-то не приходилось.)

А ситуация, описанная в журналистском опусе «От людей не спрячешься»? Ныне, с развитием «участия трудящихся в управлении производством» прошла мода на коллективные письма рабочих в редакции. И не то чтобы бояться — а незачем. «Социально зрелый» нынче пошел рабочий класс... А тут (в статье 60-х гг.), как само собою разумеющееся, три «коллективки» с одного завода, в одну и ту же редакцию, почти в одно и то же время.

Вот так меняется объект. А субъект? Да неужто один и тот же человек писал про «производственный мир» — в этих сочинениях 15-летней давности и в сегодняшних?! Подпись не оставляет сомнений.

Человек един в своем многообразии, как мир многообразен в своем единстве. Впрочем, пора улыбнуться над собой, чтобы от псевдопафоса не сбиться на настоящий пафос, который как раз и неуместен в моем нынешнем, вовсе не публицистическом жанре (это письмо). <...>

Пока все — про Жизнь и про Себя, точнее — про Себя в Жизни и про Жизнь в Себе. Где тут что — поди разберись. <...>

Андр. Алексеев, 22.08.80

Ремарка: задал работы адресату!

*Кроме вышеприведенного, письмо сопровождалось еще семью приложениями, на сотню машинописных страниц. Среди них: журналистские очерки прошлых лет, **научные** отчеты, тексты «замечаний по технологическим процессам». Для освоения всех этих материалов адресату, действительно, понадобился бы целый день. (Сентябрь 1999).*

...Обезьяна отличается от других животных тем, что умеет смеяться над другими. Человек отличается от обезьяны тем, что умеет смеяться над собой.

...Даже если вы трудитесь на благо человечества, вы делаете это для своего удовольствия.

...Не столь важно, чего ты достиг, сколько то, как это достигнуто.

...Свобода есть осознанная внутренняя необходимость, в соответствии или вопреки необходимости внешней.

...Собственная жизнь — весьма интересный объект для включенного наблюдения.

Максимы А. Из дневника. 1974–1975.27

...и развернулось напоказ
в лист Мебиуса серо-утлый,
где можно быть одновременно внутри
и вне...

<...>

ГЛАВА 3. ТЕАТР ЖИЗНИ НА ЗАВОДСКИХ ПОДМОСТКАХ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

(Разделы 3.2-3.4 на портале Когита.ру представлены не были. – А. А.)

(3.2) Может ли Генеральная линейка ударить по голове? (Интервью социолога-наладчика)

[Персональный адресат этого письма (май 1981) — Тамара Моисеевна Дридзе (1930–2000) — социолог и лингвосоциопсихолог, впоследствии — докт. психол. наук, профессор, зав. сектором Института социологии РАН (г. Москва). — А. А.]

Дорогая Тамара!

<...> Кажется, еще в феврале я обещал написать Тебе Письмо.

Это было искренним намерением и даже «жизненным планом» на целую неделю. Дело в том, что в прошлом году я умудрился превратить сочинение писем в отхожий промысел Общения и Творчества. Писали же классики письма «издалека»... Или вот — «Письма из Ламбарене»... А мы чем хуже?

В принципе, нет жанра, который бы не годился — в определенных обстоятельствах — для любого сюжета. Связь формы и содержания — ситуационна... Вот и социологически размышлять, скажем в «Письмах Любимым женщинам», как будто, можно.

<...> Еще два слова о жанре. Когда после третьего или четвертого письма мне пришла в голову кощунственная мысль раздарить копии каждой из своих «интимных» эпистол **всем** их адресатам, я почувствовал необходимость объясниться. Подходящее слово нашлось: «эпистолярное хулиганство». Другого не подберешь для этой эклектики, претензии объединить лирические, натуралистические, сатирические, романтические и даже «героические» мотивы. Не Дон Кихот, но — Фигаро, Балда, Тиль (и даже от Хлестакова не отрекись!). Так я иногда и подписывался.

«Желтая кофта» (а я и ее надевал!) способствовала раскрепощению Языка и Мысли.

Если захочешь, когда-нибудь я подарю тебе «полное собрание» этих писем. Пока же — прими их «оглавление».

<...> В конце марта (или в начале апреля) 1981 г. состоялось отчетно-перевыборное партийное собрание ИСЭП. Коммунисты проявили недостаток «идейной зрелости», вычеркнув из списка для тайного голосования фамилию В. В. М-ва только 45 раз, а 49 раз — не вычеркнув. Помнится, пять лет назад 20 голосов против человека, проектировавшегося тогда в секретари партбюро, хватило, чтобы тот не стал секретарем... Но времена меняются.

С благословения райкома, В. В. М-в остался партийным лидером академического учреждения на второй срок.

Его стремительная эволюция от «интеллектуального мальчика» к «романтическому демагогу», далее — к «генеральной марионетке» и, наконец, к «стукачу-добровольцу» — поучительна. (Думаю, что до Москвы слухи о его партийных «художествах» уже докатились; трагикомический фюлер!) Вова

минимизировал себе конкуренцию в этом, нынешнем партбюро, проведя туда максимум мэнээсов.

Правда, бюро обогатилось Альбертом Б. (*Альберт Баранов. А. А.*), который стал ныне зам. секретаря по идеологической работе.

Альберт, будучи деятелем романтического склада, решил оживить идеологическую жизнь института стенной газетой, которая покажет, что... (вот именно, что она покажет?). В частности, обратился он ко мне с настойчивой просьбой написать заметку «Из социологов — в рабочие», или в таком роде. Уклонялся я, а потом жаль стало его порыва: «Ладно, Альберт, я Тебя уважаю...».

Но как же из этой ситуации достойно выпутаться? Ну, какой у Балды любимый инструмент — веревка, чтобы в море ею болтать, чертей дразнить... Так возникло это «интервью, взятое у самого себя».

Должен сказать, что ни одно «красное словцо» там не является выдумкой. Что касается 2-метровой линейки — «поперечины траверзы», то она в механизме моего станка играет такую роль, да и внешне выглядит так, что ее в популярном изложении (чтобы не загружать академическую стенгазету техницизмами) иначе как Генеральной и не назовешь. <...>

Вкратце

В «интервью, взятом у самого себя» автор в юмористическом тоне кратко пересказывает «приключения социолога-наладчика», описанные в предыдущих письмах. Ниже — фрагмент этого интервью.

Интервью у социолога-наладчика

<...> Интервьюер: Не поясните ли Вы свою мысль о «вынужденной инициативе» примером?

Алексеев: Пожалуйста. Примером может служить внеплановый капитальный ремонт нового оборудования перед тем, как его запустить.

И.: ?!

А.: Видите ли, успешная работа координатно-револьверного прессы обеспечивается, в частности, строгой параллельностью или взаимоперпендикулярностью его установочных планок и направляющих. А они выставляются относительно так называемой Генеральной линейки станка.

И.: И что же?

А.: Поначалу все усилия запустить станок были направлены к согласованию каждого из элементов координатной системы с Генеральной линейкой. Мне пришлось сначала расчетным путем, а затем и эмпирически выяснить кривизну этой основной линейки, в соответствии с которой искривлялось все остальное.

И.: И эта Ваша инициатива была вынужденной?

А.: Да. Потому что в противном случае весь последующий брак, искажение размеров были бы естественным образом отнесены не за счет кривой Генеральной линейки, а за счет моей неопытности.

И.: Как в «Борисе Годунове» чернец Варлаам разбирает грамоте, когда дело до петли доходит...

А.: Вот именно.

И.: А потом?

А.: Генеральная линейка была демонтирована и вывезена на другое предприятие для ремонта. После исправления она возвращена на место.

И.: Что в результате?

А.: Станок пробивает в стальных листах отверстия и пазы с точностью до 0,1 мм.

И.: Теперь Вы уверены в Генеральной линейке?

А.: Ее кривизна ликвидирована не полностью. Но изготовление другой обошлось бы слишком дорого. До планового капитального ремонта и эта поработает.

И.: Создается впечатление, что Вы рассказали притчу...

А.: Я лишь пересказал содержание последнего акта технической приемки.

И.: Но все-таки, Вы и сами вкладывали в эту историю определенный «подтекст»?

А.: Социологические аналогии действительно есть. Развернувшийся на моем координатном прессе, начиная с 1981 года, выпуск программной продукции открывает возможности для исследования современной системы нормирования и стимулирования труда в действии.

И.: Здесь тоже усматриваются «искривления»?

А.: Да. Но их ликвидация потребует, пожалуй, больших усилий.

И.: На что же Вы при этом намерены опереться?

А.: В частности, на решения XXVI съезда КПСС и постановления партии о совершенствовании хозяйственного механизма. <...>

...Любо-дорого было посмотреть на Альберта в непривычной для него роли цензора. «Продвижение к социальной однородности» — уберем! «Генеральную линейку» с большой буквы заменим на «главную» с маленькой...

Я Альберту не мешал. Как ни прячь фигу в карман, все равно видна, коли штаны дырявые. С этой точки зрения, лучше бы и не прятать. Но мой «цензор» хотел как лучше...

Глядишь, с «Генеральной-то» линейкой посмеялись бы как над анекдотом, какие теперь не только рядовые, но и руководящие члены партии любят (разумеется, в своем кругу!) рассказывать. А с этакой-то «превентивной цензурой» чуть было не вывесили (я об этом уже позже узнал). Да защемило что-то у редактора стенгазеты под ложечкой: «Давайте, Альберт Васильевич, М-ву покажем». — «Ну, пожалуйста».

А у М-ва через 15 минут начинается заседание партбюро.

...Был бы на месте В. М-ва Олег И. (*Олег Иванов. – А. А.*), сказал бы: «Нет, ребята, вы меня под монастырь не подводите». Был бы на том же месте Алексеев — улыбнулся бы многозначительно и сказал бы: «Нет, ребята, еще рано (или — уже поздно, в зависимости от конкретно-исторической ситуации)». (Были на этом месте и Олег И. — три года, и Алексеев — 9 месяцев.)

А что делать «генеральной марионетке» М-ву? **Посоветоваться** надо... Так стал Вова «стукачом-добровольцем».

Тут как раз заседание партбюро. Читает директор Щукин (перед началом заседания) — бровь нахмурил. Читает инструктор райкома (он теперь после скандала с перевыборами на всех заседаниях партбюро присутствует, чтобы Вову то ли поддерживать, то ли контролировать) — невозмутим как бонза (это они умеют!).

А Вове как быть? На всякий случай — выступает в «разном»: клеймит А. за идеологическую двусмысленность, надо, говорит, на завод сообщить (так!). Ну, директор, инструктор — те поумнее: «Зачем это печатать? Что у нас, других заметок нет?.. У А., конечно, проведена интересная работа, но было бы неправильно привлекать **чрезмерное** внимание...».

Переб-л Вова. Ну, ничего. Главное, что не недоб-л. Все ясно с Вовой? Факты проверены. Разрешаю рассказывать кому угодно.

Завершу этот сюжет остроумным замечанием одного из моих корреспондентов (а не корреспонденток): «Остается пожелать, чтобы Генеральная линейка не слишком больно ударила тебя по голове...»

Метафора хороша, но вот координатно-револьверный пресс моему другу явно не знаком.

Генеральная линейка ПКР не может ударить — об нее можно только **удариться**, скажем, лбом, если... слишком усердно ей кланяться. (Так и было однажды: я наклонился за упавшим гаечным ключом и чуть не рассек лоб об острый край траверзы.)

Придется к следующей заметке в стенгазету приложить чертеж станка. <...>
6.05.81

*...Представьте, что в середине «Трех мушкетеров» вставлено описание приемов фехтования. Читатель наверняка пропустит эти страницы. А мне надо было заставить читателя прочесть мои сведения, поскольку это и есть самое главное (выделено мною. — А. А.)...
Д. Гранин («Эта странная жизнь»)*

(3.3) Как переплывать реку

[Продолжение письма к Т. Дридзе (май 1981). — А. А.]

Итак, продолжение. Предлагаю твоему вниманию текст, который прошу прочитать внимательно и профессионально, в качестве линг-восоциопсихолога:

«Сводный акт производственных испытаний т/процессов <...> [следует перечисление обозначений номенклатуры. — А. А.], а также отработки производственной партии «Ф-...» на станке ПКР КО-120

В марте — первой декаде апреля 1981 г. производственные партии указанных обозначений отработаны на станке КО-120. Все четыре партии приняты ОТК. Станок показал себя достаточно надежным в эксплуатации. В ходе работы выявлен ряд недоработок в технологических процессах. Замечания следующие. <...>

[Здесь опущены конкретные замечания по всем техпроцессам, кроме одного. — А. А.]

«Ф-...» (партия 86 X 2 = 172 шт.)

Шаблон «7890-...» не соответствует карте штамповки. Последняя предусматривает штамповку с переворотом заготовки на 180 градусов по оси X, шаблон же на это не рассчитан. Кроме того, он выполнен с существенными отклонениями от прямого угла. Партия была выпущена по незамаркированному шаблону, изготовленному в цехе ¹ 3 из обычной заготовки (S = 2), непосредственно на станке КО-120.

Т/процессом разрешена неперпендикулярность сторон заготовки, после фрезерования, до 0,3. Этот допуск больше, чем допуска на размеры, взятые от поверхности 3 на производственном чертеже детали. Поскольку, согласно т/процессу, заготовка рассчитана на две детали и штампуются с переворотом, выдержать эти размеры от поверхности 3 невозможно, даже за счет специальной, для данного обозначения, подрегулировки станка. В соответствии с принятым в тех. бюро цеха ¹ 3 решением, партия «Ф-...» штамповалась с отклонением размера 23 до -0,8.

Необходимо: спроектировать и изготовить новый шаблон, отвечающий карте штамповки. Внести коррективы в допуск на неперпендикулярность сторон заготовки либо закрыть свободные размеры 10; 22,5; 23 допусками, которые, согласно техническим условиям станка КО-120, могут быть выдержаны при ныне разрешенном отклонении шаблона от прямого угла (0,3).

Замечания по инструменту: вырубной пакет «1549-...» (12,8 X 40) был выведен из строя при технологических испытаниях в январе 1980 г., причем отремонтировать его невозможно.

Для работы сегодня использован дублирующий его пакет, под другим номером — «1549-...», причем именно этот пакет (а не предусмотренный т/процессом) имеет съемник, пригодный для пробивки продольного паза, требуемого по чертежу детали.

Необходимо: изменить обозначение инструмента в т/процессе: <...>; аннулировать имеющийся негодный пакет инструмента «1549-...»

Общие замечания

1) Поступающие из цеха ¹ 22 (*инструментальный цех*. — А.) замаркированные шаблоны оказываются, как правило, ниже качеством тех, которые в порядке необходимости оперативного выпуска программной продукции изготавливаются в цехе 3 непосредственно на станке КО-120. Последние, даже в случае выполнения их из обычной заготовки детали (S от 1,2 до 2), обеспечивают более точную пробивку и ровные кромки окон, пробиваемых комбинированием ударов пресса.

Необходимо: решить вопрос о продолжении изготовления шаблонов в цехе ¹ 22, при повышении требовательности к качеству изготовления, либо о передаче этой работы цеху ¹ 3, имея в виду пробивку шаблонов непосредственно на ПКР, с соответствующим технологическим обеспечением.

2) Значительное количество предусмотренных к штамповке на станке ПКР КО-120 листовых деталей имеет конструктивные размеры, заданные более чем от двух баз, что не позволяет выдерживать эти размеры при пробивке одним заходом по шаблонам, где размеры выдерживаются только от двух баз.

Необходимо: учесть опыт затруднений, возникших при выпуске производственной партии «Ф-...», и заблаговременно произвести необходимые согласования и исправления в т/процессах всех других предусмотренных к выпуску на ПКР обозначений с указанной особенностью. <...>

3) Нынешняя технология штамповки на ПКР деталей с переворотом заготовки на 180 г р а -дусов по оси X (например, обозначения Ф-...», «Ф-...»), как правило, не обеспечена технологическими требованиями, задаваемыми к габариту заготовки. При фрезеровании заготовки разрешается значительное минусовое отклонение габарита по Y либо этот габарит задается свободным размером. В таком случае последующая разрезка заготовки, пробитой в полном соответствии с картой штамповки, при точном соблюдении также всех предъявленных к этой разрезке технологических требований, приводит к заведомому искажению всех размеров, заданных от базы X, — в половине выпускаемых на станке готовых изделий.

Необходима доработка технологии под этим углом зрения: либо ужесточить допуски на габарит по Y для заготовок тех обозначений, где т/процессом предусмотрена штамповка с переворотом, либо согласовать с конструкторами смягчение на производственном чертеже допусков для размеров, задаваемых от базы X.

4) Следует ускорить разработку и утверждение заводского стандарта на штамповку листовых деталей на станке ПКР КО-120. Желательно привлечь к составлению этого стандарта также работников цеха ¹ 3.

Наладчик ПКР А. Алексеев

И. о. нач. тех. бюро цеха 3 Л. Кутырина
9.04.81»

Не хочешь ли построить для этого «социотехнологического» текста «логико-фактологическую цепочку» (иерархию целей и смыслов)? Включить в следующую свою книгу по лингвосоциопсихологии как «текст-эталон»? В какой мере способен предлагаемый Тобой информационно-целевой анализ раскрыть полисемию этого сочинения? Где тут «денотаты», где «коннотаты»?.. В страшном сне может присниться такой «социологический» документ! (Кстати, в таком точно, вышедшем из-под моей машинки, виде пошел он гулять по заводским инстанциям.)

Я вполне серьезно предлагаю этот текст в качестве «оселка» для твоего информационно-целевого анализа. Особенно интересна была бы попытка «интерпретационно-деятельностного» («прагматико-парадигма-тического») анализа (см. стр. 180 твоей книги про язык и социальную психологию). Боюсь, что «лейтмотив» ускользнул бы и от самого внимательного и квалифицированного интерпретатора — при рассмотрении данного текста в качестве «замкнутой семантико-смысловой структуры». Эта структура в принципе **открыта**. Информационно-целевой анализ преодолевает ограниченность контент-анализа, чтобы, того гляди, попасть в новую ловушку ограниченности, которую преодолеет... «информационно-ситуационный» анализ (как знать?).

Всячески поддерживаю твою идею о ведущей роли прагматики в исследовании общения. Но и прагматика, сводимая к взаимоотношению между коммуникантами, узка. Полифункциональность текста, его мно-гоадресность, «многослойная» целенаправленность и эффективность — такой прагматикой не схватывается.

Семиотическое богатство здесь не скрыто от Тебя лишь постольку, поскольку Ты более или менее знакома с «богатой тотальностью» ситуации порождения и функционирования текста, воспринимаешь его, ну хотя бы в контексте данного письма.

(Я теперь «завязал» с этими методологическими сюжетами. Но если бы стал заниматься, то двигался бы именно в этом направлении.)

<...> Хочу еще обратить твое внимание на нормотворческую функцию вышеприведенного текста. (Ты, кстати, в своей книге тоже пишешь о «нормотворчестве», но в другом смысле.) Речь идет, разумеется, не о модальности долженствования, присутствующей в определенных фрагментах «акта производственных испытаний». А об интенции задания образцов **отношения к делу** (ну, хотя бы к делу внедрения этих техпроцессов). Это, кстати, можно делать не только вербально. Том Сойер, например, вполне «нормотворчески» красил забор...

В «Интервью социолога-наладчика», среди прочего, говорится об исследовательском и экзистенциальном мотивах его (наладчика) нынешней деятельности. Так было вначале. Сейчас я, наконец, решусь добавить третий мотив — **нормотворческий**.

Творчество социальных норм, задание новых образцов деятельности — такова моя «сокровенная» идея, которая воплощается — когда в прямом высказывании, формулировке, тезисе, а когда и в самом факте сотворения данного, конкретного документа в определенном жизненном и социальном контексте.

Но это еще не все — про нормотворчество...

Придумал я тут сам себе и всем раздариваю принцип **адаптационного нормотворчества**. Это есть изобретение (и опробование!) таких образцов

социального поведения, которые имеют шанс быть воспринятыми в качестве таковых, быть адаптированными окружением. А для этого они сами («эталон», образцы) должны быть адаптированы к реальной ситуации, на данном этапе ее развития.

(Разумеется, я не отрицаю ценности прецедентов, далеко обгоняющих свое время, как бы выходящих за пределы ситуации. Но тогда это будет творчество уже не «норм», а чего-то другого.)

Адаптационное нормотворчество предполагает **ситуационный максимализм** нравственного, и вообще — социального поведения. Вот в этом примере: максималистским является уже сам факт написания вышеприведенного акта рабочим-наладчиком. Его (акта) полнота: ничто не замазано. Логическая отточенность. Его машинописное исполнение, наконец (это уж — «вершина максимализма»!).

Казалось бы, полное «презрение» к конкретной ситуации. Ан нет! Ситуационны две подписи (рабочего и технолога рядом)... Приписывание «цеху» собственной (наладчика) инициативы... Отсутствие язвительности (в прошлом году я этим грешил)... Приписывание своих мыслей другим и как бы инициативное высказывание чужих мыслей... Ситуационно даже последующее отсутствие интереса к тому, передан ли этот документ наверх (в ОГТ).

(«Отсутствие интереса» — как это всем близко и понятно в условиях массового разгильдяйства, когда «никому ничего не надо»!)

И все же — максимализм (ситуационный!). Это — «немыслимо», «невозможно», и... сделалось возможным. К моим актам — **привыкли!** Таково адаптационное нормотворчество.

...Лев Толстой, очень неожиданно для Николая Рериха, высказался по поводу открывшей мировую славу последнего картины «Гонец» (там гонец переплывает реку на лодке):

«...Случалось ли в лодке переплывать быстроходную реку?

Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет. Пусть ваш гонец **очень высоко руль держит** (выделено мною. — А. А.) — тогда доплывет». (Цит. по статье В. Сидорова «Заветы Николая Рериха // Подъем, 1979, 1 4, с. 148).

Можно приплыть куда хочешь, если держать руль выше. Можно плыть и **против** ветра, если правильно поставить парус.

Возникает, правда, риторический вопрос: почему это река социальной жизни, подобно натуральной, физической реке, течет именно «сверху вниз», так что приходится эдак исхитряться для задания, казалось бы, естественных норм отношения к труду, производственной культуры, нравственного поведения?

В массовом сознании этот роковой вопрос принимает следующую лингвистическую форму (дословно! лингвосоциопсихолог относительно языка должен быть как врач относительно организма): «К коммунизму идем, б-ь, а х-чат наоборо» Глава 3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение)

<...>

14.05.81

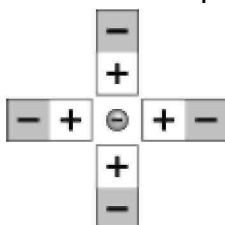
(3.4) Мистифицированная наука (Размышление о судьбах советской социологии)

[Окончание письма к Т. Дридзе (май 1981). — А. А.]

Милая Тамара!

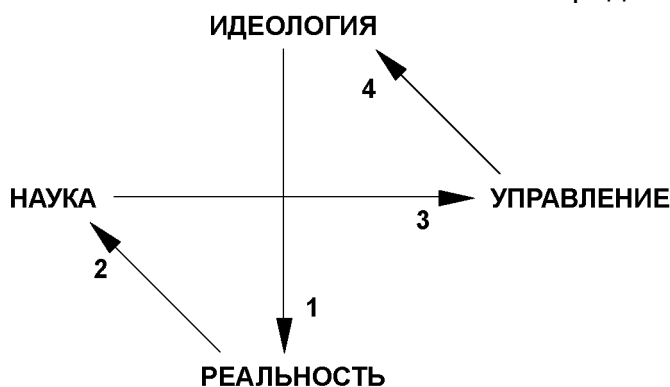
<...> Долгонько же я добираюсь до задуманной в феврале (и «запланированной» в этом письме) темы «судеб советской социологии»...

Но сначала — историческая справка. Или, точнее, **модель развития [отечественной социологии. — А. А.]** на протяжении последнего 25-летия. Представь себе странное силовое поле, образуемое четырьмя магнитами, обращенными друг к другу одноименными (скажем, положительными) полюсами. А между ними — металлическое тело, заряженное отличным от этих полюсов (тогда — отрицательным) зарядом. (Сразу оговорю, что из теории электричества я ничего не помню, кроме того, что одноименные заряды отталкиваются, а разноименные притягиваются друг к другу.) См. рисунок.

Не позавидуешь этому «телу»!..

А теперь обозначим четыре полюса: **идеология, реальность, наука, управление**. А «металлическое тело» в середине — **социолог**. См. схему.

Современной советской социологии около 25 лет. До середины 50-х годов социология благополучно размещалась «в лоне» Идеологии, настолько прочно и слитно, что даже имени своего не имела («буржуазная социология» не в счет!). «Родовыми схватками» конца 50-х годов она была освобождена из Чрева и, чуть не порвав пуповину, устремилась к Реальности, по дороге в попытках обретая свое название и лицо. Младенческий, «донаучный» период развития современной советской социологии здесь обозначен стрелкой движения (1). Шлепнувшись о реальные социальные процессы, наш младенец чуть не разбился, в силу своей неопытности. Последующим периодом его жизни (60-е годы) было движение к полюсу Науки, с ее методологией, методикой и техникой. Если первое движение (условно!) можно обозначить словом **секуляризация** (мне известен смысл этого слова и я употребляю его метафорически), то второе было **сайентификацией**, что обозначено стрелкой движения (2). Этот период был, кстати, самым плодотворным в ее (социологии) развитии. До тех пор, пока она не успела «онаичиться» настолько, что реальность стала рассматриваться социологами сквозь некие телескопические линзы, и сама действительность не заместилась движущимися в этих линзах изображениями. Для нормального существования в новом качестве социологии понадобилось институционализироваться. Она обрела свои научные учреждения, специальность в ВАКе, серии монографических и периодических изданий.

Но ведь не может существовать «наука для науки»! Началось следующее движение, обозначенное стрелкой (3), — **прагматизация**, в сторону полюса Управление. Общественная наука всегда готова служить Обществу, отождествляемому ею с управленческими органами. Пошла заводская и хозяйственная социология, потуги «управлять» образом жизни и т. д. (70-е годы). Но серьезное управление неизбежно приходит в противоречие с Идеологией. И последняя в этой ситуации предъясняет на социологию законные «родительские» права. Попрыгала доченька — давай обратно в «лоно»! В общем, сейчас мы являемся современниками движения, обозначенного здесь стрелкой (4), — **идеологизация** (или, точнее, «реидеологизация»). Я описал это в терминах «точек притяжения» (Идеология, Реальность, Наука, Управление) и процессов (секуляризация, сайентификация, прагматизация, идеологизация). Можно, в соответствии с этим, говорить о последовательных функциональных приоритетах: **гражданственная, исследовательская, управленческая, идеологическая** функции социологии. Можно много еще чего говорить, но суть, пожалуй, ясна.

По мере этого четырехфазного развития, отдельные частицы «тела» Социологии стремились осесть (и иногда это удавалось!) на том или ином полюсе. Впрочем, чаще всего, увлекаемые движением, эти частицы отставали в своем самосознании от действительного своего положения и бытия:

— академические ученые остаются в убеждении, что они еще имеют дело с Реальностью;

— социальные планировщики тщатся считать себя Учеными;

— идеологические пустобрехи мнят себя Управителями общественных процессов.

Кто-то и впрямь ближе к Науке, чем к Управлению. Кто-то к Управлению ближе, чем к Идеологии. И только к Реальности уже никто не ближе, чем к чему-либо другому...

Таким видится 4-фазный цикл развития современной советской социологии. И «Алеша» (*речь идет о конкретном человеке, чья кандидатская диссертация обсуждалась в опущенной здесь части письма. А. А.*) — нормальный продукт этого развития, отразивший в своем «онтогенезе» все виражи «филогенетического» развития. У него («Алеши»): и термины со значениями, но без смыслов; и «научно-практические» записки о молодежи на БАМе писал; и всем «богам» поклонился. Даже какие-то осколки реальности в его диссертации осели (но это уже нечаянно!). <...>

Такая логика развития социологии, переплетенная с логикой общественного развития (и решающим образом обусловленная последней), подсказывает необходимость **нового прорыва к реальности**. Этот прорыв может произойти в 80-х годах, но, конечно, не в силу внутринаучных причин, а под давлением хода общественной жизни.

Характерно, что сейчас наша журналистика, в лице лучших ее представителей, стала куда более «социологичной», чем сайентифицированная, прагматизированная, идеологизированная наука. Что-то похожее было в середине 50-х годов. Тогда тоже имело место **опережающее** развитие журналистики, подготовившее почву «гражданственной» социологии. Но тогда еще социологии в современном смысле слова у нас не было.

Сейчас целый «социальный институт» нашей науки имеется. Что, пожалуй, осложнит ее второе рождение, когда для этого созреют общественные предпосылки. В чем-то и облегчит, может быть... Да вряд ли.

<...> В июне 1979 г. мне пришлось выступать в редакции одной молодежной газеты [*«Комсомольская правда»*. — А. А.]

Тема — «Вы и социология». («Родственная нам наука...», по выражению замечательного публициста В. Я. Канторовича, с которым я имел радость быть знакомым; ну, а журналистика — родственная нам, социологам, профессия.)
Гляжу в старый конспект:

...И социология, и журналистика суть специфические органы **социального отражения** (общественного самопознания, рефлексии) **исоциального преобразования**. (Органы — того и другого; одно без другого бессмысленно).
Бездейственная рефлексия, равно как и необдуманное преобразование, противопоказаны как журналистике, так и социологии. Мнимая социальная рефлексия — своего рода общественное самодовольство; мнимое преобразование — латание «дыр» в интересах сохранения, стабилизации существующего.

Подлинная социальная рефлексия — бескомпромиссное проникновение в объект, способность «не закрывать глаза» на реальные процессы; подлинное преобразование — сосредоточение усилий на решении коренных проблем развития общественной системы.

То и другое можно отнести и к социологии, и к журналистике.

Существенный водораздел пролегает не между социологией и журналистикой, как типами деятельности, а между **гражданственной и конъюнктурной** (казенной) формами той и другой.

Подлинная (гражданственная, проблемная, реалистическая) журналистика и такая же социология весьма близки друг к другу. Псевдожурналистика и псевдосоциология по видимости существенно различаются, а по общему смыслу своему, да и по объективной роли тоже близки.

Различия: журналистика — не наука, и в этом ее сила; социология — не публицистика, и в этом также ее благо.

Журналистика [имеется в виду скорее «публицистика». — А. А.] исследует социальные процессы через конкретные человеческие судьбы, эпизоды, ситуации. **Социология** [имеется в виду парадигма «жестких» методов в социологии. — А. А.] исследует те же процессы в их обезличенных проявлениях, всеобщих формах.

Публицист имеет дело с «деревьями», социолог — с «лесом». Для первого существует опасность «не увидеть за деревьями леса», для второго — «не увидеть деревьев в лесу». То и другое довольно часто постигает журналистику, с одной стороны, и социологию, с другой. Журналистика — разведывательный дозор; социология — тяжелая артиллерия...

Гипотеза о динамическом взаимодействии и исторической взаимокompенсации журналистики и социологии в процессе общественного развития:

50-е гг. — «**прорыв**» журналистики (после XX съезда), **отсутствии** социологии.

60-е гг. — «**прорыв**» социологии, «**стабилизация**» журналистики (особенно — во второй половине десятилетия).

70-е гг. — «**стабилизация**» социологии, а к концу 70-х, может быть, намечающийся «**прорыв**» журналистики?

«Прорыв» — существенное углубление в познании, гражданственная активность, ломка старых норм, зарождение новых форм. «Стабилизация» — экстенсивное развитие.

Можно сказать и так: периодам экстенсивного развития в одной из двух сфер социального отражения (социология, журналистика) должны соответствовать периоды определенной интенсификации развития другой сферы.

В периоды своих «прорывов», будь-то журналистика, будь-то социология — существенно приближаются к реальной жизни: повышается проблемность, гражданственность, «острота».

В периоды «стабилизации» в соответствующей сфере возрастает «общественное самодовольство», конъюнктурность, возникают опасность «псевдо-отражения» и склонность к «псевдо-преобразованиям». Журналистика и социология — своего рода **тандем**. Лидеры меняются местами в пределах одной команды, обеспечивая ее успех.

...Сейчас назревает потребность в новых формах социологической практики, более содержательной, приближенной к включенному наблюдению).

В принципе возможен синтез социологии и журналистики...

...Ну, ладно, хватит себя цитировать!

Возвращаясь к основной теме своего рассуждения, скажу, что социологии, успевшей одряхлеть за 20–25 лет, по-видимому, все же предстоит новый «прорыв», возрождение. Правда, ей для этого придется как бы «отказаться от самой себя». Что я, похоже, и делаю в этих письмах.

Те, кому особенно не хочется «идеологизироваться», сейчас ударились в методика и технику, приправленную прагматическими обещаниями. Грешил этим и я, да надоело.

<...> Тяжелое впечатление оставляют главы 3-я и 4-я (вкупе с 7-й) присланной Тобой коллективной монографии «Социальные показатели образа жизни советского общества (Методологические проблемы)». (*Книга под этим названием вышла в издательстве «Наука» в 1980 г. А. А.*).

Изощренная техника — **для чего?** Чтобы показать, что проблема «повышения производительности труда» — «важнее», чем проблема «активизации участия трудящихся в делах управления производством»? А «усиление борьбы с антиобщественными явлениями» — «актуальнее», чем «повышение эффективности коммунистического воспитания»?!

Но вообще-то связываться с «проблемами» нынешняя наука избегает. Уж если ранжировать, то лучше — «показатели»... Тут наш головной институт [*Институт социологических исследований АН СССР. — А. А.*] — во всей красе! Сохраняя серьезность обезьяны, научившейся складывать кубики, глубокомысленный социолог пускает всю мощь своей методической и технической оснащенности на экспертное соотнесение «значимости» и построение «типологической иерархии» (!) показателей образа жизни: от «степени удовлетворенности работой и специальностью» (этот показатель занял у экспертов 1-е место) до «количества книг в домашней библиотеке» (26-е место, как можно угледеть при внимательном рассмотрении таблицы 4).

Далее... давайте «проинтерпретируем эмпирически» эти самые, «значимые» (вот только в каком отношении определялась экспертами эта значимость — неясно!) показатели — в форме «бинарных суждений» (26 суждений).

И составим вопросник, отражающий «важнейшие» стороны образа жизни советского общества. Да вот беда, показатели «общественно-политической активности» в число 26 важнейших не попали (см. упомянутую таблицу).

«Оплошала» экспертиза! Ну, ладно, авось читатель не догадается сверить вопросник с результатами экспертной процедуры, якобы его обосновывающей. Ну, а затем — всесоюзный опрос!.. кластерный анализ!.. графы!.. матрицы!.. морфологические модели!.. **«столо-верчение»!** Откуда взялся наш «Алеша»? Да вот отсюда. Все то же самое делает и он, только более неуклюже.

Стыдно!

Вообще, социология из науки о социальных явлениях и процессах (до сих пор представляемой Заславской, Гордоном, Рывкиной, Переве-денцевым, Шубкиным, некоторыми другими)¹⁰ все более и более превращается в «науку» о социальных показателях. «Социология показателей»!..

Мистифицированная наука!

От такой «социологии» впору испытать «социальное озверение»! Жонглируют костями общественного скелета.

<...> Попробую резюмировать, точнее — перечислить основные элементы **кризиса** экстенсивного развития нашей бедной науки:

- 1) описательный эклектизм, кризис концептуальности;
- 2) математический фетишизм, псевдоточность на недостаточной фактической и слабой концептуальной основе;
- 3) фетишизация формальных методов в ущерб содержательному анализу;
- 4) дефицит проблемности в социологических трудах, лакировочные тенденции;
- 5) дефицит исторического подхода в социологическом анализе, издержки функционализма;
- 6) отрыв социологических методик от реальных жизненных проблем и представлений людей;
- 7) исследовательская гигантомания (пример — всесоюзные обследования образа жизни);
- 8) крах технократических иллюзий, кризис эффективности;
- 9) утрата (впрочем, еще не успел возникнуть!..) целостного человека в качестве предмета исследования...

Ремарка: кризис социологии.

Автор в ту пору, разумеется, не читал и даже не знал о существовании книги П. Сорокина «Причуды и слабости современной социологии и родственных ей наук» (1956).

Ср. вышеприведенное перечисление «элементов кризиса» советской социологии с оглавлением названной книги П. Сорокина (впервые опубликовано на русском языке, в переводе Н. К. Серова, в журнале: Реальность и субъект, 1998, 2/3. (Январь 2000).

...И все же у меня нет ни оснований, ни желания обрывать письмо саркастическими (или же ностальгическими?) замечаниями. Дело в том, что возрождение Смысла, или, точнее, обретение Нового смысла, как и новый Прорыв к реальности в социологической науке — предугадывается. И формы его чрезвычайно разнообразны, их нельзя сводить к деятельности типа моей нынешней.

(Лишнее подтверждение того, что каждый должен делать **свое**, на данный момент индивидуальной эволюции, дело.)

Может быть, мне везет (хотя вряд ли случайно!), но никогда еще не приходилось писать или произносить столько восторженных рецензий, как за последние год-полтора. Как правило, это люди 30–40-летнего возраста (ближе к 30, чем к 40, т. е. моложе меня лет на 10), которые вдруг, нередко каким-то рывком, совершали прорыв к Сути в своих научных (а иногда и не научных, в строгом смысле слова) поисках.

Это — реже диссертации, чем статьи; реже статьи, чем отчеты; это чаще всего — не кандидаты наук; в академических учреждениях их можно встретить реже, чем в иных. Каждый по-своему — «высоко держит руль» (в смысле известного высказывания Л. Толстого). Вряд ли качественный скачок каждого из них был столь уж резким...

Многих из этих людей я знал и раньше. Однако открытие или же раскрытие их талантов — в моих глазах — происходило вдруг (может быть, и объективно так было, в некоторых случаях).

У меня сейчас нет времени, да и вдохновения — на повторные отзывы-рецензии. Назову только имена и сюжеты:

— Леонид К. [*Л.Е. Кесельман. — А. А.*] — широкий круг научных сюжетов (от социологии труда до социологии театра);
— Альфред С. [*А.А. Сарно. — А. А.*] — социология организации, коллективные формы организации труда;
— Александр Ю. [*А.Н. Ющенко. — А. А.*] — социально-экономические механизмы миграции;
— К. М. [*К. Муздыбаев. — А. А.*] — разнообразная социально-психологическая проблематика;
— Людмила Д. [*Л.К. Дудченко. — А. А.*] — прикладная социология и социальная психология;
— Евгений К. [*Е.Х. Кунин. — А. А.*] — проблемы общения и социализации молодежи;
— Владимир Д. [*В.Н. Дьяченко. — А. А.*] — исследование социальной адаптации в районах нового освоения (БАМ и т. п.);
— наконец, целый коллектив социологов из НИИКСИ [*НИИ комплексных социальных исследований при Ленинградском университете. — А. А.*], которые, как оказалось, ведут хоздоговорную тему на моем заводе: Николай Г., Александр М., Николай Щ. [*Н.П. Грибалев, А.П. Марьяненко, Н.Ю. Щербаков. — А. А.*]
Жаль, что я взялся обозначать области их интересов. Каждый — не укладывается в эти обозначения.

Но это все — открывшиеся в последнее время для меня (а может — и для самих себя) социологические **таланты**; уже не «ожидания» талантов, а состоявшиеся! Большинство из них пока не титуловано ученой степенью. Одни больше, другие меньше — адаптированы в современной научной среде. Вообще, работа всерьез — стоит больших или меньших жизненных издержек...

Работа каждого из них «имеет отношение к реальности» и, так или иначе, является выражением гражданской тенденции, столь старательно из нынешней институциональной социологии вытравляемой.

У меня сейчас под руками оказались только два текста авторов, из числа названных здесь. [*Л. Дудченко; А. Марьяненко. — А. А.*] Посылаю их Тебе, в качестве иллюстрации.

Вот: есть людям что исследовать, есть что выражать!

Более или менее полное собрание трудов таких авторов, я думаю, по содержательности перевесило бы несколько годовых комплектов журнала «Социологические исследования».

Вот это-то и позволяет уповать на будущее. Так сказать, «цветы на асфальте»... Но не будем забывать и про «Алешу». Эти тоже плодятся. И даже...

штампуются.

...Возвращаясь к началу своего письма, подчеркну, что возможности адаптационного нормотворчества и ситуационного максимализма, способы «поднять повыше руль» отнюдь не закрыты — в **любом** качестве, в **любой** сфере жизнепроявления, в том числе и в нашей профессиональной. Остается только каждому получше выбрать себе лодку — по своему темпераменту и нынешней своей индивидуальной «комплексии»... И уж **в ней** рулить повыше! Тогда, может быть, и не снесет.

Если же не успеваешь вычерпывать воду из лодки, которая дала течь, то не стоит прыгать, с отчаянья, в водоворот. Пересаживайся в другую лодку или... просто хватайся за обломок — и **рули туда же!**

«Послание в будущее» будет доставлено, и не одним «гонцом». Вот только рассчитывать на других, кроме себя, не стоит...

Впрочем, для жанра своих писем я становлюсь, пожалуй, слишком серьезным.
<...>

Твой Андр. Ал., 6–14.05.81

<...>

ГЛАВА 3. ТЕАТР ЖИЗНИ НА ЗАВОДСКИХ ПОДМОСТКАХ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

(3.6). Наладчик и бригада («Партизанщина»)

[Персональный адресат этого письма (август 1981) — А.К. Назимова¹. — А. А.]

Дорогая Алла!

Тебе еще не наскучило складывать в папку мои письма?

Кому, как не соавтору исследования общественной активности рабочих на производстве, рассказать мне историю партизанского освоения координатно-револьверного пресса в цехе № 3 «Полифонмаша»?

Помнится (нет, лучше перепишу!), в нашей недавней статье на соответствующую тему есть следующие строки:

«...Заранее предупредим, что в данной статье речь пойдет лишь о социально-одобряемых и институционально-организованных формах общественной активности на производстве, т. е. об официальных формах такой активности. Это накладывает ограничения не только, так сказать, количественные, ибо вне поля зрения исследователя оказывается известная масса инициативных видов производственной деятельности. Уместно предположить, что условия и мотивы «неофициальной» активности, механизмы ее формирования — иные..., а это означает, что наши выводы будут иметь ограничения и содержательного характера...

[Статья А. Н. Алексеева и А. К. Назимовой «Общественная активность советских рабочих» была опубликована в сборнике «Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов» (М.: ИМРД, 1981). — А. А.]

Так вот, расскажу об этой не официальной, **не санкционированной** активности. Причем об активности — не только твоего корреспондента (а то о нем, того гляди, создастся впечатление Лягушки, взбивающей масло в горшке с молоком, чтобы не утонуть).

Письмо это назову: **Наладчик и бригада**.

Я уже сообщал, что мой ПКР размещается между станками и верстаками, за которыми трудится первая на заводе комплексная бригада, работающая на единый наряд. Ее возглавляет Игорь Вас Лозовой, недавно награжденный орденом «Знак почета». Зам. председателя совета бригадиров завода. Вообще, наш цех — зачинатель БФОТ (бригадные формы организации труда). 80 процентов всех рабочих цеха состоят в бригадах.

Что касается Лозового и его бригады, то приведу обширную выдержку из заводской газеты:

«...Уже два года существует эта бригада, работающая на один наряд. И люди в ней подобрались разные. На первый взгляд, необычно, что сюда охотно идут люди, имеющие высшее и среднее специальное образование...

(Среднее специальное — у Игоря Смирнова; а под высшим — имелся в виду... социолог-наладчик, т. к. бригадир показал корреспондентке на мой станок, где я в тот момент для них «партизанил», а та не уточнила, являюсь ли я членом этой бригады. — А. А.)

...Но продукция, которую выпускает бригада, очень сложная. Это детали и узлы к фотонаборной технике, которую недавно стали выпускать на заводе. И рабочему требуются глубокие знания, умение точно рассчитать, высокое мастерство. Все это можно сказать о слесарях и фрезеровщиках, которыми руководит кандидат в члены партии И. В. Виноградов.

Много учеников было у него. Присылали парнишек из ПТУ, ничего не умеющих, с трудными характерами. И к каждому находил он свой подход. Сколько сил приходилось вложить, чтобы воспитать из них настоящих мастеров своего дела! Но никто из ребят не ушел с завода, после армии обязательно возвращаются на завод.

Один из бывших учеников Виноградова И. А. Смирнов говорит о наставнике: — Он своей отзывчивостью обязывает нас работать еще лучше.

На первый взгляд — парадокс: отзывчивость и вдруг обязывает! В бригаде Виноградова так: внимание к человеку, забота о нем, помощь ему стали преградой разгильдяйству и нерадивости.

У Игоря Васильевича много забот: сейчас, с бригадой, добавились и функции мастера — распределять задания, планировать работу, следить за дисциплиной, учить молодых, воспитывать людей.

— Да, много стало хлопот, но зато теперь интереснее работать, — говорит Виноградов.

Сам он трудится на заводе тридцать четыре года. Совсем юным пришел сюда из ремесленного училища, получив специальность слесаря-сборщика. Сначала собирал токарные станки. Потом постепенно овладел многими специальностями, стал мастером высшего класса и учит других. Сейчас каждый в его бригаде может работать на двух-трех операциях (*не операциях, а типах операций*. — А. А.).

Сам Игорь Васильевич всегда идет впереди. Десятую пятилетку он выполнил за три года и почти полностью успел завершить еще одну...» («Строгость бригадира» — «Трибуна машиностроителя», 1981, 3 июля)

Между прочим, все **правильно** написано. (Была в этой статейке и «лажа», да не стал это переписывать.) А Лозовой, действительно, идеальный бригадир! Деятельный и доброжелательный. «Слуга царю, отец солдатам...».

На этом же участке есть и другая комплексная бригада, того же профиля. Это — «последователи». Возглавляет ее Толя Филин, которым администрация не очень довольна.

<...> В партию Лозовой вступил недавно, без особой охоты. Но — «куда денешься», раз начинателем оказался. Положение обязывает... Во всяком случае, он обрел это положение, будучи беспартийным. Своего (а теперь — бригадного!) не упустит. Но и в конфликт зря не полезет. В меру покладист. ...Пришли в цех о его бригаде кинематографический сюжет снимать.

Возвращаюсь с обеда — станок мой включен, а один из слесарей на нем кнопки нажимает! Да не помнит, какую нажал... А у меня не все пуансоны с матрицами спарены (пришлось потом каждое гнездо проверять!).

Оказывается, киношники попросили Игоря: мол, этот станок в кадр попадает, так пусть кто-нибудь «поизображает». «Надо — пожалуйста!» (Лозовой).

Я тогда только-только станок отрегулировал и еще боялся, что второй раз не сумею... А вообще-то — нечего в револьверной головке не спаренный инструмент держать (это я уже — про себя!).

Вот какой был смешной эпизод (как социолог-наладчик чуть в кино не попал). Но это — к слову. Суть же — впереди.

Первую программную продукцию на ПКР, после его капитального ремонта, я выпустил, как Ты знаешь, в ноябре 1980 г. И тогда же стало ясно, что очередной производственной загрузки станку нет и в ближайшие месяцы не предвидится. Взял я листок бумаги и написал на нем:

«Можно пробивать на ПКР:

— стальные листы толщиной до 2 мм, алюминиевые — до 3 мм; круглые отверстия диаметром от 1,5 до 50 мм; пазы и окна любых размеров; максимальный размер детали — 500х500, минимальный — 100х200; — если заготовка «в угол», то обеспечивается точность расстояния от базы — 0,2 мм; точность отработки межцентровых расстояний — 0,2; — возможность штамповки — в зависимости от наличия инструмента; запас комплектов (пуансон — матрица) в цехе — около 300.

А. Алексеев. 28.11 80».

Отдал Лозовому. Он: «**Партизанить?**» (очень, кстати, точное выражение!). Я — ему: «Пожалуйста!». Тот спрятал листок в ящик верстака. И тем дело пока кончилось. В декабре я ушел в отпуск. В январе вернулся. Работы нет. И не светит.

Это я теперь рассматриваю свои простои как нормальную компенсацию свободным временем за низкий заработок повременщика (150 руб.). А тогда без производственной загрузки чувствовал себя неудобно. А слишком настойчиво требовать загрузки или дополнительной работы — будет выглядеть, словно я заработать хочу. Но мне и зарабатывать больше сейчас не очень удобно, пока справку на совместительство дают. (Что-то вроде ситуации пенсионера, которому не нужен заработок, лишаящий его пенсии.) Да и какой, в самом деле, дурак будет **у них** себе лишнюю работу **за ту же плату** требовать?

Другое дело — бригаде **облегчение** сделать (это словечко уже позднее возникло, его Лозовой употребил). В таком случае мой альтруизм приобретал не абстрактное, а вполне конкретное содержание (что тоже было осознано много позднее). В нем (этом альтруизме) обнаружилась вполне деловая база и экономическая сторона.

Мой негласный договор с бригадой Лозового был заключен при обстоятельствах, о которых не могу вспомнить без улыбки.

* * *

Не избалованный личным (т. е. личностным) вниманием соседей по рабочему месту, да и сам никого своим вниманием не обременявший, я был немало удивлен, когда мой ближайший сосед, фрезеровщик Виталий в первый послеотпускной день заметил, что у меня годовой юбилей со дня поступления. Надо же, помнит... (А ведь дай бог двумя десятками слов мы оба обменялись за целый год.)

Тогда я решил, что надо... «оправдывать ожидания». Моему первому наставнику Федору Филипповичу подарил в день получения авторучку в футляре, Ване Сидорову — подстаканник, а кладовщице Фаине — духи (это — по случаю своего «юбилея»!). Эти трое в свое время приютили меня в инструментальной кладовой, а потом Ваня и отдельным «кабинетом» обеспечил...

Если подарки от «юбиляра» еще можно было толковать двояко: то ли выражение благодарности, то ли «мелкий подхалимаж», — то другая моя «акция» была однозначной и вообще рутинной. В этот же день принес я с собой бутылочку домашней настойки и троим соседям по рабочему месту (наладчик штампов Стас, мой предшественник на ПКР Игорь С. и «подавший идею» фрезеровщик Виталий) предложил — **за 30–15 мин. до конца рабочего дня** заглянуть в каморку УСП, по случаю моей годовщины.

Заглядывали по очереди, от 15-30 до 16-00: Ваня, Игорь, Стас; Ф. Ф. уважил, тоже заглянул, но ему спиртного нельзя, а «инициатор» Виталий, оказывается, ничего такого в виду не имел и **никогда** на работе не принимает.

Вообще в цехе выпивают, но по-тихому, и я интуитивно попал в точку, создав возможность для последовательных визитов, а не устраивая «коллективную пьянку». Тут всего-то 100 грамм с яблоком, но важна идея, символ!

Последним оказался Игорь С., и мы с ним, как и с остальными, минут 5–10 обсуждали мои дела («именинник» всегда имеет на это право!).

Возникло (признаюсь, у меня) огорчение по поводу обнажившегося дна бутылки и недообсужденных вопросов. Да вот беда — оказывается, Игорь сегодня с обеда работает и должен прихватить половину вечерней смены.

(А дело в том, что на заводе, особенно в то время, шла **демонстрация** работы сверхурочно, чтобы видна была напряженность плана. По очереди каждый получал талончик, который должен был пробить, выходя с завода часов в 19–19-30. А поскольку действительной надобности в сверхурочной работе в ту пору вовсе не было, то очередник, со всеобщего ведома, выходил с обеда, т. е. просто передвигал свой рабочий день. Зато было **очевидно**, что без сверхурочных программу никак не выполнить — выигрыш для администрации, и заработать столько никак нельзя — выигрыш для рабочих!)

Игорь объяснил мне, что выйти надо через одну проходную, а вернуться на завод через другую и сказать, что забыл полочку в спецовке. У меня еще хватило ума положить в сумочку старые ботинки, выйти и вернуться с ними, чтобы видно было — зачем сумочка («камуфляж»!).

А в этот вечер («сверхурочно», т. е. с обеда) кроме Игоря С. работали еще бригадир Игорь Лозовой и Саня Кузькин (ростом с крошку Пусыгина, по прозвищу «Амбал»). Вернулся я благополучно, вошел в свою каморку, вышел... и захлопнул дверь, оставив ключи на подоконнике. (Никогда такого не бывало, а тут случилось!)

Подхожу к Игорю, смущенный: вот, «все есть», а под замком. Что слесарю отмычку сделать... Да замок хитрый. Тут мобилизовались все сверхурочники. Бригадир решил — выставить стекло (дверь — со стеклом). И выставили, и вставили обратно, с энтузиазмом и бескорыстно. И сам бригадир не загордился: раз «юбилей» — не только можно, но и должно отметить.

Два Игоря и Андрей обсудили перспективы сотрудничества, но решений не принимали. Просто каждый другого понял и «взял в голову».

Потом чуть-чуть и «Амбала» угостили, но тот, как известно, заводится с пол-оборота, и ему, как было сказано, больше 100 граммов давать нельзя.

Должен оговорить (вовсе не из цензурных соображений!), что история эта — не типичная, ни для юбиляра, ни для его «гостей». Просто вот такое интересное стечение обстоятельств и непринужденное развитие событий.

Было это 13 января 1981 года... А 14 января — началась **партизанщина**. «Примкнул к бригаде», — выразился Стас.

На координатно-револьверном прессе удобно пробивать маленькие отверстия, которые обычно сверлят. Или — большие, которые обычно растачивают. Можно прорубать пазы, которые обычно штампуют на других прессах. Можно, комбинируя удары, вырубать большие окна, которые обычно фрезеруют. «Золотая машина!», по выражению одного из рабочих.

Надо сказать, что Лозовой действовал куда осмотрительнее наших технологов. Он предлагал мне проштамповать не всю деталь, а лишь отдельный паз в детали. Тот, который для него наиболее трудоемок. А на ПКР, глядишь, можно это сделать... Но карты штамповки, понятно, нет.

Значит, нужно самому рассчитать эту карту. Потом — взять обычную заготовку детали и изготовить из нее самодельный шаблон, непосредственно на станке, пользуясь координатной сеткой и микроскопами.

Когда первый паз его устроил, Лозовой предложил мне связку отверстий. Потом — почти целую деталь.

<...> Вся эта работа поначалу привлекала внимание мастера участка не больше, чем изготовление металлических обложек для «Писем любимым женщинам». Да она и была не видной. Подумаешь — один паз из десятка... По ходу дела понадобилась какая-то новая оснастка. С подачи Лозового ее изготовили, легальным порядком. То есть — администрация не увидела в «партизанщине» какого-либо нарушения. Напротив, мастер перехватил инициативу у бригадира и заказал мне деталь, оказавшуюся записанной уже за бригадой Филина. Одновременно шла работа по испытанию нового поколения поступивших из инструментального цеха шаблонов. И эта партизанщина происходила как бы **между делом**, никому не колола глаза. А бригаде (той или другой) она приносила скромное «облегчение».

Экономическая заинтересованность бригад состояла в том, что мои пазы и отверстия естественным образом записывались на их счет, как если бы делались не на ПКР. Но до середины февраля эта экономическая выгода была еще относительно невелика. Интерес бригадиров к моему станку резко возрос, когда социолог-наладчик, подогреваемый их запросами, решился отступить от стандартной технологии штамповки на ПКР. И — перевернул шаблон!

Чтобы Тебе было более или менее понятно: отверстия на листовой детали, согласно чертежу, могут размещаться на любом участке ее площади. Но для станка существует так называемая «мертвая зона». Это та часть детали, которая ухватывается пневмозажимами. И пробить отверстие там, понятно, нельзя. В официальной технологии эта проблема решается использованием заготовок с технологическим припуском. Тогда пробивать отверстия можно в любой точке будущей детали. А припуск потом отрезают. Ну, а если заготовка — без припуска (как в нашем случае), то можно попробовать штамповать в два захода. Сначала — все, кроме «мертвой зоны». А потом, перевернув и шаблон, и деталь, также и то, что раньше попадало в эту зону.

Правда, тут есть обязательное условие — чтобы заготовки были строго прямоугольные и одинаковые по габаритам. Иначе, при перевероте шаблона, требуемые расстояния отверстий от краев листовой детали выдержаны не будут.

Ну, слесарям эти технологические особенности моего станка, хоть и понятнее, чем Тебе, но мало интересны. Лозовому интересен результат. Можешь войти в «мертвую зону» — войди! Надо для этого перевернуть шаблон — переверни! Лишь бы все размеры были в допуске.

Лозовой спрашивает: «Это можешь пробить?» — «Могу». — «А это?» — «Тоже». — «Отлично! А эту связку отверстий?» — «А эту не могу». — «Жаль... А может, как-нибудь?» — «Боюсь размеров не выдержать. Заготовки-то ведь могут быть и не одинаковые...» — **Будут одинаковые!** Давай, Алексей, под мою ответственность».

Уж очень ему не хочется отдельно эти отверстия просверливать, раз все остальное — я могу. Требование на «одинаковость» никаким ГОСТом не предусмотрено. Но Лозовой знает, что их (заготовок) разноразмерной — в пределах допустимого для данного случая. Итак, сработал комплекс заинтересованности (экономической), компетентности (технической) и **ответственности** (моральной)

— в предвидении конечного результата. (Напомню «формулу разгильдяйства»: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.) Вот тогда-то наладчик ПКР перевернул шаблон и впервые **вошел в «мертвую зону»**. Это было 20 февраля 1981 г. А 23 февраля состоялось открытие XXVI съезда партии. Я считаю, что мы с Лозовым достойно встретили партийный съезд.

С этого момента начался триумфальный и тернистый (развязка еще впереди!) партизанский поход в тылу отдела главного технолога. Разнеслась молва, что наладчик ПКР может сам и техпроцессы рассчитывать, и шаблоны делать, а главное — пробивать отверстия в допуске, где бы они на детали ни размещались.

Следующую субподрядную работу для ПКР у Лозового перехватил бригадир Филин. Лозовой обижался: раньше эту выгодную деталь делала его бригада. Но Толик договорился с мастером. И мне пришлось сказать «своему» бригадиру: «И рад бы, да ты **не зевай!**».

«Ф-...» — крупная панель, с большим окном и доброй сотней разнокалиберных отверстий. Разумеется, с отверстиями и в «мертвой зоне», с размерами, заданными от разных баз, да еще не вся оснастка для ее изготовления имеется. Толик и член его бригады Серега — люди деловые: «Чего тебе нужно?» — «Для этой детали есть старый шаблон, но в нем надо припуск срезать». — «Срежем!» — «Пару отверстий в шаблоне передвинуть». — «Передвинем!» — «У меня искатель на 6 мм, а тут 7-миллиметровые отверстия в шаблоне. Можете новый искатель сделать?» — «Сделаем!».

На следующий день все было готово. Куда начальнику тех. бюро цеха Авдейчикову до такой разворотливости! (Делали не сами: тут и токарь нужен, и фрезеровщик, а закаливать искатель — так и вообще в другом цехе.)

Ну, и я решил сделать им подарок: «Попробую вместо керна [*своего рода наколка на металле, разметка. — А. А.*] вам сразу 1,5 мм отверстия пробить. Только если пуансон сломаю, вы уж мне его сделайте». — «Ладно!». Толя Филин посоветовал подкоротить пуансон (скорее уцелеет!). Когда не уцелел и второй, пришлось задуматься. Так возникла **тайная рация**, в виде тонкого пуансона, переделанного из более толстого, так что: а) прочность повысилась; б) никто и не знает, что тонкие поломаны.

Почему же эту рацию я никогда не стану оформлять? Все дело в том, что по нарядам (даже если эту деталь когда-нибудь переведут на ПКР) штамповщик получит свое, за кернение, а слесарь — свое, за сверловку. А если они еще в одной бригаде, так и то и другое — «в общий котел». И кому какое дело, как возникли отверстия. Были бы в допуске... Ну, года через два заметят, может быть, срежут расценки. Так ведь их и так срежут, не глядя. Так что рабочая инициатива не без успеха корректирует нелепости тарифной системы.

Филин и Лозовой советовали не торопиться, особенно **когда смотрят** (а визитеров было много!). Я ответил, что — **не дурной**. И они успокоились.

<...>

16 марта наладчик ПКР приступил к выпуску первой **легальной** (не партизанской!) партии деталей. В импровизированном соревновании рабочей инициативы с бюрократической машиной последняя приковыляла на исходный рубеж с опозданием на четыре месяца (запуск ПКР состоялся еще в ноябре). Не было такой ямы, в которую административная машина не заехала бы колесом, а то и всеми четырьмя. Все ее злоключения добросовестно отражены в **сводном** акте производственных испытаний от 9.04.81, который прилагаю.

<...> [Здесь текст акта опущен. — А. А.]

Если в январе-феврале я был занят производственной деятельностью (в любых ее формах!) примерно 2/3 рабочего времени (благодаря партизанщине), то в марте оказался загружен почти на 90% (не фигурально, а буквально!).

Это было веселое время и эффектное зрелище: социолог-наладчик, «гарцующий» на координатно-револьверном прессе. Пора бы уж коню и споткнуться... А то как-то неловко и рассказывать.

В апреле производственные задания, обеспеченные документацией, оснасткой и заготовками, иссякли. Только разбежался — стоп, дорога перерыта. Ладно. Я в ту пору начал уже воспринимать свои простои как заслуженный отдых повременика.

При всей лихости партизанских прорывов социолога-наладчика, мое отношение к точности соблюдения размеров, заданных в чертеже, было куда более трепетным, чем у остальных рабочих. Там, где слесарь меряет штангенциркулем один раз, я мерил трижды. Там, где отклонения в допуске, слесарь не станет заниматься подрегулировкой. Я же минимизирую отклонение, для надежности. Знаю, что «пройдет», но «держу руль выше, чтобы не снесло».

При внимательном отношении к запятым, корректоры могут не заметить пропущенную строчку. (Кажется, один из томов БСЭ вышел с опечаткой — буква «У» вместо «Е» на титуле.) При выпуске первой **целой** партизанской детали для бригады Филина я смотрел не только в чертеж, но и в первоначальный вариант техпроцесса на ПКР (от которого потом отказались). В нем был удобно представлен список требуемого пробивного инструмента. И вот на чертеже диаметр отверстия 11 мм был заменен на 10, а в этом списке, понятно, нет. Только пробив половину партии, я обратил на это внимание. Сказал бригадиру. Тот: «Ничего, пойдет». И наверно «пошло» бы, если бы Толик предупредил сборщиков (как это обычно делается). Отверстия эти служат не для крепления чего-либо, а для того, чтобы просунуть в них лампочки, имеющие самостоятельное крепление. Просто вокруг ободка лампочки на светлой панели получится даже не щель, а 0,5- миллиметровая темная каемочка...

Панель попала на сборку уже в конце апреля. К этому времени поражение регулярной технологической армии в соревновании с партизанским отрядом стало уже свершившимся фактом. И вот такое «ЧП».

Как мне сообщил мастер, готовилось взыскание всем: и тем, кто партизанил, и тем, кто не пресек, в том числе и ему. Мне оставалось обезоружить его утверждением, что виноватым считаю только себя. Толя Филин ко всей этой истории отнесся флегматично: не такое бывало! Цеховой технолог Копырина готовилась безвинно пострадать (полагаю, не без морального удовлетворения, по поводу обуздания слишком самостоятельного наладчика ПКР).

...И вдруг тот же мастер Т-в сообщает о новом повороте событий: «Бумагу (выговор) порвали!». Это совпало с визитом на завод заместителя министра. И надо тому показать, что, между прочим, координатно-револьверный пресс работает. А у меня, как на грех, даже партизанских заказов нет.

Социолога-наладчика **попросили** (это именно так надо говорить!) подготовить ПКР для штамповки тех самых «корзиночек», которыми пять месяцев назад ознаменовался запуск моего станка. Добыли для этого пятьдесят заготовок (тогда-то была тысяча!).

Но тут работы всего на час-полтора. Значит, надо, все наладив, **сидеть у станка**, чтобы, как только зам. министра появится, **врубить**. А вдруг зам. министра подойдет и что-нибудь спросит... Ну, вы понимаете, черт его знает, что

рабочий ответит, если накануне получил выговор. Такова нормальная административная логика...

В день визита я — для восстановления навыка (к каждому рисунку штамповки надо привыкнуть) — отштамповал подряд десяток «корзиночек». Мастер заволновался, что для **часа икс** — не останется. Готовились к встрече высокого гостя и остальные. Два часа я наблюдал за одной дверью, пока меня не предупредили, что войдут через другую. А зам. министра вообще пошел по другой лестнице. И весь наш участок остался «в дураках с вымытой шеей!» Зато накануне разгромоздили пролет от заготовок и готовых деталей (загромоздив ими кладовую, куда визитер не заглянет). А со двора убрали новые станки, простоявшие там под снегом всю зиму. И еще, вероятно, были проведены другие не бесполезные мероприятия. Отношение рабочих к подобным спектаклям деловое и беззлобное: «Политика партии!» (Лозовой).

В мае было затишье и на партизанском фронте, и в частях регулярной армии. А в конце месяца наступил период моей бурной производственной деятельности, продолжавшийся весь июнь. Этот период официально отражен в сводном акте производственных испытаний от 9.07.81.

<...> [Здесь текст акта опущен. — А. А.]

В это время легальный и нелегальный выпуск деталей на ПКР перемежались. По количеству затраченного рабочего времени они примерно равноценны. По степени сложности техпроцессов — несопоставимы. Объем партизанской продукции в акте несколько занижен. Там указаны только обозначения, прошедшие на моем станке полную обработку. Частичные же поделки не отражены (из соображений как скромности, так и конспирации...).

Лозовой вошел во вкус партизанщины. Не успевал я скрыться в свой «кабинет», как он стучался «на прием» (его выражение). Наша «подпольная» деятельность стала в известном смысле рутинной. В установлении очередности всегда отдавалось предпочтение легальным производственным заданиям, но иногда официальному заказу приходилось подождать, пока не будет закончена отработка партизанского. Мастер был одинаково заинтересован в тех и других (в смысле сроков сдачи).

Технологи ревновали. Ибо им наладчик ПКР ни одной неувязки не спускал, отражая эти неувязки в актах. При этом оставался неуязвимым, поскольку каждый раз сам же и предлагал выход из положения. Бригаде же Лозового куда более головоломные технологические трюки социолога-наладчика преподносились задарма. Если бы я хоть одну легальную партию задержал, из-за ихних же просчетов, я стал бы в глазах технологов «саботажником». Так же — получалось, что я еще больше набиваю себе цену.

С Лозовым иметь дело было одно удовольствие. Бригадир не забывал говорить, что «Родина тебе скажет спасибо, а технологи отругают». Оперативен без суетливости, внимателен без навязчивости, осмотрителен без перестраховки. Ходил я у него в молодцах. Когда Лозовой забывал указать мне на связку отверстий, которую ему еще желательно пробить, он говорил: «Ах, не сообразили мы с тобой, Алексей!». Но когда я сам пропустил в чертеже одно отверстие (которое потом пришлось просверливать отдельно), он также относил эту ошибку за наш общий счет.

Вообще, даже между производственными подразделениями (не говоря уж об отдельных рабочих) не принято возвращать брак, если можно как-то выкрутиться. Твою недоработку обычно устраняют или замазывают другие. Рассчитывая карту штамповки в одной из деталей, я сместил четыре отверстия. Дело поправимое: надо пробить новые, а ненужные — заглушить вырубкой от

тех же отверстий. Я первым заметил это, сказал, что сам исправлю. Лозовой: «Ты давай, Алексей, жми дальше, а мы поправим». Один из слесарей глушил отверстия, таская детали к металлической плите по одной (чтобы в глаза не бросалось). Когда я освободился, я стал **ему помогать**. И мы быстро справились, в четыре руки.

<...> Отличием новых партизанских деталей от прежних была их повышенная сложность. Так что наладчик уже не мог обойтись расчетами в тетрадке. Понадобилось делать свой чертеж развертки детали (в официальном чертеже она показана уже в загнутом виде). С пересчетом всех размеров для карты штамповки. Но у наладчика ни кульмана, ни стола, ни доски. Голь на выдумки хитра: если завернуть в ватман заготовку детали (1,5 мм толщиной, сталь), то можно чертить и на коленях — эскиз в натуральную величину. Тут сама будущая деталь выступает в функции чертежной доски. Кажется, эти самодеятельные чертежи вызвали у работников ОГТ ревность не меньшую, а даже большую, чем стопа нелегальных панелей. <...>

«Монополия» социолога-наладчика требовала каких-то ограничений. Самое разумное было бы приставить к нему учеников. И администрация встала на этот путь.

В начале июля Нюся Копырина показала мне составленную в тех. Бюро цеха учебную программу. В нее входило обучение расчетам карт штамповки, т. е. проектированию техпроцессов. (В этом, как явствует из вышеизложенного, я преуспевал теперь лучше технологов).

У социолога-наладчика спросили, согласен ли он обучать учеников (за положенную плату, разумеется). Я, конечно, согласился. Предполагалось, что обучение будет завершено до осени. Однако к нему еще не приступали. Кто помешал? Лозовой!

Дело в том, что учеников предполагалось набирать из его бригады. Тем самым ПКР фактически стал бы бригадным оборудованием. И я вошел бы в состав бригады, разумеется. Это планировалось давно. Да сначала надо было загрузить станок. Сделано это было лишь отчасти, и то больше благодаря партизанщине. Но первый вопрос, который должен интересовать бригадира, — сколько не в натуре, а **по расценкам** можно выработать на этом станке. (Тема нормирования и оплаты заслуживает отдельного разговора. Здесь же замечу только, что предложение Лозовому выделить учеников из состава своей бригады совпало по времени с целой серией легальных производственных заданий, которые, при достаточно трудоемкой наладке, по расценкам ПКР стоили бы гроши.)

В общем, бригадир справедливо рассудил, что при **таких** расценках и при **таком** планировании на ПКР можно и «прогореть». И отказался давать учеников: «Ищите слесаря-повременщика!». Тут бюрократическая машина забуксовала. Лозовой мне сам об этом рассказал. И мы с ним на будущее договорились о согласованных действиях: либо вместе — **за**, либо вместе — **против** моего вхождения в бригаду. **Пока** — против! Ничего не поделаешь. Экономика определяет политику...

Ну, а легальные техпроцессы, между тем, щелкались как орешки. Попалась, например, деталь «Ф-...» — та самая, которая год назад уперла меня лбом в загадку «сжимающейся вселенной». Вся партия была выпущена за несколько часов. А в прошлом году (при кривой «Генеральной линейке») возился с нею чуть не неделю. <...>

Но должен же на голову рыцарю ПКР свалиться хоть какой-нибудь да кирпич! Иначе все это начинает походить то ли на сказку, то ли на мистификацию. Или (с другой стороны): «Что за свадьба без цветов? Пьянка, да и все». Цветы? Кирпич на голову? Пожалуйста!

...В последних числах июля. Встревоженный Лозовой: «Маханули мы с тобой, Андрей (к этому времени бригадир уже перестал путать мою фамилию с именем). Два отверстия забыли в панели сделать!» — «Панели уже покрашены?» — «Да!» — «А просверлить нельзя?» — «Панель лицевая — для подмазки колера не подберешь». — «Выход какой-нибудь есть?» — «С конструкторами согласовывают. Да дело далеко зашло...».

Лезу в свой кустарный чертеж (заменяющий карту штамповки). Есть там эти отверстия! Может, в шаблоне забыл сделать? И там есть. А в готовых деталях они отсутствуют. Не технологическая, а **психологическая** издержка технологии штамповки с переворотом шаблона. Эти два отверстия привязаны размерами к одной базе, а расположены ближе к другой. Когда перевернул шаблон, казалось само собой разумеющимся, что они уже пробиты (раз тяготеют к противоположному краю).

Первую, пробную деталь этого обозначения Лозовой собственноручно проверял, по моей просьбе. И поддался другой психологической ошибке: когда держишь в руках деталь, хочется сверить ее с чертежом, а не наоборот. Все, что в металле, есть и на бумаге. Но не все, что на чертеже, есть в металле.

Лозовой: «Ну да, все понятно... Всюду они есть, а не заметили!» — «Что теперь будет?» — «Неприятности. Само собой, кронштейн можно снизу прилепить, если конструктора согласятся».

Дело было в пятницу 24 июля. В понедельник (27 июля) спрашиваю у Лозового: «Ну как?». Лозовой: «Мне выговор». Я: «А мне?» — «Ну, деньги же мы получили. Ты — чист, как огурец!». Мда! И то сказать, не хочешь кирпича на голову — не ходи под карнизом. А карнизы у нас — широ-о-о-кие... Конечно, на пару с Лозовым выговор схлопотать веселее было бы. Но, сидишь в дерьме — не чирикай!

В среду (29 июля) читаю на стенке распоряжение, от 28.07.81. Переписывать постеснялся, цитирую по памяти:

«Распоряжение

При штамповке детали «Ф...» наладчик Алексеев (раб. 03445) не выполнил двух отверстий, на что бригада 001 (бригадир В-в) не обратила должного внимания. В результате чего узел «Ф...» пошел на сборку с отклонением и была поставлена под угрозу срыва программа июля-месяца.

1. *Наладчику т/оборудования Алексееву за допущенное отклонение от чертежа детали «Ф...» объявить выговор по цеху.*

2. *Бригадира В-ва и ст. мастера участка Т-ва за недостаточный контроль за работой своих подчиненных предупредить.*

3. *Начальнику ОТК цеха Л-чу указать на недопустимость подобных случаев.*

Начальник цеха А. С-к.»

После такого хода в записях шахматных партий принято ставить восклицательный знак. Ход сильный! Фактом является, что начальник цеха в последнюю минуту изменил собственное (или подготовленное кем-то из его подчиненных) решение, объявив выговор наладчику ПКР вместо бригадира. Теперь — что этот факт **означает?**

1) Начальник цеха проявил несомненную **широту мышления**, определив ситуацию не согласно форме, а согласно действительному положению вещей.

2) Нач. цеха проявил **дальновидность**, обеспечив наладчику ПКР выживание, на случай, если в дальнейшем его социальная активность станет чрезмерной.

3) Нач. цеха проявил определенную способность к построению **тестовых ситуаций**, заманивая социолога-наладчика в ловушку опротестовывания выговора, перекалывания вины, наконец, апелляции к форме, против сути (мол, где записано, что это моя работа?).

Но, при всем том, это распоряжение начальника цеха имеет ряд обратных (т. е. противоположных его целям) эффектов.

1) Начальник цеха хотел пресечь (или по крайней мере ограничить) партизанщину наладчика ПКР и бригадира; он ее своим распоряжением узаконил.

2) Нач. цеха имел в виду доставить наладчику как бы неприятность, а доставил облегчение и удовольствие от того, что наказание сосредоточилось на нем, а не на бригадире.

3) Нач. цеха полагал не лишним несколько осадить слишком самоуверенного субъекта, однако скорее способствовал росту его авторитета в рабочем кругу. Ибо, как выразился Лозовой: «За то **нам** (именно так он сказал!) выговора и выносят, что мы **работаем**. А кто не работает, тот выговоров не получает». И то верно!

...Деталь, конечно, исправили. Бригада между делом изготовила 65 небольших кронштейнов, на которых снизу будет крепиться то, что должно было бы крепиться сверху (кажется, связка проводов). Одна партия машин выйдет в мир с небольшой мутацией. Что касается наладчика ПКР, то он ожиданий начальника цеха не оправдал — выговор воспринял как заслуженный. И на следующий день обратился к Лозовому... за новым партизанским заказом. Выполнил его за полтора дня и ушел в свое подполье, писать это письмо.

Сегодня (6 августа) меня извлекли — для легального производственного задания. Но, разумеется, заготовки оказались отрезанными без припуска, а техпроцесс и шаблон — с припуском. Единственный выход — опять же **перевернуть шаблон**. И мастер самолично попросил об этом наладчика.

...В том и состоит психическое здоровье (чего желаю всем возлюбленным), чтобы на Систему не обижаться. Ее можно изучать, ее можно переделывать (иногда — уничтожать), с ней можно — **играть!** Состязание Тореадора и Быка — прекрасная метафора Жизни. Успеха Тебе в твоих «корридах»! <...>

Твой социолог-наладчик, 4–6.08.81

Ремарка: «Если рабочим не мешать...»

Здесь уместно процитировать современную книгу по социальной психологии: «...Анализ феномена изменения аттитюдов и когнитивного диссонанса, предпринятый приверженцами одноименной теории, заострил всеобщее внимание на том, что представляет собой, возможно, наиболее важный вклад социальной психологии в исследование мотивации, а именно на значении воспринимаемой личной ответственности и личного выбора...

Когда люди убеждены в том, что они свободно избрали свой способ поведения как средство непосредственного выражения собственных целей и аттитюдов, социальные процессы развиваются совсем по-иному, чем в случае, когда люди считают, что их насильно заставили вести себя подобным образом или когда их действия контролируются внешними вознаграждениями...

*Рабочие, получающие указание выполнять определенные задания в установленном порядке, работают зачастую как низкопроизводительные автоматы и угрюмо «вкалывающие» повременщики. Но если тех же самых рабочих попросить организовать свою работу самостоятельно, они начинают действовать как свободные профессионалы, вносящие собственный вклад в успех общего предприятия...». (Л. Росс, Р. Нисбет. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999, с. 55)
Как явствует из вышеприведенного письма социолога-рабочего, рабочих не надо «просить» организовать работу самостоятельно, а иногда достаточно просто «не мешать» им делать это... (Май 2000)*

(10)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabochego-okonchanie>

А. АЛЕКСЕЕВ. ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ (ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО). ОКОНЧАНИЕ

Автор: А. Алексекев — Дата создания: 10.03.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (10).

Так называемые «Письма Любимым женщинам» были первой формой описания процесса и предъявления некоторых результатов предпринятого автором в начале 1980-х годов исследования производственной жизни «изнутри», глазами рабочего. Впоследствии они вошли в состав книги: [Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1- 4. СПб.: Норма, 2003-2005.](#)

Здесь приводятся несколько писем-отчетов друзьям из вышеуказанного цикла. А. А. Май 2013 – март 2015

ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ

(окончание)

<...>

(3.7) Итак, я ловлю рыбу... (Перевернутый шаблон и вокруг него)

Персональный адресат этого письма (июль-август 1981) — Г. Ж.. — А. А.]

Здравствуй!

<...> То пусто, то густо от твоего корреспондента. Была «летопись», теперь — «драматические картины». Причем уже из 1981 года, который систематически пока не описывался. Совсем как в современном кинематографе. Или в драме 80-х гг.

То, что последует, написано неделю назад, даже раньше чем предыдущее письмо Тебе. Но ведь и это в монтаже допускается...

6-й день очередного простоя после полуторамесячного периода почти полной производственной загрузки.

Помещение «филиала» инструментальной кладовой цеха. В его передней, ближней к входной двери, части расставлены на стеллажах или валяются на бетонном полу массивные штампы. В глубине, за деревянным шкафом и не задернутой занавеской, рабочее место цехового художника: письменный стол, заваленный рулонами, ватманами, деревянными каркасами для плакатов. Внутренний телефон. В середине, на проходе, притулившись к металлическому стеллажу, стоймя установлен деревянный ящик, на который положен лист из полимера площадью 1000 X 350, толщиной 2,5 мм; тут же металлическая, с гибкой шеей, лампа, из тех, что служат для освещения рабочей зоны токарных или фрезерных станков. К ящику приставлены два стула — один с мягким сидением и спинкой, другой — жесткий, с круглым деревянным сидением, оба вращающиеся, на винтовой стойке, из тех, что служат для оборудования слесарного рабочего места. На жестком сидении лежат кальки техпроцессов, а на «столе» из ящика и полимерного листа сейчас ничего не лежит, а перебивало на нем много всяких бумаг и предметов за год, прошедший со времени оборудования этого «резервного» рабочего места социолога-наладчика на те часы, дни и даже недели, когда координатно-револьверный пресс остается без загрузки.

Такова экспозиция — время, место и обстоятельства написания этого письма. (Забыл, как это называется в драматургическом жанре — описание просцениума, что ли?)

Добавлю, что цеховой художник Володя П. уже третий день как в отпуске. Дверь заперта на французский замок, который снаружи может открыть только старшая кладовщица Фаина. Ну, а если кому из бригадиров, мастеру или технологам понадобится наладчик ПКР, то постучат, и я оборву письмо на полуслове, чтобы вникнуть в очередную технологическую неувязку или немедленно приступить к выполнению очередного производственного (чаще — «партизанского», чем официального!) задания.

Через открытое окно со двора проникает свежий воздух, через закрытую дверь — цеховой шум. Мой станок — в десятке метров от этого «кабинета».

Такова, повторяю, экспозиция.

11-30 — время обедать, т. к. через полчаса, когда в цехе наступит официальный обеденный перерыв (что меня на простое не касается), в заводской столовой будет очередь, на получасовое стояние, а сейчас — только на 15-минутное.

А если я чуть-чуть задержусь и не успею пообедать до 12-ти, то ко мне в очереди пристроится Игорь Вас. Лозовой, тот самый, для которого я сейчас нелегально выпускаю на своем станке некоторые детали фотонаборного комплекса «Каскад», по самодеятельной технологии (как описано в одном из предыдущих писем).

...Он увидит, что я читаю в очереди... пьесы (был томик М. Рощина, теперь — И. Друцэ), и, как обычно, будет удивляться, как это я **читаю** пьесу, ведь ее **смотрят**, а если пьесу читать, то «мысли разбегаются»... (А ведь верно!)

Попробую систематически описать, что же «произошло» за эту неделю простоя. В известном смысле, она характерна для данного типа времяпрепровождения на заводе (теперь, благодаря нашей с Лозовым и другим бригадиром — Филиным самодеятельности, все более не типичного).

Как будто за эту неделю не произошло **ничего**, заслуживающего «социологического» описания. Вот разве что заводская профсоюзная конференция...

В понедельник (20.07) мною была проявлена «не вынужденная» инициатива посещения этой конференции, посвященной ходу выполнения коллективного договора. Большинство делегатов, отметившись в списках, ушли. Я же, не будучи делегатом, пришел, не отметился и остался.

Делегатов в нашем цехе не выбирали, не было такой процедуры на цеховых профсоюзных собраниях (которых я не пропускал). Так что, явившись без спроса, я не нарушил профсоюзную демократию, а разве что бюрократическую разнарядку.

Узкой, прагматической целью моего посещения этого мероприятия было — узнать точку зрения профсоюзов и администрации относительно «хода выполнения» того пункта заводского соц. обязательства на 1981 г., который относится к моему станку. Однако о внедрении «групповой обработки деталей на многопозиционном прессе» (что намечалось на 3-й квартал этого года) содокладчики (гл. инженер и зам. пред. профкома) умолчали, так что повода уличить ОГТ в очковтирательстве у наладчика ПКР не нашлось. Ну, что ж, отложим до следующей профсоюзной конференции...

Теперь — о моих заводских «досугах».

16.07 (четверг), пробив последнее отверстие в последней заготовке последней из спущенных на ПКР производственных партий около 9 час., уединился в своей каморке.

Чем занимался? Разрабатывал «Предложения для общесекторальной методики исследования образа жизни». Изобрел, кажется, остроумный способ выявления общей направленности личности в ту или иную жизненную сферу на всяком данном этапе жизни, через не затруднительный для человека ответ на вопрос, какое именно из упомянутых им «важных жизненных событий» последнего времени повлекло за собой «существенное изменение» его образа жизни. Потом читал «Пламя» Н. К. Рериха.

Пятница 17.07 и понедельник 20.07 полностью ушли на кодирование опросных листов «Ради чего мы живем, или 100 вопросов о том, чего человеку надо». Когда-то и Ты апробировала этот полуцыганский тест, и я брал на себя смелость ранжировать Твои «жизненные стремления», по совокупности ответов. Теперь мы со Светланой М. [С. Ф. Минакова. — А. А.] располагаем массивом анкет, заполненных студентами-вечерниками, и я собираюсь после «Личности в процессе жизни» написать отчет под названием «Чего человеку надо».

В кодировании анкет, между прочим, по той схеме, которая разработана для данного вопросника, много общего со штамповкой стальных листов. Те же алгоритмы, тот же темп, тот же характер возможных ошибок.

В промежутке между пятницей и понедельником была суббота, на которую нынче выпало дежурство в ДНД (добровольная народная дружина). Этого аспекта жизни сейчас касаться не буду.

Во вторник 21.07 закончил кодирование и спрятал 158 кодировальных листов, готовых для передачи на ЭВМ, под полимерный лист на «рабочем столе». В этот же день продолжал заниматься Рерихом — делал выписки из его биографии в серии «ЖЗЛ». С удовольствием читал 100-страничную рукопись полного, не урезанного журналом «Театр», варианта работы Виталия и Катерины Д. [В. и Е. Дмитриевские. — А. А.] «Право на театр», включающей серию интервью зрителей о театре и режиссеров о публике.

Среда (22.07) была посвящена писанию 13-го из известной Тебе серии писем, включающего в себя, в качестве приложения, текст доклада «Образ жизни и жизненный процесс». Письмо это адресовано Людмиле [Л. К. Дудченко. — А. А.], вчера вечером я его перепечатал и сегодня отправлю.

В тот же день читал, конспектировал симпатичную статью Леонида Г. [Л.А. Гордог. – А. А.] в «Молодом коммунисте» — в дискуссии о желательном для нашего общества типе личности.

...Я описываю только **заводские** будни, опуская внезаводские контакты, домашние труды и приятное одиночество вечером одного из июльских дней, когда, наконец, убедился, что мои усилия по «истиранию из памяти» близких и далеких даты своего рождения не пропали даром, так что теперь и я, наконец-то, имею моральное право освободить себя от соответствующих проявлений внимания к окружающим. (Предпочитаю не регулировать это внимание календарными датами.) Судя по твоей телеграмме, по счастью, единственной, с Тобой у меня в этом плане вышла «недоработка»...

Засидевшись накануне за машинкой, я не выспался, а утром, не имея сил приняться за что-нибудь осмысленное, вдруг обнаружил, что дремать сидя хуже, чем лежа. Поскольку за всю эту неделю производственная надобность во мне возникала лишь однажды (такой вот простой!) и можно было ожидать, что не возникнет и сегодня, я воспользовался прикрытием шкафа в художническом закутке, чтобы протянуть ноги, подложив под себя ватник художника, а под голову — кумачовые тряпки с устаревшими лозунгами. Тут в дверь постучали...

...Кажется, я однажды уже сравнивал себя с рыбаком, который ловит «социологическую рыбу» в омуте заводских буден.

Рыбой для меня, как можно понять из предыдущих писем, являются **моделирующие ситуации**. Наверное, уже ползавода усеяно крючками с вкусными, обольстительными «червяками», насаженными мною. Я терпелив, как настоящий рыбак. Забегая вперед, скажу, что сегодня клюнула Большая рыба. Итак, в дверь постучали. Это дернулся поплавок...

Наживка была заброшена мною 16 марта, т. е. четыре месяца назад, в виде рационализаторского предложения, зарегистрированного под № 236/81, под названием «Изменение технологии штамповки на станке ПКР КО-120 деталей, имеющих отверстия или пазы в так наз. «мертвой зоне» пробивки». С учетом прежнего, неудачного опыта, когда попытка пригласить цехового технолога в соавторы (другого предложения!) кончилась тем, что «рация» (как здесь говорят) так и не дошла до БРИЗа, я сделал на этот раз все формально неуязвимо: «ни с кем не советуясь».

Кстати, о стратегии и тактике эффективного поведения. Очень важно различать ситуации завоевания союзников и изоляции противников. Не зови вероятного противника в союзники. Это — дело дохлое. Но не изолируй потенциального союзника. Последний обидится, коли ты не пригласишь его в «советчики» (даже если тебе его помощь и не нужна), и станет противником (что совсем ни к чему!). Вероятный же противник должен встать перед совершившимся фактом. А если ты вздумаешь с ним «советоваться», то он воспользуется полученной от тебя информацией, чтобы осуществления твоего замысла не допустить. Ну, это так, мимоходом.

...Рационализаторское предложение кануло в канцелярские дебри. Отсутствие реакции в течение трех с половиной месяцев меня устраивало. Ибо никто не мог помешать мне за это время его (это предложение) явочным порядком **внедрить** (в своих «нелегальных» техпроцессах). Впрочем, об этом чуть позже.

Технология штамповки на координатно-револьверных прессах **с переворотом шаблона** могла бы стать сюжетом для притчи, вроде «Легенды о Генеральной линейке». Чтобы предложить эту технологию, надо иметь скорее гуманитарное, чем техническое образование, а можно и никакого не иметь. Идея проста, как Апельсин, и радикальна, как Гильотина. <...>

[Здесь опущено описание идеи штамповки с переворотом шаблона, коротко изложенной выше: раздел «Наладчик и бригада...». — А. А.]

Ну, если кандидат философских наук сумел растолковать это кандидату искусствоведения (без пяти минут!), то инженер рабочего и подавно должен бы понять. Однако кроме здравого смысла и технической целесообразности бывают еще, как у нас принято говорить, **«нюансы»**.

1) В технических стандартах (по крайней мере в тех, которыми здесь принято пользоваться) отсутствует само понятие одинаковости габаритов листовых заготовок в пределах производственной партии. Этими же стандартами предусмотрено применение технологического припуска в случаях, когда нужно пробить отверстие в так называемой «мертвой зоне».

2) Заинтересованности в экономии металла и живого труда у наших технологов нет. Есть разве что заинтересованность, чтобы не отругали за их непроизводительную трату.

3) Согласно существующим социальным нормам, в период освоения нового оборудования и т. д. надо проявлять поменьше выдумки и изобретательности, а лишь бы как-нибудь «крутилось»... Тогда открывается широкое поле для последующей рационализации, эффект которой равен убытку от ранее сделанной глупости. (Существует даже такое понятие — «несвоевременное» рацпредложение.)

4) Всяк сверчок знай свой шесток! Стыдно, что это предлагает рабочий, пусть он даже кандидат каких-то там наук, **такие** предложения положено подавать самим технологам (и, разумеется, своевременно!).

Итак, «рация» — радикальная, не нужная, преждевременная и... не скромная! Ну и ладно. «Наше дело — подать предложение, а ваше дело — отклонить», — сказал я цеховому конструктору Рафаилу, занимающемуся регистрацией рацпредложений.

Но не надо держать социолога-наладчика за столь уж бесшабашного «бомбометателя». Я следовал обоснованному в одном из предыдущих писем принципу **адапционного** (социального и даже технического) нормотворчества.

1) Не применяются в стандартах понятия параллельности сторон и одинаковости заготовок? Но зато есть допуск на габарит заготовки (т. е. на расстояние между сторонами). Обычно уж очень этот допуск мягкий, «свободный» (до 1 мм!). Если сделать его жестче (до 0,2), то будут обеспечены и параллельность, и одинаковость. И при рутинном фрезеровании заготовок по краям, целой пачкой, это достигается без усилий.

2) С того момента, как в предложении указано (а указано!), что металл и труд затрачиваются непроизводительно, для технологов появляется угроза быть отруганными за нерасторопность.

3) Предложение обозначалось как «изменение технологии», т. е. предлагалось решение задачи, которая раньше уже была решена, только не рационально (технологический припуск!). Оно (предложение) позволяло посчитать эффект, равный прежнему убытку, по крайней мере — **запланированному** убытку, благо, ввиду отсутствия массового выпуска деталей, его (убыток) еще не успели «реализовать». Но рационализатор сознательно не отнес свое предложение к **еще более общему случаю**, относительно которого и пробивка детали по всей площади, и сама идея переворота шаблона являются частным эпизодом. (О чем скажу ниже).

4) Что касается «сверчка», то тут социолог-наладчик вполне сознательно забирался по своему шестку еще повыше, поскольку всей предшествующей деятельностью успел его (шесток) изрядно нарастить.

Претенциозным, но справедливым было утверждение о том, что область применения новшества - **все** обозначения деталей, где ныне используется припуск. А таких - добрая треть всех спроектированных техпроцессов и пока неведомое количество не спроектированных.

Интересно мне было также, как они посчитают экономический эффект... По закрученной интриге в начале этого рассказа можно предположить, что в дверь постучали, чтобы сообщить, что мое предложение принято или, наоборот, отвергнуто. Но это была бы слишком мелкая «рыба», и такую рыбак вылавливал и раньше. Нет, тут интереснее...

Как я уже говорил, почти четыре месяца никакой реакции не было.

За это время я успел «внедрить» это свое предложение в техпроцессах, которые сам спроектировал, идя навстречу экономической заинтересованности бригады слесарей (которым после этого оставалась только одна операция гибки, а все разметочные, сверловочные, расточные и фрезерные операции заменял - «задарма» - мой пресс).

Без применения своего предложения не только в плане вхождения в «мертвую зону» (собственное содержание «рации»), но и в обобщенном смысле - выдерживания расстояний от стороны, противоположной основанию («базе пробивки») - я бы эти детали выпустить просто не смог.

Мастер в подробности не вникал, а бригадир рассматривал мою доморощенную технологию как естественный способ «выкрутиться», когда важен конечный результат.

9 апреля, т. е. три недели спустя после подачи «рации», я писал сводный акт производственных испытаний по поводу трех «легальных» техпроцессов, где упомянул и о «нелегальных» (все равно - все видят!). Этот акт используется в письме Тамаре [Т. М. Дридзе. - А. А], как образец «эталонного текста» для лингвосоциопсихологического анализа. Про «нелегальный» техпроцесс «Ф-...» там было сказано, между прочим, следующее:

«...Пробивка пазов и отверстий была осуществлена по всей площади детали, включая так наз. «мертвую зону», без использования технологического припуска (это технологическое новшество, применимое не только для данного обозначения, отражено в рационализаторском предложении <...>, поданном в БРИЗ цеха № 3 26.03.81)...»

Запомни этот №. - «Ф-...» (ружье, которое выстрелит!).

А среди «легальных» техпроцессов, конечно же, попался и такой, где расстояние одного из отверстий требовалось соблюсти от стороны, противоположной основанию. Я пробил одну деталь, зову цехового технолога — решить вопрос: ПКР рассчитан на работу только от одной базы (ну, как бы всегда танцевать «от печки»...). Раз на расстояние между противоположными краями (сторонами) заготовки допускается большое отклонение, значит, отверстие, пробитое от одного края, будет относительно другого края **не на месте!**

Уж так хотелось им сообщить наверх, что все в порядке! Пересчитали, исправили в чертеже (!), согласно уже отштампованной детали, благо принципиального значения данный размер не имеет. Но в очередной акт пошла моя запись:

...Значительное количество предусмотренных к штамповке на станке ПКР КО-120 листовых деталей имеет конструктивные размеры, заданные от противоположных баз, что не позволяет выдерживать эти размеры одним заходом, при котором размеры выдерживаются только от базы пробивки. Необходимо... (и т. д.; см. упомянутое выше более ранее письмо).

Высказывалось и записывалось такое замечание и раньше. Правда, мне приходилось обосновывать его только расчетным путем. Но ведь у наших <...>,

пока им браком в металле перед лицом не потрясешь, затылок не зачесется...

Будем считать это **первым звонком** к началу представления.

Я им говорю: **думайте!** А сам... уже придумал, и предложение подал, и испытал на практике. ...Но вот исчерпался небогатый запас годных к употреблению и обеспеченных «отоваренными» заготовками легальных техпроцессов. В мае-июне косяком пошли «нелегальные». Технологи заглядывают через плечо, переживают, но приостановить не могут — ведь для программы, для плана все делается!

В краткие промежутки между очередными партизанскими заказами просматриваю свежее испеченную техническую документацию, где предусмотрена штамповка на ПКР, тыкаю ее разработчиков носом в ту же проблему.

«Как же нам быть? Может, перевернуть шаблон, как Вы тут делаете?» — «А я еще два с половиной месяца назад предложил, Вы разве мою рацию не видели?» — «Нет, ничего не получали», — не сморгнув глазом, отвечает руководитель группы из ОГТ. (А ведь только у нее мое предложение и может лежать на заключении...)

Это был второй звонок.

...Ладно. Снова пошли легальные техпроцессы. Опять размеры от разных баз, а в карте штамповки — от одной. Делаю первую деталь из партии — по **их** правилам. Даю мастеру: решайте, я предупреждал. Он к технологам: решайте! Мастеру нужно бригаду обеспечить работой — последующими, после моего станка, операциями. Мастер Николай К. — временный (сам он фрезеровщик, недавно закончил технический вуз, но от своего станка уходить не хочет, только замещает штатного мастера, который в отпуске).

Он говорит: «Штампуй с отклонениями, под мою ответственность». (Мастер еще почему заинтересован: хоть техпроцесс и новый, но заготовки отоварены и наряд выписан — еще по старым расценкам. Стало быть — работу сделаю я, повременщик, а оформить можно, как если бы выпускалось на других станках, где сдельщики.)

Иду к бригадиру: «Игорь, тебе с отклонениями делать или без?» — А ты как можешь?» — «Если по технологии, то с отклонениями. А можно и без, ну, ты знаешь...» — «Делай — **без!**».

Но это я постольку могу «без», поскольку (проверил!) случайно оказались соблюдены параллельность противоположных сторон и одинаковость заготовок в пределах партии. Тут даже шаблон переворачивать не надо. Всего-то небольшая подрегулировочка... Делаю — без отклонений.

А между тем цеховой технолог прознала, что техпроцесс уже новый, а мастер по прежним расценкам собирается наряд закрывать. Стоят у моего станка с мастером и лаются. Она — что мастер хочет «материально выгадать». (Деньги-то небольшие на этот раз; вот когда я свои «нелегальные» лицевые панели выпускал, по полторы сотни отверстий, это было чувствительно.) А Николай — взорвался: «Да если бы я не велел это штамповать, вы бы еще неделю вопрос решали!».

Я выключил станок, с интересом слушаю. «Это не к Вам», — нервно говорит технолог Копырина. — «Вижу, что не ко мне».

Итак, выпустил я эту партию без отклонений, но в акте производственных испытаний пишу, со всей добросовестностью:

««Ф-...» ...Кроме того, самим техпроцессом исключалось соблюдение размеров 12, 24 и других, взятых на чертеже детали от базы, противоположной базе пробивки. Эти размеры неизбежно повторяют отклонения габарита заготовки 316-0,5. Выпуск партии в этих условиях осуществлен под ответственность

администрации участка, ввиду производственной необходимости... Размеры 12 и 24, в силу изложенного выше, **не** выдержаны.

А не слишком ли он смелый — мастер — штамповать с отклонениями? Смелый — потому что не только технологи предписывают делать брак, но и конструкторы перестраховываются. Значительная часть размеров, в том числе и эти, в действительности вовсе не требует такой точности. В итоге — на бумаге допуска ужесточаются, на практике же эти требования не выполняются, но... в пределах, обеспечивающих возможность производственному механизму «крутиться».
(При этом тот, кто распоряжается, в случае какого ЧП, всегда может свалить вину на того, кто не выполнил ненужных указаний; ну, а исполнитель приобретает фактическое право даже и разумных требований не выполнять, если — пока — удастся обойтись без ЧП.)
Итак — третий звонок!

Поскольку рационализация моя, как уже сказано, у всех на виду, руководитель группы ОГТ Мглистая, глядя в мою самодеятельную карту штамповки, замечает: «А разве у нас техпроцессов с переворотом шаблона не было?» — «Во всяком случае **до марта** этого года не было», — невозмутимо отвечает Балда.
Этот разговор происходил уже в начале июля, когда я решил лишь дожидаться нашего цехового конструктора, уполномоченного по БРИЗу Рафаила из отпуска, чтобы навести формальные справки о судьбе своей мартовской рации.
5 июля. Рафик — первый день на работе, и сам притащил мне бумажку, на которой, за подписью нач. технологического бюро и главного технолога завода, начертано:

«...Алексеев. Предложение отклонить, ввиду того, что предложенный способ изготовления детали значительно увеличивает трудоемкость за счет фрезерования контура в допуске 0,1 и пробивки элементов в заготовке за две установки вместо одной».

Я даже не стал выключать станок, просматривая эту бумажку. Во всяком случае мотивировка отказа формально безупречна, хотя по сути сомнительна. Но меня, как исследователя, официальное принятие и отклонение предложения удовлетворили бы одинаково.

Спектакль еще только начался. И это — еще не самая большая «рыба»...

Отклонив предложение наладчика, ОГТ не только уклонился от возможности сэкономить металл и труд (ладно, «мертвая зона!»), но и закрыл себе выход из собственного технологического тупика: как быть с размерами, заданными от противоположных баз? (Их ведь только и можно соблюсти либо перевернув шаблон, либо штампуя деталь за две установки).

Пришла пора писать очередной акт производственных испытаний. (Ох, уж эти мои акты! В отделе главного технолога небось рады были бы уничтожить сию «летопись» внедрения ПКР. Да, получая машинописные тексты, понимают, наверное, что есть и копии... Впрочем, ни один из работников ОГТ не говорит прямо, что эти акты до них доходят. Но, зная психологию моей бывшей «секретарши», а ныне — начальника тех. бюро цеха Копыриной, я почти уверен, что она не оставляет у себя оба передаваемых мною ей экземпляра каждого акта. Все реакции на эти акты — косвенные, прямой — ни одной!) <...>

[Здесь опущены цитирования из акта производственных испытаний, в котором отражена сложившаяся проблемная ситуация. — А. А.]

...Как видишь, в этом акте есть **констатация** сложившегося положения. (Этот сюжет там как бы вскользь затронут.) Есть **требование**: «...надо изыскать

грамотное решение». (Хорошенькое дело — «изыскать»: ну, поищите, поищите, коли мое не нравится...)

Чего же не хватает для полноты картины? — **подарка!** (Сокрушительным видом оружия в социально-психологических поединках является... великодушие.)

Когда-то, по моему настоянию, чтобы обеспечить прямоугольность заготовок (без чего, как уже приходилось писать, координатный пресс обойтись не может, т. к. пробивает отверстия на заданном расстоянии не от фактической левой кромки заготовки, а от **воображаемой**, которая строго перпендикулярна базовой) — так вот, ради обеспечения прямоугольности заготовок во **все** техпроцессы была заложена специальная операция фрезерования кромок (тогда угол между сторонами будет действительно прямой).

Но, как и все остальное, это нововведение было осуществлено без ума — универсально, даже и там, где такой необходимости вовсе нет.

Операция фрезерования сторон заготовки, которая раньше (до внедрения ПКР) не предусматривалась, удорожает продукцию, а для несложных деталей фактически «съедает» экономический эффект от использования координатно-револьверного прессы.

(Отсюда, кстати, следует, что не всякую листовую деталь экономически выгодно делать на новом станке, я уж не говорю о том, что чем фрезеровать после отрезки, для обеспечения прямоугольности, не лучше ли сразу отрезать «поаккуратнее». Но это уже другие сюжеты и другие «наживки»...)

Пока же факт, что дурак, которого заставили молиться богу, успел разбить себе лоб. И самое время и подходящий случай положить ему на этот лоб холодный медный пятак. **В том же** акте наладчик пишет:

«...Техпроцессы «Ф-...» и «Ф-...». Конфигурация детали, имеющей в развертке вид длинной узкой полосы с единственным рядом пазов, расположенных по одной линии, параллельной базе пробивки, делает избыточной фрезерную операцию, направленную на обеспечение строгой взаимоперпендикулярности сторон заготовки. Размеры 19 и 40 могут быть выдержаны на ПКР и независимо от этой операции. **Предлагаю:** исключить фрезерную операцию (002) в техпроцессах «Ф-...» и «Ф-...»»..

Вот это — **нормальное** (для рабочего) рацпредложение! И если его оформить, то, пожалуй, приняли бы... Только стыдно называть это «рацией» (уж больно невнимателен был тот, кто запроектировал здесь операцию фрезерования). Да и резона нет: экономия в двух партиях по 65 штук — 2 рубля. Каким же может быть вознаграждение рационализатору?..

Но, в конце концов, это у меня здесь, так, попутное замечание рабочего-исполнителя, а вовсе не «рация». Важно, однако, что «обиды не затаил»...

Кушайте на здоровье! Мы вам таких «предложений» несколько десятков накидали бы, кабы не лень было оформлять. Уж извлекайте выводы сами из актов наладчика.

Итак, **дарю** родному производству 2 рубля в ответ на их отказ повысить его эффективность на несколько сотен рублей.

...Кажется, бывают рыболовные крючки как трехлапчатые якоря. Насадил я на каждую «лапу» по жирному червяку и ушел спать. А к удочкам привесил звоночек, чтобы не проспать. Не проспал.

Теперь — два (все-то и было два!) **события** этой, описываемой здесь недели. Сначала технологи спохватились за «мертвую зону» и припуск. Есть тут еще один, не слишком эффективный (точнее, редко применяемый) способ эту зону минимизировать: так сказать, пробивать отверстия не «по собственным пальцам» (в условном предположении, что заготовку держат голыми руками, на

самом-то деле — пневматические захваты!), а как бы «между пальцами»... Способ этот предусмотрен ГОСТом, но высчитывать расстояния между пальцев и попадать ударами в промежутки — себе дороже.

Тем не менее, если низы предлагают мертвую зону вообще ликвидировать, должны же верхи хоть немножко ее поубавить. **Не** грех даже им в этом помочь. Выйдя из своего «убежища» несколько дней назад на полчаса, я с готовностью продемонстрировал начальнику группы из ОГТ — непосредственно на станке — что тут можно сделать. (На этот раз освобождаю Тебя от технических подробностей.) Заметив мимоходом, что вообще-то «игра не стоит свеч», тем более, что в большинстве уже разработанных техпроцессов это все равно не позволит обойтись без технологического припуска (см. выше).

Мглистая проявила интерес. (Сама она ГОСТ, вероятно, читала, но одно дело — ГОСТ, а другое — в натуре увидеть.) Но и эта ситуация для рыбака — так, мелкая рябь на воде. Рыбка «играет»...

А вот сегодня (пишу это уже несколько дней спустя, но сохраняю целостность начатого 23 июля фрагмента) — **клюнула**, да какая!

Постучалась в мою каморку технолог из ОГТ Софья Шпанова. Ей поручено рассчитать техпроцесс «Ф-...». (Помнишь, я просил Тебя обратить внимание на это обозначение — «ружье, которое выстрелит»?)

Зная, что я эту сложную панель в партизанском порядке уже выпускал — и без припуска, и с размерами от разных баз, Шпанова пришла **посоветоваться**. Тут — ничего особенного. Они уже год, как стали советоваться с рабочим-наладчиком. Но на этот раз...

«Вы ведь выпускали эту деталь без припуска...» — «Да». — «Может, и нам так сделать (т. е. в техпроцесс записать)?». Молчу. — «И еще тут размеры от противоположных баз. Вы, кажется, шаблон переворачивали?..» — «Да». — «Так как Вы нам посоветуете запроектировать?» — «Конечно, я могу Вам посоветовать сделать так, как написано в моем рационализаторском предложении. — говорю. — Но ведь ОГТ его отклонил. Теперь использовать его с вашей стороны было бы... некрасиво». — «Как же нам быть?» — «Не знаю». Ушла докладывать. Ибо явно не по своей инициативе приходила. А старшую над нею (Мглистую) я то и дело встречаю в цехе... Приходила она и ко мне (насчет минимизации той же «мертвой зоны»). А про рацию — ни гу-гу! Начальники любят препоручать щекотливые дела своим подчиненным.

* * *

...«Социологическая рыба» (большая) клюнула! Но она еще в воде. И этот сюжет получит продолжение.

Во-первых, посмотрим, как они теперь спроектируют «Ф-...» или какой-нибудь другой техпроцесс этого типа. Скорее всего, сделать по-моему все же не решатся (с учетом произведенной «разведки», убедившись, что я про свою отклоненную ими рацию не забыл).

Но ведь для размеров, взятых от противоположных баз, у них и выхода другого нет... Сделают по-старому — я опять выпущу партию деталей по-своему и без отклонений, а в акте — зафиксирую отклонения. И опять им втык — ведь отклонения эти технологически заданы! (Парадоксальная, кстати, ситуация: обычно **делают** с отклонениями, а пишут — **без**. Я же поступаю наоборот. Вот так переворачиваются «социальные шаблоны»...)

Что ж, я знаю, как их «выручить», не унижая: как ни в чем не бывало, написать новое рационализаторское предложение — уже не про «мертвую зону» и припуск, а про технологию штамповки деталей с **размерами, взятыми от**

противоположных баз. (Предыдущее предложение войдет туда как частный случай, а новое, обобщающее — будет и подавно «не слесарево»...) Но форсировать события не надо. Пусть еще рыбка поплавает на крючке. <...>

Это недопустимо! Оказывается, в этом письме — 57 вместо положенных 53 (рукописных) страниц. Я вышел из габаритов. (Все-таки выдерживать размеры надо от «основания», а не от противоположной стороны — путем соединения фрагментов, написанных в разное время.)

В конце концов, можно подождать и твоего приезда. К этому времени Рыба будет уже в котелке. Мы сварим из нее уху и съедем.

Андр. Ал. (Рыбак), 27.07 — 3.08.81

(3.10) «Я вот уже два года здесь работаю...»

Ремарка: премьера «социолога-наладчика»

*Нижеследующий документ — автостенограмма выступления на партийном собрании цеха (1981) — прилагался к одному из «Писем...». Интересна история возникновения этого текста. То было **первое** не «бюрократическое» (служебные записки, замечания по техпроцессам и т. п.), а **публичное** выступление социолога-рабочего (в данном случае — перед коммунистами цеха). Решился на такую «акцию» автор этих строк лишь к концу второго года работы на заводе. В итоге всей предшествующей деятельности «социолог-наладчик» вправе был рассчитывать на общественную поддержку. И он ее получил. (В первые месяцы работы в цехе вряд ли получил бы...) Но опыта публичных выступлений «в рамках эксперимента» еще не было. И эта «премьера» готовилась долго и тщательно. («Актер» разучивал роль чуть ли не перед зеркалом!)*

Монолог наладчика ПКР должен был восприниматься (и был воспринят) как импровизация, «живая речь». (Декабрь 1999).

...Избавиться от боязни сцены и обрести легкость выражения можно лишь в том случае, если удастся высвободить сознание, прикованное к мелочам, и сосредоточить его на ясном понимании той деятельности, в которой мы заинтересованы в первую очередь...

М. Полани («Личностное знание»)

Автостенограмма выступления на партийном собрании (декабрь 1981)

<...> Как я понимаю, решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС и речь тов. Брежнева на этом пленуме нацеливают на полнейшее использование всех ресурсов в народном хозяйстве, на слаженную работу всех производственных звеньев, на решительное пресечение бесхозяйственности.

Важным ресурсом повышения эффективности труда является качественная и ответственная **инженерная подготовка производства**. Я вот уже два года здесь работаю, присутствую, наверное, уже на двадцатом партийном собрании [собрания проводились ежемесячно. — А. А.], однако не помню, чтобы об этом когда-нибудь говорилось. А надо бы.

За примерами — недалеко ходить. Взять хотя бы мой координатно-револьверный пресс. Как все, наверное, знают, ПКР был запущен чуть больше года назад. Правда, сначала мне пришлось этот новый станок разобрать по винтику, а потом собрать обратно. Но это дело уже прошлое. И, как говорят, обычное. Виноватых сейчас уже не найдешь. Да и другие проблемы на очереди. Производственное использование ПКР началось спустя три месяца после того, как он был приведен в рабочее состояние. Оказалось, что технологические службы завода, несмотря на всю оказанную им цехом помощь, **не готовы** к эксплуатации нового станка.

Мне могут сказать — не на цеховом собрании об этом говорить. Но я думаю, кому надо — будет сообщено. К тому же, эта критика и к цеху относится. Потому что, когда ОГТ выдавал технологический брак и липу, цеховая администрация стояла в стороне. И если я здесь об этом не скажу, резонно будет у меня спросить — чем же тебя трибуна цехового партийного собрания не устроила? Что мы имеем на сегодняшний день?

По документам значится, что на ПКР переведено изготовление аж шестидесяти обозначений деталей для фотонаборного комплекса. Цехом получены соответствующие извещения. Прежние техпроцессы как бы аннулированы. На самом деле за этот год штамповку на координатно-револьверном прессе прошли всего тридцать обозначений. Причем, добрая половина из них выпущена **вопреки** поступившей технической документации. Неудовлетворительная инженерная подготовка постоянно ставит производство деталей на ПКР в аварийные ситуации.

Каковы причины такого положения?

1) Элементарные ошибки в картах штамповки. Была такая панель, в которой технологи из ОГТ умудрились неверно рассчитать координаты целой сотни отверстий из двухсот.

2) Систематически приходится использовать не ту оснастку, которая указана в техпроцессе. Из тридцати обозначений, дай бог если половина выпущена по фирменным шаблонам. Остальные же — по самодельным шаблонам, изготовленным непосредственно на ПКР (когда не оставалось другого выхода).

3) Систематические нарушения ГОСТа. Причем технологи откровенно не хотят решать возникающие проблемы. В расчете на то, что рабочий как-нибудь сам выкрутится».

После выпуска всякого нового обозначения я пишу акты производственных испытаний. Есть обозначения деталей, прошедшие через ПКР уже не один раз. Так вот, оказывается, что ни одно замечание из этих актов, к моменту повторного прохождения, не учтено! Хоть кол на голове теши. Ошибки технологов обходятся дорого. Ведь они воспроизводятся в металле оснастки. Эту оснастку зачастую приходится списывать еще до того, как она побывает в деле. Несколько раз эти ошибки ставили цех перед угрозой срыва программы.

Так обстоит дело с **технической подготовкой**. Но не лучше — и с планированием производства, и с экономической подготовкой (говоря о ПКР). Систематически приходится как-то изворачиваться, чтобы не сорвать программу. Скажем, когда заготовки уже отоварены в габарит детали, а для ПКР необходим технологический припуск. На днях так случилось с обозначением, адресованным на ПКР уже повторно. То есть за три месяца никто не удосужился исправить то, на чем уже успели обжечься!

Выбор обозначений деталей для перевода на ПКР часто не продуман. Если сравнить по маршрутным картам трудоемкость изготовления одних и тех же деталей **до** и **после** введения штамповки на ПКР, то можно найти такие, где себестоимость не понизилась, а увеличилась! Вместе с тем, есть такие

обозначения, где ПКР сулит большую экономию. И здесь рабочий класс соображает куда быстрее инженеров.

Я не раскрою никакого секрета, если скажу, что тридцать программных обозначений, официально переведенных на ПКР, — это лишь половина всей реально выпущенной на нем продукции. А другая половина — это наша с бригадами Виноградова и Сыцевича инициатива и самодеятельность. Ведь возможности координатно-револьверного пресса, если подходить к делу по-хозяйски, действительно очень велики.

Я тут прикинул: примерно четверть рабочего времени сейчас наладчик ПКР тратит на выпуск продукции по официальным техпроцессам. Столько же — на выполнение заказов бригадиров (а теперь — и мастера!) по разработке и осуществлению неофициальных техпроцессов. Остальное — уходит на ревизию работы технологов, исправление их ошибок, составление актов и прочее. Что, вообще-то, не мое дело. Но приходится заниматься этим вместо инженерных служб.

Однажды, при партизанском изготовлении детали, я пропустил одно отверстие. И получил, как я считаю заслуженно, административное взыскание. Но я не видел, чтобы кто-нибудь был наказан за **массовый** и повседневный брак в инженерной подготовке производства на ПКР. А ведь это и есть та бесхозяйственность, на преодоление которой нацеливает ноябрьский Пленум. И последнее. Наладчику ПКР понадобился почти год, чтобы капитально отремонтировать новый станок (хотя, строго говоря, этим должны были заниматься ремонтники). А у инженерных служб было **три года** на то, чтобы подготовить производственное использование нового, теперь уже вполне исправного оборудования. И что же? Если брать обозначения деталей, обеспеченные соответствующей технической документацией, то ПКР сейчас загружен, как я уже говорил, не более чем 25 процентов! Если бы я работал не повременищиком, а сдельно, то мне закрыли бы нарядов в октябре на 60 руб., а в ноябре — и того меньше.

Конечно, с «партизанщиной» вышло бы куда больше. Но я согласен делать «не свою работу», но не согласен получать «не свою зарплату».

При полноценной производственной загрузке можно было бы прикрепить ПКР к бригаде, перевести штамповку на сдельщину. И пора бы уж! Я лично в этом заинтересован. Однако с такой инженерной подготовкой это невозможно.

Спохватываются лишь тогда, когда приезжает какое-нибудь высокое начальство. Вот тут меня просят отложить сегодняшнюю работу на завтра. Чтобы потом, при высоких гостях, показать, что ПКР КО-120 работает. Что ж, я разок согласился — чтобы «коллектив не подводить»... Тем более, что станок сам по себе теперь действительно на ходу. Но вот для постоянной, не парадной загрузки высокопроизводительного оборудования энергичных мер так и не принято.

И если мне сейчас, как водится, скажут, что уже «ставили вопрос», я отвечу: «Значит, **плохо ставили**, раз воз и ныне там».

14.12.81

Ремарка: от «Писем...» — к «хронике».

На этом фактически заканчивается основная сюжетная линия цикла «Письма Любимым женщинам» (1980–1981).

Его сменил следующий, «хроникальный» цикл — «Выход из “мертвой зоны”» (1982).27 (Сентябрь 1999).

(3.11) Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив»

[Ниже — своего рода «заключение» к «Письмам...» (июль 1982). Разослано всем адресатам одновременно. — А. А.]

Мои дорогие!

На протяжении двух лет вы получали, порциями, не регулярные, но продолжающиеся заметки — о «приключениях социолога-наладчика» и на иные темы. Поскольку получился своего рода сериал, я назвал его: **«Письма Любимым женщинам»**.

Возможно, кто-то и сберег все, что я посылал. На этот случай — вот вам полное «оглавление». Я делал его по своему комплекту. Номера страниц соответствуют тем, что у вас, поскольку была всего одна машинописная закладка. <...>

Как относиться к этому эксцентричному предприятию? В известном смысле, я просто мультиплицировал свой личный архив. Логика его составления импровизационна. Это — **неочевидная целостность очевидного хаоса** (что, впрочем, можно сказать и о самой человеческой жизни).

Всего тут — 18 больших писем плюс многочисленные документальные приложения. Это — своеобразный жизненный и научный отчет перед друзьями. Вместе с тем, каждое отдельное письмо в свое время было также актом межличностного общения. Присутствовал и игровой момент. И в «стилистике» каждого отдельного письма, и в аранжировке всего собрания. (Об этом специально говорится в «предуведомлении» 1980 г.)

Игра продолжалась, пока себя не исчерпала (в письмах, но не в жизни). Кое-где, похоже, «перехлестнул»... Эта дружеская эскапада уже стоила вашему корреспонденту (хорошо, если только ему!) нравственных терзаний. Но дело уже сделано. (Утешаюсь тем, что по отношению к самому себе я допускал куда большую нескромность, чем по отношению к своим адресатам.) <...>

В отличие от писем, как таковых, не предназначенных для «посторонних», приложения к письмам сплошь составлены из документов, имеющих (или имевших) самостоятельное официальное бытие. Приложения иногда превышают по объему сами письма. Они имеют свой смысл и безотносительно к письмам, хотя иногда в контексте приобретают «второй смысл». Сами же письма без этих приложений (хотя бы то были «замечания к технологическим процессам») существенно теряют в своем содержании.

Напомню, что ни одного действительного наименования места действия, не говоря уж о реальных фамилиях, в текстах нет. Может, пару раз где и проскочило, но пойдись теперь определи, где правильно... (Зато цифры и даты все точны!)

Отделить правду от мистификации (и не только в фамилиях) нелегко, даже вам. В этом смысле, архив — «закодирован». <...>

* * *

К чему все эти оговорки? А к тому, что сейчас, похоже, круг читателей этих писем вышел за пределы первоначально избранного автором. Как «эпистолярному хулигану» стало известно, среди друзей некоторых из моих возлюбленных нашлись охотники читать сии отчеты — как некую «документальную прозу»... Что ж, смирюсь с этой инициативой. Мои письма — принадлежат вам. Но все же прошу: не выпускайте их за пределы круга ваших **личных** друзей. В остальном — можете делать с ними все, что хотите.

<...> Наконец, ни я сам, ни, тем более, вы — редактировать эти записки не станете. **Архив отредактированный — все равно, что фальсифицированный.** Письма, переписанные после их получения, — уже не письма (это — запрет самому себе!). <...>

<...> Итак, вот мое **оглавление**.

Письма Любимым женщинам (заметки из жизненной самодеятельности):
(Здесь и далее — в скобках указаны инициалы персональных адресатов. — А. А.)

— Предупреждение: театр жизни и эпистолярное хулиганство.

— Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив».

1. Кто сошел с ума? (И. П. и Р. В.)³²
2. Мастер и подмастерье. (Н. Ш.)
3. Новый человек со стороны. (А. Н.)
4. Инициативы вынужденные и не вынужденные. (А. Н.)
5. Эйфория овладения. (С. М.)
6. Совершенно секретно. (Г. Ж.)
7. Притча о Генеральной линейке. (Н. Ш.)
8. Единство в многообразии. (Р. В.)
9. Отчет социолога-наладчика.
10. 49 писем как одно. (Н. К.)
11. Как переплывать реку. (Т. Д.)
12. Страдания доктора Петруччио (Анкета для моих любезных корреспонденток)
13. Образ жизни и жизненный процесс. (Л. Д.)
14. Летопись ПКР (оживший памятник). (Г. Ж.)
15. Итак, я ловлю рыбу... (Г. Ж.)
16. Наладчик и бригада (партизанщина). (А. Н.)
17. Программа социолога-наладчика.
18. Записки с ума не сошедшего. (Н. Ш.)

— Письмо без номера (адресованное мужчинам).

— Суд Любимых («эпилог»).

— Приложение: Где-то, когда-то, давным давно... (40 волховских приветов).

Андр. Алексеев, 20.07.82

[Некоторые письма при их публикации в составе данной книги — переозаглавлены.

Конкретными адресатами «Писем...» были:

— Т. М. Дридзе, Л. К. Дудченко, Г. Ж., Н. С. Катерли, Н. А. Крюкова, С. Ф. Минакова, А. К. Назимова, И. В. Прусс, Р. В. Рывкина, Н. Я. Шустрова.
Спасибо им! — А. А.]

Первый вариант

*— Я хочу еще писать, но править
Не хочу! — воскликнул Сименон.
Верно! То же самое и я ведь
Ощущаю, а не только он.
Пусть уж будет все как будет.
Коль себе ты веришь самому!*

*Пусть другие здраво и рассудят,
Что когда писал ты и к чему.
Да и мало ли бы что такое
Вычеркнулось собственной рукой,
Чтобы жить, других не беспокоя,
Или собственный храня покой.
И наивен тот, кто завещает
Взять лишь то, что выправил он
сам.
Этой тщательности не прощают
Даже и взлетевшим к небесам.
И еще потом смеются: – Гляньте!
Как ни тщился он перо кусать,
А ведь было в первом варианте
Много лучше! –
...И пошло писать.
Л. Мартынов. Неопубликованные
стихи // Новый мир, 1985, . 1, с.
161)*

Полное собрание «Писем Любимым женщинам» см. в книге: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб: Норма, 2003-2005 (Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>).

См. также: А. Алексеев. О наблюдающем участии и драматической социологии (навигатор по сетевым публикациям)- <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1/a.-alekseev.-o-nablyudayuschem-uchastii-i-dramaticheskoi-sociologii>

(11)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-vyход-iz-mertvoi-zony>

А. АЛЕКСЕЕВ. ВЫХОД ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 12.03.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (11).

Несколько вступительных слов

Читатель, хотя бы бегло ознакомившийся если не со всеми, то хотя бы с некоторыми предшествующими публикациями цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» на Когита.ру, уже знает, что важной (но не единственной) сюжетной линией авторской монографии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005) является так называемый «эксперимент социолога-рабочего».

Этот натуральный эксперимент был начат в 1980 г. переходом автора, до этого работавшего старшим научным сотрудником в академическом учреждении, на работу в один из ленинградских машиностроительных заводов, в качестве

рабочего (наладчика, станочника, слесаря), в какой роли автор пребывал (в силу разного рода обстоятельств) восемь с половиной лет.

Начало «приключений» социолога-испытателя описано в форме писем-дневников-отчетов друзьям 1980-1982 гг. (см. выше). Продолжение этих «приключений» см. ниже.

Следует оговорить, что за первые два года работы на заводе автор освоился в новой производственной и социальной среде настолько, что мог уже существенно перераспределить элементы адаптивного (приспособление к среде) и адаптационного (приспособление среды к себе) социального поведения – в пользу последних.

Социолог-испытатель не просто «вписался» в заводскую среду, но и стал – в известной мере – формирующим эту среду фактором.

При этом все собственные действия, их эффекты, а также события и процессы производственной жизни, он тщательно протоколировал (иногда придавая этим протоколам литературную форму). То есть вполне уместно говорить о предпринятом им изыскании, как об исследовании производственной жизни изнутри, «глазами рабочего».

Еще одно замечание. Речь здесь идет: а) о производственной среде 35-летней давности (первая половина 1980-х гг.); б) о конкретном промышленном производстве (детали которого могут быть неизвестны читателю). Но общие принципы производственного взаимодействия на низовом уровне – бригады, цеха, технических служб, равно как и общая методология изыскания, нам представляется, вовсе не устарели.

Многие ситуации, описанные здесь, могут рассматриваться как модельные – моделирующие то, что автор этих строк называет РЕАЛЬНЫМИ производственными и общественными отношениями.

А. А. Март 2016

**

Из тома 1 книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»:

ГЛАВА 5 ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА: ВИД ИЗНУТРИ

*Хорошо увиденное частное может
всегда считаться общим. Гете*

*Один цветок лучше, чем сто,
передает природу цветка. Ясунари
Кавабата*

*Созерцание мира умными глазами
стоит любой мирозерцательной
глубины.*

Ф. Степун

5.1. «Материя» производственных отношений, данная нам в ощущениях

[Ниже — «открытое письмо», адресованное друзьям — «интеллигентам-рабочим» (январь 1982).

Конкретными адресатами были: Сергей Михайлович Розет (ныне покойный), Юрий Анатольевич Щеголев, Анри Абрамович Кетегат, Гурий Иванович Забелкин (ныне покойный), Эдуард Петрович Кудрявцев. Публикуется в сокращении. — А. А. 1999]

Дружище!

Я хочу обратить внимание на одну уникальную особенность нашего с Тобой социального опыта.

Не так мало философов и социологов успели в своей жизни побывать рабочими. Но это было где-то в начале их трудового пути (т. е. для наших ровесников — в 50-х или 60-х гг.). Реалии же социалистического производства настоящего времени могут быть восприняты ими только сквозь призму их нынешнего, не рабочего жизнеощущения. Другого актуального опыта (если отвлечься от современной интеллигентской моды на «шабашки») они не имеют.

Мы — имеем! И не стоит недооценивать это обстоятельство.

Существует «память мускулов», восстанавливающая физические навыки и через десятки лет, если человек это прежде умел. Существуют «зарубки сердца», удерживающие в нем способность вздрагивать при встрече с чем-то близким, пусть оно отдалилось со временем. Я апеллирую к «интеллектуальной привычке», которая может быть ослаблена при недостатке тренировки, но вряд ли утрачена совсем.

Такая привычка мало распространена (конечно, есть и исключения!) в кругу рабочих, к которому мы сейчас принадлежим. Но эта привычка, смею утверждать, является достоянием нашей прошлой жизненной практики.

Итак, мы оказываемся обладателями редкого среди современных гуманитариев актуального социально-производственного опыта, с одной стороны. А с другой стороны — носителями не частого среди людей физического труда профессионального опыта социально-аналитической деятельности. В этом оригинальном сочетании и состоит наша с Тобой особенность.

Неважно, из какого стечения жизненных мотивов и обстоятельств возникла такая ситуация. Важно осознать ее как ситуацию морально обязывающую.

Какие еще «моральные обязательства»? Перед кем? Уж не перед Обществом ли? Или перед Наукой? Ну, не будем высоко замахиваться. Пусть это будет обязательство хотя бы друг перед другом.

Каковы наиболее вероятные перспективы «профессионального» отображения нашей с Тобой социальной и трудовой повседневности? Представь себе солидную монографию под названием «Человек в системе производственных отношений развитого социализма» (М., Наука, 198...). Или антологию публицистических очерков под названием «Герои одиннадцатой пятилетки» (М., Политиздат, 198...). Представил? Ну, то-то! Я предпочел бы прочитать Твой **производственный дневник**. Наверное, и Тебе мой дневник был бы небезынтересен.

Это, пожалуй, самое скромное из общественных дел, выходящих за пределы житейских интересов, сиюминутных забот, текущей обыденщины. Сделай это, ну, не для потомков, а, скажем, для меня. «Ты меня уважаешь»?

В своей попытке учредить эдакий «Клуб социологической самодеятельности» социолог-рабочий (кандидат философских наук и наладчик координатно-револьверного прессы) преследует также одну «корыстную» цель. Пока не потеряв профессиональных социологических интересов, я ищу возможности сверить свои наблюдения с соответствующими наблюдениями коллег, располагающих сходным социальным опытом.

Хочется, хотя бы в ограниченных пределах, проследить меру сходства и различий в положении человека в системе производственных отношений — для различных трудовых коллективов и социально-производственных ситуаций. Приняв при этом в качестве базы для сопоставления — **взгляд изнутри** этих ситуаций. Уважаемая Тобой и мной академическая наука, скорее всего, сочтет такое сопоставление «не корректным». Но ведь на то и «самодеятельный клуб»! Я изложил свои мотивы, которые, надеюсь, Тебе не чужды. Теперь — ЧТО конкретно предлагается.

Чтобы не слишком обременять себя, решительно сузим задачу.

Давай возьмем любые шесть недель подряд (условно — полтора месяца) из 3-месячного периода: апрель-июнь 1982 г. Я хотел было предложить какой-то строго фиксированный хронологический отрезок. Но раздумал — не сообразовывать же с этой затеей графики наших отпусков.

Пусть будут у каждого «свои» шесть недель. Лишь бы примерно в одно и то же историческое время. И — подряд (без пропусков!). За этот промежуток времени, заранее выбранный Тобой в пределах второго квартала 1982 г., произойдет все, чему положено произойти с человеком... за 240 рабочих часов (чуть меньше, если попадутся майские праздники; а скорее — больше, за счет сверхурочных).

Будут:

— текущие производственные задания и закрытие нарядов; аванс и получка; поиск работы и «бегство» от работы; труд и похмелье; брак скрытый и явный; рабочее собрание и, может быть, даже коммунистический субботник; отношения с мастером; срезанные расценки; сломанный инструмент; производственные конфликты и товарищеская взаимовыручка; аврал и отгул, а может, прогул или, наоборот, здоровая производственная инициатива.

Все это и есть «материя» производственных отношений, данная нам в ощущениях. Вот ее-то, эту материю, я и предлагаю для моментного снимка.

Удобнее всего назвать это производственным дневником или **хроникой**.

...Я беру тетрадь ценой 20 коп. В ней 48 листов. Если я положу нам с Тобой затрачивать, ну, скажем, полтора листа на каждый рабочий день, то одной такой тетради хватит на все шесть недель.

Однако нужны какие-то критерии выделения предметов и сюжетов для описания. Предложу следующие принципы.

Принцип первый.

Область внимания — **человек в системе производственных отношений**.

Именно «человек в системе», а не человек и система, как таковые. Зачем лезть в душу — даже близким людям? А за Системой подглядывать в щелку не надо.

Она и так нас с Тобой не стесняется. Ходит «в неглиже»...

Поэтому воздержимся от описания тех моментов функционирования Системы, к которым за эти шесть недель мы не оказались лично причастны (с которыми так или иначе не соприкоснулись, в которые не были бы вовлечены). Равно как и оставим «за кадром» те моменты собственной жизни в этот период, которые непосредственно не вписаны в социально-производственный контекст.

Принцип второй.

Повседневную жизнь можно представить состоящей из процессов и событий.

Или (как посмотреть!) из деятельности и поступков. Поступки и события — своего рода «узлы» на ниточке жизни. Ну, это — вообще говоря... Но и в пределах отдельно взятого отрезка времени (пусть это всего одна рабочая смена!) мыслимо различать события (поступки) и процессы (деятельность). Только масштаб, понятно, меняется...

Событие — в пределах дня — это то, что совершается не каждый день. Оно относительно кратковременно и всегда наделено каким-то смыслом. А **процесс**

— нечто отграниченное (или прерываемое) событиями. Процесс всегда имеет длительность (и иногда не имеет смысла!). Универсальная мера длительности обозначена на часовом циферблате.

То же можно сказать о деятельности и поступках. Называй как хочешь. Думаю, что в жизни большинства людей поступков меньше, чем событий...

[Автор здесь имеет в виду, что «процессы» и «события» — это то, что происходит с человеком, а «деятельность» и «поступки» — это, что он (человек) сам совершает. — А. А.]

Так вот, всякое событие, происшедшее в течение рабочего дня, заслуживает хотя бы краткого описания в твоей хронике. А всякий процесс должен быть назван и хотя бы приблизительно отхронометрирован. Не надо с точностью до минут, хотя бы — до получаса.

(Как я убедился на личном опыте, методика не хитрая. Память довольно точно воспроизводит набор случившихся за день событий и продолжительность процессов, если не откладывать записи более чем на сутки. В большей ретроспективе возникают неизбежные потери информации.)

Принцип третий.

И все-таки, кроме этих «объективных» критериев, должен быть еще какой-то субъективный — критерий значимости, что ли. Кирпич на голову упал — событие или не событие? Может, для Тебя и не событие, если каждый день падают... Тут я предлагаю принцип **ориентации на заинтересованного адресата**.

Таким адресатом для меня являешься Ты, а для Тебя — Я. Вспомни наши взаимные расспросы, освященные интересом к личности и ситуации. В таком случае, событием оказывается также и то, что для Тебя, может быть, обыденно, а для меня, как Ты считаешь, — нет.

Отсюда, отображая в своей хронике события и процессы каждого из 30 рабочих дней — учитывай, ну, пусть персонально мою социальную заинтересованность (как Ты ее себе представляешь).

Принцип четвертый.

Производственная жизнь складывается из множества не только социальных и социально-психологических, но и технико-технологических подробностей.

Исключить их из описания было бы неверно. Ведь это — сама «материя» и реальность производственных отношений! А коли так, придется технические подробности объяснять.

Мне бы не пришло в голову пояснять для Тебя в своих записях, скажем, назначение штангенциркуля. Но уже, к примеру, какое значение имеют прямоугольность заготовки для пробивки листовых деталей на координатно-револьверном прессе, Ты знать не обязан. А если мне из-за этого приходится чуть не каждую партию заготовок самолично разбраковывать, то это уже — процесс (скорее «процесс», чем «событие»!). И я должен позаботиться о доступности для Тебя своей информации.

Итак, по возможности, обеспечим друг другу **понятность** своих записей. Скучать над Твоими я, в любом случае, не стану. Но — чтобы мне их не разгадывать, как шарады...

Вот, собственно, и все критерии:

- а) ограничение области внимания (человек в системе производственных отношений);
- б) определение «единиц» отражения (события дня — описываются, процессы — называются и хронометрируются);
- в) ориентация на заинтересованного адресата (читателя);
- г) обеспечение доступности для другого (технически не совсем безграмотного) человека.

Особый интерес для всякого рабочего представляет социально-экономическая сторона производственного бытия. Так, например, если Ты можешь подсчитать, сколько за данный день **заработал**, не забудь сообщить об этом. И разъяснить, как сделан этот расчет. И вообще: из чего сложилась или как получилась твоя зарплата (если Тебе это понятно).

Есть вещи, которые заслуживают быть отраженными в **преамбуле** к производственной хронике, как некий «фон», исходная информация. В данном случае я имею в виду:

- место твоей работы, характер (тип) производства;
- продолжительность твоей работы на данном предприятии;
- точное обозначение профессии и присвоенный разряд;
- фактическое содержание и квалификация работы;
- минимальные сведения о характере используемого оборудования;
- кому непосредственно подчинен на работе (кто выдает задание);
- круг непосредственного производственного взаимодействия (с кем непосредственно связан в своем труде);
- санитарно-гигиенические условия на рабочем месте;
- величина среднемесячного заработка и диапазон колебаний заработка.

Короче — информация о том, без чего «события» и «процессы» рабочего дня остались бы недоступными для понимания либо потребовали бы излишних комментариев в собственно дневниковых записях. Думаю, такое вступление могло бы занять в тетради листов шесть-восемь (если заполнять обе стороны листа).

Итак: (1) преамбула и (2) собственно производственный дневник. Вот и вся общая структура хроники.

При всей близости наших жизненных позиций и психологической совместимости, мы с Тобой люди очень разные. И это не может не выразиться в индивидуальных стилях наших шестинедельных производственных хроник (коль скоро мы себя на них подвигнем).

Ведь сказано: **человек — это стиль** (как самой жизни, так и ее письменного воспроизведения).

Если бы я попытался предложить более строгую схему (систему) записей, то превратил бы «клуб» в «учреждение», а социологическую самодеятельность — в дополнительную трудовую повинность. Не хочу этого. И оставляю за собой (как и за Тобой!) право **самовыражения** столь же оригинального, каким порой кажется наше самоутверждение.

Предложенные критерии (принципы, ограничения) — это тот минимум условий, согласившись с которыми мы не потеряем возможности сопоставления не только наших отображений, но и самой природы. В сущности, я предложил лишь единый «язык» (или форму) производственного бытописания.

Понятия события и процесса (поступка и деятельности) имеют выгодное для этой затеи качество многозначности. Ведь могут быть и **внутренние** — как события (вспышки мысли или чувства), так и процессы (размышления, переживания). Выплеснется это среди строк деловитого хронометража — нам ли удерживать друг друга!

Но я намеренно ориентируюсь в минимуме — на фактографию, «летопись», хронику. Ибо для нее не нужно ни настроения, ни вдохновения, а просто — сознание, что никто за Тебя такого не сделает. И верность скромному взаимному обязательству (если, конечно, мы его на себя возьмем).

Не нужно и «таланта» (литературного и, пожалуй, даже социологического!). А лишь минимальная (на шесть недель) самодисциплина «мыслящего тростника», растущего на «болоте жизни».

(Между прочим, не знаком ли Ты с записками слесаря-механика А.Г. Солипатрова под названием «Глазами рабочего», опубликованными в №№ 6 и 7 журнала «Знамя» за 1979 год? Замечательное своим содержанием и манерой сочинение, посвященное, кстати, тем же сюжетам. Вот где талант наблюдательности и осмысления, социологического по существу! Прочитай при случае. Но нашу собственную задачу я вижу куда скромнее.)

Ну, напишем эти хроники... А дальше что?

В самодеятельных клубах роли председателя и секретаря-машинистки могут совмещаться. Я не уклонюсь ни от той, ни от другой функции. Допустим, мы имеем несколько таких хроник. Я не поленюсь и пять тетрадей перепечатать на своей машинке.

Тогда станет удобно прочитать их все подряд. Обсудим. Осмыслим. Чутьочку поумнеем. А может и нет... Но **дело будет сделано!** <...>

Как мне недавно стало известно, Сенека учил, что человек «должен быть полезен максимально многим людям; если это невозможно, то хотя бы немногим; если и это невозможно, то по крайней мере своим ближним; если даже и это невозможно, то самому себе».

Андр. Алексеев, 14.01.82

5.2. Один день наладчика ПКР (Если хочешь, делай как я)

[Ниже — приложение к «открытому письму» друзьям — «интеллигентам-рабочим». Публикуется в сокращении. — А. А.]

Дорогой друг!

Ты размышляешь над моим предложением о «производственных хрониках». А мне захотелось подкрепить его наглядным примером. Если угодно — «методическим пособием» (коль скоро сама идея не будет отвергнута). Ибо что толку в принципах, которые тот, кто их придумал, не умеет применить сам. Вот Тебе — «только один день» наладчика технологического оборудования на Ленинградском заводе полиграфических машин в январе 1982 г. Он может служить иллюстрацией того, что всякий день жизни несет в себе значимую социальную информацию. Рискую даже отпугнуть Тебя трудоемкостью затеи, я намеренно сработал «по максимуму», в смысле добросовестности и полноты изложения. Выбор конкретного дня был случаен. <...>

Повторяю, это образец максималистский (хотя бы по объему), и точного следования ему я от Тебя вовсе не жду. Но он может выполнить определенную ориентирующую функцию.

Опыт описания одного дня: 21.01.82 (четверг). С одним «историческим экскурсом»

«**Вводная**». Этому дню предшествовал многодневный простой. В январе мой станок (пресс координатный с револьверной головкой, сокращенно — ПКР) был загружен всего три полных рабочих смены из истекших 13-ти. Причем исключительно за счет партизанских (неофициальных) заказов бригады В-ва. От выполнения единственного в этом месяце административного производственного задания пришлось отказаться. Потому что заготовки оказались отоварены в габарит детали, а для штамповки данного обозначения на ПКР необходим технологический припуск.

Примерно шесть рабочих смен в январе были использованы мною «для себя». А на этой неделе занялся систематической ревизией адресованных на мой станок техпроцессов (что было начато еще в прошлом году). Предполагал сегодня с утра продолжить это занятие. Но сложилось иначе. (Конец «вводной»).

...Утром от мастера Т-ва поступил официальный заказ на штамповку партии «Ф-...» (100 заготовок на 200 деталей). Это обозначение проходит через ПКР в третий раз.

Стальная панель, толщиной 2 мм, относительно небольших (300×200 мм) габаритов. С серией узких продольных окон (7 штук), пробиваемых каждое за три удара и обрамленных связками 5–6 мм отверстий. Когда-то окна фрезеровали, отверстия (36 штук) сверлили. Куча хлопот была! На моем же станке здесь работы, на всю партию, от силы на полтора дня.

«Исторический экскурс»: злоключения детали «Ф-...».

С этой панелью нашим технологам с самого начала не повезло. Еще в 1979 г. (зadolго до запуска ПКР и даже до моего появления на заводе) в ОГТ, не подумавши, разработали техпроцесс, предусматривающий штамповку «Ф-...» на одинарной заготовке без технологического припуска. И инструментальщики изготовили соответствующий шаблон для ПКР. Но такая штамповка технологически невозможна. Ибо тогда половина отверстий приходится на так называемую «мертвую зону» (участок площади, занятый удерживающими заготовку в станке пневмозажимами).

В мае 1980 г. я уже достаточно соображал, чтобы указать на это в своих «замечаниях на техпроцессы». Тогда технологию переделали: так называемая штамповка с переворотом (из одной заготовки — две детали). Проблема «мертвой зоны» при этом, понятно, снимается. Но... забыли пере заказать шаблон!

В итоге, весной 1981 г., когда партия «Ф-...» впервые поступила на ПКР в качестве официального производственного задания, мне пришлось спасать положение изготовлением самодельного шаблона непосредственно на своем станке. Эта аварийная ситуация была отражена мною в «акте производственных испытаний» (апрель 1981).

Но поскольку рабочий **выкрутился**, сумел не сорвать программу, технологи опять не почесались заказать фирменную оснастку (шаблон) инструментальному цеху.

Осенью 1981 г. на ПКР поступила очередная партия этой «Ф-...».

Нельзя сказать, чтобы в технологии ничего не изменилось. Из штамповочной операции оказалась изъята пробивка тех самых окон, где мой станок столь выгодно заменял трудоемкую внутреннюю фрезеровку. Теперь техпроцессом предписывалось штамповать только связки отверстий. С чего бы вдруг?

А дело в том, что эти окна, и без моего станка, вовсе не фрезеровались. В бригаде В-ва в свое время втихую было изготовлено приспособление, чтобы пробивать их на большом прессе, закрывая наряд как на фрезерную операцию (которая оплачивается выше). Сколько можно, тянули, но в конце концов пришлось В-ву подать рационализаторское предложение. То есть — «легализовать» это приспособление (тем самым теряя выгоду от нелегальной штамповки).

К лету 1981 г. рация В-ва была принята. Но, похоже, не теми инстанциями, которые переводили «Ф-...» на мой станок. И возникла ситуация: надо «отбирать» эти окна у ПКР, чтобы прорубать их, согласно рации, на большом прессе. Отобрали, и ладно! Хотя и технологически, и экономически это не

рационально. Да вот беда: приспособление В-ва как раз к этому времени оказалось выведено из строя.

Что делать? Пришлось администрации идти ко мне на поклон: уж пробейте Вы и эти отверстия, и эти окна — на своем станке (хоть в техпроцессе записано и другое). А где же ваш новый «фирменный» шаблон? Так ведь Вы в прошлый раз самодельным пользовались...

Пошутив вначале, что ту «временку», кажется, выбросил, я ее, разумеется, «нашел». И так опять выкрутились. Что, опять же, было отражено в очередном моем акте (октябрь 1981). (Конец «исторического экскурса».)

Прошло еще четыре месяца... И вот сегодня злополучная «Ф-...» опять поступила ко мне на ПКР — **в третий раз**.

Технологическая документация — без перемен. Окна предусмотрено пробивать на большом прессе, с помощью сломанного год назад приспособления. А привязанные к ним отверстия — на ПКР, с помощью выбракованного год назад шаблона! Ну, с нашими технологами и планировщиками не соскучишься...

Чтобы не ходить самому к начальнику тех. бюро цеха К-ной — информирую об этой анекдотической, в общем-то, ситуации старшего мастера Т-ва. Но знаю, чем дело кончится. И потому начинаю налаживать станок для штамповки... опять по своему нелегальному шаблону.

По вызову Т-ва из тех. бюро цеха является не Людмила К-на (как бывало прежде), а новый работник цеховой технологической службы, которую я раньше никогда не видел. Рекомендуется «Аллой». До этого работала в ОГТ. И вот теперь переведена в наш цех, насколько можно понять, специально для технологического обеспечения ПКР. Что ж, это первое (и, пожалуй, главное!) **событие** дня.

Информирую свою «новую секретаршу» о единственно возможном, как я понимаю, выходе из положения — в очередной раз воспользоваться самодельным шаблоном. Та уносит техническую документацию — «для решения вопроса».

За полтора часа я успеваю закончить наладку «Ф-...». Технолог Алла все еще «решает вопрос». Торопить ее мне незачем. Хотя бы потому, что в цеховой воздухопроводящей системе давление упало до 4 атм., вместо положенных 6-ти. Это бывает настолько часто, что вроде бы уже и не «событие». Но штамповать детали на ПКР при этом нельзя: пневмозажи-мы не удерживают заготовку.

На всякий случай информирую об этом сменного мастера Колю Я-ша. Пусть принимает меры сейчас, чтобы станку не простаивать, когда технологи перестанут меня задерживать. И скрываюсь в свой «кабинет» (каморку, которую разделяю с цеховым художником, во время своих простоев).

Художника на месте нет. В предположении, что вот-вот объявится Алла (с «решенным вопросом»), раскрываю книжку бр. Стругацких. Читаю. Проходит еще час. Похоже, она затеяла согласовывать с ОГТ. Ну, это надолго... Тогда есть смысл заняться с утра намеченным делом — своей ревизией и инвентаризацией техпроцессов, переведенных на ПКР.

Никто меня не отвлекает. За пять оставшихся до конца смены часов успеваю «обработать» пять техпроцессов. Всего от начала ревизии мною изучено 45 техпроцессов, из общего количества 60-ти, переведенных на ПКР к настоящему времени.

(Работа эта не видная, так сказать, «теневая». Технологом я о ней не докладываю. Зато, когда какой-нибудь новый техпроцесс поступает на ПКР как производственное задание, для меня нет неожиданностей. И я довольно быстро нахожу выход из затруднительных положений, вроде сегодняшнего.)

Этот (требующий напряженного внимания!) **процесс** включает в себя:
— просмотр всей технической документации, относящейся к изготовлению данной детали;
— вылавливание ошибок в карте штамповки, в частности, путем пересчета координат всех задаваемых в ней позиций (эти координаты должны соответствовать размерам, проставленным на чертеже);
— перенесение всей актуальной для меня технологической информации на отдельную карточку, с указанием тех моментов, которые требуют корректив;
— фиксацию «истории» прохождения данного обозначения через мой станок, включая прежние учтенные и не учтенные замечания наладчика;
— извлечение информации о нормах времени и расценках для ПКР (если таковая имеется).

К концу дня, так и не дождавшись технолога Аллу, наношу ей визит в тех. бюро цеха. Что же решили? Ну, так и есть: просят опять штамповать «Ф-...» по самодельному шаблону. Включая те самые злополучные окна (см. «исторический экскурс»).

Ладно. Да вот только стрелка манометра так и не поднялась. Давление даже ниже 4 атм. Совсем в компрессорной уснули, что ли? У меня-то все давно готово... А врубать станок нельзя. Приходится озадачить этим вопросом уже не сменного, а старшего мастера Т-ва. Хоть уже и ясно, что штамповку «Ф-...» придется отложить на завтра.

Когда разговаривал с Аллой П-ной, заметил у нее на столе раскрытые листы моих давних (еще прошлогодних) актов производственных испытаний. Она занимается их изучением (тоже своего рода «ревизия»!). Значит, допекло-таки отдел главного технолога! Может быть, докатились туда и «волны» моего выступления на партийном собрании в декабре.

До конца дня еще одно маленькое событие. В мою каморку стучится бригадир слесарей Игорь В-в, с очередным партизанским заказом. Говорит, что эту деталь я для них однажды уже штамповал, т. е. есть нелегальный шаблон. Проверив по своим записям, убеждаюсь, что Игорь ошибся (была похожая!). Обещаю заняться этим делом завтра с утра.

После рабочего дня посетил очередное занятие курсов по повышению квалификации. Там начальник заводской лаборатории НОТ К-ль в апологетических выражениях рассказывал о системе Тэйлора, ссылаясь на якобы приветственное высказывание В.И. Ленина на этот счет. Занятие продолжалось 1 час.

Ты скажешь, дружище: «Это невозможно!». Что — невозможно? Вот так **описать** или вот так **прожить** один день? Как видишь, можно — и то, и другое...

Конечно, все это можно было бы записать и покороче. Скажем, так:

«21.01.82 (четверг).

Процессы: наладка детали «Ф-...» (1,5 час.); «подпольная» ревизия техпроцессов для ПКР (5 час.); чтение худ. литературы (1 час).

События: назначение технолога Аллы П-ной специально для обслуживания ПКР; технологическая неувязка с деталью «Ф-...»; в воздухопроводящей системе весь день давление было на 2 атм. ниже необходимого; бригадир Игорь В-в обратился с очередным партизанским заказом».

Понятно, сколь многое в таком сокращенном изложении утрачивается. (Даже — для самого себя: ведь забывается же со временем!).

Стремясь представить ситуацию во всем ее полнокровии, я писал здесь не столько для себя, сколько для Тебя. Ориентировался на Тебя как заинтересованного читателя. **Было ли тебе интересно?**

Я старался обеспечить понятность своих записей, опять же для Тебя. **Ты все понял?** И от заданной темы — «Человек в системе реальных производственных отношений» — я, как видишь, не уклонился...

Если хочешь — делай как я!

...Моя ситуация уникальна. Но уникальна всякая ситуация, если не сводить ее к внешним обстоятельствам. Если понять, что необходимым элементом ситуации является также Личность. Ситуация (жизненная, производственная — любая!) есть результат актуального взаимодействия личности и среды.

Среда может быть «универсальной», обстоятельства — повторяться. А личность, в отличие от среды, всегда уникальна.

В заключение, еще одно методологическое замечание: не кажется ли Тебе, что «события» и «процессы» могут парадоксально меняться своими определениями? События этого одного дня наладчика ПКР как будто обыкновенны. А вот процессы — необычны (по крайней мере, Тебе — незнакомы...). Думаю, это есть не что иное, как выражение **специфики** индивидуальной ситуации и свидетельство **общности** ситуации социальной.

Для меня могут показаться так же необычны твои повседневные занятия на работе. А «события» — ну что же тут необыкновенного? Ведь **всюду — то же**. Жму руку.

Твой Андр. Ал., 23. 01. 82.

Ремарка: производственное бытописание.

К сожалению, затея автора собрать и сопоставить несколько «производственных хроник», составленных разными людьми, не удалась. Но свою «Хронику» — написал. (Сентябрь 1999).

...Что труднее всего? То, что кажется тебе самым легким: видеть перед глазами то, что у тебя перед глазами... Гете (цит по: К. А. Свасьян. Голоса безмолвия. Ереван, 1984, с. 234)

...И все будет полно глубокого смысла, как полно смысла каждое движение сложного механизма, и все будет странно и, следовательно, бессмысленно для нас, во всяком случае для тех из нас, кто еще никак не может привыкнуть к бессмыслице и принять ее за норму... Бр. Стругацкие. Улитка на склоне. 1965 (Цит. по: А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Улитка на склоне. Л.: Смарт, 1990, с. 102)

5.3. Человек и его работа: вопросы к самому себе

От автора — сегодня

Во второй половине 70-х гг. автору этих строк довелось участвовать в исследовательском проекте «Человек и его работа. 1976», под руководством проф. В. А. Ядова (ИСЭП АН СССР). Было опрошено свыше 4 тыс. рабочих ленинградских промышленных предприятий разных профилей. Результаты этого повторного относительно соответствующего исследования 60-х гг. представлены в многочисленных публикациях.

Я был одним из составителей основного методического документа (вопросник «Человек и его работа», 1976).

Недавно моя коллега (тоже участник этого исследования), докт. социол. наук, проф. Галина Иосифовна Саганенко обнаружила в своем архиве экземпляр этого самого вопросника... с ответами наладчика технологического оборудования Ленинградского завода полиграфических машин А. Алексеева, от января 1982 г.

(Признаться, совсем забыл, что «развлек» тогда себя и коллег тем, что «примерил» эту анкету к себе, в качестве рабочего.)

Вот некоторые из результатов этой «ауторефлексии».

«Что Вам нравится в Вашей работе?» Отмечено респондентом: разнообразная работа; работа требует смекалки; не вызывает физического переутомления; удобная сменность; хорошие отношения с товарищами. (Здесь и далее используются аутентичные формулировки анкеты.)

«Что Вам не нравится в Вашей работе?» — Плохая организация труда; неравномерное обеспечение работой; руководство цеха не считается с мнением профсоюзной организации; социалистическое соревнование в цехе ведется формально; рабочие слабо участвуют в управлении производством.

«Каким образом Вы выбрали Вашу нынешнюю специальность?» — Специальность казалась мне интересной; обстоятельства сложились так, что иного выбора не было.

«Если бы случилось так, что Вам снова пришлось выбирать специальность, то избрали бы Вы ту, по которой сейчас работаете?» — Да.

«Какое из суждений выражает Ваше мнение?» ... — Нельзя забывать о зарплате, но основное — смысл работы, ее общественная полезность.

«Устраивает ли Вас Ваша теперешняя работа?» — Работой вполне доволен.

«Производительность моего труда зависит...» — **прежде всего** от меня, но также и от организации труда.

«Качество моей работы зависит...» — аналогичный ответ.

«В какой мере Вы удовлетворены производительностью своего труда?» — Скорее удовлетворен, чем нет.

Аналогичный вопрос о качестве труда: вполне удовлетворен.

«На сколько процентов больше Вы смогли дать продукции, работая с полным напряжением, при условии соответствия заработка трудовому вкладу? (Вашу нынешнюю выработку считайте за 100%)»... — 100% (мог бы сделать в два раза больше).

«В какой мере Вас удовлетворяют следующие стороны Вашей работы?»

— Состояние оборудования: скорее удовлетворяет, чем нет.

— Равномерность обеспечения работой: скорее не удовлетворяет.

— Размер заработной платы: скорее не удовлетворяет.

— Санитарно-гигиенические условия: скорее удовлетворяют, чем нет.

— Возможность применить свои знания, опыт, творческие способности: вполне удовлетворяет.

— Нормирование труда: скорее не удовлетворяет.

— Отношения с мастером: вполне удовлетворяют.

— Возможность повышения квалификации: не могу сказать, удовлетворяет или нет.

— Возможность участвовать в управлении производством: скорее не удовлетворяет.

«Какое из приведенных ниже суждений выражает Ваше мнение?»... — Участие рабочих в управлении необходимо, причем в некоторых вопросах за ними должно оставаться последнее слово.⁷

«Чувствуете ли Вы себя хозяином, активно влияющим на положение дел...» ...на своем рабочем месте? — определенно да.

...на своем участке? — пожалуй, да.
...в своем цехе? — трудно сказать.
...на своем предприятии? — пожалуй нет.
«В какой мере приведенные ниже суждения отражают Ваше личное мнение?»
— **Руководители** общественных организаций нашего цеха **пользуются большим авторитетом** среди рабочих. — Совершенно не согласен.
— Как только я прихожу домой, я **забываю о своей работе**. — Совершенно не согласен.
— **Я всегда получаю большое удовлетворение от своей работы**, от самого процесса ее выполнения. — Полностью согласен.
— Своими **личными заботами я предпочитаю не делиться** с товарищами по работе. — Полностью согласен.
— **Руководство** нашего предприятия **постоянно заботится** о нуждах рядовых рабочих. — Совершенно не согласен.
— По-моему, **решения** профсоюзных собраний чаще всего **не отражают настроений**, мнений рабочих. — Полностью согласен.
— После работы в беседах с друзьями я **часто обсуждаю положение дел на предприятии**. — Полностью согласен.
— Многие из того, что я **вынужден делать** на работе, я никогда **не стал бы делать** по собственному желанию. — Трудно сказать.
— Что бы ни случилось в моей жизни, **коллектив** нашего цеха **всегда поможет мне** в трудную минуту. — Трудно сказать.
— По-моему, интересы руководителей нашего предприятия и рядовых рабочих **чаще всего не совпадают**. — Полностью согласен.
«Довольны ли Вы тем, как сложилась Ваша жизнь?» — Вполне доволен. А. Алексеев, 8.01.82».

*Читатель может сам сравнить эти **формализованные** ответы с картиной, вырисовывающейся из «писем», «производственных дневников» и иных форм «протокола наблюдающего участия». (Декабрь 2000).*

5.4. Выход из «мертвой зоны». Процессы и события

[«Хроника 45 рабочих дней наладчика ПКР, или выход из “мертвой зоны” (1982)» писалась, в соответствии с замыслом «производственного бытописания», предложенным друзьям — «интеллигентам-рабочим» (см. выше). Некоторые из фрагментов озаглавлены специально для данной публикации. — А. А.]

Уходя в отпуск...

(Счет дням еще не пошел).

В последний рабочий день перед отпуском, 26.03.82, я отнес в партком завода заявление следующего содержания:

«В партком ЛЗПМ, секретарю парткома тов. Щекину от члена КПСС с 1961 г., наладчика т/о цеха З Алексеева А. Н.

С настоящим препровождаю Вам копию Предложений по совершенствованию инженерной подготовки обработки деталей на станке ПКР КО-120 и по ускоренному внедрению прогрессивной технологии штамповки листовых деталей на этом станке.

Начиная со второй половины 1981 г. соответствующие предложения высказывались мною устно. Ввиду безрезультатности устных обращений, были

изложены письменно и лично вручены главному технологу завода 3 марта 1982 г.

За истекший месяц никакой реакции не последовало.

С учетом неотложности поставленных здесь вопросов, особенно в свете решений ноябрьского (1981 г.) Пленума ЦК КПСС, прошу партийный комитет завода содействовать ускоренному рассмотрению настоящих предложений. А. Алексеев. 26.03.82

Вышел из отпуска

День первый. 19. 04. 82 (понедельник).

Это первый день после отпуска, длившегося три недели (включая три дня, положенные члену ДНД).

...Вышел из дому, как всегда, с первыми тактами утренней гимнастики по радио (6-15). У входа в метро хватился, что не взял с собой связку ключей (от шкафчика в гардеробе, от своего «кабинета» и от инструментальной кладовой). Пришлось вернуться. В итоге достиг заводской проходной на 10 мин. позже обычного. В это время уже следовало быть на рабочем месте.

Однако быть на месте вовремя в первый послеотпускной день практически невозможно. Начало смены теперь не в 7-20, а в 7-08 (так стало после отмены «черных суббот» в 1981 г., причем рабочий день был увеличен до 8 час. 12 мин.).

А бюро пропусков открывается в 7-00, как и прежде. Но именно там следует получить сданный на время отпуска свой постоянный заводской пропуск.

А процедура сдачи и получения обратно постоянного пропуска такова. Пока не сдашь своего пропуска перед отпуском — не выдают отпускных. Но ведь отпускные надо получить, пока еще работаешь. Поэтому на несколько предотпускных дней тебе выдают, вместо постоянного, разовый или временный пропуск, срок действия которого истекает в последний день работы. Во время отпуска ты на завод формально «не вхож».

Но вот ты вышел из отпуска. Чтобы получить обратно постоянный пропуск, предъявляешь свой паспорт, разовый пропуск (впрочем, уже недействительный) и... тут внимание! — справку заводского здравпункта, где написано, что ты прошел после отпуска медосмотр (и «кожных заболеваний не обнаружено»). Когда же ты успел пройти этот медосмотр? А тебе эту справку выдали еще **до отпуска**, в том же бюро пропусков! Справка, кстати сказать, датирована днем выхода из отпуска.

Теперь ты предъявляешь эту справку в бюро пропусков... Тебе возвращают постоянный пропуск и предлагают расписаться в получении его. Причем не где-нибудь, а **на обороте** этой самой справки. Получается, что справка выполняет роль своего рода «квитанции»: сдал пропуск — получи справку о фиктивном медосмотре; получил пропуск обратно — распишись на справке и отдай ее в бюро пропусков.

А что, очень даже остроумно! И бюро пропусков, и здравпункту завода, да и мне — без лишних хлопот.

...Появляюсь на своем рабочем месте с опозданием минут на 20. Что воспринимается как вполне естественное, в ситуации бывшего отпускника. <...>

«Ультиматум» отделу главного технолога

19.04.82 (понедельник) — продолжение.

Следующие 4 часа прошли в таком редкостном нагромождении мелких производственных неурядиц, что сам этот процесс можно квалифицировать почти как «событие», на фоне привычного безобразия. Все же чаще бывает, что

с каким-то техпроцессом не ладно что-нибудь одно, по-крупному. С «Ф-...» неладно, по мелочи, все! <...>

[Здесь опущено описание производственных неурядиц. — А. А.]

От Аллы П-ной узнаю, что пока никаких новых событий в связи с моим «ультиматумом» отделу главного технолога («Предложения по совершенствованию технологии и т. д.», от 3.03.82, копию которых я, в последний день перед отпуском, т. е. 26.03, передал также и в партком) не произошло.

Здесь необходим хотя бы минимальный экскурс в прошлое.

...Примерно за неделю до ухода в отпуск наладчиком ПКР была объявлена своеобразная, частичная забастовка. Она выразилась в демонстративном отказе от принявшего систематический характер «нелегального» выпуска на ПКР (по самодеятельной технологии) деталей, обработка которых на станке инженерно еще не подготовлена. (То есть нет соответствующей технической документации, не заказаны или неисправны шаблоны и т. д.)

«Партизанщина» эта (инициированная наладчиком больше года назад) поначалу служила целям моего личного самоутверждения, минимизации собственной «незанятости», демонстрации возможностей нового оборудования и т. д. Первым — бригадир Игорь В-в, а затем бригадир Анатолий С-ч осознали экономическую выгоду этого «почина» наладчика для своих бригад, поскольку те освобождались от множества трудоемких операций, а вся работа записывалась на бригадный счет.

Затем уже старший мастер участка Т-в стал использовать нашу «инициативу снизу» для решения проблем управленческого маневрирования и выполнения цеховой программы.

Вот эту-то партизанщину, которая за год уже успела потерять свой социально-инновационный смысл и стала превращаться для наладчика ПКР в рутинную и обременительную неписаную обязанность, для бригад — в «халяву», а для администрации — в способ «замазать» огрехи в подготовке производства, я и решил приостановить... пока ОГТ не даст ответ на мой «ультиматум»!

[Суть предложений наладчика ПКР отделу главного технолога станет ясна ниже. — А. А.]

Бригадиры восприняли мою «забастовку» без радости, но с пониманием. А старший мастер Т-в принялся ставить бригадиров в положение, вынуждающее их меня «уговаривать». <...>

В порядке исключения...

19. 04. 82 (понедельник) — окончание.

<...> Неделю я отказывался от всех партизанских заказов, понимая свою неуязвимость — и формальную, и моральную. Что касается моего ученика Сергея З-ва, то ему эти заказы были пока просто не по плечу.

С другой стороны, сам Серега заинтересован в «подкормке» своей бригады за счет ПКР, поскольку во второй и третий месяцы ученичества уже не весь его заработок идет «по среднему» (а как слесарь с 10-летним стажем он зарабатывает до 300 руб. — почти вдвое больше своего наставника, наладчика-повременщика), и он должен хотя бы частично оправдывать свою зарплату выпущенной на ПКР продукцией.

Тогда-то они с Сыцевичем, еще до отпуска, и «подъехали» ко мне насчет лицевой панели «Ф-...», которую я, в партизанском порядке, штамповал в прошлом году для бригады В-ва, а теперь эту панель передали С-чу. А она — «стОит» дорого...

Я обещал — после отпуска, в порядке исключения, только чтобы «сделать зарплату» З-ву.

И вот теперь старший мастер Т-в забрал у меня З-ва — «для нужд бригады». Ну, говорю З-ву, пусть тогда не ждут, что я буду делать эту нелегальную панель. В бригаде ты и сам себе зарплату заработаешь.

В середине дня Анатолий Сыцевич — ко мне, «на переговоры». (Тут же Сергей З-в.) «Требуют от нас панель, аварийно!». — «Ну, пусть тогда Сере-га помогает». — «Конечно, с завтрашнего дня он к Вам возвращается». <...>

Мой ученик Серега

День десятый. 29.04.82 (четверг).

[Перед этим одну неделю социолог-рабочий в цехе отсутствовал (бюллетень). На ПКР, без него, работал Сергей З-в. — А. А.]

<...> За эту неделю Серега справился не только с партизанской «Ф-...», но и еще с семью производственными партиями. Правда, из них шесть — самые примитивные (по одному ряду одинаковых пазиков в узкой полосе; на одной такой партии можно заработать всего-то рубль).

Говорит, что сложную лицевую панель отштамповал за два дня. Так сказать, с опережением намеченных мною сроков. Столько же времени мог бы затратить и я, выигрывая у Сереги в сноровке и быстроте как наладки, так и штамповочных операций, но «проигрывая» на подрегулировках, в интересах точности (без чего З-в, похоже, обходился, следуя нажиму «давай-давай», вполне созвучному его собственному недостатку компетентности).

Здесь стоит напомнить, что договор на обучение заключен на срок 3 мес., с 15.02 по 15.05. Он оформлялся задним числом (З-в фактически стал моим дублером с понедельника 22.02). До нашего одновременного ухода в отпуск я действительно занимался его обучением 5 недель (раза два Сергея отвлекали, но не будем мелочиться!). А после возвращения из отпуска 19.04 Серегу вернули на слесарные работы. И если бы не мой бюллетень, пятью неделями обучения, похоже, дело и ограничилось бы. Так же — получилось 6 недель.

Мое недельное отсутствие имело с точки зрения развития «драматической социологии» ряд плюсов, а также минусов, в конечном счете оборачивающихся плюсами.

1. З-в сам штамповал для бригады «партизанскую панель» (пусть с моим самодельным чертежом, по моему шаблону, при моем руководстве наладкой и т. п.). Так что я смог фактически не прекращать (даже условно) объявленную еще в марте частичную забастовку. «Забастовщик», так сказать, сумел подготовить себе «штрейкбрехера»...

2. Заодно мой ученик расчистил завал рутинных производственных заданий, накопившихся за время наших с ним отпусков. Я же использую теперь освободившееся время для куда более творческих занятий...

3. Все выпавшие Сереге обозначения уже проходили через ПКР в прошлом году. Стало быть, самые грубые ошибки в технологии были обнаружены и изъяты его наставником (мною) заранее. Таким образом, З-в имел возможность сдать свой первый, «негласный» производственный экзамен как бы в тепличных, очищенных от нормального безобразия условиях. При этом он почувствовал себя «на коне» (что психологически важно для него) и продемонстрировал эффективность его технического обучения (что психологически важно уже для меня).

4. Из минусов, которые оборачиваются в плюсы.

З-в продемонстрировал элементы «нормального» разгильдяйства, которые обошлись мне не слишком дорого, но дают формальный повод для полезной в любом случае смены тактики «воспитания ученика».

Вот, нахожу в станке гнездо с матрицей, но без пуансона. У меня такое исключено: матрица-пуансон в паре всегда неразлучны — хоть в станке, хоть в шкафу, хоть в кладовой. А он, видите ли, этим гнездом не пользовался... Где пуансон — не знает.

Не нахожу двух гаечных ключей из трех, по виду, одинаковых (10 на 12), в ящике для инструмента. Он-то не знает, что один из них специально распилен мною до нестандартного размера 13, а два действительно одинаковых — нужны для одновременного использования в определенном виде регулировки, с которым ему еще не приходилось иметь дело. Логика «оправдания»: зачем бы я стал терять то, что мне (т. е. ему) самому же нужно. Действительно, тот инструмент, без которого Серега в эту неделю не мог обойтись, — весь на месте.

(Не берегут того, чего не понимают. А уважать чужой «устав», как таковой, еще не воспитаны.)

И последнее. Завоевав безусловный кредит доверия у старшей кладовщицы Фаины, я давно беру из кладовой оснастку ПКР без «марок» (каждый рабочий имеет жетоны, с выдавленным на них своим рабочим номером, в обмен на которые ему выдают инструмент). У З-ва сломался маленький пуансончик на 1,5 мм, так он — взял первый попавшийся большего диаметра из моего запаса, да и переделал у заточника на меньший диаметр. Но я же эту оснастку «под честное слово» брал!..

В общем, влез Серега на смолистую сосну в чужих штанах.

Резюме. В июле меня, похоже, опять призовут на «военную переподготовку». К этому времени я весь пробивной инструмент, взятый в кладовой, туда верну. А Фаина З-ву без марочки ломаного гвоздя не выдаст.

Вот тогда моему ученику будет второй и главный экзамен — на работу в «нормальных», а не «тепличных» условиях. Когда рабочий расхлебывает все ошибки инженерных служб и последствия начальственной безответственности.
<...>

Информация движется по кругу

День одиннадцатый. 3.05.82 (понедельник).

Когда что-то не ладится, обычно совершаешь «лишние движения»: зачем-то двигаю шаблон, но получаю результат как раз обратный ожидаемому. (А это мастера «моего типа» нервнрует больше всего; я «люблю» искажения размеров, которых ожидал или которые могу объяснить.)

А тут еще «паломничества»... То спросят о чем-то или даже только папироску попросят, но (как это принято у всех между собой) обращаются раньше, чем закончен рабочий цикл производственной операции. И сбившись с ритма, ты влепляешь диаметр 11 на место 9...

То Алла П-на с ее очередными недоумениями. На этот раз она показывает служебную записку гл. технолога завода Л. С-ва в адрес начальника цеха (врио начальника) К-ва:

«...Для разработки Стандарта предприятия просим подтвердить освоение на ПКР КО-120 следующих операций:

- 1) Отрезка припуска на неперпендикулярность заготовок.
- 2) Фиксирование заготовки при пережиме листодержателей.
- 3) Разрезка заготовки на несколько деталей.
- 4) Вырубка угловых пазов...

Итак, информация «движется по кругу»: наладчик А. — гл. технолог С-в (см. «Предложения по совершенствованию технологии...», от 3.03) — нач. цеха 3 — нач. тех. бюро цеха К-на — технолог П-на — наладчик А. Оборот круга: 2 месяца (с 3.03 по 3.05), и то — при гальванизации функциональных служб завода обращением в партком.

Понимаю значимость момента. Как бы для себя, вникая, почти стенографически записываю на обрывке бумаги этот текст, пока П-на держит листок у меня перед глазами. (Руки в машинном масле...)

Алле не ясен 2-й пункт. Говорю, что мне он тоже не ясен: я такого не предлагал. Потом соображаю, что заставил-таки кого-то в ОГТ изучить Отраслевой стандарт. Ибо указан там и такой технологический прием; но он нам не нужен, в силу специфики номенклатуры. (Да и не выгоден рабочему: ведь платят за удары, а пережимаемы никак не учитываются.) А все остальное — как раз то, что и предлагалось мною.

Конечно — не освоено, говорю, поскольку не было таких техпроцессов. Пусть дадут (или Вы подготовьте, Алла!) пару пробных. Но даже для опробования нужно заказать специальную оснастку... Набрасываю на бумажке «методологию» выбора типоразмеров инструмента для отрезки и разрезки на ПКР.

А подробнее сейчас не могу, уж извините. У меня на станке «Ф-...» — «аварийно» (сверхсрочное задание). <...>

Технолог Алла

3.05.82 (продолжение).

<...> Можно подумать, что я гипнотизирую эту Аллу, чтобы она сначала чего-нибудь напутала, а потом показать ей ошибку. Иногда у нее прорывается страстное желание найти какую-нибудь погрешность в моих «актах». Она совсем пропала бы без этих актов, но они и страшат ее, как летопись теперь уже и ее собственных (а не только отдела главного технолога) ошибок.

Миролюбиво спрашиваю, писала ли она уже что-нибудь по запросу ОГТ. Да, черновичок есть... Показывает.

«Это так, это верно...». Но вот моя, предложенная утром, «методология» выбора типоразмеров инструмента, который нужно заказать, трансформировалась, в ее исполнении, в нечто довольно несуразное...

В таких случаях этот тип личности обижается: «Вы же сами мне так говорили!...». Чуть не ссоримся. «У Вас сегодня такое настроение...» — произносит Алла. (Уж не намекает ли на то, что сегодня, после праздников, ползавода «законно» опохмеляется?)

Говорю: мол, дело Ваше. Вы мне показали, я обратил Ваше внимание... Два плюсика, один вопрос, мягким карандашом на ее черновичке.

Сверхсрочную «Ф-...» я отштамповал. Ухожу в свой «кабинет».

Придумал сочинить специальную табличку, своего рода «методологию в действии», или методику, обеспечивающую в дальнейшем для технолога удобство расчетов, постоянство припусков, экономичность, технологичность и даже... эстетичность.

К концу дня кто-то скребется в дверь. «А я как раз для Вас стараюсь», — говорю Алле, как ни в чем не бывало. Она-то пришла то ли мириться, то ли уличить... А тут ей — подарок. Вот, смотрите...

Сергея 3-в понял бы эту техническую идею сходу. Рабочий воспринимает конструкцию и функциональное назначение синкретично, для него вообще не существует одно без другого. У женской части ИТР (а технологи — по преимуществу женщины) конструкция — отдельно, функция — отдельно,

инструкция — сама по себе. Если она уловила одно, то оно никак не соединится с другим...

— Я понимаю, Алла, Вам трудно, — говорю. — Но нам не следует ссориться. В том, что касается этого станка, я соображаю пока лучше Вас. И стараюсь уберечь Вас от ошибок, которые потом дорого обойдутся. Не только мне, но и Вам самой....

Когда не хватает собственных аргументов, она выбалтывает чужие:

— А в отделе (главного технолога) говорят: Вы должны бы брать чертеж и сами — все, от начала до конца, без технологии...

— Могу и так, но не за те же деньги. Пока что за это платят им, а не мне. И времени рабочему на это не отпущено. <...>

Виноват тот, кто «попался»...

День двенадцатый. 4.05.82 (вторник).

<...> Сергей 3-в фактически отлучен администрацией от вполне устраивавшего его ученичества на ПКР. Мол, слишком «жирно» ему будет — учиться и получать «по-среднему». Это Сереге обидно.

А тут еще выясняется, что в партизанской панели, которую он штамповал по моему шаблону, не хватает трех отверстий из полутора сотен. А панель уже прошла гибку (хорошо, что не окрашена!). И ее возвращают со сварки, где, кстати, тоже могли пропустить (а на сборке наверняка заметили бы, но было бы поздно исправлять...).

Отверстия эти не были предусмотрены в моем шаблоне. А в прошлогоднем самодельном чертеже (он же, «по совместительству», для меня и карта штамповки) два отверстия помечены без размеров, просто для памяти, что их не хватает, с восклицательным знаком.

Тогда я делал эту панель для бригады В-ва, и тот мне, видимо, сказал, что отверстий недостает; но важно другое — он устранил этот, простительный для моих первых партизанских опытов весны 1981 г., дефект до того, как выпустил изделие из бригады. А бригадир Сыцевич, с Серegiной панелью, «влип».

Ну, понятно, 3-в не проверял готовую деталь по чертежу так досконально, как это обычно делаю я. (Сделал бы и сейчас, пусть шаблон мой однажды уже побывал в деле...)

Как говорится, дареному коню (этому шаблону, который, собственно, и позволил 3-ву заработать бригаде 250 руб. за несколько дней) в зубы не смотрят. Но плохо, когда дареный конь сбрасывает седока на землю...

Серега расстроен. Но ему и наука. Когда работаешь **сам**, проверяй даже наставника. Что бы тебе — дырочки-то посчитать: в чертеже и в металле! Уберег бы я его бригаду от этого казуса, кабы не показалось мне неловким, неделю назад, задерживаться в цехе с бюллетенем в кармане и стоять у стажера-ученика над душой. А в первые свои партизанские месяцы (весна прошлого года) не было у меня еще привычки так все записывать, да и не думалось тогда, что придется на следующий год **ту же** партизанскую работу делать. (Шаблон и свой чертеж хранил я скорее для «архива».)

Однако, воспитанный (отчасти) общей социально-психологической атмосферой, не несу в себе чувства виноватости. Виноват, по социальным нормам производственной жизни, тот, кто «попался», а не тот, кто стоит у истоков ошибки.

Скажем, если бы я запустил хоть одну партию в брак по систематически недоброкачественной технологии ОГТ, виноват был бы я: «куда смотрел?».

А тут я сам, можно сказать, в роли технолога, но «попался» все-таки Серега. Кабы еще я не на бюллетене был — можно было бы и с меня спросить, как с наставника (и спросили бы наверняка!). Но тогда и брака этого не было бы... Я-то сейчас поумнее прошлогоднего Алексеева, не говоря уж о сегодняшнем З-ве. Заметил бы «недостачу» отверстий и исправил бы шаблон. Так или иначе, автор шаблона в данном случае у бригады — «вне критики», только удивляются, как же в прошлом году прошло. Теперь-то ясно, что Игорь В-в добавил дырочек в готовую панель настолько «втихую», что даже у меня это не отложилось в памяти. <...>

«Горб» у всех есть...

День тринадцатый. 5.95.82 (среда).

<...> Все же мой «ультиматум» отделу главного технолога и частичная забастовка дают поводы и для досады у слесарей.

В-в, которому поручено привязать к пробитым мною в «Ф-...» пазам — отверстия, не предусмотренные официальной технологией на ПКР: «Ну, ты нам заработать подбросил... Не мог сделать? Ты же делал все раньше сам».

— Я технологов год вырочал. Пора проучить.

— Так это ж на нашем горбу!..

— А что, разве только у тебя горб? У меня тоже есть.

Не комментирую этот разговор. За отношения наши с Игорем не тревожусь. Я у передового бригадира не в долгу. А уж «рабочей солидарности» он может у меня поучиться не меньше, чем я у него.

Вообще же, действует «психология очереди» (за пивом?): «Эй, кому там не долили, пусть не задерживает!».

Тревожная весть

День пятнадцатый. 7.05.82 (пятница).

<...> Сногшибательная «утка», принесенная сначала Аллой П-ной, а затем начальником ОТК Николаем Л-чем. **Событие!**

Будто бы удумал Александр С-к, бывший наш нач. цеха, недавно переведенный на должность зам. директора завода и нач. заводского филиала в Иван-городе (таков его путь в главные инженеры, вероятно) — перевезти мой ПКР туда.

Вообще, транспортировка оборудования из Ленинграда в Ивангород и обратно становится своего рода «хобби» заводских руководителей...

Перевозить за 120 км с таким трудом отлаженный станок — нелепость. По слухам, собираются приобрести для нашего цеха новый, более мощный и современный координатно-револьверный пресс... Но это когда еще будет!

Я, пожалуй, занялся бы и новым, но что они будут делать в промежутке? И кто соберет мой многострадальный ПКР в Ивангороде?

Конечно, станину со столом соединит кто угодно (хотя с моим станком в свое время и это забыли сделать!). Но для запуска и регулировки, в наших условиях, небось, опять понадобится какой-нибудь «варяг».

Впрочем, идея забавная... Если нельзя отставить наладчика от станка, то почему бы не отставить станок от наладчика? <...>.

Можно ли пробивать 3-мм листы?

День семнадцатый. 11.05.82 (вторник).

<...> Раньше я сиживал на простое, когда **нет** работы. Теперь работа **есть**, но не подготовлена инженерными службами; и вот я сижу. Бригадир с партизанскими заказами обращаться ко мне перестали. Привыкли без «кормушки», как раньше привыкли к ней.

Я бы и не прочь попартизанить для бригад, но немедленно набегут «нахлебники» (мастер, технологи), требуя неофициального выпуска деталей, якобы обеспеченных официальными техпроцессами. Использую высвободившееся время для нелегальной технологической деятельности. ...Зная, что на ПКР собираются запустить штамповку листовых деталей толщиной 3 мм (что, вообще говоря, техническим паспортом не предусмотрено), предложил вчера Алле П-ной самой посчитать, насколько это допустимо, не доверяясь слепо ОГТ. Но надежда на нее слабая.

Сунулся было в «Справочник по холодной штамповке» В.П. Романовского (кажется, когда-то с известным инженером Романовским сотрудничала инженер В.П. Пузанова, моя мать), но там столько «лишнего», что трудно найти нужное. Вполне достаточно ленинградской книжечки 1960 г. из серии «В помощь молодым рабочим» Д. Вайнтрауба (еще два года назад брал ее в районной библиотеке). Нахожу там формулу расчета усилия пресса, в зависимости от периметра пробиваемого отверстия, толщины заготовки и удельного сопротивления материала. Знал я о существовании этой формулы, но никогда не пользовался — не было нужды. Теперь вот понадобилось. <...>

[Здесь опущены расчеты по упомянутой формуле. — А. А.]

Вспоминаю, что Наталья К-ва говорила, что, по ее расчетам, можно пробивать в «тройке» отверстия диаметром 22 (приняв предельное усилие пресса, на всякий случай, не 10, а 8 тонн). Ну, это смотря какая марка стали... Подставляя в формулу готовый ответ, определяю, что она, видимо, брала для грубого расчета «среднюю» по твердости (ходовую у нас) марку стали, с удельным сопротивлением 40 кг/кв. мм.

Дальше, высчитываю, какие же предельные диаметры отверстий или периметры пазов можно пробивать, при таком допущении, в листах меньшей толщины, например 2 мм. Оказывается, диаметром не более 33. И так далее. То есть вреда станку и инструменту от пробивки отверстия диаметром 22 в 3-мм заготовке будет не больше, чем от пробивки диаметра 33 в «двойке».

(Примитивизм этого расчета и всего рассуждения очевиден, но мне важно определить в принципе правомерность выхода за ограничение, выгравированное на этикетке моего ПКР КО-120: допустимая пробивка стали — 2 мм.)

Но если пробивать не только 1 или 1,5, а также 2,5 и 3 мм, так можно же на ПКР перевести еще большее количество обозначений! Загрузка возрастет, а это-то мне и нужно. В данном вопросе мы с «деловой женщиной» (Натальей К-вой) — союзники. Вообще, похоже, она не чета некоторым своим подчиненным. <...> Что ж, можно составить очередную **инструкцию** для Аллы (*здесь опущена*. - А. А.):

Это, повторяю, для ходовой марки стали. (Если сталь более твердая, то требования, понятно, ужесточаются.)

Рисую все это на краевой перфокарте, чтобы не затерялось у Аллы среди других бумажек. Пусть держит у себя на столе, под стеклом, для ориентировки, при проектировании очередных техпроцессов.

(Совпадение расчетов «деловой женщины» и наладчика ставит этот кустарный «стандарт» вне подозрений насчет надежности.) <...>

Социалистическое обязательство

11.05.82 — продолжение.

<...> Стучится в «кабинет» старший мастер Т-в. Не за мной. Принес художнику ватман с соц. обязательством участка за прошлый месяц (писано фломастером на этом ватмане, красиво, тем же художником Володей) и новое — на май (писано собственноручно ст. мастером, на клочке бумаги).

Только что, в обед, происходило 5-минутное собрание участка, с принятием обязательства. Это у нас хорошо налажено...

Заглядываю Володе через плечо. Вот прошлое обязательство (на апрель): Руководствуясь решением XXVI съезда КПСС, Постановлением ЦК КПСС на выполнение (*так!* — А. А.) основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг., коллектив участка № 1 берет на себя следующее обязательство:

1. Выполнить план по товарной продукции на 100,1%.
2. Закончить мех. обработку деталей по машине <...>.
3. Закончить обработку деталей по хлебоукладочному агрегату.
4. Сдавать продукцию в ОТК с 1-го предъявления не менее 98,6%.
5. Не иметь не выполняющих личных заданий.
6. Продолжать борьбу за высокую культуру на производстве.

В нынешнем (на май) обязательстве преамбула отсутствует. Да Володя и сам ее переписет (включая «постановление на выполнение») из апрельского плаката. А все остальные пункты повторяются **дословно** (кроме пункта 3, который был специфичен для апреля, да во 2-м изменилось наименование машины).

Мог бы старший мастер и не стараться - не писать от руки остальные пункты. Художник и их бы срисовал, с апрельского ватмана, без шпаргалки.

...Очередное объявление о лекции: «Религия и религиозное течение». (Как услышал художник по внутреннему телефону, так и написал; а может, так ему продиктовали). А вот еще стенд, висящий уже два года на лестничной площадке: «График дежурств членами ДНД». Не случайные оговорочки! <...>

Шедевры друзей

День восемнадцатый. 12.05.82 (среда).

<...> До обеда Алла П-на, которая уже второй день «решает вопрос» насчет требующих рихтовки заготовок «Ф-...» (видно, пока не «аварийно»!), никак не обнаружила своего существования.

Я же - зачитался обзором экспертных интервью с главными режиссерами ленинградских драматических театров, написанных Юрой Б-ем [*Ю. М. Барбой. - А. А.]* по программе «Театр вчера, сегодня, завтра»

Потом погрузился в рукопись статьи о структуре трудовой мотивации (исследование по программе «Человек и его работа»), написанной даже, как оказалось потом, не Ленией К-ном [*Л. Е. Кесельман. - А. А.]*, а его способной ученицей.

И лишний раз убедился, что - «удивительное рядом». Ибо еще ни разу мне не выпадало в течение **одного** дня прочитать сразу два разных **шедевра**, принадлежащих перу близких друзей (или даже их «учеников»).

(Мне не написать было бы - ни того, ни другого. Но иногда нескромно кажется, что до нашего знакомства и они тоже **так** не писали.) <...>

«Деловая женщина»

12.05.82 - продолжение.

Если бы эта «хроника» претендовала быть литературным произведением, соответствующую главу можно было бы назвать: «Приручение (или укрощение?) деловой женщины».

Несколько дней назад Алла П-на показала мне теперь уже официальную карту штамповки на ту самую «дорогую» панель «Ф-...», которую в апреле выпускал по моему шаблону Сергей З-в. Я посмотрел бегло, сказал, что есть ошибки, и существенные, а пересчитывать 150 отверстий не стал (не было тогда свободной пары часов).

Деталь очень сложная, размеры — от 3 баз, позиций для удара — свыше 150... Алла просто перепасовала этот техпроцесс обратно в ОГТ, зная, что вряд ли наладчик сказал зря.

А что делать «деловой женщине» Наталье К-вой? Спросила разработчика — Лидию Б-ву (кстати, висящую на доске почета в ОГТ). Та говорит: это старый техпроцесс, еще 1979 г., но я, мол, тут все пересчитала и исправила. И новый шаблон, по ее заказу, уже изготовлен.

Как «деловой женщине» проверить свою подчиненную? Только затратить те же два часа на расчеты (в лучшем случае). Да, может, и в самом деле — там все в порядке? Но цех-то вернул...

Пришлось Наталье самой идти к «неудобному наладчику». «Ну если шаблон уже изготовлен, давайте его посмотрим, в металле виднее будет», — говорю.

Находим шаблон в кладовой. Поскольку деталь-то мне знакома, замечаю сразу, что в новом шаблоне часть пазов смещена на целый миллиметр, как и в старом, давно забракованном, ориентировка на который чуть не стоила мне в прошлом году массового брака, да вовремя спохватился (первая моя партизанская работа, еще слаба была бдительность!).

Предлагаю «деловой женщине» проверить этот паз в новой карте штамповки. Она долго считает, не веря глазам, — действительно, новый шаблон повторяет ошибки старого.

— Так мне же Б-ва сказала, что все пересчитала...

— Она Вам сказала неправду, — замечаю мягко. — А вот и металл, вот штангенциркуль, да и так заметно... Это исправить нельзя, весь шаблон — брак, потому что сделан по карте штамповки, **переписанной** со старой, ошибочной, а вовсе не пересчитано заново.

— Так, может, есть и еще ошибки...

— Вполне вероятно. Одна мне бросилась сразу в глаза, а дальше я не стал проверять, ясно, что надо переделывать.

Возвращаемся в «кабинет» наладчика. Заодно делюсь результатами своих расчетов предельных периметров пробивки для разных толщин стального листа (см. выше). Показываю последние акты производственных испытаний, которые, похоже, осели в цехе, у Аллы П-ной, и до ОГТ не дошли.

Наталья К-ва спрашивает, нельзя ли передавать эти акты ей непосредственно.

Отвечаю, что в цеховое тех. бюро я отдаю в 2-х экз., так что она может забрать у них копии.

«Деловая женщина» уже готова к равноправному диалогу. Прежней спеси нет. Слишком впечатляющ урок, полученный обзорением всего моего «архива», не говоря уж о злополучном шаблоне, который мы обследовали в кладовой.

И она принимает нетривиальное решение: не соглашусь ли я проверить **в кальках** (т. е. до официального запуска) 20 новых, уже в этом году спроектированных в ее группе, техпроцессов? Соглашаюсь, оговорив, что сроки выполнения этой работы зависят от того, как я буду загружен у станка.

Сопровождаю «деловую женщину» в ОГТ, беру у нее папку с кальками. В цеховом подручном архиве заказываю чертежи, с которыми предстоит сверять карты штамповки.

До сих пор я занимался этими ревизиями «подпольно», теперь — получил официальный заказ на «превентивную цензуру» кАлек ОГТ. <...>

А. АЛЕКСЕЕВ. ВЫХОД ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ. ОКОНЧАНИЕ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 13.03.2016

Из цикла статей «Драматическая социология и наблюдающее участие» (12).

Из главы 5 книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»:

ВЫХОД ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ

(Окончание)

<...>

Опасные перемещения

День двадцать первый. 17.05.82 (понедельник).

<...> **Событие.** В субботу (без меня) на нашем участке орудовали стропали из РМЦ. Вывесили на телях тяжеленную гибочную машину (тонны эдак на три), потом уронили (в полутора метрах от ПКР; вот еще почему мой ученик Серега так мало успел отштамповать...). Сидевший поблизости за сверловкой бригадир Анатолий Сыцевич еле отскочил. В бетонном полу — вмятина.

Машину эту привезли к нам в цех года два назад, и, помнится, целую неделю она громоздилась в 20 см от моего станка (так что было не подойти), пока не отодвинули метра на полтора. Стоило задеть тогда, хоть чуть-чуть, выступающую на полметра траверзу ПКР («генеральную линейку») — и пропадай мой полугодовой капитальный ремонт 1980 г.!

Нынче слесарь-ремонтник и пред. цехкома Керим К-в, который всегда участвует в подобных рискованных операциях, мне говорит:

— Твой ПКР позавчера чуть не угробили.

— Задели?

— Нет.

— Ну-ну...

Агрегат этот (новый гибочный пресс, отечественного производства) два года простоял в цехе, так и не задействованный. И вот теперь его отправляют в Ивангород... А на его место переставили старую гибочную машину, размещавшуюся раньше чуть поодаль. На месте же этой последней установят еще более новый (чем отправленный в Ивангород) гибочный пресс, импортный. Он уже вторую неделю сверкает лаком и хромом (пока еще сверкает!) во дворе, у ворот нашего цеха.

Ну, во дворе и по полгода новые станки выдерживались (за спиной у «бетонной женщины», памятника Матери-родине, перед которой обычно проводятся заводские митинги). «Не все сразу», как любят у нас говорить. <...>

Новый начальник цеха (1)

17.05.82 — продолжение.

Недавно наш прежний начальник цеха Александр С-к ушел на повышение.

Новый — Анатолий Д-н — входит «в курс дела». Впечатление о нем противоречивое. Проходя мимо моего станка, спросил: «Ну, как Ваш

координатно-расточной пресс?» (Для производственника это словосочетание равносильно «развесистой клюкве».) С другой стороны, не заносчив, как его предшественник.

Кто-то, видно, ему сказал, что наладчиком ПКР в цехе работает кандидат наук. Решил со мной поближе познакомиться. Вызывать к себе не стал, а навестил меня в моем «кабинете». Начальник пришел не один, а с замом — К-вым. По ходу разговора выясняется, что я, хоть и кандидат наук, но не технических. Каких же? Философских. Тут новый начальник (небось и раньше об этом знал!..) зажигается насчет моего «общественного использования». Он, видите ли, теперь на меня **сядет верхом**. Считайте, что Вы не сели верхом, а только **глаз положили**, замечаю сдержанно.

Следует поток общих, пустых слов (похоже, комсомольский работник в прошлом). Из этих слов для меня вырисовывается перспектива чего-то вроде руководителя кружка политпросвещения. Только этого не хватало! Перехожу в контратаку.

Знаете, говорю, давайте лучше обсудим ситуацию с ПКР. И пересказываю ему, тезисно, свое выступление на декабрьском партсобрании.

Потом (тоже тезисно) — свои «Предложения...», адресованные главному технологу. Несколько месяцев уже не дождусь ответа... «Может, Вы поинтересуетесь?» — спрашиваю.

Но начальника цеха разговор на производственные темы как-то не увлекает. Он все больше — о «лекциях, беседах и политинформациях»... Так и не нашли мы с ним взаимопонимания. Хоть и очень любезно друг с другом поговорили.

Слава богу, его спутник вспоминает, что пора им на диспетчерскую. Уходят. Художник Володя поднимает голову от своего плаката и хохочет.

Я возвращаюсь к прерванной проверке карты штамповки очередного техпроцесса, полученного из ОГТ. <...>

Ремарка: сквозные сюжеты.

Далее последовал такой наплыв — и «процессов», и «событий», что автор не успевает вести подневные записи, а накапливает «сквозные» сюжеты, с тем чтобы, уже без привязки к конкретному дню, составить из них описание целой недели.

Ниже — некоторые эпизоды второй половины мая 1982 г. (Сентябрь 1999).

С учеником в тандеме...

<...> В своем качестве лояльного и сознательного «забастовщика», я заранее подготовил себе «штрейкбрехера»...

В понедельник и вторник (17.05 и 18.05) Сергей 3-в штамповал партизанскую «Ф...», по моему шаблону и с моим эскизом. Если в первый день у него то и дело возникали вопросы, то во второй он сумел обойтись практически без моих консультаций.

Затем Серега вошел во вкус партизанщины... Я показал ему, как рассчитывать карты штамповки. Теперь, получив задание от бригадира, Серега сначала прикидывает, нельзя ли это быстрее сделать на ПКР, потом делится идеей с наставником, получает благословение и производит необходимые расчеты на клочке бумаги (который затем обычно выбрасывает).

В его самодельных техпроцессах (правда, пока для примитивных деталей!) нет ошибок, в отличие от официальной технологической документации.

Тогда мы стали работать на ПКР — **по очереди**. Кончил я штамповать официальную деталь — у него уже готов шаблон для своей партизанской. Он

штампует — я занимаюсь теперь уже «легальной» проверкой техпроцессов Лидии Б-вой и Софьи Ш-вой [технологи из ОГТ. — А. А.].

Нач. тех. бюро цеха Людмила К-на поначалу отнеслась к Серегинной партизанщине так же ревниво, как когда-то к моей. Сергей рассказывал, как К-на «понесла» его за то, что будто бы «испортил» фирменный шаблон своими дополнительными дырочками. (Шаблон-то у него был 3-мм толщины, как и официальные, не отличишь.)

«Неправда, — говорит Серега, — это **мой собственный** шаблон. Что хочу, то с ним и делаю!»

Неделю спустя Алла П-на показывает мне чертеж «Ф-...» и говорит, что К-на велела ей рассчитать для ПКР. Вроде, Вы это уже делали, так вот — влезет по «мертвой зоне», если за базу X взять широкое основание? Или придется ставить «на попа»?

Говорю, что эту деталь я не штамповал, но почему же так знакома?.. Определяю, наконец, что это та, для которой шаблон изготавливали уже Серега.

«Ставьте на попа, — говорю Алле, — только не забудьте пригласить Сергея 3-ва в соавторы-рационализаторы».

Итак, обучение можно считать законченным. Мой ученик встал на голову выше своих будущих экзаменаторов. <...>

Переполох вокруг шаблонов

В позапрошлый вторник (18 мая), дождавшись, пока Сергей 3-в закончит партизанскую панель, я было приступил к изготовлению шаблонов. Нач. тех. бюро К-на и мастер инструментальной группы В-в вручили мне новую карту штамповки «Ф-...» и 3-мм лист для стандартного (фирменного!) шаблона. Все правильно! Один из эффектов моей «забастовки» и «ультиматума» отделу главного технолога...

Ст. мастер Т-в осведомляется, сколько для этого понадобится времени. Шаблон сложный, до сотни позиций, инструментальщики с таким всяко провозились бы смену. Говорю, что попробую справиться за день.

До сих пор мои «временки», изготовленные из обычных заготовок, проверялись только в практике изготовления по ним производственных деталей. И я за них не волновался, зная, что взаимосвязь отверстий с точностью до 0,1 мм станком обеспечивается, а расстояния от базы, если и уклонятся, то для всех отверстий одинаково.

Тут — другое дело. Официальный шаблон подлежит маркировке, приемке в инструментальной группе. Такой шаблон — сам по себе **продукция** куда более высокого класса точности, чем производственные детали.

Допуска в шаблонах, требуемые от инструментального цеха, плюс-минус 0,05.

Правда, они из этого допуска систематически выходят, и ОГТ разрешает «пропустить». Я гарантирую плюс-минус 0,1, и для подавляющего большинства случаев этого достаточно. Но уж свою «десятку» я должен обеспечить.

...И тут оказывается, что станок, работающий почти «в нулях» для 1–2-мм заготовок, на более толстых — 3-мм — такой точности не дает. Для меня — неприятная неожиданность, оправдываемая разве что тем, что с 3-мм толщиной раньше никогда не имел дела.

Бьюсь полтора дня с пробами и подрегулировками, пока не вынужден отказаться (пока!) от изготовления шаблона «Ф-...» — до окончательного выяснения причин, на что мне потребуется время.

Сейчас не буду входить в технические подробности. А социальный смысл ситуации в том, что ОГТ и инструментальный цех, наконец, обрадовались

«сбагрить» изготовление шаблонов на наладчика ПКР, а тут-то и заминка вышла.

По счастью, формально упрекнуть меня не в чем: надо было **сначала** пробовать, а **потом** принимать решение, даже если оно подсказано наладчиком.

Всем вдруг понадобился паспорт станка, где записано про изготовление шаблонов на ПКР. Мастер инструментальной группы В-в в тревоге, поскольку на него уже вроде «вешают» изготовление **всех** шаблонов...

Шаблон для «Ф-...», который нужен уже «аварийно», решают сделать на цеховом координатно-расточном станке. Но к расточнику попадает чертеж с неотчетливо исправленным кем-то из технологов размером. Его шаблон оказывается негодным, и переполох усугубляется.

Мне же остается только выговорить себе право — когда возникнет производственное «окно» — разобрать пантограф и дать окончательный диагноз и прогноз.

Похоже, мне не следовало «напрашиваться» на изготовление фирменных шаблонов. Все-таки это работа инструментальщиков, а не наладчика. Хотя бы иные мои «временки» и были понадежнее, чем те, что поступают из инструментального цеха. <...>

Ремарка: социолог-ремонтник.

Два месяца спустя социологу-рабочему удалось-таки настоять на ремонте станка, направленном, среди прочего, на решение этой проблемы.

Однако ремонт не был доведен до конца, и от изготовления «фирменных» шаблонов на ПКР пришлось окончательно отказаться. (Сентябрь 1999).

Механизм производственного взаимодействия

<...> «Ф-...» — относительно простая деталь, отработанная мною в четверг на прошлой неделе (20 мая). 45 штук, меньше 3 коп. за штуку, всего-то 2 руб. с чем-то (для сдельщика). Формально ситуация этого «процесса» была отражена в акте производственных испытаний от 21.05. А по сути было следующее.

ОКБ проектирует машины фотонабора, и если что плохо проектирует, то об этом судить не нам, а потребителям. Но конструкторский чертеж — закон. И надо сказать, я пока ни разу не обнаруживал в конструкторских чертежах внутренней несогласованности, скажем отверстия, которое забыли к чему-либо привязать и т. п. Может быть, это происходит оттого, что я имею дело с чертежами деталей, давно идущих в серии. Судя по изобилию исправлений в этих чертежах, ошибаются у нас и конструкторы.

Конструкторы все рисуют формально правильно, а по существу — издевательство над технологами и производственниками. Их чертежи, как правило, игнорируют интересы технологии.

(От отца с матерью — оба были инженерами-технологами — я в детстве не раз слышал выражение: «технологичная» или «нетехнологичная» конструкция, т. е. учитывающая интересы тех, кому предстоит изготавливать машину, или нет.)

Технологи переводят чертеж какой-нибудь коробки в эскиз развертки, вычисляют размеры от края развертки там, где у конструкторов — от сгиба, соображают, где сверлить, где растачивать, где фрезеровать, где поэлементная штамповка, а где и мой координатный пресс. Они же выдают задания на необходимую оснастку уже другим, «подчиненным» себе конструкторам оснастки (так же, как сами технологи «подчинены» конструкторам машин).

Но при этом они (технологи) совершают ошибки в расчетах, в выборе оборудования и оснастки, в технологичности и экономичности, так что в итоге получается уже не то, чего хотели конструктора.

Изготовители оснастки наращивают к этому свой брак: инструмент не соответствует требованиям технологов, которые не соответствуют требованиям конструкторов. И я получаю, например, шаблон с отклонением от требуемого 0,15, когда надо 0,05.

Производственный, пользующийся этим инструментом и этой технологией, добавляет сюда и **своего** брака (неписанные допуски в интересах производительности труда и выполнения программы), но именно он (производственный) является тем звеном цепи, которое должно удовлетворять требованиям конструкторов, которые (требования) являются заведомо **завышенными**, поскольку они — с поправкой на предполагаемый брак всех остальных!), так что и удовлетворять их вроде бы незачем.

Ну, возможно, требования конструкторов более или менее соответствуют запросам требовательного потребителя, но ведь и он не взыскателен, стало быть — дело движется.

Таков общий механизм взаимодействия основных производственных звеньев. Но тут включается и социальная игра: с кого спросить — **в случае чего?** А это зависит уже от фактического распределения влияний и авторитетов...

Брак «в воспитательных целях»

...Продолжу предыдущее рассуждение.

В описанной ситуации производственного взаимодействия наладчик ПКР видит свою задачу в том, чтобы спросить с реального виновника там, где иначе оказался бы сам соучастником (брака).

Отсюда — брак в воспитательных целях: не страшный, ибо система все равно его списывает, но брак **адресованный**, ибо при этом выясняется — откуда же он, этот брак, взялся.

(Неприемлемым для меня и аморальным было бы «преднамеренное» воспроизведение всех технологических ошибок в производственных партиях. Но я пока ни одной нетерпимой, с точки зрения сборщиков, ошибки технологов не довел до металла.)

«Ф-...» имела шаблон ..., с отклонением на взаимосвязь отверстий до 0,2 (когда можно 0,05). Я имею право **удвоить** ошибку шаблона в производственной детали. Она и удвоилась (0,4). Далее, имеем заготовку на пределе допуска на неперпендикулярность (0,3), который суммируется с предыдущими отклонениями. Теперь, что может сделать рабочий-штамповщик?

а) Вообще ни за чем не следить, зная, что даже и 0,7 (0,2 + 0,2 + 0,3) «сойдет».

б) Подобрал заготовки, дополнительно подладившись под этот брак изготовителей шаблона и разработчиков технологии (последние разрешили допуск неперпендикулярности 0,3, а надо было бы здесь 0,2), «располовинив» допуск (в верхней части заготовки в плюс, а в нижней — в минус, или наоборот, смотря как ляжет), — «выкроить» точность 0,4 или даже 0,3.

в) Сделать так, чтобы отклонение было строго 0,7 — не больше (ибо тогда уже мой брак!) и не меньше (ибо тогда укрывается брак чужой!) и — предъявить эту пробную деталь в ОТК.

(К сожалению, у меня нет сейчас под рукой этого техпроцесса и я выстраиваю, кажется, впервые за всю эту хронику, чуточку условную, имея в виду числовые значения и набор факторов, — модель. Но суть **поступка** именно та.)

Вариант (в) имел следующую драматургию. Делаю первую деталь и иду к старшему мастеру: шаблон не в порядке, деталь, **кажется**, не в допуске, можно ли сказать от Вашего имени, чтобы Ваня С-в, контролер-инструментальщик, проверил. — «Конечно!».

Ваня любит все имеющее отношение ко мне проверять при моем участии. Но я, на этот раз, уклоняюсь. Смотри сам. Покуриваю.

Находит Иван Александрович мои 0,7 там, где можно только 0,4 или 0,5 (не помню). Он меряет средствами более изощренными, чем мой штангель. Но тут и простой линейки хватило бы...

— Ну, так что тебе надо?

— Что есть, то и надо.

— Вообще-то сойдет...

— А на фига мне, чтоб сошло. Я тебе принес, ты мне ответь. Пошел Ваня в ОТК, в таблицу посмотреть, какой допуск разрешается на свободный размер 65,5. Конечно же, не 0,7, а меньше.

— Так и писать?

— Пиши.

— Так я тебе и печать поставлю...

— Вот-вот. Пускай шаблон заменят.

Ваня пишет акт (не я!). И у него, в отличие от меня, есть штампик ОТК. Несу его «цидульку» с «печатью» ст. мастеру: «Вот!..».

Старший мастер **вынужден** идти к нач. тех. бюро. Та **вынуждена** звонить в ОГТ. Те **вынуждены** звонить в ОКБ. Те **вынуждены** сказать: «На этот раз, ладно...». Нач. тех. бюро К-на с легким сердцем приходит и говорит: «Рубите!» (т. е. штампуйте).

Я невозмутимо включаю станок. Ничего в нем не подрегулирую, не изошряюсь в минимизации отклонения. Я — в «разрешенном браке».

Кушайте ваши 0,7 отклонения! **В другой раз** (и то, может быть, после нескольких таких случаев) позаботитесь, чтобы было не больше 0,4. Если конструкторам это и **в самом деле** надо.

Может быть, я иезуитствую? Или, того хуже, перестраховываюсь? Нет.

Брак «в воспитательных целях» (продолжение)

...Несколькими днями раньше через ПКР проходила «Ф-...» (эта ситуация отражена **в том же акте** производственных испытаний от 21.05).

Там тоже был не в порядке шаблон. Но чуть поменьше в шаблоне отклонение...

И я написал в акте: «...Шаблон ... выполнен с отклонением в координатах фиксирующих отверстий до 0,15. В детали эти отклонения воспроизводятся, однако из допусков, заданных в чертеже детали, не выходят».

Не вышли в первой паре деталей, случайно. А в следующих вышли, согласно законам статистики. И в ОТК, уже после гравировки и еще каких-то чистовых операций, попала вышедшая из допуска готовая деталь. Констатировали. Но — «не смертельно». Технологи сказали, а мне нет.

А та (Алла П-на), уже позднее, является ко мне с моим же актом, где написано: «из допуска не выходит».

«Чего же мне сразу не сказали?» — спрашиваю. — «Ах, забыли». — «Вот видите, — говорю Алле, — к чему приводит мой **либерализм** (это я-то либерал!)». Теперь понятно, зачем нужен не стихийный, а **сознательный брак**? <...>

Статистический метод контроля качества

<...> В конце концов, я — пока — повременщик. И могу себе позволить только выполнять норму, а не перевыполнять ее.

А когда я говорю мастеру: «Сделаю завтра к обеду», то всегда знаю, что **мог бы** (в ущерб качеству!) сделать и сегодня, к концу дня.

История с 3-мм шаблонами меня встревожила. Прошли те времена, когда мне хотелось делать всякую деталь в нулях. Но в своей «десятке» (допуск плюс-

минус 0,1; а согласно техническим условиям станка допустимо и плюс-минус 0,2) — я хотел бы быть уверен.

Так, на партизанской детали «Ф-...», где, следуя излюбленной присказке бригадира Игоря В-ва «Не бери в голову!», я мог бы ни о чем не беспокоиться, я затеял обмеривать (по контрольным размерам от баз) **каждую пятую** деталь. Это было после «классической» (по всем правилам!) регулировки параллельности траверзы установочной планке, что я, в педагогических целях, заставил делать Сергея З-ва в прошлый четверг (20 мая), предварительно полностью отпустив подшипники, так что ему уже ничего не оставалось, как сделать все самому от начала до конца.

Это была первая такая кардинальная регулировка геометрической системы после 1980 г., и как он с ней управился — я не поправлял, считал удовлетворительным. А Серега, похоже, перезатянул подшипники, так что держатель одного из них (правда, подсобного) чуть не отвалился впоследствии... Так вот, посмотрим, что происходит со станком и с деталями в этой «стрессовой» ситуации.

Шаблончик попался «не ах», тут еще могли накладываться и его искажения. В общем, удалось установить, что параллельность траверзы установочной планке стола — пляшет, пляшут и размеры в детали, но терпимо, на краю допуска. Тогда я попробовал после каждой пятой детали устраивать подрегулировку, а затем — фиксировать изменения тех же самых показателей параллельности (измерения производятся с помощью индикатора на магнитной стойке), без подрегулировки.

На другой детали («Ф-...») я еще усовершенствовал эту систему слежения: придумал алгоритм контроля и записей.

...Вот теперь дайте наладчику пару дней, чтобы некоторые узлы станка разобрать и собрать обратно, и, пожалуй, можно будет проверять не каждую десятую, а только каждую двадцатую деталь. <...>

Приглашение в бригаду. Конец «забастовки»

<...> Я второй месяц «бастую», а Серега З-в гонит партизанщину для бригады Анатолия С-ча. Обидно же — бригадиру Игорю В-ву... Игорь мне это огорчение выкладывает (вторник, 18 мая).

Тут он заводит речь о моем вступлении в его бригаду, ибо идти в бригаду Сыцевича (как того хотел бывший начальник цеха С-к), при наличии там Сереги, теперь уже незачем. Тогда бы З-в партизанил для С-ча, а я — для В-ва... Справедливо!

Повод, как всегда у Игоря, самый конкретный: вот эту «Ф-...» я делал для его бригады нелегально, еще в прошлом году. Есть и шаблон...

И тут я... прекращаю «забастовку»! Ибо главные цели ее уже достигнуты.

Администрация больше на шею не сядет, поскольку «проучена». ОГТ сам напросился на ревизию своих калек. А бригаду В-ва — зачем же «наказывать»?.. «А сколько платить будешь?» — спрашиваю. — «Дневное задание — 8 руб. «... Так, плюс прогрессивка... То есть на уровне 250–260 руб. в месяц. «Есть о чем подумать, — говорю. — Дай мне закончить ревизию техпроцессов ОГТ, и в добрый час! А эту твою «Ф-...», конечно, отштампую. И еще давай, чего понадобится...».

Мы разговаривали долго и взаимозаинтересованно. Жаль, что большинство моих прошлогодних партизанских заделов ныне попали в другую бригаду.

...За эти две недели успел, между делом, выполнить пару нелегальных заказов для бригады В-ва, и еще на очереди несколько. Один раз Игорь сумел даже

договориться с мастером, чтобы партизанскую партию пропустить раньше официального задания (в интересах программы, для которой они равноценны). Вернувшись к партизанщине, я сохранил ту завоеванную позицию, что всякая работа «не по правилам» для административно переведенных на ПКР обозначений исключена. Последовательная стратегия реализуется всегда за счет смены тактик.

Прекращение «забастовки», как мне кажется, было столь же **своевременным**, как и ее объявление (два месяца назад). <...>

Изобличение секретаря партбюро ИСЭП

<...> Дело было 19 мая, в среду. В парткоме завода побывал мой давний знакомый, новосибирский социолог, а ныне — столичный публицист Александр Радов. С моего согласия, он, преследуя свои журналистские цели, среди прочего, поинтересовался и персоной наладчика-социолога.

Удовлетворив все его просьбы, секретарь парткома Щекин (в прошлом — главный технолог завода) «не рекомендовал» Радову встречаться с А. Дело в том, что о нем (А.) секретаря парткома недавно информировал «в негативном плане» секретарь партбюро ИСЭП В. В. Максимов.

В. Максимов привозил ему (Щекину) для ознакомления отчеты ст. научного сотрудника-совместителя ИСЭПа. Правда, там не упоминается конкретный завод... Но отчеты показались Щекину какими-то странными. «Попахивает идеализмом», — сказал журналисту секретарь парткома (возможно, вспомнив курс диамата, по которому сдавал экзамен в техническом вузе).

Вот и от общественной нагрузки политинформатора Алексеев уклонился... (Эти сведения могли поступить от секретаря партбюро цеха Новикова.) И в бригаду он не захотел вступить (это, вероятно, с подачи бывшего нач. цеха Соловейчика)

...

Тут является в партком бригадир-орденоносец Игорь В-в, с которым также пожелал встретиться Радов. Застает конец этого разговора. «А у меня с А. отличные отношения,» — говорит Игорь (с которым мы как раз накануне разговаривали о вступлении в его бригаду). И своей репликой в некотором смысле дезавуирует мнение партийного начальника.

Саша Радов не настаивает на встрече с рабочим-социологом. В сложившейся ситуации он предпочитает объяснить Щекину, что А. «пользуется авторитетом» не только в рабочих, но и в научных кругах.

Мда! Впрочем, мне теперь, как говорится, терять нечего... Ведь у секретаря парткома второй месяц лежат мои предложения для ОГТ. И поди разберись теперь, не реагирует партком на них в силу норм производственной жизни, как таковых, или в силу каких-либо «идеологических» соображений...

Что такое есть В.В. Максимов, ясно уже давно. Но факт визита этого, кстати, бывшего друга А., в партком завода, с тайной от автора и научного руководителя (В. Ядов) демонстрацией там моих отчетов, является теперь уже не слухом, а **достоверной** (исходящей из официального источника) информацией.

(Прогрессивная общественность ИСЭПа кипит: «Ничему не удивляемся, но такое!»). Факт этот имел место полгода назад, оказывается...> <...>

ОГТ под рабочим контролем

<...> Еще 18 мая у меня были готовы отпечатанные на машинке «сводные замечания» по техпроцессам, разработанным Софьей Ш-вой. Звоню ее начальнице Наталье К-вой («деловая женщина»):

— Можете забрать то, что успел. Или сам принесу... Та не спешит.

Предпочитает — все сразу.

— Смотрите, — говорю. — Там в пяти из девяти обозначений — элементарные расчетные ошибки, небось по ним шаблоны уже проектируют...

— А в тех, что Вы еще не проверяли, думаете, ошибок нет? — меланхолично замечает К-ва.

— Думаю, и там есть. Но мне производственной загрузки привалило на неделю. Я не скоро доберусь до остальных».

Прошла неделя, прежде чем «деловая женщина» забрала-таки отработанные мною кальки.

«Вот тут у меня все написано, — говорю. — Ошибок так много, что впору задуматься о профессиональной пригодности двоих Ваших сотрудников: Ш-вой и Б-вой. И к сожалению, все это проверено и подписано лично Вами...».

Лицо каменное (у нее).

— От меня требовалась срочная выдача, — говорит.

— Это не оправдание, — холодно замечая. — Кстати, шаблоны на эти техпроцессы уже заказаны?

— Конечно, нет, — отвечает та как-то поспешно.

Не удивлюсь, если это и неправда. В феврале 1982 г. (дата ее подписи) от Натальи К-вой требовалась «срочная выдача». Для чего? Чтобы заказать оснастку (шаблоны)? Впрочем, может быть, и просто для отчетности... Сейчас май. Но тогда, выходит, три месяца эти «срочные» кальки лежали без движения? Оставшиеся мне для ревизии техпроцессы Лидии Б-вой, судя по тому, что я успел пока бегло просмотреть, сулят еще больший скандал. <...>

Неожиданные визиты

<...> Электрик из ОГЭ [*отдел главного энергетика*. — А. А.] Виктор Е-в.

Случайно шел мимо, удивился. Как, этот ПКР... работает?! Он, оказывается, три года назад участвовал в монтаже станка. И был в полной уверенности, что тот — все еще «памятник»...

— Вот что значит один хозяин! — замечает Виктор. Рассказываю ему, что совмещаю в одном лице наладчика, штамповщика, ремонтника и технолога.

— А сколько получаете?

— 150 руб., повременно.

— Так пусть платят за совмещение профессий!

— Что мне эта десятка?

— Лучше десятка, чем ничего.

Тут я не согласен. Лучше ничего, чем десятка!

Кстати, этот электрик, оказывается, может починить автоматику ПКР, к недостаткам которой мы с Сергеем уже успели притерпеться... (Позднейшее примечание: дальше разговора дело не пошло.)

Еще один визит (в четверг, 27.05) — молодой журналист заводской газеты Валерий Белашев. Ему поручена заметка про ПКР для «Трибуны машиностроителя». Ну, это, наверное, отголосок встречи столичного журналиста с секретарем парткома...

Валерий уже успел переговорить с Игорем В-вым, с цеховым технологом — от всех получил самую позитивную информацию. Правда, еще не был в ОГТ... Излагать детали нашего общения сейчас некогда. Уходит журналист — изрядно воодушевленный. <...>

«Мы загрузим станок и без них...»

<...> Очередные переговоры с Игорем В-вым о перспективах моего вступления в бригаду.

Выражаю готовность (в ответ на его предложение) прекратить держать на буксире технологов и самостоятельно делать для бригады все, что возможно на ПКР. Тогда пусть «они» хоть пять лет еще ковыряются (со своими официальными техпроцессами). «Надо ловить миг удачи», — замечает Игорь. Будет договариваться с начальником цеха. Разговор этот возникает в связи с сообщением Игоря, что мною интересовался корреспондент заводской газеты. Сообщает и то, что он ему про меня говорил. <...>

Разовое партийное поручение

<...> Секретарь партбюро цеха В. Новиков предлагает войти в комиссию по расследованию персонального дела коммуниста, токаря Юрия С-на, который нарушает не только партийную, но и производственную дисциплину, и т. д. Не исключено, что это тоже косвенное последствие замечания Игоря В-ва в парткоме, что, может, Алексеева просто **не привлекают** к общественной работе... А может — с подачи нового начальника цеха А. Д-на. Разумеется, соглашаюсь. <...>

Зачем обсуждать, если мы одобряем

<...> Оказывается, городской комитет партии принял какое-то постановление о нашем заводе. Как выполняются решения XXVI съезда КПСС и т. п. О ходе выполнения этого постановления проводятся партийные собрания во всех цехах. Небывалый случай — на нашем собрании присутствуют «высокие гости»: женщина-инструктор горкома, и с нею — зам. секретаря парткома по идеологической работе Лариса (не помню фамилии) [Л. Л. Герасимова. — А. А.]. Все на высоте... В цеховой парторганизации есть резерв общественной активности, чтобы выступить на подобных собраниях. В меру самоотчетов, в меру критики.

Два часа продолжалось собрание — тоже случай беспрецедентный. Ну, полчаса ушло на прием в партию кандидатов. Один не помнит, в каком году был XXVI съезд; другой помнит слово «демократический», а «централизм»... забыл. Но последнему прощается, поскольку на вопрос об общественной нагрузке тот простодушно отвечает: «Воспитываю двоих детей». Нет, тут не надо придирааться!

И председатель собрания, член парткома и бессменный лидер ДНД, токарь Борис Максимов объясняет все эти неловкости робостью вступающих. А инструктор горкома заявляет о своей полной удовлетворенности уровнем политической активности первичной парторганизации.

И все бы ладно... Да какой-то пенсионер спрашивает под занавес: не слишком ли много наша страна помогает своим друзьям и союзникам (в Африке и Латинской Америке). Тогда инструктор горкома заявляет:

«Тут не о чем говорить, **потому что** мы одобряем и поддерживаем политику нашей партии. Как же мы можем это обсуждать, если мы это **одобряем**». <...>

Седьмая неделя «Хроники». Хронометраж процессов

Дни тридцать первый — тридцать пятый. 31.05—4.06.82 (понеделник — пятница).

С производственной точки зрения — неделя вроде бы «пустая» (заурядная). С «исследовательской» — чрезвычайно насыщенная.

В неделе — 40 рабочих часов. Наладки, как таковой, было часа 4. Часов 16 — штамповка, как таковая. Часов 8 — проверка технологической

документации. Еще часов 8 — разнообразные «орг.-тех. мероприятия». Часа 4 — писание статьи «Выход из «мертвой зоны» (что, хоть и прямо связано с производством, но, ввиду потаенного характера этой деятельности, можно условно отнести к «свободному времени»). <...>

[Далее — описания некоторых событий или эпизодов первой недели июня 1982 г. — А. А.]

Пожар как спектакль

<...> В окно видно, как горит крыша термички, расположенной метрах в 80 от нашего цеха. Все столпились у окна, наблюдаем. Воспринимается как развлечение. Все уверены, что «кому надо» — уже знают, но вот сколько «прособираются» тушить? Минут через 10 после начала наблюдения (внутри производственного помещения этот пожар начался, вероятно, раньше, раз уже крыша полыхает) на крыше появился первый человек с огнетушителем. Встречен зрительским улюлюканьем. Еще через 10 мин. по крыше потащили шланг. Не спешат... Конец «спектакля» скрылся в дыму. Позднее добрых два десятка человек полдня занимались растаскиванием крыши. Но это было уже «не интересно». Обсуждалось в основном — кому за это **попадет**, да и то — лениво. Даже я не заинтересовался потом узнать — отчего пожар, не пострадал ли кто внутри. Впрочем, если бы пострадал, это стало бы предметом разговоров. <...>

Несостоявшееся «ЧП»

<...> Когда налаживал деталь «Ф-...», плохо закрепил шаблон на координатном столе своего пресса. Деталь — простая. Раскочегарился, набрал скорость штамповки... Вдруг смотрю: а шаблон-то отодвинулся от установочной планки У миллиметров эдак на пять! «Головокружение от успехов» вышло... Первое дело тут — определить, сколько же деталей ты загнал в брак. Потом сообразить, как восполнить недостачу годных. Проверяю каждую деталь из стопки отштампованных. Нахожу ту, с которой эта неприятность началась. Видно, как от детали к детали наращивается выход размера из допуска (шаблон сползал постепенно). Отклонение до 0,5 мм — терпимо. Дальше — непоправимый брак. Сколько же таких? 20 штук. Возникает надежда, что заготовок привезли с запасом. И в самом деле — как раз на 20 штук больше, чем требуется. А дело в том, что на заготовительном участке проще лишних нарезать, чем по штучке пересчитывать. И фрезеровщик, когда кромки детали обрабатывал, не считал: заложил пачку — и врубил фрезу. Считать начинают ближе к концу технологической цепочки. Вот, как я сейчас, например. В общем, повезло... Я могу никому в этой истории не признаваться. Но, из педагогических соображений, зову своего ученика Серегу 3-ва, пока еще не поправил шаблон на координатном столе: «Смотри, как бывает, если плохокрепишь!». Учиться можно и на ошибках учителя. <...>

Как же быть с изготовлением шаблонов на ПКР?

<...> Начальник тех. бюро Л. К-на, озабоченная проблемой шаблонов (см. выше), интересуется, не занимался ли я выяснением этих дел. «Мне для этого нужно минимум два дня, освобожденных от штамповки», — говорю. Простоев по разным причинам за неделю было побольше. Но все — «по кусочкам». А нужно — решение остановить станок. Решение такое ей принять трудно, а старшему мастеру Т-ву — это вовсе ни к чему. <...>

В составе комиссии партийного расследования

<...> Юрий С-н — член КПСС, на собрания не ходит, взносы за 3 мес. не уплатил, было и несколько прогулов. С подачи прежнего нач. цеха, его вывели из бригады. (Это серьезное наказание, при сложившейся бригадной форме; ведь при недостатке выгодной работы, которая, конечно же, достается бригаде, индивидуальный сдельщик немедленно теряет в заработке.)

С подачи нового нач. цеха, Юрия включили в бригаду обратно (к облегчению бригадира, которому без С-на приходилось самому налаживать новые обозначения ПТУшникам). Теперь об этом очень сожалеет секретарь партбюро В. Новиков: надо было ввести обратно, но попозже...

Готовится персональное дело. Для этого нужна комиссия парт. расследования. В нее входит бригадир М-н (он же — партгруппорг участка), еще один партийный активист, токарь Ч-в и я (см. выше). Задача комиссии — написать акт парт. расследования.

Меня привлекают именно к написанию акта, т. к. домой к С-ну уже ездили М-н и Ч-в, без меня. Мой творческий вклад в это дело состоит в невинном интересе: когда вступал С-н в партию (на заводе ли?) и кто были его рекомендатели. Не сразу выясняется, что вступал на заводе, в этом же цехе, лет 10-12 назад, а кто рекомендовал — никто не помнит, и спрашивать, хоть в парткоме, хоть у самого С-на, «неудобно». Да последний вряд ли и помнит.

Главная забота — написать акт авторучкой с чернилами, а не шариковой. Это делаю все же не я, а Ч-в, т. к. я тоже никогда не писал таких актов, а Ч-в — чего только не писал.

При сочинении акта пользуемся сведениями, полученными от тещи — матери покойной жены С-на, по месту его прописки, где он, однако, фактически не живет, а живет с другой. Теща (бывшая) жалуется, что он недостаточно материально помогает детям, которые живут вроде бы с нею. Бывает, приходит навестить их и навеселе.

Все это отражается Ч-вым в малограмотных бюрократических выражениях, при моем попустительстве. Скрепляем акт тремя подписями.

Товарищеский суд

<...> Другая воспитательная ситуация.

Юрий П-в, слесарь со второго участка, постоянно пьет на работе. Между прочим, потому и в вытрезвитель не попадает, что именно на работе пьет. И вот — товарищеский суд. Его председатель — старейший рабочий Алексей Н-н. К своим обязанностям относится истово. Смысл обличительной речи Н-на: пить нельзя ни на работе, ни на улице; все **сознательные** рабочие выпивают дома. Он призывает Юрия П-ва к «сознательности».

На товарищеских судах надо «каяться». Но этого никто не умеет. Надо «клеимить». Но этого никто не хочет. Председатель суда настаивает, чтобы высказались члены бригады, в которой работает П-в. Наконец, без охоты, выступает бригадир Владимир Е-в. И вдруг, вместо того, чтобы обличать нарушителя, обрушивается на администрацию.

Оказывается, при нашей бригадной организации и оплате труда, сама по себе бригада **не вправе** наказывать или поощрять своего члена рублем (снизив или повысив ему коэффициент трудового участия, т. е. «дневное задание»).

Критика Владимира Е-ва звучит сильно. Понятно, Юрию П-ву выносят общественное порицание. Но главным во всем этом спектакле остается «монолог бригадира». <...>

Горизонтальности нет, а бетон застывает...

<...> Вижу, бетонируют фундамент новой гибочной машины. Без особой задней мысли кладу уровень на рабочую поверхность агрегата и нахожу, что она не горизонтальна. Подзываю наладчика больших прессов Стаса П-ва (человека очень совестливого и отзывчивого, когда надо помочь). Показываю.

— Да. Ну и х-й с ним.

— А вдруг тебе придется потом эту машину налаживать?

— Не придется. Здесь электроника.

— Не тебе, так мне или кому другому...

— ?!

Микроэксперимент. Советуюсь с цеховым ветераном Ваней С-вым.

— Конечно, надо было не бетонировать, а на регулируемые амортизаторы ставить, — говорит он. (Как мой станок, где можно регулировать горизонтальность координатного стола.)

Ищу старшего механика Ш-ва. Не нахожу. Его заместителю, пред. цехкома Кериму К-ву сообщать такое бессмысленно. Ему все до лампочки.

Ладно.

Нач. тех. бюро Люся К-на: — Все должно стоять по уровню. Это — дело механика.

— Ну так вот: механика нет, а бетон уже застывает.

— Пусть механик об этом думает. (Правильно. Стас тоже сказал: «Х-й с ним!».)

— Мое дело предупредить, а Вы как хотите, — произношу чуть ли не афоризм, который настолько понравился члену парткома завода, токарю Борису Максимову, случайно оказавшемуся рядом, что тот его повторяет как припев, на разные лады.

Ну, и последний мой шаг, продиктованный бескорыстной производственной ответственностью. Подхожу к Кериму (тот самый зам. старшего механика):

«Дело вроде не мое, но вы гибочный агрегат по уровню выставляли?» — «Конечно!» — «Так вот, горизонтальности нет, а бетон застывает».

Ноль внимания.

Ну, «х-й с ним», в самом деле.

Минут через 15 краем глаза вижу, как пришел-таки Керим, с уровнем и кувалдой. Слышу, пару раз ударил кувалдой. Это он пытается заставить пузырек уровня встать по центру. Как же, держи карман шире...

Когда тот ушел, подхожу снова со своим уровнем. Конечно, все по-старому.

Бетон уже почти застыл. <...>

Держите давление!

<...> Когда в воздухопроводящей системе давление падает до 4 атмосфер, пневмозажимы моего станка плохо держат заготовку. Она сдвигается от ударов пресса, нарушается взаимосвязь отверстий. Что является непоправимым браком. На 5 атм. работать можно, но очень внимательно. Может и сдвинуть заготовку. Зато на шести — полная уверенность, что этого не произойдет.

Положено вообще в цеховой системе иметь 6 атм. Но никто в цехе за этим особенно не следил, пока я не приучил. Наблюдаю за давлением по манометрам не своего станка, а соседнего, обрубного пресса. Так, чтобы ясно было, что давление если снизилось, так в цеховой системе, а не только у меня. Тогда мастер, или наладчик Стас П-в, или я сам — звоним в компрессорную: «Мало воздуху!». Тем придется поднимать давление до шести атмосфер. Иногда это затягивается на час-полтора.

Я «избаловался» и вырубая станок даже при 5,5 атм. (когда, хоть и с риском, работать можно). А с чего это я буду рисковать? Положено 6 атм. — вот и будьте любезны мне их обеспечить. За брак-то с меня спросят, не с компрессорной.
Держите давление! <...>

Ремонт гардероба

<...> Рабочий гардероб («раздевалку») ремонтировали несколько месяцев. Сначала настилали новый линолеум. Потом красили стены. А уж потом белили потолок. В такой вот последовательности... За это время пять раз перетаскивали шкафчики с места на место. И каждый раз — на новое! Потом цеховой художник Володя П-ч по трафарету рисовал на каждом шкафчике цветочки и номер. В итоге всех преобразований мой шкафчик оказался поставленным так, что мы с соседом Ильей переодеться одновременно никак не можем. Зато Илья притащил откуда-то табуретку, и можно обуваться сидя. Пользуемся табуреткой по очереди, очень предупредительные друг к другу. Казалось, не повезло, ан нет: лучше тесный закуток на двоих, чем жить на большом проходе. Сосед приходит чуть раньше и уходит тоже чуть раньше меня. Так что не мешаем друг другу. И никто больше не мешает. <...>

Будни ДНД

<...> Дело было 2 июня, в среду. Четверо дружинников, из них трое — члены партии и один — комсомолец, обошли свой участок положенным маршрутом. Перед тем, как вернуться в штаб ДНД, заглянули в подъезд одного из проходных дворов, чтобы «приговорить» бутылку бормотухи. Затем самый активный из нас четверых, по прозвищу «Усатый», выразил желание добавить. Он, вообще-то, еще в обед принял, потом, перед ДНД, успел побывать «на бочке». Но держится крепко («гладиатор», по выражению Альфреда Сарно). Трое дали ему по рублю, тот снял повязку и пошел в магазин на соседний участок (не наш «подшефный»!). Пропадал долго. Мы уж забеспокоились, ожидая его на улице, неподалеку от штаба. Вернулся с бутылкой и настоял не дожидаться следующего маршрута, а открыть ее сразу. Выпили еще (на этот раз в подвале). Закусили конфеткой. Потом вернулись в «мужской клуб», т. е. в штаб ДНД. Там — в разгаре какая-то полемика на производственные темы. «Усатый» моментально в нее включился. Но больше уж на маршрут не выходил. (Я, кстати, тоже.) А член партии помоложе и комсомолец, посидев немного в штабе, ушли «по спецзаданию» — на охоту за спекулянтами спиртным (после закрытия магазина в 21 час). И изловили-таки: не то одного, не то двоих. За два с лишним года это первый случай в моей практике дружинника. Но, разумеется, привычно для «Усатого»... Все было вполне пристойно, т. е. без нарушений общественного порядка. <...>

Пора кончать эту «благотворительность»

<...> «Деловая женщина» Наталья К-ва прислала с Аллой П-ной чертежи для проверки калек технолога Лидии Б-вой. Карты штамповки этой Лидии, которые проверяю, как только выдастся свободных хотя бы полтора часа, это нечто ужасное! Софья — небрежнее, Лидия — глупее. **Ни одного** техпроцесса без грубых ошибок... У меня осталось всего четыре не проверенных новых техпроцесса из двадцати. И думаю, что на этом я прерву свою технологическую «благотворительность». <...>

Технологический плагиат

<...> В прошлом году я подал рационализаторское предложение — насчет пробивки отверстий на ПКР в так называемой «мертвой зоне» путем переворота шаблона на координатном столе.

Отдел главного технолога тогда мою рацию отклонил. А теперь сами во всю используют эту идею.

Сначала косвенные заимствования: скажем, перевернуть заготовку, не переворачивая шаблона, благо отверстия в детали расположены симметрично (технолог Софья Ш-ва). Другой технолог из ОГТ Лидия Б-ва (у которой явно отсутствует пространственное мышление) додумалась переворачивать заготовку, не переворачивая шаблона, для деталей с несимметричным расположением отверстий. И вышло нечто совсем несусветное. (В каком-то из «писем Любимым женщинам» я это подробно описывал.)

Повторяю, все это были вариации (иногда «пародии»!) на мою рацию № 236/81, формально отклоненную ОГТ. Но еще ни разу технологам не приходилось — в точности **воспроизвести** мое предложение.

И вот сегодня (3 июня, четверг) цеховой технолог Алла П-на приносит для проверки очередную кальку. Смотрю: что-то очень знакомое! Ну да, вот технологическое указание: для пробивки связки отверстий таких-то (расположенных в «мертвой зоне») **перевернуть шаблон!** То есть — строго в соответствии с рацией наладчика ПКР.

Судя по подписи, автором этого техпроцесса является Софья Ш-ва. А дата разработки... июль 1981 года. Но ведь именно в июле 1981-го и была отклонена моя рация. Да... Как говорится, пойманы с поличным. Однако не будем спешить ставить отдел главного технолога в самое «неудобное» из его положений.

...Скоро конец смены. Проверять — координат тут до дури. Отложить, что ли, на завтра? Все же просматриваю основные позиции. Ох, Софья, Софья! Уже третий (если не четвертый!) год она занимается ПКРом. И не сумела «выучить», сколько же крупных гнезд в револьверной головке этого станка. Крупных — всего четыре из 24-х. А она предлагает использовать... пять.

Проверять дальше нет смысла, раз налицо исходная ошибка. Возвращаю кальку Алле, комментируя ситуацию в пристойных выражениях (заменяющих более уместные — непечатные). Та рада-радешенька, что ей не нужно ничего делать: «Я теперь отбрыкаюсь от ОГТ!».

Завтра она вернет им кальку. И с легким сердцем уйдет в отпуск. Желаю ей хорошо отдохнуть.

А технологический плагиат положим пока за щеку. <...>

Будни овощебазы

День тридцать шестой. 7.06.82 (понедельник).

<...> Был отправлен на Ждановскую районную овощебазу. От цеха — 11 мужчин и 9 женщин. Мужчины — в основном повременщики, женщины — из конторы. У меня накопилась уже очередь производственных заданий, да и партия брошена посередине. Неважно... Левая рука не ведает, что делает правая.

(Художника Володю тоже отправили на овощебазу. А потом, оказывается, целый день искали — некому было соц. обязательство рисовать. А уж это «поважнее», чем детали штамповать на программу!)

Распределение по нарядам — в проходной овощебазы. Женская бригада — перебирать картошку (во главе с нач. тех. бюро Людмилой К-ной). Мужчины (во главе с цеховым диспетчером Львом Р-вым) — разгружать вагон меда. 8 мужиков с нашего завода и еще 5 чел. мебельщиков до 12 час. сидели в

конторке корпуса № 21 овощебазы в ожидании этого вагона. Первые два часа — совсем «без дела», потом нашлись карты (предпочли бы домино).

Общим развлечением был лосенок, забредший на территорию овощебазы.

Наблюдали его из окна.

До обеда компания из 13 мужчин нагрузила одну машину банками с консервированной свеклой. Четыре или пять банок разбились на ленте транспортера. Еще одну машину загрузили мешками с сахарным песком (кажется), другую (уже после обеда) — опять банками со свеклой. И под конец две машины — бочками с виноградом, залитым какой-то отравой, то ли для обработки, то ли для сохранности.

(Местный распорядитель работ говорил, что от этого яда на базе уже было три несчастных случая. Так что, в отличие от всей остальной потребительской продукции, эти бочки лежат во дворе, без охраны.)

Обедали всем коллективом, точно в положенное на базе время, в течение часа. На девятых — две поллитровые бутылки принесенного с завода разведенного пополам с водой спирта. Это — забота месткома...

Пришли в 8, отпущены были в 15 час. Из шести часов «рабочего времени» были заняты работой менее 1,5 час. Вроде даже для завсегдаев овощебазы случай экстраординарный. Но, как известно, «типичным» может быть и исключительный случай, если он выражает общественную тенденцию.

...Колоритная старуха лет эдак на 75, но почему-то с подкрашенными бровями, спит сутками на ящиках и собирает бутылки от пришедшей рабочей силы. Она — сторож. Несколько женщин-отделочников после обеда штукатурили помещение конторки, в котором мы отсиживались. Рассказывали, что эта старуха очень богата. Все причастные к «пирогам» особенно обижаются на тех, кому от пирога достается больше. Вот этим малярам перепадает меньше, чем сторожам и кладовщикам...

Наши напарники-мебельщики хаяли выпускаемую их комбинатом массовую мебель. Впрочем, им приходилось выполнять и «правительственные заказы». Но, если не отвлекаться от темы, то для обслуживания пяти автомашин в течение дня более чем достаточно было бы четверых грузчиков. <...>

Авгиевы конюшни

День тридцать седьмой. 8.06.82 (вторник).

<...> Чтобы загнать гвоздь в ОГТ по самую шляпку, пишу **от руки** (в отличие от машинописной сводки замечаний) записку «деловой женщине» К-вой. Текст следующий:

«Ув. Наталья Владимировна!

Предпринятой по Вашей просьбе проверкой техпроцессов, разработанных сотрудниками ОГТ Л.М. Б-вой и С.Б. Ш-вой, обнаружены элементарные расчетные ошибки в 12 т/процессах из 19. К сожалению, все эти тех. документы подписаны и Вами.

Остаются также не решенными принципиальные вопросы: технологическое обеспечение штамповки с переворотом заготовки; штамповка деталей, где размеры заданы более чем от 2-х баз; обеспечение требуемого допуска перпендикулярности сторон заготовки.

Моя дальнейшая работа по проверке техпроцессов представляется целесообразной лишь при условии решения этих принципиальных вопросов и серьезного ужесточения контроля за качеством работы Ваших подчиненных.
А. Алексеев. 9.06.82»

Смысл: хватит с меня — разгребать ваши «авгиевы конюшни». (Кстати, которым по счету был этот подвиг Геракла?)

Вообще, одной из тактик заставить людей хоть как-то работать является сначала сделать что-нибудь **за них**, даже приучить их к этому, а потом... **резко** выдернуть плечо, когда те уже успеют привыкнуть. Тогда им приходится восстанавливать статус-кво, которое, однако, оказывается уже выше уровня того, что их устраивало прежде (когда ни они сами, ни кто-либо другой за них этого не делал).

Посчитать бы убытки только от этих 19 техпроцессов, не напорись ОГТ на контроль и инициативу «снизу». <...>

Новый начальник цеха (2)

8.06.82 — продолжение.

Утром в наш с художником «кабинет» заглядывает начальник цеха. По отношению ко мне — резкое изменение линии поведения. Если этот кандидат наук не хочет выходить из своей производственной роли, значит, надо обращаться на «ты»:

«А ты, Алексеев, правильно колотишь технологов и службу главного инженера!..» (Гм, последнего я вроде еще не «колотил».)

Значит, произошла у него какая-то подпитка информацией. Может, показали ему текст подготовленной корреспондентом многотиражной газеты статьи об «ожившем памятнике», где в выгодном свете представлен наш цех? Или ознакомился с моими «Предложениями по совершенствованию технологии...», блуждающими где-то в заводских верхах. Может, еще что...

Со временем узнаем. Реплику эту пропускаю мимо ушей. А вот на замечание о двух окурках на полу в зоне своего рабочего места... реагирую незамедлительно. Виноват!

Начальник цеха Анатолий Д-н доверительно матерится, подчеркивая этим свой демократизм.

«Зелен» еще в этой роли, трудно выработать адекватную манеру поведения. <...>

Социолого-драматургические эффекты

День тридцать девятый. 10.06.82 (четверг).

<...> Уже второй день у меня готова отпечатанная сводка замечаний на техпроцессы Лидии Б-вой. Вчера звонил ее начальнице («деловой женщине»), но та была в местной командировке. А тут является сама Лидия. Якобы за чертежами техпроцессов, которые я проверял.

Они мне больше не нужны. И замечания готовы. Вот все в этой папке: ваши кальки, чертежи, официальная «рецензия» и «личное» письмо Наталье К-вой (см. выше).

Поскольку Лидия Б-ва своим приходом вместо начальницы исключила неофициальные устные комментарии наладчика относительно ее, Лидии, профессиональной непригодности, которые могли бы быть высказаны Наталье К-вой, это заранее приготовленное письмо «деловой женщине» — как нельзя более кстати.

И до чего же удачно, что я успел с проверкой этих техпроцессов прежде, чем у их автора не выдержали нервы ожидать «рецензии». Я ведь проверял эти кальки урывками, в свободные минуты, даже в ущерб этой хронике...

Лидия Б-ва оказывается в пикантной роли курьера для передачи своей начальнице «доноса» о собственном служебном несоответствии (ведь Наталья К-ва скорее всего этого письма ей не стала бы показывать!). Вместе с тем, открыв папку, она первым делом прочтет мою записку «деловой женщине» и окажется невольным свидетелем уже и собственной начальницы заслуженного,

в общем-то, «унижения» («К сожалению, все эти кальки подписаны и вами, Наталья Владимировна...»).

И обе получают психологическую встряску, уже не только в качестве действующих лиц, но и зрителей моего театра. <...>

«Узкое место»

10.06.82 — продолжение.

<...> А еще в этот день было производственное цеховое собрание, где нач. цеха сообщил, как отработали за истекший месяц. Узким местом сегодня является слесарная площадка, особенно — моего участка, где объем работ будто бы выявляет дефицит двадцати (!) слесарей. Кто-то спрашивает начальника: «Как же так, слесарей не хватает, а заплатили в этот месяц меньше, чем в прошлом. Значит, не хватило слесарям работы?» <...>

[Здесь опущено описание процессов и событий середины июня 1982 г. «Хроника...» завершается 45-м днем, 18. 06. 82 (пятница). — А. А.]

Два месяца спустя. Конфликт с новым начальником цеха

<...> Пишу «объяснительную» начальнику цеха № 3 А. Данилушкину:

На Ваше распоряжение приступить к эксплуатации станка ПКР КО-120 сообщаю, что работа по замене износившихся втулок револьверной головки, производившаяся ремонтной группой цеха с 2 по 13 августа с. г., выполнена некачественно. Техническая проверка точности, предусмотренная правилами приемки станка, проводившаяся 14.08.82, показала существенный выход из предельного отклонения.

Выпуск брака на неисправном оборудовании считаю недопустимым. Поэтому приступить к работе, до устранения отмеченной неисправности, не могу. Наладчик т/о А. Алексеев. 25.08.82.

...По-рабочему, это называется: ремонтники производственнику станок «отдали», а производственник станка «не принял». Но можно это квалифицировать и иначе. Например: «отказ от работы». <...>

(Записи велись в течение апреля-августа 1982 г.)

**

Вместо заключения

Последовавшие затем драматические события подробно описаны в следующих разделах главы 5 книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».

См. также на Когита.ру:

- А. Алексеев, А. Кетегат. Про «Серегу-штрейкбрехера» и не только о нем ([начало](#); [окончание](#)⁵⁹).

(12a)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a.-alekseev-a.-ketegat.-pro-abseregu-shtreikbreherabb-i-ne-tolko-o-nem>

⁵⁹ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a.-alekseev-a.-ketegat.-pro-abseregu-shtreikbreherabb-i-ne-tolko-o-nem> ; www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a.-alekseev-a.-ketegat.-pro-abseregu-shtreikbreherabb-i-ne-tolko-o-nem

**А. АЛЕКСЕЕВ, А. КЕТЕГАТ.
ПРО «СЕРЕГУ-ШТРЕЙКБРЕХЕРА»
И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ**

Автор: А. Алексеев, А. Кетегат — Дата создания: 24.03.2013

Из опыта драматической социологии первой половины 1980-х.

Из книги: [Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1- 4. СПб.: Норма, 2003-2005.](#)⁶⁰

Том 1, с. 351-364:

5.5. Как Серега был «штрейкбрехером»

[Нижеследующий текст (1982) описывает одну из характерных — моделирующих — ситуаций в рамках эксперимента социолога-рабочего. Такое же название он имел и в оригинале. Публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

= Из производственного дневника (сентябрь 1982)

Серега 3-в — слесарь 4-го разряда, работает в бригаде Анатолия С-ча [А. В. Сыцевич. — А. А.]. Ему около 30 лет, он представитель молодого поколения кадрового ядра цеха. На заводе работает в общей сложности около десяти лет. Из цеха уходил служить в армию и вернулся в цех. Его жена — медсестра в заводском здравпункте. Живет Серега в 10 мин. ходьбы от завода. В своей бригаде, да и вообще на слесарном участке Серега принадлежит к числу высокооплачиваемых рабочих. Его дневное производственное задание — 9,8 руб., почти такое же, как у бригадира (у того — 10 руб.). С учетом прогрессивки, получается, что Серега зарабатывает в день 13 рублей (что соответствует месячному заработку до 300 руб.).

Серега — член партии (как и его друг и бригадир Анатолий С-ч).

Когда администрация цеха, обеспокоенная вынужденной «монополией» Алексеева в обслуживании координатно-револьверного пресса (ПКР), затеяла, наконец, подготовку ему «дублера», Серега сам вызвался на это дело. После двухмесячного ученичества ему, в июне 1982 г., присвоен 2-й разряд штамповщика. Учеником он оказался в общем способным. С тех пор работать на ПКР Сереге не приходилось.

Нижеследующие события конца августа — начала сентября 1982 г. будут излагаться в манере, несколько отличной от «Хроники...». А именно — не то чтобы от имени Сереги, но держа его за **главное действующее лицо**. В некотором смысле, этот текст — протокол включенного наблюдения, со строго фиксированным объектом наблюдения. Объект этот (разумеется, сам по себе — субъект!) — мой бывший ученик Серега 3-в.

[«Включенное наблюдение» здесь, пожалуй, играет все же подчиненную роль в контексте «наблюдающего участия». — А. А.]

Дело в том, что, сидя за верстаком на расстоянии 10–15 м от координатно-револьверного пресса и занимаясь немудрящей деятельностью снятия «градов» [грата. — А. А.], т. е. зачистки напильником заусениц, остающихся на деталях после токарных и фрезерных операций, я имел возможность дистанционного (все-таки 15 м!), абсолютно естественного (сидел лицом в ту сторону) и

⁶⁰ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

всепонимающего (мне ли не понимать!) наблюдения за ситуацией, в которой сам до тех пор был постоянно действующим «субъективным фактором» и из которой, счастливым социологическим наитием, вдруг сумел этот фактор изъять. И ситуация стала развиваться **естественно** — без «возмущающего» влияния инструмента наблюдения!

Любое производственное и не производственное телодвижение Сереги; любой его социальный контакт; мигание лампочки на пульте управления моего станка; жестикуляция начальника цеха, что-то объясняющего Сереге, и появление у пресса мастера инструментальной группы; присутствие рядом с Серегой цехового технолога Аллы П-ной и ее отсутствие, — все было мне **понятно и означало** ту или иную фазу, поворот в развитии ситуации.

Общий рисунок ситуации я мог бы воспроизвести, не обмениваясь с Серегой ни единым словом на протяжении недели. Но мы, понятно, обменивались, чаще по Серегойной инициативе, т. к. у него была в этом не только человеческая потребность, но и деловая необходимость. А бывало, и я прогуливался его навестить. И не столько для разговоров, а чтобы запечатлеть в памяти обозначение изготавливаемой им детали или номера используемых гнезд револьверной головки (чего за 15 м не углядишь).

Всю эту неделю Серега выступал в оригинальной (для социалистического производства) социальной роли **штрейкбрехера** (слово, может быть, и слышанное им, но, уж во всяком случае, не из его повседневного лексикона). Вот о том, как это разворачивалось, **что делал** сам Серега и **что делалось** с ним, без претензии на глубокое проникновение во внутренний мир человека, но с исчерпывающим отчетом о его социально-производственном поведении (впрочем, дающем пищу и для психологических интерпретаций и предположений), — этот «протокол».

25 августа 1982 г., в среду, Серега, по договоренности с мастером, ушел с обеда (ездил с родственниками на кладбище). Решение начальника цеха немедленно поставить Серегу на ПКР вместо «отказавшегося от работы» Алексеева состоялось после обеда, когда Сереги уже не было. Друг и бригадир (а ныне замещающий мастера) Анатолий С-ч вечером не позвонил. Так что, когда утром 26 августа Серега вдруг оказался объектом заинтересованного внимания сразу всех уровней цеховой администрации, это было для него полной неожиданностью.

Он знал только, что ПКР не работает уже около месяца. Алексейев настоял на ремонте. Сначала старший механик Ш-в, а потом Керим К-в (зам. механика и пред. цехкома) со станком возились. А Алексеева начальник цеха Д-н [А. Данилушкин. — А. А.] посадил на это время «грады» чистить.

Зря начальник так сделал, ведь эти ремонтники ничего в станке не рубят... Уже и Серегу спрашивали: «Откуда эта рукоятка?». Уж им неловко по пять раз на дню к Алексееву обращаться.

Обидело начальство Серегойного учителя... Сидит спиной к станку в 3 м от него и прочищает вращающимся сверлышком уже которую тысячу медных контактов. Глаза у него, небось, и на спине есть. Видит, что ремонтники в запарке... Но больше со своими советами не лезет. Отбили мужику охоту советовать! Впрочем и он с начальством особо не церемонился...

Вроде кончили ремонт. И тут оказалось: палец фиксатора в новые втулки револьверной головки не лезет. Алексейев это обнаружил, станок не принял. Его уже от «градов» освободили, они с Керимом вдвоем возились. Втулки выколачивали, обратно ставили. Потом Люся К-на (она сейчас временно зам.

нач. цеха) все у станка паслась. Заставил их Алексеев какие-то «испытания» проводить. Что-то не так опять...

Алексеев говорит — у листодержателей подпятники гнутся и заготовка приподымается. Люся, похоже, считает, что он им очки вкручивает. Подходила к Сереге, спрашивала — было ли такое раньше.

— Было, конечно! — ответил.

— Так ведь работали?

— Понятно, неудобно, заготовка за матрицы цепляла...

— А он говорит, что теперь вообще в щель не лезет!.. Ну, тут Серега не в курсе дела.

Алексеев рассказывал потом, что добился-таки изготовления новых подпятников, на миллиметр толще, из хорошей стали. Не так гнутся.

Дает он им прикурить, однако! Как-то на днях Люся от него чуть не ревела.

Спросил у учителя, а он объясняет, что те его в «саботаже» обвинили. Ну, он им и врезал обратно...

Потом какой-то мужик из РМЦ приходил. Контрольный мастер, кажется. Так и сяк индикаторы с магнитной присоской устанавливал. Вроде, геометрией учитель теперь доволен, а револьверная головка чему-то не перпендикулярна... Ну, это уж «дебри»!

Кажется, Алексеев и после смены оставался, проверял станок, когда мужик из РМЦ уже ушел. Собрались после этого ПКР запустить, но что-то опять заело.

Алексеев при Сереге отдал С-чу (тот сейчас за мастера) бумажку, сказал: «Вот объяснительная, ты просил». С-ч прочитал, сунул в карман. Сереге не показал...

Он и в бригадирах-то строит из себя начальника, а тут и подавно. Было это 25 августа, еще до обеда. А что его, Серегу, поставят на станок вместо «отказавшегося от работы» (или «отстраненного от работы» — кто как говорит!) Алексеева, Серега, ввиду своего послеобеденного отсутствия, узнал только на следующее утро, 26 августа.

...Как саранча на Серегу все налетели: и С-ч, и Алла П-на, и Люся К-на, и сам начальник цеха Анатолий Д-н. Скорей, скорей, врубай ПКР, гони программу! А Алексеев сидит за свободным верстаком, напротив Серегиного, и снова «грады» чистит... Ну и дела!

— Е-л я эти стрессы поутру! — сказал учителю Серега. — Станок-то хоть пашет?

— Межцентровые расстояния плохо держит. Если станешь работать, следи за расстояниями между отверстиями, пробитыми из разных гнезд». *[Имеются в виду разные гнезда револьверной головки. — А. А.]*

— Так, а Вы что?

— А ты мою объяснительную разве не читал?

— Нет!

— Станок осталось совсем немного до ума довести. Не дают! А как сейчас — я работать отказался.

Нехотя, но покладисто пошел Серега налаживать первую партию.

Ну, хозяйство у учителя в порядке. Ключ от шкафа — в условленном месте.

Подручный инструмент — в коробке; от того, который постоянно не нужен, отделен. Съёмники по типоразмерам в ящиках разложены. Пуансонодержатели из револьверной головки почему-то повынуты, а матрицы, те — стоят. Ну, загрузить верхний диск недолго — у Алексеева всегда все записано, что в каком гнезде. А где же запас вырубных пакетов, который держали в шкафу?

«Все, что не в станке, возвращено в кладовую. Фаина потребовала, еще пару месяцев назад», — сказал Алексеев. Это Серегу огорчило. Его в кладовую, как Алексеева, вряд ли пустят. Хочешь взять железку — давай марку *[жетон для получения инструмента. — А. А.]*. А у Сереги и марок-то свободных ни одной!

«Ничего, Фаина в отпуске», — заметил учитель. И ушел чистить свои «грады». Вся-то «передача дел» пяти минут не заняла.

«Е-л я эти стрессы поутру!» — повторил уже про себя Серега.

Алла, Люся, начальник цеха Д-н, то порознь, то вместе, стоят над душой. Ободряют и командуют. Костерят Алексеева, надеются на Серегу. Давай Серега! Ждем от тебя трудовых подвигов. А «Бугор» *[шутливое прозвище бригадира. — А. А.]* как-то в стороне. Друг, называется! Алексеев, небось, переживает, но молчит. Ну, этот знает, что делает...

Так началась Серегина штрейкбрехерская деятельность. В ней были взлеты и падения, «обалдения» и апатия, радость творческого труда и горькое похмелье. Всего хватило за неделю. Не соскучишься!

Начальник цеха напирал на четыре «аварийных» партии. Программа горит! В первый день (26 августа, четверг) Серега управился с одной из них. Панель «Ф-...» в общем-то не сложная. 5 гнезд, 23 удара. Штамповка с переворотом заготовки. Часть пробивного инструмента — уже в станке. Остальное взял в кладовой, без марок (Фаины нет, а младшая кладовщица в хозяйстве ПКР не разбирается).

В отличие от Алексеева, который все сначала продумает, потом делает, Серега физический труд с умственным совмещает: делает и думает одновременно. Думает о том, что делает сейчас, а не о том, что будет делать затем. Загрузил штампы, потом поставил шаблон... Оказывается, при таком положении шаблона лучше бы штампы иначе разместить. Что ж, перезагрузим. Лишняя работа для Сереги не столь обременительна, как лишние мысли.

А отрегулирован станок у учителя будьте-нате! Новые пакеты инструмента у Сереги в револьверной головке сразу спарились. Ни одного матрицедержателя сместить не пришлось. Ударил, без пробы, сразу по заготовке детали — размер в нулях! Ни бокового упора, ни искателя пантографа подвигать не надо.

В общем, везло Сереге в этот день. Начальство вокруг табуном ходит. А Алексеев только раз и подошел, сам (а не по Серегиной просьбе). Уже когда Серега десяток панелек отстукал.

— Померяй-ка этот размер! — говорит.

— Почему этот?

— Два отверстия из разных гнезд пробиты. Вряд ли размер выдерживается... Померил. Две десятки отклонения! А в чертеже? Две десятки и разрешены. В допуске. Нас это не е-т! Хмыкнул учитель. И пожелал Сереге удачи.

Работалось Сереге споро. Вся партия — 25 деталей. Лишний раз штангенциркуля в руки не брал. К концу дня успел даже загрузить часть инструмента для следующей детали.

С разверткой для кронштейна «Ф-...» наутро 27 августа (пятница) вышло не так все гладко. Алексеев раньше ее не штамповал и съемника нужной конфигурации не нашлось. Понадобилось в инструментальную группу обращаться, чтобы съемник расфрезеровали. Да и паз 5,8×46,2 какой-то нехороший выходит... Сразу пуансон затупился, х-й его знает почему. 2-мм заготовку не то чтобы мнет, а искривляет. Вытащишь ее из щели между дисками револьверной головки — второй раз не засунешь.

(А ведь щель-то после ремонта увеличена — Алексеев говорил, что заставил со всех подкладок матрицедержателей целый миллиметр снять!)

Правда, все эти неполадки встречаются у той же Люси (и. о. зам. нач. цеха) полное понимание, и даже предупредительность. Ей и начальнику сейчас — «лишь бы бЕло». Программу закрыть и, похоже, Алексеева уесть!

— Ведь можно же на ПКР работать?

— Чего ж нельзя, — говорит Серега, — раз Родина требует!.. Первую деталь («Ф-...») носили в ОТК, чтобы акт составлять. Согласно акту — **все в допуске!** А следующая («Ф-...») — и на глаз видно: пара отверстий — на одном расстоянии друг от друга, а другая (таких же) — на пару миллиметров больше. Ну, тут не в станке дело... Шаблон подкачал! Алексеев же этот шаблон не проверял. Значит, инструментальщики напортачили. А в карте штамповки? Там — правильно! Выход сам Серега предложил. Заготовка рассчитана на две детали. И шаблон задуман как симметричный. Штамповать — в два захода: сначала одну половину заготовки, потом другую. По той половине шаблона, которая без ошибки. В два захода — тяжелее, конечно... Особенно с этой искривившейся заготовкой. Но можно. Алексеев на партизанских деталях так давно делает, чтобы в «мертвую зону» войти. Даже, кажется, рацию писал. Ну, ему отклонили...

А что размеры в чертеже заданы от 4-х баз — это нас не е-т!

Пожалуй, от той, что противоположна базе пробивки, размеры в минус уйдут. Но это всех, кроме учителя, устраивает. Начальство знает, значит, нас не е-т!

Отстукал Серега «Ф-...» (50 шт., по 16 ударов) к обеду и за следующую принялся. Привычка к станку восстановилась. Искателем в дырочки шаблона попадает с ходу. Плохо, что автоматическим поворотом револьверной головки теперь нельзя пользоваться. Алексеев предупредил, что тот иногда проскакивает нужные гнезда. Мол, это можно устранить, да нужно чуть повозиться. Ладно, обойдемся без автоматики, будем запоминать позиции... По мере развития всех этих обстоятельств росла у Сереги потребность поделиться. С тем, кто понимает. «Бугор» понимать не хочет... Алексеев иногда от градусов спину разогнет, подойдет запросто, но помалкивает. Стал Серега учителю «докладывать». Про общий нормальный ход событий, при отдельных мелких неурядицах. Все, правда, не смертельно...

И станок пашет! Кернер до заготовки теперь почему-то не достает — подложил под матрицу.

«Это хорошо, что здесь не надо револьверную головку поворачивать, а было бы несколько позиций — стало бы цеплять!» — сказал Алексеев.

Верно, конечно... Но ведь здесь поворачивать не надо! А и надо было бы — ну, вытацил заготовку из щели между дисками, обратно запихнул.

«Ф-...» (25 шт., по 14 ударов, только керны) Серега отстукал спокойно. А на следующий день — шум! По кернам отверстия просверлили, под фрезу (там большой паз предполагался). И оказалось, что отверстия эти не на месте.

Технологи хотели их по центру будущего паза разместить, а посадили на краю. Да еще диаметры отверстий не учли, совсем ерунда вышла.

К Сереге было прие-сь и сразу отстали. Он — **по шаблону** делал! А карты штамповки проверять Серега, как штамповщик, не обязан...

Побежали к конструкторам договариваться. Ну, это Люся умеет.

Главное — **станок пашет**. А что там у вас не так рассчитано — это нас не е-т!

За два дня Серега выдал на-гора три партии. Заработал, если по расценкам, 3 руб. Лишний раз не перекурил: и на голове висят, да и самому интересно выкручиваться. Вот только — как платить будут?

«Бугор» (С-ч) словно и не друг: «Сколько нарубишь, столько и заплатят!..» И лыбится.

Начальник цеха успокоил: «По среднему заплатим!». Это - другой разговор!

В понедельник, 30 августа, Серега приступил к четвертой партии. Просил нач. цеха все четыре за два дня сделать. Но вы же сами видите, сколько заморочек!

«Ф-...» (с переворотом, 50 деталей, по 28 ударов) - новая каверза. Там отверстия фигурные и усик в них должен вверх торчать. А в матрице нет нужного

фиксирующего пазика. Ее можно только так установить, чтобы усик смотрел вниз или влево...

Помнит Серега эту деталь. С Алексеевым вместе делали, в период ученичества. Тот раскопал где-то старую матрицу с усиком, какую-то сборную, с насаженным кольцом. Зато в ней четыре фиксирующих пазика под шпонки - как хочешь ставь! Выставили тогда как надо. А когда отштамповали, стали из матрицедержателя вытаскивать - насадка там и осталась. Алексеев обычно, пока чего откуда не вытащит, не успокоится. А тут плюнул. У него тогда тоже на голове висели... А потом, когда Серега неделю один на ПКР работал, в свободную минуту он эту насадку и вышиб. Да сломал. Алексеев, помнится, спрашивал - куда девал сломанную? Выбросил. (Сейчас-то и сломанная пригодилась бы!) Теперь и новую матрицу не поставишь, и старую без насадки не употребишь.

Люся приводит В-ва, мастера инструментальной группы. Оснастка -по его части. Тому оказалось проще на старую, не кондиционную матрицу другое кольцо насадить, чем с новой матрицей возиться. Так вот и тут выпутались. А **станок пашет!** Пашет, стерва... Начальству только этого и надо. Ведь Алексеев массовый брак на ПКР предсказывал!..

Перед обедом (30 августа) подходит к Алексееву табельщица с книгой распоряжений. (Серега случайно оказался рядом.) Предлагает тому расписаться. Написано в книге (точной формулировки, понятно, Серега не запомнил):

«Распоряжение № 320 от 25.08.82 (т. е. задним числом! — А. А.).

За отказ от работы на станке ПКР КО-120 после ремонта и невыполнение указаний мастера и зам. нач. цеха, что привело к простоя оборудования 25.08.82 и поставило под угрозу срыва программу цеха в августе-месяце, объявить выговор наладчику Алексееву А. Н., раб. № 03445, и депремировать за август на 50%.

Начальник цеха А. Данилушкин».

Алексеев говорит: «Я это должен переписать, тогда распишусь». Табельщица говорит: «Ну, тогда потом сами придете».

(Алексеев потом рассказывал: начальник цеха табельщице наказал -чтоб не давала переписывать! Мда, круто! Ну, учитель знает, что делает.)

Все же забеспокоился Серега, что мало заработал, пусть и обещали ему - по среднему. А «Бугру» (бригадиру и, так сказать, другу) нужен от Сереги и свой навар. Раз ты попал на ПКР - давай, делай, что можно, без технологии. А мы - как слесарную или фрезерную [операцию. - А. А.] закроем!

Дело обычное. Называется — **партизанщина**. По техпроцессу числится, например, как сверловочная, а штампуется! Быстро и доходно. Наряды закрываются на бригаду. Алексеев говорит, что с полсотни обозначений так выпустил.

В период обучения они с Серегой вместе партизанили. Потом к Алексееву уже и мастер стал с такими заданиями обращаться. А тот сказал: пока главный технолог на мои «Предложения» не ответит, не стану партизанить, ни для мастера, ни для бригад.

(Помнит Серега эти предложения, даже хотел вместе с учителем их подписать. Но, поскольку бригадиры тогда уклонились, тот ему отсоветовал, чтобы не выглядело, как будто он ученика подговорил.)

Ну, шаблоны-то нелегальные у учителя остались. В том числе и на ту лицевую панель, которая два куса (200 руб.) потянет. Алексеев тогда отказался партизанить. А Сереге сказал — хочешь, делай по моим шаблонам. Тут-то Серега за пару недель весь свой срок ученичества бригаде и оправдал. Потом Алексеев, видать, на ОГТ рукой махнул, снова стал партизанить. Но уже только

для бригады Игоря В-ва [И. В. Виноградов. — А. А.]. Ну и правильно! Для бригады С-ча ведь Серега есть...

На третий день своего «штрейкбрехерства» затеял Серега «аферу» с «Ф-...» (25 шт., по 25 отверстий, сложных пазов нет, и весь пробивной инструмент подходящий имеется).

Ну, Алексеев свои шаблоны на самом станке пробивал. Есть там микроскопы, ни х-я в них не видно, правда, но он как-то приспособился: левым очком для правого глаза как лупой пользуется (у него вроде глаза разные). Один раз и ученика заставил шаблон на станке сделать. Не понравилось это Сереге... Он же слесарь!

Сереге проще стальной лист разметить, накернить и потом просверлить те же 6-мм отверстия. Точность, может, и не та, что должна быть с микроскопами, но для той детали, которую Серега задумал сейчас штамповать, достаточна.

Во второй половине дня 30 августа добыл Серега у Стаса П-ва, наладчика штампов (у которого всегда все есть!), кусок 3-мм стального листа. Выбрал для баз угол получше, напильником края подправил, разметил 25 отверстий, просверлил. Вот и готов шаблон! Не хуже алексеевских.

Только хотел свою партизанскую акцию развернуть — тут к нему Люся с Аллой: нет, ты еще на нас поработай!

Заглянул Серега в ихний техпроцесс и пришел в тупик. «Ф-...» не имеет шаблона! И написано временное п/и [*производственное извещение об изменении технологии*. — А. А.] — пробивать **без шаблона**, «по координатным линейкам», каждую деталь! Каждый удар — по микроскопам выставлять, выходит. А сколько штук? 25! Ударов — по 34! Для каждого удара — две координаты. Стало быть (Серега не считал, но почувствовал): $34 \times 2 \times 25 = 1\ 700$ раз в линзу заглядывать, в которой ни х-я не видно! Да тут и с хорошей линзой неделю провозишься.

И что-то раньше ласковые были... А теперь — металл в голосе! Appetit у этих баб, знать, во время е-и приходит.

Учитель объяснил: на пушку берут! К нему, оказывается, тоже с этим подлезали. Смотри, каким числом это п/и датировано: 25 авг. 82 г. То есть — теперь специально для Сереги возобновили! На этой оптике и 34 дырки для шаблона пробить не просто. А уж 850 — и вообще издевательство!

Был там в станке, согласно тех. паспорту, блок цифровой индексации... Для автоматической установки координат при пробивке шаблонов. С его помощью можно было бы и уникальные детали, по 3–5 штук, делать (каждую деталь — как шаблон). Но этот блок еще при перевозке станка кокнули... А теперь делают вид, что не знают. Да, похоже, и не вполне понимают, что записана — нелепость. Прерванный в выполнении своей партизанской затеи провокационным начальственным требованием, Серега совсем увял. В таких случаях он тупо смотрит в чертеж и меланхолично курит.

— Ну, что, Серега? — спрашивает Алексеев.

— Откажусь, и!!

Ну, зачем так уж! Чем каждую из 34-х позиций в детали по микроскопам выставлять, лучше Сереге и тут свой шаблон сделать! И по нему — все 25 деталей отштамповать. Серега это и предпринимает, на следующий день 31 августа (вторник). Люсю, Аллу, начальника цеха его инициатива вполне устроила, все тут были... Не хочешь раком становиться — стань передом. А оформим, как если бы стоял раком!..

Пришлось Сереге заделаться технологом, уже не добровольно, а **вынужденно!** Есть чертеж, где каждое отверстие имеет свои координаты, если не от базы, то от другого отверстия (которое уже от базы, значит можно пересчитать). Есть и

карта штамповки, где все это уже пересчитано. Но проще иметь дело с чертежом, где все наглядно. Берет Серега чертеж и сразу воспроизводит указанные там (или пересчитанные им на бумажке) координаты в металле. Кернит, потом просверливает...

Рука у Сереги верная. В допуск 0,2 мм уложится, а больше и не надо (для этой детали).

Контроль у Сереги один — готовая деталь. Совпали отверстия после пробивки по этому самодельному шаблону с чертежом — хорошо! Нет — поправим шаблон. Поправлять-то нежелательно... Дырку заваривать! А по заваренному — новую дырку при сверлении может повести в сторону. Но уж тут — судьба, и отчасти искусство. В карту штамповки Серега не смотрит. И уж **их** ошибок не повторит! Вот разве свои внесет... И внес.

Ведь все разрешили из идиотского положения выкручиваться собственными силами. Он и выкрутился. А в одном размере, при расчетах, на 1,5 мм ошибся, х-й знает как (бумажку-то выкинул!).

Отштамповал все 25 штук. И — **в брак!** Конечно, опять с конструкторами и сборщиками договорятся. На что же у нас технологи-то? Серега чувствует себя и не правым, и правым: вы нас «за ноги подвесили», мы вам — «козу заделали». Переморщитесь!

Выяснилось все это уже на следующий день, когда Серега успел не только административную («Ф-...»), но и свою, партизанскую, для бригады («Ю-...») отстучать. Там, по счастью, все в порядке.

Так или иначе, настроение у Сереги совсем упало. Учитель сочувствует, а может и радуется... Нет, не похоже на него: что ни посоветует, все по делу! Ему, небось, тоже несладко сейчас приходится... А тут «эта дура» (иначе Серега технолога не называет!) подкинула:

— Это Вы Алексею выговор схлопотали! У него со станком не получается, а у вас получается.

Вспыхнули тут у Сереги угрызения совести. Поделился с учителем. Еще раньше ему говорил:

— Если начнут прия-ся, — пошлю на х-й!

А тот: — На х-й надо посылать своевременно, не слишком рано и не слишком поздно!

Серега: — Они же нахрапом взяли! Мне-то зачем все это?

Алексеев: — Конечно. Я на тебя не в обиде. Ты — орудие, и невольное!

Серега растроган: — А х-я ж поделаешь. Жить-то надо!

Вроде администрация со своей партизанщиной отстала... А у «Бугра» всегда найдется.

«Ф-...» — другая панель. Тут и расточные, и фрезерные операции, фигурные пазы и отверстия. Фигурные — значит комбинировать, один паз или окно — несколькими штампами пробивать. Какой брать, из чего выбирать — у учителя на то картотека есть... Это — понадежнее той спецификации, которую принесла Алла, когда понадобилось искать подходящий вырубной пакет 8,2 мм. (Алексеев сказал, что ему эту спецификацию никогда не показывали, не хотели, наверное...)

Свою картотеку учитель держит не в шкафу у станка, а в своем закутке, где прежде отсиживался на простоях, рядом с цеховым художником.

— Дайте посмотреть...

— Пожалуйста! Достает ключ.

— Только карточки не вынимай, а запиши, что тебе надо. Серега и сам знает, где там что лежит.

Эх, не получается всю деталь пробить! Нет подходящего инструмента! Учитель проверил, тоже не нашел. Но половину детали пробить все-таки можно...
Стал Серега изготавливать еще один партизанский шаблон. Игра тут всяко стоит свеч. За день бригаде 100 руб. подкинуть можно. «Бугор», понятно, согласен. А начальство, тем временем, уже смекнуло, что платить Сереге по среднему, когда тот на ПКР вкалывает, невыгодно. Алексеев то же самое за свои повременные 150 руб. в месяц сделает, не за 300! Стали Серегу торопить: хватит, ты свое уже показал. Алексеева — **обратно на станок!**

Серега уж и рад. В гробу он видел эти стрессы! Пошел делиться радостью с учителем. Но и тот не прост:

— Нет, Серега, пока ПКР в полный порядок не приведут, я за него не встану.

— Кто ж его приведет?

— А хоть бы и я. Только уж пускай переводят меня на это время в ремонтники! Интересный мужик, этот Алексеев!.. А еще его заботит, что приказ о выговоре до сих пор не вывешен. И не хотят вывешивать! Смеется: секретный выговор!

— А если серьезно, согласишься я сейчас, представляешь, какой канкан они на мне спляшут, после твоих трудовых подвигов?

Пошел Серега готовить свою партизанщину. Начальство не мешает... Как-никак, удружил он им.

Тут у Сереги привалили **домашние события**. 31 августа уехала жена в отпуск. Дочка с тещей — на даче. Жену проводил и «поддал». Да перебрал. 1 сентября (среда) вышел на час позже. Вроде никто не заметил (или — промолчали). С похмелья — рассчитывал, размечал и высверливал Серега свой партизанский шаблон.

Штампы подобрал согласно алексеевской картотеке. Пробил первую деталь. И понес «Бугру» (другу, бригадиру, а сейчас еще и мастеру) Анатолию С-чу:

— Проверь!

Тот: — Сам, что ли, не можешь?

— Ты начальник, ты и проверь!

Проверил «Бугор» и углядел: два отверстия на пару миллиметров раздвинуты больше, чем надо. Расстроился Серега вконец. Алексеев вроде на станок возвращаться не собирается... От начальства спасибо не дождешься... От друга-бригадира — втык... Только учитель — с пониманием. Так ведь и тот себе на уме.

Голова болит — спасу нет! Разве что поправиться? Так денег нет! Обычно у Алексеева можно попросить... Сейчас неудобно.

Спросил у «Колпака» (кличка одного из членов бригады). У того, оказывается, лежат в тумбочке целых два рубля двухкопеечными монетами (какие иногда выдают впридачу к бумажкам в получку). Отсыпал «Колпак» этих монет Сереге... И отпросился бы Серега по-хорошему, так, как нарочно, и «Бугор», и все — на диспетчерской.

Гори все огнем, ушел без спросу. И простоял ПКР все послеобеденное время 1 сентября.

Утром 2 сентября (четверг) вышел Серега свою партизанщину штамповать. Там еще срочных официальных деталей воз. Но их начальство уже Алексееву сватает. Еще, оказывается, с ним не говорили (Серега интересовался). С тяжелым сердцем Серега штамповал эту «Ф-...». Предварительно шаблон исправил. Пошло вроде как по маслу... Партия-то, в отличие от предыдущих, 125 штук (29 ударов). Стоила игра свеч!

Тут подходит Алексеев. Точнее, подошел, когда Серега отошел от станка, по нужде, что ли. Стоит, ждет.

«Померь-ка этот размер!» — говорит.

Меряет Серега — в допуске!

Алексеев: «Так ведь, если от базы считать, то должно быть не 118, а 115!»
Как так? В самом деле: размер, от которого Серега в своих расчетах плясал, вовсе не от края коробки, а — от другого отверстия. Так нарисована эта е-я стрелка, что можно подумать, будто она от края.

В общем, половина всех отверстий пробита правильно, а половина — смещена на 3 мм влево. Оказывается, Алексеев подошел беспокоящие его межцентровые расстояния проверить. Он свои «десятки» [*десятые миллиметра. — А. А.]* искал, а налетел на Серегино 3-мм отклонение.

Добрых 80 штук уже готовых деталей в стопке. Назад не вернешься и дальше не поедешь! Доконала Серегу эта информация так, что даже матерных слов нет. И сказал он меланхолично, что **пора на бюллетень**...

А бюллетень — стало, с некоторых пор, для него просто. Это как он в больницу-то недавно попал? Ехал на велосипеде, сшибла его машина. Вырос под глазом такой фингал, как после крупной потасовки. Ну, стал его залечивать, амбулаторно. А тут заодно и обнаружилось, что кровяное давление высокое. Серега полноват, может и впрямь сердце неважное. Стали повторно кардиограмму снимать, а он — с глубокого перепоя. И установили... ишемию! В июле уложили его по этому поводу в больницу. Ну, а Серега с тех пор усвоил: как поддашь — давление подскочит. И можно на бюллетень... Эту-то перспективу Серега тут себе и усмотрел.

Но что же все-таки делать с этой партией?

— ЧтЛ бы мне пораньше померить! — говорит Алексеев. Серега: — ЧтЛ бы Вам померить, когда уже вся партия готова!

— Тоже верно: меньше знаешь — лучше спишь!

Час Серега размышлял, как быть. И надумал: «Вы никому не говорите! Я их отштампую, **как есть**, все. И пусть «Бугор» выкручивается. Он же первую деталь проверял — не заметил. А ему не привыкать на сборку бегать... Когда одна деталь два с полтиной стоит, такое не бракуют! «Ладно! — сказал Алексеев. — Мне-то что. Я вообще неделю к станку не подходил...».

Но, конечно, лучше Сереге не присутствовать при том, как брак всплывет. (Всплыть может и на сборке, и раньше — уж и неизвестно, что для него лучше.) В общем, если идея бюллетеня была еще смутной, то тут уж размышление совпало с поступком. С обеда вернулся Серега со здравпункта с законным бюллетенем, по причине давления 160×90. Партию можно и с бюллетенем в кармане доделать. Вчера-то полдня прогулял, а теперь как бы за прогул отработает.

А на учителя, оказывается, еще с утра 2 сентября давили...

Коля Я-ш [*Н. Ярош. — А. А.*] после увольнения старшего мастера Т-ва занял его место. Вот этот Коля и был заслан к Алексееву, чтобы возвращался на станок.

Тот — **наотрез!** Что же, Сереге так и оставаться навсегда на ПКР?

Да ведь прав Алексеев, встал на своем и стоит, рассуждает Серега. Так или иначе, учитель не продаст, партию «в брак» я доделаю, уйду на бюллетень, а там видно будет.

Но что-то толкнуло его пока не признаваться, что бюллетень уже в кармане. Только учителю и сказал... И когда того после обеда вызвали к начальнику цеха и, в присутствии секретаря партбюро, продолжали **давить**, он-то знал, что у Сереги бюллетень. А они еще не знали...

Рассказывал сам Алексеев. Между прочим, и о том, что распоряжение о выговоре так и не вывесили (как сказал секретарь партбюро Новиков, «чтобы сохранить престиж коммуниста»). И еще Алексееву сказали, что от «подписи в

ознакомлении» он якобы отказался, причем в присутствии свидетелей. А в качестве свидетеля ссылаются... на Серегу!

«Ну, если спросят, я скажу, как было», — замечает Серега.

Хоть бы поскорее закончить эту злополучную «Ф-...»! Серега еще чувствует начальственную поддержку и расположенность, но все больше понимает, что это не надолго. Скоро с него и «Бугор», и Люся, и даже начальник цеха семь шкур спустят.

Тут Серега вспомнил, что сегодня (2 сентября) надо дежурить в народной дружине. А он уже несколько дежурств подряд пропустил. Того и гляди, в следующий отпуск положенных три дня не дадут. И, со всей непосредовательностью, предъявив мастеру Коле бюллетень (перед самым концом смены; тот аж с лица спал!), отправился Серега в дружину — этот свой бюллетень «компрометировать».

Там с ним друг и «Бугор» Анатолий С-ч (тоже дружинник) стал проводить воспитательную работу. Уже ясно, что Алексеев на своем настаит. Значит надежда вся опять на него, Серегу. И если ты, Серега, пусть с бюллетенем, в пятницу на работу не выйдешь, то будешь самое, что ни на есть г-о! Разозлился Серега, послал друга на х-й и ушел за два часа до окончания дежурства.

Утром 3 сентября (пятница) Сереге телефон оборвали и мастер Я-ш, и друг С-ч. Чтобы вышел на работу! Не дают поболеть спокойно... Что же вам надо? «Ф-...» — коробка, 25 штук, по 29 ударов. Деталь не хитрая. Учитель их отшил.

Продолжает исправно чистить свои грады.

После обеда вышел-таки Серега со своим бюллетенем на работу.

Отстукал требуемое. Загнанные им в брак партизанские «Ф-...» лежат в стопке (никто про их порок пока не знает). Хватит с Сереги «трудовых подвигов»!

Бригада вроде и в субботу будет вкалывать, но уж тут — дудки.

Вдруг подходит Алексеев и говорит Сереге: «Знаешь, я вроде тоже заболел, без дураков. Похоже, температура!..». И подумалось тогда Сереге, что **горек хлеб штрейкбрехера**. Впрочем слово это не из его лексикона...

В субботу 4 сентября я вызвал врача на дом, действительно с температурой. И что было (будет) дальше с Серегой, с цеховой программой, с моим станком, да и со мной самим, — узнаю не раньше, чем через неделю.

[Окончание этой истории см. ниже: раздел «Как Серега был “штрейкбрехером” (окончание)». — А. А.]

Перечитав этот отчет, нахожу, что, раскрывая взятую тему, я далеко не обнажил всех пружин сложившейся ситуации. Показаны лишь те, которые, так или иначе, видны самому Сереге. Остались за кадром мотивы и поступки иных, второстепенных действующих лиц (не исключая и меня самого, хотя перейти полностью во «второстепенные» мне все же не удалось).

Сама по себе правомерность **индивидуальной забастовки** Алексеева вовсе не очевидна из этого текста. Не буду здесь ее дополнительно обосновывать. Тут речь шла прежде всего о социальной роли «штрейкбрехера», которую пришлось сыграть Сереге 3-ву. В частности, о том, как эта роль может реализоваться в условиях нашего производства.

6.09.82

Ремарка: лиха беда начало.

А 10.09.82 в заводской газете «Трибуна машиностроителя» неожиданно появилась статья «Лиха беда начало»/

Подготовленная корреспондентом этой газеты В. Белашевым еще в июне, но три месяца проходившая всяческие согласования, эта статья была посвящена проблемам освоения ПКР.

Конфликт с цеховой администрацией в ней не затрагивался, но сам факт публикации как бы реабилитировал строптивного наладчика.

*...Не буду сегодня комментировать эту историю. Ибо уже тогда это прекрасно сделал другой социолог-рабочий *). См. ниже. (Сентябрь 1999).*

* «...другой социолог-рабочий», а именно – **Анри Кетегат**, работавший в это же время на Вильнюсском заводе счетных машин. Его текст см. в следующей публикации. А. А. Март 2013.

(126)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a.-alekseev-a.-ketegat.-pro-abseregu-shtreikbreherabb-i-ne-tolko-o-nem-okonchanie>

**А. АЛЕКСЕЕВ, А. КЕТЕГАТ.
ПРО «СЕРЕГУ-ШТРЕЙКБРЕХЕРА» И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ.
ОКОНЧАНИЕ**

Автор: А. Алексеев, А. Кетегат — Дата создания: 24.03.2013

Из опыта драматической социологии первой половины 1980-х.

Из книги: [Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1- 4. СПб.: Норма, 2003-2005.](#)⁶¹

Том 1, с. 373-379, 365- 370, 382-383:

= А. Алексеев — ? (октябрь 1982)

[Это письмо сохранилось у меня только в перепечатке 1984 года, когда социолог-испытатель уже избегал фиксировать в архиве имена своих адресатов. По-видимому, оно адресовано одной из «Любимых женщин», вопрос — к кому? В письме описываются события, последовавшие за «индивидуальной забастовкой» социолога-рабочего. — А. А.]

<...> Текст про «Серегу-штрейкбрехера» обрывается уходом А. на бюллетень. 3 сент. (пятницу) Алексеев еще работал, а Серега уже был на бюллетене. Получив от меня, еще накануне, категорический отказ возвратиться на ПКР, администрация предпочла извлечь с бюллетеня Серегу (тем более, что тот сам этот свой бюллетень скомпрометировал выходом накануне в ДНД и т. п.). Я же исчез без предупреждения и проболел 2 недели, никому ничего не сообщая, поскольку потерял голос (действительно!) и, стало быть, «не мог» даже позвонить по телефону.

Что касается Сереге, то он еще четыре дня из недели своей «липовой» болезни выходил на работу и самоотверженно вкалывал.

Это была неделя 6–10 сентября.

В среду, 15 сент. Серега выписался со своего бюллетеня и продолжал вкалывать уже на законных основаниях.

⁶¹ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

В этот день произошло странное событие, смысл которого прояснился для меня только месяц спустя (а для Сереги не ясен и до сих пор). Когда Серега 15 сент. вышел с обеда (в награду за свои трудовые подвиги он получил что-то вроде «свободного расписания»), он застал у станка целый консилиум из технологов и механиков, **воспроизводящих заново** те технические проверки, которые пару недель назад социолог-наладчик дезавуировал объяснительной запиской, мотивирующей его отказ от работы.

Тогда из 24-х необходимых измерений произвели одно, а теперь **два** из 24-х и успокоились, еще чуть-чуть подвинув координатный стол (тем самым еще ухудшив вероятные результаты тех измерений, от которых отказались).

Важно другое: откуда такая инициатива администрации? Чудеса!

Ладно. Продолжает Серега «штрейкбрехерствовать». Алексеев болеет.

В понедельник, 20 сент. я выхожу на работу. А Серега с этого дня... заболевает, теперь уже всерьез (узнаю, позвонив ему по телефону). Ну и дела!

Беру **слесарное** задание у мастера (все та же примитивная зачистка грата).

Орудую напильником. ПКР стоит. «Штрейкбрехер» болеет.

После обеда меня вызывают к начальнику цеха. Тот сидит рядом с собственным столом, а за столом — заместитель. Предпринимается последнее (смесь истерии с меланхолией) давление на Алексеева, чтобы вернулся на станок. Говорю, что, в отличие от администрации, своих решений не меняю. Все, что имел сказать по этому поводу, уже написано в моей объяснительной записке. Ссылаются на новые проверки, произведенные в мое отсутствие.

Мне (тогда еще не знавшему о них) достаточно было выяснить, на скольких позициях револьверной головки были произведены измерения («ах, только в 2-х из 24-х!..»).

— Вы ведете себя так, — говорю, — словно собираетесь завтра уволиться. Обидно, конечно, это слышать начальнику цеха, несколько месяцев назад назначенному.

— Что же Вы собираетесь делать? — спрашивает он.

— Пока я выполняю одно из Ваших распоряжений, — отвечаю, — работаю слесарем.

— Я не могу Вас использовать на этой работе, у Вас нет такой профессии.

— Ну, Вы же об этом не подумали, когда меня переводили.

— Тогда пишите заявление о переводе Вас в слесари.

— Я Вас об этом не просил и просить не стану.

— Да... У Вас больше жизненного опыта, чем у меня.

— Действительно, я старше Вас. Но это не имеет отношения к делу.

— Вы загоняете нас в угол!

— Вы поставили себя в него сами.

(Кажется, я теперь по памяти объединяю реплики из разных бесед на протяжении этого месяца.)

Итог разговора: высказываю пожелание начальнику пользоваться своими правами, но при этом избегать нарушений трудового законодательства.

(Я замечал, что иногда подобные описания «ключевых» разговоров с моими производственными «партнерами» вызывают сочувствие к этим последним; может быть, это потому, что я обычно не склонен чувствовать себя «страдающей» стороной, и это находит отражение в описаниях.)

С тех пор меня полностью оставили в покое. Последняя надежда начальства была убита. Но при этом даже мысли у Данилушкина (начальника цеха) не возникло использовать болезнь Сереги, а значит — простой станка, — для приведения его (станка) в удовлетворяющее социолога-наладчика состояние.

...Сергея отсутствовал неделю. ПКР стоял. Программа якобы «горела» («выпутаются, куда денутся», — говорят рабочие). Я слесарил. С моим окончательным отказом вернуться на станок «в его нынешнем (после ремонта!) состоянии» — сложилась ситуация действительно затруднительная. Алексеев, будучи наладчиком 5-го разряда, одновременно штамповал «программу», страховал технологов, следил за состоянием оснастки, регулировал станок и в течение двух лет сам его ремонтировал, при необходимости. Наконец, делал сам шаблоны... И все — за 150 руб. повременно (уже значительная, но еще не полная загрузка исключала возможность перехода на сдельщину).

Сергея, будучи слесарем 4-го разряда (и получивший, в итоге обучения, еще 2-й разряд штамповщика), у себя в бригаде зарабатывал 300 руб., и меньше ему теперь платить нельзя (хоть на координатном прессе он работает, хоть слесарит). А в течение первого месяца своего «штрейкбрехерства» Сергей только на ПКР и работал (поднакопилось за время ремонта «хвостов», да и заест все время что-нибудь: то с оснасткой, то в чертежах, то на станке). А в бригаду от него — практически никакого «наvara», равно как и Алексеев в первые месяцы своего слесарничества гроши заработает. Так и так — убыток плану... В отличие от Алексеева, Сергей своих шаблонов на станке не делает и делать не будет, в лучшем случае — своими слесарными средствами, но тогда ему надо еще и за это как-то платить.

Алексеев был неудобен, но брал все на себя. А Сергей покладист, но ничего на себя не берет, из мелких затруднений выкручивается, а крупные переваливает на администрацию... Чуть где что заело, идет к своему верстаку и слесарит, чтобы на шее у бригады не висеть. А начальство вокруг станка бегаёт. Да не очень-то оно свои обещания держит. Обещали работу на бюллетене кроме отгулов еще оплатить, теперь же предлагают всего-то 15-рублевую премию. Благодарность приказом директора объявили Сергею ко Дню машиностроителя... А в гробу он видел эту благодарность (хоть за 10 лет и ни разу не получал)!

Желания и инициативы выручать начальство хватило у Сергея на 2 недели (у Алексеева — на 2 года!), а дальше он стал обычным исполнителем, который согласен нарушать технологию, но во всяком случае не станет ее придумывать; не станет не только ремонтировать станок, но даже и регулировать (не его дело!); отдаст первую деталь в ОТК, а остальные и не померяет. И т. д. В общем, стал Сергей минимизировать свои усилия. Даже «партизанщина», которой увлекся было в первую неделю, — приелась: хлопотно, да и на браке обжегся. (Протащили тогда на сборку партию с его 3-мм ошибкой в размерах, «никуда не делись»; но все же неприятно...)

В течение двух месяцев я вел подневные записи того, что делал сам, и что делал Сергей. После выхода со второго бюллетеня, с 27 сент. по 15 окт. (т. е. три недели) Сергей работал на ПКР от силы пять дней, включая пару вынужденных задержек в вечер (днем технологи расхлебывали свои проблемы, а станок и Сергей дожидались). Все остальное время Сергей слесарил для своей бригады, тем самым отчасти отработывая свою сохраняющуюся высокую зарплату.

19 окт. (вторник) ознаменовалось социально-производственным изобретением Сергея. Загрузив в револьверную головку инструмент для примитивных «корзиночек», он нашел себе «субподрядчика» (другой Сергей, назову его Сергей-младший, совсем молодой парень, зарабатывающий сдельно слесарем 150 руб. в месяц). Чтобы нажимать на одну и ту же кнопку (а для «корзиночек» большего не требуется), ума не надо...

Правда, у Сереги-младшего довольно быстро спина заболела от туго двигающегося пантографа, который Серега-старший так и оставил с перезажатыми после ремонта подшипниками, но — привык.

Пару раз у Сереги-младшего что-то заклинивало. Тогда он звал старшего. Если старший не знал, что делать, звали Алексеева. Дело шло.

В итоге произошло полное «обобществление» «уникального оборудования», что дало основание бригадиру Виноградову (самый знаменитый на заводе бригадир) сказать: «Ну, все, теперь загробили станок».

ПКР вышел из строя, подтвердив этот прогноз, на второй партии «корзиночек» 21 окт. В отличие от всех предшествующих мелких неприятностей, это было уже ЧП, потребовавшее полуторадневных усилий ремонтной службы.

Когда ремонтники, разобрав фиксирующее устройство револьверной головки, расклинили палец, Серега-старший сказал, чтобы ему еще и «параллельность-перпендикулярность» подрегулировали, чему ремонтники с грехом пополам у Алексеева научились не далее как месяц назад. Тем самым было продемонстрировано уже полное отсутствие у станка своего «хозяина».

Автоматика вышла из строя еще в первую же неделю «штрейкбрехерской» эксплуатации. Пальцы не входили в положенные им гнезда время от времени, но оба Сереги научились эти пальцы «подколачивать».

Об изготовлении шаблонов на ПКР служба ОГТ, инструментальный отдел и цеховая администрация, до сих пор препиравшиеся на этот счет между собой, перестали уже и мечтать.

Поубавилось стыда, но прибавилось заботы — всем, кроме Алексеева.

Но у последнего возникли свои, новые заботы. Как овладеть слесарным умением в максимально короткие сроки?

Мой слесарный опыт на сегодня исчисляется сроком чуть более месяца. Тут возникает новая «азартная игра». Серьезность моих намерений переквалифицироваться из наладчика в слесаря уже не вызывает сомнений у низовой администрации. Давали «грады» чистить — чистил. Возвращали на переделку — переделывал. Дали дырки сверлить — стал размечать по технологии, как написано. Смотрит мастер: да кто ж по технологии делает, у нас (мастером сейчас временно один из бригадиров) тайная рация есть. — «Чего ж сразу не сказали, давай рацию...».

Первую деталь (80 шт.), которую, между прочим, на своем ПКРе (но она на ПКР еще не переведена) я сделал бы за полторы смены, если не за одну, включая изготовление собственного шаблона, — я слесарным способом, поэлементно, izdelывал 5 дней, заработав за эту неделю 8 руб. Переходя от одного пресса поэлементной штамповки к другому, освоил их за эту неделю, растрогав мастера напоминанием, что надо бы мне за «технику безопасности» расписаться (именно расписаться, а не ознакомиться с правилами!).

Когда все дырки были пробиты, я расстался с этой деталью: она была отправлена на гальваническую обработку, а гнул ее, после гальваники, уже не я, а... Серега (у которого к тому времени образовался простой на ПКР). И Серега заработал на данной «выгодной» операции 7 руб. за 3 часа.

Ну, я бы с этой гибкой, с непривычки, целую смену провозился... Так переплетаются в зарплате фактор умения и фактор нормирования.

Уже после этого гибкой на простейшей гибочной машине довелось заниматься и мне.

Пару дней фрезеровал контакты (благо фрезеровщик в отпуске). На снятии градусов с этих контактов на сверлильном станке поставил личный рекорд, заработав за смену около 15 руб.

На следующий день, нарезая резьбу в первый раз в жизни, заработал за смену 2 руб.

Манера не спрашивать, как что делать, а упрямая обезьянья манипуляция с ящиками и палкой для достижения банана, которой этот банан можно достать, но не так быстро, как надо бы для сдельщика, вызывает замечания любого оказавшегося рядом (им может быть даже Серега-младший), что лучше — **иначе**.

С готовностью делаю иначе. Всякую наладку, которую наладчик прессов Стас Политов делал при мне, в следующий раз пытаюсь делать сам, до тех пор, пока тот не подойдет помочь или исправить, а в третий раз он уже и не подходит — незачем.

Сверла надо уметь затачивать. Метчики надо уметь выбирать. Много всякой премудрости, но **не более сложной**, чем мой ПКР! Выкручусь. Думаю, что через пару месяцев мой сдельный заработок превысит тот повременный, который я получал в течение двух с половиной лет.

Пока же с заработком происходят странные вещи.

Начальство так и не решилось издать распоряжение о переводе наладчика в слесари, ведь это противоречило бы другому распоряжению — с выговором и депремированием наладчика за отказ от работы штамповщиком. (Тут есть еще и такой нюанс: наладчик, строго говоря, не обязан сам эксплуатировать оборудование!) В итоге сентябрь, в течение которого я заработал гроши, был оплачен повременно, причем за две недели, проведенные на бюллетене, я получил, судя по расчетному листку: и **по тарифу повременщика, и по бюллетеню**, т. е. 55 руб. лишних.

Ну и ну, чего не сделаешь с перепугу. А откуда «перепуг»? Не от моего же пожелания начальнику «не нарушать трудовое законодательство»...

Сообразил я это, узнав **с опозданием на месяц** (15 окт.) о неожиданном для цехового начальства (и тем более для меня) выходе в «Трибуне машиностроителя» корреспонденции о ситуации с ПКР. Это было еще 10 сент. 82 г., т. е. как раз когда я в цехе отсутствовал.

Заметка была написана заводским журналистом еще в июне. Потом я редактировал ее... поумерив там наивные восторги журналиста по моему адресу. Потом этот текст встретил энергичное сопротивление со стороны отдела главного технолога и после многократных корректировок утратил всякий смысл. Но и в этом бессмысленном состоянии, публикация была приторможена, насколько я понял.

И вот, вдруг, в разгар **«забастовки»** наладчика-штамповщика, через неделю после объявленного ему выговора, заметка про ПКР неожиданно была извлечена из «запасников» (может, чтобы «заткнуть дырку» на газетной полосе?) Повторяю, все это мне стало известно **месяц спустя**, т. к. ни Серега, ни кто другой из рабочих этой заметки не читал (или не придали значения).

Начальство наверняка читало. И безотносительно к тому, **что** там было написано (после купюр осталась лишь история освоения ПКР, а критика в адрес технологов была заменена их оправданиями), сам **факт публикации** (вот уж левая рука «системы» не знает, что делает правая!) вызвал у цеховой администрации смятение, побудившее к инициативной дополнительной проверке станка в период моего пребывания на бюллетене и внесшее меланхолические ноты в беседу начальника цеха с мной (см. выше).

Все это поучительно для исследователей массовой коммуникации, к которым я сам принадлежал лет десять назад...

Так или иначе, эта, так «не вовремя» опубликованная заметка, по-видимому, способствовала тому, что меня оставили в покое.

...Привык я уже к вопросам моих коллег-социологов: «А что рабочие, рабочие — как ко всему этому относятся?».

Большинство, с кем заходила речь на эту тему, полагали, что я поступаю неправильно — в том смысле, что делаю **себе хуже**. Такая позиция не является ни осуждающей, ни одобрительной, а скорее — «диагностической».

По мере же развития событий последних двух месяцев нарастало убеждение, что Алексеев делает-таки **себе лучше**. Этому взгляду способствовали и Серегины приключения на ПКР, и мои относительные слесарные успехи. Дважды я услышал слово «забастовка» (один раз — от секретаря партбюро цеха, другой раз — от заводского журналиста). Один раз прозвучало даже слово «штрейкбрехер» (в адрес Сереги). Обе эти формулировки были мною, разумеется, решительно оспорены.

Но вообще — все это воспринимается массовым рабочим сознанием совсем в других терминах (типа — «себе хуже», «себе лучше»).

...Пора заканчивать этот самоотчет, написанный, как Вы понимаете, в равной степени для Вас и для себя.

Что будет дальше — посмотрим. Время работает на слесаря Алексеева, набирающего опыт и производительность с каждой неделей. Думаю, что у начальника цеха нервы не выдержат раньшее.

Бригадир Виноградов (тот самый, который упоминается в заметке) приглашает в свою бригаду.

— А сколько заработаю? (Там разрыв в заработках от 150 до 300 и выше.)

— Для начала — 210.

Это — слесарем. Ну, Виноградов прикидывает, что я еще и на ПКР буду партизанить...

Судите сами: сделал ли я себе «хуже»?

<...> Ваш Андр. Ал., 24.10.82

...5.6. «Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному...»

Несколько вступительных слов

*Автор нижеследующего текста — мой друг и коллега, социолог **Анри Абрамович Кетегат**. Мы познакомились еще в 60-х.*

А. К. был редактором научного издательства, сотрудником НИИКСИ при Ленинградском университете. С начала 80-х живет в Вильнюсе. Примерно в то же время, что и автор этих строк, добровольно «сменил профессию». Работал на Вильнюсском заводе счетных машин слесарем-сборщиком, потом аппаратчиком станции очистки гальваностокков.

Анри Кетегату довелось быть одним из первых читателей моих писем и дневников начала 80-х. На историю о том, «как Серега был штрейкбрехером», он откликнулся письмом.

Письмо А. К. было изъято при обыске в моей квартире (сентябрь 1983), вскоре за тем — возвращено (т. е. «идеологически вредным» текст признан не был). При подготовке настоящей книги я искал это письмо в своем архиве, не мог найти. Как выяснилось, копия сохранилась у Анри, благодаря чему это эссе может теперь увидеть свет.

Современное примечание А. К.: «...перечитавши, обнаружил, что были в Досмутное время свои удовольствия... Анри. 9.09.99».

Как все-таки хорошо, что сохранился у Анри Кетегата этот текст! (Сентябрь 1999).

А. Кетегат — А. Алексееву (март 1983)

Дорогой Андрей!

Возвращаю, как ты просишь, тексты. Читательское удовольствие оставляю себе.

Ах, Серега, Серега, похмельная твоя головушка! Тебе велят соединиться с пролетариями всех стран, а ты разъединяешься с напарником по станку. (Между прочим в бригаде, работающей на единый наряд, это было бы невозможно — одно из достоинств БФОТ) . Тебе сообщают о твоём невиданном (невидимом) трудовом подъёме, а ты ладишь себе алкогольный подъём давления. Тебе толкуют о чувстве хозяина, а ты — «нас не колышет».

Не чувствуешь ты, брат, сверхчувственного. Не подняться твоей сенсорике до парапсихологических высот. И те, которые велят, сообщают, толкуют, зря об тебя язык обмолачивают, не щадя живота **твоего**.

Обмолачивают, чтоб вскачь пошел. А у тебя и рысь-то — все равно что бег в мешке.

Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному.

В диспозиции Серега — Алексеев два типа реакции на стреноженность. Тут расклад не такой, что Серега ржет про, а Алексеев contra. Серега тоже contra, иной раз даже более шумная контра. Но: он охотно честит заводские порядки и тем не менее относится к ним как крестьянин в страду к обложному дождю. Дождь мешает, раздражает, да ведь что поделаешь — закон природы, не нами писан, туды его в качель!

Оно, конечно, так — не нами писан. Не Серегой и не Алексеевым. Но для Алексеева из неподвластности порядков **ему** — не следует **его** подвластность порядкам. А для Сереги следует.

Вот река, вот плот и вот остров. Плот река несет, остров она не сносит. Плот рекой держится, собственной опоры у него нет. Остров держится собою. У плота-Сереги нет позиции. У острова-Алексеева есть.

Несогласная реакция Алексеева на течение производственного быта — проявление позиции. Несогласная реакция Сереги (когда несогласная) — проявление настроения. А настроение материя текучая, ей ли противостоять течению!

По признаку «позиционности» происходит в настроенческой среде, спаянной артельными отношениями, естественный отбор на лидерство. Во всяком случае так обстоит дело в области «внешней политики» — взаимодействия с администрацией. Лидером тут совершенно не обязательно становится тот, кто к этому склонен характерологически, даже не тот, кто просто инициативен. Чтобы стать лидером, можно и не двигаться против течения, достаточно не двигаться по течению. Здесь работает энергия сопротивления, а не нападения, противостояния, а не противодвижения. Столкнувшись с тем, что не удастся снести, течение само очерчивает его контур — выделяет.

Именно так — не активничая, а лишь не поддаваясь течению — стал я у нас в бригаде народным комиссаром обороны — от мастера и иже с ним. Старший мастер, весьма поднаторевший в искусстве преодоления настроений, проходит сейчас с моей помощью школу преодоления позиции, но тут ему аттестат зрелости не светит. Испытанные антинастроенческие средства — кнут и пряник — «этого» Кетегата не берут: кнут перехватывает, от пряника морду воротит.

Привод к парторгу цеха по обвинению... ну, конечно же, в саботаже и разложении бригады — тоже не дал результата. (Забавно, что обвинение было предъявлено вскоре после награждения саботажника и разлагателя почетными грамотами «за хорошую работу» и «за воспитание молодежи».) Ну, и от

реализации намерения «убрать его из бригады» пришлось если не отказаться, то воздержаться. Пришлось отказаться от любовых атак и перейти к осадной тактике. Стало опасно блефовать: учуяв настрой мастера идти «на мы», бригада загодя собирает относящуюся к делу информацию. В монархии (характерологически мастер царь, играющий в батюшку) появились конституционные ограничения, которые «этот» [А. Кемегат. — А. А.] инкрустирует последними достижениями демагогической техники: БФОТ — форма вовлечения рабочих в управление и т. п.

Возвращаюсь к Сереге. Не имея позиции, он не снаряжен и соответствующими средствами самозащиты — мнением, доказательством, опровержением. Он хорошо чувствует то, что непосредственно дано. Но, если ему дано не то, что требуется, и требуется доказать, что из данного — требуемое не следует, из Серегиного «живого созерцания» доказательство не сшивается.

Он не строит теорем. И не потому, что пасует перед требованиями (если уж очень допечет, Серега может проделать с требователем то же, что со стрессами поутру). И не потому, что процедура доказательства ему вообще не по зубам (вербально-генитальная активность у него не обязательно сочетается с интеллектуальной недостаточностью). Просто в Серегином «инструментальном хозяйстве» теоремы нет, и установка на доказательство, если и обнаруживается, то — безоружная: без инструмента, без оснастки.

В разгар предновогодней косовицы расценок председатель цехкома, защищая Серегины интересы от него самого, объясняет ему: не отдашь десять процентов добром, силком возьмем — и частичной компенсации не получишь. Серега в крик: за год отначите две сотни, а «отдадите» два червонца, где ж справедливость? Но защитник Серегиных интересов более крупный специалист по справедливости. Не деньги у тебя отначивают, а трудоемкость снижают. Производительность труда надо повышать или не надо? Ты что ж думал, как начал сапожник с пяти пар сапог в месяц, так и до пенсии?

Крыть нечем, разве что матом. И взрастет из Серегиного рта фаллический лес, испещренный вагинальными впадинами. Он еще попузырится, пошумит для сохранения лица. Но куда ж денешься... Хрен с тобой, гад ты рассознательный, гони свои две красненьких. Да по соцсоревнованию отстегни одну — я вон как производительность повышаю!

Вон он как производительность повышает! Серегины реакции режут глаз Алексеева (условного, разумеется) отсутствием элементарной преемственности. Алексеев последователен не только потому, что у него позиция. Императив последовательности вообще входит в набор требований, которые он к себе предъявляет. Если он сегодня не возразил Иванову, критически отозвавшемуся о Петрове, то завтра как минимум постесняется поддержать Сидорова, который Петрова похвалил, даже если определенного мнения о Петрове у Алексеева и нет.

Не то Серега. Не зная, что он представляет особую, настроенческую культуру, в которой в сущности нет нормы «будь последователен», легко заподозрить нашего штрейкбрехера в лицемерии, в малодушном поддакивании очередному собеседнику. Но лицемерие тут и рядом не лежало. Тут совсем другое что-то. Что-то от внушаемости, естественной при отсутствии позиции. Что-то от свободного, не скованного самоконтролем **дыхания живого, себя не помнящего** [выделено мною. — А. А.]. Как шелест листья, однозвучный независимо от того, откуда ветер — с юга ль, с севера...

Что это? Всесилие стимула и ничтожность той внутренней переменной, которую «потеряли» бихевиористы? Или, наоборот, бессилие стимула (бессилие вызвать

адекватную ему реакцию) перед аморфностью этой переменной, поглощающей, растворяющей в себе структуру стимула?

Я вдруг по-новому увидел «семь пятниц на неделе». Смысл — непостоянство, но поименовано-то как раз постоянство: каждый день — пятница. Дальше я в эти логико-семантические дебри не полез, потому как об экстенционалах и интенционалах слышал самым краем уха. Я полез дальше в Серегу.

У него, мне кажется, наоборот — не непостоянство выражено через постоянство, а некое скрытое постоянство через видимое непостоянство. Я имею в виду то, как он локализует себя во времени.

Сереге человек **настоящий**: он всегда в настоящем времени.

Всегда «сейчас». «До» и «после» — его нет. Ну, не совсем, конечно, нет, но уж очень периферийно. Эпицентр его самочувствия никогда не смещается за пределы «сейчас». Прошое (собственное прошое) его не жалит, будущим он не томится. То есть само его время (восприятие себя во времени) лишено последовательности, следования: я вчера, я сегодня, я завтра. Но если время «непоследовательно» (постоянно настоящее, вечная пятница), последовательности, преемственности реакций просто негде прописаться. И это хорошо корреспондирует с настроенческой природой Сереге.

Тут есть и хорошее. Непоследовательность-беспамятность может обернуться незлопамятностью.

На проспекте Обуховской обороны, последнем моем ленинградском биваке, была у меня соседка — пьющая бабка. Неистовая потребность в единении с людьми, в заботе о ближнем уживалась в ней со столь же неистовой потребностью в разъединении, в обиде и ссоре. Предметы удовлетворения этих потребностей (остальные обитатели коммунального рая) менялись местами с маятниковой регулярностью. Сегодня Х друг, Y враг, завтра наоборот. При этом бабкины реакции ни на йоту не были обременены грузом воспоминаний о вчерашнем распределении любви и ненависти.

Великолепен своей рельефностью эпизод из «Плотницких рассказов» Василия Белова. Два старика-крестьянина, будучи в подпитии (но не до беспамьятства) разодрались до членовредительства — и не из пустяка, а из несогласия «по существу вопроса». Наутро потрясенный рассказчик застаёт их мирно беседующими как если бы ничего не было. И мир осеняет старцев не потому, что они «поняли друг друга» — преодолели разногласия или возвысились до взаимного отпущения грехов. Нет, о вчерашнем у них сегодня не только речи нету, но и той самой памяти сердца. Былое **было**, оно осталось вчера, до сегодня просто не дожило.

Это неумышленное, как выдох, предание вчерашнего Лете, это отсутствие дум о былом, забвение словом или делом выраженного вчера отношения (не пересмотр позиции!) я наблюдаю у Сереге [*тоже условного!* — А. А.] постоянно. «Тот, кто контролирует прошое, контролирует будущее». Сказано Оруэллом в другой связи, но уместно и здесь. Не помня себя в прошлом, пребывая в беспамьятном настоящем, Сереге не управляет и своим будущим. Здесь тайна его «штрейкбрехерства» — измены самому себе, сказал бы я, если бы его внутренняя переменная была не то чтобы более постоянной, но — выложенной на оси времени.

(Хорошо, что Сереге не читал Сартра. А то бы он мне врезал: «...я держу прошое на почтительном расстоянии»; «...я не переставал менять кожу, на ходу сбрасывая один за другим свои выползки»; «Я сделался предателем и им остался. Тщетно я вкладываю всего себя во все, что затеваю... — через минуту я отрекусь от себя»; все это — из «Слов». Но тогда я разъяснил бы Сереге, что это, братец, о другом. Хоть и не настолько о другом, чтобы от Сартровой

«мгновенности» — автохарактеристика! — к Сереги-ной, как и от Сартрова культа спонтанности к Серегиному пребыванию в настроении, нельзя было построить сопоставительный мост.)

Пора, однако, кончать трепанацию Серегиного черепа. И так уж «с твоей помощью я сказал больше, чем имел в уме» (Теэтет — Сократу).

Надеюсь, в том, что я наговорил о нашем штрейкбрехере, нет снисходительности родом из высокомерия. Если же я, подчас не пряча улыбки, его «критикую», а себя в одном месте без улыбки похвалил, то это потому, что сравнение шло только в одном отношении. Как раз в том, в котором на моей социальной физиономии обнаруживаются черты, на Серегиной физиономии отсутствующие. **К сожалению** (а не к высокомерию). Дело известное, не мной открытое.

Вообще же мы с Серегой товарищи — и не только по несчастью стреноженного труда. **А какое же может быть товарищество без уважительной взаиморасположенности!** [Выделено мною. — А. А.]

<...> Анри. — Вильнюс. 12.03.83

А. Алексеев — А. Кетегату (март 1983)

Дорогой Анри!

Большущее Тебе спасибо за нежданную «рецензию» — она же целая лирико-социологическая поэма о Сереге. Очень разделяю твою позицию. Именно так смотрю на «тип Сереги» и я. В протоколе моем такому размышлению места не нашлось, а Ты как бы за меня сказал, и лучше, чем смог бы я сам. Отныне «Серега» — **наш**, а не только мой. УжЛ — перепечатаю и буду всем показывать оба текста вместе.

Очень интересные вещи сообщаем Ты о своем «комиссарстве» в бригаде. Похоже, что у нас с Тобой весьма близкие типы поведения. Впрочем, у меня сейчас перемены.

Серега со товарищи доламывает мой станок, а я сдал экзамен на слесарный разряд и окончательно перехожу в слесари. А где-то на первом этаже цехового здания докапывают яму под фундамент нового ПКР, только более мощного. Не удивлюсь, если мне предложат его запускать. Но тут уж мы поторгуемся материально...

Так как из Высшей профсоюзной школы культуры я теперь ушел, то «другим вариантом» является не что иное, как отказ от совместительства вообще.

Соображения тут разные (не только вынужденно, хотя ВПШК и сама вдруг стала уклоняться от продолжения).

История про Советскую социологическую ассоциацию тоже получит продолжение. Пожалуй, ее можно будет назвать: «Диалоги» (диалоги с парт. органами). Сейчас отложу эту тему ввиду незаконченности ее в тексте. А наспех излагать в письме — не хочется.

На Кубу я, кажется, все-таки уезжаю через неделю-полторы.

<...> Обнимаю. Еще раз спасибо!

Твой брат Андрей Ал., 20.03.83

P. S. Умоляю, пиши письма — мне, любимым женщинам, внукам, кому хочешь... Никто за Тебя их не напишет! А. А.

Примечание. См. 30 лет спустя: [Кетегат Анри. Диск. СПб.: Норма, 2011.](#) — 272 с.

См. также на [Когита.ру](#):

[Уроки и лица](#) ⁶²

62 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

[Презентация книги Анри Кетегата](#) ⁶³

[«Диск» Анри Кетегата](#) ⁶⁴

[Анри Кетегат. Вечерняя сказка](#) ⁶⁵

[Анри Кетегат. Из дневника. В гостях у дочери и другие заметки](#) ⁶⁶

Вместо заключения

Из «Записей для памяти» (февраль 1984)

<...> В конце ноября 1983 г. бригадир Анатолий Сыцевич предложил мне перейти из бригады Игоря Виноградова в его бригаду. Это было связано с переходом в другой цех слесаря Сергея З-ва, моего бывшего ученика, который год назад сменил меня на координатно-револьверном прессе. Вступление в бригаду 003 предлагалось на условиях закрепления за мной станка ПКР для постоянного и «монопольного» обслуживания и повышения дневного производственного задания с 7,0 до 9,0 руб. Я сразу же согласился. Предложение бригадира о столь резком повышении рабочему производственного задания (что отвечает увеличению среднемесячной зарплаты с 200 до 260 руб.) вызвало противодействие со стороны администрации (старший мастер, начальник цеха). Столкнувшись с этим обстоятельством, Сыцевич попросил меня поработать в декабре с 8-рублевым заданием, притом что с января 1984 г. мне его повысят до уговоренной величины. Я сказал, что вполне полагаюсь в этом деле на бригадира.

С 1.12.83, будучи принят в состав бригады 003, я приступил к постоянной работе на ПКР.

23.12 состоялось бригадное собрание, где, при определении величины производственных заданий для каждого члена бригады на 1984 г., мне было установлено — 9,0 руб. Несколько дней спустя бригадир Сыцевич принес извинения за то, что не смог уговорить начальника цеха утвердить это бригадное решение. Данилушкин настаивает, чтобы задание мне было установлено на уровне 8,5 руб.

3.02.84, по предложению сменного мастера, я подписал документ, имеющий смысл то ли «согласия» с установленным заданием, то ли «социалистического обязательства», поскольку туда уже был вписан и «встречный план» — 8,7 руб. Фактически я могу вложить в общебригадный «котел» и больше этого плана. Но в конечном счете каждый получает не столько, сколько заработал по расценкам, а столько, сколько ему положено «по статусу» (измеряемому дневным производственным заданием; так это устроено на нашем заводе).

В итоге, мой статус на пятый год производственной карьеры определен заданием 8,5 руб. за смену, а в месяц — с учетом премиальных (30%) — 240 руб. Начиная же я со 150 руб. в мес. (повременно), что соответствует — при сдельной оплате — заданию порядка 5 руб. Рост моего статуса за четыре года не является ни слишком медленным, ни слишком быстрым, только — в отличие от большинства — скачкообразным.

Собственно, цеховое начальство не «по злобе» воспротивилось немедленному повышению задания до 9 руб. Такого «взлета» (после 7 руб. еще в ноябре 1983 г.) не утвердил бы отдел НОТиУ.

⁶³ <http://www.cogita.ru/nko/nic-memorial/diskussii-memoriala/prezentaciya-knigi-anri-ketegata>

⁶⁴ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/abdiskbb-anri-ketegata>

⁶⁵ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/anri-ketegat.-vechernyaya-skazka>

⁶⁶ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/anri-ketegat.-iz-dnevnik.-v-gostyah-u-docheri-i-drugie-zametki>

Мой бывший ученик на ПКР, правда, слесарь с почти 10-летним стажем работы в цехе, Сергей 3-в имел задание 10,0 руб. Наивысшее задание (кажется, 11,5 руб.) в моей нынешней бригаде — у бригадира Сыцевича, работающего на заводе свыше десяти лет. <...>

(13)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/a-alekseev-eksperiment-kotoryi-issledovatelem-ne-planirovalsya>

А. АЛЕКСЕЕВ. ЭКСПЕРИМЕНТ, КОТОРЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ НЕ ПЛАНИРОВАЛСЯ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 15.03.2016

Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (13).

Из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (том 2):

ГЛАВА 8 «ДЕЛО» СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ДЕЛО...

1. Работа, созидательная деятельность...
 2. Чья-л. деятельность, имеющая идеологическую, марксистско-ленинскую платформу, направленная на построение социализма и коммунизма...
 3. То, что непосредственно, близко касается кого-л., чего-л., входит в чьи-л. задачи...
 4. Специальность, профессия, круг занятий...
 5. Административное, судебное разбирательство; судебный процесс по поводу какого-л. факта, события...
 6. Собрание документов, относящихся к какому-либо факту, лицу...
- В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина.
Толковый словарь языка Совдепии. М.:
Фолио-пресс, 1998, с. 150–152

Не беги от волны, милый мальчик,
побежишь — разобьет, опрокинет,
но к волне обернись, наклонись и прими ее
с твердой душой.

Н.К. Рерих («Священные знаки») (@)

...Я пытался сохранить спокойствие, но мне это не всегда удавалось. Меня спасло то, что на каком-то этапе борьбы я решил, что ко всему надо относиться с юмором, поскольку всякое познание есть благо. Я успокоился, ненависть во мне сменилась любопытством, которое мой противник удовлетворял активно, обнажаясь как на стриптизе. Я уже не боролся, а собирал материал для данного сочинения [выделено мною. — А. А.]: а мой противник и его дружки деятельно мне помогали, развивая этот грандиозный сюжет и делая один за другим ходы, которые, может быть, не всегда придумаешь за столом. Сюжет этот не просто увлекателен, он, мне кажется, объясняет некоторые происходящие в нашей стране явления, которые не то что со стороны, а изнутри не всегда понятны...
В. Войнович. «Иванькиада». (Цит. по: Войнович В. Малое собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. М.: Фабула, Рипид, Сиа-банк, 1995, с. 435)

8.1. Хроника эксперимента. Взгляд из 1988 года

Из очерка А. Э. Головкова «...мир погибнет, если я остановлюсь!» (май 1988)

<...> Весьма подробно об этом уже писала «Литературная газета» (Л. Графова. «Преодоление пределов», «ЛГ» от 23 сентября 1987 года, № 39). Поэтому ограничимся хроникой.

1982 год. После первых докладов на ученом совете ИСЭПа о результатах примененного им метода «наблюдающего участия» и вывода о том, что «своеобразным солнечным сплетением системы производственных отношений является управление распределением, а ключевой проблемой — реализация принципа «от каждого — по способностям, каждому — по труду», Алексеева на всякий случай увольняют из института (он работал там на полставки) под предлогом «сокращения штатов». Это было в январе.

1983 год. Обыск и налет на квартиру. [Как явствует из сказанного в предыдущей главе, это два **разных** события. — А. А.]

1984 год, март. Справка «В отношении Алексеева А. Н.» разослана [из УКГБ ЛО. — А. А.] по организациям, в том числе и на завод «Ленполиграфмаш».

1984 год, май. Заводской комитет [правильно: партком завода. — А. А.] утверждает решение цехового партийного собрания об исключении Алексеева из рядов КПСС.

1984 год, август. Секретариат Ленинградской организации принимает решение об исключении Алексеева из Союза журналистов СССР.

1986 год, январь. На бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации Алексеева исключают из рядов ССА. <...>

(Огонек, 1988, ¹ 19)

8.2. «В отношении Алексеева А. Н.» (справка УКГБ ЛО)

Нижеследующий документ был отправлен из УКГБ ЛО в партийный комитет «Ленполиграфмаша» и в некоторые другие официальные адреса в марте 1984 г. — А. А.]

Справка. 12.03.84. № 5-3/493. Ленинград
В ОТНОШЕНИИ АЛЕКСЕЕВА А.Н.

В январе с.г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия» Управление КГБ по Ленинградской области объявило официальное предостережение Алексееву Андрею Николаевичу, 1934 г. рождения, русскому, члену КПСС с 1961 г., кандидату философских наук, работающему слесарем-наладчиком завода «Полиграфмаш», проживающему по адресу: Ленинград, Наличная ул., дом 40, корп. 1, кв. 132,

— в связи с тем, что он хранил и распространял среди своих знакомых произведения политически вредного содержания, не издававшиеся в СССР и не подлежащие распространению на территории Советского Союза, а также распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности.

Алексеев в 1956 г. окончил факультет журналистики ЛГУ им. А. А. Жданова, член Союза журналистов СССР с 1961 г. В 1964–1965 гг. работал в редакции «Ленинградской правды» в должности заведующего промышленным отделом, в 1975–1981 гг. — старшим научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР.

В январе 1980 г. Алексеев приступил к проведению социологического исследования в рабочей среде по типу «включенного наблюдения» и перешел на работу в качестве слесаря-наладчика на завод «Полиграфмаш», продолжая до декабря 1981 г. научную работу в ИСЭП АН СССР по совместительству.

Имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области материалы свидетельствуют, что Алексеев хранил и в 1978–1982 гг. распространял среди своих знакомых копии изданных за границей клеветнических произведений «Зияющие высоты» и «Светлое будущее», автором которых является бывший советский гражданин Зиновьев А. А., сотрудничающий с эмигрантскими антисоветскими организациями.

В 1980–1982 гг. в период работы на заводе «Полиграфмаш» на основании полученных им материалов в процессе т. н. «включенного наблюдения» Алексеев написал несколько статей политически вредного содержания, под названием «Письма любимым женщинам», в которых он в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзываясь о рабочем классе.

Кроме того, установлено, что в 1979–1981 гг. Алексеев организовал и провел несанкционированное партийными органами и администрацией ИСЭП АН СССР социологическое исследование «О состоянии и перспективах развития советского общества». Вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» и методологический комментарий к ней носили тенденциозный характер и были

построены таким образом, чтобы получить негативные ответы о состоянии и перспективах развития советского общества.

По месту жительства у Алексеева изъяты политически вредные произведения Дж. Оруэлла «1984» на английском языке, цитатник Мао-Цзэ-дуна, машинописные отрывки из книги Ф. Искандера «Сандро. Новые главы», клеветнического содержания, и восемь документов с грифом «Для служебного пользования». Один из документов — доклад академика Т. И. Заславской «Социальный механизм развития экономики» — был размножен им и распространен в своем окружении. Такое обращение с документами «Для служебного пользования» является нарушением установленных правил работы с ними.

На беседе в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области Алексеев А. Н. вел себя неискренне, от дачи правдивых объяснений по указанным выше фактам уклонился.

Начальник подразделения УКГБ ЛО В. И. Полозюк

Ремарка 1: ожидания оправдались.

Фактические неточности в документе: 1) правильное обозначение работы автора на заводе, по штатному расписанию, — не «слесарь-наладчик», а «наладчик технологического оборудования»; 2) окончил — не «факультет журналистики», а филологический факультет ЛГУ. О «хранении и распространении» произведений А. Зиновьева специально речь пойдет ниже. ... Стоит заметить, что круг обвинений в справке УКГБ ЛО (за исключением «эпизода» с произведениями Зиновьева) в общем совпал с теми, которые социолог-испытатель сам «вычислил», сразу после обыска, и который хотел было «авансом» опровергнуть в тексте своего первоначального варианта письма начальнику УКГБ ЛО Носыреву, осенью 1983 г. (От чего его вовремя предостерегли друзья; см. выше). (Сентябрь-ноябрь 2000).

Ремарка 2: кому повезло — кому не повезло?..

Вообще говоря, Управлению КГБ в этом деле... не повезло. (Или повезло мне?)

*Обыск, прикрытый фиговым листком поиска валютных ценностей и т. п., был рассчитан на обнаружение запрещенной литературы. Скажем, изъяли бы те же «Зияющие высоты», или «Архипелаг ГУЛАГ»... И нет проблем для органов! Можно было бы и судить (как минимум, по статье 190-1 УК), можно и **раскалывать** (под угрозой уголовного преследования). Формально все было бы «по закону»...*

А тут, как на грех: ни «Посева», ни даже «Имки-пресс»! Оруэлл — и тот на английском языке... С Мао-Цзэ-дуном — и совсем смешно. Несколько машинописных листков с неопубликованными фрагментами романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема» и с письмами М. Цветаевой... В общем, «не тянет» ни на какую статью!

*А особенно **не повезло** сотрудникам госбезопасности — с материалами опроса «Ожидаете ли Вы перемен?»². Надежды заполучить при обыске записи крамольных экспертных интервью не оправдались. (А уж там — хватило бы и на «коллективное» дело!)*

Вот и пришлось, в обоснование последующих санкций, сосредоточиться на «Письмах Любимым женщинам», окрестив их «статьями».

Ход вообще-то не самый сильный... По крайней мере, открывающий путь для самообороны и даже для контратаки. (Сентябрь 1999).

8.3. «Разрешаю ссылаться на эти документы...»

*Ремарка: **досье на самого себя.***

В конце 1983 — начале 1984 г. социолог-испытатель активно собирал «досье на самого себя»: все документы, имеющие отношение к обыску в его квартире и к последующим событиям, включая официальное предостережение органов госбезопасности и т. п.

«Досье» имело вид композиции документов, с длинным и, пожалуй, претенциозным названием:

*«**Дело Алексеева** (из опыта экспериментальной социологии), или:*

***Приключения социолога-наладчика** (личная хроника конца 1983 года), или: **Игры сталкера. 1984** (документально-драматургический поиск)».*

Тогдашняя «автоаннотация»:

«Что это такое? Конечно, черт-те что... Но “знающий меня — улыбнется” (заимствовано у М. Цветаевой)».

На титульном листе каждого из разделов надпись:

«Личный архив! Чтение и даже перелистывание — только с согласия А.Н. Алексеева. 01.1984».

Как же, как же!

Ниже — оглавление этой композиции. (Сентябрь 2000).

«Дело Алексеева». Оглавление (конец 1983 — начало 1984 г.)

0. Пролог: «Не только о себе»

I. Начало

II. Канун

1. Утро года. Характеристики. 2. На сотню умных — один дурак. 3. Социология театра. 4. Детектив с псевдонимом. 5. Из деловой переписки. 6. Предупреждение богов. 7. Социология жизни/ 8. Ох, уж этот А.! 9. Человек в системе реальных производственных отношений

III. Заподозренный

1. Обыск и выемка. 2. Свидетели по валютному делу. 3. А жизнь идет... 4. Прокурорский надзор. 4а. Отличие заподозренного от подозреваемого. 5. «Уважаемые товарищи!..». 6. Товарищеская критика. 7. Объяснения Любимых 8. Малолетний взломщик. 9. Предложения в Госкомтруд. 10. «Нам надо трезво представлять, где мы находимся...». 11. Бригадный подряд. 12. Место встречи изменить нельзя

IV. Предостереженный

1. Несогласный с претензиями. 2. Остается на счете. 3. По следам наших выступлений. 4. Не подлежит ввозу, вывозу и распространению 4а. Минута молчания. 0. **Эпилог:** «Театральный разъезд»

А. А. , 1984

*Ремарка: «**дочерние**» досье.*

*Из этого многостраничного «Дела А. » формировались композиции поменьше (только официальные и публичные документы): «**Фрагменты дела А.**» и «**Выжимки из дела А.**». Такие «микромпозиции» предназначались для «распространения»...*

Здесь надо заметить, что из официальных документов социолог-испытатель, на «законных» основаниях, располагал тогда лишь протоколом обыска (полным списком изъятого) и несколькими ответами на свои запросы в прокуратуру и т. п. Не без труда удалось снять копии с некоторых других

документов: ордер на обыск и выемку, справка УКГБ ЛО... Собственных же письменных обращений в различные инстанции (прокуратура, милиция, Управление КГБ, партийная организация) накопилось несколько десятков. Обнародование, ознакомление с этими текстами всех, **«кому это может быть интересно»**, и стало главным способом самозащиты: «на миру и смерть красна!». (Сентябрь 2000).

Из «открытого письма» социолога-испытателя (март 1984)

[Ниже — текст публичной записки, предварявшей собрания документов под названиями «Фрагменты...» и «Выжимки...». — А. А.]

<...> Как я имел несколько случаев убедиться, молва о «чрезвычайных обстоятельствах» гражданина, ученого и коммуниста Алексеева конца 1983 г., как и положено молве, получила не контролируемое ни авторитетными организациями, ни, тем более, самим А. распространение.

Я не могу себе позволить — оставить иногда фантастические, иногда сочувственные, иногда злорадственные домыслы и легенды без корректив. Настоящие 27 документов («Фрагменты...») и, соответственно, 10 документов («Выжимки...») из «дела» Алексеева могут внести на сей счет необходимую ясность.

С этими 27 или 10 документами (не обязательно со всей их подборкой) я ознакомил уже добрую сотню человек, кто меня спрашивал: «Что же с тобой произошло?».

Не налагаю ограничений на ознакомление с этими документами и впредь — всех тех, кто меня знает лично, или хотя бы знает о моем существовании. Разрешаю ссылаться на указанные документы в разговорах, столкнувшись с невольным или намеренным искажением истины. Рекомендую обращение лично ко мне, в целях ознакомления с каким-либо из них или для иных разъяснений.

Глубоко убежден, что прилагаемые документы не компрометируют ни меня, ни лица и организации, в них фигурирующие. Каждый делает свое общепартийное, общегосударственное, общенародное дело — кто лучше, кто хуже... На ошибках, как известно, учатся.

Андрей Алексеев, март 1984

Ремарка: «эзопов язык...»

Двусмысленность последнего абзаца довольно очевидна. Тоже своего рода «эзопов язык»...

К словам «...иногда злорадственные домыслы и легенды...» было примечание: «Субъекты типа: И.С., Б.П., Н.Л., В.М. (последнему — первый кнут)».

Намек, спрятанный за инициалами, был понятен «посвященным». (Сентябрь 2000).

Р. Рывкина — А. Алексееву (январь 1984)

<...> Прочитала — все! [Речь идет о «Фрагментах дела А.». — А. А.]

Потрясена практическим решением проблемы «Личность и организация»...

Сотни пухлых монографий (в мире). Правда, у нас — меньше десятка (две-три).

А пример — один!

С этой точки зрения, тебя есть с чем поздравить также. А не только с победой по прямой линии... [Под «победой», вероятно, имелось в виду то обстоятельство, что органы госбезопасности не пошли дальше официального предостережения социологу-рабочему. — А. А.]

Получен научный эффект — как «побочный результат» происходившего взаимодействия с социальными институтами.

К тому же, еще один новый жанр: **социологическая документалистика**. Тексты написаны в двух измерениях:

1) деловом (в адрес должностного лица) и

2) аналитическом (в адрес некоего «совокупного социолога», который в них увидит, если сумеет, инструмент, анализирующий ситуацию, расставляющий измерительные приборы, с тем, чтобы затем снять показания). <...>

Инна, январь 1984

8.4. Решение партийного бюро: «Исключить антисоветчика...»

Несколько вступительных слов

Стоит напомнить, что до поступления на «Ленполиграфмаш» справки УКГБ ЛО «В отношении Алексеева А. Н.» первичная партийная организация занимала в «деле» социолога-рабочего нейтральную и, так сказать, выжидательную позицию.

С марта 1984 г. заработала «партийная машина».

Ниже — извлечение из «объяснения», затребованного партийной организацией у своего члена сразу после того, как на завод поступила упомянутая справка из Управления КГБ.

Поскольку основные положения этого документа воспроизводятся и в позднейших текстах (выступление на партийном собрании цеха и др.), приведем здесь только его «резюме». (Сентябрь 1999 — ноябрь 2000).

Из «Объяснения коммуниста» (март 1984)

<...> Внимательное сопоставление всего сделанного, написанного, сказанного мною за сознательную жизнь, совпадающую с пребыванием в партии [так! — А. А.], исключает версию о «двойном дне», которую, похоже, хотят ко мне отнести. Я не только уверен в своей невинности, но и убежден, что делаю нужное, партийное дело. Хорошо или плохо [делаю. — А. А.] — другой вопрос. Тут уж не мне судить. Но свою позицию коммуниста я готов отстаивать, буду отстаивать и настаиваю на ошибке, допущенной конкретными сотрудниками УКГБ ЛО в отношении меня.

Для меня жизненно важно, чтобы партийная организация не повторила этой ошибки, а, наоборот, помогла ее исправить.

А. Алексеев, 24.03.84

Из акта комиссии партийного расследования цеха № 3 Ленинградского завода полиграфических машин (апрель 1984)

<...> В своем объяснении Алексеев А. Н. не признал себя виновным ни по одному из положений предъявленных обвинений, изложенных в справке Управления КГБ по Ленинградской области от 12 марта 1984 г. Не дал принципиальной оценки своим заблуждениям и действиям.

<...> В ходе партийного расследования Алексеев А. Н. проявил неискренность, вины своей не признал.

Убеждения и действия Алексеева А. Н. несовместимы с пребыванием в рядах КПСС.

Председатель комиссии: Максимов Б. Г.

Члены комиссии Калинин М. Ф., Лобов Е. А.

Из «Записей для памяти» (апрель 1984)

<...> Утром 13.04.84 (пятница), между 9 и 10 час., к моему рабочему месту подошел секретарь партбюро цеха Новиков и известил, что заседание партийного бюро, на котором будет обсуждаться мое персональное дело, назначено на 10-30. Но сначала — другой вопрос (прием в ряды КПСС). Так что я понадоблюсь только в 10-45. Чтобы мне не ожидать у дверей, меня специально пригласят от рабочего места.

Я был вызван на полчаса позже назначенного срока: либо начало заседания задержалось, либо затянулся предыдущий вопрос, либо (что наиболее вероятно) обсуждение моего вопроса началось еще до того, как меня пригласили.

Заседание партийного бюро происходило в кабинете начальника цеха. Там присутствовали:

— члены партбюро цеха: В. Новиков (секретарь), А. Червяков (зам. секретаря по идеологической работе), М. Калинин (зам. секретаря по орг. работе), Е. Понтюхов, Н. Толстова, А. Данилушкин (первые четверо — рабочие, Толстова — технолог, Данилушкин — начальник цеха);

— члены комиссии партийного расследования: Б. Максимов (председатель), Е. Лобов (оба — рабочие; первый — член парткома завода, второй — партгрупорг участка). Третьим членом комиссии является М. Калинин, член партбюро цеха, уже упоминавшийся.

На заседании партийного бюро присутствовала также зам. секретаря парткома по идеологии Л. Герасимова.

(Кабинет начальника цеха — довольно тесный. Начальник цеха сидел на своем обычном месте, во главе стола. За столом, приставленным к его столу в виде ножки буквы «Т», сидели Толстова (ведшая протокол) и Червяков. На стульях, приставленных к стене, ближней ко входной двери, сидели Понтюхов, Калинин, Максимов, Лобов. На стуле у противоположной стены — Герасимова. Секретарь партбюро Новиков — за столом начальника цеха, сбоку. Я сел на стул, приставленный к торцу второго стола, т. е. в основании ножки буквы «Т»).

Стенные часы были у меня за спиной, так что я лишь приблизительно могу сказать, что обсуждение началось в 11-15, а закончилось в 12-30 (обеденный перерыв в цехе с 12 до 12-40). По ходу дела выступающие вставали. Вопросы задавались сидя. Я вставал, отвечая на вопросы.

Обсуждение началось с информации секретаря партбюро Новикова, сообщившего, что в партком завода поступила справка из Управления КГБ «В отношении Алексеева А. Н.». В связи с чем было проведено партийное расследование. Алексеевым представлена «объяснительная» («объяснение коммуниста», как тут же сам поправился секретарь партбюро). Имеется акт комиссии партийного расследования.

Было предложено зачитать документы. Новиков зачитал: сначала — справку УКГБ ЛО от 12.03.84, затем — мое «Объяснение...» от 24.03.84. [См. выше. — А. А.]. Последнее зачитывалось полностью, по предложению одного из членов партбюро (было и предложение — обойтись без этого).

Что касается акта комиссии, то Червяков предложил зачитать его потом, а сначала — пусть присутствующие зададут мне вопросы. Вопросов было много. Я делал заметки для себя и, кажется, могу сейчас воспроизвести все вопросы, в той последовательности, как мне их задавали.

Максимов: В свое время Вы сменили профессию журналиста на профессию социолога. По собственной инициативе или по чьему-либо совету?

Я ответил, что по собственной инициативе. Вообще, среди социологов с 15-20-летним стажем практически нет людей, которые бы не вышли из какой-либо другой профессии.

Калинин: Почему Вы, как коммунист, не подсказывали, не направляли (так! — А. А.) партийную организацию, имея высшее образование и профессиональный опыт социолога?

Я сказал, что считаю своей главной обязанностью хорошо делать свое производственное дело. Когда что-либо этому препятствовало, я искал помощи у партийной организации, ставил вопросы перед администрацией, обращался с предложениями к главному технологу, не получив на них ответа — обратился в партком (правда, также ответа не получил), выступал на партийных собраниях. Что же касается того, чтобы «направлять» партийную организацию, то я полагаю такую постановку вопроса неуместной.

<...> Вопрос Данилушкина, который я не успел записать, но смысл сводился к претензии, что я занимался своими личными делами, в частности — писанием писем, в рабочее время.

Я поинтересовался, откуда ему об этом известно. Данилушкин сказал, что знает об этом из моих же писем.

Я сказал, что вообще-то нехорошо читать чужие письма, но коль скоро его интересует этот вопрос, то могу сообщить, что в 1980–81 гг. (Данилушкин тогда в цехе еще не работал) я имел неполную производственную загрузку. Насколько мог, я инициативно увеличивал загрузку — за счет того, что работал и за технологов, и за ремонтников, и выпускал на своем станке продукцию, не предусмотренную штатными технологическими процессами на ПКР.

Вопрос о внутрисменных простоях неоднократно поднимал — не только устно, но и в служебных записках на имя начальника цеха (тогда — А. М. Соловейчик). Я даже просил разрешения на освоение дополнительной специальности — шлифовщика (но поддержки, к сожалению, не получил). Вопрос о вынужденных простоях наладчика ПКР ставился мною на цеховом партийном собрании, в декабре 1981 г.

Лишь в 1982 г. удалось-таки добиться полной производственной загрузки, а с вступлением в бригаду этот вопрос вообще оказался снят.

Так что своими «личными» делами в рабочее время я, если и занимался, то лишь тогда, когда оказывались исчерпаны все возможности занять себя производственным делом.

Лобов: Адресаты Ваших писем — настоящие или вымышленные?

Ответ: Я писал конкретным, реальным людям. Это мои личные друзья и, как правило, коллеги по социологической профессии.

Данилушкин: Кто Вы все-таки больше сегодня: социолог или рабочий?

[Вопрос характерный, задававшийся неоднократно и после. Социолог-рабочий отвечает на него с готовностью. — А. А.]

Ответ: Думаю, что и то, и другое в равной мере. В качестве социолога я за все время работы на заводе не совершил ни одного исследовательского шага, не вызванного необходимостью выполнения своих обязанностей в качестве рабочего. Например, кому как не социологу интересоваться действующими на

заводе формами оплаты в бригаде на единый наряд? Но я ознакомился с этим не раньше, чем сам стал членом бригады, т. е. только в прошлом году.

Данилушкин: На какой срок рассчитано Ваше «включенное наблюдение»?

Ответ: Строго говоря, это не «включенное наблюдение», как об этом написано в справке УКГБ ЛО. Такое наблюдение действительно рассчитывается на определенный срок: узнал, что надо, «выведал» (по возможности незаметно) и ушел. Мое положение или позицию правильнее назвать — «наблюдающее участие». Я делаю свое производственное дело, участвую в жизни коллектива и осмысляю это. Такое участие может быть бессрочным.

Данилушкин: Где помещены, как использовались результаты Ваших исследований?

Ответ: Пока я работал по совместительству в ИСЭП АН СССР, я представлял туда научные отчеты. Насколько мне известно, года два назад секретарь партбюро института ознакомил партком завода с моим отчетом (правда, это было сделано почему-то втайне от меня).

Немало публикаций в журналах, в научных изданиях. И отчеты, и публикации последних трех лет ныне переданы мною в комиссию партийного расследования. Кстати, там есть предложения по совершенствованию системы нормирования труда, подготовленные по заказу Госкомтруда — не далее, как в ноябре прошлого года.

Вообще, в науке период внедрения результатов более продолжителен, чем, скажем, период между запуском и выпуском нового изделия на производстве. Мои заводские наблюдения еще не успели найти полного отражения в публикациях. В прошлом году написана большая статья, обобщающая результаты исследований на заводе. Возможно, она будет опубликована. <...>

Новиков: Вы настаиваете, что не занимались распространением копий антисоветских сочинений Зиновьева?

Ответ: Да, я на этом настаиваю.

Данилушкин: Что представляет собой издание Мао Цзэ-дуна, о котором говорится в справке УКГБ ЛО. Какого оно года?

Ответ: Середины 60-х гг.

Данилушкин: А где издано?

Ответ: Думаю, что в Пекине.

Данилушкин: Как оно к Вам попало?

Я выразил готовность ответить, но Новиков сказал, что это не интересно.

<...> Калинин: Считаете ли Вы себя хоть в чем-то виноватым?

Ответ: Всякий человек может иметь недостатки и совершать ошибки. И я наверняка не составляю исключения. Однако в том, что мне инкриминируется в справке УКГБ ЛО, я себя виноватым решительно не считаю.

Новиков: Проводилось ли Вами не санкционированное исследование?

Ответ: Если Вы имеете в виду исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», то оно стояло в плане научного института, и мое поступление на завод происходило при поддержке партийных органов.

Новиков пояснил, что имеется в виду анкетирование по общественным проблемам советского общества.

Я: Об этом сказано в моем «Объяснении коммуниста». То было опробование социологической методики, в ограниченном кругу моих знакомых.

Данилушкин: Значит, анкетирования Вы не проводили?

Ответ: Анкетирования я не проводил...

Ремарка: не всякий опрос — анкетирование.

Здесь социолог-испытатель пользуется тем, что начальник цеха не искушен в социологической терминологии и не видит разницы между экспертным опросом и «анкетированием». (Ноябрь 2000).

...Данилушкин: В своем объяснении Вы пишете, что заботились о такте, деликатности. Как Вы объясните, что, обращаясь к конкретной «любимой женщине», Вы употребляли нецензурные выражения?

Ответ: Хотелось бы знать, какие именно выражения имеются в виду. Но для этого, наверное, надо спросить разрешения у присутствующих здесь женщин.

Данилушкин: Например, «придурок».

Я: Это слово — из литературного языка.

Данилушкин: Там попадают и другие, правда, с точками...

Я: Вот именно, что с точками. Впрочем, врач врачу может сказать и без точек. Я напоминаю, что мой адресат является также социологом.

<...> Лобов: Вы писали в своих письмах о «Генеральной линейке», которая искривлена. Что имелось в виду?

Ответ: Ох, уж эта «Генеральная линейка»! Так я называл поперечину траверзы своего станка (координатный пресс с револьверной головкой).

Лобов: Не было ли там иносказания?

Ответ: Конечно, было. Там даже сказано — «притча о генеральной линейке».

Иносказательный смысл заключался в том, что...

Тут я был прерван Червяковым, который заявил, что и так ясно.

И все же я настоял на том, чтобы сообщить, что «притча о генеральной линейке» является ничем иным, как иллюстрацией к известному высказыванию Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “наткаться” на эти общие вопросы» (ПСС, т. 15, с. 368).

В ответ на это мое заявление Новиков подал реплику, что Ленин говорил также: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Я не стал эту реплику комментировать.

Новиков: Отдавая должное всему хорошему, что Вы сделали для нашего коллектива (так! — А. А.), как все-таки понимать такую фразу из Вашего письма (зачитывает по записной книжке цитату, из которой усматривается «циничное отношение к коллективу»).

Я: Вырванная из контекста, эта фраза не может обсуждаться. Если бы мои письма лежали на этом столе, я мог бы показать, что такое истолкование, которое дает тов. Новиков, неправомерно.

Данилушкин: <...> Вы пишете, что можете нарочно вынуть из станка деталь, без которой работать нельзя, и требовать, чтобы устранили неполадку.

Я: Четыре года назад, когда ремонтники не хотели заниматься станком, мне пришлось вместо положенной пробки заглушить пневмоцилиндр обыкновенным болтом. Его надо бы заменить, но он и сейчас там стоит.

Данилушкин: Так Вы вынимали, нарочно, этот болт?

Ответ: Конечно, нет. Это воображаемая ситуация. В реальности подобные случаи в цехе бывали, но не со мной...

Ремарка: болт, предъявленный в партийную комиссию.

С социологом-рабочим такой «случай» все же однажды произошел, несколько месяцев спустя: он решил въяве продемонстрировать этот, не дававший его оппонентам покоя, болт в партийной комиссии горкома КПСС.

Пропутешествовав из цеха в Смольный и обратно, злополучный болт на следующий день был ввинчен в тот же пневмоцилиндр. (Сентябрь 1999).

<...> Понтюхов: Почему Вы не выступали на собраниях, когда сталкивались с производственными неполадками?

Ответ: Вероятно, Вам случайно не довелось присутствовать на тех собраниях, где я выступал.

После того, как я ответил на вопросы, В.И. Новиков зачитал акт комиссии партийного расследования. С содержанием этого акта **до** заседания партийного бюро меня не знакомили. После зачтения акта тов. Новиков предложил высказаться членам партийного бюро. Выступали: Калинин, Червяков. Калинин в своем выступлении просто повторил заключительные слова акта комиссии партийного расследования, отметив, что комиссия была единодушна. При этом он заметил, что комиссия для своих заключений получила «все материалы, которыми могла располагать» (*так!* — А. А.).

Червяков в своем выступлении сказал, что за 30 с лишним лет жизни у него «никогда и в мыслях не было, чтобы органы внутренних дел или госбезопасности могли ошибиться». Он присоединяется к мнению комиссии партийного расследования.

Председательствующий (Новиков) спросил, хочет ли еще кто-либо из членов бюро высказаться. Нет. Мне высказаться, кроме ответов на вопросы, не предлагалось.

Новиков предложил следующий проект решения партийного бюро: — Рекомендовать партийному собранию **исключить Алексева А. Н. из партии за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания.**

Других предложений не поступило. Голосовали шестеро присутствующих членов партийного бюро цеха: Новиков, Калинин, Червяков, Данилушкин, Понтюхов, Толстова. Предложение секретаря партбюро принято единогласно.

После этого Новиков известил, что партийное собрание цеха, на котором будет разбираться персональное дело А., состоится 16 апреля, в понедельник, в 16-15. Объявление о партийном собрании было вывешено в тот же день, около 14 час.

Повестка дня: 1. Прием в члены КПСС (Кутуев К.Х.) 2. Персональное дело (Алексеев А. Н.)

(Записано в апреле 1984 г.)

Ремарка: членов партии не убавилось...

По иронии судьбы, на одном и том же партийном собрании в апреле 1984 г. состоялись исключение из партии социолога-рабочего и прием в партию председателя цехкома К. — того самого, который в «Письмах...»

фигурировал с неосторожным эпитетом: «придурок с домкратом». (Сентябрь 1999).

(14)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-eksperiment-kotoryi-issledovatelem-ne-planirovalsya-okonchanie>

**А. АЛЕКСЕЕВ. ЭКСПЕРИМЕНТ,
КОТОРЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ НЕ ПЛАНИРОВАЛСЯ.
ОКОНЧАНИЕ**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 19.03.2016

Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (14).

Из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (том 2):

«ДЕЛО» СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО

(окончание)

<...>

8.5. «Речь идет о жизни и смерти...»

Автостенограмма выступления социолога-рабочего на партийном собрании цеха № 3 «Ленполиграфмаша» (апрель 1984)

Товарищи коммунисты!

На сегодняшнем партийном собрании стоит вопрос об исключении меня из партии «за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания» (таково решение партийного бюро цеха). Будучи 23 года коммунистом по убеждению, а не ради должности, никогда не имевшим даже небольших партийных взысканий, я бы сказал: речь идет о жизни и смерти.

Устав нашей партии требует: «При решении вопроса об исключении из партии должен быть обеспечен максимум внимания и тщательный разбор обоснованности обвинений, предъявляемых коммунисту».

Я утверждаю, что такого разбора пока не было, хотя сегодня партийному собранию уже предлагается готовое решение. Я утверждаю, что комиссия партийного расследования не сумела, а может быть, не имела возможности объективно разобраться в этом деле. Я утверждаю, что партийное бюро не только повторило ошибку комиссии, но и усугубило ее своим решением. Причиной всего этого, как я считаю, является ошибка работников другой организации. Организация очень авторитетная, и ее авторитет может действовать завораживающе на отдельных коммунистов.

Тов. Червяков, выступая в пятницу на партийном бюро, сказал, что он за 30 с лишним лет своей жизни не знает, чтобы органы внутренних дел или госбезопасности допустили ошибку. Он «и представить себе такого не может». Он — не может, а я в свои 50 лет могу, и даже ощущаю на собственной шкуре. Ошибки бывали, рано или поздно исправлялись. И совсем недавно бывали... Освобождение от своих обязанностей Министра внутренних дел Щелокова и вывод его из ЦК — это уже на памяти тов. Червякова.

Уверен, что рано или поздно будет исправлена и эта частная ошибка, допущенная в отношении коммуниста Алексеева.

Я действительно, как написано в акте партийного расследования, не считаю себя виновным ни по одному из пунктов обвинения, изложенного в справке УКГБ ЛО. То же заявил и в Управлении КГБ на беседе. Если бы я в самом деле занимался распространением антисоветской литературы, меня надо было бы судить, а не на собрании обсуждать.

Полгода назад, когда я узнал о повышенном интересе к себе органов госбезопасности и сообщил об этом тов. Новикову, он сказал: у партийной организации к Вам, тов. Алексеев, претензий нет. Теперь тов. Максимов мне говорит: мы, тов. Алексеев, стоим перед фактом.

Как же разбирались комиссия и партийное бюро в моем деле?

Первое (не в порядке важности). Мне едва успели сообщить о поступившей на меня в партком «справке», я еще только объяснение пишу, а уже по цеху, причем среди беспартийных, самые фантастические слухи: что Алексеев — антисоветчик, что он оскорбил рабочий коллектив... Какие-то «письма», каким-то «любимым женщинам», да еще мне же цитаты из писем приводят, преобразованные до нецензурщины.

Я сразу спросил Новикова: как это понимать? Он мне ответил, что не считал нужным делать секрета. А я считаю, что не дело дискредитировать коммуниста, еще не получив его объяснений.

Второе. Членам комиссии партийного расследования была предоставлена возможность ознакомиться с двумя папками моего личного архива 3-летней давности. Это единственное «доказательство» моей вины, которое комиссия, как говорится, подержала в руках...

Что же в этих папках? Личные письма, дневники, замечания по технологическим процессам, научные отчеты, опубликованные или подготовленные к печати статьи (что я совмещаю научную работу с работой на заводе, коммунистам давно известно — либо от меня самого, либо из партийной характеристики, выданной мне для поездки на Кубу, в прошлом году). Папки объемистые — там больше 700 страниц. <...>

Личные письма, конечно, не предназначались для чтения людей, с которыми, как говорится, за одним столом не сидел. Вообще, у нас тайна переписки охраняется законом и ознакомление с личной перепиской допускается только в том случае, когда ведется расследование преступления. Об этом не случайно напомнил в своей книге Константин Устинович Черненко («КПСС и права человека». М., 1982, с. 238).

Я преступления не совершал. Но тт. Новиков, Максимов, Калинин, Лобов вынуждены были читать эти письма, без моего на то согласия.

Как же они их читали? Тов. Новиков мне сказал, что прочитал шесть писем [из 18-ти. — А. А.], первые по порядку, и даже успел сделать выписки... Я поинтересовался, сколько же он на все это затратил времени. Оказывается, три часа. Первые шесть писем — это примерно 180 страниц убористого машинописного текста... Может, он читал в основном то, что кем-то уже подчеркнуто?

Сколько времени затратили на эту работу члены партийной комиссии — не знаю. Говорят, много. Но когда они со мной беседовали, я убедился, что доброй половины они просто не читали. Однако пишут в своем акте: «**Все** материалы... имеют вредную политическую направленность». Ну, как же так можно?..

Ремарка: неудобный член партийной комиссии (Геннадий Богомолов).

Как социолог-испытатель узнал гораздо позже, в состав комиссии партийного расследования, среди прочих, был включен также знаменитый не только на «Ленполиграфмаше», но и на всю страну фрезеровщик-виртуоз, лауреат Государственной премии Геннадий Александрович Богомолов.

(Несколько лет спустя мы стали близкими друзьями, тогда же — знакомы не были: работали в разных цехах.)

Г. Богомолов, человек независимый и, как говорится, «неуправляемый»

(кстати, потому в свое время и не получивший звание Героя Социалистического Труда), поначалу отказался читать «чужие письма».

Когда ему объяснили, что это только «литературный прием» такой, а на самом деле — «антисоветские статьи», ознакомился с несколькими письмами и... солидаризировался с их содержанием!

Из состава партийной комиссии Г. Б. тогда, понятно, вывели. А из партии его исключили лишь пару лет спустя.

О Геннадии Богомоллове см. документальную повесть: А.С. Ежелев. Лучший из грехов. М.: Известия, 1988. В этой повести, кстати, описывается и эксперимент социолога-рабочего. (Сентябрь 1999).

...**Третье.** Когда мне стали приводить отдельные фразы из писем 4-летней давности, я сказал, что должен иметь перед глазами весь текст. Оказывается, этого нельзя. Да ведь даже обвиняемому на суде дают ознакомиться с материалами дела!

Кое-как я разыскал и разобрал некоторые сохранившиеся у меня рукописные черновики. Что-то выпросил из своих писем у конкретных адресатов (кто сберег, а кто и нет). Стал сравнивать текст с формулировками акта партийного расследования.

Примечание. Здесь — лукавство: на самом деле автор располагал еще одним, уцелевшим при обыске комплектом «Писем...».

Ограничусь одним примером. В акте написано: «...не стеснясь в выражениях, поносит, порою непристойными словами, рабочих и хозяйственных руководителей цеха, как например: «придурки», «паскуда» и т. п.».

Ну, в умывальнике или «на бочке»¹⁵ можно еще и не такое услышать (в адрес отдельных лиц). Но этого мало: «Алексеев пишет, что к одним он питает ненависть, а к другим — презрение».

Ни больше ни меньше!

А вот, что в действительности было написано в личном письме, через полгода после поступления на завод. Перечислив тех, с кем мне уже приходилось иметь дело по работе, я пишу:

«К троим из этого списка я сам испытываю чувство глубокой и искренней признательности. Это Федор Филиппович К., Иван Александрович С. и Станислав П. — все трое рабочие.

По крайней мере трое должны бы испытывать не меньшую признательность мне. Это — К., Т. и К. — все трое ИТР. Однако ни я по отношению к этим троим, ни они по отношению ко мне своей признательности пока явно не выражают. К двоим я испытываю ненависть. Это — С. и Р. (оба ИТР). Надеюсь, взаимно. К двоим — презрение. Это Е. и К. (оба не рабочие, но и не ИТР, а так — придурки).

Ко всем остальным я либо расположен, либо индифферентен эмоционально. Соответственно, и они ко мне (либо то, либо другое).

...А Вы, Нина, никогда не пробовали подводить подобные балансы своих служебных контактов?»

Вот кусок реального письма. А в акте партийного расследования об этом сказано, повторю: «...к одним он питает ненависть, а к другим — презрение». С тех пор, за четыре года, я узнал многих, и меня узнали многие. Есть люди, с которыми работать одно удовольствие, например Виноградов и Сыцевич, с каждым по-своему. Есть люди, которые мне меньше нравятся. Есть и такие, к которым я не питаю теплых чувств, и они ко мне, возможно, тоже.

Но люди в коллективе притираются друг к другу. Зачем же применять запрещенные приемы и обобщать личное мнение о конкретном человеке (которого, кстати, я даже настоящим рабочим не считаю!) за мнение о рабочем классе?

А вот чего не захотели увидеть в моих письмах. В 1980–1981 гг., делаясь с коллегами-социологами своими первыми заводскими впечатлениями, я, в

первом приближении (не для печати!), отразил те самые наболевшие проблемы производства, о которых два года спустя во весь голос было сказано на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Если не отдельные фразы выхватывать, а непредвзято читать **все подряд**, то оказывается, что в письмах, не говоря уж о научных отчетах (которые тоже в этой папке), остро ставятся такие проблемы, как недостаток исполнительской дисциплины и порядка на производстве, неуважительное отношение администраторов к труду и мнению рабочих, формализм и показуха, недостаток заинтересованного участия рабочих в управлении производством и многое-многое другое.

Когда я членам комиссии сказал об этом, тов. Максимов не стал возражать, но заметил, что я пишу об этих проблемах «зло». Я с этим согласен. Но как можно относиться к общественным недостаткам «по-доброму»? Я боролся с ними и как ученый, и как коммунист на производстве, а не зубоскалил у пивного ларька. У меня в этих письмах усмотрели «оскорбление рабочему классу», а я нахожу сквозную и множеством наблюдений и фактов представленную тему рабочей инициативы в выполнении производственных заданий, а также тему доброжелательства и бескорыстной помощи новичку, в рабочей среде. В первые два года работы на заводе я столкнулся с массой бюрократических трудностей в деле внедрения нового оборудования. Я писал об этом в своих письмах со всей откровенностью. И, кстати, о том же говорил на цеховом партийном собрании, в этом самом помещении. В одно из последних писем включен полный текст моего выступления на том партийном собрании. Но члены комиссии этого, как и многого другого, почему-то не заметили.

Четвертое и последнее. Мои дневники и личные письма выдаются теперь за «статьи политически вредного содержания». Но ведь не могут же не понимать товарищи, что письма и дневники — это не статьи.

Статей своих, опубликованных в научных сборниках и массовых журналах за последние годы, я принес в комиссию целый мешок. Почему же их не читали? А если и успели прочитать за тот один день, что этот мешок находился у тов. Калинина, то почему на партийном бюро об этом никто и словом не обмолвился? В своем «Объяснении коммуниста» я уже отмечал, какой общественный резонанс получили мои публикации в центральных журналах. Отклики на статью в «Молодом коммунисте» публиковались в двух номерах подряд, включая письмо Министра высшего и среднего специального образования СССР, академика Елютина.

После интервью в «ЭКО» Госкомитет по труду и социальным вопросам запросил у меня предложения по совершенствованию системы нормирования труда.¹⁷ Это все — только в одном, минувшем году.

О выполнении своих прямых производственных обязанностей (наладчик, слесарь) я уж и не говорю. Это что — тоже несовместимо с пребыванием в партии? Меня и за это надо исключать?!

Допускаю, что, прочитав или услышав только отдельные, специально подобранные выдержки из личных писем, вы можете составить об их авторе превратное представление. Но я надеюсь, что коммунисты, принимая свое решение, не будут столь односторонними.

Я надеюсь, что партийное собрание сможет потребовать более тщательного разбора персонального дела, т. е. поступить в соответствии с требованиями Устава КПСС.

Отдавая себе отчет во всей ответственности своего заявления, я утверждаю, что не нарушал ни советских законов, ни Программы и Устава партии, ни

нравственного закона коммуниста. Считаю себя коммунистом и по убеждениям, и по действиям.

А. Алексеев, 16.04.84

Ремарка: смешение слов и понятий.

Авторская самозащита — на высокой ноте: «Речь идет о жизни и смерти...», и т. д. Вопрос: был ли в этой речи наигрыш? Пожалуй, да. Но и убежденность в высшей, «идеальной» правоте была. А последняя для субъекта «драматической социологии» не имела тогда адекватного названия.

Не отсюда ли апелляция к «симулякрам» — партийной программе, уставу, «нравственному закону» коммуниста и т. п.? Индивидуальное сознание — в путях «господствующих мыслей эпохи»...

Впрочем, это предмет особого разговора, к которому еще не раз будем возвращаться. (Сентябрь 1999).

8.6. «Вредитель», «саботажник», «шпион»...

А. Алексеев — в партийный комитет «Ленполиграфмаша» (апрель 1984)
(публикуется в сокращении. — А. А.

Секретарю парткома ЛЗПМ тов. Щекину В.Д. от Алексеева А.Н., члена КПСС с 1961 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

<...> В минувший понедельник, 16.04.84, на партийном собрании цеха ¹ 3 было принято решение об исключении меня из партии, при двоих воздержавшихся и одном голосовавшем против (это был я сам). Формула исключения: за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания. <...>

Думаю, что партком уже ознакомился с соответствующими документами, в том числе с протоколом партийного собрания от 16.04, к которому должен быть приложен текст моего выступления, переданный секретарю собрания. Уж не знаю, насколько полно отражены в протоколе высказывания отдельных коммунистов о том, что я — «вредитель», «саботажник», «шпион», короче — заведомый враг. Без фактических доказательств эти обвинения превращаются в клевету. Я глубоко ими возмущен.

Зачем шпиону и вредителю, например, ремонтировать основательно разбитый новый станок, требовать его полной загрузки, вскрывать ошибки в технологических расчетах, обращаться к главному технологу с предложениями о скорейшем внедрении новой техники? Если меня так называть, тогда как назвать тех, кто в свое время подписывал акт приемки

¹⁸ Публикуется в сокращении.

непригодного к эксплуатации оборудования, кто не спешил его загрузить, кто допускал брак в технологической документации, кто не реагировал на деловые обращения? Патриотами, что ли?

<...> Не повторяя всего того, что написано в моем «Объяснении коммуниста» от 24.03 и сказано мною на собрании 16.04, подчеркну лишь еще раз, что утверждение о том, что я якобы занимался распространением антисоветской литературы, — совершенная неправда, а что мои дневники и письма являются якобы статьями политически вредного содержания, — совершенная нелепость. Первое — по существу уголовное обвинение, только источник информации (начальник подразделения УКГБ ЛО тов. Полозюк) его почему-то избегает

доказывать, а просто предлагает верить ему на слово. (Не случайно этот вопрос на собрании отошел на второй план, почти не затрагивался в выступлениях.) Второе обвинение подкрепляется личными впечатлениями четверых коммунистов (тт. Новиков, Максимов, Калинин, Лобов), которые имели возможность подержать в руках мой личный архив, состоящий из дневников, писем, деловых и научных документов, публикаций.

Выступления названных лиц на партийном собрании дают основания утверждать, что они не просто «не разобрались», но их подход к делу был заведомо тенденциозным.

<...> Не могу сейчас останавливаться на каждой использованной против меня фразе из того или иного письма. Это можно обсуждать только имея в руках **полный текст** моего собрания личных и научных документов. Такой возможности у меня пока **не было**. Надеюсь, что партком такую возможность обеспечит.

Тогда не возникнет конфузов вроде тех, когда тов. Лобов на партийном собрании 16.04, словно забыв, что я уже зачитывал вслух кусок личного письма о своих взаимоотношениях с людьми в первые два года работы на заводе, читает тот же кусок... только без начала и конца, чтобы доказать, что я с пренебрежением отношусь к рабочему классу. Или когда тов. Калинин, в качестве доказательства моей моральной несостоятельности выдает за мой текст... шутиливую пародию на мое письмо, написанную другим человеком.

С усердием и «искусством», более приличествующим настоящим антисоветским пропагандистам, чем членам комиссии партийного расследования [! — А. А.], четверо коммунистов выискивали в моих дневниках и письмах словечки и фразы, которые вне контекста либо теряют смысл, либо даже, при соответствующей аранжировке, приобретают обратный смысл. Этак не только личные документы, но и газету «Правда» или «Известия» можно препарировать и представить как «порочащие» нашу действительность.

Особенностью большинства выступлений на собрании была попытка не только выдать личные письма за политически вредоносные статьи, но и истолковать, под заданным углом зрения, всю мою жизнь, и особенно — последние четыре года производственной и научной деятельности. И тут пошли конфузы...

Перелистав мои научные и журналистские работы последних лет и не найдя в них ничего, с его точки зрения, предосудительного, тов. Калинин усмотрел там «погоню за гонораром». Можно подумать, что социологи и журналисты, в отличие от тов. Калинина, должны работать бесплатно...

Тов. Данилушкин усмотрел «нечестность» в желании перейти из института на завод. Как я смел согласиться быть наладчиком, со среднемесячным заработком 150 руб., не имея технической подготовки и опыта! Начальник цеха Данилушкин теперь интересуется — кто помог мне «внедриться» на завод. Да партком же и помог, а еще — отдел кадров. И вообще, вся история моего перехода отражена в партийной характеристике, данной мне для зарубежной туристской поездки в прошлом году. <...>

[Здесь опущена цитата из характеристики. — А. А.]

Теперь, год спустя, все эти слова обо мне произносятся только с частицей **не**: не «квалифицированный», а только притворялся таковым (Да-нилушкин); не «обеспечил освоение нового оборудования», а вставлял палки в колеса (Максимов); не «передавал опыт», а утаивал его, потому и ремонтников к станку не подпускал (Новиков). Вместо «трудолюбия» — использовал рабочее время в личных целях.

(Между прочим, не в рабочее время, а дома перепечатывал я акты производственных испытаний и сводки бесчисленного множества расчетных ошибок в технической документации, допущенных технологами ОГТ.)

<...> В одном из личных писем 1980 г. рассказывается, как я, видя, что отдел главного механика не торопится выполнять своих обещаний насчет оплаты труда приглашенного для ремонта ПКР специалиста, расплатился с ним **СВОИМИ** деньгами, которые тот мне затем вернул, получив, некоторое время спустя, положенное ему по ведомости.

«Вы спасали честь завода», — сказал мне тогда тов. Новиков. Сейчас — тов. Калинин истолковывает это как «дележ сорванного куша»...

В апреле 1983 г., когда я уже работал слесарем, уступив ПКР своему ученику, мне было присвоено звание ударника коммунистического труда. Теперь этого ударника представляют... действовавшим «не на пользу, а во вред производству» (Никитин).

На основании чего же все это говорится? Лучше всего объяснил секретарь партбюро цеха Новиков: «Своими откровениями Алексеев перечеркнул свои действия!». Выходит, по делам я был хорош, а по цитатам из дневников и писем — наоборот. И на этом основании производится переоценка всей моей предыдущей деятельности.

Вообще, судить человека надо по его делам. Но даже когда начинают судить по словам, нельзя передергивать.

<...> Не случайно воздержавшимися при голосовании вопроса об исключении из партии <...> были двое бригадиров, с которыми я работал. Именно им показался недостаточно тщательным разбор моего «дела».

<...> О моей научной деятельности рабочим-коммунистам судить, конечно, труднее. Дело, которым я занимаюсь, — новое. Экспериментальная социология не у всех встречает правильное понимание.

Допускаю, что фиксация «изнутри» и последующий анализ как положительных, так и отрицательных моментов в работе производственной организации могут вызвать настороженность некоторых «заинтересованных» лиц в самой организации. Вместе с тем, надеюсь, что партийный комитет, дав в свое время согласие на научно-практический эксперимент, ныне оценит его результаты с позиций требований, сформулированных на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Если, пренебрегая моими объяснениями и здравым смыслом, запишут Алексеева в «антисоветчики», тогда получит оправдание позиция тех ученых, кто вовсе не склонен исследовать действительность и способствовать разрешению назревших общественных проблем.

С учетом всего сказанного, прошу партийный комитет о следующем:

— Создать комиссию партийного комитета, которая заново изучила бы всю совокупность материалов, характеризующих мою жизнедеятельность за последние годы, включая такие интимные ее свидетельства, как личный архив (коль скоро он уже стал достоянием гласности).

А. Алексеев, 22.04.84

Ремарка: доводы разума против доводов силы.

Стоит обратить внимание, что в своей самообороне социолог-испытатель поначалу пытается перевести обсуждение «дела» в «режим диалога», апеллирует к разуму, логике, здравому смыслу, иногда — к чувствам, в отличие от «силовых приемов» своих оппонентов.

Впоследствии, убедившись в бессмысленности такой линии поведения, он, как читатель сможет заметить, все чаще будет использовать против своих противников их же «оружие». (Октябрь 2000).

8.7. Репортаж с заседания парткома

Из справки комиссии парткома Ленинградского завода полиграфических машин (май 1984)

<...> Заявление Алексеева А.Н. о неправильном исключении его из партии считать необоснованным. В этом выводе комиссия опирается на материалы партийного расследования, проведенного первичной партийной организацией цеха № 3, а также на материалы, изъятые у тов. Алексеева.

Алексеев А.Н. проявляет неискренность, своей вины не признает, он грубо нарушил Устав КПСС, уставные обязанности. Убеждения и действия Алексеева А. Н. несовместимы с пребыванием в КПСС.

Председатель комиссии: Ефремов

Члены комиссии: Егоренок, Муравых, Суматохин

16.05.84

Из «Записей для памяти» (май 1984)

<...> 23.05.84 (среда), в 13 час., секретарь партбюро цеха А. П. Червяков известил меня, что на сегодня, 17 час., назначено слушание персонального дела на заседании парткома завода. Ни накануне, на комиссии парткома, ни даже утром этого дня, полтора часа назад, когда я знакомился в парткоме со справкой комиссии, мне об этом не говорилось.

В отличие от вчерашнего дня, когда, будучи предупрежден заранее о заседании партийной комиссии, я имел при себе партбилет, в этот день у меня его с собой не было. О чем я сообщил Червякову и спросил, являться ли на партком без партийного билета.

Через несколько минут, подойдя вновь, Червяков сказал, что мне следует взять увольнительную, чтобы съездить домой за партбилетом; с мастером, мол, уже договорено. Поразмыслив, я брать увольнительную отказался.

Еще через некоторое время ко мне подошли, вместе, Червяков и член парткома Новиков, с настойчивым требованием, чтобы я все-таки взял увольнительную, мотивируя это требование «партийной дисциплиной». Я сказал, что партийная дисциплина не должна приходиться в противоречие с производственной, и подтвердил свой отказ.

Полчаса спустя тт. Новиков и Червяков подошли снова и сказали, что мне будет предоставлена возможность съездить после работы домой на машине.

В 16-20 Червяков встретил меня на проходной, и мы вместе совершили поездку до моего дома и обратно, на зеленом пикапе (заводской, личный?), так что за минуту до 17 час. были у дверей большого зала завода, где происходило заседание парткома.

В заседании партийного комитета завода участвовало около 30 чел.

(так называемое расширенное заседание парткома, или полный его состав, в отличие от бюро парткома, утверждавшего год назад мою характеристику для зарубежной турпоездки). В зале были установлены микрофоны. Вел заседание секретарь парткома В.Д. Щекин.

Перед началом слушания моего дела, мне было предложено Щекиным предъявить свой партийный билет, который я ему вручил и... не получил обратно.

Докладывал по моему делу председатель партийной комиссии Ф. Г. Ефремов. Ни один документ не зачитывался, вся фактическая информация давалась в пересказе. Ефремов сообщил, что содержание персонального дела подтверждается такими документами, как справка УКГБ ЛО, справка Управления по охране государственных тайн в печати при Ленобл-горисполкомах, а также партийным расследованием цеха, материалами партийной комиссии завода. Тов. Ефремов информировал партком о состоявшемся решении партийного собрания цеха об исключении меня из рядов КПСС «за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания». При этом им было сообщено о распределении голосов: 36 чел. — за исключение из партии, один — против (это был я), двое — воздержались. (На самом деле на партсобрании цеха 16 апреля присутствовали 30 чел, переписанных мною поименно. Из них трое являются кандидатами в члены КПСС, т. е. без права решающего голоса. Таким образом, всего в голосовании могли участвовать только 27 чел. На учете же в парторганизации цеха состоят, как сообщил тогда же секретарь партбюро, — 39 чел, из них трое — кандидаты в члены партии. Один человек — К. Кутуев — был принят из кандидатов в члены только на данном собрании, т. е., строго говоря, права решающего голоса тоже еще не имел.)

Ефремову было задано несколько вопросов, выясняющих точку зрения комиссии парткома относительно «степени бесспорности» предъявленных обвинений. Тот подтвердил безусловность грубого нарушения мною Устава КПСС.

В отличие от партийного собрания цеха 16.04 и заседания комиссии парткома 22.05, мне, для самостоятельного выступления, слова здесь не предоставлялось (так же, как не предоставлялось его и на заседании партбюро цеха 13.04), а было предложено только ответить на вопросы.

Первым вопросом, заданным председательствовавшим тов. Щекиным был: «Что Вы считаете неправильным в заключении комиссии партийного комитета?». Я сказал, что усматриваю в этом заключении много частных ошибок и неточностей и общую неправильную оценку всего дела по существу.

Все последующие вопросы зачастую совмещались с репликами, носили характер неявных выступлений, к каждому из которых мне предлагалось выразить свое отношение.

Например (Щекин): «Вы утверждаете, что все — и государственная организация, и партийная организация Вас оклеветали. Как это может быть?». Я сказал, что никогда такого не утверждал. Организация вообще не может оклеветать человека, это способны сделать отдельные лица, что и имеет место в моем случае. Организация же может допустить ошибку, а еще точнее — конкретные работники конкретной организации, как, например, начальник подразделения УКГБ ЛО Полозюк, подписавший соответствующую справку обо мне.

Другой пример «риторического» вопроса: «В своем письме Вы пишете, что в условиях социалистического производства сделать все как надо невозможно. Как Вы это объясните?». Я сказал, что считаю, что сделать «все как надо» — невозможно в условиях любого производства. Утверждать иное — все равно, что признавать реальное существование абсолютной истины, в отличие от истины относительной.

Практически в вопросах и репликах членов парткома не была опущена ни одна из тем, затрагивавшихся на заседании комиссии парткома 22.05. Но был и ряд новых моментов, а именно:

(а) Истребование объяснений по поводу «антисоветской» анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?». Вопросы об этом задавал сам председательствующий, и они были первыми в последовательности вопросов. Причем Ще-кин проявил осведомленность, что на анкету отвечали 45 моих знакомых и что экспертизу ответов делал не сотрудник Управления КГБ, а профессиональный ученый-социолог.

Я отвечал аналогично тому, что написано в «Объяснении коммуниста» от 24.03.84 и что я говорил на заседании партийного бюро цеха 13.04.

(б) По ходу выяснения моего отношения к содержащемуся в справке УКГБ ЛО утверждению о том, что я якобы занимался распространением антисоветской литературы, секретарь парткома сослался на свое знакомство со «свидетельскими показаниями» на этот счет.

Я сказал, что уже многократно заявлял, что это утверждение не соответствует действительности; что же касается «свидетельских показаний», то они мне неизвестны.

(в) Изобиловали вопросы общего, мировоззренческого характера. Мне запомнился такой: «С какого времени Вы стали искажать учение марксизма-ленинизма?» (*так!* — А. А.). Я сказал, что учение марксизма-ленинизма не искажал.

Было несколько фактологических вопросов. Их задавали те самые члены парткомиссии, которые уже знали мой ответ на них (дававшийся накануне), но, по-видимому, хотели, чтобы и все остальные услышали его здесь. Это — вопросы об обстоятельствах и мотивах приобретения мною цитатника Мао Цзэ-дуна и 9-страничного машинописного фрагмента из романа Ф. Искандера «Сандро».

Я ответил, что первый приобрел на базаре в Улан-Удэ, еще в начале 70-х гг., а второй обнаружил в номере московской гостиницы, по дороге на Кубу, в прошлом году.

<...> Из вопросов общего характера несколько были направлены на то, чтобы получить хотя бы косвенное согласие с утверждением о несовместимости моих убеждений и действий с пребыванием в партии.

Например: «Представьте себе, что Вы в качестве члена парткома присутствуете при обсуждении персонального дела человека, который совершил те же проступки, но признал бы их за собой?..».

Я сказал, что, во-первых, хотел бы увидеть такого человека, а во-вторых, судил бы на основании своего знания об этом человеке. Вообще, отвечать на вопросы, заданные в подобной форме, не умею и не берусь, сказал я. (Была кем-то брошена реплика, что для человека с ученой степенью такой вопрос не должен быть труден.)

Вопрос не столь изощренный: «Вы считаете, что не можете заблуждаться?»

Ответ: «Конечно, могу заблуждаться в чем-то. Но в том, что выдвигаемые против меня обвинения необоснованны и несправедливы, не заблуждаюсь. В этом я вполне уверен».

Вопросы и ответы в общей сложности заняли около 40 мин. После чего было предложено высказаться членам парткома. Выступлений, как таковых, было два. Первый выступающий (фамилия которого мне неизвестна) сообщил, что он является кандидатом технических наук. Я успел записать только, что он не может назвать меня «товарищем», ибо я приношу вред обществу, нарушал Устав КПСС и допускал явное вредительство.

Второй выступающий — рабочий Зайцев (из какого цеха — не знаю). Еще раньше он подавал реплику в связи с моим ответом на вопрос, как я отношусь к рабочему классу. («Отношусь к рабочему классу с уважением и сам являюсь в

настоящее время рабочим»..) Смысл реплики был тот, что я — вовсе не рабочий; четырех лет для того, чтобы стать рабочим, недостаточно.

В своем выступлении Зайцев поддержал предыдущего оратора: мол, меня нельзя назвать «товарищем», а только «гражданином». Что я подобен тем старьевщикам 30-х гг., которые собирали мусор по углам. «Мы сами знаем, что у нас хорошо и что плохо!». Я-де недостойн быть коммунистом. Почему раньше никто не обратил на меня внимание? Если бы я работал с ним (Зайцевым) рядом, он бы меня за несколько дней «раскусил». Надо «подумать о дальнейшем» (имея в виду, по-видимому, мою дальнейшую судьбу). <...> Оба выступления членов парткома были очень короткими и энергичными. Щекин поставил на голосование вопрос об исключении из партии (или об утверждении решения первичной парторганизации цеха¹ 3 об исключении меня из партии). При этом формулировка постановления (за что именно исключить) дословно произнесена не была.

Решение об исключении Алексева А. Н. из рядов КПСС было принято единогласно. Это произошло около 18 час. (без нескольких минут). <...> (Записано в конце мая 1984 г.)

Из очерка А. Головкова «...мир погибнет, если я остановлюсь!» (май 1988)

<...> Вывод парткома был однозначен: коммунист такого написать не мог, так мог написать только отщепенец! Никакие... объяснения, письменные или устные, не помогли. Доказывал — не слышали. Читали главным образом отчеркнутое красным карандашом. Никому оказались не выгодны наблюдения социолога-ученого «глазами рабочего». <...> (Огонек, 1988, № 19)

8.8. «Примите информацию — из первых рук...»

Из личной переписки (июнь 1984)

Дорогой <...>!

Думаю, Тебе следует **от меня** узнать о факте исключения меня из КПСС, имевшем место сначала на цеховом партсобрании (16.04), а затем на заседании парткома завода <...> — 23.05. Таковы — неисповедимые пути «экспериментальной социологии».

Формула исключения — «за нарушение Устава КПСС...», с такими конкретизациями: **«распространение антисоветской литературы»** и **«написание статей политически вредного содержания»**. Это тот редкий случай, когда апеллирующий в вышестоящие инстанции будет оспаривать не «строгость» наказания, а сам его «предмет». Но сейчас излагать все это в письме некогда. (УжЛ — при встрече или в другом письме.)

Мой рисунок жизни (внешний) — без изменений: завод, дом, друзья, социологическое творчество. Публикация основной работы «Человек в системе реальных производственных отношений» сейчас, до результатов апелляции, естественно, откладывается. Пока все. Обнимаю.

Тв. Андр. Ал., 1.06.84

P.S. Моя информация вовсе не является «закрытой», но и нет нужды сообщать ее тем людям, которые **лично** меня не знают. А свою осведомленность «из

первых рук», в случае встречных сообщений, можешь проявлять, перед кем угодно. Как о факте, так и о моей позиции. А. А.

Дорогой <...>!

Очевидной обязанностью Алексеева является информировать всех своих редакторов и издателей о состоявшемся 23.05 факте его исключения из партии: «...за нарушение Устава КПСС, его уставных обязанностей, выразившихся (*так!* — А. А.) в распространении антисоветской литературы и написании статей политически вредного содержания».

(Цитирую точно, с сохранением грамматики, как она представлена в постановлении, за подписью секретаря парткома «Ленполиграфмаша».)

Сам я голосовал на партийном собрании цеха — **против** этого решения, и был поддержан (косвенно) несколькими своими товарищами по слесарному труду, которые при голосовании воздержались. Партком завода у нас — на правах райкома. Так что реализую свое право апелляции в горком КПСС, а если понадобится, то и дальше.

Ограничусь этой скупой информацией, отложив подробную до встречи или до другого письма.

Не уверен, что до получения соответствующего ответа на мою апелляцию следует информировать тех, кто меня **лично** не знает. Но Вас — я известить об этих событиях обязан. Что и делаю.

Ваш Андр. Ал., 2.06.84

Здравствуйте <...>!

Дружеское и товарищеское чувство обязывает меня самолично сообщить своему старому другу и соавтору о факте исключения Алексеева А. Н. из рядов КПСС, состоявшемся на заседании заводского парткома 23.05 (партсобрание цеха было за месяц до этого). Формулировка: <...>. [*См. выше.* — А. А.]

При случае готов информировать подробнее, ну, а о мере справедливости предъявленных мне обвинений вы оба, зная меня, можете судить, я надеюсь, получше парткома. Наши общие друзья достаточно осведомлены мною (при встречах). Увидите их — поинтересуйтесь.

Я — в Ленинграде до середины июля. Потом — в отпуске (поеду к брату в Кавказский заповедник).²⁴

Сейчас занят сочинением апелляции («вплоть до ЦК КПСС»), согласно Уставу, который, судя по постановлению парткома, я как раз и нарушал.

Обнимаю Вас обоих.

Ваш Андр. Ал., 2.06.84

Дорогие <...>!

<...> [*Здесь опущена информация, сообщенная в письмах, приведенных ранее.* — А. А.]

Как вы можете догадаться, первое обвинение [*«распространение антисоветской литературы».* — А. А.] ко мне никакого отношения не имеет, и я имею не только формальные основания, но и внутреннюю уверенность на этом настаивать. [*Интересная формула!* — А. А.]

Что касается второго [*«написание статей политически вредного содержания».* — А. А.], то имеются в виду мои письма и дневники, архивная папка (так называемые «Письма Любимым женщинам»), изъятая у меня сотрудниками ОБХСС 16.09.83 при обыске.

Мои заявления, что письма, дневники — **не статьи** (статей у меня, слава богу, хватает), остались без внимания. В письмах же имеются фразы типа «В

условиях социалистического производства сделать все как надо невозможно», и один из ремонтников назван «придурком», что интерпретировано как **«оскорбление рабочему классу»**.

Комиссия партийного расследования, ознакомившись, похоже, с извлечениями из моих писем, приняла все это близко к сердцу. Сам я, оставшись без инкриминируемой мне архивной папки, настаивал на собственном ознакомлении с тем, что активно цитировалось, но такой возможности не получил.

Одним из проявлений моей «неискренности» был отказ называть конкретных адресатов конкретных писем (поскольку в папке только инициалы). Но в принципе, поимев (при обыске) мою записную книжку с адресами, об этом спрашивать было не обязательно.

²⁴ Имеется в виду мой двоюродный брат Владимир Абрашкевич (см. о нем ранее, в главе 2: раздел «Притча о Генеральной линейке»). Последний к тому времени уже уехал из Ленинграда и работал лесником на кордоне Пслух Кавказского заповедника.

Парадоксально, что моя статья «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)» противопоставлялась дневникам и письмам как нечто «очень правильное» (что, очевидно, свидетельствует о моей «двойственной» сущности). Статью можно почитать: она готовилась для сборника, редактором которого является Л. [Н. И. Лапин. — А. А.] , и находится у его сотрудников.

<...> Настроение — деловое и боевое. Недавно мне был сделан комплимент, что «у А. полиэтиленовые нервы»...

Обнимаю Вас обоих. При случае — повидайте в М-ве кого-нибудь из наших общих друзей. Они достаточно в курсе про меня. А то я и так превысил лимит, отпущенный самому себе на информацию об очередных приключениях социолога-наладчика.

Ваш Андр. Ал., 2.06.84

Ремарка: кому писал?

Как и в случае с письмами того времени, адресованными мне, эти — сохранились в моем архиве лишь в перепечатке, где имя адресата, «на всякий случай», не указывалось. Сами же тексты писем несут на себе довольно отчетливые следы «автоцензуры». (Сентябрь 1999).

P.S. Могу предположить, что предпоследнее из вышеприведенных писем адресовалось Е. и В. Дмитриевским, а последнее — А. Назимовой и В. Шейнису. (Декабрь 2000).

*...Когда меня спрашивают, кто же я: пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но мои воля и надежда оптимистичны...
А. Швейцер (Из «Моей жизни и мыслей». 1931)*

(15)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-kak-menya-isklyuchali-iz-soyuza-zhurnalistov>

А. АЛЕКСЕЕВ. КАК МЕНЯ ИСКЛЮЧАЛИ ИЗ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 24.03.2016

«По поводу написанного А.Н. Алексеевым, не оставляет сомнения в том...».
Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (15).

Из книги "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия", том 2:
<...>

8.14. Союз журналистов очищает свои ряды

[Автор настоящей книги вступил в Союз журналистов СССР в 1961 г., т. е. в год учреждения этой общественной организации. — А. А.]

8.14.1. Беседа в Доме журналистов на Невском

Из «Записей для памяти» (март-август 1984)

<...> Моя первая встреча с представителями Секретариата правления ЛО СЖ состоялась около полугода назад, 26.03.84. После соответствующего обмена телеграммами, уточняющими часы встречи (меня поначалу приглашали к 16 час., т. е. в рабочее время), я имел тогда беседу с одним из секретарей правления Е. С. Шарковой, а также с тов. Ребиковым (не знаю, в какой газете он сейчас работает) и еще одним членом какой-то из комиссий правления (кажется, пенсионером), фамилию которого не запомнил.

Меня тогда информировали о справке УКГБ ЛО от 12.03.84 «В отношении Алексеева А. Н.», поступившей в ЛО СЖ <...>, и затребовали объяснений. Я сказал, что только что передал в свою первичную партийную организацию «Объяснение коммуниста» от 24.03 и предложил моим собеседникам с ним ознакомиться. С их согласия, я зачитал это объяснение вслух (12 стр. на машинке). От предложения передать им этот текст я в ту встречу уклонился. Сказал, что если Секретариату правления ЛО СЖ это нужно, я могу изложить свои соображения специально для него.

Тт. Шаркова и Ребиков интересовались, уплачены ли у меня членские взносы в СЖ. Я показал свой членский билет, в котором стояла отметка об уплате взносов за 1983 г. За текущий год — рекомендуется уплачивать в течение 1-го квартала, который еще не истек.

Тов. Ребиков выразил желание, чтобы я оставил свой членский билет для сверки записи об уплате взносов с ведомостью. Однако это предложение было настолько странным, что он сам на нем не настаивал.

Тт. Ребиков и Шаркова тогда не очень убедительно говорили о том, что я **потерял связь** с Союзом журналистов, поскольку не принимаю участия в его секциях. Я сказал, что согласно Уставу СЖ это является моим правом, а не обязанностью; что же касается моего сотрудничества в органах периодической печати, то оно в последние годы не только не ослабло, а, напротив, активизировалось (о чем свидетельствуют мои публикации).

Меня попросили сделать письменный отчет о своей работе в прессе за последние годы. Я сказал, что если в Союзе приняты такие отчеты своих членов, то я хотел бы увидеть образец. Писать же подобный отчет в связи со справкой, поступившей из УКГБ ЛО, считаю неуместным.

Мы расстались на договоренности, что в течение последующей недели я письменно отвечу на вопросы ко мне, возникшие в связи с поступившей в ЛО СЖ справкой УКГБ ЛО.

30.03 я встретился вновь с Шарковой и передал ей не запечатанный конверт на имя председателя правления, редактора «Ленинградской правды» А. К. Варсобины, в который были вложены мое заявление на его имя от 27.03.84 и копия «Объяснения коммуниста» от 24.03.84. Последнее, как я сказал, может заменить специальное объяснение для ЛО СЖ, поскольку предмет объяснений — тот же. В тот же день я уплатил в бухгалтерии Дома журналистов членские взносы (5 руб.) за 1984 г.

Это происходило **полгода назад**. С тех пор, вплоть до августа 1984 г. никакой реакции на мое заявление тов. Варсобину или новых инициатив встречи со мной у Секретариата правления ЛО СЖ не было. <...>

Вкратце

Далее описывается встреча с секретарем ЛО СЖ А. Ф. Заниным и деканом факультета журналистики Ленинградского университета В. Г. Комаровым уже в августе 1984 г.

Приглашение к этой встрече поступило на следующий день после того, как сотрудник партийной комиссии горкома КПСС А. Грачева сообщила социологу-испытателю, что рассмотрение его апелляции исключенного из партии откладывается на месяц, ввиду ее «отъезда в командировку».

(Записано в августе 1984 г.)

Ремарка: анатомия и физиология «дела».

Автор вполне отдает себе отчет в том риске утомить читателя, который он берет на себя, приводя эти «протоколы», хотя бы фрагментарно.

Однако напомним: наша цель — не только развлекательная, но и исследовательская. И здесь важно показать «анатомию и физиологию» социального организма — средствами «драматической социологии».

(Напрашивается аналогия с методикой «меченых атомов»). (Октябрь 2000).

8.14.2. «Эклектизм воззрений и двойственность поведения...»

[Ниже — экспертная справка, подготовленная деканом факультета журналистики Ленинградского университета В. Г. Комаровым, по заданию партийной комиссии Ленинградского ГК КПСС и секретариата ЛО СЖ СССР (август 1984). — А. А.]

По поводу персонального дела Алексева А.Н.

По поводу написанного А.Н. Алексеевым не оставляет сомнений в том *[так! в дальнейшем таких помет делать уже не буду. — А. А.]*: 1) что он идейно порвал с последовательным коммунистическим мировоззрением, 2) подвержен влиянию буржуазной идеологии, 3) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой члена КПСС и партийного журналиста.

Нужно прежде всего констатировать эклектизм его идейных установок и практического поведения, и в то же время сам этот эклектизм рассматривать не как движение незрелого сознания в направлении к коммунистическому мировоззрению, а наоборот — от научной идеологии и практики в оппортунизм и ревизионизм, к двойственному увертливому поведению.

Эклектизм воззрений и двойственность поведения обнаруживаются во всем: — в том, что А. *(Здесь и далее в оригинале документа — фамилия. — А. А.)*, как бывший ст. научный сотрудник ИСЭП АН СССР, с одной стороны, в состоянии

проводить исследования и обобщать эмпирический материал на основе научной методологии, а с другой стороны — в незавершенном им «О состоянии и перспективах развития советского общества» — резко отходит от процедуры и методологии научных социологических исследований, собирая мнения «экспертов» из круга своих знакомых (это не вписывается даже в понятие случайной выборки), большинство из которых не имеет устойчивых политических принципов и минимальной компетенции в оценке общественно-политических явлений. Тем самым вопросы предложенной им анкеты можно квалифицировать в равной мере и как выражение политической беспринципности этого самого круга знакомых. По-видимому, чувствуя или понимая это, А. предпочел передать обобщение ответов «экспертов» другому лицу, что по-своему тоже свидетельствует об уклончивости и двойственности поведения.

— в том, что он, А., с одной стороны, не считает понижающим его социальный статус труд рабочего, с другой стороны, в так называемых «Письмах любимым женщинам» позволяет себе судить о рабочих с позиций либо снисходительного высокомерия (тех, кто ему помог или предлагал помощь, он зачисляет в разряд попавших под воздействие «эффекта Тома Сойера, красящего забор»), либо грубого очернительства, договариваясь до приписывания цеховому собранию милитаристского духа — вздор, который рабочие-коммунисты совершенно справедливо квалифицировали как клеветническое измышление.

— в том, что А. в «Письмах любимым женщинам», с одной стороны, стремится облекать свои претенциозные изыскания в наукообразную форму, т. е. пытается создать видимость объективного исследования, называя его «методом моделирующей ситуации», а с другой стороны — произвольно подгоняет частные недостатки на производстве в одном из лучших ленинградских предприятий под предвзятые и огульные негативные характеристики нашей экономики в целом и системы управления ею.

— в том, что А. в так называемом «Предупреждении» к «Письмам...», с одной стороны, кокетничает уничижительными самооценками, а затем в объяснениях представляет это чем-то вроде подготовительных материалов для будущих добропорядочных статей.

Всю эту и подобную мешанину, от которой несет духом буржуазных ярлыков, наклеиваемых на нашу действительность антикоммунистической пропагандой, он пытается уберечь от подобной квалификации тем, что требует не вырывать из контекста отдельные суждения, фразы, оценки. А. не понимает или делает вид, что не понимает, что именно эти суждения, фразы, оценки, носящие особенно одиозный характер, наиболее отчетливо раскрывающие некоторые из его некоммунистических идейных установок, и определяют контекст, придают соответствующий смысл всему другому и потому прежде всего обращают на себя внимание всякого, кто способен за смысловыми вывертами амбициозного себялюбия видеть общественно-политическую суть дела.

Тем не менее многое, думается, было бы еще поправимо, если бы А. хоть с малой толикой искренности и подлинного понимания отнесся к предостережениям и суровой критике со стороны всех, кто указывал на опасную идейную эволюцию в его сознании и признаки непартийного поведения.

К сожалению, в эти ответственные моменты он предпочитал увертываться и не просто все отрицать, но и обвинять других в предвзятости, непонимании и даже возможном злом умысле. А это уже означает, что А. сделал намеренный выбор и не только в сознании, но и практически отошел от Устава КПСС и Устава Союза журналистов СССР.

В заключение несколько замечаний частного характера:

1) На мой взгляд, несанкционированное социологическое исследование «О состоянии и перспективах развития советского общества» нельзя считать законченным по двум причинам: во-первых, потому, что А. сам довел его, можно сказать, лишь до стадии полуфабриката, предоставив обобщение полученного материала другому лицу; во-вторых, потому, что ни по процедуре, ни по методике это «исследование» до ранга сколько-нибудь научного не доросло, даже с учетом обобщения. Все это осталось на уровне несостоявшейся **попытки**.

2) «Письма любимым женщинам» — не статьи, не письма и не подготовительные материалы в подлинном смысле слова. Они представляют собой почти механический конгломерат элементов всех этих жанров.

Отмеченное в пп. 1 и 2 — опять-таки проявление все тех же эклектизма, мешанины, раздвоенности сознания и поведения.

Декан факультета журналистики Ленинградского ун-та, канд. философских наук В. Г. Комаров, 3.08.84

Ремарка: факты, оценки, концепции.

Вышеприведенная «рецензия», как и некоторые другие приводимые здесь документы, может рассматриваться как «классика жанра». Но у каждого жанра — свои особенности. Данный текст, в отличие от справки УКГБ ЛО, констатирующей «факты», в отличие от актов партийного расследования, изобилующих «оценками», являет собой образец «концепции». (Сентябрь 1999).

*...И мне освободят одно из мест И,
умиляясь, зов души услышат, И на меня
рецензию напишут, Правдивую, как ордер
на арест...*

*Димчо Дебелянов (перевод с болгарского
Г. Ефремова)*

8.14.3. «Я, конечно, не Зощенко, но и доцент Комаров — не профессор Плоткин...»

Из автостенограммы выступления на заседании Секретариата правления ЛО СЖ (август 1984)

Вкратце

У этого выступления была довольно обширная преамбула, в которой автор упрекает Союз журналистов, за «выжидательную» позицию: его персональное дело не рассматривалось в течение полугода, пока не состоялось исключение из партии.

Социолог-журналист-рабочий сообщает некоторые факты своей профессиональной биографии, которые участникам заседания в общем-то известны (а с некоторыми из присутствующих он просто лично знаком, по прежней — 60-е гг. — штатной работе в ленинградской печати).

Дальше идет — самозащита.

<...> Ознакомившись с моими «Письмами...», тов. Комаров в своей справке делает скоропалительный вывод об «идейном разрыве Алексеева с последовательным коммунистическим мировоззрением», о его (Алексеева)

«подверженности влиянию буржуазной идеологии» и несовместимости его действий, особенно «последующего поведения» (имея в виду попытки защитить свою честь и достоинство), ни с идеологией, ни с практикой члена КПСС и партийного журналиста.

И содержание, и стилистика этого документа мне очень напомнили недавно перечитанную статью Л. Плоткина в журнале «Звезда» № 8/9 за 1946 г. Ну, я, конечно, не Зощенко, но и тов. Комаров не профессор Плоткин...

Неделю назад, когда впервые познакомился со справкой доцента Комарова, журналиста и философа (так что «дважды» коллеги!), я заявил, что предпочел бы выразить свое отношение к ней письменно, вот только не знаю, успею ли до заседания. Не успел. Сейчас ограничусь констатацией того неловкого положения, в котором оказался сам тов. Комаров и в которое он, вольно или невольно, вовлекает также и Секретариат правления ЛО СЖ (поскольку другого «собственного» эксперта у Союза журналистов, похоже, не было).

<...> Можно ли считать объективной оценку профессионального творчества и выраженной в этом творчестве идейной позиции, построенную только на том, что поддержали в руках тов. Комаров и, отчасти, тов. Занин? С каких пор работа ученого и журналиста оценивается по дневниковым записям, личным письмам, черновикам?!

Может быть, тов. Комаров читал мои статьи в журналах «Литературное обозрение», «Театр», «Нева», «Молодой коммунист», «ЭКО», в «Литературной газете» (я называю только массовые издания, в которых публиковался в последние годы). Нет, ничего этого он не читал, разве кое-что оказалось вложенным в папку архива, шутливо названную «Письма Любимым женщинам». Поначалу мои «Письма...» сгоряча были кем-то из сотрудников УКГБ ЛО окрещены «статьями». А теперь уже и сам тов. Комаров признает, что это «не статьи, не письма и не подготовительные научные материалы», а — «почти механический конгломерат элементов всех этих жанров».

Что ж, тут близок к истине тов. Комаров: «конгломерат», т. е. **личный архив**, в котором берегаются и некоторые личные письма, и рукописи статей, и научные отчеты, и докладные записки, и чего там только нет, что может оказаться в личном архиве! (Может, и у самого тов. Комарова есть, только я с его архивом незнакомился). <...>

[Здесь опущено обозрение материалов конфискованного личного архива. — А. А.]

Всего, что там есть, тов. Комаров, как он сам говорит, не читал. Зато личная переписка им **обследована и квалифицирована** как свидетельство «эклектизма, мешанины, раздвоенности сознания и поведения». Причем сам этот «эклектизм» следует, по его мнению, рассматривать «не как движение незрелого сознания в направлении к коммунистическому мировоззрению, а наоборот — от научной идеологии и практики в оппортунизм и ревизионизм, к двойственному увертливому поведению» (я цитирую).

Проф. Плоткин, по крайней мере, выговаривал Михаилу Зощенко за его **опубликованные** произведения, а не за письма и дневники. <...>

Я не считаю себя носителем абсолютной истины — ни в опубликованных статьях, ни, тем более, в черновых набросках и дневниковых записях. Но и не считаю последовательное коммунистическое мировоззрение более присущим моему рецензенту, чем мне.

Может быть, мне еще придется в другой раз подробно отрецензировать рецензию моего оппонента, которая, впрочем, во многом сама за себя говорит. Особенно поразительно, как тов. Комаров связывает мое «не партийное поведение» с действительно отсутствующей у Алексева способностью,

«с учетом ситуации» (это выражение он употребил в личной беседе, может быть, даже желая мне «помочь»!), соглашаться со всеми анафемами в свой адрес. <...>

Нет, не выйдет из меня сегодня «оппортуниста» и «ревизиониста», как не вышло полгода назад «антисоветчика»! (Ведь и такое слышал о себе). <...>

Вкратце

Здесь опущены возражения социолога-рабочего по поводу политических обвинений, связанных с разработкой и опробованием методики «Ожидаете ли Вы перемен?».

В заключение, выступающий призывает участников заседания «не торопиться» с принятием решения.

...Я вовсе не считаю себя выдающимся журналистом. Но, надеюсь, сумел показать, что в данной ситуации одного только заключения тов. Комарова для итоговой оценки труда (не говоря уж о мировоззрении!) человека недостаточно. Уж коли сошлись на мне лучи социальных прожекторов, **изучайте**, привлечите и еще экспертов. Пусть они непредвзято просмотрят **все** написанное мною. В частности, прошу рецензии на мои публикации в массовой периодической печати, за последние пять лет. Было бы нескромным требовать этого в другой ситуации. Но сейчас я имею на то основания.

<...> Жду разумного ответа от Секретариата правления ЛО СЖ.

А. Алексеев, 30.08.84

Ремарка: *уклонение от идеологического спора.*

Похоже, что социолог-испытатель несколько растерян или «устал»... Во всяком случае, его самозащита до сих пор была сильнее, аргументы — разнообразнее, контратаки — напористее.

На заводе было проще: ясно, что — не «вредитель», не «шпион», не «антисоветчик», наконец! Тут же — навязывается идеологическая дискуссия, к которой субъект «драматической социологии» пока не готов. И он от нее фактически уклоняется. (Сентябрь 1999)

Из «Записей для памяти» (август-сентябрь 1984)

Здесь опущено описание интерьера и начальной части заседания Секретариата правления ЛО СЖ 30.08.84. — А. А.]

<...> Мое выступление не осталось незамеченным участниками заседания в том смысле, что квалифицировалось ими как свидетельство непримиримой позиции по отношению к людям, которые озабочены тем, чтобы я понял и осознал свои ошибки. Некоторая неловкость от моих критических замечаний касательно выжидательной позиции ЛО СЖ сквозила, как мне показалось, в высказываниях членов Секретариата; но она так или иначе перекрывалась их полной убежденностью в моей виновности.

Председательствующий А. К. Варсобин раза два употребил выражение «Не крутите!», однако после моего протеста больше таких реплик не допускал. Он же несколько раз пытался перевести процедуру заседания в «диалог» вопросов и ответов («было?» — «не было»...), зачитывая одно за другим утверждения из справки УКГБ ЛО. Особый упор делался на то место моего «Объяснения коммуниста», где говорилось: «недоразумение или злой

умысел...». — «Чей злой умысел?» Я сказал, что пока не располагаю доказательствами, поэтому не могу называть имена предполагаемых «злоумышленников». <...>

Варсобину же принадлежит постановка «ключевого» вопроса: кто же я, в конце концов, социолог, журналист или рабочий? Мой ответ, что — и то, и другое, и третье, вызвал его активную критику, которую можно расценить как неприятие уже самого по себе совмещения этих профессий. (Примечательно, что этот вопрос и эта позиция практически полностью совпадают с позицией начальника цеха Данилушкина на заседании партбюро цеха в апреле.)

Другой мотив обсуждения (тоже Варсобин): «Все не правы, а Вы правы». Все — это КГБ, партийная организация, теперь вот и ЛО СЖ. (Этот аргумент совпадает с аргументами секретаря парткома Щекина на заседании парткома завода в мае.) Был момент, когда мне пришлось уточнить, что считаю ошибающимся не Управление КГБ в целом, а персонально тов. Полозюка, подписавшего известную справку этой организации.

Было и одно, по видимости, доброжелательное выступление: почему мы должны верить Вам, а не КГБ? Комитет «просит разобраться и принять меры» (вообще-то в справке УКГБ ЛО такого пожелания не было). «Ни с того, ни с сего обыск не делают...». (Тут Варсобин: «Обыск — по другому делу, а нашли случайно, сами видите — что!») Впрочем, этот же доброжелательный оратор и предложил исключить меня из Союза журналистов.

Наибольшего внимания заслуживают выступления В.Г. Комарова (их было два, в начале и в конце заседания), который хоть и не член Секретариата, но наиболее «в курсе дела». <...>

[Здесь опущено изложение первого выступления В. Комарова, в основном повторяющего вышеприведенную справку эксперта ЛО СЖ и горкома КПСС. — А. А.]

Второе выступление В. К. имело характер обобщения, вывода. Его смысл: нельзя говорить, что эти материалы носят интимный характер. В какой-то мере они предназначены для общественного распространения. (Ссылка на фразу из моего предуведомления к «Письмам...».) Являются ли эти дневники черновыми научными разработками? Научное содержание этих вещей равно нулю. Экстраполяции — неоправданные. Обобщения предельно абсурдны. От станка — к предприятию, уже несерьезно. Не все антисоветчина, кое-что — вздорно. А. склонен навешивать ярлыки на наш хозяйственный механизм, на систему управления. Значительное место в этих так наз. дневниках занимает саморефлексия, ироническая самооценка, где сам себя поругивает. Вот образец эклектики и мешанины.

Одно высказывание тов. Комарова записано мною дословно:

«Перед нами не враг советской власти, не антикоммунист, у него есть коммунистические воззрения и убеждения, но образуется тенденция отхода, при котором возникает совпадение с ярлыками, которые навешивает на нашу действительность оголтелая антикоммунистическая пропаганда».

[Выделено мною сегодня. — А. А.]

Этот процесс, по мнению Комарова, находится, «по счастью», в начальной стадии. Но сейчас, под влиянием «тех прецедентов» (так записано в моей стенограмме, не соображу, что имелось в виду), А. делает выбор — признать или не признать. И — не признает! Тов. Алексеев отвергает предлагаемую **идейную помощь**. И надо открыть ему глаза не только увещеваниями, но и практическими социальными мерами.

Своим нынешним (больше нынешним, чем прошлым! таков смысл) поведением А. ставит себя вне партии и вне партийного Союза журналистов. <...>

Ремарка: конец цитаты.

*А теперь, спросим себя, вместе с читателем: так ли уж не прав был мой тогдашний рецензент? Например, насчет «эклектизма», «мешанины», «раздвоенности сознания и поведения»? (Не «между» сознанием и поведением, а «внутри» того и другого — **раздвоение**, разумеется.)*

*И — уж не комплиментом ли в адрес социолога-испытателя звучит **сегодня** утверждение об «идейном разрыве с коммунистическим мировоззрением»? На самом деле, окончательный разрыв с официальной идеологией состоялся позже. Но тогдашний оппонент, пожалуй, правильно угадал тенденцию...
...Интересно, где сейчас доцент Комаров? Чем занят? Чему учит студентов, если не сменил профессию? В какой партии теперь состоит?*

***P.S.** Эти строки были написаны в конце сентября 1999 г. А в «Вечернем Петербурге» от 6.10.99 я прочитал некролог:*

*«5 октября на 62-м году жизни скоропостижно скончался доцент кафедры общественных связей факультета журналистики СПбГУ **Владимир Георгиевич Комаров**.*

Многие годы он был связан с журналистикой, работал зам. редактора «Ленинградской правды», преподавателем и деканом факультета журналистики. Он скончался по дороге на факультет, на лекцию к своим студентам.

Светлая память о Владимире Георгиевиче будет жить в наших сердцах».
(Конец цитаты).

<...> (Октябрь 1999).

...Проект постановления об исключении меня из Союза журналистов был принят единогласно.

Заседание затянулось почти до 19 час. (началось в 17). Как мне раньше сказала технический секретарь, других вопросов в повестке дня не было. (То есть собирался Секретариат правления ЛО СЖ «ради меня» специально.)

Когда я подошел к Варсобиному, чтобы вручить ему свой членский билет Союза журналистов, заметил у него на столе журнал «Молодой коммунист» (1982, № 10) и журнал «Нева» (1982, № 3) с моими (в соавторстве с С. М. (Минаковой. — А. А.)) публикациями: «Овладение специальностью — овладение собой» и «Способ быть счастливым».

Как видно, от тоже готовился к этому заседанию...

(Записано 1.09.84)

8.14.4. «Несовместимо ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста...»

Из постановления Секретариата правления ЛО СЖ СССР (август 1984)

<...> Члены оргкомиссии ЛО СЖ Занин А.Ф., Воронцов А.Ю., Ребиков Б.А., а также декан факультета журналистики ЛГУ, кандидат философских наук В.Г. Комаров внимательно ознакомились с имеющимися по делу документами и провели беседы с тов. Алексеевым. <...>

[Здесь опущена констатирующая часть постановления. Она почти дословно воспроизводит справку УКГБ ЛО от 12.03.84. См. выше. — А. А.]

Из анализа написанных Алексеевым материалов комиссия пришла к выводам, что:

- 1) у тов. Алексеева А. Н. прослеживается опасная идейная эволюция;
- 2) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста.

Исходя из вышеизложенного, секретариат СЖ постановляет:

— исключить Алексеева А. Н. из членов Союза журналистов СССР за действия, несовместимые с этим высоким званием.

Председатель правления ЛО СЖ СССР А. К. Варсобин, 30.08.84

Из очерка А. Головкова «...мир погибнет, если я остановлюсь!» (май 1988)

<...> Как забыть это ощущение, словно тебе приходится жить на полигоне, где ежедневно упражняются снайперы... Где «чересчур» смелая статья, даже не пропущенная в печать, подпись под письмом в чью-то защиту или просто неловкое высказывание могли любого превратить в «мишень». <...>

(Огонек, 1988, № 19)

Из сценария телевизионной передачи «Интерпретация» (1988)

<...> — Из чего возникли эти обвинения? Кто был их инициатором?

— Тут надо различать источник, пусковой механизм и следствия.

Своей линией поведения я, по-видимому, раздражал некоторых деятелей из научной сферы и партийного аппарата. Затем им на помощь пришли работники правоохранительных органов, включая органы госбезопасности. Заводская партийная организация в своих выводах опиралась на справку этих органов. Другие общественные организации (Союз журналистов, Советская социологическая ассоциация) исходили из факта исключения из партии. Одни инстанции просто переписывали предыдущее решение, другие дополнительно его расцвечивали.

Таков механизм общественной, политической дискредитации. <...>

(Автор и ведущий телевизионной передачи — Сергей Дегтярев. ЛСТ. 1988)

...Стоики учили весьма мудро, что надо различать в каждом отдельном случае то, что мы можем сделать, и то, что нам не по силам. И делать надо, конечно, только то, что нам доступно. Совершив же максимальное усилие и выполнив все, что мы могли, можно принять как неизбежное воздействие на нас превосходящей силы. Но такое принятие должно быть условным, а отнюдь не принципиальным. Признавая, что сейчас я слаб и не могу разбить стены, я вместе с тем должен быть убежден, что я могу преобразиться и

тем самым умножить свои силы.
Следовательно, если я сталкиваюсь с непреодолимым препятствием, это должно быть основанием не для моей пассивности и пребывания в состоянии покоя, а, наоборот, для возможно интенсивной работы над собой с целью освобождения спящих моих сил.
Увеличение же своей силы зависит не только от внутренних процессов живого существа, но главным образом от объединения его усилий с усилиями других существ в общем деле совместного наступления на встретившееся препятствие...
В. Муравьев. Из «Мыслей и афоризмов». 20-е гг. (Цит. по: В. Н. Муравьев. Овладение временем. М., 1998, с. 293)

А жертвы тоже ведь виновны,
когда виновного виня,
глаз не отводят от себя,
от ран своих стигмаподобных,
когда их раны — зеркала,
когда страдание — заслуга...
Перепаша обиду плугом,
пусти беду на семена.
Уж если стих — из сора, лебеды,
вырастет и радость из беды.
Анри Кетегат, 1999

А ошибаться — это не что иное, как медлить в делах, кои должно вершить быстро, и слишком торопиться с теми, кои должно делать не спеша...
Кэнко-Хоси. Записки от скуки (XIV век)

(16)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-zhizn-v-god-oruella>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
ЖИЗНЬ В «ГОД ОРУЭЛЛА**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 27.03.2016

Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (16). Письмо Розалине Владимировне Рывкиной (январь 1984).

Из книги "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия", том 2:

<...>

ГЛАВА 9. ГОД ОРУЭЛЛА

Война — это мир. Свобода — это рабство. Незнание — это сила. Дж. Оруэлл. «1984»

Литература — жизнь, но жизнь — не литература. Иванов-Разумник. «Юбилей»

9.1. Ситуация — статика и динамика. Алексеев — стимулы и реакции

[Ниже — эпистолярное обсуждение обстоятельств «дела» социолога-рабочего, под углом зрения «драматической социологии». — А. А.]

Р. Рывкина — А. Алексееву (январь 1984)

Дорогой Андрей!

<...> Как повлияло все случившееся на твою психику (психофизиологическое состояние)? И, важнее, на систему ценностных ориентаций? Что изменилось (если изменилось) в тебе?

Вот это я хотела бы понять, ощутить. Как проявились вокруг тебя люди?

Близкие, средние, дальние? Что изменилось в твоей системе общения, в кругу твоих друзей? Как изменилось (если изменилось) твое положение на работе? А отношение социологов Ленинграда, Москвы?

Видишь — «черного кобеля не отмоешь добела»... Я и на любимом друге сочинила программу конкретного исследования: «А. и его окружение: статика и динамика (опыт микросоциологического исследования)». Или: «А. в стрессовой ситуации: стимулы и реакции». (Это — тоньше.) <...>

И. Р. — Новосибирск, январь 1984

А. Алексеев — Р. Рывкиной (октябрь 1984)¹

Дорогая Инна!

<...> «Не идем мы друг у друга из головы» — взаимно, не только я из твоей. И по счастью, я располагаю сегодня достаточным запасом времени для размышления вслух, чуточку даже выходящего за пределы проблематики твоего последнего письма.

Могу заявить: дружеское внимание, озабоченность и личностная и гражданственная готовность помочь, а зачастую, и реальная помощь — стали нормой «наблюдающего участия» друзей в ситуации А. 1984-го года. Это — что касается **окружения**, если коротко.

Что же касается собственной персоны, то я оказался «кобелем почернее тебя»... Ведь, при всей чрезвычайности происшедших событий, как исследователь, кажется, даже не изменил предмета. (Разве что — расширил поле наблюдения.)

«Эксперимент на самом себе...»

Ведь и раньше я исследовал не столько общество (на примере конкретной социальной микросреды) и не столько личность (на собственном примере), сколько **взаимоотношения личности и общества** (с элементами экспериментирования). Такое исследование, строго говоря, не совсем социологическое. Оно — чуть ли не «эмпирико-философское». (Раньше от философии шли к социологии, теперь у меня получается вроде наоборот.)

Вообще же, подобное «исследование» — вовсе не монополия социальных исследователей. Как заметила одна любимая мною женщина, писатель: «...что такое, в сущности, вся наша жизнь, как не эксперимент, поставленный на самом себе. Или на других... Иногда...».

Просто большинство людей, как и мольеровский Журден, не осознают, что говорят... прозой.

С другой стороны, тут такое переплетение жизненной и научной позиций, Рефлексии, Деятельности и Игры (последнее понятие, увы, слишком скомпрометировано шулерами, а ведь в моем смысле жизненная игра — это следование собственным, внутренним, стало быть — нравственным правилам, с учетом обстоятельств, но не подчиняясь им), так вот — тут такое переплетение, что нужно быть Бахтиным, Рубинштейном или Швейцером, чтобы до конца разобраться. Я пока — на уровне «наивных прозрений».

Ладно, хватит философии. Я не медик, прививший себе чуму для опробования новой сыворотки, а всего лишь человек, не отказавший от себя в новых жизненных условиях. Случайно этот человек оказался социологом...

«Баланс» общения и миграции на дружеских орбитах

Вот, дошел до этого места и не решу — то ли отвечать на твои сегодняшние тревожные вопросы, то ли сначала подробнее ответить на вопросы тогдашнего (январского) письма, касающиеся «статике и динамики» моей личности и моего окружения. Все же логичнее начать с первоначальных вопросов.

Итак, о «статике и динамике» окружения. Из нашей переписки последних полугода этот момент мог остаться не вполне проясненным. (Развитие личности твоего корреспондента больше на виду, и даже документировано.)

Заводское положение сейчас не затрагиваю (там — свои «статика» и «динамика», кстати, вовсе меня не удручающие), а только — о дружеской и товарищеской профессионально-социологической среде.

В основном, все осталось на своих местах. Относительная стабильность отношений оказалась главным результатом динамики, совершившейся как бы внутри индивидов (я-сам, другие), при неизменном уровне отношений. Но были и некоторые перемещения на «дружеских орбитах», как правило, не слишком заметные.

Есть люди, которые из «близких» теперь пожелали стать «ближайшими».

Большинство же из этого круга остались на прежней дистанции. Есть «средние», которые захотели придвинуться «ближе»; но я не сделал встречного движения (может быть, и сделаю, со временем). Есть и такие «близкие», которые как бы отодвинулись на периферию этого круга (со временем, может быть, отойдут и к «средним»).

В общем, происходят миграции с одной орбиты на другую, но, как правило, «внутрипоясные», а не «межпоясные», пока (если считать «близких» и «средних» — поясами).

Вполне вероятно утечка из «средних» в «далекие», но я ее пока не замечаю, поскольку со «средними» привык общаться в организациях либо в компаниях, а я

там и раньше не часто бывал, теперь же — практически отменил (без сожалений).

Отсутствие телефона облегчает регулирование этих процессов (когда возникает потребность в таком регулировании, в основном — ввиду дефицита времени). Я сейчас, пожалуй, больше «в долгу» (не отвеченными письмами, не сделанными своевременно телефонными звонками), чем «должны» мне.

Но, признаться, и раньше так было. Разве что «Письмами Любимым женщинам» я сделал нескольких корреспонденток своими «должниками» — демьяновой ухой «себя в обществе» и «общества в себе», в виде этих писем.

Процесс миграции на дружеских орбитах совершался и раньше, всегда. Я не могу сказать, что он существенно интенсифицировался. При том, что отдаление — мною нынче почти сознательно облегчается, а приближение — намеренно не стимулируется, сохранение прежнего потенциала и «баланса» общения является, как я уже сказал, результатом **динамики**.

Можно сказать, что круг общения сужен мною (иногда, может быть, упреждающе), но близкий круг сам это общение углубил (возможно, компенсаторно).

(Один крутой разрыв отношений с моей стороны в этот период тоже был, но бывали они и прежде.)

Конечно, это «динамическое равновесие» само по себе небезынтересно. Но оно касается, главным образом, эмоционально-психической, душевной, человеческой расположенности, выступающей, а иногда и крепнущей в стрессовых ситуациях.

(Поведенческим показателем этой стороны общения может отчасти служить частота контактов, суммарная величина которых не уменьшилась. А отождествлять здесь поведение и время общения с эмоциональной стороной — можно, ибо «светское», несколько принужденное общение я и раньше отвергал.) Но тут следует обратиться к содержанию «стресса». И не к душевности, а к **духовности** контактов с дружеским окружением, их, не скажу — мировоззренческому (мировоззрение у нас у всех одно — диалектико-материалистическое!), а — **мироотношенческому** характеру. Вот здесь — очень разнообразные проявления.

Но все же можно выделить **три типа**, определенные мною для данного, конкретного случая, а уж как их подвести под более общие категории — сейчас не соображу. Эти типы не соотносимы с понятиями «близости» или «далекости» (эмоционально-поведенческой близости-далекости, которая складывается из многолетнего предшествующего опыта). Уверен, что среди «средних» и «далеких» (может быть, полужнакомых мне) людей могла бы быть проведена аналогичная дифференциация.

Итак, «стимул» — нынешняя жизненная ситуация А., с навешенными политическими обвинениями, исключением из партии и из Союза журналистов, «отлучением», кстати, и из ВТО, и т. д. **Ситуация** — это не только «обстоятельства». Это: **личность + обстоятельства**; поведение личности, во многом вызываемое обстоятельствами, и обстоятельства, во многом создаваемые поведением личности. «Реакция» же — отношение, оценка, тревоги и надежды, слезы и смех (кое-что ведь и смешно!), боли и радости, относящиеся к конкретной личности и к конкретному обществу, поскольку то и другое взаимодействуют в ситуации.

...Под *жизненной ситуацией* индивида имеется в виду совокупность значимых, т. е. «втянутых» в орбиту его

жизнедеятельности, событий и обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на его мировосприятие и поведение в каждый данный конкретный период его жизненного цикла. Жизненные ситуации отнюдь не всегда отличаются устойчивостью. Поэтому следует различать «устоявшиеся» и «проблемные» ситуации. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни, а необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата...

Т. М. Дридзе. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования, 2000, № 2, с. 25.

Типология дружеских реакций

Как же типологизировать «реакции» не по личностно-эмоциональному, а по мироотношенческому критерию?

Один тип реакции назову — **диагноз**. Вот, человеку «не повезло»... Упал на него кирпич, или заразился проказой, или — чего полегче (каждый не обязательно определяет, а скорее — ощущает по-своему). Но именно — «диагноз». Вопрос: как ему «вылечиться»? Разумеется, слушать назначения врачей. Или же — «народная медицина»... Но так или иначе, человек — болен. Тут нет вопросов. Поведение «диагностика» иногда героическое. Он «целует прокаженного» (полагая его таковым и рискуя так же нелепо заразиться). Он может и «надеть перчатки» при рукопожатии (кстати, вовсе не обидев этим самого «прокаженного»). Но при этом рукопожатие не станет менее **душевно** крепким. Свой диагноз можно держать при себе, а можно и высказывать вслух (все-таки не «рак»!). Искреннее сочувствие переплетается со стихийной (редко — сознательной) «педагогикой».

«Диагностик» может быть прагматиком или идеалистом (это уже другой срез). Прагматик озадачен одним, идеалист — другим, но оба сходятся на том, что **заболел А**. «неприятной» болезнью, а человек-то — хороший, и как ему теперь помочь, его **сберечь** — для него самого, «для нас», «для науки», «для общества».

Логика рассуждения тут такова. Жизнь — главная ценность. И психическая (тут ведь и «сдвинуться» недолго), и физиологическая (вон и сердце зашало), и социальная (того гляди, печатать совсем перестанут). Он же, вместо физического или интеллектуального отдыха, или вместо научного творчества,

продолжает работать слесарем и пишет свои апелляции — милый Чацкий, бедный Чацкий, «горе от ума», да и только...

В Молчалины, конечно, не зовут, сами совсем не такие (ведь Чацкий с Молчалиным никогда не дружили), но ведь — «ситуация»!.. Что ж он, не понимает?!

(Я, конечно, утрирую, почти пародирую и, ей-богу, не найду для описанного типа реального прототипа. Но **тип**-то — тот.)

Второй тип «реакции» назову **прогноз**. Здесь переплетаются дружеские «прогнозы», общественные и личные. Вот такая — «ситуация»... О чем она свидетельствует, куда общество идет, если таких, как А., вышибают из партии? Или: куда пойти самому А., чтобы его в партии восстановили?

Могут быть «прогнозы-предостережения» (когда «прогностик» искренне желает, чтобы его предсказание не сбылось, и иногда даже знает, что для этого надо сделать самому А.). Могут быть «прогнозы-утешения» (тоже вполне искренние, когда «прогностик» заражается историческим или субъективным оптимизмом А., а может быть — и сам по натуре такой оптимист). Наконец, могут быть «резвые» прогнозы, причем настолько точно рассчитанные, что сбудутся, хоть локальная ядерная война разразится. (И ведь сбываются, черт возьми; сам А. не без придури, а дружит с умными людьми.)

Для «прогностика» — А. не «больной», которого надо «лечить», а он, А., — вполне «здоровый» человек, которому надо выработать **оптимальную** линию поведения, чтобы относительную невинность соблюсти, и относительный капитал приобрести («капитал» — научный, жизненный и моральный, и, может быть, даже партийный). В полной мере это, может быть, и невозможно, но ему надо пройти между Сциллой и Харибдой, не только личной, но и общественной. При одних социальных изменениях — «ничто не поможет», при других — «есть шанс».

«Прогностик» зачастую деловит. Он (особенно — если из пояса «средних») первым делом уточняет у А., какова же все-таки его идейная, мировоззренческая позиция. Он вполне допускает возможность, что «объяснение» и «апелляция» — это просто «игра» (не в моем смысле — см. выше). А получив дружеское заверение, что позиция — та самая, **которая там изложена**, т. е. его, А., действительная, «внутренняя» позиция, он ищет путей адаптации этой позиции к нынешнему общественному состоянию (для которого эта позиция, может быть не вполне «адекватна»). Бывают, конечно, прогнозы и «апокалипсические»...

(Я искренне люблю и благодарен тем «прогностикам», из числа «близких», которые учат меня уму-разуму, хоть «чистого» прототипа не нахожу и здесь.)

Наконец, третий тип «реакции». Тут с названием потруднее. До сих пор называл — **позиция**. Хотя, почему так? Ведь своя позиция есть и у предыдущих. **Моя** позиция, что ли? Значит — просто идентификация с «моей» позицией?! Но это лишало бы данный тип друзей духовной самостоятельности. Мало ли что А. выкинет, так уж со всем и идентифицироваться?

Скорее всего, это тот тип, к которому принадлежал бы я сам, окажись близкий мне человек моего типа в сходных обстоятельствах.

Позиция, во-первых, чуть ли не фаталистическая. «Все, что случается с человеком, похоже на него самого» (О. Хаксли). Так может сказать (или подумать) и «диагностик», и «прогностик», но представитель данного, третьего типа скажет это не без иронии (может быть, потому, что сам такой).

Позиция, во-вторых, оптимистическая: не в прагматическом и даже не обязательно в историческом смысле (хотя, как правило, именно так!), а в смысле способности (готовности, предрасположенности?) усмотреть высшую партийно-гражданственную правоту там, где иной усмотрит либо болезнь, либо глупость.

Позиция, в-третьих, деятельностная. Конечно, люди формируются обществом, но ведь и общество движется людьми. «Каждый делает, что в его силах, и делать это надо как можно лучше... Не всегда получается, но надо стараться». (В предельно обостренной, гиперболично-парадоксальной форме это изобразил С. Кинг в замечательном романе «Мертвая зона».)

Позиция, в-четвертых, «эгоистическая»: **мне** это пригодится, может быть. А действует так, ну, примерно так, как я хотел бы поступить в сходных обстоятельствах (конечно, лучше бы их не было!). И вот с ним вместе «прорепетирую», наберусь горького и сладкого опыта.

Позиция, наконец, максималистская. Не помню, кто сказал, что нравственность должна быть максималистской, иначе — уже не нравственность. Максимализм, кстати, не так уж бесперспективен, в прагматическом смысле. В трудных обстоятельствах выигрывает тот, кто не боится проиграть. А проиграть, **сделав все, что мог**, не зазорно.

Вот теперь, я нашел точное определение для третьего типа дружеской «реакции» — **принцип!**

(Среди «принципалов», кстати, нахожу иногда заботливых и яростных критиков моих действий, обычно — еще не совершенных, не предпринятых действий, ибо успеваю получить эту критику заблаговременно. При этом оспаривается не сам принцип моих действий — который приемлется, как факт — а лишь тот или иной способ реализации его.)

Итак: **диагноз, прогноз и принцип**. Такова мироотношенческая типология, построенная на данной, конкретной модели, коль скоро жизнь мне ее предложила, а я не стал отказываться.

Еще раз подчеркну: а) мои «идеальные» типы не имеют реальных прототипов (хотя для третьего типа, пожалуй, их вижу); б) моя типология строится по критерию, отличному от «мировоззренческого»; в) моя типология строится не по критерию «душевной», эмоциональной близости к субъекту, взявшему на себя смелость анализировать взаимоотношения с близкими друзьями.

(Ты из меня эту искру высекла своим январским письмом!)

Типология, понятно, **эгоцентричная**. Но другой у меня нет. До корректно-философского обобщения мне сейчас не подняться. Да и неуместно было бы.

*Ремарка: **триадная типология**.*

*Вообще говоря, как соображаю уже сегодня, эта типология: **принцип, диагноз, прогноз**, — укладывается в семантическую матрицу (триадный архетип), по Р. Баранцеву: **эмоцио — рацио — интуицио**. (Май-декабрь 2000).*

Человек живет под нагрузкой

Теперь — актуальный отчет о своем психофизиологическом состоянии, которое Тебя беспокоит.

Здоров ли? Да. Физиологически — более или менее (50 в этом году стукнуло).

Нервно-психически — безусловно. Добрая, умная, любимая Инна, пять лет назад, перед моим переходом из ИСЭПа в рабочие, Ты ведь тоже беспокоилась... А что потом? Перестала беспокоиться. А сейчас? — Ну, давай через пять лет к этой теме вернемся.

Человек живет под нагрузкой (физической, психологической, социальной).

Вытащи глубоководную рыбу на поверхность — она взорвется. Человек — тоже. Перепады давления бывают. Но человек адаптируется. Он живет, пока ему есть чего преодолевать, в себе ли, в обществе ли (т.е. преодолевать не отказался). По этому пункту, будем считать, я высказался.

[Автор ныне полагает, что в этих своих наблюдениях и рассуждениях он был довольно проникновенен; тот редкий случай, когда я со своим заявлением и сегодня «полностью согласен». — А. А.]

...Люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рушится под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться — это идти не останавливаясь...

Л. Толстой — А. Герцену (цит. по: Я. Гордин. Три повести, Л., 1983, с. 350)

«Я и так иду...»

Своеобразным стимулом для твоего особого беспокойства и душевной боли послужил, вероятно, мой замысел воспользоваться актом экспертизы, не без труда полученным в июле 1984 г. в заводской «экспертно-партийной» комиссии, на мою статью об «экспериментальной социологии», 1983 г.

Ну, не безумие ли — апеллировать по такому поводу в научные организации, спрашивая у них профессионального отзыва на статью, да еще сообщая, что, в известном смысле «за это самое», исключен из партии? (А скрывать — что ли?) Тебе, в этой связи, забрезжил образ «чудака, из числа пенсионеров, которые качают права». Тут — «и за психа сочтут»...

Выдумал я это в кавказских горах, на свежем воздухе. Случайно («в кустах») обнаружив пишущую машинку, использовал ее для сочинения, для начала, **неофициального** запроса друзьям насчет их разрешения или «вето» на обращение в институты, где они работают.

Как Ты знаешь, я не только существенно видоизменил свой замысел, но и отложил реализацию видоизмененного — еще **до** получения Твоего письма. *[Впоследствии от этого замысла социолог-испытатель вообще отказался, посчитав его и бесперспективным, и не корректным по отношению к коллегам. — А. А.]* Но «симптом» как будто опасный...

И твоя конечная реакция была: «ладно, в нашу организацию пиши, а вообще — кончай переписку с организациями!»

...Вот Союз журналистов. Это уж — избыточно, «уж извини!» — пишешь Ты. **Что** избыточно — мои возражения доценту Комарову из Ленинградского университета? Да благодарить мне его, что ли, за то, что он меня из «антисоветчиков» перевел в разряд «оппортунистов», «идейно порвавших с последовательным коммунистическим мировоззрением»?!⁵

По мне, так **у него** (В. Г. Комарова) такого мировоззрения — ни последовательного, ни непоследовательного! — нет. И, в отличие от членов заводской парткомиссии, тут уж не спишешь на недостаток соответствующей образовательной или «научной» подготовки.

Примечательно, что главный упрек ко мне доцента Комарова и иже с ним состоит именно в том, что А. не проявляет хотя бы «малой толики искренности и подлинного понимания... предостережений и суровой критики со стороны всех, кто указывал на опасную идейную эволюцию в его сознании», и т. п. Согласиться с **такой** критикой — значило бы действительно порвать с коммунистическим мировоззрением (что, наверное, тов. Комарова устроило бы).

«Нехорошее впечатление» от всей этой «истории с журналистами», действительно, появляется. Но, спрашивается, кого в этом винить: твоего корреспондента или же эксперта Союза журналистов и горкома партии? При этом Ты выдвигаешь следующие явные или неявные соображения (иногда противоречащие друг другу):

1) Ты (т. е. я) «устал». И обстановка вокруг — то ли кислотная, то ли щелочная («социально вредная», в общем). Всякие твои (т.е. мои) шаги только усиливают раздражение общественной среды. Надо — сменить обстановку.

2) Твой настоящий цех — профессиональная, традиционная социология. Твоей пятилетней работе (статья о «человеке в системе...») уже выставлен шлагбаум (пресловутый акт заводской экспертной комиссии, «запрещающий» публикацию). Так будет и впредь, пока... ты на заводе.

3) Если ты изучаешь проблему «личность в организации», то что за самоубийственные методы? Да и — «что за эмпирическая база, почему только один объект?». То ли дело — **массовая** статистика, **массовый** опрос! (Это я уже за Тебя домысливаю, но вытекает из предыдущего.)

(Вот ведь какая перекличка с тов. Комаровым, слышавшим и даже употребляющим слово «репрезентативность», не говоря уж об ученом совете ИСЭПа в 1981 г., где что-то похожее говорил ставший недавно заместителем директора по науке Н. Лобанов.)

4) Уезжай, говоришь Ты, — то ли во Владивосток, то ли в Калининград, то ли в Мурманск, то ли в Ашхабад, для работы **социологом**. (А то — я сейчас не социолог!) Тебя, мол, там — «поймут»; а в Ленинграде, на заводе — тяжелый психологический климат. Издергался! (А если — нет?!)

5) Мол, апелляцию рассмотрят и там. Или же — не жди никаких ленинградских решений и стучись в двери ЦК, проси помощи, объясняй всю эту чертовщину, «все же — живые люди»... Зачем этот твой «педантизм-формализм»?

6) И, наконец, сакраментальный вопрос: чего тебе (т.е. мне) **надо**: «шашечки» или «ехать»? (известный анекдот про такси...). Отвечаю: мне не нужно ни того, ни другого. Я и так — **иду**.

Мне страшно обидеть очень близкого мне человека, но иначе, как <...>, твои предложения я назвать не могу. Отвечу последовательно по всем шести пунктам:

1) Мне есть где жить и работать, и кроме ИСЭПа и «Ленполиграфмаша». Но я бы считал косвенным признанием своей неправоты (а не своей мнимой издерганности!) покинуть именно сейчас свое нынешнее рабочее место.

2) Сайентистские ценности академической социологии далеко не бесспорны и для Тебя самой. Все эти годы я не прекращал работать в качестве социолога. Не место дает человеку профессиональную принадлежность, а человек реализует свои профессиональные способности — в том или ином месте, в тех или иных формах.

3) Разнообразие известных методов эмпирической социологии велико. Но здесь есть и нечто новое. «Экспериментальная социология», может быть, и не самое удачное название...

4) Уже ясно (из сказанного выше).

5) Почему я должен совершать судорожные движения, когда разбор моего партийного дела идет своим нормальным, уставным порядком? И неужели судьба коммуниста А. должна зависеть от того, как он «покажется» кому-либо из «первых лиц» (которые его вовсе и не ждут)?

Ну и (6): Все, что я делаю, — обдуманно и делается сознательно. (Хотя иногда, как, например, Союз журналистов, сообщивший мне о заседании своего секретариата чуть ли не накануне, меня и вынуждают к «импровизациям»...)

Знание — побочный продукт всякого жизненного движения. Это движение не прекращается. Альтернативы «шашечки или ехать?» для меня не существует. Разумеется, я отстаиваю, **как умею** и как считаю необходимым, свою партийную, научную и гражданскую позицию — не для того, чтобы составить еще один «протокол наблюдающего участия». Но когда в этом процессе я получаю еще и знание, я его осмысляю, как и сейчас, в этом письме.

Обратить поражение в опыт

Предположим даже, что я **уже** потерпел поражение. Эту ситуацию, по-моему, точно анализирует А. Гельман в своей интереснейшей статье «Гарантии победы» (Литературная газета, 15.08.84). Не поленюсь на большую цитату:

Примечание. К истории терминологических новаций. Некоторые из терминов, употреблявшихся автором с начала 80-х гг., «прижились»: **«наблюдающее участие»**, **«эксперимент социолога-рабочего»**... От формулировки **«экспериментальная социология»** впоследствии сам отказался. Термин «социолог-испытатель» употреблен, кажется, впервые в объяснении для партийной комиссии горкома КПСС (1984).

Выражение **«драматическая социология»** употреблялось тогда изредка, так сказать, спонтанно, и поначалу не претендовало на терминологический статус, хотя «соединение практической деятельности, рефлексии и игры» постулировалось изначально.

А. Гельман: «...Я знаю три типа поведения людей после поражения. **Первый** — человек уходит в тень, замыкается в себе, на работе никогда ни во что не вмешивается, в его речи все чаще сквозит болезненная ирония, иногда такие люди запивают «по черному». Словом, человек подавлен, сломан.

Второй тип — это когда праведник после поражения с ходу делает поворот на сто восемьдесят градусов и буквально на наших глазах превращается в оборотня. Иногда он предварительно меняет место работы (*между прочим!* — А. А.), а иногда «обновление» личности происходит тут же, на том же самом месте, в том же коллективе. И вот он уже поддерживает тех, против кого еще совсем недавно боролся. И как поддерживает — яростно, без всякого стеснения, с каким-то зловещим вызовом судьбе.

Третий тип — это люди, которые остаются такими же, какими были. Они обращают поражение в опыт (! — А. А.), в новую энергию, в бойцовскую мудрость. Они становятся еще более последовательными и несгибаемыми противниками лжи, несправедливости, корыстолюбия и невежества. Одно их присутствие в коллективе держит в постоянном напряженном состоянии любителей приписок, подтасовок и махинаций.

Где же они берут силы, такие люди, обратить поражение а победу? На каком фундаменте зиждется эта непреклонность? Пожалуй, главное здесь то, что они сознают себя не исключительно бунтарями-одиночками, а участниками широкой битвы, целого фронта борьбы, где десятки и сотни людей решительно поднимают свой голос против опасных для общества проявлений эгоизма, особенно группового эгоизма. Это сегодня в самом деле целый фронт — недаром почти каждый день в каждой газете можно прочитать прелюбопытные аналитические материалы о сложнейших «операциях» на этом «поле брани». Вот и наша дискуссия в «ЛГ» (*«Личность и обстоятельства»*. — А. А.) тому подтверждение. Именно фронт, и ощущение этого фронта, его динамика и дает силы пережить свое поражение с достоинством.

Человек понимает и чувствует: его поражение, сколь обидным и горьким бы оно ни было, не итог, а всего лишь один из неудачных **эпизодов** (*выделено мною.* — А. А.) борьбы. Он понимает и чувствует — пока он остается в строю, пусть на этот раз и не добивается цели, зло не одержало над ним победы. Он знает: зло торжествует победу только тогда, когда личность совестливого человека разрушена, раздавлена, выведена навсегда из бойцовских рядов. Или когда ему, злу, удастся вообще перетянуть человека в свой стан, сделать его своим активным «штыком». В таких случаях — да, зло взбадривается, преисполняется новых радужных надежд.

Люди этого третьего типа, по моим наблюдениям, отличаются еще тем, что они не просто ненавидят зло, они пристально **изучают** (*выделено мною.* — А. А.) его структуру, повадки, замашки, способы маскировки. В самом же деле, противника надо знать, если хочешь с ним успешно бороться...»

...«Конечно, в начале “дела” тебя упрекнуть не могу, — пишешь Ты. — Тебе все это свалилось на голову. Истый советский человек и вдруг... обыск, обвинения, КГБ! Жуть! Но далее. Далее все тоже естественно, лишних шагов не вижу. А вот “журналисты” — это уж извини! Этого уже не понимаю...». «Впрочем, я — далеко, знаю не все», — замечаешь Ты.

(В общем-то, пожалуй, все существенное из того, что произошло со мной и что делал я сам, за последний год, Ты знаешь.)

Отвечаю: я — советский человек, только не «истый», а скорее **неистовый** (пишется вместе). Таким, наверное, и помру. [*А вот тут автор ошибся!* — А. А.]

...Наговорил я Тебе резкостей, «заслуженных» Тобою (как мне кажется!), правда, только в мироотношенческом, но никак **не** в душевно-эмоциональном плане. Потому — отправляю это письмо не без страха. Обидишься — что мне тогда делать?..

Твой Андр. Ал., 8.10.84

P.S. Ты просила показать твоё письмо — Нелли [*Н. А. Крюкова.* — А. А.]. Я сделал это — вместе с уже написанным своим. Её реакции, как всегда, непредсказуемы. Вкладываю в конверт её записочку для Тебя, к сочинению которой сам не причастен.

Её восприятие ситуации не является ни «умственным», ни «душевым», ни «духовным» — ни в какие типологии моя жена, как обычно, не укладывается. Замечу, что других экстрасенсов в моем окружении нет. А она — в самом деле — года три назад прошла жесточайший профессиональный отбор «кандидатов в экстрасенсы»...

(Ей даже предлагали соответствующую работу: искать полезные ископаемые где-то на Севере; да она отказалась уезжать из Ленинграда, хотя бы и на несколько месяцев, — «по семейным обстоятельствам».)⁷

Нелина осведомленность в логико-рациональной стороне дела, думаю, поменьше твоей. Но она справедливо считает, что язык эмоций в таких делах для твоего корреспондента неприемлем. Может, она «щадит» меня, но скорее — Тебя. В общем, разгадать этого Оракула — не суждено никому.

<...> Вот и получилось письмо — на 18 машинописных страницах (= 53 рукописных стр.). Совсем как во времена «Писем Любимым женщинам»...

А. А. , 9.10.84

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984)

<...> В ходе последующей переписки выяснилось недоразумение. Мария [таким псевдонимом автор наделил тогда Р. Рывкину в своих «записях». — А. А.] не обратила внимания на то, что мое обращение к председателю правления ЛО Союза журналистов Варсобину от марта 1984 г. [здесь оно не приводится. — А. А.] вовсе не было инициативной просьбой к общественной организации «защитить» своего члена от организаций государственных, а — непосредственным откликом на информацию о том, что в ЛО СЖ поступила, из УКГБ ЛО, справка «В отношении Алексева А. Н.».

Так что аргументы и соображения Марии из ее сентябрьского письма ко мне оказались сняты, равно как и мои аргументы и соображения в октябрьском письме к ней перестали относиться к самой милой Марии. <...>

(Записано в декабре 1984 г.)

Ремарка: эксперимент продолжается!

Стоит заметить, что ближайшие друзья: Р. Рывкина, Р. Ленчовский и другие (которых здесь, в этой связи, не цитировал), — при всем человеческом сочувствии, с одной стороны, и товарищеской (а потом и гражданской) поддержке, с другой, — приняли авторский взгляд на «дело» социолога-рабочего как на «продолжение и развитие» его эксперимента. Их солидарность с социологом-испытателем имела — равноправную с первыми двумя! — исследовательскую компоненту. Что было для меня в ту пору особенно важно. И за что я и по сей день глубоко моим друзьям признателен. (Сентябрь 1999).

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> Мне очень жаль, что я сейчас не имею возможности (не считаю себя вправе!) отразить в архиве все множество случаев и разнообразие форм товарищеской помощи и дружеского участия в моей судьбе 1983–1984 гг. Во всяком случае **я их помню**. Когда-нибудь потом — запишу. <...>

(Записано 25.11.84)

9.2. Несколько частных эпизодов из жизни «изгоя»

[Если в предыдущем разделе речь шла о динамике ситуации социолога-испытателя по преимуществу в рамках круга друзей и коллег-социологов, то ниже — зарисовки соответствующей ситуации в производственном, рабочем коллективе. — А. А.]

9.2.1. **Какая дисциплина главнее: партийная или государственная?**

Из «Записей для памяти» (сентябрь 1984)

<...> В начале обеденного перерыва 24.09.84 (понедельник) я собирался переговорить с секретарем партбюро цеха, токарем А. Червяковым. Но перед самым перерывом мастер Г. Соколов настоял на проведении бригадного собрания для обсуждения уже не первого прогула слесаря Сергея И. и

замеченного, но не пресеченного пребывания на работе в не совсем трезвом состоянии фрезеровщика Михаила К.

Наша бригада выразила готовность наказать С. И. своими средствами (снижение к. т. у., что фактически означает, на нашем заводе, снижение сменного задания, т. е. зарплаты). Однако поскольку администрация уже решила перевести его, в порядке дисциплинарного взыскания, на ниже-оплачиваемую работу (транспортировщик) на срок три месяца, то собственного бригадного решения принимать не стали.

Собрание кончилось, когда перерыв уже начался, и секретарь партбюро Червяков успел занять свое место за столом для домино, так что отрывать его от этого дела было неудобно.

Пришлось подойти к нему после обеда. Я сказал, что давно хотел ознакомить его с пунктом 19 «Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций» (утверждены Госкомтрудом СССР 29.09.72, по согласованию с ВЦСПС). Эти типовые правила опубликованы, в частности, в «Справочнике профсоюзного работника» (1983 г. издания, который я сегодня принес из дома).

Пункт 19 гласит:

Запрещается в рабочее время:

- а) отвлекать рабочих и служащих от их непосредственной работы или снимать их с работы для выполнения общественных обязанностей;
- б) созывать собрания, заседания и всякого рода совещания по общественным делам.

Когда Червяков прочитал отчеркнутый пункт на стр. 137 указанного издания, я сразу же открыл перед ним другой справочник — «Организационно-уставные вопросы КПСС», 1984 г. издания, где написано:

...ЦК КПСС неоднократно обращал внимание партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских организаций на недопустимость проведения в рабочее время массовых мероприятий, собраний, совещаний, семинаров, слетов, заседаний с отвлечением на них трудящихся от работы на производстве (с. 200 указ. издания).

Червяков ознакомился и с этим источником. После чего я спросил, как он относится к отмеченным мною моментам.

— Я тоже считаю неправильным, что общественные мероприятия проводятся в рабочее время, — сказал А. Ч., уловив, что я имею в виду.

(А я хотел показать ему неправильность претензий, высказанных недавно в мой адрес на партийном собрании цеха 20.09, что я отказался участвовать в обсуждении своей партийной характеристики на заседании партбюро 21.08, которое происходило **в рабочее время**.)

— Тогда почему же Вы так поступаете?

— Жизнь заставляет.

— Вас заставляет жизнь, а претензии Вы предъявляете ко мне.

— Если я неправ, меня накажут.

— А Вы сами считаете себя здесь правым?

— Я не считаю себя правым, — именно так сказал тут тов. Червяков. (Записано в конце сентября 1984 г.)

Из газеты «Правда» (сентябрь 1983)

Какую дисциплину нарушать?

Да, вопрос поставлен именно так! Обращаясь к редакции «от имени группы коммунистов города Калуги», Г. Веремей просит «рассудить спор — какая дисциплина выше или, если можно так выразиться, главнее — партийная или государственная?»

Вопрос, как выясняется далее, не абстрактный. Он подсказан вполне конкретной обстановкой. Дело в том, что в ряде организаций города партийные собрания проводят тогда, когда часть коммунистов работает. «Как они должны поступать? — спрашивает автор письма. — Если не пойдут на собрание, нарушат партийную дисциплину. Если уйдут с работы, нарушат государственную».

Мнение местных руководящих органов на этот счет, оказывается, «весьма разноречивы». Они тоже почему-то не могут догадаться, что просто-напросто собрания надо проводить тогда, когда люди не работают.

Во многих местах это уже поняли, усвоили, перестроились. Однако не везде. Еще приходят и такие письма, в которых сообщается, что собрания и митинги, спортивные соревнования и занятия кружков художественной самодеятельности по-прежнему проводятся в рабочее время. <...>

[Здесь опущено еще несколько примеров, приводимых автором обзора писем на эту тему. — А. А.]

Действительно, доколе? Таким массовым, «организованным» нарушениям дисциплины всюду пора положить конец.

Виктор Кожемяко (Правда, 9.09.83. Рубрика «На злобу дня»)

9.2.2. Голосую против — нормальное дело...

Из «Записей для памяти» (октябрь 1984)

<...> 12 или 13.10.84 слесарь Валентин К. из бригады Игоря В. *[И. В. Виноградов. — А. А.]* поделился со мной сначала одним, потом другим своим житейским огорчением. Одно: болит нога, аж скрутило ночью, и днем бывает — не ступить. Уж не тромб ли? Я сказал — похоже такая болезнь, которую связывают с курением. Надо — к хирургу. Если велит не курить — придется хотя бы ограничиться.

Другая неприятность: Иван О. (из той же бригады) назвал его, Валентина, полушутя-полувсерьез, «антисоветчиком». (Похоже, выражение вошло в моду...) «Это за что же?» — «А я не захотел подписаться отработать на субботнике в честь...».

Я посоветовал Валентину это обязательство все же подписать.

Через 5 мин. снова подходит: «Если бы я не был в бригаде И. В., нипочем бы не подписал, а тут я, пожалуй, бригаду подведу...». (Бригада Игоря В. — одна из самых знаменитых на заводе.)

Валентин К. — старше меня, беспартийный, работает на заводе 35 лет (примерно) и имеет дневное производственное задание 12,6 руб. (такое же, как у И.В., т. е. чуть ли не самое высокое в цехе).

Иван О. — фрезеровщик, работает на заводе лет 20, полное среднее образование, служил на Кубе, член партии, зам. пред. цехкома, ответственный за ДНД по участку и ответственный за подписку. Его производственное задание — 11,8 руб. (тоже одно из самых высоких).

Месяца два назад Иван О. поинтересовался, на какое партийное издание я хочу подписаться. (Ну, исключили меня из партии, а подписку-то надо проводить!) Я сказал, что, как обычно, подпишусь на журнал «Коммунист». «А есть такой?» — спросил у меня Иван.

(Как выяснилось потом, ему дали «разнарядку» только на «Партийную жизнь»...)

Валентин К., отчасти по моему совету, все же присоединился к обязательству о субботнике. (Так и не знаю, специфическое ли это обязательство для их бригады или нет; наша бригада — не подписывала пока.)

А со мной самим, дней за 10 до этого, произошел такой случай.

...На общем цеховом собрании выбирали народного заседателя. Им испокон веков является бывший секретарь партбюро цеха, член парткома завода, шлифовщик В.И. Новиков. Тут выступил один из бригадиров, тоже член партбюро, и сказал: «У нас сегодня необычное (? — А. А.) собрание, мы должны избрать человека кристальной честности...», и т. д.

Я подумал: могу ли я считать таковым человека, который в течение года подписывает два взаимоисключающих документа (две мои партийные характеристики — 1983 и 1984 г.) При голосовании я поднял руку против (разумеется, единственный!). Посчитали голоса, записали в протокол.

Следующим пунктом шло принятие цехового соц. обязательства на октябрь. Ведшая собрание зам. пред. цехкома М-ва, стоявшая за «столом президиума» посреди цеха так, что многие (в том числе и я) стояли или сидели у нее за спиной, оглянулась (может, Алексеев опять против?). Но это решение было принято единогласно.

Никто у меня ни о чем не спросил, почему я голосую против избрания Новикова в народные заседатели. Даже сидевший со мной рядом и выступавший в его поддержку бригадир со второго участка.

Он — за, а я — против... Нормальное дело. <...>

(Записано в октябре 1984 г.)

9.2.3. Неуместная фотография в заводской газете

Из «Записей для памяти» (октябрь-ноябрь 1984)

<...> В заводской газете «Трибуна машиностроителя» от 25.10.84 появилась нижеследующая заметка:

Внесли предложение

Комплексная бригада 003 цеха № 3, которую возглавляет Анатолий Васильевич Сыцевич, трудится в счет февраля 1985 г. Сегодня она готовится достойно встретить 67-ю годовщину Октября. Этот коллектив объединил тринадцать рабочих различных специальностей. Есть здесь фрезеровщики, граверы, слесари. Бригада изготавливает детали для фотонаборных машин. Каждый владеет смежной профессией. А слесарь Е.А. Рыжов освоил новую специальность — точечную сварку. Его коллега С.Б. Самойлов может трудиться штамповщиком.

За прошедшие восемь месяцев бригада подала восемь рационализаторских предложений, которые позволили значительно улучшить качество изготавливаемых деталей. За счет совмещения профессий, рационализации производства, опыта и дисциплинированности коллектив А.В. Сыцевича достиг значительного опережения.

На одном из заводских собраний бригадир выступил с инициативой: чтобы каждый полиграфмашевец — от рабочего до директора — внес предложение по досрочному выполнению плановых заданий и социалистических обязательств, встал на трудовую Вахту памяти.

[Бригадиру Сыцевичу «предложили» выступить с инициативой, а он «не возражал»... — А. А.]

Профгруппа бригады А.В. Сыцевича уже подала предложение: расширить участок и установить необходимые прессы. «Тогда мы сможем быстрее и качественнее изготавливать детали для машины ПОЛ-35», — объясняет Анатолий Васильевич. Сейчас это предложение профгруппы бригады рассматривает экспертная комиссия. М. Николаев
*На снимке: члены бригады **Е. Рыжов, А. Алексеев, М. Колпаков, С. Самойлов, А. Сыцевич, В. Николаев, М. Гуцин, С. Русинов, Н. Реутов.***

Молва утверждает, что у редактора заводской газеты были за эту публикацию неприятности. Ведь среди прочих на снимке был изображен... и исключенный из партии А. (и в подписи назван!). Это называется — утрата политической бдительности...
(Записано в ноябре 1984 г.)

*Ремарка: **заводские журналисты.***
*В ту пору социолог-испытатель еще не был знаком с редактором заводской газеты **Ниной Николаевной Харьковой** и корреспондентом этой же газеты **Натальей Киримовной Поречной** (ныне покойной).*
Впоследствии они очень сильно поддержали его в самообороне от политических обвинений. (Январь 2000).

9.2.4. Мой друг Володя

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984 — февраль 1985)

<...> В понедельник, 26.11.84 заточник из моего цеха — В. З. [Владимир Владимирович Земсков. — А. А.] , отношения с которым у меня являются не только деловыми, но и личными, был приглашен зам. секретаря парткома Л. Л. Герасимовой. В основном это было связано с несколькими нарушениями трудовой дисциплины В. З. в последние недели.
Само по себе такое внимание заводского партийного руководителя к В. З. (он — беспартийный, не так давно вышел из комсомольского возраста) может показаться необычным. Впрочем, В. З. был знаком с Герасимовой и раньше. В ходе воспитательной беседы (за которую, как полагает сам В. З., он должен быть благодарен Ларисе Львовне, поскольку это, по-видимому, избавило его от более крупных неприятностей) была обронена его собеседницей фраза:
— Вот, и с Алексеевым Вы общаетесь...
— А что, нельзя? — спросил В. З.
— Ну, Вы же, наверное, слышали, — сказала Л. Г.
— Слухом земля полнится, — сказал В. З., — но вообще-то я ничего толком не знаю.
— Вы помните М.? — сказала Л. Г. — Так вот, здесь вроде того, только несколько по-другому. (Речь идет о другом знакомом Владимира Земскова — организаторе кружка по восточным единоборствам, что в ту пору преследовалось. — А. А.).
— Так не надо общаться с Алексеевым? — спросил В. З.
— Ну, смотрите сами... — ответила Л. Г.
— Ладно, — сказал В. З., — спасибо, что предупредили.
Беседа зам. секретаря парткома с В. З. оказалась эффективной... в плане прекращения им нарушений трудовой дисциплины, которыми, как мой товарищ,

между прочим, благородно полагает, тот мог бы поставить **меня** под дополнительный удар.
(Записано в феврале 1985 г.)⁹

9.2.5. Люди и «рычаги» (в смысле известного рассказа А. Яшина)

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> На цеховом партийном собрании 20.09.84 бригадир И. В. вынужденно проголосовал за утверждение партийной характеристики, содержащей сведения о моей производственной деятельности и участии в общественной жизни, заведомо не соответствующие действительности. (Эту характеристику потом пересмотрел партийный комитет завода, о чем в цехе почти никто пока не знает.) Так вот — после этого неловкого для него факта И. В. перестал подходить ко мне и спрашивать, как мои «партийные дела» (как бывало не раз до этого, после партийного собрания 16 апреля с.г., где было принято решение об исключении меня из партии, а И. В. за это решение голосовать не стал).

Мое с ним общение в течение всего октября было исключительно производственным (а поскольку я — в другой бригаде, то его почти и не было). В начале ноября возобновилось наше **не деловое** общение.

В частности, 10 ноября И. В. был первым, от кого я узнал о лишении Н. Щелокова (бывшего Министра МВД) воинского звания генерала армии. Под рукой (у одного из членов бригады) оказалась газета «Известия», от 9.11.84. В ней следующая информация:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР за злоупотребление служебным положением и дискредитацию воинского звания советского генерала армии Н. А. Щелоков лишен воинского звания. (ТАСС)»

<...> И. В. интересовало, между прочим, как будет с «Золотой Звездой», которую бывший генерал, как он помнит, получил незадолго до смерти Л.И. Брежнева (я этого не знал и до сих пор в этом не уверен). «Так теперь отберут Звезду или нет?».

И. В. был также первым, кто сообщил мне, неделей раньше, о кончине Индиры Ганди, в результате покушения террористов.

(Записано в ноябре 1984 г.)

(17)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-zhizn-v-god-oruella-prodolzhenie>

А. АЛЕКСЕЕВ. ЖИЗНЬ В «ГОД ОРУЭЛЛА». ПРОДОЛЖЕНИЕ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 29.03.2016

Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (17). «Б. Парыгин: «Наши пробелы в идеологической подготовке связаны с отсутствием у нас должной идеологической выправки. Особо слабой идеологической выправкой владеет Голофаст, написавший идеологически невыдержанную статью в советско-венгерский сборник...». ("Охота на ведьм"). А. А.

Из книги "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия", том 2:
<...>

9.7. ИСЭП-1984 (почти по Оруэллу)

[Ниже — обсуждение ситуации, сложившейся к концу 1984 г. в институциональной, в частности, академической социологии, на примере Института социально-экономических проблем АН СССР. — А. А.]

9.7.1. Партийное внимание к науке

Из официальных сообщений (октябрь 1984)

В обкоме КПСС

<...> На заседании бюро *[Ленинградского обкома КПСС. — А. А.]* обсужден вопрос о серьезных недостатках в работе Института социально-экономических проблем Академии наук СССР.

Подчеркнуто, что администрация и партийная организация не создали в коллективе обстановку высокой требовательности и ответственности за порученное дело, допустили просчеты в воспитании кадров, редакционно-издательской деятельности, работе со служебными документами и в организации научного обмена.

За допущенные недостатки директор института И. И. Сигов строго предупрежден. Принято к сведению его заверение о том, что он примет исчерпывающие меры к устранению вскрытых упущений.

И. Г. Васильев освобожден от обязанностей секретаря партийного бюро института, ему объявлен выговор.

Партийные взыскания объявлены также заместителю директора Н.А. Толоконцеву и ученому секретарю В.И. Старинскому.

Заведующему сектором Б.М. Фирсову за серьезные недостатки в научной деятельности, грубые нарушения установленного порядка работы со служебными документами объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Он освобожден от занимаемой должности.

Дзержинскому райкому партии поручено усилить руководство партийной организацией института, обеспечить повышение ее роли в деятельности коллектива.

(Ленинградская правда, 17.10.84)

9.7.2. «Недостаток идеологической выправки у социологов...» (неологизм проф. Парыгина)

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> Несколько человек рассказывали мне о партийном собрании в ИСЭПе 1 ноября 1984 г. Сопоставляя и объединяя их рассказы, я могу реконструировать то, что там происходило. (Разумеется, возможны и некоторые ошибки и неточности.)

Собрание было посвящено обсуждению постановления бюро Ленинградского обкома КПСС «О серьезных недостатках в работе ИСЭП АН СССР». (За точность названия постановления не ручаюсь; сообщение об этом заседании бюро обкома опубликовано в «Ленинградской правде», 17.10.84.)

В президиуме собрания были представлены: А. Быстрова (вновь избранный секретарь партбюро ИСЭП); И. Васильев (от обязанностей секретаря партбюро решением бюро ОК КПСС освобожден); А. Румянцев (зав. сектором; в 1981–1982 гг. был секретарем партбюро); И. Сигов (директор института); О. Горяин (первый секретарь Дзержинского РК КПСС); Ю. Мазуренко (инструктор отдела науки Ленинградского ОК КПСС).

Докладчиком на собрании был объявлен директор института Сигов. Однако еще до доклада слово было предоставлено секретарю РК КПСС тов. **Горяину**.

Он рассказал о постановлении Ленинградского обкома партии по поводу института. В мае-июне в институте работала комиссия, которая выявила, что директор Сигов и ученый секретарь Старинский не сделали выводов из предыдущей проверки, проведенной в марте 1983 г. По-прежнему нет порядка в работе 1-го отдела и канцелярии, имеет место «занижение» грифа ДСП, вновь обнаружена утрата служебных документов (около 10 штук!), размножение документов ведется с грубым нарушением соответствующих инструкций, допускается публикация материалов без утверждения Управления по охране государственных тайн в печати (Горлит).

Международные связи имеют явно выраженный односторонний характер: за 1975-84 гг. в институте побывали около 300 ученых из социалистических стран и свыше 450 из капиталистических; за это время в зарубежные научные командировки выезжали лишь 80 сотрудников института. *(Вероятно, имеется в виду, что было 80 зарубежных командировок сотрудников института; сам же круг командированных был куда уже. – А.А.)*

Особенно грубые нарушения в международном обмене имели место в секторе, возглавляемом Б. Фирсовым. 22 апреля 1983 г. он получил «вывозное разрешение» на передачу семи докладов в советско-финский сборник. Однако эти доклады были переправлены Б. Фирсовым в обход официальных каналов, через случайных лиц. Б. Фирсов и раньше допускал нарушения в работе со служебными документами. Его международные контакты не связаны с плановыми темами сектора. Сама работа сектора не обеспечивает необходимых директивным органам выводов и рекомендаций. Фирсов мало внимания уделяет работе сектора, много времени затрачивает на работу вне института, в частности, по трудовому договору в ВТО. Общий его заработок значительно превышает оклад в институте. *[Оказывается, тоже - криминал! - А. А]*

Институт неразборчив в установлении международных контактов, которые зачастую используются зарубежными гражданами для сбора информации о социально-экономическом положении в регионе. В феврале-марте в институте работал известный специалист по СССР Рубл. Им собран очень широкий круг информации и подготовлен доклад для американского консульства в Ленинграде. При выезде из страны у него изъят вопросник о социально-политическом положении в регионе.

Все это оказалось возможным потому, что тов. Сигов не предъявлял требований к сотрудникам, тов. Толоконцев неудовлетворительно исполнял свои обязанности, тов. Васильев плохо руководил воспитательной работой, тов. Старинский не обеспечил организацию работы. Поэтому Сигову поставлено на вид и принято к сведению его заверение, что впредь будут приняты исчерпывающие меры к устранению вскрытых нарушений. <...>

[Здесь опущено перечисление репрессивных мер (партийные взыскания, освобождение от занимаемой должности), принятых по отношению к

некоторым руководителям института и его подразделений: И. Васильеву, Н. Толоконцеву, В. Старинскому, Б. Фирсову; см. выше: «В обкоме КПСС». - А. А.]

Далее слово предоставляется докладчику И.И. Сигову, который вкратце повторяет информацию о двух комиссиях (март 1983 и май-июнь 1984 г.). Первая комиссия выявила серьезные недостатки, и нами была проделана серьезная работа по выправлению положения. Освобождены были от обязанностей заведующих отделами В.А. Ядов и И.И. Травин. На их место были назначены заметно улучшившие работу соответствующих подразделений Н.А. Лобанов и Скамарцева.

Некоторые другие негативные факты, отмеченные второй комиссией (1984 г.), уже были известны нам, и мы с ними боролись.

В частности, мы приостановили работу над коллективной монографией «Семья в крупном городе», в которой содержались более чем сомнительные выводы о развитии советской семьи. Вместо серьезной доработки книги ее отв. редактор В.Б. Голофаст, в ответ на замечания издательства, занялся латанием дыр и организацией положительных рецензий от крупных специалистов. Документ с издательскими замечаниями тов. Голофаст не довел до сведения дирекции, в чем проявились его безответственность и идеологическая незрелость.

С учетом этого, дирекция сняла книгу из издательского плана. Судьбу рукописи необходимо теперь обсудить в партийном порядке.

Очень плохо в институте организована работа по международному сотрудничеству. Не получили должной профессиональной оценки разнообразные встречи с иностранными учеными, не оценивается их научная эффективность, равно как и эффективность международных связей в целом. Так, план V советско-венгерского сборника (монографии) был отправлен в Будапешт без согласования с Ученым советом института. Принято решение проверить международные связи сектора Фирсова и, в частности, советско-венгерский сборник. В этом сборнике серьезные замечания имеются к статьям Фирсова и Голофаста. Очевидно, что такого рода сотрудничество не послужило науке и не может быть использовано для директивных (партийных) органов. Всю работу по советско-венгерскому сотрудничеству необходимо завершить (свернуть) до конца этого года. Необходимо также заслушать на партбюро отчет Марьенко о работе международного отдела.

На бюро ОК КПСС зав. отделом науки тов. Булатов докладывал, что институтом проделана большая позитивная работа по изучению социально-экономических проблем региона, однако вместе с тем имеются и недостатки. При обсуждении работы института Л.Н. Зайков (*1-й секретарь Ленинградского ОК КПСС. — А. А.*) особо отметил необходимость улучшения идейного качества работ института, более надежной организации хранения информации в ВЦ и координации всех социальных исследований в регионе. <...> Но все это только «фабула событий». Нам же необходимо вскрыть причины.

То, что мы стали объектом внимания обкома КПСС, не случайно. Еще в 1978 г. наш институт привлек внимание комиссии народного контроля и, в результате проверки, был смещен директор института [*Гелий Николаевич Черкасов, ныне покойный. — А. А.*]. В 1982 г. в институте был забаллотирован секретарь партбюро (А.А. Румянцев), и это при том, что в его адрес не было высказано никакой критики! Далее — 1984 год. Все это не случайно.

Причина такого положения видится в отсутствии требовательности к авангардной роли коммунистов. Все это — последствия политической беспринципности и инфантильности. Ведь первую положительную рецензию на книгу Голофаста написал О. Иванов, в прошлом хороший секретарь партбюро.

На обсуждении советско-венгерского сборника секретарь партбюро И. Васильев не выступил с необходимой критикой этой незрелой работы. Секретарь партбюро отдела Колесников также проявил беспринципность при обсуждении этой книги, а член партбюро отдела Б. Докторов солидаризировался с Фирсовым.

Беспринципно вел себя партгруппорг бывшего сектора Ядова Л. Кесельман, ответственный за развал этого сектора [мак! — А. А], но не был за это никак наказан. А партгруппорг сектора Фирсова М. Елизарова при обсуждении решения ОК КПСС заявила от имени партгруппы, что «мы не понимаем, почему нас обвиняют в плохой работе» и что «мы все любим Б. М. Фирсова и не согласны с его наказанием». Разве в такой ситуации говорят о любви?

Все это свидетельствует об отсутствии руководства со стороны партбюро отдела. Правда, член партбюро отдела, зав. отделом Н. Лобанов очень много делает для улучшения работы (конференция по образу жизни, конференция по соцсоревнованию, доклады в секцию экономики АН, в ВЦСПС и т. д.). Много делает для налаживания системы социальных исследований в регионе Б.Д. Парыгин. Обещают стать хорошими сотрудниками Махалов и Крылов.

В свете последнего постановления ОК КПСС следует сказать, что у нас не на должном уровне находится идейное воспитание. На днях [?! — А. А.] нами получено сообщение о том, что 5 января этого года бывшему сотруднику нашего института А. Алексееву объявлено официальное предостережение органов госбезопасности за написание, хранение и распространение литературы политически вредного содержания. Бюро Петроградского райкома КПСС исключило Алексеева из партии. (Здесь неточность докладчика: на самом деле — не бюро райкома, а партийный комитет «Ленполиграфмаша», на правах райкома. — А. А.).

7 февраля сотруднику института Б. Беликову объявлено аналогичное предостережение за хранение негативов с изданий, не подлежащих ввозу в СССР. 21 февраля бывший сотрудник института В. Глухов получил предостережение органов госбезопасности за распространение литературы политически вредного содержания. Такие же предостережения получили 29 февраля сотрудники института В. Воронков и Е. Здравомыслова. При этом некоторые материалы были размножены Воронковым на машинках института. 8 ситуации обострения международной обстановки мы должны усилить внимание к идейно-политическому воспитанию. <...>

После докладчика слово взяла **А. Быстрова**, доложившая собранию план по реализации указаний ОК КПСС. В плане, наряду с разъяснением коллективу постановления обкома и уже идущим собранием, — совещание с комсомольским и профсоюзным активом; серия заседаний партбюро, на которых должны быть заслушаны: Марьенко, Литовка, Поляков, Скамарцева, Ухов. За улучшение работы редакционно-издательского отдела ответственным назначается зам. директора по науке Лобанов. Овсиевич должен отчитаться за работу ВЦ по обеспечению режима, а зам. директора по общим вопросам — за материально-техническое обеспечение хранения ДСП. Должны быть проведены собрания в отделах, а также проведена работа по улучшению международного обмена. Партбюро должно также обсудить работу Голофаства над его книгой и реорганизацию 3-го отдела (создание двух новых секторов).

Должны быть проведены собрания коллективов по укреплению дисциплины и соответствующие занятия с партгруппорганами. В целом исправление недостатков должно осуществляться под лозунгом «партийная дисциплина против расхлябанности».

Зав. отделом, канд. экон. наук **Н. Лобанов**: Несмотря на все случившееся, я считаю, что у нас коллектив высокой политической зрелости. Однако нам мешает отсутствие принципиальности. Следует также сказать, что мы и до бюро обкома принимали меры по исправлению положения в отделе. Однако не все коммунисты при этом заняли принципиальную позицию. Так, при обсуждении положения дел в бывшем секторе Ядова, за развал этого сектора надо было наказать партгруппорга Кесельмана. Я об этом говорил тогда и сейчас считаю это необходимым. Однако секретарь партбюро Колесников, хотя и согласился вначале, но при голосовании проявил беспринципность. При обсуждении V советско-венгерского сборника совет отдела не поддержал меня, когда я предложил не голосовать за утверждение книги, а дать авторам возможность доработать ее. Однако Фирсов настоял на голосовании, а Васильев и Колесников проголосовали за него. Нам необходимо избавиться от беспринципности.

Потом говорил зав. 1-м отделом (режим) **Полков**. <...>

Зав. сектором, проф. **Б. Парыгин**: Наши пробелы в идеологической подготовке связаны с отсутствием у нас должной **идеологической выправки** [так! — А. А.]. Недостаточно идеологической выправки у наших партийных руководителей — членов партбюро отдела Колесникова и Докторова. Они неправильно вели себя при обсуждении советско-венгерского сборника. Особо слабой идеологической выправкой владеет Голофаст, написавший идеологически невыдержанную статью в этот сборник...

*Ремарка: **слушайте, слушайте!** («новояз»).*

Записи велись многими присутствовавшими на собрании и, как правило, совпадали.

К особенностям нашего «новояза» (термин Оруэлла) относится переворачивание значений слов (например, здесь: «беспринципность» — «принципиальность»).

«Новояз», как будто, состоит из клише. Однако это отнюдь не мертвый язык. Он способен к развитию, в нем постоянно рождаются неологизмы (например: «идеологическая выправка»). (Август 2000).

...Нам пора навести порядок в работе социологов не только в институте, но и во всем регионе. Однако Советская социологическая ассоциация до сих пор не имеет ни одного нормативного акта, кроме Устава. Нам нечего ждать, пока москвичи задумаются над этим. Мы всегда были зачинателями. Вот и теперь мы (бюро ЛО ССА) совместно с отделом обкома КПСС разработали положения: по программе социологического исследования; об основных направлениях исследований в регионе; о порядке проведения исследований; а также положение о социологической службе в регионе. Все это позволит заметно улучшить идеологическую выправку социологов. (В ту пору **Б. Д. Парыгин** состоял председателем бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации. — А. А.)

Далее говорил **Марьенко**, отрицавший добросовестность работы последней комиссии. Выступали **Скамарцева, Агафонов, Кудрин**. <...>

Вкратце

*Здесь опущено изложение содержания выступлений **В. Голофаста, Е. Берхмана, Б. Докторова, Маточкина**. В некоторых из этих выступлений есть элементы самообороны. Преобладает однако «самокритичность».*

...Ст. науч. сотр., канд. психол. наук **В. Максимов**: Работая в секторе Фирсова, я приобрел не столько опыт работы, сколько опыт борьбы. Борьбы со стилем руководства Фирсова. В секторе была круговая порука, которую мне никак не удавалось разорвать. Фирсов извращал направленность исследований, которые ему поручал ОК КПСС. Я сам был свидетелем того, как ему и Докторову было дано указание в обкоме, но он впоследствии извратил суть этого задания, и, поскольку задание давалось устно, то мне потом не удалось доказать подлог. Тем более, что Докторов всегда поддерживал Фирсова.

Я думаю, что Сигову надо чаще бывать на собраниях секторов, и тогда можно будет пресекать извращения. У меня есть также опыт работы секретарем партбюро института. И здесь мне приходилось постоянно бороться с беспринципностью членов бюро. Особенно тяжело было бороться с Травиным и Васильевым.

Мы либеральны и не принципиальны. С этим надо бороться. Я предлагаю организовать при каждом ученом совете отдела подсовет из представителей промышленных предприятий, которые смогут осуществить настоящий рабочий контроль за деятельностью этих советов [*так!* — А. А.].

Последним перед представителем обкома КПСС было дано слово заместителю директора института, проф. **Ухову**, который сказал, что ему не понравились некоторые выступления. В частности, выступление В. Голофаства. «У меня нет впечатления, что Вы поняли критику в свой адрес», — сказал он, обращаясь к Голофаству. Тот с места ответил репликой: «Но ведь Вы не читали мою книгу!» — «Ну и что, — сказал Ухов, — я и так уверен, что критика в ее адрес была правильной».

Последним в прениях выступал представитель ОК КПСС **Ю. И. Мазуренко**. Общий вывод, который можно сделать из хода обсуждения постановления обкома, — коммунисты института поняли его правильно, сказал он. Когда нам поручили подготовить вопрос на заседании бюро ОК, мы вначале удивились: зачем такой, казалось бы, незначительный вопрос, как результаты проверки института по вопросам режима, выносить на бюро. Ведь у бюро обкома имеется множество более важных дел. Но потом мы поняли, почему вопрос о вашем институте разбирался на таком высоком уровне.

Причин для этого можно назвать три:

1) В последнее время ЦК партии уделяет особое внимание институтам вашего профиля. Вспомните июньский (1983 г.) Пленум, где поднимался вопрос об Институте социологических исследований. Вспомните постановление ЦК по Институту экономики.

2) Особое место вашего института в регионе. Институт постоянно работает в контакте с директивными (*партийными*. — А. А.) органами и по их непосредственным заданиям. Институт располагает большим объемом информации о социально-экономической ситуации в регионе.

3) Год назад комиссия указала на многие недостатки, к устранению которых не было принято никаких мер.

Таковы основные причины вынесения вопроса на столь высокий уровень.

В вашем институте скопилось очень много информации, и мы стояли перед выбором: либо закрыть вам доступ к особо важной информации и перепрофилировать институт, либо закрыть институт для иностранцев, т. е. ужесточить режим секретности. Но мы решили оставить статус-кво. Это очень высокое доверие вам, хотя было много оснований не доверять вам.

В целом у вас все же здоровая организация. И дело не только в вашем институте. На примере ИСЭПа мы указали на недостатки, которые имеются в

работе ВПШК, ЛГУ, ЛФЭИ. В последнее время эти организации проводят очень много опросов, идейный уровень которых не всегда оказывается на должной высоте. За этими массовыми опросами практически нет никакого контроля. Обком поручил ИСЭПу совместно с бюро ЛО ССА разработать положение по упорядочению социологической работы в регионе. И это также образец доверия к вам.

В ноябре 1985 г. отдел пропаганды и агитации будет отчитываться на бюро ОК КПСС о результатах работы, проведенной в институте по исправлению отмеченных бюро обкома недостатков. Но исправлять эти недостатки надо начинать уже сейчас.

<...> В заключительном слове **И. И. Сигов** ответил на вопрос Т. Протасенко: «Что имелось в виду в постановлении ОК КПСС под ошибками в издательской деятельности, кроме книги Голофаства?» — «Кроме книги Голофаства, — сказал Сигов, — имелся в виду V советско-венгерский сборник».

Далее докладчик отметил неправильную и несамокритичную позицию Марьенко, не признавшего объективности выводов комиссии. Голофаству же (отвечая на его выступление) было сказано, что Лобанов и в самом деле является «правой рукой» директора, потому что проводит его линию. Если Голофаств будет проводить тот же курс, то он может стать «левой рукой» директора.

В заключение, был зачитан проект решения, в констатирующую часть которого было в основном положено постановление ОК КПСС, постановляющая же часть сводилась к утверждению доложенного А. Быстровой плана реализации этого постановления. Проект был утвержден без изменений и дополнений. <...> (Записано в ноябре 1984 г.)

Примечание. Надеюсь, что читатель не будет слишком доверчив к «фактам», фигурировавшим в выступлениях-автопортретах некоторых участников вышеописанного собрания. Комментарий к каждому из них занял бы слишком много места.

...**Словарь «В»** состоял из слов, специально сконструированных для политических нужд, иначе говоря слов, которые не только обладали политическим смыслом, но и навязывали человеку, их употребляющему, определенную политическую позицию. ...Как мы уже видели на примере слова «свободный», некоторые слова, прежде имевшие вредный смысл, иногда сохранялись ради удобства — но очищенные от нежелательных значений...

Дж. Оруэлл. О новоязе. Приложение к роману «1984» (цит. по: Дж. Оруэлл. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989, с. 203–204)

9.7.3. Как отличить «вредные» произведения от «не вредных»?

Из выступления Б. Беликова на собрании сектора ИСЭП АН СССР (ноябрь 1984)

<...> 1.11.84 на партсобрании ИСЭП директор назвал ряд сотрудников (в т. ч. бывших), которые получили официальное предостережение УКГБ ЛО. В их числе был и я. По поводу меня было сказано следующее: «7 февраля 1984 г. сотруднику института Беликову было объявлено предостережение за хранение негативов с изданий, не подлежащих ввозу в СССР» (записано со слов тех, кто был на этом партийном собрании).

Я заинтересован в том, чтобы окружающие меня люди были знакомы с фактами, легшими в основу упомянутого предупреждения (предостережения). <...>
[Здесь опущено описание обстоятельств и результатов обыска на квартире Беликовых 16.09.83.²⁷ — А. А.]

В феврале 1984 г. в приемной УВД г. Ленинграда и УКГБ ЛО (на ул. Чайковского) мне возвратили все *[всего было около 80. — А. А.]* изъятые при обыске в моей квартире микрофильмы, за исключением текстовых микрофильмов следующих произведений: 1) Б. Пастернак. Доктор Живаго; 2) Н. Мандельштам. Вторая книга; 3) Дж. Оруэлл. Памяти Каталонии; 4) Н. Бердяев. Русская идея у Толстого и Достоевского; 5) Г. Маркузе. Одномерный человек (на английском яз.); 6) Дейл Карнеги. Как завоевать друзей...

Все перечисленные произведения переснимались мною самим в те времена, когда о них в советской печати критических статей еще не было. Насколько мне известно, «Доктор Живаго» предполагался к изданию в СССР и лишь публикация книги за рубежом помешала этому событию. А о перечисленных книгах Н. Мандельштам, Оруэлла и Бердяева я не встречал даже упоминаний. Статья советского философа Шахназарова о романах-антиутопиях О. Хаксли («Новый brave мир») и Оруэлла («1984»), из журнала «Новый мир», была также переснята мною и приложена к пленке «Памяти Каталонии». В статье нет упоминания об этой книге. Пленка указанной статьи мне также не возвращена. Книга Дейла Карнеги «Как завоевать друзей...» представляет собой курс для управленцев (менеджеров) и коммивояжеров. Еще лет десять назад она была издана в Эстонии на русском языке, а лет пять назад опубликована в новосибирском журнале «ЭКО», имеющем общесоюзное распространение.

Во время беседы с сотрудником Управления КГБ, возвращавшим мне пленки, я задал вопрос: «Как отличить произведения «вредного» содержания среди книг художественных, философских, посвященных литературоведению и т. п., если они не содержат никаких антисоветских высказываний? Ведь перечня «вредных» произведений нет...». Сотрудник госбезопасности, вынося предостережение, разъяснил мне, что надежным критерием является место издания.

Книги, издаваемые на русском языке в капиталистических странах, даже если они посвящены поэту Пушкину, без специального разрешения не подлежат ввозу в СССР.

Далее, я задал вопрос в отношении книг на английском языке, которым в какой-то мере владею. Мне разъяснили, что только библиотечный штамп может служить гарантией отсутствия в книге вредного содержания.

Конечно же, речь здесь идет о произведениях по гуманитарным дисциплинам, о художественной литературе и публицистике. Я же, привыкший, в начале своей научной деятельности, иметь дело с публикациями по физике, математике и другим естественным наукам, перенес эту легкость, не критичность обращения с попадающей ко мне в руки литературой также и на книги по дисциплинам гуманитарным.

<...> Пересъемка микрофильмов была сделана в давно прошедшее время, когда я был моложе и неопытнее, и эпоха была другой. В те годы, я помню, на выставке новых поступлений лежали газеты «Таймс» и «Нью-Йорк таймс», а книги, подобные вышеупомянутым, не считались компрометирующими.

Я, конечно, очень сожалею о том, что вовремя не вспомнил об этих микрофильмах и сам не освободился от них. К моему глубокому сожалению, мне помогли это сделать работники ОБХСС и УКГБ.

Б. Беликов, 10.11.84

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> На следующий день после собрания сектора, 11.11.84, с Борисом Беликовым беседовал секретарь партбюро отдела М. Гусаков. Ссылаясь на мнение руководства, Гусаков посоветовал коллеге поискать работу за пределами института. По мнению Гусакова, после всего случившегося, Беликову предстоящего в ИСЭП в 1985 году конкурса не пройти. Б. Б. принял эту рекомендацию к сведению. <...>
(Записано в ноябре 1984 г.)

Ремарка: «Увольняйтесь по-хорошему...»

Как мне кажется, претензии к Б. Беликову, со стороны органов госбезопасности, были минимальными, по сравнению, скажем, со мной. Однако для руководства ИСЭПа было достаточно самого факта обыска и официального предостережения, чтобы указать Б. Б. «на дверь». (Сентябрь 2000).

9.7.4. ИСЭП: охота на ведьм продолжается

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984 — февраль 1985)

<...> 5.12.84 (среда) состоялось партийное собрание отдела социально-экономических проблем труда и образа жизни ИСЭП, посвященное обсуждению постановления бюро Ленинградского обкома КПСС от 16.10.84.

<...> Несколько человек рассказывали мне об этом собрании, и у всех отложилось в памяти в основном 4-часовое обсуждение вопроса о партийной ответственности ст. научного сотрудника В. Голофаства, в связи с подготовкой к изданию коллективной монографии «Семья в крупном городе» (В. Г. — ответственный редактор).

Заседавшее в этот же день, до собрания, партийное бюро отдела (секретарь партбюро — Колесников), опираясь на результаты работы специально образованной комиссии партийного расследования, рекомендовало вынести В. Голофаству строгий выговор с занесением в учетную карточку — за идеологические просчеты при подготовке монографии и за отсутствие личной ответственности и принципиальности при ее доработке. (Формулировка приблизительна; кажется, поначалу речь шла об отсутствии личной ответственности и принципиальности вообще, а слова «при ее доработке» вошли уже в окончательную формулировку решения собрания.)

Вопрос об этой отозванной администрацией ИСЭП из издательства «Наука» рукописи ранее поднимался на партийном собрании ИСЭП 1.11 и (если не ошибаюсь) на заседании бюро Ленинградского ОК КПСС 16.10.

Мнения коммунистов о мере партийной ответственности редактора коллективной монографии на собрании разделились. (Кажется, не было единогласным и решение заседавшего до этого партийного бюро.) Многие коммунисты выступали против предложения партбюро о строгом выговоре с занесением в учетную карточку. Среди лиц, настаивавших за вынесение В. Г. указанной меры партийного взыскания, были: зам. директора по науке ИСЭП, зав. сектором Н. Лобанов; зав. сектором, член партбюро отдела проф. Б. Парыгин; секретарь партбюро отдела, м. н. с. Колесников; член партбюро, м. н. с. В. Д. Сам В. Голофаств энергично оспаривал предъявленные ему комиссией партбюро идеологические претензии.

При попытке голосования мнения коммунистов разделились: 6 чел. — за строгий выговор с занесением в учетную карточку; 6 чел. — за (просто) выговор с занесением в учетную карточку; 8 чел. — за выговор без занесения в учетную карточку; 2 чел. — воздержались.

При повторном голосовании, после дополнительных дебатов, было принято решение вынести В. Голофасту выговор с занесением в учетную карточку, большинством 12 голосов против 8, при двоих воздержавшихся. (Возможно, приведенное соотношение голосов не точно, но мера взыскания именно такова.) Такое партийное взыскание должно утверждаться на партийном собрании института и, далее, на бюро РК КПСС.

На этом же собрании обсуждалось персональное дело члена партийного бюро, м. н. с. В. Д., в связи с недавно поступившим из милиции извещением о его доставке в вытрезвитель. Еще в прошлом году ему предъявлялись претензии: в связи с неявкой на работу на овощебазу, а также — неявкой на демонстрацию и на коммунистический субботник. Отмечалось, что членом партбюро В. Д. был избран уже в нынешнем году, с учетом «наметившегося исправления» ранее допущенных им провинностей.

(Рекомендовал В. Д. в партийное бюро его непосредственный начальник — зав. сектором, проф. Парыгин.)

Б. Парыгин, Н. Лобанов и некоторые другие высказались за минимальную (из предлагавшихся на собрании) меру партийного взыскания В. Д. Решением партийного собрания отдела ему был вынесен выговор без занесения в учетную карточку.

<...> Еще раз подчеркиваю, что в изложении этих событий я вынужден пользоваться вторичной (опосредованной) информацией. Возможны неточности в деталях и в отдельных формулировках, но общий смысл передан правильно.
<...>

<...> В середине января в ИСЭП АН СССР состоялось общеинститутское партийное собрание, на котором рассматривалось персональное дело В. Голофаста. Вопрос обсуждался несколько часов (собрание затянулось до 10 час. вечера).

В конечном итоге собрание, минимальным большинством голосов (52 — за, 11 — против, остальные воздержались, при общем количестве присутствующих около 100 чел.), поддержало решение партийного бюро о вынесении В. Г. выговора с занесением в учетную карточку — «за недостаточно ответственное отношение к доработке рукописи, отсутствие должной принципиальности и исполнительской дисциплины, что выразилось в нежелании прислушаться к критическим замечаниям и слабой доработке отдельных положений монографии в идеологическом плане».

В феврале 1985 г. эта мера взыскания (с сохранением формулировки) была утверждена на бюро Дзержинского РК КПСС г. Ленинграда. <...>

(Записано в декабре 1984 — феврале 1985 г.)

Ремарка: идеологически вредная книга о семье.

Здесь приведем оглавление рукописи книги: *Семья в крупном городе. Под редакцией В. Б. Голофаста. Л.: Наука, 1983:*

«Введение (В. Голофаст);

— гл. 1. Региональные различия и состояние семьи в СССР (В. Голофаст);

— гл. 2. Анализ структурных параметров ленинградских семей (В. Черейский);

— гл. 3. Состав семьи (В. Голофаст);

— гл. 4. Связи семьи с родителями супругов (В. Голофаст, Л. Докторова);

- гл. 5. Напряженность в семье (В. Голофаст, Л. Докторова, О. Божков);
- гл. 6. Распределение функций в семье, супружеская напряженность и нормативные ориентации супругов (В. Голофаст);
- гл. 7. Счастье в браке: факторы, динамика, связь с жизненными ориентациями (Л. Докторова);
- гл. 8. Социально-психологические и нравственные проблемы супружества (С. Голод);
- гл. 9. Ценности семьи в структуре жизненных ориентаций. Проблема валидности методик (В. Голофаст, Г. Красноносенко, О. Божков, Л. Бозрикова).»

Аннотация:

«В книге рассматриваются общие проблемы изменения семьи в крупных городах, зависимость состава и структуры семьи от социально-экономических, социально-психологических и других факторов.

Анализируются связи между поколениями, особенности конфликтов в семье и супружеского счастья, нравственные проблемы укрепления семьи, ее место в структуре жизненных ценностей. Монография опирается на результаты цикла социологических обследований в Ленинграде, Риге и Даугавпилсе. Для исследователей проблем семьи, образа жизни, социальной политики, практических работников служб семьи».

...Оглавление и аннотация публикуются по тексту единственного сохранившегося оттиска рассыпанных гранок, с любезного разрешения ответственного редактора книги Валерия Борисовича Голофаста, канд. филос. наук, ныне — зав. сектором Социологического института РАН. (Январь 2000 — декабрь 2001).

9.7.5. Конкурсные страдания

Из «Записей для памяти» (январь-март 1985)

<...> В январе 1985 г. в ИСЭП АН СССР проходил очередной конкурс на замещение должностей младших научных сотрудников. При этом в ходе подготовки к конкурсу возникли специфические «трения» в отношении троих сотрудников ныне ликвидированного сектора социальных проблем личности и образа жизни [бывший сектор В. А. Ядова. — А. А.] и одного сотрудника сектора социальных проблем социалистического соревнования (в названии этого последнего сектора я не уверен).

Из этих четверых двое — Л. К. и О.Б. [Л. Е. Кесельман и О. Б. Божков. — А. А.] являются моими личными друзьями, а одна — Е. А. — не только моим другом, но и родственницей. <...>

На заседании Ученого совета ИСЭП 15.01.85 конкурсные дела этих сотрудников были отложены, затем проведены специальные собеседования, в которых принимали участие секретарь партбюро института А. Быстрова, зав. отделом социальных проблем труда и образа жизни (он же — зам. директора по науке) Н. Лобанов, а также заведующие соответствующими секторами института Махалов и Потемкин.

При этом к названным сотрудникам предъявлялись претензии типа: «не пишет диссертацию», «сотрудничает с театральным обществом», «не выполнил общественного поручения». В отношении двоих членов КПСС (Л. К. и Е. А.) было решено через полгода заслушать их самоотчеты на партийном бюро отдела.

В основном претензии к названным сотрудникам исходили от Н. Лобанова. Особенно тенденциозными были претензии Потемкина к Е. А. (вплоть до отрицательной оценки ее работы в 1982 г., когда самого Потемкина в институте еще не было, а Е. А. работала в другом отделе). Надо сказать, что эти претензии тов. Потемкина к Е. А. решительно отвергаются общественностью того сектора, который он возглавляет (где Потемкин уже успел порастерять авторитет руководителя).

В конечном итоге, кандидатуры этих троих сотрудников были все же поддержаны партийным бюро и руководством отдела, с учетом высказанных замечаний (критики, претензий). <...>

В конце февраля, ранее «отложенные» кандидатуры Л. К., О. Б. и Е. А. «прошли» Ученый совет института. Таким образом, эпизод с переизбранием по конкурсу в ИСЭП АН СССР лиц, с которыми я состою в близко дружеских или родственных отношениях, оказался благополучно исчерпан.

(Записано в январе-марте 1985 г.)

Ремарка 1: Памяти Елены Алексеевой.

«Е. А.» — Елена Ивановна Алексеева, мать моей дочери Ольги Новиковской. ...Наш супружеский союз распался давно, еще в 60-х гг. Но случилось так, что уже после этого мы почти 30 лет проработали «бок о бок»: в Ленинградских секторах Института философии АН СССР, потом — в ИСЭПе, потом в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН. Мы с Е. И. были не только коллегами и родственниками, но и тесно дружили всю жизнь. Те, кто знал Елену Алексееву, думаю, разделят со мной горечь утраты и сохраняют о ней светлую память: вчера, 17 марта 2002 г., Елены Ивановны не стало. (Март 2002).

Ремарка 2: советская социология — в зеркале воспоминаний, документов и историко-социологических исследований.

Как видно из материалов этого раздела, еще неизвестно, кому в тот период приходилось труднее или «больше доставалось»: социологу-рабочему, за его станком, или его коллегам в академическом институте, за их письменными столами.

Отсылаю читателя к появившимся в последние годы сериям мемуарных публикаций ведущих российских социологов в научных периодических изданиях («Социологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии» и др.).

См. также:

— Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность. Материалы симпозиума 23 марта 1994 г. / Под ред. В. А. Ядова, Р. Гратхоффа. М.: Институт социологии РАН, 1994;

— Ленинградская социологическая школа (1960-е — 1980-е годы). Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994 г. М.-СПб.: РОС, СПАС, 1998;

— Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и автор предисловия Г. С. Батыгин. СПб.: ИС РАН, 1999.

История советской социологии становится нынче также предметом и специальных культурологических и историко-социологических штудий, среди которых хотелось бы особенно приветствовать появление двух работ:

— Рапопорт С. С. Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал, 1998, ¹ 1/2;

— Фирсов Б. М. Лекции по истории советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.²⁸ (Октябрь 2000 — февраль 2002).

От автора — сегодня

Из изложенного выше не следует, однако, заключать, что социология в целом оказывалась лишь «страдающей» стороной (во взаимоотношениях с властью). Это относится не только к сервильным фигурам, вроде радетеля «рабочего контроля» за деятельностью ученых советов или изобретателя неологизма «недостаток идеологической выправки» (см. выше), а и ко многим из тех, у кого такой «выправки» и впрямь не доставало.

Приведу здесь современное размышление на эту тему Б. М. Фирсова:

«...Не умаляя ни не йоту действительных заслуг и достижений социологии 60-х годов, я бы рискнул назвать два ее неотмоленных греха. Первый — ослепление образом государства. Гипноз и слабоволие обществоведческой мысли, включая социологическую, под влиянием государства, чьи иллюзорные добродетели и фальшивое человеколюбие служили щитом для маскировки абсолютной и жестокой власти, является фактом недавнего прошлого. Идеология подавила в значительной мере независимость научного мышления.

...Грех второй — примирение с социальным порядком. Большинство профессиональных социологов не опускалось до уровня примитивной идеологической манипуляции массовым сознанием, но компромисс с властью не оставался без последствий. Социология оказалась втянутой в процесс утверждения уни-формизма общественной жизни и удержания людей в границах повиновения...

...Перечисленные выше дисфункции социологического знания имели место вопреки намерениям большинства социологов...» (Б. Фирсов. Как добывались послушания социологии / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999, с. 349–350).

В упомянутом выше курсе лекций по истории советской социологии Борис Фирсов выделяет шесть типов (моделей) «политических и профессиональных позиций и поведения советских социологов»: 1) индивидуальное существование в нише профессиональной деятельности; 2) дистанцирование от власти; 3) коллективная иммунная защита от власти на основе «игр по правилам»; 4) социальный конструктивизм в сочетании с критическим отношением к институтам партийно-государственной власти; 5) активное сотрудничество с органами власти; 6) поддержка режима из карьерных интересов (см. Б. Фирсов. История советской социологии..., с. 119–131).

Разумеется, в жизни любой тип крайне редко можно встретить «в чистом виде»: субъективная мотивация всегда плюралистична. Следует также иметь в виду, что типология Б. Ф. обобщает в основном профессиональный опыт «социологической элиты». Многие исследователи, которые в свое время «не успели» или «не сумели» или «не захотели» достигать ученых степеней, в эту типологию укладываются лишь с натяжкой.

В отличие от преобладающего, пожалуй, сегодня взгляда, С.С. Рапопорт в упомянутой выше статье «Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних» отмечает, что:

«...ошибкой было бы представлять ее [советскую социологию. — А. А.] как нечто единое и цельное; было несколько социологий — от официальной до неофициальной, с промежуточными смешанными вариантами; они влияли друг

на друга и в целом составляли немалую часть стиля жизни тогдашней интеллигенции...» (С. С. Рапопорт. Указ. соч., с. 245).

В континууме от «официального» до «неофициального» полюсов, С. Р. выделяет «руководящую», «рядовую» («рутинную»), «почти официальную», «эзоповскую», «там- и самиздатскую» и «устную» социологии.

«... И официальные, и неофициальные социологии различаются словарем, референтными авторами, правилами чтения, шкалами оценок — и престижем в широкой культурной среде...» (Там же, с. 246).

По мысли автора, этому подразделению неоднозначно соответствуют три главные биографические ниши, которые — в нашем пересказе — обозначим упрощенно: (1) «карьеристы», (2) «выживающие» и (3) «любопытные».

«... Конечно, перечисленные типы биографических ниш представляют собой упрощенные идеализации, известны редкие случаи социологического диссидентства; в действительности чаще всего встречались смешанные варианты...» (Там же, с. 248).

Автор показывает, что в разных «нишах» имела место дивергенция с тяготением (в зависимости от конкретных обстоятельств) к разным позициям на вышеуказанной биполярной шкале. Анализируя историческую ситуацию социологии времен тоталитаризма, С. Р. делает следующий вывод:

«... В контексте тогдашней социальности никакой самый высокий профессионализм — с базовой подготовкой — не мог бы спасти качество профессиональной социологии по двум причинам: а) при обслуживании канона тоталитарной идеологии качество профессиональной социологии вообще лишается смысла; б) находясь в конфронтации с этим каноном, текст в принципе не мог бы появиться публично, то есть легально существовать...» (С.С. Рапопорт. Указ. соч., с. 248).

... Если воспользоваться терминологией Сергея Рапопорта, описанная здесь ситуация «ИСЭП-1984» являет собой пример неравноправного конфликта «руководящей» социологии, с одной стороны, и «полуофициальной» и даже «рутинной» социологий, с другой.

А. А., декабрь 2001 — февраль 2002

Приложение

Из книги Б.З. Докторов [«МИР ВЛАДИМИРА ЯДОВА. В.А. Ядов о себе и его друзья о нём»](#) (М.: ВЦИОМ, 2016)⁶⁷

«... Борис Дмитриевич Парыгин, учился на философском факультете ЛГУ в одни годы с Ядовым, доктор философских наук, ещё в начале 1970-х он предложил свою концепцию социальной психологии. По его книгам обучалось несколько поколений советских психологов. В моём понимании, деятельность Парыгина в ИСЭП имела серьёзные негативные последствия для развития Ленинградской социологии.

Теперь вернёмся к интервью с Ядовым:

«Не так давно Игорь Кон передал мне подаренный ему в Питере роскошный гляцевый журнал «University Magazine», издание Петербургского университета профсоюзов с фото Парыгина на обложке и фрагментом из интервью (слова интервьюера): «живого классика», «лидера международного ревизионизма».

⁶⁷ <http://www.isras.ru/files/File/publ/2016Yadov05.pdf>

Что он там наговорил, не вообразишь. «Классик», поскольку первым осмелился утверждать социальную психологию, «лидер ревизионизма» потому, что на инструктивной конференции ЦК по общественным наукам его упомянули рядом с чехословацкими протестантами. Дальше повествует, как он страдал от КГБ и парторганов. Множество фото; Парыгин с нобелевским лауреатом Жоресом Алфёровым, с Ядовым за столом президиума, с Галиной Старовойтовой. Понимает, что сегодня подать на публику. Ещё тебе свидетельство Бориной научной славы. На рубеже 1970—1980-х он разработал методику измерения психологического климата в трудовом коллективе. Методика вызывала сомнения по части надёжности. Эта методика не имела никакого отношения ни к измерению психологического климата, ни к науке вообще».

(18)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-zhizn-v-god-oruella-okonchanie>

А. АЛЕКСЕЕВ. ЖИЗНЬ В «ГОД ОРУЭЛЛА». ОКОНЧАНИЕ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 30.03.2016

«Я эту линию веду / Почти впотьмах, напропалую, — / Связуя землю и звезду, / Ищу кратчайшую прямую» (Юрий Линник). Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (18).

Из книги "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия", том 2:

<...>

9.10. Конец 1984-го. Мозаика жизни

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984 — январь 1985)

<...> Согласно какому-то из календарей, 1984 г. был годом Мыши (Крысы?). Наступающий 1985 г. — **год Быка**.

<...> 25 декабря, имея в кармане уже закрытый бюллетень (на работу — с 26-го), я смог посетить лекцию, которую читал в Ленинградском доме актера (Невский, 70) Н.Я. Эйдельман. Лекция называлась «Беседа Пушкина с царем» и была посвящена событию 150-летней давности.

Как известно, в сентябре 1826 г., через полтора месяца после казни пятерых декабристов и осуждения остальных, Пушкин был «свободно, но с фельдфебелем» препровожден из Михайловского в Москву, где с ним беседовал император (8.09.1826).

По крайней мере полуторачасовая беседа происходила без свидетелей. Ни один из участников этой беседы не отражал ее потом в дневниковых или мемуарных записях, однако насчет содержания беседы сохранилось около 30 документированных свидетельств (дневники и мемуары разных людей, которым об этом рассказывали либо Пушкин, либо Николай I).

Около 25 свидетельств — со слов Пушкина (или, так или иначе, с его стороны исходящие) и около 5 — со слов Николая. Некоторые свидетельства — по горячим следам события, большая часть — ретроспективные (записи разных людей по поводу этой беседы особенно часто датированы годом смерти Пушкина, десять лет спустя, либо годом смерти Николая, тридцать лет спустя после беседы).

Свидетельства иногда противоречивы, иногда — взаимодополнительны. Н. Эйдельман провел анализ, позволивший ему во многом реконструировать не только детали, но и общий смысл этой беседы (что как раз — самое трудное). Особенно достоверной и точно воспроизводящей живую пушкинскую речь (от первого лица) представляется дневниковая запись фрейлины А.Г. Хомутовой. Н. Эйдельман взял эту запись за отправной пункт.

По этой и другим записям идентифицируются также широко известные реплики Пушкина и царя: — Доволен ли ты своим возвращением (из Михайловской ссылки)? — Я отвечал как следовало (Пушкин). — А где бы ты был 14 декабря? — На площади. Я бы не мог отстать от друзей. И наконец Николай — Пушкину: — Пиши, я буду твоим цензором...

Вводя теперь эти «опорные точки» в контекст других документальных свидетельств о беседе и в общий исторический контекст, Н.Я. Эйдельман строит свою версию беседы, которая представляется убедительной.

Не Пушкин «обманул» царя и не царь «обманул» Пушкина. Оба говорили то, что думали, и при этом «понравились» друг другу. Это был «диалог». Царь и Пушкин «сошлись» на том, что России нужно «просвещение» и каждый должен просветить Россию в соответствии со своим, если можно так выразиться, «призванием» и «положением».

Пушкин за последующие 10 лет успел просветить Россию. Николай за последующие 30 лет потерпел полное личное и государственное фиаско (им самим, как можно судить из разных источников, сознаваемое).

Глубоко недоброжелательный отзыв Николая о Пушкине 10 лет спустя после гибели поэта резко расходится с его же собственным отзывом по горячим следам этой встречи. Царь не мог простить Пушкину прежде всего своей собственной (царя) несостоятельности.

Разумеется, мой пересказ версии Н. Я. Эйдельмана — довольно груб и примитивен. (См. работы Н. Э., где этот исторический факт наверняка обсуждается.)

<...> 25 декабря (вторник) состоялось предновогоднее заседание исследовательской группы «**Социология и театр**» (700-какое-то по счету от основания группы). Присутствовали все нынешние члены группы и — случайно — один бывший.

Высказывались в форме новогодних тостов.

Председательствовавший Б. Ф. произнес первые три тоста: за «ангела-хранителя» (единственную женщину, участвовавшую в заседании, референта ВТО Ц. А.), за «справедливость» (в определенном смысле это был тост в мою честь) и тост «самовосхваления» (разумеется, не личного, а коллективного, т. е. самовосхваления исследовательской группы).

Предложенный мною тост выражал личное ощущение, что мой уход из группы полгода назад вовсе не оказался невосполнимой потерей. Этот тост «утвержден» не был. Он получил название «тоста без слов», и мне было предложено еще подумать.

А. А. произнес тост синтетический, Л. К. — аналитический, О. Б. — лирический, Б. К. — биографический, Б. Д. — непритязательный. Ю. Б. как-то умудрился не высказываться, поскольку играл на пианино.

Подумав, я предложил еще два тоста — за В. Д. (первого руководителя нашей группы) и за Б. Ф. (ее нынешнего руководителя).

Мой второй тост был, кажется, последним и произносился с музыкальным сопровождением по мотивам популярной песенки 40-х гг.: «Бак пробит, хвост горит, / Но машина летит / На честном слове и на одном крыле...».

По окончании заседания мы позвонили в Москву, и каждый произнес слова предновогоднего привета основателю группы «Социология и театр» — В. Д.

Примечание 1. «А. А.» — Анатолий Яковлевич Альтшуллер (ныне покойный); «Ц. А.» — Цецилия Семеновна Андреева (ныне покойная); «Ю. Б.» — Юрий Михайлович Барбой; «О. Б.» — Олег Борисович Божков; «В. Д.» — Виталий Николаевич Дмитриевский; «Б. Д.» — Борис Зусманович Докторов; «Л. К.» — Леонид Евсеевич Кесельман; «Б. К.» — Борис Николаевич Кудрявцев; «Б. Ф.» — Борис Максимович Фирсов.

Примечание 2. К моменту этого заседания уже вышел в свет № 12 журнала «Знание-сила», со статьей И. Прусс «Театр: время перемен?» Однако никто из нас этого еще не знал.

Статья содержит обзор деятельности исследовательской группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО за 10 лет. В ней ссылка на наши коллективные монографии: «Театр и молодежь» (1976) и «Зритель в театре» (1980). Обсуждаются результаты последних исследований.

Один из трех разделов статьи — «Адаптироваться или адаптировать?» построен по мотивам моих отчетов и публикаций о структуре и динамике репертуара драматических театров Ленинграда.

Еще одно примечание. Если не ошибаюсь, в тот же самый день, 25 декабря, состоялось заседание бюро Ленинградского обкома КПСС, на котором обсужден вопрос о деятельности Куйбышевского райкома партии по выполнению постановления ЦК КПСС «О работе Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы» (см. «Ленинградскую правду» от 26.12.84).

Судя по изложенному в газете постановлению бюро обкома партии по данному вопросу, косвенное отражение в нем нашли материалы исследования репертуарной политики ленинградских драматических театров, проводившегося группой «Социология и театр» на протяжении ряда лет.

<...> Утром 26 декабря (среда), сразу по выходе с бюллетеня, я позвонил по внутриводскому телефону заместителю секретаря парткома завода Зуеву. Сказал, что первый день сегодня на работе, после болезни. Спрашивал, нет ли для меня информации.

Тов. Зуев ответил, что информации для меня пока нет. Когда будет — он мне сообщит. До Нового года рассмотрение моей апелляции на заседании партийной комиссии ЛГК КПСС наверняка не состоится.

<...> 6 декабря состоялось партийное собрание цеха, посвященное итогам года и перспективам на будущее. Выяснив предварительно у секретаря партбюро цеха Червякова, что это собрание — **открытое**, я на нем беспрепятственно присутствовал.

Докладчиком был новый начальник цеха А. А. Косачев. Его доклад был сугубо деловым и лишен общих фраз.

Активность коммунистов на собрании была высокой. Много деловой критики, конкретных предложений. Собрание продолжалось около 1 час.

<...> 26 декабря ко мне подошел бригадир А. С. [А. В. Сыцевич. — А. А.] и предложил написать заметку в стенную газету цеха. Я выразил было сомнение в целесообразности такого шага, но согласился, когда понял, что имеется в виду не моя личная заметка, а от имени бригады. Я спросил, какие факты должны получить отражение в заметке. А. С. предупредил, что не надо писать о переходе на бригадный хозрасчет, поскольку он (А. С.) вынужден был отказаться от условий, на которых этот эксперимент предлагался администрацией (еще бывшим начальником А.И. Данилушкиным). Мы обсудили разнообразные моменты, которые следует указать. На мой вопрос, кого персонально из членов бригады отметить, А. С. сказал: Крылову, Алексеева, Реутова. Я переспросил относительно себя. А. С. уверенно подтвердил, что не оговорился.

Я собирался написать заметку вечером, дома, но А. С. предложил мне заняться этим немедленно (сейчас работа — не срочная, а заметка — «аварийно»). Меньше получаса ушло на выполнение этого «производственного» задания бригадира (включая переписывание заметки набело). Ознакомившись с текстом, А. С. его одобрил. Не хватало только прямого поздравления «С новым годом!», которое я, по его указанию, приписал в конце.

Вместо подписи я поставил: «совет бригады 003» (у нас действительно есть такой совет, избранный год назад, состоящий из самого бригадира, Е. Рыжова и С. Русинова, однако никто не помнит о его существовании, во всяком случае отдельно этот совет никогда не «заседает»).

Стенгазета была вывешена 28 декабря. Заметка от имени бригады была помещена в левом верхнем углу («на открытии») и оказалась самой крупной по объему.

На пороге завершающего года пятилетки (заметка в стенгазете цеха № 3 «Ленполиграфмаш»)

Наша бригада 003, как и многие бригады цеха, досрочно завершила задание четвертого года пятилетки и сейчас работает уже в счет апреля 1985 г. Год был напряженный, были и трудности, но к настоящему времени они в основном преодолены.

По сравнению с прошлым годом бригада увеличилась. Пополнение — хорошее. Успешно трудится гравер Т. Крылова, хорошо влился в коллектив и признан лучшим молодым рабочим цеха Н. Реутов. Надежно работает на ПКР перешедший в бригаду 003 в конце прошлого года А. Алексеев.

Наряду с другими членами слесарной профгруппы 1-го участка, бригада выступила с почином в честь вахты Памяти — каждому внести и по возможности самому внедрить предложение по совершенствованию производства на своем рабочем месте, на участке, в цехе. Этот почин поддержан уже более чем тысячей рабочих завода.

Успешно осуществляется договор о творческом содружестве с инженерно-техническими работниками: поданы и приняты в этом году 6 рационализаторских предложений.

Член бригады, комсорг цеха С. Самойлов освоил работу на новом станке КО-126 с программным управлением.

В общем, к Новому году настроение у бригады — хорошее, рабочее. Желаем всем трудящимся цеха такого же настроения на пороге завершающего года пятилетки.

С Новым Годом!

Бригада 003

<...> 27 декабря я имел случай впервые ознакомиться со статьей под названием «Активная позиция коммуниста. К итогам отчетов в партийных организациях», опубликованной в газете «Вечерний Ленинград» за 17 дек. 1984 г.

Это — беседа журналиста с заведующим отделом организационно-партийной работы Ленинградского горкома КПСС А. И. Кирсановым.

В этой беседе тов. Кирсанов критически отзывается от стиле работы в партийной организации Ленинградского завода полиграфических машин. Смысл использованного им негативного примера — формализм в партийной работе, невнимание к критическим замечаниям и предложениям коммунистов, **отсутствие поддержки активной позиции коммуниста.**

По утверждению человека, обратившего мое внимание на эту статью (и, как правило, следящего за ленинградской периодикой), это — **первое за много лет не позитивное, а негативное упоминание нашего завода** (в частности, его партийной организации) на страницах ленинградской печати.

Этот номер газеты вышел в понедельник 17.12.84, вечером («Вечерний Ленинград»). 18 декабря утром я звонил А. Грачевой в горком КПСС, и она сообщила мне, что заседание партийной комиссии по моему вопросу состоится 20 декабря. Чуть позже аналогичная информация поступила от зам. секретаря парткома Зуева.

Еще и из прежних бесед с Грачевой я знал, что на заседание комиссии приглашаются также секретарь парткома Щекин и др. товарищи с завода.

19 декабря, в первой половине дня, при повторном вызове в партком, я узнал, что заседание партийной комиссии переносится с 20-го на другой срок, пока неизвестный.

Таким образом, перенос рассмотрения моего дела состоялся (такое решение состоялось...) именно 18 декабря, т. е. на следующий день после выхода упомянутой газеты. По-видимому, это является **случайным совпадением.**

Ремарка: критика снизу и критика сверху.

Описывая эти события, социолог-испытатель намекает:

а) что нарушения «внутрипартийной демократии» на «Ленполиграфмаше», высвеченные им в ходе рассмотрения апелляции в горкоме КПСС, могли дать повод для «критики сверху»;

б) что обсуждение «дела» социолога-рабочего в Смольном сразу вслед за этой критикой было сочтено неуместным. (Октябрь 2000).

<...> В газете «Труд» за 15 декабря опубликована статья фрезеровщика стеклозавода им. Калинина (пос. Анопино, Владимирской обл.) Н. Леженина, под названием «Стал неугоден директору...», с подзаголовком «дневник рабочего». В статье в резко критическом ключе обсуждаются проблемы освоения и использования нового оборудования на промышленном предприятии. Проблемы

— аналогичные тем, которые поднимались, например, в моем выступлении на партийном собрании цеха № 3 ЛЗПМ 14.12.81.

Поражают фактические, а иногда даже текстуальные переключки и совпадения в двух дневниках: **опубликованном** — Леженина, и **конфискованном** — Алексеева.

<...> 25 декабря (суббота) по всей стране объявлено рабочим днем, вместо 31 декабря (понедельник). Таким образом, новогодний праздник нынче объединит три выходных дня (30 и 31 дек. и 1 янв.).

Однако в середине этой недели на цеховом стенде появилось объявление о том, что 30 декабря у нас на заводе рабочий день, в соответствии с приказом директора.

Первоначально рабочим было предложено каждому выбрать для себя: или отгул 2 января (за работу 30 декабря), или лишний день к отпуску. Почти все предпочли отгулять 2 января (чтобы не портить себе новогодний праздник).

Тогда поступило «разъяснение»: отгул за работу 30 декабря может быть только приплюсован к отпуску. 2 января обязательно выходить на работу.

Надо сказать, что распоряжение о дополнительном рабочем дне 30 декабря приходит в некоторое противоречие с реальной производственной ситуацией (по крайней мере в таких цехах, как наш, который не выпускает конечной продукции завода).

Фактически был **дефицит работы**, начиная с 28 декабря, и мастера и бригадиры выдумывали, чем бы занять людей — впрок (не для программы этого года).

Работа впрок в конце концов всегда найдется. Но делать ее в новогодний праздник — обидно.

Отчасти поэтому произошло резкое (за эти 3 дня) ослабление дисциплины, с которым не могла справиться администрация (а общественность и не пыталась справляться). «Расслабились» даже те, за кем такие нарушения обычно не водятся. Этому еще способствовала выдача аванса не 28 числа, как обычно, а 27-го.

Двумя «пиками» указанной расслабленности были: вторая половина дня 28 декабря и первая половина дня 30 декабря.

Не будучи вынужден необходимостью выпуска готовой продукции, этот выход на работу 30 декабря парадоксально обусловлен существенным перевыполнением бригадных заданий на декабрь, особенно у слесарей (токарей на нашем участке в этот день на работу не выводили). Дело в том, что при плане на декабрь произвести работ на сумму 1625 руб. — по нашей бригаде, и на сумму 1950 руб. — по бригаде И. Виноградова, фактически (согласно экрану ежедневно накапливающейся выработки за месяц) было произведено работ: нашей бригадой — на 2400 руб, и бригадой И. В. — на 2500.

(Точнее сказать: не произведено, а «закрыто» по нарядам из выполненного задолго раньше; причем отложить закрытие нарядов было уже нельзя, так как эти детали входят в сборку машин, которые действительно выпускаются в этом году.)

Еще раньше на партийных собраниях цеха отмечалась какая-то рассогласованность между месячными планами по валу и годовым планом (месячные — все время выполняются, а за год накопилась недостача выработанных нормо-часов). Так что, похоже, в декабре это отставание следовало погасить.

Наконец, как отмечалось на последнем партийном собрании (26 декабря), в цехе — дефицит слесарей. Но плановый объем слесарных работ выполнен. Стало быть, он выполнен меньшей численностью работающих. Тут обнаруживается

столь резкое перевыполнение заданий, что становятся очевидными недостатки планирования. А затушевать их можно только увеличением количества рабочих часов: более или менее добровольные сверхурочные в течение месяца плюс уже не добровольный, а обязательный массовый выход на работу 30 декабря. Вся эта совокупность обстоятельств характеризует те производственно-экономические «ножницы», которые раскрылись к последнему рабочему дню года и «размах» которых администрация хоть отчасти старается уменьшить этим дополнительным рабочим днем.

Обычно, выходя на сверхурочные в субботу, работают с 8 до 12. Эти 4 часа оплачиваются и никакими отгулами не компенсируются (за редкими исключениями). Таким же является режим работы на субботах (которых в этом году было три: Ленинский, комсомольский и в честь «вахты Памяти»). Тут же — идет еще компенсация днем к отпуску. Поэтому надежды рабочих «закруглиться» к 12 часам не оправдались. Обеденный перерыв был перенесен с 12 час. на 11. После обеда еще «работали» до 14-30 (тогда получается выход с завода около 15 час., т. е. как и положено в предпраздничный день).

Загрузки на ПКР тоже не было (я всю возможную работу «впрок» закончил еще 27 декабря). Бригадир вынужден был загрузить меня черновой слесарной работой: зачистка углов, снятие окалины после сварки. 30 декабря я был чуть ли не самым трудолюбивым на фоне массовой «расслабленности». И оказался вдвойне «не прав», т. к. усердно орудовал личным напильником, вместо драчевого, которым только и можно такую окалину снимать.

Бригадир А. С. в конце концов обратил внимание на мое трудолюбие и... забраковал работу. («Слов нет!» — выразился он, чтобы не сказать покрепче.) Пришлось после личного напильника перейти на драчевый (согласно известной поговорке: «после скобеля топором», а «скобель» тут, оказывается, и ни к чему). Такие «детские» ошибки до сих пор случаются со мной при ручной слесарной работе, которой я за весь год занимался от силы пару недель (во многом благодаря «партизанщине» — полноценная загрузка на ПКР обеспечивалась в основном ею). По выражению моего товарища по бригаде В. Н. (слесарь, дневное производственное задание чуть меньше моего), **мне** такие ошибки «простительны». Ведь на моем станке — любой из бригады «наломал бы и не таких дров». (Не очень ладилось и у самого бригадира, пару дней заменявшего меня на ПКР, когда я был на бюллетене в декабре.)

В. Н. показал мне, как правильно снимать окалину, заподлицо, и т. п. Так или иначе, остаток дня 30 декабря я переделывал то, что «напорол» до обеда. Это, конечно, не способствовало праздничному настроению...

<...> Уже в январе появился на стенде декабрьский (1984 г.) приказ директора завода о реорганизации в высшем руководстве завода. Учреждена должность заместителя главного инженера — главного технолога завода. Им назначен Макаров, ранее выполнявший обязанности зам. главного технолога. Что касается Смирнова, который до этого был главным технологом, то тот назначен заместителем главного технолога. То есть фактически они поменялись местами.

Новому главному технологу предписано в месячный срок представить предложения по реорганизации технологической службы завода.

Примечание. Автор не пишет здесь, но «намекает», что именно технологическая служба подвергалась особенно резким «нападкам» в его «письмах-дневниках», объявленных «статьями политически вредного содержания».

<...> На В. Н. (старшего, есть еще один В. Н., помоложе) пришла бумага о «нарушении общественного порядка» (дело было в октябре 1984 г., но стало известно в конце декабря). Бригадир А. С. этим очень раздосадован. Резко высказался и на бригадном собрании, и после. По мнению А. С., В. Н. «подвел бригаду» больше, чем М. Г. (на которого раньше частенько приходили «телеги» из вырезвателя).

Дело в том, что от В. Н. никто не ожидал, для него это **«нетипично»**. А тут — нате, пожалуйста.

Нарушения дисциплины (прогул, появление на работе в нетрезвом виде) довольно характерны для С. И., с которым А. С. (бригадир) дружен. Но вот и С. И. вышел за пределы своей «нормы». Он женился, кажется, в прошлом году. Недавно молодая жена, не обнаружив какой-то вещицы дома, пожаловалась администрации цеха: «пропивает!». Вещица, по словам заподозренного супругой, потом нашлась. С. И. огрызается бригадиру: «Да у нее з-еб вышел!». А. С. в сердцах: «А у тебя з-еба не было? Зря не придет!».

Действительно, нехорошо, когда уж жена пришла жаловаться, пусть даже у нее «з-еб вышел»...

*Ремарка: **возрождение «производственной летописи».***

В течение 1984 г. социологу-испытателю не удавалось вести регулярную «производственную летопись». Иногда эти сюжеты выплескивались в «записи для памяти», посвященные в основном перипетиям «дела» социолога-рабочего.

Однако с конца 1984 г. протоколы наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации возобновились. (Ноябрь 2000).

<...> В № 18 журнала «Коммунист» опубликована статья тов. К.У.Черненко «На уровень требований развитого социализма. Некоторые актуальные проблемы теории, стратегии и тактики КПСС».

(Записано в конце декабря 1984 — начале января 1985 г.)

Из личного письма (январь 1985)

<...> А обратила ли Ты внимание на последние выступления К.У. Черненко (особенно: Коммунист, 1984, № 18)? Например, о высших ценностях социализма, которые должны «войти в правило»? (Читай: нормы-стереотипы расходятся с нормами-требованиями.)

Ох, опять поспешил Алексеев... Что б ему было — **после** Черненко об этом написать, да еще на него **сослаться!** <...>

Твой Андр. Ал., январь 1985

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Я эту линию веду

Почти впотьмах, напропалую, —

Связуя землю и звезду,

Ищу кратчайшую прямую.

Но почему же вьется нить,

Узлы и петли завивая? —

Ее вовек не распрямить:

Такая сложная кривая.

Здесь все — и срывы на пути,
И неожиданность открытий!
Да можно ль логику внести
В живую музыку событий?
Далекий от привычных схем,
Наш путь идет глубинным лесом, —
Его не выровнять ничем:
Ни ватерпасом, ни отвесом.
Но в том и прелесть бытия,
Что нету просеки на плане,
Что радость новая твоя
Не предсказуема заране.
Все рассчитав, все расчертив,
Ты позабыл в запале рвенья,
Что может жизненный порыв
Снести любые построенья.
Ю. Линник

...Эй вы, задние, делай как я! Это
значит — не надо за мной, Колея
эта — только моя, Выбирайтесь
своей колеей! В. Высоцкий
(«Чужая колея»)

(19)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-inakomyslyaschii-ili-inakodeistvuyuschii>

А. АЛЕКСЕЕВ. «ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ» ИЛИ «ИНАКОДЕЙСТВУЮЩИЙ»?

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 03.04.2016

«Не обижайтесь на Систему... Ее можно изучать, ее можно переделывать (иногда — уничтожать), с ней можно играть!..». Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (19).

Из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Том 2:

<...>

10.3. Новые разговоры в Смольном

[После отклонения апелляции в Ленинградском горкоме КПСС (январь 1985) социолог-испытатель апеллировал в следующую партийную инстанцию — обком КПСС, где все процедуры повторились: беседы с сотрудником партийной комиссии; заседание партийной комиссии; бюро обкома КПСС. — А. А.]

Из апелляции в Ленинградский обком КПСС (март 1985)

<...> Считаю необходимым обратить внимание Областного комитета партии на следующие два принципиальных обстоятельства:

1. Ни одно из моих действий, ни один из поставленных мне как коммунисту в вину поступков не имел противоречащих Программе, Уставу КПСС или партийной морали **мотивов**. Действительные мотивы — партийные, гражданственные, научные. Других не было и нет.

2. Убежден, что ни одно из моих действий не имело наносящих ущерб делу Коммунистической партии, политически вредных **последствий**. Ни на одно такое последствие никто мне не указал и, думаю, указать не сможет.

За создание определенной (пусть малой!) вероятности такого рода последствий в своей работе с первичными социологическими материалами и научными документами для служебного пользования — я, разумеется, готов нести партийную ответственность. <...>

А. Алексеев, 3.03.85

*Ремарка: **мотивы — действия — последствия**.*

*Любопытна произвольно выстроенная в процессе самообороны социолога-испытателя понятийная цепочка: **мотивы — поступки (действия) — последствия**.*

*Автор аргументировал свою невиновность отсутствием «политически вредных» — как **мотивов**, так и **последствий** своих поступков. Иначе говоря, опровергал как свою «субъективную», так и «объективную» виновность.*

*В таких случаях обвинителям, при отсутствии бесспорных доказательств вины, оставалось аргументировать *ad hoc*, но не логическими средствами. См. ниже. (Октябрь 2000).*

Из «Записей для памяти» (апрель 1985)

Александр Питиримович и Иван Яковлевич

<...> 16.04.85 я позвонил по тел. 278-14-43 тов. Горячкину и получил подтверждение, что меня ждут в среду 17.04, в 17 час., кабинет 423.

Сотрудники партийной комиссии ленинградского ОК КПСС размещаются в том же крыле Смольного (со стороны Смольнинского собора), подъезд № 4, что и сотрудники партийной комиссии горкома, только не на 2-м, а на 3-м этаже.

Я достиг назначенного места чуть позже 17 час., т. к. на этот раз почему-то дольше, чем в прошлые разы, постовой в военной форме записывал в регистрационную книгу мои паспортные данные.

(При входе спрашивают, к кому идешь. Ты предъявляешь паспорт. Постовой сверяется со спущенным ему заранее «пропуском», т. е. с записью в журнале фамилии, имени и отчества вызванного, к чему он добавляет домашний адрес и, может быть, еще что-то переписывает из паспорта. Твой документ тут же возвращается. Какого-либо пропуска, в котором надо потом отмечать время ухода, на руки не выдается.)

В кабинете, на дверях которого была бирочка [*стеклянная табличка*. — А. А.] «А.П. Горячкин», меня ожидали двое: сам Александр Питиримович Горячкин, оказавшийся заместителем председателя партийной комиссии обкома, и сотрудник партийной комиссии Иван Яковлевич (названную мне фамилию я не успел запомнить). Первый — моих лет, второй значительно старше. <...>

Как выяснилось, заместителю председателя партийной комиссии (А. Г.) поручено **лично** заниматься моим делом. Он и направлял беседу, руководствуясь заранее

подготовленным планом, иногда делая короткие записи. Но и второй (И. Я.) не менее часто задавал вопросы, подавал реплики и иногда даже определял переход от одной темы разговора к другой.

<...> Материалы моего дела, состоящего теперь уже из двух не тонких папок, лежали на столе А. Г. К ним то один, то другой мой собеседник время от времени обращались за справкой. Как было сказано, оба ознакомились с моим личным и научным архивом 1980–1981 гг., изъятым при обыске 1983 г., причем — **полностью**, т. е. со всеми его 700 стр.

Самого архива [*«Письма Любимым женщинам»*. — А. А.] под руками у них не было (по-видимому, тот был возвращен из горкома КПСС в УКГБ ЛО, по завершении рассмотрения апелляции в горкоме). Но А. Г., например, пользовался обширными выписками из «Писем...», сделанными, как я понял, собственноручно. И его коллега тоже обнаружил в беседе действительно знакомство с моим архивом.

Из «подсобных материалов» — на столе А. Г. лежали две книги Ф. Искандера: «Сандро из Чегема» (Советский писатель, 1977) и «Защита Чика» (Советский писатель, 1983). <...>

В целом, по содержанию состоявшейся беседы видно, что А. Г. и И. Я. затратили немало времени на подготовку к этому разговору.

Общая тональность беседы

При всей резкости отдельных критических замечаний в мой адрес, беседу характеризовал подчеркнуто уважительный тон. В речи моих собеседников не было какой-либо «безапелляционности», слушали внимательно, говорили взвешенно. Мои самокритичные высказывания получали одобрение. В случае же расхождения наших точек зрения, — предпринималась попытка меня переубедить.

Вообще-то, такой тональностью характеризовались и прежние беседы в Смольном (горком КПСС). Однако сейчас эта черта получила как бы дальнейшее развитие.

Порядок постановки вопросов на обсуждение в основном совпадал с последовательностью освещения их в справке Ленинградского ГК КПСС. <...>

Вкратце

Последовательно выдвигавшиеся темы:

1) *изъятые во время обыска произведения или фрагменты произведений других авторов: Дж. Оруэлл (на англ. яз), Мао Цзэ-дун, М. Цветаева, Ф. Искандер;*

2) *работа с документами «для служебного пользования»;*

3) *экспертный опрос «Ожидаете ли Вы перемен?»;*

4) *собственные сочинения социолога-рабочего («Письма...» и проч.); некоторые другие.*

Ниже представлены только некоторые из сюжетов беседы.

Об А. А. Зиновьеве

<...> В горкомовской справке произведения А.А. Зиновьева [*«Зияющие высоты»* и *«Светлое будущее»*. — А. А.], якобы распространявшиеся мною, фигурировали в одном ряду с Мао Цзе-дуном, М. Цветаевой и т. д., так что складывалось впечатление, что и они были изъятые у меня при обыске. Мне, в очередной раз, пришлось подчеркнуть, что это не так.

(И не напрасно! Ибо мои собеседники, судя по их репликам, полагали также и произведения Зиновьева у меня изымавшимися.)

Я кратко повторил все изложенное в письме на имя начальника УКГБ ЛО тов. Носырева от 13.01.85 (копия которого, кстати, была приложена мною к апелляции в обком и, стало быть, имелась в деле).

Мне предложили подробнее рассказать, какой именно ответ я получил из Управления КГБ (в апелляции об этом сказано кратко). Поинтересовались: **кто такой Зиновьев?** Я сказал: бывший советский ученый-философ; у меня дома на полке и по сей день стоят его труды по логике, издававшиеся у нас в начале 70-х гг. Еще я знаю, что он потом покинул СССР и стал известен своими антисоветскими выступлениями.

Лично с Зиновьевым я не знаком, но мог бы и быть знакомым, поскольку в начале 70-х мы с ним работали в одном научном учреждении — Институт философии АН СССР, только он — в Москве, а я — в Ленинградских секторах этого института. <...>

Документы ДСП

<...> Следующим предметом разговора стали допущенные мною нарушения порядка работы со служебными документами. Тут я сказал, что вовсе не собираюсь оправдываться: вполне признаю свою вину, о чем сказано и в апелляции. Коль скоро так, то нужны ли еще объяснения? Все же их захотели выслушать.

Тогда я рассказал об обстоятельствах получения и мотивах перепечатки мною текста доклада академика Заславской, изданного ДСП (1983). Этот доклад произносился на научном семинаре в Новосибирске, куда я был приглашен, но поехать не смог.

Рассказал, далее, об обстоятельствах подготовки (в рамках плановой научной работы) собственного доклада о социально-экономических проблемах строительства БАМ (1977), с использованием изданий, находящихся в спецхране Публичной библиотеки.

Заметил, что изъятые у меня экземпляры научных сборников «для служебного пользования» включают мои собственные статьи или изданы под моей редакцией. В свое время я официально получил их в личное распоряжение. В связи с этой темой, И. Я. зачитал вслух находящийся в моем партийном деле документ, о котором я узнал впервые. Это справка, подписанная, как я понял, директором ИСЭП АН СССР И.И. Сиговым и выданная, по-видимому, по запросу еще партийной комиссии горкома. В ней утверждается, что бывший сотрудник ИСЭП А. в свое время был ознакомлен с правилами работы с документами ДСП и с перечнем сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. В справке сообщается также, что «допуска» (к закрытым и секретным материалам) А. не имеет.

Последнее утверждение справедливо. Что же касается ознакомления с «Правилами...» и «Перечнем...», то я хорошо знаю, что это не так (в бытность мою в ИСЭПе даже процедура такого ознакомления не предусматривалась). Я сказал об этом А. Г. и И. Я., но кто-то из них возразил, что нет оснований сомневаться в точности справки, подписанной директором института.

Еще, у меня был повод заметить, что в работе с документами ДСП (и не только в этом институте!) до самого последнего времени было немало «головотяпства»: например, они рассылались открытой почтой. Не случайно у какой-то «сволочи» [*похоже, что так я тогда и выразился. — А. А.*] возникла возможность переправить упомянутый доклад Заславской (ДСП) за рубеж, где он стал предметом политических спекуляций.

Если бы в этом деле, в том же ИСЭПе, был порядок, — не понадобилось бы октябрьское (1984 г.) постановление бюро Ленинградского обкома партии по вопросам соблюдения режима в институте.

Вообще же, как заметил И. Я., моя позиция на этот счет является действительно самокритичной, что партийная комиссия отмечает **с удовлетворением**.

«Ваша апелляция в обком КПСС отличается от предшествующих», — поощрительно сказал он. Я сказал, что рассмотрение моей апелляции в горкоме было для меня весьма полезным. <...>

«Исследование советского общества»

<...> В том же ключе происходило обсуждение вопроса о так называемом **«тенденциозно экспертном исследовании советского общества»** (опробование мною методики «Ожидаете ли Вы перемен?» в 1979–1980 гг.)...

Ремарка: формулируют как умеют...

Формулировка, стоит заметить, малограмотная. «Изобретена» — Ленинградским горкомом КПСС. Вообще, партийно-бюрократическое творчество изобиловало такими «перлами». (Август 2000).

...Мое самокритичное высказывание на эту тему, в духе своей апелляции, отчасти обезоружило оппонентов. Они в основном согласились с моей самооценкой: вся эта работа — профессиональная неудача, а передавать материалы для обработки другому лицу — было, пожалуй, и «политическим недомыслием».

Сотрудники партийной комиссии осуждали скорее не мою социологическую пробу, как таковую, сколько выбор мною для опроса людей, «способных давать неправильные, демагогические ответы» (А. Г.). Тот же Горячкин отметил, что и предпринятое упомянутым «другим лицом» обозрение результатов опроса оказалось **аполитичным** (это — слышу впервые!).

Еще тов. Горячкин заметил, что «мы» (партийная комиссия) могли бы пригласить тех 45 моих знакомых («вероятно, Ваших коллег?», полувопросительно), которые отвечали на вопросы анкеты, — «для разговора» (в Смольный, что ли?). Но Вы же — **отказались** их называть, в беседе с сотрудниками государственной организации!.. Да, отказался.

Прямой попытки узнать имена на этот раз не было. И мне не пришлось, как прежде, ссылаться на принципы профессиональной этики, требующие анонимности опроса...

Ремарка: к вопросу об анонимности опрашиваемых.

Вообще-то, обязательно анонимными являются только массовые, а не экспертные опросы. Но эта «тонкость» социологом-испытателем, естественно, замалчивалась. (Октябрь 2000).

...И. Я. заметил: уж если видите, что «идет не туда», то зачем было хранить эти материалы (они давно уничтожены, заметил я), зачем было передавать их постороннему лицу и т. д.? Это был как раз один из пунктов самокритики в апелляции, и я тут полностью согласился с моим собеседником. <...>

«Игрушки» социолога

<...> По ходу разговора тот же И. Я. вдруг напомнил еще об одном исследовании — 1983 года. Я не сразу сообразил, о чем речь. Оказалось, он имеет в виду изъятый при обыске и оставшийся не возвращенным мне текст — «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как объект

социологических измерений» (с подзаголовком, кажется, «опыт любительского исследования»).

Этот текст, по существу — фрагмент дневника, где я опробовал оригинальную социолого-математическую методику на несколько непривычном для социологических опытов материале (хронология персональных перемещений, движения кадрового состава Политбюро нашей партии, начиная с 20-х гг. до последнего времени), — до сих пор **ни разу не упоминался** в партийных разборах. (Могу даже предположить, что комиссии горкома он оставался неизвестным.)

А. Г. и И. Я. обнаружили знакомство с этим текстом, но не обсуждали со мной его содержание, не давали ему политической оценки, а только выслушали мой рассказ об обстоятельствах его возникновения: неспособность профессионального ума оставаться бездеятельным, даже купаясь в Карибском море; знакомство в советской туристской группе на Кубе с человеком, обладающим феноменальной памятью на статистику и хронологию; тот и сообщил мне, по памяти, исходную фактографию; а я произвел там же, на пляже, расчеты и обработку. (Разумеется, не для того, чтобы распространять — в Западном ли, в Восточном ли полушариях.)

Дневниковый характер этого сочинения, написанного уже по возвращении домой (где, кстати, описывается также и драматическое происшествие, случившееся со мной во время купания в штормовую погоду), был, пожалуй, настолько очевидным, что меня даже не спросили, не показывал ли я кому-либо данный текст. А лишь выразили недоумение, что у социолога могут быть такие «игрушки» (слово это, кажется, употребил я сам).

Диалоги и монологи

<...> Как уже сказано, беседа, в том числе в ее остро полемичных моментах, протекала дружелюбно. Отдельные повышения тона со стороны моих собеседников носили не оскорбительный (как год назад, на парткоме «Ленполиграфмаша»), а скорее экспрессивный характер (например, И. Я. — о том, что коммунист обязан быть «бойцом партии»).

Один раз повысил голос и я, когда прозвучала формула «оскорбление рабочему классу». Не помню дословно своей реплики, но смысл сводился к тому, что я сам — «в этом кабинете» — представляю не кого-нибудь, а «рабочий класс», и «не позволю никому» — ни оскорблять его, ни приписывать мне его оскорбление. Эта моя запальчивость, на фоне общего делового тона, была принята благосклонно.

В отличие от Горячкина, производившего впечатление человека флегматичного и державшегося как бы «в корсете», И. Я. был довольно импульсивен и держался скорее раскованно. Наш обмен репликами с последним можно расценивать как некий диалог, в отличие от обмена монологами с А. Г.

<...> Где-то в конце беседы И. Я. спросил: как я думаю, почему коммунисты столь резко осудили меня? Я сказал, что могу высказать только свои предположения. «Пожалуйста!» — интерес И. Я. не был показным.

Дело в том, сказал я, что отношение партбюро цеха, которое я незамедлительно информировал о таких чрезвычайных событиях своей жизни, как обыск (в сентябре 1983 г.) и официальное предостережение органов госбезопасности (в январе 1984 г.), было поначалу совсем иным, чем после поступления в партийную организацию соответствующей справки УКГБ ЛО (в марте 1984 г.). «Сочувственным?» — спросил И. Я. — «Можно сказать и так», — согласился я. В сущности, большинство сообщавшихся в той справке фактов были уже известны коммунистам (партийному бюро) — от меня самого. «Изменилась

оценка?», — спросил А. Г. — «Да, — сказал я. — А дальше, как я считаю, сработал авторитет государственной организации. Тут уже оценки стали однозначно отрицательными и безапелляционными».

<...> Еще один вопрос (И. Я.) — о семейном положении. — Женат. Взрослая дочь. Имею внука. Дочь живет отдельно. Где работает жена? Ответил. Есть ли коммунисты в семье? — Нет. Дальше эта тема не развивалась.

В ответ на вопрос, смысл которого сводился к тому, как мне сейчас работается, я сказал, что «все нормально, работаю в бригаде, отношения в коллективе хорошие, хожу на открытые партийные собрания».

Было какое-то замечание И. Я. о том, что в моих писаниях и действиях наблюдается склонность к негативным оценкам и т. п. Я ответил примерно в том смысле, что, в свою очередь, сам наблюдаю своего рода склонность других людей к изысканию в моих «писаниях и действиях» таких оценок, и т. п.

Партийная комиссия, может быть, в силу обстоятельств, сосредоточена лишь на том, что подкрепляет эту версию.

Еще где-то в середине беседы Горячкин сказал, что эта встреча — не последняя и что я до заседания партийной комиссии имею возможность **дополнить** свою апелляцию, если пожелаю... Но тут же и оговорка, что меня к этому, разумеется, «не принуждают». (Вообще, беседа изобиловала такими оговорками, именно со стороны А. Г.)

Я сказал, что моя апелляция в ОК КПСС глубоко продумана, писалась не сгоряча, добавить нечего. Я надеюсь, что обком партии примет справедливое решение. <...>

Две просьбы. Обращаюсь «за советом»

<...> Со своей стороны, у меня две просьбы к партийной комиссии.

Одна была высказана еще по ходу беседы: дать мне возможность ознакомиться с изъятыми у меня текстами Фазиля Искандера и Марины Цветаевой (и И. Я. уже тогда взял это на заметку). Думаю, что если горком КПСС позволил мне «подержать в руках» 700 стр. моих собственных дневников и писем (для чего специально запросил их из УКГБ ЛО), то обкому естественно поступить так же с тремя десятками страниц изъятых у меня текстов названных писателей.

Эту мою просьбу обещали удовлетворить.

Другая просьба. Испрашиваю совета: как мне дальше быть с обвинением в хранении и распространении неких произведений А. А. Зиновьева, т. е. в действиях, которых я на самом деле **не совершал**? Горячкин в ответ сказал что-то общее, вроде необходимости «еще раз продумать свои ошибки» и т. п. Но И. Я. понял конкретный характер вопроса и обратил на это внимание коллеги.

Первая реакция моих собеседников была та, что они **не могут** ничего мне здесь посоветовать.

«Но у кого же мне спрашивать совета, как не у партийной комиссии?» — возразил я. Пауза. Я повторил вопрос:

— Судиться мне, что ли, с ними?

— С кем? — не понял И. Я.

— Ну, с тов. Полозюком, который подписал справку УКГБ ЛО...

— Это Ваше право, — был ответ (не помню чей именно).

Я дал понять, что мне очень хотелось бы избежать подобных, пусть вынужденных демаршей.

Тут И. Я. согласился, что вопрос не праздный, а принципиальный, и моя просьба — о совете, как быть в данном конкретном случае, — не лишена смысла. Но мне ответят при следующей встрече.

А. Г. и И. Я., посоветовавшись, решили, что недели им хватит для выполнения двух моих просьб, и я должен буду в следующую среду-четверг (24–25 апреля) позвонить А. Г. для достижения договоренности о второй встрече. Я покинул кабинет заместителя председателя партийной комиссии ОК КПСС в 19 час.
(Записано 21.04.85)

Из «Записей для памяти» (продолжение)

Неделю спустя. Обсуждаем «Чегемский миф о Ленине»

[24.04.85. Смольный. 4-й подъезд. Кабинет 423. — А. А.]

<...> В ответ на мое пожелание, высказанное в беседе 17.04, тов. Горячкин предоставил мне возможность ознакомиться с **ксерокопией** 9-страничного машинописного текста, озаглавленного: «Ф. Искандер. Сандро. Новые главы», — того самого, который был изъят у меня при обыске в 1983 г. Я читал медленно, внимательно. Текст имел подзаголовки, из которых я запомнил: «Холоп и хам», «Интеллигенция», «Чегемский миф о Ленине», «Пизанская башня». Еще там было несколько притч из повести «Джамхух — сын Оленя».

Содержание этого литературного фрагмента здесь не пересказываю. Однако внимательное ознакомление с ним позволяет с уверенностью утверждать, что, пусть даже эти отрывки не включены в «канонические» издания названного романа и повести, для отнесения их к разряду «политически вредных произведений» нет никаких оснований.

После того, как я ознакомился с текстом, тов. Горячкин попросил высказать к нему свое отношение. Я поинтересовался, в чем именно состоят политические претензии к автору текста или же ко мне как читателю (хранителю?). Горячкин определенного ответа не дал, заметив, что я сам «должен понимать».

Тогда я сказал... что отдельные мысли из этого фрагмента мне кажутся перекликающимися с идеями, высказанными в последнем романе советского писателя, Героя Социалистического Труда Ю. Бондарева («Игра», опублик. в «Новом мире», 1985); есть также перекличка с идеями романа другого советского писателя, лауреата Ленинской премии Ч. Айтматова «И дольше века длится день...»; а вот этот абзац — чем-то напоминает мысли, высказывавшиеся третьим советским писателем, лауреатом Государственной премии И. Васильевым, в его повестях и очерках последних лет (говорилось с ударением **не на именах, а на «званиях»**).

Но, конечно же, больше всего мне этот фрагмент напоминает **самого Ф. Искандера**, который, по-видимому, и является его автором.

Утверждения о «клеветнических выпадах в адрес основателей нашей партии» (см. справку партийной комиссии горкома КПСС) — содержанием отрывка «Чегемский миф о Ленине» вовсе не подкрепляются, сказал я. Предметом добродушно-иронического отношения автора здесь выступает вовсе не сам В.И. Ленин, а мифологическое преломление его образа в памяти «чегемцев» и т. п. Еще могли бы сами чегемцы (абхазы?) обидеться, но за Ленина обижаться тут не приходится. [См. ниже. — А. А.]

Мое заявление, как я понял, не удовлетворило зам. председателя партийной комиссии, но сформулировать контраргументы он не пытался.

Судя по абзацам и подзаголовкам, отмеченным в ксерокопии птичками, красным карандашом (по-видимому, самим Горячкиным), восприятие этого литературного фрагмента моим собеседником во многом дублировало казусы прочтения моих собственных дневников и писем (вроде усмотрения в них «измышлений» о

генеральной линии нашей партии, в связи с рассуждениями о «генеральной линейке» координатно-револьверного пресса). <...>

Еще в процессе обсуждения, и отчасти резюмируя его, я спросил: правильно ли я понимаю, что, в частности, за чтение и «хранение» вот этих отрывков из романа советского писателя я исключен из партии (не только за это, разумеется, но среди прочего — и за это тоже)?..

Тов. Горячкин ответил довольно неопределенно, но в целом утвердительно. <...>

(Записано 27.04.84)

Из романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема» (80-е гг.)

<...> — Что случилось с русскими? — с каким-то недоумением и горечью время от времени спрашивали чегемцы, сколько я их помню.

Я думаю, вопрос этот впервые прозвучал, когда чегемцы узнали, что Ленин не похоронен, а выставлен в гробу в особом помещении под названием «Амавзолей».

Предание покойника земле для чегемцев настолько важный и неукоснительный акт, что нравственное чувство чегемцев никогда не могло примириться с тем, что мертвый Ленин годами лежит в помещении над землей, вместо того, чтобы лежать в земле и слиться с землей.

Вообще чегемцы к Ленину относились с загадочной нежностью. Отчасти, может быть, это чувство вызвано тем, что они о жизни великого человека узнали впервые тогда, когда услышали о его смерти и о несправедливом непредании его праха земле. До этого о существовании Ленина, кроме дяди Сандро и еще, может быть, двух-трех чегемцев, никто не знал.

Я думаю, так возник чегемский миф о Ленине. Чегемцы про него говорили, что он хотел хорошего, но не успел. Чего именно хорошего, они не уточняли. Иногда, стыдясь суесловного употребления его имени и отчасти кодируя его от злого любопытства злых сил природы, они не называли его, а говорили: Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел.

<...> Смерть Сталина и водворение его в Мавзолей были восприняты чегемцами как начало возмездия. И они сразу же стали говорить, что теперь имя его и слава его долго не продержатся.

Поэтому, узнав о знаменитом докладе Хрущева на Двадцатом съезде, они несколько не удивились. В целом одоблив содержание доклада, они говорили: — Хрущит молодец! Но надо было покрепче сказать о вурдалачестве Большеусого.

И опять чегемцы удивлялись русским.

— Что с русскими, — говорили они, — мы здесь, в Чегеме, и про бумагу, написанную Лениным [*перед смертью*. — А. А.], знали, и про все вурдалачества Большеусого. Как же они об этом не знали?

Вопреки либеральному ликованию в стране, когда гроб с телом Сталина убрали из Мавзолея, чегемцы приуныли.

— Надо же было все наоборот сделать, — говорили они в отчаянии, надо было Ленина похоронить, а этого оставить, написав на Амавзолее: **«Здесь лежит вурдалак, выпивший нашу кровь»**. Неужели им некому было подсказать?

И, несмотря на все превратности жизни, чегемцы упорно продолжали ждать, когда же наконец предадут земле Того, кто Хотел Хорошего, но не Успел. <...>

(Цит. по: Ф. Искандер. Собр. соч. в 6 томах. Том 3. Харьков: Фолио, 1997, с. 184–190)

Ремарка: «...Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел...»

Примерно этот отрывок из романа Ф. Искандера ходил, в начале 80-х, в «самиздате» и был изъят при обыске у социолога-рабочего в 1983 г., а потом стал предметом партийных разбирательств.

Интересно, как бы его откомментировал тогда сам Фазиль Искандер? (Август 2000).

Из «Записей для памяти» (окончание)

Авторитетное разъяснение

[24.04.85. Смольный. Кабинет 423. — А. А.]

<...> Обсудив «Чегемский миф о Ленине», мы с тов. Горячкиным перешли к рассмотрению творческого наследия Марины Цветаевой. <...>

Вкратце

Здесь опущены перипетии ознакомления социолога-испытателя с изъянными у него во время обыска машинописными копиями стихов и писем М. Цветаевой.

Мне удалось тогда переписать названия и датировки этих текстов, что потом сыграло немаловажную роль в построении плана самозащиты.

...Насчет запрошенного мною неделю назад совета по особо волнующему меня вопросу (мифические копии произведений А. Зиновьева, будто бы распространявшиеся мною) тов. Горячкин <...> заявил, что «мы» (партийная комиссия) **не проверяем** сведений, поступивших из органов госбезопасности. Последующее обсуждение этой темы привело к тому умозаключению, что всякая местная организация имеет над собой вышестоящую (центральную), куда человек имеет право обратиться.

«Вы советуете мне обратиться по этому вопросу к члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета государственной безопасности СССР В.М. Чебрикову?» — спросил я.

(В этот самый день, 24 апреля 1985 г., было опубликовано Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС, где, в частности, состоялся перевод тов. Чебрикова из кандидатов в члены Политбюро ЦК.)

Нет, нет, я только **разъясняю** Вам общий порядок, примерно так заявил мой собеседник.

Я сказал, что благодарю тов. Горячкина за сделанное разъяснение и что принял его к сведению. <...>

(Записано 27.04.85)

Из доклада М. Седуновой на конференции «Общество и тоталитаризм: первая половина 80-х гг.» (1998)

<...> Несмотря на обвинения в эклектизме идейных установок и в ревизионизме А. Н. не был противником коммунистической идеологии, тем более — диссидентом. Он был — за реформирование социалистической системы, а не за ее замену. Будучи коммунистом, он <...> в отстаивании своей позиции апеллировал не к кому-нибудь, а к партийным инстанциям. <...>

Может быть, в глазах партийных функционеров А.Н. представал правдолюбом-идеалистом, «белой вороной», но «своей». Может быть, поэтому так долго

тянулась история с исключениями [из партии и т. д. — А. А.] — не знали, как относиться к этому «не легкому» случаю. <...>
(М. В. Седунова. Независимые исследования социолога-рабочего. Рукопись. Ноябрь 1998).

Ремарка: «инакомыслящий» или «инакодействующий»?

Историку, научному сотруднику Музея политической истории России Марине Викторовне Седуновой не довелось читать вышеприведенные «самоотчеты» социолога-рабочего о беседах в Смольном. Цитированные здесь «записи для памяти» (1984–1985) как будто не противоречат ее гипотезе. Но и не являются прямым ее (этой гипотезы) подтверждением.

Здесь следует заметить, что, в отличие от «партийных судей», сотрудники госбезопасности, например, никаких сомнений (насчет определения принадлежности автора этих строк к категории «своих» или «не своих») наверняка не испытывали.

Те и другие, при всей их «системной» общности, имели свою «специализацию» в делах такого рода. Сотрудникам партийной комиссии нужны были от субъекта прежде всего «согласие» и «самокритика» (сфера, так сказать, «мысли»); работники же ГБ добивались только «откровенности» и «сотрудничества» (сфера, так сказать, «действия»).

Постольку и «свой» («не свой») для одних — не обязательно представлялся таковым для других.

Что касается самого субъекта «драматической социологии», то тут стоит различать «инакомыслие» и «инакодействие». Последнее социологу-испытателю было свойственно больше, чем первое. (Июль-сентябрь 2000).

(20)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-inakomyslyaschii-ili-inakodeistvuyuschii-okonchanie>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
«ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ» ИЛИ «ИНАКОДЕЙСТВУЮЩИЙ»?
ОКОНЧАНИЕ**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 06.04.2016

«Изобразить меня антисоветчиком, конечно, можно. А сделать таковым не удастся даже вам, товарищи члены бюро обкома!..» (1985). Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (19).

Из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», том 3:

10.4. Высокий партийный суд

10.4.1. «Изобразить меня антисоветчиком, конечно, можно. А сделать таковым не удастся даже вам, товарищи члены бюро обкома!..»

Из «Записей для памяти» (июнь 1985)

<...> Настоящий текст записан мною сразу после заседания бюро обкома КПСС 4.06.85, почти дословно, как я сам его помню, не исключая повторов, шероховатостей и неловких речевых оборотов. <...>
(Записано в начале июня 1985 г.)

Автостенограмма выступления на бюро Ленинградского ОК КПСС (июнь 1985)

Я займу у членов бюро не более пяти минут.

Согласно постановлению бюро Ленинградского городского комитета КПСС, я исключен из партии «за хранение и распространение политически вредных произведений, написание и распространение материалов, содержащих идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования и проведение тенденциозно экспертного исследования советского общества».

Рассмотрение моей апелляции горкомом партии в августе-декабре прошлого года, а также октябрьское (1984 г.) постановление бюро Ленинградского обкома КПСС о серьезных недостатках в работе Института социально-экономических проблем АН СССР (сотрудником которого был и я несколько лет назад) помогли мне понять, осознать допущенные мною ошибки.

В свое время я действительно нарушил ныне установившийся порядок работы с изданиями для служебного пользования (пусть не имеющими грифа «секретности!»). Допустил и своего рода социологическую самодеятельность, чреватую общественно вредными, по счастью, не имевшими места последствиями (упоминавшаяся здесь методика «Ожидаете ли Вы перемен?»).

За эти ошибки я, безусловно, заслуживаю партийного наказания.

Но я хочу сказать и о том, в чем вовсе не виноват, вопреки тому, что обо мне утверждается. Этот пункт обвинения имеет для меня принципиальное значение.

Меня исключили из партии, в частности, за хранение и распространение литературы, которую называют то «политически вредной», то «запрещенной», то «не подлежащей ввозу и распространению на территории СССР», а то и «антисоветской». Складывается впечатление, что кому-то очень важно изобразить меня в качестве антисоветчика или «сделать» меня таковым.

Изобразить, конечно, можно, а вот сделать — не удастся!

В справке партийной комиссии обкома партии, которая здесь полностью не зачитывалась (но которая зачитывалась при мне на заседании партийной комиссии две недели назад), называются те «политически вредные» произведения, которые были у меня изъяты при обыске. (Даже там не утверждается, что я их распространял, и я их, разумеется, не распространял.) Но что же это за произведения, что за авторы, которых сегодня почему-то не сочли нужным упомянуть вслух?

Советский писатель Фазиль Искандер. Выдающийся русский и советский [так! — А. А.] поэт Марина Цветаева. Дж. Оруэлл, автор известного романа-антиутопии «1984» (эта книга имела у меня на английском языке). Мао Цзе-дун...

Думаю, Управление по охране государственных тайн в печати, выступавшее рецензентом на материалы обыска в моей квартире, оказало медвежью услугу как органам государственной безопасности, так и партийным органам, представляя произведения этих авторов как запрещенные и т. п.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что хранившиеся у меня в машинописной копии письма М. Цветаевой 1940 г. опубликованы в сентябрьской

книжке журнала «Октябрь» за 1982 г. (т. е. — за год до того, как их у меня отобрали).

Стихи М. Цветаевой 1917–1920 гг., предъявленные мне в партийной комиссии обкома партии (если только их действительно у меня изымали, чего не помню; но пусть даже так), тоже не за семью печатями. Недавно я пошел в Публичную библиотеку и переписал там целую тетрадку этих самых (инкриминируемых мне как хранителю) стихов — те же названия, представленные в изданиях М. Цветаевой 1960–1980-х гг. либо в изданиях 20-х гг., в том числе и зарубежных, но — **свободно** выдающихся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Не меньший конфуз и с Оруэллом. Вот я принес с собой книгу, выпущенную в 1984 г., в издательстве «Молодая гвардия», массовым тиражом (50 тыс. экз.). Там написано следующее:

«Кстати, в советской печати и исследовательской литературе в последние годы пересмотрен и отвергнут прежний, чисто негативный подход к Оруэллу, показано, что Оруэлла не следует превращать в противника, что это скорее наш союзник в борьбе с империализмом. “Молодая гвардия”, “Литературная газета”, “Иностранная литература” и многие другие органы нашей прессы, равным образом, как и ряд наших исследователей, убедительным образом показали, что картины страшного мира, рисуемого Оруэллом, могут и должны быть использованы в идеологической борьбе с силами реакции, в целях контрпропаганды, что эти картины, независимо от субъективных намерений автора, не имеют отношения к социалистическому обществу, а выявляют реальность и тенденции общества позднебуржуазного.

Конечно, нужно принимать во внимание все неизбежные минусы критики, ведущейся с либеральных и социал-демократических позиций, равно как и антикоммунистические предрассудки автора, но главное в том, что объективно в антиутопии Оруэлла речь идет именно об экстремизме **фашистского и левацкого** толка». (С.А. Эфиров. *Покушение на будущее. Логика и футурология «левого» экстремизма. М., 1984, с. 187*).

Поистине медвежьей оказывается услуга Управления по охране государственных тайн в печати при Леноблгорисполкомах, когда оно утверждает (а в справке партийной комиссии воспроизводится), что роман Оруэлла «1984» — это клевета на социалистический образ жизни.

Ограничусь этими примерами.

В чем виноват — виноват, наказывайте, товарищи, как считаете нужным. Но не нужно приписывать того, в чем я **не виноват**, ни помыслом, ни действием. Не все равно, за что наказывают.

Еще раз повторю, сделать из меня антисоветчика не удастся **даже вам**, товарищи члены бюро обкома!

Я не касаюсь сейчас остальных моментов партийного обвинения, по которым мог бы возразить тов. Горячкину, докладывавшему о моем деле.

В частности, о материалах моего личного и научного архива начала 1980-х гг. — надо говорить либо слишком много, либо ничего. В моих прежних объяснениях (еще для партийной комиссии горкома партии) сказано, полагаю, достаточно. Моя точка зрения на этот счет выражена в апелляции вполне определенно. И она за эти несколько месяцев не изменилась.

<...> Почему останавливаюсь только на одном пункте? Потому что он для меня принципиально важен. Когда строят из меня распространителя антисоветской литературы и т. п. — это глубоко уязвляет, об этом невозможно промолчать человеку, искренне считающему себя коммунистом.

А. Алексеев, 4.06.85

Ремарка: необходимая самооборона.

...Текст, во многих отношениях, примечательный!

Во-первых, социолог-испытатель впервые идет на компромисс: признает свою «вину» по тем пунктам, где спорить в данной ситуации ему представляется бессмысленным.

Во-вторых, он находит действительно самое уязвимое место в предъявленных ему обвинениях (очевидные передержки тогдашних оппонентов).

В-третьих, кто же он, произносящий эту речь, на самом деле: ловкий адвокат самому себе, «слишком правоверный» коммунист или что-то третье (не поддающееся пока самоопределению)?

Пожалуй, и первое, и второе, и... вот это, пока не ясно себе самому, третье.

Во всяком случае, надо признать, что «ситуационно-ролевая» мораль оказывается самому социологу-испытателю вовсе не чуждой.

«Ради красного словца», даже Марину Цветаеву в «советские поэты» записал: раз повесилась в Елабуге — значит советская... (Декабрь 1999).

10.4.2. Репортаж с заседания бюро обкома КПСС

Из «Записей для памяти» (июнь 1985)

[4.06.85. Смольный. — А. А.]

<...> Я был предупрежден, что следующий вопрос — мой. Около 18-30 (на 2 часа позже назначенного срока) мы с тов. Горячкиным [напомню: зам. председателя партийной комиссии Ленинградского обкома КПСС. — А. А.] вошли в зал заседаний бюро областного комитета партии.

Интерьер — аналогичный залу заседаний бюро горкома КПСС и тому, где происходило заседание партийной комиссии обкома: обращенный внутренностью дуги к залу стол президиума для членов бюро, расставленные в шахматном порядке столики для приглашенных — в зале. Только этот был больше всех предшествующих.

За столом президиума (на возвышении) сидели 12 чел. В середине, как я понял, первый секретарь Ленинградского ОК КПСС Л.Н. Зайков. Знакомых мне лиц не было. Вероятно, там был и первый секретарь ЛГК КПСС, председательствовавший при рассмотрении апелляции на бюро горкома в январе 1985 г. А.П. Думачев, но я его не узнал или не разглядел. Один из членов бюро был в военной (генеральской) форме.

За столами, лицом к президиуму, сидели чел. 4–5. Как мне объяснили потом осведомленные люди, это — кандидаты в члены бюро. Среди них, по-видимому, был председатель партийной комиссии обкома (который вел заседание партийной комиссии 20.05), но я не очень помнил его в лицо. Среди кандидатов в члены бюро должен был быть и редактор «Ленинградской правды» А.К. Варсобин. Его я бы, разумеется, узнал, но с моего места лица сидевших за столиками не были видны.

Уже зная порядок, я занял место за столиком в первом ряду, ближайшем к трибуне. За трибуну (лицом к столу президиума) встал вошедший вместе со мной А.П. Горячкин. Председательствующий (Зайков) предоставил ему слово. Докладывая о моем деле, Горячкин заглядывал в текст справки партийной комиссии (которая в свое время мне так и не была показана, а только зачитывалась однажды вслух). Однако он не цитировал справку. Мало того, композиция его доклада не имела ничего общего с ее структурой. В отличие от

справки, являвшей собой своего рода «комментарий» к материалам обыска 16.09.83, тов. Горячкин излагал мои поступки (проступки) **в биографическом порядке**.

В известном смысле это было логически выстроенная **«концепция»** моей жизни и деятельности за последние 5–7 лет.

Сначала речь шла о «несанкционированном исследовании советского общества» (почти без сокращений относительно слышанного мною ранее текста справки парткомиссии). Затем — о **не санкционированном же (!)** исследовании производственной жизни «глазами рабочего». (Был ли такой акцент уже в справке или он был привнесен только в этом докладе, затрудняюсь сказать.) По этому второму пункту давалась оценка моих «Писем...» (довольно подробно, правда, без цитат, фигурировавших в справке).

И уже только после этого (как хронологический и логический итог) упоминался обыск 1983 г. и изъятые при обыске материалы: документы ДСП, доклад академика Заславской, «литература, не подлежащая ввозу и распространению на территории СССР». Причем последняя вообще — **без имен и названий**. (Не только Зиновьев, кстати, отсутствовавший в справке партийной комиссии, но и Цветаева, Искандер, Оруэлл, там — широко комментированные, не упоминались.)

Такая «ретушь», с одной стороны, могла иметь смысл избегания излишней детализации, а с другой стороны — открывала простор для воображения: **что же там у него хранилось и было изъято?!**

Еще я обратил внимание, что в информации тов. Горячкина отсутствовали какие бы то ни было формулировки (как известно, неоднократно изменявшиеся) исключения из партии. Не приводилась даже самая последняя (из постановления Ленинградского ГК КПСС от 16.01.85).

Это умолчание могло иметь смысл и простого сокращения времени на доклад по моему вопросу, т. е. опущено — как нечто **не имеющее принципиального значения** (с чем я согласиться никак не могу).

(Правда, формулировка исключения меня из Союза журналистов от августа 1984 г. в информации, например, присутствовала. Думаю, что присутствовала бы и формулировка исключения меня из Советской социологической ассоциации, если бы таковое успело состояться до заседания бюро обкома КПСС.)

Надо сказать, что каждый член бюро обкома, насколько я могу судить, слушал Горячкина, имея перед глазами какой-то относящийся ко мне документ (по-видимому, ту же справку партийной комиссии), подобно тому, как это было и на заседании бюро горкома, полгода назад.

По окончании доклада тов. Горячкина, председательствующий (тов. Зайков) спросил меня, **согласен ли** я с изложенным.

Я сказал: — Нет.

— С чем именно Вы не согласны? (Зайков).

Я сказал, что готов ответить, если мне будет предоставлено слово, которое займет не больше пяти минут, но при этом я хотел бы указать и на то, с чем я **согласен**.

— А Вы скажите только — с чем Вы не согласны (Зайков).

— Я так не могу, — сказал я.

После короткого совещания председательствующего с членами бюро, слово мне было предоставлено.

Я говорил стоя (хотя было сказано, что можно сидя). Никакого текста в руках не держал (и написанного заранее не имел!), без очков. Мне пришлось их надеть только под конец, для зачитывания одной цитаты.

Начиналось мое выступление словами: «Согласно постановлению бюро Ленинградского горкома КПСС я исключен из партии **за...**», и стал цитировать формулировку. Тов. Зайков прервал меня: «Вы исключены из партии не горкомом партии, а первичной партийной организацией». Я сказал: «Я выразился абсолютно точно: **согласно** постановлению бюро городского комитета партии...». А о том, когда и кем я исключен из партии здесь уже докладывалось».

Л.Н. Зайков счел мое замечание справедливым и на протяжении всех последующих 5 мин. выступления я не был прерван ни разу.

Конечно, мне трудно судить, но кажется, я был выслушан со вниманием (см. текст выступления). Возможно, это внимание было вызвано тем, что я сосредоточился только на **одном** пункте обвинения. Возможно — тем, что сообщал заведомо **новую** для всех присутствующих информацию. Наконец, не исключена роль и естественной в ответственной ситуации **экспрессии** (что, вообще говоря, мало мне свойственно).

По окончании выступления нервную, как мне показалось, реплику подал председатель партийной комиссии тов. Смаглиенко (сидел он, как кандидат в члены бюро, за столиком лицом к президиуму; столик — рядом с моим):

— Тов. Алексеев уводит в сторону от сути дела. Речь идет прежде всего о его собственной **писанине** (так!), которую он хранил и распространял...

Однако Л.Н. Зайков прервал эту реплику и высказался сам. Смысл его высказывания сводился к необходимости учесть соображения и факты, сообщенные в моем выступлении (которые не учесть, вообще говоря, было затруднительно). Резюме: восстановить в партии нельзя (нет оснований!), а изменить формулировку бюро горкома КПСС следует. Из этой формулировки — исключить «хранение и распространение политически вредных произведений». Первый секретарь обкома говорил несколько пространнее, чем я здесь передаю, но в основном за счет повторений, варьирования одной и той же мысли, как бы кристаллизующейся по ходу речи. При этом выступающий обратил внимание, что по остальным пунктам обвинения тов. Алексеев «не возражает». (Как именно было сказано мною — см. текст выступления.) Что служило для оратора как бы дополнительным аргументом.

«Нет возражений у членов бюро?» — спросил Зайков. Возражений первому секретарю обкома не последовало (в том числе и со стороны члена бюро, начальника УКГБ ЛО Д. П. Носырева, если тот присутствовал; можно предположить, что присутствовал, т. к. в бюро — 13 чел., а за столом президиума сидели 12).

Тов. Зайков повторил свой вывод — как бы для меня и для сидевшей в углу зала, позади стола президиума, женщины-секретаря, которая вела протокол, и сказал, что я свободен.

Попрощавшись, я покинул зал заседаний бюро Ленинградского ОК КПСС. Думаю, что рассмотрение моей апелляции заняло минут 20. <...>

(Записано 9.06.85)

[Похоже, этот «раунд» своего единоборства с партийными органами социолог-испытатель, «по очкам», выиграл.

Однако не следует думать, что это достигнуто только им самим.

Существенны и «ситуационные» факторы... См. ниже. — А. А.]

Из выступления первого секретаря Ленинградского ОК КПСС Л. Н. Зайкова на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса (июнь 1985)

<...> Нужно свежим взглядом, отмечал Михаил Сергеевич Горбачев во время своего пребывания в Ленинграде, — посмотреть на те негативные явления, всякого рода промахи, тормозящие движение нашего локомотива, нашего общества.

Хочу подчеркнуть, товарищи, что три дня обстоятельного и делового знакомства Генерального секретаря ЦК КПСС с жизнью нашего города, его яркая речь в актовом зале Смольного буквально всколыхнули всю Областную партийную организацию, всех ленинградцев.

И в том, что Михаил Сергеевич нашел в Ленинграде много убедительных аргументов в пользу правильности тех подходов, которые Центральный Комитет партии закладывает в основу экономической стратегии на перспективу, в том, что при этом был поддержан опыт ленинградцев по решению многих новых задач, стоящих перед нашей экономикой, заключается огромный мобилизующий стимул для каждого из нас.

Но это одновременно и огромная ответственность, большой аванс на будущее. Тем более, как было подчеркнуто Михаилом Сергеевичем, при всей масштабности разворачиваемой работы по переводу экономики на новые рельсы мы находимся еще в начале этого важного пути. В наш адрес прозвучала доброжелательная, но очень серьезная, требовательная и конструктивная критика. <...>

(Цит. по: Ленинградская правда, 13.06.85)

Из «Советского энциклопедического словаря» (1983)

Зайков Лев Ник. (р. 1923), сов. гос. деятель, Герой Соц. Труда (1971). Чл. КПСС с 1957 г. С 1971 г. ген. дир. произв., науч.-произв. объединения. С 1976 пред. Ленгорсовета. Чл. ЦК КПСС с 1981. Деп. ВС СССР с 1979.

(Советский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 445)

«Верховный суд» (речь идет об одноименной пьесе А. Ваксберга, опубликованной в журнале «Советская драматургия», 1984, № 2. — А. А.) — социологическая драма (термин в критике уже почти укоренившийся). Впервые зрителю предлагается заглянуть в святая святых нашей юридической власти. Точно так же, как в известной пьесе А. Мишарина «Равняется четырем франциям» впервые перед зрителями предстал столь высокий партийный орган, как Бюро Крайкома. Убежден, здесь сценическое эхо сложнейшего исторического процесса — демократизации нашей государственной системы, неуклонного распространения гласности на все ее сферы. Социологическая пьеса — драма, сюжет которой не художественная

концентрация поступков и обстоятельств, но вынутая из действительности и представленная на подмостках как бы «калька» той или иной реальной структуры, в сфере действия которой мы с вами постоянно, изо дня в день, оказываемся, будь то учреждение, завод или даже суд...

А. Свободин. Как рождается истина // Современная драматургия, 1984, ¹ 2, с. 2.

10.5. Джордж Оруэлл, Марина Цветаева и тт. Марков, Смаглиенко и Горячкин

10.5.1. «Я эту книгу, как бутылку в волны...» (М. Цветаева)

Ремарка: библиографические разыскания.

Ниже представим читателю некоторые стихи Марины Цветаевой, из той ксерокопии, которая была изъята (уверенности в этом нет) у социолога-рабочего при обыске в сентябре 1983 г., а затем, в качестве «политически вредной» литературы, предъявлялась ему в партийной комиссии Ленинградского обкома КПСС в апреле 1985 г.

Всего там было несколько десятков стихотворений. Некоторые из них я сам обнаружил в общеизвестных изданиях М. Цветаевой. Другие помогла мне тогда найти в давних и редких, однако доступных (в Гос. публичной библиотеке) изданиях канд. филол. наук, специалист по творчеству Цветаевой Ирма Викторовна Кудрова.

Спасибо, Ирма! (Сентябрь 1999 — октябрь 2000).

И. Кудрова — А. Алексееву (май 1985)

Дорогой Андрей!

Хочу тебе сообщить результаты моих библиографических работ, а ты не звонишь.

1. «Над церковкой...» и «Чуть светает...» — сб. «13 поэтов», Петроград, 1918.
2. Цикл «Москва» — сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918.
3. «Надобно смело признаться, Лира...» — Б.Сарнов. Рифмуется с правдой. М., 1967, с. 256.
4. «Дорожкой простонародною...» — М. Цветаева. сб. «Психея». Берлин, изд. Гржебина, 1923.
5. «Ох, грибочек...» — сб. «Современный декламатор. М.-Л., 1926.

И в сб. «Поэзия революционной Москвы», под. ред. И. Эренбурга (Берлин, изд. «Мысль», 1922) стихи:

1. Царю — на Пасху. 2. А. Шенье. 3. «Я эту книгу поручаю ветру...». 4. «Ох, грибочек...».

Привет! <...>

И., май 1985

Из стихов Марины Цветаевой (1918–1920)

Стихи о Москве

1

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил, — ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? Румянец,
Красавица? — Разумница, где речь?
Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою, —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.
Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах — стояла.
— Все вынесут кремлевские бока!

2

Жидкий звон, постный звон. На все стороны поклон. Крик младенца, рев коровы,
Слово дерзкое царевое. Плеток свист, да снег в крови. Слово темное Любви.
Голубиный рокот тихий. Черные глаза Стрельчихи.

3

Гришка-вор тебя не ополячил, Петр-царь тебя не онемечил. Что же делаешь,
голубка? — Плачу. Где же спесь твоя, Москва? — Далече. Голубочки где твои?
— Нет корму. Кто унес его? — Да ворон черный. Где кресты твои святые? —
Сбиты. Где сыны твои, Москва? — Убиты.

*Декабрь 1917 [Весенний салон поэтов. М., 1918, с. 160–161. Шифр ГПБ
129/3767а. — А. А.]*

Андрей Шенье

Андрей Шенье взошел на эшафот, А я живу — и это страшный грех. Есть
времена — железные — для всех И не певец, — кто в порохе — поет. И не отец,
кто с сына у ворот Дрожа срывает воинский доспех.

Есть времена, где солнце — смертный грех. Не человек — кто в наши дни живет.
*29 марта 1918 [Поэзия революционной Москвы. Берлин, 1922. Шифр ГПБ 77-1 /
161. — А. А.]*

Если душа родилась крылатой — Что ей хоромы — и что ей хаты! Что Чингис-
Хан ей и что — Орда! Два на миру у меня врага, Два близнеца неразрывно
слитых: Голод голодных — и сытость сытых!

18 августа 1918

*[В отличие от остальных приведенных здесь, это стихотворение входило в
состав почти всех советских изданий М. Цветаевой. — А. А.]*

Я эту книгу поручаю ветру
И встречным журавлям,
Давным давно перекричать разлуку
Я голос сорвала.
Я эту книгу, как бутылку в волны,
Кидаю в вихрь войн.
Пусть странствует она — свечой под праздник.
Вот так: из длани в длань.
О ветер, ветер, верный мой свидетель,
До милых донеси,

Что еженощно я во сне свершаю
Путь — с Севера на Юг.
Москва, февраль 1920
[Поэзия революционной Москвы. Берлин, 1922. — А. А.]

Из статьи А.В. Блюма «Поэтик белый, Сирин...». Набоков о цензуре и цензура о Набокове» (1999)

<...> Полнее всего выразил писатель [В. В. Набоков. — А. А.] свое отношение к цензуре в блистательном докладе «Писатели, цензура и читатели в России», прочитанном 17 апреля 1958 г. в Корнельском университете, где выявляет принципиальную разницу между прежней и большевистской цензурами: ...В России до советской власти существовали, конечно, ограничения, но художниками никто не командовал. Живописцы, писатели и композиторы были совершенно уверены, что живут в стране, где господствуют деспотизм и рабство, но они обладали огромным преимуществом, которое до конца можно оценить лишь сегодня, преимуществом перед своими внуками, живущими в современной России: их не заставляли говорить, что деспотизма и рабства нет. Другими словами, **в прошлом цензура имела лишь запретительные функции, в советское время — помимо того, и предписывающие: все запрещено, а то, что разрешено, то обязательно.** [Выделено мною. — А. А.] <...> (Звезда, 1999, ¹ 4, с. 199–200).

10.5.2. Как я «помогал» партийной комиссии обкома КПСС Из «Записей для памяти» (июнь 1985)

<...> Утром в понедельник, 10.06.85, мне по внутризаводскому телефону позвонил председатель заводской партийной комиссии Севастьянов и сообщил, что сегодня, в 17 час., мне «необходимо быть» у тов. Горячкина в ОК КПСС. Я не спрашивал о цели вызова, полагая, что это для ознакомления с текстом постановления бюро обкома от 4.06. Но я ошибался.

<...> В 17-15 (если покинуть цех ровно в 16, то раньше добраться до Смольного не удастся) я вошел в кабинет зам. председателя партийной комиссии ОК КПСС А.П. Горячкина. Тот сказал, что нас с ним ожидает председатель партийной комиссии обкома Г.Д. Смаглиенко. <...>
— Вы взяли с собой книгу, которую цитировали на заседании бюро? — спросил Горячкин.

— Разумеется, нет, — сказал я. — Я же только сегодня утром узнал о Вашем приглашении. И цели мне не сообщали.

Мы прошли внутренними коридорами из бокового крыла Смольного (4-й подъезд) в главное здание.

<...> Председатель партийной комиссии (седой, моложавый) поднялся нам навстречу, чтобы поздороваться со мной за руку. Мы сели с Горячкиным по обе стороны длинного стола, приставленного торцом к столу хозяина кабинета. Тов. Смаглиенко сказал, что у партийной комиссии есть ко мне **вопросы** — насчет моего заявления на заседании бюро обкома [см. выше. — А. А.]. Беседа продолжалась минут 40, не имела четкой структуры, и мне проще передать ее общий смысл.

...Итак, партийная комиссия ОК КПСС в лице тт. Смаглиенко и Горячкина находится в определенном **затруднении**, в связи с информацией, сообщенной

мною на бюро обкома. Они хотели бы **уточнить**, проверить эту информацию. Партийная комиссия, мол, не заинтересована в том, чтобы в ее справке по моему поводу была допущена ошибка, и рассчитывает... на мою помощь. (Где-то в разговоре даже промелькнул, у Смаглиенко, призыв к «человеческому отношению» к ним, т. е. к партийной комиссии, поскольку я держался подчеркнуто официально и отчужденно.)

Моя «помощь» работникам партийной комиссии ОК КПСС состоялась, в том смысле, что я, на конкретный вопрос о книге, из которой я цитировал современную оценку романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984», сообщил сведения достаточные, чтобы эту книгу разыскать: автор — Эфилов; название — «Покушение на будущее»; вышла в 1984 г.

Меня попросили рассказать, о чем говорится в этой книге. Я порекомендовал тт. Смаглиенко и Горячкину ознакомиться с работой, недавно вышедшей в издательстве «Молодая гвардия», самостоятельно.

— У Вас ведь есть эта книга?

— Да. А у Вас есть библиотека!

Горячкин записал название книги и выходные данные.

Все же какой-то минимум информации о том, кто такой Оруэлл и в чем смысл его романа «1984» (в оценке С. Эфилова и в моей собственной) мои собеседники от меня получили. <...>

Помнится, я заметил, что Оруэлл как бы предвосхитил в своем фантастическом романе ужасы полпотовского режима в Кампучии. В известном смысле, предметом его антиутопии было то, что классики марксизма-ленинизма называли «казарменным коммунизмом».

— Вам знакомо это выражение Энгельса? — спросил я у Смаглиенко. Тот дал понять, что слышал, но не берется объяснить, «не будучи специалистом». Однако, можно понять затруднения тт. Смаглиенко и Горячкина... Оказывается, партийная комиссия ОК КПСС сделала запрос в Управление по охране государственных тайн в печати — насчет данного романа Оруэлла. Смаглиенко пытался пересказать мне ответ Горлита, но я настоял, чтобы прочитать его своими глазами.

Документ датирован 29.05.85 (т. е. еще до заседания бюро обкома). Подписан начальником Леноблгорлита Б.А. Марковым. Там два пункта (очевидно, по обоим был запрос).

Первый: Роман Дж. Оруэлла «1984» в СССР не издавался. Постановлением Главлита от 15.01.65 он запрещен к ввозу и распространению на территории СССР как политически ущербный. (Передаю почти дословно. Не уверен только в слове «запрещен», возможно — «не подлежит ввозу» и т. п.).

Резюме этого пункта справки (насколько я запомнил): «Перечисленные в Вашем письме книги в своем большинстве представляют собой подстрекательское антисоветское чтение, проникнутое духом ненависти, злобы и бессильной ярости к нашей стране»...

Ремарка: «...антисоветское чтение...»

Похоже, что в запросе партийной комиссии обкома и в ответе Облгорлита фигурировал не только роман Оруэлла, коль скоро говорится о «перечисленных» книгах. Но их названия тогда социолог-испытатель, судя по тому, что они не приводятся в «записи для памяти», отпечатать в памяти не успел.

Что касается Оруэлла, то в опубликованном недавно сборнике документов «Цензура в СССР» приводится справка Облгорлита, выданная для

следственного отдела УКГБ ЛО, в связи с аналогичным запросом 1978 г. (по одному из тогдашних уголовных дел) со следующей характеристикой романа: «...Книга Джорджа Оруэлла “1984”; фантастический роман на политическую тему. В мрачных тонах рисуется будущее мира, разделение его на три великих сверхдержавы, одна из которых “Евразия” представляет собой поглощенную Россией Европу. Описывает противоречия, раздирающие эти три сверхдержавы в погоне за территориями, богатыми полезными ископаемыми. Рисуется картина зверского и безжалостного уничтожения женщин и детей во время войн. Книга в СССР не издавалась, распространению не подлежит...» (Цит. по: Цензура в СССР. Документы 1917–1991. Сост. — А. В. Блюм. Бохум: Projekt-Verlag, 1999, с. 498) Возможно, и в предъявленном мне тогда документе было что-то похожее. (Декабрь 1999 — сентябрь 2000).

...Второй пункт справки не имел прямого отношения к предмету нашего разговора с тт. Смаглиенко и Горячкиным. Но я прочел его с интересом. Там утверждалось, что моя собственная работа «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологического измерения» является «...грязным пасквилом... под видом «социологического» исследования...».

Тов. Смаглиенко сказал, что в решении вопросов, подобных тому, который мы сейчас обсуждаем, партийная комиссия вынуждена опираться на **специалистов** (имея в виду, в частности, тов. Маркова). Я заметил, что автор цитированной мною работы (Эфи́ров) тоже является специалистом, и, по-видимому, не менее квалифицированным. Впрочем, Оруэллу в последние годы посвящена богатая литература, сказал я, и перечислил некоторые издания.

Когда я упомянул газету «Известия», Горячкин (как бы с облегчением) открыл папку с моим делом, где, оказывается, хранится специально заказанная еще партийной комиссией горкома ксерокопия статьи М. Стурюа «“1984” и 1984» в «Известиях» от 15.01.84. (Помню, выдержки из этой статьи зачитывались вслух на заседании той комиссии в январе 1985 г.) Зачитал теперь и Горячкин эти же самые, отчеркнутые кем-то раньше строки. <...>

— Ну, антикоммунистических предрассудков и ренегатства Оруэлла по отношению к социализму не замалчивает и Эфи́ров, — заметил я. — Что ж, еще одна точка зрения... У Эфи́рова — одна, у Стурюа — несколько иная, у Маркова — третья.

Не было произнесено вслух, но смысл реплики Смаглиенко: «Как же **нам** быть?» — «Дело ваше, — сказал я. — Изучите разные точки зрения, выработайте свою». (Тоже — не дословное мое высказывание, но смысл именно таков.) <...> Еще тов. Смаглиенко поговорил о том, что мне следовало бы, приобретя книгу Оруэлла (на английском языке, уточнил я; да, на английском, это отражено в деле, согласился Смаглиенко), — подумать, **посоветоваться**, стоит ли ее хранить.

(Между прочим, книга — 1964 г. издания. Постановление же Главлита насчет романа Оруэлла — от 1965 г. А обладателем этой книги я стал, насколько помню, именно в 1964 г.)ю

Примечание.Здесь — характерное для подобных моментов «записей для памяти» того времени лукавство: обладателем этой книги, на самом деле, я стал позже, и читал Оруэлла, признаться, в русском переводе.

Серия моих встречных вопросов к председателю партийной комиссии: «Как выбрать из сотен томов литературы на иностранных языках, владельцем

которых я являюсь, именно те, по поводу которых надо «думать» или «советоваться»? С кем советоваться?».

Смаглиенко: С товарищами.

Я: Какими товарищами?

Смаглиенко: Пойти в библиотеку...

Я: Зачем?

Смаглиенко: Чтобы спросить...

Я: О чем?

Смаглиенко: Можно ли хранить.

Отчасти почувствовав нелепость своих рекомендаций, председатель партийной комиссии заметил, что человек моей подготовки, к тому же коммунист, мог бы найти способ, как поступить в этом затруднительном случае.

<...> Заодно я спросил, где напечатано «постановление», относящее, в частности, названный роман Оруэлла к литературе, «не подлежащей ввозу и т. д.». Тов. Смаглиенко высказал довольно уверенное предположение, что это постановление — документ **для служебного пользования**.

Не было произнесено мною, но смысл моих вопросов и реплик был: «Вы должны сами понимать, что Ваша «логика» ниже всякой критики!». Тт. Смаглиенко и Горячкин, видимо, уловили это мое отношение, однако обострения разговор вовсе не получил. <...>

Ремарка: еще об Оруэлле.

1984 год был, в известном смысле, «годом Оруэлла», ввиду названия его знаменитой книги. Тогда наблюдалось оживление интереса к этому писателю — и на Западе, и у нас (как вынужденная реакция). И цитировавшаяся мною книга С. Эфинова, и статья М. Стуруа в «Известиях», и другие публикации так или иначе расшатывали горлитовский стереотип «антисоветского читва» — в применении к автору «1984».

Вот еще одно характерное суждение об Оруэлле из печати того времени: «... С момента выхода романа в свет в 1949 году и по сей день он с разной степенью интенсивности используется в антисоветской и антикоммунистической пропаганде. Читателям «1984» постоянно указывали на страны социализма как якобы источник опасности, о которой предупреждал автор. В действительности Оруэлл, писавший на заброшенной ферме острова Юра у западного побережья Шотландии, никогда не знавший и не выдавший социализма, питал свою фантазию (как и все авторы социальных утопий и антиутопий начиная с Томаса Мора и Джонатана Свифта) современной ему английской действительностью. По многим причинам он ошибочно отождествлял ее с социализмом, в частности, и потому, что развитие послевоенного капитализма наблюдал при английском правительстве, называвшем себя социалистическим. Об Оруэлле можно сказать, словами известного английского политика Эвьюрина Бивена: «Человек пятящийся назад, с лицом, обращенным в будущее»». (С. Воловец. Тост за прошлое? (По следам Оруэлла) // Литературная газета, 1984, 1 3).

Эта своеобразная «реабилитация» Дж. Оруэлла в советской печати облегчала самооборону социолога-испытателя от обвинений в «хранении и распространении» его романа. (Октябрь 2000).

...Но хватит вокруг Оруэлла. Второй сюжет — **Марина Цветаева**. «Ну, здесь тов. Марков и вовсе оконфузился, — заметил я. — Уж кому как не Управлению по охране государственных тайн в печати знать: где что **уже** в советской печати

напечатано». Смаглиенко не полемизировал, разве что сказал, мол, некоторые «периоды» (творчества) у Цветаевой «не публикуются».

— Какие именно периоды? — поинтересовался я. Тов. Смаглиенко не может ответить.

— Периодов таких у Цветаевой нет, — сказал я. — А что не все опубликовано, так это у любого писателя... Впрочем тут-то речь идет об **опубликованных** письмах Марины Цветаевой 1940 года.

Смаглиенко и Горячкин (чуть не хором):

— Где? Когда?!

— Я же говорил об этом на бюро — журнал «Октябрь», 1982...

Ремарка: не без блефа...

Строго говоря, в журнале «Октябрь» (1982, № 9) публиковались не сами письма М. Цветаевой, а воспоминания Т. Кваниной о Цветаевой, с обширными цитатами из этих писем. Об этой «тонкости» социолог-испытатель умалчивал. (Октябрь 2000).

...Горячкин записывает (как раньше записывал название книги С. Эфирова) и не спрашивает, **в каком из номеров** журнала за указанный год это напечатано.

— Если так, то конечно, — говорит Смаглиенко, как бы про себя, — это надо исключить.

(Откуда исключить, из вашей справки обо мне? Так ведь поздно уже исключать...

Задним числом — **нельзя исключать!** Но ведь вы же не спрашивали раньше...

Справку партийной комиссии отказались показать. Если бы показали, было бы все это сообщено мною, тому же Горячкину, еще до бюро. Могли бы подготовить вопрос «без проколов»...).

— Ну, а вообще, — говорит председатель партийной комиссии, перелистывая все ту же пресловутую справку, которую мне нельзя было дать прочитать, — как Вы относитесь...

(Он не договаривает, но понятно: «ко всему остальному».) Тут я посчитал свою миссию «помощи» сотрудникам партийной комиссии исчерпанной.

Библиографическая помощь оказана, а это — уже «из другой оперы».

— Все, что я хотел сказать, сказано мною в апелляции и на заседании бюро обкома, — отвечаю жестко. — После состоявшегося решения бюро я вообще не обязан отвечать на Ваши вопросы.

— Но Вы же пришли!..

— Пришел и разговариваю с Вами, как человек вежливый. Я полагал, кстати, что меня ознакомят с постановлением бюро обкома на мой счет...

— Это будет сделано через партком.

— Ах, значит не сегодня... Есть у Вас еще ко мне вопросы? Заготовленных вопросов не оказалось, хотя налицо — готовность продолжать беседу:

— Может, Вы сами хотите что-нибудь нам сказать?

— Нет, ни заявлений, ни вопросов к партийной комиссии после состоявшегося решения бюро — у меня нет. Могу я быть свободным?

Пришлось меня «освободить».

Я поднялся со стула довольно стремительно и уже боковым зрением увидел поднимавшегося из-за стола Г. Д. Смаглиенко. Лишь за дверью сообразил, что тот, видимо, собирался не только поздороваться, но и попрощаться со мной рукопожатием. <...>

Два частных эпизода беседы, свидетельствующих, между прочим, что иногда я не выдерживал предписанного себе официального тона:

а) — Вот у меня дома немало книг Жюль Верна, Дюма, Доде, Мопассана, Лоти — на французском языке. Некоторые из них, возможно, у нас не издавались. Насчет них тоже следует посоветоваться?

Смаглиенко: — А бывает, на обложке Жюль Верн, а внутри — антисоветчина! — Ну, это издания еще XIX века, — заметил я.

б) — Тов. Марков, вероятно, коммунист. Он состоит на учете в Ленинградской партийной организации?

Смаглиенко: — Да, конечно.

— Значит, как коммунист, он подчиняется обкому партии?

(Я имел в виду, что обком может и «поправить» тов. Маркова. Но Смаглиенко истолковал мой вопрос иначе).

— Вы хотите сказать, что тов. Марков стремился угодить обкому? Даже и в мыслях у меня, признаться, такого не было... (Записано в середине июня 1985 г.)

Ремарка 1: за кулисами «министерства правды».

В цитировавшейся выше статье о «взаимоотношениях» В. Набокова и цензуры А.В. Блюм рассказывает такой эпизод:

«...В июне 1978 г. в самый разгар «застоя»... следственный отдел ленинградского КГБ обнаружил одно из зарубежных изданий первого его [В. Набокова. — А. А.] романа «Машенька» (1926) во время обыска по одному из политических дел («уголовное дело № 86»), — наряду с книгами Пастернака («Доктор Живаго»), Солженицына, Бродского и других «антисоветских» авторов.

Согласно введенным тогда правилам, отдел обратился к цензорам Леноблгорлита за «экспертизой», которая гласила: «...Все указанные книги изданы за рубежом, рассчитаны на подрыв и ослабление установленных в нашей стране порядков и их распространение в Советском Союзе следует расценивать как идеологическую диверсию...». (Цит. по: Звезда, 1999, № 4, с. 201–202).

...Вдруг моему другу, профессору Санкт-Петербургского университета культуры и искусства Арлену Викторовичу Блюму, уникальному специалисту по истории советской цензуры, в его очередных разысканиях за кулисами «министерства правды», попадутся на глаза и копии тех справок Леноблгорлита, которые были выданы этим учреждением для УКГБ ЛО и ленинградских партийных органов — по поводу изъятых у социолога-рабочего материалов: будь то Оруэлл, Искандер или Цветаева, будь то его собственные «Письма...» — «содержащие идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности», следуя формуле справки «В отношении Алексеева А. Н.». (А «клеветнические материалы» — не хотите? Еще будет!)

Ведь мне так и не удалось тогда снять копии с этих документов, а приходилось знакомиться с ними «на слух» или же — «из вторых рук» (в переложении менее «компетентных» исследователей).

Встретившись недавно с Арленом Блюмом и Анри Кетегатом, в очередной приезд последнего из Вильнюса (А. Б. и А. К. — давние друзья), мы, среди прочих, обсуждали и эту тему.

Арлен заинтересовался, сказал, что можно поискать...

P.S. Эти строки были написаны в прошлом году. А в июле 2000 Арлен позвонил мне: «Знаешь, интересующие тебя материалы вновь закрыты в архиве (речь идет о Центральном государственном архиве историко-партийных документов — бывшем Ленинградском партийном архиве. — А. А.)». — «?!» — «Читай мою статью в журнале «Посев» на эту тему...».

Статья моего друга называется: «Какое милое у нас тысячелетие на дворе, или «Митька, крути кино обратно»: что объявлено снова государственной тайной» (Посев, 2000, № 8).¹³

Оказывается, приоткрывшиеся было дела партийного архива, касающиеся деятельности Облгортита, снова перестали быть доступными для специалистов. Причем мотивируется это теперь даже не наличием «гостайны», а присутствием там **«персонафицированных конфиденциальных сведений»** (о служебной деятельности, в частности, цензоров), «доступ к которым ограничен на 75 лет». Об этом письменно известил А. Блюма, в ответ на его запрос, начальник Санкт-Петербургского архивного управления Н.В. Пономарев (исх. № 326-т, 10.07.2000). Хорошо, что в начале 90-х Арлен успел с этими делами поработать, написать и издать свои книги по истории советской цензуры. (Сентябрь 1999 — сентябрь 2000).

Ремарка 2: о преимуществах личного архива перед государственным. Сколько же «персонафицированных конфиденциальных сведений», следуя логике г-на Пономарева, уже разглашено мною в этой книге: о служебной деятельности гг. **Маркова** (Леноблгортит), **Смаглиенко, Горячкина, Грачевой** (ОК и ГК КПСС); **Щекина, Герасимовой, Новикова** («Ленполиграфмаш»); **Сигова, Лобанова, Парыгина** (ИСЭП); **Варсобина, Комарова** (СЖ); **Полозюка, Владимирова, Невзорова** (УКГБ); **Сорокиной, Комышана, Соловьева** (правоохранительные органы) и т. д. Вот — преимущество личного архива перед государственным! К последнему всегда можно «ограничить доступ», а первый... разве что опять конфисковать или разгромить. (Октябрь 2000).

10.5.3. Партийная комиссия «обиделась»

Из инициативной аналитической записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (апрель 1986)

<...> В Ленинградском ОК КПСС, куда поступила очередная апелляция, моим делом занимался лично заместитель председателя партийной комиссии обкома тов. Горячкин. Перед заседанием бюро обкома меня отказались ознакомить со справкой партийной комиссии по моему вопросу. <...>

(Надо сказать, что такая же линия проводилась партийными работниками «Ленполиграфмаша». Все документы — акты, справки парткомиссии, партийную характеристику — предлагалось воспринимать на слух, в лучшем случае — путем беглого просмотра. Никаких выписок, чтобы хотя бы подготовиться к ответу. Формально это мотивировалось «секретностью», а по существу — исключало возможность полноценного участия в разборе собственного дела.) <...>

Мне пришлось указать на <...> передержки в попытках подкрепить обвинение в «хранении и распространении политически вредных произведений» — уже непосредственно на заседании бюро Ленинградского ОК КПСС 4.06.85. Первый секретарь обкома Л.Н. Зайков в своем выступлении заметил, что данное обвинение следует снять. Оно и было снято, хотя решение об исключении из партии оставлено в силе.

По-видимому, моим выступлением на заседании бюро обкома были очень задеты зам. председателя партийной комиссии ОК КПСС А.П. Горячкин и

председатель этой комиссии Г.Д. Смаглиенко. Неделю спустя после заседания бюро я был приглашен этими товарищами... «для консультации». Мне было сказано, что ошибки в справке партийной комиссии обкома КПСС, конечно, нежелательны, и меня просят «помочь» их исправить, по существу — задним числом.

Может быть, я был не прав, однако тут я вспылил. В самом деле, до заседания бюро не хотели даже показать эту справку, а теперь ищут, как замазать свою ошибку! Судя по всему, какие-то исправления в справку партийной комиссии (с учетом моего выступления на бюро ОК КПСС) задним числом все же были внесены. Однако этим не ограничились. <...> Через неделю после описанной беседы в заводской парткомиссии я был ознакомлен с совершенно новой формулировкой, включающей **«...написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность»!** [Выделено мною сегодня. — А. А.] Уверен, что эта одиозная формулировка не обсуждалась на бюро обкома, а спровоцирована «обиженными» работниками партийной комиссии. <...>

А. Алексеев, апрель 1986

Из «Советского энциклопедического словаря» (М., 1983)

«...**Клевета**. Распространение заведомо ложных, позорящих кого-либо измышлений. В СССР карается в уголовном порядке».

Из «Комментария к УК РСФСР» (М., Юридическая литература, 1984)

Комментарий к ст. 70 (Антисоветская агитация и пропаганда): <...> Необходимо установить, что сведения, распространявшиеся виновным являются **клеветническими**, т. е. заведомо для него ложными, чтобы они относились к советскому строю <...>, а не к отдельному мероприятию <...>, не к отдельному органу государства.

<...> Распространяемые сведения должны порочить социалистический строй. <...>

[Как видно, «обиженные» работники партийной комиссии Ленинградского обкома КПСС сгоряча заложили в формулировку исключения... формулу **Уголовного кодекса**. — А. А.]

...В том и состоит психическое здоровье ... чтобы на Систему не обижаться. Ее можно изучать, ее можно переделывать (иногда — уничтожать), с ней можно играть! Состязание Тореадора и Быка — прекрасная метафора жизни...
(Из «Писем Любимым женщинам». 1981.)

(21)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-nauchno-prakticheskii-eksperiment-sociologa-rabochego-i-ego-obschestvenno-politicheskie-uroki>

А. АЛЕКСЕЕВ.
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО
И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 09.04.2016

«Вот и стала Жизнь — Письмом, а Письмо — Жизнью. Опускаю (за недостатком времени) комментарии к этому утверждению. Жизнью — пишу письмо Тебе. Этаким новый эпистолярный жанр! Пока не канонизированный, не санкционированный, но и не пресеченный» (Из личного письма, 1985). Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (21).

Из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», том 3:

10.10. От камня, брошенного в воду, расходятся круги...

10.10.1. Летопись — «не только ПКР»...

Несколько вступительных слов

В 1980–1981 гг. «случай» освоения нового оборудования (координатно-револьверный пресс) на «Ленполиграфмаше» оказался предметом специального социологического исследования и был отражен в письмах-дневниках социолога-рабочего.

В декабре 1981 г. ситуация с «ожившим памятником» и т. д. была доложена автором этих строк на цеховом партийном собрании.¹

В сентябре 1982 г. история запуска станка и освоения новой технологии была, в довольно приглаженном виде, представлена в корреспонденции, опубликованной в заводской газете «Трибуна машиностроителя».

*В марте-апреле 1984 г., благодаря «делу» социолога-рабочего, произошло парадоксальное **внедрение** «статей политически вредного содержания» (они же — письма-дневники, где этот «частный» случай крамольно возводился в ранг «закономерности» социалистического производства) — в сознание общественности «Ленполиграфмаша».*

*И вот, еще через год, в июне 1985-го (страсти вокруг упомянутого «дела» на заводе еще не остыли) в «Трибуне машиностроителя» появляются материалы рейда народного контроля, организованного редакцией заводской газеты, из которых (материалов) явствует, что с целой **серией** новых станков (с ЧПУ) на данном заводе положение ничуть не лучше, чем с «этим ПКР».*

*Вот только пресловутый координатно-револьверный пресс («экспериментально» налаженный), вопреки всему, исправно работает. А те — систематически простаивают. И вообще — уже не «случай», а и впрямь **закономерность**...*

Социолог-испытатель к рейду народного контроля и указанной публикации прямого отношения тогда иметь, понятно, никак не мог. А просто... если камень бросить в воду, то от него расходятся круги, а если зерно в землю, то — прорастет.

Ниже — картина освоения станков с ЧПУ на «Ленполиграфмаше», по состоянию на июнь 1985 г., по итогам упомянутого рейда. (Декабрь 1999).

Из публикаций заводской газеты (июнь 1985)

Почему станок простаивает?

На Полиграфмаше за последние четыре года парк станков с числовым программным управлением увеличился на 29 единиц, среди них — 9 многооперационных типа «обрабатывающий центр» <...>. В цехе ¹ 6 введен в эксплуатацию комплексно-роботизированный участок холодной штамповки. Как же работает все это прогрессивное оборудование? В полную ли силу загружено? Этой теме и посвящен очередной рейд, проведенный комитетом народного контроля совместно с редакцией газеты.

Если бы станок заговорил...

Вспоминаю, как радовались в первом цехе на первом участке, когда один за одним устанавливали моих собратьев — станки с ЧПУ. Рабочие только и говорили:

— Подмога хорошая. Производство тяжелое, детали габаритные, а на таких станках только знай программу задавай, они сами все сделают.

Но, наверное, так уж устроен рабочий человек, что не любит попусту время терять. Пришел на завод, так будьте любезны его всем необходимым обеспечить, чтобы работа у него ладилась, да горела в руках все восемь часов. Поэтому, когда стали мы, станки, из строя выходить, а ремонтная служба ОГМ из-за нехватки кадров не всегда могла нас своевременно исправить, когда задерживались заготовки, все это операторов станков с ЧПУ настораживать стало.

Завели журнал учета нашей эксплуатации. Но если перелистаете его, так узнаете, что с января по 21 мая 1985 года мы бездействовали 2488,2 часа. Только в первом квартале этого года оборудование из семи единиц простояло 177 смен. При двухсменном обслуживании это составляет 88,5 дня.

— Не хватает оправок на ивановские станки. Бегаешь по всему пролету, время драгоценное теряешь. А вечерняя смена — сплошное наказание. Если нужен специальный инструмент — не получишь. Старший кладовщик работает только днем, а вечером другой и не выдаст, — говорит А. И. Панфилов.

— А у меня гидравлика на станке из строя вышла, масло потекло. С ремонтной же службой во вторую смену одно мучение. Слесаря нет, — делится с коллегами своими огорчениями В. И. Каменский.

Хмурятся рабочие. Да где уж тут улыбаться! Посудите сами: в первом квартале мы простояли на ремонте 1044,9 часа. Хоть и издан приказ директора о вызове электросварщика из дома в случае необходимости в вечернюю смену, но пока дозвонятся до него, пока он доедет, время-то идет.

Вторая причина нашего простоя — необеспеченность деталями из-за плохого внутрицехового планирования. Плюс ко всему бракованное литье идет с раковинами, от которого мы нередко портимся.

И так в первом квартале мы простояли в ожидании заготовок 322,1 часа.

Каково суждение людей?

Обратимся к статистике. В цехе ¹ 5 на металлообработке используется шесть станков с ЧПУ. Около трехсот часов в первом квартале они простояли на ремонте, около 4000 — из-за отсутствия заготовок, рабочих.

— Что делается со стороны цеха по улучшению использования оборудования? — с этим вопросом мы обратились к заместителю начальника подразделения М.К. Михайлову.

— У нас составлен график загрузки станков с ЧПУ. Создана бригада из числа операторов станков с ЧПУ. Хочется пожелать, чтобы ремонтная группа была укомплектована, усилена, чтобы технический отдел КБ работал более оперативно.

Если в первом и пятом цехах люди как-то болеют за то, что простаивает дорогостоящее оборудование, выясняют причины, стараются их ликвидировать, бригадир цеха № 1 Н. В. Шипилов неоднократно выходил со своими предложениями к директору завода (в первом цехе простой станков с ЧПУ по сравнению с прошлым годом сократились на 30 процентов), то в цехе № 4 совсем противоположная картина.

Расчетных данных по загрузке нет. В настоящее время в рабочем состоянии находятся пять станков из шести, освоено на них только восемь деталей. В цехе не ведется журнал учета эксплуатации прогрессивного оборудования. К станкам ВЕН-400 не хватает инструмента, нет кадров.

Здесь немалая доля вины и ОГТ. Заказывая оборудование и зная его возможности, технологи могут заблаговременно подготовить техпроцессы, продумать вопросы эксплуатации и обслуживания станков.

Цех № 6. Роботизированный участок холодной штамповки. Не всегда здесь можно видеть, чтобы все роботы, способные заменить монотонный труд штамповщиц, были постоянно загружены.

— Необходимо разработать более гибкую систему перенастройки роботов ОКБ-2, а ОГТ подумать о расширении номенклатуры деталей, изготавливаемых на роботизированных комплексах, — считает бригадир В.Г. Рыжков.

На пороге двенадцатая пятилетка. Именно в ней по заводской программе «Интенсификация-90» предусмотрено увеличение парка станков с ЧПУ на 50 единиц, в том числе на 13 станков типа «обрабатывающие центры».

Готовы ли мы к этому?

А. Данилушкин, начальник цеха № 8, В. Афанасьев, начальник лаборатории ОНОТиУ, члены комитета НК завода, П. Фадеев, рабочий, председатель группы НК Цеха № 1, Н. Поречная (Цит. по: Трибуна машиностроителя, 5.06.85)

Ремарка: Памяти Натальи Поречной.

*Автор этого материала — корреспондент заводской газеты **Наталья Киримовна Поречная.***

Выпускница факультета журналистики Дальневосточного университета, Н. Поречная с 1981 по 1989 г. работала в газете «Трибуна машиностроителя» (ПО «Ленполиграфмаш»), потом — в информационно-аналитическом еженедельнике «Рейтинг» и в других петербургских газетах.

Наталья Поречная трагически погибла в 1994 г. Она была одной из тех, кого автор этой книги считает своими «со-умышленниками, со-участниками, со-авторами». (Декабрь 1999).

10.10.2. Прожективная ситуация

Из «Записей для памяти» (июнь 1985)

<...> Недели две назад у меня происходил разговор с одним из друзей, хорошо включенным в ситуацию А. Зашла речь о «подводных камнях» и опасностях моего положения. Мой друг вдруг высказал довольно неожиданное для меня предположение:

— Ты не опасаясь, что твоя борьба за справедливость может быть использована за рубежом в компрометирующих нашу страну целях?

— Ну, я не та фигура, которая могла бы оказаться удобной для враждебной пропаганды.

— Не скажи. Именно то обстоятельство, что ты занимаешь последовательно партийную, коммунистическую позицию и встречаешь такое противодействие, может быть козырем против нашего строя.

— Парадоксальный поворот мысли. А ведь возможна и такая логика... Ну, остается надеяться, что моя нынешняя ситуация — слишком частный эпизод, и персона — не на виду.

— Откуда ты знаешь?

— Да откуда же взяться обо мне информации? Я ни с одним диссидентом не знаком, не говоря уж об отсутствии зарубежных контактов.

— Информацию можно получить и опосредованно.

— Ты хочешь сказать, что я, к примеру, общаюсь с человеком порядочным, а тот — с непорядочным, а тот, в свою очередь, — с каким-нибудь резидентом...

— И даже не так просто. Заинтересованные лица могут использовать твоих друзей в своих целях, имея тебя конечной целью.

— Но ведь никаких провокаций в отношении меня, слава богу, пока не предпринималось.

— А время еще не пришло. Может, к 70-летию Советской власти накапливают.

— Ты это всерьез?

— Конечно.

— Ну, даешь! Что ж, если возникнут обстоятельства, подкрепляющие твою гипотезу, придется с органами госбезопасности посоветоваться. Хоть тт. Полозюк и Владимиров — мне не друзья, но куда денешься...

— Может и это не помочь.

— Почему же?

— Ты станешь делать заявления, а это истолкуют, как будто тебя **заставили**.

— Но я же не давал повода предполагать, что меня можно «заставить».

— Это верно. Но поди докажи, что не так. Тут единственное средство...

— Ну?

— Добиться, чтобы виновники этой травли были **наказаны**. Только тогда для враждебной пропаганды ты не сможешь представить интереса, и вообще из этой овчины шубы не сошьешь.

Я согласился со своим другом.

Восстанавливая в памяти этот разговор, я все же поражаюсь игре воображения моего собеседника. Безупречная логика всегда была ему свойственна. Но придумать такую прожективную ситуацию! <...>

(Записано 23.06.85)

[Разговор воспроизведен точно. Но, как и весь цикл «Записи для памяти (1983–1986)», представленный в данной главе, эта запись выдержана в строго «протокольном» стиле и манере, обеспечивающей неуязвимость автора, на случай повторного обыска или негласного досмотра его архива. — А. А.]

10.11. Контрнаступление — на «производственном фронте»

[Как уже отмечалось, начиная с 1985 г. социолог-испытатель, возобновил ведение «производственных хроник» и активизировался как «наблюдающий участник» производственного процесса. — А. А.]

А. Алексеев — в партийное бюро цеха (июль 1985)

Секретарю партбюро цеха № 3 Лен. Завода полиграфических машин В. Курсову

от Алексева А., слесаря м/с работ 1-го участка, члена бригады 003

ЗАЯВЛЕНИЕ

На партийном собрании цеха 16 июля с. г. со всей остротой встал вопрос об угрозе срыва повышенного обязательства цеха к XXVII съезду КПСС. Фактически уже несколько месяцев цеховая программа если и выполняется, то с большим напряжением, с использованием сверхурочных и помощи со стороны. Из доклада и заключительного слова начальника цеха А. Косачева можно было понять, что главная причина затруднений — в низком уровне трудовой отдачи рабочих-сдельщиков, в недостатке трудовой дисциплины, а единственный перспективный выход из создавшегося положения — опять же — сверхурочные. Думаю, что то и другое — неверно.

Конечно, 41 день прогулов за первое полугодие 1985 г. (из которых 9, к сожалению, приходится на бригаду 003) не украшают коллектив цеха, насчитывающего 100 чел. основного производственного персонала. Однако сам тов. Косачев, указав, что в штатном расписании цеха всего 3 единицы этого персонала не заполнены, справедливо заметил, что 100 чел. всегда «обработают» троих.

Примечание. «Обработают» — производственный жаргон: это значит, что выполнят работу отсутствующих или «недорабатывающих» тружеников.

А ведь три не заполненные единицы — это «дефицит» за полгода не в десятки, а минимум в три сотни человеко-смен. То есть списывать отставание цеха на счет отдельных прогульщиков нет оснований.

О причинах сложившегося положения так или иначе говорили выступающие на собрании. Не слышно было только самокритики со стороны докладчика (начальника цеха) и информировавшей о ходе выполнения плана социального и экономического развития цеха за 1-е полугодие начальника БТП [бюро технической подготовки. — А. А.] Л. Кутыриной.

Главные причины усугубившегося тревожного положения с программой сегодня — в низком уровне экономической, организационной и технической подготовки производства. Это имело место и раньше, но, видимо, сейчас накопился эффект влияния неблагоприятных факторов. Поэтому беспокойство за выполнение повышенного обязательства к партийному съезду должно выразиться прежде всего в энергичных мерах по сокращению скрытых внутрисменных простоев, вызываемых упомянутыми недостатками подготовки производства.

Львиная доля непроизводительных затрат времени рабочих-сдельщиков приходится вовсе не на «перекуры» и прогулы (хоть первых может быть и поменьше, а вторых не должно быть совсем), а на поиски недостающей или доведение «до ума» — некондиционной оснастки, на лишние переналадки не вполне исправного оборудования, на ожидание, пока технологи прояснят неувязки в технической документации и т. д., и т. п. Необходимость в работе сверхурочно возникает в первую очередь из-за потерь рабочего времени такого рода плюс недостатки планирования.

Наше производство, будучи в основном серийным, остается во многом не отлаженным. В этих вопросах администрация, как правило, занимает пассивную позицию. А недостаток собранности и ответственности «наверху» обходится куда дороже, чем отдельные факты недисциплинированности «внизу».

Обсуждавшееся на собрании тревожное положение усугубляется, а отчасти, наверное, и вызвано совершенно оторванной от реального производственного процесса практикой нормирования. Систематические «плановые» пересмотры

норм, как правило, не связаны ни с какими техническими усовершенствованиями, а весь расчет на то, что рабочий «выкрутится», бригада найдет выход, как не остаться без зарплаты.

В условиях, когда оборудование ремонтируется не вовремя, а иногда — некачественно, с оснасткой — постоянные дефициты, а технологические неувязки накапливаются, такая практика пересмотра норм не только не способствует действительному росту производительности труда, а ставит под угрозу выполнение производственных заданий.

Скажу о себе. Вчера мною получено очередное, ставшее уже «аварийным» производственное задание штамповки на ПКР семи обозначений для машины ФКУ. <...> [*Здесь опущено перечисление обозначений конкретных производственных изделий.* — А. А.] Произведенный мною примерный расчет по нормативам показывает, что на выполнение соответствующих операций по этим 7 обозначениям я «имею право» затратить в общей сложности 36,7 час (в том числе суммарное подготовительное время — 8,6 час.). [*«Подготовительное время» — время на наладку станка.* — А. А.] То есть порядка 4,5 рабочих смен. А чтобы справиться с установленным мне дневным производственным заданием (оно у меня — 9 руб.), я должен уложиться не в 36,7, а в 22 часа, т. е. меньше, чем в 3 рабочие смены.

Более опытного, чем я, оператора и наладчика станка КО-120 в цехе нет. И могу заверить, что при нынешней организации труда, состоянии оборудования, технологической оснащенности — даже норматив, не говоря уж о задании, для данной группы обозначений является нереалистичным...

Ремарка: за счет чего фактически выполняется производственная программа.

Вышеприведенный расчет относится к фактически полученному тогда оперативному производственному заданию, включавшему («как на подбор»!) исключительно «невыгодные» для рабочего-сдельщика изделия.

В целом, производственные задания социологом-рабочим, как и большинством рабочих цеха, систематически выполнялись и перевыполнялись, за счет отдельных «выгодных» изделий и — особенно — за счет так называемой «партизанщины», т. е. выпуска продукции при помощи «тайных раций» и по самодельной рабочей технологии, например — на том же координатно-револьверном прессе, вместо трудоемкой сверловки или фрезеровки, и т. п. (Ноябрь 2000).

... Можно ожидать, что задание будет выполнено за 3 дня только при **двухсменной** загрузке оборудования. А это значит, что двое рабочих будут выполнять задание, предназначенное для одного.

[Стоит заметить, что это — в данном, конкретном случае. В других — один рабочий может в срок выполнить задание за двоих и более. — А. А.]

Как показывают выступления коммунистов на собрании 16 июля, в таком положении сегодня оказываюсь не я один.

Чтобы не быть голословным, я обратился к администрации с просьбой произвести сегодня и в последующие несколько дней хронометраж работы моей и моего сменщика [*сменщиком в то время был один из членов бригады, обученных автором работе на ПКР.* — А. А.] — по подготовке, настройке и выполнению штамповочной операции **для всей данной группы обозначений** деталей машины ФКУ. Если почему-либо нормировщик не сможет этим заняться, я произведу хронометраж сам и о результатах информирую руководство.

Что касается этого заявления, то прошу рассматривать его как предложение, постановку вопроса перед партийным бюро, имеющим, как известно, право контроля деятельности администрации. Партийному бюро, конечно, виднее, но, по моим понятиям, это тот случай, когда надо «поправить» хозяйственных руководителей, довольно произвольно трактующих современные партийные установки на мобилизацию внутренних резервов повышения производительности труда.

Пересматривать сейчас слишком большой массив норм в обратную сторону (приводя их в соответствие с реальными затратами труда) было бы, очевидно, неправильно. Значит надо, пусть с опозданием, заняться созданием таких производственных, организационных и технических условий, при которых «авансом» пересмотренные нормы стали бы реально выполнимыми. Иначе мы никогда не выберемся из «аварийного» режима производственной деятельности.

Если партийное бюро сочтет нужным дать мне какое-либо общественное поручение в связи с вопросами, поставленными в настоящем заявлении, я приложу все усилия, чтобы это поручение выполнить.

А. Алексеев, 18.07.85

Вместо заключения (контрнаступление...)

Документ этот, разысканный в архиве и вставленный мною в книгу «в последнюю минуту», лишь по видимости не касается «дела» социолога-рабочего.

Дело в том, что социолог-испытатель, параллельно с политической самообороной, начинает контрнаступление — на «производственном фронте». При этом он выражает полную готовность к «сотрудничеству» с партийной организацией, которая его — «по недоразумению»! — из своих рядов изгнала...

В сущности, он не делает «ничего нового», по сравнению с периодом до исключения.

Однако после исключения он ставит тем самым цеховую администрацию и партийную организацию в затруднительное положение: ведь тут он прав уже не только по его личному убеждению, а и по понятиям его товарищей-рабочих (для которых все «разборки» с партией пока малоинтересны, а вот это — уже «наше» дело!).

Что касается данного случая, то хронометраж рабочего времени и т. д. был-таки произведен слесарем механосборочных работ и наладчиком ПКР самостоятельно, и его результаты и выводы «внедрены» в организацию производственного процесса. (Ноябрь-декабрь 2000).

10.12. Письма Любимым женщинам. 1985

10.12.1. Жизненные и общественные будни

А. Алексеев — Р. Рывкиной (март 1985)

Дорогая Инна!

<...> Медсанчасть завода им. Калинина, а затем отпуск привели меня в полный физический порядок. Ну, а душевный — вроде не нарушался. Еще, конечно, осталась кое-какая социальная неупорядоченность — но это состояние перманентно-временное.

Ну, апелляцию в ОК я подал своевременно (4 марта). Посылаю Тебе ее текст. В нем, как видишь, есть плоды диалога с ГК КПСС. Как говорится, и мы не истуканы, кое-чего понимаем, на ошибках учимся... Во всяком случае — старых ошибок не повторяем.

Вообще, тут много чего можно комментировать... Ограничусь замечанием, что я не собираюсь полемизировать с директивным органом о правилах работы с документами для служебного пользования и первичными социологическими материалами. Но и не согласен принять на себя **политические** обвинения, не говоря уж об одном фактически ложном.

Апелляцию эту надо воспринимать в контексте всех остальных моих документов, хранящихся в партийном деле.

...Не без перемен и в цехе. Уж и начальника цеха Данилушкина переместили, и секретарь партбюро цеха теперь другой (тяжела оказалась эта ноша Червякову). Мое дневное производственное задание повысилось до 9 руб. (с прогрессивкой получается около 12). В итоге, при среднемесячном заработке 257 руб. в прошлом году (когда задание было 8,5 руб.), я уже в 1985 г. достигну уровня зарплаты старшего научного сотрудника со степенью в академическом институте (только что — без десятилетнего стажа; но ведь и у меня на заводе пока только 5, а не 10 лет).

...О Советской социологической ассоциации, в связи со мной.

Мне кажется, Ты слишком всерьез берешь эту уважаемую общественную организацию. Не далее как вчера я вместе с членскими взносами за 1985 г. передал ее ученому секретарю Г. Румянцевой записку, что вот, мол, вышел из отпуска и готов к контактам с «комиссией по изучению моей социологической работы», как деликатно была определена задача этой комиссии в письме уч. секретаря на мое имя.

По возвращении из Н-ска О. [О. Б. Божков. — А. А.] затеял просветить одного из членов комиссии — Николая М. на мой счет. Он мне о своих замыслах не говорил, я узнал случайно, и О. только подтвердил. (Похоже, он предполагал, что я воспрепятствую.)

Ну, не дорого яденье, а дорого раденье, пусть яденье и несъедобно.

Максимум, чего О. достигнет, это усугубит неловкость положения этого члена комиссии (с которым, кстати, мы знакомы, хоть и не близко). Но ожидать от него **поступков**, тем более — требовать их от него, нелепо.

Для меня одним из внутренних моральных условий собственной явки на разбирательство моего «дела» на бюро ЛО ССА является как раз **неявка** на него членов бюро, куда более мне близких, чем этот Н. М.

Не думаю, что В. А., или Ф., или Х. будут **заставлять** явиться на бюро, чтобы обеспечить в нем кворум, которого там не бывало за 2 года ни разу. Ну, а если все-таки заставят, то уж придется бюро исключать меня из ССА заочно.

Впрочем, осталось уже меньше месяца до отчетно-выборного собрания ассоциации. Хотя вряд ли там произойдет существенное обновление состава бюро.

Так или иначе, суетиться по этому поводу я не собираюсь...

Ремарка: «...условие моей явки на разбирательство...»

«В. А.» — В.А. Ядов; «Ф.» — Б.М. Фирсов; «Х.» — Г.А. Хмара (ныне покойная). Все трое тогда входили в состав бюро ЛО ССА. Автор отдавал себе отчет в том, что встреча с ними на заседании, где планировалось исключение социолога-рабочего из Советской социологической ассоциации, неминуемо поставит как его самого, так и их в затруднительное положение.

*Исключение состоялось лишь год спустя — без участия названных лиц.
(Октябрь 2000).*

...Может, хватит пока «моих сюжетов»?

<...> Картина ИСЭПа (*Институт социально-экономических проблем АН СССР* — А. А.) , действительно, безрадостна. В известном смысле мне можно позавидовать [*тому, что автор там больше не работает.* — А. А.].

10–12 апреля, между прочим, исэповская «мафия» будет самоутверждаться всесоюзной конференцией про социалистический город как объект исследования и управления, умудрившись заполучить в свою программу (по крайней мере — на бумаге) добрый десяток академиков. Слава богу, хоть З. [*Т. И. Заславской.* — А. А.] среди них нет.

Разумеется, нет в этой программе <...> [*перечислены известные специалисты по социологии города.* — А. А.]; нет и «засидевшихся» в ИСЭПе <...> [*Здесь опущены инициалы, расшифровать которые сейчас затруднительно.* — А. А.]

А доклад о сущности, тенденциях и перспективах урбанизации делает... Сигов. В общем, такое всесоюзное шоу, что не поверишь тем, кто говорит о деградации ИСЭПа. <...>

Андр. Ал., 26.03.85

А. Алексеев — Р. Рывкиной (апрель 1985)

<...> Начались беседы в обкоме, отнимающие время и силы (на осмысление). В парт. комиссии ГК было больше деловитости. Здесь чувствуется какая-то неуверенность, опасения, как бы им не совершить какой-нибудь ошибки в проведении прежнего решения, но вовсе не сомнение в том, надо ли его пересматривать вообще. Раньше середины-конца мая итогов, пожалуй, не будет. Насчет Николая М. и т. п. — чего же непонятного? <...> Вот посылаю Тебе своеобразный отчет о своих взаимоотношениях с ССА («Объяснение» от 7.04.85).

На следующий день после получения этого объяснения было принято решение о переносе срока отчетно-выборного собрания ЛО ССА на месяц (совпадение, думаю, случайное; хоть и лучше бы для них было, чтобы я в этом собрании уже не имел права полноценно участвовать).

Интересна реакция членов бюро той секции ЛО ССА, в которой я состою. Логика их такова: почему он (т. е. я) не написал в своем объяснении, какой он хороший, что он «гражданский научный подвиг» совершил и т. п. А то — как же нам его защищать? Очень своеобразный инфантилизм, кстати, предполагающий у «подвижника» отсутствие чувства собственного достоинства.

Впрочем, недостатка объективной информации о моей работе на заводе и т. п. (включая известную Тебе статью про «человека в системе реальных производственных отношений») у социологической ассоциации нет.

Особенно Н. М. (он еще и член бюро секции) обижен: мы хотели как лучше (его исключить), а он...

Ну, а по тексту моего «Объяснения» для ССА Ты можешь судить, является ли мое настроение «сниженным».

...О чем пишу и над чем работаю? Как видишь, «исследую» социальные институты, ну, и личность (собственную), конечно.

Личность и общество, как видно, моя последняя и «коронная» тема... Мне кажется, что мы с Тобой живем равно интересно и эффективно, но в **разных** жанрах работаем. Так и надо. <...>

А. А., 28.04.85

А. Алексеев — Р. Рывкиной (июнь 1985)

<...> Как обычно, благополучен.

Социологической ассоциации все еще не удалось исключить меня из своих рядов.

Заседание партийной комиссии состоялось (20 мая). Пока предварительно, на 4 июня назначено рассмотрение апелляции на бюро обкома.

Есть одно симптоматичное обстоятельство: из справки парт. комиссии ОК, в принципе куда более обстоятельной, чем горкомовская, **исчезло** упоминание А. Зиновьева. Весь упор теперь на М. Цветаевой и проч. Но вот с письмами ее получился конфуз (о котором комиссия еще не знает). Оказалось, что они напечатаны в журнале «Октябрь», в прошлом году... Да и с Оруэллом — не все однозначно. <...>

Впрочем, в отношении 4 июня — я **радикальных** перемен не жду.

...Полчаса назад пришел по почте ответ из прокуратуры Василеостровского района о том, что по инциденту с «таинственным» налетом на мою квартиру 1983 г. возбуждено уголовное дело по статье... о «неприкосновенности жилища».

На этот счет — уж только руками развести: что бы это значило? <...>

А., 1.06.85

А. Алексеев — Р. Рывкиной (июнь 1985)

<...> 4 июня состоялось рассмотрение апелляции на бюро Лен. обкома КПСС.
<...>

Так или иначе, в ключевом (отвечающем аж статье Уголовного кодекса) пункте обвинения бюро обкома инициаторов обвинения [*т.е. УКГБ ЛО. — А. А.*] не поддержало. Зато... к «политически вредным социологическим исследованиям» — в выступлении зам. председателя партийной комиссии на бюро — отнесено также и «наблюдающее участие» (5 лет работы на заводе); к «клеветническим материалам» — архивы моего исследования.

Как видишь, защитник противостоящей мне команды мощным ударом направил мяч... в собственные ворота. (Откуда, разумеется, еще не следует, что гол будет засчитан судьей.) <...>

Отрадность формулировки решения бюро ОК КПСС, несмотря на всю ее грозность («исследования политически вредного характера»; «написание клеветнических материалов на советскую действительность»; это уж помощники тов. Зайкова постарались: не «вошел я в их положение»...), состоит в том, что с моего «дела» ныне как бы снята скандальная, «антигосударственная» шелуха. Обнажилась суть — научная, гражданственная, жизненная позиция, которую теперь «легко и просто» по-партийному защищать.

Что я и собираюсь делать. <...>

Андр. Ал., 18.06.85

А. Алексеев — Р. Рывкиной (август 1985)

Дорогая Инна!

<...> Твое самообвинение насчет задержки с ответом на мое письмо очень трогательно. Единственное слабое место в нем — это возведение его в квадрат или в куб, поскольку **именно мне** не отвечено. Меня надо «беречь», и уж во всяком случае не позволить мне и мысли, будто я «забыт»... Этот акцент — дает мне повод для доброй «снисходительной» улыбки на твой счет.

Да не журись Ты, пожалуйста! Лично я сейчас гораздо больше нравственно страдаю из-за собственных задержек с ответами на письма, чем из-за задержек с ответами на мои. (Это, конечно, вовсе не исключает того факта, что некоторые из моих прежних корреспондентов как-то «стушевались» за последние год-полтора.)

Итак, я Тебе **не прощаю**, поскольку прощать не в чем — **не виновна** (приговор!). О себе. Опускаю подробности жизни, хоть и немало чрезвычайно интересного. Ограничусь вложением в этот конверт того «резюме», которое содержится в тексте апелляции в Комитет партийного контроля. Как мне на днях было сообщено письменно инструктором КПК при ЦК КПСС тов. Шадриним, апелляция получена и о времени рассмотрения меня известят позже. Как я сегодня подтвердил в ответ на телефонный запрос из обкома, апеллирующий намерен лично участвовать в рассмотрении своего дела, т. е. прошу у КПК вызова в Москву. <...>

Ты меня называешь то Скалой, то Идеалистом... Моя «Скала» стоит на вполне материалистических основаниях. Свои прогнозы я уже Тебе высказывал. Когда Ты мне объясняешь, что об эпохе надо судить по ее делам, а не по ее словам, это мне кажется трюизмом.

Не банальным является соотнесение того и другого — в «жестких» ситуациях. <...>

Вообще же — не преувеличивай, ради бога, мой исследовательский мотив. Вслед за одним из героев любимого мною Грэма Грина, я могу сказать, что просто... **«Хотел жить достойно».**

Примечание. «Кажется, я в каком-то смысле просто хотел... достойно жить». Грин Г. Ведомство страха / Английский детектив. М., 1983, с. 362.

Когда понятие достоинства у человека достаточно развито и критерии достоинства не слишком размыты — выполнение этой «жизненной задачи» может оказаться довольно хлопотливым. <...>

Тв. Андр. Ал., 26.08.85

10.12.2. <...>

10.12.3. И снова — письма Любимым женщинам

А. Алексеев — Р. Рывкиной (октябрь 1985)

Дорогая Инна!

Только что получил твое письмо «красными чернилами». Спасибо за хлопоты насчет моей работы. *(Имеется в виду рукопись: «Человек в системе реальных производственных отношений» (1983). Опубликовано, в сокращении, пять лет спустя в сборнике: Новое политическое мышление и процесс демократизации. М.: Наука, 1990. — А. А.)*

Новой и более краткой (возможно!) статьей я займусь года через два, не раньше. Так что на сегодня других «визитных карточек» не имею. И вообще — не тот случай, чтобы работать без официального заказа.

Свободу использования имеющегося у Тебя текста я даю полную (разумеется, под твоим контролем).

Как ни странно, дефицита возможностей для публикации у меня сейчас нет. Я не печатаюсь там, где не печатался и не стремился печататься и раньше. И заказы поступают, и публикации идут помаленьку (из старого). Как ни удивительно — даже «обо мне» (Знание-сила, 1985, № 9. Статья Альфреда Сарно).

Если в журнале «ЭКО» возникнет действительный интерес к моему сочинению, то из него можно выбрать любые куски. Но сам я сейчас перегружен текущим «полевым этапом»...

Ремарка: «ЭКО» — «Юность».

Редакция журнала «ЭКО» в ту пору предприняла довольно дерзкий демарш: в «гостевой» подборке своих материалов на страницах журнала «Юность», навстречу XXVII съезду КПСС («опыт рассмотрения хозяйственных, экономических, управленческих проблем, накопленных журналом «ЭКО» за пятнадцать лет его существования») состоялась повторная публикация беседы журналиста М. Левина с ленинградскими социологами В. Ядовым, А. Алексеевым и Н. Щербаковым, на темы отношения молодежи к труду и т. п. (ЭКО, 1983, № 8).

При этом редакция сделала вид, что не знает об исключении одного из участников этой беседы из партии, год назад.

См.: Главное — дело // Юность, 1985, № 11. (Январь-август 2000).

...Вот с кем я с удовольствием поделился бы самыми последними производственными наблюдениями, так это с автором «Бригад на распутье» (ЭКО, 1985, № 8). Может, Нина М. возьмет ленинградскую командировку? В «герои» ее очерков не напрашиваюсь, а в «ассистенты режиссера» — с радостью!

Примечание. Сложилось так, что именно Нина Константиновна Максимова, несколько месяцев спустя, стала первым редактором «Писем Любимым женщинам». Кстати сказать, название соответствующей главы нашей книги «Театр жизни на заводских подмостках» - принадлежит именно ей.

<...> Ожидаю вызова в Москву, на заседание Комитета партийного контроля. <...>

Твой Андр. Ал., 3.10.85

[11 октября 1985 г. апелляция исключенного из партии рассматривалась в Москве. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС «не нашел оснований» для пересмотра предыдущих партийных решений.

Не возымело действия и приложение к апелляции заново перепечатанного, «для ЦК», 650-страничного комплекта инкриминируемых автору «клеветнических материалов» (см. выше).

Ниже — фрагмент личного письма, где сообщается об этом событии. — А. А.]

А. Алексеев — Л. Гурьевой (октябрь 1985)

Дорогая Людмила!

<...> В июле был занят составлением апелляции в ЦК. Три дня назад состоялось ее рассмотрение в Москве (выезжал туда). **Отказ!**

Похоже, даже не изменили формулировку (официально с формулировкой КПК при ЦК КПСС я пока не знаком). Факт отказа — достаточно многозначительный.

Апеллировать к Съезду — буду! Позже. <...>

Множество всяких событий «помельче»... Но описывать их сейчас не стану. Ограничусь заверением в своем полном внутреннем и внешнем благополучии. Что, разумеется, не равно «покою». <...>

К сожалению, не успеваю подготовить давно обещанную Тебе статью: «Зачем нужны «отдельные случаи» социологу?». Отнимает время другое — текущая жизнь («партийная», «социологическая», «производственная»...). Поэтому высылаю старую, но добротную работу на темы социологии искусства.

Этой работе в свое время не повезло: обе конференции, на которые я ее посылал, не состоялись. Объем — всего 4 стр. <...>

Твой Андр. Ал., 2.10.85

Ремарка: главный публикатор социолога-рабочего (Людмила Гурьева).

Адресат этого письма — руководитель социологической лаборатории Томского государственного университета и редактор серии научных сборников ТГУ «Социальные проблемы познания и управления» канд. филос. наук Людмила Семеновна Гурьева.

*Людмила Гурьева была, пожалуй, главным публикатором работ социолога-рабочего в 80-х гг.: как до 1984 г., так и **после** — независимо от того, как складывались обстоятельства его «дела».*

Ныне Л. Г. — профессор Московского авиационного университета, директор Центра независимых социологических исследований Томского гос. университета.

В 2000 г., под ее редакцией, вышло первое русское издание книги Э. Гидденса «Социология». (Сентябрь 1999 — сентябрь 2000).

А. Алексеев — Г. Ж. (октябрь 1985)

Здравствуй <...>!

<...> Из моих последних событий.

Пришло (через обком — партком) решение из ЦК. Как и можно было ожидать, оно **не отличается** от предыдущих. Состав моих преступлений теперь таков: <...>

[Здесь опущена формулировка решения КПК при ЦК КПСС, дословно совпадающая с постановлением Ленинградского обкома КПСС от 4.06.85. — А. А.]

Итак, партийная мера — **высшая**. Писать Съезду — буду.

А теперь — развлеку Тебя новостями помельче...

<...> Случился тут на заводе еще и такой казус: на недавнем отчетно-выборном профсоюзном собрании цеха неосторожно прозвучал призыв к «критическим замечаниям». Ну, я и брякнул, что цехком работал, может быть, и удовлетворительно, но есть такой «участок работы», к которому он (цехком) «близко не лежал»: это защита прав и интересов трудящихся. И привел несколько примеров...

После чего, по итогам тайного голосования, против председателя цехкома оказалось 38 голосов из 103; а исключенного из партии члена профсоюза, твоего

корреспондента, взяли, да и вписали в бюллетень «доброхоты» — 17 раз. Такой вот конфуз вышел...

Есть и более серьезные [конфузы. — А. А.]. На сей раз — с президентом Советской социологической ассоциации Х.Н. Момджяном, копию ответа которого на запрос из АН СССР по поводу моего майского письма в отдел науки ЦК КПСС я недавно получил. Оказывается, согласно подписанному им (полагаю, с подачи нынешнего «вождя» ленинградских социологов Парыгина) ответу, я **«сознательно искажал»** факты — насчет неправомерности собрания ЛО ССА 22.05.85 и т. д.

Что, вообще говоря, равносильно... обвинению в **клевете!**..

*Ремарка: **второй раз — на те же грабли...***

Выборы нового бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации в мае 1985 г. (председателем бюро вновь стал Б. Д. Парыгин) происходили при отсутствии кворума, т. е. фактически были не законными, о чем социолог-испытатель и написал в ЦК КПСС.

*При этом в письме было подчеркнуто, что это — **повторный** случай: так было и в 1983 году (когда Б. Парыгин сменил В. Ядова на посту председателя). В ответ последовало новое обвинение в адрес «неудобного» члена ССА. (Сентябрь 2000).*

...Ну, я сообщил профессору Момджяну, что **вынужден буду обратиться в суд**, с гражданским иском в защиту своей чести и достоинства (статья 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик), если этот документ не будет им **отозван**. Посылаю Тебе копию своего письма президенту ССА на эту тему. С интересом жду ответа на это письмо.

Забавно, что проф. Момджян является, кажется, главным советским специалистом по французским энциклопедистам. А они — стояли у истоков тех самых норм гражданского права, которые этот профессор так неосторожно нарушил...

А тем временем, на 25 октября назначено очередное заседание бюро Ленинградского отделения ССА — для обсуждения «персонального дела» социолога-рабочего.

<...> Итак: «про здоровье» я написал; «про работу» — тоже; про «реакции на жизнь» — не забыл. Очень даже «реагирую»...

Еще раз: я очень благодарен Тебе за эти два письмеца. Я почему-то воспринял их как «отпущение грехов», совершенных в «Письмах Любимым женщинам» (разумеется, вовсе не тех грехов, которые инкриминировались в высоких и авторитетных инстанциях!).

Жду твоих дальнейших указаний, как жить дальше. <...>

Твой Андр. Ал., 14.10.85.

Из письма президенту ССА, проф. Х.Н. Момджяну (октябрь 1985)

<...> Испытывая к Вам, Хачик Нишанович, безусловное уважение, как к специалисту и видному ученому, я надеюсь, что Ваше личное участие в этом ответе Управлению кадров АН СССР [с обвинениями в адрес социолога-испытателя относительно «сознательных искажений» и прочими порочащими его утверждениями. — А. А.] свелось к подписи.

Предполагаю, что Вы, в качестве официального лица, опирались на информацию, исходящую от какого-то конкретного сотрудника аппарата ССА. И я полагал бы справедливым адресовать гражданский иск органу или лицу, являющемуся не номинальным, а **фактическим** распространителем ложной обо мне информации.

Желая избежать того, чтобы предъявлять свой иск лично Вам, президенту ССА, прошу Вас, уточнив источник информации, сообщить, **на кого мне следует возлагать ответственность** за вышеприведенные утверждения из подписанного Вами письма.

С уважением

член ССА, к.ф.н. А. Алексеев, 8.10.85

*Ремарка: **судебный иск гражданина к организации.***

*Социолог-испытатель предлагал президенту Советской социологической ассоциации **отозвать** официальный документ, при составлении которого его подчиненные, как сказали бы теперь, президента «подставили».*

Примечание. Решение об исключении социолога-рабочего из Советской социологической ассоциации было принято бюро Ленинградского отделения этой ассоциации лишь в январе 1986 г.

Проф. Момджян этого не сделал, по-видимому, полагая, что его корреспондент блефует. Тогда этим последним, в июне 1986 г., был выставлен, «по всем правилам», судебный иск в защиту чести и достоинства к Секретариату ССА.

Дело было выиграно социологом-рабочим в Севастопольском районном суде г. Москвы, в ноябре 1986 г. (Сентябрь 2000).

Из личного письма (октябрь 1985)

<...> Вот и стала Жизнь — Письмом, а Письмо — Жизнью. Опускаю (за недостатком времени) комментарии к этому утверждению. **Жизнью — пишу письмо Тебе.** Этаким новым эпистолярный жанр! Пока не канонизированный, не санкционированный, но и не пресеченный. <...>

А. А., октябрь 1985

*Ремарка: «**линии**» жизни.*

Письма — пожалуй, единственный жанр, где все «линии» тогдашней жизни социолога-испытателя представлены «комплексно», нераздельно. (Вообще, в настоящей книге автор все же пытается как-то отделить их одну от другой.)

Дело в том, что в ту пору синхронно, и иногда взаимозависимо, развивались разные «жизненные сюжеты»: партийно-политический; собственно-производственный; отношения с общественными организациями (Союз журналистов, Советская социологическая ассоциация); «отношения» с органами госбезопасности; дело о «поврежденной двери»; отношения с коллегами и друзьями.

По крайней мере две из этих «линий»: производственная и отношения с ССА, — здесь представлены лишь эскизно. (Октябрь 2000).

)
<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-nauchno-prakticheskii-eksperiment-sociologa-rabochego-i-ego-obschestvenno-politicheskie-uroki-okonchanie>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО
И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ. ОКОНЧАНИЕ**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 11.04.2016

«Перемен не надо ждать, перемены надо делать. Таким видится главный общественно-политический урок из моего личного опыта социологического экспериментирования, не сводимого к отдельно взятой производственной сфере. Вопреки обывательскому «здоровому смыслу» я вовсе не считаю этот опыт отрицательным...» (Январь-апрель 1986 г.). Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (22).

Из книги «Драматическая социология и наблюдающее участие», том 2:

<...>

10.12.4. «Рано или поздно я в партии восстановлен буду!»

[Жанр «открытого письма», с информацией для друзей и коллег о прохождении «дела» социолога-рабочего в партийных инстанциях, уже знаком читателю. Ниже — очередное такое письмо. — А. А.]

«Открытое письмо» (октябрь 1985)

Коллегам из ИСЭП и товарищам по партии

Считаю своим долгом сообщить всем тем, с кем связан дружескими и товарищескими отношениями, что 11.09.85 в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС рассматривалась моя апелляция исключенного из партии, а вчера, 8.10, я был ознакомлен с решением КПК по этому вопросу.

Комитет партийного контроля согласился с решением Ленинградского ОК КПСС от 4.06.85 — отказать в пересмотре постановления парткома «Ленполиграфмаша» от 23.05.84. Сохранена и формулировка решения Ленинградского ОК:

«...исключить Алексева А. Н. из рядов КПСС за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования».

Настоящее решение, прошедшее все инстанции, кроме высшего органа КПСС, каковым является Съезд партии, не должно дать повода для сомнений в том, продолжаю ли я считать себя коммунистом. Безусловно да! И уверен, что рано или поздно я в партии восстановлен буду.

Заранее благодарен тем, кто вместе со мной разделяет эту мою глубокую уверенность.

А. Алексеев, 9.10.85

Ремарка: предвидел, но не все...

Заявляя, что «рано или поздно» будет восстановлен в партии, социолог-испытатель не ошибся. Вот только не предвидел, что несколько лет спустя сам не захочет в этой партии оставаться...

Пока же... См. ниже. (Сентябрь-ноябрь 2000).

Из обращения-апелляции к XXVII съезду КПСС (февраль 1986)

<...> Решение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 11.10.85 принято на основе справки по моему вопросу, подготовленной сотрудником КПК А. П. Шадриним. Эта справка игнорировала **все** аргументы моей апелляции в КПК при ЦК КПСС от 28.07.85 г.

Мой партийный стаж — 23 года. По образованию — журналист, основная профессия — социолог. В минувшей пятилетке мною был предпринят научно-практический эксперимент наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации в качестве рабочего. До этого работал в Институте социально-экономических проблем АН СССР. В 1975–76 гг. был секретарем партбюро этого института. В 1964–1965 гг. — заведовал отделом промышленности «Ленинградской правды». Как умел, всю жизнь старался быть полезным делу коммунистического строительства.

Вовсе не оспаривая допущенных мною действительных ошибок, которые ныне мною хорошо осознаны, я считаю часть выдвинутых против меня обвинений ошибочными, а решение об исключении меня из партии — несправедливым. Реализуя свое право коммуниста, исключенного из партии, апеллирую к Съезду КПСС — прошу о восстановлении меня в рядах КПСС.

Считаю дело партии — делом своей жизни. Хочу с максимальной отдачей способствовать претворению в жизнь решений, выработанных коллективным разумом КПСС.

А. Алексеев. 21.02.86

Ремарка: слушайте, слушайте! Не забывают!

Этот «новоязовский» текст заслуживает лингвосоциопсихологического анализа (пользуясь термином Т. Дридзе):

- «...как умел, всю жизнь старался быть полезным делу коммунистического строительства...». (а ведь — и правда: старался!..);

- «...право коммуниста, исключенного из партии...» (подразумевается: «из партии исключен, но остаюсь коммунистом...»);

- «...считаю дело партии — делом своей жизни...» («дело партии» — то ли идеал, то ли «превращенная форма»);

- «...хочу с максимальной отдачей...» (ср. со стандартной формулировкой заявлений о вступлении в партию 60–70-х гг.: «Хочу быть в передовых рядах строителей коммунизма...»);

- «...коллективный разум КПСС...» (почти — «Высший разум...»). (Ноябрь 2000).

10.13. Социологическая ассоциация очищает свои ряды

Несколько вступительных слов

Как уже говорилось (в одном из писем), на протяжении всего 1985 года предпринимались попытки исключить социолога-рабочего из Советской социологической ассоциации.

Попытки не удавались: то — не собрать кворум бюро ЛО ССА, то я сам находил повод не явиться на заседание. В конце концов было сочтено возможным и необходимым рассмотреть персональное дело в отсутствие «героя».

Ниже — несколько документов, относящихся к этим событиям. (Октябрь 2000).

10.13.1. Попытка диалога

Объяснение члена ССА (апрель 1985)

В бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения ССА
Копия: в бюро секции заводских социологов ССА
от Алексеева А. Н., слесаря Ленинградского завода полиграфических машин, кандидата философских наук, члена ССА с 1969 г.

Я являюсь членом Советской социологической ассоциации на протяжении 15 лет. Будучи профессиональным социологом, все это время принимал активное участие в работе этой добровольной общественной организации.

В январе 1985 г. я получил от председателя бюро ЛО ССА проф. Б.Д. Парыгина экстренное и без объяснения цели приглашение явиться на заседание бюро. За несколько часов до начала заседания это приглашение было отменено. А в феврале 1985 г. секретарь бюро Г.А. Румянцева известила меня, что в ЛО ССА создана комиссия по изучению моей социологической работы.

1 апреля 1985 г. состоялась встреча с членами этой комиссии — Ю.И. Гревцовым (он же — председатель ревизионной комиссии ЛО ССА) и Н.С. Мирошниченко (он же — зам. председателя бюро ЛО ССА). Названные товарищи информировали меня о действительной цели работы комиссии. Как выяснилось из беседы, еще в январе с.г. председателем бюро отделения проф. Парыгиным инициативно был поставлен вопрос о «выведении» (исключении) меня из состава Советской социологической ассоциации. Для подготовки этого вопроса на заседании бюро, как оказалось, и создана эта комиссия, которая вовсе не предполагает изучать мою работу в целом. Постановка вопроса о дальнейшем членстве в ССА связывается, как мне было сказано, с серьезными нарушениями порядка и условий научной деятельности, в частности — порядка обращения с материалами, имеющими гриф «для служебного пользования». Мне было предложено написать объяснение; комиссия обещала до обсуждения вопроса на заседании бюро ознакомить меня со своей справкой.

Должен сообщить бюро ЛО ССА, что беседа с тт. Гревцовым и Мирошниченко, происходившая в присутствии т. Румянцевой, оставила у меня чувство глубокого недоумения.

Как бюро наверняка известно, еще год назад (весной 1984 г.) мне были предъявлены государственной, а вслед за тем и партийной организацией, — серьезные обвинения, которые в целом можно определить как политические. По этим обвинениям я был в мае 1984 г. исключен из партии. После полугодичного рассмотрения моей апелляции, бюро Ленинградского горкома КПСС не нашло возможным восстановить меня в партии, хотя и существенно пересмотрело

первоначальную формулировку исключения (решение бюро ЛГК КПСС от 16.01.85).

Месяц назад (4 марта с.г.) мною была подана апелляция в вышестоящую партийную инстанцию (Ленинградский обком КПСС). Ответа на нее я пока что не имею.

Из беседы с тт. Гревцовым и Мирошниченко явствует, что комиссия ЛО ССА знакомилась с материалами партийного дела, хранившегося до последнего времени в Ленинградском горкоме КПСС. Знакомство это, судя по отдельным замечаниям членов комиссии, является беглым, по-видимому, выборочным, однако сам факт знакомства не вызывает сомнений.

В чем же увидела свою задачу комиссия ЛО ССА в этой ситуации? По меньшей мере удивительно, что руководство Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации (оба члена комиссии являются ответственными представителями этого руководства) умудрилось «пройти мимо» упомянутых серьезных политических обвинений, выдвинутых против члена ССА. Или, по крайней мере, сделало вид, что оно их не заметило.

Вот, что член ССА допустил, как утверждается, нарушение порядка работы с документами «для служебного пользования», — это «по нашей части», тут есть повод для постановки вопроса об исключении. А все остальное Советской социологической ассоциации вроде бы и не касается. Это — «не наше дело».

По тому, как узко очерчивают эти товарищи компетенцию возглавляемой ими организации и свою собственную позицию, можно подумать, что со мной беседовали деятели общества филателистов или спасения на водах, а не научно-идеологической общественной организации [! — А. А.], ставящей своими основными задачами «всемерное содействие творческой деятельности ученых в области марксистской социологии в тесной связи с практикой коммунистического строительства и развитием научных знаний, более широкое привлечение и пропаганду марксистской социологии в нашей стране и за рубежом, борьбу с буржуазными социологическими теориями» [цитата из тогдашнего Устава ССА. — А. А.].

По-моему, коль скоро против члена ССА выдвинуты **политические** обвинения (справедливые или несправедливые — другой вопрос!), первой обязанностью руководящего органа, занявшегося этим делом, является самоопределение по данному, ключевому вопросу, а не только по относительно частному (хотя бы и немаловажному) пункту, каковым является, например, обращение с научными документами «для служебного пользования».

Тот подход к делу, который продемонстрировали руководители ЛО ССА в нашей беседе 1 апреля с.г., представляется мне недопустимо **аполитичным** [! — А. А.], уклончивым, смазывающим острые углы, не отвечающим высоким требованиям к общественной научной организации, имеющей содержанием своей деятельности развитие исследований в области общественной науки.

Думаю, что такая «беспартийная» позиция не к лицу ассоциации, являющейся **партийной** [! — А. А.] по самому своему определению. Партийная организация исключила Алексеева из своих рядов за политические ошибки, которые, как предполагается, он допустил, хотя и оспаривает это. Не уклонился от этого острого вопроса и Секретариат правления Ленинградской организации Союза журналистов СССР, также рассматривавший его (август 1984 г.). А руководство ЛО ССА считает достаточным исключить Алексеева из Социологической ассоциации «за нарушение порядка и условий научной деятельности» (дословно цитирую тов. Гревцова).

Создается впечатление, что комиссия больше озабочена «благополучным» осуществлением процедуры исключения, чем разбором дела по существу...

Ремарка: «...нарушил порядок и условия...»

Если полгода назад, в самообороне против чиновников Союза журналистов СССР, социолог-испытатель уклонялся от идеологической дискуссии, то теперь он ее «провоцирует»: он, похоже, готов «вести бой» на этой территории, набравшись опыта в «разговорах в Смольном» и т. п. (см. выше). Его нынешним оппонентам нужно одно: отрапортовать, по инстанциям, что А. «выведен» из рядов социологической ассоциации. Не важно как и за что. А им, видите ли, предлагается... «занять позицию»! Пришлось-таки в конце концов позицию занять (см. ниже). (Ноябрь 2000).

...Некоторая «опасливость» руководства ЛО ССА проявляется и в безоговорочном отказе от обсуждения моего вопроса на секции заводских социологов, членом которой я являюсь. Вместе с тем, налицо откровенное стремление «предрешить» результат обсуждения (еще до выслушивания объяснений постулируется крайняя мера воздействия к члену ассоциации). Тем не менее, комиссия заинтересована в соблюдении хотя бы минимума формальных моментов (объяснение обвиняемого, подготовка справки, обсуждение на бюро).

Но, в конце концов, главное не в этом. Из того, как поставлен вопрос комиссией, видно, что руководство отказывается, как уже было сказано, от принципиального и партийного [! — А. А.] разговора.

Было бы нелепо в этой ситуации давать объяснения по вопросам, которые тебе прямо не заданы. Поэтому в настоящем объяснении мне остается лишь констатировать, что все, что я имел сказать по существу предъявленных мне обвинений (включая и те, которые можно, хотя бы с натяжкой, подвести под понятие «нарушение порядка и условий научной деятельности»), со всей определенностью и самокритичностью высказано мною в партийной апелляции от 3.03. С этим документом я ознакомил коммунистов, членов комиссии ЛО ССА тт. Гревцова и Мирошниченко.

Разумеется, я не могу предугадывать результаты рассмотрения моей партийной апелляции. Но думаю, что эти результаты будут не безразличны и для бюро ЛО ССА.

Члены комиссии ЛО ССА тт. Гревцов и Мирошниченко были информированы мною также, вкратце, о содержании и параметрах моей научной деятельности за период 1980–1984 гг. и о моей работе в качестве члена ССА.

В заключение хочу обратить внимание бюро ЛО ССА на одно специфическое побочное обстоятельство предполагаемого разбора моего дела.

Сама постановка вопроса об исключении из ССА в Ленинградском отделении является беспрецедентной (за 15 лет такого случая, насколько мне известно, не было). Причем запланировано обсуждение этого вопроса на заседании бюро 19 апреля с.г., т. е. за пять дней до очередного отчетно-выборного собрания ЛО ССА, назначенного на 24 апреля.

Некоторая двусмысленность ситуации состоит в том, что руководство ЛО ССА намерено провести это обсуждение (и, по-видимому, решение) именно в своем **нынешнем** составе, определившись на собрании Отделения 17 января 1983 г. Между тем, члены бюро ЛО ССА, вероятно, помнят, что именно А. Алексеев был тем самым членом ССА, который на собрании 1983 г. публично обратил внимание на его [собрания. — А. А.] неправомочность (в выборах нынешнего бюро тогда принимала участие едва треть всего состава организации). Этот проблемный вопрос в свое время был поднят мною в письме на имя секретаря Ленинградского ОК КПСС тов. Захарова от 28.01.83. Не найдя

поначалу поддержки в отделе науки ОК КПСС, я тогда обратился с письмом в отдел науки ЦК КПСС (от 29.03.83) и в общей постановке вопроса был поддержан.

Тем не менее, нынешнее руководство ЛО ССА продолжало осуществлять свои функции, за 2 года так и не озаботившись тем, чтобы провести повторное собрание — для подтверждения своего «мандата» от действительного большинства членов Ленинградского отделения ССА.

Строго говоря, нынешний состав бюро ЛО ССА, не будучи «законно» избран на отчетно-выборном собрании, **неправомоchen** решать вопрос об исключении члена ассоциации из ее рядов.

Избежать еще и этого нарушения норм демократического централизма (не говоря уж об отмеченной двусмысленности ситуации) нетрудно, отодвинув предполагаемое обсуждение всего на несколько дней и предоставив решение персонального вопроса новому составу бюро Отделения, который будет избран в апреле 1985 г. на отчетно-выборном собрании, где, надеюсь, казус 1983 г. не повторится.

(Сказанным я, конечно, не хочу бросить тень или поставить под сомнение авторитет конкретных лиц, входящих в нынешний состав бюро.)

Это последнее соображение, разумеется, является частным, по сравнению со сказанным мною выше — насчет занятой нынешним руководством ЛО ССА далеко не принципиальной, уклончивой позиции. Но и оно заслуживает учета при подготовке разбора моего дела руководящим органом Отделения ССА.

А. Алексеев, 7.04.85

[Читая этот текст, можно подумать, что социолог-испытатель «знает» судьбу, которая постигнет тогдашнее руководство ЛО ССА два года спустя, когда оно будет «сметено» — «волной» перестройки (март 1987). Но нет, не знал... — А. А.]

10.13.2. Монологи на заседании бюро ЛО ССА

Из протокола № 1 заседания бюро ЛО ССА (10 января 1986 г.)

Присутствовали: <...> *[Список присутствующих здесь не приводится, поскольку, как выяснилось позднее, не все указанные в протоколе лица действительно присутствовали на этом заседании. — А. А.]*

Повестка дня:

- 1) Итоги Пленума правления ССА «Октябрьский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС и задачи социологической науки в решении проблем ускорения социально-экономического развития советского общества» (д. ф. н., проф. Парыгин Б. Д.).
- 2) План мероприятий по реализации критических замечаний, высказанных на заседании Президиума ССА 11 октября 1985 г. (д. ф. н., проф. Парыгин Б. Д.).
- 3) Информация о работе социологической службы НПО «Уран» (рук. социологической службы Синов В.В.).
- 4) Обзор планов работы исследовательских секций на 1986 г. (Румянцева Г. А.).
- 5) Персональное дело члена ССА к.ф.н. Алексеева А. Н.
- 6) Прием в члены ССА.

<...> 5. Персональное дело.

Парыгин Б.Д. *[председатель бюро ЛО ССА. — А. А.]* Сегодня мы рассматриваем персональное дело члена ССА А. *(Здесь и далее в оригинале документа — фамилия. — А. А.)*. Докладит председатель комиссии Гревцов Ю.И.

Гревцов Ю.И. Зачитывает справку комиссии.

Парыгин Б.Д. Хотелось бы послушать членов комиссии.

Воронцов А.В. Когда я знакомился с делом в ОК КПСС, то у всех членов комиссии было единодушное мнение — исключить А. из членов ССА. Чего он добивается? Все его высказывания — с позиций антикоммунизма. К примеру, он приводит в дневниках высказывания Бжезинского и нет ни слова о социализме. Руководителей подразделений он называет генеральными марионетками. *[Интересно, что ни цитат из Бжезинского, ни выражения «генеральные марионетки» в «Письмах...» социолога-рабочего нет. — А. А.]* Он использовал данные социологического исследования, которое он проводил один, без экспертов, использовал данные с одной стороны — найти отрицательный ответ. Анкета — 45 экспертов — в формулировке «кризис» нашего общества, а также его выводы, основанные на этих 45 интервью — «общество утратило идеал и перспективы развития», «коррупция на всех уровнях», «рост бесхозяйственности».

Меня удивляет поток писем А. в свою защиту. Это в какой-то степени человек бессовестный, нам надо было пригласить корреспондента из «Ленинградской правды» и осветить его деятельность.

Федосеев А.А. А материалы исследований были представлены А. куда-либо? На Запад его материалы не попали?

Гревцов Ю.И. Нет, его материалы распределялись в кругу его друзей и сочувствующих. На Запад материалы его исследований не попали. Распространялись только среди знакомых разных городов.

Мирошниченко Н.С. Не знаю, что добавить. Все это верно. Я думал в начале работы комиссии, что какие-то материалы есть, а когда стали смотреть материалы, то увидели, что его никак нельзя понять. К нам в процессе работы подходили многие товарищи, которые говорили, что А. много сделано, у него много монографий, но никто нам ничего не дал в письменном виде. По материалам дела — у него 500 страниц, особенно дневник «Писем», материал не предназначался для работы, но все это распечатывалось и рассылалось. Подход действительно его тенденциозный.

Тов. А. все это понял и свои ошибки признал в апелляции в партийные органы [*? — А. А.*]. Мне казалось, что на нашем бюро он что-то скажет в свое оправдание. Но этого не случилось.

Парыгин Б.Д. Кто желает еще высказаться?

Ельмеев В.Я. Мы слышим, что бывают такие выступления и за рубежом. Чем объяснить этот факт? Видимо, низким научным уровнем. Деятельность А. вредная тем, что он решил социологию использовать не для целей укрепления социалистического общества.

Лисовский В.Т. Ведь он не ребенок и должен знать, с каких позиций он выступает. А., видимо, извлек только плохое из общения с рабочим классом. Решение наше должно быть однозначным — исключить его из членов ССА. *[Комментарий см. ниже. — А. А.]*

Максимов Б. И. Я не член бюро. Хочу призвать членов бюро к повышенной внимательности ввиду уникальности рассматриваемого дела, незаурядности личности А. Им допущены серьезные ошибки. Вместе с тем ему присущи большие достоинства. Это человек чрезвычайной работоспособности, им опубликовано более 100 научных работ. Результаты, полученные А. во время работы на заводе и отраженные в научных отчетах, в большой статье для журнала «Системные исследования», имеют важное значение с точки зрения совершенствования хозяйственного механизма. При поступлении на завод А. руководило стремление глубже понять природу социально-экономических

отношений в производственном коллективе, с целью разработки предложений по совершенствованию хозяйственного механизма. А. сознательно шел на ухудшение своего положения, связанного с проведением включенного наблюдения, надо отдать должное его гражданскому и научному мужеству.

Выражаю мнение, что ошибки А. есть именно ошибки, но не злоумышленные действия. При сопоставлении их с заслугами А. можно ставить вопрос об оставлении его в составе ССА, при вынесении соответствующего взыскания.

Пашков А.С. [*директор НИИКСИ при ЛГУ. — А. А.*] Лично не знаю, но как юрист считаю, что есть основания для квалифицирования уголовного преступления. Что это — заблуждение или сознательный источник? Почему распространял письма антисоветского содержания? С ним поступили очень гуманно. Будучи специалистом, он злоупотреблял правами члена ССА. В ходе исследования мы можем получать разную информацию, вопрос в том, как к ней относиться.

Сигов И.И. [*директор ИСЭП АН СССР. — А. А.*] Пришлось некоторое время работать с А. Считаю, что комиссия проделала очень тщательную работу и все это верно отражено в справке комиссии. Основное в материалах А. — цинизм. Это человек, который действует не с позиции что-либо дать, а только критиковать. Комиссия объективно оценила его дело.

Парыгин Б.Д. Складывается ясная картина. Налицо факт политического цинизма и негативизма. Вывод ясен — сформулированный комиссией. Я убедился в его наклонности к сепаратизму еще 10 лет назад. Прошу председателя комиссии зачитать проект постановления.

Гревцов Ю.И. [*зав. лабораторией НИИКСИ при ЛГУ. — А. А.*] Зачитывает проект постановления:

Заслушав и обсудив справку комиссии по рассмотрению персонального дела члена ССА, к.ф.н. Алексеева А. Н., бюро ЛО ССА **постановляет**:

— За серьезные нарушения принципов Устава Советской социологической ассоциации (ст. 4 и 15-в), этики советского ученого, выразившиеся в проведении политически не выдержанного, тенденциозного исследования, грубых нарушениях правил использования и хранения документов служебного характера, распространении среди знакомых материалов политически вредного характера, а также материалов, имеющих гриф «для служебного пользования» — исключить Алексеева А. Н. из членов Советской социологической ассоциации (в соответствии со ст. 16 и 17 Устава).

— Решение бюро направить на утверждение в Президиум правления ССА.

— Просить Президиум правления ССА опубликовать информацию о принятом решении в журнале «Социологические исследования».

Парыгин Б.Д. Голосуем за формулировку предложенного комиссией проекта.

Постановили: Исключить Алексеева А. Н. из членов ССА с предложенной комиссией формулировкой.

Председатель бюро, д. ф. н., проф. Б. Д. Парыгин

Ученый секретарь Г. А. Румянцева

Примечание. Б.Д. Парыгин тогда — зав. сектором Института социально-экономических проблем АН СССР, ныне — профессор Гуманитарного университета профсоюзов.

Ремарка: «Пусть уж будет все как было...» (Владимир Лисовский). Не далее, как сегодня (31.10.2000), на защите докторской диссертации А.В. Тихонова, на Ученом совете социологического факультета Санкт-Петербургского университета, я встретил одного из своих тогдашних оппонентов — докт. филос. наук, профессора факультета социологии СПбГУ,

главного научного сотрудника НИИКСИ СПбГУ — Владимира Тимофеевича Лисовского.

В. Л. сам завел речь об этом эпизоде 15-летней давности. Он сказал, что глубоко сожалеет о случившемся и приносит мне извинения.

Я эти извинения принял, а потом заметил, что поставлен нашим разговором в затруднение: в мою книгу уже включен протокол того самого заседания, где... и т. д. Следует ли мне теперь сделать купюру в публикации документа или...

Владимир Лисовский сказал, что купюру делать не надо, и разрешил мне обнародовать его извинения. (Октябрь 2000).

10.13.3 <...>

10.14. «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки»

10.14.1. «Человеческий фактор» перемен: за и против. «Экспериментальная» ситуация противодействия переменам

[Последующие обращения социолога-испытателя в высшие партийные инстанции (1986–1987) постепенно переросли в «проблемные записки», где критическая постановка общих вопросов партийной и общественной жизни превалирует, а иногда и вытесняет тему личной «партийной судьбы». Ниже — письмо М.С. Горбачеву (март 1986). Публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

А. Алексеев — Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву (март 1986)

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Ждал Вашего доклада на Съезде КПСС, чтобы окончательно решить для себя вопрос о целесообразности обращения к Вам с этим письмом. Вижу, что не только целесообразно, но и должен это сделать. <...>

Вкратце

Автор приветствует доклад М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС как «отвечающий чаяниям массы советских людей — таким чаяниям, которые до недавнего времени не было принято высказывать вслух, по крайней мере — во всеуслышание».

Приводит в качестве примера попытку разработки опросной методики «Ожидаете ли Вы перемен?», которая, «оказавшись неудачной», может служить примером того «предощущения перемен», которое «давало импульс этой работе», и т. д.

«...Теперь читаю Политический доклад ЦК КПСС — как ответ коллективного разума партии на эти давно волновавшие меня (и, конечно же, не только меня) вопросы...».

<...> Но остается серьезная опасность сопротивления начавшимся переменам. Ведь в них не заинтересованы не только подпольные миллионеры или закоренелые алкаши. Существенно важно правильно оценить, **кто, каким образом и в какой мере** может оказать, да, по существу, уже и оказывает им противодействие. Тут каждому следует задуматься, **что** он лично может сделать,

чем способствовать предстоящей очистительной и мобилизующей работе.

Думаю, что могу быть полезен и я.

Противодействовать современным переменам в экономической, социальной, политической жизни можно, одобряя на словах новые партийные установки. Носителей такого **приспосабливающегося противодействия** будет, насколько я могу судить, относительно немного среди рядовых тружеников (рабочих, крестьян, народной интеллигенции), зато не так уж мало на разных, в том числе средних и низших уровнях хозяйственного, ведомственного, государственного управления и партийного руководства.

Бюрократизм, показуха, безответственность, личные амбиции мелких и крупных начальников, разнообразные формы ущемления творческой инициативы, привычка к администрированию, с одной стороны, и к бездумному исполнению, с другой, демагогически искусственное «разгильдяйство» и «прохиндейство» — все это явления, успевшие пустить глубокие корни.

Выкорчевывание этих корней — в известном смысле потруднее осуществляемого ныне обновления кадров на высших руководящих постах или разоблачения очевидных перерожденцев. Это — работа не на месяцы, а на годы.

Разумеется, Генеральному секретарю эта опасность видна. Но чтобы успешно преодолеть сопротивление накопленной инерции, не существующей иначе, как во взглядах и поступках конкретных людей, необходимо исчерпывающее, достоверное знание о ее, этой инерции, источниках, формах и силе. Свою скромную лепту в это знание хотел бы внести и я, полагая, что всякий личный, а тем более профессионально-исследовательский опыт здесь может быть полезен.

<...> Трудно сказать, какая из профессий является ныне для меня основной. Я — социолог (кандидат философских наук, имею ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «прикладная социология») и одновременно рабочий (слесарь механосборочных работ Ленинградского завода полиграфических машин). Шесть лет назад (в 1980 г.) мною было начато экспериментальное социологическое исследование социальных и социально-психологических предпосылок повышения трудовой и общественной активности работника на производстве. В соответствии с исследовательским замыслом я при этом сам **стал рабочим**.

Мой научно-практический эксперимент, исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», начался при поддержке ленинградских партийных органов, был частью плана НИР Института социально-экономических проблем АН СССР. Основными объектами изучения при этом были «инновационные» процессы — внедрение новой техники и технологии и развитие бригадной формы организации и стимулирования труда. В тот и другой социальные процессы я был непосредственно включен, будучи наладчиком нового, в ту пору уникального на заводе оборудования, а затем и членом комплексной бригады, работающей на единый наряд.

Экспериментальный характер проводимого исследования и моя личная убежденность в необходимости ряда существенных перемен диктовали мне достаточно нестандартную линию поведения, нарушающую многие сложившиеся стереотипы. В качестве рабочего я энергично лично вмешивался в процессы, которые изучал как социолог, и одновременно искал новые формы их научного отображения и социологического осмысления.

Со временем мои индивидуальные усилия преодолеть «известную отдаленность» нашей общественной науки от запросов жизни стали раздражать определенную категорию людей из кругов научного, хозяйственного, партийного

руководства. Потом оно показалось им «угрозой». Кто-то был, возможно, искренен, а кто-то преследовал и свою корыстную цель. Во всяком случае многое было сделано, чтобы скомпрометировать мои действия, жизненные и исследовательские шаги, и это отчасти удалось.

Особенность моего случая в том, что мне были предъявлены политические обвинения. В 1984 году я был исключен из партии, далее — из некоторых профессиональных общественных организаций (Союз журналистов СССР, Советская социологическая ассоциация), чему предшествовали, с моей точки зрения, сомнительные действия правоохранительных органов (1983 г.). Некоторые обвинения со временем отпали, не получив подтверждения, некоторые же, являющиеся результатом предвзятого истолкования ряда моих исследовательских шагов, удержались вплоть до рассмотрения в высших партийных инстанциях.

Я опровергал политические обвинения, не оспаривая нескольких действительно совершенных профессиональных ошибок. Однако реабилитации добиться пока не удалось.

В какой-то момент я понял, что силою обстоятельств (среди которых и моя роль, пожалуй, не пассивна) рамки эксперимента социолога-рабочего расширились. «Экспериментальной» стала сама ситуация противодействия тем попыткам откровенного, реалистического анализа, критической постановки общественных вопросов, которые мною предпринимались и в качестве рабочего, и в качестве ученого, и в качестве журналиста.

В настоящем письме не место пересказывать все подробности и даже основные результаты этого социального эксперимента, поставленного «на самом себе». Это сделано в отдельной записке, условно названной мною «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки». Она обобщает результаты разработки научного направления, в рамках которого оказалось возможным проанализировать переплетение технологических, экономических и социальных проблем производства с позиций рабочего, участвующего во внедрении новой техники и бригадного подряда. Она, далее, позволяет на примере моей личной судьбы, как ученого и коммуниста, увидеть позиции отдельных представителей разных общественных групп по отношению к попыткам изменить ситуацию, сложившуюся на производстве и в общественной науке. Эта записка, как мне кажется, может служить **наглядной иллюстрацией** того, какие силы и в каких формах могут и, наверняка, еще будут противодействовать переменам и «укрощать» тех людей, которые готовы их осуществлять не на словах, а на деле.

Упомянутую записку я хотел бы представить в ЦК КПСС и готов сделать это по первому требованию. (Мне не хотелось бы передавать ее в местные партийные органы, поскольку критический анализ в ней во многом затрагивает отдельных работников ОК КПСС.)

В заключение несколько слов о своей личной партийной судьбе. Я считаю, что в отношении меня допущена ошибка, которая в конце концов, как я верю, будет исправлена. XXVII съезду КПСС отправлено мое письмо с просьбой о пересмотре решения об исключении меня из рядов КПСС. Цель настоящего письма — другая. Я считаю, что проделанная мною работа представляет общественный интерес, и хочу, чтобы ее результаты послужили тому благотворному процессу, который начался в партии и в стране.

С уважением

А. Н. Алексеев, 2.03.86

10.14.2. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

[Ниже — два фрагмента (вступление и заключение) инициативной аналитической записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (1986). Записка была передана в партийные органы лишь несколько месяцев спустя. — А. А.]

Из записки для ЦК КПСС (апрель 1986)

<...> Одним из узловых вопросов современной перестройки экономической, социальной, политической жизни общества является вопрос о содержании и формах действия человеческого фактора общественных перемен. Важно разобраться, кто действительно желает сегодня перемен, так или иначе способствует им, а кто способен только мешать оздоровлению общественной атмосферы, вовсе не будучи заинтересован в таком оздоровлении, но, разумеется, приспособившись к новой ситуации. Какая жизненная позиция действительно отвечает требованиям того исторического периода, в который вступило наше общество. Наконец, как именно предстоит интенсифицироваться человеческому фактору, каковы пути его оптимальной организации и эффективной реализации личностного потенциала.

Я буду говорить об этом не вообще, а на собственном жизненном примере, являющемся, как мне кажется, и уникальным, и типичным одновременно. Моя профессия — социолог. И эта записка может рассматриваться как своего рода отчет о социологическом эксперименте, поставленном «на самом себе». В чем состоит эксперимент, как он начинался и какое продолжение получил — будет видно из последующего изложения.

Записка обильно документирована (Приложения: 0; А.1–12; Б.1–36; В.1–2).

Собственное содержание прилагаемых документов, как правило, пересказываться здесь не будет. В известном смысле сама записка оказывается комментарием или «путеводителем» по этим документам. Поэтому знакомиться с соответствующими приложениями целесообразно по ходу чтения настоящей записки.

Следует оговорить, что основной текст составлялся в январе-феврале 1986 г., т. е. до открытия XXVII съезда КПСС.

Предложение представить эту записку в центральные партийные органы содержится в моем обращении к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, от 2.03.86. <...>

<...> **Перемен не надо ждать, перемены надо делать.** Таким видится главный общественно-политический урок из моего личного опыта социологического экспериментирования, не сводимого к отдельно взятой производственной сфере. Вопреки обывательскому «здоровому смыслу» я вовсе не считаю этот опыт отрицательным.

А. Алексеев, январь-апрель 1986 г.

Ремарка 1: эскиз для «Драматической социологии».

Инициативная аналитическая записка для ЦК КПСС, под указанным названием, объемом около 2 печ. листов, имела следующую структуру:

1. «Ожидаете ли Вы перемен?»
2. Социолог-рабочий
3. Начало противодействия
4. Работа правоохранительных органов

5. Партийное дело
6. Реакции общественных организаций
7. Из наблюдений социолога-рабочего последнего времени
8. Надо ли беречь «неудобных»?

К записке прилагалась композиция из 50 документов, относящихся к эксперименту и к «делу» социолога-рабочего.

В сущности, эта работа 1986 г. была первым наброском настоящей книги. (Сентябрь 1999 — октябрь 2000).

Ремарка 2: «данное» или «наше» общество?

Среди 50 документов, прилагавшихся к упомянутой аналитической записке для ЦК КПСС, был и такой: «Вопросы из пробного варианта социологического интервью “Ожидаете ли Вы перемен?” (составитель — А. Н. Алексеев, 1978 г.)».

Социолог-испытатель отмечает в своей записке:

«...Оригинал вопросника у меня к настоящему времени не сохранился. Однако в прошлом, 1985 году обстоятельства заставили напрочь память и восстановить по крайней мере ключевые вопросы...»

(Ну, это утверждалось — «на всякий случай»: одним из экземпляров вопросника автор тогда все же располагал.)

Интересно следующее обстоятельство: в оригинале вопросника фигурировало словосочетание **«данное общество»**. («Исходя из Вашего опыта, с учетом Ваших жизненных наблюдений и размышлений, как бы Вы охарактеризовали общую тенденцию развития данного общества за последние 10–15 лет?» И т. д.). В тексте же, отправленном тогда в ЦК, автор написал: не «данное», а **«наше общество»**.

Вряд ли это было aberrацией памяти... (Ноябрь 2000).

От автора — сегодня

Дальнейшее развитие «дела» социолога-рабочего существенно обусловлено эскалацией общественных перемен. Уже через несколько месяцев после вышеприведенного обращения к М. С. Горбачеву социолог-испытатель писал в своем заявлении в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС (август 1986):

«...Обвинения, выдвинутые в 1984 г., сегодня, после XXVII съезда КПСС, трещат по швам, настаивать на них остается лишь тем, кому неуютен ветер перемен и кого он, вероятно, вот-вот сметет... Вообще говоря, вопрос о моей партийности теперь уже не только моя личная проблема...». Что было потом — выходит за хронологические рамки событий, описанных в этой книге.

Завершим эту главу краткой биографической справкой, отражающей взаимоотношения социолога-испытателя с коммунистической партией. Автор этих строк вступил в КПСС в июне 1961 г. Был исключен из партии в апреле 1984 г. Восстановлен в партии, без перерыва в стаже, в апреле 1988 г. Добровольно вышел из рядов КПСС в июле 1990 г.

С тех пор и по сей день — **беспартийный**.

А. А., апрель 2001

<...>

... Скорее по своему темпераменту и в силу приобретенного опыта, а отнюдь не из принципа я безразличен к тому, что не находится в моей власти. Не в первый раз я попадаю в положение, из которого не вижу выхода, но это было бы впервые, если бы я его не нашел. Любопытство к тому, что будет дальше, вот главное, что я чувствую в таких случаях. (Выделено мною. — А. А.) Я просто использую те средства, которые мне представляются лучшими, и спокойно жду результата... Из письма Фихте — Канту. 1791 (цит. по: А. Гулыга. Кант, М., ЖЗЛ, 1977, с. 223).

...Поход в Мордор кажется безрассудным. Так пусть безрассудство послужит нам маскировкой, пеленой, застилающей глаза Врагу. Ему не откажешь в лиходейской мудрости, он умеет предугадывать поступки противника, но его сжигает жажда всевластия, и лишь по себе он судит о других. Ему наверняка не придет в голову, что можно пренебречь властью над миром, и наше решение уничтожить Кольцо — поход в Мордор — собьет его с толку... Д. Р. Толкиен («Властелин колец»).

...Таких, которые делают свое дело, а оно оказывается полезным для всех, на этом свете пока мало. Зато тех, что делают свое дело, а оно приносит всем зло, — такими людьми мир забит... Если их всех мнить своими врагами, тогда по одну сторону останешься ты один-одинешенек, а по другую сторону они — все вместе. И они тебя одолеют... За какое бы дело ты ни брался, если не пойдешь к нему с любовью в душе, тебе его не одолеть. Раз ты решил, что этот человек твой враг, ты его возненавидел, а чтобы зло, им принесенное, обратить в добро, в этом ненависть тебе — не товарищ и не советчик. Оттого ты и не должен в дурном человеке видеть врага. (Выделено мною. — А. А.) Пусть он считает тебя врагом и бьется с тобой, пусть он гонитель, а

ты гонимый, — тогда люди возьмут твою сторону. Ни врагом, ни другом дурного человека не считай. Ты должен видеть порчу, идущую от него, зло, им творимое, — и все. Вот эту порчу и это зло ты должен преследовать, чтобы превратить их в добро. Люди же увидят, что хорошее победило дурное, и станут подражать тебе, сами сделаются лучше, чем были, больше их станет, таких людей, и тогда дурным словам и мыслям все труднее будет находить себе поле...
Ч. Амирэджиби («Дата Туташиа»)

(23)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-i-sociologicheskaya-refleksiya-polozheniya-vydvigaemye-na-zaschitu>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ.
ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫДВИГАЕМЫЕ «НА ЗАЩИТУ»**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 04.05.2016

«Познавательный эффект действия не сравним с простым феноменологическим описанием. Не говоря уж о том, что сама по себе проблема, что обстоятельства делают с человеком, куда менее интересная, чем проблема, что человек может сделать с обстоятельствами» (А. А.). Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (23).

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

<...>

Глава без номера (между 10-й и 11-й). Прологомены

0.1. Так что же такое — драматическая социология?

Ниже — несколько извлечений из первых двух томов книги, вышедших ранее. Данный раздел адресован преимущественно тем читателям, кто не знаком с этими томами. — А. А.]

(Автоцитаты взяты преимущественно из «Предисловия», открывающего собой том 1 настоящей книги. См. также: Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ Института социологии РАН, 1997).

...Несколько лет назад, в издании Института социологии Российской академии наук, вышла книга: А.Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997, 658 с. Она включала в себя свыше ста разножанровых текстов, объединенных периодом создания (80-е гг.) и, отчасти, сквозным сюжетом. Этим сквозным сюжетом был так называемый **эксперимент социолога-рабочего**.

Автор-социолог по собственной инициативе поставил себя в положение рабочего одного из ленинградских заводов, что сделало возможным проведение исследования, предмет которого тогда формулировался как «человек в системе реальных производственных отношений». Рабочая карьера автора (наладчик-повременщик, потом — слесарь-сдельщик) и, соответственно, полевой этап исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», продолжались 8,5 лет.

Работая тогда на заводе, автор не оставлял и своих прежних занятий в области социологии личности, социологии культуры, методологии социологических исследований. Некоторые сочинения на эти темы также были представлены в упомянутой книге.

Кроме того, в ходе эксперимента социолога-рабочего возникли «привходящие» жизненные обстоятельства, вовсе не предполагавшиеся вначале (политические обвинения и меры пресечения со стороны официальных органов в 1983–1984 гг.). Надо сказать, то был «счастливый случай», поскольку, будучи включены в круг социологического наблюдения, эти новые обстоятельства позволили автору расширить поле и углубить выводы.

В итоге сложился комплексный предмет исследования, который можно определить как «взаимодействие личности и общества; человек в системе реальных общественных отношений».

Понятна вся неисчерпаемость такой предметной области. Однако, в меру своих сил, автор постарался осветить эту область средствами «экспериментальной социологии» (наш термин 80-х гг., впоследствии смененный на «драматическую социологию»). (От автора — сегодня. 2002)

<...> Лучший способ понять некоторый механизм — это разобрать его и собрать обратно.

Познавательный эффект действия не сравним с простым феноменологическим описанием. Не говоря уж о том, что сама по себе проблема, **ЧТО обстоятельства делают с человеком**, куда менее интересная, чем проблема, **ЧТО человек может сделать с обстоятельствами**. <...> (1980)

<...> Жизненный эксперимент, вообще говоря, является довольно распространенной (пусть не массовой!) формой социальной активности. Поведение субъекта в таком случае заведомо нестандартно и отклоняется от социальных стереотипов. Мотивы тут могут быть различными. Скажем, гражданственная мотивация (богатую палитру примеров представляет правозащитное движение). Или же мотивы психологические (поиск новизны, «испытание себя»), мотивы экзистенциальные (типа — «жить в ладу с собой»). Реже встречается собственно-исследовательская мотивация эксперимента «на самом себе».

Здесь заметим, что сам по себе уход автора в рабочие, на рубеже 70— 80-х гг., вовсе не был явлением исключительным и среди социологов. Только из ближнего круга коллег — трое профессиональных социологов: Ю. А. **Щеголев**, А. А. **Кетегат** и С. М. **Розет** (ныне покойный), — в ту же пору, вовсе не вынуждаемые кем- или чем-либо, а из внутренних побуждений, круто повернули

свою жизнь, став рабочими. (Юрий Щеголев сделал это двумя годами раньше автора). Сложилось так, что именно у автора данной книги в этой жизненной перемене получил наиболее последовательное развитие профессионально-исследовательский мотив. <...> (1997)

<...> Принято различать социологическую теорию и социологическую эмпирию... Представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое действие. Я имею в виду вовсе не набор «практических рекомендаций» (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — познающее действие, **познание через действие**, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее...» <...> (1987)

<...> Итак, познание через действие... Разумеется, эта формула — всего лишь одно из выражений фундаментальной эпистемологической идеи, восходящей еще к античности. Но особенно актуализировалась эта идея в последние десятилетия. Нашим собственным вкладом и частно-научным применением столь общего тезиса (в рамках социологической науки) является, по-видимому, то, что в книге названо **наблюдающим участием** (в отличие от традиционного метода включенного или участвующего наблюдения).

<...> Наблюдающее участие предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «изнутри» ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру. Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная нами методом **моделирующих ситуаций**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса. (2002)

<...> Но почему же все-таки «драматическая социология», а не социология действия, скажем, или не экспериментальная социология (термин, использовавшийся нами поначалу)?

Дело в том, что с известным исследовательским направлением — «социология действия» (А. Турен) — автор настоящей книги себя соотносит, однако не отождествляет <...>. Что же касается второго определения, то его можно адресовать к любой форме натурального эксперимента в социологии, лишь частным случаем которого является описанный здесь.

Термин **драматическая социология**, на наш взгляд, лучше отвечает заявленному выше исследовательскому кредо («познание через действие»), а также — тому соединению **практической деятельности, рефлексии и «игры»** с социальным объектом, которое в данном случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик «социологической драмы»). Эксперимент социолога-рабочего в известном смысле был театральным действием с познавательной сверхзадачей. Говоря: «Театр жизни на заводских подмостках» (название одной из глав этой книги), — хотелось бы быть понятым не только в метафорическом смысле.

<...> Конечно, в предлагаемом термине можно усмотреть прямой или косвенный намек на возможность «драматического» развития событий в ходе и/или вследствие эксперимента и драматизма судьбы самого социолога-испытателя. Не станем отрещиваться от такого эмоционально-смыслового оттенка. Однако укажем на его вторичность и необязательность. <...> (2002)

<...> В этой социологической драме около 500 «действующих лиц». <...> Некоторые из действующих лиц часто появляются на сцене, занимают в книге весьма значительное место. Однако ключевой фигурой, главным действующим лицом оказывается все же... сам автор! Отважусь утверждать, что такой относительный **эгоцентризм** здесь оправдан.

Дело в том, что речь в настоящей книге идет преимущественно не о времени, и не о себе, а о «времени в себе» и о «себе во времени». В той мере, в какой главному герою удалось (случилось?) воплотить в своей жизненной и профессиональной практике конкретное историческое время, с одной стороны, а с другой — реализовать себя в этом времени, данное произведение оказывается и смыслонесущим и, может быть, даже поучительным.

Конечно же, это мог быть вовсе и не эксперимент социолога-рабочего... И не «коррида» социолога-тореадора с быком-системой... И не изобретение новых социологических методов и т. п. Вообще, это могла быть **любая «своя» жизнь** — с неизбежно сочетающимися в ней элементами жизнестроительства и выживания, активизма и созерцательности, «думания» и «делания» (Гете). <...> (1997-2002)

*) Из Гете: «Думать и делать, делать и думать — вот итог всей мудрости... И то, и другое в течение всей нашей жизни должно вершиться попеременно, как вдох и выдох, и, как вопрос без ответа, одно не должно быть без другого...».

<...> Жизнь человека задана объективно, и вместе с тем это — продукт его житнетворчества. В процессе жизни человек духовно и практически (духовно-практически!) реализует себя, осуществляет свое «самостояние» (выражение А. С. Пушкина). В известном смысле всякая жизнь есть «эксперимент на себе» — в той мере, в какой человек сознательно строит ее, а не только «проживает», в какой он принимает ответственные и судьбоносные для себя решения.

<...> Нам представляется, что в социологическом плане жизнь можно трактовать как поэтапный процесс самоосуществления человека в его взаимодействии с социальной средой. При этом в центр анализа жизненного пути выдвигается вопрос о **соотношении индивидуальной свободы и зависимости от внешних обстоятельств**. Это соотношение различно у разных людей, не стабильно оно и на протяжении жизни одного человека, наконец, не одинаково — в один и тот же жизненный период — в различных сферах жизнедеятельности. <...> (2002)

<...> А нельзя ли попробовать сделать **собственную** жизнь (всю совокупность внутренних процессов и внешних жизнепроявлений) объектом своего рода включенного наблюдения? Назовем этот нестандартный случай — когда социальный исследователь ставит самого себя (или другого человека, согласившегося на такой способ самореализации) в положение «наблюдающего участника» собственной жизни, — **социологической ауторефлексией**.

Первым шагом к осуществлению этого (поначалу смутного!) замысла для автора этих строк была попытка ведения «протоколов жизни». (Протокол жизни — вариант дневника, но с особой, социологической сверхзадачей). <...> При этом личная жизненная практика стала трактоваться как своего рода «полевой этап»

нетрадиционного социологического исследования, где профессиональный эксперимент становится экспериментом жизненным, и наоборот. Способ исследования, обозначенный нами выше как социологическая ауторефлексия, в принципе, может использовать весь методический арсенал эмпирической социологии, включая эксперимент. <...> (2002)

<...> Особый методологический интерес представляет вопрос о **соотношении** драматической социологии и социологической ауторефлексии. В той и другой имеет место своеобразное сближение субъекта и объекта исследования, с перспективой их «слияния» в «субъект-объект», иначе говоря их отождествления <...>. Вместе с тем, есть и немаловажные различия.

<...> В социологической ауторефлексии, как и в драматической социологии, существенным является выяснение **границ свободы** индивидуального социального поведения. Однако <...> здесь вероятно определенная переакцентировка: не «что человек может сделать с обстоятельствами» (драматическая социология), а — «что обстоятельства могут сделать с человеком». Иначе говоря — приоритетное внимание к адаптивным («приспособление **себя** к...»), а не адаптационным («приспособление **к себе**...») возможностям и способностям человека.

Попробуем обобщить: если формулой драматической социологии является **познание действием** (по выражению А. Н. Ющенко), то социологическая ауторефлексия есть, в определенном смысле, **самопознание деятеля**. <...> (2002)

<...> Принято считать, что именно поколение шестидесятников подготовило «перестройку» 80-х гг. Однако очень разнообразны его типажи... В поисках самоопределения, я колебался между названиями: «недоразвитый» или «запоздалый» шестидесятник. При том, что взгляды и позиция субъекта в течение десятилетий не могли не меняться, трудно, читая эти тексты, не обратить внимание на замедленность идейно-духовной эволюции. В конце концов, я остановился на названии: «дурной шестидесятник» (подсказано моим другом Андреем Черновым).

Критерии смещаются — и не только в общественном, но и в индивидуальном сознании. И уж если судить, то по гамбургскому счету!

Когда-то любимым изречением автора было: «**Все, что случается с человеком, похоже на него самого**». Потом: «**Мир погибнет, если я остановлюсь!**».

Теперь воспользуюсь собственным: «**Суди себя сам!**» <...> (1991)

<...> И вот теперь, когда главный сюжет книги (эксперимент социолога-рабочего и т. п.) помещен в более широкий биографический и исторический контекст (панорама и ретроспектива!), оказывается, что сам этот сюжет дает повод для неожиданного социологического прочтения.

Там, где «социологу-наладчику» в его профессионально-жизненном эксперименте прежде мнились, по преимуществу: **жизнетворчество**, активная адаптация, подчинение себе обстоятельств, — теперь, как бы между строк, словно симпатические чернила проступают также и... характерные черты приспособления, ситуационной зависимости, подчинения себя обстоятельствам! Сам же эксперимент социолога-рабочего (самодетельная акция!) обретает новый смысл. А именно: он оказывается способом (или формой) самосохранения (внутриличностного и не только...), своего рода **выживания**, «вынужденной инициативы», представляющей уже не только тактикой социального поведения, но и жизненной стратегией!

Хочется думать, что читатель согласится с нижеследующим выношенным (взвешенным) выводом:

— По большому счету, обсуждаемый опыт социолога-испытателя следует трактовать не в качестве акта профессионального или жизненного «подвижничества» (как это квалифицируется в некоторых «версиях» эксперимента социолога-рабочего, относящихся к рубежу 80-х — 90-х гг., в частности, в цитируемых в книге газетно-журнальных публикациях «перестроечного» времени), а всего лишь... как **ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека**. Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка, в пределах данного эксперимента, как такового, оказались для автора не разрешимыми.

Ответы на эти вопросы тогда так и остались за чертой «социального горизонта», и, соответственно, они оказались неподъемными для аналитических, эмоциональных и интуитивистских способностей субъекта (постановщика «социологической драмы»).

Для такого «суда над самим собой» социологу-испытателю, как и многим его ровесникам, понадобилось, как видно, пережить («прожить дольше, чем...») **свое время**. То время, которое нас (мое поколение) сформировало. Что ж, врачу — исцелился сам, по крайней мере — умеи поставить себе диагноз! <...> (2002)

<...> Так какая же книга предлагается вниманию профессионального (но и не только!) читателя?

— Не вполне социологическая, но и не философская... Не мемуарная, но и не историческая... Отчасти — «летопись» (будь то собственной жизни, будь то запуска координатно-револьверного пресса); отчасти — «анекдоты» (давнего и недавнего времени); отчасти — «приключения духа» (своего, и не только своего, имея в виду собеседников и соавторов, предшественников и современников). Не история, не философия, не социология! Хотя, в известной мере, и то, и другое, и третье... Можно, конечно, усмотреть тут и журналистику, документальную публицистику. (Когда-то, давно, автор был журналистом). Но для публицистики эта книга, пожалуй, все же слишком «тяжеловесна».

...Так или иначе, книга все же написана **социологом**. От своей профессиональной принадлежности не отрекаемся! В давних спорах о том, что же такое социология, было и такое остроумное определение: «Социология — это то, чем занимаются социологи». <...> (2002)

<...> Читатель может рассматривать этот труд: и как своего рода **отчет** о проведенном в 1980-1988 гг. натурном эксперименте на одном из ленинградских заводов; и как «неклассическое» исследование **реалий** общественной жизни последних лет «застойного» и первых лет «перестроечного» периода; и как синхронный описываемым событиям **самоанализ**, рефлексии человека, выросшего и действовавшего в советскую эпоху (и несущего в себе разнообразные ее отпечатки)». <...> (1997-2002)²

(24)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-sociologicheskaya-autorefleksiya-i-avtoetnografiya>

«ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ»,

«СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ» И «АВТОЭТНОГРАФИЯ»

Автор: А. Алексеев; Д. Рогозин — Дата создания: 21.05.2016

Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (24). Из цикла «Выбранные места из переписки с друзьями» (21).

Примерно год назад мой московский коллега, социолог Дмитрий Рогозин опубликовал в «Социологическом обозрении» большую статью под название: [«Как работает автоэтнография?»](#)⁶⁸, в которой большой раздел был посвящен исследовательской практике автора этих строк.

Отождествление Д. Рогозиным «драматической социологии» с «автоэтнографией» вызвало возражения А. Алексеева, сформулированные им сначала в личном письме, а потом и в публикации на Когита.ру: [Алексеев vs Рогозин. Об автоэтнографии и «драматической социологии»](#)⁶⁹ Д. Рогозин откликнулся личным письмом, в котором не настаивал на своей трактовке разрабатываемого мною метода.

Недавно мой коллега вернулся к этой теме и в своей статье (точнее – интервью) на тему об автоэтнографии («Как наблюдения за собой помогают в социологических исследованиях?») упомянул также и мою «драматическую социологию», о чем любезно мне сообщил. На что я откликнулся письмом, которое приведу ниже.

Кроме того, в этом новом контексте представляется целесообразным не просто отослать читателя к публикации на эту тему на Когита.ру годичной давности (см. выше), но и воспроизвести ту ее часть, в которой содержится моя собственная постановка вопроса о соотношении разных исследовательских практик.

Эта, более ранняя наша с Д. Рогозиным полемика представлена здесь в Приложении.

Сначала приведу текст нынешней публикации Д. Рогозина на портале postnauka.ru. Она сама по себе представляет несомненный интерес. Потом – мой отклик на эту статью. Потом – в качестве приложения – свои полемические заметки по поводу статьи коллеги, опубликованной год назад в «Социологическом обозрении».

А. Алексеев. 21.05.2016

**

АВТОЭТНОГРАФИЯ

Социолог Дмитрий Рогозин о биографическом нарративе в исследованиях, квир-теориях и автоэтнографии как методе изучения сексуальности
18.05.2016

У автоэтнографии как у научно-исследовательского проекта довольно любопытная судьба. С одной стороны, это архидревний метод: мы можем посмотреть Библию, мы можем посмотреть на любого классика художественной литературы и обнаружить там детство, отрочество и юность или какие-то биографические вещи, то есть размышления о себе, попытки каким-то образом воссоздать свою биографию, осмыслить и понять ее. Мы отдаем себе отчет в том, что в художественной литературе есть доля вымысла, в этом нет ничего

⁶⁸ https://sociologica.hse.ru/data/2015/04/01/1095843147/SocOboz_14_1_08_Rogozin.pdf

⁶⁹ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii>

страшного. Кроме того, есть некоторый элемент перспективы: биография всегда пишется с точки зрения некоторого настоящего. Если какой-то человек напишет свою биографию с разрывом в пять лет, то вполне допустимо ждать от него совершенно разные биографии. Человек, стоящий на позиции жесткого позитивизма, скажет: «Ай-яй-яй, где-то он соврал». В рамках гуманистической традиции нужно сказать: «Да нигде он не соврал, у него просто немного сменилась перспектива, стала другой расстановка акцентов». С этой точки зрения автоэтнографию мы можем найти даже не в сотнях, а в тысячах произведений художественной литературы. Такой солидный жанр, как биография, учит нас тому, как относиться к такого рода жанрам.

С другой стороны, если говорить об автоэтнографии не как о биографическом нарративе, а как об этнографии, о постижении некоторых культурных норм, то мы увидим, что этот жанр начал формироваться совсем недавно, буквально 50–60 лет назад. Этнография, конечно, тоже является почтенным жанром, но как изучать себя и проводить этнографические работы в отношении собственного знания, опыта и жизни — это чрезвычайно сложная и непривычная позиция для очень многих исследователей, в том числе называющих себя качественниками. Пример, который описывают Кэролин Эллис и Артур Бочнер, когда они написали статью в автоэтнографическом жанре и принесли ее не кому-либо, а «качественнику из качественников» Норману Дензину на рецензию, чтобы он опубликовал ее в своем журнале, он отклонил эту статью, сказав: «Конечно, мы качественники, но не до такой же степени! Это вовсе не научный проект, зачем вы это описываете?» В общем-то, действительно ненаучный. Как можно писать о науке, когда статья начинается примерно так: «Мы сидим и смотрим телевизор. По телевизору идет футбол. А зачем мы смотрим этот футбол, когда нужно поговорить о науке?» Вот так строится эта статья — через диалоги, размышления, обсуждения. Норман Дензин тогда сказал: «Уберите из статьи свой телевизор! Зачем он там нужен? Он вносит какую-то непонятную лепту, отвлекает читателя от темы вашего исследования». Для автоэтнографии это отвлечение — актуализация контекста, в котором производится автоэтнографический материал, — является сутью проекта. Когда Эллис не договорилась с Дензином и он так и не опубликовал ее статью, она через пять лет создала собственный журнал и теперь благополучно публикует там статьи такого рода.

Что же такое тогда автоэтнография? Что это за смешение жанров? Что это за покушение на научное исследование, когда наука становится обыденным знанием, когда исследователь пишет не только формулы, но и описывает, какая муха села ему на ручку, когда он эту формулу описывал?

Здесь автоэтнография вступает в конфликт с очень мощной научно-исследовательской традицией, которая образно может быть выражена следующей фразой: «Чтобы изучать рыб, необязательно быть рыбой». А автоэтнография говорит обратное: «Чтобы изучать рыб, надо пожить рыбой». Мы не можем изучать рыб, поскольку мы не рыбы, мы можем изучать только себя. Единственное гуманитарное знание, которое имеет какие-то шансы отразить то, что происходит здесь и сейчас на самом деле, — это наблюдения за собой. Автоэтнография посвящена именно этому.

Неудивительно, что в традиционных гуманитарных исследованиях этот жанр не привлек внимания, поскольку гуманитарии, занимающиеся проблемами социальных сообществ, национализмом, поддержкой малочисленных и малообеспеченных групп и так далее, и так получают свое финансирование и превосходно живут без всякой автоэтнографии. Тем более автоэтнография ведь опасна: попробуйте обнажить себя, попробуйте показать, из какой дряни растут

эти научные статьи, что из них происходит. Мы увидим, если поговорим с любым из аспирантов, что научная статья собирается из прокрастинации, лени, нежелания этим заниматься, из всевозможных поводов, чтобы побыть с какими-то другими людьми, но никак не наедине с этим текстом, с насильем себя. Это одна из базовых вещей, на которую пытается ответить научный сотрудник. Где возникла эта автоэтнография, в каком месте? Она возникла в исследованиях, которые сами по себе стоят особняком от мейнстрима социальных наук. Это так называемые квир-теории, то есть теории, которые развиваются маргинальными группами и нацелены на изучение маргинальных групп. В большей степени автоэтнографией занимаются люди, изучающие гомосексуальные отношения, всякого рода сексуальные отношения, нетипичные для традиционной семьи. Это также люди, которые пытаются как-то смотреть на то, каким образом развивается сообщество с отклоняющимся поведением, начиная с уличных драк и заканчивая преступными группировками, продажей кокаина, потреблением наркотиков и так далее.

В рамках всех этих традиций автоэтнографическая оптика вдруг начала давать поразительные результаты, которые затмили традиционный колониальный взгляд на исследования социальных реалий, когда мы приходим к кому-то и начинаем его препарировать, объективировать, изучать. Чтобы этого не происходило, мы должны изучать в первую очередь себя, иронизировать и смеяться над собой, показывать весь тот контекст, в котором производится научное знание.

Вдруг обнаружим, что то, что считается чрезвычайно важным и серьезным, на самом деле довольно смешно и ничтожно, а та мелочь, которая казалась проходной, вдруг начинает объяснять ситуации, связанные с весьма важными элементами нашего обыденного опыта. Как я уже упомянул, в западной традиции автоэтнография развивалась в основном с точки зрения изучения сексуальности как наиболее табуированной темы. А если мы посмотрим на российскую специфику, то обнаружим, что, во-первых, автоэтнографические проекты можно пересчитать по пальцам, а во-вторых, многие из них относятся к политической сфере.

Здесь очень любопытна судьба Андрея Николаевича Алексеева, который развивает так называемую драматургическую социологию. Что она собой представляет? Он просто описывает свой обыденный опыт, собирает все документы, которые ему сопутствуют. Когда-то давным-давно (я даже боюсь назвать эти даты — 50–70-е годы, но здесь можно спутать, поскольку он действительно человек-легенда) он, уже имеющий кандидатскую степень и работающий в социологическом институте в Санкт-Петербурге, бросает свою карьеру научного сотрудника и идет работать на завод рабочим. Придя на завод, он начинает смотреть, что такое работа, социалистическое соревнование, как это происходит, начинает писать докладные записки, собирать весь этот материал, что он назвал драматургической социологией, а себя — социологом-испытателем.

Что позволяет мне говорить о нем как об автоэтнографе? То, что в первую очередь он наблюдает за собой, а потом уже за остальными. Он ставит эксперимент над собой, а уже потом над остальными. И вот это — базовая этическая норма автоэтнографа. То есть прежде, чем обвинять кого-то во лжи или искать какие-то девиантные формы поведения, необходимо посмотреть на себя и описать себя. Тогда, может быть, чужая ложь станет совершенно мизерной и никчемной по отношению к собственным заблуждениям и собственным траекториям, уводящим от познания истины.

Несмотря на то, что автоэтнография со стороны может смотреться монолитным знанием, которое объясняется всего лишь одной фразой: «Наблюдай за собой и описывай все, что с тобой происходит», автоэтнография уже довольно многообразное научно-исследовательское предприятие. В этой традиции уже развивается очень много самостоятельно стоящих методов исследования. Тони Адамс, один из основоположников американской традиции автоэтнографических исследований, предложил не менее десятка разных подходов. Я просто перечислю эти подходы и методы через запятую.

Первый метод — это личные нарративы, которые встроены в контекст. Когда мы рассказываем какие-то наиболее значимые истории, встают вопросы: «Что я хочу рассказать?», «Что наиболее значимо в этой ситуации?» В то же время описывается тот контекст, в котором рассказываются эти ситуации и истории. Понятно, что на гинекологическом кресле мы можем рассказать одну историю, а сидя у телевизора и попивая пиво — совсем другую. Поэтому чрезвычайно важно описать, где, когда, с кем и кем была рассказана та или иная история. Второй метод, который он называет, — это рефлексивное диадное интервью. В чем его особенность? Она заключается в том, что интервьюер перестает быть только человеком, задающим вопросы. Он, задавая вопросы, рассказывает о себе, то есть, создавая эмпатическую ситуацию, он рассказывает о себе эту же историю. Допустим, наша задача — посмотреть и оценить, изучить практики мастурбации в тех или иных возрастных группах. Интервьюер в рамках этнографического проекта может в первую очередь рассказать о собственных практиках, а потом, вызвав это доверие, получить информацию о практиках своего собеседника. Тем самым интервью перестает быть связанным с вопросами и ответами. Это обмен историями, то, что очень сильно сближает диадное интервью с обыденным разговором, ведь мы иногда взахлеб рассказываем что-то своему другу или подруге, а потом получаем в ответ такое же. И мы перебиваем друг друга, рассказывая эти истории. Идеальное решение этого метода заключается в том, что собеседники, перебивая друг друга, рассказывают накладывающиеся друг на друга истории.

Третий подход — многослойные учетные записи, когда интервью не рассматривается в качестве единственного источника получения эмпатии или знаний. Исследователи собирают нарративы, смотрят на фотографии, просят дневники. Например, в моем опыте была совершенно фантастическая история, когда я проговорил около двух часов с одной пожилой женщиной, а потом она обронила невзначай: «А вы знаете, моя мама прошла всю войну, работая секретарем в Смерше, и писала дневники. Я вам сейчас их покажу». И она мне приносит дневники своей мамы, которые полностью пронизаны любовной лирикой. «Вы знаете, я их показывала своим родственникам, и они сказали: “Что за шлюха твоя мама!” И мне очень стыдно. Может, вы на это посмотрите?» И это было фантастически. Всё интервью, которое было до этого, вообще перестало стоить хоть что-то. Эти дневники оказались сердцевиной разговора. Таким образом, многослойные записи — это возможность подхода к тем или иным атрибутам реальности, а не концентрация только на голосовых обменах.

И наверное, один из самых распространенных в последние годы методов или подходов автоэтнографического интервью, может быть, наиболее непонятный для неофита — это так называемая коллективная автоэтнография. Мы привыкли, что автоэтнограф или биограф — это тот, кто рассказывает о себе: я один в этом мире и сейчас о себе поведаю. Коллективная автоэтнография определяется тем, что любой рассказ требует собеседника. Если мы вводим собеседника в структуру рассказа, он иногда сам становится рассказчиком. Когда мы задаем вопрос о том, а что же нас реально интересует, нас очень часто

интересует не личная перспектива, а некоторое объемное представление социально значимых событий, в которое как-то были включены люди. И в этом коллективном обсуждении, разговоре, в автоэтнографическом опыте как раз складывается такая пестрая, зачастую противоречивая картинка некоторой реальности, недоступной для исследователя, если она будет рассказана только с точки зрения перспективы одного человека. Вот, наверное, еще один подход, который сейчас практикуется в рамках автоэтнографической традиции. В целом, если говорить об автоэтнографии как о методе, это, конечно, вызов современному гуманитарному знанию. Словами Адамса можно сказать, что «автоэтнография — это квир-теория, подрывающая основы гуманитарного знания, хотя многие гуманитарии об этом еще даже не подозревают».

Дмитрий Рогозин

кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, старший научный сотрудник Института социологии РАН

**

А. Алексеев – Д. Рогозину

Здравствуйтесь, Дима!

У Вас хорошая привычка информировать другого, если Вы что-либо об этом другом опубликовали. Так было и с Вашей статьей (тоже об автоэтнографии) в «Социологическом обозрении», на которую я в свое время откликнулся не только личным письмом, но и публикацией на Когита.ру ([Алексеев vs Рогозин. Об автоэтнографии и «драматической социологии»](#)⁷⁰), а вот и не помню – сообщил ли Вам об этом.

Кстати, недавно мне довелось опубликовать в журнале «7 искусств» большую статью «[Опросная социология на службе у современного российского режима](#)»⁷¹, в которую составной частью вошла известная Вам - «[Звездный час или позор российской опросной социологии?](#)»⁷².

Так что мы с Вами взаимно друг друга «пропагандируем». Другой вопрос, насколько это делается удачно и адекватно.

Ваш последний текст об автоэтнографии мне представляется интересным. Вы справедливо усматриваете генетическую связь автоэтнографии с художественной литературой, особенно – автобиографической. Хоть «Детство», «Отрочество» и «Юность» Л. Толстого, хоть современные автоэтнографические исследования – суть АУТОРЕФЛЕКСИЯ. Возможно, что автоэтнография как социологическое направление имела своим первоначальным полигоном «квир-исследования». Но смею Вас заверить, что в пору моего «эксперимента на себе» 80-х гг. я и слова такого не знал (если оно вообще не появилось позже).

Достаточно удачна, на мой взгляд, Ваша попытка инвентаризации автоэтнографических методов, хоть я бы и подумал о более концептуализированной классификации.

Что касается пары абзацев о моей персоне, то они не вызывают во мне такого противодействия, как более ранние Ваши размышления об автоэтнографической природе «драматической социологии». В той мере, в какой Вы обращаетесь к

70 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii>

71 <http://7iskusstv.com/2016/Nomer4/Alekseev1.php>

72 <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/zvezdnyi-chas-ili-pozor-rossiiskoi-oprosnoi-sociologii>

моей СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АУТОРЕФЛЕКСИИ (а не к «драматической социологии», как таковой), я готов с Вами согласиться. (Вообще, драматическая социология (в смысле познания некой социальной среды «изнутри», причем «через действие», т. е. через исследование последствий собственных действий в этой среде) невозможна без социологической ауторефлексии (или «автоэтнографии», в Вашей терминологии). Но социологическая ауторефлексия (познание реальности через ее отражение в самом себе) вполне возможна без «драматической социологии», как сугубо акционистского исследовательского подхода.

Кстати сказать, ауторефлексия может быть не только социологической, но и этической, психологической, культурологической и даже философской.

Самонаблюдение, самоанализ и т. п. вовсе не обязательно имеет социологическую задачу и природу).

(Еще одно замечание - о содержании и смысле понятия «социолог-испытатель». Оно амбивалентно: «испытание себя» (близко к Вашей «автоэтнографии») и «испытание внешних объектов и / или способов действия». Второе – сравнимо с «летчиком-испытателем», который профессионально испытывает все же не себя, а самолет).

(Еще: Вы пишете: «Он ставит эксперимент над собой». Это выражение пошло от журналистов перестроечных времен («Литгазета», «Огонек»), собственно, и сделавших мою фигуру «легендарной»... Конечно, такой мотив у социолога-экспериментатора был. Но к «автоэтнографическому» познанию (или САМО-познанию) «эксперимент социолога-рабочего» 80-х гг. не сводится)

Таким образом, понятия «драматическая социология», «социологическая ауторефлексия» и «автоэтнография» находятся в сложной, так сказать, диалектической взаимосвязи, полное исследование которой, в данном случае, по-видимому, не входило в Вашу задачу.

В заключение, пожелаю Вам в Ваших исследованиях «автоэтнографической» методологии соотнести ее с древнегреческим первоисточком: сократическим «Познай самого себя».

Ваш – Андрей Алексеев. 19.05.2016.

**

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Алексеев - Д. Рогозину

Здравствуйтесь, Дима!

Благодарю за информацию об опубликованной Вами статье [«Как работает автоэтнография?»](#).⁷³ Я получил эту информацию одновременно с рассылкой из Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ о вышедшем 14-м томе «Социологического обозрения», но там мог Вашу статью и не заметить, хоть термин «автоэтнография» мне не безразличен.

Статья содержит обзор западных теоретико-методологических работ, относящихся к этому, сложившемуся где-то в 90-х гг. исследовательскому направлению, в которое Вы записали и мою «драматическую социологию» (название условное, но вроде прижилось). Строго говоря, из российских исследователей я далеко не единственный, кого можно было бы с «автоэтнографией» соотнести.: Уж не говоря об антропологах и этнографах, из социологов можно указать на профессора СПбГУ В. Ильина, да и некоторых молодых ученых из Питера, и не только.

⁷³ https://sociologica.hse.ru/data/2015/04/01/1095843147/SocOboz_14_1_08_Rogozin.pdf

Правда, здесь надо учитывать время, научно-исторический контекст. Например, моя «драматическая социология» - ровесница, если не старше того, что ныне называют автоэтнографией. Вы обзрываете исключительно работы после 2000 г. Мое же исследование производственной жизни «изнутри», глазами рабочего, относится к первой половине 80-х гг. Не удивительно, что «А.Н. Алексеев никогда не относил свою работу к автоэтнографии. Скорее всего, не читал соответствующие работы, не мыслил себя, свои исследования в одной традиции, например, с работами Тони Адамса или Стеси Холман Джонс...». Не удивительно хотя бы потому, что эти работы тогда еще не существовали. Так что Вы и впрямь допускаете здесь, по Вашему выражению, «сильный волюнтаризм». В ту пору и позже «социолог-испытатель», если и пробовал соотносить с кем-либо свои методологические поиски, то с социальными исследователями постарше: Швейцером, Шюцем, Гарфинкелем, Гофманом, Турэном, М. Полани. Ч.Р. Миллсом, А. Любичевым, В. Шубкиным (с каждым в каком-то определенном отношении, разумеется).

Тут возникает вопрос, в каком смысле можно соотносить «драматическую социологию» с автоэтнографией? А ни в каком! С Вами, Дима, произошла некоторая расфокусировка методологической оптики – так, что Вы сами этого не заметили.

Казалось бы, похоже: тут и там (в автоэтнографии) исследователь позиционирует себя не как «холодный наблюдатель» и «трезвый аналитик», а как живой участник исследуемой среды, в которую он непосредственно погружен и которую «загрузил» в себя. Не только «рацио», но и «эмоцио» и «интуицию» (архетип системных триад, по Р. Баранцеву). Ум, чувство и воля – все включено. А дальше – кардинальное эпистемологическое различие: Автоэтнограф изучает СЕБЯ, включенного в определенный социум, для постижения этого социума (среды, культуры, сообщества), поскольку он отображается в его (исследователя) сознании, психике, деятельности. Собственная персона для него – непосредственный, эмпирический объект исследования. Происходит своего рода слияние, отождествление субъекта и объекта исследования. Иначе с «драматической социологией». Автор не напрасно обобщает ее до концепта «познание через действие», или «познание действием». Он (автор), конечно, «не прочь» и себя понаблюдать, в своих «переживаниях» разобраться и проч., но собственная личность для него не объект и не предмет, а прежде всего ИНСТРУМЕНТ, средство исследования. Поскольку он есть ДЕЙСТВУЮЩЕЕ лицо, постигающее окружающий социум, в том числе, через его (социума) реакции на действия исследователя. Тут сродни естественно-научному эксперименту (но от использованного поначалу термина «экспериментальная социология» автор впоследствии отказался, как от слишком «претенциозного»). Все сказанное выше для Вас, Дима, не новость, Вы даже цитату соответствующую приводите из предисловия к моей книжке, а дальше... истолковываете наоборот: «...драматическая социология Алексеева — это не что иное, как российское направление автоэтнографии». И рисунок «Драматическая социология Алексеева» приводите (кстати, забыв оговорить, что это Ваш а не мой рисунок, я такими картинками уже 40 лет, как не балуюсь). И в центре рисунка: «Я», вокруг которого все вертится. С другой стороны, автоэтнография и впрямь соотносима с моими штудиями (и наоборот), но только не с «драматической социологией», а с тем, что Ваш корреспондент придумал называть «социологической ауторефлексией» (понятие, фигурирующее и в названии 4-томника, изданного в 2003-2005 гг.:

«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»⁷⁴, и подробно раскрытое в том же самом предисловии, которое Вы наверняка читали целиком). Вот эта «социологическая ауторефлексия» - и впрямь своего рода синоним «автоэтнографии» (есть и другие синонимы, которые Вы сами же приводите в своей статье).

«Драматическая социология» и «социологическая ауторефлексия» (уж извините за «доморощенные» термины) для меня – категориальная пара, понятийная связка, ибо одно сочетается с другим и происходит взаимная подпитка рефлексии и действия.

Еще к вопросу об исследовательских направлениях, и как их называть. Это как научные дисциплины: попробуй отграничь четко этнографию от антропологии или ту и другую от социологии (а еще есть социальная психология, культурология и т. д.). «Естественно-исторически» складываются, обособляются, порой конкурируют друг с другом, а потом еще стремятся к интеграции (так называемый «междисциплинарный подход») разные «частные» и относительно автономные научные отрасли (различающиеся либо предметом, либо методом, либо тем и другим), или течения, направления (со своими особенными парадигмами, а еще - захватывающими широчайшие смысловые пространства «поворотами» (например, «антропологический поворот»).

И не стоит так уж стремиться к однозначной классификации: какую бабочку в каком ящичке приколоть. (А ведь на эти «теоретико-методологические дебаты» уходит добрая половина всех профессионально-научных усилий).

Вот «моя» драматическая социология: Ядов называл ее «натурным экспериментом», соотносил то с этнометодологией, то с «социологией действия» Турэна; Бачинин – научным постмодернизмом «российского разлива» обозвал; а Вы вон ярлычок *архивной автоэтнографии* навесили. Названия могут быть более или менее удачными. Но важна здесь не абстракция, а «богатая конкретность» метода

Вы попытались инвентаризовать круг идей каждого из обзораемых авторов, и для меня было познавательно ценно познакомиться (в Вашем пересказе и переводах) с «аналитической автоэтнографией» Леона Андерса и с «эмотивной автоэтнографией» Бочнера и Эллис. Со всеми этими младшими современниками меня многое роднит. Например, ранние дневники-письма социолога-рабочего 1980-1981 гг. («Письма Любимым женщинам»; главы 2 и 3 «Драматической социологии...») резонируют с декларациями Кэролин Эллис 90-х гг. В дальнейшем социолог-рабочий в своих протоколах наблюдающего участия («записях для памяти») ближе к позднейшей позиции Андерса.

Боюсь, что, несмотря на все Ваши старания, автору «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» повезло меньше, чем другим обзорваемым авторам. «Драматическая социология Алексеева — это не что иное, как российское направление автоэтнографии», – пишете Вы. Вы увидели в моих работах то, чего там, на мой взгляд, нет, и внесли некоторую путаницу.

Так, Вы почти не различаете «автобиографическое» и «автоэтнографическое» (судя по Вашему словоупотреблению). То же относится и к разбору «методологии Алексеева». В самом деле, я последние 20 лет много и разнообразно занимаюсь биографическим методом, автобиографическими нарративами, семейными хрониками и т. п. Насыщена этой темой и «Драматическая социология...» (например: «Эстафета памяти»).

Где-то еще в начале 80-х гг. автор этих строк заявил: «собственная жизнь вполне может быть объектом включенного наблюдения». Но к «драматической

74 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

социологии, как таковой («эксперимент социолога-рабочего», приключения «социолога-испытателя», «наблюдающее участие», «моделирующие ситуации») это имеет лишь косвенное отношение.

Примечательно: автоэтнографы, а вслед за ними и Вы, много говорят об интимах, как сфере компетенции их штудий (вот, нетрадиционная сексуальная ориентация Тони Адамса, неспособность забеременеть Стеси Холман Джонс). В драматической же социологии – никакого интима, даже о семье автора-актера лишь несколько скупых упоминаний. Почему? Да потому, что ее предмет – вовсе не отображение социума в личности, а внешние – вовсе не конфиденциальные – взаимоотношения личности и социальных институтов, социальные ситуации, «театр жизни на заводских подмостках» и т. п. А раз театр – значит нечто публичное.

Если угодно, это «интим», но именно социума, а не личности. И не автобиографические исповеди служат тут для прояснения мотивов человеческих действий, а эти мотивы реконструируются из реального поведения людей по отношению друг к другу, не исключая, разумеется, и самого наблюдающего участника.

Социолог-испытатель вовсе не обязательно стремится к обоснованию и / или оправданию своей нестандартности, «особости». Отсюда, Ваше отождествление автоэтнографии (не говоря уж о «драматической социологии») с квир-идеологией (теорией), пусть даже в наиширочайшем смысле, представляется более чем сомнительным

Ошибочной, на мой взгляд, является также Ваша трактовка «драматической социологии», как «типичного» включенного наблюдения. Она противоречит Вашему же переложению ее методологических посылок и норм. Общим для включенного наблюдения и наблюдающего участия является принадлежность метода к разряду качественных (так называемая «качественная», антропоцентричная, понимающая социология). Но только второе оказывается элементом акционистской социологии. Что касается автоэтнографии, то она может реализоваться как в акционистской, так и в феноменологической парадигме.

Наверное, Дима, Вы сделали для автора этих строк благое дело, представив в авторитетном социологическом журнале некоторые «методологические инновации Алексеева», пусть и не вполне адекватно. Что касается последнего, то я к этому уже привык, хоть вроде аутентичная, авторская интерпретация не так уж трудна для восприятия и пересказа. (О чем свидетельствует хотя бы это письмо)..

Также почти «рекордным» (в сравнении с другими обзореваемыми авторами) является библиография Алексеева последнего десятилетия (неужели все читали?).

Ваш уважительный тон и обстоятельность обзора можно сравнить с «бочкой меда» для обсуждаемого автора, в которой, однако, не обошлось и без «ложки дегтя».

Вам зачем-то понадобилось, с опозданием чуть не в год, откликнуться на мою критику Вашей апологетики (именно так, а не методического разбора) крымского мега-опроса от марта 2014 г., проводившегося ВЦИОМом и ФОМом по заказу Администрации президента.. Признаюсь, Ваша позиция, выраженная в статье в «Вестнике общественного мнения» дала мне повод для сильного разочарования, даже не в полстерах-исполнителях, а ввиду Вашей добровольной адвокатуры в их интересах.

Тогда Вы на мою статью, «Звездный час или позор российской опросной социологии?», опубликованную на Когита.ру в июне 2014 г., промолчали, теперь

же намекаете на мою якобы склонность к выстраиванию «образа врага» (не потому ли и моя социология «драматична»?) Заверяю Вас что во «врагах» Вас не держу, разве что среди их – порой – пособников...

Также не стоило и напоминать, в этом же ряду, об уязвленном самолюбии Вашего объекта, выразившемся (а ведь и в самом деле выразилось!) в переписке с Л. Козловой более чем десятилетней давности. (Это по поводу публикации в СЖ негативной рецензии заведомо позитивистского, сайентистского толка на первые два тома «Драматической социологии...». Я ведь вроде переписывался с Л. К., а не с Вами.

Еще, пожелание на будущее: Если Вы приводите вторичную цитату (т. е. цитируете из источника, в котором фигурирует цитата другого автора), не забывайте указывать – кого же все-таки Вы цитируете. Вот журналист конца 80-х усматривает в работе Алексеева «новшество для мировой социологии»; Вы ограничиваетесь ссылкой на страницу «Драматической социологии...», так что можно понять, что А. А. сам о себе так говорит. Да еще, комментируете: «Такие утверждения... скорее выглядят комичными и местечковыми». Это Вы про кого? Про Алексеева?

Ну и, наконец, аккуратность - вежливость рецензента и обозревателя. Жаль, что Вы исказили фамилию супруги автора. Правильно: **Вахарловская**.

В заключение, еще раз благодарю Вас за внимание к моей работе и за пропаганду в профессиональном сообществе ряда теоретических посылок и методологических идей Вашего коллеги.

С уважением,

Андрей Алексеев. 2.04.2015.

**

Мне кажется, вышеприведенные два письма автора («изобретателя»?) «драматической социологии» вносят определенный вклад в теорию и методологию этого исследовательского направления (под углом зрения его соотношения с «автоэтнографией», в том смысле, в каком последнюю трактует Д. Рогозин).

А. Алексеев. 21.05.2016.

(25)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/anna-gotlib-ob-avtoetnografii-kak-osoboi-strategii-sociologicheskikh-issledovaniy>

АННА ГОТЛИБ ОБ АВТОЭТНОГРАФИИ КАК ОСОБОЙ СТРАТЕГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Автор: А. Готлиб — Дата создания: 03.06.2016

«Автоэтнография - это всегда сопряжение личности исследователя и культуры, к которой он принадлежит, всегда соотношение индивидуального опыта с социальным контекстом, попытка заглянуть внутрь себя, чтобы сделать обобщения» (А. Готлиб). Продолжение цикла публикаций «Драматическая социология и наблюдающее участие» (25).

См. ранее на Когита.ру:

- [Алексеев vs Rogozin. Об автоэтнографии и «драматической социологии»](#)⁷⁵
- [«Драматическая социология», «социологическая ауторефлексия» и «автоэтнография»](#)⁷⁶

**

А. Алексеев благодарит Анну Готлиб за предоставленную возможность размещения на Cogita.ru ее статьи 2004 г., которую автор этих строк высоко ценит.

Благодарю также Константина Дивисенко за техническую помощь в подготовке настоящей публикации. АА. 3.06.2016.

**

А.С. Готлиб (Самарский государственный университета)

АВТОЭТНОГРАФИЯ (РАЗГОВОР С САМОЙ СОБОЙ В ДВУХ РЕГИСТРАХ)

В статье рассматриваются познавательные возможности автоэтнографии как определенной исследовательской стратегии качественного исследования, анализируются направления автоэтнографических исследований, проблемы их качества.

Этнографический вид качественного социологического исследования сегодня начинает все больше теоретически осмысливаться [1] и эмпирически осваиваться [2] в российской социологии. Вместе с тем в западной социологии в последние годы активно обсуждаются познавательные возможности новой исследовательской практики, выступающей своеобразным подвидом этнографической стратегии - автоэтнографии. Каковы же основные черты качественного исследования этого вида?

Как «дитя» этнографии автоэтнография наследует все ее «родительские» черты, лишь «перекраивая» некоторые из них и создавая тем самым свою «особость», непохожесть. В частности, в автоэтнографии (по крайней мере в значительной части автоэтнографических исследований) остается неизменной ориентация на познание культур самых разнообразных общностей (типических смыслов, ожиданий, норм) через изучение единичного, конкретных повседневных практик. Вместе с тем единичным здесь выступает сам исследователь, его опыт, чувства, мысли, повседневная жизнь в целом. Автоэтнография в этом плане - это всегда сопряжение личности исследователя и культуры, к которой он принадлежит, всегда соотнесение индивидуального опыта с социальным контекстом, попытка заглянуть внутрь себя, чтобы сделать обобщения. Социолог здесь «внимательно вглядывается в себя через широкие этнографические линзы, чтобы сосредоточиться в конечном итоге на социальных и культурных аспектах личностного опыта» [3, с. 738].

Остается в автоэтнографии и стремление к более подробной, детальной, всесторонней репрезентации реальности, только здесь тщательно и скрупулезно изучается собственный мир исследователя, момент за моментом конкретизируются детали его жизни. Для этого есть два пути. Первый - вести полевые заметки, касающиеся собственной жизни. Это могут быть

⁷⁵ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii>

⁷⁶ www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-sociologicheskaya-autorefleksiya-i-avtoetnografiya

ретроспективные записи, относящиеся к прошлому, когда текст организовывается хронологически вокруг главных жизненных событий. Здесь автор из своей сегодняшней ситуации (текущей перспективы) оценивает прошедшее, пережитое. Вот как об этом пишет один из исследователей автоэтнографии американский социолог А. Борчнер: «Я пытаюсь писать ежедневно, перечитывая то, что я написал днем раньше, потом переживая новые воспоминания» [4, с. 752]. Возможен и другой вариант: исследователь рассказывает свою историю жизни, как будто берет нарративное интервью у самого себя. В любом случае нюансы, детали прошлого «всплывают», если исследователь способен совершить так называемый эмоциональный вызов, т.е. эмоционально перенести, «включить» себя в то время и в то место, о котором рассказывает. Главная проблема здесь - как «выйти» из этого состояния, чтобы проанализировать написанный текст или транскрипт интервью и тем самым вписать свой эмоциональный опыт в культурные координаты (если, конечно, социолог ставит перед собой такую задачу).

Метод включенного наблюдения, характерный для этнографического исследования, когда социолог «включается» в изучаемую ситуацию в качестве ее участника, стремящегося понять других в естественных условиях, в автоэтнографии преобразуется в самонаблюдение, самоанализ. В отличие от традиционного включенного наблюдения исследователь погружается здесь в свой собственный мир естественных установок. Идея возвращения исследователя в изучаемый процесс, на которой в противовес количественной парадигме базируется качественный подход в социологическом исследовании (1), здесь достигла, кажется, своего предельного выражения: субъект и объект исследования физически сосуществуют в одном лице.

При этом исследователь как объект исследования интересен своим прежде всего дорефлексивным опытом, «жизненным миром», «конструктами первого порядка», в терминологии А. Щюца, с помощью которых он, как и другие люди, совместно с другими людьми конструирует окружающий мир как само собой разумеющийся, непроблематичный. Здесь все психические переживания как бы сплетены с вещами мира. В этой ситуации эмоциональный опыт «не видит» себя. Язык выражения такого опыта - повседневный, обыденный язык нормального человеческого общения.

Вместе с тем, в качестве субъекта исследовательского процесса социолог, изучающий самого себя в социальном контексте, если вообще стоит такая задача, «обречен» на положение вне собственного эмоционального опыта, на рефлексивность, «говорящую» на языке исследовательского комментария, или мини-теории.

Как возможно такое соединение, кажется, несоединимого, как возможна саморефлексия, разговор с собой одновременно в двух регистрах?

Надо сказать, что феномен саморефлексии как особый процесс проблематизации сознанием собственный установок, стереотипов начал изучаться еще в античную эпоху, в тот ее период (VIII- II вв. до н.э.), когда традиционное, мифологическое сознание стало подвергаться критике. Именно тогда, по мнению К. Ясперса, «сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. В эту эпоху были разработаны категории мышления, которыми мы мыслим по сей день» [5, с. 33]. Основатель феноменологической философии Э. Гуссерль доказал, что эмоциональный опыт, психические переживания содержат принципиальную возможность рефлексии, понимаемую со времен Дж. Локка как «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления» [6, с. 155].

Вслед за Гуссерлем целый ряд крупнейших социально-философских течений еще добавили соображений в «копилку» доказательств этой возможности. Во-первых, прагматизм, а вслед за ним и символический интеракционизм убедительно показали, что социальная жизнь - это непрерывно творимый продукт повседневных взаимодействий людей друг с другом, с необходимостью включающий в себя и интеракцию с самим собой, производство самосознания: все, что человек говорит другому, он говорит и самому себе. Более того, осознание самого себя потому и возможно, что в сознании каждого из нас присутствуют воображаемые Другие, глазами которых мы вглядываемся в себя, формируем критерии оценки собственной персоны.

Во-вторых, этнометодология, феноменологическая и драматургическая (И. Гофман) социологии убедили нас в том, что каждый человек строит свое взаимодействие, ориентируясь на ожидания Другого, реального или виртуального участника коммуникации, или Других, стараясь быть понятным ему или им. Применительно к предмету нашего разговора это означает, что именно эти воображаемые Другие (в нашем случае - это будущие читатели) в значительной степени определяют и то, что рассказывается, и то, как рассказывается. Так, стремясь быть понятым человеком «с улицы», погруженным в ту же самую социальную ситуацию, что и он сам, исследователь становится рассказчиком собственной истории на обыденном языке, интуитивно используя «решетки объяснений» (frames of explanations) [7, с. 124], распространенные в культуре той общности, к которой принадлежат и он, и будущий рядовой читатель. В то же время ориентация на ожидания и оценки собратьев «по цеху», если такая цель вообще есть у исследователя, соответственно требуют рефлексии, а точнее само-рефлексии, выраженной на языке теоретических понятий и использующей иные схемы объяснения. Сегодня автоэтнографическая исследовательская практика существует под разными именами: личностный нарратив (personal narrative), нарратив личностного опыта (personal experience narrative), самоистория (self story), этнографическая короткая история (ethnographic short story), персональная этнография (personal ethnography), самонаблюдение (auto-observation), жизненный опыт (lived experience), самоэтнография (self ethnography), побуждающий нарратив (evocative narrative), рефлексивная этнография (reflexive ethnography), исповедальный рассказ (confessional tale), антропологическая поэтика (antropological poetics) и т.д. [8, с. 740].

Следует сказать, что за различиями в терминах этих исследовательских практик стоят не только лингвистические предпочтения авторов, но прежде всего их разные методологические установки относительно смысла и назначения качественного исследования, его языка и образа результата. Не случайно, К. Панч называет термин «качественное исследование» зонтичным, покрывающим достаточно разнообразный спектр стратегий исследования.

На наш взгляд, все многообразие автоэтнографий лежит в плоскости, определяемой, в большинстве своем, двумя континуумами:

- цели исследования (функции) с полюсами «простое описание» - «аналитическое описание»;
- обобщения с полюсами «индивидуальный опыт исследователя» - «культура».

Установка исследователя на аналитическое описание, нарефлексию предполагает вписывание его индивидуального опыта в культуру, социальный контекст, соответственно определяя и результат такого исследования в виде комментария или мини-теории. Здесь исследователь изучает себя, чтобы изучить других. Главная цель такого исследовательского процесса - анализ, объяснение изучаемого социального явления: через субъективно значащий мир,

через смыслы, которыми исследователь как рассказчик истории наделяет те или иные события своей жизни, создается теория, объясняющая социальный феномен в терминах внешних социальных структур. Результат такого рода исследования - равновесный сплав двух позиций, сочетающихся здесь, правда, в одном лице: рассказчика истории и аналитика собственной истории, ее интерпретатора. Автоэтнографические исследования такого плана следует отнести, на наш взгляд, к научному или тяготеющему к научности направлению качественной социологии в предложенной нами классификации [9, с. 147], хотя это и не Нововременная форма научности. Главная направленность подобного рода исследований - приращение знания о малоизученных или вовсе неизученных социальных явлениях.

Популярна сегодня и принципиально другая направленность автоэтнографического исследования: так называемая терапевтическая.

Установка социолога на помощь читателю, который, погружившись в похожий, сходный опыт переживания исследователем той или иной ситуации, получает своего рода эмоциональную поддержку, обуславливает и образ результата такого исследования. Итогом здесь выступает сама история исследователя, простое описание им пережитого, прочувствованного «куска жизни», т.е. простое описание его личностного, эмоционального опыта. Здесь исследователь изучает себя, чтобы пригласить читателя в авторский мир, вызвать у него те или иные чувства, помочь ему соотнести себя с другими, может быть, пересмотреть сложившиеся представления и ценности.

В отличие от научной или тяготеющей к научности автоэтнографии, где по словам К. Гиртца происходит «обобщение сквозь случай», здесь обобщение осуществляется «внутри случая» [10, с. 147]. История исследователя скорее продолжается читателем, чем анализируется, скорее рассказывается и пересказывается, чем теоретизируется, скорее происходит приглашение к разговору, продолжение темы, чем ее конец, завершение. Читатель здесь - соавтор, который в интерпретации «вписывает» историю исследователя в свой собственный эмоциональный опыт. Ярче всего «помогающий» характер такого направления автоэтнографии выражен в одном из названий этой исследовательской практики: побуждающий нарратив (*evocative narrative*). Речь идет о побуждении читателя к эмоциональному отклику, в конечном итоге оказывающем благотворное «терапевтическое» воздействие на него. Нарративы болезни, например, как одна из распространенных автоэтнографических практик, написанных, как правило, людьми победившими болезнью, направлены на ослабление стигматизации и маргинализации больных людей [11]. Их главное назначение - сопротивление идентичности жертв, беспомощных людей, столь характерной для больных. Такие нарративы - больше «о том, как жить, нежели о том, как знать», как точно выразился американский социолог М. Джексон [12]. Эта разновидность автоэтнографии относится, на наш взгляд, к собственно гуманистическому направлению качественной социологии в нашей классификации [9, с. 147].

«Побуждающая» автоэтнография фактически ломает границы, сложившиеся между литературой и социальным знанием, не случайно, споры о том, литература это или социология, практически не стихают. Вместе с тем различия между этими формами знания, видимо, связаны с тем, что беллетристика прежде всего имеет дело с вымыслом, в то время как в автоэтнографии представлена подлинная, реальная история исследователя. Кроме того, литература добывается эмоционального отклика специальными средствами, искусными приемами: сюжетной линией, конструированием художественных образов,

авторским стилем и т.д., в то время как автоэтнография тут, как правило, безыскусна.

Конечно, терапевтический эффект может присутствовать и в автоэтнографии научной ориентации: теоретический текст, описывающий или объясняющий тот или иной феномен, способен подтолкнуть рядового читателя к осмыслению или переосмыслению своего видения, вызвать определенные чувства, мысли (правда, если текст будет ему понятен). В то же время «помощь» читателю здесь второстепенна, скорее незапланированное следствие, чем сознательно поставленная цель.

Возможен сегодня и еще один, так называемый постмодернистский вариант автоэтнографии. В постмодернистских автоэтнографических текстах собственная история осмысливается исследователем на художественном, поэтическом языке с его образностью, ассоциативностью, метафоричностью, мгновенными откровениями инсайта: считается, что ни теоретические понятия, опирающиеся на формальный аппарат логики, ни обыденный язык повседневного общения не способны схватить ускользающее, хаотическое, бессмысленное, фрагментированное с точки зрения постмодернизма бытие. Здесь грань между литературой и социологией делается, видимо, еще тоньше. Назначение таких текстов - не только эмоциональное включение читателя в исследовательский мир, побуждение его к эмоциональному отклику, но и ответ на экзистенциальную потребность автора в познании самого себя, придании смысла собственной жизни. Проговаривание ее - «всегда попытка длительности опыта сквозь время», как говорит американский исследователь С. Крайтс [13, с. 292], напряжение опыта настоящего в прошедшем и будущем, их объединение в настоящем и одновременно различие. Рассказывая и пересказывая события своей жизни, исследователь, как, впрочем, и рядовой человек, соединяет ее разрозненные части, продуцируя связность, вразумительность, целостность жизни, к которой мы все интуитивно тянемся. В этом плане личностный нарратив - это «способ, чтобы задать глубокие и тревожные вопросы о том, как жить осмысленно, полезно, нравственной жизнью» [14, с. 747]. Именно поэтому для автора, как и раньше для читателя, такая автоэтнография скорее о том, как жить, нежели о том, как знать. Личностный нарратив здесь - часть человеческой экзистенциальной борьбы за продолжение жизни, он одновременно о жизни и часть жизни.

Есть и еще один вариант использования автоэтнографии, когда она выступает частью, стороной привычной этнографической исследовательской практики. В такой автоэтнографии исследователь скрупулезно описывает свои мысли, переживания по поводу того, о чем рассказывает информант, фиксирует свое отношение к услышанному, старается понять изменения в себе, вызванные его рассказом. Это своего рода путешествие по исследованию также помогает социологу лучше понять себя, ответить на смысложизненные вопросы.

К автоэтнографии сегодня в социологическом сообществе есть немало претензий, раздающихся прежде всего из стана количественников. Первая сводится к тому, что самоистория дает жизнь структурам, которых нет в жизни, и потому «сочиняет» жизнь, конструирует ее вместо того, чтобы правильно отразить. Вторая заключается в том, что автоэтнография представляет собой «романтическое конструирование себя» [15, с. 335], приукрашивание и потому не может быть отнесена к сфере строгой социальной науки. Фактически оба этих направления критики демонстрируют тоску по достоверности, т.е. по правильному, точному отражению изучаемого социального явления, тоску по тому, чего принципиально лишена качественная социология как стоящая на

радикально иных, нежели классическая социология, социально-философских основаниях.

В самом деле, для традиционной социологии, являющейся «законной дочерью» научного знания в его нововременной форме, достоверность социального феномена - важнейшая характеристика. В то же время для качественной социологии с ее феноменологическими корнями, а значит и акцентом на конструировании реальности, на «повседневных теориях», с помощью которых мы определяем реальность и действуем в ней, важно и значимо совсем другое: истина нашего опыта, нашего переживания реальности, в котором сама эта реальность и ее переживание причудливо сплетены. В этом смысле для качественной социологии вообще и для автоэтнографии в частности романтическое приукрашивание себя - не беда, с которой социологу надо как-то справляться, но реальность сознания, определяющего наше поведение и потому представляющего для социолога исследовательский интерес.

Вместе с тем при всей правильности этих рассуждений есть здесь одно «но».

Что со всем этим делать социологу, если его задача состоит в эмпирическом изучении малоисследованного или вовсе нового социального феномена, социального контекста в целом?

Сегодня значительная часть социологов-качественников разделяет точку зрения финского социолога Й.П. Рууса, полагающего, что «наши автобиографические тексты ничего не будут стоить до тех пор, пока мы не предоставим им кредит реальности, чего-то существующего во вне, что эти тексты стараются описать более или менее адекватно» [16, с. 7]. Реализация реалистического подхода [17, с. 124] к автоэтнографическим текстам как раз и предполагает, что в них все-таки «схватывается» изучаемое социальное явление и что мы благодаря автоэтнографии получаем его правдоподобное описание. Термин «правдоподобие» принципиален для качественного подхода в социологическом исследовании: «правдоподобное может не соответствовать действительности, но оно всегда отвечает обыденным представлениям о социально возможном» [18, с. 136]. Излюбленный способ повышения правдоподобия в автоэтнографии, так же как, впрочем, и в другом типе качественного исследования, - знаменитая триангуляция, когда интерпретация собственного текста соотносится с данными, полученными другими исследователями, или со смыслами, «вытащенными» социологом из транскриптов с другими информантами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р «Делать знакомое неизвестным»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2.
2. Романов П.В. Социологические интерпретации менеджмента. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2000.
3. Ellis C., Borchner A.P. Autoethnography, Personal Narrative, Reflexivity // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.
4. Ellis C., Borchner A.P. Op. cit.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
6. Локк Д. Сочинения: В 3 т. М., 1985. Т. 1.
7. Silverman D. Doing Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2000.
8. Ellis C., Borchner A.P. Op. cit.
9. Готлиб А. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Самара: Самарский государственный университет, 2002.

10. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N.Y.: Basis Books, 1973.
11. Frank A. The Wounded Storyteller: Body, Illness and Ethics. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
12. Jackson M. At Home in the World. Durham, NC: Duke University Press, 1995.
13. Crites S. The Narrative Quality of Experience // Journal of the American Academy of Religion. 1971. No. 39.
14. Ellis C., Borchner A.P. Op. cit.
15. Atkinson P. Narrative Turn in a Blind Alley? // Qualitative Health Research. 1997. No. 7.
16. Руус Й.П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам биографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара, С.-Петербург, 14-17 ноября 1996 г. СПб., 1997.
17. Silverman D. Doing Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delhi, 2000.
18. Качанов Ю. Начало социологии. СПб.: Алетейя, 2000.

(1) Известно, что в рамках количественного подхода с его ставкой на получение объективного, достоверного, математически доказанного знания исследователь выключен как личность из процесса исследования.

(26)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-akademicheskii-format>

А. АЛЕКСЕЕВ. ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 18.08.2016

«...Сверхзадачей изыскания является попытка, в рамках «case-study» (исследование отдельного случая), соотнести друг с другом два рода общесоциальных процессов: а) социально-нормативное воздействие, идущее от социального окружения, или адаптация личности социальной средой, присвоение и воспроизведение индивидами действующих норм-стереотипов поведения и б) творчески-преобразовательное воздействие, идущее от личности, или; адаптация личностью социальной среды к себе, порождение и внедрение новых социальных норм...». Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (26).

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

Часть 3. Полигон

<...>

Глава 11. ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Несколько вступительных слов

Читательскому вниманию предлагается статья «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)», написанная в июле-сентябре 1983 года, в качестве научного отчета о первом этапе эксперимента социолога-рабочего (1980-1983). Этой работой охватываются события и обстоятельства эксперимента, освещенные ранее в форме «писем-дневников-отчетов» друзьям, с которыми читатель, возможно, уже знаком.

Данной работе предшествовала другая — на ту же тему: «Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии)», — опубликованная в сборнике «Социальные проблемы познания и управления» (Томск, 1982). Главные выводы настоящей статьи там уже присутствовали.

Из письма к Л.С. Гурьевой, редактору названного сборника:

«...Посылаю выжимки из моего научного отчета 1981 года, который официально принят, одобрен и т. д. То есть — не “хулиганство”...

Текст этот, пожалуй, нетривиален, но вполне выдержан в духе «адаптационного нормотворчества» (на сей раз научного). И все же есть основания призадуматься редактору... Впрочем, насколько я понял, особенно из нашего последнего общения, принцип единства Деятельности, Рефлексии и Игры не чужд и Вам тоже.

*Если понадобятся купюры (хотя бы по соображениям места), разрешаю их делать, но только **Вам лично**... А. А. 19.12.81».*

Что-то в этом роде автор собирался написать и редактору московского сборника (Институт системных исследований) Б. В. Сазонову, от которого получил заказ на итоговую статью об исследовании производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». Однако не успел. Уже подготовленная к отправке рукопись была изъята при обыске в квартире автора в сентябре 1983 г.

О дальнейшей судьбе упомянутой статьи будет рассказано отдельно.

Работа публикуется здесь по рукописи 1983 г. (Март 2001 — май 2003).

11.1. «Человек в системе реальных производственных отношений». 1983

В настоящей работе предполагается изложить исходные теоретико-методологические посылки, описать процедуру и представить некоторые предварительные результаты поискового социологического исследования на одном из ленинградских заводов, проводимого автором на протяжении трех с половиной лет.

Автор считает своей обязанностью подчеркнуть то значение, которое имело для его работы общение с коллегами. Это:

— социологи, ставшие рабочими (на других предприятиях), Ю. А. **Щеголев**, С. М. **Розет** и А. А. **Кетегат**

Примечание: Юрий Анатольевич Щеголев, Сергей Михайлович Розет (ныне покойный), Анри Абрамович Кетегат — мои многолетние друзья и коллеги. Все они — непосредственные участники описываемых в этой книге событий.

О С. Розете и Ю. Щеголеве см. в томе 1: раздел 1.4. Об А. Кетегате см. в томе 1: раздел 5.6. См., особенно, собственные тексты моих коллег в томе 1: раздел 5.6 (А. Кетегат); приложение 2 к части 1 (С. Розет); приложение 3 к части 1 (Ю. Щеголев); приложение 4 к части 1 (А. Кетегат); в томе 2: приложение 2 к части 2 (Ю. Щеголев).

— канд. филос. наук, ныне старший инженер отдела НОТ и управления того же завода Б. И. **Максимов**

***Примечание.** Борис Иванович Максимов — мой многолетний друг и коллега. В середине 80-х мы работали с ним на одном заводе — «Ленполиграфмаш». Сейчас Б. М., как и я, работает в Социологическом институте РАН, занимается производственной социологией и проблемами рабочего движения. Наш с ним и А. В. Тихоновым в соавторстве текст 80-х гг., а также собственный текст Б. И. Максимова 90-х гг. см. в томе 1 настоящей книги: приложения 2 и 6 к главе 5. См. также в томе 2: разделы 8.11 и 10.13. Примечание 2016 г. Б.И. Максимов скончался в 2016 г.*

— социологи и психологи НИИ комплексных социальных исследований при ЛГУ, на протяжении ряда лет ведущие хоздоговорные исследования на том же заводе, Н.П. **Грибалев**, А.П. **Марьяненко** и Н.Ю. **Щербаков**;

— канд. эконом. наук, доцент Высшей профсоюзной школы культуры Г. А. **Климентов**

***Примечание.** Геннадий Александрович Климентов — мой коллега и друг, с которым в 80-х гг. мы тесно сотрудничали. См. о нем в томе 2 настоящей книги: раздел 7.5. См. также приложение 2 к главе 7. Ныне Г.А. Климентов живет в Москве.*

— канд. филос. наук, заведующий лабораторией Высшей профсоюзной школы культуры А. В. **Тихонов**

***Примечание.** Александр Васильевич Тихонов — мой многолетний коллега и друг. Ныне — докт. социол. наук, профессор. Автор книги «Социология управления. Теоретические основы» (СПб., 2000). В 2003-2004 гг. — директор Социологического института РАН. С 2005 г. живет в Москве.*

— канд. филос. наук, доцент Ленинградского горного института С.Ф. **Минакова** .

Особо признателен автор доктору филос. наук, профессору В.А. **Ядову**, который активно поддержал этот исследовательский поиск.

***Примечание 2016 г.** В.А. Ядов скончался в 2015 г.*

1. Постановка натурного эксперимента

Начиная с января 1980 г. нами осуществляется натурный эксперимент, имеющий своей целью изучение социальных механизмов функционирования производственной организации и социально-психологических механизмов трудовой и общественной активности работника.

Методическая суть эксперимента состоит в принятии исследователем социальной роли, обеспечивающей возможность **наблюдающего участия** в процессах и ситуациях сферы промышленного производства. Специфическим «пунктом наблюдения» и «полигоном для участия» явилось рабочее место сначала наладчика технологического оборудования (1980-1982 гг.), а затем — слесаря механосборочных работ (с 1983 г.) на Ленинградском заводе.

***Примечание.** В статье название предприятия — Ленинградский завод полиграфических машин — не раскрывалось.*

Переход на это рабочее место был безусловным, т. е. состоялось увольнение из научного учреждения (где автор занимал должность старшего научного сотрудника) и **поступление на завод в качестве рабочего**. Таким образом, был осуществлен предельный вариант погружения в исследуемую социальную среду, что обычно отождествляется с методом включенного (участвующего) наблюдения.

(Прецеденты использования метода включенного наблюдения в советской социологии и социальной психологии не многочисленны, но имеются. Пожалуй, впервые в рамках научно-исследовательской программы этот метод был применен у нас в середине 1960-х гг. В. Б. Ольшанским, для изучения социальных ценностей, утвердившихся в рабочем коллективе [16]). Выбор рабочего места осуществлялся исследователем в инициативном порядке. Специфика сложившихся производственных обстоятельств, а именно — необходимость освоения нового, уникального на данном предприятии типа оборудования, сделала заинтересованность в замещении вакансии наладчика этого оборудования обоюдной, для социолога и для заводской администрации. К социально-психологическим условиям настоящего натурального эксперимента относится принципиальный отказ от обычного (при включенном наблюдении) инкогнито. Такая линия поведения диктовалась не только этическими соображениями [1], но и спецификой задач научно-практического изыскания. Автор ни от кого не скрывал ни места своей прежней работы, ни рода профессиональных занятий. Социально-профессиональное перемещение мотивировалось желанием сменить обстановку (мотив реальный!). Не отрицался и мотив познавательный. Однако исследовательский интерес практически никак не проявлялся в повседневном поведении социолога-рабочего и в качестве профессионального едва ли кем из окружающих сегодня воспринимается. (Не исключено, что, особенно к настоящему времени, у товарищей по труду сложилось об авторе реалистическое представление как о человеке, решающем своеобразную жизненную, но вовсе не научную задачу).

2. Задачи исследования

Конкретные задачи, поставленные в ходе настоящего натурального эксперимента, формулируются и группируются следующим образом.

А. Задачи, относящиеся к исследованию системы ныне действующих социальных норм производственной организации.

Для решения задач этой категории существенно важен выбор: а) места эксперимента; б) времени эксперимента; в) конкретной социально-производственной роли исследователя.

Местом эксперимента («полем» включенного наблюдения) является одно из передовых предприятий отрасли, завод, уникальный в стране по выпуску основных позиций своей номенклатуры, и вместе с тем — типичное

машиностроительное предприятие. Выбор времени эксперимента связывался нами, в частности, с общепартийными и государственными мерами по дальнейшему совершенствованию хозяйственного механизма (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 мая 1979 г.).

Что касается социально-производственной роли исследователя (конкретное рабочее место, набор прямых производственных обязанностей), то это — очень важный ситуационный фактор. От точного выбора такой роли зависят и собственно научные, и практические результаты. Автор имел поводы убедиться в этом последнем обстоятельстве путем сопоставления своей рабочей карьеры с потенциально возможными иными.

Нашему исследовательскому замыслу наиболее соответствовала, поначалу, своеобразная универсальность производственного амплуа, относительная автономия от массового производственного процесса. Кроме социально-психологического выигрыша в период первичной адаптации (осложненной необходимостью овладения ранее не знакомой специальностью), это могло способствовать повышению разнообразия деловых, функциональных связей и контактов. Такая универсальность социально-производственной роли оказалась обеспечена за счет выбора уникального рабочего места наладчика и, одновременно, оператора установленного в одном из цехов завода нового оборудования (координатный пресс с револьверной головкой — ПКР).

Б. Задачи, относящиеся к исследованию соотношения социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенций личности, возможностей реализации активной жизненной позиции в определенном социально-нормативном контексте.

Традиционная, т. е. внеэкспериментальная постановка задач этого типа предполагала бы «объективное» исследование меры согласования или конфликта между так называемыми нормами-рамками и нормами-целями (если воспользоваться одной из популярнейших социологических теорий), построение или верификацию тех или иных моделей ценностно-нормативной регуляции поведения личности в конкретных социально-производственных условиях.

Экспериментальная же ситуация погружения в определенную социальную среду, сама по себе, открывает богатое поле для интраспекционного анализа. Это — не традиционный психологический самоанализ, а то, что уместно назвать социологическим или социально-психологическим **самонаблюдением**. Иначе говоря, анализ мотивационной и поведенческой структуры деятельности самого исследователя, в связи с деятельностью окружающих его людей. Здесь практическая деятельность и исследовательская рефлексия неразрывны. В определенных ситуациях это может сочетаться с игровым моментом.

(Сама жизнь экспериментатора в таком случае превращается в своеобразную социодраму, которую надо сочинить, срежиссировать и сыграть, будучи постоянно готовым к импровизации).

Сказанное относится пока скорее к способу решения названной группы задач. Содержание же и смысл этих задач состоит в научно-практическом испытании и выяснении своего рода пределов: а) возможностей отдельной личности **адаптироваться** к новой среде, не разрушая своей внутриличностной целостности; б) возможностей отдельной личности **воздействовать** на социальную среду, не разрушая своих связей с нею.

(В известном смысле, это есть исследование свободы личности в определенном социально-нормативном контексте, имеющее своей сверхзадачей — расширение зоны этой свободы).

Задачи такого рода принципиально не могут быть решены только теоретическими построениями или эмпирическими обследованиями. Это — задачи научно-экспериментальные, по определению.

В. Задачи, относящиеся к исследованию возможностей и перспектив направленной коррекции ныне действующей системы социальных норм и путей развития личности.

И система социальных норм производственной организации, и жизненная позиция личности в конечном счете суть процессы. Эти процессы разворачиваются в основном стихийно, однако овладеть ими заинтересованы как сознательное общество, так и сознательная личность. Поэтому целесообразно объединить эту прогностическую (и в известном смысле — управленческую) постановку вопроса в единой группе научно-практических задач, относящихся как к личности, так и к обществу. С учетом сказанного, третья группа задач предполагает поиск предварительных ответов на следующие два вопроса:

а) Каковы пути возможного совершенствования системы социальных норм производственной организации и полнейшей самореализации личности работника?

б) Какие из этих путей можно признать предпочтительными?

Особую, четвертую группу составляют **задачи научно-методические**, связанные с разработкой методических принципов, профессиональных и этических норм наблюдающего участия и личностного социального экспериментирования.

3. Объект и предмет исследования

Сказанным выше отчасти уже очерчена объектная область исследования. Укажем теперь **объекты** эмпирического (непосредственного) изучения; уточним, далее, **предмет** исследования.

Объектами эмпирического изучения в данном научно-практическом исследовании выступают те **инновационные процессы** на конкретном промышленном предприятии, в которые автор непосредственно включен в своей новой социальной роли. В отечественной литературе сложился научный подход, резюмируемый в понятиях **нововведение** и **инновационная деятельность** [3]. Подчеркнем, что в социологическом и социально-психологическом плане при исследовании инноваций необходимо обращаться к понятиям социальной активности, общественной регуляции и саморегуляции, инициативы, личного и общественного интереса. Ибо нововведение всегда имеет своих инициаторов («сверху» или «снизу»); не может не быть сферой проявления индивидуальной или групповой активности; стимулируется как личными, так и общественными интересами (либо, напротив, тормозится отсутствием заинтересованности). В силу сказанного, инновационный процесс представляет собой наиболее удобное поле для исследования взаимодействия таких социальных субъектов, как **личность, коллектив, организация**. Далее, именно в таком процессе осуществляется не только функционирование, но и трансформация или смена социальных норм, выступающих посредниками и регулятивами указанного взаимодействия. Нововведение — тот «оселок», на котором обнажаются индивидуальные и групповые позиции, происходит более или менее явное столкновение или взаимосогласование интересов. Структуры деятельности при этом обнаруживают свою устойчивость или лабильность. Социальная ситуация приобретает демонстрационный характер. Именно это обстоятельство побудило нас к отграничению в качестве объектов непосредственного изучения ряда

доступных нашему наблюдению и составляющих непосредственную сферу ролевого поведения социолога-рабочего **инновационных процессов**.
Какие же это процессы?

1) Процесс внедрения новой (для данного предприятия) технологии штамповки листовых деталей на координатно-револьверном прессе (ПКР).

Эта техническая инновация была прямо связана с производственными обязанностями социолога-рабочего на протяжении трех лет. Причем автор застал данное нововведение на заводе еще на относительно ранней (организационной) стадии и имел возможность проследить его вплоть до достижения фазы «рутинизации» ([11], с. 13), когда новшество уже перестает быть таковым.

В ходе выполнения своих текущих (а иногда и экстраординарных) производственных функций социологу-рабочему понадобилось завязывать инициативные и реактивные, постоянные и эпизодические контакты: с цеховым бюро технической подготовки (технологи); со всеми вспомогательными службами цеха (инструментальная, ремонтно-механическая, ОТК); с производственным участком, на котором установлен координатно-револьверный пресс; с соседними производственными участками; с руководством цеха; с цеховыми общественными организациями; с отделом главного технолога завода; с инструментальным цехом; с ремонтно-механическим цехом; с отделом НОТ и управления; с отделом технической подготовки кадров; с высшими эшелонами заводского руководства; с парткомом и профсоюзным комитетом завода; с редакцией заводской многотиражной газеты; с одним родственным предприятием (где названная технология давно применяется); и т. д.

Можно без преувеличения сказать, что в одной (относительно частной!) технической инновации перекрещиваются связи едва ли не всех секторов производственной организации и этажей ее иерархии.

2) Процесс внедрения бригадных форм организации и стимулирования труда.

Названный процесс весьма продвинут на данном предприятии. В отличие от предыдущего (относящегося к технико-организационной стороне жизни производственного коллектива), это — нововведение, непосредственно относящееся к **социально-организационной** стороне производственной жизни. Обстоятельства сложились так, что автор, будучи принят на завод и продолжая в течение трех лет работать на условиях повременной оплаты, тем не менее с самого начала являлся рабочим не вспомогательного, а основного производства. Он не только налаживал координатно-револьверный пресс, но и сам эксплуатировал его в качестве оператора, серийно выпуская разнообразные листовые детали. Во многом аналогичные детали изготавливались на этом же производственном участке, в комплексных бригадах, состоящих преимущественно из слесарей. Каждая такая бригада работает на единый наряд.

По мере освоения ПКР происходила постепенная передача части работы, которая традиционно выполнялась слесарями и фрезеровщиками (по более трудоемкой технологии), — на обслуживаемый социологом-рабочим новый станок. Это осуществлялось как в плановом порядке, в соответствии с разработанными в отделе главного технолога новыми техпроцессами, так и — в не меньших масштабах — без соответствующей технической документации, в порядке не санкционированной (но и не пресекаемой!) инициативы самого наладчика координатно-револьверного прессы, а также производственных бригад. При этом первый был заинтересован в опробовании возможностей

нового станка, а вторые — в менее трудоемком изготовлении своей продукции. (Этот феномен в рабочем обиходе называется — «партизанщина»).

Таким образом, не будучи непосредственным членом бригады, социолог-рабочий на протяжении двух лет выступал производственным партнером бригад своего участка и находился с ними в сети тесных деловых и неформальных связей. Начиная с весны 1983 г. автор, успевший к тому времени овладеть смежной профессией слесаря механосборочных работ, сам вошел в состав одной из бригад, и перешел на условия сдельной оплаты (при общем, бригадном наряде).

Так бригадная форма организации труда стала объектом социологического изучения не только «снаружи», но и «изнутри».

3) Процесс экспериментального социального нормотворчества в конкретной социально-производственной ситуации.

Судя по всему, этот инновационный процесс, инициируемый самим социологом-рабочим, не укладывается в большинство известных классификаций. Ибо теория управления и социология организаций, как правило, трактуют инновацию как процесс, направленный «сверху вниз» (от управленческого органа к объекту управления). Конечно, теорией управления не исключается возможность также инициативы снизу. Но пока эта инициатива не стала предметом целенаправленного распространения сверху, это как бы еще не инновация. Такой подход несет в себе издержки технократического мышления. По нашему мнению, целенаправленное изменение общественной среды не есть прерогатива только управленческого органа.

Социально-активная личность, независимо от общественного положения и принадлежности к сфере принятия управленческих решений, может выступать полноправным субъектом инновации. Всякое нововведение предполагает сознательное и организованное **нормотворчество**. Мы полагаем, что такое нормотворчество может быть и индивидуальным. С учетом сказанного, автор уверенно включает этот третий инновационный процесс в круг объектов непосредственного изучения, наряду с классическими (техничко-организационным и социально-организационным) нововведениями.

Содержание и смысл этой экспериментальной деятельности будут подробно раскрыты ниже. Сейчас же ограничимся замечанием, что речь здесь идет не о нормотворчестве вообще, а о таком, которое мы предлагаем называть **адаптационным**. Это — нормотворчество, предполагающее инициативное опробование таких образцов вненормативного социального поведения, которые так или иначе соотносятся с устоявшимся социально-нормативным контекстом и рассчитаны если не на распространение, то хотя бы на выживание в этом контексте.

Итак, **ПКР, БФОТ** и **«ЭСН»** — таковы три конкретных инновационных процесса (из них первые два являются «классическими» инновациями), которые выступают непосредственными объектами изучения, в нашем случае. (ПКР — общепринятое сокращенное обозначение координатно-револьверных прессов; БФОТ — распространенное сокращенное обозначение бригадных форм организации труда; «ЭСН» — экспериментальное социальное нормотворчество). Предметом же исследования здесь оказываются не названные нововведения в целом, а — говоря в самом общем виде — **взаимодействие личности и социальной среды в процессе инновации**.

Таким образом, исследование не сводится к описанию самих по себе явлений и процессов производственной жизни. Не сводится оно и к описанию собственного участия исследователя в указанных процессах. Сама практическая деятельность выступает здесь, главным способом или инструментом познания. Сверхзадачей

же изыскания является попытка, в рамках «case-study» (исследование отдельного случая), соотнести друг с другом два рода общесоциальных процессов:

— **социально-нормативное воздействие, идущее от социального окружения**; адаптация личности социальной средой, присвоение и воспроизведение индивидами действующих норм-стереотипов поведения;
— **творчески-преобразовательное воздействие, идущее от личности**; адаптация личностью социальной среды к себе, порождение и внедрение новых социальных норм.

4. Хроника эксперимента. Способы регистрации социальных фактов. Понятие «наблюдающего участия»

Тесная взаимопереплетенность, «слитность» в конкретной социально-производственной ситуации изучаемых инновационных процессов побуждает автора отказаться от отдельного представления исследовательских материалов наблюдающего участия — по указанным трем «линиям». Здесь ограничимся сокращенной и схематизированной «летописью эксперимента», призванной облегчить восприятие основных социологических наблюдений и выводов.

Январь 1980 г. Автор поступает на завод, в качестве наладчика технологического оборудования, на условиях повременной оплаты. Проходит стажировку на соседнем предприятии, где имеется участок действующих координатно-револьверных прессов.¹³

Февраль — март 1980 г. Автор (социолог-рабочий, наладчик ПКР) выявляет необходимость «предпускового» ремонта установленного на своем заводе станка ПКР КО-120. Такая необходимость вызвана: а) производственным браком завода-изготовителя; б) повреждениями, причиненными станку при транспортировке. Организуются ремонтные работы, с приглашением специалиста (слесаря-наладчика) с другого предприятия.

Апрель — май 1980 г. Социолог-рабочий предпринимает ревизию оснастки, изготовленной в инструментальном цехе по заказам отдела главного технолога. Обнаруживается негодность значительной части этой оснастки. Наладчиком ПКР выдаются «цеховые замечания» по техпроцессам, разработанным в ОГТ завода еще в прошлом году.

Июль — октябрь 1980 г. Производится приемка вновь изготовленной оснастки. Отдел главного технолога частично корректирует разработанную им ранее техническую документацию. Происходят первые производственные испытания ПКР, с неудовлетворительными результатами. Наладчиком обнаружена глубокая неисправность координатной системы станка, не замеченная при первом ремонте (а именно — искривление траверсы координатного стола, или так называемой «главной линейки»). Уже своими силами организуется новый, капитальный ремонт, включающий полную переборку координатной системы ПКР. Попутно вносятся ряд частных усовершенствований в отдельные узлы.

Ноябрь 1980 г. Запуск нового оборудования. На ПКР выпущена первая производственная партия деталей, по техпроцессу, разработанному цеховой технологической службой (а не в ОГТ).

Декабрь 1980 — февраль 1981 г. Обнаруживается отставание заводских служб с инженерной и планово-диспетчерской подготовкой эксплуатации ПКР. При отлаженном оборудовании — никакой производственной загрузки. Тогда начинается инициативная («партизанская») эксплуатация станка, по заказам бригадиров производственных бригад. Работа выполняется по самодеятельной

технологии (карты штамповки рассчитываются не технологами, а самим наладчиком; необходимые в качестве оснастки шаблоны изготавливаются не в инструментальном цехе, а непосредственно на ПКР).

Март 1981 г. На ПКР выпущена первая производственная партия по техпроцессу, разработанному в ОГТ завода.

Апрель — июнь 1981 г. Происходят производственные испытания серии официальных техпроцессов, часто — с негативными результатами. Социолог-рабочий внедряет практику «актов производственных испытаний» по новым техпроцессам, с выдачей замечаний для корректировки технической документации, заказа оснастки и т. п. Параллельно активизируется «партизанское» использование ПКР для выпуска программной продукции.

Июль — ноябрь 1981 г. Продолжаются производственные испытания официальных техпроцессов (около 30 к концу года). Некоторые виды цеховой номенклатуры проходят через ПКР повторно. При этом оказывается, что цеховые замечания не учтены отделом главного технолога. Социолог-рабочий констатирует в своих актах систематические отступления от Отраслевого стандарта в поступающей из ОГТ технической документации. Все чаще наладчику приходится изготавливать на своем станке шаблоны также и для официальных техпроцессов (ввиду задержки с поступлением оснастки из инструментального цеха). Параллельно — выпуск свыше 20 обозначений цеховой номенклатуры по самодеятельной технологии. Однако даже с учетом последней ПКР имеет производственную загрузку не более 50%.

Декабрь 1981 г. Социолог-рабочий выступает с критикой в адрес технических служб завода на цеховом партийном собрании.

Январь — март 1982 г. Из ОГТ в цеховое бюро технической подготовки переводят технолога, которому специально поручается инженерное обеспечение ПКР. Со своей стороны, наладчик предпринимает инициативную ревизию всей совокупности (около 60) разработанных к этому времени техпроцессов для ПКР и примерно в четверти из них обнаруживает расчетные ошибки. Между тем, на станке продолжается выпуск деталей по «партизанской» технологии. Социолог-рабочий адресует главному технологу «Предложения по совершенствованию инженерной подготовки обработки деталей на ПКР и по ускоренному внедрению прогрессивной технологии штамповки». Предложения официальной реакции не имели. По просьбе администрации, наладчик ПКР обучает ученика, из числа рабочих-слесарей, работе на своем станке.

Апрель — июнь 1982 г. Инструментальный цех предлагает «узаконить» практику самодеятельного изготовления шаблонов. Цеховая администрация возражает. Социолог-рабочий, со своей стороны, настаивает на дополнительном ремонте и усовершенствовании некоторых узлов станка. По служебной записке наладчика принимается решение об организации такого ремонта.

Администрация поручает эту работу ремонтно-механической службе цеха (до тех пор, в течение двух лет, наладчик занимался всеми ремонтными работами сам). На период ремонта автора переводят на другую, временную работу (слесарем м/с работ).

Август 1982 г. По разным причинам ремонт ПКР продолжается месяц, вместо планировавшейся недели. В результате возникает напряженное положение с цеховой программой. По завершении ремонтных работ наладчик находит станок в неудовлетворительном состоянии и отказывается его принять.

Сентябрь 1982 г. Администрация усматривает в действиях автора не мотивированный отказ от работы и применяет соответствующие санкции (выговор, депремирование). На ПКР временно поручается работать бывшему

ученику наладчика. Почти одновременно с этим в заводской газете появляется корреспонденция, освещающая историю и острые проблемы освоения ПКР.²²

Октябрь — декабрь 1982 г. Автор отказывается от предложения администрации вернуться к работе на ПКР «на льготных материальных условиях». На станке работает, теперь уже постоянно, его бывший ученик. При относительно возросшей к этому времени производственной загрузке, станок систематически выходит из строя. Довольно заурядной становится сверхурочная работа на нем (днем ремонтируют, вечером штампуют). Бывший же наладчик ПКР в это время продолжает выполнять слесарную работу, на которую был ранее временно переведен.

Январь — март 1983 г. Освоение нового оборудования можно считать законченным. ПКР КО-120 закреплен за одной из производственных бригад и обслуживается бывшим учеником наладчика. Работу оператора на этом станке научились выполнять и некоторые другие члены бригады. В цехе производится установка новой, более современной модели ПКР с ЧПУ. При транспортировке этому станку (как и в случае ПКР КО-120) нанесен некоторый ущерб. К освоению новой модели координатно-револьверного пресса автор уже не причастен. Сам он сдает квалификационный экзамен по специальности слесаря механосборочных работ.

Май — июль 1983 г. Новая модель ПКР с ЧПУ пока не осваивается, ввиду утраты части технической документации и неготовности оснастки (история повторяется!). ПКР КО-120 эксплуатируется бригадой (официальные техпроцессы обеспечивают примерно 50-процентную производственную загрузку, при односменной работе). Автор, став слесарем механосборочных работ, работает сдельно (заметно повысив при этом свой заработок против прежней, повременной оплаты труда). Социолог-рабочий вступил в состав комплексной бригады, работающей на единый наряд. Иногда ему приходится также выполнять для своей бригады штамповку листовых деталей на ПКР (по самодеятельной технологии).

В апреле 1983 г. автору присваивается звание «Ударника коммунистического труда».

(Следует предупредить против истолкования этой «летописи» как демонстрации личных производственных достижений автора. Ретроспективный взгляд обнаруживает относительное изобилие также и неудачных тактических шагов в рамках избранной стратегии «адаптационного нормотворчества». Надо учитывать, однако, принципиально поисковый характер исследования и установку на испытание **пределов** адаптации социальной средой индивидуальных нормотворческих воздействий).

Конечно же, предусмотреть заранее подобное развитие событий немислимо. Далеко это и от канонов включенного наблюдения, как-то: предельная социальная мимикрия, отказ исследователя от нарушения естественного хода вещей. Не случайно наш метод обозначен другим термином — **наблюдающее участие**. Последнее предполагает активную позицию и соответствующую линию поведения «социолога-испытателя» в процессе научно-практического овладения ситуацией.

Суть наблюдающего участия (в отличие от участвующего наблюдения) видится как раз в **деятельном вмешательстве** в нормальное течение жизни. При этом подлежат наблюдению и осмыслению также и реакции среды на целенаправленные, избирательные (а нередко и импровизационные) общественные шаги исследователя. Особое место тут занимает исследовательский прием, который мы называем методом **моделирующих ситуаций**. Имеются в виду ситуации, отчасти организованные самим

исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

(Знакомясь с хроникой, читатель мог заметить, что в своем эксперименте социолог-рабочий искал пути «на лезвии бритвы» — между допустимым и не допустимым в данных обстоятельствах, стараясь обеспечить совмещение интересов дела, личности и исследования).

Несколько слов о способах регистрации социальных фактов. Принято ожидать от исследователя использования той или иной схемы (формы) ведения протоколов наблюдения. Однако схемы бедны, а формы разрушаются под напором живой реальности. Автор давал себе «свободу» в протоколировании наблюдений и не жалеет об этом. Сама разработка схемы в принципе не противопоказана. Но она целесообразна лишь с учетом конкретной социально-производственной ситуации, уже успевшей стать хорошо знакомой исследователю.

***Примечание.** Один из примеров разработки рубрикатора для протоколов наблюдающего участия в социально-производственной ситуации см. ниже: приложение к настоящей работе. Практически социолог-рабочий использования формализованных схем наблюдения избегал.*

Причем вряд ли возможно на протяжении длительного времени одинаково подробное ведение записей. Скорее, стоит планировать эпизодические месячные (максимум — двухмесячные) социологические **хроники**, отражающие социально значимые наблюдения дня.

5. Некоторые социологические наблюдения и выводы

Теперь займемся представлением содержательных результатов исследования, на том уровне их осмысления, который возможен, когда «полевой» этап еще продолжается. Большую часть выдвигаемых здесь положений следует трактовать как **гипотезы**. Однако для поискового исследования уже сама по себе формулировка гипотез является результатом.

(Некоторые из нижеследующих положений формулировались нами ранее в работе [3], опиравшейся на материалы первых полутора лет экс-перимента).²⁵

5.1. Вся совокупность охватываемых нашим исследованием социальных фактов дает основания говорить о существенных **рассогласованиях в системе социальных норм производственной организации**. Что имеется в виду? Мы исходим из представления о «двуслойности» социально-нормативной системы, различая декларируемые **нормы-требования** к производственному поведению и реально действующие **нормы-стереотипы** этого поведения. Те и другие образуют свои подсистемы, находящиеся в определенном соотношении между собой. Такой теоретико-методологический подход не является принципиально новым. О феномене расщепления потенциально и реально нормативного и формирования в нормативной системе социальной организации двух подсистем — «должного» и «собственно нормативного», в пределе противоположных друг другу, пишет, в частности, М. И. Бобнева ([5в], с. 52-54).

Каждая из этих двух подсистем внутри себя достаточно непротиворечива. Например, идеологически и организационно установленные **нормы-требования добросовестного труда, исполнительской дисциплины, бережливости, производственной инициативы, ответственного отношения к делу** — взаимно дополняют и подкрепляют друг друга. С другой стороны, определенную

целостность составляет и совокупность фактических образцов, норм-стереотипов или «стандартов» производственного поведения. Специальным теоретическим анализом (не входящим в нашу задачу) можно было бы показать одно-однозначное соответствие систем **требуемого** (предписываемого, рекомендуемого) и более или менее **общепринятого**: всякой обобщенной социальной норме-требованию соответствуют некоторые реальные формы массового производственного поведения. Будем называть пары или «связки» совпадающих по предмету (пусть расходящихся по содержанию и по функции) элементов двух нормативных подсистем (нормы-требования и нормы-стереотипы поведения) — **социально-нормативными комплексами**. Именно внутри таких комплексов просматриваются рассогласования и «разрывы». Эти «разрывы» между декларируемым и реально-нормативным могут быть больше или меньше в различных производственных организациях. Далее, степень внутренней согласованности (рассогласованности) отдельных нормативных комплексов может различаться в пределах одной и той же организации. Например, рассогласование в нормативном комплексе **трудовой дисциплины** на исследованном нами предприятии предстает меньшим, чем рассогласование в соответствующем комплексе **производственной инициативы**. (На другом предприятии положение может быть иным). Одним из минимальных — в нашем случае — предстает «разрыв» между нормами-требованиями и нормами-стереотипами **товарищеской взаимопомощи в процессе труда**.

Последнее утверждение опирается не только на результаты нашего наблюдения. В репрезентативном опросе (выборка — 800 чел.) рабочих того же завода, проведенном в 1982 г. группой социологов НИИКСИ при ЛГУ при участии автора, выяснялось мнение рабочих о мере соблюдения в их трудовом коллективе ряда требований к поведению людей на производстве. 58% опрошенных уверенно отметили укоренившуюся в их среде готовность «помочь товарищу по работе», соответственно, 44% — «нетерпимость к нарушителям трудовой дисциплины». Соответствующие показатели «степени реализуемости» норм-требований «деловой инициативности» и «активности в общественной жизни» — по 30%. (Формулировка вопроса: «Считаете ли вы, что эти требования соблюдаются людьми, работающими рядом с вами?»).

Задачу специального массового обследования ряда производственных коллективов могло бы составить выявление соотношения **общих и локальных** факторов рассогласования тех или иных комплексов социальных норм. Понятно, что позиция включенного наблюдателя ситуации таких возможностей не предоставляет. Однако и из этой позиции хорошо просматриваются нормативные комплексы, рассогласование в которых является относительно универсальным. (Лишний раз оговорим, что наше наблюдение относится не только к рабочим, но и к низшим и средним управленческим звеньям). К таким «универсально рассогласованным» нормативным комплексам, с достаточной степенью уверенности, могут быть отнесены: социальные нормы **раскрытия** (гласного обнаружения и полного использования) **личных и коллективных производственных резервов**; социальные нормы, относящиеся к вопросам **оплаты труда и материального стимулирования**; социальные нормы **отношения работника к конечным результатам коллективного труда**; в значительной мере — социальные нормы **участия рабочих в управлении производством**; и ряд других.

Есть и такие нормативные комплексы, рассогласования в которых особенно характерны для определенных категорий работников. Так, история освоения ПКР на Ленинградском заводе наглядно демонстрирует контраст между нормами-

требованиями **заинтересованности, компетентности и ответственности**, и — едва ли не противоположными им! — стереотипами поведения работников функциональных служб предприятия, в процессе освоения новой техники.

Примечание. Ср. в томе 1 (раздел 2.2): **Формула разгильдяйства: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.**

5.2. Как же в этих условиях осуществляется нормативно-ценностная регуляция поведения работника на производстве? Здесь уместно обратиться к результатам специальных социально-психологических исследований. В.А. Ядовым и его коллегами, в частности, показано наличие довольно значительных разрывов, отсутствие достаточной согласованности между различными уровнями ценностно-мотивационной структуры личности работника, а также между ценностными ориентациями личности и ее фактическим социальным поведением ([19], с. 188-195).

Установлено, что производственное поведение регулируется преимущественно «частными» диспозициями личности (ролевые и ситуативные социальные установки), а не обобщенными ценностными ориентациями (высшие уровни внутриличностной структуры). Мы полагаем, что этому социально-психологическому механизму может быть поставлено в прямое соответствие отмеченное рассогласование нормативных комплексов, выступающее объективным условием поведения личности на производстве. Так называемые низшие уровни диспозиционной структуры личности (социальные установки, предрасположенность личности к определенному поведению в конкретных ситуациях), по-видимому, суть не что иное, как **интериоризированные** (усвоенные) личностью нормы-стереотипы поведения, действующие в данной социальной среде.

То обстоятельство, что эти нормы-стереотипы (и, соответственно, ситуативные социальные установки) иногда противоречат ценностным ориентациям личности и в принципе не одобряются ею, вовсе не является препятствием для воспроизведения этих стереотипов в повседневном поведении. При этом действует социально-психологический механизм оправдания личностью своего реального поведения соображениями вынужденности или конформности. (Вспомним известные формулы обыденного сознания: «Иначе не проживешь!» или «Как все, так и я!»).

Однако рассогласование между разными уровнями диспозиционной структуры личности и, соответственно, между ценностными ориентациями и поведением, по нашему мнению, есть лишь первичный ответ личности (рассматриваемой, как в плане индивидуального развития, так и в плане становления определенного социально-личностного типа) на указанные рассогласования в нормативных комплексах. Структура личности, разрываемая противоречивым давлением норм-требований и норм-стереотипов, естественно тяготеет к целостности. И возникает угроза вторичного эффекта, а именно — ценностного переосмысления личностью ряда негативных (пока еще не одобряемых, хотя уже воспроизводимых ею!) действующих социальных норм, своего рода подтягивания (снижения) ценностных ориентаций личности до уровня фактического поведения.

Как отмечает В. А. Ядов, «есть основания полагать, что согласованность диспозиций и поведения людей достигается как за счет “подтягивания” поведения к диспозициям (активная стратегия), так и за счет снижения диспозиций до уровня фактического поведения (пассивная стратегия)» ([19], с.

192). Нам представляется, что этот нежелательный социальный процесс внутриличностной перестройки достиг уже известной степени развитости.

5.3. Поясним высказанные общие положения еще несколькими примерами. К числу ключевых нормативных комплексов, как мы считаем, принадлежит совокупность социальных норм, объединяемых в понятие **общественно-производственной инициативы** (имея в виду нормы-требования). Этот комплекс предстает существенно рассогласованным («разрыв» между декларируемыми и фактическими нормами). Можно предположить, однако, что соответствующее внутриличностное рассогласование стало уже не столь глубоким. А это означает, что общественно мотивированная инициатива девальвируется в самом ценностном «ядре» личности. (Формулы обыденного сознания типа «Не гони волну!» или «Что, мне больше всех надо?», например, уже не являются ситуационными. Пожалуй, не несут они в себе и оттенка самооправдания).

На действительно массовое одобрение в производственной среде может рассчитывать скорее **инициатива вынужденная**, т. е. такая, которая направлена на предотвращение неблагоприятных для личности последствий ее отсутствия. Личная производственная инициатива, не выполняющая специфически превентивной («защитной») функции, имеет повышенные шансы не получить массовой поддержки или даже оказаться скомпрометированной в неофициальном общественном мнении.

(Примечательно, что испробованные социологом-рабочим варианты инициативного воздействия на ход внедрения новой технологии получали эмоционально-ценностную поддержку товарищей по труду, вне зависимости от степени их нетривиальности. Но — в прямой зависимости от усмотрения в его шагах указанной защитной функции, например, стремления обеспечить себе условия для полной производственной загрузки и перехода на сдельную оплату труда).

Другим примером обесценивающейся социальной нормы-требования может служить **полнейшее раскрытие личных производственных резервов**.

Действующая норма-стереотип является скорее обратной. Ситуативная социальная установка личности — тоже. На более высоких этажах ценностно-мотивационной структуры личности работника эта норма также претерпела радикальное переосмысление, в силу накопленного личностного (да и коллективного!) социального опыта невыгоды от крутого роста производительности труда.

Воспитанная многолетней практикой формального планирования «от достигнутого», личность работника (будь то слесарь, будь то генеральный директор) сформировала устойчивый, ценностно-подкрепленный стереотип **занижения своего** (личного или коллективного) **трудового потенциала**. Этот потенциал обычно не скрывается в анонимных опросах. Так, по данным обследования свыше 4 тыс. ленинградских рабочих (исследовательский проект «Человек и его работа. 1976»; ИСЭП АН СССР) доля рабочих, готовых увеличить свою выработку на величину от 10 до 50% и даже более, **при условии соответствия заработка личному трудовому вкладу**, достигает в общей сложности 70% всех опрошенных ([24], с. 58).

Наконец, жизненной иллюстрацией взаимодействия двух указанных выше нормативных комплексов предстает наблюдавшаяся нами практика ужесточения технических норм (соответственно, снижения расценок за отдельные производственные операции) по инициативе самих рабочих. Такая «инициатива» откровенно признается вынужденной и предвосхищающей административный

пересмотр технических норм, который уже не сопровождается «льготным» периодом оплаты труда по старым нормам или соответствующей премией (как это имеет место в случае, если «инициатива» исходила от самих рабочих). Итак, «разрывы» между социальными нормами-требованиями и нормами-стереотипами поведения на производстве, преломившись в ценностно-мотивационной структуре личности, укрепляются и углубляются уже собственными усилиями работников.

(27)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-akademicheskii-format-okonchanie>

А. АЛЕКСЕЕВ. ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. АКАДЕМЧЕСКИЙ ФОРМАТ. ОКОНЧАНИЕ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 20.08.2016

«...Здесь вырисовывается новый, пока еще мало освоенный нашей социологией предмет исследования. Мы для себя определяем его так: ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ РЕАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ...» (А. Алексеев, 1983). Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (27).

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторerefлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

Часть 3. Полигон

Глава 11. ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

<...>

Окончание

5.4. Всем сказанным очерчен общий механизм социально-нормативного воздействия производственной среды на личность. Важно, однако, понять, что же является главной причиной отмеченных «разрывов». Марксистский подход требует обращения к материальной основе, экономическим условиям производства, системе производственных отношений. Из всей совокупности явлений, характерных для системы реальных отношений, складывающихся по поводу производства (изготовления продуктов труда) и распределения (оплаты труда) в низовых производственных звеньях, мы остановимся только на двух, которые менее других заметны внешнему наблюдателю и пока, как мы считаем, не получили адекватного отображения в научной литературе. Это:

а) «разрыв» между документально фиксированной и фактической технологией изготовления конкретных продуктов труда;

б) «разрыв» между системой нормирования и фактическими затратами времени на конкретные виды работ.

Оба эти «разрыва» в двух основных сторонах производственного процесса, в технико-организационном и социально-экономическом его аспектах, являются постоянно действующими условиями производственного поведения работника.

5.5. Начнем с **социально-экономической** стороны. Выражение «выгодные» и «невыгодные» работы уже давно из производственного жаргона просочилось в экономическую литературу. **Выгодные** — те, где норма времени, в силу тех или иных обстоятельств, **выше** его фактических затрат; **невыгодные** — наоборот. Это — один из хорошо известных изъянов ныне действующей системы нормирования и оплаты труда рабочих-сдельщиков. Однако масштабы этого явления, и особенно — его социальные следствия, пожалуй, недооцениваются. При одинаковой или относительно близкой «разрядности» двух производственных операций (т. е. требуемого для их выполнения уровня квалификации), работая в том и в другом случае с равной степенью интенсивности и строго соблюдая технологическую дисциплину, один и тот же рабочий может на одной операции перевыполнить норму в пять раз, а на другой операции — едва достигнуть 25-процентного ее выполнения. Примерно таков эмпирически наблюдаемый диапазон разнонаправленных несоответствий предполагаемой и фактической трудоемкости.

В условиях действующей системы тарификации труда, всякой норме на работу определенной степени сложности однозначно соответствует величина расценки за производственную операцию. В таком случае основная часть заработка рабочего (без премиальных доплат) оказывается зависящей не только и не столько от меры его собственных усилий, сколько от той комбинации нормированных работ, которая ему нынче выпала. Рабочий озабочен организовать себе устраивающий его состав работ (набор заданий), низовая линейная администрация — обеспечить «справедливое» распределение заданий между рабочими. При этом, более или менее стихийно уровень заработка каждого приводится в соответствие не с его **трудовым вкладом**, а с общественно сложившейся **оценкой трудовой способности** работника (кто сколько «стбит»).

«Цена» работника определяется стажем, опытом, общественным поведением, потребностью производства в нем, отчасти — его собственными запросами. К социалистическому принципу распределения по труду такая практика никакого отношения не имеет. Роль же системы нормирования для регулирования интенсивности труда работника и оценки его продуктивности при этом оказывается весьма условной, чтобы не сказать иллюзорной. Она объективно выступает скорее инструментом управления людьми (обеспечения «управляемости» работника), чем средством управления производственным процессом.

Систематические (обычно календарные) пересмотры технических норм имеют своей главной целью обеспечить плановое **снижение показателя трудоемкости**. Предполагается, что эти пересмотры обоснованы организационно-техническими мероприятиями (призванными обеспечивать рост производительности), а также опираются на периодические хронометражи рабочего времени. Однако «оргтехмероприятия» часто фиктивны, что же касается хронометражей, то в ситуации большого разнообразия номенклатуры (количество разных норм, применяемых в одном только цехе, измеряется десятками тысяч, по числу производственных операций) они становятся все более затруднительными.

(За три с лишним года работы в механическом цехе социолог-рабочий ни разу не был не только участником, но даже и свидетелем хотя бы одного такого хронометража, притом что нормы пересматривались регулярно).

Трудность эта разрешается, как правило, более или менее пропорциональным — для всех или большинства производственных операций! — ужесточением норм, отвечающим общей тенденции роста «производительности труда», который тоже планомерно задан. При этом возникают характерные, наблюдавшиеся нами ситуации, хорошо обнажающие формальный характер нормировочной деятельности. Так, согласно планомерному снижению трудоемкости на одно изделие, при не запланированном на этот год соответствующем пересмотре норм на другое изделие, унифицированные (т. е. одинаковые) детали того и другого могут получить **разные** нормы времени на изготовление! Или: планомерное снижение трудоемкости на изделие, включающее детали, изготавливаемые на новом оборудовании, может повлечь за собой изменение нормы и расценки еще **до того**, как эта операция хотя бы раз выполнялась!

Итак, происходит своего рода подгонка уровня норм к сложившемуся или планируемому уровню зарплаты (явление, получившее в экономической литературе даже особое название «потребительского подхода» к нормированию труда ([13], с. 143). Понятно, что при таком «планомерно-предупредительном» пересмотре технических норм невыгодные работы становятся еще более невыгодными, а выгодные — относительно еще более выгодными, а неадекватность используемого инструмента измерения количества и качества труда еще усугубляется.

5.6. *(Настоящий параграф написан в соавторстве с С. М. Розетом).*²⁷

Попробуем проследить, как отражаются отмеченные «разрывы» между техническим нормированием и фактической работой в сознании и поведении работников. В частности, рассмотрим комплекс социальных норм **«справедливости» в соотношении оплаты и труда**, в ситуации распределения выгодных и невыгодных работ.

Общеизвестна норма-требование — **оплата по труду**. В «классической» ситуации индивидуальной сдельщины соответствующей ей нормой-стереотипом оказывается... **труд по оплате**. Вот как при этом соотносятся интересы двух непосредственных партнеров по производственному взаимодействию: мастера и рабочего-сдельщика. **Мастер заинтересован:**

- а) в выполнении плана по валу и по номенклатуре;
- б) в выполнении так называемых «аварийных» заказов (работ, срочно требуемых для следующего звена технологической цепочки);
- в) в сохранении сложившейся в данном коллективе иерархии «социально-экономических статусов»;
- г) в минимизации конфликтов по поводу оплаты труда в конце месяца;
- д) в отсутствии перерасхода фонда заработной платы.

Рабочий-сдельщик заинтересован:

- а) в зарботке, соответствующем его «социально-экономическому статусу» в данном коллективе;
- б) в повышении этого статуса и, следовательно, в повышении заработной платы (универсальный способ самоутверждения в коллективе);
- в) в гарантиях того, что этот статус, по итогам данного месяца, не снизится;
- г) в отсутствии претензий со стороны ОТК, а также в следующем звене технологической цепочки;
- д) в поддержании отношений сотрудничества в коллективе и с непосредственным начальником (мастером).

При таком соотношении интересов (как видим, далеко не сводящихся к интересам материальным!) **«труд по оплате» становится нормой поведения**, равно принимаемой как рабочими, так и низовой администрацией.

(Примечательно, что бригадная форма организации труда сама по себе, при сохранении существующего порядка нормирования труда и материального стимулирования, не снимает проблемы разделения работ на выгодные и невыгодные. А лишь переносит эту проблему в плоскость взаимоотношений между мастером и бригадиром, представляющим интересы своей бригады как «совокупного работника»).

Надо сказать, что в такой ситуации «разрыва» в социально-нормативном комплексе, относящемся к вопросам оплаты труда, возникает повышенная вероятность деформации и расщепления уже и самой нормы-стереотипа. Став своего рода нормативным требованием, социальный стереотип «труда по оплате» находит свое отрицание [*точнее было бы сказать: «находит свое продолжение (или — развитие)...*». — А. А.] в асоциальном, по существу, стереотипе поведения: «Сделай меньше (или — сделай «на халяву»), получи больше!». По нашим наблюдениям, эта рваческая норма поведения отвергается большинством кадровых рабочих. Однако нетрудно заметить, как возрастает здесь опасность распространения также и таких стереотипов и форм трудового поведения.

Как правило, рабочий-сдельщик всегда заинтересован в «выгодной» работе, но именно — в работе, а не в «плате за безделье». Социальный тип хапуги, гонящегося за «длинным рублем», в трудовых коллективах не популярен.

Вообще, по нашему мнению, для массы рабочих этические нормы «справедливости» в соотношении труда и оплаты и готовности «отплатить» трудом за достигнутый уровень общественной оценки своего труда — в общем превалируют над собственно денежным, т. е. материальным интересом.

Итак, своеобразная «перевернутая» зависимость труда и оплаты в реальных производственных условиях, с одной стороны, выступает своеобразным способом обеспечения заданного уровня производительности труда, а с другой — создает предпосылки для развития разного рода антиобщественных проявлений.

5.7. «Разрыв» в технико-организационной стороне производственного процесса (относительная «взаимная независимость» документированной технологии и фактических приемов и способов изготовления конкретных продуктов труда) отчасти связан с рассмотренным выше социально-экономическим противоречием. Но у этого «разрыва» — своя социальная природа и свои истоки.

Иногда в литературе, посвященной проблемам труда, отмечаются факты «сокращения» технологических операций, менее качественного их выполнения, обеспечения меньшей надежности и т. п., как следствие недостаточной «жесткости» технологических требований ([21], с. 69-70). Такой подход, при ближайшем рассмотрении, обнаруживает свою односторонность. Спонтанно возникающая и, как правило, избегающая оформления в рационализаторских предложениях и закрепления в технической документации, **самодеятельная рабочая технология** являет собой наиболее массовую на производстве форму той самой вынужденной инициативы, о которой шла речь выше. При этом она оказывается естественно направленной на достижение максимальной эффективности, т. е. на получение требуемого результата при наименьших затратах труда, а иногда и с использованием единственно возможных в данной ситуации средств.

(В первом случае говорят — «сделать себе облегчение», во втором — «выручить производство»). Но в том и другом случае рабочий инициативно изыскивает способ «заработать свою зарплату»).

Не «сокращение» операций, а постоянное их рациональное замещение (например, фрезерования — штамповкой, сверловки по разметке — сверловкой с упора или по кондуктору, опиловки — обработкой на абразивном круге и т. д., и т. п.). Простейшие, а иногда и достаточно сложные самодельные приспособления позволяют выполнить задание не только быстрее, но зачастую и более качественно (т. е. более «надежно», с точки зрения отсутствия претензий от ОТК).

Примечательно, что в такой технологической самодеятельности оказываются прямо или косвенно заинтересованы самые разнообразные заводские службы. Для технологов — ослабление ответственности за техническую подготовку производства; инструментальщикам — не надо изготавливать дополнительные приспособления; нормировщики — могут не опасаться конфликтов при «планово-пропорциональном» пересмотре норм и расценок. Линейные же службы именно в таких формах инициативы рабочих-сдельщиков находят действительную гарантию выполнения производственной программы.

(Как шутливо заметил один из рабочих: «Если я все сделаю «по технологии», мастер Петров останется без зарплаты и до-о-олго будет переделывать!»).

В свете сказанного, описанная выше практика «нелегального» изготовления деталей на координатно-револьверном прессе (см. «летопись эксперимента») вовсе не является чем-то исключительным.

Что же касается удельного веса такого рода самодеятельности в выполнении производственной программы, то в данном случае удалось его измерить: за полтора года (с января 1981 по июль 1982 г.) доля продукции, выпущенной на ПКР при отсутствии официальных техпроцессов, составила свыше 40% всей продукции этого станка. А соответствующая доля продукции, выпущенной с использованием самодельной оснастки, — так даже 75%.

Особо отметим, что в условиях бригадной формы организации труда масштабы технологической самодеятельности рабочих резко возрастают. При этом развиваются разнообразные формы внутриколлективного взаимодействия и кооперации.

5.8. Как нам представляется, наиболее близко подошло к теоретическому осмыслению указанного феномена относительно молодое у нас исследовательское направление — социология организаций. Здесь сформировано понятие **внеформальной структуры** социальной, производственной организации, отличающееся от традиционного представления о «неформальной структуре» как системе межличностных, эмоциональных связей между членами коллектива. Внеформальная структура — в конечном счете синоним **самоорганизации**. Это — спонтанно развиваемая членами данной организации система связей, отношений, деятельности, направленная на «решение организационных задач способами, отличными от формально предписанных» ([17], с 111).

А.И. Пригожин справедливо пишет о компенсаторной роли «вне-формальной» активности: «...“Неисправность” формальной организации, вызывающая нарушение функций, важных для деятельности всего организационного механизма, компенсируется за счет функционально направленной самоорганизации» ([17], с. 114).

Основными механизмами и стимулами такой «внеформальной» общественно-трудовой активности выступают (перечисление — не в порядке приоритетов):

- а) личная материальная заинтересованность;
- б) возможность принятия самостоятельных производственных решений; самореализация личности работника (как непринужденно заметил один из бригадиров: «Порядок нужен. Но в беспорядке работать интереснее!»);
- в) нацеленность на конечный результат труда.

Здесь возникает уникальная — пока не обеспечиваемая официальным хозяйственным механизмом — ситуация относительного согласования государственных, коллективных и личных интересов в условиях социалистического производства. Следует, однако, отдавать себе отчет в принципиальной ограниченности задач, решаемых средствами внеформальной структуры. Развязываемый самоорганизацией потенциал индивидуальной и коллективной активности избирательно направлен на достижение производственной эффективности. Но — не большей, чем это определено заданием или планом!

Задействовать резервы для компенсации нынешних организационных издержек и приберечь оставшиеся для тех неурядиц, что возникнут впредь, — вот логика описанной практики. Самоорганизация рабочих, во всем изобилии и разнообразии ее форм (из которых мы здесь остановились только на одной, наиболее обыденной и распространенной), уже сегодня стала важнейшим социальным механизмом **функционирования** общественного производства. Но пока еще — не его развития по интенсивному типу!

5.9. Как отмечает академик Т. И. Заславская, «включаясь в систему экономических отношений и подчиняясь ее воздействию, работник постепенно приобретает новые личностные черты, усваивает определенные способы поведения и формируется в специфический социальный тип. А массовый тип работников, предполагающий определенное отношение к труду, мотивации и нормы поведения в производстве, в свою очередь становится важным условием функционирования и развития экономики» ([9], с. 25). Изложенное выше в какой-то мере может служить иллюстрацией этого общего тезиса.

В условиях, когда «система экономической сигнализации» [*хозяйственный механизм*. — А. А.] не обеспечивает нужного согласования интересов личности, коллектива и общества, а в ряде случаев стимулирует поведение, противоречащее общественным интересам ([9], с. 25), задача исследования закономерностей производственного поведения, в частности, его зависимости от системы экономических отношений общества, становится одной из первоочередных задач социологической науки. (Эта задача является ключевой в рамках развиваемого Т. И. Заславской и ее коллегами направления исследований, имеющего своим объектом социальный механизм советской экономики и определяемого ими как экономическая социология).

Здесь вырисовывается новый, пока еще мало освоенный нашей социологией предмет исследования. Мы для себя определяем его так: **человек в системе реальных производственных отношений**.

(Понятие реальных производственных отношений в нашей философско-социологической литературе выдвинуто А.А. Бутенко. В это понятие названный автор включает всю совокупность конкретных отношений производства, утвердившиеся формы распределения, обмена и потребления, управления и стимулирования труда и т. д., и т. п. ([6], с. 21-22). В известном смысле такая трактовка близка к современным представлениям о хозяйственном механизме). Разумеется, возможности обобщений на материалах «исследования отдельного случая» (конкретной социально-производственной ситуации) ограничены. Однако нетрудно увидеть в этой ситуации черты массовидного и всеобщего. (Да

и не только на данной конкретной ситуации строятся наши обобщения). Поэтому в рамках вновь сформулированного предмета (один из итогов нашего исследования) правомерно сформулировать и отвечающую ему обобщенную, объяснительную гипотезу:

— **Отмеченные «разрывы» и рассогласования в системе социальных норм производственной организации и в ценностно-мотивационной структуре личности работника суть следствие рассогласования общественных и личных интересов в системе реальных социалистических производственных отношений, что само по себе является свидетельством, выражением, социальной формой — сложившегося к данному историческому моменту относительного отставания этой системы от развивающихся производительных сил общества (их вещественных и личностных элементов).**

Отсюда, именно через совершенствование самой системы производственных отношений лежит магистральный путь к относительной гармонизации социально-нормативных и ценностно-мотивационных структур, «разрывы» в которых ныне существенно тормозят рост эффективности производства, равно как и позитивное развитие личности работника. С другой стороны, само состояние указанных структур (сохранение, минимизация либо увеличение «разрывов») представляется своеобразным социологическим показателем не только сиюминутной, но и долгосрочной (перспективной) эффективности тех или иных способов совершенствования системы производственных отношений.

5.10. Сформулированная выше объяснительная гипотеза не является плодом только наших собственных изысканий. Примечательно, что к выводу об относительном отставании характера производственных отношений от уровня развития производительных сил на данном этапе развития нашего общества так или иначе подходят исследователи, работающие в разных научных направлениях.

Можно указать по крайней мере на четыре реально представленных научных пути к указанному выводу:

а) **философско-социологический анализ** общих и специфических закономерностей общественно-исторических формаций, в частности — закономерностей реального социализма (например, А.А. Бутенко [6] и др. работы этого автора);

б) **экономическая социология**, исследование действительных производственных отношений социалистического общества, в частности — социального механизма советской экономики (работы Т.И. Заславской и ее коллег; например: [9]);

в) **историко-социологический анализ** структурных сдвигов в самих производительных силах социалистического общества, прежде всего — в их человеческой компоненте (работы Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, А. К. Назимовой; например: [7], [8]);

г) наконец, **экспериментальная социология**, исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего»...

Ремарка: «крамольный» вывод из анализа реальных производственных отношений или социального механизма развития экономики.

Вывод о существенном отставании производственных отношений советского общества от развития производительных сил был весьма отчетливо сформулирован в так называемом «Новосибирском манифесте» — докладе акад. Татьяны Ивановны Заславской на тему «Совершенствование

производственных отношений социализма и задачи экономической социологии», прозвучавшем на межрегиональном научном семинаре «Социальный механизм развития экономики» (Новосибирск, 1983). Социолог-рабочий не мог здесь сослаться на этот доклад (хоть и располагал его текстом), поскольку тот был издан под грифом «для служебного пользования».

В то время «небрежность» в хранении этого засекреченного препринта, не говоря уж о его «распространении», квалифицировалось как нанесение серьезного ущерба государству, тем более, что, неведомыми и для его автора, и для его читателей путями, текст этот попал-таки за рубеж и обильно цитировался «враждебными голосами». Насколько мне известно, партийные взыскания в этой связи получили сама Т.И., в Ленинграде — В.А. Ядов, а для автора этих строк хранение на дому и изготовление нескольких машинописных копий указанного препринта оказались в 1984 г. одним из формальных оснований для официального предостережения органов госбезопасности и исключения из КПСС.

Правда, уже в марте 1985 г. (т. е. еще до начала «горбачевской перестройки») журнал «Знание-сила» (прежде всего благодаря усилиям его сотрудника Ирины Владимировны Прусс) сумел опубликовать краткое изложение указанного доклада (Знание-сила, 1985, № 3). Полный текст доклада акад. Т.И. Заславской 1983 г. был впервые «открыто» опубликован на русском языке в кн.: Заславская Т. И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997.

Что касается самого содержания доклада, то среди его выводов был следующий:

«...Все это (изложенное в докладе ранее. — А. А.) свидетельствует о том, что **действующая система производственных отношений существенно отстала от уровня развития производительных сил** (выделено мною. — А. А.). Вместо того, чтобы способствовать их ускоренному развитию, она все более превращается в тормоз их поступательного движения. Одним из проявлений этого служит неспособность производственных отношений обеспечить нужные обществу способы поведения трудящихся в социально-экономической сфере...» (Цит. по: Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002, с. 23).

Здесь стоит заметить, что классиками марксизма именно отставание «характера производственных отношений» от «уровня развития производительных сил» выдвигалось как главная внутренняя причина революционной смены общественно-исторической формации. То было «азбучное» положение исторического материализма (марксова учения об обществе), хорошо известное всем советским обществоведам. Однако те немногие отечественные ученые (перечисленные выше), которые отваживались тогда заключать о наличии такого отставания в обществе «развитого социализма», — от прямых ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса в данном случае воздерживались, избирая, так сказать, неявную форму предсказания (предостережения от...) того, что бурно растущие производительные силы могут «взорвать» устаревшие, тормозящие их развитие производственные отношения, содержание «взламывает» форму. Так или иначе, указанный «крамольный» вывод социолог-рабочий сделал не первым, хоть и подошел к нему в общем самостоятельно, на основе всей совокупности результатов своего эксперимента. (Январь 2004).

...Наш собственный исследовательский опыт, подкрепляемый результатами других аналитиков, позволяет выделить два круга проблем, требующих решения. Позволим себе сказать — два неперемennых условия преодоления сложившегося отставания системы реальных производственных отношений от уровня развития производительных сил. Это:

а) дальнейшее **совершенствование хозяйственного механизма**, в частности, повышение заинтересованности работников и производственных коллективов в увеличении своего трудового вклада;

б) дальнейшее **развитие демократических начал**, в частности, создание предпосылок для более широкого и действенного участия трудящихся в управлении производством.

Как будет показано ниже, эти два направления работы по совершенствованию социалистических производственных отношений тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. (Условно назовем первое из них «экономическим», а второе — «политическим»). Постановку вопроса об их соотношении, на примере исследования проблем развития и социальной эффективности социалистического соревнования, см. в нашей работе [3]. См. также [12]).

5.11.

«Мы в своем общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали необходимыми глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений, — говорил тов. Ю.В. Андропов в своей речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. — Это не просто наше желание, товарищи, это объективная необходимость, и ее нам, как говорится, не объехать и не обойти» ([14] с. 9).

Примечание. Вот и Генеральный секретарь ЦК КПСС об «азах» марксизма вспомнил. Правда, в очень осторожной формулировке ему это спичрайтеры в уста вложили. (Соврем. примеч. — А. А.).

В конечном счете, все способы управленческого воздействия на рассматриваемые процессы могут быть отнесены к одной из трех групп: а) административно-ограничительные; б) идейно-воспитательные; в) экономически-стимуляционные. Все эти три линии ныне включены и находятся в сфере пристального внимания нашей партии.

Первостепенное значение для регулирования производственных отношений имеет изменение социально-экономических условий развертывания общественно-трудовой активности. В этом направлении важный шаг был сделан Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 12 июля 1979 г. («Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»). Истекшие четыре года (как раз совпавшие с периодом нашего наблюдающего участия в низовом звене, так сказать, в «капилляре» народнохозяйственного организма) дают автору основания для вывода-гипотезы о том, что предпринимаемые ныне меры по совершенствованию хозяйственного механизма пока что адаптируются — как социально-нормативной структурой производственной организации, так и ценностно-мотивационной структурой личности работника. Это происходит без сколько-нибудь значимой трансформации названных структур.

Наиболее заметным, при рассмотрении «изнутри», с позиции наблюдающего участника, было действительно бурно прогрессирующее в эти годы внедрение бригадных форм организации труда (БФОТ). Однако приходится признать, что и оно имело ограниченные социальные и экономические эффекты.

На заводе, где работает автор, численность работающих в бригадах составляет около 60% от общего числа рабочих. По данным уже упоминавшегося социологического опроса рабочих (НИИКСИ при ЛГУ; 1982) из 400 опрошенных, ныне работающих в бригадах, а до этого — по той же специальности, но вне бригады, констатировали **отсутствие позитивных изменений**: — «в возможности планировать свою работу» — 52%; «в плане сокращения потерь рабочего времени» — 48%; «в возможности применить свои знания и опыт» — 58%; «в зависимости заработка от личного трудового вклада» — 64%; «в возможности влиять на ход дел на участке, в цехе» — 62%.

Наиболее замечаемыми самими рабочими **положительными эффектами** бригадного метода являются: — «развитие взаимопомощи, обмена опытом» — уверенно отмечено 54% из 800 опрошенных; «молодые рабочие быстрее осваиваются на производстве, овладевают мастерством» — 41%; «снятие, для каждого отдельного рабочего, проблемы деления работ на выгодные и невыгодные» — 39%.

К выводу о том, что все проводимые меры по совершенствованию хозяйственного механизма пока не дают желаемой отдачи, приходят, двигаясь «с другого конца», и управленцы-хозяйственники. (См., в частности, материалы «Круглого стола» журнала «ЭКО», где обсуждались 4-летние итоги перестройки хозяйственного механизма [15]).

5.12. (Настоящий параграф написан в соавторстве с Г.А. **Климентовым**).³¹

Есть основания утверждать, что не только практическое воплощение, но и сам по себе поиск базовой экономической модели хозяйственного механизма, адекватной требованиям современного этапа, пока далеко не завершены. Выскажем некоторые соображения на этот счет (стараясь не слишком выходить за рамки социологического предмета настоящей статьи).

Думается, что своего рода «солнечным сплетением» системы производственных отношений нашего общества является управление распределением, а ключевой проблемой — реализация социалистического принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Этот принцип, как известно, является специфическим для первой фазы коммунизма. Тов. Ю.В. Андропов в своей статье «Учение К. Маркса и некоторые вопросы строительства социализма в СССР» обращает внимание на так называемые «азбучные истины марксизма», с которыми «вообще следует обращаться бережно, ибо за непонимание или забвение их сурово карает сама жизнь» ([5а], с. 14). К таким «азбучным истинам» относятся взгляды Маркса на распределение. Согласно этим взглядам, напоминает тов. Ю.В. Андропов, при социализме каждый труженик «получает обратно от общества ровно столько, сколько сам дает ему» ([13а], с. 19).

Пока нет условий для полного социального равенства, необходим строжайший контроль за мерой труда и мерой потребления. В поиске эффективных средств такого контроля, по нашему мнению, следует опираться на реальный (иногда трудный) опыт, накапливаемый в недрах производственной практики.

Важнейшей особенностью подрядных бригад (если, конечно, они созданы не формально) является то, что там заработок определяется реальным трудовым вкладом, видимым каждому члену коллектива. Сам коллектив осуществляет контроль за соблюдением взаимного соответствия меры труда и меры потребления. Поднимемся, однако, несколько выше уровня бригады. Здесь

обнаруживается многократно отмечавшийся парадокс: чем напряженнее план и, соответственно, выше реальный трудовой вклад коллектива, тем более коллектив проигрывает по сравнению с теми, кто вовсе к этому не стремится. В этом лишний раз убеждает опыт развития Щекинского метода в последние годы [18а]. Дело, как нам представляется, упирается в существующий порядок планирования фонда заработной платы и контроля за ней.

Отсутствие прямой связи фонда заработной платы коллектива с величиной его трудового вклада (при одновременной гарантии заработной платы каждому члену коллектива на основе тарифной ставки или оклада) порождает личную незаинтересованность в увеличении индивидуального и общего трудового вклада и безответственность за общие результаты работы. Как же установить эту прямую связь?

В условиях социализма главным измерителем конечного результата работы коллектива является **цена** произведенного продукта, установленная на уровне общественно необходимых затрат труда (за вычетом «чужого» труда (стоимость комплектующих изделий, полуфабрикатов, сырья, других ресурсов, а также амортизационные отчисления за износ оборудования, использование основных фондов). Иначе говоря — чистая продукция, вновь созданная трудом данного коллектива стоимость. В экономическом смысле именно эта вновь созданная стоимость есть конечный результат труда коллектива.

В чем же должна состоять оплата по этому «конечному результату»?

Естественно принять, что такая оплата предполагает пропорциональное разделение овеществленного в продукте труда коллектива на две части: **труд на себя** (зарплата и отчисления в общеколлективный фонд предприятия) и **труд на общество** (отчисления в государственный бюджет для нужд общественного развития, реализация социальных программ и т. п.). Эти две составляющих цены всякого продукта (включающей, как уже отмечалось, и другие структурные компоненты) должны находиться в определенном, едином для всех производителей продуктов (и хорошо известном им!) количественном соотношении.

В. И. Ленин в свое время писал о необходимости строжайшего соблюдения «единой нормы в производстве и распределении продуктов» (Ленин В.И. ПСС, т. 36, с. 300). Мы полагаем, что функцию такой «единой нормы» на современном этапе социалистического строительства должна выполнять цена продукта, структурированная описанным выше образом.

Сразу оговорим, что сегодня цены образуются иначе и фонд зарплаты коллектива определяется не как вновь созданная стоимость за вычетом норматива труда на общество и отчислений в общеколлективный фонд, а (отвлекаясь от деталей) как средняя зарплата, исчисляемая на основе тарифных ставок и окладов, помноженная на штатную численность работников. Т. е. оплата продолжает быть привязанной к работнику (рабочей силе), а не к продукту труда.

Теперь посмотрим, что вытекает из возможности последовательного внедрения единой пропорции труда на себя и труда на общество в цене каждого продукта. В таком случае у любого хозрасчетного коллектива (будь то бригада, цех, предприятие, объединение) и фонд заработной платы, и отчисления в бюджет оказываются в прямой зависимости от реального трудового вклада (чистая стоимость, созданная коллективом). Чем выше этот вклад, тем выше размеры как отчислений в бюджет, так и фонда заработной платы вкуче с общеколлективными накоплениями. Получается, что выгодное коллективу выгодно и обществу, и наоборот.

В этой новой для себя ситуации трудовой коллектив, взятый в целом, обретает заинтересованность информировать плановые органы о своих действительных производственных возможностях (чего сегодня, как известно, нет. Но само по себе выявление этих действительных возможностей немислимо без участия членов коллектива, рядовых работников (в чем они сегодня, как правило, не участвуют). Так могут возникнуть условия для естественного, органичного втягивания трудящихся в начальную и во многом определяющую сферу управления производством — планирование.

(Как показал проведенный одним из авторов этих строк анализ связей между ответами на различные вопросы анкеты в обследовании 4.000 ленинградских рабочих (исследование «Человек и его работа. 1976», под руководством В.А. Ядова), наиболее значимым для самоопределения работника в качестве «хозяина» или «не хозяина» у себя в цехе является такой момент участия в управлении производством, как возможность для рабочих влиять на составление плана своего производственного подразделения).

Думается, что лишь при этом условии и более высокие уровни планирования (сообразующие объективную информацию о производственных возможностях всякого данного коллектива с объективной же информацией об общественных потребностях в соответствующих продуктах и формирующие на этой основе сбалансированный план) смогут обрести «почву под ногами», а трудовой коллектив, выполняя этот реалистический план, сможет «зарабатывать себе заработную плату». И — сам же ее распределять в соответствии с трудовым вкладом каждого из своих звеньев.

Тут вновь не обойтись без участия самих трудящихся — теперь уже для распределения фонда зарплаты внутри коллектива (включая необходимые отчисления в общеколлективный фонд). Тогда отпадает необходимость множества регламентаций сверху, фактически выступающих формой установления цены рабочей силы (тарифных ставок и должностных окладов с неизбежно сопутствующими им множественными и противоречивыми премиальными системами). Оказывается избыточной и нынешняя система нормирования труда, которая по существу (как было показано выше) построена на личной незаинтересованности работников в технически обоснованных нормах.

В ведение первичных коллективов могут перейти и вопросы определения размеров индивидуальной заработной платы (внутри заработанного коллективом фонда заработной платы, исчисленного на основе норматива «труда на себя»), и вопросы установления индивидуальных норм выработки. Решению задачи распределения заработной платы без «помощи» государственных тарифных ставок и окладов уже сегодня обучаются рабочие в действительно хозрасчетных бригадах. Опыт показывает, что и без участия нормировщика рабочие могут определять нормы и своевременно их пересматривать [16а]. Установление соотношений в оплате труда можно было бы осуществлять на основе рекомендаций государственных органов, в рамках коллективного договора. Нет сомнений, что практика найдет тысячи различных способов решения этой задачи, если принцип будет приведен в действие. Не забудем оговорить, что отказ от тарифной системы как основы регулирования заработной платы вовсе не означает ни умаления роли государства в контроле за распределением, ни ликвидации гарантий в оплате труда. Все позитивные функции тарифной системы могут быть реализованы с гораздо большим эффектом при установлении нормативов зарплаты в ценах соответствующих продуктов. К тому же в лице членов хозрасчетных коллективов государство

приобрело бы заинтересованных контролеров за мерой труда и мерой потребления.

Не исключена ситуация, когда коллектив по не зависящим от него причинам не заработает себе минимальный уровень зарплаты. По-видимому, компенсация должна осуществляться за счет специальных страховых фондов (по сути дела такая практика широко применяется и сейчас, при субсидировании «планово-убыточных» производств). При зарплате, существенно превысившей по тем или иным причинам общественно-нормативный уровень, государство могло бы применить прогрессивный подоходный налог.

Мы здесь не имеем возможности входить в обсуждение всех деталей данной экономической модели, выступающей, на наш взгляд, действительно социалистической альтернативой и директивно бюрократическим способам управления общественным производством, и разнообразным моделям так называемого «рыночного социализма». Да и сама эта идея требует дальнейшей разработки. Социологическая суть предлагаемого решения видится нам в действительной взаимоувязке «экономической» стороны совершенствования производственных отношений (эффективное стимулирование труда) с «политической» (демократизация управления производством). В этом — гвоздь всего дела.

Говоря о перспективах дальнейшего хода перестройки хозяйственного механизма, академик А. Г. Аганбегян отмечал (на «Круглом столе» журнала «ЭКО»):

«Самое трудное, по-видимому, будет заключаться в органическом сочетании усиления народнохозяйственной централизации, строгого соблюдения общегосударственных интересов со все более широкой самостоятельностью низовых хозяйственных ячеек, всемерной демократизацией управления и привлечением к участию в управлении широких масс трудящихся» ([15], с. 49). Думаем, что описанная модель включает в себе предпосылки для преодоления такой трудности.

(Более подробно эта модель рассматривается в наших работах: [4]; [9а]; [9б]. См. также: [5а]).

Примечание. Как известно, радикальные социально-экономические и общественно-политические трансформации нашего общества, приватизация средств производства и т. д. 10 лет спустя привели к реализации **принципиально иной** модели «хозяйственного механизма», чем та (в сущности, социал-демократическая), которая тогда представлялась авторам преодолевающей социально-экономические тупики «развитого социализма». (А. А. 2005)

5.13. (Настоящий параграф написан в соавторстве с С.Ф. Минаковой).

<...> В современных условиях отношение личности к своему собственному производственному поведению является противоречивым.

Выше отмечалось, что следование целому ряду социальных норм-стереотипов поведения, хотя и согласуется с ситуативными установками личности, однако пока еще осознается как «вынужденное» и не имеет сильного ценностного подкрепления. В частности, социальные ценности содержательного, осмысленного, приносящего общественную пользу труда, заинтересованности в его результатах, компетентности в своем деле («профессиональное достоинство»), ответственности (обиходно отождествляемой с массово одобряемым «единством слова и дела») остаются достаточно высокими в сознании личности. То же можно сказать о ценностях производственной

самостоятельности, не урезаемой самоорганизации, возможности влиять на ход общественных дел.

Сам по себе отмеченный разрыв между различными уровнями ценностно-мотивационной структуры личности заслуживает неоднозначной трактовки. Он может интерпретироваться и как своего рода ценностная и социально-психологическая предуготовленность личности к **смене** стереотипов производственного поведения при соответствующих изменениях в общественных условиях труда.

Внутриличностный конфликт названных ценностей с реальными нормами социального поведения порой протекает довольно остро.

Личность приемлет разнообразные формы контроля за своей деятельностью, но болезненно переживает ситуации, когда ей «мешают» работать. Исследования, проведенные разными методами, позволяют усмотреть характерные признаки внутриличностной напряженности, своего рода «тоски» работника по полной трудовой и общественной самоотдаче.

Недостаток возможностей такой самоотдачи на производстве вытесняет интересы личности из трудовой сферы в сферу досуга, семьи, быта, потребления. Производственная деятельность в этих условиях приобретает для личности своего рода инструментальное значение создания материальных предпосылок для самоактуализации, самовыражения в других жизненных сферах. Это, очевидно, нежелательный социальный процесс, и приостановить, заблокировать его возможно лишь за счет устранения сохраняющихся моментов отчуждения работника от процесса и результатов своего труда.

Отсюда вырисовывается в качестве задачи первостепенной общественной важности — задача **гуманизации** социального института общественного производства, не в узко-прагматическом смысле, предлагаемом буржуазной доктриной «человеческих отношений», а в смысле обеспечения общественных условий для полнейшего раскрытия сущностных сил человека в процессе коллективного труда.

Анализируя перспективы развития общественного производства в условиях ликвидации частной собственности, К. Маркс писал:

«Предположим, что мы производили бы как люди... Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность... Мой труд был бы **свободным проявлением жизни** и поэтому **наслаждением жизнью**... Во-вторых, в труде я поэтому утверждал бы мою **индивидуальную** жизнь, следовательно, **собственное своеобразие** моей индивидуальности. Труд был бы моей **истинной, деятельной собственностью**» ([13б], с. 35-36).

Фундаментальный тезис «Все для человека, все во имя человека!» может быть осмыслен также в плане своеобразного «удвоения» целей социалистического производства; не только создание материальных ценностей для удовлетворения постоянно растущих потребностей людей, но и создание возможностей для наиполнейшего раскрытия личностного потенциала работника, для развития его (работника) способностей.

Глубинная потребность личности в самоутверждении, саморазвитии и самообновлении в деятельности требует первоочередного удовлетворения в ключевой сфере социальной жизни, каковой является общественное производство.

(В постановке вопроса об особых, гуманистических функциях социалистического производства мы опираемся, среди прочего, на наш опыт специального исследования этих функций применительно к другим социальным институтам, в частности системы вечернего и заочного высшего образования. См.: [14а]; [14б]).

5.14. Обзор современной экономической литературы убеждает в том, что ситуация освоения новой техники, в которую оказался вовлечен социолог-рабочий, является типичной.

Так, специальное исследование на машиностроительных предприятиях Саратова показало, что разрыв между сроками получения нового оборудования и ввода его в эксплуатацию достигает одного года; период же от ввода в действие до достижения проектных показателей по мощности и эффективности составляет 3-5 лет, а в случае морального устаревания оборудования проектные показатели вообще не достигаются

([23], с. 55). По данным Л.С. Бляхмана, в тяжелом машиностроении в первый год реализуется менее 1% общей фактической эффективности новой техники, во второй — 2, в третий — 15, в четвертый — 32, в пятый — 40% ([5в], с. 40).

История освоения координатно-револьверного пресса (ПКР) на Ленинградском заводе, описанная выше, может служить наглядным примером

дезинтегрированности процесса технической инновации.

(Как отмечает А.И. Пригожин, «основное противоречие инновационного процесса — его дезинтегрированность, т. е. расхождение в нем между целями разного порядка. В тех или иных проявлениях это противоречие выступает во многих известных сегодня недостатках и неудачах нововведений» ([17], с. 24)).

Принято считать, что почти всякое новшество наталкивается на так называемые «психологические барьеры» недоверия, косности, «групповой самозащиты» и т. п. По нашему мнению, в основе всех этих явлений лежит противоречие интересов (соответственно — целей, мотивов, позиций) различных субъектов-участников инновационного процесса. Иначе говоря — отсутствие такого социального механизма, который обеспечивал бы не просто согласование, а совпадение этих интересов в том, что касается конкретного нововведения.

Система отношений, отвечающая этому требованию, может возникнуть лишь на базе соответствующего хозяйственного механизма. Таким образом, выстраивается цепочка детерминаций:

хозяйственный механизм — групповые интересы участников инновации — социально-психологические проблемы процесса нововведения.

(Стоит сравнить это с объяснительной гипотезой о расхождении целей участников инновационного процесса как главном препятствии в осуществлении всего этого процесса, выдвинутой в исследовательской программе ВНИИСИ «Нововведения в организациях». Причем, как справедливо пишут составители этой программы, «само расхождение есть следствие не столько психологических особенностей индивидов, сколько задаваемой извне системы показателей и критериев оценки и неадекватности организационных структур» ([11], с. 19)).

Специфическую особенность данного, рассмотренного нами случая технической инновации составляет включение в него экспериментального момента (позиция и поведение социолога-рабочего). Возьмем на себя смелость утверждать, что освоение нового оборудования было этим обстоятельством отчасти ускорено и оптимизировано... Своеобразие роли рабочего-исследователя в данной технологической инновации состояло, по-видимому, в сочетании существенного (и не тривиального) расширения сферы **личной ответственности** за конечные результаты этого процесса (что потребовало совмещения в едином лице функций наладчика, оператора, технолога, ремонтника и инструментальщика) со своего рода «прессингом» по отношению к инженерным службам или с повышенной требовательностью к качеству управленческих воздействий.

(В современной социологии организаций это последнее трактуется как «нетривиальный фактор» ситуационной структуры, складывающейся вокруг

данного нововведения, фактор, формирующий своего рода «отрицательную направленность» в этой структуре, однако требующий закрепления и развития ([8a], с. 89).

Вместе с тем, рассматриваемый инновационный процесс сохранил свое фундаментальное качество «дезинтегрированности». Опыт показывает, что социально-нормативная структура производственной организации в современных условиях достаточно гибка, лабильна, «терпима» к разнообразным формам вненормативного, однако ценностно-обоснованного и ситуативно-оправданного поведения. С другой стороны, эта структура характеризуется высокой степенью устойчивости: трансформируясь в частности, она сохраняет общий принцип своего функционирования. В этих условиях всякая локальная и узко-целевая социальная инновация (вроде нашего экспериментального нормотворчества) имеет шансы быть «переварена» указанной структурой и преобразована в соответствии с господствующими в данной среде нормами социального поведения.

Эффективной в плане преобразования всей системы социальных норм производственной организации может быть только радикальная и **системная** общественная инновация, сознательно направленная на устранение «разрывов» в ключевых социально-нормативных комплексах.

Низкая эффективность, а порой и обратный эффект разнообразных технических, и особенно — организационных и социальных нововведений на социалистическом промышленном предприятии, не должны, однако, обескураживать. Ибо всякая инновация, имеющая позитивную направленность, имеет также важный демонстрационный эффект обнажения общественных противоречий и глубинных причин неудачи. Опыт общественного осмысления этих причин накапливается. Возникают предпосылки для инновационных поисков на новом уровне глубины, масштабов, значимости.

(Разумеется, накапливается и разочарование. Однако сохраняется общественная потребность в преобразовании существующих форм функционирования производственной организации. И эта настоятельная потребность то тут, то там находит выход в новых прецедентах позитивного социального нормотворчества).

5.15. Выше отмечалось, что «нормализация» системы социальных норм производственной организации и соответствующие изменения в ценностно-мотивационной структуре личности работника имеют своим неперенным условием направленное управленческое (партийно-государственное) воздействие на социально-экономические условия развертывания общественно-трудовой активности людей, совершенствование самой системы производственных отношений (в соответствии с совершающимися изменениями в производительных силах общества). Вместе с тем, решение указанных социальных задач представляется делом недостижимым лишь за счет шагов, предпринимаемых **«сверху»**. Необходимо встречное движение **«снизу»**. Реальных социальных эффектов следует, по-видимому, ожидать на пути соединения того и другого.

В этой общественно-исторической ситуации разнообразные проявления коллективной и индивидуальной «не вынужденной» инициативы (и прежде всего — в общественно-трудовой сфере) приобретают значение и смысл актов не только социального творчества, но и **социальной ответственности**.

«Хорошо, если бы каждый из нас чувствовал себя как вратарь на поле: за тобой никого нет, если ты мяч не возьмешь — команде гол», — пишет ленинградский рабочий А.Г. Солипатров ([20], с. 163).

Вопрос, однако, состоит в том, как этой инициативе «ставить себя» и развиваться в том социально-нормативном контексте, который она отчасти претендует изменить.

В ходе проводимого эксперимента нами предпринята попытка обоснования и индивидуального испытания научно-практического принципа **адаптационного нормотворчества** или социально-нормативных прецедентов. Этот принцип учитывает высокую инерционность функционирования общественного (в частности, производственного) организма и рассчитан на подготовку почвы для необходимых и, в известном смысле, неизбежных преобразований в нем. (Понятие **прецедента** теоретически интересно разработано В.К. Тарасовым. Этот автор называет прецедентом «опыт причинно-следственной связи между реальным поведением и нормативной структурой, уточняющий или отвергающий общезначимую нормативную цель» ([22], с. 225). Различаются «активные» и «пассивные» прецеденты. Первые сознательно инспирируются субъектом, во вторых — субъект в лучшем случае играет роль «очевидца» или «жертвы». Возможны комбинации того и другого. Например, «активный с точки зрения инициатора прецедент может восприниматься как пассивный» ([22], с. 225). В нашем эксперименте преимущественно осуществлялись прецеденты активные по сути, но не претендующие быть воспринятыми в качестве таковых; ср. выше — рассуждение о «вынужденной инициативе»).

Выдвигаемый нами **принцип адаптационного нормотворчества** (социально-нормативных прецедентов) **состоит в направленном, но не акцентированном расшатывании рутинного блока социальных (в частности, социально-производственных) норм-стереотипов поведения и в создании накапливающихся предпосылок для его обновления (замещения). Это может осуществляться путем ненавязчивого задания таких образцов индивидуального и коллективного поведения, которые хоть и расходятся с господствующими нормами-стереотипами, однако отвечают массовым ценностным ориентациям.** [*Здесь — выделено мною сегодня. — А. А.*]. (К широко известным примерам коллективной реализации этого принципа, по-видимому, относятся Щекинский, Калужский, Акчийский и некоторые другие социально-экономические эксперименты. Однако в предпосылке их всегда лежит индивидуальная нормотворческая практика. Эта практика заслуживает специального социологического изучения и осмысления, а также научной разработки ее задач, форм, методов).

5.16. В заключение автор считает необходимым отметить, что им получен ряд методических результатов, связанных с разработкой и опробованием метода **наблюдающего участия и моделирующих ситуаций** (см. выше). Наконец, в мировоззренческом плане (или в плане выработки «мироотношения») эксперимент социолога-рабочего дает определенный материал для обоснования выдвигаемого автором принципа **единства практической деятельности, рефлексии и игры** как эффективного способа реализации активной жизненной позиции личности в современных условиях.

Литература

1. *Алексеев А.Н.* Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании (из опыта изучения сельской молодежи) / Молодежь. Образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л., 1973.
2. *Алексеев А.Н.* Социальные проблемы развития и эффективности социалистического соревнования (по данным конкретно-социологического исследования) / Социальное и культурное развитие рабочего класса в

- социалистическом обществе (методические и методологические вопросы), часть 2. М., 1982.
3. *Алексеев А.Н.* Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии») / Проблемы социального познания и управления. Томск, 1982.
4. *Алексеев А.Н., Климентов Г. А.* Экономические аспекты участия трудящихся в управлении производством // Проблемы применения коллективных и коллегиальных форм управления на предприятиях (объединениях). Тезисы докладов. Таллин, 1980.
5. *Алексеев А., Климентов Г.* Для всех — как для себя! // Литературная газета, 1982, № 7.
- 5а. *Андропов Ю. В.* Учение К. Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983.
- 5б. *Бляхман Л.С.* Экономика научно-технического прогресса. М., 1979. 5в. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
6. *Бутенко А.А.* Противоречия социализма как общественного строя // Вопросы философии, 1982, № 10.
7. *Гордон Л.А., Назимова А.К.* Производственный потенциал советского рабочего класса: тенденции и проблемы развития // Вопросы философии, 1980, № 11.
8. *Гордон Л.А., Назимова А.К.* Социально-профессиональная структура современного советского общества: характер и направление перемен // Рабочий класс и современный мир, 1983, № 3.
- 8а. *Дудченко В.С.* Ситуационные структуры в организации / Структура инновационного процесса. Труды конференции. М., 1981.
9. *Заславская Т.И.* Экономическое поведение и экономическое развитие // ЭКО, 1980, № 3.
- 9а. *Климентов Г.А.* Преимущества бригады и условия их реализации / Опыт ленинградских предприятий по повышению эффективности использования основных производственных фондов. Материалы семинара. Л, 1981.
- 9б. *Климентов Г.А.* Роль цены в совершенствовании организации соцсоревнования / Совершенствование оптовых цен на продукцию машиностроения. Материалы семинара. Л., 1982.
10. *Лапин Н.И.* Актуальные проблемы исследования нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах. Труды конференции. М., 1980.
11. *Лапин Н.И., Пригожин А.И., Сазонов Б.В., Толстой В.С.* Нововведения в организациях (общая часть исследовательской программы) / Структура инновационного процесса. Труды конференции. М., 1981.
12. *Левин М.* Молодежь и труд (размышления социологов и журналиста) // ЭКО, 1983, № 8.
13. *Мазитова Р.К.* Заработная плата и проблемы ее взаимосвязи с экономическими интересами (вопросы теории и методологии). Казань, 1983.
- 13а. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Издание второе. Т. 19. 13б. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Издание второе. Т. 42.
14. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14-15 июня 1983 г. М., 1983.
- 14а. *Минакова С., Алексеев А.* Овладение специальностью и овладение собой // Молодой коммунист, 1982, № 10.
- 14б. *Минакова С.Ф.* Заочное и вечернее студенчество: способ жизни и социальные эффекты // ЭКО, 1983, № 6.
15. Нужна решительная перестройка // ЭКО, 1983, № 8.

16. *Ольшанский В.Б.* Личность и социальные ценности / Социология в СССР, т. 1, М., 1966.
- 16а. *Парфенов В.* Бригады // Правда, 27 июня 1983 г.
17. *Пригожин А.И.* Социология организаций. М., 1980.
18. *Пригожин А.И.* Межорганизационные ролевые позиции в инновационном процессе / Структура инновационного процесса. Труды конф. М., 1981.
- 18а. *Радов А.* Щекинский парадокс // Октябрь, 1982, № 4.
19. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
20. *Солипатров А.Г.* Глазами рабочего // Знамя, 1979, № 7.
21. Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М., 1983.
22. *Тарасов В.К.* Порядок, прецедент, реорганизация / Проблемы управленческих нововведений и хозяйственного экспериментирования. Таллин, 1978.
23. *Улицкий А.И., Друзин В.В.* Эксплуатационная подготовка новой техники — самостоятельное звено производства // ЭКО, 1983, № 2.
24. *Ядов В.А.* Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования, 1983, № 3.

А. Алексеев, сентябрь 1983

Приложение

Рубрикатор для обработки протоколов наблюдающего участия «Человек в системе реальных производственных отношений» (1983)

А. Человек и его профессия (трудовой процесс)

1. Чем занимался на работе
2. Профессиональные достижения
3. Профессиональные неудачи
4. Профессиональные «открытия»

Б. Реальные производственные отношения

1. Кто чем занят в бригаде
2. Отношения «бригадир — рабочие»
3. Отношения «мастер — бригада»
4. Отношения между бригадами
5. Отношения «вспомогательные службы — рабочие основного производства»
6. Отношения «цеховая администрация — рабочие»
7. Самостоятельная рабочая технология
8. Проблемы нормирования и оплаты
9. Внедрение новой техники
10. ПКР и вокруг него

В. Социально-психологическая атмосфера

1. Внутрибригадные отношения и контакты
2. Разговоры, реплики, настроения
3. Мои незапланированные интервью

Г. Официальная общественно-производственная жизнь

1. Мероприятия, собрания коллектива и т. п.
2. Доска объявлений и распоряжений
3. Партийная жизнь

Д. Социальные функции промышленного предприятия Д. Комплексные социальные сюжеты

<...>

Постскрипtum к главе 11

Заметим, что в публикуемой здесь работе о «человеке в системе реальных производственных отношений», датируемой 1983 г., социально-трудовые отношения обсуждаются в терминах «двуслойности» социальных норм, имея в виду, как правило, противоречащие друг другу декларируемые **«нормы-требования»** и реально действующие **«нормы-стереотипы поведения»** (см. раздел 11.1).

В современной социологической литературе более распространена постановка вопроса о соотношении **формальных и неформальных правил (и практик)**. Например:

«...Важный аспект структурирования трудовых отношений — их неформальная составляющая. Это устные, неявные и подразумеваемые правила, которым следуют работники и работодатели в разных областях заводской жизни и в личных взаимоотношениях. Соответственно формальные правила писаны, гласны и фиксированы.

Легитимность правил зависит не от степени их формализации, а от того, насколько они общеприняты, насколько им следуют в производственной практике... Также нельзя предполагать, что формальные правила более институционализированы, чем неформальные. Неформальные могут так же сильно, как и неформальные, предопределять поведение и взаимоотношения работников... Формальность имеет реальное влияние на социальные отношения только при условии, если она пропитана реальными практиками. ...И те, и другие (правила. — А. А.) могут изменяться в результате действий и практик социальных акторов (т. е. субъектов трудовых взаимоотношений), им присущи разные характеристики — они могут быть более или менее стабильными, более или менее гибкими или жесткими и т. п.» (Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии). М.: Академический проект, 2004, с. 135-136).

Используя разные методы эмпирического исследования, автор цитированной работы приходит к выводу о безусловном **доминировании неформальных правил и практик над формальными** — на всех (пяти) обследованных российских заводах; разумеется, с дифференциацией соотношения тех и других в менеджментах разного типа, однако — универсально для всех типов. При этом «неформальность трудовых отношений охватывает все сферы функционирования предприятий», будь то область организации труда и заработной платы, обеспечение качества труда, правила приема на работу и увольнения, поддержание дисциплины и т. д. (см. указ. соч., с. 297-299).

Подводя итог анализу этой проблемы, автор данного раздела коллективного исследования (Карин Клеман) пишет:

«...Неформальность существовала и при советской системе..., но сегодня она приобрела гораздо больший масштаб (! — А. А.) и, применительно к новой экономической и социальной обстановке, обрела иной смысл, более соответствующий западному понятию флексибельности. Самый подходящий русский эквивалент — **“пластичность”**. Пластичность указывает на способность человека сгибаться под давлением системной реструктуризации, не ломаясь и не сопротивляясь под угрозой потери своего

“Я”. При этом высокоресурсные довлеют над слабыми в навязывании своих правил. Такими ресурсами... являются не только материальный капитал, но и связи, знание, мобильность, способность ориентироваться в ситуации с большой степенью неопределенности» (Указ. соч., с. 189).

Может показаться парадоксальным, что в российском обществе «развитого социализма» в данном аспекте имело место своего рода «опережение» определенной **глобализационной** тенденции. (Апрель 2005).

Полный текст статьи (оригинал 1983 г.) вошел в состав тома 3 книги: Алексеев А.Н. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. СПб.: Норма, 2003-2005.

А. Алексеев. 18 августа 2016

(28)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-strasti-chelovecheskie-i-proizvodstvennyye>

А. АЛЕКСЕЕВ. СТРАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 22.10.2016

«Вообще, в отношениях социолога-испытателя с рабочим окружением, после его избличения в качестве «антисоветчика» и т. п., изменений практически не произошло. Там — «политика», а тут — работа; там — «идейное лицо», а тут — личные отношения. Для большинства товарищей по цеху «дело» социолога-рабочего — это «его» (мое) и «их» (начальства, «партийцев»), а не «наше» дело...» (Из «Драматической социологии...»).

Из книги: Алексеев А.Н. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. Том 2. СПб.; Норма, 2005

1. Протокол моего юбилея. 1984

Из «Записей для памяти» (июнь 1984)

<...> В июне 1984 г. я дважды работал в субботу: 16-го и 23-го. Первый раз это были обычные сверхурочные. Второй — всесоюзный комсомольский субботник (на который приглашались «комсомольцы всех поколений»). Работают по субботам — не как в будни (с 7-08 до 16-00, а приходят примерно в 8 и кончают работу в 12 час.

* * *

В первую из этих двух суббот я сообщил своему бывшему бригадиру Игорю В. [И.В. Виноградов. — А. А.], что «на днях» мне исполняется 50 лет, и предложил ему отметить это событие. Игорь в этот день домой не спешил, и согласился. Для двоих бутылки водки, кажется, многовато. Игорь предложил пригласить третьим Ивана О. (члена его бригады). Мною эта кандидатура была отвергнута, поскольку тот голосовал за исключение меня из партии на собрании 16.04. (Сам И.В. тогда воздержался, и вообще был одним из немногих в цехе людей, проявлявших человеческий интерес к моим партийным делам). Третьим в

нашей компании стал член той же бригады Саня Б. [Александр Брикач. — А. А.]: я предложил, Игорь — поддержал. Выбор между «бочкой» и моим домом в качестве места встречи был сделан в пользу первого варианта (поскольку Сане нужно было затем куда-то ехать).

Однако после первой бутылки, опорожненной «на бочке» (общепринятое место выпивки на пустыре у пивных ларьков, у моста через р. Карповку), показалось все же не лишним съездить ко мне домой, чтобы «продолжить», да заодно и посмотреть, «как я живу».

Такие не запланированные визиты обычно не приветствуются женами, но я сказал, что моя жена будет рада, хотя скорее всего ее сейчас нет дома. У меня дома была выпита вторая бутылка водки (уже не 0,5, а 0,8), а также несколько бутылок пива и еще — приобретенная («на всякий случай») уже не мною, а Игорем в универсаме — бутылка сухого вина. Неожиданно оказавшаяся дома Нелли приготовила нам купленные Игорем попутно, для собственного дома, голубцы.

Мы провели несколько часов в содержательной, хотя и несколько сумбурной застольной беседе, посвященной в основном юбилею, его производственной и научной деятельности за 50 прожитых лет (иногда отвлекаясь и на другие предметы разговора). Разъехались около 18 час. К этому времени подошел Леня К. [Л. Е. Кесельман. — А. А.], с которым еще раньше договорились о встрече, и некоторое время мы успели провести впятером, продолжая непринужденное общение. Игорь В. и Александр Б. (член КПСС и беспартийный, бригадир и член бригады, в составе которой я работал с мая по ноябрь 1983 г. и проходил там слесарную выучку) — оба люди, с которыми я все эти годы был тесно связан по работе и к которым испытываю уважение и симпатию, и пользуюсь у них взаимной расположенностью. Что и было лишним раз выражено нами друг другу в этот субботний день.

* * *

Неделю спустя, 23.06 я обратился с аналогичным предложением к Анатолию С. (А.В. Сыцевич. — А. А.), возглавляющему бригаду, в которой я работаю с декабря 1983 г. К сожалению, вопреки моим ожиданиям, на комсомольский субботник вышли не все члены бригады (даже — не все состоящие в ней комсомольцы). И это исключало возможность пригласить всех, как я предполагал вначале. Мое предложение пришло в некоторое противоречие с намерением компании комсомольцев и людей, не так давно вышедших из комсомольского возраста (к которым относится и бригадир А. С.), отправиться после субботника в Озерки, отдыхать. Оказывается, в бригаде и раньше знали о моем предстоящем 50-летию, однако собирались поздравить в июле (когда эта дата реально исполнится). Но не учли, что на этот раз у меня в июле отпуск. Так что мое предложение «выставить» именно сегодня каждому комсомольцу бригады по стакану («А тем, которые постарше, можно и по полтора», — пошутил я), показалось не лишенным смысла. Однако... это требовало увязки с первоначальной программой комсомольского пикника. После консультаций с комсомольцами, бригадир предложил мне присоединиться к их поездке в Озерки, на что я с благодарностью согласился.

Около 10 час. Анатолий С. и Михаил К. (другой член нашей бригады околокомсомольского возраста) ушли с завода — для обеспечения «организационной подготовки». Все остальные предполагавшиеся участники проработали на субботнике до 12 час. Перед уходом Анатолия я передал ему свой 20-рублевый взнос в складчину, в которой как юбилеяр претендовал на повышенное участие. (От более крупного вклада А. С. отказался.)

С завода, около 12 час., мы вышли всемером: комсогруппорг участка, член моей бригады слесарь Сергей С.; молодой коммунист, фрезеровщик В. Г.; комсомолец, токарь Б.; три девушки-комсомолки (двое токарей, одна гравер) Вера, Ира и Таня; и я — комсомолец 50-х гг. На станции метро «Удельная» встретились с ушедшими ранее Анатолием и Мишей. Туда же отдельно добирались комсорг цеха, слесарь Сергей Л. (он был на субботнике, а потом куда-то заезжал за гитарой) и слесарь С. (недавно поступивший в наш цех; на субботнике не был). Всего, таким образом, компания состояла из одиннадцати человек, включая меня. Почти все (исключая двоих) — с одного участка (того, на котором я работаю). Все — рабочие. Семейные (Анатолий С., Миша К. и Сергей Л.) — без жен. Из моей бригады — всего четверо (включая меня). Двое — члены КПСС: Анатолий С. и В. Г.; один — кандидат в члены КПСС (Сергей Л.). Пятеро — члены ВЛКСМ: три девушки, Сергей С. и Б. Один — беспартийный, уже вышедший из комсомольского возраста (впрочем, был ли в комсомоле — не знаю, Миша К.). Один — вероятно, исключенный из рядов ВЛКСМ (если был в комсомоле; это недавно вышедший из заключения, едва ли не самый молодой из всех, С.). И один — коммунист, недавно исключенный из партии (т.е. я). Я, понятно, старший по возрасту, Анатолию и Михаилу — за тридцать, остальным — от 22 до 28.

От станции метро «Удельная» на автобусе добрались до третьего озера. Анатолий и Михаил привезли три бутылки водки, кроме того наша компания располагала двумя порядочными флягами спирта, который пили, разбавляя водой из озера (для чего плавали с бутылками на середину) либо пепси-колой. Стол на траве украшался огурцами (для мужчин) и черешнями (для девушек), не считая прочей, заурядной закуски.

Обычно, выпивая, скажем, «на бочке», пользуются одним стаканом на троих (стаканом обеспечивает пенсионер или инвалид, подбирающий бутылки). Здесь на 11 чел. припасли один граненый стакан (для сока и пепси) и три фужерчика, поменьше стакана (для более крепких напитков).

...Жилось нам хорошо. Пили. Ели. Купались. Молодые люди боролись на траве. Слушали песни под гитару (в исполнении Сергея Л. и С.). Пели все. Танцевали под ту же гитару, на траве. Рассказывали приличные анекдоты. Сергей Л. и С., уже без гитары, исполняли запомнившиеся им номера из репертуара Райкина, Жванецкого и Хазанова. Девушки облагораживали мужскую компанию. (Например, Михаил, вместо более ему привычных связок между словами, старательно употреблял в нужных местах — «елки-палки».)

Мое, не по возрасту, участие в комсомольско-молодежном пикнике представлялось естественным для других, раз уж мое 50-летие почти совпало со всесоюзным комсомольским субботником. Кажется, единственным поразившим воображение комсомольцев поступком с моей стороны была нескромная демонстрация способности достаточно надежно удержаться в стойке на кистях после 300 граммов водки — свидетельство устойчивости не только моральной. Один из комсомольцев 80-х гг., чтобы не ударить в грязь лицом, сделал стойку на голове («на трех точках»).

Стойки «на четырех точках» (соответствующей более сильным стадиям опьянения) в этот день не демонстрировал никто. Единственным «запланированным» номером во всей этой стихийной молодежной программе было состоявшее не более чем из десятка слов поздравление меня с днем рождения, произнесенное бригадиром, и преподнесение мне «скромного подарка». Это — перед тем, как выпить по первому фужерчику... То есть получилось как бы так, что мы собрались ради этого (пусть повод и был

привнесен). Но на общем ходе пикника данное обстоятельство никак не сказалось.

Подарком оказался элегантный, киевского производства светильник фирмы «Прометей», с выгравированной на нем надписью: «Андрею — в день 50-летия — от коллектива, 22 июля 1984 г.» . Стоимость этого симпатичного (и чуть ли не символического!) подарка — 12 руб. 50 коп. — мне стала известна благодаря тому, что на современных пластмассовых изделиях принято отливать цену. Как видно, приобретение этого подарка, наряду со всей снедью, было предпринято Анатолием и Михаилом за те 2,5 час., что прошли с момента их ухода с субботника до нашей встречи на Удельной. Точную дату своего рождения я никому прежде не сообщал, и либо она была известна моим дарителям заранее, либо специально выяснена в этот промежуток времени. Других содержательных тостов на пикнике не было, если не считать моей шуточной поправки к поздравительному тосту бригадира (выпьем... «за 35-летие со дня моего вступления в комсомол») и моего же, еще более краткого, «встречного» тоста перед вторым фужером — «за коллектив!».

Кажется, уже ближе к концу мероприятия, зашел у нас с Анатолием (не по моей инициативе!) приватный разговор о моих личных планах и перспективах. Анатолий С. — тот самый единственный на собрании 16.04 член партии, который не только воздержался, как и Игорь В., при голосовании вопроса об исключении из партии, но и выступил наперекор всему ходу собрания, заявив, между прочим, что я являюсь «образцом коммунистического отношения к труду»... (ни больше, ни меньше!). Надо сказать, что мы с Анатолием питаем друг к другу безусловное взаимное уважение. Он, благодаря моему переходу в его бригаду после увольнения из цеха моего бывшего ученика Сереги 3-ва, по его собственному (Анатолия) выражению, «с ПКР забот не знает». (И это, пожалуй, действительно так!). Мне же импонирует его самоуверенность, деловитость и независимость. А. С. сочетает в бригаде функции формального и неформального лидера. (Члены бригады зовут его «Бугром», а я — «Капитаном».)

Это взаимоуважение было лишней раз заявлено в нашей беседе в тот день. Оказывается, бригадира продолжает заботить, что ему в декабре прошлого года не удалось добиться для меня обещанного им дневного производственного задания 9 руб., которое он считал бы справедливым. Со своей стороны, я заверил «Капитана» в своей нынешней заинтересованности оставаться в его бригаде. Если я когда-нибудь и вздумаю уволняться, то он, Анатолий, узнает об этом первым, и уж во всяком случае, месяца за три, пообещал я.

...Обратная дорога с озера мне помнится смутно, хоть наше возвращение и было вполне благопристойным. Не помню, по моей ли инициативе или по инициативе комсорга цеха Сергея Л., мы уже вечером оказались вдвоем у меня дома. (Скорее всего, он меня провожал, а я пригласил зайти.) Дома у меня только беседовали, спиртного не пили.

Сергей Л. — отчасти мой ученик на ПКР. (В отличие от Сереги 3-ва, который был учеником официально оформленным, я обучал другого Сергея явочным порядком, для выполнения ПКР-ных заказов Игоря В., в его бригаде.) Сейчас Сергей числится слесарем, а фактически является оператором на ПКР нового поколения, с программным управлением, задействованном в начале этого года. Ему — 23 года. Недавно принят кандидатом в члены КПСС. Считается (думаю, заслуженно) одним из лучших на заводе цеховых комсоров.

У Сергея сочетаются личная симпатия и уважение ко мне с идейным неприятием того моего образа, который был нарисован в ходе обсуждения персонального дела. Ему запомнилось мое выступление на партийном собрании 16.04, которое он считает очень убедительным. Вместе с тем он не может не верить справке

УКГБ ЛО на мой счет. Он совершенно согласен с исключением меня из партии (даже поднял руку за это решение, хотя как кандидат и не имеет права решающего голоса). Но он с готовностью, и даже с радостью, воспримет и мою реабилитацию, если таковая официально состоится.

Позиция Сергея Л., по своему, целостна. Наши симпатии — взаимны. Я предложил ему еще раз вернуться к этому разговору через десять лет, когда ему будет 33, а мне (если я до тех пор доживу) — 60 лет. Он так и записал эту будущую дату (23 июня 1994 г.), вместе с моим домашним адресом, в своей записной книжке.

В первом часу ночи спохватились, что Сергей может не успеть на метро. Я проводил своего гостя до ст. Нарвская и далее, к дверям общежития, где им с женой выделена комната. (Свадьба состоялась не далее как в этом месяце, мы все подписывали приветственный адрес.) Забравшись домой, Сергей вернулся с женой, чтобы теперь проводить уже меня. Но был второй час ночи и пришлось ловить такси. Деньги таксеру мой провожатый вручил сам (пока с ним договаривался). Хоть у меня были с собой и свои.

Машина успела проскочить на Васильевский остров по мосту лейтенанта Шмидта, уже готовому для разводки.

* * *

Так, в июне 1984 г. был, чуточку досрочно, отпразднован 50-летний юбилей социолога-наладчика, месяцем ранее исключенного из партии, — в кругу товарищей по работе, коммунистов, комсомольцев и беспартийных «Ленполиграфмаша». Другого «юбилея» мне, пожалуй, и не надо. <...> (Записано в конце июня 1984 г.)

Ремарка: он, мы, они...

Вообще, в отношениях социолога-испытателя с рабочим окружением, после его изобличения в качестве «антисоветчика» и т. п., изменений практически не произошло. Там — «политика», а тут — работа; там — «идейное лицо», а тут — личные отношения.

Для большинства товарищей по цеху «дело» социолога-рабочего — это «его» (мое) и «их» (начальства, «партийцев»), а не «наше» дело... (Ср. с комментарием Р. Ленчовского «о личных местоимениях», выше). Пройдут еще три года, прежде чем в это «дело» включится рабочий коллектив, как таковой. (Сентябрь 1999 — ноябрь 2000).

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2007

2. Бешеная халтура, красивая деталь...

Ремарка: образец моделирующей ситуации.

<...> Данный сюжет является, в известном смысле, «классическим» образцом моделирующей ситуации.

Интересно, однако, что субъект исследования эту ситуацию, строго говоря, не «моделировал», а она сложилась совершенно стихийно. Я же — только записал. (Сентябрь 1999).

Из «Записей для памяти» (1984–1985)

Старожил (экспозиция)

Уже пять лет работаю я на «Ленполиграфмаше», наладчиком-повременщиком, потом слесарем-сдельщиком. Оказывается, это очень много.

За эти пять лет я успел «пережить» двух начальников цеха, одного заместителя, одного старшего мастера, трех мастеров слесарного участка, четырех младших кладовщиц инструментальной кладовой, двух старших механиков, правда — только одного секретаря партбюро цеха.

На моей памяти успели вернуться из армии уходившие при мне служить; успели распасться браки, выросшие из взаимного ухаживания у меня на глазах. Умер мой первый наставник (слесарь-инструментальщик Федор Филиппович). Из троих моих прямых или косвенных учеников по координатно-револьверному прессу (ПКР) один ушел в другой цех, другого уволили за прогулы, третий перешел на освобожденную комсомольскую работу...

За пять лет я успел побывать на двух траурных митингах [смерть Л. И. Брежнева и смерть Ю. В. Андропова. — А. А.]. Сам успел стать «ударником коммунистического труда» и... «вредителем»; съездить в отпуск на Кубу и быть исключенным из партии. И, уже после этого, увидеть собственную физиономию на фотографии в многотиражной газете. Чего только не было!..

Все «течет и изменяется». Но есть и «величины постоянные». Например: генеральный директор завода А. Д.; мой бывший бригадир (отметивший за это время 35-летие своей работы на заводе) И. В.; мой нынешний бригадир А. С.; наконец — я сам, несмотря на все перипетии собственной судьбы. На заводе, в своем цехе, на своем участке, я уже старожил. И даже станок, запускавшийся мною в 1980 году как «новое оборудование», кто-то недавно назвал «старичком»...

В этом году мне стукнуло пятьдесят (бригада по этому случаю подарила мне электрический светильник фирмы «Прометей»). Но возраст, как и общий трудовой стаж, для работника — «второстепенная» социальная характеристика. Главное — давно ли ты здесь работаешь.

После пяти лет становишься старожилом. Пять или десять лет — уже невелика разница.

Начиная с декабря 1983 г. я вновь вернулся на координатно-револьверный пресс (ПКР), после полуторагодового перерыва, в течение которого на этом станке работал мой бывший ученик Серега З., да и не только он. Сам же я в это время трудился рядовым слесарем в бригаде Игоря В. Но вот Серега перевелся в другой цех (на сборку), и тогда Анатолий С. (бригадир той бригады, за которой закреплен ПКР) пригласил меня к себе в бригаду, на Серегино место.

«Все возвращается на круги своя» (впрочем, скорее все же — по спирали). Мой станок сейчас — как хорошо обьеженный конь. Я знаю все его повадки. Он, похоже, ничего не может «выкинуть», а могу «выкинуть» только я, понадеявшись на авось или отвлекшись и забыв о какой-нибудь хорошо известной мне его особенности. Я вообще-то лентяй. Я целый год не регулировал подшипники траверсы, которые в 1981 году регулировал чуть не каждую неделю! Но это, скорее всего, потому, что я тогда их так усердно регулировал, мне и Сереге на три года той регулировки хватило.

Сейчас эта регулировка, строго говоря, не мое дело. Но лучше совсем не регулировать, чем это станут делать наши ремонтники. А самому — ни к чему, поскольку точности пробивки отверстий и так хватает. И я уже знаю, что после очередной регулировки может лучше не стать...

Еще год назад я снял со станка лишний кожух, что позволило мне устроить себе рабочую позу сидя. Я целый день не стою, а сижу на высоком, вращающемся слесарном стуле, воздвигнутом на перевернутой металлической коробке. Это —

поза велосипедиста, склонившегося за рулем (роль которого здесь выполняет перемещаемый вручную пантограф).

Я так еще не один год могу просидеть... А по субботам и воскресеньям — писать эти заметки. Ну, пора заканчивать экспозицию.

Что такое «халтура»

В среду, 21.11.84 мой бригадир А. С. (Анатолий Сыцевич, он же — «Толик», он же — «Бугор») утром сказал мне: «Отдохни пока!» — «В каком смысле?» — «Физически». И предложил мне заняться наконец (он давно прицеливался!) деталью, под обозначением «РУ-...», штамповка которой на моем станке технологами вовсе не предусмотрена.

Представьте себе стальной лист миллиметровой толщины габаритами примерно 180 X 350 мм. Это — развертка коробочки, которая получится, когда в этом листе будут вырублены углы, а потом лист загнут и углы сварены. После этого, согласно существующей технологии, в каждой из таких коробочек надо — в разных плоскостях — отцентровать, просверлить и рассверлить до полусотни отверстий, диаметрами (перечисляю): 2,4 мм; 3,4; 8,2; 12,5; 15; 25; 23; 22; да еще пазик 7.9 и большой паз 12.40.

Разумеется, расточник, которому все это предстоит, не станет по очереди с каждой коробочкой возиться. Он настроит расточной станок на одно отверстие — все 150 коробочек перекидает; потом — на другое, опять 150. И так пятьдесят раз (по количеству разных отверстий). (Для удобства восприятия, я несколько упрощаю!)

Нормировщик в такие «профессиональные тонкости» не вдается. В техпроцессе записана... одна производственная операция: расточить пятьдесят отверстий в коробочке. И эта операция «стоит» по трудозатратам чуть больше часа (64 мин.) рабочего времени расточника 5-го разряда, а по расценке — около рубля (96,512 коп.).

Но прежде чем растачивать, в детали нужно вырубить углы, загнуть... Что является делом слесарей. В общем, по «маршрутной карте» деталь сначала попала в нашу комплексную бригаду. И бригадир Толик резонно рассудил, что нечего «халтуру» из рук выпускать, если мы эти пазы и отверстия можем и до гибки сделать.

Для того и существует мой станок, координатно-револьверный пресс, в котором можно установить развертку (стальной лист) и, не вынимая из зажимов, а только поворачивая револьверную головку, пробить по шаблону за 3–5 минут все пятьдесят отверстий, нужного размера и в нужных местах.

Перемножьте эти 4 минуты на 150, сколько будет? От силы 10 часов, а не 150. То-то!

Ну, тут надо иметь надежного наладчика-штамповщика, который:

—все размеры из чертежа уже сложенной (загнутой) коробочки переведет, пересчитает в размеры (расстояния) от баз развертки, т. е. составит карту штамповки из разряда самых сложных (с которыми у технологов, готовивших техпроцессы для моего станка, не обходилось без пары ошибок в каждом, в 1980–1981 годах!);

—затем переведет этот самодельный эскиз развертки в металл шаблона (т. е. разметит 3-миллиметровый стальной лист и просверлит в нем пятьдесят одинаковых отверстий диаметром 6 мм, под искатель антографа;

—подберет пробивной инструмент (для отверстий этой коробочки подходящие вырубные пакеты, по счастью, имеются; а вот для пазов — надо комбинировать удары, чтобы в итоге получилась нужная конфигурация);

—загрузит револьверную головку этим инструментом, установит шаблон на координатном столе, подрегулирует, «пробьет» первую деталь, проверит, убедится, что после гибки получится та самая коробочка, которая показана на чертеже.

Сколько он провозится со всей этой подготовительной работой? Ну, смену. А потом, за другую смену, отштампует в развертке все пятьдесят отверстий и пазов во всех 150 коробочках. И за два дня, таким образом, заработает... 150 рублей! Ведь он тем самым «закроет» в маршрутной карте расточную операцию. А кому какое дело, как это сделано, если конечный продукт (коробочка на выходе) — в соответствии с чертежом...

Вот это и называется по-рабочему — «халтура»! Халтура— это вовсе не плохая (некачественная) работа, а, наоборот, хорошая работа, сделанная при минимуме трудозатрат. Работа эффективная, в смысле получения требуемого конечного результата «малым потом». Работа выгодная— и себе, и производству! Но когда за пару дней — 150 рублей (я — в бригаде, так что идет это в бригадный котел, а не «в мой карман», да и никто не дал бы мне одному за два дня 150 рублей заработать!), то это уже не просто халтура, а «халтура бешеная».

Для бригады эти 150 рублей — порядочные деньги. Ведь за месяц бригада из 12–13 чел. закрывает нарядов рублей на 1 600 (без учета премиальных). А тут один член бригады — за пару дней — десятую часть этой суммы!

Как обычно, в чем-то проиграешь, а в чем-то выиграешь. Важно, чтобы в конечном итоге выигрыш был больше проигрыша. А если выигрыш слишком сильно перевесит, то наряд на эти коробочки можно будет, договорившись с мастером, и не закрывать, а отложить до будущего месяца (когда, может быть, косяком повалит невыгодная работа). Такая вот «рабочая арифметика».

(Впрочем, почему только рабочая? Аналогично, на своем уровне и для своих дел, рассуждают и мастер, и начальник цеха, и генеральный директор!)

Рассчитывать карты штамповки мне не привыкать, еще с 1981 года. Как лучше делать поправку на гибку, при расчете размеров, меня научил бригадир Толик (раньше я делал это куда более сложным способом!). Но, как всякий нормальный рабочий, я теперь обхожусь без лишних бумаг, а сразу реализую эту карту штамповки в металле шаблона: всякий размер высчитываю в уме и, не записывая, откладываю на штангенрейсмусе, а затем — риску на металле. Таким образом, шаблон оказывается для меня своего рода «металлическим эскизом».

Ну, потом — по пересечениям рисков — накернить, просверлить сначала маленькие отверстия по «кернам», потом рассверлить, потом — проверить межцентровые расстояния, на случай расчетной ошибки, а если при кернении рука дрогнула, то подправить отверстия круглым надфилем. Наконец, развернуть отверстия до требуемых 6 мм. Шаблон готов!

Это — чисто слесарная работа. Даже скорее — слесаря-инструментальщика. Конечно, слесарь-инструментальщик сделал бы это качественнее. Но я в 0,1 мм отклонения укладываюсь, а больше мне и не надо.

Было время — я делал такие шаблоны непосредственно на станке, не размечал и сверлил, а «пробивал» шаблон, пользуясь координатной сеткой ПКР. Но с 1982 года микроскопы — не освещены, геометрическая система станка — все же не «в нулях» (в нулях — это моя «синяя птица» 1981 года!), такой точности не получишь. Мне — «себе дешевле» разметить и просверлить слесарным способом, благо я теперь сам слесарь, как и мой первый ученик на ПКР — Серега. А он поступал именно так.

Итак, к обеду 21.11 шаблон для «РУ-...» готов. Затем я загружаю десяток гнезд револьверной головки. Кое-что у меня в ней уже стоит (пакеты инструмента с

«расхожими» диаметрами 2,5 или 3,6 мм). К концу дня и наладка станка для данной детали готова. За день я заработал... 00 руб. 00 коп.

Зато завтра...

Собираюсь уходить, но бригадир Толик просит сделать ему пробную деталь. Он сегодня остается в вечер — проверит (обычно он доверяет мне, но тут — «слишком крупная игра»; надо не промахнуться!).

Задерживаюсь на полчаса. Приношу ему первую из 150. Он говорит: «Отлично! Даже более чем отлично!». (Это — на глаз). Оставляю, ухожу.

Для пользы дела

Наутро 22.11 узнаю, что все межцентровые расстояния в порядке (а там и в самой детали есть размеры с допуском всего 0,1). Только от баз чуть подвинуть всю систему отверстий (но это я и сам предупредил: первая деталь — пробная, а подрегулировать — пустяк!). И еще «грат» надо в другую сторону, чтобы получился не снаружи, а внутри коробочки после гибки.

Грат — это те заусеницы, которые остаются после сверловки (на выходе сверла), после фрезеровки (по ходу движения фрезы), после штамповки (со стороны, противоположной удару). Снятие гратов напильником, шабером или посредством зенковки (неглубокое рассверливание с обратной стороны) — одна из самых расхожих слесарных операций.

Ситуация привычная: я штампуя, бригада снимает грат (тут ума не надо, а только навык, которым я в свое время не вдруг овладел) и гнет мои развертки (вот эта работа — из самых квалифицированных!). Но, как ни снимай заусеницы, это все же — не столь изящно выглядит, как та сторона, с которой удар пуансона, где края отверстия или паза получают естественное закругление внутрь. Вот почему бригадир попросил меня пробивать с другой стороны. Правда, для этого я должен «перевернуть шаблон», т. е. пробивать отверстия от одной базы так, чтобы размеры выдерживались от противоположной. А это зависит уже не столько от моего искусства, сколько от того, насколько точно (или вернее — единообразно) выдержаны габариты заготовки (в каком-то из «писем любимым женщинам» я это подробно объяснял).

Пробивка с перевернутым шаблоном — одно из моих рационализаторских предложений 1981 года, которое было отклонено (долго сейчас рассказывать, почему). Но это — и нечто «само собой разумеющееся», скажем, для бригадира Толика. Ведь известно, насколько может отклониться фрезеровщик при «огабаривании» заготовки, а стало быть — можно на это сделать примерную поправку.

Вообще, «рабочая технология» — вся не по правилам, но, наверное, нужны правила, чтобы было чего нарушать для достижения конечного результата. <...> Весь день 22.11 (четверг) я штамповал «РУ-...» и сделал 100 штук из 150. Эта «нелегальная» деталь была... красивая! Дело в том, что когда на малой площади размещено много всяких пазов и отверстий, расположенных не симметрично, к тому же — отверстия разного размера, то это особая эстетика. Эстетика — «непримитивности». Это — как морозный узор на оконном стекле. Игорь С., работающий рядом (не бригадир, другой), сказал: «Красивая деталь!». Еще кто-то (независимо) — то же. В самом деле — красиво! Я старался не спешить, чтобы не ошибиться в ударах. Когда одиннадцать раз надо повернуть револьверную головку, искателем пантографа найти нужное фиксирующее отверстие в шаблоне и «ударить» в нужное место заготовки, шансы ошибиться возрастают. Но уже на 5–10-й детали вырабатывается достаточно надежный автоматизм (своего рода маршрут на шаблоне).

Ошибиться можно — пробив отверстие малого диаметра на месте крупного. Стоит потом поверх ударить крупным пуансоном, чтобы следов этой ошибки не осталось. А вот если наоборот — обидно! В общем-то брак. Но такой брак я умею исправлять. Ибо все слесари знакомы с аппаратом точечной сварки, который стоит рядом с моим станком.

Прорубив нечаянно нежелательную дырку, я беру подходящую «вырубку» (стальной кружок из ящика для отходов) и забиваю им эту дырку. Потом привариваю. Тот, кто будет снимать грат, заодно зачистит и сварку (а если ошибка слишком «неприличная», то я сам это сделаю). На сотню деталей (5 тыс. ударов!) я пару раз ошибусь (если затороплюсь или задумаюсь). Мастерство — это не когда не делают ни единой ошибки, а когда умеют ошибку исправить. А развертки-то мои (рублевые!) не залеживаются. Я еще и штамповать не кончил, а Николай Р. (по указанию бригадира) пристроился уже граты снимать. Он заметил пару разверток с пропущенными дырками (забыл я ударить разок из 50 раз!). Благо шаблон со станка не снят, настройка не менялась — добавить одно отверстие ничего не стоит.

В общем, заработал я в этот «звездный» день 100 рублей (разумеется, по нормам расточки и фрезеровки, а не штамповки). А оставшиеся 50 — на следующий день 23 ноября, до обеда). Разумеется, такая халтура — небывалая, потому и «бешеная».

Итак, все не по правилам! Штампую на ПКР деталь, которую положено обрабатывать на расточном станке... Занимаюсь расчетами карты штамповки вместо технологов... Изготавливаю шаблон, который положено делать инструментальщикам... Зарабатываю бригаде 150 рублей за 2,5 дня (включая изготовление шаблона). И т. д. И все — для пользы дела!

А когда в другой раз придет эта деталь (вряд ли технологи спохватятся к тому времени перевести ее на мой станок, а мы, разумеется, вылезать с таким предложением не будем!), у нас уже и шаблон готовый, и «мелких неприятностей», авось, не будет. Так я и за полтора дня или даже за день с этой работой справлюсь. И будет снова на входе — все не по правилам, а на выходе — «бешеная халтура, красивая деталь»!

Но, выиграв на ней, я (т. е. бригада) проигрывает на чем-то другом (очень невыгодном!). И в итоге будет умеренное перевыполнение бригадного задания (процентов на 10, не больше; наша бригада, как написано в многотиражной газете, работает сейчас где-то на уровне марта-апреля 1985 г.).

Но не подумайте, что на этом история «красивой детали» окончена. Вернусь к ней позже.

(Записано в декабре 1984 г.)

Неожиданный финал

Отштампованные мною 145 штук «красивой детали» были уже загнуты и углы заварены (т. е. превратились из листов в коробочки), как вдруг наш «Бугор» в последних числах ноября обнаружил на своем верстаке папку с техпроцессом «РУ-...», в которую оказался вклеен новый чертеж этой детали с конструктивным изменением (на месте девяти отверстий диаметром 8,2 мм — всего три таких отверстия, и добавлены: одно отверстие 15 и одно 2,5). А надо сказать, что мы «отрабатывали» эту деталь уже в счет 1985 года.

Между тем именно в запуске 1985 года предусматривалось это конструктивное изменение, просто в ноябре 1984-го его еще не успели в чертеж внести. Выходит, вся «бешеная халтура» — в брак! Но наш бригадир не так прост — согласиться с тем, чтобы осталась не оплаченной работа, выполненная в соответствии с чертежом (аннулированным позднее).

Возникло что-то вроде производственного конфликта. Администрация выискала случайно сохранившийся обрывок прежнего (вырванного из папки) чертежа, на котором рукой технолога (конструктора?) написано: «только на запуск 1984 г., в 1985 г. будет изменение в расточной операции» (той самой, которую я заместил штамповкой на своем ПКР). Запись датирована октябром 1984 года, т. е. как будто уже существовала тогда, когда мы этим чертежом пользовались... Однако ни я, ни А. С. — в упор не помним, чтобы была тогда такая запись! А не обратить внимания, работая с чертежом, не могли. (Да и не принято в техпроцессах таких предупреждений делать. В первый раз такое!)

У нас возникло существенное подозрение, что эта запись появилась потом, т. е. как раз при аннулировании старого чертежа, от которого почему-то сохранился лишь единственный обрывок, и именно с этой надписью. Ну, проводить графологическую экспертизу не стали.

Администрация согласилась оплатить уже сделанную работу в полном объеме, а деталь придется-таки делать заново.

Заново — бесплатно?! Нет, с этим бригадир согласиться никак не может.

Прежний наряд закрыт. А новый, если хотите, пишите! С другой стороны, ни для кого не секрет, что штамповкой на ПКР (вместо расточки) бригада заработала 200 рублей «малым потом» (я заместил расточку на 150 руб., да плюс обрубка, гибка и сварка, менее дорогостоящие). Не платить же бригаде опять 200 руб. (Да еще при готовом шаблоне, который мне исправить — пара пустяков!).

Сторговались на 100 руб. за повторную партию «РУ-...». Таким образом, бригада не в накладе (одна халтура — «бешеная», другая — «полубешеная»).

И ведь не рвачи вовсе! Своей партизанской деятельностью мы с А. С. действительно повысили производительность раз в шесть-восемь.

Отштамповали заново 145 штук, с исправлением. Как уж там администрация исхитрялась, чтобы нам обе партии оплатить, на кого брак списали — не знаю...

А 150 забракованных — еще два месяца валялись в цехе. И уже стали использоваться в качестве тары для не слишком мелких деталей (как-никак — коробочка, хоть и с дырками).

Вдруг в конце января прибегают со сборки — где у вас тот брак? — А зачем вам?

Да у них, оказывается, десяток машин еще по образцу 1984 года идет. Вот и бракованные коробочки пригодились (правда, только десять штук из 150). Ну, а те, что штамповались заново в декабре, — в январе были загнуты, сварены, зачищены и т. д. Однако увезли их из нашего цеха только месяц спустя.

Технолог Алла П. явилась ко мне, чтобы «оприходовать» нашу скрытую рацию.

Ну, поделиться с ней своей картой штамповки я никак не мог, поскольку на бумаге у меня этой карты просто не было. Так что придется ей самой поработать. И, боюсь, куда менее оперативно и надежно у нее это получится, чем у меня. (Кто-нибудь из технологов, хотя бы та же Алла, оформит это потом как свое рационализаторское предложение; все — в порядке вещей...)

Если бы не шум вокруг этого эпизода, мы бы еще пару лет свою «бешеную халтуру» имели неприкосновенной.

(Записано в феврале 1985 г.)

(29)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-strastichelovecheskie-i-proizvodstvennye-prodolzhenie-1>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
СТРАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ.
ПРОДОЛЖЕНИЕ 1**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 25.10.2016

«...Я вышел из отпуска 22 марта 1985 г. (пятница). И почти сразу начались «заморочки», как их называет мой бригадир А. С., т. е. всякие производственные затруднения, задержки, неприятности, неувязки. В этих апрельских заморочках переплелись тугим узлом нити ныне действующего хозяйственного механизма (каким он видится и ощущается изнутри и снизу)... Апрельские заморочки на координатно-револьверном прессе в цехе № 3 ПО «Ленполиграфмаш» — живое свидетельство своего рода выморочности нашего хозяйственного механизма...» (Из «Драматической социологии...»).

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

<...>

3. Несколько вступительных слов

Как читатель уже знает, на протяжении первых четырех лет своего пребывания на заводе (1980-1983) социолог-рабочий вел довольно регулярные записи, фиксируя все детали своего наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации (будь то в форме писем друзьям, коллегам, будь то в форме дневников, «производственных хроник» и т. п.). Потом события «дела» социолога-рабочего (начиная с сентября 1983 г.) и необходимая самооборона от идеологических и политических обвинений несколько притормозили производственное бытописание. Пока автор не собрался с силами и не нашел время, чтобы его (бытописание) возобновить.

Стоит при этом отметить, что еще в 1982 году (т. е. до начала политического «дела») существенно изменилась сама производственная роль социолога-испытателя. Последний перестал быть наладчиком-повременщиком (производственное занятие — не из «массовых») и стал «рядовым» слесарем-сдельщиком, в составе бригады, работающей на единый наряд. Новый производственный статус дал пищу для наблюдений и анализа уже не инновационных процессов (освоение нового технического оборудования и т. п.), а процессов «рутинных» — повседневности, как таковой.

Итак, параллельно с протоколами наблюдающего участия в собственном партийном (и т. п.) «деле», писались также «Производственные дневники 1984-1986 гг.» (так был впоследствии озаглавлен этот авторский цикл). Из приводившихся ранее, к данному циклу принадлежит текст «Бешеная халтура, красивая деталь...». Ниже — другие извлечения из указанного цикла. Иногда это разовые дневниковые записи, иногда — тексты, сюжетно выстроенные, посвященные тем или иным аспектам заводской жизни. (Март 2001 — май 2003).

4. Апрельские заморочки

Из «Производственных дневников» (май 1985).

Я вышел из отпуска 22 марта 1985 г. (пятница). И почти сразу начались «заморочки», как их называет мой бригадир А. С. [А. В. Сыцевич; в дальнейшем он же — Толик, он же — «Бугор». — А. А.], т. е. всякие производственные затруднения, задержки, неприятности, неувязки. В этих апрельских заморочках переплелись тугим узлом нити ныне действующего хозяйственного механизма (каким он видится и ощущается изнутри и снизу). Три сюжета, обозначенные ниже: «1,5 миллиметра», «0,2 копейки» и «11 марок и 24 гнезда» — относятся, соответственно, к проблемам состояния технологии, нормирования и оборудования. Однако сюжеты эти не автономны, а взаимопроникают друг друга (как и сами производственные проблемы, разумеется). Апрельские заморочки на координатно-револьверном прессе (сокращенно — ПКР) в цехе № 3 ПО «Ленполиграфмаш» — живое свидетельство своего рода выморочности нашего хозяйственного механизма.

1,5 миллиметра

Технологией предусмотрена пробивка на ПКР отверстий разных размеров в листовых деталях. Отверстия должны быть большего диаметра, чем толщина материала, иначе пуансон сломается. Для меньших отверстий на моем станке предусмотрено кернение (своего рода наколка, разметка). Потом по этим кернам, отдельной производственной операцией, заготовку просверливают. Понятно, что было бы выгоднее сразу пробивать (прокалывать). Но не получается.

Для нас актуальной является проблема 1,5 мм отверстий в стальных листах толщиной 1,5 мм. Это очень распространенный случай. Ибо, скажем, в каждой лицевой панели для фотонаборного комплекса (один из основных видов номенклатуры на моем станке) — до полусотни и больше 1,5 мм отверстий под штырьки, которые навариваются потом для крепежа изнутри всяческой электронной начинки. А эти панели — как раз такой толщины. Поэтому здесь технологией предусматривается сначала кернение, потом сверление.

Пробивка на ПКР отверстий диаметром 1,5 мм не противопоказана для листовых деталей толщиной, скажем, 1 мм. Для этого в свое время были предусмотрены пакеты инструмента (пуансон, матрица) 1,5 мм. Но в нашей номенклатуре это случай редкий...

Еще года четыре назад, когда не столько технологи, сколько рабочие пытались выяснить, что можно выжать из нового станка, я попробовал пробивать 1,5 мм панели имеющимся в инструментальной кладовой 1,5 мм пуансоном. Оказалось — возможно, если тщательно наладить. Все же «фирменные» пуансоны, рассчитанные на меньшую толщину пробивки (к тому же неразумно сконструированные в виде длинных «иголок» с затупленным концом), вскоре оказались переломаны. И тут заработала рабочая техническая мысль. Первое, что пришло в голову — взять пуансон большего диаметра и на самом его кончике, ударной части, отцентровать на круглошлифовальном станке необходимый 1,5 мм диаметр небольшой высоты (ровно столько, сколько надо, чтобы пробить заготовку и чуть войти в матрицу). Короткая «иголочка» скорее уцелеет при ударе, чем длинная, тут — «и к бабке ходить не надо» (как говорит Толик).

Несколько «не ходовых» (имевшихся не в единственном экземпляре) пуансонов диаметром порядка 2,5-4 мм были переделаны в 1,5 мм. И я стал благополучно пробивать ими «толстые» панели. Выгода от этой придумки оказалась чрезвычайной. Ликвидировалась трудоемкая операция — сверление по кернам. Скажем, в панели 60 таких отверстий. Подлезь-ка ты под сверлильный шпиндель с заготовкой размером 600 x 700 мм! Да листов таких в «запуске» (в производственной партии) — сотня или больше!

Рабочая техническая инициатива всегда экономически обусловлена. Дело в том, что операция сверления, будучи снята [отменена. — А. А.] фактически, остается в техпроцессе и в маршрутной карте (наряде). Оплате подлежат — отдельно кернение и отдельно сверление. Заместив то и другое штамповкой на ПКР, рабочий (бригада) затрачивает гораздо меньше времени, а получает те же деньги. Иначе говоря, может сделать и заработать больше за то же время. В сущности, это есть задействованный резерв повышения производительности труда.

Рабочий предпочитает такие новации, которые, по тем или иным существующим технологическим или организационным нормативам (нередко — рутинным и косным!), не могут быть «узаконены». Эти, как принято говорить, «скрытые рации» позволяют рабочим компенсировать материальный проигрыш, который они терпят на производственных операциях, где норма времени заведомо занижена. Как мне уже не раз приходилось отмечать, на одном проигрывают, на другом выигрывают (в зарплате). От рабочей изобретательности зависит, чтобы выигрыш был не меньше, а побольше проигрыша.

Линейная администрация (мастера), конечно, знала об этом «нарушении технологического процесса» (как и о многих других подобного рода). Но не станет же она препятствовать тому, что способствует скорейшему выпуску продукции, не в ущерб качеству! На этой нашей самоделке выигрывали все, кроме, разве что, технологов (так ведь и те получают премию лишь при условии выполнения программы; а когда какое-нибудь нелегальное новшество укоренится, то запрети его — уже и план затрещит!).

После меня (1983 г.) «подпольно», хотя и у всех на глазах, пробивал 1,5 мм отверстия в панелях мой ученик С. З. (Сергея). Пуансончики иногда ломались. Тогда приходилось брать из кладовой другие «не ходовые» — для кустарной переделки. А это — уже в ущерб «инструментальному парку»... Тогда бригадир А. С. принял радикальное решение. Пуансон для моего пресса обычно изготовлен из цельного куска металла, т. е. основание пуансона (которым он крепится в пуансонодержателе) и собственно ударная часть — неразъемны. Если же сделать пуансон сборным, то основание будет служить вечно, а ударную часть (своего рода «боек») можно заменять, по мере ломки или изнашивания. В отличие от основания, боек изготовить нетрудно, это всегда можно с токарем да с заточником договориться. Боек вставляется в основание, которое тоже недолго сварганить из любого поломанного цельнометаллического пуансона, и крепится в нем.

Эта идея потом была заимствована цеховой инструментальной службой, которая и в случае больших диаметров стала изготавливать не цельнометаллические, а сборные пуансоны.

Когда в декабре 1983 г. А. С. приглашал меня в свою бригаду для обслуживания ПКР, на смену ушедшему в другой цех моему бывшему ученику Сергею, он показал мне коробочку с сотней (!) заготовленных впрок самодельных 1,5 мм бойков. Ну, теперь живем! Не жалко лишний раз и сломать...

Но они не ломались! Боечки были изготовлены, не в пример «фирменным» пуансонам, с изящным двухступенчатым уступом, чем обеспечивалась еще большая надежность. Не догадались сразу сделать на них кольцевую выемку, для более прочного крепежа болтиками в основании. Но когда пару раз боек вырвало из держателя, я стал делать эту выемку сам, на абразиве.

На сотню панелей (несколько тысяч ударов!) одного бойка хватало. А если и ломались, то на замену бойка я тратил минуты, выигрывая бригаде, на всей этой затее, часы. Ведь, как уже сказано, трудоемкое сверление было исключено в

реальном производственном процессе (хоть и оставалось в технологических и оплатных документах).

Эти 1,5 мм пуансоны были одним из главных обстоятельств, по которым мой станок был выгоден бригаде. Мы выигрывали на панелях, проигрывая на других деталях. И внутри процесса изготовления самих панелей — выигрывали на штамповке, проигрывая, скажем, на установке и приваривании штырьков в те самые 1,5 мм отверстия (производственная операция, где норматив заведомо занижен). Как рабочих, так и администрацию такое положение вполне устраивало.

Но вот где-то во второй половине 1984 г. наши боекки стали ломаться чаще прежнего. Иногда это зависело от материала (бывает, запустят не ту марку стали, какую положено). Но скорее всего дело было в растущем износе моего станка, для которого еще во втором квартале прошлого года был запланирован профилактический ремонт, да так и не сделан. Фиксация револьверной головки в гнездах, при ее повороте, ухудшилась, подраболтались пуансонодержатели, может еще что...

Впрочем, и сама наша скрытая рация, по мнению А. С., заслуживала модернизации. И следующую партию «нелегальных» бойков мы предполагали сделать уже с некоторыми дополнительными усовершенствованиями.

К концу 1984 г. частая поломка самодельных бойков стала тревожить и меня, и бригадира. С панелями мне, как оператору станка, приходилось уже мучиться. Мучения (частая смена бойка) все же окупались тем, что отверстия в панелях не надо было потом просверливать.

Технологические службы обычно довольно долго «терпят» скрытые рации рабочих (если, разумеется, те не оказываются в ущерб качеству продукции, т. е. не возникает претензий со сборки). Но ведь и технологам надо вносить какой-то вклад в снижение трудоемкости! Для моего станка здесь нормальным путем является постепенный официальный перевод на ПКР тех обозначений деталей, которые раньше полагалось сверлить, фрезеровать и т. п., но которые мы давно уже самочинно штампует (используя при этом самодельные шаблоны).

Под давлением цеховой технологической службы скрытые рации иногда превращаются в явные, т. е. оформляются как совместные рационализаторские предложения рабочего (обычно — бригадира) и технолога. Последний выписывает на кальке ту карту штамповки, которую рабочий давно уже рассчитал в уме (или на клочке бумаги) и воплотил в металле своего кустарного «п/б» (так в обиходе называются приспособления).

С запуском нового координатно-револьверного прессы с программным управлением (1984 г.), некоторые обозначения, которые прежде нелегально штамповались на моем «старичке» (давно ли был «новой техникой»!), стали переводиться туда. Иные же адресовались мне, на ПКР КО-120, но уже с официально оформленной технологией. Так, например, произошло с «бешеной халтурой, красивой деталью»... Но это редкий случай оперативности технологов, отчасти вызванной известным скандалом вокруг выпуска этой детали в конце 1984 г. Часте вынужденная (для рабочих) легализация скрытых раций затягивается на год-два.

Административных попыток «узаконить» нашу инициативу пробивки 1,5 мм отверстий в панелях, мы, признаться, никак не ждали. Ведь существует формальное ограничение на размеры пробиваемых отверстий, при данной толщине материала. Но это оказался тот случай, когда цеховая технологическая служба в лице Людмилы К. сочла возможным рискнуть (полагаясь на то, что у нас «как-то получается!»). А экономический эффект от рационализаторского предложения об исключении сверления панелей, за счет штамповки на ПКР,

потянет на изрядную сумму... Рационализаторское предложение было подано от лица двоих — начальника тех. бюро цеха Людмилы К. и начальника инструментальной группы В. В. Причем так, что даже мой бригадир узнал об этом, уже как о свершившемся факте.

Вообще говоря, это было верхом бестактности со стороны «рационализаторов», тем более, что они использовали идею нашего двухступенчатого пуансона. Но при этом они не подумали о высоте бойка (которую задали значительно больше, чем нужно). К тому же они не знали об участвовавших поломках наших собственных бойков.

Так или иначе, в последних числах марта 1985 г. я получил исправленный техпроцесс, в котором предусматривалась уже не кернение и сверление, а пробивка в стальных листах 1,5 мм толщины отверстий диаметром 1,5 миллиметра. Партия большая — 130 штук. Прощай, наша «халтура»!

Мы с бригадиром в соответствующих откровенных выражениях определили между собой сложившуюся ситуацию. После чего я отправился в инструментальную кладовую за новым пуансоном, согласно записанному в техпроцессе. Для начала, этого пуансона там не оказалось. Ну, коли оснастка еще не готова — делайте «по-старому», т. е. керните, потом сверлите, говорят нам. Понятно, что мы так делать не станем (три года уже не сверлим!).

Налаживаю свой потаенный пуансончик...

Но тут наши бойки стали ломаться уже совсем катастрофически (одного хватало чуть ли не на одну панель!). Я взмок их заменять. Да и запаса из той сотни, что была полтора года назад, уже оставалось всего десятка полтора. Налаживал и так, и этак — ни в какую! За смену и десятка панелей не выпустил. «Прогорел»! Что будем делать, бригадир? А. С. предложил пробивать панели пока без этих 1,5 мм отверстий, а там посмотрим. Конечно, лучше бы все сразу, за одну установку, ведь 1,5-миллиметровые взаимосвязаны со всеми остальными. Но что поделаешь! Не сверлить же, в самом деле...

За пару дней я отштамповал все 130 штук, без этих маленьких отверстий.

Лицевые панели нужны на сборке, уже скоро станет — «аварийно»...

Откладывать дальше некуда, надо 1,5 мм прокалывать. <...> Когда еще через день безуспешных усилий доделать хотя бы одну панель, не сломав бойка на 40-м или 50-м ударе, я окончательно встал в тупик и поставил перед этим тупиком и «Бугра», тот предложил последнюю авантюрную попытку: взять цельнометаллический пуансон большего диаметра и обточить кончик до диаметра 1,5 мм (как когда-то давно, в самом начале делали). А вдруг, у сборных пуансонов крепление бойка подводит... Ну, раньше-то не подводило! Но — попробуем. Порылся я по своим сусекам, нашел «не ходовой» пуансон, который не жалко для этой цели израсходовать. Установив его со всей тщательностью, и только что не перекрестясь, я... благополучно отштамповал около 80 панелей (порядка 5.000 ударов). Это было подарком судьбы! Но вот сломался, наконец, и он. Теперь уже оставалось только кернить, а потом сверлить.

Вот тут-то мне и принесли новые пуансоны образца Л.К. и В.В. (наших административных рационализаторов). Они (ихние пуансоны), кстати, не сборные, а цельнометаллические. Сколько же штук их имеется? Оказывается, два. Мы с Толиком улыбнулись. Посмотрев на их несуразную, с высоты нашего опыта, конструкцию, мы улыбнулись еще раз, и я пошел устанавливать один из них. Он сломался на пятом ударе. Явились «рационализаторы» (Л. К. и В. В.). В чем дело? Почему сломался? Мы с А. С. говорим: наши пуансоны на 3 миллиметра короче, и то ломаются! А чего же другого вы от своей рации ждали? Второй пуансончик пошли укорачивать (по нашей рекомендации). Когда укоротили, я настоял, чтобы кто-нибудь из администрации присутствовал при

наладке. Налаживал сверхтщательно, впрочем, не надеясь на успех. На глазах у «авторов», их второй (и последний) пуансон сломался на десятом-пятнадцатом ударе.

Л. К. была раздосадована настолько, что едва не обвинила нас с А. С. в сознательном противодействии «научно-техническому прогрессу». «У вас-то не ломаются!» — сказала она с обидой. Кажется, я заметил тут, что ее рация подоспела как раз тогда, когда у нас свои бочечки начали ломаться один за другим и осталась лишь парочка — «на развод». Говорят, Люся потом плакала... В самом деле, позор-то какой! Но нам с А. С. жаль ее не было. Да и не мы ее наказали, а она сама себя. Оставшиеся сорок лицевых панелей пришлось-таки кернить, потом сверлить. В общем, хлопот с ними хватило.

Что сразу полетели пуансоны образца Л. К. и В. В. — нам было не удивительно (кстати, изготовление цельнометаллического пуансона дело довольно дорогостоящее!). Но почему же так не везло нашим собственным бойкам? В чем дело? В станке? В инструменте? В наладке?! А может, материал — не тот? Панели загнули, приварили боковые планки, наварили штырьки (для чего, собственно, и нужны 1,5 мм отверстия). И тут вдруг эти штырьки, на которых крепится вся начинка прибора, стали отлетать чуть не от щелчка пальцем! Час от часу не легче! Только тогда догадались отправить образец материала на анализ, в лабораторию. Оказалось... что вместо стали марки 15 были запущены заготовки из стали 40, намного более твердой. И вся партия (слава Богу, не по нашей вине!) — в брак. Мы с А. С. еще раньше предполагали, что материал не тот (Толик вроде «услышал» это по звуку ударов пресса). Но вряд ли кто стал бы нас слушать, если бы мотивировали это предположение поломкой своих нелегальных бойков. Но — «нет худа без добра»! Теперь и у административных «рационализаторов» есть утешение, что их рация сгорела лишь по этой причине... Впрочем, вряд ли они скоро решатся вновь настаивать на своем предложении.

А каков все-таки был тот кустарный пуансончик, который при твердом материале выдержал 5.000 ударов! Это вселяет надежду, что мы еще попробуем 1,5 мм отверстия в панелях на этом станке.

Возможность для такой проверки представится скоро. Дело в том, что из 130 лицевых панелей на сборку пошли только 10 (для чего пришлось аварийно заменять приваренные штырьки на винченные; а без этого заводу было бы не выполнить апрельской программы!). Остальные 120 ушли в окончательный брак. Нашей вины тут нет. Так что наряды бригаде были закрыты безоговорочно. И теперь предстоит 120 таких панелей делать заново. (А поскольку деталь все же выгодная, бригада — от брака не по своей вине — не только не проиграет, а даже парадоксально выиграет!).

Надо будет попробовать наш предпоследний, оставшийся боек. А если и он сломается — использовать самодельный пуансон нового образца, типа того, который выдержал 5.000 ударов на стали 40. Тут-то ведь будет нормальный материал (сталь 15).

Ну, и не пытаться пробивать эти отверстия после поворота револьверной головки. Она ведь сейчас плохо фиксируется в гнездах... А поступать так: спарить, как обычно, пуансон 1,5 мм с матрицей, затем закрепить револьверную головку намертво и пробивать только эти отверстия (используя револьверный пресс как однопозиционный). Наконец, делать всю эту работу вечером, не на глазах у начальства. А то, чего доброго, обвинят в «нарушении технологической дисциплины»... Или, того хуже, заново свое рационализаторское предложение оформят. А. С. спросил, согласен ли я «повечерить». Я согласился — когда

пойдут панели, выходить на работу с обеда. Впрочем, вряд ли это останется не замеченным...

Такова наша первая апрельская заморочка.

0,2 копейки

Стандартный механизм пересмотра технических норм, говоря попросту, таков. Надо регулярно повышать показатель производительности труда. Для этого надо периодически ужесточать нормы времени на производственные операции. Соответственно, снижается расценка (пропорционально связанная с нормой времени тарифом). За ту же работу рабочий получает меньше. Предполагается, что он справится с нею быстрее. А стало быть, в конечном счете заработает столько же (или даже больше).

Пересмотру норм полагается быть обоснованным, т. е. опираться на реальное технологическое или организационное усовершенствование. На худой конец, этот пересмотр должен опираться на хронометраж рабочего времени. Но все это слишком хлопотно, да и вряд ли возможно, поскольку сами нормы все равно никакого отношения к реальному производственному процессу не имеют (особенно — в ситуации выпуска мелкой среднесерийной продукции, как у нас). Выигрывая на одних операциях, рабочие проигрывают на других (известное разделение работ на выгодные и невыгодные; оно, кстати вовсе не устраняется, а только лучше «взаимопогашается» при бригадном методе).

Попыток добиться действительного соответствия между нормативом и фактическими затратами времени на производственную операцию рабочие не предпринимают. Ибо могут при этом вообще остаться без выгодных работ. Лучше мириться с примерным «балансом» невыгодных и выгодных (чем обеспечивается сложившийся уровень зарплаты).

Администрация же, в лице нормировочных служб, также идет по линии наименьшего сопротивления. Ежегодное 10-процентное «урезание» норм совершается более или менее пропорционально по всем производственным операциям (иногда — по отдельным классам операций, иногда — по отдельным видам продукции). Рабочие к этому привыкли, приспособились. И компенсируют не дифференцированное ужесточение норм изысканием «нелегальных» резервов экономии рабочего времени, там, где это возможно (наглядный пример — сюжет с «1,5 мм»; см. выше).

<...> Однако иногда этот рутинный порядок нарушается. Это происходит, когда вдруг изысканный рабочим резерв оказывается слишком большим, и тогда рабочему «нечем заплатить» (за высокопроизводительный труд). Или, наоборот, когда произошло слишком резкое ужесточение норм на достаточно массовую категорию операций, и тогда рабочему «не выкрутиться» (чтобы сохранить свою зарплату).

Особенно часто такие сбои происходят на новом оборудовании, но не на начальной стадии его освоения, а тогда, когда оно уже загружено и идет поиск «нормативного оптимума» (не слишком выгодного, но и не слишком невыгодного для рабочего).

В этом плане очень характерен мой ПКР. Пока я работал на нем как наладчик-повременщик (до середины 1982 г.), мой интерес к проблеме нормирования был, вообще говоря, абстрактным. Сколько ни сделаю — заплатят по тарифу повременщика. А добиваться перевода на сдельщину — загрузки не хватит. Однако партизанский перевод на ПКР ряда деталей, ранее обрабатывавшихся более трудоемким способом, предпринятый мною при поддержке бригадиров И. В. и А. С. и без участия технологов, начиная еще с 1981 г. продемонстрировал потенциальную выгоду этого станка для бригады сдельщиков. Поэтому А. С.

довольно охотно согласился на прикрепление координатно-револьверного пресса к своей бригаде. И ни в период работы на нем моего бывшего ученика Сереги (с августа 1982 по декабрь 1983 г.), ни позднее, когда к станку — уже в качестве сдельщика — снова встал я, думаю, не имел оснований жалеть об этом. В 1984 г. я работал с дневным личным заданием 8,5 руб. (плюс 30% прогрессивки).

С 1985 г. мне установили — 9 руб. Как и любой рабочий на любой другой работе, я на невыгодных работах проигрывал, а на выгодных — выигрывал. А есть еще — и «сверхвыгодные» (вроде «бешеной халтуры, красивой детали», о которой уже приходилось подробно рассказывать). Так что все это время я, в экономическом смысле, вполне себя в бригаде оправдывал.

(Строгий подсчет, на какую же все-таки сумму закрыто нарядов моей персональной работой, здесь, вообще говоря, является бессмысленным. Ибо я мог выполнить этот объем только в условиях бригадного метода. Будь я индивидуальным сдельщиком, мои возможности «партизанщины» были бы существенно ограничены. Отсюда, установленная мне доля в общебригадном заработке соответствует вовсе не формальной стоимости выполненной мною работы, а общественно оцениваемой степени моей нужности бригаде — для того, чтобы «общебригадный котел» не скудел).

Но вернусь к нормированию на ПКР. Еще в период своей работы повременщиком я попытался выявить закономерность формирования норм на этом станке.

Рабочее время, как известно, делится на «подготовительное» (наладка) и «основное» (собственно выполнение операции). Особенностью ПКР является довольно трудоемкая наладка. Фактические затраты времени на нее существенно различаются, в зависимости от количества штампов, которые надо использовать для выпуска данной детали, и типов этих штампов (те, что загружаются в крупные, в отличие от маленьких, гнезда револьверной головки, отнимают при наладке заметно больше времени). Однако норматив подготовительного времени для выпуска любой детали — один и тот же. А именно — 40 мин. (хоть один штамп установить, хоть десяток!).

Фактические затраты времени на «собственно штамповку» зависят от количества штампов, которые задействованы для изготовления данной детали, от количества ударов, которые надо произвести этими штампами, от размеров заготовки, а также от ряда других обстоятельств (перечислять которые здесь не буду).

Понятно, что нормативы на разные виды деталей — различны. Иногда различия довольно произвольны, но мне удалось установить прямую связь норматива только с одной из технологических характеристик. А именно — с количеством ударов! Остальное, оказывается, просто не берется в расчет. Будь то 100 ударов одним и тем же штампом или по 10 ударов десятью различными штампами, размещенными в разных гнездах револьверной головки (для чего надо еще эту головку 10 раз повернуть!); будь то заготовка 200 x 200 мм или 1.000 x 600 (в последнем случае существенно увеличиваются затраты времени на ее перемещение, чтобы подставить под удар) — норматив один и тот же.

Грубо (а тонкости тут и ни к чему!) можно сказать, что все нормативы на ПКР исходят из расчета 15 сек. на один удар. Что соответствует, по тарифу 4-го разряда (применяемого для ПКР), условной расценке 0,25 коп. (за один удар). Если в заготовке надо пробить 10 отверстий, то на это дается 2,5 мин. А если, скажем, 50, то — 12,5 мин. (Я условно отвлекаюсь от времени на закрепление и снятие заготовки со станка и проч.).

Еще раз повторю, что этот исходный норматив ни в каких известных мне справочниках не записан. Я его вычислил (извлек из всего разнообразия норм штамповки на проходящую через ПКР номенклатуру) как фактически действующую основу нормирования работ на моем станке. Уж не знаю, числятся ли нормы для ПКР по разряду так называемых «технически обоснованных» (почти наверняка — да!). Но противоречие используемых на моем станке критериев нормирования здравому смыслу — является несомненным. С этим противоречием жили и живем до сих пор.

Практически наладка занимает гораздо больше времени, чем предусмотрено нормативом. Когда, в конце 1982 г., станок прикрепили к бригаде А. С. и на нем стал постоянно работать мой бывший ученик Серега, они с бригадиром настояли на специальном хронометраже подготовительного времени. И норматив на него был, со скрипом, повышен до 70 мин. Но унифицированность норматива (хоть один штамп установить, хоть десять — все равно 70 мин., а в деньгах — 75 коп.) осталась. Что касается нормативов на собственно штамповку, то, кажется, тогда же они были ужесточены, из примерного расчета не 15, а 12 секунд на один удар. Что соответствует условной расценке 0,2 коп. за удар (5 ударов = 1 мин. = 1 коп.). С тех пор пересмотр норм не выходил за рамки «нормального» (процентов на 10 каждый год).

Конечно, при определенных условиях (при благоприятном стечении обстоятельств) я могу не 5, а все 10 и даже больше ударов за минуту сделать. На наладке проиграю — на штамповке выиграю, так обычно и бывает. А бывает, что и на штамповке проиграю, если заготовка больших габаритов, много штампов задействовано и т. д.

Здесь не о том даже речь, что норма завышена или занижена, а о том, что она не выполняет реальной «нормативной» функции. Ну, а когда сама техническая норма не имеет отношения к производственному процессу, то не стоит ожидать, что ее изменение будет соответствовать реальным изменениям производительности труда.

«Первый звонок» прозвенел еще где-то в начале 1984 г. Есть одна такая очень выгодная деталь, где на малой площади 200 x 200 мм надо пробить 100 одинаковых и, понятно, близко друг к другу расположенных пазиков (вентиляционная решетка). Но при этом она штампуются «с переворотом». А это значит — закрепить на станке, пробить 50 пазов, потом вынуть, закрепить в другом положении, и еще 50. Поскольку координаты тех и других пазов одинаковы, а меняется только база, то в карте штамповки обозначены 50 позиций, а потом написано: «повторить переходы, перевернув заготовку на 180 градусов по оси Y»).

Всего-то получается 100 ударов, стало быть — порядка 10 мин. и, соответственно, 10 коп. за деталь. А тут нормировщик, похоже, не обратил внимания на приписку в техпроцессе и счел, что только 50 ударов. И норму установил, из этого ошибочного расчета, 5 минут (раньше-то было — 10!). Мы посоветовались с бригадиром и решили «не возникать». Деталь, в отличие от многих других, такая удобная для штамповки (удары пресса под моей рукой стучат как автоматная очередь), что если начать хронометрировать, то и впрямь увидят, что норму на нее можно круто пересмотреть. И тогда может создаться впечатление, что на ПКР большие резервы для ужесточения норм (чего на самом деле вовсе нет!).

Пусть эта случайная (будем надеяться!) ошибка нормировщика остается. Хоть партия и большая (несколько сот штук) и потеряем мы на ней пару червонцев, но — «себе дороже» обойдется добиваться справедливости. Так норма на это

обозначение и осталась резко отличающейся от всех остальных. Я согласился с Толиком, но заметил, что прецедент — «опасный».

Каждый раз, когда рабочий обращает внимание на резкое изменение нормы, низовая администрация ссылается на то, что от нее это не зависит. А администрация повыше (скажем, начальник цеха, если дело до него дошло) указывает, что «вы только на заниженные нормы обращаете внимание, а о завышенных помалкиваете!». (Ну, в общем-то так и есть).

И вот, заглянув нынче в маршрутную карту на те самые лицевые панели, на которых разыгралась «заморочка» с отверстиями 1,5 мм, наш «Бугор» обнаружил, что штамповка на ПКР одной детали вместо 35 коп. стала оплачиваться... 21 коп.! Тут было от чего забить тревогу. Для штамповки этой панели, одной из самых крупногабаритных и одновременно сложных деталей, проходящих через мой станок, нужно установить 12 штампов. Сложная конфигурация штамповки, большое окно, вырубаемое комбинацией ударов по его периметру — всего без малого 180 ударов... Чему и соответствуют норматив на штамповку одной детали (свыше 30 мин.) и расценка (35 коп.; напоминая, 0,2 коп. = 1 удар).

Из каких же соображений норма именно на эти панели срезана почти вдвое? Уж не в качестве ли «компенсации» за тот выигрыш, что мы имеем на них, замещая штамповкой трудоемкое сверление 1,5 мм отверстий?! [См. выше. — А. А.].

Так или иначе, удар по бригадному бюджету очень чувствительный.

Такие нарушения рутинного порядка, состоящего в более или менее пропорциональном ужесточении всех норм (или определенных категорий норм), обычно приводят к производственным конфликтам. Что-то вроде конфликта возникло и здесь...

В самом деле. Никаких технических нововведений на ПКР, которые оправдывали бы такой пересмотр нормы, не было. Напротив, в силу ухудшившегося состояния станка, затраты времени на штамповку и наладку увеличились, а вовсе не сократились. Даже хронометража за последние два года не было... Так где же справедливость?!

Но «высшей справедливостью» признается общая плановая тенденция повышения показателя производительности труда, а стало быть — и пересмотра норм. А отдельные, частные ошибки, конечно, можно поправить «потом», когда-нибудь... А пока — работайте! Концов тут не найти, понимает и А. С. (на которого легла тяжесть всех переговоров с начальством). Понимаю это и я (которому пришлось бы самому конфликтовать, будь я не в бригаде, а индивидуальным сдельщиком). В процессе разбирательства выясняется, что нынче расценку срезали до 21 коп. вовсе не с 35, а с 24 коп. (так сказать «нормальное». Выходит, в полтора раза резанули еще в прошлом году, а бригадир не обратил внимания. Конечно, это его «прокол»... Но теперь предмет спора отодвигается уже куда-то в далекое прошлое, а это — вообще непоправимо.

Станок в последнее время стал чаще барахлить (разумеется, состояние оборудования нормированием в расчет не берется, да и не должно браться, пожалуй). Наши «халтуры» (партизанщину) прямо из-под рук выхватывает и оформляет как «свои» рационализаторские предложения технологическая служба [см. выше. — А. А.]. Эдак не только отдельные работы, а работа на ПКР в целом станет невыгодной для бригады! «И то, скажите спасибо, что человек на этом станке работает, — говорит А. С. начальнику цеха. — А если уйдет, что делать будете?!».

(В самом деле, те недели, когда, в мое отсутствие, ПКР приходилось налаживать самому бригадиру, он, по его выражению, «прогорал». Я удобен для бригады как специалист по этому оборудованию, приносящий пока скорее «приварок» в

бригадный котел, чем черпающий из него лишнее. Но эдак от приварка скоро ничего не останется...). Так или иначе, все наши протесты ушли в песок. Но если так необоснованно урезана норма штамповки на лицевую панель, то что мешает сделать то же самое и для остальных весомых обозначений номенклатуры, проходящей через ПКР? А если даже и не для «весомых»? Тут важен прецедент нарушения прежнего, хотя и ложного, но устоявшегося принципа, согласно которому нормы, пусть неадекватные, ежегодно пропорционально урезаются на 10 процентов, и не более. Эту мою логику А. С. поначалу не вполне приемлет. Когда с 35 коп. режут до 24 или 21 коп. и в итоге (на 130 панелях) мы теряем 20 руб. — это «зарез»! А когда с 2 коп. до 1 коп., и в итоге (на 180 деталях другого обозначения) теряем «все» 2 руб., — это вроде и не так страшно... Но потом бригадир соглашается со мной.

(Да откуда-то еще взялась норма на наладку — 40 мин., вместо 70; выходит, и это наше «социальное завоевание» под угрозой!)

Бригадир снова выясняет отношения с начальником цеха. Но все опять уходит в песок.

Пока я в бригаде и хорошо делаю свою работу, так что нет оснований снижать мне личное задание, у бригадира голова об этом должна болеть больше, чем у меня. Ему выкручиваться, чтобы свести концы с концами и выполнить бригадный план в рублях. Но повторяю, если бы я был индивидуальным сдельщиком, мне впору было бы либо скандалить вразнос, либо тихо увольняться.

А. С. собирается еще побороться, что-то вспоминает и про «прессу», и про партийное собрание (где бы поднять этот вопрос). Но и без надежд.

Договариваемся с Толиком, чтобы впредь маршрутные карты проходили также и через меня. Ведь я скорее угляжу необоснованные изменения нормативов на своем станке. Прошу мастера Гошу С. дать мне список всех обозначений деталей, обрабатываемых на ПКР. С этим списком в руках можно запросить сведения о нормативах сразу по целой группе обозначений и сопоставить с имеющимися у меня записями о количестве ударов для каждого.

Правда, администрацию такой запрос явно раздражит... Но все же это лучше, чем возникать по каждому конкретному случаю, да когда уже и деталь на станке. Мастер Гоша, относящийся к нашей с А. С. заботе сочувственно, но и вынужденный соблюдать нейтралитет в беседах с вышестоящим начальством, частично мою просьбу уже выполнил. Вообще, этот «сюжет» на моем станке, как видно, находится еще только в начальной стадии... Такова наша вторая апрельская заморочка.

11 марок и 24 гнезда

Если рабочему нужна какая-то оснастка, обозначенная в техпроцессе, он идет в инструментальную кладовую и берет соответствующее приспособление, оставляя взамен металлический жетон (вроде гардеробного номерка), на котором вытиснен его рабочий номер. Этот жетон называется маркой. Оснастку берут — «на марку». Это своего рода «валюта» в обращении (между рабочим и инструментальной кладовой).

Пока я был обычным слесарем-сдельщиком, мне хватало пяти марок. С возвращением на ПКР в конце 1983 г., мне было выдано еще шесть, итого — 11. Дело в том, что некоторые из деталей, обрабатываемых на ПКР, требуют одновременно до 12 штампов (пакетов пробивного инструмента). А каждый штамп можно получить только за отдельную марку. Но надо сказать, что до самого последнего времени я пользовался этими марками не так уж часто... Вообще, у всякого слесаря есть свой запас сверл, метчиков, разверток и прочего универсального инструмента в верстаке. Нет подходящего у тебя — можно взять

у товарища. В кладовую обращаются в основном за кондукторами и т. п. необходимыми специально для выпуска данной детали приспособлениями. В конечном счете, главный источник приобретения того или иного инструмента в полное личное распоряжение — та же кладовая. А за десяток лет чего только можно у себя не накопить!

В первое время своей работы на ПКР Серега (1982 г.), пользовавшийся по инерции (после меня) доверием кладовщицы, сумел скопить свой подручный фонд, за который ни перед кем не надо отчитываться. В итоге, полки инструментальной кладовой несколько оскудели, зато в верстаке у Сереги всегда лежали расхожие (а иногда и не очень расхожие!) пакеты оснастки для ПКР. А иные, самые употребительные, — так даже из станка месяцами можно не вынимать.

Кое-что из этого запаса было переломано Серегой или его подручным (а еще раньше — и мною). Но, как правило, из 5-6 штампов, необходимых для какой-нибудь детали, в кладовой приходилось спрашивать от силы один-два. Этот потаенный склад оснастки достался мне от Сереги в наследство, когда я вновь приступил к работе на ПКР в декабре 1983 г. С таким «загашником» очень было удобно...

Зарубившийся или затупившийся пробивной инструмент надо периодически шлифовать. У меня давно сложились дружеские отношения с Володей З., который работает в инструментальной группе заточником, но владеет и плоской шлифовкой. И тот при необходимости, без задержки, шлифовал для меня матрицы и пуансоны (без всяких согласований со своим начальством). [В. З. — повременщик. — А. А.]. Так что ни у кого больше об этом голова не болела. Кладовщица Фаина шуровать по своим полкам меня теперь уже, конечно, не пускала (Серега в свое время подорвал кредит доверия). Так что пополнять потайной фонд я уже не мог. Зато пользовался тем, что в нем было. Я не спрашивал в кладовой того, чего там нет (а есть у меня!), или даже у меня нет (но нет и там; значит, надо искать выход из положения, без шума). Поэтому наш «склад» (о котором кладовщица, может, и подозревала) не вызывал нареканий, а, напротив, всех устраивал. Наиболее ходовые штампы (диаметры 3,6; 4,2; 6; 8; 10 мм) вынимались мною из станка только для того, чтобы их подточить. <...> Что существенно ускоряло наладку.

<...> Были у такой практики и свои издержки. Еще Серегой был заведен «порядок» (и я, каюсь, не стал от него отказываться) — не обращать внимания на то, для какой толщины материала предназначен инструмент. Один и тот же диаметр, скажем, 2,5 мм, должен иметь разный зазор вхождения пуансона в матрицу, в случае пробивки миллиметрового либо двухмиллиметрового листа, т. е. это — разные штампы! Разница не настолько велика, чтобы нельзя было брать любой или использовать тот, который уже загружен в станок. При пробивке «не своим» штампом будет «градок» побольше... Но это не беда: все равно шабрить! Да порой и не было выбора. Если вырубной пакет для толщины материала 1 мм сломан, то поневоле возьмешь похожий (скажем, для толщины 2 мм).

Так или иначе, в течение всего 1984 г. ни у мастера, ни у бригадира, ни у технолога, ни у кладовщицы не возникало проблем с ПКР. Наладчик-штамповщик (т. е. я) всегда находил выход из положения, если чего не хватало. И дело не стояло. Кое-что было «не по правилам», но дело шло. И, по общему мнению, весьма успешно. Пока вдруг в апреле 1985 г. не началась «заморочка» с поломкой инструмента, в которой надо было искать виноватых. Не могу сказать, что я такой уж аккуратист в работе на станке, но во всяком случае подкачать солидола в систему смазки не забуду... Не спарив пуансона с

матрицей, я им не ударю... Если нужно заточить инструмент, схожу к Володе... «Аккуратистом» до фанатизма я был в период освоения ПКР в 1980-1981 гг.; координатную систему, с ее «генеральной линейкой», я, перед тем, как сдать станок Сереге, так отладил, что с тех пор ни разу регулировка не понадобилась! Но тут вдруг большие пуансоны начали зарубаться так, словно не спарены с матрицей. А маленькие пуансоны — так и просто пошли ломаться (о диаметре 1,5 мм я уже говорил; но и другие тоже). Пока я мог хоть в какой-то степени упрекнуть в этих мелких авариях себя самого, я это терпел. Но в апреле ситуация вышла из-под моего контроля. И из потаенного фонда несколько ходовых штампов выведены из строя... И в кладовую, чтобы выручить свою марку, приходилось «для отчета» носить обломки пуансона.

Еще в начале этого года (если не раньше) я обратил внимание, что не все в порядке с механической частью станка. В частности, с фиксацией револьверной головки, и особенно ее нижнего диска. В револьверной головке — два диска, верхний и нижний, и в каждом — по 24 гнезда (под номерами). В каждую пару гнезд загружается свой комплект пробивного инструмента (в верхнем диске — пуансон, в нижнем — матрица). Понятно, что если диски револьверной головки плохо фиксируются в каком-либо из 24-х заданных положений, то пуансон при ударе попадает не точно в отверстие матрицы, а может угодить по краю этого отверстия. А фиксация дисков зависит от двух металлических пальцев и 48 втулок, куда им (пальцам) положено заскакивать.

Пальцы истираются (но это не беда, можно их заменить!). Хуже то, что и втулки изнашиваются. Да к тому же — неравномерно: одним пришлось «потрудиться» больше, другим меньше. И вот возникает в этих фиксированных положениях люфт, да такой, что и наощупь, и на глаз видно.

Начиная с конца прошлого года приходилось время от времени вызывать цеховых ремонтников, которые заменяли то палец, то лопнувшую пружину (заталкивающую этот палец во втулки диска), а иногда... растачивали какую-нибудь из втулок (чтобы новый палец в нее влезал). Отчего, понятно, люфт в конечном счете не уменьшится, а скорее увеличится... Все эти лоскутные меры к добру не вели. В итоге сложилась ситуация, при которой в любую минуту можно ждать аварии.

(Эти неприятности можно устранить радикально, и известно — как, но станку уже два года как откладывают плановый ремонт.)

Еще с лицевыми панелями (о которых шла речь выше) я отработал без чрезвычайных происшествий. А когда стал прорубать более толстые, двухмиллиметровые стальные листы, то один за другим «зарубил» два больших штампа (да не чуть-чуть, а так, что должно было бы полететь предохранительное кольцо ударного устройства станка, когда бы наши ремонтники его три года назад не заменили таким «жучком», что прочнее самого по себе ударного устройства).

В общем состояние оборудования — заведомо «аварийное», опасное, нетерпимое. Я немедленно вызвал старшего мастера Н. Я., начальника инструментальной группы В. В., старшего механика Н. Ш. и предоставил им выяснять отношения между собой [Н. Ярош, В. Васильев, Н. Шахматов. — А. А.].

Старший мастер, увидев люфты револьверной головки, сказал, что дальше работать нельзя. Механик — что в паре гнезд ремонтники люфты уменьшат, а вообще работать можно (ему лишь бы все втулки не перебирать!). А нач. инструментальной группы, поколебавшись, на чей счет списать поломку инструмента, заявил, что пуансон зарубается потому, что плохо (мною!) спарен с матрицей, и вообще — якобы не отшлифован как положено.

Такие «консилиумы» у ПКР, по моему настоянию, собирались в течение апреля несколько раз.

Мой бригадир А. С. заметил, что, кстати, и пуансонодержатели в своих гнездах уже люфтят (это посерьезнее втулок!). Зам. нач. цеха Ю. М. [Ю. Малков. — А. А.], самолично занимавшийся освоением ПКР с программным управлением и лучше других разбирающийся в станках этого типа, заявил, что нужен срочный ремонт, и не профилактический, а капитальный! Но останавливать мой ПКР сейчас нельзя — цеховая программа затрещит!

Когда дело дошло до начальника цеха А. К. (он назначен в конце прошлого года, на смену А. Д.), тот безапелляционно заявил, что спаривать пуансоны с матрицами надо — через марлю, и тогда все будет в порядке. А. С. заметил: чепуха все это, ищут, как на рабочего свалить. Спаривать «через марлю» (чтобы пуансон фиксировался точно по центру матричного отверстия) — оно, конечно, неплохо... Но ведь не тогда же, когда сам диск револьверной головки вместе с матрицами гуляет, разболтанный.

С тех пор нач. цеха зачастил к моему станку, беспокоясь и за программу, и за оснастку. Он добивался от меня, как человека, «лучше всех знающего станок», чтобы я подсказал, что делать. Но раздражался от напоминаний о давно просроченном ремонте. В конце концов, на очередной его вопрос о причинах неполадок, я назвал уже не техническую, а организационную: что-де «много у нас в цехе бездельников», в том числе «отчасти, уж извините, и Вы сами!» Нач. цеха принял это замечание близко к сердцу. Перестал, было, «советоваться», но потом возобновил.

Был момент, когда зам. нач. цеха Ю. М. легкомысленно предложил мне самому перебраться станок (он-де ремонтникам не доверяет). Я ответил, что тоже доверяя к ним не питаю, но для того, чтобы я этим занялся, нужно меня, как минимум на неделю, приказом перевести в ремонтники (и то — с моего согласия). Ю. М. тут же увял.

(А ремонтникам сейчас и без ПКР хватает работы. Вместо профилактического ремонта оборудования, они готовят очередную перепланировку участка: все токарные станки переносят на новое место, чтобы освободить пространство для «аквариума» — конторы участка посреди пролета, со стеклянными стенами. Борьба за цеховой дизайн!)

<...> В общем, к концу апреля административные страсти вокруг ПКР разгорелись почти как в августе 1982 г., в период моей «забастовки» и «штрейкбрехерства» Сереги. С той лишь разницей, что, будучи теперь сдельщиком, я: служебных записок больше не пишу; от работы на не вполне исправном оборудовании не отказываюсь; и даже — демонстративно — спариваю пуансоны с матрицами «через марлю» (это в разболтанных-то дисках!).

Общий рисунок ситуации таков: выкручивайтесь как хотите, пренебрегая любыми правилами эксплуатации оборудования; но если какое-нибудь ЧП, то за нарушение этих правил спросят с вас же... Пока можно рассчитывать на отсутствие ЧП, такая логика для рабочего приемлема. Но тут уж и мой бригадир сказал: «Хватит, довыкручивались!».

Я предложил бригадиру А. С. следующие меры:

1) Вернуть в кладовую наш потаенный фонд инструмента. Он здорово выручал нас раньше, но теперь становится обузой. Раньше вся шлифовка пуансонов и матриц держалась на моих дружеских отношениях с Володей З. Но теперь, когда требуют, чтобы я чуть не через каждые сто ударов носил их шлифовать, это уже не проходит. Не говоря уж о том, что некоторые матрицы после периодической

шлифовки настолько «понижились», а пуансоны — «укоротились», что мне их и с подкладками в станке не выставить.

Да и пользоваться вырубными пакетами, рассчитанными на одну толщину материала, для другой толщины, как мы делали до сих пор, становится все более рискованно. Того гляди, и в этом нас обвинят, лишь бы не возиться с люфтами револьверной головки.

Скрепя сердце, Толик согласился расстаться с нашим «загашником».

2) Станок, конечно, надо ремонтировать. Похоже, начальство это все же осознало. Но без присмотра — ремонтники его совсем угробят. Как бы сделать так, чтобы меня к этому ремонту подключить, не в ущерб бригаде? «А освоение смежной специальности?» — заметил бригадир. — «Правильно, — сказал я. — Сереге был в свое время присвоен разряд штамповщика. А у меня, между прочим, этого разряда нет!». — «Вот и перевести тебя на 3 месяца в стажеры, с оплатой по среднему, я давно об этом думал», — сказал бригадир. — «Пожалуйста!».

(«Вот только кого же мне в учителя назначат, небось — тебя...» — усмехнулся я; а ведь и у него квалификации штамповщика нет!)

3) А пока суть да дело, раз пошла такая карусель, будем работать по правилам! Больше уже ничего не остается.

Пробивной инструмент — только согласно техпроцессу! Нет нужного в кладовой — ищите выход сами! Хотите, чтобы я взял тот, какой не положено по технологии — пишите на маршрутной карте «разрешение». Ни одного не отшлифованного пуансона из кладовой в работу не брать. Это вам ведь не сверло подточить... Есть на то инструментальная группа. Затупился пуансон — возвращаю в кладовую, хоть посреди партии. Давайте, поворачивайтесь, коли надо «аварийно»! Перспектива не из лучших. Работа «по правилам» чревата... Ею, кстати, можно вообще застопорить производство. Но иного выхода сейчас нет, согласился мой бригадир...

Ремарка: работа «по правилам» как форма забастовки.

Вообще говоря, работа «по правилам» — это одна из оригинальных, специфически «советских» форм рабочей забастовки. Ее целью обычно является — заставить администрацию, привыкшую переваливать ответственность за брак, поломки оборудования, невыполнение программы на рабочих, самой «пошевелиться», считаясь с конкретными требованиями исполнителей (будь то проведение необходимых оргтехмероприятий, улучшение условий труда, увеличение зарплаты и т. д.). <...>. (Май 2003).

...Так началась «новая жизнь». В инструментальной кладовой меня благодарили за пополнение их полок. Я благородно (хоть и в сердцах!) поставил шифр 03 («небрежность рабочего») на браковочной ведомости одного из поломанных, кажется, еще Серегой, пуансонов (пускай сделают начет, зато уж больше без акта ни одного сломанного со станка не сниму!).

Выручив из кладовой свои 11 марок, я затребовал по-новой то, что нужно для штамповки очередной детали. Чего не оказалось — заменил некондиционным, но — по указанию технолога. Взял пуансон размером 1,9 мм (согласно техпроцессу) и, спарив его через марлю, обнаружил на пятой детали, что он затупился. Отдал мастеру — давайте шлифуйте (раньше такой диаметр и сам шлифанул бы на точильном камне, но — не положено!).

Володе З., к которому мой пуансон попал теперь уже по официальным каналам, не повезло. «Иголочка» — тонкая, и сломалась у него под абразивом. Принесли замену («дубликат»), правда, уже не цельнометаллический, а сборный. (На эти

40 минут, чтобы не сидеть без дела, я подключился к слесарной работе в бригаде...).

Еще через пять деталей новый пуансон (спаренный опять же через марлю!) чуть зарубился. Мастер взвыл: может, сами отнесете на шлифовку? Да не мое это дело... Отдал пуансон в кладовую, спросил там: «Нет ли у вас запасного, пока этот подправляют? А то деталь — аварийная!». Увы, запасного нет. Ну, тогда обеспечьте шлифовку. Согласно «правилам», из кладовой переправили тому же Володе. Через полчаса он принес мне отшлифованный пуансон.

Еще пара сотен ударов, и снова надо шлифовать! Я чуть было не плюнул, сколько же можно простаивать... Но, к счастью, выдержал характер и снова отдал в инструментальную группу. «К счастью», потому что благополучно спаренный с матрицей, хорошо отшлифованный пуансон сломался на пятидесятом, примерно, ударе.

Я не стал вытаскивать обломок из заготовки, чтобы видно было: пуансон не успел зарубиться! Предупредив мастера, взял у А. С. слесарную работу, все ожидая, что у ПКР соберется «консилиум». Но что-то не спешат (стыдно им, что ли?). Производство застопорилось. Завтра, 4 мая — очередной субботник (в честь Победы). По-видимому, мой пресс на нем не вздрогнет. Разве что, предложат налаживать какое-нибудь другое срочное обозначение, т. е. «разрывать партию». Так иногда бывает в периоды штурмов. Затыкают маленькую дырку в производственной программе, но влезают в еще большую, стабильную дыру. Вот такова наша третья апрельская заморочка.

* * *

...И все-таки мы с «Бугром» (бригадиром) с надеждой смотрим в будущее. «Не бери в голову!» — говорит он мне. Да я и не беру: «Прорвемся!»

(Записано 2-3.05.1985)

(30)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-strasti-chelovecheskie-i-proizvodstvennye-prodolzhenie-2>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
СТРАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ.
ПРОДОЛЖЕНИЕ 2**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 27.10.2016

«В отличие от первых трех лет эксперимента социолога-рабочего, здесь представлены «заводские будни», где положение социолога-испытателя никак не отличается от положения его товарищей по труду. И сам субъект «наблюдения и участия» фактически отождествляет себя с ними, в своем жизнеощущении. Его «социологическое поведение» сводится едва ли не только к этим записям (ведению «производственного дневника»); в остальном же он — «рабочий как все»». (Из «Драматической социологии...»).

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

<...>

5. О дневных личных заданиях

Из «Производственных дневников» (сентябрь 1985)

<...> Система индивидуальных производственных заданий — особенность бригадной формы организации труда на «Ленполиграфмаше». Размер задания (как правило, неизменный в течение года) — это рублевый эквивалент коэффициента трудового участия, или доли работника в общебригадном заработке. У нашей бригады месячное задание на всех — порядка 2.100 руб. То есть — за день мы все вместе вырабатываем рублей на 100, что должно соответствовать сумме наших дневных личных заданий.

При этом внутри бригады индивидуальную выработку уже никто не учитывает. Важно выполнить бригадный план (задание). И тогда каждый получит зарплату на уровне своего месячного личного задания (дневное, помноженное на количество рабочих дней) плюс премия — 30% от заработанного (если не было прогула и т. п.).

Размер задания каждому поначалу было принято обсуждать в бригаде, в начале года, перед тем, как это утвердит начальник цеха. В нынешнем году — бригаде обсуждать не дали, а просто было доведено до сведения, кому что назначено администрацией.

«Задание» — своего рода обобщенная характеристика квалификации, опыта, стажа, личного мастерства, престижа рабочего. Это то, что он должен был бы и мог бы заработать в порядке индивидуальной сдельщины. Что, впрочем, было бы гораздо труднее, не будь он в бригаде, где «внут-рибригадный маневр», «партизанщина», обобществленная самодеятельная технология открывают значительные резервы роста именно коллективной (а не индивидуальной!) производительности труда.

В общем, дневное производственное задание — это тот гарантированный уровень заработка, за который рабочий «подряжается» работать в бригаде (при том, что последнее слово остается за администрацией).

Распределение дневных личных заданий в нашей комплексной (по преимуществу — слесарной) бригаде на сегодня — следующее:

— Анатолий Сыцевич (бригадир) — 11,7 руб.; Василий Николаев — 11,0; Евгений Рыжов — 11,0; Сергей Русинов — 11,0; Алексеев — 9,0; Михаил Гуцин — 9,0; Виктор Носов — 8,3; Сергей Изотов — 7,5; Николай Реутов — 7,5; Татьяна К-ва (гравер) — 6,8.

Так называемый «встречный план», как правило, выше дневного личного задания на 0,2 руб. Его «назначает» ЭВМ (рабочего, разумеется, не спрашивая). В комплексной бригаде И. В-ва [И. В. Виноградов. — А. А.], такого же профиля, работающей рядом, уровень дневных производственных заданий несколько выше, чем в нашей: от 12,9 до 8 руб. (если не считать новичков). Отчасти это — дань опыту и престижу бригадира, работающего на заводе свыше 30 лет. <...>

(Записано в сентябре 1985 г.)

6. Собрались вокруг стакана...

Из «Производственных дневников» (март 1986)

<...> В нашей бригаде 003 есть обыкновение отмечать последний день работы очередного отпускника. Выдерживается этот обычай не строго; инициатива обычно исходит от самого отпускника. Бывали и перерывы в традиции (сейчас не соображу, связанные или нет с мерами по борьбе с алкоголизмом).

Перед новым (1986-м) годом меня пригласили — в отпуск уходили сразу двое — Сергей И. и Сергей Р. Я тогда уклонился.

А 31 января был последний день моей работы перед отпуском. Помню, у меня по мелочи назанимали под этот день Миша Г. и Вася Н., в общей сложности рублей 12. Утром я предложил их истратить на мои «провода», пообещав добавить еще до 2-х бутылок.

Дело осложнилось сложными перерасчетами: долг Васи почему-то должен был отдать Миша, которому сам Вася был должен. Но Миша успел хлебнуть с утра, в итоге был удален с работы (вместе с не возвращенным мне долгом), в итоге коллективное мероприятие оказалось под вопросом.

Выход нашел тот же Вася (как-никак должный мне), заняв десятку у Люси К. Я добавил. Как обычно, собрались у гаражей (Вася, Сергей, другой Сергей, Витя, Толик и я). Как раз хватило 2-х бутылок водки, за которыми успел сбегать наш «Меркурий» — Витя.

Собрались вокруг стакана в начале пятого, а без четверти пять уже разошлись, как это обычно и бывает.

У этих гаражей приходилось раньше встречаться и в составе другой бригады.

Вообще, там обычно собираются «по поводу», трудовым коллективом, а не просто так (для этой последней цели ходят в другое место, «на бочку»)²⁵

...По возвращении из отпуска узнаю о ЧП в нашей бригаде, приключившемся 28 февраля, в мое отсутствие, когда ставил такие же две бутылки, на ту же компанию, уходивший в отпуск Витя Н. Место и время мероприятия были те же, что и месяц назад. Четверых (Витю, Сергея Р., Васю Н. и Мишу Г.) забрал у гаражей милицейский капитан с двумя бри-гадмильцами без повязок (дружинники обычно выходят позже).

Должны были к этим четверым подойти еще двое («Бугор» Толя и Сергей И.), да чуть опоздали, так что товарищей загребли буквально у них на глазах. В итоге «в историю» попали лишь 2/3 нашего бригадного «ядра» (молодежную периферию бригады на такие мероприятия звать не принято), а не все «ядро» целиком.

Повезло!

Облава была приурочена ко дню аванса (28-е), и не ошиблись.

Заглотнуть стакан успел только Серега Р. Миша и Вася выпить не успели. Витя — тоже, правда, он держал в руках сумку с бутылками и пирожками.

В оперпункте на Кировском (*ныне – Каменноостровский пр. – А. А.*) были составлены акты, выписаны штрафы (на этот день, видно, были запланированы...). Вите — 30 руб., Мише — 20, Васе — 30 (последний подписывать не стал, но это мало что изменит). А враз захмелевший от огорчения Сергей был отправлен в вытрезвитель.

Наутро Сергей Р. не досчитался в карманах всего аванса (80 руб.), так что его материальные потери оказались максимальными.

«Телеги» на ребят еще не пришли, но случай уже известен цеховому начальству, поскольку когда забирали Сергея, это почему-то видел зам. нач. цеха Н. Ярош. Однако, повезло же двоим опоздавшим!.. А Алексева — так просто бог уберег.

<...>

(Записано в марте 1986 г.)

7. «Привязал себя...»

Из «Производственных дневников» (апрель 1986)

<...> День 18 апреля 1986 г. ознаменовался новым моим «техническим творчеством».

Еще два года назад я приспособился работать за своим ПКР, сидя на сборном сооружении из металлического ящика и вращающегося слесарного сиденья. Чтобы было куда девать колени, снял кожух координатного стола. Каждую пятницу прячу сидение под координатный стол, а кожух — ставлю на место (приборка!). А то ведь стоя за станком по восемь часов каждый день, можно и «без ног остаться».

Естественным следствием этой «рационализации» рабочего места стало (давно!) то, что поворачиваю рукоять воздухоподачи (для зажима заготовки), от себя — не рукой, а **коленом**. Чем, кстати, освобождаю руку для другого рабочего движения в это же время. А вот обратно (чтобы высвободить заготовку) я эту рукоять пять лет поворачивал — **рукой**. Для чего надо каждый раз опускать руку от пульта вверху — вниз, под координатный стол.

Но можно же привязать к рукояти веревку или провод так, чтобы и обратно, для перекрытия воздухоподачи, двигать эту рукоять коленом же, **к себе!** Давно уже этот рабочий прием используется Г. Богомоловым, на фрезерном станке. А тут и меня осенило (сегодня!). Нашел обрывок провода...

Если раньше я сравнивал свою рабочую позу с велосипедной, то теперь чем-то напоминает кавалериста. Сажу в седле, а правая нога — в стремях.

«Привязался!.. (в смысле — **привязал себя**)», — как всегда точно отметил Стас. Вообще — все заметили, всякое новшество замечается. Смеются: «Голь на выдумки хитра!». Действительно, высвободив правую руку на эти секунды, я теперь успеваю, во время холостого хода револьверной головки, обеими руками не только снять со станка готовую деталь, но и поставить новую заготовку! Теперь **все** ручные операции «втискиваются» в машинное время. То есть — **и нереальную норму можно перехитрить!**..

А норма для той детали, которую я штамповал сегодня, уже такова, что почти совпадает с технически заданным временем полного оборота револьверной головки (1 мин.)! Головку-то быстрее крутиться не заставишь. Спрашивается, когда же ее еще останавливать, фиксировать (до десяти раз) и производить удары?!

...Тут возникает Вася Н., со своим предложением (уже вовсе не техническим). Оказывается, он уходит в отпуск. И, в отличие от некоторых, Вася **принес с собой!** И не надо, как в минувшем марте кружить вокруг рокового места у гаражей, где за месяц до этого погорело чуть не все «ядро» нашей бригады [*см. выше*. — А. А.]. Не надо искать на улице стакан и где бы его опрокинуть! Стало быть, состоится — **ритуал**, хоть и наспех, зато без помех. Сергей Р., больше всех «пострадавший» тогда, в феврале, похоже, всерьез завязал (или зашил ампулу?). Остались четверо, включая самого «именинника». Мы выполнили **обряд** в раздевалке, после окончания смены, уже переодевшись. После стакана белого Васе больше «не надо», а Мише Г. — больше «нельзя»... Пришлось нам с «Бугром» [*бригадиром*. — А. А.] еще — по полстакана, чтобы добро не пропадало.

<...> Вышли с завода с Мишей Г. [*ныне покойным*. — А. А.]. Я ему говорю: — Слушай, Миша, чего я удумал. Вот ты помнишь, как я спрашивал на собрании мастера Гошу, а потом на «едином Политдне» начальника отдела НОТиУ

Плитмана (это было не далее как накануне) — насчет пересмотра норм на моем станке?

— Помню, — говорит Миша. — Ты их в угол загнал. Очень хорошо спросил!

— Так вот, — говорю, — я собираюсь подать такое заявление. Ты меня слушаешь?

— Ага!

— Нормы на ПКР за два года срезаны в среднем вдвое. Так?

— Так!

— Без всяких усовершенствований техники или организации, т. е. необоснованно!

— Конечно!

— Но мне же надо как-то выполнять задание! Пришлось кое-что придумать...

(Чего только за пять лет ни придумал, включая и сегодняшнее «стремя»!). Вот и предлагаю: записать на мой и бригады «накопительный счет» соответствующую экономию. И даже, пожалуй, выплатить положенное вознаграждение...

Мише чрезвычайно понравилась моя хмельная идея (у самого-то, бедолаги, руки связаны: не покачаешь права — с его загулами!). <...> Еще раз, другими словами, суть идеи:

— не то чтобы, мол, я придумал, а теперь, «из патриотических побуждений», прошу срезать нормы (на что провоцирует рабочих-сдельщиков новая форма соревнования). А — раз уж срезали необоснованно, то **пришлось** напридумывать. И тем самым как бы обосновать ваши произвольные нормы «задним числом»...

Так будьте любезны: все мои усовершенствования — **учесть!** Ведь только ими и обеспечен рост производительности труда на ПКР аж в два раза. Понятно?! <...>

(Записано вечером того же дня, 18.04.86)

8. О коммунистических субботниках

Из «Производственных дневников» (май 1986)

<...> На протяжении шести с половиной лет работы на заводе я (как и все) выхожу в апреле на Ленинский коммунистический субботник.

Начиная с 1983 г. я участвую в субботниках в качестве рабочего-сдельщика. Это значит, что в моем расчетном листке работа на субботнике, не будучи учитываемая в количестве отработанных часов, учитывается в заработке, который номинально увеличивается на одну дневную выработку (плюс соответствующая ей премия). А потом эта сумма **удерживается** из заработка (ведь на коммунистическом субботнике работают бесплатно!).

Удержание в расчетном листке обозначено кодом 91, который расшифровывается как... «погашение ссуд на жилстроительство»! Спрашивал: как это понимать? Говорят: когда-то этот код был введен для погашения ссуд, а потом — переадресован фонду коммунистических субботников. (Интересно: а погашают ссуды теперь по какому коду?).

Поскольку на субботнике, как и вообще по субботам, по неписаному правилу, работают не больше четырех часов (приходят не к 7-ми, а к 8-ми, а уходят в 12; ведь «добровольно»!), то получается, что удерживают **больше**, чем можно реально сделать.

Вообще-то, действительно произведенное на субботнике не имеет никакого отношения к нарядам, которые закрываются этим днем — за работу,

выполненную, понятно, раньше (наряды на сделанное на субботнике, соответственно, будут закрыты потом!). Такая рассогласованность труда и учета — вполне закономерна: ведь наряды закрываются лишь на готовую (к отправке на сборку) продукцию. «Незавершенка» в нашем, механическом цехе отдельному учету не подлежит.

«Липой» здесь является вовсе не это естественное несовпадение того, что в данный день сделано, и закрытых нарядов. Настоящая липа — это так называемый «экран коммунистического субботника» на стенде, где отмечается якобы кем-то учтенная выработка бригад и участков в рублях... за каждые 2 часа! Практически на субботнике успевают сделать не больше и не меньше, чем за 4 часа любого трудового дня. Но, скажем, в апреле за счет лишнего дня (Ленинского субботника) появляется возможность закрыть нарядов на большую сумму, чем в другие месяцы. Поскольку удерживают выработку не за 4 часа, а за **полный** рабочий день, это и воспринимается рабочими как «удержание за субботник».

Года два-три назад придумали было считать, что на субботнике успевают выполнить якобы не одно, а **полтора** сменных задания (тогда удержание еще увеличилось бы!). Но, ко всеобщему удовольствию, дальше разговоров об этом дело не пошло.

На Ленинский субботник обычно выходят **все**. И приплюсовывают, и удерживают — у всех, т. е. у каждого отработавшего. (Вроде, было несколько случаев, когда удержали у того, кто почему-то в этот день не вышел... Но то был просто административно-учетный недосмотр).

Согласно сохранившимся у меня расчетным листкам, на Ленинском субботнике в 1984 г. я «заработал» (т. е. у меня было удержано) 10,75 руб., в 1985 г. — 10,19. Нынче, в 1986 г. — 12,42 руб. Столько, стало быть, я зарабатываю (с учетом премии) **в среднем** за один рабочий день.

Кроме Ленинского коммунистического, бывают еще субботники в честь знаменательных дат (например: в честь 40-летия Победы, в честь открытия Съезда). На них выходят уже **не все**. Расчет производится аналогично Ленинскому. То есть — приплюсовывают и тут же удерживают дневную выработку.

Субботник — лишь одна из форм организации работы по субботним дням. Более распространена, понятно, форма обычных **сверхурочных**, когда на полдня в субботу выходят те, кто поддался на уговоры администрации. Отработанное время отмечается на проходной, в специальном «талоне-увольнительной», компостером, и оплата производится — из расчета этого времени, с небольшой приплатой.

Раза два-три за эти годы бывало, что суббота объявлялась **рабочим днем** по приказу директора завода. Причем отгул потом добавляется к отпуску. В таких случаях обязаны работать **все**, и — **полный** рабочий день. Но это, понятно, тоже не субботник.

Новую «мутацию» составил субботник 24 мая 1986 г. Он — в фонд помощи пострадавшим при аварии на Чернобыльской АЭС. Было решено, что в этот фонд каждый внесет по 5 руб. (независимо от того, выйдет ли на субботник). На субботнике же он имеет возможность «заработать» эти деньги, и даже несколько больше. (Для контроля за отработанным временем здесь тоже пробивали компостером «талон-увольнительную»).

...В пятницу, 23 мая я работал в вечер, и не у кого было взять талон на завтра. В субботу, уже отработав 2 часа, сообразил, что эдак мой выход окажется не учтенным. Взял талон у мастера. Тот «вручную» отметил в нем, что я вышел на

работу в 8 час., а уход (12-30) я пробил компостером. Таким образом, к моей зарплате будет приплюсовано около 5 руб. и потом удержаны те же 5 рублей. (Строго говоря, к фонду помощи пострадавшим в Чернобыле этот «субботник» прямого отношения не имеет. Ведь удержания будут производиться у всех тех, кто расписался на листе, а не только у тех, кто отработал). На этом субботнике народу было очень мало (из нашей бригады — всего трое, включая меня). В фонд Чернобыля по 5 руб. внесли **все**. <...>

(Записано в мае 1986 г.)

9. Июльские аккорды

«Производственных дневников» (июнь-декабрь 1986)

В пятницу, 13 июня 1986 г. после обеда сам генеральный директор вызывал к себе бригадиров с нашего участка. Ибо — на нас сейчас все сошлось. Нам предложено... выдвинуть перед администрацией условия, на которых мы беремся в авральном порядке выполнить все необходимое в июне для сборки в 10-м цехе! Случай небывалый — рабочих спрашивают: каковы ваши требования?

Всего вариантов, вырисовавшихся после встречи бригадиров с директором, — три:

- 1) Закрывать хоть сто пятьдесят процентов задания. Бешеные заработки, а в январе будущего года... резанут нормы так, что закачаешься.
- 2) Аккорд, как называет это мой бригадир Толик [он же — А. С., он же — «Бугор». — А. А.], т. е. подряд. Бригады гарантируют своевременную сдачу всей нужной номенклатуры, а администрация гарантирует небывалую премию.
- 3) Оплата сверхурочных (вечера, субботы, может быть, даже воскресенья!), как минимум, в двойном размере (а не так, как сейчас, лишние полтора рубля за выход в субботу).

Обсуждаем ситуацию сначала по двое, по трое. У «Бугра» — ум враскорячку: чего конкретно запрашивать? Бригадиры (А. С. и И. В.) совещаются, стоя рядом с моим станком. Я предлагаю — давайте всех соберем! Принимается. За четыре года, что я работаю в бригаде, не было такого, чтобы собрание сразу двух бригад, да еще без мастера... Игорь В. дает «вводную». Первый вариант (кстати, это предложение директора) с ходу отвергается всеми. Знаем мы эти штучки! Второй вариант, отчасти исходивший от Толика (хоть сам же он его и опровергал!), тоже не годится. Во-первых, не ясно, какую премию запрашивать. Во-вторых, есть опасность, что сорвут график не по нашей вине, и окажемся с носом.

Сошлись вроде на 3-м варианте. «Упираться рогом». Лишняя десятка за субботу, и вся недолга! Толик пошел к начальнику цеха сообщить о наших предложениях. Реакция остается пока неизвестной. К концу дня мастер Гоша, как обычно, пришел «уговаривать» выйти в субботу. Тут уж даже те, кто и так бы вышел, потребовали ясности. Снова наш «Бугор» идет к начальнику. Тот не может «решить вопрос» без директора. От себя нач. цеха жалуется каждому, кто выйдет в субботу, дополнительно по пятерке из фонда мастера. Услышав о такой «милости», кто-то (уж не я ли?) произнес: «Что ж, подождем десятки из фонда директора...».

В субботу, 14 июня из двух наших бригад вышли только оба бригадира. Разумеется, не ради лишней пятерки, а в силу «сознательности».

<...> Под давлением обстоятельств, администрация от 1-го варианта продвинулась ко 2-му. Утром в среду, 18 июня всю нашу бригаду очень решительно собрал бригадир и сказал, что, если сделаем то-то и то-то, будет на всю бригаду сверхнормативная премия — 200 руб. Ну, ясно, что понадобятся эти «субботы» до конца месяца. А подробности — не проговариваются... Но вроде дали себя уговорить, ладно!

К концу дня выясняется, что этот «подарок» (в среднем по 30 руб. на брата), похоже, будет нам стоить того, чтобы до конца месяца, т. е. почти две недели, вкалывать до 8-ми вечера (т. е. 12-часовой рабочий день!). А в субботы — не по 4 часа, как обычно, а часов по 10. Хорошенькое дело! Все же, раз уж обещали, остаемся в среду после 16 час., вшестером — «ядро» бригады: Толик, Вася, Сергей Р., Миша, Витя и я...

<...> Где-то между 19 и 20 час. назревает общее раздражение, подогретое выданными нам «талонами-увольнительными» для сверхурочных работ (откуда как будто следует, что мы просто — работаем сверхурочно, а никакой не «аккорд»). На-ду-ва-тель-ство! Перед уходом велим Толику еще раз уточнить условия.

В течение следующего дня (19 июня, четверг) новой информации не поступало. Толик, может, и спрашивал, но либо ему не дали гарантий, либо он «не сумел» их до нас донести... Тем не менее, он рассчитывал, что мы все останемся, как накануне. За пять минут до конца смены я подошел к собравшимся в кучку Васе, Мише и Сергею: ну что, остаемся? А им только и не хватало четвертого, чтобы плюнуть и уйти. Остались — «Бугор» и Витя. Счет 4 : 2.

Толик, похоже, от меня — не ожидал... Но я действовал «как все».

Впрочем, не скрывая и собственного рабочего самосознания. В пятницу, 20 июня начался новый тур переговоров «в верхах». Администрация с бригадой разговаривать побаивается, только с бригадиром. «Бугор» объясняет каждому порознь, что дело — «верняк», закроют нарядов, согласно заданию, плюс еще почти на тысячу рублей! Мда. На подряд это не похоже... Скорее 1-й, с порога отвергнутый нами вариант.

Предложение представляется все же соблазнительным, хоть и опасным для будущего — ведь такое перевыполнение плана никакими сверхурочными не «оправдаешь»! А стало быть — есть повод в будущем году существенно ужесточить нормы... Но это когда еще, а тут сразу — большой куш!

Ситуация такова, что и нам деваться некуда, и администрации. Никакие «варяги» (вроде присланных «в помощь» сборщиков из 10-го цеха) с этой нашей работой не справятся. Администрация не может не закрыть наряды, если не хочет провалить план.

Бригадир ведет переговоры с каждым в отдельности. Я предлагаю провести очередное собрание (за эту неделю чуть ли уже не треть!). Как настроены остальные — я не знаю и не разрешаю себе заранее узнавать.

На собрании с предложенными условиями соглашались все, кроме меня. Я объясняю, что согласился бы, кабы администрация не темнила, как поступает уже целую неделю, а подписала с бригадой взаимообязывающий договор — «подряд», «аккорд» (называйте как хотите!). А так — доверия все это не вызывает. Но наш «Бугор» умеет выколачивать из администрации деньги, но не письменные договоры.

Дело осложняется тем, что именно мой ПКР — чуть ли не главный гарант выполнения этого, так называемого «подряда» с нашей стороны. И вроде не так уж много на моем станке и работы... Но самая ответственная и, вместе с тем, денежная (лицевые панели, каркасы!). Мы с бригадиром — уважающие друг друга оппоненты. Он говорит, что «аккорд» состоится, даже если кто-нибудь (в

данном случае я) и откажется. Я говорю, что панели на моем станке уже настроены, и если сам Толик отштампует их в субботу, то в понедельник днем (без всякого «аккорда»!) я и каркасы ему налажу. Штампуй себе их вечером!.. То есть — отказываясь из принципа, я никому руки не выламываю. Хоть «Бугру» за моим ПКР придется и не сладко. Мой отказ встречен с пониманием. Ведь «аккорд» — дело добровольное!

В субботу, 21 июня, я, неожиданно для всех (в том числе и для самого себя), не взяв талона накануне, вышел на работу. Бригадир с удовольствием уступает мне место за станком. Штампую сам налаженные накануне лицевые панели. В эту первую «сверхаварийную» субботу надумали работать с 7-ми до позднего вечера. Похоже, что все так и вкалывали. Что касается меня, то я пришел, как в обычную субботу, к 8-ми и закруглился к 12-ти, сделав изрядную часть производственной партии. Уходя, спросил бригадира: «Когда тебе нужны панели?» — «В среду». — «Хорошо, будут!».

Во избежание недоразумений, я пояснил, что в «аккорд» по-прежнему не вхожу. А просто вышел ему («Бугру») помочь... В сущности, гарантия выполнения «аккорда» (лишь в том, что касается моего станка, разумеется) была заложена этими 4-мя часами моей работы в субботу. Толик прилаживался бы намного дольше. Неизвестно, пошло бы у него так же «по маслу», как у меня. (Станок, по его выражению, сейчас только меня и слушается; ведь уже третий год откладывается плановый ремонт!).

Буду ли я участвовать в «аккорде» — дело второстепенное. Важно, чтобы панели были в среду. Тогда до конца недели бригада успеет их зачистить, загнуть, сварить...

В понедельник, 23 июня, я задержался на два часа, хоть это, после той субботы, было уже и не обязательно. Как бы в порядке обычных сверхурочных... «Бугор» же, Сережа, Вася, Витя оставались (как наутро узнал) до 8-ми часов вечера (их работа шла после моей; и у них ее было побольше).

<...> Мои панели были готовы к среде, каркасы — тоже своевременно. Все — с опережением бригадного графика на несколько часов (тут счет шел действительно на часы!). Для этого оказалось достаточным всего 16-ти часов моей «переработки».

Кажется, еще в среду «Бугор» заявил: «Ну, Андрей, хочешь — не хочешь, а в аккорд ты попал!». Я не стал возражать. Но в среду, 25 июня, оставаться после смены уже не стал. И в четверг тоже. Незачем! Впрочем, и остальные работали по 12 часов не каждый день. Кажется, в понедельник мы уходили в 18 час. вместе с Васей. А в среду и сам бригадир ушел в 18 час., в ДНД [*добровольная народная дружина*]. — А. А.]

В четверг, 27 июня, судьба «аккорда» была в основном уже решена. Можно было «расслабиться» [*«собратиться вокруг стакана»*]. — А. А.]... Что, естественно, и было выполнено!

<...> В пятницу, 28 июня (а может и накануне, не помню!), стали известны денежные итоги «аккорда». Действительно, были закрыты наряды реально сделанного сверх задания почти на 1000 рублей. Дележ общебригадного приработка производился выделенной для этой цели «тройкой» уполномоченных (Толик, Вася, Миша), впрочем, в основном — самим «Бугром». Вот какой получился расклад:

— Толик (бригадир) — ?; Вася — 148,47 руб.; Сергей Р. — 132,48; Витя — ?; Миша — 129,52; я — 92,77; Сережа Б. и Игорь М. (новички) — по 42,10 руб. (Это, разумеется, не вся зарплата, а только приработок!). Делили на глаз, с учетом величины дневного личного задания, количества отработанных сверхурочно часов, а также — просто интуитивного ощущения значимости вклада каждого.

Напомню дневные производственные задания членов бригады: — У «Бугра» (Толика) — 11,9 руб.; у Васи — 11,0; у Сергея Р. — 10,0; у меня и у Миши — по 9,2; у новичков Сережи и Игоря — по 5,6. Вкалывал сверхурочно больше всех сам бригадир (кажется, больше 50 часов). Вася — чуть меньше (42 час.). Кто-то — 36, кто-то — 28 час. Новички — помалу. Итак, у меня — среднее по величине личное задание (9,2 руб.) и минимум сверхурочных: всего 16 час.. Мой «куш» вырос до 90 руб. в основном за счет коллективного ощущения значимости вклада. Я работал сверхурочно — строго в рамках необходимого, чтобы бригада справилась с «аккордом». Причем так, чтобы бригадиру не прикасаться к моему станку (что, как я уже говорил, могло и задержать выпуск продукции с него).

Результаты дележа здесь приведены с копейками. Это уже — формалистические изыски экономической службы. Ибо надо, чтобы деньги соответствовали определенному количеству «нормочасов». Эти последние писались уже фиктивно, исходя из заданной бригадным дележом суммы (или доли) для каждого.

Что касается сверхурочных, то их — за определенным пределом — уже не учитывали. У «Бугра» — чуть не 60 час., а ему засчитывают (по основной ведомости) только 42, Васе — 32 (вместо 42), и т. д. Нельзя так много сверхурочных показывать!

В общем, тут многие концы с концами не сходятся. Верно одно: общая сумма заработка бригады соответствует закрытым нарядам, а эти последние — объему выполненной работы (тут — без тухты!). Сумма приработка (около 1000 руб.) поделена самой бригадой. А уж администрация подтасовывала свои ведомости под это наше решение. Причем «показанные» сверхурочные вовсе не покрывают сверхнормативного приработка, а лишь отчасти оправдывают его. Такая вот «экономическая механика»...

Итак, не обманули! Таков был главный итог нашего «аккорда» (или как его там называть!).

<...> В пятницу, 27 июня (когда уже были известны основные результаты), состоялся бригадный культпоход в пивбар «Янтарь», неподалеку от завода. Это мероприятие заслуживало бы отдельного рассказа. Здесь—опускаю...

В субботу, 28 июня, все участники культпохода вышли на работу и отработали по четыре часа. Я тоже, хоть в этом и не было производственной необходимости, а просто из чувства «рабочей солидарности».

<...> Суммарные (включая основную зарплату и приработок) бешеные заработки нашей бригады (например: 730 руб. — у бригадира, 608 — у Васи, 575 — у Вити, 427 — у меня, и т. д.) хоть как-то оправдывались сверхурочными. Бригада же Игоря В. от «аккорда» фактически уклонилась. Там — больше ветеранов, и так зарабатывающих по 400 руб. и больше... Кто отказался наотрез (Валентин К.), а кто (сам бригадир) вышел, из лояльности, раза два в субботу или задержался пару раз на пару часов. Но у бригады И. В. всегда остается задел (не закрытые наряды на выполненные работы).

Кроме конкретной номенклатуры, администрации, по-видимому, нужен был «вал», который можно было обеспечить, лишь закрыв эти наряды. И Игоря В. уговорили сделать это. Хоть он и предпочел бы свой «загашник» приберечь про черный день. Игорь беспокоился насчет дефицита сверхурочных в своей бригаде. Наш «Бугор» ему сказал: «Смотри сам! У нас сверхурочных — 340 часов».

В итоге этой манипуляции соответствующие приработки в бригаде И. В. составили от 150 до 60 руб. (Только у Валентина К., отказавшегося от сверхурочных вчистую, приработок — 0). Заработки в бригаде Игоря В.

оказались в этом месяце почти не ниже наших. (Обычно они выше, чем в нашей бригаде, но тут — особый случай).

Наша бригада вкалывала до 8-ми вечера, чтобы закрыть нарядами лишнюю тысячу руб., а другой бригаде для этого и вкалывать не понадобилось... «Как бы ты это назвал?» — спросил я у нашего «Бугра». — «...!»—ответил тот. (И другим показалось несправедливым, хоть вообще-то и не имеют обыкновения считать в чужих карманах). Так были решены задачи по обеспечению «плановой дисциплины» на нашем, 1-м участке цеха № 3 и выведена из-под удара заводская программа.

* * *

В июле «аккорд» повторился, и в масштабах не менее крупных. Бригадир полагал теперь мое участие само собой разумеющимся. И у меня уже не было оснований настаивать на письменном договоре с администрацией. «Процентов 70 денежной (выгодной) номенклатуры проходит через тебя!» — сказал мне А. С. — «Ладно, — сказал я, — попробуем!».

В нашем, механическом цехе, в отличие от сборочного, авралы начинаются не с третьей, а со второй декады. Не выделяясь из общего бригадного строя, я отработал сверхурочно 32 часа (три субботы — 12, 19, 26 июля — по 4 часа; а по 12 часов работал 15, 16, 17, 21, 24 июля — будние дни).

<...> Работы на ПКР в июле было побольше, чем в июне. Тут уж я мог обеспечить бригадный «аккорд» только полноценным участием в нем, а не экстравагантными выходками типа июньских. Работали на пределе сил и все остальные. Не повезло Мише Г., подзагулявшему перед самым началом июльского аврала и фактически выбывшему из игры. Мы теперь уже знали, сколько надо и сколько можно иметь сверхурочных (в прошлом месяце испытание на максимум предпринял бригадир, а на минимум — я). За неписаную норму сверхурочных — 32 часа — все же стремились не вылезать:

«Достаточно!». Сам бригадир позволил себе даже отсутствовать с пятницы по понедельник (ездил с женой на теплоходе в Кижы).

В понедельник, 28-го, штурм фактически завершился. Последнюю неделю июля работали уже нормально, по 8 часов. Я, как и положено на ПКР, работал с опережением по технологической цепочке. Появившись после 4-дневной отлучки, Толик с удовлетворением узнал, что я отштамповал самую выгодную из партий еще в пятницу, а в субботу Вася Н. и Серега Р. эту деталь обрубали и загнули.

<...> По июльскому «аккорду» мне было отмерено чистого приработка (т. е. сверх задания) аж 180 руб. (Стало известно 30 июля). Когда бригадир сообщил мне об этом (не без торжественности!), я поинтересовался успехами остальных. — «Примерно то же!». Спросил у Вити. — «150 руб.» (он в этом месяце «вечерил» поменьше!).

* * *

...Все эти сугубо бригадные события не худо бы совместить в синхронистической таблице с «вехами» личной, лично-общественной, заводской, городской жизни, жизни страны и, если угодно, Мира. (Ведь это были июнь и июль 1986 г.!). Даже не выходя за пределы первых двух названных уровней, объем информации возрос бы многократно (уж об остальных не говорю). В принципе возможность составления такой таблицы не исключена, ввиду сохранившейся в разного рода документах датировки важнейших событий жизни лично-общественной: «дело» социолога-рабочего и т. п.

* * *

<...> В четверг, 30 июля, утром пошел к заводскому хирургу с указательным пальцем правой руки, распухшим с руку. Глубокий нарыв от инфекции после

микротравмы не мешал работать (палец сгибался), но стало ясно, что сам он не прорвется.

Хирург: — «Давно?». Я: — «С неделю». — «Чего раньше не пришли?». — «Некогда было». — «Надо резать!». — «Может в пятницу?» (жалко пропускать последний день этого урожайного месяца). — «Так в пятницу и приходили бы...». — «?!». — «А то проситесь в пятницу, а в четверг на меня навешиваете». Я вернулся в цех, переоделся, предупредил мастера и бригадира («У меня все налажено, хочешь — штампуй»). — «Нет, дождемся тебя») и пошел на операционный стол. Режет хирург хорошо. В пятницу бюллетень пришлось продлить до понедельника включительно.

* * *

Эти заметки были сделаны по горячим следам, в июне-июле 1986 года, отчасти в августе. Дописываю уже в декабре. Август был последним, третьим месяцем летних «аккордов». Фронт работ был уже поменьше июньского-июльского. Несмотря на несколько дней пребывания на бюллетене в начале августа, я справился со своим «уроком» к концу второй декады (набрав 20 часов сверхурочных). Так что последнюю неделю августа смог даже заняться, наконец, ремонтом своего станка (для чего, по моему настоянию, был-таки переведен на неделю в слесари-ремонтники).

<...> При бригадном дележе мой вклад в этот «аккорд» был оценен чистым приработком 120 руб. Несколько снизились (против июля) приработки и у других членов бригады.

А в сентябре-октябре начались... крутые простои (и на моем станке, и в бригаде в целом). Вот где пригодились бы «истраченные» летом не закрытые наряды!.. Министр обратился к генеральному директору с «просьбой» выдать продукции к концу года дополнительно на 1 миллион рублей. Тогда начались новые авралы (правда, уже без «аккордов»!). Пригашенные, впрочем, введением показушной двухсменки, когда все утонуло в неразберихе.

Остается произвести некоторые подсчеты. Согласно расчетным листкам за 11 мес. этого года, мною отработано в общей сложности 1618 раб. часов (включая сверхурочные). Что соответствует 197,3 рабочих дней (1 день = 8,2 час.).

Начислено заработка по сдельным расценкам за 11 мес. — 2202,35 руб.

Поделить на 197,3 — получится 11,16 руб., это — в среднем за рабочий день. А дневное личное задание у меня — всего 9,2 руб.

Такое перевыполнение личного задания возникло за счет летних «аккордов» (если рассчитать за 8 мес., без июня-августа, то выполнение в общем соответствует заданию). <...>

Это значит, что в период «аккордов» администрация вынуждена была при закрытии нарядов нарушить сложившийся «баланс» между невыгодными и выгодными работами, в пользу последних.

(В самом деле, если, скажем, в августе мой приработок составил 120 руб. при 20 час. сверхурочных, то, согласно простому расчету, за каждый сверхурочный час я зарабатывал $120 : 20 = 6$ руб., что в 4 с лишним раза больше обычного!).

Но, уступив рабочим в период «аккордов», администрация развязала себе руки для последующего ужесточения норм (срезания расценок), в целях восстановления временно утраченного баланса интересов.

Теперь — какое же мне будут устанавливать дневное личное задание на 1987 г.? Обычно его повышают на 0,2-0,3 руб. от достигнутого. Скажем, я мог бы рассчитывать на 9,5 руб. Но ведь тогда мое задание получится меньше достигнутого в 1986 г.! А рабочий вправе претендовать на, по крайней мере, не меньшее задание, чем он имел в прошлом году.

За 11 мес. мой суммарный заработок (с премиальными, отпускными, оплатой по бюллетеню) составил 3.726 руб. Делим на 11, получаем 338,7 руб. (За 12 мес. он наверняка снизится, благодаря декабрю, примерно до 330 руб.). А за 8 мес. (без июня-августа) заработано 2.163 руб. Поделив на 8, получаем 270,4 руб. Это еще с учетом привалившей мне 75-рублевой премии за победу в соцсоревновании по заводу... (отдельный сюжет!). А если без этого «подарка», то: $2.163 - 75 = 2.088$. Поделить на 8, будет 261 руб. Зарабатывать 260-270 руб. или 330 руб. в месяц — разница? (Впрочем, не столько для материального благосостояния, сколько для самоуважения рабочего-сдельщика; ведь высокий заработок — знак общественного признания).

Вот и возникает вопрос: какое мне теперь назначать «дневное производственное задание» — 9,5 или 11 руб.? Возможно, сторгуемся на 10 руб. (для чего еще понадобится «выламывать руки» бригадиру, ввиду моей относительной незаменимости). Но — не больше! Ведь в таком же положении все участники июльского «аккорда». А столь резкий скачок в личных заданиях и, соответственно, в гарантированной зарплате для всех членов бригады — дело абсолютно нереальное. Ибо тогда пришлось бы так же резко повышать бригадный план. А это уже противоречит интересам администрации... По-видимому, наше перевыполнение будет как-то закамуфлировано в отчетной документации. И у нас останется лишь перспектива вновь приподнять потолок своего среднемесячного заработка в 1987 г. рублей эдак на 50 на брата, за счет очередного «аккорда».

* * *

В таком вот разрезе предстает социальный механизм нашей экономики — глазами рабочего.

(Записано в июне-декабре 1986 г.)

Ремарка 1: самоидентификация в качестве рабочего.

В отличие от первых трех лет эксперимента социолога-рабочего, здесь представлены «заводские будни», где положение социолога-испытателя никак не отличается от положения его товарищей по труду. И сам субъект «наблюдения и участия» фактически отождествляет себя с ними, в своем жизнеощущении.

Его «социологическое поведение» сводится едва ли не только к этим записям (ведению «производственного дневника»); в остальном же он — «рабочий как все».

Во многом такая самоидентификация в качестве рабочего обеспечивается теперь уже вероятной бессрочностью эксперимента: ведь возвращения в стены академического института и т. п. для исключенного из рядов КПСС и т. д. — вовсе не предвидится.

...Социолог-испытатель к тому времени успел понять, что «перемен не надо ждать, их надо делать». Но рассчитывать на безусловный успех такого «делания» пока (в 1986 году) ему, как и всем остальным «делателям» (будущим «прорабам перестройки»), не приходится. Вообще, автора в этот период уместно называть, пожалуй, уже не «социологом-рабочим», а скорее — «рабочим-социологом». Его самоидентификация с «рабочим классом» становится не игровой, а вполне «всамделешней». (Май 2003).

Ремарка 2: о форме «Производственных дневников...».

По-видимому, сюжетно выстроенные тексты (вроде «Апрельских заморочек» или «Июльских аккордов») оптимальны для регистрации социологических

наблюдений, в случае наблюдающего участия. При этом важно точно вычленишь, «угадать» начало сюжета, увидеть росток будущей «моделирующей ситуации» в процессе повседневной жизни, а дальше — лишь отслеживать данную сюжетную линию. (Март 2001 — май 2003).

(31)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-strastichelovecheskie-i-proizvodstvennye-okonchanie>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
СТРАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ.
ОКОНЧАНИЕ**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 30.10.2016

*«Прессинг по всему полю (два месяца из жизни рабочего-социолога)...
Нижеследующие записи велись подневно, в течение двух с половиной месяцев,
и, понятно, не претендовали на сюжетную завершенность. Однако жизнь
сама выстроила сюжет — даже несколько переплетающихся сюжетных
линий, каждая из которых успела получить развязку за это время. Отбирая
фрагменты для данной публикации, автор стремился высветить эти линии.
(Из «Драматической социологии...»).*

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая
ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

<...>

(10-11). Несколько вступительных слов

Напомню, что к осени 1985 г. социолог-испытатель уже успел пройти почти полный круг «отказов» в пересмотре постановления парткома «Ленполиграфмаша» об исключении его из рядов КПСС: и городской, и областной комитеты партии. В последней инстанции формулировка исключения была «подкорректи-рована» (уточнена):

...исключить Алексеева А. Н. из рядов КПСС за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования.

...Из союза журналистов тоже исключили (1984). Из ассоциации социологов, правда, еще не успели (не сумели...). От театрального общества давно уж «отлучили». До удовлетворения иска в защиту чести и достоинства (по частному вопросу) оставалось еще больше года

В общем, полная «беспросветность», как будто. Ан нет! Есть еще круг друзей, не утрачено любопытство (что же дальше-то будет?), и, наконец, есть работа (производственное занятие), которую делаешь изо дня в день. И она выполняет важную компенсаторную функцию, на фоне перечисленных «неудач». А если что-то мешает нормальной работе (в твоём понимании «нормального»), то начинаешь «инстинктивно» этому сопротивляться.

Решусь утверждать, что вовсе не в «экспериментальных целях», и не в порядке «политической самообороны», а исключительно для пользы дела (своего

производственного дела, отвлекаясь от всех «привходящих» обстоятельств!) затеял рабочий-социолог то, что раньше было условно названо «контрнаступлением на производственном фронте». Другое дело, какой из этого (да еще на фоне известных исторических событий) произошел «экспериментальный», и даже «политический» результат. (Май 2003).

10. Рабочие и начальство (взаимные «разъяснения»)

«Производственных дневников 1984–1986 гг.» (август 1985)

<...> Как уже отмечалось в моем заявлении для партийного бюро цеха от 18.07.85, положение с выполнением программы в нашем цехе уже не первый месяц очень напряженное. Не спасают ни многочисленные субботники (только в июле было два — по случаю Всемирного фестиваля молодежи, но настойчиво приглашали не только молодежь), ни сверхурочная работа. (Был даже призыв администрации работать чуть ли не каждый день до 8 час. вечера)...

Если идти навстречу всем «просьбам» цеховой администрации, то следовало бы в мае-июле каждую субботу работать. (Некоторые и работают! Например, у моего бригадира А. Сыцевича в июле было 28 час. сверхурочных).

Положение с программой обострилось не только в нашем цехе, а и по заводу в целом. Директор по этому поводу специально собирал низовое руководящее звено (мастеров). Главный инженер, выступая на «едином политдне» в нашем цехе, заикнулся даже о работе по воскресеньям («если понадобится...»).

Та позиция, которая была выражена в докладе начальника цеха А. Косачева на открытом партийном собрании 16 июля — насчет выполнения повышенных обязательств к XXVII съезду КПСС («есть опасность срыва годовой программы, не то что повышенных обязательств... Надо еще больше работать сверхурочно!»), в общем не нашла сочувствия у выступавших коммунистов и беспартийных. Была довольно энергичная критика в адрес администрации по всему кругу вопросов, позднее затронутых в моем заявлении для партбюро. Таким образом, упомянутый документ вовсе не был выражением только моей индивидуальной точки зрения. Я лишний раз убедился в этом, показав его предварительно своему бригадиру А. С., который сказал, что «все правильно» написано, хотя и выразил сомнение в результатах.

Я обусловил вручение этого заявления по адресу тем, что он (А. С.) мне этого «не запретит», поскольку не хотел подставить под удар бригаду. Разумеется, бригадир «не запрещает», раз «все правильно написано».

Показал еще и мастеру Г. Соколову. У того «разрешения» уже не спрашивал, а — «для сведения» (но все же предварительно).

<...> Заявление было вручено секретарю партбюро, фрезеровщику В. Курсову утром того же дня (18 июля, четверг). Тот при мне его читать не стал. Поскольку я связал это свое обращение с минувшим собранием, В. К. спросил, чего же я там не выступил. На что я ответил, что выступающих и так было достаточно, а постановка вопроса требовала подготовки с моей стороны.

Обещанный хронометраж собственной работы⁵ велся мною 18 июля и первую половину дня 19 июля. После чего прекратился, поскольку с обеда 19 июля, с бюллетенем, я покинул цех. Итоги хронометража <...> [Здесь они опущены — А. А.]

...Вышел с бюллетеня в понедельник, 29 июля. К этому времени А. С. и Николай Реутов успели справиться с моим заданием плюс еще несколько срочных партий (за счет работы в полторы смены и в субботу). В этот же день утром мы были,

вместе с бригадиром Сыцевичем и мастером Соколовым, вызваны к начальнику цеха Косачеву (похоже он только и ждал моего выхода на работу). Нач. цеха предъявил мне и бригадиру энергичные претензии по поводу... факта нарушения технологической дисциплины, зарегистрированного за три недели до этого (!) июля (видать, «заело» мое обращение в партбюро).

Дело было так. На моем станке техническими условиями предусмотрена штамповка стальных листов толщиной до 2 мм. Однако, начиная с 1983 г., с ведома администрации, производилась штамповка одного обозначения — каркасы «Ф-...», толщиной 3 мм, причем не полная штамповка, а только таких отверстий, при пробивке которых не превышает номинальное усилие пресса (я сам считал!). Причем использовали самодельный шаблон (был изготовлен мною два года назад) и подобрали пробивной инструмент с большим зазором (между матрицей и пуансоном), чем исключался выход его (инструмента) из строя при повышенной толщине пробивки.

Эта рабочая инициатива, повторяю, была хорошо известна администрации на протяжении не одного года. Ей никто не препятствовал, поскольку каркасы — одно из ведущих обозначений: их требуется много, и всегда — поскорее. <...> В общем — одна из тех «скрытых раций», перевод которых в официальную технологию если и возможен, то требует слишком большой подготовки (подобно, скажем, пробивке 1,5 мм отверстий в панелях, где технологи решили присвоить себе нашу рацию и попали впросак).

Так вот, еще 10 июля нач. тех. бюро цеха Л. Кутырина, раздосадованная своей неудачей по «слизыванию» нашей «партизанщины», привела к станку «комиссию», как раз когда я пробивал 3 мм листы. В составе этой комиссии были: нач. инструментальной группы Васильев («ломают инструмент!») и ст. механик Шахматов («ломают станок!»).

Кутырина и Васильев (оба — горе-рационализаторы с 1,5 мм пуансонами) написали начальнику цеха докладную насчет нашего «самоуправства».

Никто не помешал нам довести эту работу до конца: каркасы были очень нужны на сборке!

В июле мы справились с программой во многом за счет таких «скрытых раций». А вот теперь, 29 июля, когда с программой разобрались, да к тому же рабочий А. указал в своем заявлении для партбюро на недостатки инженерной подготовки производства и нормирования, самое время — рассмотреть эту докладную. В основном беседа имела форму диалога между бригадиром и начальником цеха. Нач. цеха обвинял нас с Сыцевичем: а) в нарушении технологической дисциплины; б) в нарушении «финансовой» дисциплины; в) в дезорганизации производства (!).

А. С. аргументировал соображениями «пользы дела» и «ускорения производства», к тому же: «все так делают!» и «все об этом знают!». <...>

Начальник вспомнил и про 1,5 мм отверстия в панелях, которые мы будто бы не захотели штамповать официально.

В общем, прет обида, «технологическая» и «административная», на рабочих — изо всех щелей. И такой сыр-бор разгорелся, что костей не соберешь.

Итог: Сыцевичу и мне обещано взыскание (мастер Соколов как будто уже наказан, но, похоже, за что-то другое). Уходим с бригадиром от начальника изрядно озадаченные и отчасти взбешенные. (Я в этой беседе практически не участвовал, ибо говорить мог бы только, что «нарушал технологию» по указанию непосредственного руководителя, т. е. бригадира, чего мне не хотелось.

Помнится, обронил лишь фразу, что валят «с большой головы на здоровую»).

Только вернулись от начальника, подходит ко мне секретарь партбюро цеха В. Курсов. За неделю моего отсутствия он «успел разобраться» с моим заявлением

от 18.07. Показывает мне на то место этого заявления, где говорится, что начальника цеха на собрании можно было понять так, что рабочие-сдельщики «не выкладываются» полностью, не хотят работать сверхурочно (мол, тот такого не говорил!). А что касается норм, то их «проверили», они «в порядке». <...> Рассуждения несерьезные, тем более, что сам Курсов на собрании, правда, по поводу своих фрезерных работ, говорил то же самое, что и в «нашей» бумаге написано.

На моем заявлении рукой секретаря партбюро уже нарисовано: «Ответ дан в устной форме» (это ему — для отчетности: мол, разобрались). Предлагает мне в этом... расписаться. Я ему говорю, что уже подписался под собственным заявлением, а под его, Курсова, «резолюцией» пусть он и подписывается. В. К. было порывается написать, что я «от подписи отказался», но удержан моим замечанием, что он перепутал «разъяснение» партийного бюро с приказом об административном взыскании (в ознакомлении с которым действительно положено расписываться тому, кому взыскание объявлено).

Сообщаю ему, к слову, о беседе, которую только что имел «по этим вопросам» с начальником цеха. «Что такое?» — «А ты у Сыцевича спроси, он тебе лучше разъяснит».

Курсов идет к нам на участок. Тут же еще не остывшие члены бригады, изрядно возмущенные тем, как начальник обошелся с А. С. и со мной, мастер Соколов, рассуждающий диалектически («с одной стороны», а «с другой стороны»...), бригадир Игорь Виноградов (ныне заслуженный работник машиностроения), терпеливо растолковывающий мастеру, что нарушения технологии недопустимы, когда в ущерб оборудованию или качеству изделия, а когда нет — то это и есть технический прогресс!

Секретарь партбюро, фрезеровщик Курсов слушает «голос масс», положение у него неловкое. <...> Ведь и впрямь без наших, да и его собственных «скрытых раций» — производство встанет.

Я ему говорю:

— Ну вот, а ты мне еще предлагал расписаться под твоим «устным ответом».

Кстати, и Постановление ЦК на днях вышло — как обращаться с письмами и заявлениями трудящихся в партийные органы. Не читал?

Курсов уходит с моим заявлением, по которому успел дать «разъяснение» мне, и с непечатными «разъяснениями» ему самому, полученными от слесарей 1-го участка.

<...> Начинаю налаживать очередную партию «Ф-...» и обнаруживаю отсутствие в кладовой записанного в документации инструмента (его потом аварийно изготовили за 2,5 час.), далее — неувязки в технологическом процессе (срочно выписали дополнительный наряд, компенсирующий эти неувязки). То есть очередная иллюстрация все к тому же заявлению.

На следующий день, 30 июля, в обед выясняется, что меня поторопились выписать с бюллетеня 29-го (температура всю неделю поднималась до 37,5 только вечером, а у врача — дневной прием). Тут температура подскочила к обеду. И я ушел долечиваться, успев за эти полтора дня отштамповать полторы партии, получить «втык» от начальника цеха и «разъяснение» от секретаря партбюро, но... не успев получить административного взыскания.

(По не обоснованному предположению моего бригадира приказ о выговоре нам обоим и, скорее всего, о частичном депремировании появится поближе к дню полочки — 13-е число).

...Завтра, 5 августа, выхожу на работу. Посмотрим, чем все это, покаменя не было, кончилось.

(Записано 4.08.1985)

11. «Прессинг по всему полю» (два месяца из жизни рабочего-социолога)

Несколько вступительных слов

Нижеследующие записи велись подневно, в течение двух с половиной месяцев, и, понятно, не претендовали на сюжетную завершенность. Однако жизнь сама выстроила сюжет — даже несколько переплетающихся сюжетных линий, каждая из которых успела получить развязку за это время. Отбирая фрагменты для данной публикации, автор стремился высветить эти линии. (Март 2001).

Из «Производственных дневников 1984–1986 гг.» (август–октябрь 1985)

5 августа 1985 г. (понедельник).

Первый день после бюллетеня. Читаю приказы на цеховой доске объявлений. Один — директорский. Трудно удержаться от улыбки. Случился пожар... в отделе техники безопасности. Самовозгорание бытового холодильника. Наказан главный энергетик завода. Премированы н-ник ВОХРа и инспектор по противопожарной безопасности, лично тушившие пожар до приезда пожарной команды.

Второе распоряжение — начальника цеха Косачева (от 31.07.85):

«За нарушение правил эксплуатации ПКР КО-120 и вырубных пакетов рабочему участка № 1 Алексееву А. Н. объявить выговор по цеху и депремировать на 10% по итогам работы за июль-месяц 1985 г. Бригадир Сыцевича А. В. предупредить. Основание: служебная записка начальника бюро инструментального хозяйства Васильева <...>».

В бригаде. Мой бригадир Сыцевич сообщает, что переругался с начальником цеха из-за известного распоряжения. Серега Изотов подтверждает: так, при нем было. Я высказываю собственный взгляд на это дело. Еще узнаю, что у Коли Реутова в пятницу родилась дочь. Бригада собиралась у молодого отца. «Жаль, тебя не было», — замечает бригадир. Собирали по 3 руб. на подарок Коле. Обещаю принести завтра.

Я: — На ПКР работы много?

— Хватает, — говорит А. С.

— Вечерили на ПКР?

— Нет. Еще чего — начало месяца...

Сменный мастер Гоша Соколов уточняет мне задание. Я, между прочим, прошу мастера передать начальнику цеха мое пожелание проконсультироваться у юриста и отменить свое распоряжение от 31 июля. Гоша обещает сказать об этом Косачеву. <...>

Ремарка: опуская подробности.

Здесь и далее, как правило, опускаются описания «производственной рутины» — производственных неурядиц, по большей части повторяющихся описанные ранее. То есть, в основном, представлены события, а не процессы. (Март 2001).

...Юридическая консультация (5.08.85).

После смены еду во Дворец труда, где есть бесплатная юридическая консультация. Дежурный юрист подтверждает мое предположение о незаконности взыскания, наложенного на меня во время пребывания на

бюллетене. Другое (уже не формальное) основание оспаривать выговор — это то, что штамповку 3-х мм каркасов на своем прессе я выполнял не «самочинно», а по указанию сменного мастера, т. е. администрации. Юрист рекомендует обратиться в комиссию по трудовым спорам (КТС). В случае неуспеха, следующая инстанция — цехком, затем — суд.

Доброжелательный совет — «не спешить» начинать этот спор. Дело, оказывается, в том, что по истечении месяца с момента события, повлекшего взыскание, начальник не сможет... переписать распоряжение другим числом и тем самым устранить самое очевидное из нарушений КЗоТа. Спасибо. Учту!

7 августа (среда).

В обед (12-30) было цеховое собрание, какие бывают каждый месяц: подведение итогов за июль, принятие обязательств на август. Начальник цеха доложил, что в июле цех отработал «как никогда хорошо». Успешно справился и с валом, и с товаром. Занять классное место цеху мешают прогульщики. В июле их было четверо. Среди них Миша Г. (из нашей бригады). Похоже, что был прогул и у Жени Р. (тоже из нашей бригады).

Насчет Миши — дело привычное (он хоть, бывает, и «завязывает», но ненадолго). А для Жени, с его язвой желудка, не характерно (начальник утверждает, что прежде, чем лечь в больницу, он пришел в цех нетрезвый...). Еще была в прошлом месяце серьезная травма — на 2-м участке. Как всегда, когда план выполнен, в повестку дня встает «культура производства», т. е. приборка рабочих мест. Претензии начальства на этот счет — в основном к нашему участку (где сейчас идет реконструкция, и все — вверх дном). <...>

8 августа (четверг).

<...> Вырубных пакетов диаметром 8 мм — три варианта, под разные толщины материала. Раньше, не обнаружив подходящего, брали любой (да и технологи нередко записывали в техпроцесс — не глядя на толщину заготовки). Конечно, зазоры между матрицей и пуансоном в трех вариантах пакета немного разнятся... Но это уже «педантизм». Требуемого варианта пакета нет. Старшая кладовщица Фаина С. спрашивает: «Нельзя ли чем заменить?» — «Конечно, можно, — говорю. — Но теперь — только по указанию администрации». Информую технолога Нину Толстову. Та с ходу собирается вписать в техпроцесс другой вариант пакета (т. е. «нарушить правила»...). Я ей: «Подумайте, ведь это запрещено!». И ухожу, предоставив ей подумать. Некоторое время спустя прибегает Фаина. Расстроена: «А как же раньше-то пробивали?» — «Пробивали чем придется, — говорю. — А теперь пусть об этом распорядится технолог». Поняв, что дело стало не за мной, Фаина идет упрашивать Нину вписать номер неподходящего пакета. Через пять минут приносит мне предписание технолога. Нина перестраховалась и написала: «Пакет такой-то — только для данной партии». «Хм, даты не вижу», — замечаю я. Фаина всплескивает руками: «Неужто снова к технологу идти!» — «Ладно, я сам ей скажу». <...> В техпроцессе лицевой панели «Ф-...» кернение и сверловка отверстий диаметром 1,5 мм заменены на штамповку (рация Кутыриной и Васильева, столь скандально провалившаяся весной). Подхожу к бригадиру. Тут же и сменный мастер. Итак, панели — берем! А как будем с этими 1,5 мм? Мастер Гоша мнется: «Будем, наверное, кернить...».

— Тогда пусть вписывают это обратно в техпроцесс.

— Вот так, да? — говорит мастер обиженно.

— И только так, — говорю. — Работаем теперь по правилам.

Бригадир поддерживает меня.

Но исправлять техпроцесс — дело вовсе не мастера, а технолога. Нина опять пишет: «Для данной партии». «Не забудьте дату!» — напоминаю ей (поди потом разберись, которая партия — «данная»). Делимся впечатлениями с бригадиром. «Прессинг по всему полю!» — замечаю я. (Как баскетболисту, эта метафора Толику хорошо понятна). — Я уж тебя не дергаю, — говорю бригадиру. — Но за эти четыре дня из четырех партий не было ни одной, где бы не нарушались правила эксплуатации станка. И все по распоряжению начальства...

<...> В конце дня прибегает Нина — чуть ли не исправлять свое исправление обратно:

— А зам. нач. цеха сказал, что 1,5 мм пуансоны раньше ломались из-за некондиционного материала. Так что сейчас надо снова попробовать!

— Пожалуйста. Только сначала найдите их в кладовой! (Уже выяснил, что там — нет). <...>

9 августа (пятница).

От 10 до 11 час. настраиваю станок, приспособливаю к маршруту перемещения заготовки в сочетании с поворотом револьверной головки. Как-никак, девять разных гнезд задействованы, около 180 позиций в карте штамповки. И надо держать в уме, чем куда ударить. Но эта панель мне хорошо знакома, и уже со второй штуки набираю скорость. Пока только 120 ударов (без 1,5 мм отверстий!). К обеду (12 час.) сделан десяток. Еще 15 штук (всего — 25) готовы к 14 час. Так сказать, в хорошем темпе.

Сообщаю бригадиру. Тот успел «придумать», как быть с пресловутыми 1,5 мм. У нас ведь остался один, «сверхпотайной», самодельный пуансон, который можно задействовать, чтобы потом не возиться со сверловкой. Вот только в нынешней (стервозной) ситуации нельзя продемонстрировать наши скрытые рации... Что же придумал бригадир? — Налаживай 1,5 мм (а не керн!). А я к тебе человека приставлю.

— Зачем?

— Чтобы следил за появлением начальства. Как кто пойдет, будет отштампованные панели прятать.

Остроумно, ничего не скажешь... Но:

— Слушай, Толя! Я с Косачевым буду, может быть, судиться. Пока не отменю выговор, мне залетать нельзя. Твой дозорный — не гарантия. Хочешь, я налажу, а штамповать поставь кого-нибудь другого. Скажем, Колю Реутова... Бригадир пропускает мимо ушей первую часть моего заявления. А на вторую — реагирует адекватно: «Давай!».

<...> Сегодня пятница, и полагается хоть как-то прибрать вокруг станка. Пол под координатным столом ПКР густо засыпан вырубкой. Когда производственная запарка, моя приборка сводится к «маскировке». Чтобы работать сидя, у меня снята передняя стенка — кожух координатного стола (иначе ноги некуда было б деть). И — видно, что под станком. А в пятницу я этот кожух ставлю на место. И он скрывает все «безобразие». Ведь борьба за культуру и чистоту — у нас «визуальная» (чтобы глаз отдыхал...).

В этой своей манере я не выделяюсь среди большинства слесарей-сдельщиков. Другое дело — наладчик штампов Станислав Политов. Тот каждый день выгребает отходы из-под своего прессового хозяйства. (Стас — как нянька за слесарями. Иногда костерит то одного, то другого. Но он радуется не за внешнюю «чистоту», чем озабочено в основном начальство. А — за сохранность оборудования, инструмента. Стас не любит, когда схватят — бросят где попало...).

Во время приборки обнаруживаю в ящике для металлических отходов замурзанный, случайно уцелевший бланк «сменно-суточного задания». На листке, рукой мастера Гоши, выписаны номера обозначений, которые следовало отрабатывать на ПКР в июле. И среди них — «Ф-...», те самые 3 мм каркасы, за штамповку которых мне объявлен выговор! Я и забыл про этот листок... Вот уж — не знаешь, где найдешь документ, подтверждающий, что рабочий нарушал «правила эксплуатации» по указанию администрации! <...> 12 августа (понедельник).

<...> К 11 часам с панелями покончено. Подхожу к бригадиру. Тот:

— В чем трудности? (Это такая шутка).

— У меня трудностей нет, а у тебя? (Это значит — «давай работу»).

— Иди-ка ты к Гоше!

Политес соблюден. Главный начальник для меня — бригадир. Но сейчас, как понимаем мы оба, мне предпочтительнее получать задания от мастера. Мастер Гоша предлагает заняться «Ф-...». Понадобятся шесть вырубных пакетов. Три из них — в моем «сверхпотайном» подручном фонде. Три — беру в кладовой. Все есть! Кажется, будет первая партия (с момента начала этой «хроники») без технологических приключений. Уже установив шаблон, замечаю, что четыре отверстия — в «мертвой зоне»... Ну, в «партизанской» работе это меня не смутило бы. Пробил бы в два захода, и вся недолга. Но ведь тут запланировано — в один заход. Опять — звать технологов!

<...> Нина уносит чертеж. Жду минут 15. Иду в цеховое БТП [бюро технической подготовки. — А. А.]. Там Нина и ее начальник Кутырина совещаются.

Нашли-таки: в техпроцессе указано — пробивать «с подвижкой захватов» (т. е. листодержателей). Это из тех технологических указаний, которые вроде заклинаний — сам шаман не знает, что оно значит. В моем ПКР это технически невозможно. <...>.

[Здесь опущены технологические пояснения. — А. А.]

Говорю Кутыриной:

— Я не понимаю, что тут написано, и не умею двигать захваты, во время штамповки. Пусть тот, кто это написал, придет и мне покажет. В 14-30 является Лидия Боброва. Это — технолог из ОГТ, которая вписывала нелепое указание. Спрашивает у меня, как быть. Отвечаю жестко: «Мне все равно, как скажете». Та убеждается, что надо отменять эту «подвижку захватов». Выходит, размечать и просверливать эти отверстия отдельно, без моего ПКР... Я: — Ладно. Только впишите это, пожалуйста, в техпроцесс. Лидия вписывает. Прошу подождать, пока я предупрежу бригадира.

Подхожу к А.С.:

— Тут очередная технологическая дурость... Имей в виду, должен быть наряд на разметку и сверловку двух отверстий, дополнительно. Я их пробью на ПКР, двумя заходами.

— Понял, — говорит бригадир.

Возвращаюсь к станку. «Больше вопросов к вам не имею», — сообщаю Лидии (в том смысле, что «вы свободны»). <...>

14 августа (среда).

А. С. наблюдает мой «прессинг по всему полю» вот уже вторую неделю. И тогда он просит меня... записывать все эти заморочки! «А я и так записываю», — говорю...

Ремарка: «...записывай эти заморочки!»

Примечательный момент. Производственные интересы бригадира и интересы социолога, который, работая на станке, вроде бы экспериментирует (социологически) и ведет «протокол наблюдающего участия» — полностью совпадают. Записи социолога — нужны бригадиру! Этой хроники он тогда не читал. Но из нее (как он мог предположить) всегда можно извлечь ресурс в борьбе (игре?) с администрацией. (Март 2001).

<...> Уж и время к концу смены. Но у меня еще один заказ (принес мастер Гоша): «П-...». Мастер назвал это «халтурой», хоть обработка в техпроцессе и предусмотрена на моем станке. А дело в том, что расточную операцию заменили на штамповочную недавно. А в маршрутной карте (наряде) — пока что указана расточная, которая стоит 60 коп. Значит, вполне легально мы будем штамповать, а получать как за расточку... «Неплохо!» — говорит бригадир. Пять минут спустя я вглядываюсь в чертеж и вижу, что заготовка (после гибки это будет скоба) толщиной... 2,5 мм! И двух недель не прошло, как я был наказан за «нарушение правил эксплуатации» ПКР (пробивая заготовки толще 2-х мм). И вот такое же самое нарушение мне предписывается теперь уже не просто разовым заданием линейной администрацией (как было со «штрафными» каркасами), а официальным техпроцессом!

Ситуация настолько показательная, что когда информирую об этом мастера и бригадира, возникает «немая сцена»... — К черту! — говорит бригадир. — Откажемся.

Что касается меня, то я выражаю готовность выполнить указанное в техпроцессе.

— А ты за машину (так иногда называют мой станок) не боишься? — спрашивает А. С. — Ведь мы тогда пробивали в каркасах отверстия 6 и 8 мм, а тут диаметр 30.

Мда! Это я как-то выпустил из виду...

— Надо посчитать требуемое усилие, — говорю. — У меня где-то дома формула есть.

(Дома подсчитал. Получается — нужно усилие 9 тонн. А номинальное усилие для моего ПКР — 10 тонн. Стало быть, формально можно... Хотя такие «подвиги» — и не для той «машины», которой, того гляди, вместо профилактического, капитальный ремонт потребуются). Еще обращаю внимание, что номера вырубных пакетов какие-то необычные. Ага, заказывали новые, видимо, с увеличенным зазором для 2,5 мм толщины материала. Похоже, имеем дело не с «технологическим нарушением», а с «новаторством»!..

Однако же, совместились во времени мои нарушения технологической дисциплины и плановое изменение этой самой дисциплины — парадоксально!

22 августа (четверг).

Вкратце

После настойчивых требований, продолжавшихся неделю, социологу-испытателю, наконец, дают возможность ознакомиться со служебной запиской начальника бюро инструментального хозяйства Васильева, на основании которой ему был объявлен выговор.

<...> Вечером переписываю набело, с минимальными коррективами, давно заготовленный текст заявления в КТС:

«Заявление в комиссию по трудовым спорам цеха № 3.

Распоряжением № 86 по цеху № 3 начальником цеха А. Косачевым на меня наложено дисциплинарное взыскание — выговор и депремирование на 10% по итогам работы за июль 1985 г. Взыскание наложено «за нарушение правил эксплуатации КО-120 и вырубных пакетов». В качестве основания в распоряжении указывается служебная записка начальника БИХа тов. Васильева.

Считаю наложение на меня дисциплинарного взыскания противоречащим закону по крайней мере в силу следующих обстоятельств:

1) Настоящее взыскание наложено распоряжением начальника цеха от 31.07.85 — в то время, когда я был на бюллетене.

2) Обработка обозначения «Ф-...» на станке КО-120 (упоминаемая в служебной записке Васильева) производилась мною по распоряжению администрации. В частности, в июле 1985 г. указанное обозначение (партия — 170 шт.) было вписано в мое производственное («сменно-суточное». — А. А.) задание.

3) Начиная с декабря 1983 г. я, по указанию администрации, систематически работаю оператором на станке КО-120, не имея квалификации (разряда) штамповщика. Таким образом, ответственность за нарушение правил эксплуатации, если таковое имело место, ложится не на рабочего, на администрацию.

С учетом изложенного, прошу комиссию по трудовым спорам дисциплинарное взыскание (выговор и депремирование), наложенное на меня распоряжением начальника цеха от 31.07.85, — отменить.

А. Алексеев, 23.08.85».

Вроде, зам. нач. цеха Малков мне даже «помог», задержав ознакомление со служебной запиской Васильева. Я, так и так, собирался подавать свое заявление только в 20-х числах августа (вспоминая совет юриста). Теперь получается, что — не в силу своей «хитрости»... Впрочем, согласно КЗоТу, я мог бы и еще пару месяцев подождать (предельный срок обращения в КТС — три месяца с момента взыскания). А вот комиссии по трудовым спорам, согласно тому же КЗоТу, решать вопрос надо быстро — за пять дней.

28 августа (среда).

Вкратце

По истечении пятидневного срока, ответственный за трудовые споры член цехкома, токарь Минин, на запрос о судьбе заявления, сообщает рабочему-социологу, что отдал его заместителю начальника цеха и больше ничего не знает. Говорит, что соблюдает КЗоТ «как умеет». Вообще, не хочет разговаривать на эту тему. Мол, в цехе «никогда не было трудовых споров»... И вообще он «не может такие вопросы решать!».

<...> Уже переоделся после смены. Что ж, думаю, зайти к зам. нач. цеха? Вообще-то, нелепо жаловаться на члена цехкома представителю администрации, против произвола которой ты у этого профсоюзного деятеля ищешь защиты...

Малков занят со старшими мастерами. Все же логичнее в этой ситуации обратиться в завком. По дороге к проходной захожу в здание, где размещается столовая, и тут же — все общественные организации. На двери завкома вижу два объявления.

Первое: «Профсоюзный комитет завода принимает трудящихся по личным вопросам в понедельник с 16-15». (Гм, интересно — является мой вопрос «личным» или нет?).

Второе объявление: «На основании постановления бюро ОК КПСС (так! — А. А.) от 11.03.83, с целью исключения потерь рабочего времени прием граждан в профсоюзном комитете будет осуществляться только в свободное от работы время».

Дверь заперта. Все профкомовцы уже ушли. На часах — 16-30.

5 сентября (четверг).

Утром закончил панель «Ф-...». От бригадира очередное задание на «халтуру» (самодельная технология) — стенка боковая «Ф-...». (Подобные задания все же чаще исходят от бригадира, чем от мастера, хотя мастер всегда в курсе). Но тут разворачиваются события уже не технологические. В 10 час. меня приглашают к городскому телефону. Зав. канцелярией обкома КПСС Кудряшенко Л. С. сообщает, что 10 сентября (во вторник) утром мне следует явиться в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС к Шадрину А. П., а в среду 11-го на заседании КПК будет рассматриваться моя апелляция исключенного из партии. Спрашивает, нужна ли мне помощь в приобретении ж. д. билета. Говорю, что нет. Я спрашиваю, информирован ли об этом вызове партком завода. Нет, она туда не звонила. Ну, на этот раз полагают достаточным, что информирован я сам... Этого вызова я ждал (хоть и не на этой неделе). У меня есть пять «отгулов» за дни, отработанные в период отпуска еще в феврале. Поездка в Москву, и не на два дня, а на целую неделю, тем самым обеспечена. Прикинув по календарю, когда мне понадобятся отгулы, сообщаю бригадиру о предстоящих событиях.

А. С.: — У тебя пять дней. Пиши пять заявлений. Начальник цеха имеет право отпустить только на один день... Пишу: «Прошу предоставить мне отгул на 9 сентября 1985 г. за ранее отработанное время».

Аналогичные заявления — для 10, 11, 12, 13 сентября. Сколов все пять листов скрепкой, несу старшему мастеру Николаю Ярошу (тому самому, который вызывал меня из отпуска в феврале). Тот несколько растерян... Но я же работал в отпуск — «святое дело»!

Ярош посылает меня обратно к бригадиру — завизировать ЕГО согласие.

Такое не принято, чтобы бригадир ставил визу, он ведь не администрация...

Толик, поняв, что мастер решил перестраховаться, находит способ его «проучить» (мастер моложе бригадира, и они играют в одной баскетбольной или волейбольной команде).

Размашисто, через весь лист мой бригадир пишет: «Долг превыше всего. Тем более долг бригады и начальства. А. Сыцевич».

Это на первом заявлении. На остальных четырех я советую ему, для экономии сил, ограничиться резолюцией: «Не возражаю».

Ярош обеспокоен моим предстоящим недельным отсутствием:

— А кто будет работать на ПКР?

— Это наша забота! — говорит А. С. (Коли Р. сейчас нет, т. е. заменять меня придется самому бригадиру).

Старший мастер (отвечающий за производственную программу) тоже ищет слова для «нестандартной» резолюции и находит следующие:

«Не возражаю, с заменой оператора на станке КО-120».

— Тут и попроще можно было бы, — насмешливо замечает бригадир. — Ведь должны же человеку!

С этими заявлениями и визами иду в обед к и. о. нач. цеха Малкову. Тому досталось от меня за последнее время (и непосредственно, в связи с аварийными ситуациями на ПКР, да, полагаю, и опосредованно, в связи с проволочками в организации КТС). Теперь Малков может отыграться:

— Вас официально вызывали из отпуска в феврале?

— Нет.

— В таком случае, у меня нет оснований давать вам отгулы. (Вообще-то, это не отгулы. Ибо отгулы не оплачиваются, при оплаченной переработке. Но у меня переработка не оплачена. То есть, по существу, должно быть — оплаченное отсутствие. Что вполне точно определено бригадиром, как «долг бригады и начальства»... Заявление на отгул в таком случае — чистая формальность. Такие заявления «в приказ» не идут).

Прошу Малкова наложить письменную резолюцию. С беспардонным сознанием своей формальной правоты, тот пишет на каждом из пяти листков: «Нет основания».

После обеда показываю бригадиру этот итог своего визита к начальнику. Тот вначале: «Не понял!» — «А чего ж тут непонятного?». А. С. резко хватает мои заявления и устремляется к начальнику. Догоняю его: «Толя! Малков — <...> ! Не зарывайся!». Бригадир не сразу берет в толк, от чего я его предостерегаю, но реагирует очень дружелюбно.

Мда! Ситуация, что говорится, «нет слов, одни буквы остались». Начальник куда-то исчез. Толик сообщает мне, что до конца дня он с ним обязательно объяснится. Я же — могу с понедельника не выходить, он «берет на себя».

Пытаюсь его расхолодить [остудить? — А. А.]. Причем прошу разыскать Малкова поскорее. Ибо если они все же не договорятся, то придется брать отпуск за свой счет, на два-три дня, которые мне не могут не дать, если я объясню причину. (Конечно, обидно ехать в Москву только на два дня, когда «заработана» целая неделя. Но раз уж пошло дело на принцип...) <...> Все эти события разворачиваются на фоне наладки детали «Ф-...».

Тем временем приносят маршрутную карту на другую панель («Ф-...» — та самая, где апофеоз технологической безграмотности). <...> [*Здесь опущены технические подробности.* — А. А.].

Но важно сейчас не это. Штамповка детали, где ни много, ни мало 60 ударов, да еще с переворотом заготовки, расценена... по 4 коп. за штуку! То есть — порядка 0,07 коп. за удар. Норма установлена в три раза ниже прошлогоднего «стандарта» (0,2 коп. для обозначений, штампуемых на ПКР)! Короче — за всю партию, на которую я, даже и по своему шаблону, максимально удобному и т. п., затрачу больше смены, плата — пятерка. ПКР становится для бригады сущим «разорением»! И по этому поводу бригадиру еще предстоит скандалить...

<...> Где-то около 14 час. А. С., разыскавший, наконец, начальника, подходит ко мне, смущенный не меньше, чем полтора года назад, когда он мне обещал дневное производственное задание 9 руб., а начальство согласилось только на 8,5 (это — в 1984 г.; сейчас-то уже 9 руб.). «Как ты и предполагал... (он — мне). Полный отказ!».

Разговор у них с Малковым был жаркий. У зам. нач. цеха не залежалось сказать Толику, что если тот меня самовольно отпустит, то сам «партийный билет на стол положит» (конечно, это прерогатива уже не администрации, но аргумент — характерный).

— Ну, этого я не допущу, — замечаю я (имея в виду, что не собираюсь злоупотреблять его, Толика, гарантиями).

Потом бригадир задумчиво:

— Вообще-то, у нас еще один козырь есть...

— Какой же?

А. С. колеблется, назвать ли:

— Ведь другим такие отгулы дают без звука!

— Вот этим козырем пользоваться не надо, — говорю. (Тогда — всем плохо станет).

— Давай-ка, — предлагаю ему, — для начала, Колю Яроша допросим, что он по этому поводу думает.

Ярош берет на себя всю вину, но не ответственность:

— Я понимаю, Вы работали в отпуск. Надо было оформить, я этого не сделал. Я Вам подпишу любое заявление. Но против начальника — ничего не могу!

Отвечаю сдержанно, что извинения приняты. Но если мне не дадут отгулять, то придется кому-то нести материальную ответственность за то, что я работал пять дней бесплатно. (А за пять дней я зарабатываю, с премией, порядка 60 руб.).

Нет слов — у мастера.

Мы с А. С. отпускаем его, за ненадобностью. <...>

Вкратце.

Здесь опущено описание того, как было получено, уже у заводской, а не цеховой администрации, согласие на трехдневный отпуск «за свой счет», для поездки в Москву на заседание Комитета партийного контроля.

...Вторую половину дня — совсем не до работы. Телефонные звонки, разговоры с начальством... Наладив «Ф-...» для завтрашнего дня, последние полчаса до конца смены просто сижу рядом с А. С., орудуя напильником, и разговариваем «за жизнь» (поводов, как видно, предостаточно). Между прочим, и о случае с Женей Р. Кажется, только в этом пункте у нас с бригадиром разногласия.

<...> Историю с дисциплинарным взысканием Е. Р., развернувшуюся вскоре после моей, я до сих пор избегал записывать. (Женя просил «помалкивать»). Но вот сегодня, 5 сентября, вывесили табуляграмму с зарплатой за август. В ней про Женю указано: дневное производственное задание — 6 руб. Так что «тайное стало явным».

Вообще, наши дневные производственные задания (соответственно, уровни зарплаты) в бригаде различаются в диапазоне от 11,7 (у бригадира) до 6-7 руб. (у новичков). Е. Р., являющийся одним из самых квалифицированных рабочих в нашей бригаде (и обычно замещающий бригадира в его отсутствие), имеет задание 11 руб. Это — показатель внутрибригадного и внутрицехового статуса Жени (так же, как моему статусу отвечает сегодня 9-рублевое задание).

У нас в бригаде не все обходятся без дисциплинарных нарушений и соответствующих административных взысканий в течение года. В итоге, в прошлом году, например, чуть не половина бригады осталась без тринадцатой зарплаты. (Женя Р., между прочим, 13-ю получал). Самым ходовым взысканием за прогул является депремирование по итогам работы за месяц. Если депремируют на 100%, то для рабочего с таким заданием, как у Жени, единовременная потеря — рублей 80-90. То есть — чувствительно. Теперь стали наказывать также лишением дополнительных дней к отпуску, и даже — от одного до трех основных отпускных дней (которых у рабочего и всего-то 15).

Одной из «крайних» дисциплинарных мер является перевод на нижеоплачиваемую работу, сроком на 1-3 мес. В наших условиях это означает, что квалифицированный слесарь или станочник садится на автокару либо вручную возит «тачку» с заготовками или готовыми деталями.

Транспортировщиков всегда не хватает, и когда вдруг «некого наказывать», проблема дефицита этих кадров встает с особой остротой. Но в применении этой меры нельзя и перегнуть палку. Ведь квалифицированную работу тоже кому-то надо делать...

Таков диапазон наказаний (кстати, согласующийся с КЗоТом). Е. Р. явился «пробным камнем» самоуправства, своего рода административной

«партизанщины» относительно трудового законодательства. Сейчас не углубляюсь в «предысторию» взаимоотношений Жени с цеховым начальством. Ограничусь общеизвестными фактами. 1 и 2 августа, пропущенные Е. Р. на работе, не имеют оправдательного медицинского документа. А с 3 по 16 августа он находился в больнице. Вышел на работу 19-го (понедельник). 22 августа Женю пригласил и. о. нач. цеха Малков и посулил... снижение зарплаты вдвое, сроком на три месяца. На следующий день ему предложили расписаться под соответствующим распоряжением. Женя сгоряча не только расписываться, но даже и читать это распоряжение отказался. В тот же день в кабинете у начальника состоялось заседание цехкома, где Жене подтвердили снижение производственного задания с 11 до 6 руб. Однако все это — на словах. Распоряжение на доску почему-то не вывесили. Две недели Женя выполнял свою обычную (квалифицированную) слесарную работу, еще не зная, как она будет оплачиваться. Изучив КЗоТ (взятый у меня), он удостоверился, что такая мера наказания, как перевод на нижеоплачиваемую работу, разумеется, существует, но вовсе не снижение зарплаты без изменения характера работы (что как будто предпринято по отношению к Жене). Но было еще не ясно, в самом ли деле администрация решилась на такой сомнительный шаг, и если да, то как его оформила. По моему совету, Женя все же обратился к табельщице и переписал так и не обнародованное распоряжение начальника. Там фигурировал «перевод на нижеоплачиваемую работу», с уменьшением дневного производственного задания. Информация о снижении зарплаты Е. Р. аж вдвое (извлеченная из вывешенной табуляграммы) вызвала большой интерес у всей бригады, да и вообще в цехе. Такого у нас еще не бывало... Прецедент!

6 сентября (пятница).

Вкратце

В этот день экстренно собралась цеховая комиссия по трудовым спорам, заседания которой автор добивался на протяжении двух недель. Для этого понадобилось... обращение в прокуратуру! Помощник прокурора Петроградского района написал «предписание» директору завода, указав в нем на превышение 5-дневного срока рассмотрения заявления в КТС, как на «грубое нарушение трудового законодательства». Речь шла только о сроке. В предмет спора прокурор не вникал.

Первое заседание КТС (6.09.85).

Обед. Ровно в 12-15 — в кабинете начальника цеха. Сидят за приставным столиком по двое, «на равных»: представители администрации — Малков и Кутырина, и представители профсоюза — Минин и П-в. На столе — мое заявление и... «Справочник профсоюзного работника». (Тоже хотят теперь действовать «по правилам»!).

Председательствует на КТС сегодня член цехкома Минин (тот самый, который «не может такие вопросы решать»). Секретарские обязанности выполняет Кутырина.

Минин открывает рот, чтобы зачитать вслух поступившее от меня две недели назад заявление.

— Минуточку, — говорю. — Почему меня не спрашивают, не имею ли я отводов кому-либо из членов КТС?

— ?!

Еще не вполне осознав, о чем речь, Минин спрашивает:

— Кому же отвод?

— Вам лично! — отвечаю.

— ?!!

Моя мотивировка: «Минин уклонялся от исполнения своих обязанностей члена цехкома, ответственного за трудовые споры». Минин нервно оправдывается тем, что я обращался к нему в рабочее время, когда «надо работать». Хладнокровно замечаю, что когда я обращался к нему в обеденный перерыв, ему «надо было обедать».

Малков первым вышедший из оцепенения, зачитывает вслух соответствующий пункт «Положения о КТС», откуда явствует, что: а) заявитель имеет право на отвод; б) удовлетворить или отклонить этот отвод может только цехком. Стало быть, заседание КТС сейчас продолжаться не может. Обсуждают срок следующего заседания. Малков предлагает — в понедельник. Сообщаю, что в понедельник меня не будет на работе.

Малков: — Я же не подписал Вашего заявления!

Я: — Мое заявление, подписанное заместителем директора, находится у табельщицы. Полагаю, ей следовало Вас об этом информировать.

— !!

Полчаса спустя после окончания обеденного перерыва Кутырина приносит мне выписку из протокола. Узнаю из нее, что заседание комиссии отложено на 12 сентября (т. е. после моего возвращения). <...>

12 сентября (четверг).

Возвращаюсь из Москвы поездом № 19, прибывающим в Ленинград в 6-25.

Времени — в обрез, чтобы поспеть на работу. Бригадир мне показался каким-то унылым. Я — ему, как он потом сказал, бодрим.

(Решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 11.09.85 апелляция автора, исключенного из партии в 1984 г., была в очередной раз отклонена. — А. А.).

— На работе какой-то кошмар, — сказал бригадир. — Техпроцессы, расценки, возвраты... (Это уже не про ПКР, а вообще).

Второе заседание КТС (12.09.85).

После работы, в 16-15, вновь собирается КТС. Другой состав комиссии. От администрации — те же (Малков и Кутырина). От профсоюза — члены цехкома Иван Овчинников и Миша Фетисов. Таким образом, мой отвод Минину — цехкомом удовлетворен.

Председательствует на этот раз, строго в соответствии с «Положением о КТС», представитель иной стороны, чем в прошлый раз (т. е. не профсоюз, а администрация), а именно — Малков. Секретарь — Миша Фетисов.

Есть ли у заявителя возражения по составу комиссии? Нет. Малков зачитывает мое заявление. Любого из указанных в нем трех обстоятельств достаточно, чтобы отменить распоряжение начальника цеха от 31 июля. [См. выше. — А. А.]. Однако, прежде чем рассматривать их, до сведения комиссии доводится объяснительная записка мастера Г. Соколова: мол, деталь такая-то выдана им в бригаду для изготовления в указанный срок; «конкретных указаний, на каких именно станках изготавливать детали, я не даю». Лукавит Гоша!..

Объяснение ныне отсутствующего (в отпуске!) мастера Гоши противоречит моему утверждению, что деталь «Ф-...» штамповалась на ПКР по указанию администрации. «Есть ли у Вас документальное подтверждение?» — спрашивает Малков. Вообще-то, указания рабочему даются устно. Но у меня сохранился промасленный листок, на котором рукой мастера записано, какие детали штамповать в июле. Над списком указано: «ПКР» (!).

Кутырина: — А где подпись?

Я: — Нету.

— А на объяснительной есть!

— Разумеется.

— Объяснительная — документ, а это — не документ! — Но Вы же не станете утверждать, что второй написан не мастером, а кем-то другим?

Добавляю, что Г. С., вероятно, забыл. А если (вдруг!) отречется от этой записки, то (насмешливо) «можно и экспертизу произвести»...

Начальник тех. бюро цеха Кутырина информирует присутствующих, что на ПКР разрешено пробивать стальные листы толщиной до 2,5, а я пробивал — 3 мм. Перед этим меня спрашивали, знаю ли я правила эксплуатации КО-120. Я ответил, что много чего знаю такого, чего «знать не обязан». (Ведь мне до сих пор не удосужились присвоить разряд штамповщика).

Но самое пикантное, что Кутырина (главный технологический обвинитель) за шесть лет не удосужилась заглянуть в правила эксплуатации ПКР. Согласно техническим условиям, на КО-120 можно штамповать стальные заготовки не толще 2 мм (а вовсе не 2,5). Кутырина: — Но как же Вы не обязаны знать, если два года работали наладчиком?

— Наладчиком чего? — невинно спрашиваю я.

— Наладчиком технологического оборудования...

— А Вы никогда не интересовались, что это такое, по тарифно-квалификационному справочнику?

— ?!

— Наладчик т/о — это вовсе не наладчик прессов, — объясняю всем. — Эта специальность относится к электронному оборудованию. То есть оформление меня наладчиком т/о в свое время было липой. (Феномен «подснежника»: например, наш цеховой художник числится слесарем-ремонтником).

Нервничают члены КТС... Что он с ними делает, этот наладчик-законник!

Кутырина (с яростью бессилия):

— А Вы знаете, что ваше собственное заявление недействительно?

Я: — Это почему же?

— У Вас тут в одном месте написано — распоряжение нач. цеха от 31.07, а в другом — от 31.05.

— Ну, 31 мая никакого распоряжения не было. Ясно, о чем речь.

— Никому ошибаться нельзя, только Вам можно!

Игнорирую эту реплику Кутыриной — не заслуживает ответа.

Снова Кутырина: — Вы нарушали технологический процесс! Я: — Разумеется. И не только в этом случае. Мы выпускаем годные детали, нарушая негодные техпроцессы. И Вам это прекрасно известно. — Но здесь Вы замещали операции, которые без ПКР более трудоемки и оплачиваются дороже!

«Так значит... халтура!» — врывается член цехкома, шлифовщик Миша Фетисов, переводя разговор на нормальный рабочий язык.

Тут Кутырина делает опрометчивое заявление:

— Вы использовали оборудование в корыстных целях! Я: — А вот эти слова, пожалуйста, либо повторите, либо возьмите обратно. Это — не просто ложь, а ложь оскорбительная, порочащая, т. е. подсудная.

Сообразила Кутырина — взяла обратно. Но не лучше и Малков:

— Как получать зарплату — так Вы пожалуйста, а как выговор — так не хотите. Ну, это риторика...

А зам. пред. цехкома, фрезеровщик Иван Овчинников взывает... к моей «человечности»:

— Ну, как бы Вы поступили на месте начальника цеха?

Отвечаю шутливо:

— Вот когда сяду на его место, тогда и увидите, как я поступлю.

Заседание проходит не скучно: и для заявителя, и для членов КТС.

Кутырина и Малков более искушены в трудовых конфликтах. Они — «нападающие». А члены цехкома Иван Овчинников и Миша Фетисов — «полузащитники». Вот только «вратаря» в этой команде нет. (Мне же приходится одному отыгрывать за целую футбольную команду).

Иван Овчинников: — Но нарушали же Вы техпроцесс!

Я: — Не больше, чем Вы сами это каждый день делаете.

— !!

Снова Иван: — Я не знаю КЗоТа, мне некогда его изучать, но по-человечески... (Смысл: как можно спорить с начальником цеха!).

— Знаете что, — говорю, — чего вы меня уговариваете? Я готов отвечать на конкретные вопросы. А решайте уж вы сами. Как вам велят профсоюзный долг, личная совесть и трудовое законодательство...

Да, пора что-то решать... Малков предлагает посоветоваться без меня.

Высказываюсь в том смысле, что это что-то новое в профсоюзной демократии.

— В Положении о КТС, — парирует Малков, — не сказано, что надо решать в присутствии заявителя... — Сказано — рассматривать в присутствии, а решение — часть рассмотрения.

Приходится каждому участнику заседания резюмировать свою позицию в моем присутствии.

Малков: — Может, это и против КЗоТа, но по-человечески — я бы оставил решение в силе.

Иван Овчинников: — Я тоже.

Миша Фетисов: — Я тоже, но наказать и того, кто выдавал задание (т. е. мастера).

Дольше всех колебалась Кутырина.

— Нарушение КЗоТа все же есть, — говорит она, обращаясь к Малкову.

Похоже, что она предчувствует последствия. Но все же лучше ошибаться вместе со всеми, чем быть «прозорливее» остальных... Комиссия по трудовым спорам приходит к соглашению (так это называется в КЗоТе): «Распоряжение по цеху от 31.07.85 оставить в силе».

Надо признать, что я отчасти «стимулировал» их к такому решению. Поражение сборной администрации и цехкома было слишком очевидным. Они, конечно, понимали, что действуют против закона. И это, для каждого по-своему, представлялось уже неизбежным. Ведь «по-человечески»... просто невозможно иначе!

Члены комиссии с готовностью подчинились бы указанию сверху.

Но — не давлению снизу. («Моделирующая ситуация»!).

13 сентября (пятница).

Еще перед обедом говорю мастеру Ярошу:

— Давайте все же решим, что делать с теми пятью днями. Откладывать дальше некуда. Дарить производству неделю своего отпуска и заработок за целую неделю я не собираюсь. Не хотелось бы доставлять Вам неприятности.

Подумайте, как без них обойтись.

Старший мастер (он же — нач. участка) беспомощен:

— Может, Вы удовлетворитесь их оплатой?

Я: — Оплата — в любом случае. Кстати, как Вы это себе представляете? —

Можно было бы на месяц повысить Вам коэффициент трудового участия (иначе говоря — дневное производственное задание).

Откровенная лажа, к тому же дурно пахнущая...

Предлагаю Ярошу еще раз переговорить с зам. нач. цеха Малковым. Если удовлетворительного выхода не найдут — буду действовать сам. И тогда уж — не взыщите!

<...> Юридическая консультация на углу Невского и Литейного. Молодую женщину-адвоката мой случай — с не оформленным вызовом из отпуска — затруднил (она назвала его «интересным»). Пригласила подругу. Та рекомендует трудовой спор (вплоть до суда). При этом необходимо подтвердить (с помощью свидетелей) факт не оплаченной работы во время отпуска.

Неужто — опять «спорить»? Ох, хватит мне пока и нынешнего спора! Что же касается казуса Е. Р (Жени), получаю от адвоката уверенно негативный ответ. Мол, все правильно! А в тонкости бригадной организации труда в сочетании с индивидуальными заданиями вникнуть не сумела (или не захотела).

16 сентября (понедельник).

Где-то между 10 и 11 час. секретарь начальника цеха сообщает, что «меня ждет юрист». Интересная формула: не «приглашает» и не «вызывает», а ждет (как будто я об этом просил). Предупредив начальника участка Яроша, иду. Разговор с заводским юристом (16.09.85).

Выясняется, что директор завода, получив предписание прокурора насчет нарушения КЗоТа по части сроков рассмотрения трудового спора, поручил заводскому юрисконсульту Никитиной (кажется, заслуженному юристу РСФСР) разобраться в этом споре также и по существу. Произошло это не столь оперативно, как заседание нашей комиссии. Никитина от меня узнает, что еще на той неделе цеховая КТС приняла отрицательное решение. И это для нее неожиданность. Она говорит, что распоряжение Косачева — «не без изъянов», что директору — «неприятно», а она сама — «в трудном положении».

— Вы ведь, наверное, собираетесь подавать в суд?

— Не знаю. Сначала послушаю, что Вы мне скажете.

Никитина просит показать ей листок с заданием мастера штамповать пресловутые каркасы. У меня с собой его, понятно, нет. Прихожу с этим листком, уже в обед... Она не сразу находит там нужное обозначение детали. Хочет отметить птичкой. Даю ей понять, что с документом так обращаться нельзя.

Никитина: — Да я только точку поставлю!

Я: — И точку ставить я Вам не разрешаю.

— Но это же не документ!

— Для Вас, может быть, и не документ, а у меня другого нет. Никитина говорит, что ей надо побеседовать с начальником цеха и с бригадиром, для чего просит оставить ей этот «не документ». Отказываюсь. Предлагает... дать расписку.

Я: — Зачем мне Ваша расписка?

— Но как же я начальнику цеха покажу?

— Придется показывать при мне. <...>

Вкратце

Здесь опущены другие подробности беседы с заводским юрисконсультантом. Та по телефону приглашает к себе начальника цеха и бригадира. А. С. отказывается от беседы с юристом «в рабочее время». А после работы в этот день он играет в футбол.

...Приходит Косачев. Никитина знакомит его с моим «не документом». На одном краю стола лежит объяснительная записка мастера, на другом — его же «задание». Нач. цеха выражает доверие первой и недоверие второму. Сам

мастер Гоша все еще в отпуске. Будучи достаточно напорист, Косачев пытается одержать верх в словесной перепалке, которую обрываю:

— Если Вам хочется со мной поговорить, то можете вызвать меня к себе в кабинет (разумеется, в рабочее время) или подойти к моему рабочему месту... Во всяком случае, из нашего нелицеприятного обмена репликами Никитина могла понять, что «нарушение правил эксплуатации» совершалось не только по заданию мастера, но и с ведома всей администрации цеха. А распоряжением от 31 июля — просто искали «козла отпущения» и сводили личные счеты. <...>

8 сентября (среда).

Сегодня заводской юрист все же «отловила» Толика. Возвратившись от нее, мой бригадир сообщил, что распоряжение, похоже, отменят.

Я: — Ну, а ты что говорил?

А. С.: — Сказал, что, конечно, распоряжение несправедливое. Да тут не только мастер, сам начальник цеха прекрасно знал... Предыдущие начальники помалкивали, а этот полез рубить сук, на котором сидит. (Передаю смысл, а не дословное высказывание бригадира).

Я: — Ну, и ладно!

<...> Еще утром по цеху разнесся слух (источник — Коля Ярош), что директор «выгнал с завода» заместителя начальника нашего цеха Малкова. То ли за срыв программы, то ли еще за что... Больше всего эта информация впечатляет Женю Р. Именно Малков срезал ему зарплату вдвое, а теперь скоростижно уволен. С кем же теперь спорить? Я смеюсь: «Ну ты, Женя, прямо как кролик, потерявший из виду своего удава».

Объясняю, что спорить, если захочет, ему придется не с конкретным лицом, а с администрацией.

Женя до обеда «ломает голову» и, наконец, принимает решение — подавать, вопреки предостережениям юристов, заявление в КТС. Соглашаюсь помочь ему. Составляем заявление вместе, после работы, в садике, у памятника проф. Попову.

«Заявление в комиссию по трудовым спорам цеха № 3 ЛЗПМ.

Распоряжением № 93 и.о. нач. цеха Ю. Малкова от 23.08.85 на меня наложено дисциплинарное взыскание, которое я считаю несправедливым и незаконным. Согласно распоряжению, я, будучи слесарем механосборочных работ, работающим в бригаде 003, переведен на нижеоплачиваемую работу по этой же специальности, с уменьшением дневного задания с 11 до 6 руб. сроком на 3 мес. Прошу КТС отменить распоряжение № 93 по цеху № 3, имея в виду следующие обстоятельства:

1) В распоряжении неверно утверждается, что мною допускались неоднократные нарушения трудовой дисциплины. Мною допущено одно нарушение — своевременно не представлен оправдательный медицинский документ за отсутствие на работе 1 и 2 августа (с 3 по 16 августа я находился в больнице). Если бы были другие нарушения, они должны были бы повлечь за собой административные взыскания, каковых у меня не было ни в прошлом, ни в нынешнем году.

2) Я являюсь слесарем механосборочных работ 5 разряда. В распоряжении № 93 не указано, на работу слесарем какого разряда я переведен. Фактически же я вот уже скоро месяц после издания распоряжения выполняю всю ту же работу, что и раньше, причем даже мастер не поставлен в известность о том, что задание мне снижено почти вдвое. Фактически моя работа никак не изменилась, а изменилась только зарплата, то есть я получаю не по труду, а по усмотрению администрации.

3) *Распоряжение о переводе на другую, нижеоплачиваемую работу во всяком случае не может относиться к предшествующему этому распоряжению периоду (до 23 августа). Между тем, за все отработанные мною в августе дни (с 19 по 30.08.85) зарплата начислена мне из расчета 6-рублевого задания. Есть и другие нарушения трудового законодательства в применении ко мне дисциплинарного взыскания.*

Прошу — распоряжение № 93 по цеху № 3 от 23.08.85 отменить и вернуть мне незаконно удержанную часть зарплаты за август-месяц.

Е. Рыжов, 20.09.85».

— Похоже, что с меня началась в нашем цехе эра трудовых споров, — замечаю шутливо.

Женя: — Ну вот, теперь и я вступил в борьбу, так их растак...

23-27 сентября (понедельник — пятница).

Эту неделю, всю целиком, записываю с опозданием. Поэтому затрудняюсь реконструировать последовательность событий внутри отдельных дней и даже принадлежность некоторых событий к определенному дню. Приходится отступить от строго дневниковой формы. Основные тематические или «сюжетные» линии следующие:

Линия 1-я — производственно-трудовая (включая отдельные «технологические приключения»).

Линия 2-я — производственно-профсоюзная, включающая: (а) мой трудовой спор; (б) трудовой спор Е. Р.; (в) отчет и выборы цехкома.

Линия 3-я — производственно-административная (включая историю предоставления мне пятидневного «отгула»).

<...> У станка уже третью неделю лежат 50 штук «Ф-...». Но это — 2,5 мм стальные листы, которые не только не предусмотрены для штамповки на ПКР техпроцессом, но и превышают разрешенную для моего станка толщину материала (см. выше).

Штамповать их сейчас, в разгар трудового спора с администрацией насчет «нарушений правил эксплуатации станка», мне нежелательно. В свое время договаривались с бригадиром, что я налажу, а «отбомбит» (отштампует) он сам. Дважды в течение этой недели я налаживал, но то бригадир был занят, то поджимала другая работа, и приходилось разрушать настройку. Теперь срочно нужно хотя бы 11 деталей из 50.

— Толя, — говорю, — почему бы Косачеву специально не распорядиться насчет этой детали? С учетом особых обстоятельств...

А. С. вполне понимает мой намек. Но у него тоже нет выхода:

— Понимаешь, я завязан с 10-м цехом. Я делаю им, они — мне.

Бригадир выражает готовность лично встать за станок.

Я: — Не надо. Бросится в глаза... Я отштампую сам. (Шутливый стишок Н.

Рубцова: «Побежала коза в огород. / Ей навстречу попался народ. / Говорит: ты куда, егоза? / И коза опустила глаза. / А когда разошелся народ, / побежала опять в огород»).

Выдав бригадиру необходимые 11 штук, не снижая темпа, штамую и остальные 39, благо начальства нет. Даже задерживаюсь после смены на полчаса.

А. С. не благодарил, но, вероятно, оценил по достоинству мой «благородный» поступок. <...>

Вкратце

26 сентября 1985 г. состоялось рассмотрение трудового спора Евгения Р. Неожиданно для него самого, да и для его «консультанта», он этот спор выиграл.

...Женя рассказывал подробности о заседании КТС. Начальник цеха Косачев сказал: «Заявление написано грамотно, а администрация ошиблась». Мы сошлись на том, что начальнику, конечно, было нетрудно признать ошибку администрации, благо допустил ее не он сам, а его заместитель Малков (которого, вроде, снимают).

Незаконно высчитанные у Жени из августовской зарплаты деньги (60 руб.) будут возвращены ему двумя порциями. Если учесть, что с отменой малковского распоряжения Женя будет получать свою «нормальную» зарплату также и в последующие два месяца, то этим трудовым спором ему удалось отстоять (выиграть или «спасти»): $60 + 150 + 150 = 360$ руб. Женя считает, что обязан этим мне. Я сказал, что если и обязан, то не столько моим консультациям, сколько страху, который я нагнал на администрацию своим собственным трудовым спором (судьба которого, кстати, до сих пор не решена). <...>

8 октября (вторник).

Первый день на работе после недельного «отгула» (ездил к друзьям в Вильнюс). Бригадир А. С. — в отпуске. За него, как обычно в таких случаях, Женя Р. На ПКР без меня никто не работал.

<...> Женя говорит, что выписка из протокола заседания КТС по его вопросу три дня висела на доске объявлений. Уж лучше бы, мол, не висела, а то все подходят, поздравляют...

Я: — А на руки тебе выписку дали?..

Женя: — Нет. А надо?

— Вообще, обязаны по Положению. Ладно, подожди зарплаты.

Посмотрим, по какой статье проведут...

Вкратце.

Тем временем собственный трудовой спор рабочего-социолога с администрацией получил дальнейшее развитие. Как положено, в случае несогласия одной из спорящих сторон с принятым на КТС решением, этот вопрос обсуждался на цехкоме. Рассматривали его дважды. Первый раз, еще в сентябре, цехком оставил решение КТС в силе. Но, как выяснилось, при этом не было... кворума, который, согласно Уставу профсоюзов, должен в таких случаях составлять не менее 2/3.

Ниже приводится описание второго заседания цехкома, кстати, уже в новом составе, после очередных перевыборов.

Заседание цехкома (8.10.85).

<...> На этот раз собрались 13 чел. из 17 (т. е. больше 2/3). После того, как зам. пред. цехкома Иван Овчинников зачитал мое заявление, наступила томящая пауза. Никто, похоже, не знал, что дальше делать. Ситуацию разрядил начальник цеха Косачев. Он, неожиданно для всех присутствующих, сообщил, что директор вызывал его по этому вопросу и собирается своим приказом отменить распоряжение о выговоре. Как я к этому отношусь? (Кажется, прозвучало: «Устроит ли Вас это?»).

Я сказал, что директорского приказа не видел. Когда увижу — выскажу свое отношение. Надежды на то, что я тут же «сняму» свое заявление, не оправдались. Тем не менее, члены цехкома вздохнули с облегчением. (Ведь в случае отмены распоряжения директором, им вроде не только ничего решать, но даже и обсуждать не понадобится). Решено: отложить вопрос. Срок — не определялся.

9 октября (среда).

Мастер Гоша успел созреть для решения проблемы с аварийной «Ф-...». С оскорбленным, после всех наших передраг, видом он вручает нам с бригадиром (Женей Р.) письменное (с датой!) распоряжение: «Изготовить деталь «Ф-...» в кол-ве 50 штук на КО-120. Г. С.». Вот, мол, до чего мы — его довели!

Я беру этот «документ», как нечто совершенно естественное и, отложив все остальное, начинаю налаживать... официально предписанную администрацией, вопреки техпроцессу, по «нелегальному» шаблону, работу на своем станке. («Припрет —никуда не денутся», — вчера заметил Игорь Виноградов).

Но тут... выкидывает коленце станок. <...>

[Здесь опущено описание аварийной ситуации с работающим без профилактического ремонта оборудованием.

10 октября (четверг).

Зам. нач. цеха Малков в самом деле освобожден от занимаемой должности. На его место директорским приказом назначен (оказывается, еще с 1 октября)... мастер участка Николай Ярош!

<...> Получили расчетные листки. У меня в этом месяце всего 201 руб.

(сказались 3 дня за свой счет для поездки в Москву в сентябре). У Жени Р. к сентябрьской зарплате добавлены 22,5 руб., которые администрация «задолжала» ему за август. По какой же «статье»? Эта сумма — под кодом 6 (премия за выполнение личных заданий). Вот так, в августе незаконно «наказали», а в сентябре не менее незаконно «поощрили».

<...> Зову технолога: «В техпроцессе записана нелепость». <...> [Здесь опущено описание очередной производственной неувязки. — А. А.]. Нина Толстова: — Но Вы же как-то штампуете? — Я штамую по самодельному шаблону. И, пожалуйста, так и напишите в техническом документе, если хотите как-то оформить эту работу.

Нина послушно-обреченно (впрочем, может, и не осознав до конца значимости момента) вычеркивает фиктивную «штамповку по координатным линейкам» и под мою диктовку вписывает: «По самодельному шаблону. Н. Толстова.». Такое — впервые за пять лет! <...>

11 октября (пятница).

В первой половине дня состоялся необычный вызов всей нашей бригады (в полном составе) к начальнику цеха. «Что-то новенькое!..» (Сергей Р.). Явились в кабинет. Расселись.

Оказывается, поводом послужил двухдневный прогул Сергея, на прошлой неделе. Тот попросил начальство не выносить ему взыскание и договорился с мастером Гошей, что вечерами отработает. Дело обычное... Уже два вечера и отработал. Еще раз в субботу выйти — и были бы «в расчете». Но тут Косачев вмешался, говорит, что не имеет права «прощать».

Вообще, в вашей бригаде за последние два месяца — уже третий случай, говорит начальник цеха: Сергей И., Сергей Р. и... сам и. о. бригадира Евгений Р., который-де «ускользнул от наказания»... Все это имело характер общей воспитательной беседы: мол, за прогул одного члена бригады не только он сам, а и вся бригада должна отрабатывать (понимай так — работать сверхурочно, когда понадобится). Понадобилось — уже в эту субботу! Так мы все и поняли намек. Уважения к Косачеву этот его демарш не прибавил.

Я говорю Жене:

— Видишь, двух недель не прошло, а уже выигранный тобой трудовой спор истолковывается как — ускользнул от наказания. Возьми-ка ты выписку из протокола КТС, от греха...

Женя согласен, что надо взять.

(Как выяснилось к концу дня, в субботу выйдут только три-четыре человека из нашей бригады). <...>

14-18 октября (понедельник — пятница).

<...> Вторую половину этой недели загрузка моего станка была неустойчивой. В среднем полсмены я работал на ПКР, полсмены — слесарем. Слесарил разнообразно: снимал грады, сверлил по кондуктору, зенковал, нарезал резьбу... Эти заурядные слесарные операции для меня менее рутинны, чем ПКР, и были мне в охотку.

Кажется, в эти дни сложился стереотип: когда работы на станке нет, беру листовые детали и снимаю шабером грады с мною же прорубленных пазов и отверстий (все равно кому-то придется это делать). Причем шабрю за своим же координатным столом, т. е. в рабочей позе управления станком.

Это позволяет не дергать лишней раз бригадира. Он видит, что я — при деле. Возникнет более срочная работа — сам подойдет.

<...> После окончания рабочего дня 16 октября (среда) по дороге в раздевалку обнаруживаю на доске распоряжений приказ директора завода:

«Распоряжение № 86 от июля 1985 г. начальника цеха № 3 Косачева А. А. о наложении дисциплинарного взыскания и депремировании слесаря м/с работ Алексеева А. Н. — отменить как наложенное с нарушением трудового законодательства».

Ну, что ж! Силы директорского приказа достаточно, чтобы отменить распоряжение начальника цеха, но... не мое заявление. В принципе, было бы логично настоять, чтобы цехом собрался в третий раз и «принял к сведению» приказ директора. Однако с моей стороны это был бы, пожалуй, уже «перебор»... И все же, мое заявление никто кроме меня отменить не может. Что я и сделал день спустя:

«В связи с изданием приказа директора завода № 425 от 15.10.85, считаю свой трудовой спор с администрацией цеха № 3 исчерпанным. Свою просьбу о его рассмотрении, выраженную в заявлении в профком завода от 25.09.85, снимаю». (Отнес в завком).

...Наутро (17 октября) я был горячо поздравлен Женей Рыжовым. Всеми остальными это событие было замечено, но «отмечать» не стали. Директорский приказ провисел недолго. Но для оповещения цехового коллектива — достаточно.

* * *

<...> Так благополучно разрешились к середине октября все сюжетные линии моих августовско-сентябрьских записей. Кроме одной: борьба за «порядок» на производстве. Но надо же — и тут прозвучало что-то вроде заключительного аккорда... Начальник ОТК цеха Николай Лукашевич, который в последнее время все чаще лично сталкивается с проблемами моего ПКР (особенно в тех аспектах, которые приводят или могут привести к браку), вдруг 15 октября предложил мне составить обзор всех этих «заморочек» для передачи им (Николаем) лично начальнику ОТК завода. Я выразил полную готовность. И два вечера подряд, вместо этого дневника, составлял обзор.

На титульном листе школьной тетрадки вывел: «Так мы работаем (август-октябрь 1985 г.)». Жанр этого документа был обозначен мной, как «рабочая записка».

Отдал Николаю — 18 октября (пятница, последний день ведения настоящей «хроники»).

... Таким вот оригинальным способом результаты моих социально-производственных наблюдений и действий были «внедрены» в управленческую практику.

(Записано в августе-октябре 1985 г.)

(32)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-veter-peremen-1986-1987>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН?
(1986-1987)**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 08.11.2016

«...Перемен не надо ждать, их надо делать! Таким видится главный общественно-политический урок из опыта моего эксперимента, который нельзя свести только к производственной сфере. Вопреки обывательскому здравому смыслу, я вовсе не считаю этот опыт отрицательным...» (Из записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (январь-апрель 1986)).

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

(Здесь сохранена нумерация глав и разделов вышеуказанной книги. А. А.)

<...>

14.4. Ситуация ожидания перемен

Из записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (январь-апрель 1986)

<...> Есть и позитивные изменения [на производстве. — А. А.]. Они касаются пока не столько самой организации труда, стиля управления и т. п., сколько формирующейся исподволь, в самой гуще трудового коллектива неудовлетворенности таким положением. И в этом, пожалуй, главное завоевание истекшего [1985-го. — А. А.] года.

Есть признаки оздоровления атмосферы, когда административная нераспорядительность, безответственность, организационные и технические просчеты начинают восприниматься как нетерпимые, об этом все чаще заходит речь на партийных собраниях, зазвучал голос рабочей критики. Хозяйственным руководителям становится уже нелегко списывать все беды за счет отдельных прогульщиков. Ибо нарушения, идущие «сверху», обходятся куда дороже, хоть этого администрация и не любит признавать.

(Характерный пример: просмотрев подряд, скажем, годовую подшивку заводской газеты «Трибуна машиностроителя», можно убедиться, что факты, аналогичные отмечавшимся мною в производственных дневниках и научных отчетах 1980-1981 гг., вдруг как-то сразу выплеснулись на ее страницы <...>).

Возникла ситуация, которую можно определить <...> как действительное **ожидание перемен** в повседневной хозяйственной и общественной жизни. Только еще далеко не всем понятно, что перемен не надо «ждать», их надо — самим осуществлять. <...>

А. Алексеев, январь-апрель 1986

14.5. 1986-й, не бедный событиями...

А. Алексеев — Б. Тукумцеву (декабрь 1986)

[Вопреки обыкновению, настоящий текст приводится раньше тех, что предшествуют ему хронологически, поскольку содержит обзор событий и обстоятельств 1986 года, подробно описанных в последующих разделах. — А. А.]

Здравствуй, Будимир!

Благодарю Тебя за новогодний привет. Взаимно! Ты пишешь, что знаешь обо мне «урывками»... Прими мой краткий жизненный отчет.

Уходящий год был не беден событиями и личного плана, не говоря уж об общественных.

К открытию XXVII съезда партии я отправил в Москву не только апелляцию, но и письмо М. С. Горбачеву. Кроме того, мною была подготовлена аналитическая записка для ЦК КПСС, под названием «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки».

В письме Горбачеву я выразил готовность представить эту записку в ЦК, «по первому требованию». Однако требования не последовало и пришлось-таки отдать ее в Ленинградский обком.

Моя апелляция к Съезду рассматривалась еще летом — и в обкоме, и в Комитете партийного контроля. **Отклонена.** (Аппарат перестраиваться не спешит).

Также летом мною был выставлен гражданский иск к секретариату Советской социологической ассоциации — о защите чести и достоинства (подробности опускаю). В ноябре в Москве дело рассматривалось судом и **выиграно** мною (правда, иск касался частного вопроса).

На заводе я стал победителем социалистического соревнования (в 3-м квартале — третье из десяти призовых мест).

В заводской газете «Ленполиграфмаша», кажется, нет более часто и остро печатающегося рабкора. (Особенный резонанс получила публикация «Двухсменка — для дела или для рапорта»; прилагаю экземпляр газеты).

Мой заработок на заводе в этом году превысил ставку старшего научного сотрудника со степенью и 10-летним стажем.

Из ИСЭПа недавно с позором (парт. взыскание) удален Н. Лобанов и земля горит под ногами И. Сигова. Уволенный было за критику, Л. Ке-сельман восстановлен с 2-месячной оплатой за вынужденный прогул. И т. д. (события почти мои личные).

Журнал «ЭКО», по своей инициативе, подготовил мои производственные дневники 1980-1981 гг. к публикации. Я приостановил эту публикацию по ряду соображений.

Р. Рывкина обратилась с письмом к первому секретарю Ленинградского обкома Ю.Ф. Соловьеву в защиту социолога-рабочего (это — еще весной).

Были и другие гражданственно-дружественные акции, со стороны ленинградских и иногородних социологов. Я этим акциям больше не препятствую.²⁴

О недавней смене руководства Советской социологической ассоциации Ты, конечно, знаешь.

На пленуме правления ССА, в конце ноября, А. Назимова обнародовала мою историю. Сейчас Центральная ревизионная комиссия ассоциации расследует обстоятельства моего исключения из ССА в январе 1986 г.

Вот некоторые из лично-общественных событий минувшего года, к которым можно добавить и семейные: родился второй внук (в августе) ; Неля [Н. А. Крюкова. — А. А.] защитила докторскую диссертацию (в мае).

Всего доброго Тебе — в Новом году. Жму руку!

Андрей Алексеев, 19.12.86

[А теперь обо всем перечисленном — подробно и по порядку. — А. А.]

14.6. «Дело» социолога-рабочего: новые повороты

14.6.1. Надо ли беречь «неудобных»?

Из записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (январь-апрель 1986)

<...> В последнее время в центральной печати все чаще можно встретить выступления в защиту или в поддержку так называемых «неудобных» людей. В самую общую схему «укрощения строптивого», пожалуй, можно отнести и мою историю. Но есть в ней и особенности, для которых в прессе не нахожу прямых аналогий.

Все было бы куда проще, если бы можно было непосредственно соотнести какое-либо из моих критических выступлений с последующими преследованиями. Если бы преследование осуществлялось тем самым «задетым» лицом, а не кем-то другим, по его настоянию, совету или даже намеку. Если бы гонение выражалось в выживании с работы или даже в судебной расправе (что, как известно, пришлось пережить некоторым принципиальным и неуступчивым людям).

И предметы моей критики не те, что у большинства «неудобных». Никаких хозяйственных злоупотреблений, хищений или лихоимства я не разоблачал. Мною ставились вопросы и проблемы иного плана, думаю, заслуживающие не меньшего внимания и беспокойства.

Главная особенность моего случая в том, что профессиональная общественная активность, направленная на приближение перемен (иногда не без издержек «нетерпения» и ошибок с моей стороны), получила в качестве основной формы пресечения — **политические обвинения**. Наверное, это самое действенное средство против человека моей профессии.

В какой-то момент стало ясно, что силою обстоятельств (в которых и моя роль, пожалуй, не последняя) рамки эксперимента социолога-рабочего расширились. «Экспериментальный» характер приобрела сама ситуация противодействия

попыткам откровенного, реалистического анализа и острой, критической постановки общественных вопросов.

<...> Недавно центральная газета опубликовала размышления публициста под названием «Берегите «неудобных»!» — на месте передовой. Призыв газеты как будто однозначен... Но надо ли так уж беречь тех, кто сам себя не бережет? Ведь «неудобный» все время сам подставляет себя под удары... Ибо если бы противодействие не было бы равно действию, то незачем было бы и действовать...

Если начать «неудобных» особенно беречь, то они, пожалуй, утратят свою общественную функцию. В чем же эта функция?

В период относительной общественной самоуспокоенности, приводящей, как известно, к неблагоприятным для общества последствиям, функция «неудобных» состоит в сохранении своего рода преемственности активной жизненной позиции там, где эта позиция постепенно девальвируется. В период же отчетливого общественного осознания необходимости перемен и их реализации — потенциал не потерявших общественного темперамента «неудобных» оказывается реальной двигательной силой этих перемен. Если справедливо мое самоотождествление с этой общественной категорией, то мне достались обе эти функции.

<...> Следует ли беречь «неудобных» и «строптивых»? Думаю, что «холить», «лелеять», «жалеть» не надо. Надо давать им возможность, шанс, если угодно, создавать условия — для максимальной **самоотдачи**.

Замечу в этой связи, что мое личное положение, несмотря на все описанные «злключения», в бытовом отношении вовсе не бедственное. За шесть лет я стал квалифицированным, позволю себе сказать — кадровым рабочим. Более опытного специалиста по внедренному мною типу оборудования на заводе нет. Нравственно-психологический климат, взаимоотношения с товарищами по работе — отличные.

Вовсе не умерилась и моя общественная активность. Правда, администрация порой и недовольна предложениями рабочего по усовершенствованию производства, но постепенно они все же внедряются (если не сегодняшние предложения, то вчерашние). Либо я сам их внедряю (когда это в моих силах). В прошлом году, раздраженный моей критикой, начальник цеха объявил было мне выговор «за нарушение правил эксплуатации станка». Но инцидент оказался исчерпанным отменой этого выговора приказом ди-ректора. В общем, никому не приходит в голову меня «беречь». Но мне это и не надо.

Проблема в другом. Как максимально использовать «внутренние резервы», творческий потенциал? Не ошибусь, если скажу, что в стране немного социологов, которые бы знали сегодняшнюю производственную жизнь, **со стороны рабочего**, лучше меня. Это знание, добытое не в кабинете, — мое достояние, которое стоит пустить в дело. Спрашивается: как лучше использовать опыт, знания, накопленный научно-практический «багаж»?

Однако эти вопросы, думаю, относятся не только ко мне. Есть все основания задуматься над тем социальным процессом, который представляет собой деятельность так называемых «неудобных» людей...

В. И. Ленину принадлежит известное замечание о том, что надо «ценить самостоятельных людей», а не видеть в них «интригу» или «противовес» (ПСС, т. 54, с. 73). Но ценить — это не просто «беречь», это прежде всего эффективно использовать общественно ценный потенциал личности.

<...> Вряд ли здесь достаточны пока еще доминирующие у нас «ведомственные» формы организации, «служебные» рамки трудовой деятельности, «иерархические» структуры управления. Куда более широкие перспективы

открывают разнообразные, ныне все более оживляющиеся формы общественной самоорганизации, самодеятельных объединений, индивидуального и коллективного социального экспериментирования. Вряд ли обычные материальные и моральные стимулы здесь сработают. Действенными стимулами скорее окажутся широкие возможности для творчества, гласность, справедливость. Такова одна из важных граней кардинальной общественно-политической проблемы интенсификации человеческого фактора общественного развития.

* * *

<...> Уроки правды и дела, прозвучавшие на Съезде [XXVII съезд КПСС. — А. А.], нуждаются в постоянном подкреплении, воспроизведении, распространении, отстаивании.

Это — работа не на месяцы, а на годы. Однако первые послесъездовские месяцы, наверное, самые ответственные в этой работе, ибо от них зависит переход от массового «ожидания» — к массовой уверенности, а от нее — к массовой общественной активности.

Перемен не надо ждать, их надо делать!

Таким видится главный общественно-политический урок из опыта моего эксперимента, который нельзя свести только к производственной сфере. Вопреки обывательскому здравому смыслу, я вовсе не считаю этот опыт отрицательным.

А. Алексеев, январь-апрель 1986

14.6.2. «Намек» сверху или инициатива «снизу»?

Из «Записей для памяти» (март 1986)

<...> Я находился в отпуске с 3 февраля по 3 марта 1986.

Первые две недели провел в Ленинграде, дома. 15 февраля (суббота) после коммунистического субботника ко мне домой неожиданно явился и. о. мастера Н. Реутов, просил выйти на работу, мол, очень нужно для программы. На мое замечание, что есть кому работать на ПКР (бригадир может налаживать, ученик — штамповать), Н. Р. вздохнул, что у них «не получается».

Я сказал, что выйти на работу никак не могу: у меня уже билет в Москву куплен, а ехать в Москву мне надо обязательно. [Цель поездки — консультации с московскими друзьями по своему «делу» и отправка непосредственно из Москвы апелляции XXVII съезду КПСС. — А. А.].

Когда я уже находился в Москве, 21 февраля (пятница) поздно вечером ко мне домой звонил начальник цеха А. Косачев. Разговаривал с Не-лей. Спрашивал, как разыскать меня в Москве (в какой гостинице остановился), чтобы вызвать меня из отпуска ввиду крайней производственной необходимости.

Неля не знала, как со мной связаться, обещала при случае мне передать.

По возвращении из отпуска я поинтересовался у нач. цеха, как ему стал известен мой домашний тел. (которого я, кажется, даже бригадиру не сообщал).

Оказывается, выясняли через «09»...

Ремарка: не оставляют вниманием...

Жаль, не догадался тогда попробовать сам выяснить собственный домашний телефон через «09». Вряд ли это удалось бы, поскольку телефон установили меньше года назад.

Хоть вызовы рабочих из отпуска случались и прежде (даже со мной; см. выше: раздел 14.2), думаю, что не настолько уж крайней была производственная необходимость, чтобы искать отпускника в другом городе. Скорее всего, было нежелательно (для Управления КГБ? для обкома партии?) мои контакты в Москве накануне и в период XXVII съезда КПСС. (Март 2001).

...Отработав, после выхода из отпуска, первую неделю марта и чуть подогнав первоочередные «хвосты» на ПКР, я слегка поранил руку, однако из-за местного заражения пришлось уйти на бюллетень. В понедельник, 17 марта, около 17 час. меня разыскал дома по телефону нач. цеха, с двумя «накопившимися ко мне вопросами».

Первый — надо переписать объяснительную по травме (имеющаяся — не удовлетворяет требованиям отдела техники безопасности).

Второй вопрос — поступило указание в течение 2-х дней составить и утвердить мою партийную характеристику, в моем присутствии. Характеристика — за период после исключения из партии.

Как амбулаторный больной, я выразил готовность явиться в любое время (выпишут меня на работу, по моим предположениям, в четверг). Договорились на завтра, на 10 час.

18 марта, во вторник, я явился к ст. мастеру Г. Соколову и переписал задним числом объяснительную по травме, по его указаниям.

Затем разыскал секретаря партбюро цеха В. Курсова (как было договорено с нач. цеха по телефону). Тот предложил мне явиться на партсобрание завтра, 19 марта, в 12-25 (т. е. в обеденный перерыв).

В. Курсов в разговоре обратил внимание на быструю реакцию вышестоящих инстанций на мое обращение к Съезду (это произвело также большое впечатление на бригадиров А. Сыцевича и И. Виноградова, с которыми на эту тему успел перемолвиться).

Курсов сказал, что характеристика уже почти написана, добавив, что написана **«как оно есть»** (т. е. положительная), хоть я о содержании характеристики и не спрашивал. Наверное, я буду восстановлен в партии (сказал В. К. как бы от себя, но вряд ли сам придумал).

Секретарь партбюро словно еще что-то хотел сказать, не прекращал разговора, хоть вся необходимая информация и была им сообщена. Я поинтересовался, откуда поступил запрос на характеристику? — «Из обкома».

Сыцевич (в это время он работал на моем ПКР) уже оказался осведомлен об этих событиях. «Быстро развернулись!» — заметил бригадир, полагавший, что раньше 2 месяцев никакой реакции не будет.

Игорь Виноградов, увидев меня, поманил, чтобы сообщить, что к нему на участок недавно приходил директор завода А. Долбежкин и расспрашивал специально обо мне. Мол, как я работаю?

И. В. сказал — отлично, т. е. «зае-сь» (полагаю, наше обиходное выражение в их беседе все же не прозвучало). Мало кто так работает! Можно кого угодно спросить... Да вот, хоть моего бригадира Сыцевича.

К последнему директор подходить не стал. Еще директор будто бы спросил: так, выходит, А. **все правильно писал?** (Это он — про «Письма Любимым женщинам»!). И. В. ответил, что моих записей не читал, наверное, мол, правильно.

Еще будто бы директор заметил в беседе с Виноградовым, что того «кагебешника», который... и т. п., мол, его «прихватили» (?!). Сообщив это мне, Игорь как бы «прикусил язык» (а может ждал моей реакции, на что я сказал, что ничего об этом не знаю, слышу впервые).

Наконец, И. В. проявил осведомленность о завтрашнем утверждении моей характеристики, заметив, что и предыдущая была «ничего» (в чем я не стал И. В. переубеждать, помня, что он за эту предыдущую голосовал).³⁰

Мы обменялись с Виноградовым впечатлениями о последнем выступлении в «Ленинградском рабочем» (14.03.86) В. Четкарева: «Они у меня ничего не получают!», где и сам И. В., и мой бригадир А. С., и другие с нашего участка выступают в качестве «героев» (я же сам — «герой за кадром», поскольку речь там идет, в частности, о моей «бешеной халтуре, красивой детали»).

И. В. и я сошлись в том, что этот журналист «не в себе», т. е. «с приветом». Но это отдельная тема.

Что касается предстоящего утверждения (обсуждения?) моей характеристики и всей сопутствующей этому информации, то создается впечатление, что сам по себе **факт** ее оперативного заказа, предпринятого обкомом, возможно, и без намека, внизу воспринят как **намеки**! То есть усмотрено «намека» больше, чем на самом деле «намекнули». <...>

(Записано 18.03.86)

Из «Записей для памяти» (март 1986)

<...> Собрание происходило в обеденный перерыв. В нем участвовало 21-22 чел. членов и кандидатов в члены КПСС (свыше половины всей цеховой партийной организации).

Всех присутствовавших я, пожалуй, не запомнил, но обратил внимание, что присутствовали Лобов, Никитин, Баталов, из числа выступавших на партийном собрании два года назад (16.04.84).

Отсутствовали (из этой категории) Новиков, Калинин, Б. Г. Максимов. Были ли первые двое в тот день на работе — не знаю, а Максимова я встретил у заводской столовой по дороге в цех.

На собрании присутствовали также нач. цеха Косачев, ст. мастер Соколов (кажется, кандидат в члены КПСС), к концу подошел председатель цехкома Кутуев. Были бригадиры Сыцевич и Виноградов.

Вспоминаю, что присутствовали также Фетисов, Городчиков, Тимофеев, И. Смирнов, Минин, Трусов, Король, кладовщица Валя (разве она вступила в партию?). Здесь перечислены не все, а только кого запомнил.

Председательствовал секретарь партбюро В. Курсов. Обязанности секретаря выполняла член партбюро Н. Толстова.

Курсов извинился, что приходится часто «беспокоить» коммунистов (предыдущее собрание было, кажется, на прошлой неделе). Так «сложилось обстоятельства»! Повестка дня — «одна», утверждение характеристики А. Проект характеристики был зачитан самим Курсовым, в преамбуле указаны: год рожд., национальность, образование, социальное положение <...>, «кандидат философских наук», «исключен из партии в 1984 г.»

(Курсов, человек вроде бы грамотный, застопорился на слове «философских» и произнес что-то вроде «философических». От истины недалеко...).

В характеристике отмечается, что А. работает на заводе с января 1980 г. После исключения из партии (в 1984 г.) продолжает работать слесарем, в комплексной бригаде. От обслуживаемого им координатно-револьверного пресса «во многом зависит цеховая программа». Работает хорошо, выполняет сменные задания на 105 проц., качество — высокое. Является ударником коммунистического труда,

звание **подтверждено** в 1985 г. (об этом обстоятельстве я узнал впервые). Участвует в общественной жизни цеха. Член ДНД. Активно выступает с предложениями по совершенствованию технической подготовки производства, и т. п. Правительственных наград не имеет.

Мой пересказ содержания характеристики является приблизительным, но, кажется, я не упустил ничего существенного.

Председательствующий к обсуждению не приглашал, а предложил сразу голосовать. (Толстова как-то робко подала голос: «Может, кто желает выступить?»; но Курсов эту ее реплику проигнорировал).

Все же было запрошено мое мнение. Тут я заметил, что формулировка «правительственных наград не имеет» не точна, если уж об этом говорить. Курсов сказал, мол, обязательно внесем исправление, «в рабочем порядке».

Проголосовали **единогласно**. Все собрание заняло порядка 5 мин.

После собрания В. Курсов (тут подошел и Виноградов) записал в характеристику упоминание о правительственной награде: медаль «За освоение целинных земель». Уточнил мой почтовый индекс и номер домашнего телефона (видимо, тоже надо указать).

Секретарь партбюро цеха как будто не хотел расставаться (как и в беседе накануне) и зачем-то объяснял мне, что 105 процентов выполнения задания поставлены условно (бывает ведь и меньше, и больше...). Вот теперь он отнесет характеристику в партком, там «перепечатают»...

Я заинтересовался, за чьей подписью будет характеристика. За его — секретаря цехового партбюро, сказал он.³⁴

Я покинул цех, не заходя на свой участок, чтобы избежать дополнительного обсуждения всех этих необыкновенных событий.

(Записано 19.03.86)

Ремарка: написали — «как оно есть»...

Как интерпретировать такую переменную тональности в «деле» социолога-рабочего? В какой мере позитивная характеристика давалась по «намеку» сверху, а в какой — по собственной «инициативе» цехового партбюро?

А еще — в какой мере сам социолог-испытатель стимулировал эту метаморфозу своей самообороной и даже контрнаступлением («на производственном фронте», где он систематически «набирал очки»; см. выше)?

*Очевидно одно: в тот момент (только что прошел «перестроечный» партийный съезд!) низовые партийные функционеры **не получили** указания сверху — «топить» строптивного.*

(Указания же сверху не поступило, вероятно, потому что и «наверху» не знали, как все дальше повернется: неуверенность!).

Так или иначе, в тот момент (март 1986) написали в партийной характеристике «все как оно есть» (по выражению цехового парторга, фрезеровщика В. Курсова). (Март 2001).

14.6.3. Между Москвой и Ленинградом

Информация для партийного комитета «Ленполиграфмаша» (май 1986)

Секретарю парткома ЛЗПМ тов. Михайлову
от А. Алексеева, слесаря м/с работ, члена КПСС с 1961 по май 1984 г.

Информация

<...> Как партийному комитету известно, я апеллировал к Съезду КПСС относительно исключения меня из партии, которое считаю несправедливым, построенным в основном на ошибочных обвинениях. В марте с. г. на парткоме была утверждена моя новая партийная характеристика. В этой связи хочу еще раз отметить, что я высоко ценю внимание к моей судьбе, проявленное коммунистами завода.

6-7 мая я выезжал в г. Москву, по вызову Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. На заседании Комитета партийного контроля членом КПК при ЦК КПСС тов. П. Г. Макеевой было высказано мнение о целесообразности рассмотрения моей апелляции к съезду — в Ленинграде, поскольку туда уже направлено мое первое письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 2.03.86.

КПК при ЦК КПСС решил: поручить рассмотрение моей апелляции Ленинградскому ОК КПСС, куда возвратить мое дело. Как мне было разъяснено на заседании КПК тов. М. Г. Воропаевым, в случае позитивного решения моего вопроса Ленинградским ОК КПСС, это решение будет окончательным. В случае отрицательного решения — Комитет партийного контроля может вернуться к рассмотрению моей апелляции Съезду.

В заключение, считаю необходимым отметить, что мое письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС <...> от 2.03.86, вовсе не будучи посвящено моему персональному делу, как таковому, проливает новый свет на обстоятельства этого дела. Если возникнет интерес, я готов ознакомить партийный комитет с содержанием этого письма.

А. Алексеев, 11.05.86

14.7. Поток и разноцветье жизни. 1986

14.7.1. Эти неизнашиваемые съемники...

Из «предложений по совершенствованию производства» (март 1986)

В бюро технической подготовки цеха № 3 «Ленполиграфмаша» Копия:
начальнику инструментального цеха

Предложение по экономии ресурсов

В 1985 г. цехом № 3 выдан инструментальному цеху большой заказ на изготовление дублей оснастки для станка ПКР КО-120. Заказ предпринят без совета с бригадой 003, обслуживающей этот станок, и без учета фактической потребности в конкретных видах оснастки.

В частности, в соответствии с этим заказом, инструментальный цех изготавливает для цеха № 3 пакеты-дубли пробивного инструмента **вместе со съемниками**; между тем как съемники не изнашиваются даже при многолетнем использовании, и изготовление их дублей является излишним.

Далее, заказ дублей сделан практически на **все** обозначения оснастки, используемой в крупных гнездах револьверной головки КО-120, причем одинаковое количество штук каждого обозначения (по 4 шт.). При этом не учтены фактическая частота использования соответствующих единиц оснастки и степень износа. В инструментальной кладовой 1-го участка цеха № 3 в итоге сложился дефицит одних видов оснастки для КО-120 и избыток других.

Фактически этот заказ оснастки для ПКР КО-120 направлен на создание ненужных, сверхнормативных ее запасов в кладовой.

Предлагаю:

1) Немедленно приостановить изготовление в инструментальном цехе съемников к пакетам-дублям пробивного инструмента для КО-120. (К новым обозначениям оснастки, заказываемым впервые, это предложение, разумеется, не относится).

2) Произвести рациональную корректировку заказа цеха № 3 на дубли пакетов пробивного инструмента для КО-120, с учетом фактической потребности в них. (Этот заказ может быть существенно сокращен).

Прошу рассчитать экономию средств от реализации этого предложения и учесть в «накопительных счетах», соответственно, моем личном (раб. № 01725) и бригады 003 цеха № 3.

Слесарь механосборочных работ цеха № 3 А. Алексеев
26.03.86

[Это скромное предложение дало высокий экономический эффект и вывело автора в безусловные победители социалистического соревнования по заводу за 1986 г. (!). Вокруг этого события было много «страстей». Они описываются ниже, в главе 15 — А. А.]

14.7.2. Партийные, профсоюзные, журналистские страсти...

А. Алексеев — Н. Максимовой (июль 1986)

<...> Бюро обкома партии 22 июля [где обсуждалась апелляция автора к XXVII съезду КПСС, пересланная в Ленинград из КПК при ЦК КПСС; см. выше. — А. А.] проходило как-то вяло. Никакой в отношении меня агрессии, и чтобы я тоже «не возникал»... Доклад неизвестного мне инструктора обкома свелся к истории отклонения прежних апелляций плюс кратчайший отзыв о моей записке для ЦК КПСС, которая-де «не вносит ничего нового и полезного в теорию и практику социологических исследований» (гм!).

Ю. Ф. Соловьев [первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. — А. А.] спросил меня, все ли правильно в этом докладе. Я ограничился замечанием, что мой вопрос готовился раньше людьми, лично задетыми моей критикой. Секретарь обкома назвал это «привходящим обстоятельством»...

Без чьих бы то ни было выступлений было достигнуто согласие членов бюро, что «оснований для пересмотра прежнего решения нет». Дело возвращается в Москву, на усмотрение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

После заседания меня спросили, намерен ли я присутствовать при рассмотрении дела в КПК. Да, намерен.

Складывается впечатление, что Комитет партийного контроля и бюро обкома уступают друг другу право и ответственность окончательного решения. КПК в мае как бы дал понять, что не будет возражать, если мое дело пересмотрит обком. Обком в июле как бы дает понять, что не обидится, если его пересмотрит КПК. В этих ситуациях взаимных уступок возрастает непрогнозируемость исхода.

Думаю, что «агрессия» моих обкомовских оппонентов отчасти погашена и твоими шагами. («Нина, совершающая поступки»)³⁹

<...> Профсоюзная жизнь на заводе за это время развивалась драматично. Вкладываю в конверт текст заметки о том, как в нашем цехе «выбирали»

цехком.⁴⁰ Собирались обнародовать эту историю в газете «Труд». Но опубликовано будет в заводской газете.

Авторы заметки — члены нашей бригады, которые (вопреки тому, что можно было бы подумать) оказались подлинными инициаторами обращения в газету, а вовсе не я. (Но начальство думает иначе. По выражению одного из администраторов, А. весь завод «поставил на уши»...).

<...> От вмешательства центральной газеты нашу администрацию и профсоюзных деятелей спасло лишь то обстоятельство, что в редакции, оказывается, уже лежит статья московского корреспондента этой газеты о... положительном опыте социалистического соревнования на «Ленполиграфмаше»! Чем был огорчен ленинградский корреспондент «Труда» Д. Струженцов, которому пришлось переадресовать наше письмо в Областной совет профсоюзов.⁴¹

<...> Как видишь, все смешалось и переплелось в нашем доме: партийные, профсоюзные, журналистские страсти. <...> Андр. Ал., 27.07.86

14.7.3. Как у нас «выбирали» цехком

А. Алексеев — корреспонденту газеты «Труд» Д. Струженцову (август 1986)

Уважаемый Дмитрий Иванович!

<...> В конце июля наш цех № 3 «Ленполиграфмаша» посетила работник Облсовпрофа В. Ф. Власова (если правильно запомнил фамилию). Она расследовала известные Вам скандальные обстоятельства проведения профсоюзной отчетно-выборной кампании. Беседовала со мной, Н. Носовым и С. Русиновым (авторами письма).

Надо сказать, что представитель Облсовпрофа повела себя странно. Мол, конечно, неправильно, когда делегатов профсоюзной конференции не избирают, а назначают... Но это же исправили — провели повторную, «законную» конференцию, с выборными депутатами.

А что касается того, что все-таки конференция, а не общее собрание (в коллективе, где всего-то 165 чел.!), то это-де не противоречит Уставу и инструкции о проведении выборов профсоюзных органов.

Как насчет инструкции — не знаем, но ведь и здравый же смысл есть!

Тут тов. Власова заявила такое, от чего у меня и моих товарищей по бригаде и вообще «уши завяли». Мол, вы же **сами** просили, чтобы в цехе проводилась конференция, вместо собрания! **«Мы — не просили!»**, — заверили мы.

А она нам: «Треугольник вашего цеха обращался с таким ходатайством в профком объединения».

«Так то «треугольник», а вовсе не мы», — сказали мы ей.

«Вы что, не доверяете треугольнику, разве не вы его выбирали?», — с пафосом воскликнула профсоюзная дама.

«Начальника цеха вообще не выбирают, парторга выбирали не мы, а как выбирают цехком — вы сами видите», — ответил ей, кажется, С. Русинов.

Такую вот демагогию пришлось услышать от ответственного профсоюзного работника. Может быть, у себя в кабинете она и привыкла делать подобные «разносы» своим подчиненным. Но в цехе так разговаривать не годится.

Мои товарищи тут «обиделись» и ушли, не попрощавшись. Меня же тов. Власова еще продолжала «прорабатывать»... пока сама не «обиделась» и не ушла.

Больше мы ее не видели и окончательных выводов Облсовпрофа не знаем.

Заметка же наша «Выбирали цехком...» [написанная ранее. — А. А.] была напечатана в заводской газете. Посылаю Вам экземпляр.

Вообще же, весь этот сыр-бор с профсоюзными выборами разгорелся не случайно. Еще в прошлом году К. Кутуева (нашего бывшего профсоюзного лидера) чуть не забаллотировало цеховое собрание: около 40 чел. из 100 Овычеркнули его фамилию в бюллетене.

Возможно, потому нынче и затеяли проводить конференцию вместо собрания. (Кстати, на этой конференции Кутуев был избран в цехком большинством... 25 голосов из 48; председателем в этой ситуации он уже не стал).

Профсоюз в нашем цехе привык быть на подхвате у администрации. Прав своих он не знает и, похоже, не хочет знать.

В прошлом году возник один трудовой спор, так цехком не принимал заявление в комиссию по трудовым спорам, пока не вмешалась прокуратура. А когда стали разбирать этот спор, то оказалось, что члены цехкома и ведать не ведают, что могут отменить взыскание, наложенное начальником цеха. И вместо цехкома это пришлось сделать генеральному директору объединения.

Уже в этом году был случай, когда начальник цеха А. Косачев два месяца держал у себя бюллетень одного из членов нашей бригады, который перенес операцию по поводу язвы желудка. Мол, тот перед тем, как лечь на операцию, допустил прогул. Прогул действительно был. Но ведь вопрос о выплате по листку временной нетрудоспособности решает, согласно КЗоТу, профсоюз, а вовсе не начальник цеха. А профсоюз и тут оказался в стороне.

<...> Ну, со всеми этими «художествами» администрации и профсоюзных деятелей в нашем цехе мы и сами разберемся. Хотя, если захотите помочь, то пожалуйста... А вот дама из Дворца труда — далеко, и я прошу Вас принять какие-то меры, чтобы случаи, подобные ее визиту в наш цех, больше не повторялись. <...>

С уважением,

А. Алексеев, 9.08.86

Ремарка: «меры приняты»...

Понадобилось полгода, чтобы на упомянутую критическую заметку в заводской газете отреагировал профком объединения.

11 марта 1987 г. в «Трибуне машиностроителя» был опубликован ответ председателя профкома «Ленполиграфмаша» Ю. П. Стукалова:

«...Критические замечания, высказанные в материале “Выбирали цехком...” (6.08.86) в адрес цехового комитета, администрации цеха и профкома объединения, правильные. На семинаре председателей цеховых комитетов материал был разобран и обсужден.

Решено: оргмассовой комиссии профкома взять под более строгий контроль подготовку и проведение отчетно-выборной кампании 1987 г.».

Как говорится, «меры приняты». (Март 2001).

(33)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-veter-peremen-1986-1987-prodolzhenie>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН? (1986-1987).
ПРОДОЛЖЕНИЕ**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 10.11.2016

«...Принято различать социологическую теорию и социологическую эмпирию. Мне представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступить социологическое действие... Мне кажется, со временем войдет в научный обиход понятие «социолог-экспериментатор», или «социолог-испытатель»...». Из выступления на отчетно-выборном собрании Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации, 17.03.1987.

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторerefлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

<...>

Глава 15. Делаем перемены (продолжение)

15.1. Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой. 1986

15.1.1. Для дела или для рапорта?

Так называлось письмо рабочих цеха № 3 «Ленполиграфмаша», опубликованное в газете «Трибуна машиностроителя». — А. А.]

Из заводской газеты (ноябрь 1986)

Известно, что главный смысл перехода на двух- и трехсменную работу — это повышение фондоотдачи, максимальная загрузка нового, прогрессивного оборудования. Двухсменка — не самоцель, а средство достижения более высокой эффективности производства.

Но вот что получилось из этого в нашем третьем цехе. Еще в октябре все бригады токарей, фрезеровщиков, слесарей разбили пополам. Одна половина работает утром, другая — вечером (по очереди). При этом используются не современные станки, а старые, с «возрастом» от двадцати лет и старше. Загрузка же высокопроизводительного оборудования осталась прежней (порой и на одну смену работы не хватает).

В условиях дефицита станочников станки днем стоят, а вечером крутятся. Особенно нелепо получается со слесарями, где велика доля ручного труда. Для чего же такая двухсменка? Доводы, выдвинутые начальником цеха А.А. Косачевым, по меньшей мере странны: необходимость ритмичного расходования электроэнергии и разгрузка общественного транспорта. Понятно, что к повышению фондоотдачи это никакого отношения не имеет.

Подобные аргументы приводятся, видимо, постольку, поскольку неловко признаться в другом: поспешный, не обеспеченный ни оборудованием, ни технологией, ни кадрами, «поголовный» переход на работу в две смены совершается не столько для пользы дела, сколько для рапорта.

Получается явный перегиб, профанация двухсменки. <...>

Административное усердие в формальном насаждении двухсменки имеет и еще одну причину. Это недоверие к опыту самих исполнителей, рабочих. Ведь бригада, получив задание, сама может организовать свой труд. И сколько раз бывало: возникнет «узкое место» — мы сами оперативно организуем

двухсменную работу на нужном участке. Не для формы, не напоказ, а для конечного результата.

Этот порядок следует восстановить (исключая, разумеется, станки с ЧПУ, которые нуждаются в постоянной двухсменной эксплуатации).

А во внедрении двухсменки сегодня главное внимание следует уделить технологической подготовке производства и переводу все большего количества номенклатуры на современное высокопроизводительное оборудование.

А. Алексеев, В. Косульников, Е. Рыжов, В. Николаев, М. Гушин, А. Брикач, С. Русинов, В. Носов, В. Ильин, А. Сыцевич, слесари цеха № 3
(Трибуна машиностроителя, 26.11.86)

15.1.2. «...Повсеместно и бездумно — до полного идиотизма»

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (ноябрь — декабрь 1986)

Дорогой Роман!

<...> «Внеплановым» вложением в этот конверт является пока не опубликованный текст письма в редакцию заводской газеты — от 10 слесарей нашего производственного участка, насчет бюрократических извращений с двухсменкой, которую вдруг начали насаждать повсеместно и бездумно, до полного идиотизма.

Мы затеяли написать это письмо втроем. Но круг «подписантов» расширился почти независимо от меня. Дело было во вторник, **18 ноября** (следи за датами!). Редакция решилась на публикацию, не без колебаний...

Коммунисты нашего участка, поддержав на словах, подписываться под письмом не стали (ведь на партбюро вызовут!). Беспартийные отнеслись к их уклончивости в общем с пониманием («им, партийным, нельзя...»). Зато высоко оценили поступок моего бригадира, коммуниста А. Сыцевича (хоть его подпись и была последней).

Вся эта акция поначалу носила «крамольный» характер. Как вдруг мы получили мощное подкрепление: городская газета «Ленинградский рабочий» вышла в минувшую пятницу, **21 ноября**, с 2-подвальной статьей наладчика станков с ЧПУ А. Ефимова с Кировского завода: «Проблемы двухсменной работы. Ради цифры в отчете». Выступление «ЛР» и наше письмо в заводскую газету совпали и в аргументации, и в выводах, и даже в некоторых словесных оборотах.

(Можно подумать, что, сочиняя свое письмо, мы уже были знакомы с этой публикацией. Что это не так, видно хотя бы по датам).

Теперь, после выступления «газеты обкома КПСС» (не путать с «органом обкома КПСС», каковым является только «Ленинградская правда»!) нашей многотиражке уже просто нельзя не напечатать письмо 10 слесарей из 3-го цеха.

Могли бы даже и коммунисты подписаться... Да вроде опоздали.

Теперь — «историческая» справка.

У нас в цехе двухсменку ввели сперва полуофициально (т. е. без приказа), с **начала октября**. Я это «пожелание» администрации игнорировал, поскольку тогда бы мой станок днем стоял. Игнорировали и некоторые другие, по разным причинам (т. е. выходили на работу в утро, а не в вечер).

Ввиду такого «саботажа», уже в середине ноября (а именно — в пятницу, **14 ноября**) было вывешено распоряжение, с пофамильным списком — разбиение по сменам. Оно было без даты и номера («небрежность» администрации, объясненная тем, что книга распоряжений находится-де «на проверке» у юриста).

Ну, своим звонком заводскому юристу Никитиной я вынудил проставить номер и дату, что и было сделано — **17 ноября** (понедельник).

Так это распоряжение «вошло в силу», и стало можно... его отменять. И вот на следующий день 18 ноября возникло письмо десятерых слесарей.

В пятницу, **21 ноября**, еще не будучи вполне уверен, что заводская газета напечатает наше письмо, я «неформально-публично» (т. е. в бригаде) объявил, что в понедельник, вопреки графику, все-таки выйду в утреннюю смену. Чем дам администрации повод отстранить меня от работы.

Моя «легенда» сводилась к следующему: мол, работы на ПКР сейчас много, вся — срочная; меня просили выйти сверхурочно, в эту субботу (!); я сказал, что, к сожалению, не могу; но вот теперь, «идя навстречу интересам производства», выхожу в понедельник утром, вместо вечера (!).

Теперь, после статьи в «Ленинградском рабочем», это становится, похоже, игрой «в одни ворота». [*Автор явно переоценивает силу печатного слова!* — А. А.]. Даже жалко наших ретивых администраторов.

<...> И еще одно замечание, в скобках: если принять общественную реактивность твоего корреспондента за постоянную величину, то ускорение, динамизм общественной жизни эмпирически подтверждаются фактами сокращения временного разрыва между его индивидуальными действиями и соответствующими общественными событиями.

Так, если с «ожиданием перемен» (*имеется в виду андерграундный экспертный опрос «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 70–80-х гг. — А. А.*) я поспешил на несколько лет, то с указанием на «приспосабливающееся противодействие» и «сопротивление перестройке» опередил Горбачева всего на несколько месяцев.

Что же касается двухсменки, то «Ленинградский рабочий» и вообще наступил рабочему-социологу на пятки. Едва успели написать в заводскую газету, как уже вышла городская...

Этак я скоро окажусь «в обозе». Надо «ускоряться»!

(*Вышеприведенная часть письма написана, по-видимому, 22-23 ноября 1986 г. Остальное — уже после 26 ноября, когда вышла в свет заводская газета с заметкой «Для дела или для рапорта?»*).

<...> Уж коли включил я Тебя в ситуацию с нашей двухсменкой, продолжу, поскольку и Тебе интересно, и мне потом не забыть.

В понедельник, **24 ноября**, выйдя, как обещал товарищам, в первую смену вместо второй, я вывесил на не слишком видном месте пятничный номер «Ленинградского рабочего». И предложил всем своим соавторам (10 слесарей) — почитать. Выступление городской газеты было встречено, понятно, с интересом и удовлетворением.

Женя Рыжов заметил ревниво: «Хорошо написано, но и наша заметка не хуже!». Я сказал, что **мы**-то написали неплохо, но **пока** еще не напечатано, и наше письмо запросто могут «подпортить»...

Работа у меня, напомним, срочная, аварийная. Мастер Гоша ко мне, было, с претензией, что я вышел утром, а не вечером. Я посоветовал ему... отстранить меня от работы. Тот сбегал к начальнику цеха Косачеву и больше не возникал. Я же перевесил газету на более видное место.

Отштамповав детали, которых ждали на сборке, в обед иду в редакцию «Трибуны машиностроителя». Мне дают «гранки» (у нас вместо гранок — особая распечатка для фотонабора). Письмо 10 слесарей готовила к печати не Наташа Поречная (на которую можно было бы положиться), а другой сотрудник редакции.

Тот сильных выражений, вроде «профанации», не выбрасывал, но редактировал неуклюже и, действительно, «подпортил»...

Сам корреспондент куда-то вышел, а я выразил неудовольствие редактору Н.Н. Харьковой. Говорю, что стерпел бы эту редактуру, будь я один автор, а тут нас десятеро соавторов, и с этим надо считаться.

(Дело в том, что при «не понимающей» правке существенно ослабилась аргументация).

Нина Николаевна очень занята и говорит: «Ну, поправьте сами».

Тогда веду себя почти как Л. Толстой с версткой «Войны и мира» — переписываю всю заметку, в междустрочьях и на полях, иногда возвращая к первоначальному варианту, иногда формулируя заново.

Подошедший корреспондент покорно берет текст, чтобы перепечатать его.

Рабкор стал редактором, сотрудник редакции — машинисткой... Все — «вверх дном».

Пока я вычитывал новую гранку, он читал публикацию «Ленинградского рабочего», кое-что — вслух (для Нины Николаевны). Я поставил на гранке — «визу»: «По доверенности всех авторов. А. Алексеев. 24.11.86. 13 час.»

Вся эта операция была проведена за час до того, как отправлять листы в типографию. Вернувшись в цех, я доложил своим соавторам, что заметка приведена к виду, за который нам не будет стыдно...

Во вторник, **25 ноября**, я снова вышел в утреннюю смену, вместо вечерней, причем, оказалось, не один.

Нас **отстранили от работы**, когда пришло начальство (в 9 час.). Тогда Витя Носов пошел спать, Вася Николаев — в здравпункт, а я... поехал на Фонтанку, в редакцию «Ленинградского рабочего».

Мы трое, попавшие в одну «команду», представляли три разные позиции в этом конфликте с администрацией. Васе — «ничего не надо», только ему вечером не получить необходимого ему диетпитания и на свою электричку после вечерней смены он не поспевает. Витю вечерняя смена как раз устраивает, и вышел он нынче в утро вовсе не из протеста, да уж так получилось... Я же — борец с административной дуростью.

В редакции «ЛР» все сотрудники производственного отдела оказались на всесоюзном семинаре «по интенсификации», и какой-то журналист из другого отдела нехотя позвонил в партком «Ленполиграфмаша». Его фраза в разговоре с секретарем парткома, что-де в редакцию пришел рабочий, который «жалуется», что его заставляют работать в вечернюю смену вместо утренней, очень мне не понравилась.

Затем мне было предложено письменно изложить свою «жалобу». Что я сделал тут же. Отдал в отдел писем, который передаст по назначению. Вроде, дело дохлое...

Тем временем, столкнулся нос к носу сначала с одной, потом с другой старыми своими знакомыми, с которыми вместе работал 20-25 лет назад в «Смене» и в «Лен. правде». Пока мы болтали, неожиданно объявилась зав.

производственным отделом «ЛР» Т. А. Нилова. Это оказалась та самая, которая готовила критическую публикацию о двухсменке с Кировского завода.

Я забрал свое сочинение из отдела писем и отдал ей.

С Ниловой мы сразу вошли во взаимоуважительный и взаимосимпатизирующий контакт — **толкового** журналиста и **грамотного** рабочего.

Договариваемся, что если после опубликования нашего письма в заводской газете ничего не изменится, то она на следующей неделе сама заявится к нам на завод. Просит проинформировать ее о дальнейшем развитии событий в цехе — в субботу (по домашнему телефону).

Я пошутил: «Вот, мы прочитали вашу газету, и вышли в первую смену...». Посмеялись.

Тут выясняется (а мы-то и не знали!), что еще позавчера, **23 ноября**, успела выйти уже и «Ленинградская правда», со статьей на ту же тему, на материалах предприятий Невского района: «Двухсменка во имя двухсменки, когда людей просто автоматически переводят на работу в вечерние часы, никому не нужна...».

Вернувшись из редакции на завод, я дисциплинированно отработал вечернюю смену. В этот день — не до половины первого (*тогда метрополитен в Ленинграде работал до 1 часа ночи. — А. А.*), а до половины одиннадцатого. На основании ехидного заявления:

«Прошу предоставить мне отгул сегодня 25.11 с 22 час. 32 мин. до 0 час. 32 мин. за время отработанное сегодня же, утром (с 7 час. 08 мин. до 9 час. 08 мин.)».

Очень ежился мастер Гоша и хотел, чтобы я переписал заявление: «Прошу предоставить мне отгул... за ранее отработанное время». Я насмешливо посоветовал ему — отказать мне по той именно причине, что в заявлении указано, когда именно было «ранее» отработано.

Какая уж там «скрытая камера» социолога!.. Администрация вынуждена функционировать словно перед телевизионной камерой, в свете юпитеров. Все эти события детальнейшим образом обсуждались на участке.

Такого изобилия и плотности «мироотношенческих» диалогов и монологов, как вчера вечером, уж и не припомню. Жаль, некогда пересказывать.

После вечерней смены во вторник, я явился на завод в среду, **26 ноября**, к 8 утра (смена, напомню, начинается в 7-08). Мне нужно было в здравпункт (хотя это — скорее повод).

Захожу в цех и предлагаю мастеру завизировать... уже сегодняшнее заявление от 26 ноября, в котором предлагаю («в интересах производства!»), свой выход на работу 26 ноября не с 16 до 0-30, а с 8 до 17, «для скорейшего завершения штамповки партии «Ф-...» и наладки следующей, тоже срочной...».

Мастер Гоша в панике. «Ловушка»! (Небось вспомнил, как в прошлом году залетел в истории с моим, впоследствии отмененным, выговором).⁷ Согласиться нельзя (двухсменка же!) и отказать нельзя (ведь действительно — в интересах производства!). От визы отказывается.

Ладно. К начальнику цеха. Тот вызывает к себе мастера. Почему тот не написал своего мнения? Но ведь и у начальника положение не легче...

Единственный для них выход — создать видимость, что на моем станке днем работает кто-то другой.

Но бригадир, который вообще-то справился бы, категорически отказывается — «не обучен» (крыть нечем, у него формально нет разряда штамповщика).

Остается 18-летний Сережа Барсуков (мой очередной ученик), который только и успел, что выучить на станке две кнопки и может на ПКР «стучать», когда все налажено и ничего не расстроилось. Кстати, он работает в цехе предпоследнюю неделю (увольняется!).

Сережу, мирно слесарившего, тут же «волокут» к станку.

А начальник цеха на моем заявлении размашисто пишет: «Не разрешаю, т. к. в дневную смену будет работать Барсуков».

Когда мастер Гоша ушел, начальник цеха вдруг говорит:

— Вот теперь, когда мы остались вдвоем, я хочу спросить Вас, А.Н., а на х-я?!

Так, думаю, надо отвечать, и адекватно.

—!! — говорю. — Не боишься (*на «ты»!* — А. А.), что у меня микрофон в кармане?

Тот едва не поверил, т. к. я (пока не ясно, разрешат ли мне работать в утро) не переодевался в робу и был в широком плаще.

Как справедливо писал автор «Записок инженера» Ю. Шишенков (Новый мир, 1986, № 6), «настоящее участие в производстве жажду в страстях удовлетворяет с лихвой»...

Ухожу. До начала вечерней смены (16 час.) мне на заводе делать нечего.

Несколько часов спустя. По дороге в цех, беру в редакции «Трибуны...» несколько экземпляров только что вышедшего номера газеты с нашей заметкой «Двухсменка — для дела или для рапорта?» (заметка, как Ты мог заметить, сугубо проблемная и персональной критики не содержит). Вывесил на участке, на видном месте, вместе с «Ленинградской правдой», тоже добытой к тому времени.

Читали все, даже с другого участка приходили.

Сережа Барсуков, на удивление, отработал без приключений (все ему было налажено, да и бригадир рядом). Я исправил его брак в двух деталях, закончил партию.

Стал налаживать следующую. К 17 час. к моему станку подходит технолог Л. Кутырина. Она у нас по совместительству кассиром. Мне была вручена премия (75 руб.), за победу в социалистическом соревновании в III квартале, согласно директорскому приказу и условиям соревнования.

При наладке очередной партии деталей (там очень сложная и трудоемкая наладка!) обнаружилось, что в кладовой не хватает нужной оснастки (есть, но неисправная). В таких случаях обращаются к технологу: чем заменить?

Кутырина, дежурящая от администрации сегодня вечером, — самый осведомленный (из начальства) в ПКР-ской технологии человек, к тому же — нач. бюро технической подготовки. После получасовых поисков по заводскому стандарту ПКР (известному мне чуть не наизусть), она предлагает замену. Но при этом невнимательно посмотрела в чертеж, на что пришлось ей указать. Ее предложение отпало.

Еще полчаса поисков ею выхода из положения — безуспешно. Звонить конструкторам, за разрешением об отклонении от чертежа — некому (вечер!).

Истерика Кутыриной: я **не могу** Вам предложить замены (инструмента) и **не могу** разрешить Вам пользоваться неисправной оснасткой!

(Намек — если бы Вы пренебрегли моим запрещением, было бы хорошо).

Тем временем закрывается кладовая (19 час.). Переналаживать на другую партию деталей уже поздно, да эта — и самая срочная.

Формально я подчиняюсь мастеру. Мастер в этот вечер — не Гоша, а с токарного участка, он вообще не в курсе слесарных дел.

Раз нельзя работать на станке — возьмите слесарную работу у Виноградова, говорит (он даже не знает, что я уже два года как в бригаде Сыцевича).

Мой бригадир успел отработать сегодня в день. Нас из бригады сейчас трое.

Консервирую наладку, выключаю станок, спрашиваю у Вити Носова (слесарь из нашей бригады), нет ли чего для меня.

Бригадир ему ничего не наказывал. Разве только помогать глухонемому... Беру напильник и с 19 до 24 час. запиливаю грады, вместо того чтобы делать **сверхсрочную** работу на ПКР!

Утром бригадир Сыцевич (Толик) и мастер Соколов (Гоша) будут ломать голову, почему не отштампована «Ф-...». В отличие от постороннего мастера, им этот простой — зарез.

Будут все валить друг на друга, возможно, и на меня, который, пожалуй, мог бы, в отличие от Кутыриной, придумать, чем заменить неисправную оснастку, да и на неисправной сумел бы выпустить годную деталь.

Но тогда не следовало обращаться к технологу. А коли обратился, да еще в вечернее время, то вот и результат.

Ну, остается добавить, что мое «высокопроизводительное оборудование» скорее всего простоит (а «аварийная деталь» пролежит) до 16 час. сегодняшнего дня 27 ноября (четверг). Ибо кроме меня вообще некому эту деталь наладить (в данном, не стандартном случае не сумеет и бригадир).

А я, как Ты понимаешь, выхожу сегодня опять в вечер (согласно графику). Вот такие гримасы «Интенсификации-90» и дуболомного внедрения двухсменки...

<...> Придя на работу во вторую смену в четверг, **27 ноября**, я, разумеется, застал ситуацию почти в неприкосновенности, да еще с «нюансами», подвигшими меня на служебную записку начальнику цеха, датированную завтрашним числом. Не пересказываю, прилагаю ее текст. <...>

[Смысл записки будет ясен из дальнейшего рассказа. — А. А.]

<...> Стоит рассказать еще о двух событиях, опущенных в предыдущем изложении.

В минувшую среду, 26 ноября (как раз в день опубликования нашей заметки в заводской газете!), на завод нагрянуло Центральное телевидение.

Оригинальный замысел — заснять рабочее собрание на тему «Что мешает работать?». Дело было вечером, и начальник цеха увел в красный уголок завода членов партии и активистов.

Правда, телеведущий настоял, чтобы администрация на «собрании» не только в кадр не лезла, но и вообще не присутствовала. И вернувшись с собрания, И. Виноградов и другие оживленно обсуждали, как они там «правду-матку резали»...

«Чего ж ты не пошел?» — спрашивают. Да меня никто не звал... А с рабочего места просто так отлучиться нельзя.

(Чисто случайно это мероприятие совпало по времени с публикацией нашей заметки в заводской газете).

А на следующий день, 27 ноября, тоже после 16 час. очередное цеховое партийное собрание, открытое, так что не обошлось бы без меня, но в рабочее время желание «беспартийного» присутствовать могло бы остаться «не понятым».

(Впрочем, «не поняли» рядовые коммунисты как раз моего отсутствия, поскольку привыкли меня на этих собраниях видеть).

На собрании начальник цеха отказался отвечать, как ему предлагали, на критическую заметку десятерых слесарей, опубликованную в «Трибуне...». Тут бы его и доконать служебной запиской...

Однако, когда **28 ноября** (пятница) я вышел на работу с этой запиской в кармане, оказалось, что наш начальник цеха Косачев... уже переведен в другой цех (и накануне об этом, разумеется, знал; ходили и у нас такие слухи, почему я и не проставил фамилии начальника в тексте).

Его место занял Н. Ярош (упоминаемый в записке в качестве зама). Ну, не соскучишься...

Я бы не поцеремонился и новому начальнику вручить, в первый день его заступления. Да не оказалось в пятницу Вани Смирнова, инструментальщика-контролера, с которым надо было посоветоваться.

Дело в том, что именно Ваня перемаркировывал мою оснастку с № 4204 на 4205 (чтобы я «имел право» ее использовать; в сущности «подделка» документов, только в металле). И я отложил до понедельника.

А в понедельник, **1 декабря**, узнал, что незаконную перемаркировку эту он делал... «по своей инициативе», и Кутырина все свалила бы на него. А Ваня — свой брат, зачем его подводить...

Так и осталась моя «убийственная» записка на эту тему не поданной, хоть в пятницу вечером и повторилась аналогичная ситуация (нет инструмента, технолог навязывает рабочему нарушение, и т. д.).

Как видишь, далеко не каждый поднятый с земли булыжник я швыряю. («Булыжник — оружие пролетариата»).

В воскресенье, **29 ноября**, звоню домой Т. Ниловой («Ленинградский рабочий»). Информую, что наше письмо в заводской газете напечатано, а отвечать администрация «отказывается», так что дорога корреспонденту городской газеты теперь открыта.

На следующей неделе Нилова обещает свой визит на завод.

Следующую неделю (т. е. нынешнюю) я работаю в утро. Напряженность вокруг моего ПКР нарастает. Сменщика у меня нет, а прошлую неделю, работая во вторую смену, я наполовину потерял.

Бригадир Сыцевич разрывается между двумя мотивациями: надо «делать деньги» (а денег без моего ПКРа не набегает), и надо проучить администрацию. После того партсобрания в четверг он созревает до социального (не производственного!) задания мне. Ты только послушай, что мне говорит бригадир:

— Дело не только в двухсменке, а в социальных условиях рабочего класса. Я тебе, Андрей, такую тему даю!

Мда...

Я предупреждаю бригадира, что на днях «ложусь» на операцию (строго говоря, не ложусь, а иду, амбулаторно, но поскольку операция на правой руке, то неизбежно освобождение от работы).

<...> При встрече на пересменке **2 декабря** (вторник) бригадир говорит:

— Работы до х-я. Я тебе тут список приготовил, в какой очередности делать.

— Это ты его себе приготовил, — говорю ему сочувственно. — У меня операция назначена на завтра...

Бригадир застывает в задумчивости и вдруг многозначительно говорит:

«Отлично!» (за невозможностью реализовать первую мотивацию, он дал волю второй).

Старший мастер Соколов «в трауре». Понимает — достукался.

Они стоят с бригадиром у моего станка и невесело совещаются. Уходя, прощаюсь с бригадиром, мастера Гошу не замечаю, ему сочувствовать и даже лично предупреждать о своем предстоящем недельном отсутствии я не обязан, вернее — он «не заслужил».

Поклоняется теперь администрация моему бригадиру, чтобы тот сам поработал на ПКР. Ему придется согласиться, но согласие это дорого Толику обойдется, что он понимает, но уж это судьба...

(Операцию мне сделали сегодня, **3 декабря**. Ее, кстати, в самом деле нельзя было дальше откладывать).

По всей видимости, корреспондент «Ленинградского рабочего» Т. Нилова посетит наш цех **в мое отсутствие**, что тоже неплохо...

P. S. За время моего пребывания на бюллетене ситуация в цехе, как и следовало ожидать, радикально не изменилась. Я же, добытым себе к тому

времени медицинским освобождением от вечерней смены (не буду отвлекаться на этот побочный сюжет!), пожалуй, усугубил «затруднения» администрации. Последней, если бы вдруг она и сумела загрузить ПКР на две смены, пришлось бы теперь давать мне **двоих** учеников (ведь даже, имея я сменщика, он не может **всегда** работать в вечернюю смену).

Впрочем, подобными справками обзаводились и другие — кто как сумел.

Когда я вышел на работу в утро, после 2-недельного отсутствия, бригадира не застал: он нынче — в вечер.

А. С. появляется с обеда (надо же как-то бригадой руководить!). Спрашивает:

— Гоша (мастер) не ох-л, когда тебя увидел?

— От радости или от ужаса?

— От радости, конечно. Он ко мне так приставал про тебя... Так я, чтобы отвязаться, сказал, что ты сегодня выйдешь, мол, звонил. Надо ж так угадать!

Мастер волновался не напрасно. За две недели бригадир наладил, а Сережа (ныне уже уволившийся!) отштамповал всего две партии.

Мастер Гоша настаивал, чтобы бригадир сам становился за ПКР. А тот — делает это только в самых крайних случаях. Он, как бы это сказать, мой станок «не любит». И, пожалуй, даже побаивается — не станка, как такового, разумеется, а всех связанных с ним технологических и организационных безобразий, которые я для бригады как-то амортизирую.

Так что радовались моему появлению на работе даже те, кому от меня худо.

Бедный Гоша, бедный Ярош!.. Вовремя «сбежал» из нашего цеха теперь уже бывший его начальник Косачев...

Обнимаю Тебя!

Твой Андр. Ал., ноябрь-декабрь 1986

<...>

15.3. Дело об опоздании с обеда на 10 минут

Несколько вступительных слов

В начале 1987 г. начальник цеха, старший мастер и другие руководители цеха № 3 «Ленполиграфмаша» решили взять хоть какой-то «реванш» за те многочисленные неприятности, которые систематически доставляет им рабочий-социолог (см. выше).

Стандартный для администрации способ — «подловить» на нарушении трудовой дисциплины. Что в данном случае оказалось непросто, поскольку дисциплину этот рабочий обычно не нарушал.

*Но вот 9.01.87 г. специально отряженная для этой цели комиссия зафиксировала отсутствие А. «на рабочем месте», т. е. у своего станка, в течение **10 минут после обеда.***

На объявленный ему начальником цеха выговор «нарушитель» отреагировал трудовым спором.

Опустив начальные этапы, обратимся сразу к заседанию заводской комиссии по трудовым спорам, состоявшемуся в феврале 1987 г. (Март 2001).

Протокол № 1 заседания комиссии по трудовым спорам ПО «Ленполиграфмаш», 13-16.02.87

На заседании [13 февраля — А. А.] присутствовали члены комиссии: — представитель профсоюза Горданов В. П.; представитель администрации Плитман А. В.

Председатель — Плитман А. В. Секретарь — Горданов В. П.

Слушали: заявление т. Алексеева А. Н. о необоснованности вынесения выговора по цеху за опоздание с обеда на 10 мин. 9 января 1987 г. и об отмене распоряжения № 7 по цеху 3 от 22.01.87.¹⁸

Заявление подано 26.01.87. Заявитель извещен о дне заседания 12.02.87.

Присутствовали:

Заявитель Алексеев. Свидетели: начальник цеха Ярош, председатель месткома Кутуев, мастер Соколов, рабочий Смирнов.

Отвод не заявлен.

Горданов: Вы знаете режим работы цеха?

Алексеев: Да, знаю.

Горданов: Где Вы были эти 10 минут?

Алексеев: Я был в цехе. Ведь у слесаря рабочее место не только у пресса или верстака.

Плитман: Нам надо установить, где был Алексеев эти 10 минут.

Соколов: То, что Алексеева не было на территории участка, это совершенно точно.

Плитман: тов. Алексеев, чем Вы объясните, что Вы выражаете недоверие Ярошу. Ведь он только 2 месяца работает начальником цеха.

Алексеев: Накануне, 8 января, он вывесил распоряжение по цеху, где было объявлено два наказания за одно и то же нарушение [другому рабочему. — А. А.]. Я ему сказал, что это грубейшее нарушение трудового законодательства.

Потом он стал подчищать [свое распоряжение. — А. А.]. Я позвонил юристу Никитиной. Она сказала, что немедленно позвонит Ярошу. На следующий день произошел этот инцидент [зафиксировано отсутствие — А. на рабочем месте в течение 10 мин. после обеда. — А. А.].

Старшему мастеру Соколову я также выражаю недоверие. В 1985 г. Соколов выступил лжесвидетелем. Решение комиссии было отменено.

При существующей организации труда мы должны все время отлучаться со своего рабочего места в шлифовальную, кладовую. Есть принцип доверия.

Доказывать, что я не нарушал трудового распоряжения [вероятно, ошибка в записи секретаря. — А. А.] для меня унизительно.

Смирнов, рабочий этого участка: Я могу только подтвердить, что Алексеева не было на рабочем месте.

Плитман: Сам Алексеев этого не отрицает. Раз он не хочет сказать, где он был, Вам, Ярош, следует доказать его опоздание. Он ведь мог быть и не в зоне своего рабочего места.

Соколов: Он мог находиться только в технологической группе.

Ярош: Мы можем пригласить всех технологов и ни один не скажет, что он занимался с Алексеевым.

Соколов: После 16-00 я пошел на диспетчерский к начальнику цеха. Алексеев объяснение не дал. Это была пятница. В понедельник мы составили акт, что объяснение Алексеев не дал в течение суток.

Заседание комиссии переносится на 16.02 на 12 час. 10 мин.

[Продолжение заседания заводской комиссии по трудовым спорам. 16 февраля 1987 г. Состав присутствующих не указан, но, по-видимому, присутствуют все те же лица, кроме, разве что, рабочего Смирнова. — А. А.]

Ярош: Мы опросили работников этих служб, их показания прилагаем. *[Насколько помню, были представлены письменные свидетельства от руководителей технологической и ремонтной служб цеха. — А. А.]*

Алексеев: Эти люди не могли помнить, когда видели меня. *[В показаниях ряда работников цеховых служб утверждалось, что они не видели А. с 12-00 до 12-10 9 января, т. е. больше месяца назад. — А. А.]* Это же смешно. Это фальсификация.

Плитман: Вы можете сказать, где Вы были? Мы ведь не юристы и не занимаемся следствием. Вы нам должны помочь установить истину.

Алексеев: Я не обязан доказывать свою невиновность.

Предложение представителя администрации:

— Взыскание Алексееву начальником цеха вынесено правильно. Алексеев требует к себе уважительного отношения, но сам по отношению к членам комиссии ведет себя неправильно.

Предложение представителя профсоюза:

— С мнением представителя администрации согласен.

Решили:

Наложение дисциплинарного взыскания — выговора соответствует проступку Алексеева и произведено правильно. Отказ от дачи объяснения подтвержден актом.

Председатель /подпись/

Секретарь /подпись/

Ознакомлен. <...> А. Алексеев. 18.02.87.

Ремарка: эскалация трудового спора.

После этого заседания заводской комиссии по трудовым спорам социолог-испытатель адресовался в профком объединения, но не получив поддержки и там, обратился с иском к администрации в Петроградский районный народный суд г. Ленинграда.

К иску прилагались документы, проясняющие действия цехового начальства как непосредственную реакцию на критику в свой адрес.

Среди заявленных истцом свидетелей был рабочий Владимир Земсков. Тот сообщил суду, что А. в эти спорные 10 мин. пребывал в инструментальной группе (куда пришел для заточки пуансона), т. е. находился на территории цеха.

Таким образом, вопрос, столь интересовавший комиссию по трудовым спорам, был прояснен.

Тем не менее, дело № 2-1211 было решено в пользу администрации (7.04.87).

Последовала кассационная жалоба истца в Ленинградский городской суд, подкрепленная свидетельствами его товарищей по работе. (Март 2001)

Свидетельство бригадира А. Сыцевича для Ленинградского городского суда (апрель 1987)

В Ленинградский городской народный суд
от Сыцевича Анатолия Васильевича, проживающего по адресу: <...>.

Справка

Я являюсь бригадиром бригады 003 на 1-м участке цеха № 3 ПО «Ленполиграфмаш». Знаком с Алексеевым с 1980 г. С 1984 г. он работает в моей бригаде.

А. (здесь и далее в оригинале документа — фамилия. — А. А.) — слесарь, как и большинство членов бригады. До этого он работал наладчиком, запускал и осваивал станок КО-120 и хорошо его знает. Поэтому вся работа на этом станке в бригаде возложена в основном на него. Бывает, что А. поручается и другая работа (когда КО-120 не имеет загрузки). Во всяком случае его рабочим местом является не только этот станок.

Работник А. хороший, претензий к нему у меня нет. Дисциплинирован. Ни одного нарушения трудовой дисциплины за все время работы. Требователен к себе и к администрации, часто находит ошибки в технологической документации, превосходит технологический брак. Является членом совета бригады. Заточка инструмента только через кладовую, с записками от мастера, у нас введена с февраля 1987 г., т. е. после того случая, когда А. отлучился с участка 9 января для этой цели. До этого сплошь и рядом мы в этих случаях к мастеру не обращались.

9 января 1987 г. меня на работе не было (я болел) и при случае, из-за которого возник трудовой спор, не присутствовал. Но зная А., я верю ему, а не администрации. Его заявление в профком от 23.02.87 в целом правильно отражает положение дел.

Случаев, когда бы выносились дисциплинарные взыскания за 8–10-минутную отлучку с участка по производственной надобности, у нас в цехе никогда не было, ни до, ни после выговора Алексееву.

Соответствующие показания я давал в Петроградском районном народном суде, куда был вызван в качестве свидетеля при рассмотрении трудового спора А. с «Ленполиграфмашем» 6 апреля с. г. При этом я только отвечал на заданные мне вопросы. Сейчас дополняю свои показания. А. Сыцевич, 21.04.87

Ремарка: городской суд подтвердил решение районного.

Примерно аналогичные «свидетельские справки» для Ленинградского городского суда были написаны моими товарищами, рабочими Владимиром Земсковым и Евгением Рыжовым.

Определением Ленгорсуда, кажется, от мая 1987 г. решение Петроградского райнарсуда было оставлено без изменений.

<...>

15.5. «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак...»

Автостенограмма выступления на открытом партийном собрании цеха № 3 «Ленполиграфмаша» (февраль 1987)

Судя по представленному на январском Пленуме проекту Закона о государственном предприятии (объединении), нам скоро предстоит **избирать** руководителей производства, от мастера до директора. *(Практика выборов руководителей производства была введена на начальном этапе «перестройки» (1987-1988), однако вскоре сошла на нет. — А. А.)* Это на всех накладывает большую ответственность. И я хочу сегодня сказать о кадрах наших руководителей.

Мне кажется, что наш коллектив пока плохо подготовлен к решению задачи демократизации управления — того, к чему призывает, чего требует январский Пленум. Очень глубоко укоренилась психология, которая выражается известной грубоватой поговоркой: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак!». Перестроить эту психологию не просто. А надо!

Можно подумать, что у нашего начальства уши то ли на затылке растут, то ли, как узко направленные антенны, воспринимают лишь в одном направлении — сверху. Снизу, сбоку — не слышат, не воспринимают.

Вспомню бывшего нач. цеха Косачева. Говоришь ему «снизу»: технологи (даже не ОГТ, а наши, цеховые, его же подчиненные!) допустили грубую и очевидную ошибку. Не слышит. Пишешь служебную записку, одну, другую. Безмолвствует. Спрашиваешь его, наконец: в чем дело? А он тебе заявляет: «Я не обязан давать отчет каждому рабочему!».

Вниз умеют только распоряжаться, а не слушать. Зато вверх умеют только слушаться. Вот, вроде частный пример... Помню, еще в позапрошлом году нынешний начальник цеха (а тогда еще только мастер) Ярош попросил меня поработать неделю во время отпуска. Но никак этот вызов из отпуска не оформил. Ну, я отработал. Некоторое время спустя, хотел взять отгул за отработанную неделю. А Малков, тогдашний зам. нач. цеха, говорит: «Ничего не хочу знать, надо было оформлять!». Я к мастеру Ярошу: «Как же так?». А тот: «Моя вина. Но я ничего не могу против начальника!».

Посмотришь на такого руководителя снизу — «кошка». Посмотришь на него сверху — «мышка».

Косачев, помните, обходя цех, имел обыкновение со всеми здороваться за руку. У Яроша скорее кабинетный стиль. Казалось бы, разница. Но в поведении того и другого заметно и общее. Это — неуважительное отношение к людям, неумение и даже нежелание слушать, считаться с мнением рабочих...

Вот еще примеры, уже из нынешнего года. В январе целую неделю не было загрузки для ПКР КО-120. Наша бригада каждый день писала по «сигналу» начальнику цеха. Последние сигналы — уже с восклицательными знаками. И на всю эту пачку сигналов — от нач. цеха Яроша ни ответа, ни привета, ни беспокойства, ни извинений. Не снисходит новый начальник не только до отчета каждому рабочему, но и до бригадных сигналов. В конце концов не администрация, а мы сами, бригада, нашли выход. Стали штамповать «приборостроение», впрок (без наряда)...

(Председатель указывает на регламент. Получено разрешение собрания продолжать выступление).

...Другой пример. Мы у себя в бригаде еще до январского Пленума, в канун Нового года, устроили «демократическую перестройку» — избрали совет бригады и бригадира (бригадир тот же, что и был, но теперь он у нас выборный). В середине января на бригадном собрании подвели прошлогодние итоги, как говорится, взвесили свои возможности. И сами распределили дневные производственные задания членам бригады, не согласившись с заданиями, установленными сверху (те оказались ниже прошлогоднего среднегодового выполнения!). Оформили все это протоколом, предъявили его администрации. И вот тут стало ясно, что оплата у нас на самом деле не по труду, а по усмотрению начальства. Сумма индивидуальных заданий (а стало быть — и бригадный план) так и остались заниженными против нашего предложения.²⁵

Казалось бы, такой конфликт с рабочим коллективом — ЧП для администрации. Однако ни начальник участка, ни, тем более, начальник цеха не удостоили совет бригады даже беседой. Я сейчас не обсуждаю — кто прав, кто не прав. Важно — как ведут себя в таких случаях администраторы. А ведут они себя по отношению к коллективу бригады — оскорбительно! Вот от такого стиля руководства придется теперь, после январского Пленума, отказываться. Учиться слушать — не только вверх, но и вниз!

Еще два слова о новом начальнике цеха Яроше. Он, конечно, еще неопытен, как начальник. Но, к сожалению, «школу» сейчас проходит не лучшую. Хотя бы у

генерального директора нашего объединения Долбежкина. Пару недель назад мне довелось присутствовать на партхозактиве. Там обсуждались первые итоги «двухсменки». И в частности, наша заметка в многотиражной газете — «Двухсменка — для дела или для рапорта?». Понятно раздражение директора по поводу рабочей критики. Но вот как он позволяет себе свое неудовольствие выражать: «Не этим слесарям решать такие вопросы!». Думаю, наш начальник цеха там был, слышал.

Что ж, поработав пару лет, в качестве мастера, с Косачевым, понаслушавшись подобных речей у Долбежкина, наш молодой начальник цеха, похоже, равняется на эти «образцы». И поступает сам, например вчера, следующим образом.

Ему только что поступила служебная записка от рабочего, в которой отмечается, что из-за его, персонально Яроша, нераспорядительности, не выполненного в течение года обещания, на определенном виде оборудования (КО-120) рабочий теряет за смену в среднем до 1 час. рабочего времени (не буду углубляться в содержание записки и производственные подробности). Так вот, за ответом на эту служебную записку Ярош предлагает рабочему явиться к нему после окончания рабочего дня, как будто тот у него о переносе отпуска на летнее время просит, а не ставит наболевший производственный вопрос.

И ведь даже в толк не может взять администратор, что такое его поведение прямо просится в фельетон. Ярош говорит: «Вы ко мне с личной служебной запиской обратились...». Понимай так: вам нужно, вы чего-то там просите, ваши деловые обращения — это ваше личное дело.

Вот такие вывихи в психологии придется теперь выправлять партийной организации, всему коллективу, да и самим этим руководителям. Кто сумеет перестроиться, а кто и нет... Шанс, как сказал Горбачев, дается всем. У Яроша шансов больше, он молод. А вот Косачеву и Долбежкину — потруднее. Может, и не сумеют, не успеют...

В заключение, я хотел бы сказать о гласности...

(Вновь получено разрешение собрания продолжать выступление).

...Без гласности демократизация управления — пустой звук. У нас же — сплошные «административные тайны». Тайна — пересматриваемые нормы и расценки на производственные операции. Пересмотр этот не обнаружится (что, кстати, требуется КЗоТом).

Рабочий узнает о новых нормах только в момент выдачи задания. Тайна (в начале месяца) — бригадный план. Даже дневное производственное задание рабочему становится теперь своеобразной «тайной»!

Товарищи, небось, заметили, что из вывешиваемой перед получкой табуляграммы в этом году исчезла привычная графа — «дневное задание». Вычислить, конечно, можно, поделив так называемое «месячное задание» на количество отработанных дней... Но это пусть каждый, если хочет, сам подсчитывает. А на всеобщее обозрение — зачем? Чем меньше люди информированы, тем начальству спокойнее!

Сейчас нет времени развивать дальше эту тему. Ясно одно: политическая суть перестройки — это демократизация, а демократизация требует гласности во всем, что волнует и кровно касается каждого рабочего.

А. Алексеев, 18.02.87

15.6. «Гримасы» перестройки и триада социологического познания

Автостенограмма выступления на отчетно-выборном собрании Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации (март 1987)

Уважаемые коллеги!

Я думаю, на сегодняшнем собрании уместно говорить не только о наших сугубо профессиональных, социологических делах. Писатели на своем съезде, как известно, обсуждали не только писательские проблемы. Жгучим проблемам жизни отдавалось предпочтение перед узкоцеховыми сюжетами. Вот и нам, социологам, думается, стоит выйти за рамки научно-организационной темы.

I

Расскажу о новом общественном явлении, которое даже нынешняя, обновляющаяся публицистика пока обходит своим вниманием. Тем более не раскочалась социология. процитирую небольшую заметку из заводской газеты ПО «Ленполиграфмаш», от 26.11.86. Называется: **«Двухсменка: для дела или для рапорта?»**. Авторы — десятеро рабочих, слесарей механического цеха (среди них и я). <...>

[Здесь опущен зачитанный автором текст публикации в газете «Трибуна машиностроителя»; см. выше: раздел 15.1. — А. А.]

Авторы цитированной заметки оказались не одиноки. Примерно так же внедрялась двухсменка и на других предприятиях Ленинграда. Недоумение, рабочая критика этой показухи выплеснулись на страницы ленинградской печати:

«... Умное, нужное начинание благодаря формализму у нас в коллективе обращено в бессмысленную, даже вредную затею» (наладчик станков ЧПУ Кировского завода А. Ефимов; «Ленинградский рабочий», 21.11.86);

«... В результате такой организации дела повышается не коэффициент сменности оборудования, а коэффициент сменности станочников» (фрезеровщик Ленинградского завода турбинных лопаток С. Мурников; «Ленинградская правда», 23.11.86).

Вокруг этой скромной заметки у нас на «Полиграфмаше» разгорелись страсти. Чрезвычайное богатство социальных связей и противоречий перестройки, столкновение интересов — раскрыл этот эпизод!

Генеральный директор объединения публично заявил, что многотиражная газета допустила «антивыступление» (так и сказал!). «У нас (т. е. у него, директора) нет никаких сомнений, вопрос назрел четко, нечего тут дискутировать. Есть партийная установка на двухсменку, нельзя на этих слесарях строить политику... А редактора газеты следовало за эту заметку депремировать», — заявил генеральный директор. Вот такая административная отповедь... И говорилось все это не когда-нибудь, а в дни январского Пленума.

«Издевательством над здравым смыслом, над большим государственным делом» назвал месяц спустя, выступая на XVIII съезде профсоюзов, подобную практику внедрения двухсменки М.С. Горбачев. К тому времени и наша заводская администрация созрела для официального ответа через газету «этим слесарям». Их критика в многотиражке была признана правильной. Но при этом утверждалось, будто введение двухсменки «позволило цеху решить ряд острых проблем»... (Трибуна машиностроителя, 25.02.87). И все осталось без перемен. Это было в феврале. А в марте на «Полиграфмаше» затрещал план. Думаю, во многом — из-за внесенной «поголовной» двухсменкой дезорганизации. И вот в середине марта на цеховой доске объявлений появилось многозначительное распоряжение: «В связи с производственной необходимостью (!) временно

перевести в односменный режим работы следующих рабочих...». И список: добрая половина цеха.

Поговаривают (в рабочей среде), что цеховое начальство именно двухсменной пытается теперь объяснить срыв февральской программы.

II

Так что же это за явление, которое еще и имени не получило, не говоря уж о социологическом осмыслении? Я бы назвал это — одурачением, или **гримасами перестройки**. Профанация перестройки — это страшнее «сопротивления» ей... Это такое приспособляющееся противодействие, когда сам противодействующий полагает себя добросовестным перестройщиком. Он иначе просто не может, не умеет.

Новые задачи пытаются решить старыми способами. Моделей тут несколько. Например, выдвигается общественно значимая цель. Разрабатываются средства для ее достижения. Затем спускается разрядка или отчетный показатель — по внедрению средств. В итоге, средства абсолютизируются (вроде «кукурузы» в свое время). И замещают цель в сознании бездумных исполнителей. Отчасти, так и произошло с двухсменной.

Или другая модель: достижение цели «любой ценой», за счет средств, совершенно ее дискредитирующих. Например, надо, чтобы росла производительность труда. Но новая техника остается не загруженной, простаивает по разным причинам. Тогда ужесточают нормы (или, говоря «по-рабочему», срезают расценки) на старых рабочих местах. Понятно, без всяких организационно-технических мероприятий, которые оправдывали бы этот пересмотр. Все для того, чтобы показать, что производительность труда все-таки «растет», неважно как. И, вместо интенсификации производства, получается элементарная интенсификация живого труда.

Однако такая потогонная система не срабатывает. И возникает необходимость в сверхурочных, в том числе **скрытых** (т. е. как бы добровольных, чтобы рабочему удержаться хотя бы на прежнем уровне зарплаты).

Могу вас заверить, что за последние семь лет в цехе, где я работаю, никогда не было такого количества сверхурочных, как в минувшем, «первом году двенадцатой пятилетки». То же продолжается и в этом году.

Или, например, «гримасы перестройки» в наших средствах массовой информации... Ну как иначе назвать бюрократически-административную «атаку на рабочий класс» — диковатую кампанию под лозунгом **«Чего боится сдельщик?»**, начатую, еще прошлой весной, газетой, которая называется «Ленинградский рабочий»? Эта кампания была поддержана и некоторыми центральными газетами. Сдельщик, видите ли, «не патриот»: не желает сам просить у администрации, чтобы ему срезали нормы и понизили зарплату. Не буду сейчас углубляться в эту тему, заслуживающую отдельного исследования в рамках «экономической социологии». Скажу лишь, что налицо попытка за счет рабочих решить действительно встающую сейчас проблему «одного с сошкой, семерых с ложкой» на нашем производстве.

Кстати сказать, в ходе этой газетной кампании был беспардонно ошельмован рабочий-новатор, бригадир передовой бригады фрезеровщиков на «Полиграфмаше», мой товарищ Геннадий Богомолов.

Спрашивается, как относиться ко всем этим явлениям нам, социологам? Прежде всего — замечать их. Далее — не бояться исследовать! Но тут и в социологии нельзя обходиться только старыми, привычными методами.

Сейчас много говорят о региональной социологической службе, ее контролирующей, координирующей функциях. А я бы спросил: готова ли эта

служба к выполнению экспертной функции, относительно того, **как совершается перестройка?** Не еще одним чиновным органом должны выступать районные социологические службы, как у нас в Ленинграде, а своего рода научно-методическими центрами, рабочими семинарами по вопросам общественной перестройки. Руководителями таких семинаров должны быть ведущие ученые, и даже не обязательно «прописанные» в данном районе по месту основной работы.

**

В заключение одно почти теоретическое соображение. Принято различать социологическую **теорию** и социологическую **эмпирию**. Мне представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое **действие**. Я имею в виду вовсе не набор «практических рекомендаций» (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — познающее действие, **познание через действие**, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее.

Мне кажется, со временем войдет в научный обиход понятие «социолог-экспериментатор», или «социолог-испытатель»... А. Алексеев, 17.03.87

15.7. Двухсменка: продолжение следует. 1987-1988

[Начало — см. выше: раздел 15.1. — А. А.]

Корреспонденция Т. Ниловой, опубликованная в «Ленинградском рабочем» (март 1987)

На словах и на деле

Два письма поступило в редакцию из третьего цеха объединения «Ленполиграфмаш». В них содержалась резкая критика в адрес цеховой администрации, формально организовавшей перевод на двухсменный режим работы станочников и слесарей.

Эти письма мы направили для проверки и принятия мер в партком предприятия. Секретарь парткома М. К. Михайлов прислал ответ. В нем, в частности, говорится:

«Факты, изложенные в письмах, в основном подтвердились. 28 января партком рассмотрел ход выполнения своего постановления от 25 августа прошлого года, об организации в объединении многосменного режима работы. Обращено внимание генерального директора А.Д. Долбежкина на неудовлетворительную работу по переходу предприятия на новый график. Секретарям партийных бюро и администрации подразделений предложено конкретнее, настойчивее разъяснять (! — А. А.) в трудовых коллективах необходимость двух-и трехсменки. На парткоме присутствовали четверо рабочих, обратившихся с критикой в многотиражную газету объединения, а также в еженедельник «Ленинградский рабочий».

Казалось бы, вопрос решен. Но вот очередной сигнал из третьего цеха: «Ничего у нас в отношении к двухсменке после того парткома не изменилось.

Приезжайте, разберитесь».

Еду на предприятие. Оказывается, по-прежнему стоят в первую смену без дела в цехе многие станки в то время, как людей заставляют выходить во вторую. «У

нас начинается в объединении реконструкция, — объясняет новый начальник цеха Н. А. Ярош. — Скоро эти пустующие места будут заняты рабочими из зданий, которые попадают под пятно новой застройки».

Но пока-то из тех помещений еще никого не переселяют. К тому же Николай Анатольевич даже сам не знает до сих пор, кто и когда придет в его цех из других, на какое оборудование: на предприятии не составлен конкретный план рассредоточения ряда служб в связи с реконструкцией. Так зачем же было спешить, делить волевым порядком станочников на две смены? И перевод на двухсменку слесарного участка цеха выглядит сомнительным: слесари ведь не работают на дорогостоящем высокопроизводительном оборудовании, высвобождения площадей это также не дало, да и выигрыш во времени при изготовлении продукции, минимальный, чисто символический. К тому же оставляет желать лучшего обеспечение производства во вторую смену: например, после восьми вечера закрываются кладовые и невозможно получить инструмент.

Выходит, порядок с организацией многосменного режима в третьем цехе объединения «Ленполиграфмаш» наведен пока только на словах.

Т. Нилова (Ленинградский рабочий, 20.03.87)

От автора — сегодня

Вышеприведенное выступление ленинградской газеты в марте 1987 г. спровоцировало горячую дискуссию.

Застрельщиком выступил... бывший начальник цеха № 3 «Ленполиграфмаша» (к тому времени ставший начальником инструментального цеха), уже знакомый читателю этой книги, А. Косачев. Усмотрев в позиции газеты (не говоря уж об «этих слесарях») «призыв к анархии», он заявил крайне категорично:

«...Считаю, что двухсменка должна быть всюду, полнокровная. Именно это необходимо. И в простаивающих станках нет ничего криминального... Пусть лучше с введением полноценной двухсменки машины стоят, чем из-за их перегруза в отдельные дни тормозится выполнение плана... Мы пока только разговоры ведем. А надо быстрее осуществлять перевод (на двухсменку. — А. А.)...»

И даже процитировал Крылова: «Там слов не надо тратить по-пустому, где надо власть употребить» (Ленинградский рабочий, 15.05.87).

Опубликовав статью Косачева, поначалу без комментария, редакция призвала читателей к откликам. Отповедь новоявленному «Скалозубу» приняла формы порой не менее резкие (грубые). Например, у читательницы Л. Ушаковой:

«...Сама работаю на производстве. На днях во вторую смену в цехе снимали хронометраж. Из разговоров с людьми выяснилось, что многих рабочих специально для этого в тот день попросили выйти в вечер... Этого товарища Косачева не перестраивать надо, а взять «за шкуру» и в Сибирь отправить (! — А. А.). Пусть роет лбом землю, толку от него будет больше. Разве мало мы бед натворили с такими косачевыми? И как бойко цитирует... Вот к нему бы власть употребить!..» (Ленинградский рабочий, 31.07.87).

Редакционный комментарий («Не приказом и не окриком»):

«...В поддержку позиции А.А. Косачева не пришло ни одного письма... Окрик вызывает обратную реакцию. А.А. Косачев же, как справедливо отмечается в письмах... уповает на администрирование. Наши читатели чутко уловили в его выступлении тот командный тон и уверенность в собственной

непогрешимости... которыми так долго прикрывали у нас иные руководители свою некомпетентность...» (Там же).

Тем временем, «конфликт вокруг двухсменки» развернулся по всей стране.

Партийные руководители высокого ранга, включая М. С. Горбачева (см. выше), высказались по этому поводу. Вот еще несколько примеров. Ю.Ф. **Соловьев**, первый секретарь Ленинградского ОК КПСС:

«...Отдельные хозяйственные руководители проявили непонимание существа вопроса, формально подошли к введению многосменного режима, например, на заводе “Электрик” (генеральный директор т. Негодуйко К.М.) из двух сборочных линий, действовавших ранее в одну смену, одна стала работать в первую, а другая во вторую.

Аналогичные подходы к организации двухсменки, отсутствие целенаправленной разъяснительной работы имели место в объединениях “Позитрон” (т. Блохин Ю.И.), “Вибратор” (т. Сивченко В.И.) и ряде других» (Ленинградская правда, 29.03.87).

Или, например, Б.Н. **Ельцин**, первый секретарь Московского горкома КПСС:

«...На многих предприятиях... на двухсменную работу переходят механически, поделив коллектив пополам. Не ради разумной эффективности, а опять ради моды. Неумелые действия, спешка, которая сродни показухе, порождают даже конфликтные ситуации. Не подумали и наломали дров...» (Московская правда, 14.04.87).

Однако, несмотря на все эти «разъяснения», проблема сохранялась еще долго. Так, в заводской газете «Ленполиграфмаша» еще и в марте 1988 г. можно было прочитать:

«...Такая двухсменка, которая существует сегодня на слесарном участке, невыгодна производству, неудобна людям. Ведь доказано, что производительность труда падает вечером. Теряем и на электроэнергии — работают единицы, а свет горит на всем участке. Когда ставился вопрос о работе в две смены, речь шла о загрузке прогрессивного, дорогостоящего оборудования. Но посмотрите на наши станки с ЧПУ — “Траубе”, “Фейнтулы”, “Дискусы”. Один из них загружен меньше, чем наполовину, другие вообще простаивают. И в это время администрация находит самое “прогрессивное” оборудование — слесарный верстак, заставляя людей выходить вечером...» (Цит. по: Трибуна машиностроителя, 16.03.88).

Это — высказывание председателя СТК цеха № 8 Е. **Лапко**. «Тайну» заинтересованности администрации в такой двухсменке тут же простодушно раскрыл начальник этого цеха А. **Куликов**:

«...На предприятии сложилось тяжелое положение с отовариванием из-за перехода из одного министерства в другое. Поэтому возможны ситуации, когда из-за позднего отоваривания... приходится просить людей оставаться сверхурочно, чтобы нагнать упущенное время. Но не всегда все на это соглашаются, а когда люди четко знают, что неделю они работают с утра, другую в вечер, вопрос о сверхурочных отпадает» (Там же).

Из опубликованной в той же газете 15.06.88 статьи председателя СТК цеха № 6 наладчика В. **Юфимца** («...Но с нашим мнением не считаются. Проблемы двухсменки») явствует, что и в середине 1988 г. сохранялось прежнее положение!

Как видно, столь энергичное навязывание двухсменки в то время происходило и удерживалось на местах не только «для рапорта», но и в собственных интересах администрации — для маскировки неритмичности производства, для повышения «управляемости» рабочих и т. п. (Март 2001).

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-veter-peremen-1986-1987-okonchanie>

**А. АЛЕКСЕЕВ.
ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН? (1986-1987).
ОКОНЧАНИЕ**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 12.11.2016

«...Вся эта история, действительно, анекдотическая, может рассматриваться как пример постановки «экспериментатором» системы «в тупик», путем абсолютно последовательного соблюдения ее (этой системы) правил. («Моделирующая ситуация»!). В данном случае всем (не только социологу-испытателю) понятно, «чего стоят» все эти «условия соревнования» и т. п., навязываемые сверху с целями отчасти прагматическими, отчасти идеологическими. «Игра по правилам» обнаруживает «ничтожность» самих этих правил, говоря языком юридическим...»

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

<...>

15.9. Спорные вопросы социалистического соревнования

15.9.1. Как я был победителем социалистического соревнования

А. Алексеев — в ВЦСПС (апрель 1987)

Уважаемые товарищи!

<...> Это письмо я адресую именно в ВЦСПС (а не в Облсовпроф, например) потому, что около месяца назад (10 марта) был на приеме у комиссии ВЦСПС, которая тогда работала у нас на ПО «Ленполиграф-маш». Я информировал членов комиссии о том, как профсоюзный комитет нашего объединения три с половиной месяца разбирался с моим заявлением о неверно подсчитанном вкладе участника соревнования «за ускорение научно-технического прогресса». Будучи недобросовестно посчитан, мой личный вклад оказался заведомо приуменьшен. Никто не оспаривал, что сосчитано неверно. Но от перерасчета всячески уклонялись.

Похоже, что именно вмешательство комиссии ВЦСПС помогло сдвинуть дело с мертвой точки. Примерно две недели спустя [после отъезда комиссии. — А. А.] стало известно, что эффект от внедрения моего **предложения по экономии ресурсов**, поданного в марте 1986 г. (т. е. больше года назад), исчисляется суммой вовсе не 477 руб., как было посчитано вначале, а 2.646 руб. Это — **наивысший** по предприятию результат среди рабочих [за 1986 г. — А. А.].⁵² Но вот затем (6 апреля) состоялся разговор с председателем профкома объединения Ю. П. Стукаловым, после чего мне не остается ничего другого, как

вложить в этот конверт основной документ участника соревнования — «персональную книжку» слесаря м/с работ цеха № 3 Алексеева А. Н. (куда занесены и мое социалистическое обязательство, и «накопительный счет» за 1986 г.), и предоставить ВЦСПС дать всему этому соответствующую оценку. <...>

Здесь следует вернуться к началу еще прошлого года, когда наше объединение выступило с инициативой «эксперимента» в организации социалистического соревнования. Эта инициатива широко освещалась в ленинградской, а также в центральной прессе.

Суть эксперимента, как работникам ВЦСПС наверняка известно, состоит в отказе от подведения итогов соревнования по величине выработки (индивидуальному опережению средних по предприятию показателей производительности труда) и в переходе к соревнованию по так называемым **накопительным счетам**.

Счет этот должен суммировать эффект от рационализации, от пересмотра норм по инициативе рабочего, от других мероприятий, осуществляемых самими рабочими или по их предложениям. В рублях выражается эффект и от наставничества, и от участия в освоении новой техники (разумеется, условно). У кого больше экономический эффект по сумме всех этих условных и безусловных показателей — тот и победитель.

Многим на нашем предприятии новая методика соревнования показалась сомнительной. В известном смысле, она была навязана коллективу профсоюзным комитетом объединения. В цехах и отделах практика накопительных счетов встретила разнообразные возражения. В заводской газете уже год не прекращается дискуссия на эту тему.

Но, так или иначе, новые условия соревнования стали действующими.

<...> Уже в первые месяцы выявилась необходимость в **корректировке методики**. В частности, среди показателей-источников пополнения накопительного счета поначалу отсутствовал пункт: «экономия металла, энергии, топлива, инструмента и т. п.». Возьму на себя смелость предположить, что поводом для введения этого показателя явилось как раз мое предложение об экономии ресурсов, от марта 1986 г. Будучи до очевидности экономически эффективным, оно не укладывалось ни в одну из имеющихся в «Положении о соревновании» рубрик.

Поначалу меня уговаривали, чтобы я оформил это предложение как рационализаторское. Но, имея личный опыт рационализатора, я отказался: нет тут никакой технической идеи, а просто — **острый сигнал** по поводу заведомой бесхозяйственности.

Дело в том, что из нашего, механического цеха, где установлен пресс ПКР КО-120 (на котором я работаю), в инструментальный цех была подана объемная заявка на изготовление дублеров [запасных экзemplяров. — А. А.] оснастки для моего станка. И эта заявка включала в себя... **неизнашиваемые** части комплектов указанной оснастки! Вот их-то изготовление я своим предложением и приостановил.

Предложение — не делать ненужных съемников для штампов моего прессы — было внедрено немедленно. Инструментальный цех разгрузился от большого объема излишней работы.

Дальше — начались трудности с подсчетом экономического эффекта. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что эффект от моего предложения, по существу, был не чем иным, как **предотвращенным убытком** (который был бы понесен, если бы я это предложение не подал). Этот эпизод явился поводом для

моей заметки в заводской газете, под названием **«Нужен счет и бесхозяйственности»:**

«...Делать ненужную, бессмысленную работу — это, пожалуй, классический случай бесхозяйственности. И делают ее у нас не так уж мало. Сплошь и рядом это происходит в результате чьего-либо необдуманного распоряжения и слепого исполнительства. Предложения участников соревнования уже сейчас стали выявлять подобные ситуации.

Понятно, что, коль скоро предложением соревнующегося сбережены живой труд или материальные ресурсы, это будет записано в его накопительный счет (хотя бы тут и не было никакой рационализации, а просто — внимательный глаз, здравый смысл, забота о деле). Будет записано, так сказать, со знаком плюс. Но ведь кто-то издал неразумное распоряжение, запланировал очевидную нелепость, поспешил ее осуществить. И он, может быть, тоже — среди участников соревнования, у него свой накопительный счет...

Так вот, справедливо в “сберегательную книжку” этого последнего записать ту же величину экономии, но со знаком минус. Счет нужен и для бесхозяйственности!» (Трибуна машиностроителя, 16.07.86).

Пока шли дебаты, принимать или не принимать идею «минусовых» счетов, мое предложение (не делать ненужных съемников для штампов), будучи уже осуществлено, никак не обсчитывалось. Тогда заводская газета вступилась за своего рабкора:

«...Предложение приняли, об этом говорит и тот факт, что теперь новые штампы поступают без съемников — стали использовать старые. Но когда речь зашла о том, какую сумму внести от этого предложения в накопительный счет А. Н. Алексеева, как участника социалистического соревнования по новым условиям, то ни начальник БТП цеха Кутырина, ни уполномоченный по БРИЗу этого же подразделения... Н. А. Ярош не смогли ответить, вернее решили, что это должны посчитать в цехе № 22 (*инструментальный цех. — А. А.*). Так и решают между собой пятый месяц. А рабочий выбыл по их нерасторопности из рядов участников... соревнования во втором квартале. Впереди еще полгода, может, и встретим мы А. Н. Алексеева в списках победителей, если выше указанные товарищи решат этот вопрос в течение года...

Так что, дорогой читатель, если вы захотите участвовать в рационализации, то непременно выработайте в себе бойцовские качества, наберитесь терпения...» (Трибуна машиностроителя, 3.09.86).⁵⁴

На критику надо реагировать. Подсчет экономии от моего предложения производила начальник БТП цеха № 3 Л. Кутырина. Представьте себе — это та самая инженер-технолог, которая в свое время подавала заявку на изготовление ненужных съемников! Вот она-то и насчитала мне экономию (если угодно — себе «растрату») около 500 руб., вместо 2,5 тысяч [*как потом оказалось. — А. А.*].

Я попросил показать мне этот расчет. И тут же обнаружил элементарную (почти арифметическую!) ошибку. Предложил исправить. Отказалась.

Сразу после этого, 2 декабря, я обратился в профком объединения с заявлением, в котором излагалось все описанное выше <...>. Целый месяц это мое заявление пролежало в профкоме. Когда же в начале января я напомнил о нем, за дело взялся лично председатель профкома тов. Стукалов. В течение еще двух месяцев он систематически просил меня перезвонить ему «через пару дней». И каждый раз объяснял, что вопрос «еще решается».

Тем временем успели подвести итоги соревнования по накопительным счетам и за четвертый квартал, и за весь 1986-й год. Победителями соревнования по объединению среди рабочих за 1986 г. были признаны обладатели накопительных счетов 2.587 руб. и 1.145 руб.

Что же получается? Почти одновременно с подведением итогов соревнования <...> за 1986 г. выяснилось, что есть человек, чей вклад больше, чем у любого из признанных победителей (а именно — 2.646 руб.). Естественно ожидать, что эта уточненная сумма будет вписана в его накопительный счет за 1986 г., а безусловная (хотя и с запозданием установленная, но не по его вине) победа в соревновании отражена в соответствующем постановлении профсоюзного комитета. Ну, и обнаружена, как водится, в заводской газете.

Но именно это сделать председатель профкома Стукалов категорически отказался. В своей беседе со мной 6 апреля он заявил, что «ничего особенного не случилось»: «Мы вам запишем эту сумму на нынешний, 1987-й год».

...Вообще, порядок, согласно которому вклад участника соревнования рассчитывается с опозданием на несколько месяцев (а тут — на целый год!), — ненормальный. Выходит, победа за данный период присуждается не за успехи в этом периоде, а за стародавние. Но здесь дело усугубляется заведомой безответственностью и халатностью организаторов соревнования.

Судите сами. Мое предложение по экономии ресурсов было подано в 1986 г. (в первом квартале). Внедрено — в 1986 г. (во втором квартале).

Экономический эффект, хоть и с опозданием и неверно, рассчитан в 1986 г. (в третьем квартале). На ошибку в расчете я указал немедленно, опять же в 1986 г. (2 декабря датировано заявление в профком). И если профсоюзный комитет «Полиграфмаша», несмотря на все напоминания, отреагировал на мое заявление лишь четыре месяца спустя, то страдать от этого должен вовсе не я. Допущенная очевидная ошибка должна быть исправлена **гласно и самокритично**. Как того требуют время и дух современной общественной перестройки. Я настаиваю на том, чтобы мой действительный, а не фиктивный вклад был отражен в персональном документе участника социалистического соревнования за 1986 год, том самом документе, который я сейчас *[демонстративно. — А. А.]* посылаю в ВЦСПС.

<...> Как вы понимаете, для меня все изложенное является делом принципа. Не стал бы я писать такое письмо по каким-либо иным мотивам. Но уж для полноты картины приведу выдержку из «Условий социалистического соревнования ПО «Ленполиграфмаш» за 1986 год:

«...По результатам соревнования за год.

Победители соревнования могут быть занесены на Доску почета завода, им могут вручаться бесплатные путевки на ВДНХ, другие выставки технического творчества; вручаются Почетные грамоты и денежные премии в сумме: — для индивидуально соревнующихся — до 150 руб.».

Понятно, что ни Почетной грамоты, ни денежной премии по результатам соревнования за 1986 г. я пока не получил.

Разумеется, не «отменять» надо победу уже объявленных победителей соревнования (их всего двое, согласно цитированным выше «Условиям»), а признать, что **есть еще и третий победитель**. А ответственность за эту «неловкость» возложить на тех, кто действительно виноват, — на тов. Стукалова и иже с ним.

<...> По иронии судьбы, одним из победителей соревнования на «Полиграфмаше» за 1986 г. среди ИТР (не рабочих) по сумме накопительного счета стала... начальник БТП цеха № 3 Л. Кутырина (об этом сообщено в заводской газете). Та самая (!) Кутырина, которая в свое время не только ошибочно посчитала эффект от внедрения моего предложения по экономии ресурсов, но и, в известном смысле, **лично ответственна** за то, что это предложение вообще

появилось (ее необдуманная заявка на изготовление ненужной оснастки для ПКР КО-120).

Уж не знаю, вошла ли бы Л. Кутырина в число победителей, если бы было принято мое «парадоксальное» предложение записывать в накопительные счета нерадивых работников, виновников бесхозяйственности — «минусовый эффект» (см. выше).

Что же касается того «подарка», который предлагает мне тов. Стукалов, — отнести первоначально затушеванную экономию 1986 г. в счет 1987-го, то я в этом вовсе не нуждаюсь. Дело в том, что уже в этом году мною поданы еще два предложения по экономии ресурсов (по моим прикидкам, не менее эффективные) и одно рационализаторское предложение, обещающее (если будет принято) в полтора раза повысить ресурс всей оснастки на станке ПКР КО-120.

Так что я намерен на текущий год принять социалистическое обязательство повыше, чем в прошлом году.

Кстати, «экспериментальные» условия социалистического соревнования в нашем объединении ныне пересматриваются. Похоже, что в 1987 г. основные итоги будут подводиться уже не только по накопительным счетам (а может, и вообще от них откажутся...). Так что и с этой точки зрения аргументация председателя профкома Ю. Стукалова («Не все ли вам равно?») является совершенно беспардонной.

* * *

Полагаю, что все описанное дает работникам ВЦСПС основание для того, чтобы довести до конца свое вмешательство в этот эпизод из профсоюзной жизни нашего объединения. А может быть — и для более общих выводов.

<...> **Эпизод такой, что нарочно не придумает!** И очень многое из него видно.

А. Алексеев, 12.04.87

Ремарка: игра по правилам Системы.

Вся эта история, действительно, анекдотическая, может рассматриваться как пример постановки «экспериментатором» системы «в тупик», путем абсолютно последовательного соблюдения ее (этой системы) правил. («Моделирующая ситуация»!).

В данном случае всем (не только социологу-испытателю) понятно, «чего стоят» все эти «условия соревнования» и т. п., навязываемые сверху с целями отчасти прагматическими, отчасти идеологическими. «Игра по правилам» обнаруживает «ничтожность» самих этих правил, говоря языком юридическим. (Октябрь 2003).

15.9.2. «Какую систему соревнования ни придумают, все не те получают победители...»

А. Алексеев — заместителю заведующего отделом социалистического соревнования и производственно-массовой работы ВЦСПС И. Гребенщикову (август 1987)

Уважаемый тов. Гребенщиков!

Мною еще в мае с. г. получен Ваш ответ на мое письмо в ВЦСПС от 12.04.87 (ответ № 22-5-А/57519, от 20.05.87).

В названном письме шла речь о некрасивой волоките, устроенной профсоюзными работниками ПО «Ленполиграфмаш» с исправлением ошибки, допущенной при подведении итогов социалистического соревнования в нашем объединении за 1986 г.

Ответ из ВЦСПС, за Вашей подписью, как будто все ставил на свои места. В нем выражалась полная поддержка моей постановки вопроса:

«Председателю профкома объединения Стукалову поручено при подведении итогов соревнования за второй квартал 1987 г. рассмотреть вопрос о правомерности принятого решения по итогам соревнования за 1986 г. О результатах профком должен проинформировать вас».

<...> И вот, в конце июля, из обнародованных результатов соревнования от начала пятилетки, я узнаю, что профсоюзный комитет объединения и не подумал что-либо пересматривать, исправлять, оценивать «правомерность принятого решения» и т. п. Поручением ВЦСПС председатель профкома тов. Стукалов благополучно пренебрег. <...>

Я предложил тов. Стукалову хотя бы ознакомиться с текстом моего письма в ВЦСПС. «А зачем? — с невозмутимым благодушием ответил тот. — Мне в общих чертах известно содержание вашей жалобы (!)». Затем последовало... очередное предложение обратиться в профком объединения, с очередной просьбой «решить мой вопрос».

Как будто я должен в данной ситуации еще о чем-то «просить» профсоюзных деятелей, а не они — приносить мне свои извинения! Думаю, беспардонность (чтобы не сказать — цинизм) поведения профсоюзного чиновника в данном случае не требует особых пояснений.

<...> Может возникнуть вопрос: только ли обычной чиновной безответственностью объясняются все эти «пассы» профсоюзного лидера? Боюсь, что не только этим. Надо теперь, пожалуй, сказать, что нашему профсоюзному комитету вот уже давно очень «не везет» с победителями соревнования.

На протяжении ряда лет, по прежним (до 1986 г.) условиям соревнования, абсолютным победителем на нашем заводе оказывался рабочий-новатор, лауреат Государственной премии, фрезеровщик Г. А. Богомоллов.

Человек незаурядный и «неуправляемый», он стал своего рода «костью в горле» определенной части заводских руководителей, партийных и профсоюзных активистов. Пару лет назад, по существу с подачи профкома объединения (возглавлявшегося и тогда тов. Стукаловым), против Богомоллова была развернута настоящая травля. Его стали шельмовать, как «индивидуалиста», «рвача», исключили из партии (лишь недавно он в ней восстановлен). Эта история, получившая в свое время широкое освещение на страницах не только ленинградской, но и центральной печати, наверняка известна ВЦСПС.

Новая система соревнования, усиленно внедрявшаяся профсоюзным комитетом «в порядке эксперимента» в 1986 г., была как будто направлена на устранение недостатков прежней. В статье Ю. Воробьевского

«Поражение победителя» (Советская Россия, 7.01.87) это было даже вынесено в подзаголовок: «О противоборстве двух позиций в организации соревнования на «Ленполиграфмаше».

Тут, пожалуй, не обошлось и без «личной подоплеки». Вот как об этом пишет один из ленинградских журналистов:

«...А тут еще новая система социалистического соревнования подросла. По ней выходило, что победителем признаваться на “Ленполиграфмаше” будет теперь вовсе не тот, кто больше других перевыполнит норму, а тот, у кого наибольшим

окажется так называемый накопительный счет. Счет этот должен суммировать эффект от рационализации, добровольного снижения норм рабочими, от освоения новой техники, от наставничества и т. д. Новую систему кто-то поспешил назвать “антибогомоловской”...» (Почин С. Разлад // Ленинградская правда, 28 декабря 1986 г.).

Разумеется, по новой системе Г. А. Богомоллов, работающий с опережением на полторы пятилетки, «потерпел поражение».

Но вот, строго в соответствии с новыми (не очень глубоко продуманными, как я отмечал в своем первом письме) условиями трудового состязания, вперед неожиданно вышел... другой, не менее «неудобный» субъект — слесарь Алексеев, известный как человек, «слишком остро и непримиримо» критикующий бесхозяйственность, нарушения производственной демократии, компрометацию перестройки и т. п.

В общем — **из огня да в полымя!** Какие условия и показатели соревнования ни придумают, все не те (у тов. Стукалова и иже с ним) получаются победители... Но чиновный ум изворотлив!

Случилось так, что 9 января 1987 г. администрация цеха, где я работаю, «подловила» слесаря Алексеева на 10-минутном опоздании с обеда. Дело темное, считать ли рабочего нарушившим дисциплину, если он «без разрешения мастера» отлучился от своего станка, чтобы обеспечить заточку инструмента к нему (что было подтверждено и в суде, до которого докатился трудовой спор). Но, так или иначе, этот носитель звания «ударника коммунистического труда» 1986 г. на сегодняшний день является обладателем выговора «за нарушение трудовой дисциплины».

Это, разумеется, очень кстати тем, кому последнее время достается от него на страницах многотиражки и на открытых партийных собраниях (в том числе, и самому председателю профкома тов. Стукалову). Ибо теперь-то уж есть гарантия, что в 1987 году Алексеев в победители соревнования никак не попадет (нарушители трудовой дисциплины у нас в объединении, по условиям соревнования, из числа возможных победителей исключаются; и это, конечно, правильно).

Но ведь в 1986 г. у слесаря Алексеева никаких нарушений дисциплины не было (не было, по сути, и в 1987-м, но тут пока выговор на шее висит). А **было** (уж тут наверняка!) пренебрежение своими обязанностями, бюрократизм, чиновничье отношение к делу — у председателя профкома тов. Стукалова (да и вообще — у всей команды организаторов соревнования на заводе).

Не потому ли так старается тов. Стукалов засчитать Алексееву экономию от предложения, внедренного год назад, именно в **нынешний**, 1987-й год? Когда величина его накопительного счета уже не имеет значения — ведь победитель успел **проштрафиться**, попал в нарушители...

Вот такие просматриваются мотивы поведения профсоюзного лидера, не желающего вносить необходимые исправления в итоги соревнования 1986 г. (год, когда нежелательный призер «был безупречен»).

Затянув исправление ошибки уже на целых полгода (рискуя даже неприятностями от ВЦСПС; как никак — невыполнение поручения вышестоящей инстанции!), тов. Стукалов, похоже, надеялся, что упрямому рабочему в конце концов надоест «качать права». В крайнем случае, можно будет и на «нескромность» тов. Алексееву указать... Но я уже сообщал в первом письме, что для меня это вовсе не просто дело престижа или 150-рублевой премии (хотя почему бы и нет?). А — **дело принципа!**

Рассчитываю, что после этого моего второго письма в ВЦСПС справедливость в подведении итогов соревнования за 1986 г. будет, наконец, восстановлена.

Пользуюсь случаем поставить вопрос о том, что, вопреки решениям XVIII съезда профсоюзов, на «Ленполиграфмаше» не преодолевается, а усугубляется **формализм** в организации социалистического соревнования.

В прошлом году каждый участник соревнования имел личную книжечку, в которую мог записать свое обязательство (в частности, о величине вклада «в ускорение научно-технического прогресса»). В этой книжечке затем отмечалось выполнение обязательства, записывалась сумма накопительного счета и т. п. Количество работников, открывших накопительный счет, а стало быть — и держателей таких книжечек, на нашем заводе в прошлом году было около 850 чел. Нынче их стало больше. На всех, видать, книжечек не хватило. И вот, профсоюзным комитетом введен новый порядок: результаты соревнования теперь фиксирует ЭВМ. И каждый может проверить свой накопительный счет... по табуляграмме, вроде той, из которой узнают свою зарплату.

Как видим, «научно-технический прогресс» не миновал уже и самой организации соревнования. Недавно вывесили такую табуляграмму в нашем цехе. Понять из нее что-либо трудно. Никто из рабочих, кажется, и не пытался понять. Мне помогла разобраться цеховой профсоюзный работник.

Заменив книжечки табуляграммой, которая вовсе не отражает, за счет чего пополнился накопительный счет того или иного участника соревнования, профком «Ленполиграфмаша» практически отменил индивидуальные обязательства соревнующихся.

То есть — люди работают, подают куда-то предложения (порядок их подачи не оговорен). Неведомая экспертная комиссия, в отсутствие автора, их рассматривает. Кто-то подсчитывает эффект (**как** подсчитывают — можно было видеть на моем примере). Вводят данные в ЭВМ. Та — ранжирует вклады по величине и распечатывает табуляграмму. Несколько месяцев спустя (это в лучшем случае!) человек может узнать, что там ему «набежало»...

Вот и вся «гласность соревнования»! Не гласность, а бюрократическая пародия на нее. Трудовая активность и машинные подсчеты протекают параллельно и как бы независимо друг от друга. Во всяком случае — вне всякой связи одно с другим для самих «участников соревнования».

Характерно, что два моих новых предложения по экономии ресурсов, поданные в первом квартале 1987 г. и внедренные **немедленно** (мне же видно, ведь дело касается моего рабочего места), никакого отражения в упомянутой табуляграмме не нашли, даже во втором квартале. И, может быть, никогда не найдут (если я снова об этом не побеспокоюсь).

Думаю, что вся система социалистического соревнования на «Ленполиграфмаше» все более вырождается в **бюрократическую показуху**. <...>
А. Алексеев, 1.08.87

Ремарка: справедливость восторжествовала.

Дальше события развивались следующим образом.

12 августа 1987 г. заводская газета сообщила сверхоперативно, что профком ПО «Ленполиграфмаш», «на основании ходатайства администрации, партийной и профсоюзной организаций цеха № 3», принял решение «о присуждении слесарю Алексееву А. Н. звания победителя социалистического соревнования по накопительным счетам за 1986 г.» (решение от 6.08.87).

На основании приказа генерального директора объединения от 21.08.87, победителю была выплачена премия в сумме 150 руб.

Со своей стороны, зам. зав. отделом ВЦСПС И. Л. Гребенщиков информировал рабочего-социолога о том же, в своем письме от 28.08.87.

На что ему было отвечено, что, в отличие от благополучно разрешившейся анекдотической ситуации, касающейся автора лично, — «общие вопросы преодоления формализма в организации соревнования в объединении остаются пока не решенными». (Март 2001).

<,,,>

17.1. А тем временем — на «Ленполиграфмаше»...

17.1.1. Дело об опоздании с обеда на 10 минут (окончание)

[Начало этого «дела» см. ранее: раздел 15.3. — А. А.]

Корреспонденция Н. Поречной, опубликованная в заводской газете (май 1988)

Выговор отменен судом

(О том, как в объединении не сумели разрешить трудовой спор) 23 сентября 1987 г. в «Литературной газете» был опубликован очерк Лидии Графовой «Преодоление пределов» о слесаре цеха № 3 «Ленпо-лиграфмаша», социологе А. Н. Алексееве.

В материале, в частности, рассказывалось о том, как еще в январе прошлого [1987-го. — А. А.] года Алексееву вынесли выговор за опоздание с обеда на 10 минут. Отмечалось, что он подал иск в суд об отмене выговора. И в Петроградском районном народном суде, и в кассационной инстанции (Ленгорсуд) решение было не в его пользу.

После выступления газеты прокуратура Ленинграда в порядке надзора гражданского дела провела проверку. По ее результатам прокурор Ленинграда А. Д. Васильев направил 8 января 1988 года в президиум Ленинградского городского суда протест. 20 января президиум Ленгорсуда вновь рассмотрел это дело.

В частности, было установлено, что вывод Петроградского народного суда нельзя признать правильным, поскольку сделан он по недостаточно проверенным фактическим обстоятельствам дела. После обеда 9 января 1987 г. А. (Здесь и далее в оригинале публикации — фамилия. — А. А.) находился на территории цеха, на участке шлифовки и заточки инструмента, имея намерение заточить пуансон. Вопрос о том, мог ли он продолжать работу с незаточенным инструментом, не выяснялся. Вывод, что согласно стандарту предприятия А. не мог самостоятельно решить вопрос о заточке инструмента, на материалах дела не основан, поскольку он с СТП не был ознакомлен. Правила же, в соответствии с которыми заточка инструмента должна оформляться только через кладовую с записками мастера, введены лишь в феврале 1987 г., то есть после инцидента. Кроме того, судом не установлено, не явилось ли дисциплинарное взыскание расплатой за критику со стороны А. в адрес администрации. Отмечалось, что при таких условиях судебные постановления не могут быть признаны правильными, поэтому подлежат отмене. Дело направлено на новое рассмотрение в Петроградский народный суд.

25 марта 1988 г. решением [упомянутого — А. А.] суда дисциплинарное взыскание — выговор, объявленный распоряжением начальника цеха № 3 «Ленполиграфмаша» от 22 января 1987 года, было с А.Н. Алексеева снято. Почему же понадобилось судебное разбирательство, ведь есть на предприятии комиссия по трудовым спорам, есть профком. Не могли разобраться, не хотели?..

На комиссии по трудовым спорам А. объяснял, что эти десять минут был в цехе, ведь у слесаря рабочее место не только у пресса или верстака. Рассказал о том, что инцидент с «опозданием» произошел буквально на следующий день после того, как он, А., указал начальнику цеха Н.А. Ярошу на случай нарушения трудового законодательства. А выговор был объявлен некоторое время спустя, опять же сразу после новой критики в адрес администрации цеха.

Но всего этого комиссия по трудовым спорам и профком не хотели и слушать. У А. допытывались лишь «признания», где именно он находился эти спорные десять минут, и «доказательства», что именно там, а не в другом месте.

А когда он отказался их представлять, считая это унижительным, затеяли задним числом сбор свидетельств из разных цеховых служб, что его эти спорные десять минут (месяц назад!)... на территории цеха не видели.

Не дожидаясь суда, профсоюзные деятели почувствовали себя судьями. Ведь это же суд обязан требовать доказательств, а товарищи по профсоюзу могли бы и на слово поверить человеку, не имевшему за семь лет работы ни одного нарушения трудовой дисциплины. Спор-то на самом деле шел не о десяти минутах, а об уважении и доверии к человеку.

<...> Какой же резонанс получила вся эта история в цехе? Некоторые ставили А. в вину, что он только в суд пригласил свидетеля. А вот товарищи по участку (16 человек) в своем заявлении (которое хранится в деле) дают этим событиям совсем иную оценку. <...>

Понадобилось выступление «Литературной газеты», чтобы дело «раскрутилось» в обратную сторону. Но даже этого оказалось недостаточно администрации, да и профкому, чтобы понять, что социолог высокой квалификации, каковым является рабочий нашего объединения А.Н. Алексеев, мог бы принести заводу еще большую пользу, если бы постарались взять его в свои союзники, обращались за социологической консультацией, а не записывали в противники, не клеили ярлыки.

Впрочем, он не дожидается, пока к нему обратятся. Те же рекомендации по выборам в СТК были переработаны благодаря и А. с учетом его предложений. Им же предложены решения ряда организационных вопросов вновь созданного совета трудового коллектива. Проблемны и конструктивны его выступления в нашей многотиражной газете.

<...> История этого трудового спора должна, наконец-то, научить нашу администрацию и руководителей общественных организаций, что они обязаны знать основы юриспруденции, касающиеся их деятельности, а профком — защищать интересы трудящихся, а не танцевать под ручку польку-бабочку с руководством.

Н. Поречная

(Трибуна машиностроителя, 4.05.88)

Примечание. Интересно, что судебный пересмотр «дела о 10-минутном опоздании с обеда» происходил без какого-либо участия автора настоящей книги. «Инициатива» исходила именно от Ленинградской прокуратуры, как бы по следам состоявшихся публикаций в центральной и местной прессе. А. А.

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/termin-voznikshii-iz-shutki>

ТЕРМИН, ВОЗНИКШИЙ ИЗ ШУТКИ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 28.11.2016

Участники: В. Дмитриевский

Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (выпуск 35).

Из цикла «Выбранные места из переписки с друзьями» (выпуск 38). А.

Алексеев.

Мой – с незапамятных времен – друг, коллега и соавтор, социолог-театровед или театровед-социолог Виталий Дмитриевский, с которым 45 лет назад затевали исследовательскую группу «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО, прислал мне свою очередную книжку, с которой от души его поздравляю: Дмитриевский В.Н. Жизнь в эпизодах. Книга 2 – Конец тысячелетия. М.: Издательство «Книга по требованию», 2016.

Это – автобиографическая книга, мемуары, продолжение изданной в 2011 году: [Дмитриевский В.Н. Жизнь в эпизодах. СПб.: Издательство «Композитор», 2011.](#)

Обе книги охватывают события личной биографии автора и истории страны с 30-х гг. до конца XX века, с определенным акцентом на культурной жизни советского времени и начала постсоветской эпохи. Об этом замечательном двухтомнике я еще напишу, отдельно.

Сейчас же ограничусь лишь одним, частным эпизодом, имеющим прямое отношение к нашему циклу «Драматическая социология и наблюдающее участие».

Среди разделов книги 2 «Жизни в эпизодах», в конце, вне последовательности глав, был такой: «Из переписки». В него автор включил тексты некоторых писем, адресованных ему и / или писанных им самим в 1980-1990-х гг. Были там и адресованные мне (В. Д. тогда уже жил в Москве). Обнаружилось и одно мое, от апреля 1980 г.

Приведу его здесь.

6 апреля 1980. Ленинград. А.Н. Алексеев – Москва. В.Н. Дмитриевскому
/.../ Б. Докторов хочет затребовать Тебя в Ленинград, по ВТО-шной линии. / .../ Из новостей внешних: с 1 апреля я зачислен на полставки ст. н. сотр. в ИСЭП, так что «ловко устроился». /Основным местом работы А.Н. Алексеева был завод «Полиграфмаш» - рабочий. В. Дм./ Впрочем, пока это не мешает мне разрабатывать методологические основы и научно-практические приложения той новой отрасли отечественной науки, которую я склонен назвать «драматическая социология» (не возражаешь?). Чувствую себя по-прежнему отлично и волею управляемого Провидения начинаю полноправно входить в клан «рабочей аристократии» (без шуток!). Но об этом обо всем при встрече /.../

Цит. по: Дмитриевский В.Н. Жизнь в эпизодах. Книга 2 – Конец тысячелетия. М.: Издательство «Книга по требованию», 2016. С. 471-472.

Вот неожиданность! Сейчас объясню, в чем она состоит.

А. Алексеев – В. Дмитриевскому

Дорогой Виталий!

...Я не ждал твою «Жизнь в эпизодах» так скоро. Но Ты, наверное, правильно сделал, что в какой-то момент оборвал редактирование и консультации и отправил в издательство, не дожидаясь введения цензуры или еще какой-нибудь пакости

К сожалению, для полноценного просмотра книги мне бумажная версия не годится (шрифт мелковат). Так что пришли мне, пожалуйста, файл pdf (если у тебя этого электронного дубля книги нет, его в любом случае надо затребовать в издательстве). На случай, если с этим возникнут затруднения, пришли оперативно просто свою последнюю, отданную в издательство версию, можно без картинок.

С помощью Зины я обозрел раздел «Из переписки». Жаль, что Ты не обозначил способ выборки. Поделись со мной; то ли это случайно сохранившееся в домашнем архиве, то ли результат отбора, тогда – из каких соображений? Во всяком случае задача иллюстрации тезиса об историко-биографической ценности эпистолярного жанра, где каждое письмо так или иначе характеризует и автора, и адресата, и отношения между ними, а также исторический контекст, - по-видимому, решена.

Мне лично с этим твоим разделом повезло. Ты включил в него мое письмо от апреля 1980 г., копия которого у меня либо не сохранилась, либо очень далеко завалилась.

Я и не подозревал, что мой, теперь уже почти научный термин «драматическая социология» восходит аж к 1980 г. Судя по контексту письма употребление этого выражения является скорее шутливым и спонтанно возникло в письме именно к Тебе (как соратнику по «социологии театра»). См. там: «не возражаешь?».

Интересно, что в «Письмах Любимым женщинам» (того же времени) этих слов нет. Ты, в нашей переписке, оказался нечаянным родовспомогателем термина...
25.11.2016

Итак, прозвучавшее буквально на 4-й месяц «эксперимента социолога-рабочего», в переписке с другом-театроведом, выражение – «драматическая социология» - являвшееся вполне адресным ситуационным парафразом нашей с ним «социологии театра», было благополучно забыто, чтобы возродиться 15 лет спустя - нагруженным уже другими смыслами - в заглавии первой книги об «эксперименте социолога-рабочего» (Алексеев А.Н. *Драматическая социология*. Кн. 1-2. М.: ИС РАН, 1997).

Интересно, что даже и тогда я еще ничего не знал о «драматургической социологии» Ирвинга Гофмана. По счастью, ввиду различия понятий «драматургический» и «драматический», я не оказался изобретателем терминологического велосипеда.

А. Алексеев. 28.11.2016

(36)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-dramaticheskaya-sociologiya-a-razgovor-geroya-s-avtorom-b-poznanie-deistviem-ili-chto-ya-mogu-odin>

**А. АЛЕКСЕЕВ. ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
А) РАЗГОВОР ГЕРОЯ С АВТОРОМ;
Б) ПОЗНАНИЕ ДЕЙСТВИЕМ, ИЛИ ЧТО Я МОГУ ОДИН**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 29.12.2016

«...Ну и, вначале это неосознанно было, а потом я сознательно стал говорить, что занимаюсь не «включенным наблюдением», а НАБЛЮДАЮЩИМ УЧАСТИЕМ. Вы чувствуете перенос акцента на активную позицию? То есть я действовал в этой обстановке, поступал так, как считал нужным. Иногда — достаточно неординарно, и противодействовал этому гниению, что ли. И исследование получалось не просто через наблюдение, а через изучение — наблюдение и осмысление — последствий собственных поступков. Понимаете? Исследователь превращается в человека, воздействующего на окружающую среду и судящего об этой среде и о процессах, совершающихся в ней, ЧЕРЕЗ ПОСЛЕДСТВИЯ СОБСТВЕННЫХ ПОСТУПКОВ...». Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие» (выпуск 36).

Из книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.; Норма, 2005

<...>

16.2. Разговор героя с Автором. «Аргумент перестройки»

А. Алексеев — Л. Графовой (сентябрь-ноябрь 1987)

[Ниже — композиция извлечений из писем автора, адресованных Л. И. Графовой, после публикации очерка «Преодоление пределов». — А. А.]

Дорогая Лидия Ивановна!

<...> Сразу оговорю, что пишу это письмо — Вам, но и себе также. Вот и возрождается жанр «Писем Любимым женщинам»...

Штиль в эпицентре тайфуна

...Друзья познакомили меня с номером 39 «Литгазеты» еще во вторник, 22 сентября, т. е. накануне его выхода. «Выкрали» из ленинградской типографии, где печатается местная часть тиража «ЛГ».

Во вторник же стало известно, что Анатолий Головков, честно сообщивший своему гл. редактору о Вашем «спурте», фактически подписал приговор своему материалу в «Огоньке». Тот был вынут из набора, предназначавшегося чуть ли не для номера 39 журнала.

Пусть это не вызовет Ваших терзаний. Наверное, так же поступил бы главный редактор «ЛГ», узнав, что его газету опередили.

Мне очень приятно, что у Вас с А. Головковым возник личный контакт. Пусть конкурируют учреждения, а люди — сотрудничают...

Ремарка: «Литературная газета» и «Огонек».

Дело в том, что, независимо от «Литературной газеты», тема эксперимента и «дела» социолога-рабочего привлекла тогда внимание также и журнала «Огонек».

В отличие от Л. Графовой, занимавшейся сбором материала для очерка с весны 1987 г., спецкор «Огонька». Анатолий Эммануилович Головков впервые приехал в Ленинград по этому поводу в сентябре 1987 г. Он оперативно написал свой очерк, под названием «Полигон», который, однако, не увидел света, поскольку А. Г. по-джентльменски уступил дорогу коллеге, узнав, что редколлегия «ЛГ» приняла решение опубликовать материал Л. Графовой. Позднее (в мае 1988 г.) уже другой очерк А. Головкова на эту тему («...мир погибнет, если я остановлюсь») появится на страницах журнала. (Март 2001).

...В среду, 23 сентября, во второй половине дня «Литгазета» уже висела на стенде под названием «Обновление», заведенном Леонидом Кесельманом в ИСЭПе (Институт социально-экономических проблем АН СССР. – А. А.) еще со времен XXVII съезда. Интерес был чрезвычайным. Кто-то газету со стенда сорвал (подозревают «кожаного Вовика»). Вывесили другой экземпляр и, кажется, установили «караул»...

На заводе же 23 сентября, понятно, **ничего не происходило**. Я лишь поинтересовался у ответственных лиц судьбой своих весенних предложений по экономии ресурсов, понимая, что на следующий день делать это будет уже неудобно.

В среду вечером мой телефон раскалится до того, что пришлось его отключить, чтобы остыл. А в четверг, 24 сентября, я круто отказался от прославленного Вами метода «наблюдающего участия» и занял классическую позицию «включенного наблюдателя» реакцией на выступление «ЛГ» на заводе. Вот что я наблюдал.

Первым мне про газету сообщил в столовой (12 час.) Игорь Виноградов, сам еще не читавший, но знающий, что там «про наше начальство, и тебя упоминают...». Я проявил сдержанный интерес, сказал, что дома посмотрю «ЛГ», я ее выписываю.

Вторым прискакал Миша Гущин (из нашей бригады):

— Ты не читал Литгазету? Там про тебя статья!

— Вот как? А откуда ты знаешь?

— Брикачиха сказала...

(Жена Сани Брикача из виноградовской бригады, сама же она работает табельщицей).

Стало быть, знают уже и в цеховой конторе... (Виноградов же слышал от сотрудника КБ, т. е. не в цеху).

Миша, как и Виноградов, просит завтра принести газету (обычно я все интересное вывешиваю на бригадном стенде). Но на этот раз придется им обойтись без меня...

Информация на наш участок проникла, похоже, как сверху, так и снизу. Источником информации «снизу» был, оказывается, Коля К., фрезеровщик с другого участка, пришедший меня поздравить после обеда. Он выписывает «ЛГ», пустил ее по своему участку, и в контору занес — пусть посмотрят.

— Что ж ты мне не показал? — спрашиваю.

Полчаса спустя Николай приносит газету, я прочитываю заголовок и... возвращаю ему:

— Ладно, я уже договорился, что зайду после работы в редакцию (заводской газеты), прочитаю. (Дело уже к концу дня).

А то — у Коли за этой газетой целая очередь. Он и сам-то только проглядел статью «про наше начальство и про меня».

...А мне, действительно, в промежутке между двумя его визитами позвонила сотрудник многотиражки Наташа Поречная:

— Тут про Вас статья в Литгазете. Приходите скорее!

— Да ну! После работы зайду.

Как я узнал 24 сентября, уже после работы, в парткоме завода газету читали еще утром (принесла зав. парткабинетом). «Посторонним» не давали.

Зафиксированы первые реакции...

Председатель партийной комиссии С.: «Из статьи получается, что портрет А. надо теперь вывешивать рядом с портретом Горбачева...».

Председатель завкома Стукалов: «Написана статья хорошо. Только Графова в социологии ни бельмеса не понимает. (Он сам, понятно, понимает!.. — А.). И вообще, я опоздал на встречу с нею, и она на меня потому разозлилась...».

Кто-то из парткомовцев: «Из статьи получается, что мы все как шакалы на одного...» (Не сказано, какого зверя. — А.).

Такие вот спонтанные реакции официальных лиц, и одновременно речевые автохарактеристики.

(Завтра я не принесу с собой газету. **Не хочу влиять на ход вещей!**)

25 сентября (пятница). Миша Гущин спрашивает:

— Принес газету?

— Нет. Похоже почта потеряла.

Утром замечаю в руках у Ивана Овчинникова (из виноградовской бригады) лист газеты. Не поручусь, что та самая... Мне за 10 метров не очень хорошо видно. Потом газета куда-то исчезает. Часа через два подходит Валентин Косульников (из бригады Виноградова):

— Почитай-ка там... «Известия».

Бог мой! Статья А. Ежелева «Исключение» (25 сентября) — о нашем заводе и о Геннадии Богомоллове. (На случай, если не попадалась Вам на глаза во время отпуска, вкладываю вырезку).⁵

Читаю за верстаком у Виноградова. Тот подходит:

— Не завод, а сплошная литература... Мда. Не соскучатся в парткоме!

«ЛГ» же, по словам Игоря, сейчас у Вити Ильина (или — он ее принес).

Виноградов сообщает, что читал «Литгазету» бегло:

— Правильно там написано? Отвечаю:

— Факты все правильны.

В обсуждение не углубляемся.

Но вот Витя И. устраивается для чтения газеты, явно не «Известий» (те продолжают валяться на виноградовском верстаке). Кто-то еще подходит, читают вместе, бурно обсуждают, передают в мою бригаду, там тоже очень заинтересованы. Я себе штамую...

Миша Гущин:

— Андрей, почитай, а то унесут.

Иду читать... «Советскую Россию», от 20 сентября: «Слепой захват», о попытке группы военнослужащих угнать Ту-104 за границу из уфимского аэропорта.

Вот такое переплетение «сенсаций»! Не завод, а литература... Не цех, а читальный зал...

Но в отличие от «Известий» и «Сов. России», «Литгазету» на верстаке не бросают. Похоже, передают из рук в руки, читают «из-под полы».

По ходу работы мне понадобилось зайти в БТП (бюро технической подготовки, или цеховую контору). За одним столом читают «Известия», за другим — «Литгазету». Но на участке я последнюю больше не видел (если утром была именно она).

Больше в течение пятницы, 25 сентября, ничего имеющего отношения к публикации «ЛГ», заметного для меня, не произошло. Если не считать... звонка от начальника отдела кадров Л. Герасимовой, упоминаемой в Вашей статье.

Сообщает предупредительно и как-то растерянно:

— А. Н., здесь (т. е. в отделе кадров) человек, который хочет с Вами встретиться. Выражаю смущенную озабоченность, что Лариса Львовна вынуждена заниматься устройством моих встреч.

Пытаюсь выяснить, зачем меня ищет этот человек. Из обмена репликами, слышного мне по телефону, извлекаю, что вряд ли смогу быть ему полезен, что и говорю Герасимовой. Та:

— Да, А. Н., это, пожалуй, **не ваш вопрос**. (Говорит как «свой своему», — между нами-чиновниками). А. Н., а как в следующий раз мне поступать? Звонить Вам? (Ну и ну!).

(После работы в приемной отдела кадров мы встретились с читателем Вашей статьи, и вопрос, похоже-таки, **мой**. Но это уже другая тема).

В субботу, 26 сентября — субботник. Накануне мне домой звонил Гена Богомоллов. Встречаемся на заводе в субботу. Тот рассказывает о визите к нему секретаря парткома Михайлова:

— Он мне про «Известия», а я ему про «Литгазету»... Мол, сочувствую — Вам (Михайлову) с характеристикой Алексеева не повезло.⁶

Михайлов — Богомоллову:

— А вот ко мне подходили из 3-го цеха, говорят, что не согласны со статьей Графовой...

Так, «первый звонок»!

В субботу же узнаю о бурных дебатах по поводу статьи Графовой между Николаем Лукашевичем (старший контрольный мастер, Вы с ним встречались) и Александром Червяковым (один из наших «активистов»). Формируется группа «сопротивления Алексееву», говорит Николай.

Токарь, работающий рядом с Червяковым, подходит во время субботника ко мне (я с ним едва знаком) и вдруг произносит такой страстный монолог о нашей жизни и «ответственности перед потомками», что я даже растерялся. «Я и без статьи знаю, что ты человек хороший, но вот как дальше жить?!» (его слова). Таковы события первых трех дней.

А дальше страсти или улеглись или канализировались в сферы, мне не видные (я же по-прежнему — только «включенный наблюдатель»). Газета продолжает гулять по цеху, но до бригады моей, как материальный предмет, похоже, так и не дошла. **Слышали**, пожалуй, все, может кто и просматривал, но от начала до конца вряд ли читали.

Мои ближайшие товарищи по работе или демонстрируют, или в самом деле считают (последнее вероятнее), что ничего тут нет особенного. Думаю, что это своеобразный и парадоксальный поведенческий комплимент мне и Вам.

Вы сумели написать так, что вокруг бушует тайфун, а в эпицентре — полный штиль. Из события статья «ЛГ» в считанные дни превратилась... в «миф».

Кто-то (Сыцевич, Русинов, из моей бригады) обнаружил осведомленность, что моя жена — доктор наук (раньше не знали).

Миша Гущин говорит, что читал, но у него в этой связи не возникло ко мне **никаких вопросов**. Он как бы все «и раньше знал».

Если появится объявление о партийном собрании с повесткой дня — обсуждение статьи в «ЛГ» от 23 сентября, я, пожалуй, изменю своей нынешней позиции «включенного наблюдателя» и вывешу газету рядом с объявлением. Пожалуй, тогда и только тогда она из «мифа» превратится обратно в «событие». И вспыхнут страсти также и в эпицентре. <...>

Поддержала, не навреди...

Графова не может без **открытий** (социальных, нравственных, публицистических).

Конечно, всякое духовное открытие — отчасти и **изобретение** тоже (не без этого!). Но открытие, даже в Комитете по открытиям и изобретениям, котируется выше изобретения... Так вот, является ли открытием этот очерк?

Думаю, да. Не «меня» открыла, а явление, духовный процесс, общественный сдвиг. Не «феномен Алексеева», а «феномен, открытый Графовой» (так что нескромным мое утверждение, пожалуй, не является).

Поддержала, не навредив, благодаря найденной тональности, настолько сдержанной, насколько на это способна эмоциональная Графова, даже кто-то сказал — «остраненности», своего рода — «не агрессивности». Вот уж и впрямь — борьба **не против, а за**, даже за тех, кто против...

Как ни парадоксально, прагматическая задача защиты А. публицистическими средствами решается как бы отсутствием видимой защиты. Мол, и защищать не надо, он сам себя то ли уже защитил, то ли защитит. Вот за это — спасибо! Вы как бы встали в один ряд с теми, кто совершал в моей связи поступки потому, что это ему нужно самому. А не протянул руку, чтобы спасти. Действительно, зачем спасать того, кому это вроде и не надо?

Форма поддержки: Вы не вынуждаете даже тех, кто упомянут в статье, к «встречной агрессии» (вспомните Герасимову, Стукалова). Вы их **объясняете** (может, даже самим себе). Конечно, не всякому приятно, когда его «объясняют». Но вроде можно и стерпеть, кость не застрянет в горле...

Разумеется, Вы не перевоспитаєте своей статьей ни Стукалова, ни Парыгина, ни Яроша. Вы им помогли в одном — проглотить пилюлю. Другое дело — надо ли было облегчать жизнь А. после Вашей статьи. Но, вероятно, Вы этого хотели и, думаю, достигли.

Статья Графовой на этот раз не только не напрашивается на «опровержение» (опровергать можно и более очевидное), но даже вроде на ответ о «принятых мерах» не претендует. Она отчасти включает сообщение о мерах, «принятых» самим героем очерка, его коллегами-единомышленниками, его товарищами-рабочими, даже партийными органами.

«Меры» — процесс, а не постановление. Мерами здесь могут быть только общественные перемены, а не вывешивание А. на заводскую Доску почета или партийный выговор Михайлову или Сигову.

В известном смысле Ваша статья также и «журналистское изобретение». Этот Ваш новый жанр, в отличие от традиционной проблемной статьи, с одной стороны, и монографического очерка, с другой, можно определить как **драматический очерк**. Страсти в нем кипят и вроде не только не утихают, а наоборот. Но в этом оказывается... счастье, способ жизни и залог общественного развития.

Вы словно укоряете читателя: «Ну как ты можешь так скучно жить?..».

Тут, конечно, есть опасность «апологии героя». Только по отношению к его персоне у Графовой прорывается эмоциональность, автор словно загипнотизирован героем... Вы как будто вернулись, на новом витке спирали, в свою «комсомольскую» (времен работы в «Комсомольской правде») молодость, когда Вы восхищались больше, чем сострадали, этакий социалистический (?) романтизм.

Но вот автор [Л. Графова. — А. А.] прошел сквозь горнило статей о «гонителях» и «жертвах», даже новую статью в УК РСФСР [о преследовании за критику. — А. А.] организовал, написал социально-нравственный и публицистический шедевр «Без покаяния» и вдруг... как будто увидел свет в тумане!

Я, вообще говоря, чувствовал бы себя уютнее в роли прототипа Вашего героя как такового, а не — чуть ли не Героя с большой буквы (в Вашей интерпретации). Ведь апология страшна для живого человека, как с точки зрения его собственного восприятия, так и восприятия его окружающими.

Вы сами почувствовали эту опасность. И выход нашелся — в бытовых, «дегероизирующих» штришках, иногда на грани вызвать досаду самого героя... Так создается видимость чуть ли не полной объективности субъективного автора, который «не пощадил» своего героя. Но, так или иначе, это позволяет «проглотить» и «мужественную совесть социологии» (по счастью, Вы здесь лишь кого-то цитируете), и «неукротимого Алексеева» (а это уже Ваше!). Но есть и контрапункты, т. е. автор как бы демонстрирует, что не совсем «потеряла голову».

Но вот мой друг, рабочий Валерий Ли, считает иначе. Он сам собирается написать Вам. По его мнению, Вы слишком сентиментальны, «сострадательны»... Он считает, что:

«...пришла пора дать по зубам бюрократу его же собственным оружием. Мой принцип защиты прост: на каждую подлость — двойной удар, а уж чем бить, противник подскажет сам. К нашему общему счастью, среди нас нет врагов, а действия противников А. можно объяснить тем, что они дети своего времени. И для их же блага их надо почаще грамотно бить. Никогда старое, укоренившись, не сдавалось по своей воле...». (Это из его заметок).

...Вы интерпретировали Алексеева. Я интерпретирую Графову. Наши с Вами интерпретации — не единственно возможные. Но важно не только **что** сказано, но и **кем** сказано. На вопрос, понравилась ли мне статья Графовой, я обычно отвечаю: «Я счастлив быть ею замеченным...».

Возвращаясь к моей телеграмме от 23 сентября, повторяю: «Вы перевернули шаблон и прошли по лезвию бритвы». И добавлю, вслед за любимой мною М. Цветаевой: «Творению предпочитаю Творца!». Еще кое-что добавлю.

Ваше «соперничество» с А. Головковым, похоже, не исчерпано выходом «Литгазеты» вперед «Огонька». Дружба с Рэмом Баранцевым все время побуждает меня к «триадному мышлению». Так вот, экспериментальная социология интерпретирована Вами **нравственно**. У Головкова вероятна **политическая** интерпретация. Третья интерпретация — **научная** — вроде за мной.

Может, и не сумею, и не успею (поймал себя на том, что повторяю собственные слова, произнесенные однажды — в адрес своих оппонентов, их шансов «перестроиться»). Тогда это сделает кто-нибудь другой...

Читательские отклики

Они имеют вид: телефонных звонков домой (телефон выясняют по обнародованным Вами паспортным данным) или на завод (дозваниваются и до цеха); писем, поступающих на завод (я получал их в заводской канцелярии); установления контакта через опосредованную цепочку общих знакомых.

Я имею в виду только не знакомых мне ранее людей...

У открытой Вами «звезды» просят не автографов, и — за несколькими исключениями — не помощи в утилитарном смысле, а ищут **гражданского общения**. (Раза два обращения начинались словами: «Я не из организации, я просто человек...»). Угадывают Со-товарища, Со-ратника, Со-участника. Нарисованный Вами образ обязывает меня ему (этому образу) соответствовать. Когда люди обращаются к Человеку, он не может держаться даже как депутат (там все-таки — функция...). Будучи сам по себе субъектом, которому нелегко

сесть на шею, я исхожу из презумпции значимости и осмысленности каждого обращения и ищу органичного соединения мягкости и жесткости.

Индивидуальные заморочки не обсуждаются мною без сложенных в хронологическом порядке документов. Изобретатели «философских камней» вынуждены излагать свои рецепты спасения человечества письменно, иначе, говорю, толку от меня, как эксперта, не будет. Подготовка к личной встрече у адресующихся иногда занимает неделю-две.

(Одна сотрудница обществоведческого института, озадаченная мною в разговоре по телефону, через две недели позвонила, чтобы сообщить, что пока «не может» сформулировать свои вопросы ко мне, очень извинялась. Я выразил полную готовность подождать столько времени, сколько ей для этого потребуется...).

Когда встреча происходила, я обычно начинал с ознакомления с текстом, адресованным, разумеется, не мне, но мною отчасти стимулированным. Были встречи и «без текста», но если разговор заслуживал продолжения, человек уходил обремененный проблемой письменной разработки.

Места встреч: приемная отдела кадров; скамеечка в сквере; мой дом; другой дом. Среди собеседников был один фанатик трезвости (впрочем, симпатичный человек, хоть и фанатик); один сочувствующий обществу «Память»; один носитель абсолютной истины в деле общественного развития... Не могу сказать, что я жалею «потерянного» с ними времени. Но и не позволил этим временем злоупотреблять.

Пожалуй, не меньше было и «подарков судьбы» (может быть, правильнее говорить — «Ваши подарки»). Рабочий «Красной зари», организатор-секретарь рабочего общественно-политического клуба; женщина-инженер, близкая к молодежным группам экологии культуры, размышляющая о способах кристаллизации общественного мнения (я побудил ее к написанию трактата); научный сотрудник медицинского института, поначалу стихийный, а теперь уже и сознательный экспериментатор «на себе» в сфере партийной жизни; кинодраматург из Челябинска, которому «Ленфильм» предложил написать сценарий художественного фильма, где главным действующим лицом будет человек типа Г. Богомолова...

Еще один человек, встречу с которым предвкушаю уже больше месяца. Он позвонил по телефону, чтобы... дать мне советы. Несомненно, он имеет на это право. В 1983 г., в знак протеста, по мотивам отнюдь не личным, он заявил о своем выходе из партии, в которой состоял несколько десятков лет. В ответ — его исключили. Он еще до апреля 1985 г. сумел добиться отмены исключения, поскольку, как он справедливо утверждает, вышел из партии добровольно, **сам**. В прошлом же году [1986-м. — А. А.] добился еще более поразительного социального результата: решением бюро Ленинградского обкома КПСС восстановлен в партии с сохранением партстажа...

Вот такие отклики, эффекты... Кое-что подобное происходит и на заводе.

<...> Посылаю Вам несколько писем от читателей «ЛГ» — герою «Преодоления пределов». В сочетании с самыми первыми (по времени) читательскими реакциями, отраженными в первом письме героя к Автору, этот отчет даст более или менее полное представление о роли Вашего произведения в качестве индуктора «гражданского общения» (не смешивать с «гражданской защитой», с одной стороны, и «гражданским использованием», с другой; кажется, опять триада, по Баранцеву).

Инициативы других средств массовой информации

<...> [Здесь опущен обзор таких инициатив, т. е. публикаций о социологе-испытателе в других СМИ, и т. п. О некоторых из них пойдет речь в этой и следующей главах ниже. — А. А.]

...Вот так «гражданское использование» начинает постепенно замещать «гражданскую защиту» и «гражданское общение», хоть жесткой разграничительной черты здесь, понятно, провести и нельзя <...>.

Активность социологической общественности

Первым на «Преодоление пределов», пожалуй, откликнулся Президиум ССА. В. А. Ядов рассказывал, что на Президиуме в начале октября был утвержден текст письма в «ЛГ», в котором выражается благодарность газете за энергичную поддержку и защиту профессиональной чести и достоинства социолога А. Формулировки эти воспроизводил мне по памяти В. А. Текста я не видел. Было ли письмо отправлено, поступило ли в «ЛГ» — пока не знаю.

<...> [Здесь опущено описание заседания бюро Северо-Западного отделения ССА 16.10.87, где социолог-испытатель выступал с отчетом о своей работе. — А. А.]

Активность социологической и вообще научной общественности в ИСЭПе нарастает и безотносительно к моей персоне.

Очередной «импичмент» произошел у И. Сигова в конце октября на отчетном партийном собрании института. За истерическое предложение Сигова произвести перевыборы не устраивающего его партийного бюро проголосовали лишь 3 чел. из 80 (сам Сигов и еще кто-то).

Только позднее время (дело было около 24 час.!) спасло директора института от вывода его из состава партийного бюро, что было бы окончательной гражданской смертью...

(Кстати, «кожаный Вовик» на партсобрании требовал... защиты его «партийной чести» от оскорбления, нанесенного ему Вашей статьей. Но не нашел поддержки даже у Сигова...).

На заводе: «постоянно действующий фактор»...

Тут тоже не соскучишься.

История с подготовкой к созданию органов производственного самоуправления на «Ленполиграфмаше» Вам отчасти известна. Как выразился на бюро СЗО ССА А. Марьяненко (социолог, консультирующий руководство нашего завода по договору, заключенному профсоюзным комитетом с фирмой «Майнор-Нева»), Ваш герой «стал постоянно действующим фактором “Полиграфмаша”». По его свидетельству, «какой бы серьезный шаг в деле управления ни предпринимали руководители объединения, они сначала обсуждают, как к этому отнесется и что предпримет А.». (Ну, штатному консультанту это виднее, чем мне...).

Вообще же, оценки деятельности социолога-рабочего на заводе противоречивы.

Местная газета пишет в отчете о заводском собрании, где обсуждалось

Положение о совете трудового коллектива (СТК):

«...Выступление А. Алексеева — урок демократии, гласности, если хотите, мужества. И то, что это единственное выступление, которому зааплодировали, говорит о поддержке большинства присутствующих» (Трибуна машиностроителя, 11.11.87; автор отчета — Н. Поречная).

Другая точка зрения выражена в докладе секретаря парткома Михайлова на партийном собрании 27 октября:

«Как показало предварительное обсуждение модели Совета, регламента его выборов, проведенное профкомом, у нас есть отдельные (! — А. А.) трудящиеся, которые всячески стараются изменить ситуацию (! — А. А.), внести сомнения в

коллектив о правильности избранного пути, породить неверие руководству...» (Из отчетного доклада). -

Как видите, одобряют А. теперь открыто, а осуждают намеками. Это можно отнести за счет выступления «ЛГ».

Отказ от попыток утверждения заведомо бюрократического проекта и выработка новых рекомендаций по развитию самоуправления на нашем заводе были компромиссом, выработанным, как я понимаю, консультантом фирмы «Майнор-Нева». Социолог-рабочий немедленно откликнулся рецензией («Сверюсь с Законом»), которая будет на днях напечатана в заводской газете.

Страх у местной администрации перед героем публикации «ЛГ», действительно, велик. Рискну нескромно утверждать, что общезаводское партийное собрание, проходившее во Дворце им. Ленсовета, сделали (это нынче-то!) закрытым, чтобы, не дай бог, А. там не выступил. Зато на торжественный митинг — пригласили... чтобы вручить диплом победителя соревнования в честь 70-летия Октября.

Все это происходит на фоне глубокой тряски, которую испытывает предприятие на пороге перехода на самофинансирование. Растратив все заделы, а может и с приписками (не удивлюсь!), «Ленполиграфмаш» получил-таки переходящее Красное знамя Министерства, по итогам за III квартал.

У нас говорят: как же завод мог занять первое место, если ведущие цеха в течение нескольких месяцев подряд срывали план чуть не наполовину (!). (Генеральный директор заявил на собрании, что за оставшиеся два месяца надо выполнить план пяти месяцев; «умножить 2 на 2,5» — его выражение).

Вместе с тем, усугубляется дефицит работы, в частности, и на нашем участке. Нашу бригаду, например, в октябре недозагрузили на сумму около 700 руб. (из 2200, кажется). Тут уж никакие сверхурочные не помогут. В пятницу — простой, а просят выйти в субботу. В порядке компенсации за все это безобразие, бригаде 700 руб. «доплатили».

После этого начальник цеха Ярош вызвал всю нашу бригаду и стал распекать: — Я вам заплатил, а у вас только двое в субботу вышли...

Тут мне пришлось ему ответить (в присутствии бригады и молчаливого треугольника цеха), так что, по общему мнению, «накачку» получил начальник цеха, а не бригада...

Но вернусь к Вашей статье. Хотите разгадку «штиля в эпицентре тайфуна», о котором я писал в первые дни после публикации «ЛГ»? Да это же естественная реакция ближайшего окружения «героя» — выжидание, как он поведет себя **после?**

А он — никак себя не ведет, точнее — не ведет себя иначе, чем до этого. Своего рода экзамен по «медным трубам»...

(Интересно, что то же повторилось и с моей женой [*Нелли Алексеевна Крюкова. — А. А.*]. Полтора месяца ее сотрудники, по их выражению, наблюдали за ней и ждали, когда же она «засветится» как супруга Вашего героя. А она — ни гу-гу... Пришлось обнаружить свою осведомленность о выступлении «Литгазеты» им самим. А сын Нелли [*Алексей Борисович Крюков. — А. А.*] узнал про газету случайно — вовсе не от матери. Пошел почитать Вашу статью в библиотеку, а там в подшивке... именно эта страница выдрана).

В бригаде первым нарушил «заговор молчания» Женя Рыжов, которому принадлежит инициатива той самой «характеристики от рабочего класса», что Вы цитируете. Он вышел на работу после бюллетеня недели полторы спустя. Для Жени публикация «ЛГ» была праздником, которым он делился со всеми (хоть без меня, хоть при мне).

А знаете первую его реакцию? «Она же у меня целый абзац слямзила!..». Имелось в виду, что Вы описали какую-то из ситуаций, которую он подробно излагал корреспонденту «Огонька». Я защитил Вас, объяснив, что Вы могли услышать про это от кого-нибудь другого. (Вы с Женей на заводе не встречались). Впоследствии он дал в целом очень высокую оценку Вашему публицистическому творчеству.

Участилось паломничество к Вашему герою на заводе.

<...> Есть в КБ женщина-инженер, работающая за кульманом почти как Богомоллов за своим фрезерным станком. Ее конфликт с начальством и сослуживцами — почти один к одному как у Богомоллова. Месяц назад она отказалась от премии, как от подачки, не соответствующей ее действительной выработке. В коллективе — буря. Теперь нас уже трое: Валентина Львова, Геннадий Богомоллов и А.

В заключение приведу текст письма Рэма Баранцева В. Гладкову, еще одному «человеку, который мешает» (статья Л. Савельевой в «Известиях», 24.10.87) : «Уважаемый Виктор Иванович!

Поздравляю Вас с выходом на глобальный масштаб социальной значимости: с кого много спрашивается — тому много дано.

Совесть, честь, достоинство — необходимы для жизни общества. В периоды замирания они хранятся как семена, а веснами дают свежие всходы.

С появлением газетной статьи борьба, как Вы, вероятно, уже ощущаете, не кончается, а переходит в новую стадию, более ответственную. Это помогает справляться с «медными трубами», но и заставляет подниматься на следующий уровень социальной активности.

Стадия прорастания была тяжела одиночеством. Теперь Вы можете оглянуться и увидеть соседей, возможно далеких географически, но близких по духу. Таковы В. Богданов из Риги («Комс. правда», 1.01.87 и 4.06.87), Г. Богомоллов в Ленинграде («Известия», 25.09.87), А. Алексеев в Ленинграде («Лит. газета», 23.09.87).

Достаточно ли Вам знать, что эти люди существуют? Не хотите ли поделиться с ними своими проблемами, посоветоваться, как лучше справиться с возросшими социальными обязанностями?

Меня, например, мучает конкретный вопрос: **как действовать, чтобы борьба «против» превращалась в борьбу «за»**, чтобы не оставалось униженных и побежденных, рождающих очередное зло...

Ваш Р. Г. Баранцев, 3.11.87».

Примечание. За несколько месяцев до того Р. Г. Баранцев сам оказался героем остро-проблемной публикации в центральной прессе (Известия, 30.05.87). Полный текст этой публикации см. ниже, в приложениях к этой главе.

...Вы чувствуете, как учатся герои у авторов (хоть и сами, иногда, вроде меня в этом письме, «поучают» их)? Как они (герои) при этом **«самоорганизуются»**, выходя из-под авторского контроля, впрочем, лишь для того, чтобы еще надежнее соединиться в новой целостности?

Пределы преодолеваются и преодоление беспредельно! <...>

Ваш Андр. Ал., сентябрь—ноябрь 1987

**

<...>

17.7. Познание через действие, или что я могу один

Из расшифровки магнитной записи передачи радиостанции «Юность» (октябрь 1988)

Примечание. Радиопередачу под названием «В редакцию пришло письмо» вела — Татьяна Васильева. Трансляция состоялась в воскресенье, 16 октября 1988 г. (в 17-15), одновременно — по Всесоюзному и Ленинградскому радио. Подзаголовки сделаны мною сегодня — для данной публикации)

Истоки поступка и его последствия

<...> **Корреспондент (Т. Васильева):** Ну вот, и в одном письме, и в другом повторяется вопрос: «Что может поступок одного человека?» Или: «Что я могу один?»

Алексеев: Поступок одного человека может многое. Лучшая агитация — это поступок. Причем поступок, не рассчитанный, в общем-то, на то, что за тобой последуют. Просто когда, ну, «не могу иначе», и все тут.

Другое дело, я вот тоже сплошь и рядом не знаю, чего делать. Но, понимаете, мне кажется, я знаю, чего я **не могу сделать** [*здесь и далее в тексте выделено сегодня; а в устной речи, выделялось интонационно. — А.А.*]. Причем этот порог, чего ты не можешь сделать, — он у всех разный. Один не может совершить подлость, написать донос, просто **не может** — и все. Это для него немыслимо! Но он **может** проголосовать, допустим, за исключение из партии по доносу. У другого порог выше — он уже и проголосовать **не может**. Третий не только не проголосует, но и, так сказать, встанет рядом и скажет: «Казните меня вместе с ним».

Происходит как бы повышение порога, то есть если раньше мог гордиться тот, кто не писал доносов, то чем дальше, тем больше возникает возможность гордиться тем, что уже и не голосовал за изгнание или избиение того, про кого написан донос. А сейчас и этого мало. Ты чувствуешь себя неполноценным, недостойным человеком, если у тебя на глазах совершается что-то органически тебе противное.

Один человек, конечно, всего не исправит. Но, по крайней мере там, где он уже прямо с этим столкнулся... Понимаете, когда убивают повсюду, то ты не можешь всех спасти. Но если убивают у тебя на глазах, вот тут уж надо совершать поступки.

В прошлом году встал вопрос о восстановлении меня в партии. А молодым циничным мальчишкам, выросшим в начальников цехов и руководителей партийной организации, очень не хотелось, чтобы это произошло, потому что тогда окажется, что нельзя скомпрометировать мои усилия что-то изменить на производстве указанием на то, что я из партии исключен. И эти люди сочинили такую характеристику, будто Алексеев разлагает коллектив, пытается восстановить рабочих против администрации и тому подобное.

Для меня было очень важно и ценно, что пусть не все, но часть коллектива, во всяком случае — бригада, в которой я работаю, заявила, что не может потерпеть такого безобразия. Они написали свою «контрхарактеристику». Ну, об этом рассказывалось в «Литературной газете»...

Но тут возник один очень интересный момент. Двое молодых людей, молодые коммунисты, на партийном собрании голосовали за обвинительную характеристику в мой адрес. Из которой следовало, что меня ни в коем случае в

партии восстанавливать нельзя. А потом **они же** подписали «контрхарактеристику»!

Корр.: То есть успели и там, и там...

А.: Нет. В том-то и дело, что нет. Потом администрация и партийные функционеры на них накинудись: как же так?! Они сказали, что их истинная позиция — вот в этом письме рабочих. А там... «Так вы же нам подсунули эту характеристику, вы же не дали с ней внимательно ознакомиться...»

Они совершили поступок. Им это и недешево досталось, потому что одному, кажется, потом не повысили разряд, как предполагалось, другому — еще что-то. А они просто почувствовали свой порог, то есть они смогли еще проголосовать за нечто им противное, проголосовать в массе, «в куче», но уже **не смогли** не присоединиться к той коллективной защите, которая сложилась в отношении меня в тот момент.

Значит, они совершили, понимаете, **переход**. Может быть, если бы более было у них развито это чувство <...>, они уже и тогда, на собрании, проголосовали бы против.

Когда меня исключали из партии, было два человека, которые воздержались. Это было почти героическим поступком в 84-м году. Короче говоря, когда не знаешь... то есть эти люди, они, может быть, и не знали, что им делать, но они знали, чего они **не могут** сделать.

Корр.: Да, А. Н., но двое рабочих вашего цеха — они тут же, на себе, ощутили последствия своих поступков. То есть за поступком почти всегда, если это поступок серьезный, за ним идут последствия. Человек, наверное, должен быть к ним [последствиям. — А. А.] готов, чтобы они его не сломали...

А.: Ну, тут выбор: может ли человек себя уважать, не совершив этого поступка? Если еще может, пусть не совершает. Но в какой-то момент он просто почувствует, что ему, так сказать, дешевле иметь потом неприятности, чем чувствовать себя человеком, не достойным собственного уважения.

Корр.: Можно задать Вам тогда такой вопрос: у Вас много было неприятностей? — Хватало.

— Вам дешевле было их иметь?

— Да, мне было дешевле их иметь. <...>

«Если бы всех этих приключений не было, их стоило бы организовать...»

Корр.: Я где-то прочитала, по-моему, у Гроссмана, что скептики и пессимисты — это люди, которые имели горький опыт в своей жизни. Ваш опыт жизни я бы особо радостным и светлым не назвала. Но, тем не менее, я бы не сказала, что Вы похожи на скептика.

А.: Вы знаете, страшно интересная жизнь. Вообще, у меня хватит наглости даже утверждать, что если бы всех этих приключений не было, их стоило бы организовать.

Ну, посудите сами. Я задумал заниматься исследованием человека в системе производственных отношений. Занимался этим, как умел: в институте, на заводе... И в какой-то момент, когда начались все эти преследования — обыск, чуть не уголовное дело, предостережение органов госбезопасности, исключение из партии и из всяких общественных организаций, — все это события 83-84-го годов, но они, в общем-то, продолжались и в 85-м...

Корр.: И можно добавить еще исключение из Союза журналистов, исключение из Ассоциации социологов.

А.: Восстановили теперь, естественно, всюду, но не в этом дело. Понимаете, когда все это началось, пришлось мне вступить в конфликтные отношения с

огромным количеством всяких организаций, от комиссии по трудовым спорам до Центрального Комитета партии. И, по существу, это уникальная возможность. Понимаете?

Я оказался субъектом и объектом этого уникального исследования. Причем, поскольку у меня сильно была развита исследовательская установка, то, если угодно, хладнокровно смотрел, что же будет дальше. И это вообще лучший, мне кажется, способ исследования: **познание через действие**.

Вот есть такой метод социологического исследования — включенное наблюдение. Что это такое? Человек, исследователь погружается в определенную среду, как-то приспосабливается к ней и только наблюдает — включенное наблюдение. Если эта среда гниет, он гниет вместе с нею. Если она процветает, он вместе с нею процветает.

Ну и, вначале это неосознанно было, а потом я сознательно стал говорить, что занимаюсь не «включенным наблюдением», а **наблюдающим участием**. Вы чувствуете перенос акцента на активную позицию? То есть я действовал в этой обстановке, поступал так, как считал нужным. Иногда — достаточно неординарно, и противодействовал этому гниению, что ли.

И исследование получалось не просто через наблюдение, а через изучение — наблюдение и осмысление — последствий собственных поступков. Понимаете? Исследователь превращается в человека, воздействующего на окружающую среду и судящего об этой среде и о процессах, совершающихся в ней, через последствия собственных поступков.

Корр.: Я повторю эту мысль. Человек получает возможность судить о том, что происходит вокруг, через последствия собственных поступков... Наверное, Алексееву «повезло» — сказать трудно, и все-таки, я считаю — **повезло**, что оказалась в нем эта жилка интереса к исследованию, что совпали в одном человеке гражданская позиция и научное любопытство.

Не знаю, кто определил первым, но определение разошлось, и последние восемь лет жизни А. Н., его работы на «Ленполиграфмаше» называют «экспериментом на себе». И это так, хотя и звучит громко. Сама ситуация отстаивания собственной позиции, противодействию бюрократическому аппарату, день за днем занесенная в дневник, приобретала экспериментальный характер.

А складывалась она из выступлений на собраниях и практических шагов по поводу «двухсменки», и выборов делегатов на профсоюзную конференцию, и работы совета трудового коллектива. Статьи в заводской газете, разбирательство трудового спора в суде и многое другое. <...>

«Подвижничества тут вовсе нет..»

Корр.: Позвольте мне усомниться только в одном: что Вы **хладнокровно** это наблюдали. Как можно наблюдать хладнокровно, когда это касается твоих нервов, твоих если не каких-то благ, то просто элементарных жизненных удобств?

А.: Вы знаете, я абсолютно не бедствую. В институте я зарабатывал, как старший научный сотрудник со степенью и со стажем, 300 руб. Придя на завод, я сначала потерял вдвое. Но по мере овладения профессиональными знаниями и умениями, мой средний заработок за эти 8 лет возрос до тех же 300 руб. То есть зарабатывать я стал, в общем, не хуже, чем прежде.

Корр.: Но это только материальная сторона...

А.: Материальная, да. Теперь — социально-психологическая сторона. Отчуждение, одиночество (одна из рецензий на фильм «Не могу иначе», кажется, даже так и называлась — «Одинокий победитель») — этого же нет!

У меня, как была, так и осталась очень близкая мне, и поддерживающая меня психологически, родная, если угодно, среда — как на заводе, так и за пределами завода: и среди социологов, и среди журналистов, и среди рабочих. Я чувствую себя достаточно комфортно в среде людей, которые меня понимают. Но человек, не имеющий противников, «врагов», что ли, это, наверное, бесхребетный человек.

Корр.: Если попытаться вспомнить самое начало, когда Вы задавали себе вопросы и искали на них ответы, Вы предполагали, что так все сложится?

А.: Нет, не предполагал. И вообще для меня это было достаточно естественным поступком...

Мне вот что не нравится: почему Вы усматриваете в этом какую-то исключительность? У нас чуть не 10 процентов рабочих — люди с высшим образованием. Это — рабочие-интеллигенты, которые предпочитают труд рабочего труду служащего, который их мало устраивает. Ну, мотивы разные... Исследовательский мотив был, действительно, у немногих. Но и среди моих друзей-социологов, не так уж мало людей, поступивших точно так же. Разве что при этом они не ставили перед собой исследовательской цели. Так что, никакого тут особенного подвижничества нет.

Корр.: Я Вам скажу, я усматриваю исключительность не в том, что человек с высшим образованием встает к станку. Нет совсем! А в том, что у нас много примеров в жизни, когда человек пытается что-то сделать, у него не получается, и он выражает свое несогласие тем, что вообще отходит от, ну, скажем так, от активной жизни. Мне кажется, что здесь важно найти точку приложения своих сил...

А.: Ну, вот у меня есть друзья, которые, имея высшее образование (инженеры, инженер-физик, преподаватель литературы, режиссер) стали лесниками. Казалось бы, уход из активной жизни, но они стали лесниками не просто для того, чтобы уйти от городской суеты.

И вот, представьте себе, Кавказский государственный заповедник, где возник такой кордон, действительно антибраконьерский, и, естественно, восстановивший против себя и простых, и начальственных браконьеров, и собственное руководство заповедника. И вы знаете, это оказалась жизнь на таком вулкане! Казалось бы, уход...

Корр.: В тихое место?

А.: Да ничего подобного! Человек, достаточно принципиальный, активный и относящийся к жизни всерьез, он найдет себе неприятностей где угодно. Я знаю высококвалифицированного биолога, который сейчас работает дворником, но при этом у него изрядный конфликт, потому что он и здесь добивается справедливости, устранения всяких безобразий и так далее.

Для людей же пассивных и уходить никуда не надо. Они и всюду приспособятся.

«Сшибка» или «ситуационная мораль»?

Корр.: Если помните, один из первоначальных вариантов названия романа Александра Бека «Новое назначение» был «Сшибка». В дневнике писателя осталась запись:

«...Тяжелое, неблагозвучное слово. Однако оно привлекло меня точностью. Сшибка — научный врачебный термин, введенный Иваном Петровичем Павловым. И, кроме того, по прямому смыслу, сшибка — это схватка, столкновение, сеча, сражение...».

Сшибка — это столкновение двух противоположных, одинаково сильных импульсов, которые идут оба из коры головного мозга. Внутреннее побуждение подсказывает человеку, как поступить. А другой импульс заставляет его

поступить противоположным образом — этого требует логика или житейская ситуация, все что угодно. Что выбирает человек?

Если он выбирает не внутреннее убеждение, то превращается в механизм, который выполняет чужие приказы. Ну, а если человек выбирает внутреннее убеждение?

А.: Для этого он еще должен достаточно хорошо понимать, что же на самом деле является его внутренним убеждением, и есть ли оно у него по данному вопросу вообще.

Сейчас стали часто говорить о «двойной морали». Я помню, еще лет 10 назад усомнился в этом термине. И назвал это «ситуационной моралью». Человек вполне искренне в одной ситуации поступает так, а в другой — наоборот. И он уже сам не осознает, где же, собственно, его.

Человек, в роли дружинника, добросовестно ловит нарушителей общественного порядка, а потом он снимает повязку и сам выпивает бутылку в подворотне. Все в течение одного получаса происходит. Какая у него мораль? Он и тогда, и через полчаса — один и тот же. Он просто полагает, что в данной ситуации ему следует поступать так, а в другой — иначе.

Корр.: Мне кажется, здесь нельзя говорить о морали, а только о подчинении ситуации.

А.: Да, действительно, подчинение ситуации. И приучались люди к тому, что у них вообще собственного мнения нет. Есть некий рефлекс на выживание: в зависимости от того, как лучше себя сохранить, он поступает так или иначе. Но если уж он осознал (вот, знаете это высказывание: «Раб, осознавший себя рабом, уже не раб»?), так, если он уже это внутреннее побуждение осознал, то есть он понял, где черное, где белое, то лучше ему все-таки поступать так, как он понял. Помните, мы с Вами говорили: себе дешевле быть порядочным человеком.

«Неудобные» люди объединяются...

Корр.: А. Н., а сейчас чем Вы занимаетесь?

А.: Сейчас я пытаюсь привести в порядок свой архив, все, что наработано до сих пор. Нарботано немало, и довольно нетривиальными способами.

Привыкли, что социолог — это человек, который только спрашивает, человек с анкетой. Это не так. Потом, то новое место, куда я пришел, — профсоюзная школа культуры, там занимаются проблемами клубов. Для меня очень близки темы, связанные с неформальными объединениями, с самодеятельными всякими группами, с общественными движениями. В какой-то мере это становится предметом моей исследовательской работы.

Недавно вместе с ленинградским журналистом [С. В. Михельсон. — А. А.] мы закончили работу над брошюрой «Неудобные люди».

Пожалуй, больше всего меня интересует то, о чем Вы спрашивали в начале нашей беседы. Это мотивы, формы, смысл нестандартного, инициативного, «неудобного» поведения. Беда в том, что эти «неудобные» люди часто действительно оказываются одиночками. Но вот уже положение меняется.

Возникают «неудобные» организации, возникает «неудобная» общественность, возникают целые общественные движения, эти «неудобные» люди объединяются. <...>

(Октябрь 1988)

**

СПРАВКА

Полный текст книги: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4.. СПб.; Норма, 2003-2005 - см.на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

См. также отдельные разделы данной книги и связанные с ней материалы на сайте журнала Е. Берковича «7 искусств»⁷⁷:

[Познание действием. Так что же такое “драматическая социология”?](#)

[Еще о драматической социологии](#)

[Эксперимент социолога-рабочего. Из «Писем Любимым женщинам»](#)

[Страсти человеческие и производственные Из записок социолога-рабочего](#)

Начало

[Страсти человеческие и производственные Из записок социолога-рабочего.](#)

Окончание

[Необходимая оборона социолога-рабочего](#)

[Дискуссия через океан \(О нарративной идентичности, о жизненном выборе, о натурном эксперименте\)*](#)

<...>

(37)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/eksperiment-sociologa-rabochego-vzglyad-istorika>

ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО. ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

Автор: М. Седунова; А. Алексеев — Дата создания: 07.06.2017

Из цикла «Драматическая социология и наблюдающее участие». Вып. 37 (заключительный).

Из книги: [Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. СПб.: Норма, 2005](#)⁷⁸

22.13. Независимые исследования социолога-рабочего

*Текст доклада М. Седуновой на конференции «Общество и тоталитаризм: первая половина 80-х годов» (ноябрь 1998)*⁷⁹

Темой моего выступления стал опыт независимых исследований социолога Андрея Николаевича Алексева. Не являясь специалистом в области социологии, я попытаюсь высказать некоторые соображения, касающиеся исторического аспекта феномена такого рода деятельности.

⁷⁷ <http://7iskusstv.com/Avtory/Alekseev.php>

⁷⁸ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

⁷⁹ Конференция была организована НИЦ «Мемориал» (СПб), журналом «Звезда» и Музеем политической истории России, 28-29.11.98. Докладчик — научный сотрудник Гос. музея политической истории России Марина Викторовна Седунова.

Основой выступления стали, главным образом, опубликованные и не опубликованные документы, а также устные комментарии самого А.Н., которого я очень благодарю.

Коротко о фактической стороне дела.

В конце 1978 г. группой авторов, в которую входил А,⁸⁰ а роль «идеолога» играл М.Я. Гефтер, была разработана экспертно-прогностическая методика-анкета «Ожидаете ли Вы перемен?». В течение 1979—80 гг. по ней было опрошено 45 человек из ближайшего круга знакомых А.

В январе 1980 г. старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем АН СССР, кандидат философских наук А. переходит рабочим на завод «Полиграфмаш» для изучения изнутри жизни производственного коллектива. Это был не единственный прецедент такого рода, но с точки зрения профессиональных результатов исследований и общественного резонанса он представляется уникальным.

В течение двух лет А. одновременно оставался сотрудником Института — по совместительству.

Одно замечание. А. Н. называет экспериментом только «заводской» период своей деятельности. Мне же показалось правомерным включить в это понятие и предшествующий этап — то есть разработку упомянутой анкеты и опрос по ней (это явления одного порядка — независимые исследования).

Тем более, что сам А. Н. называет эту анкету «своего рода прологом и историко-прогностическим фоном» [1, с. 24] к «заводскому» эксперименту.

В ходе осмысления рассматриваемого опыта я выделила несколько тем, на которых и хотела бы остановиться:

- 1) мотивация эксперимента;
- 2) «параметры» и степень независимости;
- 3) «цена» профессиональной свободы;
- 4) общественная значимость эксперимента.

I. Мотивация

Среди мотивов преодоления стереотипов деятельности советского ученого-социолога:

- 1) профессионально-исследовательский («Надоела эта имитация науки, пойду рабочим на завод,» — сказал А.Н. своему руководителю в институте проф. В.А. Ядову);
- 2) экзистенциальный (связанный с необходимостью получения удовлетворения от работы, самоуважения и т. п.);
- 3) гражданский — сопутствовавший, на мой взгляд, любому более или менее общественно значимому поступку в советских условиях.

II. «Параметры» и степень независимости

Инициатором эксперимента была самостоятельно выбрана тематика исследования (часть ее — заводской эксперимент — формально можно считать санкционированным, поскольку А. оставался сотрудником ИСЭП АН СССР, по совместительству, но, замечу, что эксперимент продолжался и после того, как исследователь был из института уволен); разработана собственная методика; результаты не были заданы заранее — ни извне, ни внутренним ощущением конъюнктуры, — а отвечали лишь действительным задачам социологической науки — объективно отражать реальные социальные процессы.

⁸⁰ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

Объектом исследований стали наиболее характерные для советского общества конца 1970-х — начала 1980-х гг. противоречивые явления и процессы, добросовестное изучение которых было изначально делом рискованным и опасным.

Анкета «Ожидаете ли Вы перемен?» и проведенный по ней опрос вместо того, чтобы подтвердить устойчивость и бесконфликтность наших общественных отношений, отразили кризисное состояние политической системы и экономической ситуации в стране. В одном из интервью перспективы исторического развития страны были спрогнозированы очень близко к реальному ходу событий второй половины 1980-х гг. [2, с. 133-144]⁸¹

В центре внимания социолога в роли рабочего оказались наиболее актуальные проблемы современной производственной жизни: инновационные процессы, связанные с внедрением новых технологий и оборудования, с организацией бригадных форм труда, а также проблемы реализации потенциалов личности работника.

Особую роль в ходе эксперимента по изучению производственной жизни сыграл разработанный самим А.Н. метод, названный им «наблюдающим участием». Началом и условием этого метода и явился переход А. на постоянную работу на завод. В отличие от уже известного в социологии метода «включенного наблюдения», он характеризуется тем, что исследователь не просто погружается в исследуемую социальную среду и пассивно наблюдает за происходящим, а деятельно вмешивается в течение жизни, даже намеренно заостряет, моделирует ситуации, несущие какую-то социальную «нагрузку». Именно этот метод предоставил социологу-рабочему широкие возможности для изучения реалий производственной жизни.

В ходе эксперимента А. Н. выявил и осмыслил комплекс социальных проблем производства, сильно отличающийся от пропагандированных успехов и идеализированного образа рабочего. Свои наблюдения и размышления, складывающиеся в живую картину противоречивой и подчас парадоксальной производственной жизни, он изложил в созданном им «свободном» жанре «Писем любимым женщинам». А. делает вывод о том, что основой производственных взаимоотношений стала так называемая формула разгильдяйства («незаинтересованность» + «некомпетентность» + «безответственность»), определяемая им как системное, социальное качество [1, с. 94,95].

В «Письмах...» приводятся красноречивые примеры действия этой формулы. Один из них: увлекательная история о длившейся целый год починке наладчиком А. (заменившим при этом ремонтные, технологические и иные службы) уникального координатно-револьверного пресса, который столько же времени простаивал до ремонта. Другой пример: суета на заводе перед приездом начальника из министерства, в ходе которой было сделано «немало полезных дел» — очищен от мусора и готовых изделий цех, убран из-под снега стоявший на улице новый дорогостоящий станок и т. д. Любопытно замечание социолога по поводу «деловой и беззлобной» реакции на этот спектакль его товарищей-рабочих: «Политика партии!» [1, с. 177]. Не обошел вниманием А. и показуху социалистического соревнования [1, с. 127-128]. Особое место в «Письмах...» занимает рождающая ассоциации «притча о генеральной линейке», к которой, не замечая ее дефекта (кривизны), подгонялись остальные детали станка [1, с. 147-154].

⁸¹ Имеется в виду экспертный лист А.С. Соснина («Невельцева»). См. в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к главе 1.

Научное осмысление более общего характера наблюдения социолога получили в научных статьях, главная из которых — «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)». (Мне кажется, что под влиянием результатов опроса по анкете ситуация на производстве рассматривается здесь как частный случай противоречий более общего характера).

В качестве основной причины неблагополучия автор называет рассогласование общественных и личных интересов в системе производственных отношений. Один из важнейших выводов исследования — о снижении ценностных ориентаций работника, о срабатывании стереотипов поведения по принципу: «иначе не проживешь», «как все, так и я» и т. п. [1, с. 339].

Разделяя позиции экономической школы Т.И. Заславской, А. видит выход из такого положения в совершенствовании хозяйственного механизма и развитии демократических начал в управлении производством. Но главное достижение, на мой взгляд, в другом: автор убедительно показывает, что предпринимаемые меры по совершенствованию этого механизма адаптируются в производственной среде, инновационные процессы не эффективны [1, с. 354]. В целом же исследователь остается в рамках марксистской парадигмы — вывода о несовместимости элементов нового хозяйственного механизма со старой системой социальных норм он не делает.

Приведенная краткая характеристика предпринятых А. исследований уже дает, на мой взгляд, основание говорить, что степень свободы ученого была достаточно высокой. Но надо иметь в виду, конечно, что часть эксперимента, в целях самосохранения, носила «закрытый» характер. Это, однако, не означает, что в научных статьях или публичных обсуждениях отчетов А. в институте (они проходили регулярно первые два года его совместительства) он лукавил. В статьях наблюдения и выводы просто облечены в строгие научные формулировки, а мысли — те же, что и в «Письмах».

Что же касается обсуждений в ИСЭПе, то проблемы производственной жизни представляли там в не менее неприкрытом и неприглядном виде. Л. Графова в своей статье «Преодоление пределов», опубликованной в «Литературной газете» в 1987 г., пишет об этих обсуждениях: «Они регулярно вызвали бурю. В чинную атмосферу запретов и полудоговоренностей из его искренних отчетов врывалась живая, взъерошенная действительность со своими насущными вопросами, касаться которых науке было тогда нельзя» [1, с. 573].

III. Цена профессиональной свободы

И все же степень свободы оказалась не безграничной. Стремление к научной объективности не могло не привести к столкновению с властными структурами. В начале 1982 г. А. Н. был уволен из академического института — под видом сокращения штатов. А в сентябре 1983 г. после того, как в руки сотрудников госбезопасности попал один из листов экспертного опроса («Ожидаете ли вы перемен?»), на квартире Алексеева был произведен обыск (а через некоторое время, можно предполагать, и второй: дверь в квартиру была взломана, квартира разгромлена, но ничего не пропало [3, с. 12].

Результатом обыска, а также «бесед» со знакомыми А., стало не уголовное дело, а так называемая мера профилактического воздействия — официальное предостережение органов госбезопасности (январь 1984 г.). На основании его во все общественные организации, в которых состоял Алексеев, была разослана справка УКГБ ЛО «В отношении Алексеева А.Н.». Следствием этого стало растянувшееся на два года исключение социолога-рабочего из КПСС, Союза журналистов, Советской социологической ассоциации.

Таким образом, можно считать, что наказанию был придан общественный характер. Однако эти санкции не остановили продолжавшегося и дальше эксперимента.

Несколько соображений о том, почему дело ограничилось со стороны КГБ этой минимальной мерой пресечения. Основными обвинениями в адрес А. в справке стали: 1) Анкета-методика «Ожидаете ли Вы перемен?», 2) «Письма любимым женщинам», 3) хранение и распространение «тамиздата», 4) нарушение правил работы с документами ДСП (А. Н. размножил и распространил один из докладов Т.И. Заславской).

В отношении методики была отмечена ее «несанкционированность партийными органами и администрацией ИСЭП», а также то, что «вопросы анкеты... и методологический комментарий к ней носили тенденциозный характер и были построены таким образом, чтобы получить негативные ответы о состоянии и перспективах развития советского общества» [4, с. 2].

По поводу «Писем...», названных статьями, было сказано следующее: «...он в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзывается о рабочем классе» [4, с. 2].

Мне кажется также любопытным и уместным привести и более поздние оценки деятельности А., в частности, сделанные экспертом В.Г. Кобмаровым, деканом факультета журналистики ЛГУ. Он пишет: А. Н. «... произвольно подгоняет частные недостатки на производстве в одном из лучших ленинградских предприятий под предвзятые и огульные негативные характеристики нашей экономики в целом и системы управления ею» [1, с. 560].

По поводу опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» В.Г. Комаров отмечает, что опрос проводился среди знакомых, «большинство из которых не имеет устойчивых политических принципов и минимальной компетенции в оценке общественно-политических явлений» [1, с. 560].

Приведенные цитаты, на мой взгляд, говорят о достаточно серьезных обвинениях. Четких юридических критериев политических статей Уголовного кодекса, как известно, не существовало — органы госбезопасности трактовали их достаточно произвольно. Судя по некоторым приговорам начала 1980-х гг., политически окрашенный авторский самиздат А. мог стать и «клеветой» (ст. 190/1), и «антисоветской пропагандой» (ст. 70).

Почему же этого не случилось?

Во-первых, сам текст анкеты так и не был обнаружен, равно как и опросные листы (даже не знали их общее количество, тем более — содержание).⁸² Во-вторых, «Письма» формально были личной перепиской и не распространялись широко. В-третьих, упомянутый в справке УКГБ ЛО «тамиздат» (произведения А. Зиновьева) при обыске обнаружен не был.

Кроме того, имели значение, я думаю, и следующие моменты (их можно рассматривать также и в качестве причин, почему эксперимент вообще мог состояться):

- 1) Человек занимался не политической, а своей профессиональной деятельностью.
- 2) Сыграли роль теоретические воззрения АН. и его активная открытая позиция в отстаивании своей правоты.

⁸² Здесь М.С. допускает неточность: в отличие от записей интервью, текст самого вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?» Управление КГБ по Ленинградской области сумело заполучить.

Несмотря на обвинения в эклектизме идейных установок и в ревизионизме, А. не был противником коммунистической идеологии, тем более — диссидентом. Он был — за реформирование социалистической системы, а не за ее замену. Будучи коммунистом, он открыто говорил о бедах и недостатках на партийных собраниях, в отстаивании своей позиции апеллировал не к кому-нибудь, а к партийным инстанциям.

Известно, что после смерти Брежнева еще больше стали говорить об экономических реформах, о необходимости совершенствовать производственные отношения, о «человеческом» факторе (в частности, на ноябрьском Пленуме ЦК 1983 г.). Таким образом, позиция А. вписывалась в такой пропагандистский поворот. Может быть, в глазах партийных функционеров А.Н. представлял правдолюбом-идеалистом, «белой вороной», но «своей». Может быть, поэтому так долго тянулась история с исключениями — не знали, как относиться к этому «не легкому» случаю.

И еще один момент — «время». Оно уже менялось. И с 1985-86 гг., когда А.Н. еще боролся за свои взгляды, уже пошла «раскрутка» в обратном направлении, закончившаяся восстановлением всюду (позже из КПСС А. вышел уже сам).

IV. Общественная значимость эксперимента

В заключение, коротко о профессиональной и общественной значимости эксперимента, которые очень трудно разграничить:

- 1) Представляет интерес исследование общественного мнения в определенных кругах общества, предвидевших перемены.
- 2) Неоценим материал, отражающий социальные проблемы производства, в том числе, вероятно, для практического использования уже в сегодняшних условиях.
- 3) Опыт А. был направлен против идеологизации и мифологизации хода общественного развития. Не будучи формально идейным противником власти, он стал идеологическим отступником: посягнул на монополию власти на формирование общественного сознания.

Перефразируя известную мысль: если человек искренен и честен, то независимо от его желаний и взглядов он будет близок к правде жизни. В этом смысле, наверное, опыт А.Н. можно назвать формой опосредованного противостояния режиму — своеобразным «профессиональным» протестом.

- 4) Рассматривать такого рода протест, я думаю, надо не как частный случай, а в более широком аспекте — в контексте не вполне подконтрольных власти разнообразных открытых форм социальной активности, характерных как раз для первой половины 1980-х гг.

Развитие самой разной инициативы в это время вызывалось к жизни, главным образом, не политическими убеждениями, а желанием людей решать какие-то свои личные конкретные проблемы — профессиональные, психологические и т. д. Такой сдвиг от монолитной структуры советского общества (опоры авторитарной власти) к общественной дифференциации, сужавшей рамки контролируемого общественного пространства, и привел, наверное, в конечном итоге к неустойчивости и разрушению властной и политической системы в целом.

Открытость этого противостояния имела принципиальное значение. «Алексеев фактом своего противостояния помогал мне избавиться от страха», — высказывание одного из «самых благополучных» друзей А., которое приводит Л. Графова в своей статье «Преодоление пределов» [1, с. 574].

- 5) Эксперимент имел также и правозащитный (самозащитный) характер, важный больше для самого автора: человек отстаивал свое право на профессиональную свободу, на собственный выбор, на «свою жизнь». Общественную значимость

этот момент приобретает еще и потому, что в данном случае выбор «своей жизни» был неразрывно связан с такими понятиями, как честь, достоинство, свобода, совесть.

Источники

1. Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М., 1997.
2. Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х гг.). Кн. 1-2. М., 1991.
3. Алексеев А.Н. Записка для ЦК КПСС «Научнопрактический эксперимент социолога-рабочего и его общественнополитические уроки». Январь-апрель 1986 г.
4. Справка «В отношении Алексеева А.Н.» ГМП ИР, Ф II, No BC-8611.

М. Седунова, ноябрь 1998

+++

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЧАСТИ 1

(П.1)

ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

Из книги: [Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. СПб.: Норма, 2005](#)⁸³

Глава 22. Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения

- 22.1. Точка зрения учителя (авт. — В. Ядов)
- 22.2. Три характеристики (партком «Ленполиграфмаша»)
 - 22.2.1. «Им было обеспечено освоение нового, уникального на заводе оборудования...»
 - 22.2.2. «В своих записях выражал мысли антисоветского содержания...»
 - 22.2.3. «Разлагающее влияние на рабочих...»
- 22.3. О методе наблюдающего участия (авт. — А. Сарно)
- 22.4. «Нарушение служебных обязанностей и научной этики...» (авт. — Ю. Гревцов, А. Воронцов, Н. Мирошниченко)
- 22.5. Как же преодолевать эти пределы? (авт. — Р. Баранцев)
- 22.6. Официальные оппоненты социолога-испытателя
 - 22.6.1. «Посредственный социолог... научная несостоятельность... бесплодная попытка...» (авт. — В. Ельмеев и др.)
 - 22.6.2. «Неужели же так оскудела героями русская земля?!» (авт. — И. Сигов)
- 22.7. «Не будь он исследователем, ему пришлось бы туго...» (авт. — С. Ненашев)
- 22.8. Из первых рецензий на книгу социолога-экспериментатора (авт. — Б. Докторов; Р. Могилевский)

⁸³ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

- 22.9. Ожидали ли перемен? Мнения коллег (авт. — Б. Фирсов; П. Шелищ)
22.10. Социологическое вторжение: время, пространство и метод героя (авт. — Б. Максимов)
22.11. Драматическая социология или драматическое общество? (авт. — Р. Рывкина)
22.12. Из школы — в мир (авт. — Р. Ленчовский)
22.13. Независимые исследования социолога-рабочего (авт. — М. Седунова)
22.14. Поэма «Не только о себе» (авт. — Э. Ракитская)

(П.2)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a.-alekseev.-o-nablyudayuschem-uchastii-i-dramaticheskoi-sociologii>

А. Алексеев.

О наблюдающем участии и драматической социологии

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 07.04.2013

Откликаясь на просьбу коллеги, я собрал букет из сетевых ссылок на свои и не только свои сочинения, посвященные этой теме. А собрав, счел, что они могут представить интерес и не только одному персональному адресату.

Навигатор по некоторым электронным публикациям и электронным версиям печатных публикаций, так или иначе посвященным методу НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ или опыту ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ.

Публикации находятся на сайтах "Когита!ру. Общественные новости Северо-Запада (<http://www.cogita.ru>), сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга (<http://www.socioprognoz.ru/>), сайте «Международная биографическая инициатива» <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios> и еще двух ресурсах.

Портал «Когита.ру»

= А. Алексеев. Познание действием. От автора - сегодня, 30 лет спустя - <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1/poznanie-deistviem.-ot-avtora-segodnya-25-let-spustya>

= А. Алексеев, А. Кетегат. Про «Серегу-штрейкбрехера» и не только о нем - <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1/a.-alekseev-a.-ketegat.-pro-abseregu-shtreikbreherabb-i-ne-tolko-o-nem>

= А. Алексеев, А. Кетегат. Про «Серегу-штрейкбрехера» и не только о нем (окончание) - <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1/a.-alekseev-a.-ketegat.-pro-abseregu-shtreikbreherabb-i-ne-tolko-o-nem-okonchanie>

= А. Алексеев. Опираясь на диспозиционную концепцию личности (экспериментальная социология) - <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1/opirayas-na-dispozicionnyu-koncepciyu-lichnosti>

= В. Бачинин. Книга «Профессия – социолог» как постмодернистский интертекст - <http://www.cogita.ru/analitka/novye-knigi/kniga-abprofessiya-2013-sociologbb-kak-postmodernistskii-intertekst>

(См. эту же работу: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bachinin_alekseev_10.html ; Свободная мысль, 2011, № 1 - <http://www.mgimo.ru/files2/p57/182757/6558a6df2216c33b6d6add055fbcef9f.pdf> ;

Социологические исследования, 2011, № 4 -
http://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-4/Knizhnoe_obozrenie.pdf)

Сайт Центра социального прогнозирования и маркетинга

= Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. — СПб.: Норма, 2003-2005 - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

= Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. 2012 - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

Сайт «Международная биографическая инициатива»

= Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только).

Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 1. СПб.: Норма, 2010 -

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_1.pdf

= Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только).

Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. СПб.: Норма, 2010 -

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_2.pdf

(См. в этом томе особенно главу 5: Наблюдающее участие (методологический контекст)).

= Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только).

Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 3. СПб.: Норма, 2010 -

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_3.pdf

= Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только).

Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 4. СПб.: Норма, 2010 -

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_4.pdf

= А. Алексеев. Извлечения из “дела социолога-рабочего” (1984-1987) -

http://cdclv.unlv.edu/archives/Supplements/alekseev_affair.html

= Д. Травин. Зона свободы (Дело, 25 сентября 2006) -

http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/travin_alekseev.html

= Б. Докторов. Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям (Научные и нравственные основы «драматической социологии») (Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 4) -

http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/doktorov_alekseev.htmlhttp://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2009&id=626) (см. также:

= А. Алексеев. Познание через действие (Так что же такое “драматическая социология”?) (Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006, №5 -

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_knowledge.html (см.

также: [http://www.teleskop-journal.spb.ru/?](http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2006&id=405)

[cat=33&type=by_year&value=2006&id=405](http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2006&id=405))

= Б. Докторов. Скала Алексеева (Социологический журнал, 2009, № 3) -

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/doktorov_on_alkseev_10.html (см. также:

http://www.isras.ru/files/File/Sociologymagazin/Socmag_03_2009/09_Doktorov.pdf)

= А. Алексеев. Многообразие экспликаций и синонимический ряд “наблюдающего участия” в: А. Алексеев, Б. Докторов. В поисках Адресата, 2012, с. 245-261) -

http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf (См. также:

Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 6)

А также:

= А. Алексеев. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) (Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5) (Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований) - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2011&id=747

= А. Алексеев. Дискуссия через океан. Защита наблюдающего участника (Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 2)

= Андрей Алексеев (Санкт-Петербург). Из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог»: материалы для презентации. В: Украинский социологический журнал, 2010, № 3-4, с. 26-48 - http://www.sau.kiev.ua/docs/magazine/2010_3_4.pdf

(П.3)

http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1297504348133098file.pdf

Докторов Б.

ПЕССИМИСТ ПО НАБЛЮДЕНИЯМ И ОПТИМИСТ ПО УБЕЖДЕНИЯМ

Научные и нравственные основы «драматической социологии»

*Человек залезает на конкретную скалу
вовсе не затем, чтобы все за ним
лезли. Каждый пусть лезет на свою
скалу, а кто-то, глядишь, заберется
и на Эверест⁸⁴.*

В настоящей статье анализируются некоторые аспекты работ, выполненных А.Н. Алексеевым в последние три десятилетия. Ничего юбилейно-праздничного в этом материале нет тем более, что в значительной мере он был сделан более года назад и лишь в силу не зависящих от автора обстоятельств не был своевременно опубликован. Статья продолжает серию моих работ методологического и историко-научного плана, подчиненных решению двух тесно связанных между собой задач. Найти исследовательский метод, позволяющий анализировать и описывать ближнее прошлое отечественной социологии, отталкиваясь или в значительной степени опираясь, на биографии ученых, создававших и создающих эту область знания. Иногда я называю этот подход построением истории российской социологии с «человеческим лицом», Алексеев, в ряде своих исследований разрабатывающий эту тему, говорит об истории советской социологии «в лицах» [1].

На мой взгляд, подобного типа прочтение нашей истории не только отразит многое в сделанном советскими/российскими социологами, но также позволит подробно рассказывать о них самих, о среде и обстоятельствах, детерминировавших их деятельность, а часто – сковывавших ее. Исследовательский подход, в котором одним из центральных требований является – «фокус на создателя», отвечает природе науки, ведь прежде всего она создается личностями, и при методологически верном разворачивании

⁸⁴ Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том. 1. СПб.: Норма, 2003. С. 193.

трактовки истории нашей науки, включающей в себя анализ деятельности и роли ученого как профессионала, гражданина и человека, этот подход мягко стыкуется с институциональным описанием прошлого. Присутствие государства в жизни советских социологов было повсеместным от школы и вуза до трудоустройства, оно награждало их и наказывало, оно регламентировало выбор темы исследования, возможность опубликования результатов внутри страны и, тем более, за ее пределами, контролировало все их контакты с зарубежными коллегами. Потому история с «человеческим лицом», при том, что она дает возможность уйти от «безлюдного прошлого», автоматически пронизана, пропитана многими токами институциональной трактовки прошлого отечественной социологической науки.

Дать историю науки совсем без присутствия ее создателей, лидеров и коллективов невозможно, но часто все эти люди представлены своими тенями, силуэтами, профилями, вырезанными из черной бумаги и наклеенными на белый фон. С той поры, как подобная технология передачи лиц – без глаз и эмоций – родилась, а потом достигла высочайшего уровня, родились искусство фотографии и кино, позволяющие передать и внешность человека, и в лучших случаях – его личность, характер. Вот и создание истории с «человеческим лицом» представляется мне попыткой уйти от истории, в которой «действовали бы» силуэты, к рассмотрению прошлого, наполненного реальными людьми. Импульсом к исследованиям в указанной парадигматике стали некоторые итоги почти десятилетнего исследования истории становления американской рекламы и опросов общественного мнения и первые результаты анализа проводимых мною около пяти лет биографических интервью, которых набралось уже около трех десятков [2]. В последние годы были сделаны первые пробы погружения в биографии российских социологов с целью понимания процесса становления их как личностей и профессионалов. Прежде всего отмечу статьи о жизни и творчестве В.Б. Голфаства, Ю.А. Левады и Г.В. Старовойтой.

Эта работа была сложной в том отношении, что по своей сути была общением с людьми, которых знал, которых уважал, но которых к тому времени уже не было в живых. Иные трудности я испытывал, когда пять лет назад писал о Б.А. Грушине, который в тот момент был жив и интенсивно работал [3]. Он знал о моей работе и обещал отвечать на мои фактологические вопросы, если они у меня возникнут. С другой стороны, я не мог и не имел желания регулярно консультироваться с ним: начни – затянет. Я отправил ему экземпляр журнала «Телескоп», когда статья была опубликована, и ждал его реакции. Первый «блин» не оказался «комом», и слегка доработанный и отредактированный этот текст вошел в книгу с подзаголовком «От Гэллапа до Грушина» [4]. И снова ожидания, что скажет герой.

В создаваемой мною типологии поколений советских/российских социологов есть «странная» вторая профессиональная когорта, единственная, которая осознанно не вписана в лестницу с равными 12-летней толщины ступенями. Так, первое поколение, это родившиеся в промежутке от 1923 года до 1934 года, третье – в интервале 1935 – 1946 и так далее (Таблица 1).

Не претендуя на то, чтобы обозначить всех представителей первого поколения (хотя их было немного, возможно, не более полусотни), назову имена тех, кто большинством нашего сообщества признается лидерами. Это, к примеру: Г.М. Андреева, И.В. Бесужев-Лада, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, Л.Н. Коган, И.С. Кон, С.А. Кугель, Ю.А. Замошкин, А.Н. Здравомыслов, Т.И. Заславская, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, Р.В. Рывкина, А.Г. Харчев, О.И. Шкаратан, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов. В 2008 году отмечалось 50-летие современной российской социологии, и тем из пионеров отечественной

социологии, кто дожил до наших дней, сейчас 80 лет или несколькими годами больше.

Анализ показывает, что представители первого поколения советской социологии родились в промежутке от 1923 - 1934 гг. Годы рождения значительной части ученых, чьи имена указаны выше, приходятся на конец 1920-х. Таким образом, на момент *второго* рождения советской социологи они были молодыми кандидатами, лишь единицы – докторами, наук, и их взгляды на общество формировались на примерах жизни героев Революции и Гражданской войны, событиями Великой Отечественной, обрывками сведений о борьбе с «врагами народа», смертью Сталина и разоблачением культа личности.

«Странность» второго поколения заключается в том, что его представители по возрасту в среднем несколько ненамного моложе образующих первую возрастную когорту. «Вторые» формировались как личности практически в том же социальном пространстве, что и «первые», но в силу личных жизненных обстоятельств «вторые» пришли в социологию несколько позже «самых первых». Если говорить о наиболее известных представителях второго поколения, участвовавших в создании ленинградской социологической школы, то среди них я назову: Андрея Алексеева, Якова Гилинского, Сергея Голода, Светлану Иконникову, Бориса Максимова, Игоря Травина, Бориса Фирсова, а также ушедших от нас Игоря Голосенко, Владимира Лисовского и Эльмара Соколова.

Таблица 1. Схема поколений советских-российских социологов

Поколение	Годы рождения	Центральные годы
первое	1923 – 1934	1928 – 1929
второе	вторая половина 20-х -1934	
третье	1935 – 1946	1940 – 1941
четвертое	1947 – 1958	1952 – 1953
пятое	1959 – 1970	1964 – 1965
шестое	1971 – 1982	1976 – 1977
седьмое	1983 – 1994	1988 – 1989

Пока трудно сказать, чем в своем творчестве и мироощущении второе поколение отлично от первого, об этом можно будет говорить лишь по итогам специальных историко-научных исследований, тем более, что многие из «старейшин» нашего цеха продолжают активно работать. «Первые», так сложились их судьбы, входили в социологию *азартно*. «Вторые» – более трезво, взвешенно, в некотором смысле им приходилось *отказываться* от раннее избранного ими профессионального пути и многое пересматривать в своих политико-нравственных воззрениях. Не имея возможности для аргументирования этого допущения, скажу, что оно вытекает из проведенных мною интервью с представителями этой общности и из анализа «Драматической социологии» Алексеева, книги Фирсова о разномыслии [5] и незавершенных мемуаров Соколова [6].

С Андреем Алексеевым меня связывают долгие годы совместной работы и дружбы. Это – облегчает работу, многое помнится, факты, даты легко уточнить, наша регулярная переписка – превращается в значимый источник различного рода информации о его жизни и работе. Но эта постоянная коммуникация и усложняет работу. В какой-то момент, когда решаешь (берешь на себя риск)

писать о человеке, то понимаешь, что от многого надо отвлечься, отгородиться, приглушить эмоции и остаться только (можно ли это?) аналитиком. Я прошел через это в момент работы над статьей о Грушине. Все время думаешь, что придет время, когда написанное надо будет показать «герою» очерка, но одновременно постоянно гонишь от себя эту мысль, ищешь и постепенно расширяешь *пространство независимости* от героя. Делать это крайне сложно, но необходимо.

Своего рода спасением от многих сложных методологических и этических рассуждений, «нишей спокойствия» являются тексты, созданные человеком, биографию и творчество которого изучаешь: книги и статьи, дневниковые записи и личная переписка. При работе над данной статьей многое облегчалось тем, что итогом почти трех десятилетий исследований Алексеева являются книги, в которые включены фрагменты из ранее создававшихся им научных текстов, выписки из его дневников, отрывки из писем, написанных им и писавшихся ему. В частности, фрагмент его недавней переписки с Владимиром Шляпентохом, приведенный в рукописи готовящейся к изданию книги «Профессия – социолог» (о ней ниже), дал мне заголовок этой статьи. В начале июня 2009 года Шляпентох попросил Алексеева написать о том, каким ему представляется сейчас отношение высшей российской власти к социологии. Через пару дней в своем письме Алексеев привел ряд примеров на эту тему и высказал свое общее понимание вопроса: и затем добавил: «Я, как видишь, пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям» [7]. На мой взгляд, именно такое «разнесение» пластов пессимизма и оптимизма – в своей формулировке восходящее к Альберту Швейцеру – присутствует в работах Алексеева, а по большому счету – в базовых творческих установках ведущих советских/российских социологов первых поколений.

Существует еще одна особенность Алексеевской картины мира, задающая специфику его положения в нашем профессиональном сообществе (последнее отражено в приведенных выше словах Т.И. Заславской, В.Э.Шляпентоха и Б.М. Фирсова) Помимо нетривиального общетеоретического и методолого-методического содержания его работы привлекают внимание своей гражданственностью, более точно – поисками социальной роли социолога. Причем, он ничего не декларирует, не предписывает, не морализует. Он действует проще, но много рискованнее и одновременно – ответственнее. Алексеев избегает использования термина «эксперимент на себе», считая, что это звучит слишком красиво, но именно этот термин передает достаточно точно его исследовательский метод. И.С. Кон в недавнем письме Алексееву (автор письма прислал мне копию) весьма справедливо заметил: «люди предпочитают анализировать не свои, а чужие страдания, так что подражать Вам мало кто захочет» [8].

Алексеев все проецирует на себя. Он рассуждает и действует так, как ему представляется должным, как может разрешить себе лишь свободная – не от общества, но от страхов личность. Он не просто расширяет методолого-инструментальный арсенал социологии новыми подходами и приемами, но дополняет его нравственными принципами; но не в виде перечня должного и запретного, а через формирование предмета собственных исследований. Принципиально то, что Алексеев никого не призывает следовать за ним, понимая, что каждый сам выбирает маршрут своей жизни. Еще в далеком 1980 году он писал в письме социологу Инне Рывкиной о том, что, своим переходом из социологов в рабочие (см. ниже) никакого вызова социальным институтам он не делал, что лучший ныряльщик это тот, который входит в воду без брызг [9, 1, с. 193]. А пару лет назад в короткой беседе со мною замечал: «...социолог-

испытатель, как исследователь, не претендует на организацию «коллективной борьбы». В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысловой задачей...» [10, с.12]. Таким образом, слова Алексеева, взятые заголовком этой статьи, раскрывают одну из главных составляющих сущности метода Алексеева. Они стали для меня ключом к пониманию его методологии, отчасти – всей его деятельности и повседневного поведения.

Известный специалист в области истории и философии физики Б.Г. Кузнецов во введении к своей небольшой автобиографической книге, являющейся коллекцией эссе о встречах с людьми, оставившими неизгладимый след в его памяти (к примеру, Г.М. Кржижановский, В.И. Вернадский, И.Е. Тамм, Ф. Жолио-Кюри, Луи де Бройль), отмечал, что исследователя прошлого науки и творчества ученых, возможно, более уместно называть «биологом», нежели «биографом» [11]. «Графия» указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин «биолог» соединяет «Биос» и «Логос» и указывает на *постижение, познание* жизни в ее единстве с окружающим миром. В этом смысле предлагаемые заметки можно рассматривать как *био-логические*.

По большому счету в книгах зрелых и опытных социальных исследователей всегда присутствуют элементы биографии их авторов. И это легко объяснимо: за годы работы исследователь погружается в тему, а тема пропитывает его. Он постоянно думает о ней, знает других людей, которые тоже о ней думают, и становится частью профессионального сообщества, изучающего ее.

Уникальность жизненного пути Алексеева заключается в том, что осуществленное им в 1980–1988 гг. исследование просто невозможно отсечь от его биографии, и, наоборот, многие важнейшие события его жизни стали предметом его собственного социологического анализа и содержанием опубликованной им тетралогии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» [9]. Это и объясняет, почему мой рассказ об этой книге становится в значительной степени и биографическим повествованием.

Первые два тома работы Алексеева увидели свет в 2003 году, два следующих – двумя годами позже. Небольшой тираж четырехтомника (400 экземпляров) делает круг людей, имеющих его на своих полках, крайне узким. Тем не менее, его потенциальная читательская аудитория огромна: все четыре тома этого труда выложены в Интернете.

Таким образом, главная цель моих заметок — представить работу Алексеева тем, кто о ней ничего не знает, но кто в любой момент может для начала заглянуть в нее, а там — как сложится. Чтение объемного труда, да еще в сетевом варианте, дело непростое. Но мне кажется, что безразличных к этим материалам будет немного, а вот восприятие и отношение к ним будет различным. В значительной степени оно будет определяться способностью читателя погрузиться в тот мир социальных драм (или социальной драмы), который автор постепенно открывал для себя и в который оставил двери открытыми для других. Но пройти по дорогам этого мира каждому предстоит собственным путем, идти след в след за автором, невозможно.

Особенность «Драматической социологии» заключается в *многоплановости*. Она в той же мере повествует о человеке в системе социальных отношений, что и о жизнедеятельности ее автора. Сама социальная реальность и исследовательский опыт позволили автору сформировать адекватную методологию и инструментарий исследования. Четырехтомник (далее я буду называть его книгой) — это «кинолента» о событиях, протекавших в Ленинграде во времена «заката застоя» и «разбега перестройки», и о людях, сначала просто

ожидавших перемен, а затем начавших формировать новую демократическую среду. Книга рассказывает об авторе и одновременно дает представление об огромной коммуникационной сети, в которой живет социально активная личность; о размерах подобной сети и ее строении мы мало задумываемся, а между тем действующих лиц в ней свыше полутысячи. По отношению к автору они выступают в качестве *со-беседников, со-авторов и со-трудников*. Это придает изложению объемность, полифоничность и дискуссионность.

В начале 1980-х гг. ряд обстоятельств личного и общественного характера привели Алексеева, в прошлом журналиста, сложившегося социолога, кандидата наук, сотрудника академического социологического института на один из крупных ленинградских заводов. То не было вынужденным актом, но собственная инициатива. Став наладчиком и оператором координатно-револьверного пресса, сложного станка, позволявшего производить на листовых деталях высокоточные пробивные и штамповочные работы, он в течение восьми с половиной лет наблюдал различные формы взаимоотношений в производственном процессе и общественной жизни на заводе. Многие из увиденного-прочувствованного-осознанного стало ядром его повествования.

Поначалу наблюдаемая Алексеевым социальная реальность включала собственно производственные процессы и межличностные коллизии внутрицехового и общезаводского масштаба. Анализируя происходившее вблизи, социологу-рабочему удалось «подсмотреть» многообразие таких форм поведения рабочих, которые противоречили стереотипным представлениям о «социалистическом отношении к труду». Разрешенное и отчасти даже поощряемое руководством нарушение трудового законодательства, пьянки «с умом» на рабочем месте, «халтуру» по-рабочему, т. е. не плохую работу, а, наоборот, сделанную при минимуме трудозатрат и выгодную себе и производству, «партизанщину» — самовольное нарушение технологии, искусственное сдерживание роста производительности труда и многое другое. Своего рода интегральным свойством низшего и среднего руководящего звена было, по Алексееву, «разгильдяйство» (незаинтересованность + некомпетентность + безответственность [9, т. 1, с. 124], возрастающее по мере восхождения на высшие уровни руководства. Разгильдяйство было итогом и следствием безответственности низов и беспомощности верхов [9, т.1, с. 183–184].

В.А. Ядов, обобщая наблюдения Алексеева, говорит о выявлении и точном представлении им для социологической науки механизмов «двойного нормативного стандарта». Пока между мастером и рабочим сохранялись партнерские отношения, первый лишь фиксировал нарушения трудовой дисциплины вторым, но при возникновении конфликта досье раскрывалось, что могло приводить к увольнению рабочего [9, т. 4, с. 14]. Примечательно, что другой эксперт, свыше десяти лет занимавшийся проблемами заводской социологии и в годы эксперимента Алексеева работавший с ним на одном заводе, но в качестве «социолога-управленца», Б.И. Максимов по его собственному свидетельству, поначалу убеждал Алексеева не «идти в рабочие», ибо ничего нового тот не увидит, выражал готовность, «не сходя с места», рассказать об уловках рабочих, фиктивности соцсоревнования и т. п. И все же переоткрытие всех этих феноменов Алексеевым произвело эффект разорвавшейся бомбы [9, т. т. 4, с. 37].

Действительно, к началу 1980-х многое из описанного Алексеевым прекрасно знали «работяги», не было это тайной и для большинства заводских социологов,

исследовавших трудовые отношения. Однако «лукавая» отраслевая и общегосударственная статистика многое намеренно маскировала, а массовые опросы не могли зафиксировать ряда тонких, тщательно оберегавшихся от внешнего наблюдателя сторон жизнедеятельности производственных коллективов. К тому же было заранее ясно, что широкое обсуждение негативных аспектов организации труда рабочих — «ведущей силы» советского общества — грозит исследователям массой неприятностей. В полной мере их испытал на себе Алексеев, вскоре убедившийся в том, что и его деятельность, и результаты его наблюдений были объектом пристального внимания администрации и партийной организации завода, а также «компетентных органов».

Поначалу то, что делалось Алексеевым, можно было отнести к социологии труда, но через пару лет предмет его исследований заметно расширился, хотя он не стремился к подобному разрастанию своего проекта. Как говорится, в один прекрасный день на его квартире был произведен обыск в связи с уголовным делом, к которому он не имел никакого отношения. Милиция вскоре признала «ошибку», но все его дневники, письма, материалы наблюдений не были возвращены их владельцу, а переданы в органы госбезопасности. Начались его встречи с сотрудниками КГБ и их беседы с его друзьями и знакомыми, у которых искали подтверждения его антигосударственной деятельности. Через три месяца часть отобранного вернули, но отказали в возврате нескольких научных сборников с грифом «Для служебного пользования» и около 800 страниц рабочих материалов (дневников, писем). Вслед за обыском «случайно» произошел взлом квартиры, был устроен беспорядок, но ничего обычно представляющего интерес для воров, не пропало. На заявление потерпевших был ответ: все совершено 13-летним хулиганом, слишком юным для предъявления ему обвинения.

Жизнь и далее активно «помогала» Алексееву, предоставляя ему такие бесконечные возможности для наблюдений и обобщений, о которых он и мечтать не мог, не то что планировать. По представлению КГБ завод начал процедуру его исключения из КПСС, в которой он к тому времени состоял почти четверть века. Причины: «цинизм, пренебрежительное отношение к советской науке, рабочему классу, элементы антисоветизма» [9, т. 1, с. 278]; «проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов (так!) на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования» [9, т. 2, с. 333]. Естественно, «вредителя», «саботажника» и «шпиона» исключили. Помнящие те времена понимают, что на исключении из партии процесс не мог остановиться. Свои ряды от него «очистил» Союз журналистов, членом которого Алексеев был свыше двух десятилетий, и два другие профессиональные объединения — Советская социологическая ассоциация и Всероссийское театральное общество.

Так исследование, исходно сфокусированное на анализе маленькой клеточки социального организма (первичный трудовой коллектив), постепенно включило наблюдение за крупными *системными* образованиями и поднялось до уровня изучения человека в системе «социалистических общественных отношений». Значимость сделанного Алексеевым состоит не только в том, *что именно* ему удалось увидеть в ходе эксперимента, но и в том, *каким образом* автору удалось заглянуть в ту часть социальной реальности, которая плотно занавешивалась от общества идеологическими, властными институтами. Речь идет о *системе* исследовательских *действий* — о технологии сбора эмпирической информации. Краеугольным положением методологии Алексеева, позволившим ему обнаружить и описать недоступное другим социологам, стала введенная им

разновидность давно известного в социологии метода — наблюдения. Традиционно выделяют включенное, или участвующее наблюдение, в котором социолог старается занять объективистскую позицию и минимизировать свое влияние на наблюдаемые им процессы. Новинка Алексеева — *наблюдающее участие*, предполагающее изучение «социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования» [9, т. 1, с. 13]. В этом случае наблюдатель стремится не быть пассивным, но стать активным участником происходящего и познаваемого, разрешая себе *изнутри* вносить в наблюдаемый им процесс некие, определяемые им самим «возмущения». Тогда в конкретном явлении или процессе раскрываются, проступают те стороны, свойства, которые присутствовали в них, но сами бы не заявили о себе. Так частное, по Алексееву, заурядное [9, т. 1, с. 179], становится *моделью* общего.

Эта «процедурная» добавка, точнее, социологическое действие, превращает участвующее *наблюдение* в *наблюдающее участие* и принципиально меняет логику исследования: на смену наблюдению с целью познания приходит познание через действие (или познание действием). Действуя, социолог выступает не просто участником, актором наблюдаемого действия, но в значительной степени драматургом и постановщиком «социологической драмы» [9, т. 1, с. 14]. Отсюда и возникает термин, которым Алексеев характеризует свой подход — *драматическая социология*. Когда же он распространил принципы наблюдающего участия на самого себя, возникла *социологическая саморефлексия*, или *ауторефлексия*.

Сегодня, через два десятилетия, прошедших после завершения этого проекта Алексеева, можно предложить и несколько иную интерпретацию природы его метода и результатов его социально-научного эксперимента. Погрузившись в мир производственных и жизненных обстоятельств, окружавших его, он осознанно вышел за рамки традиционного для 1980-х годов видения советской социологией механизмов функционирования трудовых коллективов, граней образа жизни некоторых групп населения и деятельности ряда властных институтов. Таким образом, его социология сразу стала *драматической*. В новом для того времени семантическом пространстве переставали действовать наработанные советскими социологами приемы анализа социальной информации и возникла потребность в выработке каких-то новых способов прочтения и описания наблюдаемого, а также в понимании своего места в этом мире отношений. Так появилась потребность в *ауторефлексии*.

«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» — это не только итоги анализа рабочим-социологом многих сторон жизни производственного коллектива и других аспектов социальных отношений, характерных для завершающего периода советского общества; не только схема и убедительный пример использования целой системы мягких методов изучения различных типов драматических ситуаций или конфликтов. Это одновременно и полезная *книга по истории советской социологии*. Аргументирую кратко последнее утверждение.

Прежде всего, книга содержит описание и анализ многих значимых событий, протекавших в ряде исследовательских команд ленинградской социологии, в Институте социально-экономических проблем АН СССР и Ленинградском отделении Советской социологической ассоциации. Ленинград является одним из центров зарождения постхрущевской советской социологии, городом, в котором сложилась особая социологическая культура, и поэтому документы и личные наблюдения Алексеева, свидетеля и участника многого, что происходило

в 1970–80-е гг. в этом социологическом сообществе, — ценнейший материал для будущих историков. Подчеркну, содержание многих сюжетов, приведенных им, уникально, без них история отечественной социологии явно будет неполна. Прежде всего, назову тему «интереса» КГБ к работе социологов, эта тема обсуждалась мною в интервью с В.А. Ядовым, А.Г. Здравомысловым и другими учеными, но многое в ней еще предстоит осветить будущим историкам. Также отмечу зафиксированные в книге факты неуникальности перехода Алексеева из научного института в заводской цех. В Ленинграде в рабочие пошли еще два социолога: Юрий Щеголев и ныне покойный Сергей Розет; а также переехавший из Ленинграда в Вильнюс Анри Кетегат. Главный мотив — «сохранение через перемену»: если не можешь примениться к обстоятельствам — измени обстоятельства [9, т. 1, с. 78–79].

Интерес для историков науки представляет уже сам список действующих лиц «Драматической социологии», который может стать базой для вычерчивания коммуникационных графов, характеризующих сеть общения значительного числа социологов, не только ленинградских. Назову имена лишь некоторых из них: Ю. Вооглайд, Т. Дридзе, В. Дудченко, М. Лауристин, Б. Максимов, А. Назимова, В. Паниотто, С. Рапопорт, Р. Рывкина, Г. Саганенко, Э. Соколов, А. Тихонов, Б. Фирсов, В. Хмелько, В. Шляпентох, В. Шубкин, В. Ядов, А. Юценко. Ценным для будущих историко-биографических исследований является *образ самого автора* драматической социологии, направленное чтение книги дает редчайший познавательный материал: детальное описание профессиональной и публичной жизни социолога.

И завершу этот параграф трактовкой Алексеевым «судеб советской социологии». Мне представляется, что это *одна из первых попыток* выделить в отечественной социологии основные этапы ее развития. Изначально материал не предназначался для публикации, это – фрагмент его личного письма Тамаре Моисеевне Дридзе (1930–2000), пришедшей в социологию в середине 1960-х и хорошо знавшей, как все происходило. Отмечу также, что рассматриваемая ниже модель развития советской социологии была изложена Алексеевым более 25 лет назад (в мае 1981 г.) и потому предлагаемая им периодизация охватывает лишь первую четверть века постхрущевской российской социологии [9, т. 1, с. 219–226].

Движение социологии как науки рассматривается Алексеевым в двумерной системе координат, задаваемой четырьмя полюсами (направлениями); вертикальная ось «Идеология – Реальность», горизонтальная — «Наука – Управление». (Рис.1)

Рис 1. Пространство развития российской социологии: середина 1950-х – начало 1980-х.

До середины 1950-х, пишет автор, «социология благополучно размещалась в “лоне” Идеологии и даже имени своего не имела (“буржуазная социология” не в счет!)». Она родилась в конце 1950-х и стала двигаться «вниз», в область

Реальности. После столкновения с реальными социальными процессами она направилась к полюсу Наука, в 1960-е гг. происходило освоение методологии, методики и техники социологии. В следующем десятилетии обозначилось движение «вправо», ориентация на Управление; возникла заводская социология, работы по хозяйственным договорам, стремление формулировать управленческие рекомендации в различных сферах жизни общества. И здесь желание социологов «порулить» встретило сопротивление со стороны власти, и социология вынуждена была двинуться обратно по направлению к Идеологии. По характеру движения социологии Алексеев выделил четыре этапа: первый — «секуляризация», второй — сайентификация, третий — прагматизация, последний — идеологизация (точнее, реидеологизация). Четвертый этап тогда лишь начинался. Эти же этапы автор переформулировал в терминах функциональных приоритетов науки: гражданственный, исследовательский, управленческий и идеологический. Общий вывод из анализа 4-х этапного процесса таков: сейчас «кто-то ближе к Науке, чем к Управлению. Кто-то к Управлению ближе, чем к Идеологии. И только к Реальности уже никто не ближе, чем к чему-либо другому» [9, т. 1, с. 221].

Далее, развивая одну из генеральных линий своего исследовательского проекта, Алексеев говорит об ожидании перемен. Ровно за четыре года до прихода к власти Михаила Горбачева он, понимая необходимость «нового прорыва к реальности», предполагал, что это может произойти в 1980-х гг. под давлением хода общественной жизни, добавляя при этом: «Правда, ей (социологии. — Б.Д.) для этого придется как бы “отказаться от самой себя”» [9, т. 1, с. 222].

Обнаружив, что в целом прогноз Алексеева (особенно по части «отказа от себя») оправдался, я заинтересовался, какие периоды он сегодня выделил бы в последних двух десятилетиях развития российской социологии. Он сделал это, не меняя конфигурации предложенного им классификационного пространства. Приведу его ответ полностью: «Насчет периодизации российской социологии. Для советской — цикл в свое время завершился от “секуляризации” до реидеологизации. Для последующей “жизни” нашей социологии был относительно недолгий период нового погружения в реальность, *публичная социология* (в смысле М. Буравого), далее — активное *освоение мирового опыта*, в значительной своей части эпигонское (тоже своего рода сайентификация) и — не последовательно, а, пожалуй, параллельно (в разных общественных секторах) — интенсивная *прагматизация*, с изрядной дозой очковтирательства. А в последнее время — опять *ре-идеологизация*, не менее крутая, чем на “закате застоя”. Тут уж — “православие, самодержавие и народность”, Союз Социологов России, В.И. Добренков — В.И. Жуков — Г.В. Осипов» [12]. Действительно, получается своего рода спиралевидное движение».

Особый разговор должен быть о *жанре*, книги, ибо подача материалов в ней далека от академических канонов и потому может порождать представление о том, что книга должна идти не по «департаменту» социологической науки, а номинироваться «по разряду» литературных или журналистских произведений. Мне подобная точка зрения представляется ошибочной. Во-первых, просто не хочется выпускать эту работу из круга социологических исследований, какой она в первую очередь и является. Во-вторых, признание этой точки зрения фактически означало бы, что феноменология проекта Алексеева определяется не всей совокупностью действий, осуществленных им, но лишь избранной автором формой изложения полученных результатов.

Алексеев выделяет две составляющие жанра: *исследовательский* и

литературный, о первой компоненте было кратко сказано выше; вопрос о «жанре литературном» Алексеев в значительной степени сводит к особой драматургической роли композиции использованных им документов. По его мнению, документы: личные и публичные, житейские и деловые, научные, даже справки или обращения в официальные органы, будучи поставленными в определенный контекст, обретают смысл *социологического свидетельства*, а сама *композиция* становится способом первичной концептуализации, анализа и осмысления [10, с. 11-12].

На мой взгляд, форма изложения содержания обсуждаемой книги является производной объективных обстоятельств, детерминировавших логику и технологию исследования Алексеева; отмечу три из них. (1) Специфика предмета и объекта изучения *требовали* использования мягких, качественных методов социологии. (2) Базовый методологический принцип исследования — не просто фиксация наблюдаемого, но обязательная *рефлексия* по поводу происходящего и *ауторефлексия*. (3) Стихийно, но верно была избрана первичная форма самоотчета о «приключениях социолога-наладчика». Немного разверну сказанное.

Каждый, кто поставит себя на место социолога, не просто наблюдающего процессы, происходящие в трудовом коллективе в связи с необходимостью решения комплекса производственных проблем, но работающего «по-правдошному», придет к заключению, что оптимальным приемом фиксации увиденного будет ежедневное ведение подробного дневника событий. Последовавшие вскоре после начала эксперимента события в жизни Алексеева и его контакты с представителями различных формальных и неформальных образований внутри завода и за его пределами, стали источником огромного числа документов, производимых и этими образованиями, и самим «наблюдателем». Следовательно, каким бы ни было (в будущем) решение о форме изложения итогов наблюдений, безусловно оно предусматривало бы обращение к дневниковым записям и собранным документам. Более того, стремление к соблюдению норм оформления материалов научного эксперимента, обязывало бы автора по возможности к полному воспроизведению документов и максимально развернутому цитированию дневниковых записей и его писем коллегам на темы исследования. Установка на рефлексию и саморефлексию автоматически вносит фигуру автора, его «я» в текст отчета о результатах работы. Эта «личность» не вписывается в ортодоксальное понимание эпистемологии исследований, базирующихся на использовании жестких методов. Своего, личностного, советские социологи, как правило, избегали в доперестроечные годы. Ход своих рассуждений они обязаны были соотносить с общими положениями марксистской социологии, с партийными документами, с манифестировавшимися и латентными, но оттого не менее жесткими предписаниями о том, «что можно, а чего нельзя», с представлениями о том, что будет пропущено цензурой, а что нет и т. д. В этих обстоятельствах в советских социологических текстах авторы вынуждены были сдерживать себя в рефлексии и воздерживаться от саморефлексии.

Но при использовании качественных методов (неформализованных и мягко формализованных схем сбора первичной информации) личностный фактор оказывается принципиально неустранимым. Можно сказать и больше, оригинальность и полезность исследования становятся тем ярче и весомее, чем мощнее творческий и гражданский потенциал исследователя.

Первые два указанных обстоятельства не оригинальны, они *генетически* присущи исследованиям мягкого типа. Третье обстоятельство (первичная форма

самоотчета) – если не уникально, то весьма специфично, и связано с тем, что Алексеев в силу существования в начале 1980-х гг. идеологических и цензурных ограничений на распространение социологической информации в принципе не мог ориентироваться на публикацию получаемых результатов. Как следствие, возник своего рода социологический самиздат: жизненный и научный отчет перед друзьями в виде писем; всего делалась одна машинописная закладка. В 1980–1981 гг. было написано 18 больших писем, составивших сериал, названный им «Письма Любимым женщинам» [9, т. 1, с. 270]. Эта коллекция дала импульс новому хроникальному циклу «Выход из “мертвой зоны”» и последующим сериям отчетов.

«Письма Любимым женщинам» — это неформальные описания событий, происходивших в жизни рабочего-социолога, его наблюдений, его рефлексия и опыт саморефлексии. Среди его адресатов были опытейшие социологи и журналисты, которых Алексеев знал многие годы и которые понимали не только написанное, но и то, что он не мог написать, оберегая их и себя. Не случайно по завершении этого цикла он писал: «Мои письма — принадлежат вам. Но все же прошу вас: не выпускайте их за пределы круга ваших *личных* друзей» [9, т. 1, с. 271].

Ядром тетралогии является социологический анализ производственных процессов на уровне предприятия и обстоятельств жизни рабочего-социолога. Однако здесь автор следует идее Гёте о том, что хорошо увиденное частное может всегда считаться общим. Желание и способность видеть в частном отражение общего (не случайно он цитирует Николая Гумилева: «В каждой луже запах океана, / В каждом камне веянье пустынь») и гражданская позиция проявляются в *публицистическом звучании* некоторых текстов, содержащих широкие социологические выводы.

Это говорит о сохранившемся умении Алексеева, филолога по образованию и журналиста в его досоциологической деятельности, выразительно писать и напоминает об общности социальных проблем, рассматриваемых социологами, журналистами и литераторами. В России социальная беллетристика возникла в начале 1840-х гг., социологические подходы присутствуют в литературно-публицистическом творчестве А.И. Герцена, далее идут Г.И. Успенский, А.П. Чехов («Остров Сахалин»), В.И. Короленко... А в советское время, в годы отсутствия в стране социологии, социальное в работах литераторов иногда присутствовало *зримее*, нежели художественное. Приступая к эксперименту (1980 г.), Алексеев немного знал о феноменологической социологии (читал только изданные тогда «для служебного пользования» переводы Леонида Ионина [13], фактически ничего не слышал о «социологии действия» А. Турена и «драматургической социологии» И. Гофмана, не читал работ П. Сорокина, был мало знаком с достижениями русской социологической мысли второй половины XIX – начала XX вв. Но как выпускник филологического факультета он был хорошо знаком с русской и мировой социальной публицистикой, и раньше многих других осознал близость этого рода литературы с социологией. Как отмечает сам Алексеев, важным событием для его профессиональной биографии был выход в 1978 г. знаменитой новомировской статьи В. Шубкина «Пределы» [14].

В.А. Ядову принадлежит *ключевая* роль в судьбе проекта Алексеева. Им был поддержан замысел работы, в его секторе проходили первые обсуждения наблюдений социолога-рабочего, он написал предисловие к первой версии рукописи этой книги. Давно все это было, двадцать лет назад, тогда завершался 40-летний период классической советской социологии и зарождалась постсоветская российская социология. В 1999 г. Ядов опубликовал это предисловие в качестве рецензии, в ней он признал Алексеева «основателем

нового направления в отечественной социологии» [9, т. 4, с. 15], имея в виду «социологию наблюдающего участия».

В этом отзыве Ядовым сказано много лестного в адрес методологии и результатов исследования Алексеева, но он отмечает в некоторых авторских текстах и особенность, ему не импонирующую, — «своего рода амбициозную тональность». Правда, Ядов здесь же заметил, что это сочетается со способностью быть твердым в соблюдении моральных принципов. И назвал эту черту личности Алексеева — сахаровской.

Конечно, это дорогого стоит, когда на одной чаше неких мысленных весов для измерения уровня моральности лежит «амбициозная тональность» текста, а на другой — сравнение с этическими императивами, отстаивавшимися А.Д. Сахаровым. Здесь можно было бы ничего не комментировать. Однако, солидаризируясь с Ядовым в оценках сделанного Алексеевым и считая справедливым заключение о «нравственной планке», поставленной им для себя, хотел бы кратко высказаться по поводу ядовской ремарки об амбициозности. В-первых, отмечу, что в СССР амбициозность как некая качественность была *отобрана от личности* и присвоена государством, поначалу замахивавшимся на мировую революцию, а потом на менее масштабные, но грандиозные планы, такие как высадка человека на Луну и поворот течения сибирских рек на юг. Но живя в США уже почти полтора десятилетия и изучая биографии и наследие создателей американской рекламы и технологии изучения общественного мнения, я стал воспринимать амбициозность как нормальное и необходимое свойство творческой личности. Если, естественно, эта амбициозность базируется на значимых достижениях человека в том, чему он отдает всего себя. Второе, читая книгу и раздумывая о ходе проведенных Алексеевым познавательных операций, необходимо помнить, что природа «драматической социологии» включает в себя элементы театральности, и потому социологу-испытателю приходилось в ряде случаев исполнять непростые сценические роли — «от Дон-Кихота до Швейка и от Воланда до князя Мышкина» [9, т. 1, с. 15]. Таким образом, обнаруживаемая Ядовым амбициозность некоторых текстов может быть следствием убедительности игры Алексеева-актера, вошедшего в роль написанной им пьесы, но не до конца вышедшего из «игры» при анализе и описании свершившегося драматургического действия.

Третье, Алексей пишет, что в тетралогии около 500 «действующих лиц», но главным лицом является сам автор. И далее: «Отважусь утверждать, что такой относительный *эгоцентризм* здесь оправдан» [9, т. 3, с. 36]. С пониманием соглашусь с ним.

Кстати, я спросил Алексеева, как он относится к замечанию Ядова. Тот ответил: «Замечание совершенно справедливое в отношении «Писем Любимым женщинам», которые еще тогда были обозваны мною «эпистолярным хулиганством», а Светлана Минакова (мой давний соавтор и одна из адресатов писем), так даже написала остроумную пародию, начинавшуюся примерно так: «Я вошел в цех и взглянул окрест себя. В воздухе висело разгильдяйство...» (См. приложение к письму под названием «Производственные драмы и «ужасное дитя» цеха № 3»). Особенно в первых письмах с шутовым «ячеством» был перебор» [15].

Но даже с учетом сделанных оговорок, мне не кажется, что в текстах Алексеева проступает амбициозность, в них нечто иное. Вспоминается история, относящаяся к самому началу его работы на заводе. В кругу друзей он рассказывал о выпивке с несколькими рабочими; не помню, было это после завершения ленинского субботника, по случаю одного из революционных праздников или просто — по поводу полочки. Когда уже высокий градус доверия

возник, один из рабочих спросил его: «Ты меня уважаешь?» Ответ Алексеева на этот неизменный в описываемой ситуации вопрос был абсолютно неожиданным: «Уважаю, но не больше, чем себя». Вот в моем понимании в общей конструкции книги, в отношении Алексеева к документам, к построению им схемы наблюдений производственной ситуации, в его восприятии и оценках поведения людей, наконец, в его авторской позиции проявляется ответственное и *уважительное* отношение к делу, к окружающим и к себе.

Но не только самоуважение проступает в интонации и духе книги, но личностная и творческая *свобода*. Алексей не был ни диссидентом, ни человеком, находившимся во внутренней эмиграции. Но переход из академической среды в пролетарскую позволил ему освободиться от многих идеологических требований в анализе социальной реальности, которыми обязан был каждоминутно руководствоваться штатный социолог и которыми в значительно меньшей степени был связан гегемон советского общества — рабочий, человек физического труда. Однако, на мой взгляд, не переход в среду рабочих был первопричиной обретения Алексеевым свободы и права на реализацию возможности общественного «разномыслия». Этот переход оказался лишь *катализатором* внутренних мыслительных процессов, которые возникли и развивались в этом человеке долгие десятилетия. То был второй добровольный, если угодно идейный, поход (или уход) Алексеева в рабочие, первый состоялся в начале 1960-х, за два десятилетия до описанного в «Драматической социологии».

Базовый импульс такой жизненной траектории не мог возникнуть сам по себе, без «драматической» ситуации, некой коллизии; и в смысле *драматической* социологии, и в более широком плане — как глубокое рационально-чувственное потрясение. Возможно, будет оправданно говорить о «драме идей».

Алексеев прошел долгий и трудный путь к свободе и самоуважению. В 1997 г., вспоминая события полувековой давности, он говорил: «я далек от идиллических воспоминаний о своих молодых годах. Так сказать, не уважаю и не люблю себя, каким был тогда». Каким же он себя не уважал?

Алексеев родился в Ленинграде в 1934 году, в семье с передававшимися из поколения в поколение идеалами служения обществу, высоко ставящей ценности личности и с глубокими традициями честного отношения к своему делу [16]. Он стал комсомольцем в школе, еще в 8–9-м классе, и гордился тем, что сделал это рано. Ему казалось, что он был честнее других, так как вступал в комсомол и позднее в партию по убеждению, а не для улучшения своей анкеты. Выучив благодаря матери три иностранных языка к моменту окончания школы (случай для того времени редкий), он поступил на филологический факультет, чтобы изучать славянские языки. И там увлекся журналистикой, полагая, что таким образом он сможет влиять на общественное мнение, формировать его в нужном, как он считал, для общества направлении. Был отличником-активистом и сталинским стипендиатом. На пороге своего двадцатилетия, узнав о смерти Сталина, несколько суток не спал, демонстрируя самому себе, как надо «держаться в руках» когда страна осиротела. «Слез не было, но до рези в глазах читал ночью (вовсе не для экзамена!) какой-то классический труд по лингвистике» [9, т. 4, с. 89]. В 1950–60-е гг., уже работая в ленинградской молодежной газете «Смена», он был «певцом» движения за коммунистическое отношение к труду и отчасти «изобретателем» бригад коммунистического труда. В заключительный том «Драматической социологии» [9, т. 4, с. 91–107] автор включил образцы своих журналистских текстов. Их содержание передают заголовки и ключевые фразы: «Будем учиться жить в коммунизме», «уголок коммунизма», «разведчики будущего», «мы стоим на пороге коммунистического

общества». В 1961 г. Алексеев, будучи в Англии, на вопрос одного из профессоров о том, не является ли коммунистическая убежденность неким аналогом веры, искренне отвечал: «коммунизм — это в моем сердце», а позже в своем дневнике записал: «Трудно понять наши идеалы, если не хочешь понять, если не веришь, что мы строим счастье для человечества».

Рассказав все это, Алексеев спросил своего интервьюера: «Ну как Вам, современному молодому человеку, нравлюсь я в мои молодые годы?». Зная уже содержание «двухтомника [17], предшествовавшего изданию рецензируемого труда, тот ответил: «Мне трудно это себе представить» [9, т. 4, с. 87].

Потом были XX съезд КПСС, который, говоря словами Алексеева, развенчал для него культ одного «бога» и возвысил культ другого, Ленина. Затем (ключевые события!) — советское вторжение в Чехословакию в 1968 г., приобщение к литературе, не подлежащей «ввозу и вывозу» из СССР, наконец, война в Афганистане. Вот запись из его дневника (от 5 января 1980 года), комментирующая начало этой войны: «Усилия нашей пропаганды, в этой ситуации, могут направляться лишь к доказательству того, что **стоит!** А вот **можно** или **нельзя** — обсуждению не подлежит. <...> Но в одном обыватель проявляет удивительную прозорливость: ввод советских войск в Афганистан так же невыгоден советскому правительству, как американскому была невыгодна война во Вьетнаме, а царскому — русско-японская война» [9, т. 1, с. 86].

Понятно, что автор этих строк в ту пору уже не питал каких-либо социальных иллюзий, но и не лишен надежды, что отражено во фразе, вынесённой в заголовок статьи. Его друг и соавтор Роман Ленчовский, киевский философ и социолог, пишет на страницах книги (в «Драматической социологии» много текстов коллег и друзей «главного» автора) о том, как старшие и младшие шестидесятники, постоянно натываясь на «превращенные» (термин Маркса, активно использовавшийся М. Мамардашвили) и извращенные формы общественного устройства, напряженно искали способа осмысленного и достойного существования в попытках сопротивления системной профанации своего утопического идеала. Соглашаясь с Ленчовским, Алексеев пишет: «По этой логике получается: говорили, что думали, и действовали, как говорили. Пусть обманывались, но не лицемерили,. Выбирали доступные для себя способы сопротивления». И тут же самокритично добавляет: «Вывод, пожалуй, не только объяснительный, но и утешительный. Что ж, жили (чувствовали, мыслили и действовали) — “как умели”; объясняем — “как можем”» [9, т 2, с 231].

Перейдя в рабочие, Алексеев смог остаться и социологом, но это был уже новый, иной социолог. Освободившись от массы идеологических требований, налагавшихся на сотрудника социологического института, освоив ранее невозможное и мало знакомое чувство свободы в размышлениях и действиях, он – вслед за своим другом-социологом Сергеем Розетом, несколько ранее его перешедшего из социологов в рабочие, - мог теперь сказать о себе: «Ныне я сознательно становлюсь "рабом" на фиксированное количество часов, а в остальное время я – свободен» [9, т. 1, с. 92]. Окружающая среда и желание Алексеева продолжить анализ социальной реальности однозначно задавали предмет его познания – производственные отношения в первичном трудовом коллективе. Отчасти это было продолжением того, чем ему в последние годы работы в Академии наук приходилось заниматься. Однако потребность быть честным перед собою и впервые представившаяся для этого возможность требовали выработки какого-то нового способа исследований всего происходящего. Оказалось, что это невозможно сделать не определив своей позиции, своего положения в пространстве изучаемых коллизий, конфликтов, проблемных ситуаций. Мне думается, что отыскание этого «наблюдательного

пункта» было не просто технологическим и организационным аспектом разворачивавшегося социологического исследования, но вопросом профессионально-этическим. Конечно, достижение научно-обоснованных результатов требовало решения ряда непростых инструментальных задач (все же цех – не исследовательская лаборатория, а координатно-револьверный пресс – не стол в кабинете ученого), но в еще большей степени это зависело от глубины познания себя и того, сколько, говоря словами А.П. Чехова, «капель раба» можно было выжать из себя. Ведь было ясно, что в рождавшемся исследовательском проекте нельзя будет ограничиться ролью даже сколь угодно тщательного стороннего наблюдателя и суперответственного летописца. Не удивительно, что, в поисках методологии задумывавшегося исследования Алексеев нашел «новых учителей жизни» [18]. Ими оказались не просто выдающиеся ученые XX столетия, но и апостолы высокой этики: Альберт Швейцер, Алексей Алексеевич Ухтомский и Александр Александрович Любищев.

Что важно для понимания поведения группы «интеллигентов-рабочих»: они, ощущая внутреннюю свободу и желание к продолжению социально-интеллектуальной деятельности, или, по словам Алексеева, храня «интеллектуальную привычку», не отказывались от моральных обязательств. Не перед обществом или наукой, это звучало бы слишком громко. Но друг перед другом, и это выражалось в некоей договоренности о взаимном обмене результатами наблюдений и итогами рефлексии происходящего [9, т. 1, с. 304-309].

То, что работе Алексеева может показаться амбициозностью, в действительности является уважением к своему делу, самоуважением и ощущением собственной свободы. Но свобода — всему начало. В последовавшие после выхода «Драматической социологии» годы научный интерес Алексеева сконцентрировался на анализе методологических проблем рефлексии и саморефлексии в социальном исследовании, на некоторых аспектах изучения биографий и использования в социологической работе методов анализа документов. По духу и жанру это было развитием начатого в четырехтомнике, но в предметном отношении все больше фокусировалось на процессах, протекавших внутри российского социологического сообщества. Хотя, как мне кажется, проблема роли, места, ответственности социолога в «обустройстве своего дома» в явном виде не заявлялась, она постепенно становилась одной из стержневых. В частности, этот вывод вытекает из рассмотрения серии его публикаций последних лет, размещенных на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» [19]. Своего рода программной можно назвать его небольшую заметку под названием «Что такое публичная социология?» [20]. В концептуальном плане это – развитие построений Майкла Буравого, но объектом авторского анализа и поводом для беспокойства является российская социология.

И все же, даже пытаюсь регулярно следить за исследованиями Алексеева, я был удивлен масштабом охвата темы и объемом (около 100 печатных листов) его новой книги, сделанной совместно с киевским философом и социологом Романом Ленчевским. Я благодарен авторам за предоставленную мне возможность знакомиться с рабочими вариантами текста, но, поскольку книга еще не вышла, не буду говорить о содержании рукописи, тем более, что даже перечисление основных структурных элементов этого труда заняло бы немало места. Если в «Драматической социологии» анализируются, в частности, драмы, разворачивавшиеся внутри отдельного завода во времена заката застоя, то

новая книга – в значительной своей части – о современных драмах, происходивших, да и продолжающихся, в российском социологическом сообществе. Принципиально то, что будущему читателю этой работы предъявляются не столько позиции авторов, сколько документы и мнения большого числа социологов, многие из которых известны всему нашему профессиональному сообществу.

Но об одной инновации, входящей в российскую социологию вместе с книгой Алексеева и Ленчовского, полагаю важным сказать, ибо это новшество во многом определило композицию и содержание книги, прежде всего оно сделало возможным проведение этого исследования. Письмо как вид социологического документа было ведущим «строительным материалом» «Драматической социологии», в новой работе столь же активно использовался тот же строительный материал, но принципиально осовремененный. Письма стали *электронными*.

Тот, кто сам вовлечен в онлайн-переписку или хотя бы почитывает страницы «Живого журнала» или блоги на ряде популярных российских сайтов, думаю, согласится, что электронные письма, это не просто новая форма традиционной, многовековой коммуникации, а принципиально иной тип общения. Это обнаруживается в стиле онлайн-«эпистол», их языке, скорости обмена сообщениями, формах обращения, в возможностях цитирования больших фрагментов текстов и использования гиперссылок, многократно обогащающих дискуссию. Отмечу также органически присущую онлайн-коммуникации возможность проведения коллективного обмена мнениями. Все это создает некое особое коммуникационное поле, свойства которого нам еще мало понятны, ибо плохо изучены, но одно очевидно, что с развитием всех форм веб-общения социология приобретает новый мощнейший инструмент для изучения установок и поведения личности, любых типов групп и общественного сознания в целом.

Работа «Профессия – социолог» пионерна в том плане, что реально вводит в отечественную социологию новый исследовательский метод, а с ним и новую *логику анализа* сложных социально значимых – *драматических* – коллизий, процессов. В книге специально не анализируется методология изучения онлайн-писем, но некоторые положения из двухгодичной давности письма адресованного петербургскому профессору математики Рэму Баранцеву приоткрывает понимание Алексеевым возможностей, открывающихся перед социологами с развитием Интернета. Говоря о современном многостороннем диалоге в Сети, автор полагает наивным прообразом такого диалога свой опыт четвертьвековой давности, отраженный в групповой переписке под названием «Письма Любимым женщинам». И далее: «Электронная почта, с ее прозрачностью, многоадресностью и оперативностью, понятно, способствует развитию такого жанра. Многие не отдадут себе отчета в его долгосрочной ценности. Электронные письма, если и сохраняются, то до очередной атаки вируса, до приобретения нового компьютера, а в худшем случае — до очередной очистки почтового ящика <...> В отличие от неконтролируемой публичности Интернета, с его глобальными “форумами” и т. п., электронная почта <...> обеспечивает возможность как *избирательной* связи, так и *взаимопроникновения* дружеских, корреспондентских кругов. Что, кстати, вовсе не исключает и сохранения интимных, частных контактов, в меру необходимости» [7].

Мне кажется важным обратить внимание еще на одну особенность социологического веб-проекта, которую я ощутил в проводившемся мною мониторинге президентской избирательной кампании в США 2008 года и который

почувствовали и авторы исследования «Профессия – социолог». Речь идет о значительно большей мягкости, подвижности программы социологического онлайн-мониторинга, чем программ, требования к которым были в свое время сформулированы в учебнике В.А. Ядова, в знаменитых Грушинских «47 пятницах» или в новосибирском проекте Т.И.Заславской и И.А.Рывкиной по изучению миграции сельского населения. Представляется, что онлайн-мониторинг обладает свойством, которое можно назвать *самопрограммированием*. Не имея сейчас возможностей аргументировать сделанное утверждение, замечу лишь два обстоятельства.

Первое, самопрограммирование распространяется практически на все аспекты исследования; оно «требует» постоянной модификации древа целей поиска, гипотез, уточнения предмета и объекта изучения, достройки процедуры сбора и анализа информации. Самопрограммирование, как в фантастических романах, на определенном этапе работы становится неким роботом-соавтором исследователей. Второе: в самопрограммировании есть «плюсы» и есть «минусы». С одной стороны, оно может быть прекрасным гидом исследователя в новом, априори мало известном исследователю поисковом пространстве. С другой, оно может привести исследователя к потере необходимого контроля над проектом. Нормальное отношение «исследователь-самопрограммирование» это некая точка равновесия на шкале «сотрудничество-соперничество».

Название книги – «Профессия – социолог», и прежде всего она обращена к социологам. Но в ней нет критериев, предписаний, которым должен следовать специалист, она предъясняет читателю ряд событий, процессов, обсуждавшихся социологами в последние два-три года и предлагает ему задуматься о своем отношении к ним. Итогом такого анализа и станет личная интерпретация того, кем же является социолог как представитель определенной профессии. Она может совпадать полностью или частично с авторской трактовкой, а может коренным образом отличаться от нее. При этом факт отсутствия в книге намека на то, каким путем должен следовать читатель к своему выводу, автоматически запускает механизм многоуровневой рефлексии и саморефлексии. Книга – не для легкого чтения, она дает возможность самому сформулировать свое понимание «хорошего» и «плохого», «темного» и «светлого», «доброго» и «недоброго».

Название книги было предложено Ленчовским, и поскольку оно сразу показалось мне и публицистичным, и указывающим на актуальную для социологов научно-нравственную проблему, я заинтересовался историей его рождения. Ленчовский отметил, что в целом название было сразу принято Алексеевым, и что во всех обсуждавшихся вариантах присутствовало сочетание «Профессия – социолог». Поначалу перебирались различные дополнения, точно наводящие на содержание работы. Хотелось показать то, что уже было отражено в тексте: его дисциплинарную «прописанность» - социология социологии, а также сквозную идею - социолог не просто «держит ответ» перед вызовами мира социальных отношений, но действует в контексте «всего» своего профессионального пути. Моя интерпретация названия «Профессия – социолог» была навеяна иными ассоциациями, оно моментально напомнило мне давно виденный фильм Микельанджело Антониони «Профессия: репортер». И дело было не только во внешнем сходстве этих двух словесных конструкторов, но и в том, как содержание этой ленты трактовалось некоторыми киноведами. По их мнению, Антониони хотел показать, что мир непознаваем для тех, кто лишь наблюдает, видимое не объясняет мир, нужно действие. Такая версия идеи фильма давала мне возможность лучше увидеть в новой книге развитие замысла «Драматической социологии».

Удивительно, что в действительности Ленчовский не видел фильма, а лишь слышал о нем, а Алексеев отчасти потому сходу согласился с предложением своего соавтора о названии книги, поскольку оно оказалось «личностным римейком названия любимого фильма». В конце 70-х эта лента произвела на него «оглушительное впечатление» не столько своей философией, сколько настроением, к тому же ему оказалась созвучной идея перемены судьбы. В этой недолгой моей дискуссии с авторами книги Алексеев сформулировал и суть ее содержания: «Как бы там ни было, наша книга – про социологов и не только, и даже не столько про них, сколько про "человека в обществе" и про "общество в человеке"».

* * *

В 1960–80-е гг. социолог был тем человеком, которому власть доверяла рисовать картину радостного движения общества по пути, предложенному ею. Если социолог не обнаруживал ни этой радости, ни этого движения, его могли попросить поискать ошибку в его рассуждениях и все же найти требуемое. Если он этого не мог сделать, тогда «подправляли» его самого. Андрей Алексеев оказался тем социологом, который одним из первых обнаружил нежелание общества принять предлагавшийся властью путь и стремление людей к переменам. И его самого «подправить» не удалось.

Литература:

1. А. Алексеев – Б. Докторову. К вопросу об «истории российской социологии в лицах» 2006, февраль-апрель < <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html> >.
2. Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 2 – 15 < http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content12357255464727file.pdf >.
3. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2-13 < http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_grushin.html >.
4. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005.
5. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский дом, 2008.
6. Соколов Э.В. В миру и наедине с собой < http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/memory.shtml >.
7. Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог. Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только. 2009 (Рукопись).
8. Электронное письмо И. Кона А.Алексееву от 22 июля 2009 г.
9. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4-х тт. СПб.: Норма, 2003–05 < <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html> >.
10. Алексеев А.Н. Познание через действие // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. < http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866939113785file.pdf >.
11. Кузнецов Б.Г. Встречи. М.: Наука, 1984.
12. Алексеев А. Электронное письмо Б. Докторову от 11 авг. 2008 г.

13. Новые направления в социологической теории / Пер. с англ. Л.Г. Ионина; общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1978.
14. Шубкин В.Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2.
15. Алексеев А. Электронное письмо Б. Докторову от 13 авг. 2008 г
16. Алексеев А.Н. Корни и ветви (XVIII — XXI век) < <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html> >.
17. Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1–2. М.: СПб. филиал ИС РАН, 1997.
18. Алексеев А.Н. Учителя жизни. Триптих < http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/biographies/alekseev_triptych.html >.
19. Международная биографическая инициатива < <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html> >.
20. Алексеев А.Н. Что такое публичная социология? < http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_public.html >.

+++

Часть 2

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

(00)

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВЫ 23 И ПРИЛОЖЕНИЯ К НЕЙ

Из книги: [Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. СПб.: Норма, 2005](#)⁸⁵

Содержание

Глава 23. Эпистемологические дебаты

- 23.1. «Прорвался ли автор к сути?!» (фельетон о «Драматической социологии...») (авт. — В. Григорьев)
- 23.2. Что такое «строгое исследование»? (авт. — А. Алексеев, Б. Беликов)
- 23.3. Пределы компетенции дискурсивной социологии (авт. — В. Шубкин)
- 23.4. Из истории идейной борьбы вокруг проблемы социального эксперимента (авт. — Р. Рывкина, А. Винокур)
- 23.5. «Качественное знание — это своего рода маточный раствор...» (авт. — С. Белановский; А. Алексеев)
- 23.6. «Case study» как исследовательская методология (авт. — В. Герчиков)
- 23.7. Из болгарского энциклопедического 23.11а по социологии (авт. — Ст. Михайлов)
- 23.8. «Скрытая камера» социолога
- 23.9. На пороге эоантропоцентрической социологии (авт. — Т. Дридзе)
- 23.10. «Метод — не только путь, но и взгляд...» (авт. — Н. Козлова)
- 23.11. К вопросу о «нормальной» и «ненормальной» социологии
- 23.12. «Физика Логоса» и коммуникативная социология (авт. — С. Чесноков)
 - 23.12.1. И еще одна рецензия...
 - 23.12.2. Этика и наука
- 23.13. Введение в коммуникативную социокультурную биографику (авт. — Р. Ленчовский)
- 23.14. Оборона, которую считаю необходимой и достаточной
- 23.15. «Ключевым здесь является вопрос о жанре...» (авт. — Д. Равинский)

Ремарки:

Две «карьеры» (раздел 23.1); Кульминационный пункт памфлета (23.1); «Суди себя сам» (23.1); Суть и сущность (23.1); Ментальный конфликт «отцов» и «детей» (23.1); К вопросу о литературных, журналистских и научных жанрах (23.1); МОНОлогизм versus ПОЛИлогизм (23.1); Создатели автопортретов (23.1); ...и математика не исключает «нестрогость»! (23.2); Предвзвешенные «позитивной» науки (23.2); Обоснованность, надежность, экономичность, изящество (23.2); Каким быть дальнейшему научному движению? (23.2); Еще одно толкование «научной строгости»... (23.2); Мой «заочный» научный

⁸⁵ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

наставник (В. Н. Шубкин) (23.3); Дорого то, что сказано вовремя... (23.3); Социальный эксперимент = исследование + управление? (23.4); Живко Ошавков и Анатолий Давыдов (23.7); К вопросу о профессиональной этике (23.8); Дридзевские чтения (23.9); За «рефлексивную социологию» (Г. Саганенко) (23.9); Коллажи жизни (23.10); Внутриличностный конфликт интерпретатора с протоколистом (23.10); Вспомним М. Гефтера (23.10); «Субъект-объектная» и «субъект-субъектная» социологии (23.11); О физике Логоса (С. Чесноков) (23.12); Не только учебная версия... (23.13)

Приложения к главе 23

- П.23.1. Собеседование теории с реальностью (А. Ухтомский) (*авт. — А. Ухтомский*)
- П.23.2. Личностная самоотдача как преодоление дизъюнкции между субъективным и объективным (М. Полани) (*авт. — А. Грицанов; В. Лекторский; М. Полани*)
- П.23.3. «Из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии...» (П. Сорокин) (*авт. — П. Сорокин; Н. Серов*)
- П.23.4. Из истории гуманистической (интерпретативной) социологии
- П.23.4.1. Первая школа качественных исследований в социологии (*авт. — В. Семенова*)
- П.23.4.2. «Границы социологического познания пролегают там, где кончается интерес или изобретательность социолога...» (*авт. — М. Филипсон; П. Филмер; Х. Абельс; В. Семенова*)
- П.23.5. О драматургической социологии (И. Гофман) (*авт. — Х. Абельс; А. Ковалев*)
- П.23.6. О социологической интервенции (А. Турен) (*авт. — А. Турен*)
- П.23.7. «Истории жизни» и перспектива пробуждения социологии (*авт. — Д. Берто*)
- П.23.8. «Рутину», «события» и «загадка жизни» (*авт. — В. Голофаст*)
- П.23.9. Метод погружения (*авт. — В. Павленко*)
- П.23.10. Гюнтер Вальраф — король анонимной «ролевой журналистики». Интермедия (*авт. — М. Зоркая*)
- П.23.11. «Исповести» и «жизнемысли» Георгия Гачева (*авт. — Г. Гачев*)
- П.23.12. Классическое, неклассическое и постнеклассическое социальное видение (*авт. — В. Василькова*)

Ремарки:

Движение мировой научной мысли (раздел П.23.3); Диспут между «интуитивистами» и «рационалистом» (П.23.3); «Прово-кэтивные» ситуации = «моделирующие» ситуации? (П.23.4); Сокрытая сторона жизни (П.23.8); Биографический метод и диалог (П.23.8); «...когда субъект случившееся с ним представляет как им иницированное, а условия, в которых ему приходится находиться, — как им созданные...» (П.23.9); Метод погружения как предельный случай включенного наблюдения (П.23.9); Погружение — диалог — постижение (П.23.9); Погружение как акт ответственности (П.23.9); Разведение или соединение социальных ролей? (П.23.10); «Жизнемысли» и «мыследействия» (П.23.11); Социология — дальноркая либо близоркая... (П.23.12)

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 15.06.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

Вместо предисловия

Из статьи: Алексеев А.Н. *Об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания (Телескоп, 2004, № 6)*

... Первоначальная версия этой работы была подготовлена несколько лет назад и уже публиковалась мною [1; 2]. Речь там шла о соотношении разных теоретико-познавательных подходов к изучению человека и общества. (Эти подходы иногда называют “парадигмами”, говорят также о “парадигмальном кризисе” в социологии).

Однако в предыдущих публикациях автору никак не удавалось найти точного терминологического определения для пары конкурирующих в современной социологической науке эпистемологических “парадигм”. Поэтому вернусь к этой теме, не просто развивая ее, но и отказавшись от прежних “рабочих” названий: “объективная” и “субъективная” социологии, — и заменив их на иные, вполне, как я считаю, адекватные предмету обсуждения, а именно: *субъект-объектный* и *субъект-субъектный* эпистемологические подходы (способы познания) в социологии.

Эта пара терминов, так сказать, витала в воздухе, но первым ее употребил (в связке) мой, ныне покойный, друг, петербургский социолог С.М. Розет (1940-1994). И для прояснения сути дела, и для подтверждения приоритета коллеги — приведу пространную цитату из его работы 1992 г.:

“Социальное познание в мире подавления и отчуждения субъектности было субъект-объектным. “Исследователь”, как потенциальный советник истеблишмента (на Западе) или номенклатуры (у нас), отчуждал субъектность от “Исследуемого” и от совокупности “Исследуемых”, превращая и его, и совокупность в социальный объект, объект исследования, управления, планирования и проектирования.

Опредмечивание “Исследуемого” связано с опредмечиванием “Исследователя”, с выведением его за счет присвоенной чужой субъектности из нормальной человеческой позиции в сверхчеловеческую (в сущности, объектную), как носителя и обладателя “Объективной истины” и “Научного метода”, с установлением вертикальных отношений между этими двумя людьми. Но если для “Исследуемого” подвергнуться исследованию — это неприятный эпизод, приносящий незначительный ущерб, то для “Исследователя”, профессионально вовлеченного в эту гносеологическую ситуацию и вынужденного идентифицировать себя с “Методом”, “Истиной”, сверхчеловеческой позицией, ущерб от объективации может быть

значительным, вплоть до обеднения или атрофии личностного, ценностного, эмотивного начала.

В данной работе мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом “Исследуемого” и “Исследователя” по поводу темы исследования, без монополии на “объективную истину” у сторон.

...В рамках субъект-субъектной методологии опросный лист представляет собой аспект сюжета жизненного пути респондента. Сам сюжет представляет собой индивидуальные способы разрешения конфликтов, и построения отношений сотрудничества. Сюжет неразрывно связан с именем респондента, но в некоторых отношениях может быть типологизирован по сюжетному сходству или вовлеченности в межиндивидуальный или наиндивидуальный (групповой) сюжет. Респондент превращается в собеседника “Исследователя”, по возможности заинтересованного в теме исследования и становится автором версии конфликта и соавтором исследования...” [3, с. 553-555].

Интересно, как при этом формулирует мой коллега свое отношение к альтернативной социологической “парадигме”:

“...Несмотря на критический пафос приведенных обоснований, предполагаемый конфликтологический подход лишь очерчивает область субъект-субъектного познания, оставляя субъект-объектному познанию адекватную ему реальность” [3, с. 555].

Все это писано без особой теоретической амбиции, в применении к конкретному предмету исследования (социальные конфликты в новых российских условиях), но нетрудно заметить и фундаментальность выдвинутой гносеологической дилеммы.

Глубинные концептуальные корни заявленной тогда С.М. Розетом методологической позиции могут быть обнаружены не только в рамках социологической науки как таковой (о чем ниже), но и в мирожизненных, философских размышлениях А.А. Ухтомского о “доминанте на лицо другого” и о потенциальном (актуальном?) “тождестве субъект-объекта” [см. 4; 5], и в философии А. Швейцера, трактовавшего “знание как переживание мира” и постулировавшего “внутреннюю связь” познающего субъекта с миром [см. 6], и в теории познания М. Полани, где главный акцент делается на “личном участии” исследователя и его “самоотдаче” в ходе постижения реальности [см. 7], и в постановке П. Сорокиным, в конце жизни, вопроса о “действительной идентификации познающего и познаваемого” [см. 8]...

1. Алексеев А.Н. К вопросу о “парадигмах” в социологическом знании / Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении гражданского общества. Ч. 2. СПб, 1999).
2. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-2. СПб.: Норма, 2003.
3. Розет С.М. К теории конфликта в социологии / А.Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003, с. 553-556.
4. Ухтомский А.А. Письма к Е.И. Бронштейн-Шур / Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973.

5. Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
6. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
7. Полани М.. Личностное знание. На пути в посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
8. Сорокин П. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект, 1998, № 2/3.

Глава 23. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

...Наука, как ее стали потом понимать все профессионалы (что может быть скучнее профессионалов?), это уже не только учет возможных противоречий, как было в платоновских «Диалогах», но попытка выявить, что, – после всех возражений, – может быть признано за однозначно-определенную истину. Однозначно-определенная истина – это то, что мыслится без противоречий. Сравнительно легко было признать без противоречий, что существуют собаки, кошки, львы, сосны, пальмы и проч. Возникла аристотелевская «естественная наука», соответствующая нашим «систематикам» в ботанике и зоологии. Но уже бесконечно труднее было сговориться о силах и законах, владеющих событиями. Возникли попытки построить «геометрию без противоречий», «физику без противоречий», наконец, «метафизику без противоречий». Схоласты стали рисовать себе науку как совершенно безличную, однозначную, категорическую в своих утверждениях, чудесную и исключительную систему мыслей, которая настолько сверхчеловечна, что уже и не нуждается более в собеседнике и не заинтересована в том, слушает ли ее кто-нибудь. Это пришел пресловутый рационализм! Рационализм обожествил науку, сделал из нее фантом сверхчеловеческого знания. Профессиональная толпа профессоров, доцентов, академиков, адъюнктов и т. п. «жрецов науки» и посейчас живут этим фантомом и тем более, чем более они «учены» и потеряли способность самостоятельно мыслить! Засушенные старые понятия они предпочитают живой, подвижной мысли именно потому, что там, где вместо живой и подвижной мысли

взяты раз навсегда засушенные препараты мыслей, их легче расположить раз навсегда в определенные ящички. Вместо живого поля – гербарий! Оно спокойней и привычней для рационалиста и рационализма! «De l'homme a la Science» («от человека к науке» – фр. – А. А.) – характерно озаглавил свою книгу по теории естествознания один из правоверных представителей современного рационализма Ле Дантек. «La Science» это, видите ли, уже не «l'homme» – это что-то неприкосновенное для человека!!¹ Для этих самодовольных людей, которыми переполнены наши кафедры, было чрезвычайным скандалом, когда оказывалось, что систем геометрии без противоречия может быть многое множество, кроме общепринятой евклидовской; и систем физики может быть множество, кроме ньютоновской. А это значило, что «однажды навсегда построенная система истин» есть не более, как претенциозное суеверие; а рационализм снова должен уступить свое, так хорошо насиженное место диалектике. Великое приобретение нового мышления в том понимании, что «систем знания» может быть многое множество, развиваются они, как и все на земле, исторически и в истории имеют свое условное оправдание, но логически равноправны. По-прежнему за ними стоит живой человек, со своими реальными горящими и жаждой Собеседника...

А. А. Ухтомский (Из писем к Е. И. Бронштейн-Шур. 1928)

23.1. «Прорвался ли автор к сути?!» (фельетон о «Драматической социологии...»)

Несколько вступительных слов

Недавно ко мне обратился мой младший коллега⁸⁶: не напишу ли я рекомендательный отзыв на подготовленную им рукопись учебного пособия по методике и технике социологических исследований? Прочитав, я предпочел ограничиться устными замечаниями и соображениями (рукопись показалась мне довольно «сырой»).

В свою очередь, я подарил коллеге только что вышедшую «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию» (тома 1 и 2): а не захочет ли

⁸⁶ Виталий Евгеньевич Григорьев — 1961 г. рожд. До недавнего времени — младший научный сотрудник Социологического института РАН. В 2001 г. окончил социологический факультет СПбГУ, а сейчас и преподает там.

он ее отрецензировать? Тот, прочитав оба тома, как говорит, с интересом, взялся за дело «с веселием и отвагой».

Итак, эту рецензию на свою книгу я, в известном смысле, сам же и «заказал»! ..Получилась своего рода тестовая (моделирующая) ситуация (стихийный эксперимент?). Вот, разница поколений... Разница базовых образований и профессиональных школ... Наконец, разница общеметодологических ориентаций (научных подходов).

Как читатель, вероятно, заметит, мой коллега крайне самоуверен, и его сочинение, уж всяко, для автора не комплиментарно. Но, если отбросить шелуху краснобайства и зубоскальства, его **рецензия комплементарна к книге**: она неплохо оттеняет позицию автора и расширяет круг «версий» эксперимента социолога-рабочего.

В чем мы с младшим коллегой принципиально расходимся?

Автор настоящей книги полагает неуместным (ложным?) кардинальное противопоставление «субъект-субъектной» и «субъект-объектной» (можно называть и иначе) социологий, что обычно сопровождается апофеозом (провозглашением «правильности»!) той либо другой. Автор отстаивает тезис о равноправии и взаимодополнительности разных эпистемологических подходов к изучению социальной реальности.⁸⁷

Иначе думает мой оппонент, который демонстрирует свою безусловную приверженность (беззаветную преданность...) к одной лишь «объективной» (точной, строгой, «позитивной») науке. Что же касается активистских и интуиционистских подходов, в частности, в социологии, то он если и готов с ними примириться, то лишь истолковав их в духе узко понятого (вульгарного?) рационализма.⁸⁸

По существу, это **позиция воинствующего сайентизма** (его рецидивов?), уже как будто становящаяся анахронизмом. Но предоставлю слово моему памфлетисту. (Июнь 2003).

Рецензия В. Григорьева на книгу А. Алексеева (май 2003)⁸⁹

[Здесь это произведение представлено в том виде, в каком мне довелось ознакомиться с ним весной 2003 г. Тогда же я поделился с В. Г. своими соображениями по поводу его работы (см. ремарки и подстрочные примечания ниже), а также своим намерением включить ее — с комментариями — в заключительный том «Драматической социологии и социологической ауторефлексии».

⁸⁷ «...По нашему убеждению, не в каком-то одном («правильном»...) концептуальном или методическом подходе, не посредством какого-то одного («наилучшего»...) способа познания могут быть раскрыты сущность явления или смысл события, а на стыке или в столкновении — в «диалоге»! — разных подходов, в комбинировании и взаимодополнении («комплексировании») разных способов описания...» («Предисловие. От автора — сегодня. 2002»; том 1, с. 17).

Проблеме соотношения классической («субъект-объектной») и не классической («субъект-субъектной») социологии специально посвящен раздел В3.3 в томе 2 (там употреблялись другие термины: «объективная» и «субъективная» социологии).

⁸⁸ Интересно: а как обстояло дело со мной самим в середине 70-х, когда был в том же возрасте, что и В. Г. сегодня? Вспоминаю: будучи тогда, как и он теперь, адептом «позитивной» (подлинной!) науки, предпринял первую самостоятельную попытку разобраться, что же такое на самом деле есть **строгое** научное исследование. (Мою работу, в соавторстве с Б. Д. Беликовым, на эту тему, опубликованную в 1975 г., см. ниже).

⁸⁹ См.: Социологический журнал, 2003, №

*Надо сказать, все авторские соображения были моим оппонентом благополучно проигнорированы, и вскоре за тем этот текст, **практически без изменений**, с незначительной редакционной правкой, оказался опубликован в «Социологическом журнале» (2003, № 2), да еще почему-то с ошибкой в обозначении авторства...⁹⁰ — А. А.]*

Двухтомник Андрея Николаевича Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1072 страницы) описывает квазиэкспериментальное исследование производственных отношений, предпринятое автором в 1980–84 годах. Исследование продолжалось до 1988 года, но хронологические рамки у книги более узкие.⁹¹ Автор поступил на работу наладчиком в «Ленполиграфмаш» и скрупулезно фиксировал производственные практики, с которыми сталкивался. Особенность метода А.⁹² состояла в том, что помимо наблюдений за естественным ходом событий автор выступал с определенными инициативами и описывал их последствия. Книга представляет собой т. н. «плотное описание». Автор включил в публикацию множество документов, относящихся как к самому исследованию, так и к его контексту. Одним из главных элементов контекста автор рассматривает себя, а возможно, и читателя. Поэтому читатель книги обнаружит личные письма, стихи *[разных лиц, но не автора книги. — А. А.]*, описания событий, произошедших совершенно независимо от деятельности автора, реакцию других людей на тексты А. Местами, автор признает, что «вышел из берегов», но в чем состоят эти берега? Контекст не имеет логических ограничений по определению. Латинское слово контекст означает «соединять плетением», результат плетения нитей называется **текстилем**. А что же невозможно соединить плетением в мире **текстов**, если все тексты строятся наподобие нитей? У них есть начало, конец и длина *[эм! — А. А.]*.

Собственно полевое исследование имело целью рассмотреть гипотезы, относящиеся к процессу внедрения инноваций на социалистическом предприятии (страницы 256–257, первый том). Основные негативные *[? — А. А.]* гипотезы — о неэффективной экономической политике государства в целом выглядят подтвердившимися. Гипотеза о накоплении общественного осмысления социальных и экономических проблем и возможности достижения нового уровня в инновационном поиске не получила подтверждения. Вряд ли имеет смысл подробно обсуждать результаты исследования сегодня, когда объект — социалистическое предприятие — исчез.⁹³ Автор весьма далеко уходит от схемы изложения, традиционной для социологии. Собственно, я нигде внятного перечня итогов исследования не нашел. Зато многократно подчеркивается ценность описания событий как жизненного документа. Автора следует отнести к той школе *[увы, не названа! — А. А.]*, которая считает, что результат исследования — это текст интервью, фильм или протокол наблюдений, а не проверка гипотез, получаемых из теоретического знания. Таким образом, это произведение следует воспринимать не как итог работы

⁹⁰ Текст рецензии, опубликованной в «Социологическом журнале», подписан: «Л. Г. Григорьев, кандидат философских наук» (?).

⁹¹ 1980—1986 гг. — для томов 1 и 2. *(Все подстрочные примечания здесь принадлежат автору настоящей книги. — А. А.)*.

⁹² Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

⁹³ Полагаю, что это — слишком категоричное заявление. О соотношении «преемственности» и «изменчивости» в общественном развитии см. в томе 1 настоящей книги: «Предисловие...». См. также в томе 3: приложение 2 к главе 12.

автора, а как отправную точку работы читателя, имеющего намерение лучше понять общество, в котором жил и живет А.

А. называет свой метод на разных этапах своей научной работы как «экспериментальная социология», «наблюдающее участие», «драматическая социология». Эти слова уже многое скажут специалисту. Сам А. отдал немало места в книге размышлениям о месте своего исследования в современной социологии [?! — А. А.]. Разумеется, дизайн исследования не может быть отнесен к эксперименту ни в виде замысла, ни в том виде, как он реализовался. Мне представляется важным подчеркнуть отличие метода автора от участвующего наблюдения. Каноны наблюдения как научного метода предполагают, что присутствие наблюдателя способно разрушить объект наблюдения. Отсюда предписание — минимизировать воздействие на объект. Автор исходит из того, что реалистическое воздействие на объект не только не противоречит целям социологического исследования, но способно привести к получению необходимого знания, которое иным способом не может быть (легко) получено.

В качестве меры допустимости оценки предлагается принцип «вынужденной инициативы». Если что-то не заработает, то вину могут возложить на вас. Тогда лучше заранее угадать, в чем вас обвинят. Если представить свою инициативу как вынужденный системой шаг, то окружающие воспримут это с пониманием, т. е. вы осуществите экспериментальное воздействие, не поставив под сомнение его системный характер. Соответственно, система отреагирует нормально, как бы она ни реагировала на подобное воздействие в вашем отсутствии.

Еще один принцип, который использует автор, — принцип справедливости.⁹⁴

Этот принцип регулирует отношения с людьми. Ответственность (читай неудобства) следует переадресовывать только тем людям, которым она и так изначально (по нормам производства) предназначена. Этот принцип позволяет гарантировать, что пострадавшие индивиды будут действовать в рамках сложившихся отношений и поле не будет разрушено.

И, наконец, можно выделить еще один принцип: «ситуационный максимализм». Самое действенное воздействие — не максимально возможное, а максимально уместное в сложившейся ситуации. Эсдек Мартов когда-то выразил воззрения экономистов таким текстом: «Если возможно, то осторожно, марш, марш вперед, рабочий народ!». Автор использовал этот принцип для «социального нормотворчества», т. е. создания новых образцов поведения.⁹⁵

В целом, метод А. оказался способен решать те научные вопросы, которые автор формулировал. Я говорю о тех проблемах, которые были публично сформулированы автором перед научным сообществом, как сотрудником Института социально-экономических проблем [1981 г. — А. А.]. Кейс-стади оказывается уместным, если изучаемый объект имеет сложный характер. Огромное количество неконтролируемых связей на более общем уровне анализа выглядят как динамические (однозначные) закономерности, не требующие обоснования выборочными статистическими средствами [*динамические закономерности = однозначные закономерности?! — А. А.*]. Под сомнение можно поставить принцип ситуационного максимализма. Исследование было одним из факторов, приведших к старту новой карьеры автора — карьеры отщепенца-антисоветчика. Хотя автор сам себя таковым не считал. Обыск, следствие, исключение из КПСС, общественных организаций, какие-то странные происшествия. А. понимает куда мог привести этот путь, не зря он поместил в

94 Формулировка рецензента. В тексте книги такого определения нет/

95 Пересказ авторского рассуждения о «ситуационном максимализме» и «социальном нормотворчестве» весьма вольный. (См. в томе 1, с. 218).

книгу и описание антисоветских «дел» и фрагменты биографий людей, по этим делам проходивших. Поскольку такая карьера явно не укладывалась в рамки исследования [*производственных отношений*. — А. А.], то говорить о «ситуационном максимализме» не приходится. Понятно, что оценить степень ситуационности в «кейс-стади» задача не простая. Нарушение границ приводит к разрушению всего исследования. Вернуться назад уже невозможно. Одно дело когда рядом с вами в наладчиках работает советский социолог, а другое, когда антисоветчик, «вредитель», «саботажник», «шпион». Тут уже не до реализма повседневности...

Ремарка: две «карьеры».

«Карьера антисоветчика» изначально, понятно, не планировалась автором, но в рамки изыскания с «расширенным полем» вполне уложилась. И в «экстремальной» ситуации «реализм повседневности» проявился лишь отчетливее. (Июнь 2003).

...Если бы принцип был явно нарушен, то можно было бы только пожалеть об ошибке исследователя. Но дело в том, что произошедшее выглядит скорее как накопленный итог многих воздействий, каждое из которых не превышает пределы ситуативно допустимого максимума. И потом, все, что вчера не составляло проблемы, обрушивается водопадом обвинений. И как следствие — невозможность продолжать исследование [*как его понимает рецензент*. — А. А.]. Таким образом, ситуация, оказывается, обладает пределом выносливости, выход за который резко снижает пределы уместного воздействия. Но как диагностировать эти пределы, остается неясным. Скорее всего, автор не нарушал собственного принципа, просто он не сработал. «В какой-то момент рамки эксперимента социолога-рабочего расширились». ⁹⁶ С другой стороны, если вмешательство КГБ рассматривать как внешнее событие, не имеющее причинной связи с исследованием, то методологический принцип можно и сохранить для дальнейшей проверки.

Большое место в начале книги автор отдает защите «качественных методов». Конечно эта полемика на методологическом уровне архаична. ⁹⁷ Она возникла тогда, когда в статистике господствовали параметрические методы, вычислительные мощности были не в состоянии справиться с математической обработкой более-менее реалистичных моделей социального мира, а математический аппарат считался непригодным (во многом обоснованно) для работы с категориальными данными. Все это уходит в прошлое на наших глазах. «Понимание», «субъективный смысл» и т. п. больше не являются сущностями, противостоящими естественнонаучному подходу, а успешно моделируются какими-нибудь сингулярными матричными разложениями или рядами Фурье на базе вполне измеримых характеристик [!! — А. А.].

Разница между двумя подходами сегодня, как мне кажется, состоит вот в чем. Традиционный социолог заявляет: «я знаю, что в этом озере есть золотой ключик, сейчас я вычерпаю воду и найду его. Если гипотеза не подтвердится, то Тартилле придется пересмотреть ее взгляды». Сторонник мягких подходов

⁹⁶ «...В какой-то момент я понял, что силою обстоятельств (среди которых и моя роль, пожалуй, не пассивна) рамки эксперимента социолога-рабочего расширились...» (Из письма М. С. Горбачеву, апрель 1986; том 2, с. 373).

⁹⁷ Как будет показано ниже, дискуссия на этот счет в отечественной социологии продолжалась до середины 90-х гг., да и сейчас еще можно встретить ее отголоски. (См., например, журнал «Неприкосновенный запас», 2004).

говорит: «в озерах можно найти много интересного — возможно, здесь могут быть золотые ключики. Сейчас я вычерпаю воду и опишу все, что найду». Разница незначительная, процесс вычерпывания одинаковый в любой процедуре. И ключик будет найден, если он только есть. Проблема в том, что вокруг вертятся какие-то люди, которые бегают с ведрами, черпают воду, выливают ее куда попало, бросают дело на полпути и вообще неясно чем занимаются. Если их спросить что они делают, они ответят, что им нравится процесс вычерпывания, а шум вылитой воды и есть главный результат поиска золотого ключика. Свое поведение они обоснуют ссылками на тех, кто уже раньше занимался вычерпыванием воды. Проблема в том, что если человек плохо знает социологию, то в позитивистской социологии это обнаруживается мгновенно, а в качественных подходах — нет. А социологов, которые плохо знают социологию, особенно методику и технику, у нас много. И единственным результатом усилий в качественной социологии чаще всего становится хорошо проведенное время в уютном социологическом оазисе [эм! — А. А.], защищенном пустыми фразами о том, что «преждевременная строгость опасна» или «в праве на научность качественным методам отказывают только ригористы». ⁹⁸ Не отказываем. Если это методы, а не журналистская риторика...

Ремарка: кульминационный пункт памфлета.

Тут филиппика моего дискутанта достигает кульминации. Под «какими-то людьми», мешающими «настоящим социологам» (хоть традиционным, хоть не традиционным...) искать «золотой ключик» на дне озера, он, похоже, подразумевает... автора книги. ⁹⁹ (Июнь 2003).

...Человек по животной натуре собиратель. Ему свойственно познавать все подряд. Наука началась тогда, когда пришло понимание, что собирательство следует ограничить. Типичное, воспроизводимое, сравнимое, наблюдаемое и т. д., и т. п. Отказ от строгости это движение от науки к схоластике [! — А. А.]. У А. это движение к литературе или журналистике, но схоластика тоже представлена в книге текстами <...>. ¹⁰⁰ Это уже было. И этого аргумента достаточно. Кого не убеждает история, не убедят и тексты.

Прелести книги не исчерпываются описанием исследования. Вторая часть названия — «социологическая ауторефлексия». Слово «социологическая», возможно, ничего не значит. Где-то А. утверждает, что социология это то, чем занимаются социологи. ¹⁰¹ Есть у него и более общая формулировка, пригодная для любых случаев: «суди себя сам». Соответственно, любая ауторефлексия

⁹⁸ (1) «Строгость, примененная слишком рано, может оказаться смертельной» (Цолф Г. Отношение и контекст / Принципы самоорганизации. М., 1966, с. 426. См. в томе 1, с. 20).

(2) «... В праве на научный статус “качественной социологии” сегодня отказывают разве что уж слишком ригористичные поборники “объективного” социального знания...» («Предисловие...»; том 1, с. 38).

⁹⁹ Что ж, процитирую себя, коль скоро этого не сделал рецензент: «...Так какая же книга предлагается вниманию профессионального (но и не только!) читателя? Не вполне социологическая, но и не философская... Не мемуарная, но и не историческая... Можно, конечно, усмотреть тут и журналистику, документальную публицистику... Так или иначе, книга все же написана **социологом**. От своей профессиональной принадлежности не отрекаемся!..» («Предисловие...»; том 1, с. 39).

¹⁰⁰ Здесь мною опущены фамилии. Легкомысленный выпад избыточно самоуверенного полемиста в адрес моих *со-авторов* полагаю заведомо неприемлемым и позволю себе его здесь опустить.

¹⁰¹ «...В давних спорах о том, что же такое социология, было и такое остроумное определение: “Социология — это то, чем занимаются социологи”...» («Предисловие...»; том 1, с. 39).

социолога становится автоматически социологической. А возможно и значит что-то. Ведь почему-то автор борется со званием антисоветчика, не признавая за советскими организациями право на произвольное навешивание ярлыка. Будь я автором, то последовательно бы полагал, что антисоветчик это тот, кого считают антисоветчиком. Понять А. трудно, поскольку, с одной стороны, он выступает против методологической строгости — исследование это то, что я как профессионал считаю таковым, суди себя сам, — а с другой, постоянно требует от людей и организаций, особенно начальства, игры по всем правилам. Неудивительно, что с такой двойной моралью он постоянно попадает в ситуацию обиженного [? — А. А.]. То от него требуют игры по правилам системы: раскаяний, клятв верности, признания ошибок, а он эти правила не соблюдает, то те, кто должен соблюдать правила, — правоохранительные органы. например, — их постоянно нарушают, видимо полагая, что право это то, что охраняют правоохранительные органы...

Ремарка: «Суди себя сам».

Рецензент совершает, похоже, неосознаваемую им подмену предмета: не то, «каким быть исследованию», а именно себя (свою жизнь) автор судит сам (чего, кстати, и моему оппоненту, и кому угодно от души желаю). (Июнь 2003).

...Сам А. формулирует цель ауторефлексии как «прорыв к Сути (последняя сама по себе далека от однозначности)». Суть — это устаревшая форма глагола быть, третье лицо, множественное число. Сегодня мы скажем «они есть», а не «они суть». [Ну, зачем же за всех говорить? Я, например, так не скажу. — А. А.]. В этой книге **суть** используется как существительное, смысл которого мне не очень ясен, оно означает нечто скрытое, туманное, неизвестное для автора и обладающее возвышенным значением...

Ремарка: суть и сущность.

Суть — бытовой эквивалент философского понятия **сущность**. Дискутант здесь не очень корректно перелагает авторскую мысль из «Предисловия»: «...Сама по себе множественность подступов к предмету не есть самоцель, а попытка обеспечения “прорыва к Сути” (последняя сама по себе далека от однозначности!). Это всего лишь способ “многоканального” продвижения к целостному познанию социальной реальности, которая сама по себе есть “целое”...» (Том 1 настоящей книги, с. 17).¹⁰² (Июнь 2003).

...На этом пути ничего интересного для социологии [в лице рецензента. — А. А.] автору обнаружить не удастся, но читатель с несоциологическими интересами [т. е. «не специалист». — А. А.] кое-что обнаружит. Книга является еще и социологическим Карнеги [! — А. А.]. Она начинается как социологическая инструкция к станку ПКР КО-120. Инженер мог бы написать: «Прежде чем включать станок, убедитесь, что ручка 2 стоит в нейтральном положении, а уровень масла на индикаторе на правой панели находится между отметками 5 и 8...» И т. д., и т. п. А. предлагает [самому себе. — А. А.] «сначала подумай, потом спроси», «не спрашивай второй раз того же самого». «Вызывает раздражение та кошка, которая мучает [мяукает. — А. А.] беспричинно». Постепенно максимы,

¹⁰² И еще в одном месте — про «Суть»: «...Мы зажаты корсетом профессионализма, автоцензуры, стремления увидеть свое сочинение в печати. Так вот, хочешь прорваться к Сути — раскрепости себя так, чтобы было заведомо “не профессионально”, “не прилично”, “не печатно” (ни там, ни сям!)... Говори так, как можно только с “очень близкими” или с “очень далекими” разговаривать...» (Из «Писем Любимым женщинам»; том 1, с. 194).

якобы извлеченные из производственных ситуаций превращаются в жизненные наставления: «делай только то, что никто за тебя не сделает», «хочешь побольше узнать — поменьше спрашивай», мое самое любимое: «лучший способ подвести начальство — последовательно выполнять все его распоряжения». Я пишу «якобы», поскольку максима, появившаяся в тексте как обобщение социолога А. ситуаций на Ленполиграфмаше, позже оказывается воспроизведением фразы журналиста А., придуманной для описания работы на алюминиевом комбинате.¹⁰³ Для меня очевидно, что из ситуаций автор извлекает только то, что уже присутствует в его темпераменте, хотя, кажется, не всегда замечает этого [*это?* — А. А.] из-за присущего ему нарциссизма. «Суди себя сам». Нарциссизм это не плохо. Психолог Сергей Ушакин так характеризует активность нарциссической личности: «Агрессия нарцисса, таким образом, есть всегда ответ на удар, которого еще не было, есть всегда скрытое признание угрозы потенциальной демаркации идентичности — будь то идентичность половая или идентичность профессиональная».¹⁰⁴ Мог ли придумать принцип вынужденной инициативы другой психологический тип? Хотите писать такие же книги? Попробуйте следовать неформальным правилам А.:

— регулярно посылайте научный отчет друзьям, например, в письмах;

— учитывайте потраченное время;

— протоколируйте свою жизнь, отдавайте этому 30 минут каждый день.

Проблема будет у вас та же, что и у всех читателей Карнеги. Если вы хмурый, то знание о необходимости улыбки не поможет. Нужно знать как перестать быть хмурым, а этого Карнеги не сообщает. Но добрые советы потому и называются добрыми, что не приносят зла. И еще. Я, конечно, не верю, что достаточно начать писать протоколы, чтобы стать социологом [*я тоже не верю в то, что оппонент мне как будто приписывает.* — А. А.]. Разве что социологом жизненного мира по Шюцу. Но по Шюцу в жизненном мире каждый человек уже социолог, а значит опять-таки протоколы не помогут.

Да, спросите вы, прорвался ли А. к Сути? Вот его собственный вывод:

«Ключевые смысложизненные вопросы оказались для автора не разрешимыми».¹⁰⁵

Потрясающим достоинством книги А. является ее полилогичность. На титуле стоят 16 авторских копирайтов. Читатель найдет первичный материал, комментарии, комментарии к комментариям, параллельные тексты, альтернативные тексты.¹⁰⁶ Посмотрите сами. В наше время, когда круглые столы и конференции представляют зачтения заранее написанных текстов, книга А. демонстрирует возможность альтернативы. Книга А. прекрасный образец социального нормотворчества, пример «наделения смыслом труда, настойчиво

103 «Будь моя воля, я бы издал такие заповеди для молодого электролизника: ... 2. Не стесняйся задавать вопросы, но и не спрашивай того, что уже знаешь или сам можешь сообразить...» (Из очерка «Как меня учили». 1964; том 1, с. 403).

104 Похоже, рецензент усмотрел в моей книге угрозу потенциальной демаркации своей собственной профессиональной идентичности... А зря!

105 «...По большому счету опыт социолога-испытателя следует трактовать... как ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека. Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка, в пределах данного эксперимента, как такового (в последнем случае выделено мною сегодня. — А. А.), оказались для автора не разрешимыми...» («Предисловие...»; том 1, с. 35).

106 Ср. с включенной в настоящую книгу пародией на «Письма Любимым женщинам» (т. 1, с. 163).

тяготеющего к бессмыслице». ¹⁰⁷ Жаль, но научный труд тяготеет к бессмыслице, как и всякий другой.

Полилог книги А. живой. Он живой благодаря тому, что тексты воспроизводятся как документы, т. е. в том виде, как они появились. И видно людей. Вот коммунист А. доказывает, что он не антисоветчик. Если он коммунист, то кто те, кто его исключают? Один против всех своих. Борется открыто. Вот друг А. — антисоветчик [эм! — А. А.], марксист. Как марксист знает, что должен занять свое место в классовой борьбе. Но зачем, если «концептуализация **превращенной формы**, извлеченная и развернутая Мерабом Константиновичем Мамардашвили из «арсеналов» «Капитала», стала, пожалуй, «самым страшным снарядом» в «голове» советской идеологии». Дело-то уже сделано Мамардашвили. А проблемы А. с идеологией как бы и существовать не могут, поскольку в «голове советской идеологии» разорвался «самый страшный снаряд». А в деле А. идеология основывается вовсе не на «Капитале», а на убеждении, что Ленин сказал, «что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (мнение секретаря партбюро цеха «Ленполиграфмаша»). А сила снаряда зависит не от правильности слов, а [от. — А. А.] того, насколько авторитетен артиллерист. И не сказанные слова Ленина ¹⁰⁸ могут оказаться важнее сказанных слов Маркса, когда они используются как снаряды. А. посылает «правильные слова», а его враги нет. Но побеждает система. А кто-то живет и объясняет себе, почему он выбрал «рефлексивный» путь, а не политико-силовой, когда по теории [марксистско-ленинской? — А. А.] вроде бы следовало выбрать последний. Все уже в прошлом, а они все доказывают себе, что были тогда правы...

Ремарка: ментальный конфликт «отцов» и «детей».

*...Очередная небрежность (надеюсь, не подтасовка!) В. Г. На самом деле, мой со-автор — Р. Ленчовский — пишет о жизненном выборе вовсе не «рефлексивного пути», а о «**рефлексивно-рефлексивном сопротивлении**». «...Рефлексивным, поскольку не мы начинали, с нашей стороны были **ответные** действия на вызов того, что называлось **деформациями социализма**». Рефлексивным же — поскольку это были действия в рамках не политической (скажем, «диссидентской», правозащитной и т. п.), а профессиональной рефлексивной (духовной) деятельности.*

*Сопротивление же — не внесистемное, а внутрисистемное: система — «была для нас чем-то исходным, условием, с которым мы в любом случае, раз мы остаемся здесь, “внутри” этой общественной системы, — должны считаться. Мы сопротивлялись как раз тому, что было для нас и нами воспринималось как **извращение** системообразующих принципов» («На что мы надеялись...»; т. 2, с. 228-229).*

Мой со-автор «судит себя сам», в отличие от рецензента, который предпочитает судить другого.

*Вообще, в этой части сочинения В. Г. явственно проявляется уже не конфликт научных парадигм, а **ментальный конфликт «отцов» и «детей»**. Последние в этом рефлексивном конфликте иногда агрессивны... (Июнь 2003).*

¹⁰⁷ В тексте, датированном 1979 годом, т. е. в пору работы автора в Институте социально-экономических проблем, речь идет о том, что «львиная доля усилий» в рамках времени, затрачиваемого на собственно профессиональную деятельность, уходит на «борьбу с энтропией» и на «**наделение смыслом труда, настойчиво тяготеющего к бессмыслице**» (том 1, с. 513).

¹⁰⁸ Почему же «не сказанные слова»? Секретарь партбюро цеха (том 2, с. 110) сослался на **широко известное** высказывание В. И. Ленина (из статьи «Партийная организация и партийная литература»).

...Считается, что реферат — важнейший компонент рецензии. Для меня эта задача оказалась непосильной. У А. слишком много сюжетов. Это книга не нарратив, она имитирует жизнь со всеми ее нелогичностями и разрывами. Так что в книге есть много чего, чего я даже не коснулся...

Ремарка: к вопросу о литературных, журналистских и научных жанрах. Действительно, дискуссионный «много чего» не коснулся. «Сюжеты» — биографические, научные, социокультурные, политические, всякие иные — и впрямь слишком многочисленны и разнообразны. «Как в жизни»... Сравнивая с литературными жанрами, данная книга, уж всяко, не социологическая «повесть», а социологический «роман». (Если, конечно, полагать это произведение социологическим; в том смысле, в каком социологию понимает мой «читатель-профессионал», оно, конечно же, таковым не является). Интересно, что, судя по тексту рецензии, мой оппонент следил больше за «фабулой», чем за «сюжетами». Во всяком случае там, где автор или его соавторы занимались не описанием «событий» и «процессов», а их истолкованием (20 лет назад или сегодня — неважно), не просто предъявляли социальные факты, а интерпретировали их, это коллегу интересовало мало. (Если первое для него — «журналистика», то второе — «риторика»! А где же — измерение?!). Как же мне определить жанр работы моего критика? Вот, нашел определение: «фельетон»! Жанр, как известно, сатирический или юмористический. Но вроде — не научный... Хотя — почему бы и нет? (Июнь 2003).

...Можно было пойти другим путем. Если главный итог исследования А. его описания, то соответствующая рецензия должна быть историей чтения этой книги. Со всеми отвлечениями и посторонними моментами. 1000 страниц за один присест не одолеешь. Но история у каждого может быть своя. Писать глоссы на глоссы значит впасть в дурную бесконечность. Хорошая рецензия должна закрывать необходимость чтения книги. Так же как хорошее исследование закрывает необходимость поиска каких-то ответов, находя решения вопросов [?! — А. А.]. А. бы предпочел вопросы ответам. Путь плохой, поскольку тупиковый, хотя этот тупик и выглядит бесконечным. Плохую рецензию я писать не стал, а с хорошей не справился. Так что читайте Алексеева, и не следуйте его максиме: «делай только то, что никто за тебя не сделает». Мой экземпляр книги прочли уже двое, оба с удовольствием.

В. Григорьев, май 2003

Ремарка 1: МОНОлогизм versus ПОЛИлогизм.

...Коль скоро от комментариев («глоссы на глоссы») я все равно не удержался, еще три — **общих** — наблюдения, по поводу вышеприведенного текста.

(1) Интересно, что единственным усмотренным рецензентом предметом авторского изыскания являются только отношения на производстве. Все остальное, коль скоро не было изначально заявлено в «гипотезах» (например, на заседании ученого совета ИСЭП АН СССР в 1981 г.) для него лишь «контекст», «дизайн», а вовсе не предмет исследования.

(2) Замечательна неосайентистская иллюзия насчет возможности моделирования «понимания» и «субъективного смысла» с помощью «сингулярных матричных разложений или рядов Фурье». Раньше, мол, не

умели, а теперь, с современными, известными рецензенту, «вычислительными мощностями», — все можем! Жива «мистифицированная наука»!

(3) Ну, и филологические и психоаналитические экзерсисы («текст, контекст, текстиль...»; «суть» — глагол и существительное; «активность нарциссической личности» и т. п.) обращают на себя внимание. Тут, похоже, рецензент, как и автор (в других областях), сумел «выйти из берегов».

Еще — отмечу не аккуратное («не строгое»...) цитирование ревнителем строгости. Пришлось автору в подстрочных примечаниях делать точные отсылы к тексту книги и приводить **контекст**.

...Что ж, мой оппонент либо со временем сам себя «воспитает» и «рассудит», либо останется... каким его «выучили». Он пока не «полилогичен», а **монологичен** (моноцентричен? одномерен?). «Двойник умирает, чтобы дать место собеседнику...» (А. Ухтомский). Этого с младшим коллегой еще не произошло. (Июнь 2003).

Ремарка 2: создатели автопортретов.

Всякий текст есть своеобразный автопортрет, даже когда человек пишет о совершенно «посторонних» вещах. Хотели или не хотели того, свои автопортреты написали здесь и автор книги, и авторы приведенных «версий» (см. главу 22), и милая мне О. Старовойтова, и мой неотвратимо «знающий как надо» оппонент В. Григорьев.

Развернутый отклик автора настоящей книги на публикацию вышеприведенной рецензии-фельетона в «Социологическом журнале» (текст, сначала принятый, а затем отвергнутый руководством этого журнала) см. в конце настоящей главы. (Июнь 2003 — апрель 2005).

...Следует признать интуицию, внутренне присущую самой природе рациональности, в качестве законной и существенной части научной теории. Поэтому интерпретации, сводящие науку к экономичному описанию фактов, или к конвенциональному языку для записи эмпирических выводов, или к рабочей гипотезе, призванной обеспечить удобство человеческой деятельности, — все они определенно игнорируют рациональную суть науки...

М. Полани («Личностное знание». 1959)

(2.1)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-prodolzhenie-1>

**СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ,
ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ.
ПРОДОЛЖЕНИЕ 1**

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 17.06.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторerefлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

Продолжение

<...>

23.2. Что такое «строгое исследование»?

Несколько вступительных слов

Здесь, пожалуй, уместно рассказать, как же эволюционировал сам автор настоящей книги от воззрений, близких к тем, которые исповедует представленный выше энтузиаст (фанат?) «подлинной» (объективной!) науки, — к «методологическому плюрализму» в социальных исследованиях (а заодно — и к толерантности в научных дискуссиях).

Начну с одного давнего эпизода своей профессиональной биографии.

...В ту пору (середина 70-х) автор вместе с группой коллег, среди прочего, занимался исследованиями в области социологии культуры, и в частности — театра.¹⁰⁹ В основном использовались «традиционные» методы сбора и обработки социологической информации: статистическое наблюдение, контент-анализ, массовые и экспертные опросы. Но — работа на стыке социологии и искусствознания.

Ниже — статья, опубликованная в 1975 г. в сборнике «Методологические проблемы современного искусствознания». (Июнь 2003).

Статья А. Алексеева и Б. Беликова «О понятии “строгое исследование” в гуманитарных науках» (1975)¹¹⁰

Постановка вопроса о строгости как определенном признаке, характеристике научного исследования, связана с тенденциями развития современной науки. Ныне все чаще можно встретить выражение «научная строгость», «строгое исследование» и т. п. Сплошь и рядом эти выражения употребляются в оценочном смысле, как указание на достоинство исследования, в отличие от нестрогих исследований, рассуждений и т. д. Обращает на себя внимание, далее, что строгость ищут, к ней стремятся особенно в тех научных сферах, для которых характерны как раз нестрогие исследования.

В естественно-научном знании соблюдение определенных норм строгости является само собой разумеющимся. Иначе обстоит дело в гуманитарных науках. В известном смысле последние переживают сейчас период, который в ряде естественных наук считается пройденным. Как отмечал Ф. Энгельс, имея в виду физику, «...то, что у греков было гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного исследования, основанного на опыте, и потому

¹⁰⁹ Качественно-количественный анализ театрального репертуара (его структуры и динамики), изучение театральных вкусов различных слоев населения и аудитории театра (сквозь призму «зрительского поведения», т. е. фактического предпочтения зрителями определенных театров или спектаклей того или иного типа). Об исследовательской группе «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества см. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 1.4; в томе 2: разделы 8.13 и 9.10.

¹¹⁰ О моем соавторе, социологе и философе Борисе Дмитриевиче Беликове (ныне покойном) см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 7.13, а также приложение 6 к части 2

имеет гораздо более определенную и ясную форму» [1, с. 354-355]. По-видимому, правомерно считать строгость уровнем, которого достигает наука на определенном этапе своего развития.

В современном научном обиходе можно встретить почти синонимичное употребление таких терминов, как **строгость, научность, точность, корректность, объективность** и даже **истинность**. Между тем, все это понятия из разных рядов, далеко не идентичные друг другу. Отсюда есть все основания утверждать, что само понятие строгости употребляется «не строго» и требует уточнения.

Такое уточнение можно проводить по крайней мере в двух планах: а) семантическое уточнение — путем анализа употребления слова **строгий** в обыденном языке; б) операциональное уточнение — путем анализа терминологического употребления этого слова в различных науках. Желательно также освободить понятие строгости от разнообразных оценочных наслоений и этических оттенков. На наш взгляд, оппозиция «строгий — не строгий» никак не укладывается в противопоставление «научного» и «не научного».¹¹¹

Слово **строгий** в обыденном языке имеет разнообразные значения, среди которых есть и такие эмоционально насыщенные, как «очень требовательный и взыскательный», «очень серьезный, суровый». Наибольший интерес для нас представляют значения типа: «правильный, соответствующий требованиям определенной нормы», «не допускающий никаких отклонений от нормы» [2]. Для сравнения стоит обратиться к английскому языку. В последнем имеются по крайней мере четыре эквивалента русского слова «строгий»: rigorous, strict, severe, exact. Путем «обратного» перевода этих слов на русский можно обнаружить следующие интересные для нас значения: «точный» (rigorous, strict, exact), «определенный» (strict), «аккуратный», «правильный» (exact), «простой, сжатый» (severe) [3].

Можно предположить, что все указанные значения так или иначе присутствуют в содержании понятия «строгое исследование».

В целях операционального уточнения этого термина уместно обратиться к тем областям знания, в которых представление о строгости наиболее развито. «Издавна — еще с античной древности — отличительной чертой математики считалась ее строгость, — пишет С. А. Яновская. — Именно математическая строгость — строгая логическая необходимость математических доказательств и точность вычислений — делала математику образцом наук и рассматривалась как обеспечивающая ей высшую степень достоверности и объективности» [4, с. 12].

В изложении С. А. Яновской математическая «строгость» не совпадает с обыденными значениями данного слова, хотя и сохраняет с ними определенную связь. В строгом математическом доказательстве имеет место устранение неопределенностей в рамках принятой системы аксиом. В пределе, устранение всех неопределенностей приводит к построению формальных дедуктивных систем. С точки зрения нашей задачи, представляют интерес следующие особенности последних: а) аксиоматичность, т. е. четкое задание системы аксиом, удовлетворяющей требованиям непротиворечивости, полноты и независимости; б) формализм, т. е. построение теоретических систем только из

¹¹¹ Здесь замечу, что сами понятия «наука» и «научность», тогда в особенности, но и до сих пор остаются очень сильно ценностно нагруженными. Не случайно говорилось, например: «политика нашей партии всесторонне **научно** обоснована». Но и в мировой культурной традиции (начиная с века Просвещения) наука выступала как некоторая «сверхценность». (Здесь и далее — *современные примечания автора*).

«утвержденного» списка элементов на основе полного и буквального выполнения операциональных правил...

Ремарка: ...и математика не исключает «нестрогость»!

*Здесь стоит заметить, что наряду с формализмом в современной математике имеют место и такие направления, как **интуиционизм** и **конструктивизм**. Добавим еще, что в последние десятилетия наблюдается интенсивное развитие **асимптотической** математики, исключаящей абсолютизацию точности.¹¹² (Июнь 2003).*

...В естественных науках, даже в тех, которые широко используют математику, представления о строгости несколько иные. Так, для теоретической компоненты этих наук требование строгости обычно раскрывается через полноту описания физических условий и корректность математической постановки задачи. При этом под полнотой понимается учет всех факторов, существенно влияющих на поведение объекта, а корректность предполагает математическую формулировку задачи таким образом, чтобы она допускала однозначное решение.

В экспериментальной части естественных наук строгость подразумевает четкую постановку задачи, точность измерительной процедуры (обязательное указание погрешности измерений), исключение субъективных искажений в процессе получения эмпирических данных, учет всех возможных посторонних влияний на результат опыта.

В методологии науки понятие строгости и точности применяется в качестве определенной характеристики содержательной стороны научных теорий.

«Научная теория считается точной, строгой, если ее содержательные элементы (абстракции, идеализации, понятия и т. п.) уточнены до такой степени, что они допускают применение к ним (и соответствующим им объектам) определенных общих правил оперирования, то есть правил, отличающихся формальным характером (к их числу относятся и математические правила)» [5, с. 101].

Интерпретация строгости как точности является характерной, когда пытаются применить это понятие к гуманитарным наукам. Активизация контактов этих наук с науками «точными», внедрение средств формализации и количественных методов в нетрадиционные для их использования области способствует такому представлению (см.: 6; 7). Например, исследование феноменов художественной культуры полагается «строгим», если исследователь оперирует однозначно определенными понятиями и осуществляет измерения, т. е. соотносит изучаемую реальность с системой числовых символов по определенным правилам.

Обсуждая возможности и перспективы включения идей и средств кибернетики в методологический арсенал гуманитарного знания, и в частности, в культурологические исследования, Б.В. Бирюков и Е.С. Геллер употребляют термины «строгость» и «точность» как синонимы. При этом ими вычленяются следующие компоненты научной строгости (точности): а) точность, однозначность применяемого языка; б) использование средств количественной оценки изучаемых явлений; в) достоверность и полнота исходного фактического

¹¹² Согласно Р. Баранцеву, асимптотические методы в математике определяются системной триадой: **«точность — локальность — простота»**. Причем, в отличие от классической математики, в асимптотической — «говорится об эффективности приближения, выражающейся в оптимальном сочетании простоты и точности». А «совмещение точности и простоты достигается по мере локализации» (Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М.: УРСС, 2003, с. 39).

материала [8, с. 7-9]. Такая трактовка, безусловно, лежит в русле выработки **общенаучного** представления о строгости, поисков определения, которое было бы применимо и к естественным, и к гуманитарным наукам. Нам представляется, однако, целесообразным иной подход, избегающий отождествление строгости с точностью (в естественно-научном смысле).

Стремясь наметить и обосновать **методологические** аспекты научной строгости, мы приходим к мысли, что движение гуманитарных наук к строгости определяется привнесением в них нормативов точности, выработанных ранее в других областях знания, с одной стороны, и имманентным развитием этих наук — с другой.

Строгое исследование всегда включает в себя некоторую процедуру, т. е. определенную, сознательно контролируруемую и четко фиксированную последовательность действий с объектами или их заместителями — знаками. Формулировка задачи и выработка плана исследовательских действий может не иметь и, как правило, не имеет процедурного характера. Но само оперирование с объектом должно быть процедурой, исключающей интуитивный «произвол». Это, разумеется, не означает, что в строгом исследовании отсутствует субъективный момент. Но он весь как бы «оттянут» в подготовительный этап, сосредоточен в выборе исходных посылок, в постановке задачи, в разработке самой процедуры. Дальше исследователь уже «не властен» над результатом, за исключением самого последнего этапа — интерпретации этого результата. Таким образом, строгое исследование предполагает четкое разграничение самой процедуры, пред- и постпроцедурных этапов.

Сказанным задано определенное представление о строгости как в эмпирическом, так и в теоретическом исследовании, как в естественных, так и в гуманитарных науках. Однако сущность научной строгости этим еще не определена. Нам кажется, что можно выдвинуть два основных критерия — два требования, которым исследование должно удовлетворять, чтобы считаться строгим. Назовем их критерием **соответствия цели** и критерием **воспроизводимости результатов**.

Первый критерий предполагает соответствие процедуры определенной задаче, а рабочей схемы исследования — некоторой системе теоретических представлений. В современной социологии этот критерий принято формулировать как требование **обоснованности** (операциональных определений, процедур, шкал и т. д.). «Операциональное определение считается обоснованным, если в процессе осуществления перечисленных в нем операций измерения исследователь охватывает именно то, на что указывает понятие» [9, S. 22-23]. В частности, применительно к измерению, критерий соответствия цели удобно выразить кратким афоризмом: «Измеряй то, что действительно должно быть измерено».

Второй критерий предполагает выработку такой процедуры, которая, будучи применена тем же или другими исследователями, приводила бы к тем же результатам при соблюдении тех же условий. В эмпирической социологии этому соответствует понятие **надежности**. «Надежным является инструмент в той мере, в какой повторные случаи его применения при одинаковых условиях дают одинаковые результаты» [9, S. 22-23]. Поскольку воспроизводимость результатов есть необходимое условие их «проверяемости», суть данного критерия применительно к измерению может быть выражена таким афористическим высказыванием: «Измеряй так, чтобы тебя можно было проверить».

Не следует думать, что строгое исследование обязательно включает использование количественных методов. Важно лишь, чтобы исследование

удовлетворяло требованиям соответствия цели и воспроизводимости результатов (разумеется, в определенных, заданных границах «жесткости» того и другого). Поскольку эти два критерия относительны, постольку уместно говорить о «мере» строгости каждого конкретного исследования.

К названным двум основным можно добавить еще одно требование, правда, не входящее в содержание самого понятия строгости. Это — критерий **относительной простоты**. В последнем своеобразно сочетаются принципы экономичности и изящества. Слишком сложная процедура оказывается неоправданно «дорогой» платой за реализацию цели. Как правило, чрезмерная сложность процедуры затрудняет и возможность воспроизведения результатов. Вместе с тем, чем проще способ получения важного результата, тем исследование «красивее».

Изложенное представление о строгости освобождает этот термин от различных оценочных аспектов и вводит его в контекст общенаучных методологических представлений. В свете сказанного ясно, что **строгость — отнюдь не синоним объективности и тем более не синоним истинности** [выделено мною сегодня. — А. А.], но лишь одна из предпосылок этих необходимых для науки качеств...

Ремарка 1: предрассудки «позитивной» науки.

Что строгость = объективность — есть один из предрассудков «сверхчеловечной» науки (против которой так восставал А. А. Ухтомский (см. выше).

Прояснив содержание понятия «строгое исследование», нетрудно заметить, что соблюдение требований «соответствия цели» и «воспроизводимости результатов» вовсе не гарантирует от субъективности при постановке задач или при интерпретации данных. Постольку и «строгое» исследование может быть субъективным (субъективистским?), а «не строгое» — быть объективным, в смысле адекватного отображения реальности.¹¹³

Что же касается отождествления строгости и научности, а также строгости и истинности, то здесь — аналогичная сайентистская иллюзия, усугубляемая ценностной нагруженностью этих слов как в обиходной речи, так и в профессиональном дискурсе. (Июнь 2003).

Ремарка 2: обоснованность, надежность, экономичность, изящество.

В данной статье авторы удержались от попытки дефиниции научной строгости. Но определение очевидным образом вытекает из их рассуждения: — строгое исследование есть такое исследование, которое удовлетворяет критериям соответствия цели и воспроизводимости результатов (т. е. требованиям обоснованности операциональных определений и надежности инструмента измерения). Такое исследование предположительно удовлетворяет также (дополнительному) критерию относительной простоты, соединяющему в себе принципы экономичности и изящества.

Итак: научная строгость есть обязательное сочетание обоснованности и надежности, а факультативно — также экономичности и... красоты.¹¹⁴ (Июнь 2003).

¹¹³ В частности, потому автором настоящей книги используются кавычки для рабочих терминов «объективная» и «субъективная» социология (см. ранее, в томе 2: раздел В3.3). Первая соотносится, в частности, с «жесткими», строгими методами, а вторая — с «мягкими», нестрогими...

¹¹⁴ Стоит заметить, что этим критериям научной строгости удовлетворяют лишь немногие из современных эмпирических исследований, где используются «жесткие» методы.

...Преобладание строгих исследований в определенной области знания безусловно является свидетельством зрелости научной дисциплины. Отсюда не следует, однако, что «строгость» является единственным эффективным средством развития науки.

Строгие исследования являются необходимым условием прогресса науки на определенном этапе ее развития. Для проведения [выдвижения. — А. А.] требований строгости во всякой данной науке, необходимо, чтобы эта наука имела достаточно развитый понятийный аппарат. Как замечает Г. Цопф: «Строгость, примененная слишком рано, может оказаться смертельной» [10, с. 426]. Разделяя опасения Г. Цопфа, мы имеем в виду отказ от догматического навязывания строгости **любой** области исследования вне зависимости от уровня ее развития. Вместе с тем, необходимо стимулировать собственное, имманентное движение к строгости всякой конкретной науки, в частности, в искусствоведении.

Ремарка: каким быть дальнейшему научному движению?

Сейчас автор сказал бы так: следует стимулировать пульсирующее развитие науки — от «строгости» к «нестрогости» и обратно (своего рода челночное движение). Необходима, далее, стимуляция движения науки широким фронтом, при взаимосогласовании и координации (не субординации!) различных подходов и направлений, в которых преобладают, соответственно, «строгие» либо «нестрогие» методы. Ориентируясь в отдаленной (пока!) перспективе на интеграцию и синтез «субъект-объектного» и «субъект-субъектного» познания. (Июнь 2003).

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960.
3. Англо-русский словарь / Сост. В. К. Мюллер. М., 1969.
4. Яновская С.А. О роли математической строгости в истории творческого развития математики и специально о геометрии Декарта / Исследование логических систем. М., 1970.
5. Горский Д.П. О соотношении точного и неточного в точных науках / Логика и методология науки. М., 1967.
6. Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
8. Бирюков Б.В., Геллер Е.С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973.
9. Mayntz R., Holm P. Einführung in die Methoden der empirischen Soziologie. Kцln und Opladen, 1969.
10. Цопф Г. Отношение и контекст // Принципы самоорганизации. М., 1966.

(А. Алексеев, Б. Беликов. О понятии «строгое исследование» в гуманитарных науках (к постановке вопроса) / Методологические проблемы современного искусствоведения. Вып. 1. М.: Наука, 1975, с. 43-48)

Ремарка: еще одно толкование «научной строгости»... Здесь оставлен в стороне вопрос о строгости применительно к научной теории. Это — отдельная тема, которую ни авторы вышеприведенной статьи (1975), ни автор настоящей книги не обсуждают. Скажу лишь, что «строгость» теории часто отождествляется с ее (теории) непротиворечивостью. Однако непротиворечивость теоретического построения сама по себе не

гарантирует ни объяснительных возможностей, ни предсказательной силы, ни эвристичности теории. (Июнь 2003).

23.3. Пределы компетенции дискурсивной социологии

Ремарка: мой «заочный» научный наставник (В. Н. Шубкин).

Следующий эпизод из научного движения (созревания) автора настоящей книги (впрочем, только ли его?).

...Владимир Николаевич Шубкин был для меня одним из «заочных» учителей (совместная работа в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, в Новосибирске, в конце 60-х, к сожалению, продолжалась очень недолго). В свое время его статья под названием «Пределы» в «Новом мире» (1978, № 2) произвела на будущего социолога-испытателя глубокое впечатление (отчасти потому, что сам стихийно двигался в том же направлении).

В. Ш. рассматривает две категории ограничений, «пределов» социологии, которые можно назвать 1) этическими и 2) эпистемологическими. Здесь остановимся преимущественно на последних.

Ниже — извлечения из упомянутой новомировской статьи В. Шубкина. [\[7\]](#) (Декабрь 1999 — март 2005).

Из статьи В. Шубкина «Пределы» (1978)

<...> Увлечения и ограничения

В начале развития любой области знания энтузиасты обычно преувеличивают ожидаемые результаты. Это неудивительно. Ведь здесь — до начала исследований — они имеют дело с непрофессионалами, которые обычно не представляют себе, как тернист путь науки, которые не знают, что лишь десятая часть реализованных исследований дает действительно важные результаты. Настолько важные, что они с лихвой перекрывают все затраты. Если ты сам не попробовал этой езды в незнакомое, не ощутил на себе трудностей поиска — вряд ли ты действительно поймешь других. Не удивительно, что поначалу ученым приходится, говоря о своей области знания, несколько завышенно представлять ее возможности. Без этого не построишь синхрофазотрон стоимостью в сотни миллионов рублей, не создашь современный вычислительный центр, не организуешь новый, современный биологический институт. Без этого нельзя провести и серьезных социальных исследований. Впрочем, дело не только в этом. Люди сплошь и рядом становятся жертвами собственной пропаганды. И ученым, работающим в социологии, которые столько сил потратили на то, чтобы возродить эту область знания, начинает казаться, что они всемогущи, что они методами своей науки способны изучить человека и общество, вдоль и поперек. Самоокопчивая себя, они вторгаются в соседние области знания, в искусство, в литературу, полагая, что все им ведомо и доступно. Здесь, на этих рубежах, сплошь и рядом происходит превращение науки в то, что К. Маркс называл светскими формами религиозного сознания. Вот почему поистине актуально и сейчас, прежде чем объединяться, размежеваться, критически оценить используемые методы, уяснить себе, кто есть кто, где чья сфера влияния.

Социология, как мы уже говорили выше, возрождалась у нас в стране как наука дискурсивная, то есть широко использующая статистические и математические методы. С тех пор, как в начале 60-х годов были изданы первые книги по

количественным методам социологических исследований, интерес к ним не затухал. Именно это отмечали после VI Всемирного социологического конгресса западные обозреватели, пытаясь понять причину, специфику и направления «социологического бума» в СССР. Этот интерес к количественным методам был вызван не столько стремлением приподнять социологию, сколько практической направленностью, стремлением дать свои разработки в форме, которая позволяла бы их непосредственно учесть при подготовке и принятии соответствующих решений. И такой перекокс в сторону логических, математических методов был бы естественным и плодотворным, если бы сохранялось чувство меры, если бы он не был связан с недооценкой литературы и искусства как исключительно важных форм познания социальных явлений и процессов.

Перелом наметился лишь в последние годы, когда социологи стали более явственно ощущать пределы своей области знания. Этому способствовало и то, что сам взгляд на искусство и науку за последнее десятилетие непрерывно обогащался. Если прежде наука с ее специфическими методами рассматривалась часто как единственная форма познания окружающего нас мира, то теперь даже для представителей самых точных областей знания становится все более очевидным, что в познании социального без литературы, искусства не обойтись.

Член-корреспондент АН СССР, физик Е. Л. Фейнберг в своей статье в «Вопросах философии» справедливо выступил против фетишизации логического мышления, против недооценки синтетических, интуитивных форм познания, характерных для искусства.

«...И в эпоху научного знания, — пишет он, — интуитивное постижение нисколько не утратило своего важнейшего значения (хотя некоторые объекты суждений, опосредованные дискурсивно и опытно, перешли в сферу науки). Более того, рост авторитета дискурсивного знания, доходящий до попыток фетишизации дискуссии (*здесь в журнале опечатка. Правильно: дискурсии*. — А. А.), с одной стороны, ослабление таких источников авторитета интуиции, как религиозная мистика, обрядовость и опора на божественный авторитет — с другой, предъявляют повышенные требования к искусству в целом и к ассоциативной, эмоциональной и интеллектуальной восприимчивости тех, кому искусство адресовано. Возможно, в этом кроется и причина усложнения, обострения форм, средств, используемых искусством.

Поэтому, можно полагать, искусство как метод, помогающий удержать познание от монополии дискурсии (функции которой во все возрастающей степени передаются машине) и тем обеспечить полноту познания, будет необходимо и в будущем, поскольку адекватное и полное познание в целом есть необходимое условие существования человечества» (Вопросы философии, 1976, № 7, с. 198). Хотя здесь автор и рассматривает искусство в основном с точки зрения познания, с его суждениями трудно не согласиться. Более того, этот подход дает возможность дифференцированно посмотреть на соотношение дискурсии и интуиции в различных областях знания. Математика, физика, техника, химия, биология, гуманитарные науки — наверное, я не очень ошибусь, если буду утверждать, что соотношение дискурсии и интуиции в них различно, хотя, может быть, я и не вполне строго ранжировал их по этому признаку. Если в математике почти безраздельно господствует дискурсия, если она, особенно в XX веке, захватила командные высоты в физике, технике, то вряд ли это можно утверждать, говоря о гуманитарных науках, в частности, о социологии, где роль интуиции в действительно содержательных открытиях чрезвычайно велика, хотя, конечно, социология, как, впрочем, и биология и история, чтобы выглядеть

прилично и современно, при каждом удобном и неудобном случае стремится облечь свои интуитивно полученные выводы в дискурсивные наряды. Важная роль чисто интуитивного познания в науках об обществе обуславливает противоречивые последствия. Во-первых, это требует иных, нелогических форм доказательности истины. Сплошь и рядом критериями истины здесь являются суждения, которые разделяются другими специалистами. Вот почему отбор специалистов, способных отличать сверкающие крупницы нового знания от серого песка эпигонства и невежества, имеет первостепенное значение для существования социологии. Если в ученых советах, ВАКе сосредоточены действительно профессионалы, эрудированные, знающие состояние социологии в стране и за рубежом, которые сами проводили оригинальные, теоретически и практически важные исследования и способны выполнять роль экспертов, то наука имеет перспективы развития. Если же специалисты вытесняются, а командные высоты занимают случайные люди, то ликвидируются основные критерии научности. Во-вторых, нельзя не видеть, что возрастание роли интуиции расширяет возможности спекуляции. Фетиши авторитета, должности, звания — все это может быть использовано и нередко используется вместо дискурсивных критериев истины и существенно ослабляет чисто научные позиции гуманитариев.

Нередко самообман ученого-социолога питается ограниченностью информации. Ну, скажем, имеющаяся статистика позволяет ему учесть влияние пяти факторов, влияющих на данный процесс. На них он может построить удивительные дискурсионные замки, использовать теорию графов, теорию вероятностей, математическую статистику, мощные компьютеры, делающие миллионы операций в секунду и пр., и пр.

А на самом деле данный социальный процесс обусловлен не пятью, а ста факторами. Да к тому же вовлеченные в исследование пять факторов не являются главными, определяющими. В итоге все эти упражнения не дают адекватного представления о данном процессе.¹¹⁵

«Порок таких работ, — говорит И. Грекова, человек весьма искушенный и в математике, и в литературе, — отсутствие доматематического, качественного анализа явления, подлинной постановки задачи. Умение ставить задачи, безусловно, должно быть отнесено к области искусства, и в этой зоне наука теснейшим образом смыкается с искусством, включая в себя элементы искусства как неотъемлемую часть.

К сожалению, многие авторы пренебрегают этой важнейшей стороной научных исследований и заполняют свои страницы пустыми формальными выкладками. Через этот барьер формул и мутных мыслей (зачастую неясных даже автору) трудно бывает прорваться, чтобы с уверенностью квалифицировать работу как образец псевдонауки» (Вопросы философии, 1976, № 10, с. 105).

Вагранка или модель человека

Это особенно важно, когда в социологических или социально-психологических исследованиях мы от среднестатистического человека или от среднеарифметического представителя того или иного класса или группы доходим до проблем личности. Выдергивая то одну, то другую группу факторов, мы неизбежно искажаем картину, хотя порой нам и кажется, что мы просто делаем ее менее сложной, более простой. Но без этих сложностей при бесчисленных ограничениях и абстракциях теряется то, что поэт называл «лица необщим выраженьем», что мы называем личностью. Напротив, при

¹¹⁵ Ср. с **позднейшими** (1981) рассуждениями автора настоящей книги о «мистифицированной науке» (см. в томе 1: раздел 3.4).

комплексном подходе множество тончайших, социально-психологических проблем всплывает перед исследователем. Здесь такие нюансы, такие глубины, которых не постигнешь с помощью каменных орудий современной социологии и психологии и которых, будем справедливы, некоторые исследователи просто не чувствуют. Все это лишь подчеркивает настоятельную необходимость использования для **более полного** познания социальных явлений средств не только науки, но и искусства, прежде всего литературы.

Тут требуются психологические эксперименты в предельной ситуации. Тут нужно идти до края, до пропасти. И здесь не обойтись без писателей, которые задолго до появления слов о системном, комплексном и прочих подходах доступно разъяснили вещи, которые нынче начинают переоткрывать.

«Что знает рассудок? — спрашивал, например, Ф.М. Достоевский. — Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает; это хоть и не утешение, но отчего же этого и не высказать?), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет» (Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1973, т. 5, с. 115).

Если так подходить к натуре человеческой, то в ней обнаруживается немало удивительного, алогичного, парадоксального. Например, в структуре ценностей жизни, мотивов поведения, о которых теперь любят говорить и писать социологи.

«Ведь вы, господа, сколько мне известно, — говорит цитируемый выше автор устами одного из своих героев, — весь ваш реестр человеческих выгод взяли средним числом из статистических цифр и из научно-экономических формул. Ведь ваши выгоды — это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и так далее и так далее; так что человек, который бы, например, явно и зазнамо пошел против всего этого реестра, был бы, по-вашему, ну да и, конечно, по-моему, обскурант или совсем сумасшедший, так ли? Но ведь вот что удивительно; отчего это так происходит, что все эти статистики, мудрецы и любители рода человеческого при исчислении человеческих выгод постоянно одну выгоду пропускают? Даже и в расчет ее не берут в том виде, в каком ее следует брать, а от этого и весь расчет зависит» (Там же, с. 110-111).

О какой же выгоде, от которой весь расчет зависит, говорит этот знаток души человеческой, высмеивая любителей «научно-экономических формул» и «статистических цифр»? Вот пожалуй ста:

«Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту». И удивительнее всего: это оказывается не так уж вредно нашему брату, «может быть выгоднее всех выгод... потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность» (Там же, с. 113, 115). Можно спорить с Ф.М. Достоевским, но нельзя не видеть, что такие нюансы не схватишь с помощью дискурсивного знания. В этих рассуждениях свобода самовыражения, самоосуществления, право на собственные поиски и ошибки — это главнейшая ценность, без которой человек не может сохранить себя как личность. И то, что мы стремимся расширить эту свободу, обеспечить в том числе расширение свободы поисков призвания не для капризничавших одиночек, а для всего общества, для всех классов и социальных групп — лучшее свидетельство того, что здесь создаются все более благоприятные условия для синтеза человека экономического, социального и духовного, реальных шагов к

обществу, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, с. 447). Социолог — не будем об этом забывать — изучает, строго говоря, не личность, а среднестатистического человека в среднестатистической ситуации. При операции осреднения живого человека как бы обстругивают. В результате у него из бесконечного числа граней, в которых запечатлелась его и его предков природа, история, социум и что придавало ему отблеск единственности и неповторимости, остается совсем немного — в зависимости от того, как его обстругивали исследователи. Он может стать трехмерным или плоским, как доска, а то и одномерным человеком. Если по результатам такого абстрагирования (то есть обстругивания) мы попытаемся делать прогнозы относительно его поведения — мы только людей насмешим: индивидуум скончался при операции осреднения, а для изучения поведения живых людей нельзя использовать трупы. И здесь в нашем анализе мы наталкиваемся на пределы, которые не перейдешь. К тому же этот среднестатистический человек в среднестатистической ситуации, конечно же, безнравственный и бездуховный. А если мы из него выпотрошили совесть, способность к самооценке и самоограничению, нравственное самосознание, то его модель оказывается весьма несовершенной. И хотя сейчас некоторые математики в эйфории публично обещают сконструировать модель человека, это может вызвать у людей, способных к критическому анализу, лишь усмешку. Эти математики (или кибернетики) имеют тысячекратно преувеличенное представление о возможностях науки и тысячекратно преуменьшенное представление о сложности человека, который уж наверняка не менее неисчерпаем, чем атом. Как-то два математика в Академгородке под Новосибирском объявили, что они построят модель человека. Они напряженно работали два года. Наконец, когда дело дошло до выдачи результатов, они несколько смущенно объявили: «Модель человека у нас пока не получилась, но мы построили модель КМК — Кузнецкого металлургического комбината, точнее модель вагранки». Это было, конечно, честное признание. И оно имеет важное значение и сегодня прежде всего в главном: давайте не путать человека с вагранкой, давайте реально видеть пределы научного знания.

«Пределы — здесь, пределы — там, — скажет недовольный читатель. — А как же прогресс науки?» Не знаю, кто и когда вбил нам в голову эту мысль об исключительной самоценности развития науки. И так прочно, что стали мы порой забывать, что прогресс знания не цель, а средство. Причем средство, целиком и полностью подчиненное интересам человека и человечества.

Речь, конечно, не идет об абсолютных, незыблемых пределах. По мере того, как сужаются возможности дискурсивного познания социума и человека, все более расширяются иные горизонты. В том, чего сегодня не может совершить наука, не преступая своих собственных ограничений и нравственных пределов, ей может помочь искусство и прежде всего литература. <...>

(В. Шубкин. Пределы // Новый мир, 1978, № 2, с. 203-207) ¹¹⁶

Возвращаясь к этой теме в своей современной работе (2003) В. Н. Шубкин пишет: «...Социологи не избежали столь свойственных человеку иллюзий о безграничных возможностях своей области знания. Некоторые коллеги даже обиделись на мою статью, опубликованную в 1979 г. (*Владимир Николаевич ошибся: на самом деле — в 1978 г.* — А. А.) в журнале «Новый мир», где я не только говорил о необходимости нравственных ограничений при проведении

116 Текст названной статьи, с небольшими изменениями, вошел также в качестве одного из разделов в состав книги: Шубкин В. Начало пути. Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М.: Молодая гвардия, 1979.

исследований, но и утверждал, что восхождение от социального к духовному человеку ограничивает использование тяжелых орудий современной социологии...» (Шубкин В. Н. Е. Б. Ж. / Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона). М.: Прогресс — Традиция, 2003, с. 587).

Ремарка: дорого то, что сказано вовремя...

В конце 70-х, когда Владимир Николаевич первым у нас поставил вопрос о «пределах» социологии, последняя успела уже настолько отождествить себя с «жесткими» методами, что «мягкие» даже и им относились скорее к сфере «искусства». Но тут не хочется ему возражать.

По существу, это было пионерное предостережение против разросшихся технократических иллюзий и сайентистских амбиций, нонконформистское — «против течения»! — выступление в защиту адекватных представлений о богатой тотальности, многомерности и «неисчерпаемости» мира личности (да и социального мира)...¹¹⁷

*Теперь эти мысли стали едва ли не расхожими. Но дорого то, что сказано впервые. 25 лет назад это было сказано **вовремя**.*

*Ныне, когда продолжавшаяся у нас до середины 90-х гг. дискуссия приверженцев «традиционной» и «не традиционной» социологии, «строгих» и «не строгих» методов и т. п. как будто угасла, остается добавить одно: — Познание **мультивариантно** («многоканально», как говорил П. Сорокин) и целостно. Были **синкретические** опыты постижения социальной реальности. Можно ожидать попыток **синтеза** разных подходов.*

Как «науке» (в узком смысле) и «искусству» не обойтись друг без друга, так и «наука» (в широком смысле) не есть только «дискурсивное знание» (пользуясь выражением В. Шубкина). (Май 2001 — июнь 2003).

...Злоключения науки начались с того, как ее отделили от искусства, вытравивая из нее все личностное и постольку неисповедимое... К. Свасьян («Становление европейской науки». 1990)

23.4. Из истории идейной борьбы вокруг проблемы социального эксперимента

[Обратимся к работе Р.В. Рывкиной и А.В. Винокура (Новосибирск, 1968). Будучи издана несколько десятилетий назад, эта работа, на наш взгляд, не потеряла не только научной ценности, но даже и актуальности. — А. А.]

Из книги Р. Рывкиной и А. Винокура «Социальный эксперимент» (1968)

<...> Как известно [1], идея эксперимента в социальных науках впервые была высказана Лапласом. В «Философском опыте вероятности» («Essais philosophique sur les probabilités», 1814) он писал:

¹¹⁷ Здесь не касаюсь той гуманистической критики, которую еще раньше получила «объективная» социология (структурно-функциональный и позитивистский подходы) на Западе. В конце 70-х образцы этой критики впервые проникли к нам, преодолев научно-идеологические препоны: в частности, была издана (с ограничительным грифом «для научных библиотек») своего рода «энциклопедия феноменологической социологии» (в переводе Л.Г. Ионина): Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. (Авторы: Д. Силвермен; Д. Уолш; М. Филипсон; П. Филмер). (См., подробнее ниже). Ну, а ныне без освещения (упоминания) «качественной», «гуманистической», «интерпретативной», «интерактивной», «драматургической» и др. социологий — редкий из отечественных учебников обходится.

«Давайте применим к политическим и нравственным наукам методы, основанные на наблюдении и расчете, которые нам так хорошо послужили в естественных науках» ([1], S. 418-419).

Идея Лапласа состояла в том, чтобы применить к изучению общества такие приемы вероятностного подхода, как выборку, создание параллельных контрольных групп и т. п. Условием, позволяющим обеспечить научность результата, Лаплас считал небольшие масштабы объекта. Поскольку, по мнению Лапласа, монополия на проведение экспериментов принадлежит правительству, которое может оперировать только большими группами, то практически получить с помощью эксперимента однозначный научный результат нельзя. Однако в принципе он считал, что именно эксперимент и теория вероятности должны соединить область естественных наук с науками о человеке.

Дискуссии, которые возникали в течение всего XIX в. в социологии, социальной психологии, педагогике и других социальных науках в связи с научным экспериментом, были связаны с противоречием между принципами научного экспериментирования, выработанными в ходе его развития внутри естественных, главным образом физических, наук, и состоянием общественных наук.

<...> Если обсуждение вопроса об эксперименте в социальной литературе XIX в. шло в плане общих рассуждений о различиях между социальным и естественно-научным познанием, то в конце XIX и начале XX в. вопрос о судьбе эксперимента оказался связанным с обсуждением вопроса о средствах количественного описания социальных явлений. В частности, работами Дюркгейма, М. Вебера, Ч. Кули были выдвинуты следующие вопросы: 1) возможно ли измерение социальных явлений и получение количественно точных данных о них, что должно и может быть объектом измерения; 2) какие «приборы» могут быть использованы для таких измерений; 3) возможно ли достижение точности в измерении социальных явлений; 4) возможен ли учет погрешностей, связанных с тем, что источником фактов и средством их получения является социальная группа; 5) достижима ли однозначная интерпретация социальных фактов. Кроме того, сам вопрос об эксперименте дополнительно выдвигал вопросы о возможности очищения социального явления от влияния побочных факторов, о возможности получения однозначных результатов путем эксперимента и др. Как мы увидим далее, эти более конкретные вопросы в 20-х гг. XX в. получили уже определенное решение.

Таким образом, на разных уровнях развития социальных наук вопрос об эксперименте ставился по-разному и в связи с разными методологическими проблемами. Однако за всеми этими различиями стояло одно противоречие, которое определяло собой всю идейную и практическую историю социального эксперимента, — противоречие между уровнем развития естествознания, используемым в качестве эталона оценки уровня других наук, и уровнем социального познания. Наличие этого противоречия объясняет те дискуссии, которые велись по вопросу об эксперименте в социальных науках.

Во второй половине XIX в. развитие идеи социального эксперимента шло в двух противоположных направлениях: 1) дополнение ее принципами организации эксперимента, разработанными в естествознании; 2) обоснование невозможности использования эксперимента для изучения социальных явлений.

<...> Виднейшим выразителем негативного отношения к идее социального эксперимента был О. Конт. Как известно, в число тех требований, которые Конт считал необходимым предъявлять к социальным наукам, входит требование опоры на позитивные факты (позитивизм) и использование точных методов исследования (физикализм). И вместе с тем он был противником применения

экспериментального метода как в биологии, так и в социальных науках, считая основным и общим в той и другой области сравнительно-исторический метод. Как указывает Паже, невозможность использования экспериментального метода в социологии и социальных науках вообще Конт доказывает наличием закона гармонии, пригнанностью и взаимообусловленностью всех элементов явления, исключающей возможность изоляции каких-либо факторов, порождающих существование явлений ([1], S. 422).

<...> Существенную роль в создании негативного отношения к социальному эксперименту сыграли фундаментальные труды Д. Милля. <...> В «Логике нравственных наук» Милль в принципе отрицает возможность производить научно точные опыты в тех сферах, где имеют дело с человеком, его психикой, поведением, как в психологии характера, так и в общественных науках в целом. <...>

«Признание применимости экспериментального метода в политической философии, — пишет Милль, — несовместимо со сколько-нибудь правильным пониманием этих методов» ([2], с. 799). Во-первых, в общественной жизни невозможна организация искусственных опытов; здесь, с одной стороны «невозможно установить и заметить все факты каждого случая, а с другой (по причине изменения этих фактов), прежде чем пройдет достаточно времени для определения результатов опыта, всегда должны существенным образом измениться не те, так другие существенные обстоятельства» (Там же). Вслед за Контом отрицательное отношение к эксперименту и идею сравнительного метода как основного в социологии развивает Э. Дюркгейм. Он различает «экспериментирование в собственном смысле», т. е. изучение событий, искусственно вызываемых по усмотрению экспериментатора, и «косвенное экспериментирование».

«Если же не в нашей воле вызывать события (явления) и если мы их можем наблюдать только как они происходят, тогда используется метод косвенного экспериментирования или сравнительный метод» ([1], S. 424).

У Дюркгейма обнаруживается то же противоречие, что и у Конта. С одной стороны, он утверждает, что социальные законы не отличаются от законов, управляющих остальной природой, поэтому метод, которым они исследуются, идентичен методам других наук. С другой, он отказывается признать принципиальную возможность использования эксперимента в социальном познании, признавая возможным здесь только косвенное экспериментирование, т. е. метод теоретического анализа истории.

Проблема эксперимента в социальных науках в начала XX в. обнаружилась в связи с классификацией наук, предложенных Виндельбандом. Как известно, Виндельбанд различает науки, изучающие общие законы (номотети-ческие), и науки, изучающие единичные, неповторяющиеся ситуации (идио-графические). Социальные науки, как науки идиографические, не имеют отношения к законам, и потому основной метод, который должен в них использоваться, это метод описания. С этих позиций точные методы познания социальных явлений в принципе исключаются. В качестве одного из основных аргументов Виндельбанда и его последователей против возможности использования точных методов в социальном познании выдвигался его ценностный характер (т. е. направленность на изучение ценностей и других факторов человеческого поведения). <...>

Дальнейшее обсуждение вопроса о возможности использования эксперимента в социальных науках было связано с развитием основных направлений в социологии XX в., в частности, с дискуссией между интуиционизмом и позитивизмом. Как уже говорилось, отношение к эксперименту различных школ

нельзя понять вне характеристики соответствующих социальных концепций в целом. В начале XX в. отрицательное отношение к точным методам вообще и к эксперименту в частности таких социологов, как П. Сорокин, Дильтей, Литт, было связано с тем, что надежды на провозглашенную еще Контом перестройку социологии на базе физических методов не оправдались. В связи с этим возродилось противопоставление общественных наук естествознанию в целом ([3], с. 24).

<...> В отличие от Дильтея, Макс Вебер, развивший направление «понимающей социологии» в первой четверти XX в., делал акцент на том, что понимание социологом поведения наблюдаемой совокупности должно сопровождаться проверкой, контролем этого понимания (путем толкования), обычными методами каузального анализа. Однако в принципе с позиций данного направления основной метод социального познания — это «сочувствующая интроспекция», или понимание с целью интерпретации поведения. Применение количественных методов здесь принимается с ограничениями, ибо поведение группы рассматривается как нечто большее, чем его внешние проявления, включая то, что стоит за внешними проявлениями поведения (мотивы, ценности, нормы) и что может быть, с точки зрения Вебера, лишь понято и интерпретировано, но не может быть измерено.

Тенденция заменить точные методы интуицией проявляется и сейчас. Так, Р. Кениг ([4], S. 73) отмечает, что Арнольд Гелен (Gehlen A., 1957) высказал идею о замене контролируемого наблюдения феноменологическим созерцанием сущности, называемым также интуицией. Характерным для феноменологической интуиции, как считает Гелен, является отсутствие контроля за явлением.

В противоположность понимающей, или интерпретативной, социологии неопозитивистское направление (Ландберг, Додд, Адлер) исходит из того, что сознание, лежащее в основе поведения, недоступно для изучения.

Непосредственно доступно для изучения лишь само поведение. В поведении значение имеет лишь то, что может быть описано на языке физики и математики. С позиций этой концепции использование социального эксперимента в принципе не исключается. Однако его роль сводится к фиксации внешних проявлений поведения в разных ситуациях без анализа мотивов, его определяющих.

Таким образом, вопрос о применимости эксперимента в социальном познании оказался связанным с решением более общего вопроса — вопроса о предмете социальных наук, в частности наук, изучающих поведение социальных групп. Крайними полюсами, сложившимися в ходе дискуссии по этим вопросам, оказались, с одной стороны, сторонники интуиции и интроспекции, с другой — формального количественного описания поведения.

Как указывают Беккер и Босков ([5], с. 234-237), в ходе этой полемики стала очевидной ограниченность альтернативной постановки вопроса. Появились сторонники точки зрения, согласно которой измерение социальных явлений должно сочетаться с изучением их качественной стороны. Этим самым были как-то определены и задачи социального эксперимента — измерение не только внешних форм поведения, но и мотивов, оценок, мнений, ценностей, т. е. самого содержания этого поведения.

<...> Отсутствие показателей и методов для количественного описания широкого круга социальных явлений связано с тем, что для всего XIX в. было характерно развитие макросоциологии, т. е. разработка главным образом общих социологических концепций. Количественные же методы (потребность в их разработке и использовании, а также возможность их применения) становятся необходимыми при переходе к познанию процессов, протекающих на уровне отдельных социальных групп. Вместе с тем возникновение социологии малых

групп, где впервые стали применяться количественные, в том числе и экспериментальные, методы, явилось следствием развития экспериментальных исследований в психологии (сначала в общей — с конца 70-х годов XIX в., а затем в социальной) и в педагогике.

<...> В решении этой задачи большое значение имело возникновение и развитие социометрии в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. Заслуга основателя этого направления Д. Морено в плане интересующего нас вопроса состояла в следующем. Он подверг критике точку зрения Милля и Конта, иными словами, традиционное отрицательное отношение к эксперименту в социальной сфере с позиций нового подхода к самому эксперименту.

«Главной задачей социометрии, — писал Морено, — был пересмотр экспериментального метода в целях его успешного применения к социальным проблемам». Социометрия определялась как «математическое изучение психологических свойств населения, как экспериментальная техника и результаты, полученные при применении количественных методов», а также как «исследование эволюции и организации групп и положения индивидуумов внутри них» ([6], с. 66-67).

Морено дает острую критику тезиса Д. Милля о невозможности применения эксперимента в социальном познании. Он пишет:

«Милль заимствовал способ оценки данных социальных наук из наук физических. Он пришел к грустному выводу, что экспериментальный метод неприменим в социальных науках, так как предмет изучения слишком сложен» ([6], с. 64). Но «Миллевский канон неприменим к социальным наукам отнюдь не потому, что они ниже естественных наук. Он просто предложил неправильную модель» ([6], с. 80).

Неправильность этой модели, по Морено, состояла в том, что Милль не учитывал особенностей социального объекта как такового, который осуществляет постоянные реакции на меняющиеся факторы среды (процесс «разминки»). Чтобы эксперимент дал требуемые результаты, экспериментатор должен строить свое исследование с учетом этой «разминки», т. е. поведения группы в данных условиях. Для этого эксперимент должен происходить в естественных для данной группы условиях (*in situ*) ([6], с. 80).

Таким образом, Морено подвел итог дискуссиям об эксперименте, выдвигая тезис о необходимости подгонки экспериментального метода под специфику социального объекта, наполнения его новым содержанием в соответствии со спецификой этого объекта. Заслуга социометрии состоит в том, что ею был не только поставлен вопрос о перестройке экспериментального метода, но и разработаны конкретные методики его использования применительно к особенностям малых групп.

* * *

В работах Маркса и Энгельса нет постановки вопроса о необходимости использования научного эксперимента для изучения социальных явлений. Объясняется это тем, что социология разрабатывалась Марксом и Энгельсом как философская, а не эмпирическая наука, опирающаяся на собственные эмпирические исследования. В социологии, которая создается применительно к обществу в целом, рассматриваемому на всех этапах его исторического развития, в качестве эмпирического материала используются не отдельные эксперименты, а весь исторический опыт человечества. Существенно и то, что разработка исторического материализма происходила в борьбе с идеалистическими концепциями, поэтому его создатели исследовали главным образом не процедурные проблемы, а философскую методологию социального познания. <...>

Литература

1. *Pages R.* Das Experiment in der Soziologie / Handbuch der Empirischen Sozialforschung. Bd. 1. Stuttgart, 1962.
2. *Милль Дж.* Система логики. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1914.
3. *Кон И. С.* К вопросу о предмете социологии / Вопросы марксистской социологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
4. *Кцниг R.* Die Beobachtung / Handbuch der Empirischen Sozialforschung. Bd. 1. Stuttgart, 1962.
5. *Беккер Г. и Босков А.* Современная социологическая теория. М.: ИЛ, 1961.
6. *Морено Дж. Л.* Социометрия. М.: ИЛ, 1958.

(Р.В. Рывкина, А.В. Винокур. Социальный эксперимент. Новосибирск: Наука, 1968, с. 4-16)

Ремарка: социальный эксперимент = исследование + управление?

Замечу, что в цитированной работе 60-х гг. социальный эксперимент обсуждается исключительно в русле «дискурсивной» (по выражению В. Шубкина), количественной социологии. Возможность экспериментирования вне этой парадигмы (а именно — в рамках гуманистической, качественной социологии) в работе Р. Рывкиной и А. Винокура не рассматривается, как не отвечающая общенаучным представлениям об этом методе.

По мысли авторов, в социальном эксперименте соединяются элементы исследования, с одной стороны, и элементы управления, с другой.¹¹⁸

Можно сказать, что социальный эксперимент здесь предстает, как нечто идущее «сверху» (система управления) и/или «сбоку» (система исследования), т. е. «извне». Но вовсе не «снизу» или (точнее!) «изнутри»: индивидуальное или коллективное, «не управленческое», «не санкционированное», свободное экспериментирование!..

Последнее в нашей социологии того времени теоретически и практически исключалось. Не так ли, Инна? (Январь 2000 — октябрь 2003).

(2.2)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-prodolzhenie-2>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 2

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 19.06.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

(Продолжение)

<...>

¹¹⁸ «Социальный эксперимент как единство научного исследования и управления» — название одной из ключевых глав книги Р. Рывкиной и А. Винокура.

23.5. «Качественное знание — это своего рода маточный раствор...»

Несколько вступительных слов

С Сергеем Александровичем Белановским мы познакомились в середине 80-х. В ту пору С. Б. занимался сбором глубинных интервью на темы производственной жизни. То есть предмет исследования — «человек в системе реальных производственных отношений» — у нас, по существу, совпадал, только методы были разные.¹¹⁹

Помню, С. Б. предлагал тогда и мне стать одним из его респондентов. Но я был больше склонен к писанию собственных «протоколов наблюдающего участия»...

С тех пор мы с Сергеем Белановским встречались, к сожалению, не часто. В начале 90-х мне случилось быть рецензентом рукописи его книги, посвященной качественным методам в социологии. Рукопись вызвала горячие споры в профессиональном сообществе... (Февраль 2001 — октябрь 2003).

Из книги С. Белановского «Методика и техника фокусированного интервью» (1993)

<...> **Качественное знание** — «... совокупность теоретических представлений ученого, касающихся исследуемых им проблем. В отличие от концепций, которые представляют собой более или менее завершенные логические конструкции, качественное знание включает в себя также большое количество недоработанных и не до конца отрефлектированных концептуальных представлений, не находящихся в логическом единстве друг с другом. Иными словами, **качественное знание — это своего рода «маточный» раствор [выделено мною. — А. А.]**, из которого ученый в процессе своей работы выкристаллизовывает теории и концепции. Развитые концепции представляют предельную форму качественного знания, своего рода конечный продукт деятельности ученого. В процессе исследований концептуальные взгляды ученых развиваются, трансформируются и обновляются. Развитие концепции представляет собой процесс ее дедуктивного развертывания, включающий прослеживание все более отдаленных следствий, расширение охвата рассматриваемых явлений, и соединение данной концепции с другими концептуальными системами. Процесс развертывания концепции порождает проблемы сохранения логической совместимости ее составных частей, согласованности с другими концепциями и с наблюдаемыми явлениями. Накопление противоречий с течением времени должно повлечь за собой ответную реакцию в виде: а) приспособления концепции путем изменения частных ее элементов; б) трансформации концептуального «ядра», влекущей за собой крупные изменения в ее составных частях; в) радикальной замены концепции. В соответствии с этим качественная гносеологическая традиция рассматривает прогресс научного знания в виде не экстенсивного накопления изученных «фактов», а постоянного обновления концептуальных представлений. Эффективность развития науки определяется таким образом скоростью возникновения и внедрения в научное сознание «концептуальных инноваций».

<...> В определенном отношении процесс развития науки может быть уподоблен процессу экономического развития, который со времен И. Шумпетера

¹¹⁹ Исследование моего коллеги было андерграундным, и его материалы были опубликованы лишь в 90-х гг. См.: Производственные интервью. Вып. 1-4 / Отв. ред. — С. А. Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования АН СССР (РАН), 1991-1992.

рассматривается не столько как экстенсивное развитие производства на базе существующих технологий, сколько как процесс внедрения экономически значимых инноваций. Следовательно, одна из наиболее значимых задач российской социальной науки заключается в освоении и использовании методического аппарата, способствующего эффективному преодолению концептуальной стагнации и ускоренному обновлению научного знания. <...> (С. А. Белановский. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993, с. 23-24)

* * *

Из отзыва на рукопись книги С. Белановского (1993)

Названная работа С. А. Белановского [*«Методика и техника фокусированного интервью»*. — А. А.] представляется автору настоящего отзыва новаторской по замыслу и образцовой по исполнению. В ней отчетливо выделяются две части. Одна, представленная первой главой и выполняющая роль расширенного теоретико-методологического введения, содержит принципиальную постановку вопроса о соотношении количественных и качественных методов, их взаимодополнительности в социальных исследованиях. В ней критически рассматривается сложившийся к настоящему времени в отечественной социологии перекос в сторону сциентистской, негуманитарной парадигмы социологического изыскания в ущерб так называемым мягким, гибким методам наблюдения и анализа. Критика резкая, порой нелюбезная, но по сути обоснованная и справедливая, точно вскрывающая конкретно-исторические причины и собственнонаучные обстоятельства методологического кризиса, переживаемого нашей социологией. За исключением ряда давних работ В. Н. Шубкина, нескольких работ В. А. Ядова последнего времени, трудно найти в нашей социологии столь же основательную и бескомпромиссную социологическую самокритику.

Вторая часть работы С. А. Белановского (главы 2-5) представляет собой собственно учебно-методическое пособие для социологов, экономистов, социальных психологов, журналистов, как заявлено в подзаголовке книги. Здесь автор выступает преимущественно уже в качестве методиста, тонкого аналитика возможных аспектов подготовки, проведения и интерпретации результатов одного из эффективнейших методов эмпирической социологии, исключая математическую обработку данных. Столь разносторонняя и филигранная проработка этой более частной, методической проблематики в российской социологии нам также неизвестна.

С. А. Белановский в своей книге выступает как методолог и методист отнюдь не умозрительного плана. Его личный многолетний богатейший опыт работы именно с методикой фокусированного интервью, в котором ему, на наш взгляд, удалось достичь подлинной виртуозности (см., например, опубликованные работы — «Производственные интервью», «Дедовщина в армии»), находит итоговое обобщение в данной книге.

<...> Автор настоящего отзыва относит себя к научным единомышленникам С. А. Белановского. Мои собственные поиски в области разработки и внедрения неколичественных методов в нашу социологию (исследование жизненных путей в 1970-х гг., фокусированные интервью «Ожидаете ли Вы перемен?» конца 1970-х — начала 1980-х гг., наблюдающее участие в конкретной социально-производственной ситуации и «экспериментальная социология» в 1980-х гг.) в основном исходят из тех же методологических принципов. Не могу не выразить глубокого удовлетворения тем, что эти принципы получили в книге С. А.

Белановского столь глубокое осмысление, оригинальный синтез и адекватную систематизацию.

<...> Как стало недавно известно автору настоящего отзыва, рукопись книги С. А. Белановского, среди прочих откликов, встретила и резкое неприятие у некоторых ведущих специалистов в области методики и техники социологических исследований. Мне остается выразить на этот счет искреннее сожаление и даже недоумение. Возможно, этому отчасти способствовал полемический задор автора, его иногда подчеркнутая независимость суждений и «безоглядность» критики, впрочем, всегда остающейся в рамках научного спора. <...>

А. Алексеев, 25.01.93

(Цит. по: С. А. Белановский. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993, с. 335-337)

23.6. «Case study» как исследовательская методология

Несколько вступительных слов

В начале 80-х социолог-рабочий намеревался написать статью: «Зачем нужны “отдельные случаи” социологу?». От исполнения замысла отвлекли драматические события вокруг своего собственного «случая». Статья осталась «в чернильнице».

Вроде бы не хватает такого раздела в составе этой книги... Но, по счастью, самому писать теперь уже не надо. Поскольку это — лучше, чем я мог бы сам! — сделано моим новосибирским коллегой и другом — специалистом в области промышленной социологии, докт. социол. наук Владимиром Исааковичем Герчиковым, который тоже обычно строит свои исследования на «отдельных случаях».

Ниже приводится (с небольшими сокращениями) одна глава из книги В. И. Герчикова, в соавторстве с С. Ю. Барсуковой. (Автор данного текста — В. Герчиков). (Декабрь 1999 — октябрь 2003).

Из книги С. Барсуковой и В. Герчикова «Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего — к частному и разному» (1997)

«Case study» как исследовательская методология: почему мы выбрали этот подход

В буквальном смысле «case study» означает **исследование случаев** или **событий**, происходящих на каких-то объектах, с какими-то действующими лицами. Наиболее известен такой вид исследований в медицине, где к анализу истории болезни отдельных людей прибегают уже не одну сотню лет при столкновении с необычными ситуациями.

В социологии эти исследования начали развиваться с 20-х и 30-х годов XX столетия. Исследователи Чикагской школы (США), признанные лидеры в этом направлении, определяли «case study» как неколичественные исследования, делающие акцент на истории и контексте происходящих событий, избегающие обобщений и исходно ориентированные на понимание социальной жизни через представления действующих лиц (Stoeker R., 1991, p. 89).

Очевидно, что под это определение подпадает целая группа методов: биографический, исторический, наблюдение и даже эксперимент. Не случайно единого понимания сущностных характеристик метода «case study» нет не только в отечественной социологии, где его использование пока относительно мало, но и в западной науке, где он давно стал одним из самых применяемых

методов социологических исследований. Так, Дж. Митчелл определяет «case study» как

«...детальное рассмотрение события или серии взаимосвязанных событий, которые по мнению исследователя представляют определенные теоретические принципы» (Mitchell J. 1983, pp. 191-192).

Р. Йин описывает его как эмпирическое исследование, которое изучает существующее явление с его реальным жизненным контекстом, когда границы между явлением и контекстом не столь очевидны, и в котором используются для доказательства многообразные средства (Yin R., 1984, p. 23). Г. Беккер отметил, что этот вид исследований неотделим от использования мнений и оценок участников изучаемых событий (Becker H., 1968), а Р. Стоекер подчеркивает, что «...термин “case study” нужно зарезервировать за теми исследовательскими проектами, которые дают целостное объяснение динамики за определенный исторический период конкретного социального объекта» (Stoeker R., 1991, pp. 97-98).

Поэтому наиболее оправданной нам представляется точка зрения Дж. Платт, которая считает «case study» более не **методом** в принятом в социологии смысле, а исследовательским **подходом**, не столько предлагающим какую-то специфическую методику, технику научной работы, сколько накладывающим определенные ограничения на методы сбора информации (Platt J., 1988). Не случайно Р. Уолкер отнес «case study» к группе качественных исследований, в которых преимущественно используются глубокие интервью, групповые интервью, описания событий их участниками, проективные техники и другие методы (Walker R., 1985, pp. 4-7).

Но согласившись, что «case study» представляет собой углубленное исследование некоторого явления с его реальным контекстом и на материалах ограниченного числа объектов наблюдения, мы должны определить «case» (случай) не просто как некоторый конкретный объект, единицу наблюдения, а как **один из вариантов эмпирической реализации изучаемого явления**, как воплощение одного из теоретических конструктов, с помощью которых исследователь распознает, описывает, анализирует свой предмет. Из такого понимания вполне однозначно следует и ответ на вопрос, сколько и каких объектов нужно отбирать для некоторого конкретного исследования: каждый из объектов должен демонстрировать какой-то вариант реализации изучаемого предмета, а все вместе они должны по возможности покрывать все вероятные варианты.

Отметим характерные особенности, которыми обладают исследования «case study», частично вытекающие из приведенных выше определений. При этом мы постараемся не только отмечать и кратко аргументировать те или иные характеристики подхода, но и показывать (насколько это окажется в наших силах), как можно использовать достоинства «case study» и как ослабить его недостатки. Начнем с тех свойств, которые вполне определенно можно считать **преимуществами** данного подхода, обеспечивающими его достаточно широкое использование в мировой социологии.

— Ограниченное количество эмпирических объектов дает исследователю возможность более глубокого проникновения в изучаемую частную проблему, чтобы лучше выявить ее сущность и предложить как новые теоретические задачи, так и способы обобщения отдельных случаев на более широкую реальность. Поскольку каждый случай рассматривается как конкретная реализация изучаемой сущности, исследователь и получает принципиальное право на такое обобщение (Burawoy M., 1979, p. XV).

— Эвристический характер «case study» делает его незаменимым при изучении слабо определенных явлений, по которым у исследователя нет достаточных знаний для априорного построения развернутой теоретической схемы объекта. А именно с такой ситуацией сталкивается социолог при анализе любого процесса или явления, происходящего в современный период кардинальных изменений всех сфер общественной жизни России. Используя характерные для «case study» методы проведения свободных и перекрестных интервью, рассматривая разностороннюю фактическую информацию, исследователь получает возможность ориентироваться в происходящих процессах и собрать необходимую для анализа информацию.

— Поскольку «case study» исходно нацелен на изучение какой-то проблемы во всем ее окружении, он весьма эффективен для выявления причинной зависимости происходящих изменений и событий от широкого круга многообразных факторов:

«...Вопросы “как?” и “почему?” обладают наибольшей объяснительной способностью и ведут к преимущественному использованию в исследованиях исторического и экспериментального методов, а также “case study”, ибо вопросы такого типа требуют скорее прослеживания операциональных связей во времени, чем просто анализа частот или направления» (Yin R., 1984, p. 18).

— Следующее важное преимущество подхода — его исходная динамическая ориентация, ибо постоянное наблюдение за одним или несколькими объектами позволяет исследователю изучать не только набор, номенклатуру происходящих событий и изменений, но и их последовательность во времени. Это дает возможность не только лучше понять происходящее, но и предложить конкретные меры по разрешению изучаемой проблемы:

«...Когда мы узнаем достаточно о динамике в каком-то конкретном случае, мы можем “предписывать лечение”, основанное на наших предположениях о влиянии каких-то специфических воздействий на ситуацию» (Stoeker, 1991, p. 102).

Одним из значимых аспектов методологии «case study», позволяющим точнее зафиксировать именно динамику происходящих изменений, является возможность интервьюирования одних и тех же людей (участников событий, происходящих на объекте исследования) на протяжении длительного периода времени.

— Еще более важной является уникальная для данного подхода возможность получать ответы на вопрос, почему некоторое событие, ожидаемое его участниками и исследователем (согласно теоретическим представлениям последнего), **не произошло**. Такие факты вполне правомочно трактовать как **исключения**, объяснительная способность которых для лучшего понимания общих явлений и прогнозирования дальнейшего развития событий на конкретных объектах, как известно, более велика, чем у фактов, подтверждающих известные общие тенденции (Mitchell J., 1983, pp. 203-204).

— Особенность многих экономических и социальных явлений, происходящих в настоящее время в России, — закрытость информации о них для стороннего наблюдателя. Исследователь, работающий в рамках подхода «case study», может рассчитывать на получение закрытой информации, так как, во-первых, периодическое неформальное общение с одними и теми же людьми обеспечивает исследователю получение у них определенного доверия (они на практике убеждаются, что информация, которую они сообщили исследователю, не была использована им во вред); во-вторых, существует возможность сопоставления мнений разных лиц по одному и тому же вопросу.

— Поскольку (как мы уже отмечали выше вслед за Дж. Платт) «case study» скорее не метод, а подход, он практически не ограничивает собственно методическую свободу исследователя:

«...В рамках этого подхода мы можем исследовать, опрашивать, наблюдать, участвовать, читать, изучать архивы, рыться в мусоре и даже считать» (Stoeker R., 1991. p. 98).

Отметим теперь те свойства «case study», которые являются предметом особо частых дискуссий, ибо их примерно с равными основаниями можно считать как **преимуществами**, так и **недостатками** подхода.

Первое. Ограниченность объектной области позволяет пользоваться только достаточно обобщенными теоретическими схемами. В самом деле: чем более детальны наши априорные теоретические соображения, тем больше вероятность, что на ограниченном числе объектов существенная часть этих деталей не подтвердится (не будет обнаружена). Поэтому в методологии «case study» требуется разумное сочетание теоретической и эмпирической («полевой») исследовательской работы. С одной стороны, теория определяет ограничения на выбор объектов наблюдения и изучаемые в исследовании вопросы, но с другой — слишком большой упор на теорию мешает исследователю обнаруживать новые факты и строить на них новое знание, препятствует проявлению скрытых от данной теории сущностей:

«...Нужно понимать, что общие теории предопределяют обобщенные процессы в разной степени, и мы можем показать, в какой. Но мы обнаружим также, что только некоторые из обобщенных процессов истинны, и тогда начнем объяснять “необъяснимые отклонения” и перестраивать теорию» (Stoeker R., 1991, p. 105).

Второе. Принципиальная затрудненность обобщений. Очевидно, что каждый изучаемый случай уникален и обладает собственной историей, конкретным сочетанием действующих факторов и последовательностью происходящих событий, что затрудняет сравнение особенностей разных случаев и проведение обобщений. Однако, если исследователь отбирал случаи так, как мы определили это выше, если он постоянно соотносит свои теоретические построения с наблюдаемыми событиями, то возможность сравнения между собой различных случаев становится вполне реальной. Тем более, что в методологии «case study» дополнительные основания для сравнений возникают из имманентного этому подходу причинного анализа последовательности событий, происходящих в каждом из исследуемых случаев.

Третье. Глубокая включенность, а зачастую и прямое вмешательство исследователя в объект и в последовательность наблюдаемых событий. Это часто рассматривается критиками «case study» как один из серьезных негативов, так как предопределяет большое влияние исследователя на результаты его деятельности и не создает необходимой научной дистанции между теорией и эмпирической работой (Becker H. S., 1968; Bromley, 1986). Но это качество «case study» можно сделать и его преимуществом (Selltiz, 1966, p. 64), тем более, что «...слишком стараясь быть “объективным”, мы пропускаем существенную и ценную информацию» (Stoeker R., 1991, p. 96).

Четвертое. Активное вовлечение в исследование действующих лиц изучаемых событий. Достаточно очевидное негативное следствие такого вовлечения — пристрастность участников событий, а потому искаженность получаемых от них описаний и оценок. Но, с другой стороны, действующие лица могут и сообщить исследователю не только факты, но и собственные версии объяснения происходящих событий, и дать свою оценку объяснениям, которые предлагает исследователь. Кроме того, такая вовлеченность помогает и участникам событий «...лучше понять контекст своих действий, природу возникающих

социальных проблем и вероятные последствия бездействия, в чем они по большей части нуждаются» (Beaugregard R., 1988, p. 54).

Что же касается непреднамеренного искажения информации активными участниками рассматриваемых событий, то этот недостаток может быть в значительной мере исправлен, если наряду с ними опрашивать и тех, кто не был включен в ситуацию, а также людей, занимающих разные позиции в изучаемом сообществе (объекте) (Selltiz, 1966, pp. 63-64).

Вместе с тем у «case study» есть и ряд свойств, которые с большой определенностью можно считать именно **недостатками**, а потому для своей нейтрализации они требуют дополнительного и специального внимания от исследователя.

Во-первых, это фактическая невозможность одновременного изучения большого числа случаев (объектов). Но тогда закономерен вопрос: будут ли репрезентативны результаты, полученные на основе малочисленной выборки? Очевидно, что они не могут претендовать на репрезентативность в региональном, отраслевом или институциональном смысле — для обеспечения такой представительности нескольких случаев явно недостаточно. Что же касается содержательной, предметной репрезентативности, то ее в рамках данной методологии можно почти всегда обеспечить, если полностью использовать описанные выше возможности и выбрать для исследования именно те случаи, которые представляют все основные варианты изучаемого явления или процесса. <...>

Тем не менее, для обеспечения представительности получаемых результатов в общепринятом в социологии смысле нужно выйти за пределы методологии «case study» и провести дополнительное (и гораздо более масштабное по числу объектов) исследование с анализом статистических данных и использованием различных методов массового опроса. Но в этом случае задача массового исследования резко сужается: сущность происходящих процессов исследователю уже ясна и нужно только оценить степень распространенности известных вариантов в требуемой области социальной действительности (в рамках какой-то территориальной, отраслевой или другой социальной общности).

Во-вторых, информация, получаемая в ходе глубоких и слабо структурированных интервью с ограниченным числом респондентов, практически недоступна для количественной обработки и наиболее часто используемых в социологии методов математического анализа. Исследователю, работающему в рамках этой методологии, приходится отказываться от попытки сколько-нибудь точных измерений всякого рода зависимых и независимых переменных, характеризующих изучаемый процесс или явление.

В-третьих, в роли интервьюера в таком исследовании может выступать только сам исследователь, поскольку и детальные теоретические представления об изучаемом явлении или процессе, и перечень задаваемых вопросов, и номенклатура собираемой информации, и набор и последовательность методических приемов и процедур в ходе исследования все время меняются (развиваются). Поэтому для получения качественных результатов особую значимость приобретает квалификация исследователя, а также необходимость подробной и постоянной фиксации всего исследовательского процесса.

Конечно, вполне реально проведение такого исследования не одним человеком, а некоторой «исследовательской командой», особенно если <...> изучается одновременно несколько объектов. Но это всегда должна быть именно **команда**, а не просто некая группа специалистов, и для обеспечения единства подхода и действий ее участников необходимо предпринимать специальные меры:

регулярно обсуждать ход работы и получаемые результаты; организовывать перекрестное участие одних членов команды в исследованиях, проводимых другими; проводить взаимное рецензирование отчетов и пр.

В-четвертых, по сравнению с массовыми опросами, в «case study» резко возрастает также роль и значимость респондента. В самом деле: в массовых опросах респонденты являются статистическими представителями изучаемой социальной общности (объекта), а потому основная забота исследователя состоит в том, чтобы при отборе респондентов обеспечить требуемый уровень репрезентативности этой общности. В «case study» принципиально иная ситуация. Здесь основной респондент — это непосредственный и хорошо информированный участник происходящих событий — в английском языке для них используется термин **«key informant»** (ключевой, основной информатор). Но число таких людей часто очень невелико, и возможность замены одного из них другим минимальна. Поэтому от исследователя требуется особая настойчивость для достижения контакта с нужными людьми и принятие специальных мер для получения и удержания их полного доверия.

В уже упоминавшейся выше книге Зеллтица и его коллег (Selltiz C., 1966, pp. 61-62) подчеркивается полезность изучения в обследуемых общностях новичков и непохожих (**strangers**): их необычные реакции и оценки, удивления или смущения могут обратить внимание исследователя на те моменты жизни сообщества, с которыми постоянные его члены полностью сжились и уже просто не замечают. Почти так же интересны, по мнению этих авторов, различные маргинальные, девиантные, изолированные группы, а также те, кто совершает переход из одной культуры в другую, например, иммигранты, пытающиеся освоиться в новой для себя стране, научные работники, ставшие продавцами, и т. п.

И, наконец, «case study», как и любое другое исследование, затрагивающее предысторию каких-либо событий, базируется на ретроспективных сведениях (что неминуемо усиливает их искажение) и использует их произвольную интерпретацию. В значительной мере этот недостаток можно уменьшить использованием перекрестных опросов участников событий (причем, как уже отмечалось выше, опрашивать надо людей, чьи интересы в этом событии были различны), но полностью его элиминировать не удастся.

В целом же, соотнося рассмотренные выше достоинства и недостатки подхода, мы вполне согласны с мнением, что

«...case study — наилучший путь, которым мы можем усовершенствовать теорию и получить ее эффективные приложения к сложным ситуациям» (Stoeker R., 1991, p. 109).

Отметим в заключение особую эффективность метода «case study» в обучении. Дж. Платт подчеркивает, что использование материалов этих исследований в учебной практике:

- помогает определить абстрактные понятия (концепции);
- дает конкретные иллюстрации для этих понятий;
- помогает аудитории запомнить приводимые примеры, ибо богатство описываемых в них деталей служит для этого хорошим мнемоническим инструментом;
- возбуждает заинтересованность аудитории и расширяет ее опыт, демонстрируя слушателям людей и места, с которыми они иначе вряд ли бы ознакомились;
- представляет информацию в более наглядной и интересной форме, чем это можно было бы сделать по результатам количественных исследований (Platt J., 1988, p. 5). <...>

Литература

1. *Beauregard R. A.* In the Absence of Practice: The Locality Research Debate // *Antipod*, 1989, Vol. 20.
2. *Beker H. S.* Social Observation and Social Case Studies / *Sills D.* (ed.). *International Encyclopedia of Social Sciences*. Vol. II. Macmillan and Free Press, 1968.
3. *Bromley D. B.* The Case-Study Method in Psychology and Related Disciplines. John Wiley and Sons, 1986.
4. *Burawoy M.* Manufacturing Consent; Changes in Labor Process Under Monopoly Capitalism. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
5. *Mitchell H.* Case and Situation Analysis // *The Sociological Review*. 1983, № 1.
6. *Platt J.* What Can Case Studies Do? // *Studies in Qualitative Methodology*, 1988, № 1.
7. *Selltiz C.* et al. *Research Methods in Social Relations*. Holt, Rinehart and Winston, 1966.
8. *Stoeker R.* Evaluation and Rethinking the Case Study / *The Sociological Review*. 1991, Vol. 39, № 1.
9. *Walker R.* An Introduction to Applied Qualitative Research / *Walker R.* (ed.). *Applied Qualitative Research*, Gower Publishing Company Ltd, 1985.
10. *Yin R. K.* *Case Study Research: Design and Methods*. Beverly Hills: Sage, 1984. (С. Ю. Барсукова, В. И. Герчиков. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего — к частному и разному. Новосибирск: ИЭиОПП, 1997, с. 11-18)¹²⁰

23.7. Из болгарского энциклопедического словаря по социологии

[Ниже — извлечения из болгарского академического энциклопедического словаря по социологии: *Энциклопедичен речник по социология*. / *Общ. науч. ръководство и редакция — Ст. Михайлов*. София: «М-8-М» Михаил Мирчев, 1997.

Автор приводимых здесь статей — чл.-корр. Болгарской академии наук, проф. Стоян Михайлов. Перевод — автора настоящей книги.¹²¹ — А. А.]

<...> **Наблюдение.** — Конкретный метод регистрации фактов в ЭСИ [эмпирическое социологическое исследование. — А. А.], при котором источником информации является поведение исследуемого лица. В таком случае анкетер¹²² непосредственно, иногда с помощью аппаратуры, наблюдает поступки, явления, процессы и на основе своих впечатлений фиксирует ответы в вопроснике. Н. может применяться при изучении только сегодняшних, но не минувших или

¹²⁰ См. также: Собственность и трудовые отношения: варианты трансформации. Сборник кейсов. / Под ред. В. И. Герчикова, М. В. Кошман. Новосибирск: Издательство ИЭиОПП, 1995. Здесь стоит привести оглавление этой книги, из которого хорошо видны исследовательский подход и способ представления научных результатов «case study»: 1. Металлургический завод. 2. Машиностроительный завод. 3. Завод специального оборудования. 4. Фабрика галантереи. 5. Аэропорт. 6. Коммерческие структуры используют льготы трудовых коллективов. 7. Частные предприятия. 8. Предприятия, выкупленные трудовыми коллективами.

¹²¹ Пользуюсь случаем выразить свою признательность сотруднику Института социологии Болгарской академии наук Светле Колевой, приславшей мне этот словарь. (Июль 2000).

¹²² В болгарской социологической традиции анкетером называется всякий участник ЭСИ, который занимается сбором фактов.

будущих событий. Исследование документов, использование кино- и телевизионных съемок не есть Н. Другое дело, что в некоторых случаях оказывается целесообразным записывать то, что говорит исследуемое лицо, — с помощью соответствующей техники или вести съемку его поступков.

Возможности охвата наблюдением ограничены. С помощью Н. нельзя обследовать большое количество лиц — нужно слишком много анкетеров [наблюдателей. — А. А.]. Н. эффективно, когда ведется в течение достаточно продолжительного времени, что позволяет впечатлениям об исследуемом лице, о деятельности соответствующей институции и т. д. стать полнее, избежать случайных искажений. Эта ограниченность Н. вступает в противоречие с требованием представительности информации.

Как правило, Н. в ЭСИ является полевым, а не лабораторным. В зависимости от программы и методики исследования, предварительно определяется, какие объекты подлежат наблюдению, в течение какого времени, в какие дни и часы, как они будут распределены между анкетерами и т. д. Устанавливается, как будут записываться впечатления — в присутствии исследуемого лица или после, будет ли вестись магнитофонная запись, съемка и т. д. По каждому сеансу Н. составляется протокол, в котором записываются впечатления. Если Н. является тайным, записи выполняются сразу после сеанса.

В некоторых случаях действия исследуемого лица могут сниматься скрытой камерой, его разговоры могут записываться — без осведомления его об этом. Тут возникают этические проблемы, связанные с анонимностью.

Н. может проводиться и без участия анкетера в наблюдаемой деятельности. Главное преимущество Н. с таким участием (включенное наблюдение) состоит в преодолении ограниченности пассивной регистрации, поскольку дает возможность воспринять и лучше почувствовать всю гамму переживаний, сопровождающую наблюдаемую деятельность и соответствующие социальные формы и механизмы, глубже проникнуть во внутренний мир исследуемого лица. В случае, если анкетер не имеет возможности сам осуществлять Н. в качестве участника соответствующей деятельности, он может привлечь к этому кого-либо из реальных членов наблюдаемого коллектива, в качестве своего «корреспондента», но это чревато как снижением достоверности, так и осложнениями этического характера.

Н. бывает явным или тайным, в зависимости от того, известно ли исследуемому лицу, что его наблюдают. При явном Н. есть опасность [определенным образом. — А. А.] настроить исследуемое лицо, при том, что последнее может этого даже не осознавать. Поэтому предпочтительнее тайное Н., особенно если оно участвующее. При тайном Н. существенным является способ введения анкетера в новую среду. Такое введение должно быть непринужденным, а это лучше достигается с помощью людей, занимающих более высокое положение в иерархии, или же неформальных лидеров. Этические проблемы в Н. решаются при строгом соблюдении принципа анонимности [наблюдаемых лиц. — А. А.], обязательного для всякого ЭСИ.

Н. может быть однократным, проводимым в течение определенного срока или многократным, панельным. Предпочтительным является сочетание Н. с другими методами регистрации фактов, во-первых, поскольку не все поддается Н. и, во-вторых, поскольку и здесь существует опасность субъективных искажений в восприятии и оценках.

<...> Эксперимент, социологический. — Метод установления возможностей, особенностей, эффективности некоторой новой формы общественной деятельности, общественных отношений, которая вносит определенные

изменения в отдельный элемент или в целостную <...> общественную систему. Чем сложнее становится общество, чем более разнообразны интересы личности, тем более необходима предварительная экспериментальная проверка нововведений в общественной жизни. Э. с. затрагивает или имеет в виду некоторую социологическую систему или взаимосвязь.

Э. с. может рассматриваться как специфическое ЭСИ. Все научные требования, предъявляемые к подготовке ЭСИ, действительны и для Э. с. В этом смысле Э. с. является особым, синтетическим методом исследования. В программу Э. с. включается прежде всего теоретическая модель новой социальной формы, которая подлежит экспериментальной проверке. Эта модель дополняется темой и задачами Э. с. При Э. с. могут использоваться все конкретные методы регистрации фактов.

Методика регистрации фактов при Э. с. имеет особое значение. Она должна преодолеть сопротивление рутинных сил, которые не заинтересованы в новой социальной форме, подлежащей экспериментальной проверке, и потому часто стремятся исказить результаты Э. с. Кроме того, анкетеры [*наблюдатели*. — А. А.] не должны быть заинтересованы в тех или иных результатах эксперимента, чтобы информация о нем была объективной.

<...> Анкета, косвенная. — Конкретный синтетический метод регистрации фактов, при котором элементарные, отдельные методы регистрации используются как его специфические элементы. Разработан в качестве метода в Болгарии при подготовке ЭСИ религиозности (1962) под руководством Живко Ошавкова.

При А. к. вопросник пополняется самим анкетером. Предпочтительно, чтобы анкетер был знаком с исследуемым лицом и хотя бы частично с его окружением. Используются все источники информации. При установлении несоответствий между отдельными источниками информации по данному вопросу анкеты, наводятся дополнительные справки либо посредством нового разговора с исследуемым лицом и людьми из его окружения, либо путем изыскания новых документов, либо путем новых наблюдений за поведением исследуемого лица. Ни один документ, ни один разговор, вообще — ни один источник информации не должен приниматься анкетером абсолютно. При А. к. анкетер является своего рода исследователем.

А. к. имеет преимущества перед прямой анкетой, благодаря разнообразию источников информации и возможности проверить всякий ответ, равно как и избежать уклонения от ответа на некоторые вопросы. А. к. сходно с интервью, поскольку и в этом случае ответы записываются анкетером. Однако в случае интервью это осуществляется исключительно на основе разговора с исследуемым лицом, т. е. источником информации оказывается только самосознание последнего. Соответственно, А. к. имеет преимущества и перед остальными элементарными методами регистрации.

Итак, А. к. отличается от других методов двумя главными обстоятельствами: во-первых, здесь используются все источники информации и, во-вторых, это есть специфический синтез остальных методов регистрации. Как правило, в случае А. к. ответ на один и тот же вопрос извлекается из различных источников информации и с помощью различных элементарных методов, которые взаимно дополняют и контролируют друг друга. Имеет значение и последовательность использования разных источников информации.

При А. к. количество вопросов может быть неограниченным. Они могут затрагивать все существенные моменты и аспекты общественной жизни и личности. А. к. позволяет найти ответ на все вопросы и проверить правдивость

ответов. Поэтому она обеспечивает не только высокую достоверность, но и необходимую представительность информации.

К недостаткам А. к. относится то, что она требует сложной и трудоемкой организации и значительное большее количество анкетеров и научных руководителей, и, соответственно, является более дорогостоящей.

(Энциклопедический словарь по социологии. Второе издание. София: «М-8-М» Михаил Мирчев, 1997, с. 278, 123, 29)

Ремарка: Живко Ошавков и Анатолий Давыдов.

Характерным примером применения метода «косвенной анкеты» является опыт сельского учителя, краеведа и правозащитника А. Давыдова (см. ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 3 к части 2), относящийся к началу 70-х гг. Будучи «социологом-любителем», Анатолий Васильевич Давыдов профессиональной терминологией не пользовался и «изобрел» этот метод, разумеется, независимо от Живко Ошавкова. (Июль 2000).

(2.3)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-prodolzhenie-3>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 3

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 21.06.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

Продолжение

<...>

23.8. «Скрытая камера» социолога

[Ниже — текст статьи, написанной на базе опыта применения автором метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании в начале 70-х гг. Здесь публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании (из опыта изучения сельской молодежи)

<...> Включенное, или участвующее наблюдение имеет довольно богатую историю в социологической практике и свою достаточно развитую «теорию» ([1], с. 159; [2], с. 120-124; [3]; [4]; [5]; [6]). Сам термин «участвующее наблюдение» имеет почти полувековую традицию, будучи предложен Э. Линдемманом в 1924 г. ([7], р. 280). Настоящий метод входит в систему эмпирических методов социологии, как один из методов наблюдения, и в собственных рамках допускает ряд вариаций (в зависимости от способов вхождения в группу, меры

«включенности» участвующего наблюдателя, способов регистрации результатов и т. д.). Относительная «непопулярность» данного метода в нашей социологии есть, по-видимому, явление временное и не имеет иных оснований, кроме сложившегося господства анкетного метода и интервью.

Метод включенного наблюдения приносит наибольший успех, будучи применен **в комплексе методов** [здесь и далее выделено мною сегодня. — А. А.], и особенно необходим на подготовительных этапах крупных обследований.

Справедливость последнего утверждения особенно хорошо осознается в итоге критического просмотра современной социологической практики. Последняя в общем изобилует вопросниками, которые приносят если не вред, то по крайней мере «нулевую» информацию, ввиду своей неадекватности объекту или условиям обследования. Для разработки информативной социологической анкеты необходимо определенное предварительное знание исследуемого контингента, учет социальной психологии, образа жизни, повседневного языка общения, типичных ситуаций и т. д. В противном случае анкета в большинстве своих вопросов оказывается, мягко говоря, неуместной, она игнорирует реальную обстановку и отправлена не по адресу. Сплошь и рядом респондентам предлагают стандартные клише-стереотипы вместо вопросов и вариантов ответа и получают, естественно, «вежливое» согласие со всеми этими клише, но отнюдь не социологическую информацию. <...> Методические ошибки стимулируются слабостью, поверхностностью знакомства с объектом. Чем непосредственнее и «интимнее» будет предварительное знакомство, тем лучше. Участвующее наблюдение есть самое непосредственное (или непосредственное) изучение. Не претендуя на массовость собранного материала, на широту обобщений и законченность выводов, оно приоткрывает перед исследователем пусть ограниченный участок действительности, но такой «как она есть», и тем самым предостерегает наблюдательного и вдумчивого исследователя от многих ошибок на последующих этапах. Можно сказать, что включенное наблюдение есть один из лучших способов **«социологической разведки»**.

Использование метода включенного наблюдения имеет ряд специфических трудностей и таит в себе ряд опасностей. Отвлекаясь здесь от затруднений чисто организационного порядка, остановимся на некоторых, возникающих при таком наблюдении познавательных, психологических и этических проблемах. В литературе многократно отмечалась **двойственность ситуации участвующего наблюдателя**. С одной стороны, он становится носителем определенной роли, которая является органичной для объекта. Например, он трудится в производственном коллективе, где должен удовлетворять разнообразным производственным и иным требованиям к члену этого коллектива. Вместе с тем, он осуществляет отвечающую своей задаче роль исследователя, которая вовсе не органична для объекта (именно потому она внешне никак не выказывается). Эти две роли в сознании и поведении исследователя вступают в своеобразный конфликт. Чем больше он рядовой участник, тем труднее ему, хотя бы «про себя», оставаться сторонним наблюдателем. Условия наблюдения побуждают смотреть на окружающее глазами окружающих. Возникает опасность искажения или даже утраты второй роли, полной идентификации с первой (обеспечивающей участие). И наоборот, чем активнее наблюдаешь, тем затруднительнее собственное естественное поведение в качестве участника. Возникает, далее, вопрос чисто этического свойства. Чтобы не нарушать, не «возмущать» естественного хода и течения жизни объекта (определенной среды, группы, коллектива), участвующий наблюдатель оставляет **скрытой для окружающих** свою основную роль исследователя. Но в какой мере допустимо

пользоваться своим инкогнито для изучения человеческих отношений, а значит - и людей, которые к этому, может, вовсе не расположены?

<...> Искать ответы на этот и иные вопросы, на наш взгляд, следует не в умозрительном рассуждении, а в практике опробования данного метода. Участвующее наблюдение было введено нами в качестве одной из методик в программу комплексного социального исследования «Сельская молодежь в условиях агропромышленного комплекса», проводимого сектором философских проблем воспитания Института философии АН СССР. Данное исследование осуществляется на материале колхоза «Заря коммунизма», Ровенского р-на, Ровенской обл. УССР, для которого характерно высокое развитие подсобных промышленных предприятий, соединение сельскохозяйственного и индустриального труда.

Согласно исследовательскому плану, включенное наблюдение должно было предшествовать разработке вопросника, выборочному интервьюированию и массовому опросу молодежи. Оно было призвано обеспечить такое знакомство с объектом, которое способствовало бы проведению остальных этапов обследования — с учетом достаточно «интимного» знания фактического положения дел. Следует заметить, что задачи включенного наблюдения в данном случае были скорее поисковыми. Так, формализованная регистрация наблюдаемых фактов, рассчитанная на последующую статистическую обработку данных, не планировалась.

Группа «участвующего наблюдения» состояла из двух человек: А.Н. Алексеев и А.В. Седов.¹²³ Автору этих строк довелось быть арматурщиком на строительстве колхозного стеклотарного завода, его коллеге — рабочим на кирпичном производстве того же колхоза, а затем помощником электросварщика на строительстве кормоцеха. Во всех случаях работа не требовала особой профессиональной подготовки (что немаловажно при выборе своего конкретного места внутри изучаемого коллектива). Включенное наблюдение осуществлялось в течение месяца (июнь 1971 г.).

Одной из главных трудностей в применении данного исследовательского метода, по-видимому, является выбор «линии поведения», которая обеспечила бы безыскусственность положения участвующего наблюдателя и не «замутняла» естественного хода жизни исследуемой среды. С этим тесно связана проблема адаптации наблюдателя, особенно остро дискутируемая в литературе. Авторы одного из учебников по социологии пишут о включенном наблюдении: «Эта процедура применяется тогда, когда исследователь способен преобразиться так, чтобы быть принятым в качестве члена группы» ([6], р. 121). Есть основания возразить против выражения «преобразиться» (это же английское слово *disguise* можно было бы перевести и более грубо — «замаскироваться»). Участвующий наблюдатель, по нашему глубокому убеждению, не должен «играть» кого-то другого, его психологическая задача скорее должна состоять в том, чтобы **быть самим собой в новой обстановке**. Таков важнейший методический вывод из нашего практического опыта.

Очень важно войти в роль, которая была бы не только достаточно естественна и понятна окружающим, но и максимально органична самому участвующему наблюдателю. В данном случае это была роль сезонника, преследующего материальный интерес, решившего поработать половину своего отпуска, чтобы вторую отдохнуть как следует. «Примыслив» себе мотив, нет надобности выдумывать факты собственной биографии. Отвечая на обычные вопросы к новичку, которые задают товарищи по работе, участвующий наблюдатель может

¹²³ Александр Владимирович Седов был в ту пору аспирантом Института философии АН СССР, а автор этих строк — его научным руководителем.

говорить «все как есть» (автор этих строк позволил себе даже назвать место своей основной работы — академический институт, что было пропущено бригадой мимо ушей). Он «не договаривал» одного — своей исследовательской цели (что, в конечном счете, укладывается в нормы «права на личную жизнь»: с какой стати человек обязан все рассказывать). Такой способ вхождения в группу обеспечивает достаточно надежную адаптацию (психологический аспект) и вместе с тем удовлетворяет важному принципу: нельзя ожидать доверия в ответ на фальшь, пусть даже искусно скрытую (аспект нравственный).

Опыт подсказывает и другое важное правило включенного наблюдения. Оно может показаться парадоксальным: **максимум интересующей социолога информации достигается минимумом явной любознательности.** (Эту же мысль можно выразить и афористически: если хочешь побольше узнать — поменьше спрашивай!). «Не спровоцированная» специальным вопросом нечаянная реплика часто информативнее целого интервью (по крайней мере на данном этапе исследования). Вообще, что касается интервью, пусть даже самого «незаметного», самого деликатного, то это дело не для участвующего наблюдателя. Тут важно не только сохранение обстановки естественности, которая неизбежно нарушается наблюдателем, если он чрезмерно любознателен. Важно также следовать определенному этическому принципу: **не злоупотреблять тем, что окружающие не знают о твоей исследовательской задаче** (может быть, если бы знали, они ответили бы на те же вопросы иначе). При таком способе поведения и контактов участвующий наблюдатель оказывается «принят в качестве члена группы», не прилагая к этому специальных усилий. И, наоборот, всякие «специальные усилия» скорее вызвали бы обратный результат.

В нашем случае исследователю важно было не столько узнать какую-либо деталь личной биографии своих новых товарищей, отдельное мнение и т. д., сколько уловить общую атмосферу, настроение коллектива, отношение к труду, выраженное в поступках, а не в словесных заявлениях и т. п. **«Скрытая камера» социолога, как нам представляется, направлена не на отдельного человека, она не посягает на его «интим».** Другое дело — «интим» группы, коллектива. Но это то, что люди считают возможным обнаруживать друг перед другом в процессе труда и досуга, что, если и скрыто, то не от того, кто разделяет с ними этот труд и досуг. Особенный интерес представляет поведение коллектива в «значимых ситуациях», пользуясь термином Е.С. Кузьмина.

«Значимые ситуации могут возникать в производственной, общественной, учебной, бытовой сфере у членов того или иного коллектива, либо у коллектива в целом. Как коллектив и его члены реагируют на изменение норм выработки, на внедрение рационализаторского предложения, на сверхурочные работы, на обсуждение комплексного плана, на успехи и недостатки в учебе, на поведение своих членов в быту — вот примеры «значимых ситуаций» ([8] с. 29).

Думается, что предложенный Е. С. Кузьминым метод изучения **значимых ситуаций** наиболее эффективен в комплексе с включенным наблюдением. Следует сказать, что для внимательного глаза производственная жизнь, досуг, быт изобилуют стихийно возникающими значимыми ситуациями при известном стремлении усмотреть, выделить их в потоке повседневности. В принципе возможны и значимые ситуации, созданные самим участвующим наблюдателем. Но здесь нужны особые осторожность и такт, поскольку это, строго говоря, выходит за рамки обеих ролей участника-наблюдателя.¹²⁴

¹²⁴ По существу, этим рассуждением автор предвосхищает переход от «включенного наблюдения» к «наблюдающему участию».

Значимая ситуация, организованная самим исследователем ¹²⁵, должна удовлетворять по крайней мере двум условиям: во-первых, она не должна принести хотя бы минимального ущерба кому-либо из членов коллектива; во-вторых, она должна «вписываться» в естественный контекст поведения как самого участвующего наблюдателя, так и коллектива. Вот один пример. За несколько дней до своего отъезда из колхоза автор этих строк решил сам создать значимую ситуацию, **раскрыв свое инкогнито**, точнее — объяснив бригаде действительную цель своего поступления на колхозную стройку. Это сообщение не вызвало «сенсации», ситуация оказалась лишена всякой напряженности. Мало того, после не удалось заметить каких бы то ни было изменений в поведении коллектива ни по отношению к исследователю, ни в отношениях между людьми в его присутствии. Дело в том, что своим сообщением участвующий наблюдатель добавил пусть существенный, но **единственный** штрих к сложившемуся о себе представлению. Ему не понадобилось при этом опровергать что-либо из того, что он говорил о себе раньше.

Мы ограничились здесь изложением лишь ряда методических выводов из нашего опыта. Содержательные результаты [*включенного наблюдения*. — А. А.] должны рассматриваться в контексте данных, полученных другими способами. Можно, однако, сказать, что в итоге применения включенного наблюдения получено необходимое предварительное, **«эмоционально-опытное» подтверждение гипотез исследования, требующих теперь проверки более строгими методами**. Формулировки некоторых гипотез уточнены, выдвинут ряд дополнительных. Опыт включенного наблюдения позволил использовать в разработанном позднее вопроснике социологического интервью значительное количество тестовых и ситуационных вопросов, учитывающих конкретную обстановку. ¹²⁶

Представляется необходимым дальнейшее более активное внедрение метода участвующего наблюдения в современную социологическую практику, равно как и выработка определенных норм и стандартов его научного применения.

Литература

1. Ядов В.А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968.
2. Goode W. and Hatt P. Methods in Social Research. N.-Y., 1952.
3. Becker A. S. Problems of Inference and Proof on Participant Observation / Sociological Methods. Ed. N. K. Denzin. Chicago, 1970.
4. Gold R. L. Roles in Sociological Field Observation / Sociological Methods. Ed. by N. K. Denzin. Chicago, 1970.
5. Olesen V. L. and Whittaker E. W. Role-Making in Participant Observation: Processes in the Researcher-Actor Relationship / Sociological Methods. Ed. by N. K. Denzin. Chicago, 1970.
6. Kluckhohn Fl. Die Methode der teilnehmenden Beobachtung / Kцnig R. (ed.). Beobachtung und Experiment in der Socialforschung. Kцln, Berlin, 1965.
7. Theodorsen G. A. and Theodorsen A. G. A Modern Dictionary of Sociology. N.-Y., 1969.

¹²⁵ Ср. с «моделирующей ситуацией» — понятием, введенным автором этих строк позднее, в связи с «наблюдающим участием».

¹²⁶ См. «Вам нет тридцати...». Социологическое интервью. Ленинград — Ровно, 1972; интервьюирование по этому вопроснику проводилось в с. Заря, Ровенского р-на, Ровенской обл., в июне 1972 г., год спустя после включенного наблюдения.

8. Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967.

(Цит. по: Молодежь. Образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л.: Наука, 1973, с. 65-71.¹²⁷

Ремарка: к вопросу о профессиональной этике социолога.

В связи с обсуждавшимся в представленной здесь статье морально-этическими проблемами «включенного наблюдения» приведем общую постановку вопроса о соотношении цели и средств в социологическом исследовании, принадлежащую киевскому социологу Владимиру Паниотто: «...Диалектика цели и средств — это не абстрактный вопрос, представляющий теоретический интерес, а насущная проблема практики научных исследований, не имеющая однозначного решения и требующая тщательного рассмотрения в каждом конкретном случае. Ситуация небезупречного в нравственном отношении использования социологических методик представляет, на мой взгляд, большую опасность, чем ситуация исследовательского бездействия из-за моратория на конкретные способы проведения социологического исследования. Поэтому целесообразно уделять особое внимание этому вопросу в социологических публикациях, практиковать обсуждение с этой точки зрения процедур социологического исследования, стимулировать разработку новых способов сбора информации с учетом нравственного аспекта методики.

Например, включенное наблюдение во многих случаях может быть заменено процедурой “наблюдающего участия”, которая отличается тем, что исследователь становится участником коллектива, не скрывая своего “происхождения”, своих целей и задач...¹²⁸ В этом случае наблюдение (точнее, участие) проводится дольше — с тем, чтобы члены коллектива успели адаптироваться и перестали обращать внимание на исследователя, исследователь по-другому строит свои отношения с членами коллектива и т. п.

...Вообще для каждого метода сбора социологической информации в рамках разработки профессиональной этики должны быть разработаны свои правила нравственного поведения, своего рода “кодекс чести”, входящий как составная часть в методику исследования (выделено мною. — А. А.) ...» (Па-ниотто В. И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры обеспечения). Киев: Наукова думка, 1986, с. 172-173). (Декабрь 2000 — октябрь 2003).

23.9. На пороге эоантропоцентрической социологии

Несколько вступительных слов

Ниже — одноименная статья (1994) докт. психол. наук, профессора Тамары Моисеевны Дридзе.¹²⁹ Вплоть до 2000 г. Т. Д. руководила Центром социального управления, коммуникации и социально-проектных технологий Института социологии РАН

¹²⁷ См. также: Алексеев А. Н. «Скрытая камера» социолога // Знание-сила, 1972, № 1.

¹²⁸ Здесь В. П. ссылается на одну из работ автора этих строк (1982), а также на работу: Ряжских И. А. Опыт использования включенного наблюдения для изучения жизни производственного коллектива // Социологические исследования, 1975, № 3.

¹²⁹ См. о ней в томе 1 настоящей книги: раздел 4.4 («Памяти Тамары Дридзе»).

Признаться, я лично воспринимаю эту работу коллеги и друга как отодвинутый во времени (12 лет!), с учетом современных общественных изменений и научного движения, развернутый, «программный» ответ — на адресованное Т. Д. в начале 80-х письмо-размышление социолога-рабочего о «мистифицированной науке».

Основные положения, выдвинутые Тamarой Дридзе в данной статье, глубоко созвучны автору настоящей книги. (Апрель 2000 — июнь 2003).

Статья Т. Дридзе «На пороге эоантропоцентрической социологии», опубликованная в журнале «Общественные науки и современность» (1994) ¹³⁰

Цель, которую я поставила перед собой, приступая к статье, — попытаться представить некую общую панораму, характеризующую направления исследовательского поиска в социальных науках; уловить просматривающееся в них стремление к выходу на новую, междисциплинарную парадигму, способную размыть границы между разными отраслями научного знания о природе, человеке и обществе (экология, психология, культурология, экономика, социальная и экономическая география, этология, антропология и др.), равно как и между так называемыми «сферами» повседневной социальной жизни (труд, быт, отдых и т. п.).

(Думается, немаловажно преодолеть стереотип привычного «одномерного» рассмотрения этих «сфер», а соответственно, и управления ими как «отраслями народного хозяйства». За ними — целостность человеческого образа жизни. И связаны они между собой не «напрямую» («сфера» со «сферой»), а через «натуру» и жизнедеятельность людей).

Нельзя забывать и о том, как меняется роль социолога в современном мире. На смену деспотиям, где, по мысли Монтескье (до сих пор актуальной!), господствуют не законы, а нравы и обычаи, приходят уклады, требующие не властвовать, а служить, не командовать, а сотрудничать, организуя и координируя процессы коммуникации в социальном пространстве-времени. Повсеместная децентрализация управления сопровождается, однако, сменой мотивов и распадом устоявшихся ранее связей и контактов между людьми. Нарастает социальная дезинтеграция, обусловленная, как правило, агрессивностью властолюбцев и любителей легкой наживы, конструирующих и провоцирующих межэтнические, межконфессиональные и прочие силовые конфликты. Сметая все на своем пути, «авторы», соучастники и невольные пособники таких конфликтов уничтожают среду обитания людей, отрицая тем самым самоценность жизни как таковой, лишая будущего своих потомков. В этих условиях выживание природы и цивилизаций в значительной мере зависит от нравственности, компетентности, а значит, и от осознания собственной «хрупкости» любым субъектом, причастным к преобразованиям в жизненной среде. Обществовед, осознающий эту истину, перестает быть узким специалистом по социальной структуре, образу жизни, девиантному поведению и т. п. Преодолевая символические «рамки соотнесения» («frames of reference»), разделяющие отрасли и самих носителей социального знания, он стремится проникнуть в глубь подлинной социальной драмы, распознать ее истоки, лежащие за пределами видимой «социальной топологии». Возникает как бы новая «миссия» социолога — выявлять, представлять и защищать людей от самих себя, интегрируя накопленное ими же знание о природе, человеке и

130 Здесь публикуется с небольшими сокращениями.

обществе в процессы выработки решений, затрагивающих их собственное будущее.

Очевидно, что выработка любых решений, оказывающих влияние на качество жизни людей, на характер и направление развития природных и социокультурных объектов, носит управленческий характер и потому не может ориентироваться на обрывочные знания. Выработка таких решений предполагает не только мысленную реконструкцию или «сборку» сложных объектов, «разобранных» по отраслям знания, но и научно обоснованное «восхождение» к истокам этих объектов, а следовательно, и к истокам социально значимых проблем, всегда имеющих предысторию и скрытый потенциал перерастания в состояние напряженности. Иными словами, нужна новая **социально-диагностическая парадигма** [выделено мною. — А. А.], позволяющая отслеживать и «обнажать» эко- и психоантропологические начала, динамику и тенденции развития проблемных жизненных и социальных ситуаций. Между тем в нынешних своих изысканиях большая часть современных российских социологов опирается, как правило, либо на ставшую привычной детерминистскую модель общественного развития, либо (что бывает чаще) на разнообразные версии западного структурализма с их тенденцией объективировать, структурировать и измерять количественно этнологические, психологические, экологические, культурные и любые иные образования. В результате они отвлекаются как от специфики их генезиса (становления), так и от разнородности их внутреннего содержания. Отсюда и укоренившаяся ориентация на изучение базовых «ячеек» социальной структуры общества. Сложилась стереотипы рассмотрения группового, а не индивидуального начала в качестве «пускового механизма» любого социально значимого процесса, оперирования безличными структурными единицами и их свойствами, поддающимися подсчету и (или) измерению.

При этом само социальное знание оказывается достаточно разрозненным. Подчиняясь правилам и стандартам проведения эмпирического исследования, социологи весьма редко исходят из гипотез, основанных на некоем общем видении природы изучаемого объекта. Это сказывается как на составе наблюдаемых разными исследователями переменных, так и на самих интерпретациях получаемых данных. Несопоставимость результатов, обусловленная отсутствием общенаучной платформы, обесценивает новое знание, не позволяет интегрировать его в систему выработки решений. В этой связи обращает на себя внимание сложившаяся в социологии тенденция **автономизации** социальной реальности, утверждения ее кардинального отличия от биологической, экономической и иных «реальностей». Эта идея, восходящая к «социальной физике» О. Конта, вплоть до настоящего времени служит делу обоснования самого существования социологии как самостоятельной научной дисциплины, изучающей простейшие и вместе с тем наиболее общие свойства социальных систем. Само же социологическое изучение многослойной социальной реальности естественно привело к дальнейшему дроблению социологии как науки на множество частных социологий. В результате сегодня можно насчитать до пятидесяти отраслей социологической науки, вычленяемых в зависимости от предмета изучения (социология детства, молодежи, женщин, семьи, воспитания, труда, науки, религии, права, культуры, коммуникации, среды, повседневной жизни, миграции, стратификации и т. п.). В самом факте такого дробления есть нечто, заставляющее задуматься над смыслом и последствиями нынешнего способа организации и получения социального знания, а также над судьбами

фундаментальных социологических концепций, носящих преимущественно описательный характер.

Анализируя сложившуюся ныне ситуацию, например в испанской теоретической социологии, профессор Мадридского университета Комплутенсе Э. Ламо де Эспиноса обращает внимание на то, что новое поколение молодых социологов, окончивших британские и американские университеты, попытались внести в испанскую социологию струю здорового **«парадигматического плюрализма»** [выделено мною. — А. А.]. Оно ознакомило в конце 80-х гг. испанскую научную общественность с критической теорией общества франкфуртской неомарксистской школы, с концепциями символического интеракционизма, этнометодологии и т. п. Предполагалось, что это стимулирует развитие фундаментальной социологии в самой Испании, приведет к более глубокому осмыслению социальной реальности переходного времени (см. Lamo de Espinosa E. *Sociological theory / Sociology in Spain*. Madrid, 1990, p. 350). Этого, однако, не произошло. Случилось то же, что и в России, где молодые социологи, побывавшие на стажировках за рубежом и увлеченные почерпнутой там информацией о последних достижениях в области символического интеракционизма и социальной топологии, а также об эффективности так называемых «мягких» (неформальных, качественных) методов сбора социальной информации, заимствованных из этнометодологии и дискурсного (нарративного) анализа, оказались не понятыми у себя дома.

Представляется, что такое непонимание произошло по крайней мере по двум причинам. Одно из них состоит в том, что интенсивный переход к практической демократии, мало заинтересованной в фундаментальных теориях и склонной к поиску быстрых решений, сиюминутных проблем, ведет к резкому ухудшению финансовой ситуации в науке. Извечный дисбаланс между теорией и практикой возрастает. Бедствующие социологи все чаще отказываются от теоретического поиска в пользу хорошо оплачиваемых прикладных исследований. Утверждается представление о том, что социология — это техника изучения рынка и электората с последующим написанием отчетов для заказчиков (администраторов, предпринимателей, лидеров разного рода движений и т. п.). И хотя исполнение таких заказов, возможно, способствует становлению социологии как профессионального ремесла, обогащения социологической теории, по существу, не происходит.

Более того, возрастает разрыв между целостной картиной социальной жизни, в том или ином виде присутствующей в сознании ученого, и фрагментарность заказных исследований, порой не вписывающихся не только в ту или иную теоретическую модель, но и не отвечающих устремлениям социолога. К тому же собираемая с помощью стандартных социологических приемов (опросов, переписей, формализованного анализа текстов и т. п.) информация, даже если она вполне удовлетворяет конкретного заказчика, повторно, как правило, не используется, ибо отсутствует теоретическая основа для сопоставления и обобщения содержательных результатов концептуально разнородных и разноаспектных исследований сходных (и даже одних и тех же) социальных образований.

Вторая причина отторжения теоретических моделей состоит, по всей видимости, в том, что названные модели, как правило, представляют собой **идеальные конструкторы без человека**. К тому же дробление представлений о человеке и социуме уподобляет само знание разбитому зеркалу, «во фрагментах которого можно увидеть клочки распадающегося мира» (Человек — эволюция — космос. 1982, № 1, с. 166). Утерянным оказалось и представление об интенциональности (определенной направленности) сознания и социальной ответственности людей,

а следовательно, и восходящих к ним социально значимых процессов, «конфигурация» которых в существенной мере зависит от наиболее распространенных, повторяющихся и устойчивых стратегий действия и поведения.

Следствием такого развития событий в социологии представляется тот, на мой взгляд, прискорбный факт, что эта дисциплина постепенно лишается возможности исполнять функцию науки как таковой. Поскольку предназначение последней состоит в описании, объяснении и предсказании направления развития социально значимых процессов, а это немисливо без систематической научной индукции, без постоянного «обмена веществ» между теоретическим и эмпирическим уровнями познания.

Решение проблемы лежит, как представляется, на путях развития экологической психоантропологии и выстраивания (на новой современной научной платформе) **экоантропоцентрической парадигмы** познания социальной действительности. В этой парадигме могут быть «сняты» междисциплинарные барьеры, искусственно воздвигнутые так называемой «узкопрофессиональной специализацией» (в том числе и при помощи языковых метафор), между социологией, психологией, антропологией, этологией, экономикой, семиотикой и другими отраслями знаний о природе, человеке и обществе.

Экоантропоцентрическая парадигма социального познания восходит к идеям экзистенциальной философии, философской, культурной и социальной антропологии, социальной географии и психологии среды. Она исходит из того, что социальные институты общества представляют собой кристаллизацию межчеловеческих отношений. А поскольку природа человека целостна и двуедина (сочетает в себе инстинктивное и ментальное начала), то и социально значимые процессы, восходящие к предметным и функциональным потребностям человека, также целостны и двуедины (нельзя, например, понять природу политического процесса, не учитывая игровой инстинкт и т. п.).

Сказанное позволяет предложить новое, отличное от общепринятых <...> определение предметной области социологии как **экоантропоцентрически ориентированной науки. Экоантропоцентрическая социология изучает механизмы и социально значимые следствия взаимодействий человека с его природным, культурным и социальным окружением, опосредуемых социальной структурой и социальной инфраструктурой.** Таким образом, вместо триады «группа (класс) — общество — общественные отношения» предметом анализа становится связка «человек — среда (жизненная, социокультурная) — их взаимодействие (основанное на коммуникации)».

Такое определение дает возможность социологу, исследующему любые аспекты социальной реальности, не терять из виду многомерное пространство-время, охватывающее все направления взаимодействий человека со средой его обитания. <...> Кроме того, здесь открывается возможность изучения не просто социальных, но **социально значимых** процессов, т. е. любых процессов (вне зависимости от их истоков и характера), оказывающих влияние на жизненную ситуацию личности и среду ее жизнедеятельности. <...> К тому же в этой парадигме социальная структура (социально-групповой и демографический срез) общества и его социальная инфраструктура (сеть социокультурных институций, предприятий, учреждений, организаций и т. п., призванных служить жизнеобеспечению) как бы «дезаувируются», теряют самоценность, обретая значение лишь в той мере, в какой соприкосновение (вхождение, самоидентификация, взаимодействие и т. п.) с ними оказывает влияние на жизненные ситуации людей, на их образ мыслей, на качество и образ их жизни.

В эоантропоцентрической парадигме социального познания изначально не группы (этнические, конфессиональные, профессиональные, статус-позиционные, возрастные и т. п.) с предписанным им типовым сознанием и поведением, как бы «распадающиеся» на своих отдельных «представителей», а люди, которые, осуществляя свой собственный выбор и (или) делая его под давлением среды, и образуют такие группы и общности, идентифицируют себя с ними сегодня, а завтра по каким-то мотивам меняют свою ориентацию. **Изучая социальные процессы и, тем более, претендуя на право их регулировать, думается, целесообразно от увлечения социальными структурами вернуться к истоку — к человеку, герою и автору множества социальных драм.** [Здесь и далее выделено мною. — А. А.]. Анализировать социальную действительность, пытаться описать, объяснить и даже предсказать будущее ее состояние можно, лишь идя от экологических и психоантропологических факторов выживания людей к функциональной организации микро- и макросреды их жизнедеятельности. Как мне представляется, свою несостоятельность уже в достаточной степени проявила противоположная ориентация на функции, например, сооружений, территорий, населенных пунктов и т. п., принятая, в частности, в генеральных планах развития наших городов. Групповой социальный субъект — единица условная. Ее «единство» заведомо вовсе не предопределено. Оно «исчисляется» аналитически, исходя из столь же условного сходства признаков (если речь идет о половозрастных характеристиках, которые вообще-то столь же условны: пенсионер отнюдь не всегда стар, равно как инженер по профессии отнюдь не всегда специалист). И вряд ли целесообразно, скажем, организуя инфраструктурные сети, исходить из социально-структурных «пропорций».

Регулируя социальную жизнь, создавая социальную инфраструктуру, призванную служить жизнеобеспечению людей, важно отдавать себе отчет в том, что ее заботы и услуги не могут адресоваться группе или классу. Они должны быть адресованы человеку, причем не среднестатистическому или групповому, а отдельному, с его конкретными нуждами и запросами. Кормится, учится, трудится, лечится человек, а не «слой» или «прослойка», а значит, инфраструктура, сконструированная в расчете на «безличные» компоненты социальной структуры, неэффективна по исходному принципу.¹³¹

Нет и не может быть прямой и простой связи между социальной структурой и, скажем, структурой жилищного фонда. **Между ними стоит живой человек с собственной жизненной стратегией.** Поэтому нельзя, например, раз и навсегда (или, скажем, до 2025 года) «увязать» квартирный состав жилья с демографическим составом населения. Семьи, как известно, могут возникать и распадаться, люди — рождаться, болеть и умирать. Человек может сегодня оказаться семейным, завтра — одиноким. У одной и той же семьи на разных этапах ее жизненного цикла меняются проблемы, материальное положение, жизненные установки и т. п., а соответственно, и требования к жилью, к обслуживанию, к работе и т. д.

Эоантропоцентрическая парадигма в социологии представляется мне залогом ориентации науки на воспроизводство здоровой жизни в здоровой среде. И, значит, цель социального участия и связей с общественностью состоит не только

131 Ср. нашу собственную постановку вопроса в работе 1981 г.: «...Не смешивать жизнь человеческих индивидов с функционированием социальных систем... Ведь **живут**-то только люди (социальные индивиды); а группы и общности — **существуют и воспроизводятся**; общество же, само по себе, есть структура, которая может только **функционировать и развиваться** (но не «жить»)» («Образ жизни и жизненный процесс...». 1981; том 1 настоящей книги, с. 445).

в обеспечении социальной защиты слабых и (или) больных (вполне конкретных) людей, не только в помощи малоимущим и неустроенным. Она видится мне прежде всего в поддержании стабильности, законности и гуманитарной ориентации всей системы социального управления, способствующей становлению и выживанию сильных, самостоятельно думающих, работающих, социально активных и нравственно устойчивых людей. Поэтому социологам нельзя упрощать свои исследовательские задачи, сводя их к изучению достаточно обезличенных данных фактографического и статистического характера.

Как справедливо отмечает специалист в области социальной антропологии П. Гулливер, факты и цифры, полученные в ходе широкомасштабных исследований, будучи обобщены и оценены, не дают, однако, качественного знания о значительно более важных, но не столь очевидных явлениях (см. Gulliver P. M. Anthropology. «The African world: a survey of social research». London, 1965, p. 97). Можно узнать о числе и социально-демографическом составе людей (семей), проживающих в одном доме, и получить формальные сведения об их контактах друг с другом, но остаться в неведении относительно действительных отношений между ними и норм поведения, которых они придерживаются. Можно подсчитать количество переездов в расчете на одного человека, не разобравшись при этом в природе процесса и характере его связей с жизненной средой, с бывшими и новыми соседями. Можно узнать, чем человек, по его словам, занимался, занимается или будет заниматься, так и не выяснив, как он в действительности относится к выполнению, скажем, своих родственных или иных социально значимых обязательств. Качественная сторона взаимодействий человека с его природным, культурным и даже социальным окружением (этнические, родственные, соседские, политические, профессиональные, досуговые, религиозные взаимодействия) практически выпадает из поля зрения «структурно-ориентированного» социолога. Ибо факт принадлежности к той или иной социальной группе и даже статус-позиция в «социальном пространстве» не объясняют динамики поведения людей, нередко кажущегося парадоксальным. Другой американский ученый, Л. Плотников, специально выделил то обстоятельство, что социальный контекст постоянно меняется и индивидуумам приходится менять свои роли и действия, сообразуясь с ситуацией. Быстрые и интенсивные перемены в жизненной среде заставляют человека столь же быстро и интенсивно менять свои «внешние» социальные роли в целях выживания. В разное время, замечает Плотников, люди бывают и традиционалистами, и модернистами, местными патриотами и националистами, партикуляристами и универсалистами. И все это — в соответствии с их личными нуждами в условиях диктата той социокультурной среды, в которой они вынуждены находиться. (См. Plotnicov L. Strangers to the city. Pittsburg, 1971, p. 11).

Скрытые пласты социальной жизни недоступны для исследования традиционными социологическими методами, вытекающими из столь же традиционной трактовки предметной области социологии. Жизненные стратегии людей в мире социальных контактов и отношений включают в себя целую гамму ориентаций. Отвлекаясь от этих субъективных начал, социология теряет возможность видеть и понимать социальную реальность, отслеживать истоки и направление процессов, ее меняющих. Следовательно, нельзя не присоединиться к мнению антрополога, который полагает необходимым сконцентрироваться на реальном мире индивидуума, на его понимании среды, на изучении его отношений с ней, на его самоопределении внутри нее и (через его приспособляемость к ней) на том, как он добивается удовлетворения своих

жизненных запросов, избегая неприятностей и разочарований. (Ibid., p. 12). И значит, **социологам не обойтись без модели, в рамках которой был бы возможен последовательный переход от исследования конкретных событий, составляющих индивидуальный жизненный путь человека, к изучению социально значимых явлений и процессов.**

Соответствующие исследования должны носить **локальный** характер, что, к сожалению, не кажется очевидным именно в России, практически лишенной знакомства с культурно- и социально-антропологическими традициями в науке. Интерес к человеческой личности, к ее наклонностям и выбору здесь в основном проявили писатели и журналисты. Социальная наука все же искала общее и боялась частного, «нетипичного». ¹³² Между тем динамика конкретно-исторических ситуаций проистекает из динамики локальных социальных ситуаций, «коррелирующих», в свою очередь, с жизненными стратегиями людей. «Измерения» ситуаций — экологическое (воспроизводство жизни), экономическое (воспроизводство ресурсов для жизни), культурное (воспроизводство образцов для жизни) «валентны» человеку, а не формально-аналитическим компонентам и «пропорциям» социально-аналитического свойства. Знание последних, несомненно, полезно политикам и летописцам, оно способствует некоторой «общей ориентации в материале», однако мало что дает социальной диагностике и грамотному социальному управлению.

Представляется, что эоантропоцентрическая установка неявно присутствует в трудах многих современных социологов — сторонников гуманизации этой науки. **Обращение к человеку, его прошлому и будущему, к особенностям его личных переживаний, его жизненных стратегий, включая те, что направлены на минимизацию и (или) компенсацию расходов жизненной энергии, становится сегодня одной из центральных тенденций, прослеживаемых в социологической литературе.** Не случайны и интенсивная институционализация антропологии в университетских и академических центрах, возникновение антропологических ассоциаций, учреждение антропологических изданий, проведение семинаров и конгрессов по антропологии. И все это при активном участии социологов.

В то же время в социологии возникло понимание значимости органической связи между жизненной средой и поведением человека. И если раньше понятие «среда» социологи всячески обходили, относя его к разряду психоаналитических, антропологических, бихевиористских, гештальтистских и т. д., то теперь уже стали привычными словосочетания типа «социология среды», «энвайроментальная социология», «социальная экология», «экология человека» и т. п. Но нужно ли науке это очередное расчленение? Не разумнее ли уберечь целостное представление среды, сохранив соответствующее понятие в статусе одной из ключевых категорий эоантропоцентрической социологии — наряду с такими онтоносеологическими категориями, как «человек», «сознание», «субъектность», «ментальность», «жизнедеятельность», «жизненная (социальная) ситуация», «жизненная энергия», «жизненные ресурсы», «рекреация», «активность», «поведение», «деятельность», «коммуникация», «взаимодействие», «группа», «сообщество» и т. п.?

Известно, что человек — существо биосоциальное. В эоантропоцентрической парадигме человек выступает как носитель жизненного потенциала, в той или иной мере позволяющего ему адаптироваться в интенсивно меняющейся среде обитания. Потребность человека в постоянном восстановлении жизненной энергии (рекреация) в борьбе с усиливающимся натиском цивилизации

¹³² Ср. с постановкой вопроса В. Н. Шубкиным на рубеже 70-х—80-х гг. См. ранее: раздел 23.3.

становится одной из самых насущных, поскольку совпадает с потребностью выжить.

Экоантропоцентрическая парадигма принята в качестве исходной платформы в прогнозном социальном проектировании, которое трактуется нами как вариант «мягкой» социальной технологии, позволяющей интегрировать научное знание, ценное с гуманитарной точки зрения, в практику выработки и принятия управленческих решений. Разработка этой технологии стала возможной на основе сочетания проблемно-ситуационного и средо-вого подходов к изучению индивидуальных жизненных и управленческих стратегий с трактовкой социальной коммуникации как основного социокультурного механизма, обеспечивающего становление, воспроизводство и модификацию всех социальных связей, возможность научного обоснования и практической реализации доктрины социального участия и партнерства.

Концепция прогнозного социального проектирования как ключевого звена социально-управленческого цикла включает в себя методологические, технологические и прикладные аспекты, а также разнообразные исследовательские стратегии. Кроме того, она предполагает апробацию междисциплинарных методов и техник, позволяющих не только табличным, но и пространственно-временным образом организовывать экологическую, экономическую и иную социально-значимую информацию для выработки конкретных решений локального характера. Эта технология, как мне представляется, закладывает научную платформу междисциплинарного объединения ученых для участия в регулировании социально-значимых процессов.

Т. Дридзе

(Общественные науки и современность. 1994, № 4, с. 97-103)

Ремарка: что — когда сказано...

См. также позднейшие труды Тамары Дридзе на эти темы:

— Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек, 1998, № 2; К преодолению парадигмального кризиса в социологии // Общественные науки и современность, 2000, № 5; и др.

Узнав, что я собираюсь включить в эту книгу ее работу 1994 г., Тамара заметила: «Последние статьи — более зрелые...». Это было за несколько месяцев до ее кончины, последовавшей 31.10.2000.

*...И все же — оставляю как есть: ведь важно не только — **что** сказано, но и — **когда**. Даже если — «всего лишь» — десять лет назад. (Сентябрь 2000 — июнь 2003).*

Из работы Т. Дридзе «Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии», (2000)

<...> Изучая социальные процессы и, тем более, претендуя на право их регулировать, целесообразно от увлечения структурными социальными единицами вернуться к истоку — к **человеку**, герою и автору множества социальных драм. Не к виду — «*Homo sapiens*» (человек разумный) и т. п., «*Homo ludens*» (человек играющий), «*Homo agens*» (человек действующий) и т. п., а к роду — «*Homo vivens*» (**человек живущий**), который, будучи антропологически изначальным, рефлексивируется, как правило, лишь авторами художественных произведений.

<...> Итак, пришла пора повернуть фундаментальную социологию лицом к **живому человеку, обитающему в многослойной жизненной среде**. Переход к такой парадигме социального познания откроет перед ней обширные возможности для интеграции научного знания о природе, человеке и обществе в практику выработки социально значимых управленческих решений. Думаю, что это единственный научно-осмысленный путь не только к реабилитации в социальных науках организующего человеческого начала социокультурной жизни общества, но и к постижению механизмов ее зарождения, поддержания и воспроизводства, а также к познанию жизненных и социокультурных ресурсов, способов выживания людей и сообществ в разных социокультурных ситуациях и средах. <...>

Т. Дридзе

(Социологические исследования, 2000, № 2, с. 22, 28).

Ремарка 1: Дридзевские чтения.

Труды Тамары Дридзе заслуживают внимательного изучения и осмысления, для чего небесполезна и просто пропаганда ее научного наследия. Этой последней задаче отчасти служит и настоящая републикация.

Недавно я с удовлетворением узнал, что начиная с 2001 г. в Институте социологии РАН проходят ежегодные Дридзевские чтения.¹³³ (Январь 2004).

Ремарка 2: за «рефлексивную социологию» (Г. Саганенко).

К сожалению, я не имею возможности процитировать здесь всех своих научных союзников.

К таковым, например, относится докт. социол. наук, профессор, ведущий науч. сотрудник Социологического института РАН Галина Иосифовна Саганенко.¹³⁴ Приведу здесь фрагмент из ее научного отчета 1999 г.:

«...Нами проанализирована (в частности, на материале множества современных учебников социологии. — А. А.) специфика отношения социологии к “человеку” в трех методологических подходах:

*(1) Представляется, что социология, которая занимается обществом, обходится без анализа человека вообще, без анализа многообразия субъектов, действующих в обществе. Так разделы, которые имеются в монографиях/учебниках и где как бы есть “человек” или “люди” — группы и организации, население, харизматические политические лидеры и пр. — все-таки задевают проблему в разных иных жанрах и аспектах и в совокупности не дают ощущения **субъектности социальной реальности**, множественности разных типов субъектов, действующих в обществе...*

*(2) Что касается методологии социологических исследований, то “человек” здесь существует только в ранге **объекта исследования**, в специфической функции “респондента”, призванного обеспечивать правдивой информацией инсти-туализированные формы деятельности социологии (эмпирические исследования).*

В гуманистической социологии есть интерес к целостной жизни человека, к новым измерениям повседневной и глубинной его жизнедеятельности. Однако можно обнаружить и здесь, что “человек” это прежде всего объект для социолога — эмпирика или теоретика.

133 См.: Вестник РОС, № 2(19), осень-зима 2003-2004, с. 9.

134 См. особенно ее постановку вопроса о том, что такое «социологическое мышление»: Саганенко Г. И. Как не поддаться магии отдельных слов (О развитии социологического мышления в обществе) // Философская и социологическая мысль, 1991, № 1.

Социолог скорее всего удовлетворяет свое любопытство на благо своих теоретических или методологических построений, а не для какой бы то ни было пользы реального человека. Здесь социолог, представляется, удовлетворен больше самим собой, своим “гуманистическим поворотом” к миру — к человеку, своими специфическими подходами. И собственно актуальное существование реального человека в современном обществе — отдано на откуп разве лишь отдельным эмпирическим исследованиям. (3) В “рефлексивной социологии”⁵⁷ реализуется иная целевая направленность — **предложить реальному человеку некоторые инструменты для систематического осмысления им отдельных значимых сторон жизни в контексте актуального общества, ввести в область осмысления достаточно существенную совокупность этих значимых сфер...**» (Саганенко Г. И. Социальная и социологическая информация: способы актуализации информации, проблемы взаимного перехода. Научный отчет. 1999).⁵⁸ (Октябрь 2003).

(4)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-prodolzhenie-4>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 4

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 24.06.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеева.

Продолжение
<...>

23.10. «Метод — не только путь, но и взгляд...»

...После вчитывания в документы смотришь окрест совершенно иным взглядом. То, что вижу на улице, то, как протекает моя сегодняшняя жизнь, властно задает **позицию чтения** документов. Так впервые ощутила (не по одним книгам), что **метод — не только путь, но и взгляд, и чувство...**
Н. Козлова

[Ниже — несколько извлечений из высоко ценимых мною трудов московского философа, социолога, культуролога Наталии Никитичны Козловой. Не будучи лично знаком, очень хотел подарить ей свою книгу. Не довелось: Н.Н. Козлова скончалась в 2002 г. — А. А.]

Из книги Н. Козловой «Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора)» (1996)

Эта работа — пионерная в современном отечественном обществознании. «Книга построена на анализе писем, воспоминаний и дневников, личных архивов так называемых “маленьких”, ничем не знаменитых людей. Жанр — исследование социальной динамики в контексте анализа повседневных практик. А. А.

<...> Повседневность — одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию — банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры. Но она же поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ. Повседневность — целостный социокультурный мир, как он человеку дан. Повседневность — судьба и повсюду.

Говорить о повседневности — рассуждать, с одной стороны, о первичных онтологиях — о «вещах», людей окружающих. А с другой, о том, как люди с вещами обращаются, о классификациях мира, о телесном опыте (привычки, обычаи, техники еды, сна, сексуальности и т. д., и т. п.), об играх, в которые люди играют в любом обществе и в данном рассматриваемом обществе, всегда отмеченном чертами индивидуальности. Желания и мечты, вербальный язык являются столь же органическим элементом повседневности, как обычаи, традиции, вещная среда, в которой человек живет, первичные структуры деятельности и социальные формы, которые определяют его поведение. А кроме того, повседневность лишь на первый взгляд кажется миром «твердой» реальности, некоей предельной социальной онтологией: на деле она протуберанцами выбрасывает клише, которые впечатывали в сознание многочисленные «культурные медиаторы» — школьные учителя и пропагандисты, авторы фильмов, которые человек смотрел, романов и газет, которые он читал... Человек даже может не читать и не смотреть, но «клише», к ним восходящие, могут попасть в повседневный словарь вербального или невербального языка. Человек пишет — значит пользуется языком, который он не сам создал. Повседневность — продукт социального конструирования. Повседневность — мир «естественной установки», пестрой мозаики жизни. Человек пишет о себе, и рядом оказывается «раскулачивание» и «научился бальным танцам», «купил часы и мандолину» и «прочитал статью Сталина «Головокружение от успехов» в газете, «ничего не ел на завтрак» и «видел вождей на параде». В изучаемых документах вырезка из газеты соседствует с личной фотографией, книжка ударника — с билетом в театр или в баню. «Крик души» пишется на обратной стороне листа спичечных этикеток, ибо на спичечной фабрике работает пишущий. Коллажи «официального» и «неофициального», бытового и идеологического, личного и политического о чем-то говорят, на что-то намекают. И задача исследователя — интерпретировать эти коллажи, что и значит в конечном итоге исследовать социокультурную динамику...

Ремарка 1: коллажи жизни.

Вот так, пожалуй, можно определить и эту мою книгу... Хочется однако заметить, что сами по себе разнообразные «человеческие документы» (жизненные свидетельства), наполняющие архивную папку, даже в совокупности, еще не образуют «коллажа»... Они суть спонтанное (стихийное) отражение «потока жизни», в отличие от продуктов творчества, к каковым, думаю, правомерно относить и коллажи жизни.

Само понятие «коллаж» предполагает **намеренное соединение** разнородных предметов (будь то в изобразительном искусстве, откуда взялось само это слово, будь то в иных сферах творчества).

Стало быть, коллаж, как таковой, уже несет в себе элементы **интерпретации или концептуализации** — поскольку отобрано, упорядочено, «склеено» кем-либо так, а не иначе.

(Разумеется, таким коллажистом может оказаться и сам субъект повседневности — автор или коллекционер документов). (Февраль 2001 — ноябрь 2003).

Ремарка 2: внутриличностный конфликт интерпретатора с протоколистом.

Уже не раз приходилось слышать, что эта книга перегружена «жизненными подробностями»; пусть даже все они — «приметы времени», однако дотошность бытописания зачастую оборачивается против самого автора (в восприятии читателя, решившегося читать все подряд).

Не очевидны и преимущества использованных мною коллажных приемов перед иными композиционными решениями...

Охотно принимаю эту критику. Но — что сделано, то сделано: упорядоченный тематически и хронологически «коллаж жизни», с первичной попыткой концептуализации. При этом протоколист в авторе иногда берет верх над интерпретатором.

Остается мечтать... о неведомом **читателе-изыскателе**, который (вот так же, как Н. Козлова в своих «Горизонтах повседневности...») отнесется к настоящему сочинению как к многосоставному «человеческому документу» и захочет промыть этот, лишь частично очищенный автором, песок.

Вопрос: какой именно «драгметалл» читатель будет искать? Не ограничить бы ему авторской промывкой (элиминацией «лишнего») возможности поиска!.. (Ноябрь 2003).

...Повседневность — то, что, **казалось бы**, меняется в последнюю очередь. Повседневность течет подобно равнинной реке. Течение ее — подобно течению реки — может убыстряться, спокойная река превращаться в водопад. Повседневность всегда чревата переменами, но бывают времена, которые можно определить как слом повседневности. Таким периодом были 20—30-е гг. Переворачивалась жизнь всех социальных групп. Наиболее радикальные изменения претерпевала повседневность крестьян, ибо они переставали быть крестьянами.

Исследования повседневности в «предельной конкретности» (В. Бень-ямин) — выводят за пределы жанров «большой» философии истории, Больших проектов, Большой идеологии, за границы институциональных проблем. Анализ социальной динамики с точки зрения повседневности позволяет ощутить, что за монологизмом идеологических и политических решений стоит плюрализм маленьких жизненных выборов, война ценностей (понятых как социальное отношение), символические игры. Исследования повседневности позволяют пересмотреть накатанные схемы — схемы, превратившиеся в самоочевидность и создающие, в частности, опасность замены рассмотрения проблемы повседневности исследованием функционирования государства. Скажем сразу же — введение параметра повседневности в социальный анализ подрывает превратившееся в догму представление, согласно которому до поры до времени советские люди разделяли коммунистическую идеологию, и демонстрирует, сколь мало было влияние именно доктрины как «веры в модель». Рушится

представление, согласно которому любая официальная доктрина несет в себе некое прямое значение, объясняющее поведение ее приверженцев. Сфера повседневности, включающая «все», тем не менее относительно автономна — здесь действуют логики практики, логики коммуникационной, а не целерациональной, логики аффективной и символической интеграции. Эти логики всегда перерабатывают решения власти. Власть, будучи всепроникающей, проявляется здесь в иных, горизонтальных формах, в виде метафизики власти. Исследования повседневности постоянно намекают на то, что социальный и моральный порядок общества имеет множественные измерения. В результате рушатся привычные схемы, возникает новый угол зрения на уже известное. Работая с атрибутами повседневности, исследователю приходится пребывать в зазоре между реальностью практики и абстрактностью теоретического дискурса. Мы оказываемся в той пограничной полосе, где за совершенно добровольными решениями обнаруживается социально-структурирующее начало, а новая социальная структура предстает результатом реализации желаний, где субъективные надежды и объективные возможности коррелируются. Словом, остро ощущаешь, что человек — не кукла на веревочках структуры, что его чувства и представления лежат в основе любой социальной системы, что они непременно делегируются. <...> (Н. Н. Козлова. Горизонты повседневности (голоса из хора). М.: Институт философии РАН, 1996, с. 13-16)

Ремарка: вспомним М. Гефтера.

В связи с вышеприведенным отрывком, посвященным понятию «повседневности», хочется напомнить читателю цитировавшуюся нами ранее статью М. Я. Гефтера «История — позади? Историк — человек лишний?» (1993), с постановкой вопроса о двух ипостасях человека: «человек исторический» и «человек повседневный».

«...Схватки между ними формируют лики эпохи... В решающий момент повседневность предъявляет заявку на ту единственность смысла, который пыталась узурпировать история» (М. Гефтер). (Июнь 2003).

Из статьи Н. Козловой «Опыт социологического чтения человеческих документов», или размышление о значимостиметодологической рефлексии» (2000)

<...> Проблема онтологического соучастия, ключевая для рассмотрения социальной реальности, постоянно присутствует в процессе исследования индивидуальных практик. По выражению П. Бергера, социальный исследователь подобен человеку, толкающему автобус, в котором сам едет. Вряд ли этот тезис можно толковать в духе дильтеева чувствования, пусть таковое и приходит на ум в первую очередь.

<...> Сказать, что мир суть объект, значит возвести в абсолют познавательную ситуацию ученого, «как будто все, что было и есть, всегда существовало только для того, чтобы попасть в лабораторию» (Мерло-Пон-ти. Око и дух. М., 1992, с. 10).

Вот почему необходимы операции объективации объективирующего субъекта. Писание любой истории служит переводом прошлого на язык современности и несет опасность исторического релятивизма. Избежать этого можно лишь **историзируя** самих себя, т. е. обозначая время и место, из которого говоришь,

пытаясь высказываться в качестве участника, а не представителя Разума или Истории.

<...> Объективировать самого себя трудно. Как это делать? Можно, в частности, погрузиться в историю идей и понятий. Не каждый будет специально этим заниматься. Мне представляется, что данной операцией подразумевается не только теоретическая работа, но и такой ход, как обращение к собственной биографии. Этот важный шаг не есть ни «вчув-ствование», ни «переживательное отношение к объекту», но необходимый первый шаг работы по объективации. Обращение к собственной биографии доступно каждому — и тем, кто наблюдает конкретный социум «извне», и тем, кто в нем живет.

<...> Особенно важен шаг обращения к собственной биографии для занимающихся той историей и той культурой, от которых неотделимы сами. Здесь способ перейти с точки зрения разума диктующего на точку зрения разума понимающего.

<...> Следует стремиться писать тексты, учитывая собственную включенность в процесс, т. е. в ту историю, которую сам изучаешь. Твой взгляд — взгляд участника. Это прожектор, высвечивающий отдельные места. Направление света определяется не только познавательным интересом пишущего, но и жизненным опытом, принадлежностью к поколению, позицией в социально-историческом пространстве. В этом случае имеет место акт **признания**: кто ты такой и откуда говоришь — из какой точки на пересечении множества силовых линий истории. Пишущий о своей культуре обладает тем, что не может быть дано наблюдателю со стороны: **памятью тела** — тела, наполненного немотой воспоминаний, тела маркированного, нагруженного уже свершившейся историей. Именно благодаря памяти тела возникает ощущение подлинности воскрешенного прошлого, и мы испытываем радость, обретая действительность.

<...>
Как только попытаешься проделать эту «вненаучную» операцию, становится трудно предпринимать поиск «культурных схем» и кодов, моделей, норм и общих представлений, словно стоящих за событиями. Всегда приходится учитывать, что эти схемы существуют не за пределами человеческого бытия, но порождаются людьми и связаны с их желаниями, мечтами и возможностями. И тогда теоретическое усилие и работа памяти начинают стимулировать друг друга, рождая новый взгляд. Я задаюсь вопросом, почему вижу так, а не иначе? Только ли оттого, что набралась жизненного опыта? Мне трудно различить, какая доля понимания обусловлена прожитыми годами, т. е. накопленным практическим знанием, а какая теоретической работой. Речь идет о процессе **взаимодополнительном**.

Н. Козлова

(Социологические исследования, 2000, № 9, с. 26-28)

Из работы Н. Козловой «Методология анализа человеческих документов», опубликованной в журнале «Социологические исследования» (2004)

<...> Обращение к заметкам, письмам, дневникам **рядовых агентов исторического процесса** вполне правомерно и не носит факультативного характера.

Очень важный вопрос: что мы при этом исследуем? Некоторое время назад ответ был бы скорее всего, таким: массовое сознание. Нынче на этот вопрос отвечаешь по-иному. Скорее мы исследуем индивидуальное. Проблема индивидуального никогда не воспринималась как простая. Недаром даже методы

наук были некогда поделены на **номотетические** и **идиографические**. Споры о проблемах исследования индивидуального продолжают по сей день. Специфика качественных методов состоит в том, что исследователь имеет дело с **идиографическим**: с индивидуальной жизненной историей, индивидуальным рассказом о себе, индивидуальным текстом и т. д. Теоретическая рефлексия подвергается испытанию конкретными практиками. Исследователь входит в **поле проблем вклада индивидов в изобретение истории, одновременно пытаясь показать, каким образом история вписана в их язык и тело** [здесь выделено мною. — А. А.].

С одной стороны, становится очевидно, что любая жизнь неповторима, ценность, имеет смысл. <...> С другой стороны, оказываешься на той пограничной полосе, где можно увидеть, как за совершенно добровольными решениями, за случайностями обнаруживается социально-структурирующее начало. <...>

Н. Козлова

(Социологические исследования, 2004, № 1, с. 15)

23.11. К вопросу о «нормальной» и «ненормальной» социологии

[Ниже — краткий обзор происходившей не столь давно (в середине 90-х гг.) дискуссии о разных эпистемологических подходах («парадигмах») в современной социологии и собственная точка зрения автора настоящей книги. — А. А.]

Из книги «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)» (1997)

I

В последнее время в нашей социологической литературе наметилась если не дискуссия, то отчетливая поляризация взглядов на бурное распространение так называемых мягких методов и стимулируемой ими и обосновывающей их «качественной» методологии. В сущности, это — отображение и продолжение процесса, давно начавшегося в мировой социологии.

Полярные позиции доходят до взаимного отрицания. Проиллюстрируем это: «...На ступени развитой науки формирование знания идет как последовательная концептуальная универсализация объектов теоретического мира с последующей онтологизацией и операционализацией. При всей справедливости данной мысли не обойти вопроса о ее адекватности применительно к социологии. Если познание в науке управляется началом объектности, то как стимулирует оно выполнение социологией своих специфических задач как дисциплины гуманитарной? Ведь превращение социологии в социальную физику означает элиминацию из рассмотрения вопросов субъективности с тематическим сдвигом с человеческой, экзистенциальной, персонально-жизненной “репрезентативности” на расчело-веченную, безжизненную, объективно-логическую “репрезентативность”.

...Традиционная наука бессубъектна, деперсонализирована, но что в этом хорошего? Выдерживая высоты теории, подтягиваясь к науке, стандартная социология деформирует субъекта, проходится по нему катком абстракций отождествления, приемами идентификации. Однако изгнанный в дверь, субъект рвется в окно. При концептуализации мирожизненных реалий социологии не избежать индивидоцентричных контекстов, эксплицирующих, почему в ситуации “X” с участием действующих лиц “Y” имело место “Z”. Родовые признаки

регулярности, расчеловеченные концепты оказываются бесплодными, недостаточными.

Оправдан, следовательно, поворот от объектной, стандартно-научной социологии к социологии субъектосодержащей. Перспектива его связывается с проектом антропосоциологии...» (Ильин В. В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? // Социологические исследования, 1996, № 10, с. 16-17).

Послушаем другую сторону:

«...Замкнутость на личном иррациональном опыте, не поддающемся контролю и проверке, сближает «качественную» методологию с антинаукой, направленной против идеала объективности. ...Естественно, что результаты применения «качественной» методологии к изучению одной и той же проблемы будут каждый раз качественно различаться, так как они уникальны. Конечно же, речь идет не об отдельных «качественных» методах — этнографическом описании, участвующем наблюдении, анализе документов и т. д., а о «качественной методологии» как альтернативном проекте групповой солидарности в социологической науке. Цель данного мероприятия — демонстрация личной заслуги изобретателя. Если социология являет собой область открытую для подобных мероприятий ..., то следует признать, что нормы научной рациональности и объективности препятствуют ее развитию и вся она превращается в «качественную» квазидисциплину, создаваемую по поводу различных «случаев» под прикрытием риторического декора. «Случай» здесь — не более, чем мистификация, цель которой — продемонстрировать «жизненность» конкретных описаний и «безжизненность» статистических распределений...» (Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал, 1994, № 2, с. 38).

«...Речь идет не только об образовании новых периферийных областей знания, например, «софтметодологии», но скорее о тотальной экспансии «совращения» в корпус науки и создании некой разновидности паразитической критики с гуманитарных позиций. Все это происходит на фоне lamentаций о репрессивной роли научного знания как формы власти. «Совращение» к тому же сопровождается претензиями на чудесное постижение повседневности без использования «мертвых» технических средств измерения и анализа данных...» (Там же, с. 41).

...Как видим, накал страстей как в «гуманитарной критике» сциентизма, так и в «сциентистской реакции» на эту критику достаточно велик. (Последовательность публикации цитированных работ — обратная, но в данном случае это не имеет значения).

То самое, что первым автором рассматривается как позитивный процесс «перетекания» стандартной социологии в антропоцентричную (см. Ильин В. В. Указ. соч., с. 21), вторые трактуют как «симптом аномалии в институциональной структуре науки» (Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Указ. соч., с. 36).

Примирительную позицию в методологической дилемме занимает В. А. Ядов: «...К сегодняшнему дню ситуация в мировой социологии изменилась. Методы жесткого количественного анализа вступили в **содружество** (выделено мною. — А. А.) с гибкими или качественными методами.

...Классическая социология... исходит из концепции общества как системно-организованной целостности. Жизнь индивидов — это проявление надындивидуальных и от них не зависящих обстоятельств. Индивид в классической социологии, включая марксистскую, это представитель социального типа. Переход к пониманию личностного смысла его собственной деятельности в языке социологических категорий и понятий практически невозможен. Для этого

надо обращаться к понятиям психологии, культурологии или вообще отказаться от языка науки, использовать язык обыденных представлений о человеческом поведении...» (Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995, с. 243-244).

«...Еще раз спросим себя, какие же методы лучше, количественные или качественные, жесткие или гибкие? Ответ достаточно очевиден: надо знать, что, где и когда использовать. Мастер решает, в каком случае применить железный молот, а где деревянный молоток жестянщика, когда обратиться к массовым данным, а когда к анализу уникальных событий и явлений. Надо думать...» (Там же, с. 254).

«...Правильный подход, следовательно, заключается в том, чтобы разумно использовать разные стратегии исследования и знать пределы разумных допущений...» (Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели, 1991, № 1, с. 30). В общем, все хорошо «в меру»... Вопрос — чем и на каком уровне должна задаваться эта «мера»?

Теперь послушаем голос «человека со стороны» (не ангажированного в социологическом сообществе):

«...Удивительные вещи открываются, когда удается, наконец, замолчать... Тут возникает возможность выслушать другого.

Это произошло, кажется, в социологии, с возникновением в ней так называемой «гуманитарной» или «качественной» ветви, имеющей дело с отдельным человеком, с его «историей жизни» (*l'histoire de vie*). Достаточно было нескольких кратчайших эмпирических исследований, чтобы обнаружилось: многие мощные социологические теории и построения просто неадекватны на фоне рассказов обычного человека о самом себе.

Возникшая новая, качественная социология в методе историй жизни меняет и способ исследования: важнейшим становится диалог. А в диалоге необходимо допущение, что придется узнать и неожиданное, наряду с ожидаемым.

...Итак, после ста лет монолога социологии удалось, наконец, замолчать и услышать голос того, о ком она столько говорила. Раньше был (слышен) только ее голос.

Однако этот услышанный ею новый голос не был бы услышан без ее собственных усилий, без ста лет прошлого говорения!

...Как награда объект социологического исследования может быть найден буквально под ногами (как, например пачка выброшенных писем). Но эта награда невозможна без прошлых усилий социологии: голых, мертвых конструкций, не несущих удовлетворения и самому строителю...» (Воронцов С. В. Способность умолчания // Человек, 1996, № 3 с. 65-66).

Примечательно, что для С. В. Воронцова дилеммы «объективное-субъективное» («жесткое-мягкое») как бы не существует. Он преодолевает ее выходом в новое измерение (диалог, слушание, «умолчание»).

Какова же позиция автора «Драматической социологии» в этой проблеме?

Содержание и характер книги могут склонить к предположению, что пишущий эти строки «исповедует» качественную методологию. Но это было бы слишком поспешным выводом.

Надо сказать, что в начале своей социологической карьеры автор (кстати, имеющий базовое гуманитарное образование) был безусловным приверженцем как раз «жесткой» методологии, «объективной» науки и т. д. Это отвечало его (не вполне осознанному) стремлению избежать как спекулятивности, так и идеологизированности, свойственных нашему общественному знанию в то время.

Затем пришло время собственных методологических рефлексий. Прочитую свою (в соавторстве с Б. Д. Беликовым) работу 1975 года. <...>

[Здесь опущено обширное цитирование из работы «О понятии «строгое исследование» в гуманитарных науках», в частности — о критериях научной строгости; см. выше: раздел 23.2. — А. А.]

...В вышеприведенном отрывке нет утверждений, от которых автор готов был бы сегодня отказаться. Но хочется продвинуться дальше, благо есть к тому и основания, и повод.

Рискуя навлечь на себя упрек в «методологическом плюрализме», автор, вслед за В. А. Ядовым, отказывается делать выбор в пользу какой-либо одной из стратегий социологического исследования. Но «думать», на наш взгляд, следует не только применительно к каждой конкретной исследовательской задаче или ситуации, а и в плане выработки принципиальной эпистемологической позиции.

Вновь обратимся к точке зрения оппонентов «качественной» методологии:

«...В действительности «количественная» и «качественная» социологии не являются эпистемологическими альтернативами, либо конкурирующими парадигмами. Дискуссия о преимуществах «качественного» либо «количественного» подхода бессмысленна...» (*Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Указ. соч., с. 41*).

В самом деле — не альтернативы, не «конкуренты»... Вот только аргументировать этот тезис мы предпочитаем иначе, т. е. не постулированием принципиальной «несоизмеримости» двух подходов.

II

В описанной проблемной ситуации (кстати, кризис рационализма и распространение мягких методов наблюдаются не только в социологии) нам представляется уместным обратиться к идеям **тринитарной методологии**, развивающейся сегодня на стыке теории познания и синергетики.

Принципиальное свойство этой методологии — ее **открытость**.

Слово лидеру этого направления у нас Р. Г. Баранцеву:

«...Метод как средство познания есть способ воспроизведения изучаемого предмета в мышлении. И если этим предметом является открытая система, то путь ее познания должен быть в той же мере открытым. Иначе воспроизводится нечто искаженное, обедненное, редуцированное.

В утилитарном мире методы создавались, изучались, развивались, чтобы решать задачи. Как у рабов, у них не было иной роли, кроме служебной. Вопрос о самооценности методов обычно даже не ставился. Такая вторичность привела к тому, что понятие открытого метода осознается с опозданием.

...Детерминизм вплоть до абсолютной точности, безусловная независимость от субъекта, предельная полнота описания — таковы строгие критерии традиционной парадигмы, заводящей науку в безжизненный тупик.

Для открытых систем методы, соответственно предмету, должны обладать свойствами неопределенности, совместности, дополнительности. Эти свойства не могли появиться в жесткой бинарной методологии, где господствует формула мышления «либо-либо». Для разрешения любого противоречия всегда требуется сторонняя позиция, определяющая меру жизнеспособного компромисса, чтобы подняться по диалектической спирали развития, сначала нужно выйти из антитезы в боковое измерение, обрести фундамент, задаваемый невырожденной тройкой опор одного уровня» (*Баранцев Р. Г. Открытость тринитарной методологии / Московский синергетический форум. Январская (1996) встреча «Устойчивость развития в изменяющемся мире». Тезисы. М., 1996, с. 35-36*).

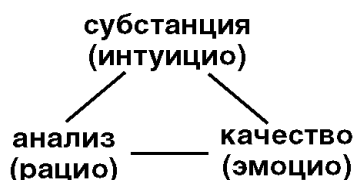
«Решительное предпочтение отбрасывает нас в упрощающую и тем опасную крайность, а путь к компромиссу нуждается в ориентирах, критериях, чувстве меры. Всякая дилемма сама по себе, без учета окружения, оказывается беспомощной, неразрешимой. Для устойчивого примирения требуются дополнительные соображения, слитые в третий фактор. Синтез становится возможным только в структуре, открытой для меры» (Баранцев Р. Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996, с. 64).

«Тринитарная структура обладает той упругостью, мягкостью, гибкостью, которая необходима для обеспечения **единства целого при свободе частей** (выделено мною. — А. А.).

Это свойство проявляется в принципе неопределенности, дополнительности, совместности, включающем меру самоограничения и позволяющем избегать соблазнов губительной абсолютизации. В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру соединения» (Там же, с. 65).

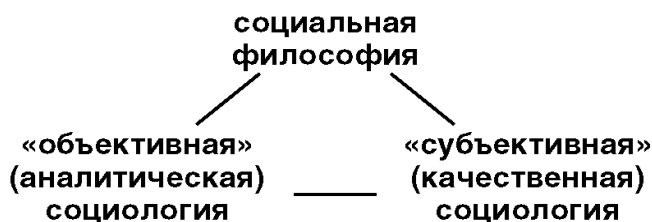
В поисках выхода из обрисованного выше методологического конфликта в социологии, обратимся в качестве эвристического ориентира к триадному архетипу, на который указывает Р. Г. Баранцев:

«Познание движется не только рациональной дорогой. Наше мышление способно оперировать и четкими понятиями, и художественными образами, и размытыми символами одновременно. Выделяются рациональный, сенситивный и интуитивный способы познания. Иными словами, можно говорить об аналитическом, качественном и субстанциональном аспектах мышления. Постулат о равноправии и единстве этих трех сторон ведет к следующей структурной формуле:

Такая триада ... оказалась весьма плодотворной при исследовании целостных объектов. Она помогает сознательно контролировать полноту описания и позволяет дополнять отдельные монады и диады до целостных комплексов» (Баранцев Р. Г. Динамика как путь к синтезу / Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994, с. 14).

Примем в качестве гипотезы, что в нашем («социологическом») случае указанному триадному архетипу соответствует следующая тринитарная структура «социального знания»:

Здесь оговорим условность наших названий. <...>

*Ремарка: «**субъект-объектная**» и «**субъект-субъектная**» социологии. Термины «**объективная**» социология и «**субъективная**» социология, примененные в работе «Драматическая социология» (1997) ныне представляются мне неудачными.*

Уже хотя бы потому, что «объективная» (аналитическая) социология вовсе не гарантирована от субъективизма, а «субъективная» (качественная) — способна вполне объективно отображать социальную реальность.

*Более точными, отражающими главный пункт различий двух эпистемологических подходов в социологии, являются, на мой взгляд: **субъект-объектная** (здесь — «объективная») социология и **субъект-субъектная** (здесь — «субъективная») социология.*

Термины «субъект-объектное» и «субъект-субъектное» познание (применительно к социально-гуманитарным наукам), насколько мне известно, были впервые предложены (в связке) С. М. Розетом в работе, опубликованной посмертно. Напомню:

«...Мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом “исследуемого” и “исследователя” по поводу темы исследования, без монополии на “объективную истину” у сторон... Обе стороны диалога могут быть обогащены исследованием как развивающим фрагментом жизненной практики... Респондент превращается в собеседника “Исследователя”, по возможности заинтересованного в теме исследования, и становится... соавтором исследования...» (С. Розет; 1992).

(Ноябрь-декабрь 2003).

...Рамки настоящих заметок не позволяют нам углубляться в проблематику «третьего фактора» (социальной философии) и ее соотношения с двумя другими элементами этой триады, которую мы полагаем системной (что само по себе требует развернутой аргументации). Ограничимся предположением, что именно на социально-философское умозрение ложится сегодня роль арбитра в конфликте «стандартной» и «нестандартной», классической и неклассической социологии.

Как нам представляется, такая постановка вопроса не противоречит и той, которую находим в современной фундаментальной работе по истории социологии (см.: История теоретической социологии, том 1. М., 1995; Введение). В частности, Ю. Н. Давыдов предлагает там трактовку социальной философии — в узком смысле — как «раздела общей социологии», посвященного «осмыслению таких результатов (проблем, антиномий) социологической теории, которые не могут быть “верифицированы” с помощью ее собственных познавательных инструментов» (Указ. соч., с. 22-23).

(Возможно, для одного из элементов нашей триады уместно было бы использовать непривычный термин: **философская социология**).

Согласно К. С. Пигрову, отношение: индивид — социум — Абсолют, — является исходным пунктом социально-философской проблематики (см. Пигров К. С. Социальная философия / Программа по специализации «Социальная философия» для студентов философского факультета. СПб., 1995, с. 4). По-видимому, именно здесь следует искать «меру со-единения» социоцентричного и антропоцентричного исследовательских подходов.

С другой стороны, каждая из компонент системной триады выполняет роль регулятива в соотношении двух других. Отношение дополнительности, по-видимому, существует также и между социальной философией и «объективной»

социологией, и между «субъективной» социологией и социальной философией, что заслуживает отдельного исследования.

Как справедливо замечено, «социология без социальной философии — безродна, а социальная философия без социологии — бесплодна» (Шамшурин В. В. «Гуманитарная» социология: новые перспективы и старые проблемы // Социологические исследования, 1994, № 2, с. 68-69).

Итак, при подходе с позиций тринитарной методологии снимается не только «бессмысленный» спор о предпочтительности той или иной социологической парадигмы, но и упование на золотую середину, без соответствующего выхода в «боковое измерение».

Еще одно, последнее цитирование:

«...Абсолютизация любой из компонент системной триады нарушает ее целостность. Чрезмерная формализация заводит в тупик даже математику, безудержный разгул страстей становится для человека губительным, неограниченное возвышение духа чревато грехом гордыни. Но, вместе с тем, **каждая ипостась способна являть целое** (выделено мною. — А. А.). Так, в истине мы видим добро и красоту, в любви обретаем надежду и веру, в правде находим радость и пользу.

Включенность в Тринитарное со-знание помогает по-новому видеть проблемы, освобождаясь от прокрустовой альтернативности...» (Баранцев Р. Г.

Тринитарный смысл культуры..., с. 66).

В свете всего сказанного, хотелось бы предостеречь против слишком тщательного «разгораживания» и взаимного отторжения разных методологических подходов и аспектов социального знания (что пока мы наблюдаем сегодня).

Одной из фундаментальных триад, сложившихся в истории человечества, является: **тело — душа — дух**. Так вот, «тело», «душа» и «дух» знания о социальном могут составить систему, **открытую** — как для взаимопроникновения (взаимообогащения) своих частей, так и относительно всего универсума человеческого знания.

Р. S. Автор признателен Р. Г. Баранцеву за обсуждение настоящей темы.

А. Алексеев, декабрь 1996

(Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 29-40)

Автоаннотация к докладу «“Субъект-объектная” и “субъект-субъектная” социологии: проблемы соотношения и взаимодействия» (февраль 2004)

Настоящая работа посвящена актуальной проблеме соотношения и взаимодействия разных теоретико-познавательных подходов в социологии XX века, иногда трактуемых как разные парадигмы (дисциплинарные матрицы), в смысле Т. Куна.

Автор выражает сомнение в правомерности применения понятия **научная революция** к наукам социально-гуманитарного профиля. Предла-

Глава 23. Эпистемологические дебаты

195

гается эпистемологическая (она же — историко-научная) модель структуры современной социологии, на базе тринитарной методологии, предполагающей, в частности, соотношение с фундаментальным семантическим архетипом: **рацио — эмоцио — интуицио**. Целостность системных триад, в отличие от одномерных, свойственных бинарному мышлению (да — нет, или — или), и переходных (гегелевских), характеризуемых известной формулой «тезис —

антитезис — синтез», обеспечивается тем, что в них представлены «три элемента одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других; причем все три потенциально равноправны» (Р. Г. Баранцев). Компонентами построенной на этих теоретико-методологических основаниях авторской модели являются: **субъект-объектная социология, субъект-субъектная социология и социальная философия.**

Логика развития социологической науки рассматривается как движение **от синкретизма через дифференциацию к синтезу**, причем эта динамика включает своего рода пульсирующую реализацию (и распространение) исследовательских (социологических, социокультурных) практик, опирающихся на тот либо иной исторически выдвигающийся на передний план эпистемологический подход.

В таком случае эмпирически наблюдаемое сегодня «преодоление» господствующей **классической** (структурно-функционалистской и позитивистской по преимуществу) «парадигмы» — постпозитивистской (в ее современных эпистемологических основаниях) «парадигмой» **не классической**, так называемой гуманистической, интерпретативной, антропоцентричной и т. д. социологии — оказывается и закономерным, и, вместе с тем, «счастливым» обстоятельством развития мировой социологической науки.

Ибо тем самым обеспечивается нелинейность научного развития, происходит **самоорганизация** социального знания, как динамической и открытой системы. А. Алексеев, 10.01.2004⁶³

Примечание. См. также: Алексеев А. Н. Об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания) // XVIII Любичевские чтения, Современные проблемы эволюции. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2004; Алексеев А.Н. От синкретизма — через дифференциацию — к синтезу (об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2004, № 6.

23.12. «Физика Логоса» и коммуникативная социология

[Ниже — два текста (личное письмо и извлечение из научного труда) московского социолога, философа, математика Сергея Валерьяновича Чеснокова. — А. А.]

23.12.1. И еще одна рецензия...

С. Чесноков — А. Алексееву (июнь 2002)

Дорогой Андрей!

Еще раз спасибо за присланную тобой книгу «Из опыта драматической социологии». ⁶⁵

Твоя жизнь и действие в социологии редкий для России пример, когда социология как наука становится откровенно коммуникативной, предлагает себя прежде всего социуму, гражданскому сообществу, замыкая социум сам на себя. При этом собственно научная часть дополняется автокоммуникативной функцией, — ты избираешь литературную форму, в основе которой документальная драма.

С драмой у ученых традиционно плоховато, и ты, конечно, белая ворона. Многие драму если и признают, то как проблему, которую нужно решать, а не как первичное начало в социуме. Но для пролечивания коммуникативных разрывов, доставшихся в наследство от истории (не только коммунистической, если прислушаться хотя бы к Николаю Лескову), сопровождающих бытование современных обособленных сообществ, определяемых словами «наркотики», «спид», «проституция», «инвалиды», «Афган», «Чечня», «армия», «тюрьма», «население регионов», «население столиц», «власть», «молодежь», «старики» и т. д., именно драма может (и должна) быть одним из важнейших оснований для развития как исследовательской, так и литературной форм в социологии, определяющей свой смысл в замыкании сообщества на себя.

Здесь, мне кажется, одно из самых перспективных направлений в развитии коммуникативной социологии (и социологии вообще). <...>

Твой Сережа Чесноков

20.06.2002

23.12.2. Этика и наука. Из книги С. Чеснокова «Физика Логоса» (1991)

<...> Конфликт между наукой и гуманитарной культурой имеет древние корни. В науке есть достаточно такого, что способно подавлять движения души, оправданные силою чувства.

Что-то заставило Петрарку в «Книге писем о делах повседневных» написать: «Кому не смешны жалкие умозаключения, которыми ученые люди изводят и себя, и других и на которые растрачивают всю свою жизнь, на другое дело не годные, в своем прямо вредные» (В книге Франческо Петрарка «Эстетические фрагменты». М., 1982, с. 75).

Письмо Фоме из Мессины, «против старцев диалектиков», откуда взяты эти строки, датировано 1350 годом. Без малого шесть столетий спустя Павел Флоренский был более жестким, говоря (статья «Итоги»), что «наука, изгнанная своими сторонниками с трона истинности, либо смешна, либо вредна».

Он предрекал гибель современной науки:

«Была же когда-то сложнейшая и пышно разработанная система магического миропонимания, и тонкостью отделки своей она не уступила бы ни схоластике, ни сциентизму, и была действительно великолепная система китайских церемоний, как и не менее великолепный талмудизм. Люди учились и мучились целую жизнь, сдавали экзамены, поучали ученые степени, прославлялись и кичились... а потом обломки древнеавилонской магии ютятся в грубой избе у полунормальной знахарки и т. д. Даже большие знатоки древности лишь смутно-смутно нащупывают некоторые отдельные линии этих великих построений, но уже не сознавая их внутреннего смысла и ценности, хотя не исключена возможность, что где-нибудь эти построения восстановятся.

Но ныне светом и молвой

Они забыты...

Таково же и будущее возрожденческой науки, но более суровое, более беспощадное, поскольку и сама она была беспощадна к человеку».

Наука подавляет гуманитарную культуру. И если бы все сводилось к конфликтам между разумом и чувством на бытовом, так сказать, уровне, было бы полбеды.

Скрытые силы агрессии, заложенные в современной науке, производят в гуманитарной культуре разрушительные действия, ничуть не меньше, чем дым от горящих нефтяных скважин Кувейта в небе планеты.

Огромный по масштабам корпус научных текстов оказывает деформирующее влияние на язык и литературу. Возвеличение социального статуса научных истин, научной прагматики оборачивается подавлением истин души человека. Делаясь практической философией жизни, нормы профессионального научного мышления порождают технократические подходы к искусству, к политике, к управлению социальными процессами, обедняют духовную жизнь. От этого прежде всего страдают сами люди, носители такого сознания. Они становятся душевными инвалидами. Страдает культура, этика, язык. Научный объективизм это яд, от которого гибнет любовь, жухнут человеческие отношения. Страдает и сама наука, ее дееспособность в решении важных проблем современного мира.

Наше столетие привнесло новые формы разрушительных воздействий со стороны науки. Они связаны с тотальными процессами вторжения точных знаний во все уголки обыденной жизни.

Компьютеризация и информационные технологии не только несут благо, они также деформируют язык, создают новые знаковые пейзажи, изменяют семантические поля во всечеловеческом Логосе.

Конечно, должна возникнуть новая этика, способная защитить культуру и язык от разрушения, которые приходят вместе с достижениями цивилизации.

Усилия построить ее со стороны тех, кто связал свою жизнь с искусством, философией, не прекращались и не прекращаются. Со стороны самой науки усилия в этом направлении более слабые.

Проблемы этики науки с предельной остротой и заинтересованностью обсуждались в научном мире в связи с созданием атомной бомбы. Этические принципы, способные оградить гуманитарную культуру от деструктивного влияния науки, вызывают несравненно меньший интерес среди ученых. Сама проблема не кажется столь острой. Исключения редки.

Ученые часто выражают приверженность гуманитарным принципам. Но признанием роли духовных начал, стоящих вне науки, не обойтись.

Замечательно, что ученые верят в Бога, любят поэзию, литературу, не могут жить без живописи и музыки. Но этого не достаточно.

Невелика цена пиитета перед духовностью, перед интуицией и озарениями, без которых немислим труд ученого, если этот пиитет так легко уживается с форменным безобразием, творимым от имени точной науки, под защитой ее авторитета, в области социологии, психологии, медицины, экономики, лингвистики.

Нарушение норм, на которых держится естественный язык, в науке уже давно стало нормой. Вся практика так называемых математических методов в гуманитарных науках тому свидетельство. И речь не о «побочных следствиях», не о «проблематичных точках зрения», а о концепциях, которые кладутся в основу научных теорий и с самого начала противоречат гуманитарным принципам, охраняющим культуру и язык.

Теория измерений, понимаемая как теория шкалирования, утверждает приоритет числа над словом.

Теория нечетких множеств объявляет патологию, неспособность давать эйдосам имена, основой гуманитарности.

Математические методы многомерного статистического анализа игнорируют эйдотическую природу языка, их использование в гуманитарных науках под флагом мнимой строгости и ложной научности сопровождается разрушением естественных способов формулировать и выражать мысли.

И это не периферические формы научной деятельности. Это грандиозная по масштабам практика производства духовной продукции, в которую

интегрированы влиятельные ученые, большинство университетов мира, крупные фирмы и корпорации.

Вряд ли кто из тех, кто порождает и поддерживает все это, будет особенно возражать против духовности или скажет недоброе в адрес «интуиции» и «прозрений», скорее наоборот. Но от этого не легче.

Физика Логоса не спорит с этой практикой...

Ремарка: о физике Логоса (С. Чесноков).

Исходными позициями физики Логоса, по С. Чеснокову, являются:

1) постулат существования платоновской реальности, который в развернутом виде гласит: **«Платоновская реальность существует и служит формой для материи и духа»;**

2) принцип дополнительности, имея в виду дополнительность между формой и содержанием, который гласит: **«Реальность первого рода и реальность второго рода (платоновская реальность) взаимно дополнительны».**

Ключевые понятия в физике Логоса — **образ** (или «единичный эйдос») и **детерминация** («упорядоченная пара взаимосвязанных, взаимодействующих эйдосов»).

«...С позиций физики Логоса мир — это Логос, т. е. совокупность эйдосов.

Структуру мира определяют взаимосвязи между эйдосами, взаимодействия между ними. Детерминация — это простейший, элементарный вариант такого взаимодействия.

...В теории детерминаций различают два уровня. Это элементарная теория детерминаций или элементарный детерминационный анализ. И это неэлементарная (продвинутая) теория детерминаций или детерминационная силлогистика, «логика эйдосов»...» (Чесноков С. Физика Логоса (краткий очерк). М., б/д. [1991. — А. А.], с. 18-19). (Октябрь 2003).

...И все же конфликт есть. Но он имеет этическую, не научную природу.

Можно, например, говорить, как делается обычно в теории вероятностей и математической статистике, что соотношение

$$P(ab) = P(a) P(b)$$

обозначает независимость событий a , b . Это вопрос выбора интерпретации для некоего четкого формального обстоятельства. Вполне можно закрывать глаза на то, что это соотношение означает фактически лишь независимость частоты одного события от другого события, а не независимость событий.

Но как только мы приходим к приложениям в области социологии и психологии, делать так становится просто неэтично, потому что в конечном итоге это приводит к обману специалистов-предметников, не сведущих в точной науке, но вынужденных обращаться за помощью к математическим методам.

Можно исходить из того, что измерение это «гомоморфизм эмпирической системы с отношениями в числовую систему с отношениями». Кто может математику запретить называть измерением то, что ему хочется так назвать? Это его право, здесь не может быть предмета для научного спора. Тем более, что он не одинок, а действует в русле определенной сложившейся традиции.

Но когда совершается переход от математической теории к свойствам мира, к тому, как, в частности, люди получают знания, проводя анкетные опросы и обрабатывая их результаты, вкладывая в понятие измерения такой смысл становится неприемлемым уже не по научным, а по этическим соображениям. Совершается подмена: термин «измерение» оказывается закрепленным за чисто технической процедурой числового кодирования, которая не служит источником эмпирического знания. И наоборот, обмен именами эйдосов, который и есть

действительный источник эмпирического знания, оказывается вне поля проблем, связанных с измерениями. На таких подменах делать науку нельзя.

И это тем более нехорошо, что в сознании специалистов-предметников, имеющих дело с опросами людей, но не с математикой или физикой, само словосочетание «теория измерений» вызывает априорное уважение из-за престижа, которым пользуется в общественном сознании теория и практика естественнонаучных измерений.

Традиционно точные науки сами по себе как бы вне добра и зла... Источник этических оценок принято мыслить вне науки.

Физические законы, позволившие сделать ядерную или водородную бомбу, отражают свойства мира. Они не есть ни добро, ни зло. Зло возникает, когда делают бомбу, тем более, когда ее взрывают. Источник зла не наука, а тот, кто ее использует.

Физика Логоса изменяет это положение. Он помещает источник этических оценок внутрь самой науки. Причина в том, что платоновская реальность служит формой не только для материального мира, но и для мира духовного.

Когда физик изучает эйдосы материального мира, он волен в известных пределах делать с ними все, что он хочет. Эксперименты как форма общения с миром допустимы. Из уже заданных эйдосов мира исследователь может по своей воле создавать новые эйдосы с новым материальным содержанием. Для этого он должен воспользоваться законами, которые также заданы вне людей, сотворены не ими.

Данность мира, его сотворенность вне людей позволяет физику чувствовать себя как бы вне этики, когда он изучает мир.. Он «чистый ученый», который «ищет истину».

Разумеется, это справедливо до известных пределов. Крупные ускорители, исследовательские ядерные реакторы, озонные дыры от космических аппаратов показывают, что пределы эти не безграничны. Но все равно, даже когда ученый обязан подчиниться нормам этики, источник их вне науки.

В гуманитарных науках все по-другому. Когда социолог или психолог изучает эйдосы духовного мира, он не волен вывести себя за пределы их содержания. Источник духовных эйдосов — души людей, и он обязан это учитывать. Он сам — всего лишь человек, как и все другие люди... Содержание эйдосов здесь творят люди и он — равноправный участник этого драматического процесса. Он может менять содержание эйдосов, но по законам, которые он сам творит вместе со своими собратьями по бытию.

Это взаимодействие с **другим**, который уравнен с тобой, как суверенный со-творец мира, и в то же время иной, чем ты, потому что следует иным началам, ведомым ему и неведомым тебе, началам, которые ты никогда не будешь в силах воспринять, потому что ты — не он, и никогда им не будешь, — это взаимодействие с самого начала невозможно вне этики. Этика возникает здесь, как основа получения знаний.

Изучая материальный мир, исследователь может рассчитывать на то, что он в результате получит не только точное знание об эйдетической, платоновской реальности, но и точное знание о содержании эйдосов.

Знания об эйдосах, которые служат знаками во всечеловеческом Логосе, также могут быть точными.

Что же касается семантических полей вокруг знаков, то здесь ситуация более сложная.

Объемы эйдосов и объемные характеристики взаимодействий между эйдосами в семантических полях (точность и полнота детерминации) доступны для

изучения с позиций точного знания, Это знание о структуре семантических полей.

Однако, если говорить о содержании эйдосов в семантических полях, то здесь точное знание невозможно и это принципиально. Содержание эйдосов, рождаемых во всечеловеческом Логосе, всегда включает момент творчества, в котором участвуют или могут участвовать все люди. И никто из людей не в состоянии выйти за рамки этого. Ни один исследователь не может избежать своего собственного воздействия на содержание изучаемых им эйдосов. В этом главная причина, почему знание о содержании духовных эйдосов не бывает вне этики.

В этом же причина того, почему при получении знаний о содержании духовных эйдосов так важно соблюдать нормы, сложившиеся в естественном языке. Нарушение их деформирует язык. А поскольку всякое получение знаний о духовных эйдосах это всегда действие в языке (не в науке, а в языке!), то нарушение норм языка становится действием, разрушающим коммуникативные процессы, которыми он жив.

В естественных науках использование математики может быть правильным или неправильным. В науках гуманитарных появляется новый момент: оно может быть этическим или неэтическим.

Знаний вне этики нет. Это древняя истина. Физика Логоса подкрепляет ее средствами строгой науки. <...>

(С. Чесноков. Физика Логоса (краткий очерк). М., б/д. [1991. — А. А.], с. 100-106)

(5)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-1>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 5

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 27.06.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

Продолжение

<...>

23.13. Введение в коммуникативную социокультурную биографику

[Ниже — программа (рабочий тематический план третьего семестра 2003/2004 года) спецкурса «Биографический метод в социологических исследованиях (введение в коммуникативную социокультурную биографику)», который читает Роман Иванович Ленчовский на факультете социальных наук и социальных технологий в Национальном университете «Киево-Могилянская академия».

Об этом спецкурсе уже шла речь ранее. Дело в том, что мой киевский друг и коллега решил воспользоваться историей эксперимента и «дела» социолога-

рабочего, описанной в настоящей книге, в качестве своего рода модели, избрав ее предметом для теоретико-методологического и дидактического осмысления и сделав своего рода стержнем, на который нанизывается содержание всего курса.

Напомню, что свои учебные работы студенты — слушатели этого спецкурса — выполняли «в жанре» личного письма другу по поводу первых двух томов «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». — А. А.]

Темы лекций

1. Биографический нарратив как феномен индивидуального и общественного самосознания, предмет и стратегия социокультурных исследований. Феноменологическая методология, «анализ случая» и социологический праксис в биографике (парадигма А. Алексеева).
2. Многообразие форм и жанров биографических репрезентаций и реконструкций. Описательная и объяснительная биографика. Конфликт идентичностей и жизненный кризис.
3. «Конфликт интерпретаций». Социокультурная герменевтика: от объяснения к пониманию в биографике.
4. «Конфликт коммуникаций»: эпистемологическая и экстраэпистемологическая перспективы в биографике.
5. «Конфликт экзистенций». Ценностное разнообразие культурных универсалий, жизненных позиций и стратегий, индивидуальных судеб. «Наблюдающее участие» и социологический «дазайн-анализ» в гуманитаристике.

Темы групповых занятий

Семинар 1.

1. Общее представление о биографическом методе.
2. Жанры биографических репрезентаций и исследовательских стратегий.
3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: первая часть).

Семинар 2.

1. «Конфликт идентичностей». Человек в пограничных ситуациях и жизненный выбор.
2. Описательная и объяснительная биографика.
3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: вторая часть).

Семинар 3.

1. «Конфликт интерпретаций» — от биографических объяснений к пониманию.
2. Биографическая герменевтика.
3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: третья часть).

Семинар 4.

1. «Конфликт коммуникаций». Биографические коммуникации.
2. 7 уровней общения (по Бьюдженталю).
3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: четвертая часть).

Семинар 5.

1. Экзистенциальная биографика. (Дазайн-анализ в философии, психологии и социологии).
2. Культурные универсалии, стратегии жизни и индивидуальные судьбы.
3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: пятая часть).

Ремарка: не только учебная версия...

Как видно, не я сам, а именно Роман Ленчовский выполняет рекомендацию, высказанную 8 лет назад Р.В. Рывкиной:

«...Хочется... пожелать автору сделать **учебную версию** своего труда... На нем... учить социологии, включив в рекомендательный список для студентов».

Замечу, что программа Р. Л. являет собой также и оригинальную теоретическую разработку; истолкование «случая» социолога-испытателя, в терминах, пока не освоенных самим «изобретателем» драматической социологии. (Апрель 2005).

23.14. Оборона, которую считаю необходимой и достаточной

...Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию... Г. Померанц

Несколько вступительных слов

Выше (раздел 23.1) приводился полный текст рецензии (можно сказать — фельетона) преподавателя социологии СПбГУ В. Григорьева на первые два тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Этот текст был откомментирован мною — «по горячим следам» (в июне 2003 г.). Тогда же он был включен в рукопись заключительного тома настоящей книги (против чего сам рецензент не возражал).

Когда в начале 2004 года я вдруг обнаружил этот фельетон напечатанным на страницах «Социологического журнала» — то счел необходимым откликнуться письмом в редакцию. После письменного обмена мнениями между заместителем гл. редактора журнала Л. А. Козловой и автором книги редакция согласилась напечатать мой ответ оппоненту и даже прислала корректуру — соответствующие страницы оригинал-макета № 4 «СЖ» за 2003. Но в последнюю минуту гл. редактор журнала Д. Л. Константиновский готовившуюся публикацию моей «обороны» отменил, без объяснения причин своего решения.

Ниже — поначалу принятый редакцией «Социологического журнала», а затем «круто» отвергнутый ею текст. (Июнь 2004 — апрель 2005).

Авторский комментарий к книге

В № 2 «Социологического журнала» за 2003 год была опубликована рецензия «кандидата философских наук Л. Г. Григорьева» ¹³⁶ на мою книгу

¹³⁵ В списке основной и дополнительной литературы по этому спецкурсу представлены работы С. Аверинцева, А. Алексеева, М. Бахтина, Д. Берто, М. Бубера, Дж. Бьюдженталя, А. Валевского, А. Валицкого, М. Вебера, Е. Доценко, С. Карпиловской, С. Квита, В. Марченко, Е. Мещеркиной, К. Муздыбаева, Дж. Питерса, П. Рикера, Й. Рууса, В. Семеновой, Л. Скокова, П. Сорокина, Т. Ти-таренко, Э. Фромма, В. Черновила, Л. Шамшина, А. Шюца, Э. Эриксона, К. Ясперса.

¹³⁶ Редакцией журнала здесь допущена неточность: в действительности автором этой рецензии является В. Е. Григорьев, младший научный сотрудник Социологического института РАН, ученой степени не имеющий. (Здесь и далее — примечания, присутствовавшие в журнальном оригинал-макете. — А. А.).

«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», вышедшую, при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, в Санкт-Петербургском издательстве «Норма», в 2003 году.

Упомянутая рецензия, с одной стороны, пожалуй, выполняет относительно названной книги своего рода рекламную функцию, а с другой — играет роль, как я считаю, дезориентирующую. Думается, что опубликованный журналом материал характеризует его автора полнее и отчетливее, чем предмет обсуждения. Так или иначе, развязный тон рецензии не делает чести ее составителю.

Мне не кажется этот случай подходящим для возрождения, на мой взгляд, исчерпавшей себя многолетней дискуссии по вопросу об адекватности/неадекватности или эффективности/неэффективности тех или иных способов и методов социологического познания. Тем более, что сам вовсе не принадлежу к приверженцам лишь какого-либо одного («наилучшего» или «единственно правильного»!..) из известных эпистемологических подходов в социологии.

Не хотелось бы занимать внимание читателей журнала и рассмотрением примеров, когда рецензент небрежен в переложении и обсуждении содержания книги (неаккуратен в цитировании и т. п.).

Но и не заметить вовсе столь энергичное критическое выступление профессионального журнала автору вроде бы нельзя.

Как же быть? Конечно, можно пожелать читателям «Социологического журнала» обратиться к первоисточнику, т. е. к самой книге. Но есть опасность, что для многих из них упомянутая рецензия останется все же единственным источником информации. Вот им-то я и считаю необходимым адресовать — при посредстве того же журнала! — настоящую ремарку-автокомментарий.

Что представляет собой обсуждаемая книга?

В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа являет собой сюжетно выстроенное произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сквозным сюжетом книги является социально-личностный эксперимент, предпринятый в 1980-х гг. Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод, в качестве рабочего. В этой социальной роли автор пребывал с 1980 по 1988 г.

В книге представлены материалы исследования производственной жизни внутри, «глазами рабочего», а также исследования характерных черт социокультурной среды и общественно-политической жизни периода, предшествовавшего радикальным общественным переменам рубежа 1980-1990-х гг. Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя и его непосредственного окружения.

Первый том — «В поисках жанра» — посвящен начальному этапу «эксперимента социолога-рабочего». На этом этапе был разработан и опробован социологический метод «наблюдающего участия», который, в отличие от известного метода «включенного наблюдения», предполагает активное вмешательство исследователя в изучаемые социальные процессы. В этот же том вошли некоторые материалы андерграундного экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» (1979-1981).

Во втором томе — «Контрапункты» — рассматривается продолжение эксперимента при «вновь возникших» обстоятельствах: состоявшейся в середине 1980-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес

социолога-испытателя. Социологически осмысливается личный опыт самообороны от этих обвинений, при постепенно нарастающей поддержке коллег (ученых, рабочих, журналистов).

Как указано в издательской аннотации, книга предназначена специалистам гуманитарных наук и «широкому кругу читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе».

Такова наикратчайшая (в сущности, справочная) информация о книге. В дополнение к сказанному, позволю себе воспроизвести здесь, с некоторой авторской правкой, заметки, написанные мною в свое время по поводу пилотного, автономного издания тома 2 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Эти заметки (кстати, включенные в издание 2003 г.) могут быть отнесены также и к двухтомнику в целом.

...Чего автор хотел и что, по его мнению, ему удалось (не удалось...) сделать в этой книге, а также — чем данная работа, с авторской точки зрения, отличается от некоторых других? Могу сообщить, тезисно:

1. Автор этих строк надеется, что ему удалось сделать определенный методолого-методический вклад в развитие того круга исследовательских подходов и практик, для которого используются разные термины: «понимающая», «интерактивная», «интерпретативная», «качественная», «гуманистическая», «коммуникативная» социология и т. д., — при том, что все эти названия указывают на известную неклассическую социологическую «парадигму».

Реализуемая в современных феноменологических, акционистских, интуитивистских подходах перспектива не противоположения, а **сближения** субъекта и объекта исследования, вплоть до их отождествления, опережающе усматривалась ранее некоторыми мыслителями первой половины XX века (например: А. Швейцер; А. Ухтомский; П. Сорокин — в конце жизни). М. Полани в своей теории познания делал главный акцент на **личном участии** исследователя и его «самоотдаче» в ходе постижения реальности. Именно в трудах названных мыслителей автор ищет и находит фундаментальное подкрепление своим профессиональным поискам.

2. По мысли автора, «драматическая социология» являет собой одно из исследовательских направлений в рамках указанной неклассической эпистемологической традиции. В ней (драматической социологии) постулируется соединение элементов практической деятельности, рефлексии и игры. «Погруженный» в определенную социальную среду, социолог-испытатель наблюдает и анализирует не только независимые от него реалии, но и — особенно — последствия собственных действий в этой среде. Тем самым субъект изыскания сам становится инструментом и контролируемым фактором исследовательского процесса («познание через действие»).

3. Предложенный автором метод **наблюдающего участия**, активное использование стихийно складывающихся в процессе «жизни-исследования» и намеренное (иногда говорят — «провокативное») построение **моделирующих ситуаций**, способствующих выявлению социальных тенденций и обнажению социальных механизмов, — впервые были подробно рассмотрены в книге об эксперименте социолога-рабочего, вышедшей в середине 1990-х гг. ¹³⁷ Ныне этот

137 Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997. Рецензию В. А. Ядова на эту книгу см. в: «Социологические исследования», 1999, № 1. См. также рецензии, опубликованные в журнале «Знание-сила» (1999, № 5/6), в газете «Поиск» (1998, 17-23 января).

исследовательский подход представлен также и на новом материале: не только производственная, но и общественно-политическая, научная и иные сферы социальной жизни определенного исторического времени.

4. В отличие от большинства современных социологических работ, case study (исследование случая) является здесь не дополнительным, а **основным** методом исследования. Причем в центре рассмотрения — социально-личностный эксперимент и «жизненный случай» самого автора. (Понятно, что, например, политическое «дело» социолога-рабочего не проектировалось исследователем, однако, коль скоро возникло, оно рационально и как будто достаточно эффективно использовано субъектом жизни для исследовательских нужд).

5. Вообще говоря, эксперимент над людьми социальному исследователю запрещен по моральным соображениям. Следует иметь в виду, что объектами «экспериментальных» воздействий в данном случае если и выступают люди, то не как частные лица, а как носители социальных ролей, представители социальных институтов (в том числе — институтов власти, вплоть до вершин партийной и государственной иерархии, не исключая «политической полиции»).

6. «Социологическому испытанию» подвергались не только социальные институты, но и сам субъект изыскания. (С легкой руки журналистов «перестроечного» времени это стали называть «экспериментом на себе»).

Существенным здесь является пристальное внимание социолога-испытателя к собственным действиям и поступкам в предлагаемых социальных обстоятельствах, а также к мотивации этих поступков, вырисовывающейся не столько из прямых авторских рассуждений, сколько из контекста его поведения.

7. Книга, составленная в основном из документов разных лет, построена как некое социолого-драматургическое произведение, где действующие лица вступают в отношения между собой, ведут диалог, обмениваются репликами, совершают индивидуальные поступки и групповые акции, реагируют на действия других людей. В отличие от обычных академических трудов, это — «фабульное» сочинение; причем здесь представлены не только «жизненные приключения», но и, как хотелось бы думать автору (а уж судить — читателю!), — **приключения духа**.

Если в «протоколах жизни» («записях для памяти», своего рода репортажах о значимых событиях и поворотах, например, «дела» социолога-рабочего) фиксируются в основном факты, то, скажем, в личной переписке с друзьями и коллегами преобладает рефлексия, попытки экспликации определенной жизненной стратегии и тактики; причем выявляется эволюция той и другой на протяжении рассматриваемого жизненного и исторического периода.

8. В отличие от упомянутой выше книги 1997 г. (где, в частности, «театр жизни на заводских подмостках» почти не комментировался «из сегодня»), монография 2003 г. густо насыщена **современными** ремарками, из которых явствует нынешнее (часто — весьма критичное!) отношение автора к собственным «экспериментальным» и не экспериментальным действиям и, особенно, к своему тогдашнему образу мыслей, сформированному в основном «господствующими мыслями эпохи».

Автор замечает о себе, что был не столько «инакомыслящим», сколько «инакодействующим», в тех пределах, в каких диктовали ему инстинкт самосохранения, с одной стороны, и внутренняя убежденность в своей правоте или нравственное чувство, с другой.

9. В итоге автор истолковывает сегодня всю свою «одиссею социолога-испытателя», и в частности — хитроумное (и даже небезуспешное, в ряде отношений) единоборство с партийно-государственной машиной, как своего рода

вынужденную инициативу и **необходимую оборону** личности против тоталитарных или авторитарных посягательств на свободу мысли и действия, а также на ее (личности) достоинство.

(Необходимая оборона — обычно в рамках социальных норм, официально декларированных в данной общественной системе. Преследователи социолога-испытателя порой вынуждены были отступить, сталкиваясь со скрупулезным соблюдением системных правил, какое демонстрировал «неудобный» субъект в интеракции с социальными институтами)

10. Указанный в п. 8 композиционный прием — соединение развернутых документальных свидетельств минувшего времени и современных интерпретаций (те и другие строго датированы!), своего рода хронологические контрапункты индивидуального и социального сознания и поведения — почти не имеют прецедентов в нашей научной и философской литературе. (Пожалуй, единственный пример — творчество Г. Гачева).

11. Стоит обратить внимание на «многоголосие» или «полифонию» данного сочинения. Автор редко перелагает точки зрения других людей (будь то единомышленники или оппоненты), предоставляя им высказаться самим. В известном смысле это коллективная монография, в которой много как со-актеров, так и со-беседников. Таковыми для автора выступают прежде всего коллеги и друзья: Р. Ленчовский, С. Розет (ныне покойный), Ю. Щеголев, А. Кетегат, Р. Баранцев, С. Минакова, Т. Дридзе (ныне покойная), Н. Шустрова, Р. Рывкина, А. Соснин (ныне покойный), А. Назимова, А. Базникин (ныне покойный), В. Очаковский, В. Дудченко и др.

12. В обсуждаемой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания. Но, пожалуй, автор претендует не только на профессионально-научную, но и на мироотношенческую интерпретацию эксперимента и «дела» социолога-рабочего и т. д. Сделав инициативный, поначалу скромный вызов системе, человек получает ответные вызовы от судьбы (или общества?), на которые уже обязан отвечать, коль скоро «эту кашу заварил». Что бы с ним дальше не случилось, он продолжает оставаться «наблюдающим участником» собственной жизни и социальных процессов, в которые вовлечен.

Итак, воздержавшись от спора с рецензентом (В.Е. Григорьевым) — будь то по принципиальным, будь то по частным вопросам, будь то в собственно научной, будь то в этической плоскости — автор настоящего письма «всего лишь» изложил **иной** (свой собственный) взгляд на «драматическую социологию и социологическую ауторефлексию», представленные в обсуждаемой книге.

Такую оборону я считаю необходимой и достаточной.

Разумеется, социолог-испытатель и автор книги может быть не менее неправ, в своих самооценках, чем его, полагаю, не в меру самоуверенный молодой коллега, в своих рассуждениях. Но об этом лучше окончательно судить уже не тому или другому, а — заинтересованному читателю, имеющему возможность сравнивать: хоть рецензию и саму книгу, хоть (на худой конец) рецензию и настоящее письмо.

Как верно замечено Г. Померанцем, стиль полемики важнее ее предмета. Предметы полемики (я бы добавил — всякого обсуждения!) преходящи, а вот ее стиль создает цивилизацию...¹³⁸

138 См. Померанц Г. Догматы полемики и этнический мир // Звезда, 2003, № 6, с. 172.

А. Алексеев
(Апрель 2004)

...Парацельс мог бы сказать то именно, чего никогда не сказал бы Бэкон (из страха прослыть необъективным): **метод — это я**. Победа Бэкона уже вытекала из элементарнейших **последствий** этого различия; ближайшее последствие гласило: усвоить метод Парацельса — значит стать самому *sui generis* Парацельсом; наука это человек, и, следовательно, **настоящая наука — это настоящий человек: «кто ищет истины, тому надо в мою монархию»** (Парацельс. — А. А.). Инстинкт «клерков» сработал прагматически: легче и удобнее было отдать предпочтение «бесчеловечности»...
К. Свасьян. *Становление европейской науки*. Ереван, 1990, с. 164

...Вот самопервейшая тайна Гете: простая и просветленная максима, перевешивающая библиотеки: «**Все фактическое есть уже теория... Не следует только ничего искать за феноменами; они сами составляют учение**». Это значит: поменьше слов, побольше испытующего взгляда. И самая неприметная **вещь** научит нас большему, чем громокипящие слова о последних тайнах мироздания...

...«**Что труднее всего?** — обронил он (Гете. — А. А.) однажды. — **То, что кажется тебе самым легким: видеть перед глазами то, что у тебя перед глазами**». Но между глазами и тем, что у тебя перед глазами, нет непосредственной связи; легион посредников застилает взор и закрывает доступ к реальному миру; вот почему, констатирует Гете, «**нет ничего труднее, чем брать вещи такими, каковы они на самом деле**»...
К.А. Свасьян. *Голоса безмолвия*. Ереван, 1984, с. 229, 234

...Нет такой теории, которая не
была бы тщательно подготовленным
фрагментом некой автобиографии...
Поль Валери

23.15. «Ключевым здесь является вопрос о жанре...»

[Рукопись этого тома была уже полностью подготовлена к печати, когда я узнал о существовании еще одной рецензии на первые два тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Эта рецензия была опубликована в журнале «Новое литературное обозрение» (2004, № 6). Ее автор — петербургский социолог Д. К. **Равинский**. Рецензия в «НЛО» во многом созвучна моему вышеприведенному ответу на фельетон, опубликованный в «Социологическом журнале». Воспроизведу ее здесь. — А. А.]

Алексеев А. Н. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*: В 2 т. — СПб.: Норма, 2003. — 592 с., 480 с.

Приметная черта последнего десятилетия — выход в свет ряда содержательных работ по истории советской социологии. Причины этого внешне понятны: чем дальше мы отдаляемся от «реального социализма», тем очевиднее потребность

задумываться, «что это было», каковы были действительные законы, по которым жило позднесоветское общество? И прием «двойного зеркала» — анализ общества через анализ состояния науки, которая это общество призвана была изучать, — в очередной раз демонстрирует свою плодотворность. Чем же выделяется из общего ряда эта книга? Ключевым здесь является вопрос о жанре — не только о жанре книги, но и о жанре социологического исследования, в книге отраженного. Тяжеловесное название и объясняется попыткой описать эту жанровую специфику: условно говоря, драматическая социология — это тот «опыт на себе», который поставил герой и автор книги, а социологическая ауторефлексия — осмысление этого опыта как самим автором, так и другими, сопоставление его с разными общественными контекстами. Дело в том, что, в отличие от большинства работ по истории советской социологии, это не воспоминания, не просто анализ прошлого опыта с сегодняшних событий, но и описание — «в режиме реального времени» — уникального социологического (и социального) опыта, полученного автором в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг.

Та история, которая образовала сюжет книги, достаточно известна, став в свое время одной из «эмблематических картинок» перестройки. Успешный социолог сменил должность старшего научного сотрудника академического института на должность слесаря завода «Ленполиграф-маш», поставив своей целью «включенное наблюдение», изучение производственных взаимоотношений в коллективе крупного предприятия. Естественно, вскоре возник конфликт между «рабочим-исследователем» и администрацией (точнее было бы сказать — истейблишментом) завода, постепенно ставший конфликтом с обкомом и КГБ. Поражение в итоге ленинградских партийных властей — одного из бастионов позднесоветского консерватизма — стало знаменем времени, конкретным проявлением перемен в стране.

Сегодня, когда мы отошли от перестроечной стилистики восприятия, становится понятной **социологическая** природа конфликта. Собственно, конфликт этот был не столько между новатором и бюрократами, сколько между наблюдателем, исследователем и теми, кто в ходе исследования оказался в роли его объекта. Недовольство вызвала не негативная картина, выявленная социологом (негативная информация властями собиралась, хотя и не очень было понятно, что с ней дальше делать), а сам несанкционированный доступ вдумчивого наблюдателя ко вверенному им обществу.

Стоит подчеркнуть, что сказанное в полной мере относилось не только к экспертному опросу о перспективах развития советского общества — тут уж недовольство было неизбежно, но и к разрешенному вроде бы исследованию отношений на производстве. Конфликт здесь получил и «стилистическое измерение». А. Алексеев и его «соучастники» излагали свои наблюдения и суждения в форме «Писем любимым женщинам», обычно адресованных знакомым женщинам-социологам. Две черты этих посланий привлекают внимание и воспринимаются как принципиальные. С одной стороны — скрупулезность, дотошность изложения, становящаяся знаком исследовательской добросовестности, научной честности. С другой — личностная интонация, какой-то социологический лиризм, окрашивающий эти послания. Нет надобности напоминать, что в глазах властей в те годы социологическое исследование означало лишь анкетирование, результатом которого были колонки цифр. Само понятие «кейс-стади» не было известно даже профессиональным социологам, и вообще качественные методы едва начинали проникать в социологическую практику. Исследование социолога-рабочего и другие материалы, собранные в книге, — это своего рода «человеческая

социология», противостоящая официальной. Очень заметно это стилистическое противостояние, поскольку А. Алексеев так же скрупулезно фиксировал и материалы официального лагеря, в том числе конспектировал устные выступления на проработочных собраниях (во внутренней документации КГБ Алексеев проходил под псевдонимом Аспид).

Так что в книге представлена уникальная коллекция бюрократического новояза (чего стоит, например, определение алексеевского опроса как «тенденциозно-экспертного»), ее можно рассматривать и как скрупулезное описание бюрократического цугцванга, когда игрок вынужден совершать ошибки. Ведь действительно Алексеев и его сподвижники были не диссидентами-антисоветчиками, а коммунистическими романтиками, желавшими улучшить систему. Будь система эластичнее, она смогла бы интегрировать их опыт, приспособиться к новым временам. Кажется, А. Михник назвал причиной краха социализма «революцию радиаторов», когда исчерпан был ресурс прочности, аварийной защищенности. Так и система идеологического контроля исчерпала к началу 80-х свой ресурс, оставив в арсенале только brutальные методы. Рецензии на хорошие работы исторического плана принято заканчивать словами, что и в новых условиях рассмотренная в них проблематика вполне актуальна. В данном случае это справедливое суждение звучит очень печально.

Дмитрий Равинский

(Новое литературное обозрение, 2004, № 70/6/, с. 420-421)

[Могу предположить, что читательские аудитории двух профессиональных журналов — «Новое литературное обозрение» и «Социологический журнал» — пересекаются мало. Что ж, по крайней мере читатель самой обсуждаемой книги имеет случай ознакомиться с точками зрения, высказанными как в том, так и в другом. — А. А.]

(6)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-prodolzhenie-6>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 6

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 29.06.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая авторефлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеева.

Приложения к главе 23

...Для меня признание безграничной сложности действительности – это проявление уважения к действительности; уважения, которое перерастает в восхищение. Нам, людям дан кусок вселенной, чтобы мы

познавали ее; мы добираемся до ее глубин не единственным путем; мы зондируем ее своими поступками, наукой, поэзией, любовью и религией; нам нужны разные методы, чтобы измерить ими свой мир. Безграничная ценность жизни не может быть отгадана только с одной стороны. Полагаю, что где-то здесь мы касаемся нелокализованной, но мучительной боли современных людей...
К. Чапек. К одному читателю. Середина 30-х гг. (Цит. по: К. Чапек. Соч, т. 4. М.: ГИХЛ, 1959, с. 613)

...То, что мы уже знаем, — ничтожная зыбь в море того, что можно назвать полными законами Природы... Природа не только в необозримое число раз богаче нашего современного представления о ней, но и непрерывно развивается. У нас нет оснований утверждать, что темп развития природы ниже набранного нами темпа познания ее. А если природа развивается быстрее, чем растет наше знание, то о каких истинах в последней инстанции может идти речь?..
И. Л. Герловин. Основы единой теории всех взаимодействий в веществе. Л.: Энергоатомиздат, 1990, с. 5

П.23.1. Собеседование теории с реальностью (А. Ухтомский)

Несколько вступительных слов

Как уже отмечалось, знакомство с ранней (еще 70-х гг.) публикацией фрагментов из эпистолярного наследия крупнейшего российского физиолога, академика Алексея Алексеевича Ухтомского (1875-1942) сыграло исключительно важную роль в формировании жизненной и научной позиции автора этой книги.

Нравственная философия и эпистемологическая концепция, развитая А. Ухтомским в работах, лишь недавно увидевших свет ¹³⁹, являются собой одну из вершин мировой философской мысли.

Ниже — еще несколько извлечений из гуманитарного наследия А. А. Ухтомского. — А. А.]

¹³⁹ Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996, 528 с.; Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. 576 с.; Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000, 608 с.

Из письма А. Ухтомского к Е. Бронштейн-Шур (1927)

<...> Я ужасно боюсь доктрин и теорий и так хотел бы оберечь моих любимых друзей от увлечения ими, — чтобы прекрасные души не замыкали слуха и сердца к конкретной жизни и конкретным людям, как они есть!

...Да и каждый из нас в отдельности может наблюдать на себе самом, что «рассуждающий разум» долго еще плетет свои силлогизмы и сети, не подмечая того, что в глубине нашего существа уже зародилась и назрела неожиданная новая сила, которая совсем по-новому предрешает события ближайшего будущего, и только ждет случайного дополнительного толчка, чтобы всплыть и властно заявить о себе; «рассуждающий разум», застигнутый врасплох, сначала ужасно растеряется от неожиданного заявления властной доминанты, а потом постарается убедить себя, что в сущности он все это по-своему понимает и может предусмотреть! Такова уж его самомнительная профессия! Профессия замкнутого в себе теоретизирования! В действительности же слишком похоже на то, что эта властная доминантная жизнь имеет свой смысл и исторические резоны, так что интуиция сердца, предчувствие и т. под. могут замечать и предвидеть гораздо ранее и дальше, чем «рассуждение»! Так совесть предвидит и начинает предупреждать гораздо ранее, чем так называемое «здоровое рассуждение». Интуиция совести и «здоровое рассуждение» находятся между собой в таких же отношениях, как художник, пророк и поэт, с одной стороны, и спокойный, рассудительный мещанин, с другой!

К счастью для науки, она переполнена интуициями, как ей ни хочется утверждать о себе, что она привилегированная сфера «исключительно рассуждающего разума». Вот ведь, даже в алгебре обнаружены теперь вкравшиеся туда интуиции, не говоря уж о геометрии и о прочей натуралистической науке. И это все к счастью, ибо вначале замкнутый на себя «рассуждающий разум» давно бы задохся, а наука перестала бы жить. Поле науки оплодотворяется интуициями, властно вторгающимися в сети «чистой доктрины»; и они оказываются мудрее и прозорливее «чистой доктрины», ибо они складываются самую реальную жизнью, **а жизнь и история мудрее наших наилучших рассуждений о них...**

<...>

(Цит. по: А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996, с. 255-256)¹⁴⁰

Из «Записных книжек» А. Ухтомского (1930—1940)

<...> Обаяние логически законченных теорий без внутреннего противоречия в сущности давно миновало.

<...> Та реальная сила новой истории, которую мы называем наукой в современном нашем смысле, чужда рационализму и рационалистическим вожделениям с самых своих истоков в эпоху Возрождения, чужда так же, как Леонардо да Винчи чужд схоластам средневековой Сорбонны. По сравнению с древним и средневековым рационалистическим «ведением» <...> сдвинулся сам искомый идеал познания. Акцент ставится не на тонко разработанное «учение без противоречий» <...>, а на самоотверженное распознавание конкретной, повседневной реальности, как она есть. Не так, как мне хочется, чтобы она была, а так, как она есть сама для себя. Отныне не реальность вращается и тяготеет

¹⁴⁰ См. также: Ухтомский А. А. Письма // Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973.

около моего законодательствующего «рацио», но мой «рацио», если он хочет быть в самом деле разумным, вращается и тяготеет около реальности и ее законов, каковы они есть, независимо от моих пожеланий. На место того древнего спорщика, с которым препирался Платон в своих «Диалогах», становится сама реальность, поскольку она непрестанно ограничивает вожделения моей теории. Теория постоянно силится расползтись в универсальное учение, а факты реальности всегда вновь и вновь встают перед ней, как новые границы и новые поучения. Теория утверждает: «Вот как оно по моему должно быть». А реальность возражает: «А вот, как оно есть!» И вот что замечательно. Для новой науки этот беспрестанный и нигде не избегаемый спорщик уже не слепой и ненавистный, <...> всего лишь портящий ту форму, которую тщетно пытается накинуть на него художественный замысел писателя и мыслителя, — беззаконная и темная материя, непрестанно вырывающаяся из тех прекрасных законов, которым ищет подчинить ее творческий «рацио»! Нет, для Леонардо да Винчи и для Галилея это любимая реальность, к которой их «рацио» относится как влюбленный жених, считая за счастье различить и понять ее собственные самобытные черты, и у нее же впервые почерпнуть те законы, которыми она живет. Ибо новый «рацио» знает, что ее законы — это законы и для него, и без ее законов он сам для себя со всеми своими вожделениями расплывается в неопределенность и пустоту! И отныне «рацио» уже не навязывает реальности свою логику, но хочет постигнуть логику реальности, т. е. у реальности научиться ее логике!

Отсюда совсем другой критерий истины, другой и критерий для ценности самой науки: для нас это уже не самодовлеющее академическое учение, самоудовлетворенное в своем Олимпе, а **способность предвидеть** то, что даст нам реальность, правда то, что совпадает с действительностью. Критерий живой и практический, естественно, всегда относительный. Истинна для нас лишь та научная теория, которая в своих предвидениях и ожиданиях соответствует действительности. Если этого совпадения с действительностью нет, мы отбрасываем свою теорию, как бы красива и заманчива она нам ни казалась. Новый ученый всегда отступает, если действительность возражает против его предвидений конкретными фактами. Он говорит себе смиренно: «Значит, я ошибался, и теория, как ни разумна, была не верна!». И он учится у фактов строить новую теорию, более близкую к фактам. Из этого прекрасного Собеседования, с одной стороны, неизбежно теоретизирующего ученого и, с другой, — всегда обновляющейся реальности рождается в своем изобилии новая наука, полная неожиданностей и все новой содержательности. <...>

...систематический рационализм неизбежно превращает среду в которой он оперирует, в **мертвую материю** (чтобы оперировать в ней принципиально без ограничений), а себя самого в **автократическое самоудовлетворение солипсизма** (чтобы принципиально ничем внешним себя не ограничивать). Рационализм принципиально убивает среду, чтобы расчистить себе дорогу. А сам превращается в чистый солипсизм, ибо его «дальний», с которым он беседует на бесконечном расстоянии, растаял как облачко, а его случайный «ближний», заявляющий о себе в конце концов только досадным непониманием, тем самым превращается в элемент среды, т. е. принципиально в кусок все той же мертвой материи, с которой надо оперировать *sans gene*.

Само собою, в мышлении рационалиста совершенно нет категории «лица», ибо у него, собственно, нет и собеседника. Если по старой памяти он употребляет это слово «лицо», то лишь как «нерациональное», «житейское» понятие, в виде уступки нерациональной повседневности. Учитывание человеческого лица в практике жизни ничем для его понимания не отличается от «лицемерия». В

сущности, он всегда его осуждает и должен осуждать, будучи последовательным. В чем дело? Конец «лица», когда все — сплошная материя, подлежащая обработке? Затем рационалист вполне естественно всегда более или менее доволен своим умом и никогда не доволен своим положением. Как не быть довольным своим умом, если зацепиться более не за что? И естественно думать, что все было бы прекрасно, если бы не слепое сопротивление среды с ее инертностью и с теми нерациональными существами, которых приходится принимать, по аналогии, тоже «за людей». Этим последним приходится принимать так или иначе в расчет, потому что это, пожалуй, самые досадные, наиболее увертливые в своем сопротивлении рациональной обработке элементы среды! Великий и достойный труд, который сознает для себя рационализм, — всю эту среду и копошащихся в ней людей завоевать, подчинить себе, рационализировать! Великий труд, великое задание! Хватит ли для этого истории?

Подавленный множеством неожиданностей, которые преподносит среда и которые все вновь и вновь надо рационализировать по аналогии «тоже за людей», рационалист страждет в своем солипсизме. Но он непреклонен как рок, как логика, и его поддерживает благородная гордость самосознания, что страждет он от неуклонности на своем ясном пути.

«Ни кривизна улиц, ни великое множество закоулков, ни разбросанность обывательских хижин — ничто не остановило его. Ему было ясно одно: что перед глазами его дремучий лес и что следует с этим лесом распорядиться. Наткнувшись на какую-нибудь неправильность, Угрюм-Бурчеев на минуту вперял в нее недоумевающий взор, но тотчас же выходил из оцепенения и молча делал жест вперед, как бы проектируя прямую линию» (Салтыков-Щедрин. История одного города). <...>

Но положение рационалиста остается все же бесконечно трагичным! «Дальний», к которому обращены его речи, всегда выдуман. Потому и обращение к нему, в писательстве ли, в рационалистически настроенной науке, или в рационалистической философии, — всегда переполнено выдумками.

Рационалистические мысли не прорывают границ человеческого **одиночества** и не приобретают выхода к реальному живому собеседнику; они солипсичны на самой точке своего отправления. Порочный круг, в котором стоят с самого начала люди без ближнего, делает невозможным объективное признание лица в другом. Признают объективное существование за геометрической точкой, за атомами, за вещами, — за чем угодно, только не за объективными лицами приходящих близких. Дальний выдуманный допускается потому, что он легко предвидим, ибо это ты сам, объективированный в кого-то вдали. Ближние отклоняются потому, что мешают тебе, как писателю и ученому, заниматься этим объективированием себя, как в зеркальном изображении, в далеком дальнем. И реальнейший ближний, с которым сталкивает жизнь, теряет значение самодовлеющего, отчетливого лица, ибо ведь, если признать его, то пришлось бы отложить свои благородные выдумки и заняться всецело им, объективным лицом! Чтобы такого пассажа не происходило, бедный человек убеждает сам себя и доказывает *ex cathedra*, что может понять других только как вещи и механизмы, но не как лица. И все для того и от того, что с ближним чрезмерно трудно, с дальним — легче, ибо, естественно, легче быть с самим собою и своими абстракциями. <...>

(А. Ухтомский. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997, с. 194-196, 198-200)

Из «Заметок на полях книг» А. Ухтомского (год неизв.)

<...> Рационализм несет в себе порок индивидуалистического самоупора: cogito ergo sum (Я мыслю, следовательно, я существую. — лат. А. А.). Все прочее для него «среда» для упражнений sans gêne (Без стеснения, бесцеремонно. — фр. А. А.). В эту **среду для безответственных операций** входит и народ, и природа, и вообще все бытие за исключением самого оперирующего.

Рационалистический социализм силится создать сверхиндивидуальную общую жизнь имманентными силами того же рационалистического индивидуума, т. е. заранее ловя свою тень и всевозможную задачу: прекратить **симптомы порока**, не посягая на основной **корень порока** внутри деятеля.

<...> Зараза «рациональной» теории! Она начинается там, где подумали, что исчерпали свою схему действительность и интуицию. Получается ужас: пробуют «рационализировать» непонятное и ранее всякой попытки понять то, что берут за объект своих операций. <...>

(А. Ухтомский. Заслуженный собеседник..., с. 396-397)

П.23.2. Личностная самоотдача как преодоление дизъюнкции между субъективным и объективным (М. Полани)

С книгой М. Полани «Личностное знание», изданной в русском переводе («для научных библиотек») в середине 80-х, автору этих строк довелось ознакомиться в 1986 г. и найти в ней эпистемологическое подкрепление своим методолого-методическим поискам. — А. А.]

Из «Новейшего философского словаря» (1999)

Полани (Polanyi) Майкл (1891-1976) — британский философ, один из основателей постпозитивизма, выходец из Венгрии, сотрудник (с 1923) Института физической химии (Берлин), в эмиграции с 1933, профессор физической химии и социальных наук Манчестерского университета (1933). В главных сочинениях по философии и социологии науки «Личностное знание. На пути к посткритической философии» (1958), «Неуважение свободы» (1940), «Основания академической свободы» (1947), «Логика свободы» (1951), «Знание и бытие, эссе» (1969) и др. выступил в 40-х с критикой основных принципов логического позитивизма, в 50-х — разработал концепцию «неявного знания». Стремился конструктивно преодолеть идею о возможности деперсонифицированного представления научного знания, неправомерно приравняемого к объективности последнего. В структуре ориентировочной и познавательной активности — в сенсомоторных навыках, восприятии, использовании языка, методах диагностики и экспериментирования, актах научного творчества и т. д. — П. выделял явные и неявные компоненты. Последние, по П., осваиваются человеком в практических действиях, в совместной научной работе и служат основанием его целенаправленной активности. В науке явное знание представлено как интерперсональное знание (в понятиях и теориях), неявное — как личностное знание, вплетенное в искусство экспериментирования и теоретические навыки ученых, в их пристрастия и убеждения. Неявное знание, согласно П., не допускает полной экспликации и транслируется через непосредственное («из рук в руки») обучение мастерству научного поиска и личные контакты ученых. Научный опыт у П. — внутренне переживаем, обусловлен страстным желанием исследователя

достичь подлинно научной истины, явно личностно окрашен. П. ввел в оборот понятие «научное сообщество». В ряде работ подчеркивал необходимость определенных социокультурных условий для поддержания свободных научных коммуникаций и сохранения научных традиций.

А. Грицанов

(Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск: изд. В. М. Скакун, 1998, с. 528.

[Здесь предлагаю вниманию читателя свои давние выписки из книги М. Полани. — А. А.]

Из предисловия В. Лекторского к русскому изданию книги М. Полани «Личностное знание» (1985)

<...> Появившись в печати на фоне безраздельного господства позитивизма в англо-американской философии, уже первые эпистемологические работы М. Полани привлекли внимание оригинальностью методологического подхода. М. Полани известен как один из основоположников так называемого исторического направления в англо-американской философии науки постпозитивистской ориентации. Он одним из первых в англо-американской философии подверг серьезной критике позитивистское противопоставление философии науки тезис о беспредпосылочности (философской ненагруженности) научного знания, свойственные позитивизму наивно индуктивистские представления о логике научного открытия. Критикуя позитивистский образ науки, М. Полани выступает против так называемого эмпирического фундаментализма, согласно которому ученый должен стремиться к исключению понятий, не имеющих чувственного прообраза, к элиминации «метафизических проблем».

Но М. Полани противостоит и так называемому «критическому рационализму» постпозитивистов. Исходные теоретические представления М. Полани о механизме развития науки резко контрастируют с попперовскими. Так, например, если Поппер считает рациональность имманентной чертой науки и ищет внутреннюю логику ее развития, отвлекаясь от воздействия на нее социально-культурных факторов, то М. Полани рассматривает в качестве имманентных характеристик науки ее культурно-исторические детерминанты, формирующие не только институциональный облик науки, но и сами формы научной рациональности. Если Поппер пытался строить «эпистемологию без познающего субъекта», то пафос работ М. Полани связан с выявлением человеческого фактора науки. (Можно полагать, что самим названием своей известной книги «Объективное знание» (вышедшей после данной работы) К. Поппер сознательно противопоставляет свои идеи концепции М. Полани). М. Полани считается одним из основателей западной социологии познания, исследовавшим проблемы научных традиций, научных школ, вопросы внутринаучной коммуникации.

<...> Собственно эпистемологическая концепция М. Полани <...> противостоит и позитивизму, и «критическому рационализму» постпозитивизма.

Автор подвергает критике кантовское *apriori*, через которое, как утверждает он, знание явлений редуцируется к порядку без проникновения в структуру вещей самих по себе и их внутренних взаимоотношений. Смысл же научного исследования М. Полани видит в проникновении во внутреннюю рациональность и объективную структуру реальности. Научные гипотезы не выводятся прямо и непосредственно из наблюдения, а научные понятия — из экспериментов. М.

Полани настаивает на отсутствии «логического моста» между фактами и теорией, обосновывает невозможность создания логики научного открытия как формальной системы. Теоретико-познавательная концепция М. Полани, таким образом, нацелена на преодоление как плоско-эмпирического, так и формально-логицистского подходов.

Сердцевиной теории познания М. Полани является его эпистемология неявного знания. Изложению этой концепции и посвящена данная монография, впервые вышедшая в 1958 г. в Англии, а затем переизданная в 1962 г. в США.

Цель исследования автор видит в изучении процесса научного познания как постижения объективных связей универсума с учетом исключительной конструктивной роли познания.

<...> Основным стержнем концепции неявного знания является положение о существовании двух типов знания: центрального, или явного, эксплицитного, и периферического, неявного, скрытого, имплицитного. Причем имплицитный элемент трактуется не просто как неформализуемый избыток информации, а как необходимое основание логических форм знания. <...>

В. А. Лекторский

(Цит. по: М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985, с. 5-8)

Из книги М. Полани «Личностное знание» (1958)

(В скобках указаны страницы по изданию: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. А. А.)

Из предисловия

<...> Прежде всего я отказался от идеала научной беспристрастности. В точных науках этот ложный идеал не приносит большого вреда, поскольку там ученые нередко им пренебрегают. Но, как я постараюсь показать, в биологии, психологии и социологии его влияние оказывается разрушительным, искажающим все наше мировоззрение даже за границами собственно науки. Я хочу предложить иной идеал знания. (18)

<...> Может показаться, что эти два слова [*«Личностное знание»*. — А. А.] противоречат друг другу: ведь подлинное знание считается безличным, всеобщим, объективным. Но это кажущееся противоречие разрешается иной трактовкой самого понятия «знание». (18)

<...> Для меня **знание — это активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее особого искусства** [*здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, выделено мною.* — А. А.]. (18)

<...> **Постигание** не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом: оно ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле **объективно** [*выделено М. П.* — А. А.], поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как **условие предвидения** неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей. Мне думается, что термин «личностное знание» хорошо описывает этот своеобразный **сплав личного и объективного**. (19)

<...> Я показал, что в каждом акте познания присутствует **страстный вклад познающей личности** и что эта добавка — не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания. (19)

Из части I (Искусство познания)

<...> Цель моей книги состоит в том, чтобы показать, что абсолютная объективность, приписываемая обычно точным наукам, принадлежит к разряду заблуждений и ориентирует на ложные идеалы. (40)

<...> Хотя **содержание науки, заключенное в ясные формулировки**, преподается сегодня во всем мире в десятках новых университетов, **неявное искусство научного исследования** для многих из них остается неведомым. *[выделено М. П. — А. А.]*. (87)

<...> Можно допустить, что если в науке и технике применяется экспертиза или привлекаются знатоки, то это делается по той простой причине, что измерением их не заменишь. Измерению присуща большая объективность, благодаря которой его результаты являются устойчивыми независимо от того, где и как оно осуществляется. Однако то большое количество учебного времени, которое студенты химии, биологи и медики посвящают практическим занятиям, свидетельствует о той важной роли, которую в этих дисциплинах играет передача практических знаний и умений от учителя к ученику. В самом сердце науки существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно. (89)

<...> Личностное знание в науке является результатом не выдумки, но открытия и как таковое призвано установить контакт с действительностью <...>. Оно заставляет нас отдаться видению реальности с той страстью, о которой мы можем и не подозревать. Ответственность, которую мы при этом на себя принимаем, нельзя переложить ни на какие критерии верифицируемости или фальсифицируемости или чего угодно еще. Потому что **мы живем в этом знании, как в одеянии из собственной кожи**. (101).

<...> **Интеллектуальная самоотдача** — это принятие ответственного решения, подчинения императиву того, что я, находясь в здравом сознании, считаю истинным. Это акт надежды, стремление исполнить долг в рамках ситуации, за которую я не несу ответа и которая поэтому определяет мое призвание. Эта надежда и этот долг выражаются в **универсальной направленности** личностного знания. (102)

Из части II (Неявное знание)

<...> Я показал наличие молчащего знания и мышления, а также области, где молчаливая компонента в качестве фокуса нашего внимания есть значение воспринимаемой (или только что воспринятой) нами на слух речи. <...> Теперь мы обратимся к более сложно организованной области не полностью **концептуализированных** (*в этом фрагменте выделения принадлежат М. П. — А. А.*), которые могут представлять собой:

(а) поиск оценок, результаты которого должны быть затем **скорректированы** в свете достигнутого нами молчаливого понимания;

(б) предвосхищающую догадку, которая позднее должна **смениться** нашим молчаливым пониманием. (136-137)

<...> Благодаря наличию **эмоциональной составляющей** мы можем рассматривать науку в одном ряду великих систем человеческого познания. (195)

<...> Науку считают чем-то устанавливаемым объективно, независимо от ее эмоциональных корней. Здесь необходимо подчеркнуть, что с этим мнением я не согласен. <...> Мне хочется показать, что **страстность в науке** — это не просто субъективно-психологический побочный фактор, но **логически неотъемлемый элемент науки**. (196)

<...> Любой процесс исследования, не руководимый интеллектуальными эмоциями, неизбежно потонет в тривиальностях. (197)

<...> Утверждение будет приемлемо как компонент науки, если оно обладает, и будет тем более ценно, чем в большей мере оно обладает:

- (1) достоверностью (точностью),
- (2) релевантностью для данной системы знания (глубиной) и
- (3) самостоятельной значимостью.

Два первых из этих критериев приняты в науке, третий — по отношению к ней является внешним.

Применяются все три критерия совместно, а потому недостаточность по одному из них в основном компенсируется в случае хорошего выполнения остальных.

(198)

<...> Всеобщая тенденция стремиться в науке к точности наблюдений и систематичности **в ущерб содержательной стороне дела** по-прежнему вдохновляется идеалом строго объективного знания, который содержался в парадигме Лапласа. Эта тенденция ведет в перспективе к еще более широкой **интеллектуальной дезорганизации** — к опасности, угрожающей всем ценностям не только науки, но и культуры в целом. (205)

<...> Философское движение, основанное на стремлении к научной строгости (Лаплас), стало угрозой для положения самой науки. (207)

<...> Приятие нового есть эвристический процесс, акт, в котором личность изменяет себя, следовательно (в той мере, в какой это так) — это — акт обращения. (218)

<...> Наука есть система убеждений, к которой мы приобщены. (246)

Из части III (Обоснование личностного знания)

<...> Лишь слова с **неопределенным** значением могут иметь отношение к действительности. <...> Решение принять риск неопределенности не позволяет считать **точность** значения каким-то идеалом. (255)

<...> Любая философия, выдвигающая своим идеалом строгость значения, самопротиворечива. Ибо если такая философия рассматривает деятельную сопричастность философа к значению того, что он говорит, как недостаток, препятствующий достижению объективной общезначимости, то она должна на основании этой нормы отвергнуть и самое себя. (257)

<...> К настоящему времени выяснилось, что современный **сциентизм** сковывает мысль не меньше, чем это делала церковь. (276)

<...> Сегодня мы снова должны признать, что **вера** является источником знания. Неявное согласие, интеллектуальная страстность, владение языком, наследование культуры, взаимное притяжение братьев по разуму — вот те импульсы, которые определяют наше видение природы вещей и на которые мы опираемся, осваивая эти вещи. Никакой интеллект — ни критический, ни оригинальный — не может действовать вне этой системы взаимного общественного **доверия**. (277)

<...> Наука существует лишь в той мере, в какой существует страстное стремление к ее совершенству, и только при условии, что мы верим, что это совершенство суть гарантия вечности и всеобщности знания. (278)

<...> Я убежден, что я должен стремиться узнать, во что я действительно верю, и пытаться сформулировать убеждения, которых я придерживаюсь. (278)

<...> Личностная причастность познающего субъекта тому процессу познания, которому он вверяет себя, осуществляется в порыве страсти. Мы осознаем **интеллектуальную красоту** как ориентир для открытий и как признак истинности. <...> (299)

<...> ...концепция **личностного** [выделено М. П. — А. А.], которое не есть **ни субъективное, ни объективное**. Поскольку личностное подчинено

требованиям, которые оно само признает как нечто от него независимое, оно несубъективно; но поскольку оно есть действие, руководимое индивидуальными страстями, оно и необъективно. **Оно** [*личностное*. — А. А.] **преодолевает дизъюнкцию между субъективным и объективным**. (300)

<...> Будучи несовместимой с идеалом полностью формализованного разума, оригинальность в то же время есть нечто совершенно отличное от удовлетворения влечений. Ибо наши влечения — именно наши и направлены они на достижения именно **нашего** [*выделено М. П. — А. А.*] удовлетворения, в то время как ученый-открыватель ищет такое решение проблемы, которое было бы удовлетворительным и обязательным и для него, и для всех остальных. (302)

<...> **Самоотдача** есть не что иное, как некий личностный выбор, выбор искомый, при котором человек ищет и в конце концов принимает нечто такое, что и он сам, и тот, кто описывает эту ситуацию, считают заданным безлично. Напротив субъективное всецело обусловлено характером того состояния, в котором находится данная личность.

Мы видим, что в ситуации самоотдачи имеется **взаимная корреляция между личностным и всеобщим**. (303)

<...> Самоотдача является единственным путем приблизиться к всеобщедостоверному. (304)

<...> Согласно логике самоотдачи, **истина есть нечто, о чем можно мыслить, только будучи в этом убежденным** [*выделено М. П. — А. А.*]. (308)

<...> **Личностное** осуществляется в утверждении своей устремленности к всеобщему, а **всеобщее** конституируется в его принятии в качестве безличностного условия личностной самоотдачи.

Личностная привязанность порождает парадокс преданности: личность утверждает свою рациональную независимость, повинаясь велению своей совести, то есть обязательствам, возлагаемым личностью самой на себя. Лютер выразил эту ситуацию своим заявлением: «На том стою и не могу иначе». Эти слова могли бы быть произнесены и Галилеем, и Гарвеем, и Эллиотсоном. Они выражают суть той ситуации, в которой находится всякий первопроходец в искусстве, науке, практическом действии или вере. (313)

<...> В приверженности научному поиску **уверенность, самоотдача и законоположение** сливаются в **единую мысль**, говорящую о скрытой реальности. (318)

<...> Принять личностную вовлеченность как единственное отношение, в рамках которого мы можем верить в истинность чего-либо, — значит отказаться от всех попыток найти строгие критерии истины и строгие процедуры для ее достижения. Результат, получаемый с помощью механического применения строгих правил, безличностной вовлеченности кого-либо, не может ничего и ни для кого означать. Итак, отказываясь от тщетной погони за формализованным научным методом, концепция вовлеченности принимает вместо этого личность ученого в качестве деятельного субъекта, ответственного за проведение и удостоверение научных открытий. Процедура, которой следует ученый в своем исследовании, является, конечно, методической, однако **его методы — это лишь максимы некоторого искусства**, которые он применяет в соответствии со своим собственным оригинальным подходом к проблемам, им выбранным. **Открытия являются составной частью искусства познания**, которое можно изучить с помощью наставлений и примеров. Но для овладения вершинами этого искусства необходимы особые прирожденные дарования, соответствующие конкретным особенностям исследуемых предметов. (318)

<...> Главное различие, проводимое в теории самоотдачи, — это различие между переживаниями, которые испытываются нами просто как страдание или

удовольствие, и переживаниями, которым свойственна некая активность. Всякого рода беспорядочные, судорожные движения нельзя признать деятельностью, но все, что обнаруживает тенденцию к достижению некоторого результата, следует считать таковой, неважно, идет ли речь о каких-либо телесных движениях или же только о мысли. (320)

<...> Эта позиция не является солипсистской, ибо она основана на вере во внешнюю реальность и подразумевает существование других лиц, которые также могут приближаться к той же реальности. (325)

<...> Философия, провозглашающая изначальность доверия, не устраняет сомнение, но говорит подобно христианству, что мы обязаны придерживаться того, во что мы истинно верим, вверившись почти неразличимым проблескам истины, призывающим нас делать то, что мы делали, **даже тогда, когда сознаем, сколь абсурдно малы наши шансы на удачу.** (329)

<...> В своих влечениях разум правомочен осуществлять свою власть над гораздо более обширными областями, чем это представляет себе объективизм. Объективизм стремится избавить нас от всякой **ответственности** за приверженность к нашим убеждениям. Вот почему он может быть логически развит в виде систем мысли, в которых из жизни и из человеческого общества изгоняется ответственность человеческой личности. <...> Мы отбрасываем ограниченность объективизма, чтобы исполнить свое призвание, которое обязывает нас сделать наши умы **открытыми** по отношению к множеству вещей, представляющих подлинный интерес для человека. (337)

(М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985)

...Вопрос: **Вы не ответили, в чем все-таки состоит методика различения существенного и несущественного?**

Ответ: В личных особенностях самого историка. Один из тяжелейших предрассудков рационализма вынуждает нас недовольно морщиться от этих слов. Предполагается, что существует некая методика, которую можно объективировать в параграфах, и что усвоивший ее и есть «ученый». Впрочем, вот вполне **«объективный»** ответ, по аналогии: когда Баха спросили, что значит — хорошо играть на клавире, он ответил так: опустить в нужное время нужный палец на нужную клавишу...

К. Свасьян. Становление европейской науки. Ереван, 1990, с. 9

П.23.3. «Из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии...» (П. Сорокин)

Несколько вступительных слов

Лишь через 20 лет после смерти крупнейшего русско-американского социолога Питирима Сорокина (1889-1968) состоялось то, что можно назвать его возвращением на родину.

...Однако еще далеко не все наследие П. Сорокина вошло в наш научный обиход. Это относится, в частности, к одной из последних его книг: «Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences» (Chicago, 1956). Пока единичны попытки осмысления интегралистской концепции психосоциального знания, разрабатывавшейся П. Сорокиным в середине минувшего века. Мой коллега, сотрудник Социологического института РАН, докт. со-циол. наук Никита Константинович Серов перевел и опубликовал ряд фрагментов вышеупомянутой книги П. Сорокина.

Ниже — извлечения из его публикаций в журнале «Реальность и субъект» (1998-1999). (Декабрь 1999 — июнь 2003).

Из книги П. Сорокина «Причуды и слабости современной социологии и родственных наук» (1956)

<...> Несмотря на свои шумливые заявления, наши доморощенные «научные» социологи и психологи отстали от современных изменений во взглядах естественных наук на интуицию и логико-математическое познание. Примитивная форма эмпирической теории познания, которой они придерживаются, поразительно устарела с точки зрения современного естествознания. Она несостоятельна в свете имеющихся свидетельств. У самоназванных охранителей «научной» социологии и психологии нет никаких оснований для их претенциозных заявлений, а тем более для их монотонных заверений, будто все интуитивные и рассудочные (rational) теории познания и творчества являются ненаучными.

Тот же самый вердикт справедлив для взгляда на отношения между познающим и познаваемым в процессе познания, а также для взгляда на «объективную» сущность научных предложений с позиций, установленных господствующей эмпирической теорией наших социологов и психологов. В соответствии с их противопоставлением, научный наблюдатель и явление остаются так же отчужденными друг от друга, как фотокамера и пейзаж. Они не должны и не могут слиться в целостное единство, в котором разделяющая их пропасть устраняется, и самая разделенность познающего и познаваемого исчезает. Как следствие такой предпосылки, научное познание может заключаться только в объективном наблюдении и описании изучаемого объекта отстраненным наблюдателем. Никакие свойства, категории, принципы, влияния, оценки, никакие прочие характеристики наблюдателя не должны включаться в такое наблюдение. Наблюдатель должен быть так же беспристрастен, как фотокамера. Только такая теория или описание, которые совершенно очищены от субъективных свойств познающего, могут быть научной теорией. Такова точка зрения наших эмпирицистов по этой проблеме.

Придерживаясь этой позиции, они считают интуитивную теорию познания совершенно ненаучной. В противоположность эмпирической теории интуитивная теория утверждает: (а) познающий и познаваемое могут сливаться в одно целое; (b) даже для приблизительно точного познания объекта необходимо в некоторой степени слияние с ним; (c) полное слияние является единственным путем познания подлинной или истинной реальности; (d) поскольку подлинная реальность бесконечна — количественно и качественно, — постольку интуитивное знание о ней не может быть выражено никакими словами, понятиями, дефинициями, измерениями или иными внешними средствами общения (external means of communication). Такое адекватное познание истинной реальности становится «неизъяснимым», «невыразимым», «неопределимым» какими-либо словами или числами. Оно может быть лишь символизировано или, в исключительных случаях, интуитивно передано посредством слияния мысли общающихся (by merging the minds of the communicants).

<...> Слова, понятия, дефиниции, категории нашего мышления — такие, как время, пространство, субъект, объект, что, кто, причинность, и т. д. — пригодны для описания лишь определенной, конечной, различаемой ряби в бесконечном океане, но они неприменимы, не могут описать бесчисленные качественные и количественные свойства самого не-расчлененно целостного океана. Только

полное слияние с океаном — Богом, Дао, Брахманом, Сверхдушой, Истинной Реальностью, *coincidentia oppositorum* (сосуществованием противоположностей, или совпадением противоречий), Неизъяснимым и т. п. может адекватно впечатлить многообразием бесконечности океана. «Сам Бог не знает, что Он представляет собой, потому что Бог не есть что» у И. С. Эриугены многозначительно отражает такое впечатление: категории что, кто, время, пространство, личность, дух-материя и т. д. неприменимы к Богу или к истинной реальности. Любое выраженное словами предложение, дефиниция, понятие, уравнение или теория определяет лишь одно из бесчисленных различий в беспредельном океане; никакое из них не может определить сам океан. Каждое словесное научное предложение проливает игольно тонкий луч света на бесконечно малую частицу безбрежного океана, но оно не освещает беспредельную тьму, которая окружает эту частичку. Эмпирическое описание является «пальцем, указующим на луну», но не описанием самой по себе луны. <...> Поскольку любые эмпирические или логико-математические познания являются эксплицитно или имплицитно словесными познаниями, выраженными в словесных описаниях, понятиях, дефинициях, предложениях, уравнениях и теориях, постольку лишь в таких пределах словесные познания могут дать нам ограниченное представление о немногих «частицах», окруженных тьмой. Они никогда не могут дать нам адекватного знания о самой по себе тьме. В этом смысле они представляют нам только тени реальных многомерных явлений, или знание о некоторых из кратковременно различаемых рябей в беспредельном океане. В этом предпосылка неадекватности, поверхностности и относительности чувственного и логико-математического знания. <...> Но даже такое знание о ряби наши чувство-восприятие и логико-математическое рассуждение могут «предоставить» только при условии, если в процессе познания происходит пусть и несовершенная, но действительная идентификация познающего и познаваемого. В противном случае, если познающий и познаваемое остаются совершенно чуждыми друг другу, взаимно внешними и не имеющими «линии связи» между собой, то невозможно достаточно близкое знание даже о ряби в океане: в этом случае не может быть ни тщательного наблюдения, ни точного описания, ни хотя бы отдаленно адекватного логико-математического анализа. <...> Как следствие такого «незначительного и несовершенного слияния познающего и познаваемого» в чувственном и логико-математическом познании, любое научное предложение всегда представляет собой «функцию двух переменных: свойств познающего и свойств познаваемого». Это противоположность утверждению эмпирицистов о том, будто научная теория является простым описанием свойств и отношений изучаемого объекта, не обусловленным никакими свойствами наблюдателя. Таковы, в черно-белых тонах, противоположные пункты господствующей эмпирицистской и интуитивной теории познания. <...> (Цит. по: П. Сорокин. Интегральная теория познания социальной реальности. Пер. Н. Серова // Реальность и субъект, 1998, № 2/3, с. 111-112)

Оглавление книги П. Сорокина «Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences» (Chicago, 1956)

Предисловие.

Глава 1. Потеря памяти и новые Колумбы.

1) Потеря памяти и комплекс первооткрывательства; 2) Причины амнезии и комплекса первооткрывательства.
Глава 2. Дефекты речи: невразумительный жаргон и псевдонаучный сленг.
Глава 3. Иллюзия операционализма.
1) Операционализм в естествознании; 2) Псевдооперационализм в психосоциальных науках.
Глава 4. Тестомания.
1) Эпоха тестократии; 2) Тестирование как всеобщий и извечный социальный процесс; 3) Недостатки современных психосоциальных тестов.
Глава 5. Причуда тестов умственных способностей.
1) Общие дефекты тестов умственных способностей; 2) Выявление несостоятельности тестов умственных способностей индуктивным методом.
Глава 6. Проективные и прочие психосоциальные тесты.
1) Проективные методы; 2) Индуктивное выявление несостоятельности проективных тестов; 3) Другие психосоциальные тесты.
Глава 7. Квантофрения.
1) Королева наук и культ нумерологии; 2) Псевдоматематика в современных психосоциальных науках; 3) Переписывание, извращение и контрабанда математических формул в психосоциальных науках; 4) Культ нумерологии; 5) Фиктивная квантификация нечисловых качественных данных.
Глава 8. Квантофрения (продолжение).
1) Математические модели; 2) Статистические методы; 3) Другие недостатки статистического метода; 4) Заключение.
Глава 9. Великий культ «социальной физики» и «психической механики».
1) Подделки (simulacra) «естественнонаучной социологии и психологии»; 2) Экспериментальный метод; 3) Новейшая «социальная физика» и физикалистская психология; 4) Кибернетические модели.
Глава 10. Чудесная страна социальных атомов и малых групп.
1) Поиски социальных атомов и элементарных частиц; 2) Социальный атом Морено; 3) Великий распад атомной коротышки; 4) Прогулки по чудесной стране «малых групп».
Глава 11. Предсказательность и научная теория.
1) Предсказательность как свидетельство обоснованности теории; 2) Ненадежность оснований предсказания; 3) Выводы.
Глава 12. Отживающая философия и теория познания современных психосоциальных наук.
1) Преобладающий обветшалый эмпирицизм; 2) Устарелость господствующей теории познания.
Глава 13. В тупике домыслов и негативизма.
1) Обманчивый объективизм современной социологии и психологии; 2) Негативистские склонности; 3) Возмездие (The Nemesis); 4) Из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии.
(Цит. по: П. Сорокин. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект. 1998, № 2/3, с. 99)

Из статьи Н. Серова «Питирим Сорокин о трех основных каналах познания», опубликованной в журнале «Реальность и субъект» (1999)

<...> Одну из многих своих книг «Причуды и слабости современной социологии» П. А. Сорокин заключил логически убедительным изложением представлений о путях преодоления кризиса социологического знания. За сорок с лишним лет они

ничуть не утратили своей актуальности. Они заняли в книге две с небольшим страницы, поэтому целесообразнее привести их целиком, чем пересказывать. Вот перевод 4-го, заключительного параграфа последней, 13-й главы книги Сорокина «Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences» (Chicago, 1956); в квадратных скобках указаны номера страниц оригинала, в обычных скобках — варианты перевода некоторых терминов или их англоязычная версия).
«[с. 315]

4. Из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии.

Творческое возрождение наших наук требует коренной перестройки господствующих концепций социологии и психологии. Центральная задача такой перестройки состоит в замене преобладающих несовершенных представлений о том, что образует психосоциальную реальность, о том, что составляет обоснованное знание о ней и о том, каковы методы ее познания, — более адекватными концепциями этих основоположений.

[с. 316] Преобладающие в психосоциальных науках воззрения предполагают, что психосоциальная реальность — это исключительно сенсорные (чувственные, sensory) явления; что адекватное знание о ней — это систематизированная совокупность предложений, описывающих сенсорные наблюдения, и что сенсорное восприятие во всех его формах — простое наблюдение, клиническое, экспериментальное, статистическое, — подкрепленное логико-математическим рассуждением, это единственный метод, каким может быть достигнуто познание всей психосоциальной реальности. Из этих предположений вытекают почти все характерные черты нынешней психосоциальной науки. Этими же предположениями обусловлены практически все ее несовершенства, обсужденные в данной книге.

Для творческого возрождения наших дисциплин эти неполноценные предпосылки должны быть замещены тем, что можно назвать интегралистской концепцией реальности.

В этой концепции психосоциальная реальность воспринимается как сложное многообразие, в котором мы можем различить по меньшей мере три аспекта: **сенсорный** (чувственный), **рациональный** (рассудочный, rational) и **сверхчувственно-сверхрациональный** (supersensory-superrational) (*здесь и далее выделено мною. — А. А.*). Сенсорный аспект присутствует во всех психосоциальных явлениях, которые могут быть восприняты нашими органами чувств. Рациональный аспект присущ всем рассудочным явлениям в психосоциальном универсуме: в логически и математически последовательных системах науки, философии, религии, этики, изящных искусств, вплоть до осознанно мотивированной деятельности индивида или группы.

Сверхчувственно-сверхрациональный аспект проявляется в высшей творческой деятельности и в выдающихся произведениях гения в любых областях культурного творчества: в замечательных творческих достижениях гениального ученого, философа, основателя религии, великого законодателя, выдающегося апостола бескорыстной любви, гениального писателя, поэта, художника, скульптора, композитора, архитектора, и т. д. Ньютон и Галилей; Санкарачарья, Платон, Кант; Бетховен, Бах, Моцарт; Фидий, Мике-ланджело, Рафаэль; Гомер, Шекспир; Будда, Христос — все они и подобные им являются человеческими воплощениями сверхсознательного в психосоциальном мире.

Рассматривая таким образом многообразную психосоциальную реальность, интегралистская концепция знания о ней охватывает адекватное знание не

только о сенсорном аспекте этой реальности, но и о ее рассудочном и сверхчувственно-сверхрациональном аспектах.

В соответствии с этим интегральная наука утверждает, что такая многогранная реальность познаваема не только через канал сенсорного восприятия-наблюдения, но также через канал рассудочной логико-математической мысли и через канал сверхчувственно-сверхрациональной интуиции. Чувственным каналом следует пользоваться в основном для познания сенсорных явлений; рациональным каналом — для познания явлений рассудка; а интуитивным каналом — для познания сверхрационально-сверхчувственных ноуменов психосоциального мира.

[с. 317] В целом **адекватное знание о психосоциальной реальности требует согласованного использования всех трех каналов**. Именно это дает нам знание о всех трех аспектах нашей реальности, тогда как пользование только одним из них обеспечивает знание лишь об одном аспекте. При интегрированном использовании всех трех каналов знание, получаемое через один из них, **дополняется и проверяется** знанием из других двух каналов. Такая взаимная проверка является дополнительной гарантией против ошибок од-ноканального знания и важным обеспечением более полной обоснованности нашего познания. История человеческого знания полна неверных наблюдений, ложных суждений и обманчивых интуиций. Взаимная проверка знаний, получаемых по разным каналам, уменьшает подобную угрозу. Такова вкратце **интегралистская концепция психосоциальной реальности, адекватного знания о ней и методов ее познания**.¹⁴¹

Понимаемое таким образом интегральное изучение психосоциального мира охватывает все главные методы исследования и постижения психосоциальной реальности: **эмпирический, логико-математический и интуитивный**. Каждый из этих методов предназначен для изучения соответствующего ему аспекта интегральной реальности: для познания эмпирического аспекта правомерен эмпирический метод во всех его вариантах; для познания рационального и сверхрационального аспектов пригодны логико-математический и интуитивный методы исследования и постижения; наконец, для интегрального познания целостной, “трехмерной” психосоциальной реальности должна использоваться объединенная система всех трех главных методов. Во всех этих отношениях интегральный подход к пониманию психосоциального мира более полон и более адекватен, чем любой из обособленных методов познания.

Преобладающей ныне эмпирической психосоциальной наукой получен, особенно на протяжении XVI, XVII, XVIII и XIX-го веков, значительный объем знания о человеке и его социокультурном мире. Отчасти поддерживаемая логико-математическим методом, эта эмпирическая наука напряженно трудилась несколько столетий. К настоящему времени она исчерпала свои силы, стала до некоторой степени невротичной и менее продуктивной. Она нуждается в неотложной, намного более существенной помощи со стороны двух других методов познания. Это означает, что требуется **теснейшая кооперация и объединение всех трех методов в единую интегральную концепцию реальности, интегральную систему истины и интегральный метод познания**. Только таким интегральным путем можно **вывести психосоциальную науку из тупика на коронную дорогу обновления**

¹⁴¹ Здесь Сорокин отсылает к развернутому изложению теории интегралистской системы реальности, истины и познания в других его книгах: *Social and Cultural Dynamics*, 1937-41; *Sociocultural Causality, Space, Time*, 1943; *The Way and Power of Love*, 1954. (Примеч. Н. Серова).

социологии и психологии». (*Sorokin P. A. Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences, Chicago, 1956*)».

<...> В кратком обосновании интегралистской концепции познания Сорокин не затронул краеугольную проблему соотношения реальности и сознания исследователя как носителя тех или иных познавательных установок. Это не означает, однако, что вне его внимания осталась «погруженность» индивидуального и преемственно-коллективного сознания исследователей в ту самую психосоциальную реальность, которую оно стремится познать. Его теория интегралистской системы реальности, истины и познания, возникшая в 1920-е годы, явилась его жизненным кредо и им же до 1968 г. подвергалась самокритичной проверке, уточнению, дополнению.

<...> В 1957 г. Сорокин изложил один из вариантов своей интегралистской теории в пересмотренном и сокращенном до одного тома издании «Социальной и культурной динамики» (*Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics, Boston, 1957*)¹⁴²

<...> Интегральная теория оснований знания в ее развернутом виде, возможно, вберет в себя, наряду с другими, какие-то из элементов <...>, по недобрительному перечислению Сорокина, «интерпретаций человека и всех ценностей “физикохимически”, “биологически”, “рефлексологически”, “эндокринологически”, “бихевиористически”, “психоаналитически”, “механистически”, “материалистически”, как совокупности атомов и электронов-протонов...». Однако есть основания ожидать, учитывая подчеркнутую самим же Сорокиным органичность синтеза в интегралистской концепции противоречивых элементов Идеационального [*исходящего из признания сущности реальности — сверхсенсорной. — А. А.*] и Чувственного [*исходящего из признания сущности реальности — сенсорной. — А. А.*] умонастроений, что итогом синтеза не станет «...совокупность атомов и электронов-протонов с запутанными в их огромной бездушной паутине человеческими роботами».

Скорее можно надеяться на то, что интегрирование нынешних искусственно обособленных друг от друга естественнонаучных, технологических и гуманитарных знаний о человеке и его истинном месте в «окружающем мире» послужит более полному выяснению пока еще далеко не в исчерпывающей мере раскрытых созидательных и вообще приспособительных возможностей человеческого сознания — на уровне личности и, особенно, на уровне глобального сверхорганизма или, в терминах В. И. Вернадского, ноосферы.
Н. Серов

(Цит. по: Реальность и субъект, 1999, № 1/2, с. 73-74, 81).¹⁴³

Ремарка: движение мировой научной мысли.

Стоит обратить внимание на даты: 1956 — выход в свет «Причуд и слабостей современной социологии и родственных ей наук» П. Сорокина; 1958 — «Личностное знание» М. Полани. А в 1959 г. вышла в свет книга Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение». То, что было ранними прозрениями у

¹⁴² См. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

¹⁴³ См. также: Джеффрис В. Интегрализм П. А. Сорокина: новая общественная наука и реконструкция общества // Социологические исследования, 1999, № 11. Стоит заметить, что в пору критического переосмысления им мирового опыта социологии и разработки интегралистской теории познания психосоциальной реальности (50-е гг. минувшего века) П. Сорокин довольно далеко отошел от эпистемологических позиций эмпирического позитивизма — направления, к которому сам себя ранее относил (см. Новейший философский словарь. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998, с. 641).

А. Ухтомского и у некоторых других мыслителей первой половины XX века (здесь в первую очередь следует назвать Альберта Швейцера), получило программную разработку во второй половине минувшего столетия. Ныне движение социально-философской мысли и гуманитарно-научной практики в этом направлении ширится. (Декабрь 1999 — июнь 2003).

*...Все эти — далеко не общепризнанные! — соображения о потенциальном (актуальном?) «тождестве субъект-объекта» (А. Ухтомский), о «знании как переживании мира» и внутренней связи «познающего субъекта с миром» (А. Швейцер), о «страстном вкладе познающей личности» во всякий акт познания (М. Полани), наконец, о «действительной идентификации познающего и познаваемого» (П. Сорокин) являются для нас важнейшей эпистемологической предпосылкой...
Автоцитата (из «Предисловия» к тому 1 настоящей книги. 2003)*

От автора — сегодня

Диспут между «интуитивистами» и «рационалистом» Следует, пожалуй, оговорить, что в представленных выше эпистемологических подходах (А. Ухтомский, М. Полани, поздний П. Сорокин), не сводимых друг к другу, однако равно подчеркивающих ограниченность рационализма как когнитивного принципа и стратегии познания, сама трактовка рационализма является существенно более узкой, чем у таких рационалистов, к каковым относил себя, например, А. А. Любичев.

«...Последовательный рационализм и заключается в признании единственного принципа — следования разуму с отрицанием самостоятельного значения за всеми другими принципами. Я себя причисляю к таким рационалистам...» (Любичев А. А. Мысли о многом. Ульяновск, Ульяновский гос. педагогический университет, 1997, с. 16).¹⁴⁴

Ныне опубликованы материалы переписки Любичева с его друзьями и многолетними корреспондентами П. Г. Светловым и Б. С. Кузиным, остро полемизировавшими с ним по поводу его акцентуированного рационализма. Из письма П. Светлова:

«...Познание не обязательно результат рационализации. Знание имеет множество источников и рефлектирующий разум — лишь один из них... За пределами применимости разума пролегают огромная область, океан своего рода, о котором нам дают понятие внеразумные источники знания, каковые

¹⁴⁴ В другом месте: «Исходя из моего основного принципа последовательного рационализма следует признать, что разум дает возможность оправдать все этические, политические и прочие критерии. Разум есть не только высшая, но и единственная добродетель человека...» (Там же, с. 29). Обе цитаты из письма к дочери (Е. А. Равдель), от 16.12.49. При том, что заявленный тезис подробно аргументируется Любичевым, его трудно считать бесспорным.

служат и фундаментом разумного...» (Цит. по: Баранцев Р. Г. О духовном наследии А. А. Любищева // Реальность и субъект, 1999, № 1/2, с 155).

Из ответа Любищева на это письмо:

«...Я... чувствую себя в одной компании с Эйнштейном, Эддингтоном, Гейзенбергом, Шредингером, Вейлем...

...Все они — рационалисты, как и Кант: религия в пределах чистого разума: а глубоко религиозные люди, как наш покойный друг В. Н. Беклемишев и ты, интуитивисты. Вот этого у меня нет и потому я совершенно бессилён в размышлениях на темы религии в духе, например, П. А. Флоренского... Но я высоко ценю все разумное, что дала, в частности, христианская религия. Проповедь любви и учение о Логосе, данное апостолом Иоанном, интернационализм апостола Павла и то критическое отношение, которое дано в поведении апостола Фомы» (Там же).

Или вот что писал Любищеву Б. С. Кузин¹⁴⁵ (1951):

«...Меня просто пугает Ваше преклонение перед разумом... Я думаю, что разум, конечно, очень важное и очень высокое качество. Но он ужасен в человеке, если составляет единственную его добродетель. Всякие попытки утвердить культ разума неизбежно влекли за собой жестокость и фальшь, губительные для искусства. Голый разум — чудовище, быть может, еще более ужасное, чем чистое безумие. Величие человека состоит не в том, что он разумен, но что он разумен, морален и способен воспринимать прекрасное» (Цит. по: Любищев А. А. Мысли о многом..., с 33).

Из ответа Любищева (19.09.51):

«...Я думаю, что Ваше негодование проистекает только из неправильного понимания разума и морали. Можно ли построить мораль независимо от разума?.. Какое положение морали Вы сможете выдвинуть, чтобы оно приводило к хорошим результатам независимо от критики разума? Любая добродетель, не контролируемая разумом, приводит к смешным или преступным поступкам... И, конечно, гораздо больше жестокости внесено в мир вследствие неограниченного проведения моральных доктрин, чем вследствие неограниченного господства разума... **Подлинно разумный человек всегда склонен к терпимости...**» (Там же, с. 34-35).¹⁴⁵

Как отмечает Р. Г. Баранцев в своем предисловии к изданным в 2000 г. трудам А. А. Любищева на тему «Наука и религия»,

«...**многослойный рационализм Любищева далеко выходит за рамки классического идеала** (здесь и далее выделено мною. — А. А.)... и представляет интереснейший объект для современных охотников расширенного толкования этого понятия. **Склоняясь к пантеистическому мировоззрению, Любищев стремится к высшему синтезу Истины, Красоты и Добра на пифагорейском пути в развитии культуры.** Не случайно в своей работе он приводит слова А. Эйнштейна: “Все религии, искусства и науки являются ветвями одного дерева”...» (Баранцев Р. Г. На пути к единому знанию / А. А. Любищев. Наука и религия. СПб.: Алетейя, 2000, с 10).

Нетрудно предположить, что А. А. Ухтомский (см. выше: раздел П.23.1) скорее солидаризировался бы с П. Г. Светловым и Б. С. Кузиным, чем с А. А. Любищевым, в их дискуссии о рационализме. Что же касается автора

¹⁴⁵ См. также: Знание и вера. Из переписки А. А. Любищева с П. Г. Светловым / Любищев А. А. Наука и религия. СПб.: Алетейя, 2000; Наука — искусство — мораль. Из переписки А. А. Любищева с Б. С. Кузиным / Там же.

настоящей книги, то моя позиция в данном вопросе, пожалуй, все же ближе к Ухтомскому и к Полани, чем к Любичеву.

Однако не стоит так уж абсолютизировать мировоззренческие заявления мыслителей (иногда заостренные полемически)...

И Любичев был вовсе «не только» рационалистом... Иначе вряд ли мог бы состояться необыкновенный «феномен Любичева», во всем разнообразии, богатстве и величии его творческого жизнеосуществления... И Ухтомский, конечно же, делал свои выдающиеся открытия в области физиологии нервной системы и т. п. — вовсе не (только...) на «иррациональной» основе. И так далее...

Отмеченные «рассогласования» (противоречия...) лишь подтверждают ту всеобщую, как мне кажется, закономерность, что **целостная Личность, «Лицо», человеческий «Гений» — неизбежно «шире», «глубже», «богаче» любой декларации или «символа веры».**

Характерен в этой связи обмен репликами П. Светлова и А. Любичева в их переписке. Вот «интуитивист» Светлов пишет «рационалисту» Любичеву по поводу только что прочитанной рукописи последнего — «Наука и религия» (письмо от 21.11.69):

«...Не скрою своего сожаления о том, что у тебя осталось почти незатронутым то, что я бы назвал нутром вопроса о соотношении науки и религии. Я имею в виду соотношение между научным и религиозным сознанием, т. е. между знанием и верой.

...Я далек от мысли упрекать тебя за то, что ты ограничил план своей работы взаимоотношениями науки и религии как общественных явлений, сделав центром внимания пользу и вред, приносимый ими друг другу. Вышло здорово: бесчисленные нападки на религию, как на врага науки, оказались разбитыми вдребезги. Замечательно, что это сделано безбожником! (Только во имя справедливости)...» (Цит. по: Любичев А. А. Наука и религия..., с. 314-315).

Из ответа Любичева П. Г. Светлову (22.12.69):

«...Ты пишешь, что с поставленной мной задачей я справился хорошо, и за это большое тебе спасибо. Напрасно ты только называешь меня безбожником, ведь в одном из предыдущих писем ты меня причислил к религиозным людям...» (Там же, с. 316).

Далее Любичев вспоминает апостола Фому:

«...Фома — наиболее критически мыслящий из всех апостолов. По поразительному совпадению имя Фомы носят три выдающихся мыслителя: Фома Аквинат, Кампанелла и Мор. Если угодно, моя работа «Наука и религия» проникнута духом апостола Фомы...» (Там же).

Заметим еще, что всякого мыслителя следует воспринимать не изолированно, а в контексте его ближнего круга общения и культурной среды.

Еще раз соглашусь с Рэмом Баранцевым, пишущим в своем предисловии к избранным трудам Любичева о религии и науке:

«...Рациональность Любичева, эстетичность Кузина и духовность Светлова в своем единстве образуют ту ноосферную целостность, которая достойным образом завершает эту книгу...» (Баранцев Р. Г. На пути к единому знанию / Любичев А. А. Наука и религия..., с. 10).

Спор между «интуитивистами» (типа Светлова или Кузина) и «рационалистами» (типа Любичева) неисчерпаем, однако плодотворен — когда он (вот как у них!) ведется на принципах равноправного и

дружественного, взаимоуважительного диалога, с «доминантой на Лицо другого» (Ухтомский). (Июнь 2000 — май 2005).

(7)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-prodolzhenie-7>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 7

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 01.07.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторerefлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

Приложения к главе 23

<...>

П.23.4. Из истории гуманистической (интерпретативной) социологии

П. 23.4.1. Первая школа качественных исследований в социологии

[Ниже — краткий обзор истории Чикагской школы, воспроизводимый мною из учебника В.В. Семеновой «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (М., 1998). — А. А.]

<...> О тесной связи практики качественных исследований с теоретическими традициями субъективной или гуманистической социологии свидетельствует история отдельных научных школ.

Становление качественной парадигмы закономерно связывают прежде всего с Чикагской школой 20—30-х годов и именами У.Томаса и Ф.Знанецкого. В действительности, эта школа представлена более широким кругом имен и интересов.

<...> Чикагский университет в период между двумя мировыми войнами занимал ведущее положение в американской социологии и воспитал большое количество студентов, впоследствии ставших значимыми фигурами. Активной деятельности университета способствовало, с одной стороны, теоретическое влияние символического интеракционизма [Дж. Мид (1863-1931). — А. А.] и гуманистической мысли, с другой — напряженная социальная ситуация самого Чикаго: быстро растущего города с рядом острых социальных проблем (миграция, приток населения из других городов), требовавших нестандартных научных решений.

По словам Р. Парка, город был социальной лабораторией для применения новых методов и аспектов анализа. Предметом детального изучения стали различные территории города и отдельные группировки: районы пригорода, притоны, негритянские семьи, еврейские гетто, эмигрантские сообщества. Эти исследования первоначально относили к этнографической традиции. Однако интеракционистская ориентация социологов постепенно скорректировала их

интересы в сторону проблем конструирования идентичностей, изучения социального взаимодействия, образа «я» своими глазами и с точки зрения других. Такой интерес подкреплялся также теоретическими работами самих представителей Чикагской школы: У. Томаса, Дж. Мида, Р. Парка, Х. Беккера. По более позднему высказыванию Ф. Знанецкого, основным направлением практической деятельности Чикагской школы того времени можно считать построение моделей успешного поведения (Американская социологическая мысль. Мертон Р., Мид Дж., Парсонс Т., Шюц А. Тексты. М., 1996, с. 53). Они рассматривались на примере успешности адаптационного поведения мигрантов: как соотношение инновационного и традиционного аспектов деятельности; как проблемы маргинального поведения и т.д. Фокусом интереса исследователей были прежде всего взаимоотношения в группе, индивидуальное и групповое. Поэтому для их изучения использовались преимущественно качественные методы.

Характерным было рассмотрение проблем в рамках пространственных и временных ограничений (экосистемное исследование города Роберта Парка (там же, с. 71) или исследование психологии кризисного сознания, что также является чертой качественного метода.

Под руководством Р. Парка и Э. Берджеса на социологическом факультете в течение ряда лет издавались книги по методике изучения истории жизни, использованию дневников и писем (1923-1925), а также материалы научных дискуссий по методике интервьюирования (А. Богардус, 1926). <...>

[Здесь и далее мною опущены библиографические ссылки на первоисточники. — А. А.]

О технике кейс-стади Э. Берджес писал, что этот метод для социологии имеет ту же ценность, что и микроскоп для биологии <...>. Позднее он отмечал, что не видит противоречия между применением статистики и кейс-стади в социологическом исследовании, считая, что оба метода должны иметь равное признание и быть равноправными средствами исследования для каждого социолога <...>. Он подтверждал это высказывание своей практикой, применяя оба подхода в своем проекте по семье, включавшем 1000 семейных пар.

Следуя призыву своих лидеров «покинуть кабинеты и выйти в поле», в этот период в Чикагском университете проводится ряд крупных исследований <...> В области криминологии Клиффорд Шоу обсуждает проблемы кейс-стади (1927) и собирает вместе с Берджесом ряд историй жизни для своей известнейшей трилогии о Джеке Роллере <...> («Естественная история карьеры преступника» — 1931; «Братья-преступники» — 1938).

Многие издания Чикагского университета того времени построены на использовании личных документов: «Профессиональный вор» Э. Сатерлэн-да (1927) <...> и «Самоубийство» Кэвена (1928) <...> построены на дневниках.

Проект «Банда» Трашера (1926) использует фотографии, Зорбах в своем исследовании «Золотой берег» опирается на дневники наблюдения <...>.

<...> Методологический вклад Чикагской школы в развитие качественных исследований состоял в развитии трех основных направлений:

— Представление о жизни как конкретном опыте, полном субъективных переживаний и противоречий, как жизни, имеющей конкретное тело и душу; жизни, основным наполнением которой является разрешение проблем.

— Реалистическое представление о течении индивидуальной жизни: не как о статической, единомоментной, а протяженной во времени, имеющей начало и конец, представление о жизни как потоке — то, что называется «потоком жизни».

— Понимание жизни маргиналов и отверженных как частного опыта, отличающегося от одобряемого и общепринятого; их голоса обычно не могут быть услышаны при использовании массовых статистических процедур. Впоследствии, в 40-е годы, Чикагская школа распалась. Частично из-за того, что была подвергнута критике со стороны позитивизма, частично из-за того, что многие ее теоретики ушли со сцены.

<...> Опыт Чикагской школы, а также других научных школ демонстрирует, что развитие гуманистической социологии как теоретической традиции неотделимо от практики: нестандартные социальные проблемы, требующие поискового подхода, стимулируют развитие теоретических школ, а практика обогащается за счет расширения набора методов. <...>

(В. В. Семенова. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998, с. 70-78).

П.23.4.2. «Границы социологического познания пролегают там, где кончается интерес или изобретательность социолога...»

[Ниже — извлечения из некоторых работ зарубежных и отечественных авторов, посвященных феноменологическому направлению в социологии. — А. А.]

Из книги «Новые направления в социологической теории» (1972; рус. пер. 1978)

<...> Мир, на который направлено интенциональное сознание, Гуссерль называет «жизненным миром». К жизненному миру принадлежим все мы в нашей донаучной естественной установке; он является основой всех значений для всех наук, а также для феноменологии. Таким образом, жизненный мир — это наша непосредственная «интуитивная среда», где, по словам Шюца, «мы, как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием» <...>. Кроме того, жизненный мир рассматривается Гуссерлем как «интерсубъективный» мир, и именно в понятии интерсубъективности кристаллизуются возможности более тесного союза между феноменологией и социологией. <...> Хотя сам Гуссерль несколько неопределенно высказывался о роли понятий жизненного мира и интерсубъективности в своем творчестве, придавая им главное значение лишь в более поздних своих работах, в трудах Альфреда Шюца они несомненно занимают центральное место. Именно Шюц показал значение феноменологии для социологии. Понятие интерсубъективности раздвинуло границы феноменологической критики и обеспечило основу для ее применения ко всем наукам о человеке.

<...> Шюц [*Альфред Шюц (1899-1959)*. — А. А.], выявив возможность связей между социологией и феноменологией, показал, как изучение естественной установки прямо ведет к социологическим проблемам. Социологию интересует не трансцендентальное, а сфера мирового опыта — интерсубъективный мир повседневной жизни.

<...> Феноменология выводит социологическое знание из тупика естественно-научных моделей исследования на путь превращения социологии в специфически **гуманитарную** науку, сосредоточившую внимание на осознании человеком самого себя и социального мира. Отказ от естественнонаучных моделей требует нового, человеческого критерия обоснования теоретических

построений, и феноменологическая социология выдвигает такой критерий: адекватность социологических интерпретаций устанавливается путем возвращения их обратно в тот мир, из которого они происходят.

<...> Согласно распространенному, но ошибочному взгляду, феноменологическая социология является «микросоциологией», ограничивающейся изучением «прямых» взаимодействий и игнорирующей традиционные социологические проблемы, связанные с понятием «социальной структуры». Если под «микро» понимается исследование того, как конкретные люди в конкретных социальных обстоятельствах совместно конструируют свои социальные миры, то ярлык правильный. Однако на самом деле предполагается нечто иное: «микро» в данном контексте означает узость интересов и озабоченность «мелкими» проблемами. Ярлык приклеивается с целью выдать феноменологическую социологию за некоего отпрыска социальной психологии или теории малых групп и нейтрализовать тем самым угрозу корыстным интересам социологической традиции.¹⁴⁶

<...> С точки зрения феноменологической социологии нельзя считать второстепенными такие выдвигаемые ею проблемы, как порождение, сохранение, уточнение и усвоение смысла «социальной структуры». Это центральные проблемы социологии. Область социологического анализа простирается всюду, где только может быть обнаружен и исследован постоянный процесс осмысленного созидания индивидами «социальной структуры». Поскольку значение наличествует везде, где есть живые люди, будь то социологи или просто члены общества, границы социологического познания пролегают там, где кончается интерес или изобретательность самого социолога, или же там, где в дело вмешиваются чуждые науке политические мотивы. Это единственные границы предмета эмпирической социологии, ориентированной на проблему знания. Делая упор на эмпирический характер социологического анализа, феноменология подчеркивает, что если вы не можете получить данные, если не можете получить доступ, если не можете исследовать конструкцию значений и, следовательно, предложить реконструкцию, то вам, в сущности, нечего сказать. Любая интерпретация в таком случае будет лишь спекуляцией в рамках обыденного сознания.

(М. Филипсон. Феноменологическая философия и социология / Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978, с. 213-214, 216, 270-271)

Из книги Х. Абельса «Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию» (1999)

<...> Шюц соединяет концепцию жизненного мира Гуссерля с понимающей социологией Макса Вебера. Он пишет:
«Науки об истолковании и объяснении человеческого действия и мышления должны начать с описания базовых структур донаучного знания, которое является само собой разумеющейся реальностью для людей с естественной установкой. Эта реальность представляет собой повседневный жизненный мир».
(*Schütz A., Luckmann T. Strukturen des Lebenswelt. Bd. I. Neuwied, 1975, S. 23*)

¹⁴⁶ Цитируемая здесь работа относится к тому периоду, когда феноменологическое направление в социологии еще вынуждено было отстаивать свою суверенность и значимость. Отсюда — некоторая запальчивость «молодых английских социологов». Ныне эта конфронтация в полемике «неклассики» и «классики» в мировой социологии существенно поубавилась.

Человек принимает в этом мире постоянное и неизбежное участие. Это тот мир, к которому человек постоянно ощущает свою причастность, и одновременно это тот мир, в котором он постоянно живет вместе с другими людьми. Как это возможно, будет показано в дальнейшем, а сейчас нам необходимо выяснить, как человек находит свой путь к такой реальности. В этой связи следует воспользоваться несколько иным определением понятия жизненного мира: «Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, то есть любое положение дел, которое до поры до времени является для нас непроблематичным». (Ibid.)

В этом определении жизненный мир предстает как «не подлежащая сомнению основа естественного мировоззрения». Каким образом человек приходит к своему естественному мировоззрению? В этом заключается основной вопрос феноменологии.

<...> Цель феноменологического анализа социальных явлений заключается в исследовании того, как человек шаг за шагом организует социальную реальность. В этом заключается «просветительская» функция феноменологической социологии: она стремится изучить не только рутину повседневного мышления и его «святую простоту» (Abels H, Stenger H. Gesellschaft lernen. Opladen, 1989, S. 56), но и «ложное сознание» — то есть власть идеологии в широком смысле этого слова. Поэтому феноменологическая социология — это скорее нечто вроде **протосоциологии** [выделено мною. — А. А.]. <...>

(Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999, с.73-74, 98-99)

Из книги «Новые направления в социологической теории» (1972; рус. пер. 1978)

<...> В своих «Исследованиях по этнометодологии» (Garfinkel H. Studien in Ethnometodologie. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1967) Гарфинкель попытался, как мне кажется, установить в целях социологического анализа существование значимого, конечного и нередуцируемого уровня социальной реальности <...>. Главное достижение его этнометодологии состоит в выработке основ содержательного социологического анализа повседневной жизни.

<...> Истинной задачей этнометодологии становится <...> анализ процессов объективизации первого порядка, то есть способов, используемых участниками для обеспечения рациональности и описуемости их повседневного опыта. Другими словами, **этнометодологическая социология — это социология повседневной жизни** [здесь и далее выделено мною. — А. А.]. И задачей социологов-профессионалов, экзистенциально относящихся к социальному миру, то есть не приемлющих на веру то, что приемлют их «бытовые коллеги — члены коллектива, становится **раскрытие молчаливо подразумеваемых общих предпосылок**, которые, как предполагается, придают повседневной жизни ее упорядоченный характер. Это будет одновременно признание и исследование ими их собственного участия в мире здравого смысла и в его конструировании как реальности. Они смогут представить и проанализировать опыт социальных взаимодействий более осмысленно, чем это можно сделать при помощи формальных абстрактных терминов традиционной социологии. Они будут, как утверждает Гарфинкель <...>, стремиться к **открытию формальных свойств**

будничных практически основанных на здравом смысле действий “изнутри” действительных контекстов как текущей реализации этих контекстов». <...>

(Д. Силвермен. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля / Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978, с. 331, 350-351)

Из книги В. Семеновой «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (1998)

<...> В исследовании повседневности Г. Гарфинкель предложил два новых подхода. Первый — **анализ разговоров**, или **конверсационный анализ**, — предполагает исследование способов организации разговорного общения в разных средах и выделяет такие составляющие, как **индексность разговора** (indexical expressions) — т. е. сиюминутные смыслы, нюансы значений, придаваемые речевым конструктам в зависимости от контекста высказывания), а также **процесс интерпретации** как работа участников общения по расшифровке этих смыслов.

Особое внимание Г. Гарфинкель уделяет **непроговоренным, подразумеваемым и умалчиваемым** аспектам социального взаимодействия. Отсюда его второй подход — использование **провокационной стратегии**. Она базируется на прерывании привычных форм взаимодействия для выяснения социального порядка, по поводу которого участники общения обычно не рефлексируют.

Г. Гарфинкель так излагает суть своей исследовательской стратегии:

«Я предпочитаю начать исследование со знакомства с обычными ситуациями протекания процесса и посмотреть, что можно сделать, чтобы нарушить его. Какие действия надо совершить, чтобы нарушить заведенный автоматический ход вещей в данном окружении; чтобы внести смятение; чтобы произвести социально спровоцированный эффект волнения, стыда, вины или раскаяния; чтобы начались дезорганизованные взаимодействия, которые бы рассказали нам что-то о том, как организованы и воспроизводятся структуры повседневной деятельности в обычном порядке, в процессе каждодневной рутины» (Garfinkel H. Studien in Ethnometodologie. Englewood Cliffs. N.-Y.: Prentice-Hall, pp. 37-38).

<...>

(В.В. Семенова. Качественные методы. Введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998, с. 67)

Ремарка: «провокативные» ситуации = «моделирующие» ситуации?

Последнюю цитату из Г. Гарфинкеля впору было бы поставить одним из эпиграфов к «Письмам-дневникам» социолога-рабочего начала 80-х гг. (см. в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3) или к истории о «Серее-штрейкбрехере» (см. в томе 1: раздел 5.5).

В первом случае своеобразной провокацией со стороны «социолога-наладчика» было не что иное, как инициативная попытка заинтересованного, компетентного и ответственного выполнения своих **прямых производственных обязанностей** (обеспечение запуска нового станка и т. п.). Во втором же случае (индивидуальная «забастовка» наладчика ПКР и т. д.) своего рода провокативным действием явилось, напротив, **прерывание** некоторого нового (установившегося в итоге первой, долгосрочной «провокации») порядка и резкий возврат к «естественному» ходу вещей (что реализовалось, в частности, в производственном поведении «Серее»).

Обе ситуации были: в наших терминах — «моделирующими», а в терминах Г. Гарфинкеля — пожалуй — «провокативными»... (Декабрь 1999 — июнь 2003)

П.23.5. О драматургической социологии (Ирвинг Гофман)

[В 80-х гг. изобретателю «драматической социологии», как, пожалуй, и большинству советских социологов, о «драматургической социологии» Ирвинга Гофмана (1922-1982), несмотря на ее чрезвычайную популярность на Западе, ничего не было известно.

Ниже — извлечения из очерка социологии И. Гофмана, представленного в недавно переведенной у нас книге немецкого социолога Х. Абельса. — А. А.]

Из книги Х. Абельса «Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию» (1999)

<...> Что и как делает Гофман? Смещение перспектив Карл Маннгейм в одном из своих произведений рассказывал, что он иногда посылал своих лондонских студентов наблюдать за людьми на улицах (Dahrendorf R. Vorwort / Goffman E. Wir alle spielen Theater. Мюнхен, 1991, S. VII), а потом они рассказывали ему все, что видели. Насколько нам известно, Гофман никогда не давал никому подобных заданий, хотя его тоже интересовала обыденная повседневная жизнь. Он сам вел все наблюдения и делал описания, опираясь лишь на свою неистощимую выдумку по поводу того, где и как следует наблюдать и анализировать повседневную жизнь. Немецкий социолог Г. Освальд называет Гофмана «... одержимым писателем-социологом с выдающейся способностью исследовать самые сокровенные, обыденные и банальные стороны жизни и обнаруживать в них нечто необычное, приключенческое и волнующее» (Oswald H. In memoriam Erwing Goffman // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1984. Die Nummer, S. 211).

Ральф Дарендорф в предисловии к первой книге Гофмана, опубликованной в Германии, высоко оценил его способность интерпретировать всем нам знакомую повседневную жизнь. Он пишет:

«Гофман является, конечно, мастером интерпретации с таким глубоким чутьем, которое редко встречается в истории социальных наук. Не случайно, что первым автором, которого вообще цитирует Гофман, является Георг Зиммель. У него мы находим схожий талант прояснять наблюдаемую реальность через обнаруженные в ней структуры; здесь мы находим схожий смысл в по-видимости различающихся деталях» (Dahrendorf R. Vorwort..., S. VIII f).

Дарендорф отмечает способность Гофмана к осмыслению очевидного абсурда (Ibid., S. VII), и этот интерес к абсурду возникает лишь от того, что абсурд формирует наши основные представления о нормальности. Например, он так поясняет свой интерес к уголовным преступникам:

«В отношении уголовников главное не то, какие преступления они совершают и почему... Главное — свет, который проливает контраст их социального положения с нашим на то, что делаем мы» (Goffman E. Das Individuum im öffentlichen Austausch. Frankfurt am Main, 1982, S. 344, Anm.). Благодаря методу максимального контраста можно обнаружить условия социальной нормальности. Представитель альтернативной социологии А. Гоулднер в этой связи справедливо заметил, что идеально-типическая методология Макса Вебера тоже является «сравнительным методом», который «основан на исследовании скорее

крайних случаев, чем обычных» (*Gouldner A. Romantisches und klassisches Denken // Reziprozität und Autonomie. Frankfurt am Main, 1984, S. 186*).

Интерес к гротеску и экстремальным ситуациям восходит к традиции романтизма. В современной социологии к ней можно отнести прежде всего Гоффмана, который в элегантной форме продолжил эту традицию социальной мысли. Он рассуждает «с позиции хитроумного аутсайдера» (*Ibid., S. 192*) и рассматривает вещи с необычной точки зрения. Американский социолог К. Берк назвал такой подход «смещением перспектив». У Гоффмана этот прием является основным методом научного творчества (*Ibid.*).

Такой оригинальный стиль мышления оказал глубокое влияние на методологическую дискуссию в социологии. Это касается этнометодологии 60-х годов и герменевтически ориентированного анализа глубинных структур речи и деятельности конца 70-х годов. Интересно, что при этом имя Гоффмана упоминается редко и вскользь, хотя именно его «дружеское недоверие» к обычному восприятию повседневной жизни, которое он считает лишь частью житейского лицедейства, легло в основу целой научной школы.

Несмотря на большое косвенное влияние на социологию, Гоффман до сих пор не попал в центр теоретических дискуссий. Хотя он, как уже отмечалось, был в свое время назван журналом «*The Sociological Quarterly*» как «вероятно, самый значительный теоретик после второй мировой войны», внесший решающий вклад в феноменологическую социологию, тем не менее следует отметить, что сообщество профессиональных социологов мало принимает его во внимание (*Collins R. Relations in Public // The Sociological Quarterly, 1973, № 14, p. 137*).

Непоследовательность восприятия и отрыв его творчества от основной социологической дискуссии имеет свои причины. Одной из них является его манера изложения. Гоффмана «...очень легко читать благодаря наличию примеров и литературному таланту автора, но трудно понимать из-за сложности анализа и высокой степени детализации концепций, замысловатости рассуждений с частой сменой перспектив» (*Oswald H. Im memoriam..., S. 211*).

Социологи, которые стремятся поддержать репутацию своего предмета с помощью абстрактных понятий и систематических методов исследования, до сих пор испытывают трудности в восприятии соединения жанров «научной монографии и романа» (*Ditton zit. nach Meyrowitz (1985): Überall und nirgends dabei, Bd. 1, S. 80*). Однако Дарендорф предостерегает от недооценки социологии такого рода. Гоффмана, как и Зиммеля, считают «неудобными» социологами, которые «слишком нетребовательно относятся к основам этой дисциплины, и возникает сомнение, относится ли она к точным наукам или к литературоведению» (*Dahrendorf. Vorwort..., S. IX*). Однако при таком «легком, почти эфемерном отношении к предмету» не следует заблуждаться по поводу якобы его незначительного теоретического содержания (*Ibid.*).

Другая причина отдаленности творчества Гоффмана от теоретической дискуссии в социологии заключается в том, что сам Гоффман никогда не стремился прояснить или хотя бы прокомментировать свои теоретические положения. Он знал, что его либо понимают, либо не понимают. Так, он лишь один раз высказался по поводу критики в свой адрес (*Goffman E. A replay to Denzin and Keller // Contemporary Sociology, 1981, № 10*). Вероятно, будь у него намерение обогатить теоретическую дискуссию, он совершил бы это скорее всего в форме пересмотра всей социологии. Именно на это указывает содержание его вступительного послания к коллегам 1982 года в качестве президента Американской социологической ассоциации, которое он так и не смог прочесть. В нем он критикует социологию за пустоту в теории и слепоту в эмпирии (*Goffman E. The Interaction Order // American Sociological Review, 1983, vol. 48, p. 92*). Конечно,

первое обвинение весьма спорно, но второе ясно показывает, что имеет в виду Гофман. Он хочет вернуться к предпосылкам социологии как науки, благодаря которым она не только непосредственно наблюдает явления, но и описывает их с некоторой дистанции. Именно этому и посвятил свою жизнь Гофман, заглянув «за кулисы нормальности». Его способность смотреть на вещи «с изнанки» оказала большое влияние на социологическую теорию. Интересно, что социологические теории на основе идей Гофмана относятся к сложным теоретическим конструкциям, разработанным наиболее полно. В качестве примеров таких теорий можно назвать социологию Лумана или Хабермаса. В заключение отметим темы, которые Гофман разрабатывает методом смещения перспектив. Прежде всего это проблема социального действия, которую он рассматривает с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения теории социального действия Макса Вебера, на которого он ссылается лишь эпизодически. Гофман увлечен идеей Вебера о том, что социальное действие ориентировано на общий смысл, подразумеваемый участниками взаимодействия. Во-вторых, он рассматривает социальное действие с позиции Дж. Мида, придерживаясь его тезиса о принятии роли другого. Он объединяет оба теоретических подхода в модели драматургического действия. У Хабермаса имеется понятие **драматургического действия**, которое лежит в основе социологии Гофмана:

«Понятие драматургического действия относится не к отдельному действующему лицу или члену социальной группы, а к участникам социального взаимодействия, которые являются друг для друга публикой, перед которой они себя презентуют. Действующий человек вызывает у публики определенный образ, производит на нее определенное впечатление о себе, более или менее целенаправленно раскрывая перед ней свою субъективность.

Каждое действующее лицо может контролировать доступ публики в сферу своих личных взглядов, мыслей, установок, желаний, чувств и т. д. в силу своего доминирующего положения в этой сфере. В драматургическом действии его участники обращают это обстоятельство себе на пользу и управляют своим взаимодействием путем регулирования взаимного доступа к своей субъективности. Поэтому центральное понятие теории — понятие **самопрезентации** означает не стихийное выражение эмоций, а стилизацию выражения своих переживаний, адресованную зрителям» (*Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1. Frankfurt am Main, 1981, S. 128*).

Гофман рассматривает социальное действие с точки зрения манипулирования смыслом, как спектакль, развивая при этом теоретическое положение Вебера о смысле социального действия и теоретическое положение Мида о калькуляции последствий социального действия. <...>

Можно предположить, что такое развитие Гофманом теоретических положений Мида шокировало социологов. В качестве примера иной версии символического интеракционизма можно привести творчество Х. Штайнерта, которое сыграло важнейшую роль в распространении символического интеракционизма в Германии. Полемизируя с Гофманом, Штайнерт пишет:

«Парадигма Мида получила у Гофмана дальнейшее развитие постольку, поскольку он исходит не из консенсуса между участниками социального действия, возникающего в результате социализации, а из социальных требований и заранее заданных “декораций” социального действия, с помощью которых действующему лицу более или менее (с точки зрения Гофмана, имеет место скорее первое) искусно удается извлечь из ситуации максимальную выгоду» (*Steinert H. Das Handlungsmodell des Symbolischen Interaktionismus / Handlungstheorien — interdisziplinär, Bd. 4. München, 1977, S. 84*).

Мир, который стоит перед мысленным взором Гофмана, — это мир актеров. Штайнерт в этой связи продолжает:

«Эта парадигма разрабатывается дальше, поскольку Гофман, по сравнению с Мидом, гораздо больше знает о людских трюках, применяемых в повседневной жизни. Он лишь смотрит на вещи теоретическим взором и ничему не удивляется. Он знает, как и что делают люди в повседневной жизни, но описывает это безо всяких эмоций» (Ibid.).

Гофман смотрит на социальный мир с точки зрения «чужака» и пользуется специфическими возможностями, связанными с такой позицией. Г. Зиммель описал их в своем широко известном в социологии экскурсе о чужаке. Под «чужаком» он понимает вновь прибывшего, который намерен остаться в данном обществе. Он становится частью новой социальной группы, но до конца не расстается с прошлым опытом. Такой синтез «далекого» и «близкого» обуславливает у него «особые аттитюды объективности» (*Simmel G. Exkurs über den Fremden / Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Simmel Gesamtausgabe, Bd. 11. Frankfurt am Main, 1992, S. 766*), так как он не связан с единственной точкой зрения на мир, а смотрит на него с постоянной дистанции. Поэтому Зиммель называет объективность свободой (Ibid., S. 767). Гофман является подобным «чужаком», живущим в нашем обществе, имеющим право рассматривать нормальное как то, что могло бы быть иным. Некоторые считают такую манеру наблюдения комедией, другие были введены ею относительно нее в заблуждение. Гофман на этом основании считает, что одной из задач социологии является просвещение.

Отсюда возникает еще один ответ на вопрос о цели гофмановских описаний: Гофман претендует на свободу объективного и разрабатывает метод анализа того, что скрывается за «вещами», что обращает его к фундаментальной проблеме социологии — взаимосвязи человека с обществом, с другими людьми. Ответ Гофмана на этот вопрос касается рассмотрения опасностей для сохранения личности в современном обществе. <...>

(Х. Абельс. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999, с. 193-201)

Из предисловия А. Ковалева к книге И. Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» (2000)

<...> Похоже, что опыт Гофмана подрывает надежду на исполнение заветной мечты теоретиков социологии — построить мост между наблюдениями и обобщениями на уровне повседневных житейских ситуаций и историческими обобщениями макросоциологии, причем построить не в форме интуитивных прозрений и поверхностных метафор, а в виде лестницы строгих понятий, включенных в общую теоретическую систему. Кажется, из чтения Гофмана надо сделать вывод, что лучше эти разные миры, то есть микровзаимодействия («сценическую постановку» которых он так хорошо проанализировал) и макроструктурные процессы, исследовать по отдельности. Это не мешает нам ценить тончайшие «художественные» наблюдения, схватывающие взаимопроникновения двух миров, в изобилии рассыпанные в книге Гофмана. <...>

(И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000, с. 26)

П.23.6. О социологической интервенции (А. Турен)

Несколько вступительных слов

*В 1984 г. во Франции вышла книга Алена Турена «Le retour de l'acteur. Essais de sociologie», куда вошли работы этого автора разных лет. Недавно упомянутая книга появилась, в переводе Е.А. Самарской, на русском языке.¹⁴⁷ В 80-х гг. автору этих строк о **социологии действия**, в отличие от феноменологической школы в социологии, практически ничего не было известно (хотя мог бы и знать!).¹⁴⁸*

Ниже — композиция извлечений из книги А. Турена 1984 г. (Декабрь 1999 — июнь 2003).

Из книги А. Турена «Возвращение человека действующего» (1984; рус. пер. — 1998)

<...> Дистанция, которую занимает субъект в отношении общественной организации, не должна его замкнуть в себе самом, она должна подготовить его возвращение к действию, привести его к тому, чтобы он включился в общественное движение или в культурную инновацию.

Метод социологии действия

<...> Выбор метода зависит не только от соображений техники. Каждый метод соответствует некоему подходу, представлению о социальной действительности и, следовательно, выбору, сделанному исследователем, акцентировать внимание на некотором типе поведения. Социолог или антрополог, интересующийся природой и функционированием культурных и общественных норм коллектива, каковой отличается скорее своим порядком, чем изменением, должны занять позицию наблюдателя. Они стремятся уловить объективные проявления этих культурных норм, например, функционирование системы родства или ритуала. Они также регистрируют представления, верования и мифы, анализируя их извне, то есть ища принципы, управляющие совокупностью правил, и даже мысленные структуры, участвовавшие в создании этих мифов и верований. Он стремится показать, какие роли соответствуют положению, как формы поведения определяются занимаемой в обществе позицией или мобильностью на социальной лестнице. Речь идет о самом классическом приеме современной социологии. Его обновил прогресс статистических методов. Триумф в пятидесятые годы парсоновской версии рационализма придал ему столь большое значение, что можно было в какой-то момент поверить в его конституирующую силу для всякой социологии. Но те, кто интересуются решениями, изменениями, отношениями влияния и власти, никогда не чувствуют себя удовлетворенными таким представлением об обществе и экстенсивным способом исследования. Они всегда предпочитали изучать, как были приняты решения, как изменяются организации, что привело их к развитию особых

¹⁴⁷ Более ранние работы А. Турена: «Sociologie de l'action» («Социология действия»), 1965; «La voix et le regard» («Голос и взгляд»), 1978; и др., — на русский полностью не переводились.

¹⁴⁸ Как отмечал В. А. Ядов в своей рецензии на книгу автора этих строк «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)», вышедшую в 1997 г. (см. текст этой рецензии ранее: раздел 22.1), эксперимент социолога-рабочего «не вписывается» ни в этнометодологическое направление, по Гарфинкелю, ни в социологию действия, по Турену. (Оба эти направления рассматриваются В. Я. как альтернативные по отношению к традиционной социологии). Этой «невписанностью» автор вовсе не огорчен. (Хоть и сожалеет о том, что оказался в свое время недостаточно профессионально эрудирован).

исследований, которые стремились выявить за внешней стороной явлений сложную и скрытую историю решений.

<...> Социологическая интервенция представляет метод, который <...> стремится стать на службу изучения производства общества, [в то время... — А. А.] как экстенсивное расследование служит изучению форм и уровней социального участия.

Принципы

1. Главная проблема заключается здесь в том, что область самых фундаментальных социальных отношений и их культурных целей не поддается непосредственному наблюдению. Как перейти от изучения нормативного поведения к изучению форм поведения, ставящих нормы под вопрос? Уже Маркс, хотя и совсем в другом контексте, стремился обнаружить классовые отношения позади форм экономической практики. Многочисленны также те, кто искал проявления рабочего и, в особенности, классового сознания за формами поведения рабочих, продиктованных ответом на их трудовую и жизненную ситуацию. Это присутствие в повседневном опыте позиций, ставящих его под вопрос, было первым открытием индустриальной социологии, благодаря классическим работам Ретлисбергера в *Western Electric* (Roethlisberger F. J., Dickson W. J. *Management and the Workers*. Harvard University Press, 1939).

Анализируя торможение работы в мастерской Bank Wiring, эти первые индустриальные социологи показали, что поведение рабочих далеко не может определяться в терминах адаптации или рациональности, а должно быть понято как конкретное выражение борьбы за контроль над машинами и производительностью. Анализ поведения рабочих по отношению к различным системам оплаты постоянно подкреплял выводы первых исследований. Этот пример направляет нас на совершенно иной путь, чем изучение «великих исторических событий». Он заключается в концентрации внимания на самих действующих людях, взятых в их конкретном существовании: так можно лучше всего раскрыть механизмы, с помощью которых возможно, по ту сторону поведения социального потребления, выявить поведения конфликтного производства общества.

2. Но надо идти дальше наблюдения. Нужно создать почти экспериментальным образом такие ситуации, где тяжесть повседневного положения насколько возможно уменьшена, что позволяет действующему лицу выражать наиболее сильно свое оспаривание этого положения, свои цели и свое понимание тех конфликтов, в которые он оказывается включен в процессе достижения данных целей. Парадоксальным образом изучение исторического действия отдалается от больших полотен и экстенсивных расследований и обращается к интенсивному изучению ограниченных групп, с которыми социологи должны проводить углубленные и длительные исследования.

3. Идем дальше. Такой переход от потребления к производству общества не осуществляется спонтанно даже в благоприятных условиях, созданных исследователями. Нужно еще, чтобы последние вмешивались непосредственно. Только благодаря им действующее лицо может подняться с одного на другой уровень социальной действительности и перейти от поведения ответа и адаптации к поведению проекта и конфликта. Только если исследователь активно вмешивается, **чтобы увлечь действующее лицо к наиболее фундаментальному из его отношений** [выделено мною. — А. А.], последнее сможет перестать рассматривать свое поведение только как ответ на установившийся порядок.

Процедуры

<...> Важен здесь не размер изучаемой группы, а тот факт, что созданы **группы интервенции** [*во всех не оговоренных случаях выделение принадлежит А. Т. — А. А.*], помещенные в такую искусственную ситуацию, что их члены более воспринимают себя производителями истории, историй, изменения собственного положения, чем в обычной жизни. Исходный пункт социологической интервенции заключается в создании таких групп, состоящих из действующих лиц, или точнее **активистов** [*выделено мною. — А. А.*], которые вовсе не прекращают своей деятельности, но оставаясь активистами, включаются также в аналитическую работу. Не должно бы быть там никакого противоречия между ролью активистов и ролью аналитиков-участников, так как анализ направлен к обнаружению самого глубокого смысла действия. Но на практике создание таких групп сталкивается с большими трудностями.

<...> В действительности исследователи изучали не столько поведение действующих лиц, сколько их самоанализ. Немыслимо отделять роль от сознания роли и в особенности класс — от классового сознания. Даже если классовое сознание смешано с сознанием других ролей или прикрито им и, особенно, деформировано идеологией, оно присутствует. Первой целью исследователя является, значит, **развитие сознания действующего лица** [*выделено мною. — А. А.*]. Группы, когда они начинают объединяться, действуют как **группы-свидетели**, ведущиеся в них дискуссии воспроизводят те дебаты, которые происходят в ходе борьбы или коллективного действия. Надо преобразовать эти группы-свидетели в **группы-лица** посредством **поворота**, состоящего в установлении дистанции по отношению к практике и в выработке общих ее интерпретаций. Такой переход может осуществиться спонтанно или по инициативе исследователя. Он ведет к тому, что можно бы назвать идеологическим анализом, так как он и остается связан с действием и стремится его понять.

Переход от этого идеологического анализа к анализу, стремящемуся идентифицировать присутствующее в действии общественное движение, можно назвать **конверсией**. Только исследователь может осуществить такой переход. Именно он должен представить группе образ общественного движения, который придает действию его самый высокий смысл. Исследователь не стремится интерпретировать природу практики, высвобождая ее «дух», он **увлекает практику и ее интерпретацию к самому высокому из возможных уровней** [*выделено мною. — А. А.*]. Он никогда не становится на какой-либо другой уровень, чем уровень общественных движений.

<...> Совокупность моментов интервенции, следующих за конверсией, должна сохранять ее [*конверсии? — А. А.*] господствующую роль, ибо конверсия может считаться окончательно свершившейся только в конце исследования. Но недостаточно установить верность гипотезы [*гипотезы о более высоком смысле практики, внесенной в группу исследователем. — А. А.*] в группах, в которых она была представлена. Желательно еще предложить эти гипотезы другим группам. Это составляет важную часть того, что называют **перманентной социологией** и что представляет совокупность способов поиска, следующего за конверсией. Формируются новые группы, чтобы применить упомянутые гипотезы к новым ситуациям и посмотреть, помогают ли они группам лучше адаптировать их действия и пробуждаемые ими реакции.

Проблемы

<...> Успех исследования зависит от группы, поэтому исследователь имеет потребность быть принятым группой и думает достичь этого, уменьшая

разделяющую их дистанцию, показывая свою лояльность по отношению к группе и ее борьбе, стремясь даже иногда стать ее лидером. Такое сильное отождествление исследователя с группой может создать иллюзию, что группа способна далеко продвинуть свой самоанализ. Но скоро обнаруживается, что в таких условиях становится невозможна конверсия, так как уничтожена всякая дистанция между исследователем и группой. Между тем, конверсия предполагает, чтобы дистанция была столь большой, насколько это возможно, и чтобы исследователь прилагал значительное усилие к «подтягиванию» группы к самому высокому значению ее действия, значению, носителем которого он выступает. <...>

Область

<...> Метод социологической интервенции <...> имеет, на самом деле научные намерения, но стремится также поднять уровень действия таким образом, чтобы реальное действие максимально приблизилось к возможному действию. Он направлен на то, чтобы помочь людям делать свою историю в тот момент, когда на руинах разрушенных или преданных иллюзий вера в способность обществ созидать самих себя ослабела. Не было бы противоречием утверждать, что социологическая интервенция имеет эвристическую ценность, и одновременно признавать, что она свидетельствует о желании выработать сознание возможного действия и способствует таким образом защите и укреплению шансов демократии. <...>

<...> Что такое субъект, если не действующее лицо общества, поставленное в отношении к культурным моделям, к историчности общества того типа, к которому оно принадлежит? Только обращение к субъекту позволяет сегодня перейти от уже изменившейся культуры к созданию действующих лиц <...>. Мы не слышим более призывов к изменению общества и государства, мы не доверяем никаким лозунгам и никаким идеологиям, но мы чувствуем потребность жить в мире, который мы уже перестроили, вместо того, чтобы ютиться рядом с ним, среди руин нашей истории.

Даже при очень благоприятных обстоятельствах переход от одного типа общества к другому не осуществляется без нарушения непрерывности. И именно в такой момент разрыва наиболее необходимо услышать призыв к субъекту, понять, что не общественная ситуация управляет действием и сознанием, а что она сама является результатом культурных инноваций и общественных конфликтов. Перед тем, как действующие лица смогут признать себя творцами своей истории, должно наступить то, что я называю романтическим моментом. В этот период субъект проявляет себя не своими творениями, а сознанием дистанции в отношении незначительных или чуждых вещей, своим желанием свободы и творчества. Завтра, вероятно, возникнут общественные движения и политические переговоры, сегодняшний день отличается не только разложением прошлого и общим ощущением кризиса, но и призывом к субъекту, к необходимости поставить под сомнение все формы социальной организации и к требованию творческой свободы.

Данная книга приурочена в точности к этому моменту. Она не содержит только размышление о возвращении действующего лица, она готовит его появление. (А. Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998, с. 10-11, 115-118, 119-124, 127, 198-199)

[Попытка соотнести нашу «драматическую социологию» с «социологией действия» А. Турена была предпринята в томе 1 настоящей книги: «Предисловие. От автора сегодня. 2002».¹⁴⁹ — А. А.]

(8)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-prodolzhenie-8>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 8

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 04.07.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторerefлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

Приложения к главе 23

<...>

23.7. «Истории жизни» и перспектива пробуждения социологии

[Ниже — композиция извлечений из работы французского социолога, одного из лидеров современной гуманистической социологии Даниэля Берто. — А. А.]

Из статьи Д. Берто «Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии» (1997)

<...> Биографический **подход** прошел большой путь с 1960-х годов, когда он считался ненаучным. В 1976 г. я использовал понятие «*approche biographique*», чтобы выразить потенциал рассказов о жизни для социального исследования. Я был убежден, что рассказы о жизни — это не всего лишь еще один из инструментов сбора данных. Я даже написал короткую статью под заголовком «*comment l'approche biographique peut transformer la pratique sociologique*» («*Как биографический подход может изменить социологическую практику.* — фр. А. А.). С тех пор прошло 20 лет и практика социологии действительно значительно изменилась, но все же, на мой взгляд, она изменилась недостаточно. Биографический метод еще не занял в ней центрального места, которое, на мой взгляд, принадлежит ему по праву.

149 Напомню общий вывод:

«...Социология действия — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует элемент “социальной педагогики”, своего рода “внесение сознательности в стихийность движения”... В эксперименте социолога-рабочего подобная педагогическая (организаторская) задача отсутствовала... Социолог-испытатель не претендует на “организацию коллективной борьбы”. В случае наблюдающего участия исключено (запрещено) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысловознательной задачей (соответственно — комбинацией этих задач и мотивов)...» (Том. 1, с. 37-38).

<...> Рассказы о жизни, собранные методом интервью, таким образом, могут быть использованы **социологами** для получения очень полезной, в значительной степени, **объективной** информации о структурирующих силах, лежащих в основе **социальных** феноменов. Если это сделано должным образом <...>, тогда можно получить если и не **полностью объективное** описание и объяснение таких феноменов (я убежден, что это безнадежная задача, учитывая природу социальных процессов), то, по крайней мере, качественные «плотные описания» ('thick descriptions'), по Клиффорду Гирцу, социальных феноменов и лежащих в их основе процессов. Такой исследовательский дизайн позволяет развить хорошо обоснованную **интерпретацию** социальных процессов и даже выдвинуть предположения об их последующей эволюции, основанной на внутреннем знании их внутренней динамики.

<...> Биографический подход может получить поддержку через новое прочтение Макса Вебера. Он является отцом-основателем социологии, который, в отличие от Огюста Конта или Дюркгейма, находился под сильнейшим влиянием историков и германского различия естественных наук и 'Kulturwissenschaften'. Такая традиция заставляет его построить все свое рассуждение на понятии **человеческого действия**. Поскольку человеческое действие никогда не является полностью предопределенным, это исходное положение защитило Вебера от искушения рассматривать социальные явления как простые выражения скрытых законов.

В акционистской перспективе, каузальность рассматривается в совершенно другом свете, в центре внимания оказывается роль случайности. Каузальность предстает не как эффект воздействия одних переменных на другие, как это имеет место в ньютоновской физике или в опросных исследованиях, когда они подражают ньютоновской физике. Они рассматриваются как **процесс**, погруженный в историческое время, при котором прошлые события и действия обуславливают возможности для более поздних действий и событий. Эта обусловленность не всегда является **необходимой** (т. е. другие события **могли бы** также создать похожие условия) и практически никогда не является **достаточной**, поскольку между одной причиной и ее следствием проходит не только взаимодействие множества других причин и влияний, но также посредничество человеческого действия, которое всегда до известной степени оказывается непредсказуемым.

Если придерживаться веберовского подхода, который может быть назван «со-конструктивистским», то окажется, что лучшим способом понимания данных феноменов будет рассмотрение процессов, которые их воспроизводят (всегда в несколько измененном виде). В центре этой концепции — пристальное внимание к значениям, которые изменяют течение действий, предпринятых деятелями (актерами). При последовательном проведении такой взгляд ведет к схватыванию сложности реального мира, поскольку социальные действия всегда являются **взаимодействиями**. Таким образом, между Вебером и интеракционизмом существует потенциал конвергенции. И самое лучшее определение этой потенциальной точки конвергенции было дано Ч. Райтом Миллсом, когда он писал, что «социальная наука должна изучать социальную структуру, историю и их взаимодействие в рамках биографии». Такая концепция социального исследования остается сегодня столь же валидной, как и 36 лет назад, когда Миллс опубликовал эти слова. Для Миллса они были теснейшим образом связаны с потребностью в преданности (need for commitment), всегда присущем социальному исследованию. Если социологи не помогают своим современникам лучше понимать мир, в котором они живут и который они

конструируют каждый день, то кто это будет делать вместо них? Будет ли это задачей кабинетных интеллектуалов или, еще хуже, журналистов и политиков? <...> В заключение я хотел бы обратиться к проблеме, чрезвычайно значимой для социологов: что мы должны делать? В каком направлении, в какой тип исследования мы должны инвестировать нашу интеллектуальную энергию, наш профессионализм?

Это старый вопрос, на который давались разные ответы. Но поскольку большинство этих ответов сейчас кажутся устаревшими, надо заново рассмотреть эту проблему.

Самый общий ответ всегда имел научный характер: социологи должны стараться выявить законы общества. Этот ответ сейчас кажется абсолютно устаревшим: таких законов просто не существует. Это знали и Вебер, и Элиас. Можно обнаружить повторяющиеся способы действий, сформированные нормами и/или интересами и ценностями. То, что происходит в социальной исторической реальности, не является предопределенным, оно лишь обусловлено. В конечном итоге историю делает **действие**.

Кроме того, социологическое знание является исторически обусловленным. Его валидность ограничена культурным контекстом, в рамках которого оно развивается. Иллюзии сциентизма утрачены, кажется, навсегда.

Конструкционизм или, скорее, со-конструктивистская реалистическая перспектива кажется на сегодняшний день разумным подходом. Каков бы ни был используемый подход, единственно, на что может рассчитывать социология, — это пролить некоторый свет на данный социально-исторический процесс.

Но для чего? Ответ большинства отцов-основателей постоянно заключался в следующем: чтобы сориентировать этот общий метапроцесс или, по крайней мере, некоторые из его компонентов в «правильном» направлении, сделать общество несколько лучше, более свободным и более справедливым, более мирным и демократичным. И Маркс, и Дюркгейм думали и **действовали** именно таким образом, так же, как Прудон, Фурье и Сен-Симон. Той же ориентации придерживался Вебер в свойственном ему духе. Сегодня такие социологи, как Турен, Бурдьё, Хабер-мас или Гидденс — все таким же образом трактуют предназначение социологии. Остается только неясным, каким образом социологическое знание становится социальной силой, оказывающей влияние на историческое развитие. По этому поводу вновь мы видим, что старые ответы стали внезапно устаревшими.

По Марксу, четкое понимание внутреннего механизма политической экономии, идеологии, политической и социальной борьбы должно было помочь мировому пролетариату сбросить с себя цепи (*'l'émancipation des travailleurs sera l'oeuvre des travailleurs eux-mêmes'*) (*Освобождение трудящихся станет делом самих трудящихся — фр. А. А.*). Теперь, однако, кажется, мировой пролетариат инвестирует свою энергию в нечто другое.

По Дюркгейму (который однажды сказал, что социальное исследование не стоило бы и часа боли, если бы оно не доказало свою полезность на практике), социальным агентом, который может управлять превращением социологических идей в социальные силы, является Государство. Но со времен Дюркгейма мы научились доверять государству не полностью. Если не государство, если не пролетариат, может быть, действующим лицом (актером) должна быть революционная партия? Спросить так сейчас, в 1996 году, и здесь — в бывшем Ленинграде — и есть дать отрицательный ответ на этот вопрос. Может быть, политические партии могут заменить спонтанные, искренние и активные социальные движения? Таков был ответ Алена Турена, однако ни одно из движений, которые он изучал, не ответило его высоким ожиданиям.

Я уверен, однако, что ответ на этот вопрос существует, что существует социальный актер [*актор*. — А. А.], который позитивно ориентирован и имеет структурное соприкосновение с социологией. Это любопытный актер, это не социальный класс, у него нет устойчивого статуса, иногда он даже как будто исчезает надолго. Этот актер — то, что обычно называют **гражданским обществом**. <...>

(Д. Берто. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии / Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург. 14-17.11.96. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1997, с. 14-15, 19-21)

П.23.8. «Рутинa», «события» и «загадка жизни»

Из статьи В. Голофаства «Три слоя биографического повествования» (1996)

<...> Можно выделить три слоя биографического повествования. **Первый слой — рутинa**, личный, семейный, групповой быт, область устойчиво воспроизводимых действий, мыслей, чувств и обстоятельств. Социологу обычно важен семейный, но также и институциональный, статусно-профессиональный обиход. Отметим неявно-нормативный характер соответствующих явлений. Он обнаруживается по эмоциональным реакциям, которые сопровождают инерцию обихода, или, напротив, явные разрывы, провалы в повторяющемся мире повседневности. Так или иначе приходится очертить круг людей, которые сохраняют, разделяют и поддерживают коллективный обиход, которые живут этой рутиной. Обычно она редко удостоивается слова, вербализации, индивидуального, а тем более коллективного внимания. Она есть, она само собой разумеется, она на своем месте, как правила туалета, иерархии, кулинарии, застолья, собрания или фольклора. С той только разницей, что дело не в правилах, а в сути того, что может ими регулироваться. <...>

Две опасности подстерегают исследователя при интерпретации рутины. Первая — **неопределенность обобщения**. Нужно определить контекст (или серию контекстов: эпоха, место, социальная общность), где данная регулярность привычна, обыденна, сложилась и есть. Вторая опасность — **сверхобобщение**, всякая генерализация требует дополнительной проверки и аргументации. <...>

Второй слой автобиографического повествования — событийная культура.

Личные и общественные события — обычный предмет анализа биографий. Отметим, что события — это тоже, как правило, рутинa, но макроструктуры жизни — семейной, местной, городской или социетальной. Рядовой человек редко попадает в переплет общественных событий, оставаясь на втором — третьем плане. Если же это случается, то оставляет в нем неизгладимое впечатление. И все же поразительно, как мало событий [*по-видимому, имеются в виду общественные события*. — А. А.] включает ординарная биография. Если теория жизненного цикла индивида, семьи или группы позволяет сравнительно легко структурировать любое биографическое повествование, то **молчание** о событиях макропланов, институциональных, секторальных или социетальных — принуждает ввести понятие **горизонта индивидуальной жизни**. Что бы ни демонстрировал нам телевизор новостей и развлечений, немного входит в нашу жизнь как **событие**. Но, может быть, дело в том, что мы не знаем кукловода, или телевизионные поколения еще не писали своих биографий? Или граница между символическим и реальным еще отягчена инерцией традиционного?

Как бы то ни было, нередки и неординарные биографии: в них повышена степень индивидуализации хода жизни, рефлексия личного отношения ко всему важному, исключительному. <...>

Итак, интеграция личных и общественных (групповых, институциональных...) событий — это особый параметр связи индивидуальной жизни и социальной истории, который может быть предметом анализа и сравнения биографических повествований. <...>

Третий слой биографических повествовательных структур — это тайная, скрытая сторона жизни, ее загадка, малопонятное или безнадежно непонятное, пугающее, неожиданные совпадения, провалы. Естественно было бы связать эту сторону с многообразием форм социального контроля: табу на вербализацию секса, болезни, смерти, помешательства, на этническое, социальное, физическое неравенство или страдания и унижения, на стыд и срам, на стигматизацию и насилие, вообще на проявление моральных крайностей...

*Ремарка: **сокрытая сторона жизни.***

Пожалуй, социальные исследователи уже научились преодолевать эти «табу», не говоря уж о современной тяге людей к личностному «самообнажению» перед телевизионной камерой и т. п. (Вспомним хотя бы популярную телепередачу В. Комиссарова «Моя семья» и другие, вроде «Окон», «Девичьих слез» и т. п.).

*Однако само по себе методологическое различие не просто «внешней» и «внутренней» сторон жизни, а именно: (а) **эксплицитной** и (обычно) **предъявляемой** и (б) **латентной** и (иногда) **замалчиваемой**, представляется эвристически ценным. (Январь 2000 — октябрь 2003).*

...Но проблема шире. Согласно принятым теориям, индивид — это поле столкновения социально-культурного детерминизма и свободы, случая, биологической нужды и социальной настоятельности, рефлексии и заблуждения, догадки и неведения. Сама идея социальной науки [*принятых в ней теорий?* — А. А.] состоит в признании факта неспособности индивида (или общества) свободно или незаинтересованно читать или направлять свою жизнь. Впрочем, самоанализ не только усиливает ощущение драмы существования, но нередко и умиротворяет.

Стандартная техника прояснения скрытых сторон жизни — их **активная тематизация в биографических интервью или в сценариях биографий**, что резко повышает уровень диалогичности биографических текстов, а также опасность появления артефактов.

Когда же дело касается спонтанных автобиографий, мотивы которых обычно не вполне ясны, очевидность третьего слоя проявляется при появлении первых же вопросов: «почему», «зачем», «что случилось», «чем вызвано»? <...>

Подобные вопросы при анализе одной биографии [*биографии как таковой, выдержанной в режиме монолога.* — А. А.] могут так и остаться без определенных ответов, но вряд ли их можно окончательно выяснить путем прямых обращений к автору биографии. Такие вопросы развивают исследование и требуют новых материалов, а может быть и способов изучения...

*Ремарка: **биографический метод и диалог.***

Один из возможных путей решения этой проблемы видится в расширении диалогического круга: не только диалог исследователя с субъектом биографии, но и включение в него (в этот диалог), очно или заочно, других

лиц. Эти «другие» нужны даже не столько в качестве информантов, сколько в качестве (информированных) **интерпретаторов и экспертов**: соотнесение разных «версий» одной жизни. (Январь 2000 — октябрь 2003).

<...> Привычное, хорошо знакомое нередко экранирует анализ, препятствует обнаружению обусловленного разнообразия, правила, закономерности. Но, с другой стороны, структурный анализ биографических данных является их фундаментальным свойством, позволяющим сразу отбросить нереалистические гипотезы. Другим важным качеством биографических текстов является укрупненный взгляд на действительность, характерный для здравого смысла и обыденного языка, что, конечно, не всегда помогает быстро продвигаться к сути дела, но зато сохраняет ценность биографического повествования для «простого читателя». Биография как жизнь без литературных украшений притягивает магией возможного, на самом деле, для другого, а значит — в опасности или успехе — и для себя.

Трехслойная структура всякого биографического повествования — только один из возможных разрезов в структуре социально-культурных координат. В дальнейшем я предполагаю искать и другие тропинки в сплетении культурных оппозиций, характерных для всякого связного текста. Можно предположить, что любой достаточно длинный текст состоит из разнородных, более или менее крупных частей, построенных на отдельных группах оппозиций, различающихся хронологическим или событийным ритмом (см. упоминавшееся выше различие обычной и макрорутин). Кроме того, для данной культурной традиции желательно было бы выделить стилистические (лингвистические) маркеры вступления в зону теневого, скрытого, неясного содержания, в которых, вероятно, действует своя логика сопоставлений и чередований.

В. Голофаст

(Цит. по: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург. 14-17.11.96. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1997, с. 23-26).¹⁵⁰

П.23.9. Метод погружения

Из статьи В. Павленко «К вопросу об исследовании аксиологических структур социальных субъектов», опубликованной в журнале «Телескоп» (2003)

[Здесь опущен первый раздел статьи, посвященный теоретико-методологической постановке вопроса об исследовании аксиологических структур социальных субъектов: «Аксиологические пролегомены». — А. А.]

<...> 2. От методологии к методике

<...> Попробуем поставить проблему фиксации ценностного сдвига в аксиологической сфере социального субъекта. Начнем с индивида-в-социуме — человеческой личности. Во взаимодействии с внешним миром она

¹⁵⁰ См. также другие работы этого автора: *Голофаст В. Б.* Многообразие биографических повествований / На перепутьях истории и культуры. СПб.: СПбФ ИС РАН, 1995; *Голофаст В.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал, 1995, № 1; *Голофаст В. Б.* Концепции индивида и пространство биографий / Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе, СПб., 18-19 апреля 2003 г. СПб, 2004.

демонстрирует два своих наиболее устойчивых модуса: внутренний — собственную идентичность, внешний — индивидуальный стиль жизни. Идентичность личности — это ее «что», т. е. ее содержание, выстроенное на каркасе ценностей, обладающих атрибутами качества, количества и иерархии, следовательно, некоторой структурой. Другими словами, идентичность личности есть индивидуальная ценностная структура, определенная система ценностей. Стиль жизни личности — это ее «как», т. е. форма ее проявления вовне, способ реализации идентичности, ценностно ею детерминированный. Идентичность и стиль жизни личности как результат первичной социализации достаточно тесно взаимоувязаны в рамках единого аксиологического континуума, поэтому с большой долей уверенности можно предположить, что при надлежащем методическом подходе (о чем ниже) возможно через анализ стиля жизни индивида исследовать ценностную структуру его идентичности и, наоборот, анализ иерархии ценностей индивида может позволить спрогнозировать те либо иные линии его поведения в изменившихся условиях.

Однако на этом пути исследователя ожидают две большие трудности. Во-первых, о чем уже упоминалось выше, специфика первичной социализации индивида приводит к тому, что ее результаты — его идентичность и стиль жизни — им просто получены, им не отрефлексированы (а если и будут, то в достаточно зрелом возрасте, *post factum*), осознание им собственной иерархии ценностей весьма смутно, рационализация самих ценностей ситуативна, основанием выбора служит зачастую принцип «нравится — не нравится». Вторым естественным препятствием на пути исследования ценностных детерминант поведения социальных индивидов является их вторичная социализация, фактически продолжающаяся до конца их жизни. Степени интериоризации результатов первичной и вторичной социализации не сопоставимы: результат первичной — сущностная идентичность, естественный стиль жизни и конститутивная ценностная структура, результат вторичной — масковые, ролевые идентичности, театральные стиль жизни и ситуативно-парадные социальные ценности.

Сознательным утрированием результатов вторичной социализации индивида нам бы хотелось предостеречь тех исследователей, которые слишком легко приходят к выводу о ценностных трансформациях, чуть ли не синхронных социальным изменениям в стране последних десяти лет.

<...> Непроясненность для самого индивида собственной аксиологической конституции и ситуативно-ролевой ценностный набор, выработанный прагматикой зрелого периода его жизни, к сожалению, не единственное препятствие в исследовании ценностной статики и динамики. Тематика индивидуальных ценностей, если она обсуждается не в ситуативно-ролевом контексте, но в индивидуально-экзистенциальном плане, интимна и закрыта для посторонних.

Сложность и деликатность проблемы ценностей следует из того, что носителем ценностей является личность. Если в процессе исследования личность тем либо иным образом опредмечивается, то она с необходимостью перестает быть носителем нравственных ценностей и превращается в социальный муляж человека, но тогда теряет смысл и сама постановка проблемы ценностей социального индивида.

Избежать опредмечивания личностей можно, согласно М. Шелеру, через участие в них, «лишь осуществляя вслед за ними и вместе с ними их свободные акты, «идентифицируя» себя, как мы обычно говорим, с волеием, любовью и т. д. какой-нибудь личности, и тем самым — с нею самой. И в актах упомянутого

одного надъединичного духа... мы можем участвовать лишь благодаря соосуществлению».

Если рассматривать аксиологическую проблематику социальных субъектов более высокого порядка, то подобного рода «идентификация», по Ше-леру, возможна, пожалуй, лишь в случае реальных социокультурных групп, будь то семейно-родственный клан либо объединение лиц типа «Gemeinschaft». Реальный аксиологический сдвиг происходит в социуме со сменой поколений. Какой бы ни была причина социокультурного изменения конкретного социума, имманентной ли, экстернальной, либо сочетанием того и другого, интернализация его качественной составляющей есть результат именно первичной социализации синхронной ему совокупности социальных субъектов. Актуальный до сих пор генерационный подход к проблеме социокультурной трансформации содержится в работах Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Элиаса и К. Маннгейма. <...> [Здесь опущены ссылки на работы указанных авторов. — А. А.].

3. Метод погружения

Генезис метода связан с опытом применения совокупности биографических методов к проблематике социокультурных изменений. Анализ биографических текстов при полном признании важности содержащейся в них информации ставит проблему ее релевантности. Сопоставительный анализ биографических текстов и глубинных интервью с авторами историй жизни вынуждает прийти к выводу, что биографический текст предполагает социальный адресат [адресата. — А. А.] и им детерминирован, предполагает ad hoc вариант рационального структурирования автором своего собственного бытия и преломления социального пространства его экзистенции, проистекающего из самого факта его (автора) в нем пребывания, [а также... — А. А.] представляет собой целостную <...> Я-концепцию, претерпевающую те либо иные изменения в зависимости от социального адресата.

В самом деле. Чем больше срок общения с автором истории жизни и возникающая при этом степень доверия автора к исследователю, тем более становится очевидной природа лакун биографического текста и природа его интенцио-нальности. Производит неизгладимое впечатление добросовестно выученного урока содержательная и, более того, текстуальная идентичность большинства фрагментов биографического текста и нарратива. В свою очередь, другие фрагменты истории жизни подвергаются той или иной степени трансформации. Следует констатировать, однако, что вариабельность истории жизни, как бы далеко она ни простиралась, оставляет нерушимой Я-концепцию. (Мы не рассматриваем в данном случае ситуацию экзистенциального кризиса нарратора).

Лакуны (умолчания) — самый естественный способ сохранения Я-кон-цепции и гармонии социального взаимодействия. Они позволяют автору (нарратору) относительно «малой кровью» быть адекватным ожиданиям актуального для него социального окружения и не исказить Я-концепцию и скрывающуюся за ней автоидентичность. Другие искажения в следующих друг за другом вариантах истории жизни одного и того же социального субъекта происходят по основанию прогрессивной самоактуализации, когда субъект случившееся с ним представляет как им инициированное, а условия, в которых ему приходится находиться, — как им созданные и т. п., а также для акцентирования смысловой значимости события или поступка, когда искажения для субъекта имеют характер невинной стилистической фигуры. Следует решительно подчеркнуть, что, исключая случаи намеренного введения в заблуждение, когда история

жизни превращается просто в «художественное произведение», трансформация истории жизни происходит автоматически, полубессознательно, по законам социального взаимодействия...

Ремарка: «...когда субъект случившееся с ним представляет как им инициированное, а условия, в которых ему приходится находиться, — как им созданные...»

Вообще, очень тонкое замечание, справедливое, по крайней мере, для определенного типа личности.

Вот так и автор настоящей книги, того и гляди, выдал бы «приключения» своего героя (т. е. самого себя) за его «похождения», если бы только их «вспоминал». Однако «держали в узде»... документы, «жизненные свидетельства», которые не подделаешь. Ими и пытался уберечь себя от диктата собственной Я-концепции (хоть вполне, разумеется, уберечься и не сумел).

*Отсюда, кстати, и двойственная интерпретация «эксперимента социолога-рабочего»: это — **и то, что человек может сделать с обстоятельствами, и то, что обстоятельства могут сделать с человеком.***

На этапе первичной социализации преобладает, понятно, второе; в последующем же обычно совмещаются (переплетаются) то и другое. И, при честной ауторефлексии, обнаруживаешь лишь... «ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека...»

В принципе, то же самое можно сказать о жизни всякого человека. (Декабрь 2003 — май 2005)

...С учетом вышесказанного, метод исследования должен позволить наблюдать респондента в обстоятельствах его жизни, изучить его Я-концепцию, ее становление и взаимодействие с социальным окружением в изменяющихся условиях на протяжении всей жизни респондента. С другой стороны, этот метод должен дать возможность констатировать унаследованный генетический, культурный и социальный ресурс, с которым респондент вступает в жизнь, изучить все последующие трансформации этого ресурса и его трансмиссию последующим поколениям. Кроме того, проблема фиксации ценностного сдвига и изучения его механизма требует исследования ценностной динамики ряда поколений в рамках одного семейно-родственного клана. «Метод погружения» создает идеальные предпосылки для решения этих задач.

4. Описание метода

Как правило, хранителем родовой памяти является пожилая представительница семейно-родственного клана. Поэтому в качестве основного объекта исследования берется история жизни пожилой женщины 75 и более лет, живущей в семье одного из своих детей и имеющей внуков старшего школьного возраста. Этим достигается доступ к информации о жизни, по крайней мере, пяти поколений данной семьи и прочих семей семейно-родственного клана, к которому она принадлежит и с которыми она поддерживает более или менее регулярные контакты.

Пожилой человек, даже живущий в семье, практически всегда пребывает в состоянии той либо иной степени относительной социальной депривации. Поэтому предложение исследователя записать историю жизни респондента и совместно поработать над составлением генеалогии его семьи встречает, как

правило, заинтересованный отклик. Еженедельные встречи с респондентом и работа с ним в течение 2-3 часов рано или поздно приводят к тому, что исследователь знакомится со всеми членами семьи респондента, которые позитивно оценивают результаты генеалогических изысканий и тот новый содержательный настрой жизни, в котором стала пребывать их мать и бабушка. В процессе работы с респондентом над историей его жизни и генеалогией его семьи исследователь вступает в личный или телефонный контакт с прочими родственниками респондента с целью уточнения или получения новых данных о той либо иной ветви генеалогии. Постепенно контакт исследователя с респондентом как автором нарратива и основным звеном генеалогии (Его) становится все менее формальным, история жизни становится все более эмоционально окрашенной и приобретает экзистенциальную глубину и проблемность. Непроясненные для самого Его события его жизни и собственные его поступки обсуждаются с исследователем, который из деликатного, не критичного и заинтересованного слушателя превращается со временем в доверительного собеседника. Совместная работа превращается в общение, которое не прекращается и в промежутках между еженедельными встречами, продолжаясь по телефону.

Наступает момент, и исследователь получает от Его приглашение в гости, обычно, на день рождения, где он оказывается представленным самому близкому Его кругу родственников и друзей. Затем следует приглашение в гости супругу и детям исследователя, заочное знакомство с которыми респондента уже состоялось по телефону. <...> С течением времени исследователь становится свидетелем и участником почти всех значимых внешних и внутренних событий в жизни Его и его близких: «Вы наш» или «Он свой» — он становится членом реальной социокультурной группы, к которой принадлежит, зачастую являясь ее неформальным и/или формальным лидером, Его.

Итак, основной принцип метода погружения — вхождение в экзистенциальное поле субъекта через абсолютное без изъятия не критичное приятие его личности и совместную с ним деятельность, имеющую для него прежде всего экзистенциальную, а затем уже социальную значимость. Все свидетельства активного взаимодействия исследователя и Его, как-то: интенсивность общения, обмен услугами, и т. п. — это внешние и мало существенные референты того факта, что и исследователь, и Его вошли в экзистенциальное поле друг друга и сосуществуют в некотором общем для них поле экзистанса, то есть становятся друзьями с вытекающей из этого факта ответственностью, по крайней мере, со стороны исследователя.

Таким образом, метод погружения отличается от прочих антропологических методов исследования социокультурной проблематики тем, что он применяется для изучения социальных феноменов той культуры и, часто, субкультуры, к которым принадлежит сам исследователь. Благодаря этому он имеет возможность не только описывать и структурировать по произвольно выбранному формальному основанию социальные феномены, но и фиксировать конкретные существенные ценностные детерминанты и регулятивы поведения социальных агентов и функционирования социальных институтов. <...>

В. Павленко

(Цит. по: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003, № 5, с. 47-49)

Ремарка 1: метод погружения как предельный случай включенного наблюдения.

Всякий исследовательский метод имеет свои достоинства (преимущества) и недостатки. Описанная технология социально-антропологического (социологического? культурологического?) изыскания является собой, как я считаю, **предельный случай** участвующего, или включенного наблюдения (так же, как, скажем, «социологическая интервенция», в смысле А. Турена, представляется мне предельным случаем «наблюдающего участия»).¹⁵¹ Причем обычно «предельные случаи» оказываются на грани выхода за **пределы** исследовательского метода как такового. Так, слишком глубокое взаимопроникновение «экзистенциальных полей» исследователя и его объекта (субъекта) таит в себе опасность утраты собственно исследовательского «угла зрения», так что искомое «тождество субъект-объекта» (выражение А. Ухтомского) может оказаться не относительным, а абсолютным.¹⁵²

Иными словами, постулируемое В. П. в качестве основного принципа метода погружения, эмпатическое «вхождение в экзистенциальное поле субъекта через абсолютное без изъятия не критичное (! — А. А.) принятие его личности...» — грозит разрушением собственной (профессиональной) идентичности исследователя.

Пожалуй, ситуацию абсолютно идентифицированного с «объектом» (Его, в терминах В. П.) социального аналитика можно сравнить с положением такого ауторефлексивного (размышляющего о себе) субъекта, который, при всем своем стремлении к объективности, не в силах выйти за пределы сложившейся у него Я-концепции, взглянуть на себя одновременно (или последовательно, поступательно-возвратно) — и «изнутри», и «со стороны», а стало быть ее (Я-концепцию) откорректировать.

С учетом этих соображений, можно сказать: путь исследователя здесь пролегал «по лезвию бритвы»...¹⁵³ (Декабрь 2003).

Ремарка 2: погружение — диалог — постижение.

Здесь представляется уместным вспомнить принадлежащую нашему общему с В. Павленко покойному другу — Сергею Михайловичу Розету (1940-1994) — эвристичную постановку вопроса о различении «субъект-объектного» и «субъект-субъектного» познания и о равноправном **диалоге**, как возможном и желательном способе взаимодействия исследователя и исследуемого (что моим коллегой здесь, пожалуй, подразумевается, но отчетливо не заявлено).⁴⁶

...Диалог — это, как правило, **встреча** двух (или более) разных индивидуальных сознаний (если угодно, экзистенциальных полей), а не «слияние» их. Доминанта «на лицо другого» (А. Ухтомский) вовсе не предполагает обязательного консенсуса.

Собственно, одним из путей обеспечения плодотворности возникающего в процессе «субъект-субъектного» познания диалога (со-беседования, взаимо-

151 Пожалуй, не случайно Б. Максимов называет «наблюдающее участие» социолога-рабочего «социологическим вторжением» (см. ранее: раздел 22.10). Если «участвующее наблюдение» — **погружение**, то «наблюдающее участие» — **вторжение**.

152 Не случайно В. Павленко отмечает, что метод погружения применим, преимущественно, «для изучения социальных феноменов той культуры и, часто, субкультуры, к которой принадлежит сам исследователь».

153 С этой проблемой, кстати, столкнулся и автор настоящей книги, пытаясь исследовать, скажем, рабочую среду «глазами рабочего», или в попытках самоанализа своего жизнеощущения и поведения (в период «эксперимента социолога-рабочего» и т. д.). Его ауторефлексия (имманентная способность всякого человека) при этом была под постоянной угрозой утраты качества **социологичности** (т. е. профессионально-научного качества).

по-нимания и т. д.) и является метод **погружения**, предполагающий долговременную совместную деятельность и связанное с нею соприкосновение и частичное взаимоналожение (своего рода интерференцию) «экзистенциальных полей» исследователя и исследуемого (исследуемых).

Идеальную логику такого социального изыскания можно выразить следующей схемой: **погружение — диалог — постижение**. Пожалуй, уточню: **совместное постижение!** (Декабрь 2003).

Ремарка 3: погружение как акт ответственности.

Описывая свой метод, В. Павленко справедливо отмечает момент **ответственности** исследователя, которую тот принимает на себя установлением столь тесного контакта с «респондентом». В особенности, с учетом того, что исследователь фактически становится *alter ego* пожилого (как правило) человека. (Декабрь 2003).

(9)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-prodolzhenie-9>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 9

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 06.07.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторerefлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

Приложения к главе 23

<...>

П.23.10. Гюнтер Вальраф — король анонимной «ролевой журналистики».
Интермедия

Несколько вступительных слов

Гюнтер Вальраф — немецкий журналист (род. 1942), сделавший анонимное погружение в описываемую среду своим основным творческим и жизненным методом. Наиболее полное собрание его сочинений на русском вышло в 1988 г., в серии «Зарубежная художественная публицистика и документальная проза» издательства «Прогресс».

Ниже — композиция извлечений из вступительной статьи М. В. Зоркой к книге: Г. Вальраф. *Репортер обвиняет*. М., 1988. (Январь 2000 — июнь 2003).

Из вступительной статьи М. Зоркой к книге «Репортер обвиняет» (1988)

Человек, который проходит сквозь стены

<...> В настоящее время Вальраф — едва ли не самый знаменитый из всех авторов, пишущих на немецком языке. Его выступления, исчезновения, появления, передвижения, хроника судебных процессов, где он оказывается в довольно редкой роли обвиняемого обвинителя, — все это уже становится материалом для газетных сообщений. Таковые, впрочем, как правило, носят характер неопределенный или гадательный: всякий раз можно подозревать, что предпринятая Вальрафом и даже вынесенная на публику акция обнаружит со временем некий дополнительный смысл.

<...> Свою трудовую биографию Вальраф начал с завода Форда, где раньше работал его отец, хотя, конечно же, мог найти место повыгоднее и почище. Но рассказы знакомых об ужасных условиях труда именно на предприятиях-гигантах казались ему столь невероятными, что он решил испытать на собственной шкуре, каково приходится рядовому немцу, борющемуся за кусок хлеба от зари до зари. За два года он несколько раз нанимался на крупнейшие заводы ФРГ, задавшись вполне определенной целью: изучить индустриальный мир как систему, о которой на примере деятельности у автомобильного магната можно получить лишь частичное представление.

Обретенный опыт и доподлинные знания, интересовавшие молодого рабочего больше, нежели участие в производственном процессе как таковом, не остались без применения. Вальраф (под псевдонимом Вальман, взятом для того, чтобы тут же превратиться в безработного) сообщал о своих впечатлениях в профсоюзной газете «Металл»; материалы вскоре составили его первый сборник «Ты нам нужен» (1966).

<...> Прогрессивная критика и заинтересованные читатели заметили молодого журналиста очень скоро. В достоверном и деловом тоне его публикации (вслед за первым сборником появились «Тринадцать нежелательных репортажей» (1969), «О том, кто отправился странствовать и узнал страх» (1970), «Новые репортажи, исследования и поучительные примеры» (1972), «Вы там наверху, мы здесь внизу» (1973) и др.) сообщали о насущных проблемах целого класса. В сочетании с непосредственностью и живостью изложения это рождало впечатление нового и свежего слова в текущей литературе.

<...> Уже после выхода первого сборника он отправился за материалом для следующих репортажей под чужим именем. Правда, это была вынужденная махинация: к тому времени во все крупные и средние предприятия успели разослать его фотографию вместе с соответствующей отрицательной рекомендацией. Что было делать? Изменить намерения или измениться внешне? Вальраф выбрал последнее. Более того — в метаморфозах обрел себя.

Фантазия Гюнтера Вальрафа поистине неистощима, реакция мгновенна. Сам барон Мюнхгаузен позавидовал бы, наверное, той ловкости, с какой он выкручивается из трудных ситуаций, моментально оценивая преимущества противника и сочиняя невесть какие небылицы о себе и о своем прошлом! Кстати, чтобы так лихо и беззастенчиво врать, нужно быть глубоко и безоговорочно уверенным в силе той правды, которой служишь.

<...> Целый карнавал масок! Министерский советник Кревер; путешественник без денег, вынужденный воспользоваться бесплатной столовой в Регнсбурге; бывший студент-художник, которому для прокорма семьи необходимо подработать в концерне «Мелитта»; безработный, умоляющий чиновника в отделе социального обеспечения помочь его голодающей семье хотя бы крошечной ссудой; швейцар в страховом концерне Герлинга...

В свое время Генрих Белль, высоко оценивший дарование молодого журналиста, писал: «У меня есть только одно возражение против метода

Вальрафа: он не сможет им долго заниматься, потому что станет чересчур знаменит». Учитель и старший коллега Вальрафа оказался прав в последнем утверждении, но не по сути: известность усложняет маскировку, но делает более весомыми результаты. За полтора десятилетия (предисловие Белля к шведскому изданию «Нежелательных репортажей» вышло в 1970-м) Вальраф сменил десятки обличий и не собирается искать другие способы добычи информации и борьбы.

Испробовал он за свою жизнь, впрочем, многое. Первой настоящей сенсацией, когда имя Вальрафа появилось во всех, даже самых консервативных газетах, стала предпринятая им в Греции политическая акция: в 1974 году, во времена «черных полковников», он, создатель Комитета солидарности с демократами Греции, в знак протеста против режима хунты приковал себя цепью к столбу в центре Афин и разбрасывал антифашистские листовки. Дальнейшее страшно: побои, арест, суд, где Вальраф произнес яркую обличительную речь, тюрьма. Только отставка диктаторского режима и установление демократической власти спасли бесстрашного журналиста.

<...> В захватывающей книге «Раскрытие одного заговора» (1976) рассказывалось о том, как, находясь в Португалии, Вальраф связался с заговорщиками из правых кругов, готовившими фашистский переворот, и о целой серии продуманных журналистских акций, благодаря которым этот переворот не состоялся.

<...> Десять лет назад в ганноверском филиале газеты «Бильд» появился новый сотрудник — молодой, перспективный, хваткий. Его звали Ганс Эстер, он собирался сделать карьеру в журналистике. В самом деле, очень скоро на страницах популярной газеты стали мелькать бойкие заметки за его подписью.

<...> Гюнтер Вальраф избрал для нового расследования весьма рискованный способ.

<...> Четыре с половиной месяца работы в «Бильд» дали материал для трех книг: «Рождение сенсации» (1977), «Свидетели обвинения. Описание «Бильд» продолжается» (1979), «Справочник по «Бильд» — до отказа» (1981). Вальраф назвал их трехтомником и утверждает, что они последовательно развивают единую тему: анамнез, диагноз, терапия. Действительно, по скрупулезности и точности в выявлении симптомов, старательности в определении конечных результатов анализа метод Вальрафа можно сравнить с деятельностью толкового и профессионального врача.

<...> В середине 80-х годов те, кто следил за деятельностью Вальрафа — и ненавистники и почитатели, — знали, что журналист работает над какой-то большой темой. Ожидалась сенсация: а вдруг это верхушка бундесвера или ведомство по охране конституции, а может быть, он где-то возле федерального канцлера. Появление Вальрафа «с самого низа» не ожидал никто.

<...> Вальраф вооружается темными контактными линзами, усами, париком и предстает перед работодателями гастарбейтером, турком. <...> Вальраф-Али батрачит, ремонтирует конюшню, вкалывает на рыбном комбинате, промышляет игрой на шарманке, стоит у плиты в дешевой закускойной, моет унитазы, дышит смертоносной пылью на асбестовом заводе — вот далеко не полное описание одиссеи по задворкам. Вальраф был турком Али два года.

<...> В одном из интервью, данном полтора года спустя, Вальраф сообщал, что тираж его книги [*«На самом дне», 1985. — А. А.*] перевалил за 2,3 миллиона и она переведена на двадцать один язык.

<...> За книгу «На самом дне» Вальраф получил баснословный гонорар. Но и тут надежды на развенчание дерзкого ниспровергателя устоев не оправдались. Большую часть этих денег журналист вложил в новый фонд солидарности с

иностранцами и в строительство жилищного комплекса в Дуйсбурге, где будут совместно проживать немецкие и иностранные семьи.

<...> Помимо магнитофонных кассет, записных книжек и личных воспоминаний, он обладал видеопленкой на 80 часов просмотра. Из этой кинохроники жизни Али был смонтирован полнометражный документальный фильм (режиссер Йорг Гфререр), который с успехом прошел по фестивальным экранам 1986 года и стоил Вальрафу огромных издержек на очередной судебный процесс.

<...> Человечеству известно множество форм борьбы за справедливость, от стихийного восстания рабов до одиночного бунта, от организованной демонстрации до выступления в печати. Путь, избранный Вальрафом, глубоко индивидуален, хотя и имеет прецеденты в истории XX века. Генетически способ «внедрения в событие» восходит к глубокой древности, к самому детству человечества, к маскировке, как приему охоты с целью приблизиться к объекту, не вызывая подозрений. Близки к этому и вековые поэтические образы сказки, где герой обладает волшебным средством и делается незримым. «По-моему, маска и шапка-невидимка — это древнейший принцип искусства, — говорит Вальраф, — мечта, которая рождается у человека еще в детстве».

С завидной откровенностью он признается, что его увлекает уже сама «игра» [здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, выделено мною. — А. А.].

Да, как бы ни были высоки цели и намерения этого человека, посвятившего свою жизнь борьбе за свободу угнетенных, как бы ни забывал он о себе, как бы ни была велика сила самопожертвования — все равно Вальраф решается на операцию с принятой и обдуманной стратегией еще и в силу особенностей собственного характера. Речь идет о некоем эстетическом наслаждении, о своего рода удовольствии, пафосе риска — есть упоение в бою. <...> «В ролях я живу намного интенсивнее, становлюсь собой, осознаю самого себя...

Исполнение ролей — это моя сущность» [цитата из Г. Вальрафа. — А. А.].

<...> Все великие очеркисты, от молодого Хемингуэя до Эгона Эрвина Киша, были вездесущими «ловцами событий» на месте их свершения. Полностью принимая эстафету, Вальраф вносит в профессию **метаморфозу, перевоплощение как постоянный прием**. Степень приближения, включения в событие неизмеримо увеличивается!

<...> «Театр Гюнтера Вальрафа» — так можно было бы с некоторой натяжкой назвать вид журналистской деятельности, о которой идет речь.

<...> В своем театре, близком к искусству переживания, а не самодовлеющей игре Вальраф всегда не упускает из виду «сверхзадачи» (К. С. Станиславский) — социального анализа с целью разоблачения общественного неравенства, гнета, унижения тех, кого жизнь опустила на дно или поставила лицом к лицу со злом. Азарт, с каким он бросается из одной перипетии в другую, вызван как личными устремлениями и свойствами, так и гораздо более общими причинами.

<...> «Когда я, находясь в анонимной ситуации, испытываю на себе несправедливость, то я теряю всякий страх...» — говорит беспокойный очеркист. Обратим внимание: в большинстве случаев Вальраф оказывается в роли **страдающего** [выделено М. З. — А. А.], того, кто испытывает на себе все тяготы заурядного бытия. Не сталкиваясь в своей подлинной [? — А. А.] жизни с материальными трудностями, он зато в полной мере ощущает их, играя свои рискованные роли. Не однажды в текстах репортажей встречаются слова, что будь он и в самом деле рабочим, безработным, иностранцем, ему бы не выдержать.

<...> При всех перевоплощениях и проделках Вальраф считает себя лишь «принимающим участие наблюдателем». Но его положение изначально двойственно, ведь, играя роль, он выполняет две функции в обществе, свою и чужую. Еще в 1973 году в одной швейцарской газете остроумно писали, что он одновременно мститель за обездоленных, благородный разбойник и — Франкенштейн, который всегда не прочь отхлебнуть чужой крови [! — А. А.]. Другое дело, что Вальраф позволяет себе вмешиваться только в профессиональную жизнь своих врагов, **частное, личное для него «абсолютное табу»**. Он никогда не стал бы использовать свои методы против индивидуума как такового <...>. «А против аппарата власти других возможностей нет». В этом он категорически убежден.

Вопрос о правомочности методов Вальрафа возникал, разумеется, не один раз. Федеральный суд, как об этом писала пресса в 1987 году, постановил, что цель оправдывает средства в том случае, когда обнародование разоблачительных фактов идет на пользу обществу. При этом понятно, что понятие общественной пользы можно трактовать весьма произвольно.

В свое время Генрих Белль, выступавший в Кельнском суде свидетелем по очередному делу Вальрафа (после издания репортажа «Концерн Герлинга», разоблачающего финансовые аферы последнего), нашел иные аргументы в защиту. Он доказывал, что написанное Вальрафом есть литература и, как ясно каждому, она нуждается в фактах. Существуют разные способы познания действительности, один из них открыл для себя неутомимый очеркист, что и отличает его публикации от «журналистики фасадов». Если признать его методы криминальными, то литература вообще <...> лишится огромных возможностей.

<...> В своих теоретических суждениях он [Гюнтер Вальраф. — А. А.] стоит на позициях строгого реализма, считая самым надежным литературным приемом точность в описании фактов, чтобы читатель понимал: «...такое не придумалось, такое не под силу воображению, это все происходило на самом деле».

Современный журналист, считает Вальраф, имеет, как правило, дело с уже отобранным или «профильтрованным» материалом. Одна из главных профессиональных целей для него — преодоление данного положения вещей, поиски нового пути для получения информации «не через третьи руки», стремление к документальной подлинности и достоверности сообщаемого.

Выдвигая тезис о том, что со временем литература как явление вовсе отомрет и на смену ей придет непосредственное сообщение, он, как это ни парадоксально, отдает приоритет в правдивости информации **художественному** в сравнении с **публицистическим** [выделено М. З. — А. А.]. Художественное — это пережитое, прочувствованное самим автором, это порождение его собственного духовного опыта. Журналистика имеет дело с обработкой чужой информации, а следовательно, не обладает столь действенной, всепроникающей силой.

Однако, **ставя самого себя в центр изучаемой жизненной ситуации, автор ролевого репортажа превращает «чужую информацию» в индивидуальный опыт.**

Этот процесс для Вальрафа не менее важен, чем результат — написанный текст. Вот почему в его очерк как правило, включена «закулисная сторона», что-то вроде сценической истории: каким образом ему пришла в голову мысль совершить тот или иной поступок, какие средства пришлось пустить в ход. Текст Вальрафа выглядит современно и броско, он вольно перебивается юридическими документами, выдержками из газет, ссылками на справочные издания, всякого рода цитатами, напоминая коллаж. Его репортажи не назовешь, как писал Белль, ловкими или изящными.

<...> В его ранних очерках видны следы работы над словом, образом. <...> Со временем Вальраф перестал заботиться об эстетическом наслаждении, которое должен испытывать при знакомстве с его книгами читатель. Как автор он блистательно выполнил другую задачу — стал доступным миллионам. <...> Безусловно признавая содержание главенствующим над формой, он вовсе не старается следовать чему-либо иному, кроме конкретности факта и вывода. Зато доказывая важную для него мысль, он не страшится настойчивых повторений, что особенно бросается в глаза в трех книгах о «Бильд».

<...> Нельзя со всей уверенностью утверждать, что его репортажам суждено будет войти в литературно-художественное наследие нашей эпохи. Но зато в его палитре найдутся все краски времени, и с их помощью будущий историк воссоздаст подлинную картину нынешней общественной жизни и социальной борьбы. <...>

М. Зоркая

(Цит. по: Г. Вальраф. Репортер обвиняет. М.: Прогресс, 1988, с. 5-22)

Ремарка: разведение или соединение социальных ролей?

Был ли Гюнтер Вальраф в свое время образцом (разумеется, недостижимым!) для социолога-испытателя? И да, и нет!

*Главный пункт поведенческого различия «драматической социологии» и анонимного «ролевого репортажа» — отсутствие или же наличие **метаморфозы**, т. е. разведения социальных ролей. Г. Вальраф — гений социально-ролевой метаморфозы.*

*Социолог-рабочий этого не только не умел, но и не хотел... И пытался как-то (удачно или нет — другой вопрос!) **соединить** разные роли в своем социальном поведении. (Декабрь 1999 — июнь 2003)*

П.23.11. «Исповести» и «жизнемысли» Георгия Гачева

Несколько вступительных слов

С книгой писателя, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева «Семейная комедия. Лета в Щитове (исповести)» (М., 1994) мне довелось ознакомиться уже когда была закончена и ждала выхода в свет «Драматическая социология» (1997).

К сожалению, и других произведений Г. Гачева (например, из серии «Национальные образы мира»), — на менее «интимные» темы, но в той же манере написанные — до тех пор не читал.

Не говоря уж о множестве идейных, экзистенциальных созвучий, прикосновение к «исповестям» Г. Гачева было для автора этих строк, одновременно — и открытием, и «узнаванием» знакомого жанра.

...Вот и опять, думал: сам изобрел — перепечатывать тексты прежних лет, не редактируя, а лишь аранжируя их, и иногда комментируя себя, прежнего, «из сегодня» (диалог с самим собой, развернутый во времени).

А оказывается — и тут меня опередили! (А может и у Г. Гачева были предшественники? Не знаю...).

Встреча с жанровым прецедентом — обрадовала. Значит, опять — «творческая парапсихология»? Это во-первых. А во-вторых... Когда «белая ворона» не одна — глядишь, и не заклюют...

Ниже — композиция извлечений из упомянутой работы Георгия Гачева. Оговорю, что здесь будут представлены лишь немногие «первичные» дневниковые записи писателя и философа (отобранные мною, в качестве

примеров, достаточно произвольно), а упор сделан — на фрагментах, содержащих в себе **обоснование метода и объяснение жанра**. В скобках указаны страницы по названному изданию, а также датировки записей. (Май 2000 — апрель 2005).

Бытие нельзя познать, им можно лишь быть.
Георгий Гачев, 1969

Из книги Г. Гачева «Семейная комедия. Лета в Щитове» (1994)

Приглашение к доверию

Человечество в нашем веке так измызгалось в гекатомбах и океанах лживого слова, что даже слово художественной литературы — как вымысел — уже нам неправдою дышит: настолько стали чутки к придуманности. И, реактивно к этому, — влечет просто правда, факт, документ. А в литературе — честное, исповедальное слово писателя. А то взял себе позу учителя жизни: срывает все и всяческие маски — с других людей, а сам, мэтр вальяжный, непроницаемый, гражданин хороший!.. Не верим тебе — такому чистенькому! Всех поучаешь, а сам-ка ты как учишь себя? — раскройся!.. И вот, чуя такую потребу времени и душ наших, всю жизнь вглядываюсь в себя, охочусь за собой: уловить честно, что аз есмь? — и в этой работе стараюсь вычищать себя от мусора злобы и мнимых понятий и ложных прицелов в душе на ценности эфемерные...

Но все равно — увы! — образ выходит — и себя самого, как бы ты ни старался то, что есть на самом деле, фиксировать. И это — как рок — даже всякой исповеди. Но само усилие — дойти до самой сути, до предела возможного чистосердечия и откровенности, обстругивать болванку самого себя — есть достойный труд честности, и он заслуживает и фиксации, и чтобы читатель с волнением следил за этим борением проникающей в себя и свою жизнь — мысли. На этом пути многие завоевания в понимании человека совершаются.

Так что и самое что ни на есть факто-исповедное записание — все равно образ творит, персонаж выходит, то или иное представление, как и в сознательно нацеленной на вымысел литературе. Каков я на самом деле — Бог весть. Но по Сократову призыву «Познай самого себя!», человек призван усердно штурмовать и эту неизвестность — себя самого!

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно!..

Но коли ты устремился в эту сторону — исповедания — и вот даешь плоды этой внутренней работы над собой подсмотреть другим, выносишь читателю, — тут совсем другой тип, и коленкор, и климат литературы предполагается: «не художественной», где автор, забронировавшись в вымысел, поучает читателя, как вещь и предмет воздействия, а, скажем, взаимоучительной, со-беседной, где как бы на встречу собираются люди, стремящиеся к добру, заинтересованные одолеть зло в себе, искоренить его в каждом. А для того — чтоб можно было признаваться безоглядно и в самомалейших его в тебе шевелениях и просвечиваться рентгеном доброжелательного — так ожидается — взгляда со стороны. А не взгляда критика-вражины Зоила, что только и ждет, чтобы тебя подсесть и задеть и обличить и уничтожить. Такое — легче легкого высокомерно высмеять и умно омерзить.

Ты даешь беззащитный текст — и уже самим фактом исповедной записи (что на это можно пойти!) и актом предложения наружу: «читайте!» — этот

жест взывает, форсирует-стимулирует-индуцирует в душах людей иное состояние мира и ориентировку: встречную доброжелательность, а не подстерегание-подозрительность; ситуацию взаимолюбви и великодушия, а не взаимоненависти и карания. Доверяющийся — и сотворяет доверие: распространяет его силовое поле вокруг; ис-повесть заражает со-вестью. Страх быть смешным — жуткий жупел, парализующий простодушие и доверие и к себе, и к людям. И, напротив, коли сделаешь усилие одолеть его, хотя бы в некоторой мере, — многую помощь соделываешь оздоровлению психического климата в обществе. И человек начинает чувствовать себя окруженным в мире не вражиною, а дружиною людей. 23.06.86. (3-4)

Биографический ключ

<...> Родился 1 мая 1929 г. (Телец, значит, по Зодиаку западному и Змея — по восточному) в Москве.<...>¹⁵⁴

<...> А надо ли делать конфетку?

27.03.86. <...> Есть даже нечто более достоверное, чем моя зыбкая и переменчивая память: то мои записки, или, как дети мои их ласково-насмешливо именуют — «записюрьки», что я, как всю почти жизнь свою, так и тогда вел, почитая это дело главным для себя. И вот разворошил я странички — и пахнуло, и воскресло.

Часть из них перепечатал и принес в один журнал. Молодой, но уже опытный редактор-умелец, набивший руку, выпускник Литинститута, прочитал и так сказал: «Материал прекрасный, но сыр, обработать надо. Эх, конфетку можно сделать!».¹⁵⁵

А я вот сомневаюсь: надо ли делать конфетку? То есть зачем? Чтобы из нервных записей на ходу жизни получились отполированные пассажи и абзацы и вышла бы нормальная художественная литература? А зачем она и в нее писать? Те записи тогда мне были необходимым собеседником-другом, совестью-разумом, кто выслушивает исповедь запутавшегося человека и

154 Продолжение автобиографического фрагмента:

«...Отец — политэмигрант из Болгарии, философ и литератор. Мать — музыковед. Рос в семье один, учился музыке. В войну — в Татарии, работал летом в колхозе. В 1946—1952 гг. — студент филологического факультета МГУ по отделениям романо-германской и славянской филологии. В Университете увлекался общественной работой и горным туризмом. В 1952—1954 — учитель русского языка и литературы и английского языка в г. Брянске. 1954—1957 гг. — аспирант Института мировой литературы им. Горького АН СССР, а с 1957 по 1961 г. — младший научный сотрудник там же. В 1955 г. — женился. В 1959 г. родился сын и защищена кандидатская диссертация «Ускоренное развитие литературы». В 1959—1961 гг. написаны те книги (6) по эстетике и теории литературы, что будут выходить двадцать лет впоследствии, но тогда не шли, и, измучась с редакторами и издателями (да плюс отчаянная страсть за рубежом семьи), бросил науку и ушел в народ на физический труд. С января по май 1962 г. — слесарь и автослесарь в болгарской деревне Твардица в Молдавии, а с мая 1962 по август 1963 — матрос Черноморского пароходства. С декабря 1963 г. — снова м. н. с. сектора теории ИМЛИ. В 1965 г. принят в члены Союза писателей (рекомендовали Ю. Трифонов, Б. Сучков, Б. Слуцкий). С 1966 г. — снова любовь, два года пытки меж двух семей и наконец успокоение в нормальной семье (дочери 1966 и 1972 гг. рожд.) как компенсации моего одинокого детства. Тут сюжет — сживание различных личностей и меня воспитание — детьми в том числе. С 1968 г. арендовал, а в 1972 г. купил новую избу в 75 км. от Москвы, где веду натуральное хозяйство, материальное и духовное (мысль и пишу): возделываю и землю, и свою душу на природе. Основные научные исследования с 1964 г. по настоящее время посвящены национальным образам мира. 2.02.86» (Г. Гачев. Указ. соч., с. 5).

155 Помню, и мне довелось услышать такое от опытейшего редактора толстого журнала, в котором предполагалось опубликовать композицию из «Писем-дневников...» социолога-рабочего 80-х гг. Я сказал: «И рад бы, да нельзя!» (Примечание А. А.)

надоумливает на выход и решение или успокаивает пониманием. И потому была именно жизненная необходимость их возникновения, неотменная. А зачем сейчас я стану их переписывать, редактировать, переделывать? Нечего, что ли, мне нынче делать и нет проблем для решения и загвоздок, в коих путаешься и для чего надобно прибегнуть к помощи слова, — как тогда?.. Есть! Еще бы! И продолжаю это свое делание.

Но вот свершаются сроки жизни; писания мои в себя, в стол, помогли ее прожить в общем радостно и умно, — и вот отходить скоро, и глодать начинает — чувство вины; себе-то ты этими писаниями послужил, а людям? Эгоист!.. И действительно: сам вкушал радость вословенствования жизни — и вылечивался так. Ну а другие? Не может ли послужить этот опыт в пользу и моим ближним? И не стоит ли поусилиться: привести эти записи в порядок, чтобы они для восприятия доступны и другим стали? Тогда два дела сразу свершишь: и людям послужишь, и дело своей жизни от Леты хоть на время отодвинешь, продлишь, сохранишь... А и третье дело: и ныне текущее время радостно и вибрируя душой и восхитясь умом, препровождать станешь... <...> Итак, прорисовывается и идея предпринимаемого труда, а с нею — и метода <...> (6-7, 10).

<...> Зачем мне и что за «Щитово»?

Собственно, в отношении к записям тех трех лет (1969-1971) мы с тобой, читатель, находимся в сходном положении. Я тоже впервые открываю читать эти записки. Тогда я был переживатель и «за-писатель» — и с тех пор их не читал: не было нужды. Ведь свое дело они, мысли и слова тех дней, для меня уже сделали: помогли их прожить — тем, что просветляли загвоздки и наводили на решения. А сегодня у меня другие передраги и другие мысли тут работают и слова записываются. Зачем же ворошить отжитое и отмысленное?

Да вот если вместе, читатель, то уж и мне интереснее: от тебя я заимствую сторонний взгляд на себя как вещь, а на жизнь мою — как чей-то процесс, и могу к себе же самому отнестись «онно» и объективно; а это интересно для самопознания, и для познания человека в жизни вообще, что уж есть мое постоянное дело и профессия, к чему чувствую призвание.

Ведь и жизнь свою я однажды уразумел как эксперимент!.. Не знаю, чей: кто или что его надо мной ставит? Но важно тут, осознав себя неким подопытным существом, не юлить-прятаться-уваливать от роли этой, но принять, и исполнять ее честно, и добросовестно вести журнал наблюдений.

Тогда и я встаю в свободное отношение к себе самому, возвышаюсь над процессом только существования в его удовольствиях и мучениях, способен становлюсь к пре-возможению страданий и ударов: они — тоже опыт! научают!.. А при чувствительности натуры моей и при одиночестве души помощь думы и слова становится прибежищем, выходом и спасением!..

Но во что выход? А в самообслуживание! **Сам я себе становлюсь и экспериментатор, и прибор, и объект — это если извне подходить. А если изнутри: я сам становлюсь абсолютно живущий, полностью отдаваясь ее (жизни) толчкам и тягам (уповая, что во всем смысл есть и изо всего что-то будет, выльется, что затем уловит «прибор», и сомыслит разум мой же), то есть субъект своего существования.**

[Выделено мною. — А. А.]

Так что я не согласен с распространенным (с романтизма XIX века) суждением, что рефлексия, включение разума в поток жизни, бледнит ее цвет и не дает переживать, и любить, и страдать, полностью этому отдаваясь.

Возможно и это, и оно было, есть, бывает. Честно же исповедание Фауста («Сцена из «Фауста» Пушкина) и Печорина лермонтовского. Но и другое возможно: усиление вникания и внимания. Как в радиотехнике, ум в этом случае выступает как тяга и усилитель чувства, ловитель волн-волнений, — и с мыслию живешь полнее и разнообразней, чем без нее. И именно просвещенный разум в развитии своем приводит человека к восценению тонкой жизни сердца, к «оправданию» любви и всех чувств.

Ну что же? Все интереснее начинается представляться перспектива предстоящего плавания: в 17 лет назад, на юго-запад от Москвы, где было место деревеньки Щитово. Это будет не просто воскрешение того, что было (перепечатка записей), но и встреча, и исследование, и опознавание: меня ныне живущего, 57 почти лет отроду, и меня тогдашнего, 40-еще-летнего. Кто он мне? По возрасту — в сыновья годится. Но ведь он же — раньше меня, ныне живущего, он мне предшествует на шкале времени, так что он мне — отец, я ему сын. Вот воистину где «нераздельно и неслиянно». Понял, как это просто может быть... Так что — выходим на очную ставку отца с сыном. Тот мне докладывает, как он жил: раскладывает записки — и в них полный и честный ответ. Я же исповедаюсь ему, что из меня вышло и к чему в итоге привели его тогдашние борения, потрясения и старания выжить — и стоила ли овчинка выделки?.. Померяемся — и силами, и оценками, и соображениями. Потягаемся!..

Но нет, не та интонация; делить-то нам нечего и спорить. Территория-то одного человека из нас! А вот спокойно осознаваться и беседовать — и стоит, и любопытно.

Итак, что за Щитово и зачем, и как оно вошло в мою жизнь? Или выразимся иначе: ведь не Щитово для меня, а я для Щитова, — чтоб вот его, ушедшее, восписать, и может воспеть. <...> (10-12; текст датирован: 27.03.86)

[Далее — «Слово тогдашней жизни», по выражению Г. Гачева. Записи 1969-1970 гг., иногда комментируемые их автором 15-20 лет спустя. — А. А.]

Лето 1969 Ум, пьяный деревней

<...> 23.05.69. Совершенно невозможно думать про волю, разум, свободу = пустоту сию (читать Фихте и Шеллинга), когда под солнцем утренним капля с листка, когда глаза жмурятся, многоптичье звучит, и верещит благо-вонно зеленый, теплый... «мир» — уже хочется не этих общих категорий, а слова простые и частные изыскивать.

Лень что-либо делать: родилось во мне сие священное состояние. Млею под солнышком: отогреваю косточки, за холода промерзшие. Лето — сон (сладостный). Зима — сон же (лучше ее в спячке, не ощущая, провести). Климат блаженства... Осень и весна — бессоница; но тоже не деятельность, а ожидание грядущего со-бытия: с бытием соития. Осень — это тоска, весной — надежда. Шумит, шумит ветер и листва — и смывает, и сметает божественным венком мою коросту — заскорузлые затверженности слов, понятий, усвоенных мною за городскую жизнь.

Да, шевелятся кроны ракич у меня в мозгу и храм облаков студенистых = фантомов-призраков мыслей-мнений разгоняют.

А звонкие высокие фиоритуры = звуковые орнаменты, звучащие листики и веточки, висающие в воздухе, оттесняют кошмары равномерных городских тарахтений, дребезжаний.

Прерывисты, в ритме дыхания воздуха, мотивы птиц: завиточки, виньеточки. Все так вьется, орнамент по канве воздушных волн — приливов-отливов — вышивается.

И все — причуды (=при чуде, значит, находимся), вместо моторно-равномерного гула города. <...> (20-21).

<...> [Фрагмент без названия. — А. А.]

31.5.69. Теплота есть поглощенный, связанный свет; свет есть свободная теплота (из натурфилософии Шеллинга).

«Теплота» применяется к душе, «свет» — к уму. Значит Душа (сердечность, доброта) есть поглощенный ум (ср. «ум сердца» у Толстого). Ум же есть свободная (от тела и тел и их взаимных отношений, что и именуется «добротой» и «сердечностью», самопожертвованием) душа — ее парение, «вольный сын эфира». (Это — «ум ума»: Платон, Плотин).

Женщина = теплота, душа (Наташа Ростова «не удостаивает быть умной»).

Мужчина = свет, ум.

Уразумеваю также, что помехи к покою — суть нам благодать, стимул жизни. По Шеллигу, смерть = равновесие, покой; ее химический процесс — это стремление вернуться в нарушенное равновесие (т. е. «энтропия», по-нынешнему). Жизнь — равновесие не восстанавливается, а все вновь нарушается, и потому борьба сил остается постоянной: все новые препятствия к восстановлению входят в наш круг. И это — организм, жизнь.

Но про то же и поэт: «Покоя нет, покой нам только снится». А сон = предвестие, близнец смерти. <...> (23-24).

<...> **Глагол Природы, или нахожу метафизику в физике**

7.06.69.

«Колебания с частотной характеристикой ниже этого диапазона (от 2000 до 20000 герц — зона слуха человека. — Г. Г.) уже не воспринимаются слухом как звук, а ощущаются как прикосновение (Хаксли Дж., Кох Л. Язык животных, М.: Мир, 1968, С. 23. Далее при ссылках на это издание указываются только страницы).

То есть: слух переходит в осязание. А на верхней границе, наверное, звук начинает переходить в свет. Вот единая шкала чувств и органов — локаторов бытия и движений в природе: она — по длине волн = ударов вещества по пространству.

«Песни многих маленьких птичек очень близки к верхней границе человеческой способности восприятия, и старые люди могут их вовсе не слышать.

Пресмыкающиеся, видимо глухи к высоким тонам» (с. 24).

Маленькая птичка издает уже звук-луч, как фотон. Старик глохнет = отдаляется от вещества. Но и слепнет = от света отдаляется. Но все же тенденция — к свету и дали: молодой близорук, старый дальнорук. Притяжение дали и того света сильнее.

«Тот свет» — это только Царствие Небесное? А про ад с тьмой кромешной как сказать? «Мир иной»?

Но «тот свет» — уже не свет, это «тот еще свет!» — иронично, т. е. тьма.

Перед в нас воспринимает высоту (верх), зад — низ.

«У кузнечиков и, видимо, у всех сверчков есть два типа органов, приспособленных к восприятию различных частот: подобные «уху» органы, расположенные на ногах и чувствительные к высоким звукам, и волосы, расположенные на выростах заднего конца тела и чувствительные к низким звукам» (с. 23).

Ухо — круг, шар, блюдце, как и глаз. Высота и верх тянутся быть шаром, точкой, как глаз, солнце, звезда? А низ-зад тяготеет быть линией, длиной, путь-дорогой, далью, ногой, рукой, туловищем, стволом, ветвью — конечностью.

Волосы у нас — для восприятия тончайших касаний: дуновений. Волос — сам волна и волны ловит длинные, перешедшие с орбиты круглости на вы-тянутость и вышедшие из зоны слуха и грехопавшие в зону осязания.

«Трудно сказать, являются ли эти волоски истинным органом слуха или они воспринимают только вибрацию... Можно с уверенностью сказать, что у каждого животного есть собственный мир звуков, зрительных восприятий и запахов, в котором оно живет» (с. 24).

Вот: склад Я рождает внешний мир, «Не-я», прямо по Фихте!

Слух переходит в дыхание: «В ухе позвоночных барабанная полость связана с дыхательной системой через евстахиеву трубу, идущую из полости рта в среднее ухо» (с. 24).

Дыхание (дух) — связь между издаванием звуков и слышанием их, тогда как у животных неизвестно: издающие звук — слышат ли? Ибо у них тело — связь: одни части издают звук, а другие, с теми не связанные сразу, — воспринимают. Следовательно, Дух (дыхание) — канал между телесным...

Бывает: звук издается для других видов (напугать), а сам автор не воспринимает это свое колебание как звук. То есть нет самосознания, отдачи, рефлексии, обратной связи.

Но можно и так понять: в общем организме, теле, туловище Природы одно животное = язык-голос, другое = ухо-слух.

«Обитатели леса больше надеются на свои уши, чем на глаза или нос...

Прекрасные летуны — стрекозы, бабочки, пчелы, осы или мухи — полагаются в основном на зрение. Для тех, кто главным образом ползает, как, например, муравьи или жуки, важно обоняние... Но кузнечикам, чья жизнь проходит в зарослях трав, приходится полагаться на звуки» (с. 24).

Итак, звук — в толще вещества (в лесу иль в траве) связующий, но где сама материя в форме длин и волн: стебли, стволы — готовые вибранны. Глазу в этой сети нечего делать.

«Наше внутреннее ухо не только орган слуха, но и орган равновесия» (с. 31). И у рыб тоже.

Значит, звук — самочувствие формы в ее отношении к силе тяжести; звук — сигнал массе нашего тела. Вес и звук так соединяются и переходят друг в друга. Змеи не слышат (= язык сам не слышит): «При заклинании на змей действует не звук дудочки заклинателя, а его движения» (с. 33)

Ибо змея сама есть только волна. (41-43)

Объяснение с читателем

29.03.86.

Читатель, чувствую, утомлен: хочется ему повествования, описания событий: как и что происходило с людьми, а тут ему все мысли да мысли подсовывают!..

Но почему «отвори потихоньку калитку» и как кто ступил ногами иль обнял рукой, иль нож всадил, иль выстрелил — нам интереснее и сказуемее, чем как кто и о чем думает — и почему?.. Ведь это: понимания — тоже суть события — да еще какие! Целый эпос в них внутренней жизни души и сознания. Его и пишу — в связи лишь со внешними передвижениями и случаями жизни текущей.

И кстати: все эти уразумения, новые понятия о свете и тьме, о материи как матери нашей, о руке и языке вещества, что я прописывал доселе, — ведь в

них явный след Щитова: воздействие сего благоуханного места, где в меня прямоком вливалась природа и ее сомыслы с нами, на соображения моего ума. Воистину искомое и желанное преобразование моего разума и сознания в эти дни свершилось — в сих записях зафиксировано. <...> (43-44).

<...> Моя жизнь = моя «система»

Алексей Федорович Лосев (философ), когда я ему изложил, чем живу (и про «воплощение рассеянного бытия с обратным рассеянием» и проч.), сказал: «Надо писать систему».

Но система есть образ Целого. А что во мне наиболее приближается к целому бытия и есть мое целое? Разве ум мой, логос, слово? Это все — часть. Жизнь моя вся — вот мое целое. И я ее делаю ручкой Целого Бытия: ему вручаю — да пишет мною и самосознается. И тогда дух мой, слово и логос (поскольку уже они на службе у целого бытия) чрез целое моей жизни наиболее способны за срок-течение жизни моей явленный чрез меня образ Целого и начертать.

Это и будет моя «система». А не то, что я сейчас выложу и возведу-выстрою логикой, сведя концы с концами.

Хотя это — задача! Большое усилие... Но тогда это дело отменит Жизнь, ее надобность... Да и сам ум опасно выхолостится — боюсь. Нет, верю Жизни, что — вразумит... <...> (54; текст датирован: 9.06.69)

<...> Ученичество

Как хорошо учиться, а не «творить»! Как благостно постигать, а не чувствовать обязанность каждый раз выжимать из себя, а если нейдет — тогда смерть (Пушкин), самоубийство (Маяковский). Какая претензия и неблагость!

Приложения к главе 23

277

Вот я читаю Лао-Цзы и Гегеля, учу греческий, вглядываюсь в травинку, постигаю и существую = по существу шествую — нет, пребываю в сутях, а не стремлюсь лишь к ним.

Как хороши мелкие констатации, а не усилие перевернуть и все постигнуть! Это значит: при том, что мне дарована благодать ощущения целого, в предмете ума и зренья иметь могу дробность и вытягиванье Бытия — в вещи; ну да, как вон в стебель оно втекло и, им извиваясь, втекает дале в зерно, семя. Реки: из родника — в море. А в воплощении рассеянного бытия — обратное течение: океан умалывается в реки (стебли) и далее уплотняется в вещь, родник, атом. О, радость! Я снова — как дитя и школьник: учу языки и вещи, знание естества и знание слова.

Читал Гегеля (Логику), движим потребностью определить свое дело и точку. И вот: ученичество, вечное, последовательное вопрошение (наивное, как у Сократа) и переживание точек зрения — не метафизическая ли это позиция? И не она ли пристала человеку — как ученику Бытия и Бога, жизни и истины? До сих пор я изучал языки (слова) и мышление (как мыслить?), т. е. все — предпосылки познания. А пока ведь я ничего не знаю. Теперь надо начать узнавать. А пока я лишь инструментом познания овладевал. <...> (72-73; текст датирован 2.09.69).

<...> [Фрагменты без названия. — А. А.]

[1969. — А. А.] <...> Европейское мышление есть «я»-мышление. С Декарта это осознано, далее Кант, Фихте, Гегель и т. д. И все время учет точки наблюдения и поправка на нее (относительность Эйнштейна): где нахожусь я-наблюдатель. И в

«60 днях в мышлении»¹⁵⁶ этот же я-подход явил. И до сих пор: путь моего «я» в миропонимании фиксирую.

А вот добыть бы «внеянное» сознание — к этому переходить буду.

Естествознание и наука Запада — все отношения исследуют: солнце ль вокруг меня, я ль вокруг солнца?.. Все — раздвоенное сознание, в раздвоении, рефлексии и взаимоотражениях черпающее бесконечность мыслей и идей: внутри этого раздвоения на субъект-объект, на «я» и предмет наблюдения. И вся природа сознания, мышления исследованы Кантом — Гегелем как только при «я» возможные.

Ну а если без этого, по-другому как? По крайней мере, для начала исследовать возможность «ты»-мышления, «оно»-мышления, «он(она)»-мышле-ния <...>. Значит, безличное, без идеи лица — такое понять мышление.<...>

<...> **16.09.69.**

Знающий не доказывает, доказывающий не знает» — эту мудрость Лао-Цзы и Толстой включил в «Круг чтения».

А европейская мысль поставила доказуемость условием знания и потому знает доказывание, разные его способы — и не верит прямому знанию-ведению.

Платон же не доказывает, а провозглашает. А софисты — доказывают. И так, — отринуть доказуемость и угождение принципу доказательства. <...> (93-95).

Лето 1970

3.04.86.

Поверх груды моих записей этого, 1970 года, лета — листки, школьно-девичьим почерком исписанные: это дети Ивана Лобача ко мне приходили часто к столу под ветлой и, видя, как я маракую, похотели и сами пописать.

— Дядя Георгий! А можно мы тоже будем писать? Про что можно?

— Про что хотите. Вот бумага — берите.

— И вы это в книжке своей используете?

— Конечно, когда-нибудь введу.

И вот пусть их эти письма будут как «Введение в Щитово 1970». Так оживительно звучит их речь простодушная при моем мудреном слоге — воистину будто весенне-летние зефиры после трудного и мрачного зимнего Борея. И ни слова, ни буквы править не хочется — ведь понятно же все и с милыми ошибками.

Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю.

Прислонюсь к Пушкину.

156 «60 дней в мышлении. Дневник одного путешествия вокруг света, или Роман о приключениях мысли (Сотворение жанра)» — мое сочинение осени 1961 г., в котором я впервые вышел на свой жанр «жизнемыслей», или «привлеченного мышления», или «экзистенциальной культурологии», в коем я работаю с тех пор всю жизнь. Там три слоя текста: трактат о содержательности форм, дневник моей жизни, пока писался трактат, и комментарий, связующий то и другое и показывающий, как сюжет и заголовки моей личной жизни решаются на сублимированном уровне теоретических построений. Трактатная половина этого текста вышла книгой «Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр» (М.: Просвещение, 1968). Один известный профессор эстетики написал разгромную статью на нее в «Известиях» от 3 марта 1969 г. и донос в Комитет по печати, после чего были сняты и директор и редактор, а я надолго отставлен от печатания своих писаний. — 23.06.93. (Здесь и далее во всех не оговоренных случаях — примечания Г. Гачева).

«Наша деревня очень маленькая. Маленькая она оттого что во время войны ее разгромили. Сдесь было очень много домов, но сейчас осталось всего 5 домов. Сдесь была школа во много этажей. Сейчас эту школу перенесли в деревню Шубино. Мы в этой школе учились, а сейчас учимся в Свитине. Наша учительница хорошая ее зовут Татьяна Дмитриевна (как Татьяну Ларину! — Г. Г.), а ее фамилия Устинова. Моя мама работает в совхозе по наряду. Мой папа тракторист. У нас в огороде растет лук, капуста, морковь, свекла, огурцы, репа, редиска, редька. Я читала книги особенно мне понравилась «Партизанка Лара». Понравилась она мне тем как Лара мужественно боролась с немцами. Летом у нас весело, мы играем в разные игры. Особенно мне нравится игра в двенадцать палочек. Летом мы ходим в лес за грибами, за малиной, ягодами. У нас в деревне есть козы и одна корова. Скоро в саду поспеют яблоки, крыжовник, смородина, и у кого малина.

У меня есть сестра Галя она учится в 6-ом классе. У меня еще есть три брата. Одного брата взяли в армию. Мы жили в деревне Юдановке. У нас дома есть телевизор. Я каждый день смотрю кино. Больше всего мне нравится кино «Четыре танкиста и собака». Это кино я смотрела всего два раза. Я учусь в четвертом классе. У нас каникулы 30 мая. Для пятого класса у меня есть все книги. У нас есть котята.

У меня есть подруга ее зовут Наташа она учится в четвертом классе. Мы с ней учимся с первого класса и вместе с ней сидели. У меня есть сестра она учится в шестом классе. Она отличница. Ее вывесили на доску почета. Ей дали почетную грамоту и книгу «Босоногие годы».

Сейчас расцвели ландыши. У нас есть пчелы. К нам в деревню приехал дачник. Он мне нравится он очень добрый. Он привозил к нам артистов. *(Это я им открытки из города привозил. — Г. Г.)*. Сейчас у нас уже больше тридцати. Мы ходим в кино. В клубу бывают интересные кина.

Мы посадили картошку. Я ходила в лес за ландышами.

Мой брат прислал нам свою фотографию у него 4 значка.

Он служит в городе Клайпеде

Рая Лобачева».

«Я учусь в Свитинской школе. Там всего 20 учеников.

У нас в деревне есть турник.

К нам в деревню приехал дачник. У нас уже засвели яблоки, груши, сливы, вишни. У нас в деревне очень много сломанных домов. От чего они сломаны. Ребята разбили окна и отломали двери. У нас летом, весной, и осенью очень жарко. У меня есть сестра Галя она учится в пятом классе. *(Рая писала, что в 6-м. Видно, перешла в 6-й. — Г. Г.)*. Ей дали почетную грамоту и книгу босоногие годы. У нас в деревне есть магазин. Я перехожу в 3 класс. У нас был диктант, я написала на 3. Я ездила на эликтрички.

Почему солнце бывает молодым потому что через год солнце меняется и становится опять молодым. *(Это мы с ней философствовали. — Г. Г.)*. Ваня Андриянов провел своих солдат в поход. А в доме Андрияновых жили фашисты. Так Ваня Андриянов помог выгнать фашистов. и 13 летнего мальчика наградили красной звездой.

На улицы хорошая погода. В Шубене всего 4 дома. У нас взошла расада. В Шубене есть школа. Весной все деревья стоят зеленые. У нас взошел лук. У нас в деревне есть козы, овцы, коровы. Весной мы играем в хоранички *(«прятки» так красиво названы: от «хорониться».* — Г. Г.), в салочки. Я смотрела сказку Бреятовую руку. Я читала книгу кто колечко найдет, кто с крелечка сойдет. У нас

есть магазин. Летом ходим за грибами, ягодами и за малиной. Осенью поспевают сад. Я очень люблю яблоки...

У меня есть сестра Рая она учится в 4 классе. Она очень любит читать книги. Моя мама уходит на работу в 8 часов, а преходят в 5 часов. У нас есть карова. Сейчас цветут яблони, груши, сливы, вишни. Я люблю свою маму. Я умею прыгать. У нас уж маленький крыжовник. Нашей Гали дали почетную грамоту. У меня брат служит в армии. Этот город называется Клайпеда. В нашей деревне добрый дачник. Мы учимся в Свитено. У нас в школе звать учительницу Татьяна Петровна. У нас на огороде стоит чучило как его сделали? Шили круглый мешок и напихали соломы, сшили нарукавники и напихали соломы и пришили к тулвещу. И так же сделали ноги. У нас на плотинке очень чистая вода. Мы ходим купться в Сви-тень. Там очень опасно, и глубоко.

Почему вырастает трава поэтому что в земле есть маленькая трава и из маленький травки вырастают корни. *(Тоже философствовали. — Г. Г.)*.

Зимой мы катаемся на лыжах, на салазках. Я читаю книги. Зимой деревья стоят голые. Зимой дачник уезжает. Летом 30 мая нам дают кониклы. Я ездила в Музей Ленина. Я видела Ленина. Там очень красива. Я читала книгу о Мальчише Кабальчише и Лару партизанку. Эти книжки очень хорошие. Может и вы знаете эти книги.

Таня Лобачева».

3.04.86.

И так две милые привратницы щитовского рая очень приветливо встретили нас и толково ввели в курс местной жизни и дел. <...> (114-117).¹⁵⁷

<...> [Фрагмент без названия. — А. А.]

21.05.70.

Встаю — и нет у меня сегодня исследовательского напора. А сел на крыльцо и жду подсказа от бытия, от природы.

Но ведь это значит: **сама жизнь моя отдана, есть орудие бытийственного эксперимента, мною он ставится, так что мне надо лишь прислушаться, а не усиливаться на отвлечение от жизни в некую проблемную трубу иль скважину, как тем, у кого жизнь сама собой, мысль — сама собой.**

[Выделено мною. — А. А.]. (137).

Жертвуй правдой, служи истине

Как это? А вот как. 6 с лишним лет я фактически обманываю свой Институт мировой литературы: получаю зарплату, ничего им не давая и не заявляя открыто, что совсем на них работать не могу и не собираюсь, а только на Истину. И за это время, обманывая частное (государство, науку литературоведения), т. е. нарушая «правду» и «справедливость» (а они — в измерении кесаревом), служу Богу, Целому. Истину ищу, вырабатываю неориентированное мышление, и в поисках Абсолюта написал ряд сочинений вольного и чистого мышления.

Бочаров меня осуждает: раз ты в чужом монастыре, то должен считаться с его уставом или уходить, т. е. он за правду под предлогом ратования за тождество правды и истины. На самом же деле любит людскую правду — недаром так нравится ему экзистенциалистская интерпретация фразы «Платон мне друг, но истина дороже»: «Раз Платон мне друг, пожертвую истиной», иль повторяет Достоевского: «Если мне предложат выбрать: с истиной или с Христом? — я останусь с Христом».

157 Чего это я все переписываю?.. А — нравится! Вот так бы и писать философские книги. Или социологические... *(Примечание А. А.)*.

Я ж уровнем правды, добра и зла пожертвую за уровень истины, святости и греха — потому допускал себя до совершения неправды и зла. <...> (137-138); текст датирован: 21.05.70.).

<...> **Распредмечивание Бытия (считаться с читателем и предметом?..)**

<...> Итак, очертилась ситуация: бебрежное и сверхпредметное поле Истины, где предметы и слова — локальные ее блески. Читатель — тоже отдельность и на правах предмета. И недаром он требует, чтобы «держались предмета мысли», а не растекались бы мыслию по древу», хоть бы Древу Жизни или Познания. В уважении к предмету он видит (и справедливо) уважение к себе, ибо это есть уважение ко всему этому уровню человеческих твердых рассечений бытия на части, на субъекты и объекты. Меня ж постоянно упрекают за то, что я не предмет строго трактую, о котором вроде пишу, но беру его поводом для, как они говорят, «самовыражения» (тоже на том же уровне субъект-но-объектном меня припиливая — как избыточного субъекта), а я чувствую: для проникновения чрез предмет за него: в порождающее его лоно Целого — и потому позволяю себе играть предметами, смешивать, разрывать их грани. (139-140; текст датирован 22.05.70).

На лекции Аверинцева

Подобное же упрекование предъявляют Аверинцеву ходящие на его лекции. Вот и в субботу после лекции, внешним предметом которой был Древний Рим, его самочувствие и культура, говорили так: так ли, правильно ли он протолковал Катуллу — как примитивнейшего из древнеримских лириков, «а я так думаю, что в нем есть и другое» и т. д. и что он неточно о предметах и не все верно говорит, но — интересно. Другие, напротив, восхищаются точностью знания предметов, о которых он говорит: верным в них вживанием и передачей — как медиум. Так, Б. Шрагин об Аверинцеве: он гениален в своей способности передать любой предмет, проблему культуры, мыслителя адекватно, как бы изнутри его самого. Я так думаю, что Аверинцев, конечно, имеет дело со всем семантическим полем мирового духа, культуры, сразу оно все в нем дышит — и лишь те или иные его (поля) внутренние значения и вопросы лучше вскрываются на тех или иных предметах (эпохах, произведениях, писателях), и он на них их и показывает выпуклее. Но не сами предметы — цель (хотя изящество и глубина их истолкования — его тоже цель и гордость). Так, из римской любовной поэзии: появление «я» и «ты», причем «ты» как чужое «я» и воля, и оттуда предел, тогда как греческая поэзия не знала любовной лирики, но — эротику, где настроение — безлично (будь оно вожделение телесное или духовное, Платоново...). Итак: проникнуть через предмет как канал и скважину — в глубину. И там плавать, уже из зоны сутей предполагая возможные предметы — как воплощение этих **пред-**положений. Вот смысл того, что у божеств ум, мысль равны воле и делу, т. е. творческая сила сама по себе (мысль) без рук совершается: подумал — и это уже где-то сделалось, предметилось. <...> (140-141; текст датирован 22.05.70).

<...> **Садим картошку**

У Деда в доме — как в храме толковости и неспешности. Поносил я ему мешки с картошкой на поле, и он позвал:

— Лапши поешь?

Сели обедать. Лапша на густом козьем молоке.

— Свининки принести нарезать?

— Как ты, смотри сам.

— Я-то не буду.
— Ну и не надо.
— Потом тогда, когда кончим...
(Тогда самогончику пьставит и за свининкой в погреб слазит). Едим тихо.
Вглядываюсь в окно.
— Это что за птица?
— А? Плесница. А здесь говорят «трясо-гузка»: все хвостом трясет. По-нял?
Чай пили.
— Спасибо говорю, — хватит.
— Пей, вода дырочку найдет. Деды, бывало, три чайника по три литра выпивали.
Зайдет — просит «пару чая».
Сидим.
— Так, — говорю.
— Так дело, не ходи бело.
И вот школа вдумчивости и медитации с Дедом. Время перестал чувствовать.
Кряхтит сзади: портянки, солдат, наматывает. Скоро лошадь запрягать — будем за ней картошки в борозду кидать. <...> (148; текст датирован: 22.05.70).

<...> **В начале была цель...**

29.05.70.

Вчера соседская девочка Таня Лобачева, 10 лет, ко мне:

— Дядя Георгий! А вы мне обещали объяснить, что это вы там все пишете?
— Ну давай попробую. Вот мы живем. А зачем?
— Чтобы не умереть: кушаем, одеваемся.
— Но и животные так. А чем мы от них отличаемся?
— Животное — зверь. А мы — человеки.
— А что это такое?
— Мы дом большой строим и огород сажаем, а зверь — в берлоге: в ней места мало, а у нас и люди, и мебель, и животные в доме могут.
— Ну вот живем — и умрем. А отчего?
— Состаримся, заболеем.
— А есть что не старится, а всегда одинаково?
— ?
— Ну вот солнце например. Разве оно не одно и то же всегда?
— Как же одно и то же! Оно тоже то молодое, то старое.
— Как так? И как часто меняется?
— Ну, раз в неделю.
— В неделю? (А ведь похоже: воскресенье-то раз в неделю бывает, а Христос — Солнце. И на многих языках это день, посвященный солнцу: англ. — Sunday, немецк. — Sonntag).
— И еще весной оно одно, а осенью, зимой — другое.
— Значит, еще и каждый год меняется?
— Да: оно устает, старится, а потом новое солнце приходит, как Новый год.
— Ну вот видишь, мы уже с тобой и говорим о том, над чем я думаю: откуда все? почему?.. Вон травка — откуда?
— Из корней.
— А корни откуда?
— Ну, это я не знаю. Скажите!
— Как же я скажу, когда сам над этим думаю и, может, не знаю.
— А я придумала: в земле белые маленькие волоски-корешки, а от них корни, и из них трава вырастает! Видите вот эти волоски? — и, выдернув травку, показывает.

Ну, думаю хватит загонять ее в дурную бесконечность, и говорю,
— Вот это уже нравится мне. На тебе листок бумаги — возьми и запиши об этом.
— Из чего трава?

— Да, и про солнце: очень мне понравилось, как ты его объяснила.

И так мы с Таней Лобачевой уперлись в причину и цель — в «целевую причину» («энтелехия» Аристотеля).

Так, по причине **Волга** образуется из родника на Валдайской возвышенности. По цели же (по второй части энтелехии) Волга образуется Каспийским морем, куда она впадает: ибо вакуум, созданный морем, его жаждой, всасывающей зёмли, стягивающей равнины вниз к себе, и сделал наклон и тягу, в силу чего потечет — образуется желоб Волги. И Каспийское море подхватывает каплю на Валдае и, володея уж ею, тянет в себя. Ибо не было б Волги без этого стока (как и не было б без материи капель воды). <...> (158-159).

<...> [Фрагмент без названия. — А. А.]

7.06.70.

Проходили с Васькой мимо куста сирени. Сорвали.

— Умеешь, Вась, счастье искать?

— Умею.

Ищем. Я тоже. Не нахожу. Да и верно: я ж в счастье живу, так что мне не его искать. Мне уж истину — вот искать. А счастье — при мне. (Тьфу-тьфу!) Так что мне: «Счастье — хорошо, а истина (не правда) — лучше». <...> (163).

<...> **«Не судите! = не делите»**

19.06.70.

А ведь Христова заповедь «Не судите, да не судимы будете» буквально: «не делите». (*«Мэ кринете ина мэ критхете» — в то лето я читал Новый завет медленно, ибо по гречески, так же как в предыдущее я переписывал в день по главе из Лао-Цзы, а в 68-году успокаивал себя, переписывая в день по песне «Бхагавадгиты». Такие вот стадии духовно-религиозного развития. — 19.04.92*).. То есть это заповедь целостности и есть принцип и способ всем сохраниться и пребывать целым и с Целым. Не делить(ся) не раз-личать, вообще никакого **«раз»**, ибо раз = рас(кол), и «раз» влечет за собой «два» (*«диавол — «диа-болос»*

— *«рас-кольщик», «разбросавший надвое» буквально, по гречески. — 19.04.92*), а далее — всю автоматическую маршрутку среди множеств: «раз — два», левой

— правой! Кстати, недаром в воинстве эта четкая Двоица — в команде шага: этим застолбляются устои существования: да — нет, мужское — женское... Они как бы культовым заклинанием в мир вгоняются, гвозди Двоицы вколачиваются шагами-сапогами-молотами. И от нее уже эхо лишь падает на «три» как опадание: «раз — два — три...» (пауза) — на четыре.

«На «три» нет счета в воинстве, в социальности, в государстве (лишь в танце: вальс, мазурка, менуэт...), а на 2 или на 4. Тетрада (четверица), квадрат — число расчлененного, выявленного Целого (ибо когда оно — Единое, оно неразлично и непознаваемо): когда оно внутри расчленилось, раз-ли-чилось (на 3 — три лица Троицы) и снова замкнулось, завершилось — в совершенстве пребывает, чего знак (совершенства и полноты) — Четверица. Знак сделанности. Вообще, Двоица и Четверица — ургийны, кинетичны, трансцендентальны, явлены. А Единица и Троица — потенциальны, сокровенны, тайны, трансцендентны. Двоица — та вообще только для напорождения Множества сотворена: ее руками, Эросом — Яростью все вещи, существа насечь из Целого

мира, расчленив и закрепить в членораздельном состоянии. Это как руки Целого-Единого, как слепые его, тупые орудия, как сторукие Котт, Бриарей и Гийес вызваны Зевсом в битве богов с титанами.

Двоица — очень понятна и очевидна во всем. Но Троица — уже таинство, сворачивание Двоицы назад, вворачивание в Единое, а не курс разворачивания во Множество — все вперед и в прогресс (= «*вышагивание вперед*» буквально, по латыни. — 19.04.92). Троица — опять немота и тишина. Двоица — гвалт и скрежет Эроса, притяжений-отталкиваний, движение матери(и), ее содрогания. Троица — снова покой: мир, благоволение, гармония — не равно-весие: это из зоны Двоицы, как и сим-метрия. Троица — шар (3 измерения в нем) и кривая. Двоица — прямая и плоскость (площадь) — линии социальности.

И недаром Троицы нет в военном марше (где структура рассечения надвое, как и суть военного дела, убийства: усекновение, рассекав мир, расчленять; и потому война — Эросное дело объятия, соития — «рукопашный бой», и любовь сравнивают с битвой и наоборот), но есть в танце. А танец — хоровод, круг, представитель космоса в Социуме людей, образ вращения сфер, где — гармония. Как и в искусстве все — сверхсоциально: оно — представитель Космоса, его строения и воли, Единого, Целого. <...> (183-184).

<...> **Быть счастливым**

12.10.70.

Последнее время много общаюсь (с давними спутниками жизни, В.В. Ивановым; с Пятигорским встречался под самогон наедине)⁵⁶ и должен был себя формулировать.

На вопрос: счастлив ли? — «Да», — отвечаю твердо, как и на вопрос: как живешь, — «Хорошо».

Так действительно чувствую. Правда, странно, что вот «достиг я высшей власти», т. е. потолка желаний человека: «быть счастливым» — и (а все еще) продолжаю жить и это состояние для меня буднично.

Но ведь быть счастливым — это не все.

Счастлив — значит: с частью. Да, я добыл свою часть, свой удел. Но тем сильнее жажда — к Целому.

Ты счастлив = Ты сыт? Но ведь это же не все: поверх сытости живет духовная жажда. Так и: быть счастливым — это лишь предпосылка поднятия и постижения чего-то высшего.

Счастлив, — значит, свободен от того, что вяжет нас, людей, и могу идти дальше.

Но то же — и к свободе относится. Объясняю свой принцип: **жить в обществе — и быть свободным от общества**. Вот я уж более десяти лет живу и думаю и пишу свободно. Перефразируя Козьмы Пруткова формулу: «(Если) Хочешь быть счастливым — будь им!» = «Если хочешь быть свободным, будь им!» То есть не думай, что она — предмет вне тебя, некая вещь, которую надо «взять» (у кого-то), «добыть» (как руду на гора); она сотворяема, ее бытие не вещное, а творческое, ее производят, так что не ной об «условиях и предпосылках», а будь, сразу! (281).

<...> **Четверть века спустя**

13.06.93

<...> Считаю «Лета в Щитове» — 1969 и 1970-й. И не хочется вторгаться в текст с нынешним своим. Сейчас я вроде бы вышел из кишения страстной жизни и попроще и полегче и мое существование, и душа, и вопросы уму. То и тогда — интереснее, напряженнее. Больше нерешенности. А сейчас уже все

состоялось и необратимо — и в жизни, и в понятиях. Больше решенного. Драммы нет. Все просто и примитивно со мной стало: выжить бы, продлиться, здоровьишко хоть какое удержат (глаз, рука...), семейка из жены и дочек чтоб цела, и все длились. Ну и чтоб книжечки мои выходили, печатались.

«Нет проблем!» Неужто и я могу так сказать, как бодренькие американцы оптимистично на всякий вопрос и загвоздку сим реагируют: мол, «будет сделано, все ясно!»?

Ну а чего ж бы ты хотел? В свои 65 лет — как Фауст быть: искать смысл жизни и свой путь, «в дебрях неясного и нерешенного» пребывать? Уж жизненные вопросы должны быть решенными для тебя — предыдущим ходом жизни и пути. А коли не решил ты, то смерть за тебя решит и в каком состоянии тебя застанет — так и зафиксирует и приложит.

Вот тут-то заволновался и я нынешний. Сказано: бодрствуйте, ибо не ведаете часа... И в каком душе-и-умонастроении застанет тебя конец, в том и навечно останешься.

Ну, а «судьбы России»? Пути истории, цивилизации, человечества?.. Они уж — как есть, сами собой, Божьими путями, неисповедимыми мне, двинутся мимо меня.

Да, это раньше я, молодой, спаивал свой путь и выбор с общим и во оправдание своего именно такого понятия, настроения или поступка турысы миропо-строений приводил. <...>

Улыбаюсь и доволен, как корабельщик, что миновал Симплегады (Симплегады — скалы Сцилла и Харибда: пролив между ними еле прошел Одиссей у Гомера). или мыс Горн с воронками их и ураганами. И доволен, что не отплыл от труда страстей и проблем, много их пришлось решать. И что благополучно вроде — для тебя и вовлеченных тобою в жизнь — все разрешилось: жены, дети — на хороших путях, не изуродовал ты, а мог бы... Так что некое благословение Господне и на своем жизнепрохождении ощущаю. А и доклад о пути-шествии своем многопроблемном оставил: судовой журнал ежедневно заполнял.

<...> Да, теперь еще больше восцениваю свой дневник за жизнь: он вскрывает динамику под статикой: каждый атом и миг предстает не как статуарность, а поле напряжений. Каждый ответ — как драма, действие вопросов. То есть мое делание — сродни физике XX века, раскрывшей микро под всяким макро. И наоборот: бешеные скорости — света! — в жизни ничтожно малых частиц и состояний элементарных. Так и вроде бы «элементарные состояния» нашей будничной жизни: встал, обнял жену, повел ребенка в лес — какие там вихри небесные и адовы могут крутиться. <...> (340-343).

<...> Что Бог подаст

14.06.93.

<...> Очами Светланы напоследок окинул текст... «Все было не так!» — небось, скажет. Да, если бы иметь ее записи тех времен и параллельно соположить в тексте — вот диалог бы получился! Но ей тогда такой субъективной рефлексией заниматься на ум не приходило, потребности не было: знай-ус-певай существенное делать: дочь растить — кормить, работать, читать, объективное продумывать — писать!..

Пожалуй, эти утренние два умозрения (вчера и сегодня, пока считываю «Щитово») можно будет дать в текст — как ему «Постскрипtum». Еще и умозрение на Троицу подключить — удачное. И так естественная точка

будет поставлена в этой подлинно **открытой книге**, потенциально бесконечно длящейся... — бы... (346)
(Г. Гачев. Семейная комедия. Лета в Щитове (исповести). М.: Школа-Пресс, 1994)

Ремарка: жизнемысли и мыследействия.

Книга Г. Гачева — это «приключения мысли», «записи человека, который вдумывается» (с. 8).

В ней мало описаний («...Ну ладно. Хватит информативно-описательного текста. Скучно мне его писать...» — обрывает себя Г. Г. на полслове; с. 16). Здесь нет внешней фабулы (как, скажем, в моей «Драматической социологии»...).

Но есть — **драма!**

Просто здесь действие (по крайней мере — в период, когда создавались Гачевым эти записи-«жизнемысли»), обращено преимущественно **вовнутрь**. Мысль, размышление — тоже действие!

Возникает другая интрига — интрига **действенной мысли**. (Ср. у К. Свасьяна: «Школа Гете — школа действенности...»).

И — жизненный эксперимент: «...не знаю чей: кто или что его надо мной ставит...» (Г. Гачев).

В жанре «исповестей» и «жизнемыслей» написаны почти все произведения Гачева. Здесь удержусь от библиографической справки, ввиду ее объемности, с одной стороны, и общедоступности с другой.

По тонкому замечанию Ч. Айтматова, «Гачев пытается привить древо познания к древу жизни...». (Апрель 2000 — апрель 2005).¹⁵⁸

...И, наконец, **философия** есть, в сущности, дневник. Отсроченность во времени, существенная для дневника, представляющего... технику власти над временем, — эта отсроченность оказывается существенной для **генезиса самосознания**, культуру которого и предлагает философия. Как писал Ю. М. Лотман, одним из наиболее константных признаков культуры, признаком, который можно считать универсалией культуры, является **потребность в самоописании**. Самосознание задается самописанием. Потребность в самоописании и реализуется в создании автодескриптивных текстов метакультурного уровня, которые можно считать грамматиками, создаваемыми для описания самой себя. (Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973, с. 4-5]. Таким образом тот язык, который выступал как внешняя «тотальная коммуникация», создается не где-нибудь, а в самом дневнике. Ведь любой официозный текст порожден субъективностью, а потому прошел дневниковую стадию...

К.С. Пигров («Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации»).¹⁵⁹

158 Еще раз оговорю: не запоздалой попыткой презентации произведения, вызывающего у автора этих строк истинное восхищение глубиной предметного содержания, свободой персонального «жизне-мыслия» и блеском литературной формы, является данный раздел. А лишь своего рода апологией предпринятого Г. Гачевым (произошедшего с ним?) «бытийственного эксперимента», испытанного им метода (жизни... творчества...) и изобретенного (открытого?) им жанра: автодиалога, или диалога с самим собой, прежним, годы спустя

159 Цит. по: Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. Международные чтения по теории, истории и философии культуры, вып. 6. СПб.: Эйдос, 1998, с. 213. См. также: Пигров К. С. Вещь и время / Время/бремя артефактов (Социальная аналитика непоправимости). СПб., 2004, с. 25-26.

П.23.12. Классическое, неклассическое и постнеклассическое социальное видение

Из книги В. Васильковой «Порядок и хаос в развитии социальных систем (1999)

<...> В настоящее время социальная теория в целом находится в тисках мощного парадигмального кризиса, касающегося осмысления общепринятой «картины социального мира» (с его сквозной тематикой эволюционно-структурной упорядоченности) и метода, породившего эту картину мира. Этот кризис есть выражение тех кардинальных сдвигов в стиле мышления и понимании мира, которые знаменуют переход от классической парадигмы знания к неклассической и постнеклассической парадигме.¹⁶⁰ Суть проблемы сводится к тому, что классические объяснительные принципы и схемы не способны в полной мере ответить на те вопросы, которые ставит современная эпоха постнеклассичности. Используя терминологию А. Дж. Тойнби, можно сказать, что современная социальная теория ищет Ответ-на-Вы-зов современной эпохи. Интерполируя подобный парадигмальный сдвиг <...> на социальное знание, мы можем так охарактеризовать основные черты классической парадигмы социального знания.

1. Социальная история развивается **линейно, поступательно, без альтернатив**, ориентируясь на высшую конечную историческую или постисторическую цель. Социальное развитие предсказуемо и «ретросказуемо»: настоящее определяется прошлым, а будущее — настоящим и прошлым. Таковы концепции провиденциального типа (включая концепции последовательного развертывания в материальной истории надчеловеческой духовной идеи), социального прогресса, формационного развития общества, отчасти — цивилизационного.

2. **Случайность как отдельное событие или проявление свободной индивидуальной человеческой воли элиминируется** в той или иной форме: в первом случае (случайность как событие) она отдается на откуп описательной истории как совокупности эксцессов и жизнеописаний, во втором случае (случайность как проявление индивидуальной воли) рассматривается лишь как почва, мозаичный материал, из которого складываются «узоры» макроистории — ее целесообразные закономерности.

3. Предметом истинного социального знания и критерием его подлинной научности являются **общие, повторяющиеся процессы и явления**. Отсюда — обязательная черта классических концептуальных построений — вычленение необходимой **стадиальности или этапности** общего исторического развития. Основа вычленения таких стадий и этапов — воспроизводство повторяющейся эволюционной матрицы в различающихся условиях.

¹⁶⁰ См. об этом: *Алтухов В.* Контуры неклассической общественной теории // *Общественные науки и современность (в дальнейшем — ОНС. — А. А.)*, 1992, № 5; *Алтухов В.* Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // *ОНС*, 1993, № 1; *Бакиров В.* Социальное познание на пороге постиндустриального мира // *ОНС*, 1993, № 1; *Познание в социальном контексте*. М., 1994; *Смирнова Н.* Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // *ОНС*, 1995, № 1; *Смирнова Н.* Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // *ОНС*, 1993, № 1; *Федотова В.* Классическое и неклассическое в социальном познании // *ОНС*, 1992, № 4. (*Здесь и далее — примечания В. В. — А. А.*)

4. Классические социальные и исторические концепции основаны, как правило, на идее **универсальной историчности**, осмысливающей исторический процесс в его единстве и общей направленности. Разнообразие исторической и социальной реальности рассматривается лишь как инварианты такой эволюционно-структурной целостности.

5. В центре классического понимания социума находится интерпретация «ставшего» (бытия как постоянства), но не «становящегося» (бытия как незавершенности). За таким пониманием стоит признание надисторического и надсоциального (трансцендентного) универсума — идеального прототипа, прафеномена, прообраза порядка и гармонии, сообразно которому должна организовывать себя «земная» жизнь человеческих сообществ. Отсюда вытекают, во первых, принципиальная **объективация социального знания** (позиция внешнего наблюдателя, противоположение субъекта и объекта), и во вторых, преимущественный теоретический интерес к проблемам **устойчивости, равновесности** в социальном мироупорядочении.

Переход к неклассическому социальному видению в конце XIX — начале XX вв. был связан с появлением таких философских течений, как философия жизни, феноменология, возрождением интереса к герменевтике в ее социальной интерпретации (Х. Г. Гадамер). Исторически и тематически этот переход совпал с этапом кризиса естествознания и явился его методологическим инвариантом. Данный кризис в общеметодологическом и философском плане инициировал интерес к проблемам становления, необратимости развития (т. е. возможности развития как регресса), динамике организации и дезорганизации. Но главным образом были подвергнуты пересмотру эпистемологические основания классического знания, произошел перенос гносеологических акцентов на субъективную интерпретацию, релятивизм, многомерность истины.

Субъективизация познания означала бунт познающего субъекта против классического рационализма и объективизации. В центре мыслительного мира встал **живой** человек, укорененный в процессах живой жизни. Стала размываться характерная для классического философствования позиция познающего субъекта как внешнего наблюдателя, поднятого **над** реальностью и способного оценивать и судить ее.

Все эти изменения самым существенным образом сказались на принципах построения социальной теории и на образе социального мироустройства. В частности, применительно к философии истории стало возможным даже говорить о ее завершении, точнее о завершении ее «классического проекта» как постижении единой всемирной истории в ее целостности, предопределенности, общей направленности и смысле. Если познающий субъект находится **внутри** истории и способен через субъективную интерпретацию фиксировать разные ее срезы и придавать им разный смысл, то история никогда не будет завершена. Как писал Я. Ясперс,

«...история не завершена, она таит в себе бесконечные возможности; любая концепция познанного исторического целого разрушается, новые факты открывают в прошлом не замеченную нами раньше истину. То, что прежде отпадало как несущественное, обретает первостепенную значимость. Завершение истории кажется нам невозможным, она движется от одной бесконечности в другую...» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 276-277).

Включение исторического человека в смыслообразование истории меняет и образ будущего — будущее общества предстает в его открытости спектру возможностей, реализуемых людьми, в вариативности и альтернативности. Поэтому, как замечает Ю. В. Перов, философия истории в XXI в. вряд ли сможет

стать монистичной. Она будет скорее всего выражаться в различных теоретических «проекциях», совмещение и наложение которых могут приблизить нас к искомому результату, хотя исчерпанность подходов никогда нельзя предполагать. Впрочем, вопрос о совместимости таких мыслительных конструкций — дело будущего. (Философия на рубеже веков. СПб., 1996, с. 158-160).

Аналогичный методологический разворот мы наблюдаем в социальной философии и теоретической социологии, в связи с появлением герменевтики Х. Г. Гадамера и понимающей социологии М. Вебера.

<...> Понимающая социология, возникшая как противопоставление позитивизму и натурализму в социологии, опиралась на идеи В. Дильтея о принципиальной специфике социального познания: социальное знание основано на понимании, прямом постижении, тогда как естественным наукам свойственно не прямое, выводное знание = знание как объяснение.

М. Вебер, пытаясь смягчить эту методологическую оппозицию, с одной стороны, признавал специфику социального действия как имеющего субъективный (переживаемый) смысл, с другой стороны, рассматривал понимание лишь как источник формирующихся научных положений (гипотез), которое должно быть верифицировано сугубо научными методами. Таким образом социология **понимает** социальные действия, **интерпретируя** их.

Одним из последних и наиболее продуктивных выражений понимающей социологии явилась **феноменологическая социология**, которая в настоящее время выступает наиболее действенной альтернативой классическому социальному знанию (ведущим концептуалистом здесь является А. Шюц). В рамках феноменологической социологии общество понимается как явление, созданное и постоянно воссоздаваемое в духовном взаимодействии индивидов, в процессах межиндивидуальной коммуникации. Социальный мир осмысливается в его сугубо человеческом бытии — повседневном, индивидуальном. В поисках истинных оснований социальной жизни акцент переносится с макромира объективных процессов на **микромир повседневности**. Вместе с тем, вводимое феноменологической социологией понятие интерсубъективности позволяет увидеть, если можно так выразиться, вертикальную динамику в становлении социального знания — от единичных субъективных значений, которые формируются в потоке переживаний и опыта индивидуального субъекта («конструкты первого порядка», до высокогенерализованных, интерсубъективно-обоснованных конструкций науки об обществе («конструкты второго порядка»). <...>

Так наука связывается с повседневностью, а научные понятия обретают истоки и фундамент в повседневном знании и деятельности. При этом наука не обладает правом на исключительную объективность и истинность в суждениях о социальной жизни. Она является всего лишь одним из «миров опыта» (другие подобные миры — мир художественной фантазии, мир религиозной веры и др.). В каждом из этих миров группируются данные определенного опыта, каждый из них обладает своим «когнитивным стилем».

Естественно, что при провозглашении такой многомерности и «многомирности» социальной действительности возникает вопрос о социокультурной **соизмеримости** различных пластов социального опыта, рассматриваемых в качестве уникальных, самоценных и несводимых друг к другу. Ответ на этот вопрос предлагает так называемая социология повседневности.⁶⁴ Именно сфера повседневной жизни человека с ее синкретичностью, нерасчлененностью, слитностью познания с практической деятельностью выступает реальным социально-онтологическим обоснованием культурной соизмеримости. <...>

В целом феноменологическая (неклассическая) ориентация в социологии, перенося исследовательский акцент на социокультурное многообразие, позволяет преодолеть «теоретическую дальность» классических глобальных социальных концепций, обращает внимание на те пласты жизни, которые прежде ускользали из круга теоретического анализа. Но что не менее важно, неклассический взгляд на проблемы социума стимулирует новую методологию социального познания — систему «мягких» методов и «смыслосберегающих» интерпретаций.

Обозначим в общих чертах методологическую альтернативу классической и неклассической социальной теории.

В отличие от универсальных классических социальных концепций, охватывающих все стороны общественной жизни в единой теоретической схеме, феноменология утверждает универсальность субъективности. В строгом смысле феноменологическая социология не теоретична, она часто сводится к повествовательному описанию отдельных сторон социальной жизни, из которых складывается относительно целостный, но мозаичный образ...

Козлова Н. Социология повседневности // Общественные науки и современность, 1992, № 3.

Ремарка: социология — дальнорукая либо близорукая...

*Если классическая социология страдает таким «дефектом зрения», как теоретическая дальность, то неклассическая, пожалуй, страдает своего рода «теоретической близорукостью». Откуда следует, что необходимо **соотнесение** «социальных картин», получаемых той и другой, иначе говоря — **взаимодополнение и интеграция** разных способов социального видения.*

В чем, кстати, видел выход «из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии» Питирим Сорокин (см. выше: раздел П.23.3). (Январь 2004).

...Если в рамках классической познавательной традиции критерием научности выступает построение особой реальности идеализированных объектов, то феноменология ищет истоки и аргументацию для своих теоретических моделей в повседневном жизненном мире.

В то время как классическая социология разделяет социальные действия на рациональные и нерациональные (в соответствии с заданной ею схемой средств и целей), феноменология пытается исследовать различные формы рациональности, за которыми она усматривает различные варианты человеческого поведения.

Если классическая социология ориентируется на строгость и однозначность своих понятий, то в феноменологической традиции любое понятие обладает «открытым горизонтом значения» и вследствие этого — определенной смысловой «непрозрачностью».

Группируя подобное сопоставление классической и неклассической парадигм социального познания, Н. Смирнова уподобляет их **законодательному и интерпретационному** разуму:

«Законодательный разум самодостаточен и вещает с позиций абсолютного превосходства, интерпретативный же ведет диалог и заинтересован в его продолжении. Осуществление подобных «диалогических» функций в условиях нестабильного социума соответствует реальностям и потребностям современной жизни» (Смирнова Н. Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // ОНС, 1995, № 1, с. 137).

Постмодернистский (постнеклассический) этап в развитии методологии социального познания, ставший в последнее время на Западе своеобразной интеллектуальной модой, есть вариант некоего методологического экстремизма. В его рамках осуществляется отказ от фундаментальных гносеологических категорий (например, объекта и субъекта), а стихия языка и «языковые игры» полагаются единственной реальностью социально-философского исследования. «Ему соответствует и картина социального мира, разорванного на множество плохо совместимых, наплывающих друг на друга фрагментов. Его олицетворяет и мелькание картинок перед взором субъекта, блуждающего по каналам телевизионных программ или компьютерных игр» (Смирнова Н. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // ОНС, 1993, № 1, с. 81). Современный этап в развитии отечественной социальной теории, отражая общенаучную ситуацию, имеет некоторые особенности. Как и в естественнонаучной эвристической палитре, в современных науках об обществе перемешаны и сосуществуют методологические установки классического, неклассического и отчасти постнеклассического общественнознания (хотя последнее еще слабо приживается в отечественной социологии и социальной философии).

Причем такое промежуточное положение, когда новая социологическая парадигма еще не утвердилась и не получила достаточного рационального обоснования, а старая продолжает удерживать ключевые позиции (особенно в образовательной практике) — это положение порождает как ряд кризисных проблем, так и открывает широкие прорывные возможности в развитии социальной теории. С одной стороны, как отмечает В. Алтухов, «...происходит противоречивое смешение токов, идущих от разных парадигм, и этим обусловлены необычайная внутренняя разнородность современных знаний, мощная их релятивизация, доходящая до крайних форм методологического и гносеологического анархизма» (Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // ОНС, 1993, № 1, с. 99)

С другой стороны, нельзя не отметить, что сложившаяся ситуация чрезвычайно благоприятна для новационного методологического поиска — идет не просто освоение всего спектра современных социологических теорий, не просто плюралистический перебор объяснительных моделей и концепций, но начинается работа по выработке реального, рационально обоснованного **мировоззренческого и методологического синтеза**, базирующегося на выработке общих принципов соотношения, соизмеримости и взаимодополнительности различных методологических и общетеоретических подходов. <...>

Вкратце

Далее автор рассматривает современные обращения, в частности, отечественных исследователей к концептуальному кругу синергетики, как способу выработки некоего «теоретического компромисса» между классической и неклассической парадигмами социального знания.

...По нашему мнению, еще рано говорить о возникающей целостной философии социальной самоорганизации или теории социосинергетики. Но уже сейчас можно определить те методологические основания, которые позволяют синергетическому социальному видению **синтезировать классические парадигмальные наработки и неклассическую интерпретацию социума и**

таким образом обозначают основные очертания целостной концепции развития общества как самоорганизующейся, многомерной и нелинейной системы. Ключом к новому социальному видению является, на наш взгляд, проблема **соотношения бытия и становления**, ставшего и становящегося.

<...> И. Пригожин, обосновывая конец эпохи «безапелляционных суждений и взаимоисключающих позиций», обращается к трудам М. Мерло-Понти, признавая, что новая познавательная ситуация была раньше осознана в социологии как постулирование «истины в данной ситуации». В книге «Порядок из хаоса» приводится следующая цитата из работы М. Мерло-Понти «Философия и социология», ставшая программной для познавательной позиции синергетики:

«До тех пор, пока мой идеал — абсолютный наблюдатель, знание, безотносительное к какой бы то ни было точке зрения, моя ситуация является лишь источником ошибок. Но стоит лишь мне осознать, что через нее я связан со всеми действиями и всем знанием, имеющим смысл для меня, и что она постепенно наполняется всем могущим иметь смысл для меня, и мой контакт с социальным в ограниченности моего бытия открывается мне как исходный пункт всякой, в том числе и научной, истины, а поскольку мы, находясь внутри истины и не имея возможности выбраться из нее наружу, имеем некоторое представление об истине, все, что я могу сделать, — это определить истину в рамках данной ситуации» (Цит. по: *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. М., 1986, с. 371).

Сам Пригожин обозначил эту проблему как дилемму «актер и зритель». Он считал, что общество, как и природу, нельзя рассматривать «извне», с позиций зрителя. Такое описание должно разворачиваться как диалог, коммуникация. Однако синергетическая методология не есть субъективистский релятивизм. Само возведение проблемы становления в ранг универсальной сохраняет объективные основания познания, ориентацию на поиск устойчивости, повторяющихся «структур порядка» в неустойчивом, стохастически организуемом мире.

Возникает новая и, на наш взгляд, весьма конструктивная исследовательская позиция — **«становящийся» познающий субъект в «становящемся» познаваемом мире** [выделено мною. — А. А.]. Истина не дана, она формируется и изменяется в процессе познания. Поэтому безапелляционность в суждениях должна сменяться большой осторожностью в оценках.

Говоря словами Н. Моисеева,

«...все наблюдаемое нами, все, в чем мы сегодня участвуем, — это лишь фрагменты единого мирового синергетического процесса... Все развитие нашего мира выглядит сложной борьбой различных противоположных начал и противоречивых тенденций на фоне непрерывного действия случайных причин, разрушающих одни устойчивые (точнее — стабильные) структуры и создающие предпосылки для появления новых» (*Моисеев НН. Алгоритмы развития*. М., 1987, с. 63).

Если же человек начинает воспринимать себя как существо, **погруженное** в единый мировой процесс самоорганизации, но вместе с тем и как существо, **постигающее** логику этого процесса, то его оценка социального мира расширяется, но не сужается. Он вступает в живой диалог, коммуникацию со своим историческим временем, со всеми элементами своего социума — и дружественными, и враждебными. <...>

(В.В. Василькова. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). М.: Лань, 1999, с. 195-206)

[Я вполне солидарен с представленной здесь пронизательной историко-научной и эпистемологической рефлексией петербургского социального философа. – А. А.]

(10)

<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/subekt-subektnaya-sociologiya-ili-povorot-k-antropocentrizmu-okonchanie>

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ ПОВОРОТ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. ОКОНЧАНИЕ

Автор: А. Алексеев — Дата создания: 08.07.2017

Извлечения из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» и некоторых других работ автора. Предмет обсуждения – эпистемологические проблемы социологии. А. Алексеев.

Цит по: Алексеев А.Н., Ленчовский. Профессия – социолог... Том 2. СПб.: Норма, 2010

6.4. От синкретизма — через дифференциацию — к синтезу

Этот раздел посвящается памяти моего покойного друга Сергея Михайловича Розета (1940-1994).

А.Н. Алексеев

ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ И ЛОГИКЕ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ¹⁶¹

“...Для беглой оценки того, развивается ли наука или не развивается, как раз отсутствие кризисов является подозрительным, и если такое “благополучное” состояние длится слишком долго, можно почти без ошибки сказать, что наука пришла в состояние догматического застоя”.

А. А. Любищев. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб.: Алетейя, 2000, с. 96

161 Впервые опубликовано в: XVIII Любищевские чтения. Современные проблемы эволюции. Ульяновск: Ульяновский гос. Педагогический университет. 2004. Расширенный вариант этой работы: От синкретизма – через дифференциацию - к синтезу (об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004, № 6). (Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content12012582035821file.pdf.)

1. Первоначальная версия этой работы была подготовлена несколько лет назад и уже публиковалась мною [1; 2]. Речь там шла о соотношении разных теоретико-познавательных подходов к изучению человека и общества. (Эти подходы иногда называют “парадигмами”, говорят также о “парадигмальном кризисе” в социологии).

Однако в предыдущих публикациях автору никак не удавалось найти точного терминологического определения для пары конкурирующих в современной социологической науке эпистемологических “парадигм”. Поэтому вернусь к этой теме, не просто развивая ее, но и отказавшись от прежних “рабочих” названий: “объективная” и “субъективная” социологии, — и заменив их на иные, вполне, как я считаю, адекватные предмету обсуждения, а именно: *субъект-объектный* и *субъект-субъектный* эпистемологические подходы (способы познания) в социологии.

Эта пара терминов, так сказать, витала в воздухе, но первым ее употребил (в связке) мой, ныне покойный, друг, петербургский социолог С. М. Розет (1940-1994). И для прояснения сути дела, и для подтверждения приоритета коллеги — приведу пространную цитату из его работы 1992 г.:

“Социальное познание в мире подавления и отчуждения субъектности было субъект-объектным. “Исследователь”, как потенциальный советник истеблишмента (на Западе) или номенклатуры (у нас), отчуждал субъектность от “Исследуемого” и от совокупности “Исследуемых”, превращая и его, и совокупность в социальный объект, объект исследования, управления, планирования и проектирования.

Опредмечивание “Исследуемого” связано с опредмечиванием “Исследователя”, с выведением его за счет присвоенной чужой субъектности из нормальной человеческой позиции в сверхчеловеческую (в сущности, объектную), как носителя и обладателя “Объективной истины” и “Научного метода”, с установлением вертикальных отношений между этими двумя людьми. Но если для “Исследуемого” подвергнуться исследованию — это неприятный эпизод, приносящий незначительный ущерб, то для “Исследователя”, профессионально вовлеченного в эту гносеологическую ситуацию и вынужденного идентифицировать себя с “Методом”, “Истиной”, сверхчеловеческой позицией, ущерб от объективации может быть значительным, вплоть до обеднения или атрофии личностного, ценностного, эмотивного начала.

В данной работе мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом “Исследуемого” и “Исследователя” по поводу темы исследования, без монополии на “объективную истину” у сторон.

...В рамках субъект-субъектной методологии опросный лист представляет собой аспект сюжета жизненного пути респондента. Сам сюжет представляет собой индивидуальные способы разрешения конфликтов, и построения отношений сотрудничества. Сюжет неразрывно связан с именем респондента, но в некоторых отношениях может быть типологизирован по сюжетному сходству или вовлеченности в межиндивидуальный или надиндивидуальный (групповой) сюжет. Респондент превращается в собеседника “Исследователя”, по возможности заинтересованного в теме исследования и становится автором версии конфликта и соавтором исследования...” [3, с. 553-555].

Интересно, как при этом формулирует мой коллега свое отношение к альтернативной социологической “парадигме”:

“...Несмотря на критический пафос приведенных обоснований, предполагаемый конфликтологический подход лишь очерчивает область субъект-субъектного познания, оставляя субъект-объектному познанию адекватную ему реальность” [3, с. 555].

Все это писано без особой теоретической амбиции, в применении к конкретному предмету исследования (социальные конфликты в новых российских условиях), но нетрудно заметить и фундаментальность выдвинутой гносеологической дилеммы.

Глубинные концептуальные корни заявленной тогда С. М. Розетом методологической позиции могут быть обнаружены не только в рамках социологической науки как таковой (о чем ниже), но и в мирожизненных, философских размышлениях А. А. Ухтомского о “доминанте на лицо другого” и о потенциальном (актуальном?) “тождестве субъект-объекта” [см. 4; 5], и в философии А. Швейцера, трактовавшего “знание как переживание мира” и постулировавшего “внутреннюю связь” познающего субъекта с миром [см. 6], и в теории познания М. Полани, где главный акцент делается на “личном участии” исследователя и его “самоотдаче” в ходе постижения реальности [см. 7], и в постановке П. Сорокиным, в конце жизни, вопроса о “действительной идентификации познающего и познаваемого” [см. 8].

А теперь — обратимся собственно к предмету нашего обсуждения, обозначенному в названии настоящей работы.

2. Общую логику развития научного знания можно усмотреть в движении *от синкретизма через дифференциацию к интеграции и синтезу*. Эта логика универсальна, однако она специфицируется в каждой из ветвей “древа познания”, будь то естественно-научное, формально-абстрактное или социально-гуманитарное знание (и отношения между ними), будь то отдельные научные отрасли и дисциплины.

В частности, история социологии, конституировавшейся в качестве научной дисциплины и социального института немногим более 100 лет назад, эту логику подтверждает. Хотя историческое время для реализации указанной закономерности тут было поменьше, чем для других не столь “молодых” наук. Другим общим для науки в целом, равно как и для отдельных ее отраслей, законом развития полагается, согласно Т. Куну, движение *от допарадигмального* (эклетичного) состояния *к нормальной науке*, в которой устанавливается господство определенной парадигмы (или “дисциплинарной матрицы”), как системы теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решаемых научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества. Далее, в недрах такой науки, под воздействием как внутри-, так и вненаучных (социокультурных) факторов, вызревает новая парадигма, с существенно большими познавательными возможностями, которая в конце концов, в итоге *научной революции*, становится общепризнанной [См. 9; 10].

Эту логику развития, убедительно подтверждаемую историей естественных наук, иногда слишком поспешно экстраполируют на науки социально-гуманитарного профиля, динамика которых вовсе не обязательно укладывается в антикумулятивную историко-научную модель.

Так, в истории развития социологической науки мы сегодня как будто наблюдаем (переживаем) период смены дисциплинарной матрицы. Вроде бы, существенно обветшали устои “классической” (структурно-функционалистской и позитивистской по преимуществу) социологии, при все большем выдвигании на

передний план идеалов и норм социологии “неклассической” (“экстраординарная наука”, по Т. Куну). Эту последнюю иногда определяют как *качественную* (в отличие от количественной), как *индивидо-* или *антропоцентричную* (в отличие от социоцентричной), как *микросоциологию* (в отличие от макросоциологических подходов), как использующую “мягкие” или “гибкие” методы (в отличие от “жестких” и строгих), как *интерпретативную* (в отличие от аналитической или дискурсивной), как гуманитарную или *гуманистическую* (в отличие от сциентистской?) — некоторые из наименований уже приобрели терминологический статус [11; 12].

Решительное наступление этой новой парадигмы, началось в мировой социологии еще в 60-х гг. прошлого века, а в отечественной — с отставанием по фазе примерно на четверть века. Что сопровождалось поначалу (и на Западе, и у нас) крайне острой идейно-научной полемикой между поборниками “нормальной” и “не нормальной” социологии (например, в России: [13; 14; 15]). Сейчас, научные страсти вроде поутихли. Пожалуй, можно сказать, что разные стратегии социологического исследования, сосредотачивающие свое внимание либо на структурных социальных единицах (общностях, институтах), либо на сознании и деятельности “человека живущего” (оппозиция, сформулированная Т. М. Дридзе [16, с. 22]), — относительно мирно сосуществуют. Но, они пока далеки от эффективного сотрудничества.

Автора этих строк, по всей совокупности его личных профессиональных усилий, вероятно, следует отнести к труженикам именно гуманистической, или “качественной” социологии [см., например: 2; 17; 18]. Однако, в качестве такового, я вовсе не считаю, что этой последней следует или суждено вытеснить или поглотить социоцентричную, аналитическую и т. п. социологию.

Здесь позволю себе усомниться в ставшей уже привычной трактовке “нестандартной” (включающей в себя феноменологические, акционистские, интуитивистские, конструктивистские и иные “субъектные” социологические подходы) и “стандартной” (“объектной”, по выражению В. В. Ильина [13, с. 16]) социологий как разных “парадигм”. Ибо само по себе понятие *парадигмы*, по крайней мере у Т. Куна, связано с “научными революциями”, предполагающими своего рода парадигмальную инверсию; при этом новая парадигма обычно вбирает в себя старую как “частный случай” (для граничных условий).

Почему неправомерно, в случае социологии, говорить о “научной революции”, или смене парадигм? Да хотя бы потому, что один способ познания включить в себя другой *не может!* Ибо каждый из них ответствен за свой аспект, срез, круг явлений и процессов социальной реальности.

3. Теперь мы подошли к ключевому пункту нашего рассуждения — вопросу об эпистемологической структуре (структуре — динамической, исторически развивающейся!) социологической науки.

Недостаточность одномерного бинарного подхода, с его оппозициями (да — нет, или — или) для адекватного описания реальности ныне обнаруживается все явственнее. На смену бинарному мышлению приходит и все более утверждается имеющий не менее, кстати, глубокие историко-культурные корни *тернарный* подход.

Опираясь на идеи тринитарной методологии, разрабатываемой Р. Г. Баранцевым [см., например: 19; 20], здесь предложим следующее представление о троичной эпистемологической структуре научного знания о человеке и обществе (= социологии):

(философская социология)

субъект-объектная
(аналитическая)
социология

субъект-субъектная
(интерпретативная)
социология

Такая структура соотносима с фундаментальным семантическим архетипом, иначе говоря — формулой системной триады [см. 19; 20]:

интуицию
(субстанция)

рацио
(анализ)

эмоцию
(качество)

Предлагаемая эпистемологическая модель, как я считаю, удовлетворяет главному требованию к системной триаде, а именно: требованию **целостности**, при соблюдении принципа “неопределенности — дополнительности — совместности”. Ибо *системными* (целостными) триадами полагаются такие структуры, “единство которых создается тремя элементами одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других; все три потенциально равноправны” [20, с. 26].

В самом деле. Социология, как некая целостность, системное единство, не может быть сведена ни к рациональному (субъект-объектное познание), ни к эмотивному или чувственному (субъект-субъектное познание), ни к интуитивному (социальная философия) аспектам самим по себе. Уже в синкретизме “донаучных” начал (генезиса) знания о человеке и обществе можно различить все три “корня”, причем социальная философия получила, пожалуй, самое раннее развитие. Так или иначе, ни один из трех названных аспектов не может претендовать на “исключительное положение” или безусловный приоритет перед другими.

Историческое развитие знания об обществе, происходившее, начиная с середины XIX века, под мощным влиянием естественных наук (физика, биология), выдвинуло именно *субъект-объектную* компоненту на первый план. А поскольку это тогда совпало с известным процессом дифференциации наук и становлением социологии как особой научной дисциплины (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм; в том же эпистемологическом ряду — и марксистская социология), названная компонента стала отождествляться со всем социологическим знанием, как его атрибут, а не один из модусов.

Примечательно, однако, что уже в трудах основателей научной социологии XX века (в частности, М. Вебера, еще ярче — у Г. Зиммеля) обнаруживаются предпосылки для позднейшей гуманистической критики структурно-функционального и позитивистского подходов, занявших главенствующее положение в мировой социологии к середине минувшего века. Поначалу не столь интенсивно развивалась *альтернативная* этим подходам интерпретативная социология, истоки которой принято возводить к “символическому интеракционизму” Дж. Мида, а можно поискать их и пораньше (в частности, в “понимающей социологии” Вебера).

Тем не менее, идеи этого альтернативного субъект-объектному социологическому познанию научного движения, ярко воплотились в трудах “чикагской школы” (У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджес; 20 - 30-е гг.), а

окончательно теоретически конституировалось это движение уже во второй половине прошлого века — в “феноменологической школе” (А. Шюц; П. Бергер и Т. Лукман).

Методология “case study” (истоки которой лежат еще в XIX веке), методология изучения “историй жизни” (от начала века до наших дней), “франкфуртская школа” (Т. Адорно, Г. Маркузе и др.), “диалектический гиперэмпиризм” Ж. Гурвича, “этнометодология” Г. Гарфинкеля, “драматургическая социология И. Гофмана, “фигуративная социология” Н. Элиаса, “социология действия А. Турена, “социологическое воображение” Ч. Р. Миллса, “этика дискурса” Ю. Хабермаса, “археология знания” М. Фуко — все эти, *столь разные* социологические школы и направления социальной мысли так или иначе, прямо или косвенно, оказывались в оппозиции той самой “классической” субъект-объектной социологии XX века, к заглавным фигурам и мировым корифеям которой, после Э. Дюркгейма, относятся, например, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Лазарсфельд, в известном смысле — Дж. Гэллап.

Как видно, доминировавшая на протяжении почти столетия стратегия социологического исследования, исходящая из эпистемологической предпосылки жесткого разделения (разграничения, оппозиции) познающего субъекта и познаваемой реальности, в интересах объективности (научной беспристрастности, неангажированности, ценностной нейтральности) познания (субъект-объектная социология), в известном смысле даже... “не старше” субъект-субъектной социологии (она же — “деятельностная”, “личностная”, а также интерпретативная или “понимающая”).

Но вот последние десятилетия, как известно, ознаменованы настоящим бумом качественных (“мягких”, “гибких”) методов, пожалуй, претендующих сегодня стать ведущими в практике полевых, эмпирических социологических исследований. Что это — смена парадигмы, в смысле Т. Куна? Думаю, вовсе нет. Скорее — установление (восстановление?) баланса, преодоление известной “однобокости” предыдущих, сциентистских этапов генезиса и развития данной области научного знания (в “классическом” духе).

Обратимся к третьему элементу нашей триады социологического познания. По мысли Ю. Н. Давыдова, *социальная философия* — в узком смысле — может рассматриваться как “раздел общей социологии”, посвященный “осмыслению таких результатов (проблем, антиномий) социологической теории, которые не могут быть “верифицированы” с помощью ее собственных познавательных инструментов” [21, с. 22-23].

Как тонко замечено В. В. Шамшуриным, “социология без социальной философии — безродна, а социальная философия без социологии — бесплодна” [22, с. 68-69]. Однако социальная философия (она же — по существу философская социология!), в отличие от двух заведомо социологических теоретико-познавательных “парадигм”, пока как бы не вмешивается в их спор и соперничество (занимаясь по преимуществу “сугубо своими” — мироотношенческими и смысложизненными вопросами).

Между тем, как мне представляется, именно социальной философии (до сих пор “не опознанной” в качестве элемента системной триады социологического знания, как такового) скорее всего и предстоит выступить в качестве “арбитра” и “гаранта” адекватного со-отнесения (разрешения конфликта, согласования усилий) субъект-субъектной и субъект-объектной “ветвей” социологии.

“В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру со-единения”, — отмечает Р.Г. Баранцев [23, с. 64]. Это важнейшее положение тринитарной методологии

заслуживает применения и к эпистемологической структуре социологического познания.

Если попытаться взглянуть на современную ситуацию в социологии как бы со стороны (философически?), и с учетом известной историко-научной ретроспективы, можно, пожалуй, придти к следующему заключению:

— Неравномерная, поочередно интенсивная или опережающая (в пределах отдельно взятого исторического периода), своего рода — *пульсирующая* реализация (и распространение) исследовательских практик, опирающихся на тот либо иной эпистемологический подход (что эмпирически может быть воспринято как “смена парадигмы”, а на самом деле — всего лишь намерившегося “отставания” применений одной относительно другой), является и закономерным и, вместе с тем, “счастливым” обстоятельством развития мировой социологии.

Ибо тем самым обеспечивается нелинейность научного развития, происходит самоорганизация социального знания как динамической и открытой системы.

4. Вернемся к началу нашего рассуждения. Из сказанного можно сделать вывод, что мы являемся свидетелями (участниками?) очередного этапа глобального движения знания о человеке и обществе *от синкретизма через дифференциацию* (а теперь, добавим: и через *плюрализм*, и через *диалог!*) к *синтезу*. Это движение не бесконфликтно, порой — кризисно (что, само по себе, благотворно; вспомним пронизательное замечание А. А. Любищева, вынесенное в эпиграф!). В известном смысле, современное развитие социологии является “нормально-экстраординарным”. Это вовсе НЕ “просто поступательное” движение, с кумулятивным эффектом; но и **не** “научная революция” (смена парадигмы, когда новая отрицает старую, включая ее в себя как “частный случай” и т. п.).

Здесь уместно указать на уже предпринимаемые теоретические (кстати — социально-философский уровень!) усилия по разработке объединительных (интегральных) подходов к изучению человеческого и социального мира. В центр внимания таких социологических подходов выходит — *взаимодействие человека и общества*, динамическая взаимосвязь социальных структур и социальных акторов. В частности, С. В. Кравченко к разряду объединительных “парадигм” в современной социологии относит: теорию структуризации А. Гидденса, “структуралистский конструктивизм” П. Бурдьё, структурно-деятельностную социологию П. Штомпки [см. 24, с. 200].

А первые попытки такого рода находим еще в 50-х гг. минувшего столетия. Например, Ч. Р. Миллс, который в своей последней работе (1959) формулировал задачу социологии как обеспечение — посредством *социологического воображения!* — понимания человеком того, “*что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории*” [25, с. 16]. И — еще раньше! — Питирим Сорокин выступил со своей интегралистской концепцией знания о социальной реальности.

По мысли П. Сорокина (середина 50-х), “коронная дорога” психосоциального знания состоит в *интеграции трех основных “каналов” или методов познания*: сенсорного восприятия-наблюдения, рассудочной логико-математической мысли и сверхчувственно-сверхрациональной интуиции.

Именно согласованное использование всех указанных каналов “...*дает нам знание о всех трех аспектах нашей реальности, тогда как пользование только одним из них обеспечивает знание лишь об одном аспекте. При интегрированном использовании всех трех каналов знание, получаемое через*

один из них, дополняется и проверяется знанием из других двух каналов,” — писал П. Сорокин в своей (до сих пор не изданной в России книге “Причуды и слабости современной социологии и родственных наук” (1956) [8, с. 122].

В свете всего сказанного, любой из элементов тернарной эпистемологической структуры современной социологии (см. предложенную модель, выше) предстает недостаточным для постижения социальной реальности, как *целого*. Но и без любого из них такое постижение невозможно. Между разными теоретико-познавательными подходами в социологии может и должно быть установлено не только “разделение труда” (сфер интересов, предметных областей), но и отношение *взаимодополнительности*. Это было бы значимым шагом на пути к синтезу.

Подчеркну, что синтеза следует ожидать вовсе не в виде некой “всеобъемлющей” социальной теории, объясняющей “все и вся”; и уж тем более — не в виде нового, “научно-обоснованного” учения-проекта переустройства мира. Вообще, ИНТЕГРАЛЬНОЕ социологическое познание (постижение?), как и всякий синтез, предполагает “единство целого при свободе частей” [23, с. 65].

* * *

Если вспомнить одну из фундаментальных триад, сложившихся в истории человечества, то можно метафорически сказать: “тело”, “душа” и “дух” знания о социальном мире должны составить систему — *открытую*, как для взаимопроникновения (взаимообогащения) своих составных частей, так и для всего универсума человеческого знания.

Литература

1. Алексеев А.Н. К вопросу о “парадигмах” в социологическом знании / Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении гражданского общества. Ч. 2. СПб, 1999).
2. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-2. СПб.: Норма, 2003.
3. Розет С. М. К теории конфликта в социологии / А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003, с. 553-556.
4. Ухтомский А.А. Письма к Е. И. Бронштейн-Шур / Писатели рассказывают о науке . Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973.
5. Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
6. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
7. Полани М.. Личностное знание. На пути в посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
8. Сорокин П. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект, 1998, № 2/3.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
10. Хомич Е.В. Парадигма / Новейший философский словарь. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998.
11. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.
12. Семенова В.В. Качественные методы; введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
13. Ильин В.В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? // СОЦИС, 1996, № 10.

14. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о “качественной социологии” // Социологический журнал, 1994, № 2.
15. Дридзе Т.М. На пороге эоантропоцентрической социологии // Общественные науки и современность. 1994, № 4.
16. Дридзе Т.М. Эоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // СОЦИС, 2000, № 2.
17. Алексеев А.Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997.
18. Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.
19. Баранцев Р. Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза / Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989.
20. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М. УРСС, 2003.
21. История теоретической социологии. Том 1. М., 1995. Введение.
22. Шамшурин В. В. “Гуманитарная” социология: новые перспективы и старые проблемы // СОЦИС, 1994, № 2.
23. Баранцев Р.Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996.
24. Кравченко С.А. Парадигма / Учебный социологический словарь. М.: Экзамен, 1999.
25. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998.

Конец тома 3